ПОЛ
МАКОЎЛИ

ДИТЯ РЕКИ
КОРАБЛЬ ДРЕВНИХ
ЗВЕЗДНЫЙ ОРАКУЛ

ДИТЯ РЕКИ
КОРАБЛЬ ДРЕВНИХ
ЗВЕЗДНЫЙ ОРАКУЛ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

ПОЛ
МАКОЎЛИ

ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ

PAUL J.

McAULEY

CHILD OF THE RIVER
ANCIENTS OF DAYS
SHRINE OF STARS

ПОЛ

МАКОУЛИ

ДИТЯ РЕКИ
КОРАБЛЬ ДРЕВНИХ
ЗВЕЗДНЫЙ ОРАКУЛ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2003

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
М16

Серия основана в 1999 году

Paul J. McAuley
CHILD OF THE RIVER
1997
ANCIENTS OF DAYS
1998
SHRINE OF STARS
1999

Перевод с английского Е.В. Моисеевой

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Подписано в печать 5.07.03 г. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 43,68. Тираж 8000 экз. Заказ № 2687.

Макоули П.
М16 Дитя реки. Корабль Древних. Звездный Оракул: Фантаст. романы / П. Макоули; Пер. с англ. Е.В. Моисеевой. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 828, [4] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-022004-9

Трилогия Слияния...

Искусственно созданный мир. Мир гигантской, сквозь космос текущей Реки. Мир ее побережий и островов, ее тайн и загадок...

Мир, ставший домом для тысяч странных рас, чей геном преобразован был некогда таинственными Хранителями, давно исчезнувшими где-то в Черной Дыре. Мир, брошенный своими богами. Мир, в который недавно вернулись древние — прародители Хранителей, еретические боги, затерявшиеся во времени и пространстве соседней галактики.

Мир, в который однажды пришел Йама. Юноша, носивший на себе печать Судьбы — и две способности. Способность управлять машинами, что царят над народом Слияния, — и способность узнавать истину там, где истину узнать невозможно.

Отныне лишь от Йамы зависит — каким быть исходу войны, что несет перемены миру Слияния. Лишь Йама в силах понять, ВОЗМОЖНО ЛИ спасти этот мир от грядущего разрушения.

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Paul J. McAuley, 1997, 1998, 1999
© Перевод. Е.В. Моисеева, 2001, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2004

ДИТЯ РЕКИ

Посвящается Каролине — тихой гавани сердца.

Восславим Бога! Ибо слово Миры в движенье привело, Законом Зло оно сковало, Его презренью обрекло.

Кемпторн

1. БЕЛАЯ ЛОДКА

Констебль Эолиса, человек прагматичный и хитрый, в чудеса не верил. На его взгляд, все должно иметь свое объяснение, и, желательно, объяснение простое.

— Чем нож острее, тем чище срез, — частенько говаривал он своим сыновьям. — Если кто-то слишком много болтает, то наверняка врет.

Но до конца своих дней он так и не нашел объяснения истории с белой лодкой.

Случилось это однажды ночью, в самой середине лета, когда в огромном черном небе над Великой Рекой сияла лишь размытая россыпь звезд, и Око Хранителей, величиной с ладонь, не больше, тускло светилось красной воронкой. Горстка огней Эолиса — городка вовсе не крупного — и огоньки стоящих на якоре карак горели ярче любого небесного светила.

Люди Эолиса с трудом переносили летний зной. Весь день они спали подле своих бассейнов и фонтанов, принимаясь за работу, только когда Крайние Горы цепкими челюстями впивались в заходящее солнце, а отдыхать отправлялись, лишь только обновленное светило возникало поутру над пиками вершин. Летом лавки, таверны, мастерские ремесленников не закрывались с сумерек до самого рассвета. В полночь рыбачьи лодки отправлялись за добычей по черным речным водам, вылавливая светящихся в ночной тьме полипов и бледных креветок, а улицы Эолиса заполнялись толпами людей, и неумолчный гомон толпы разносился по ярко освещенным набережным под оранжевым светом фонарей. В летнюю ночь огни Эолиса сияли на объятом тьмою берегу, как маяк.

В ту самую ночь констебль и два его старших сына возвращались на веслах в своей небольшой лодке — скифе — в Эолис. На борту, кроме них, находились два странствующих речных торговца. Их арестовали за попытку доставить тюки с контрабандными сигаретами горным племенам, жившим на диких бере-

гах Эолиса. Часть груза — мягкие тюки, упакованные в пластик и промасленную ткань, — была сложена в носовом трюме, а сами торговцы, связанные, как бараны на закланье, лежали на корме. В короткой перестрелке пострадал мощный мотор лодки, и теперь сыновья констебля, ростом не ниже своего отца, сидя бок о бок на средней банке, выгребали против течения. Сам констебль расположился на высокой корме лодки, на кожаной подушке, и направлял судно к маячившим вдалеке огням Эолиса.

Констебль то и дело прикладывался к кувшину с вином. Был он человек крупный, с серой обвислой кожей, черты лица грубые, будто второпях вылепленные из глины. Из-под пухлой верхней губы торчала пара клыков — острых, как кинжалы. Один клык сломался, когда констебль дрался со своим отцом и убил его. Потом он поставил на клык серебряную коронку, и она клацала о горлышко кувшина всякий раз, когда констебль делал глоток вина.

Настроение у констебля было мрачное. Та половина груза, что достанется ему (вторая отойдет эдилу, если тот хоть на минуту оторвется от своих раскопок, чтобы огласить приговор торговцам), принесет солидную прибыль, но вот арест прошел не гладко. Речные торговцы наняли для охраны целую банду негодяев, и те оказали отчаянное сопротивление, пока констебль и его сыновья с ними не справились. На плече констебля была глубокая рана, удар рассек жир и достиг мышцы, а спину рикошетом обожгла пуля, та самая, что попала в мотор лодки. К счастью, оружие, сделанное наверняка еще до основания Эолиса, при втором выстреле взорвалось и убило стрелявшего, однако констебль чувствовал: не следует слишком долго полагаться на удачу. Он стареет, теряет сноровку, ошибается, прежняя сила и прыть уходят. Он знает, рано или поздно один из сыновей бросит ему вызов. Может, сегодняшняя бестолковая заваруха — предвестник его падения? Как все сильные люди, он хуже смерти страшился собственной слабости, ибо лишь силой он умел измерять ценность всего окружающего.

Он то и дело оборачивался взглянуть на догорающую лодку контрабандистов. Она сгорела до ватерлинии, и теперь остатки ее мерцали неверным светом, качаясь на собственном отражении далеко-далеко на широкой глади реки. Сыновья констебля отогнали ее на илистую мель, чтобы течение не носило ее меж плавучих островков смоковниц, которые в это время года медленно кружат по заросшему водорослями мелководью, среди отмелей Великой Реки, связанные лишь тоненькими нитями корешков.

Из двух арестованных один лежал, будто сытый крокодил, в неподвижном оцепенении, очевидно, покорившись своей судьбе, а вот его напарник, высокий костлявый немолодой торговец, в одной набедренной повязке и размотавшемся тюрбане, все время пытался уговорить констебля их отпустить. Его свя-

зали рука к ноге, так что тело выгнулось наподобие лука, и теперь он лежал в люке, глядя на констебля снизу вверх, улыбаясь вымученной, жалкой улыбкой и широко раскрыв глаза, так что вокруг сузившихся зрачков были видны покрасневшие белки. Сначала он пробовал льстить констеблю, а теперь перешел к угрозам.

— У меня много друзей, капитан. Им не понравится, что ты меня запер в тюрьму, — говорил он. — Никакие стены не устоят перед их дружбой, ведь я — человек щедрый. По всей реке знают мою щедрость.

Рукоятью хлыста констебль стукнул торговца по тюрбану и уже в четвертый или пятый раз посоветовал ему замолчать. Судя по стреловидным татуировкам на пальцах, торговец принадлежал к одной из уличных банд, обитающих у древних причалов Иза. Кто бы ни были его друзья, они находятся в сотне миль вверх по реке, а завтра к вечеру и этот торговец, и его товарищ будут уже казнены.

Тощий торговец забормотал:

— В прошлом году, капитан, я дал денег на свадьбу сыну одного из моих самых близких друзей, который погиб в самом расцвете сил. Злая судьба не оставила его вдове ничего, кроме комнаты, которую она снимала, и девяти детей. Несчастная обратилась ко мне, и я в память о своем друге, его мудрости и добром нраве взялся все устроить. На празднике ели и пили четыре сотни людей, и всех я считаю своими друзьями. Чего только не было на столе: заливное из перепелиных языков, целые горы устриц, икра, мясо ягнят, мягкое, как масло, в котором его тушили.

В этом рассказе, может, и была чуточка правды. Может, старик и бывал на такой свадьбе, но оплатить ее явно не мог. Не стал бы тот, кому по карману подобная благотворительность, ввязываться в столь рискованное дело, как контрабанда сигарет горским племенам.

Констебль прошелся плетью по ногам пленника и сказал:

— Ты уже мертвец, а у мертвецов не бывает друзей. Возьми себя в руки. Пусть наш город и невелик, но у нас есть оракул, по всей реке это последнее место, где прорицатели говорили с народом, пока еретики не заставили их умолкнуть. Паломники все еще идут к нам, хотя прорицатели больше и не говорят, они все равно слушают. После приговора тебе позволят побеседовать с ними. В оставшееся время предлагаю тебе поразмыслить, чем ты отчитаешься перед ними за свою жизнь.

Один из сыновей констебля засмеялся, и констебль стегнул плетью по их широким спинам.

— Гребите, — сказал он, — и тихо тут!

— Перепелиные языки, — повторил болтливый торговец. — Все, что угодно вашей душе, капитан. Только скажите, и все получите. Я могу вас озолотить. Могу отдать вам собственный дом. Он похож на дворец. В самом сердце Иза. Не в этой вонючей дыре.

Лодка качнулась, когда констебль прыгнул в люк. Его сыновья вяло выругались и вновь взялись за весла. Констебль сбил с несчастного торговца тюрбан, подтянул его голову за грязный клубок волос, и тот еще не успел вскрикнуть, как констебль засунул ему в рот два пальца и ухватил скользкий извивающийся язык. Торговец поперхнулся и хотел укусить констебля за пальцы, но зубы даже не оцарапали задубевшую кожу. Констебль вынул нож, отсек полязыка и швырнул комок плоти за борт. Торговец захлебывался кровью и бился, как выброшенная на берег рыба.

В тот же миг один из сыновей констебля выкрикнул:

— Лодка! Впереди лодка! По крайней мере — огни.

Это Уртанк, тупой жестокий детина, ростом уже с отца. Констебль знал, что скоро Уртанк уже бросит ему вызов, но знал также, что тот проиграет. Уртанк слишком глуп, чтобы выжидать момент, не в его натуре сдерживать свои порывы. Нет, Уртанку с ним не справиться. Кто-нибудь из остальных — это да. Но все же вызов Уртанка станет началом его конца.

Констебль вгляделся во тьму. На мгновение ему показалось, там мелькнул какой-то огонек, но лишь на мгновение. Может, это пылинка в глазу или же смутный свет звезды, мерцающей у самого горизонта.

— Тебе почудилось, — сказал он, — греби давай, а то солнце встанет раньше, чем мы вернемся.

— Я видел, — упрямо возразил Уртанк. Второй сын, Унтанк, засмеялся.

— Вон! — закричал Уртанк. — Опять! Прямо по курсу! Я же говорил!

На этот раз и констебль увидел блики света. Первой его мыслью было: а вдруг торговец все-таки не врал, не хвастал? Он спокойно сказал:

— Полный вперед! Чтоб как на крыльях.

Скиф заскользил против течения, а констебль вытянул футляр из сумки на поясе своего белого полотняного килта. Торговец с отрезанным языком издавал влажные давящиеся звуки. Констебль пнул его ногой, чтобы замолчал, а потом открыл футляр и достал оттуда очки, лежащие на шелковой, слегка промокшей подкладке. Очки эти были самой ценной собственностью их семейства, переходя от потерпевшего поражение отца к победителю-сыну уже больше чем в ста поколениях. Выглядели они как ножницы без лезвий. Констебль отогнул дужки и осторожно нацепил очки на свой крупный нос.

Тотчас вокруг плоского корпуса скифа, тюков контрабандных сигарет в носовом трюме возникло мягкое сияние; сгорбленные спины сыновей констебля и навзничь лежащие тела двух пленников засветились печным жаром. Констебль обвел глазами реку, не обращая внимания на щербинки и царапинки в старом

стекле линз, которые искажали и туманили усиленный луч света. Вдали, примерно в полулиге от своей лодки, он увидел кучку мелких, но очень ярких огоньков, пляшущих по глади реки.

— Машины, — выдохнул констебль. Он встал между пленниками и рукой показал сыновьям, куда плыть.

Скиф заскользил вперед, направляемый указаниями констебля. Когда они подошли ближе, констебль увидел, что там были сотни и сотни машин, целое облако, суетливо вращающееся вокруг невидимой оси. Ему частенько приходилось видеть одну-две, пролетающие в небе над Эолисом по своим непостижимым делам, но никогда прежде не случалось встречать в одном месте такую массу машин.

Что-то глухо ударилось о борт скифа. Уртанк выругался и поднял весло. Это оказался гроб. Их каждый день тысячами пускали по волнам в Изе. На мгновение перед констеблем возникло женское лицо, будто глядящее на него сквозь прозрачную воду; оно зеленовато мерцало в окружении уже гниющих цветов. Потом гроб повернулся другим концом, и его унесла река.

Скиф тоже развернуло течением. Теперь к облаку машин он стоял бортом, и тут констебль впервые заметил, вокруг чего они так деловито суетились.

Лодка. Белая лодка, высоко сидящая в медленных водах реки.

Констебль снял очки и обнаружил, что лодка светится призрачным сиянием. Вода вокруг нее тоже мерцала, как будто лодка плыла в самой середине флюоресцирующего облака светящегося планктона, который временами поднимается к поверхности тихой летней ночью. Сияние разлилось вокруг скифа, и каждый удар весел разбивал жемчужный свет на массу кружащихся блестящих спиц. Казалось, дух машин живет над самой поверхностью реки.

Торговец с отрезанным языком взвыл и закашлялся, а его товарищ приподнялся на локтях, чтобы увидеть, как белая лодка, легкая, словно перышко, разворачивается по течению будто танцор, едва касающийся воды.

У лодки был острый задранный нос и вогнутые, смыкающиеся в центре борта, которые к корме снова расходились вроде голубиного хвоста. Размером она была не больше обычного гроба. Лодка снова развернулась и словно бы потянулась, как кошка, а затем оказалась рядом со скифом и бесшумно к нему прижалась.

В тот же миг констебль и его сыновья попали внутрь машинного облака. Такое впечатление, что они нырнули в самую гущу какой-то туманности, машин были сотни и каждая горела яростным белым огнем размером не больше жука-носорога. Уртанк попробовал сбить одну, висящую прямо перед ним, и забормотал проклятия, когда в ответ она ужалила его красным жгучим лучом и обдала резким жаром.

— Спокойно, — сказал констебль, а кто-то еще выкрикнул:

— Бежим!

Констебль с удивлением оторвался от зрелища сияющей лодки.

— Спасайтесь, — снова повторил второй торговец, — спасайтесь, идиоты!

Оба сына подняли весла и смотрели на своего отца. Ждали приказа. Констебль убрал очки и заткнул плеть рукояткой за пояс. Он не мог выказать страх. Он протянул руку сквозь кружащиеся огни машин, дотронулся до белой лодки.

Корпус ее был легким и плотным, как оперение птицы, и под рукой констебля вогнутые борта вдруг разошлись с легким потрескиванием. Еще в детстве констеблю случалось бродить по диким берегам ниже Эолиса, и однажды он наткнулся на кровавую орхидею, растущую в корнях капкового дерева. Почуяв тепло его тела, орхидея издала точно такой же звук, раздвинув свои мясистые лепестки и открывая желтые изгибы пестика. В ужасе он опрометью бросился прочь, прежде чем одурманивающий аромат орхидеи сморил его; и сейчас пережитый когда-то страх остановил его руку.

Кончики пальцев ощущали легкий жадный трепет. Изнутри лодки лился золотой насыщенный свет, в нем роились пылинки. И в этом потоке света констебль заметил контуры тела. Сначала он решил, что это еще один пущенный по течению гроб. Наверное, гроб знатного господина или дамы, но по сути своей то же самое, что и убогий картонный гроб нищего или деревянный глазурованный — ремесленников и торговцев.

И тут закричал ребенок. Констебль всмотрелся в светлое пятно, увидел там какое-то движение и протянул руку. На секунду он оказался в самой гуще бешеного танца машин, а потом они исчезли, унеслись во тьму, оставив лишь слабеющие следы траекторий. Ребенок, а это был мальчик — светлокожий и толстенький, совсем без волос, — шевелился в руках констебля.

В глубине сырой лодки золотистый свет медленно гас. Несколько секунд — и остался лишь его свет: какие-то радужные прожилки и пятна, обрисовывающие контур мертвого тела, на котором лежал младенец.

Это был труп женщины, полностью обнаженной, с плоской грудью. Очень худая и тоже совсем без волос — как и ребенок. Ее убили выстрелом в грудь и в голову, но крови не было. На одной руке у нее было три пальца, как на грейферах в порту Эолиса, другая же, чудовищно раздутая, раздваивалась наподобие клешни лобстера. Кожа слегка серебрилась, глаза — огромные, фасетчатые, как у какого-то насекомого, а цвет — кроваво-красный рубин. В каждой грани мерцают вспышки золотистого цвета. Констебль понимает — это лишь отражение меркнущего свечения белой лодки, но все же ему кажется, что в удивительных глазах мертвой женщины таится что-то живое, живое и злобное.

— Еретичка, — сказал второй торговец. Ему удалось приподняться и встать на колени. Теперь он во все глаза смотрел на белую лодку.

Констебль пихнул его в живот, тот закашлялся и повалился в трюмную воду рядом с товарищем. Однако торговец снова взглянул на констебля и повторил:

— Ересь. Наши добродушные бюрократы впустили в мир ересь, когда позволили кораблю Древних пройти мимо Иза вниз по реке.

— Давай прикончим его прямо сейчас, — сказал Уртанк.

— Он и так уже труп, — ответил констебль.

— Не труп, раз болтает, как изменник, — упрямо возразил Уртанк. Он в упор уставился на отца.

— Прости, — сказал торговец. — Вы же видели, как вниз по реке идут корабли с пушками и осадными машинами, идут на войну. Но в мир пришло еще много более страшного оружия.

— Давай его убьем, — сказал Уртанк.

Малыш поймал ручками большой палец констебля. Он гримасничал, будто хотел улыбнуться, но вместо этого пускал пузыри.

Констебль мягко высвободился и посадил ребенка на кормовое сиденье. Он двигался осторожно, словно воздух вокруг скрывал невидимые препятствия. Спиной он постоянно ощущал горящий взгляд Уртанка. Обернувшись, констебль сказал:

— Пусть говорит. Он может что-нибудь знать.

Торговец сказал:

— Чиновники хотят пробудить Иерархов от сна. Кто говорит, что с помощью науки, кто — колдовства. Они так напуганы ересью, пожирающей наш мир, что готовы на все, только бы ее остановить.

Уртанк сплюнул.

— Все Иерархи померли уже десять тысяч лет назад. Каждый знает. Их убили, когда Мятежники разрушили храмы и большинство фантомов.

— Иерархи пытались пойти за Хранителями, — сказал торговец. — Они поднялись выше, чем любой другой род, но все же не настолько, чтоб их нельзя было призвать назад.

Констебль толкнул говорящего и буркнул:

— Хватит теологии. Эта женщина из их слуг?

— Из — велик, в нем много чудес, но такого я никогда не видел. Наверняка это уродливое существо создано запрещенными методами. Те, кто пытается изобрести такое оружие, еще хуже еретиков. Уничтожь его! Верни туда ребенка и потопи лодку!

— Почему я должен тебе верить?

— Я, конечно, дурной человек. Признаю. Я продам любую из своих дочерей, если это принесет мне прибыль. Но в юности я учился. И учили меня хорошо. Я помню, что мне говорили, и знаю, все эти вещи существуют вопреки воле Хранителей.

Уртанк медленно произнес:

— Надо вернуть ребенка. Не наше это дело.

— Все на реке на день пути вверх и вниз — мое дело, — ответил констебль.

— Ты ничего не знаешь, — сказал Уртанк, — только воображаешь, что знаешь.

Констебль понял — бедный Уртанк выбрал момент. Уртанк тоже понял. Он слегка подвинулся на банке, чтобы уже не касаться плечом своего брата. Констебль поймал его взгляд и сказал:

— Сиди на месте, мальчик.

На мгновение казалось, что Уртанк не станет нападать. Но тут он набрал полную грудь воздуха, зарычал и с этим рыком бросился на отца.

Плеть обвилась вокруг шеи Уртанка, и звук от щелчка далеко покатился по черным водам. Уртанк упал на колени, пальцами хватая петлю, затянувшуюся под отвислым подбородком. Констебль взялся за рукоять обеими руками и дернул ее в сторону, словно это была удочка, на которую клюнула гигантская рыба. Скиф дико заплясал на волнах, и Уртанк, не удержавшись, шлепнулся в воду. Но кнута не выпустил. Конечно, он глуп, но и упрям тоже.

Констебль покачнулся, выпустил кнут — тот просвистел, как змея — и тоже упал за борт.

Погружаясь в холодную воду, констебль сбросил свои высокие просторные сапоги и снова вынырнул на поверхность. Он почувствовал, как кто-то тянет его за край килта, и в следующий миг Уртанк камнем повис на нем, со страшной силой двинув локтем по лицу так, что искры посыпались из глаз. Сцепившись, они вновь оказались в мягко светящейся воде, затем опять рванулись наверх глотнуть воздуха на расстоянии вытянутой руки друг от друга.

Констебль выплюнул воду и жадно вдохнул:

— Ты слишком легко впадаешь в ярость, сынок. Это всегда было твоим слабым местом.

Он заметил, как сквозь млечное сияние метнулась рука Уртанка, и отразил удар собственным ножом. Клинок лязгнул, лезвия заскользили, сцепившись у рукояток. Уртанк зарычал и надавил, он был очень силен. Страшная боль пронзила констебля, когда нож вывернулся из кулака и клинок Уртанка впился в его руку. Констебль подался назад, а Уртанк замахнулся, стараясь попасть ему по лицу, поднимая брызги.

— Старый, — сказал Уртанк, — старый и медлительный.

Мелкими круговыми гребками констебль держался на воде. Он чувствовал, как горячими толчками в воду сочится его кровь. Уртанк задел вену. Он ощущал тяжесть во всем теле, ныла рана на плече, но, кроме того, он чувствовал, что еще не готов умереть.

— Ну давай, сынок, посмотрим, кто сильнее, — сказал он.

Уртанк усмехнулся, обнажив клыки, и бросился в атаку. Он плыл, держа нож в вытянутой руке, надеясь нанести смертельный удар, но вода замедляла его движения, и констебль заранее знал, что так и будет. Он кидался то в одну сторону, то в другую, все время успевая уклониться, а Уртанк дико колотил руками, бормоча проклятия и понапрасну тратя силы. Отец и сын напряженно кружили по воде, и краем глаза констебль заметил, что белая лодка оттолкнулась от скифа, но не мог задержаться на этой мысли, отражая новый выпад Уртанка.

Наконец Уртанк выдохся. Он остановился, подгребая руками, и вздохнул.

— Сила — еще не все, — заметил констебль. — Иди сюда, сынок. Обещаю все кончить быстро. И без позора.

— Смирись, старик, и я похороню тебя с почестями на земле, а иначе эти рыбешки обглодают твои кости!

— Да, Уртанк, ты меня разочаровал. Ты — не мой сын.

Уртанк бросился на него с отчаянной, безнадежной злобой, а констебль точно рассчитал удар, попав юноше по локтю туда, где проходил нерв. Пальцы Уртанка рефлекторно разжались, и нож скользнул в глубину вод. Без раздумья он нырнул, а констебль навалился на него всем своим весом, не замечая ударов по груди, животу и ногам, которые с каждым разом становились все слабее. Все это длилось целую вечность, но наконец констебль его отпустил и тело Уртанка закачалось на мерцающих волнах реки лицом вниз.

— Ты был самым сильным из моих сыновей, — произнес констебль, немного отдышавшись. — В каком-то смысле ты был верным, вот только в голове у тебя не было ни одной мысли. Если бы ты меня убил и забрал моих жен, через год тебя самого бы убили.

Унтанк подогнал скиф и помог отцу выбраться. Белая лодка качалась на расстоянии дюжины весел от них, сияя в темноте мягким светом. Тощий торговец, которому констебль отрезал язык, лежал лицом в луже. Он захлебнулся в собственной крови. Его напарник исчез. Унтанк пожал плечами и сказал, что тот выскользнул за борт.

— Надо было его вернуть. Он же был связан. Нога к руке. Такой взрослый парень, как ты, мог легко с ним справиться.

Унтанк выдержал взгляд констебля и просто сказал:

— Я наблюдал за твоей победой, отец.

— Конечно. Ты сам еще не готов, ведь так? Ты выжидаешь нужный момент. Ты-то чувствуешь, не то что твой брат.

— Он не ушел далеко. Я имею в виду пленника.

— Ты его убил?

— Наверное, он уже утонул. Ты же сам сказал, он был связан рука к ноге.

— Помоги-ка мне с телом твоего брата.

Вдвоем отец и сын втянули Уртанка на лодку. Молочно-белое свечение понемногу гасло. Устроив тело Уртанка, констебль обернулся и увидел, что белая лодка исчезла. Скиф был один-одинешенек на широкой темной глади реки под черными небесами и алой спиралью Ока Хранителей. Под румпелем на кожаной подушке сидел младенец и хватал тьму беленькими растопыренными, будто морская звезда, пальчиками, улыбаясь своим непостижимым мыслям.

2. ОТШЕЛЬНИК

Ранним вечером, весной, когда громадное колесо Галактики до половины склонилось над горизонтом Великой Реки, Йама тихонько открыл ставни в своей комнате и скользнул на широкий карниз. Любой солдат во дворе, подняв голову, легко мог увидеть на карнизе под низко нависшей красной крышей юношу лет семнадцати и в голубоватом свете Галактики узнать в нем приемного сына эдила Эолиса, длинноватого, с бледным узким лицом и шапкой темных блестящих волос. Но Йаме было известно, что сержант Роден увел из замка большую часть гарнизона. Они патрулируют узкие кривые улочки Города Мертвых в поисках еретиков, которые прошлой ночью пытались взорвать корабль, стоящий на якоре в главной гавани. Кроме того, трое из людей эдила стерегли рабочих на раскопках, так что в замке остались лишь сторожевые псы и пяток совсем еще зеленых юнцов под командой старого одноногого Ротванга, который сейчас уже прикончил свою очередную бутылочку бренди и храпел в кресле у кухонного очага. Шансы, что кто-то из столь маленького гарнизона покинет тепло караулки и отправится патрулировать сад, совсем невелики, и Йама знал, что сумеет уговорить сторожевых псов пропустить его незаметно.

Слишком хорошая возможность развлечься, чтобы ее упустить. Йама собирался поохотиться на лягушек вместе с Дирив, дочерью мелкого торговца, и Анандой, учеником жреца в храме Эолиса. Они договорились об этом днем с помощью зеркальной связи.

Древние стены замка эдила были сложены из гладких скальных блоков, так ловко подогнанных, что казались ледяным зеркалом. Но позже, в какой-то момент истории этого здания было решено соорудить еще один этаж с широким водосточным карнизом и горгульями через равные промежутки, чтобы уберечь стены от потоков воды.

Йама легко, будто по тропе, прошел по карнизу, завернул за угол, закрепил веревку за изъеденную непогодой шею василиска, застывшего с разинутой в агонии пастью, и соскользнул по ней с высоты пяти этажей на землю. Веревку ему пришлось оставить, но риск был невелик.

Вокруг никого. Он бросился через широкий, заросший мохом газон, перепрыгнул забор, потом быстро и бесшумно двинулся по знакомой путанице тропинок сквозь чащу рододендронов, которые густо разрослись на развалинах крепостного вала внешней стены замка. Тысячи раз Йама играл в солдат и еретиков с мальчишками, прислуживающими на кухне, и знал здесь каждую тропку, каждую дверку в стене, каждую пещеру, когда-то бывшую караульной или складом, знал все подземные ходы между ними. Он остановился под огромным пробковым дубом, огляделся и поднял заросший мохом камень. Под ним оказалась выложенная галькой дверца, сверху запечатанная полимерной пленкой. Из этого тайника он извлек сетку и длинный тонкий трезубец, затем положил на место валун, прицепил сумку к поясу, а трезубец положил на плечо.

У самого края зарослей рододендронов начинался обрыв, полумесяцем спускающийся к заросшему брустверу, а дальше лежали бесплодные земли, покрытые редкой травой и кустарником. По обе стороны извилистой дорожки к Брису пестрели заплатами недавно залитые поля пеонина. А еще дальше поднимались пологие холмы, усеянные памятниками, могильными плитами, пирамидами, гробницами: лига за лигой Город Мертвых тянулся до самого подножия Краевых Гор. Гробницы поблескивали в голубом свете Галактики, будто чья-то гигантская рука посыпала холмы солью. То тут, то там вспыхивали крошечные огоньки: должно быть, пробегающее животное потревожило своим теплом фантомы на мемориальных досках.

Йама вынул тонкий серебряный свисток длиной в два мизинца и тихонько свистнул, звук был чуть громче легкого писка. Он свистнул еще три раза, потом воткнул трезубец в мягкую, покрытую листвой землю, присел на корточки и стал вслушиваться в пронзительный лягушачий хор, разрывающий ночную тишь. Лягушки вылупились из своих слизистых коконов несколько недель назад. С тех пор они энергично нагуливали жир, а сейчас взялись за поиски супругов. Своими страстными ариями каждый из самцов стремился превзойти соперников. Одурманенные похотью, они будут легкой добычей.

Над рододендронами за спиной Йамы возвышался замок, его оружейные башни четко вырисовывались на фоне голубовато-белого колеса Галактики.

На сторожевой башне, в самом верху горел теплый желтый огонек: должно быть, эдил, который со времен известия о смерти Тельмона прошлым летом спал совсем мало, продолжал работать. Все занимался своими бесконечными измерениями и расчетами.

Наконец он услышал то, чего ожидал: ровный перестук лап и легкое, с присвистом дыхание сторожевого пса. Он негромко позвал; мощное уродливое создание вышло из зарослей и положило тяжелую голову ему на колени. Йама мягко забормотал, по-

глаживая его обрезанные уши и почесывая жесткий рубец там, где живая плоть срасталась с металлом черепной пластины. Машинная составляющая собаки успокаивалась, а через нее и вся стая. Когда Йама убедился, что пес усвоил: не следует поднимать тревогу ни сейчас, ни при его возвращении, он встал, вытер с рук слюну, вытащил из земли трезубец и направился вниз по пологому склону к пустынным развалинам и виднеющимся вдали залитым водою полям.

Ананда и Дирив ожидали его на краю развалин. Дирив, высокая и грациозная, спрыгнула с камня, на котором сидела высоко в руинах стены. По старинным заросшим плитам она летела ему навстречу, будто окутанная утренним сиянием, и бросилась в его объятия. Ананда остался сидеть на поваленной стеле и ел костянику, которую собрал по дороге сюда, на обнимающихся влюбленных он старался не смотреть. Ананда был полноватым мальчиком с гладкой смуглой кожей и голым шишковатым черепом, он постоянно носил оранжевую мантию своего храма.

— Я захватил фонарь, — наконец сказал Ананда и поднял его над головой. Это оказался маленький медный сигнальный фонарик с линзой, чтобы можно было сфокусировать луч. По идее, они собирались приманивать им добычу.

Дирив и Йама разомкнули объятия, а Ананда сказал:

— Я видел сегодня днем ваших солдат, брат Йама. Они шли строем по старой дороге. В городе говорят, что они ищут еретиков, которые хотели поджечь плавучую гавань.

— Если в округе на день пути есть еретики, сержант Роден их найдет, — сказал Йама.

— А может, они все еще прячутся где-то здесь, — предположила Дирив.

Ее шея казалась еще длиннее, когда она оглядывалась по сторонам, всматриваясь в темноту развалин. Пушистые волосы были откинуты с выбритого лба и сбегали на спину. Рубиха с поясом открывала взору длинные стройные ноги. Через левое плечо у нее тоже висел трезубец. Она обняла Йаму и сказала:

— А вдруг мы их найдем? Вот будет приключение!

Йама заметил:

— Ну, если они настолько глупы, чтобы оставаться поблизости от места диверсии, справиться с ними будет нетрудно. Мы пригрозим им палками, и они сдадутся.

— Мой отец говорил, что они заставляют своих женщин ложиться с животными, чтобы они рожали чудовищных воинов.

Ананда выплюнул семечки и сказал:

— Ее отец обещал заплатить полновесное пенни за каждый десяток лягушек, которых мы поймаем.

Улыбаясь, Йама заметил:

— Отец Дирив на все знает цену.

Дирив тоже улыбнулась — Йама это почувствовал щекой.

Она добавила:

— Еще он сказал, что я должна вернуться до захода Галактики. Он разрешил мне пойти только потому, что я сказала, что с нами пойдет один из солдат эдила.

Отец Дирив, высокий и очень худой, одевался обычно в черное. Он ходил втянув голову в плечи и сцепив руки за спиной. Сзади это напоминало черного журавля, из тех, что ночами копались на городских свалках. Его всегда сопровождал огромный телохранитель. Он опасался грабителей, пьяных матросов, а кроме того, боялся, что его похитят ради выкупа. Такая угроза была вполне реальной. Ведь в Эолисе из всей их расы жила лишь одна его семья. В тесном кругу торговцев его не очень-то жаловали, полагая, что он скорее купил свои привилегии, и Йама знал: он отпускает к нему Дирив лишь потому, что считает, будто это как-то приближает его к эдилу.

Ананда сказал:

— Солдату следовало охранять нечто более важное, чем твоя жизнь. Правда, как и жизнь, это можно отнять только один раз, а назад уж не вернешь. Но вдруг у тебя этого больше нет, потому и нет солдата.

Йама шепнул Дирив:

— Не всему верь, что говорит твой отец, — и сказал Ананде: — Ты слишком много размышляешь о плоти. Не следует углубляться в мысли о том, чего не суждено получить. Дай мне ягод.

Ананда протянул ему горсть.

— Только попроси, и пожалуйста, — мягко сказал он.

Йама давил ягоду языком о небо: грубая кожица сильно кислила, а полная семян мякоть сладко таяла во рту.

Он усмехнулся и заметил:

— Весна. Мы могли бы гулять всю ночь, а на рассвете пойти на рыбалку.

Дирив сказала:

— Отец.

— Твой отец за рыбу заплатит больше, чем за лягушек.

— Он покупает у рыбаков столько рыбы, сколько сможет продать, и количество ее ограничено ценой соли.

Ананда продолжил ее мысль:

— Весной всегда охотятся на лягушек. Это традиция, потому мы и здесь. Отец Дирив не очень-то нас похвалит, если мы сделаем из нее рыбака.

— Если я не вернусь до полуночи, он меня запрет, — сказала Дирив, — и я вас больше не увижу.

Йама улыбнулся:

— Ты сама знаешь, что такого не будет. Иначе бы он тебя вообще не отпускал.

— Лучше бы с нами пошел солдат. У нас ни у кого нет оружия.

Дирив взмахнула трезубцем, воинственно и грациозно, как наяда.

— Я думаю, мы по силам равны.

— Мне тоже нельзя гулять всю ночь, — сказал Ананда, — отец Квин встает за час до восхода солнца, а до тех пор мне еще надо подмести наос и зажечь свечи в святилище.

— Все равно никто не придет, — сказал Йама. — Теперь никто не ходит, только по праздникам.

— Не в этом дело. Аватары, может, и сгинули, но Хранители-то все еще здесь.

— Они будут тут независимо от того, зажжешь ты свечи или нет. Останься со мной, Ананда. Хоть разок забудь свои обязанности.

Ананда покачал головой:

— Я, видишь ли, верю в свой долг.

Йама ответил:

— Ты просто боишься, что отец Квин тебя отлупит.

— Ну конечно. Это тоже. Для святого человека у него слишком вспыльчивый нрав и тяжелая рука. Тебе-то хорошо, Йама. Эдил — человек ученый, добрый человек.

— Если он на меня сердится, то у него есть сержант Роден, чтоб меня побить. А если он вдруг узнает, что я ушел из замка ночью, то именно так и будет. Потому-то я и не взял с собой никого из солдат.

— А мой отец говорит, что физические наказания — это варварство, — вмешалась Дирив.

— Ну, не так уж это тяжело, — сказал Йама, — по крайней мере всегда знаешь, когда оно кончается.

— Эдил посылал вчера за отцом Квином, — произнес Ананда. Он запихнул в рот остатки ягод и встал. Капли сока блестели у него на зубах, в голубоватом свете Галактики они казались черными.

Йама сказал мрачным тоном:

— Отец думает, что со мной делать. Он несколько раз говорил, что хорошо бы подыскать для меня место клерка в каком-нибудь тихом отделе Департамента. Думаю, поэтому доктор Дисмас и отправился в Из. Но я не хочу быть клерком, уж лучше — проповедником. По крайней мере посмотрю мир.

— Ты уже слишком взрослый, — рассудительно заметил Ананда. — Мои родители посвятили меня, когда мне было сто дней от рождения. И дело не только в возрасте, ты слишком полон греха. Ты следишь за своим бедным отцом, воруешь.

— И убегаешь по ночам, — вставила Дирив.

— Ананда тоже.

— Но не блудить, — сказал Ананда. — Отец Дирив знает, что я здесь. И я не хуже любого солдата гожусь в сторожа, правда, меня легче подкупить.

Дирив сказала:

— Нет, Ананда. Мы на самом деле пришли охотиться на лягушек.

Ананда добавил:

— А кроме того, я завтра исповедаюсь в своем грехе перед алтарем.

— Как будто Хранителям есть дело до твоих мелких грехов, — сказал Йама.

— В тебе слишком много гордыни, чтоб стать священником, — ответил Ананда. — Прежде всего слишком много гордыни. Приходи и помолись вместе со мной. Облегчи душу.

Йама продолжал:

— Чем быть клерком, лучше стать священником, но больше всего я хочу быть солдатом. Я убегу и запишусь в армию. Выучусь на офицера и буду командовать ротой солдат. А может, сторожевым кораблем. Буду сражаться с еретиками.

— Вот потому-то твой отец и хочет сделать тебя клерком, — пробормотал Ананда.

Вдруг Дирив сказала:

— Тихо!

Мальчики дружно повернули головы и посмотрели, куда она показывает. По темному небу, далеко за полями, двигалась точка яркого бирюзового цвета. Она летела к Великой Реке.

— Машина, — объяснил Йама.

— Конечно, — отозвалась Дирив, — но я не это имела в виду. Мне послышалось, что кто-то кричал.

— Это лягушки спариваются, — сказал Ананда.

Йама решил, что машина находится в полумиле от них. Ее мигающий след как будто вышил дорожку между миром и ее собственной реальностью.

Он предложил:

— Надо загадать желание.

Ананда улыбнулся:

— Я этого не слышал, брат Йама. Подобные предрассудки недостойны такого образованного человека, как ты.

Дирив сказала:

— К тому же нельзя загадывать желание, потому что оно может сбыться. Как в той сказке про старика и лису. Я правда что-то слышала. Вдруг это еретики? Или бандиты. Тихо! Давайте послушаем.

Ананда заметил:

— Я ничего не слышу, Дирив. Может быть, это бьется твое сердце, быстро-быстро, просто оно переполнено. Я прекрасно сознаю, Йама, — я всего лишь бедный монах, однако кое-что знаю точно. Хранители видят все, и нет никакой нужды взывать к ним, обращаясь к их слугам.

Йама пожал плечами. Разумеется, бессмысленно спорить с Анандой о таких тонкостях. Его с самого рождения

обучали теологии, но с другой стороны, разве не могут машины, пролетая мимо, подслушать наши желания? Ведь пожелать чего-то — это все равно что помолиться, только неофициально. А уж молитвы точно бывают услышаны. И даже иногда осуществляются. Если бы молитвы не вознаграждались, люди давным-давно бросили бы эту привычку, как фермеры, которые бросают земли, не приносящие больше урожая. Жрецы учат, что Хранители все слышат и все видят, просто они не хотят вмешиваться, чтобы не отнимать у своих созданий свободу воли. Но ведь машины — это такая же часть сотворенного Хранителями мира, как, к примеру, Чистокровные Расы. Даже если Хранители и правда отняли у мира свое благословение, после всех эксцессов Мятежа, как утверждают сектанты, все равно машины, их наследие, могут признать справедливость какого-то конкретного желания и вмешаться. В конце концов, аватары Хранителей, те, кто сумел пережить Эпоху Мятежа, говорили с людьми еще совсем недавно — не более сорока лет назад, а потом еретики заставили их умолкнуть.

В любом случае лучше попробовать, чем упустить шанс, а потом об этом жалеть. Йама закрыл глаза и, будто стрелой, отправил ввысь свое желание — вызов назначенному будущему: пусть он станет солдатом, а не клерком.

Ананда сказал:

— Желания можно загадывать и когда падает звезда.

Дирив вмешалась:

— Тише, я опять что-то слышу.

Тут Йама и сам услышал, смутно и не особенно отчетливо, но все же не спутаешь с непрерывным лягушачьим концертом: подвывающий мужской голос — слов не разобрать, а затем другие, глумливые голоса, потом грубый хохот.

Йама повел остальных через поросшие кустарником руины. Ананда трусил следом, подоткнув свою рясу за пояс, как сам он объяснил, чтоб легче убегать, если что. Однако Йама знал: убегать он не станет. Дирив тоже не побежит: она держала свой трезубец воинственно, как копье.

Одна из старинных дорог шла как раз вдоль полей. С нее давно содрали керамическое покрытие и металлические пластины, сотни тысяч лет назад облицовывавшие ее поверхность, тем не менее ее прямая, убегающая вдаль линия, с геодезической точки зрения, все еще была близка к идеалу. На перекрестке старой дороги и тропинки, бегущей через дамбу между двух залитых водой полей, у простого алтаря, установленного на деревянном столбе, два сына констебля — близнецы Луд и Лоб — обступили отшельника.

Тот стоял, прижавшись спиной к алтарю и размахивая посохом. Его металлический наконечник мелькал туда-сюда, сверкая, как грозное око. Луд и Лоб вопили, швыряли в отшельника камнями и комьями грязи, но приблизиться не решались,

держась подальше от острого посоха. Близнецы были известными задирами, заносчивыми и хвастливыми. Они считали себя предводителями всей городской детворы. Особенно они любили цепляться к подросткам не своей расы. Дней десять назад они погнались за Йамой, когда он возвращался в замок после свидания с Дирив, но тогда он легко скрылся от них, заставив поплутать в развалинах на окраине города.

— Мы еще доберемся до тебя, малек, — жизнерадостно проорали в пространство близнецы. Видимо, они изрядно выпили, один из них стукнул об голову пустым пузырем и пустился в дурашливый танец.

— Мы всегда доводим дело до конца, — закричал он.

— Эй, малек! Выходи! Будь мужчиной!

Однако Йама предпочел остаться в своем укрытии. Луд и Лоб нацарапали свои имена на крошащейся стене, помочились, потом еще немного поболтались вокруг, не зная, чем заняться, заскучали и убрались прочь.

И сейчас, пробираясь с Анандой и Дирив сквозь заросли дикого винограда, Йама размышлял, как ему поступить. Отшельник был человеком рослым, с дикой гривой спутанных волос и еще более дикой бородой. Он был бос. Его хламида, прошитая грубыми стежками, отсвечивала металлическим блеском. Большую часть летящих в него камней ему удалось отразить, но один все же попал в голову: по лбу бежала струйка крови — и он то и дело отирал кровь рукой, чтобы не заливала глаза. Рано или поздно он совершит ошибку, и тогда Луд и Лоб на него набросятся.

Дирив прошептала:

— Надо вызвать милицию.

— Не думаю, что в этом есть необходимость, — ответил Ананда.

В это мгновение в локоть отшельника ударил камень, и острие его посоха нырнуло вниз. Лоб и Луд с победными воплями кинулись на него и повалили на землю. Отшельник рванулся, отбросив одного из близнецов, но второй повис у него на спине и вновь повалил.

Йама сказал:

— Ананда, выскочишь, когда я назову твое имя, а ты, Дирив, как-нибудь их отвлеки. — И, отбросив все колебания, он вышел на дорогу, выкрикивая имена близнецов.

Лоб обернулся. В обеих руках он держал посох, будто собирался его переломить. Луд сидел у отшельника на спине и с ухмылкой отражал его неловкие попытки ударить победителя в бок.

— В чем дело, Лоб? Вы с братцем сделались грабителями с большой дороги?

— Просто решили развлечься, малек, — сказал Лоб и стал крутить посохом над головой так, что тот засвистел во тьме.

— Видишь ли, мы его увидели раньше, чем тебя, — добавил Луд.

— Думаю, вам нужно оставить его в покое.

— Может, мы и правда лучше займемся тобой, малек.

— Непременно займемся, — сказал Луд, — мы для этого сюда и явились. — Он пихнул отшельника кулаком. — Эта падаль просто попалась нам по дороге. Он не дал нам сделать, что мы собирались, не забыл? Хватай его, брат. А потом закончим с этим.

— Вам придется иметь дело со мной и с Анандой тоже, — громко сказал Йама. Он не оглянулся, но по движению глаз Лоба понял, что Ананда вышел на дорогу и стоял у него за спиной.

— А вот и поп-коротышка, — веселился Лоб.

— Га-га-га! — закатился его брат, да так сильно, что затряслись все три подростка.

— Ну и вонь!

— Благословите меня, ваше святейшество, — сказал Лоб, насмешливо глядя на Ананду.

— Мы еще посмотрим, — с отвращением произнес Йама.

— Побудь пока здесь, малек, — сказал Лоб. — Мы займемся тобой, когда закончим с этим.

— Дебил! — закричал Луд. — Сначала разберемся с ним! Ты что, забыл?

Тогда Йама метнул свой трезубец, но несильно, и он легко отскочил от толстой шкуры Лоба. Лоб демонстративно зевнул, показав свои огромные острые клыки, и посох просвистел над головой Йамы. Йама пригнулся и отпрыгнул, уклоняясь от второго удара. Металлический наконечник рассек воздух всего в дюйме от его живота. Лоб неуклюже шагнул вперед, размахивая посохом туда-сюда, но Йама легко уклонялся от его неточных ударов.

— Надо драться честно, — пробурчал Лоб, наконец остановившись и тяжело дыша. — Давай выходи! Будем драться честно.

Ананда теперь был у Лоба за спиной, трезубцем он ударил его по ногам. Лоб свирепо обернулся и ткнул посохом в сторону Ананды, но тут Йама прыгнул и двинул его по коленной чашечке, а затем ударил по кисти. Лоб взвыл и потерял равновесие. Посох упал, Йама ловко его подхватил, повернул и сильно ударил Лоба в живот. Тот упал на колени.

— Надо драться честно, — согнувшись и хватая воздух ртом, выдавил он. Его крохотные глазки яростно сверкали на пухлом лице.

— Давай честно, — эхом отозвался Луд.

Он вскочил наконец со спины отшельника и выхватил из-за пояса нож, черный, как обсидиан, с узким кривым лезвием. Луд стащил его у пьяного матроса и теперь говорил всем, что нож сделан чуть ли не в первые дни Эпохи Озарения и древен, как мир.

— Драться честно, — повторил Луд, держа нож у лица и ухмыляясь.

Тут на Йаму бросился Лоб и обхватил его за пояс. Йама пытался отбиваться посохом, но противник был слишком близко, и ему никак не удавалось размахнуться, он оступился — ноги подогнулись под весом Лоба...

На секунду показалось, что все потеряно. Но на помощь пришел Ананда: схватив камень, он ударил Лоба по скуле. Раздался звук как от топора, когда рубят поленья. Лоб заохал от боли и вскочил на ноги. Тут закричал и Луд, размахивая во все стороны ножом, — дерево за его спиной вдруг вспыхнуло огнем.

— Больше я ничего не смогла придумать, — объясняла Дирив. Она обхватила плечи своими тонкими руками и все еще дрожала от волнения. Ананда немного пробежал по дороге, преследуя убегающих близнецов, и громко улюлюкал им вслед.

Йама сказал:

— Здорово получилось, но не стоит над ними смеяться.

Искры от горящего дерева улетали высоко в темное небо, сверкая ярче, чем сама Галактика. Ствол выглядел сейчас как тень внутри ревущего столба голубого пламени. Это было молодое камедное дерево. Когда Лоб упал на Йаму, Дирив плеснула керосину из фонаря на ствол и подожгла его от фитиля.

Смеясь, она сказала:

— Даже Лоб и Луд этого не забудут.

— Вот то-то и оно, — отозвался Йама.

— Им будет стыдно, они не посмеют напасть снова. Испугаться дерева! Вот смеху-то! Теперь они от нас отстанут.

Ананда помог отшельнику сесть. Тот потрогал разбитый нос, осторожно согнул и разогнул колени и с трудом встал на ноги. Йама протянул ему посох, отшельник его взял и в знак благодарности чуть склонил голову.

Йама ответил поклоном, и отшельник усмехнулся. Левая сторона его лица казалась смазанной: серебристый шрам, расползаясь, оттягивал книзу глаз и приподнимал уголок рта. Сам он был настолько грязен, что кожа на лице казалась рифленой. Металлизированная ткань его хитона тоже была засалена, но складки и вмятины временами ловили сполохи света и ярко поблескивали. Спутанные волосы висели веревками, а в раздвоенной бороде запутались травинки и веточки. От него невыносимо воняло потом и мочой. Он в упор посмотрел на Йаму, а затем пальцами правой руки стал чертить на левой ладони какие-то фигуры.

Ананда сказал:

— Он хочет, чтобы ты понял: он тебя давно ждет.

— Ты его понимаешь?

— Мы пользовались языком жестов в семинарии. Обычно за завтраком или ужином, когда хотели поболтать, а

подразумевалось, что мы слушаем, как кто-то из братьев читает Пураны. Некоторые отшельники когда-то были жрецами. Наверное, и этот тоже.

Отшельник отрицательно замотал головой и снова стал что-то показывать пальцами.

Ананда неуверенно произнес:

— Говорит, что рад и все запомнит. Видимо, имеет в виду, что никогда этого не забудет.

— Ну разумеется, — вмешалась Дирив, — ведь мы спасли ему жизнь.

Отшельник полез куда-то внутрь своего хитона и вытащил керамический диск, висящий на ремешке у него на шее. Сняв ремешок через голову, отшельник бросил его Йаме и опять начал что-то объяснять на пальцах.

— Ты — тот, кто должен прийти, — переводил Ананда.

Отшельник затряс головой, тяжело вздохнул и вновь стукнул пальцами о ладонь.

— Ты еще вернешься сюда. Йама, ты хоть понимаешь, о чем он говорит?

Но Дирив шикнула на них:

— Тихо! Слышите?

Где-то далеко во тьме раздавались свистящие звуки, будто к кому-то взывавшие и откликавшиеся на зов.

Отшельник вложил керамический диск в руки Йаме, впился взглядом в его глаза и кинулся прочь. Он бежал по узенькой тропе между залитыми полями — тень, мелькающая в холодном голубоватом свете, отраженном водой. И исчез...

Снова раздался свист.

— Милиция, — сказал Ананда и, развернувшись, помчался по старой дороге.

Дирив и Йама погнались за ним, но он скоро их обогнал, а Йама запыхался и остановился передохнуть, потом они отправились дальше и добрались до городской стены.

Дирив сказала:

— Ананда будет бежать и бежать, пока не нырнет в свою постель. И все равно будет бежать во сне до самого утра.

Йама нагнулся, растирая колени: ему свело ногу.

Он пробормотал:

— Нам надо присматривать друг за другом. Луд и Лоб нам этого не забудут. Как только у тебя сил хватает так быстро бежать на такое огромное расстояние?

Бледное лицо Дирив мягко светилось в свете Галактики. Она бросила на него хитрый взгляд.

— Летать трудней, чем бежать.

— Хотел бы я посмотреть, как ты летаешь, если, конечно, это правда. Но ты опять меня дразнишь!

— Это не то место, где можно летать. Может, когда-нибудь я покажу тебе подходящее место, но это далеко отсюда.

— Ты имеешь в виду край света? Когда-то я думал, что люди моей расы жили на плавающем острове. В прошлом году я видел такой.

Вдруг Дирив схватила его за руку и потащила к высокой траве за дорогой. Йама засмеялся и упал прямо на нее, но девушка прикрыла ему рот ладонью.

— Слышишь? — спросила она.

Йама приподнял голову, но услышал лишь обычные ночные звуки. Всем телом он ощущал идущее от Дирив тепло. Она крепко к нему прижималась. Он сказал:

— Думаю, что милиция уже бросила их искать.

— Нет, они идут в нашу сторону.

Йама перекатился на другой бок, подполз и раздвинул высокие стебли сухой травы так, что стало видно дорогу. Вскоре мимо них прошли пятеро солдат. Никто из них не принадлежал к расам, населявшим Эолис. В руках у них были ружья и арбалеты.

— Матросы, — сказал Йама, убедившись, что они прошли и его никто не услышит.

Дирив всем телом прижалась к Йаме.

— Почему ты так думаешь?

— Это все чужаки. А чужаки приплывают в Эолис по реке: как матросы или как пассажиры. Но с тех пор как началась война, пассажирские корабли не ходят.

— Кто бы они ни были, они ушли.

— Возможно, они ищут того отшельника.

— Этот блаженный не в своем уме, но мы правильно сделали. Вернее, ты. Я бы не смогла выйти так смело против этой парочки.

— Ну, я ведь знал, что за моей спиной ты. Поэтому и смог.

— Я бы там осталась навсегда, — задумчиво произнесла Дирив, — он похож на тебя.

Йама рассмеялся.

— Пропорции конечностей, форма головы у него такие же. И глаза у него делятся надвое складками кожи, совсем как у тебя.

Дирив поцеловала глаза Йамы. Он ответил поцелуем. Они лежали и целовались, долго-долго, потом Дирив отстранилась.

— Ты не один на этом свете, Йама, что бы ты ни думал на этот счет. Чему ж тут удивляться, если тебе попался человек твоей собственной расы?

Но сам Йама искал уже так давно, что ему с трудом верилось, что это вообще может случиться.

— Думаю, он просто сумасшедший. Интересно, зачем он мне это дал?

Йама вытащил из кармана своей туники керамический диск. Казалось, он ничем не отличается от тех дисков, кото-

рые люди эдила сотнями находят на раскопках: гладкий, белый, размером чуть больше ладони. Он поднял диск так, что в нем слабо отразился галактический свет, и тут увидел, что вдали, в покосившейся башне за полуразрушенной городской стеной, горит огонек.

Доктор Дисмас вернулся из Иза.

3. ДОКТОР ДИСМАС

У подножия сухого каменистого склона показалась согбенная, облаченная в черное фигура доктора Дисмаса. Он шел отдуваясь и криво ставя больные ноги. Солнце достигло вершины своего ежедневного броска в небо, и доктор, как голограмма, не отбрасывал тени.

Сам эдил стоял на вершине холма, образованного породой, добытой из последнего раскопа, и с растущим волнением следил взглядом за приближением аптекаря.

Эдил был высок ростом, сутул, голова начинала седеть, а на лице постоянно присутствовало выражение изысканной сдержанности, свойственной дипломатам, которую обычно принимают за рассеянность. По моде граждан Эолиса он носил свободную белую тунику и льняной килт. Колени его распухли и огрубели от многочасовых бдений, когда он, опираясь коленями на кожаную подстилку, кисточкой снимал тончайшие слои с керамических дисков, освобождая из захоронения, длившегося сотни тысяч лет.

Раскопки двигались медленно, еще и половина не сделана, а эдилу уже начало надоедать. Несмотря на заверения геоманта, он был уверен: ничего интересного здесь не найдут. Бригада обученных рабочих — не пригодных к службе в армии заключенных, — казалось, заразилась настроением хозяина и не спеша копошилась среди аккуратных канавок и ям, вырытых на раскопе. Звеня цепями и волоча их за собой по сухой белой пыли, они таскали бадьи с грунтом и известняковым щебнем к коническому холму пустой породы. Небольшая буровая вышка, сверлящая риф сухопутного коралла, поднимала столбы белой пыли, облаком уносящиеся в голубое небо.

До сей поры результатом раскопок были лишь несколько черепков посуды и изъеденное ржавчиной нечто, по всей вероятности, некогда служившее основанием сторожевой башни, ну и, разумеется, масса неизбежных керамических дисков. И хотя эдил понятия не имел, для чего они нужны (большинство специалистов по ранней истории Слияния сходились во мнении, что диски эти в свое время служили некой формой валюты, но эдил отвергал это объяснение как слишком очевидное), он старательно заносил в

каталог каждый из них, а затем часами изучал, замеряя едва заметные канавки и вмятины, которыми были украшены диски. Эдил верил в измерения. Мелкие вещи — отражения большого мира, в котором они пребывают, а также иных бесконечных миров. Он верил, что все величины и константы можно вывести арифметическим способом из единого числа, числа Хранителей, которое может раскрыть все тайны созданного ими мира и многое-многое другое.

Но сейчас следует заняться доктором Дисмасом. Он должен принести новости, которые определят дальнейшую судьбу приемного сына эдила. Баркас, на котором Дисмас вернулся из Иза, бросил якорь в устье бухты уже два дня назад (он и сейчас еще там стоит), и вчера ночью шлюпка доставила на берег самого доктора, тем не менее эдил предпочел провести день на раскопках, а не сидеть в замке, дожидаясь визита доктора. Новости, какими бы они ни были, лучше узнать раньше Йамы.

Эдил надеялся, что доктору удастся выяснить правду о том, к какой расе принадлежит его приемный сын, однако в глубине души он не доверял этому человеку, и его беспокоила мысль, что тот может использовать полученную информацию в собственных целях. Доктор Дисмас сам предложил воспользоваться своей поездкой в Из и предпринять поиски сведений о возможных родственных связях Йамы. То, что поездка совершалась по распоряжению его Департамента, а оплачивалась целиком и полностью из кошелька эдила, ни на йоту не уменьшала той доли признательности, которую эдил, по мнению доктора, обязан был ему выразить.

Доктор Дисмас скрылся за белым кубическим строением со срезанной верхушкой — одним из пустых склепов, во множестве разбросанных у подножия холма, будто бусинки рассыпавшегося ожерелья — захоронение эпохи безвременья, наступившей вслед за Мятежом. В городе мертвых их построили последними — простые коробки, установленные у самого края невысоких, набегающих друг на друга, как волны, холмов, сплошь усеянных памятниками, саркофагами и статуями древнего некрополя. Наконец доктор Дисмас вновь появился, на сей раз у самых ног эдила, с трудом одолевая последнюю сотню шагов по крутой каменистой тропе. Он тяжело дышал. Лицо его, худое и костлявое, утопало в складках высокого воротника, а широкие поля черной шляпы не спасали от жары, и на коже обильно выступили капельки пота, среди которых, как острова в отступающих волнах прилива, торчали бляшки — следствие порочной страсти к наркотикам.

— Сегодня тепло, — произнес эдил вместо приветствия.

Доктор Дисмас вынул из рукава кружевной платок и осторожными движениями начал стирать пот с лица.

— Настоящая жара. Возможно, Слияние, устав кружиться вокруг солнца, теперь падает на него, как юная певица в объятия любовника. Возможно, огонь этой страсти нас поглотит.

Обычно риторические забавы доктора развлекали эдила, но сегодня эта игра слов лишь обострила его чувство настороженности. Он мягко сказал:

— Полагаю, ваша миссия имела успех, доктор.

Взмахнув платком, как фокусник, доктор Дисмас будто отмахнулся от вопроса.

— Ерунда все это. Рутинные процедуры, замешенные на амбициях. В моем Департаменте обожают помпезность. В конце концов, он ведь один из самых древних. Так что я вернулся. Вернулся служить, мой дорогой эдил, так сказать, с обновленными силами.

— Я никогда и не думал, что вы покинете свое поле деятельности, мой дорогой доктор.

— Вы слишком добры. И куда более щедры, чем ничтожные сплетники, гнездящиеся в пыльных недрах моего Департамента, которые только и знают, что раздувать слухи и преподносить их как факты.

Доктор Дисмас отвернулся и стал взглядом победителя всматриваться вдаль, озирая склоны холмов, усеянные заброшенными могилами, лоскутное одеяло затопленных полей вдоль берегов Бриса, в устье его глаза доктора пробежали по крошеву развалин и сгрудившейся толчее крыш Эолиса, вдоль нового причала, перстом торчащего среди зеленых полей в сторону Великой Реки, чья неизмеримая ширь сверкала, как море расплавленного серебра, и дальше, в туманное единение воздуха и воды. Тут доктор вставил сигарету в мундштук (изготовленный, как он любил говорить, из мизинца серийного убийцы — доктор поклонялся культу ужасного), зажег ее, глубоко затянулся, задержав дыхание так, что можно было досчитать до десяти, а затем пустил клубящийся дым из ноздрей и удовлетворенно вздохнул.

Доктор Дисмас был аптекарем Эолиса, год назад его нанял тот же комитет, который ведал в городе милицией. В Из его вызывали по поводу нескольких неприятных инцидентов, имевших место во время его пребывания на этом посту. Говорили, что он заменил дорогостоящую суспензию из машин, способную излечивать речную слепоту, толченым стеклом — и действительно, прошлым летом было зарегистрировано существенно больше случаев речной слепоты, чем прежде, хотя сам эдил объяснял это просто возросшим количеством ядовитых мух, плодившихся в гуще морских водорослей, которыми сплошь заросли болотистые берега бывшей гавани. Более серьезным обвинением было то, что, по слухам, доктор Дисмас тайком продавал свои снадобья среди рыбаков и горных племен, утверждая, что может лечить разные формы рака, чахотку, сумасшествие, а также обратить вспять процесс старения. Кроме того, люди шептались, что он создает или выращивает химеры младенцев и животных, что он похитил в каком-то горном племени ребенка, а затем его кровью, вытянутой из внутренних органов, лечил одного из членов Совета Ночи и Алтаря.

Все эти разговоры эдил считал пустыми фантазиями, но вскоре произошел случай, когда при кровопускании умер мальчик, и его родители, торговцы средней руки, потребовали официального расследования. Эдил был вынужден подписать прошение. Сто дней назад в город прибыл эмиссар из Департамента Аптекарей и Хирургов, однако пробыл недолго и удалился в некотором смущении. Вроде бы доктор Дисмас угрожал убить ревизора, когда тот попытался его допросить. Затем из Иза поступил формальный вызов, который эдилу пришлось зачитать доктору на заседании Совета Ночи и Алтаря. Доктору Дисмасу было приказано отправиться в Из для официального следствия по поводу его склонности к наркотикам, а также из-за некоторых, как деликатно выражался сам доктор, профессиональных казусов. Эдилу сообщили, что доктора Дисмаса подвергли допросу с пристрастием, но судя по его теперешней манере держаться, он скорее одержал ощутимую победу, а вовсе не подвергся какому-либо осуждению.

Аптекарь еще раз глубоко затянулся своей сигаретой и сказал:

— Путешествие по реке само по себе оказалось немалым испытанием. Я так ослабел, что вынужден был еще целые сутки оставаться в постели уже после того, как баркас бросил якорь в здешних водах, и лишь тогда сумел собраться с силами, чтобы добраться до берега. Я и сейчас еще не до конца пришел в себя.

— Ну разумеется, разумеется, — пробормотал эдил, — уверен, что вы явились сюда сразу же, как только смогли.

Но он ни на минуту в это не поверил. Аптекарь явно что-то задумал.

— Вы опять сами работали вместе с этими бедолагами заключенными. Не отрицайте, я вижу: у вас под ногтями грязь. Нельзя в вашем возрасте столько времени стоять на коленях под палящим солнцем.

— Я прикрывал голову шляпой, а кожу намазал той мазью, что вы прописали.

Липкая смесь невыносимо воняла ментолом, а волоски на коже становились от нее жесткими, как щетина. Но эдил был благодарен аптекарю и не жаловался.

— Кроме того, вам следует надевать очки с затемненными стеклами. Кумулятивный эффект ультрафиолета может повредить роговицы, и в вашем возрасте это уже серьезно. Ну вот, так и есть: глаза у вас воспалились. День за днем вы спускаетесь все глубже в прошлое. Боюсь, что когда-нибудь вы совсем нас покинете. А как мальчик? Наверняка о нем-то вы заботитесь лучше, чем о себе самом.

— Не думаю, что мне удастся узнать здесь что-либо действительно важное. Тут находится фундамент башни. Само строение было разрушено давным-давно. Это, по-видимому, была очень высокая башня: фундамент уходит глубоко вниз.

Правда, он весь проржавел. Полагаю, что она могла быть построена из металла, хотя, разумеется, это стоило фантастических денег даже в Эпоху Слияния. Но вполне возможно, что геомант ошибается, остатки фундамента могли ввести его в заблуждение относительно большого сооружения, которое якобы когда-то здесь стояло. Такое случалось и прежде. А может быть, что-то захоронено еще глубже. Посмотрим.

Геомант принадлежал к одному из горных племен, по возрасту он был вдвое моложе эдила, но беспорядочная кочевая жизнь превратила его в сморщенного беззубого старика — и вдобавок полуслепого, правда, катаракту доктор Дисмас ему недавно прооперировал. Все это случилось зимой, когда по утрам землю сковывал лед. Но геомант пришел босым и почти голым: под красным плащом у него ничего не было. Он постился три дня на вершине холма и лишь потом указал место, определив его при помощи нити с серебряным отвесом.

Доктор Дисмас спросил:

— Говорят, что в Изе есть здания, которые когда-то были полностью облицованы металлом?

— Ну разумеется, разумеется. Если они где-то и есть во всем Слиянии, то скорее всего именно в Изе.

— Говорят-то говорят. Но никто даже не знает, где искать.

— Ну, если кто-нибудь и знает, то это, конечно, вы, мой дорогой Дисмас.

— Мне хочется думать, что для вас я сделал все, что только мог.

— И для мальчика. Самое главное — для мальчика.

Доктор Дисмас бросил на эдила проницательный взгляд.

— Само собой. Об этом и говорить нечего. Все дело в нем, — продолжал эдил, — я все время думаю о его будущем.

Большим и средним пальцами левой руки, скрюченными, как клешня рака, доктор Дисмас выковырнул окурок из костяного мундштука. Наркотики давно обезобразили левую руку, хотя бляшки еще позволяли суставам сгибаться, но чувствительность в пальцах пропала совсем.

Эдил терпеливо ждал, пока доктор Дисмас завершит свой ритуал прикуривания следующей сигареты. Во всех его манерах было нечто, напоминающее эдилу хитрое и осторожное ночное животное, вечно прячущееся, но всегда готовое кинуться на подвернувшийся лакомый кусок. Он любил сплетни и, как все сплетники, знал, как подать свой рассказ должным образом, как сохранить напряжение, постоянно рассказывая подробности, как подразнить свою аудиторию. Но эдил понимал и другое: как все сплетники, доктор Дисмас не сможет хранить свой секрет слишком долго, так что теперь он терпеливо ждал, пока доктор вставит сигарету в мундштук, прикурит, затянется. Эдил и по натуре был

человеком терпеливым, а годы обучения искусству дипломатии приучили его легко сносить долгое ожидание по чужой воле.

Доктор Дисмас выпустил клубы дыма через ноздри и наконец произнес:

— Видите ли, это оказалось совсем несложно.

— Неужели? Я не надеялся, что так получится. В наши дни библиотеки пришли в упадок. С тех пор как умолкли библиотекари, ощущается настроение, что нет никакой нужды поддерживать какой-то порядок, разве что в самых последних архивах, а все, что старее тысячи лет, считается недостойным доверия.

Эдил осознал, что сказал лишнее. Сейчас, на пороге некоего откровения он явно чувствовал нервозность.

Доктор Дисмас энергично закивал головой, соглашаясь:

— А нынешняя политическая ситуация еще только добавляет неразберихи. Весьма прискорбно.

— Ну разумеется, разумеется. Но ведь идет война.

— Я имел в виду неразбериху в самом Дворце Человеческой Памяти. Надо сказать, что изрядная доля вины за это лежит, мой дорогой эдил, на вашем собственном Департаменте. Все эти трудности заставляют предположить, что мы пытаемся забыть свое прошлое. Как нам и следует, по утверждению Комитета Общественной Безопасности.

Это замечание больно уязвило эдила, что, без сомнения, входило в намерения доктора Дисмаса. Эдила сослали в этот маленький городок — заштатную заводь — после триумфальной победы Комитета Общественной Безопасности, так как он выступал против уничтожения архивов ушедших веков. В сердце своем он постоянно ощущал стыд за то, что лишь выступал с речами, а не боролся по-настоящему, подобно многим из своих соратников. А теперь жена его умерла. Сын тоже. Эдил остался один, и все еще в ссылке из-за давно забытой политической коллизии.

С заметной сухостью эдил проговорил:

— Прошлое не так-то легко уходит, мой дорогой доктор. Стоит только ночью поднять глаза и взглянуть на небо, и нам об этом напомнят. Зимой мы видим Галактику, вылепленную из хаоса невообразимыми силами, летом видим Око Хранителей. Здесь, в Эолисе, прошлое важнее настоящего. Сами взгляните, насколько склепы величественнее глинобитных домишек на побережье бухты. Хотя с гробниц и содраны все украшения, все равно они выглядят монументально и простоят века. Все, кто жил в Изе во времена Золотого Века, в конце концов находили вечный покой здесь. Здесь есть что исследовать.

Доктор Дисмас пропустил это мимо ушей. Он сказал:

— Несмотря на все эти трудности, библиотека моего Департамента все еще пребывает в полном порядке. Некоторые секции архива работают абсолютно четко в ручном режиме,

а они относятся к самым древним в Слиянии. Если бы записи о родовых связях мальчика можно было отыскать, то только там. Однако, невзирая на то что я проводил долгие и кропотливые изыскания, никаких следов расы, к которой принадлежит мальчик, обнаружено не было.

Эдилу показалось, что он ослышался.

— Как это? Вообще ничего?

— Весьма сожалею, я сам желал бы, чтобы было иначе. Вполне искренне.

— Все это... я хочу сказать, это очень неожиданно. Абсолютно неожиданно.

— Я и сам был крайне удивлен. Как я уже говорил, архивы нашего Департамента являются самыми полными во всем Слиянии. Практически они являются единственными, реально функционирующими в полном объеме с тех самых пор, когда ваш Департамент провел чистку среди архивариусов Дворца Человеческой Памяти.

Эдил с трудом понимал, о чем он говорит. Слабым голосом он спросил:

— Разве не было никакой переписки?

— Абсолютно ничего. Все чистокровные расы имеют общий геном, заданный Хранителями во времена, когда они преобразовывали наших предков. Не имеет значения ни кто мы, ни каким образом записана наследственная информация клетки, смысл этого генного кода остается неизменным. Но хотя исследования самосознания мальчика и склада его ума показали, что он не является туземцем, в нем, как и в них, отсутствует этот знак принадлежности к Чистокровным Расам — избранным детям Хранителей. Более того, ген мальчика не имеет аналогов ни с чем в Слиянии.

— Но, доктор, если не принимать этот знак Хранителей, мы все очень различны. Мы все преобразованы по образу и подобию Хранителей, но каждая раса по-своему.

— Несомненно. Но каждая раса имеет генетическую общность с определенными животными, растениями и микробами Слияния. Даже различные расы примитивных туземцев, которые не были отмечены Хранителями и не могут эволюционировать к трансцендентальности, имеют генетических родственников во флоре и фауне. Предки десяти тысяч рас Слияния не были доставлены сюда в одиночестве, Хранители прихватили что-нибудь из родного мира каждой из них. Выясняется, что молодой Йамаманама является найденышем в более широком смысле этого слова, чем мы сами ранее полагали, так как не существует ни записи, ни рода, ни растения, ни животного, ни даже микроба, которые имели бы с ним что-то общее.

Доктор Дисмас был единственным, кто называл мальчика полным именем. Его нарекли так жены старого констебля Тау. На их языке, языке гарема, это означало «дитя реки». Когда

констебль Тау нашел на реке младенца, Комитет Ночи и Алтаря собрался на тайное совещание. Было решено, что ребенок должен быть умерщвлен, будучи оставлен без помощи и присмотра, ибо он мог оказаться созданием еретиков или каких-нибудь других демонов. Но ребенок выжил, пролежав десять дней среди могильных плит на склоне холма близ Эолиса. Женщины, которые его в конце концов спасли вопреки воле своих мужей, утверждали, что пчелы носили ребенку пыльцу и воду, а значит, он находится под покровительством Хранителей. Несмотря на это, ни одна из семей Эолиса не пожелала принять мальчика, и таким образом он оказался в замке, став сыном эдилу и братом бедному Тельмону.

Эдил размышлял обо всем этом, пытаясь понять, какие последствия будет иметь открытие доктора Дисмаса. В сухой траве стрекотали насекомые. Травы и насекомые, пришедшие, возможно, из того давно утраченного мира, что и те животные, из которых Хранители создали предков его собственной расы. Мысль о том, что ты являешься частью изысканно-сложного рисунка природы, приносила покой, возникало ощущение единства и непрерывности жизни. Представить себе невозможно, каково это — жить в абсолютном одиночестве, ничего не ведая о собственной расе и не имея надежды когда-нибудь найти родных.

Впервые за этот день эдил вспомнил жену, умершую больше двадцати лет назад. Тогда тоже стояла жара, но руки ее были холодны как лед. На глаза его набежали слезы, но он с ними справился. Не следует выказывать чувства перед доктором, который питался чужой слабостью, как волк, преследующий стадо антилоп.

— Совсем один, — повторил эдил, — неужели это возможно?

— Будь он растением или животным, тогда конечно.

Доктор Дисмас вытащил остаток второй сигареты, бросил окурок на землю и придавил его башмаком. Эдил заметил, что высокие опойковые ботинки доктора были совсем новыми, их кожа ручной выделки казалась мягкой, как пух.

— Можно предположить, что он пришелец, — сказал доктор Дисмас. — Несколько кораблей все еще курсируют по своим старым маршрутам между Слиянием и мирами их предков. Вполне можно представить, что на одном из них была контрабанда, так сказать, безбилетный пассажир. Может быть, мальчик — просто животное, которое умеет имитировать признаки мыслительной деятельности таким же образом, как некоторые насекомые притворяются листиком или веткой. Но тут, по всей видимости, встанет вопрос: а в чем же отличие реальности и имитации?

Подобная идея вызвала у эдила волну негодования. Мысль о том, что его единственный, драгоценный приемный сын может быть животным, подражающим человеческому существу, была невыносима.

Он воскликнул:

— Любой, кто попробует сорвать такой лист, разберется.

— Именно так. Любое подражание отличается от того, чему оно подражает, тем, что оно — *подражание*, отличается способностью изменяться, стать чем-то иным, чем оно не является. Мне не известно ни об одном случае мимикрии, когда подражание настолько совершенно, что оно буквально превращается в тот предмет, которому подражает. Существуют насекомые, весьма похожие на листья, однако они не способны питаться одним только солнечным светом, как настоящие листья. Они прильнули к растению, но не являются его частью.

— Ну разумеется, разумеется. Но если мальчик не является частью нашего мира, откуда же он взялся? Старые миры необитаемы.

— Откуда бы он ни взялся, я полагаю, он представляет опасность. Вспомните, как его нашли. На руках мертвой женщины в утлой лодке на самой стремнине реки. Таково, если мне не изменяет память, дословное описание.

Эдил вспомнил рассказ старого констебля Тау. Тот со стыдом признал все случившееся, когда его жены доставили найденыша в замок. Констебль Тау был человеком коварным и грубым, но к своим служебным обязанностям относился весьма серьезно.

Эдил вымолвил:

— Мой дорогой доктор, не можете же вы предположить, что Йама убил ту женщину: он был тогда совсем малышом.

— Кто-то от него избавился, — сказал доктор Дисмас. — Кто-то, кто не решался его убить или не смог убить.

— Я всегда считал, что та женщина была его мать. Она от чего-то спасалась, несомненно, бежала от скандала или от гнева семьи, она родила ребенка прямо там, на реке, и умерла. Вот самое простое объяснение и, без сомнения, самое правдоподобное.

— Нам известны далеко не все факты этого дела, — возразил доктор Дисмас. — Тем не менее я тщательно изучил все записи, оставленные моим предшественником. Она провела несколько неврологических тестов вскоре после того, как Йамаманама был доставлен в ваш дом, и продолжала их в течение нескольких лет. Считая в обратном направлении и учитывая возможную ошибку, я полагаю, что Йамаманама родился по меньшей мере за пятьдесят дней до того, как его обнаружили на реке. Каждый из нас наделен разумом. В отличие от диких зверей любой из нас, покинув утробу матери, продолжает свое интеллектуальное развитие, так как внутриутробное существование не дает достаточного количества раздражителей, чтобы стимулировать рост нервных клеток. У меня нет никаких причин сомневаться, что это не всеобщий закон развития всех разумных рас. Результаты всех тестов явственно указывают, что констебль Тау спас не новорожденного ребенка.

— Теперь уже не имеет значения, откуда он взялся и почему. По всей видимости, мы — это все, что у него есть.

Доктор Дисмас оглянулся. И хотя ближайшая группа рабочих располагалась не ближе пятидесяти шагов, меланхолично дробя камень у края аккуратной квадратной ямы, он придвинулся к эдилу поближе и произнес доверительно:

— Вы не принимаете во внимание еще одну возможность. С тех пор как Хранители оставили Слияние, появилась еще одна новая раса, хотя и ненадолго.

Эдил улыбнулся:

— Вы отрицаете мою теорию, доктор, но она по крайней мере объясняет все известные факты, тогда как вы делаете абсолютно безосновательные предположения — возводите замок на песке. Корабль Древних спустился вниз по реке за тридцать лет до того, как нашли плавучую колыбель Йамы, и никто из команды того судна не остался в Слиянии.

— Но ересь, принесенная ими, продолжает жить. Сейчас мы воюем с их идеями. Древние были предками Хранителей, и мы представить себе не можем, как велика их сила. — Доктор Дисмас искоса взглянул на эдила. — Я полагаю, — продолжил он, — были знамения, некие знаки... Слухи весьма неопределенны. Возможно, вам известно больше, чем мне. Если бы вы со мной поделились, может быть, это принесло пользу.

— Я надеюсь, вы ни с кем больше об этом не беседовали? — произнес эдил. — Подобные разговоры, хоть они и выглядят совершенной фантастикой, могут навлечь на Йаму немалую опасность.

— Я вполне понимаю, почему вы ни с кем не обсуждали сомнительное происхождение Йамаманамы, даже в своем собственном Департаменте. Но знаки — вот они, для тех, кто понимает, что нужно искать. К примеру, количество машин, летающих на окраинах Эолиса. Вам не удастся вечно скрывать такие вещи.

Машины вокруг белой лодки. Женщина в гробу. Трюки, которые Йама выделывает со сторожевыми псами. Пчелы, кормившие брошеного ребенка, вероятно, тоже были машинами.

Эдил сказал:

— Не стоит обсуждать такие вещи здесь. Тут требуется осторожность.

Ни за что на свете он не откроет доктору всей правды. Этот человек догадывается слишком о многом, ему нельзя доверять.

— Я всегда — сама осторожность.

Никогда прежде темное заостренное лицо доктора Дисмаса не напоминало маску до такой степени, как сейчас. Вот почему он принимает наркотики, догадался эдил. Наркотики — щит от ударов внешнего мира.

Эдил сурово сказал:

— Я действительно так считаю, Дисмас. Вы никому ничего не скажете о своих находках. И не станете делиться своими соображениями. Я хочу увидеть, что вы обнаружили. Возможно, вы что-нибудь упустили.

— Я принесу все бумаги сегодня вечером, и вы убедитесь, что я прав. А теперь разрешите откланяться, — сказал доктор Дисмас, — мне необходимо восстановить силы после путешествия. Подумайте о том, что я вам сообщил. Мы стоим на пороге великой тайны.

Когда доктор Дисмас ушел, эдил подозвал секретаря. Пока тот готовил ручку и чернила, укладывал кусочек красного воска на раскаленный солнцем камень, чтобы растопить, эдил сочинял в уме письмо, которое ему требовалось написать. Письмо подорвет и так уже небезупречную репутацию доктора Дисмаса и обесценит любые заявления, сделанные аптекарем по поводу Йамы, но оно не погубит его окончательно. В нем будет высказано предположение, что из-за своей приверженности к наркотикам доктор Дисмас вступил в какой-то контакт с еретиками, которые только что пытались поджечь плавучие доки. Но намек должен быть высказан самым деликатным образом, необходимо точно соблюсти меру, ибо эдил был абсолютно уверен, что если доктора вдруг арестуют, он тотчас выложит все, что знает. Эдил осознал, что оба они повязаны целым букетом тайн, а на другой чаше весов лежит душа мальчика — найденыша, чужака, жертвы, дара, дитя реки.

4. ЙАМАМАНАМА

Об обстоятельствах своего рождения Йама ничего не помнил, не помнил о том, как он попал в Эолис на быстроходном скифе, которым правил человек, у ног которого лежал труп, а руки были обагрены кровью собственного сына. Йама просто чувствовал, что Эолис — это его дом, дом, который он знал до мелочей, как может знать лишь ребенок, а особенно ребенок, усыновленный эдилом этого города, и оттого, неосознанно и в полной невинности, носившего на себе неосязаемую печать привилегированности.

Во времена своей славы, еще до Эпохи Мятежа, Эолис, названный так из-за зимних ветров, заунывно поющих в расщелинах между холмами, что лежат выше широкой долины реки Брис, являлся портом Города Мертвых. В те годы Из простирал свои предместья значительно дальше, чем сейчас, но и тогда уже существовал закон, что никто не может быть похоронен в его границах. Вместо этого плакальщики сопровождали своих мертвецов до Эолиса, где день и ночь горели погребальные костры для

низших сословий, а для набальзамированных тел богачей в храмах звучали молитвы и заупокойное пение, алтари сияли целыми созвездиями горящих лампад, мерцающих среди огромных стогов цветов и бесконечных цепочек молитвенных флагов. Прах бедноты развеивался над водами Великой Реки, а мумии власть имущих, богатых торговцев, ученых и аристократии помещались в склепы, чьи полуразрушенные, пустые раковины и сейчас еще усеивали холмы за городом. Брис, который в ту эпоху был судоходен почти до самого истока у подножия Краевых Гор, заполняли сотни и тысячи грузовых барж, доставлявших блоки сухопутного коралла, порфира, гранита, мрамора и всякого рода драгоценные камни, необходимые для сооружения склепов.

Век спустя, после того как полмира превратилось в пустыню из-за восстания одичавших машин и Хранители отняли у Слияния свое благословение, а Из сократился до размеров своей центральной части — сердца, которое уже не могло уменьшаться дальше, похоронные баржи перестали доставлять мертвых в Эолис. Вместо этого с причалов и доков Иза гробы пускали по широким водам Великой Реки, где они становились добычей кайманов, рыб, всякого рода стервятников и ворон. Как эти создания поглощали мертвых, так и Эолис уничтожал свое собственное прошлое. Гробницы и склепы лишились драгоценностей, со стен исчезли декоративные панели и фрески, одежду и украшения мумий похитили. Бронзовые орнаменты фасадов, тяжелые двери, внутреннее убранство гробниц — все переплавлено: вдоль насыпи выше города до сих пор еще видны колодцы плавилен, питаемых энергией ветряных двигателей.

После того как большая часть могил была ограблена, Эолис превратился всего лишь в перевалочный пункт, место, куда заходили корабли пополнить запасы провианта на пути от Иза в низовья реки. Именно этот город знал Йама. Тут был новый причал, пересекающий трясины, поляны полосатой травы-зебры, занесенную песком старую гавань, он тянулся к отступающему берегу Великой Реки, где рыбари с плавучих островов собирались в своих плетеных лодках и продавали связки устриц и мидий, похожие на губку комки красного речного мха, пучки водорослей, креветок, крабов и свежую рыбу. Там царила вечная толчея и суета: у нового причала мельтешили крошечные ялики и шлюпки, мужчины проверяли снасти или трудились на отмелях в устье неглубокого Бриса, где разводили мидий с острыми, как бритва, раковинами. Ныряльщики ловили морских ежей и лангустов в путанице одеревеневших побегов гигантской ламинарии, чьи заросли сплетались в обширные бурые острова на поверхности реки. Вдоль старой набережной тянулась дорога, к которой вели полуразрушенные ступени; там торговцы из племен, обитающих в пустынных холмах дикого побережья ниже Эолиса, устанавливали полотняные шат-

ры и торговали фруктами, свежим мясом, сухими грибами, съедобными лишайниками, кусками ляпис-лазури и мрамора, ободранного с разграбленных фасадов древних захоронений. Там было десять таверн и два публичных дома, торговые склады и фермерский кооператив, беспорядочно разбегающиеся улочки глинобитных домов, нависающие над узкими каналами; единственный действующий храм с белыми, как соль, стенами недавно обновил позолоту своего купола на средства, собранные по подписке. А дальше руины древних некрополей, раскинувшиеся шире, чем сам город, потом поля ямса, рафии, желтого гороха и залитые водой чеки, где выращивали рис и пеонин. Один из последних мэров Эолиса пытался развивать промышленность по переработке пеонового сырья, чтобы хоть как-то возродить жизнь небольшого городка, но в начале войны еретики заставили умолкнуть всех оракулов, и количество жрецов резко сократилось, а значит, сократилась и потребность в натуральных красителях для их мантий. Теперь мельница, сооруженная ниже по течению, чтобы не загрязнять воды песчаной бухты, работала лишь один день в декаду.

Значительная часть населения Эолиса принадлежала к одной расе. Сами себя они называли Амнаны, что просто означало «люди», а враги звали их Болотным Племенем: тела у них массивные, но удачных пропорций, кожа сероватая либо коричневатая. Неуклюжие на суше, они были отменными пловцами и ловкими подводными хищниками, успешно охотились на гигантских выдр и ламантинов — эти животные почти вымерли на этом участке Великой Реки. Они охотились и на рыбаков, поедая их, но когда в Эолис прибыл эдил, он положил этому конец. Женщин рождалось больше, чем мужчин. И сыновья вступали в борьбу с отцами за право владеть гаремом; если они побеждали — убивали своих младших братьев или же выгоняли их из дому. В Эолисе все еще не стихли пересуды о дуэли между констеблем Тау и его сыном. Она длилась пять дней, разворачиваясь на большом отрезке побережья и сети каналов между домами, до тех пор, пока Тау, уже с парализованными ногами, не утонул в неглубоких водах Бриса.

Эдил утверждал, что это варварский обычай, признак того, что Амнаны возвращаются к животной стадии своего развития. Сам эдил бывал в городе как можно реже, едва ли чаще, чем раз в сто дней, да и то лишь затем, чтобы посетить храм и присутствовать на торжественной службе. Йама и Тельмон сопровождали его, сидя лицом ко всем присутствующим по обе стороны от своего отца в мантиях из грубого колючего сукна на жестких стульях с затейливой резьбой. Часа три-четыре длились поклоны, жертвоприношения и хвалебные песнопения. Йаме нравилась твердыня храма, высокое чистое пространство внутри его стен, черный диск оракула в резной золоченой раме, мозаичные картинки в нефах, представляющие сцены

конца света, на которых Хранители, изображенные как облака света, указывают воскресшим из мертвых дорогу в восхитительный мир райских кущ и светозарных садов. Сама помпезная торжественность церемонии службы ему тоже нравилась, хотя он и не считал ее необходимой. Хранители, которые и так все видят, не нуждаются в ритуальном восхвалении. Просто жить, работать, бродить, играть в созданном ими мире — уже сама по себе хвала. Он чувствовал себя значительно счастливее, молясь у оракулов, расположенных у самого края обитаемого мира на дальнем берегу Великой Реки, куда совершались паломничества каждый год во время зимнего празднества, когда тройная спираль Галактики первый раз поднималась во всем блеске своего великолепия над водами Великой Реки и большинство обитателей Эолиса целыми флотилиями пускались в путь, к дальнему берегу, раскидывали там шатры, разводили костры, фейерверками приветствуя наступление зимы, танцевали, молились, пьянствовали и веселились целую декаду.

Эдил принял Йаму в свое семейство, но он был человек суховатый, углубленный в научные изыскания, занятый своими служебными обязанностями или поглощенный работой на раскопках и бесконечными измерениями и расчетами, посредством которых он пытался разделить все, что возможно, на нечто иное, намереваясь выделить первичную сущность, приводящую в гармонию мир, а может быть, и Вселенную. Это не оставляло ему времени на тихие домашние беседы. Как и многие далекие от мира ученые люди, эдил обращался с детьми, как с миниатюрными взрослыми, не в состоянии понять, что дитя — это примитивный, еще не вылепленный сосуд и форма его податлива и ненадежна. Как следствие этого добродушного небрежения Йама и Тельмон провели детские годы под присмотром то одного, то другого из домашней прислуги эдила или же вольно резвились среди сухих холмов Города Мертвых. Случалось, что летом эдил вместе со своими домочадцами покидал замок на целый месяц, перебираясь к месту одного из своих раскопов в Городе Мертвых. Когда Йама и Тельмон не были заняты помощью на медленной изнурительной работе в раскопках, они отправлялись охотиться и исследовать пустынные окраины Города Мертвых. Тельмон искал редких насекомых для своей коллекции, а Йама допрашивал голографические фантомы — у него был талант их будить, а потом раздразнивать, заставляя открывать ему мельчайшие подробности жизни людей, чьи портреты фантомы воссоздавали и для кого они служили стражами и заступниками.

Из них двоих Тельмон был естественным предводителем: на пять лет старше, высокий, серьезный, терпеливый, бесконечно любознательный, с прекрасной темной кожей, как будто подсвеченной теплым каштановым оттенком. Он от природы был прекрасным наездником и стрелком из лука, арбалета и ружья,

частенько в одиночестве отправлялся на охоту к далекой гряде предгорий, где вода Бриса бешено неслась белым потоком сквозь плотины и бьефы старинной системы каналов. Он любил Йаму как настоящего брата, и Йама тоже его любил, известие о его смерти было для Йамы таким же страшным ударом, как и для самого эдила.

Официальное обучение возобновлялось зимой. Два дня в неделю сержант Роден обучал Тельмона и Йаму приемам самозащиты, борьбы и искусству верховой езды, все остальное образование было доверено Закилю, библиотекарю. Закиль, единственный во всем замке, был рабом, когда-то он служил архивариусом, но впал в какую-то непроизносимую ересь. Казалось, Закиль вовсе не тяготился своим статусом раба. До того как на него наложили клеймо, он трудился в обширных хранилищах библиотеки Дворца Человеческой Памяти, теперь он стал библиотекарем замка. Он ел свою простую пищу среди стеллажей, забитых книгами и манускриптами, а спал на кровати в темном углу под полкой с древними фолиантами in quarto, железные переплеты которых покрывались ржавчиной, ибо ничья рука веками их не тревожила. Вся мудрость — в книгах, полагал Закиль, и если у него и была какая-либо страсть (кроме, конечно, той таинственной ереси, но о ней он никогда не упоминал), то именно книжная премудрость. Наверное, во всем доме эдила он был самым счастливым человеком, ведь ему ничего в жизни не требовалось, кроме его работы.

— Раз Хранители целиком и полностью понимают Вселенную и держат ее в своем разуме как единое целое, то из этого следует, что все тексты, проистекающие из сознания, созданного Хранителями, являются отражением их эманации, — не раз говорил Закиль Йаме и Тельмону. — Нам нужно измерять не мир, а отражения мира, профильтрованные сквозь созданный Хранителями мозг. Но эдилу, мальчики, не говорите о моих рассуждениях. Он счастлив в своем бесконечном поиске невыразимого, и я бы не стал беспокоить его такой тривиальной идеей.

Считалось, что Йама и Тельмон изучают математическую логику, Пураны и Протоколы Департамента, но на самом деле они в основном слушали, как Закиль вслух читал им отрывки избранных работ по естественной философии, а потом вел с ними долгие диспуты по всем правилам. Йама и читать научился сначала вверх ногами, следя, как библиотекарь справа налево водит по знакам пальцем в чернильных пятнах и нараспев декламирует звонким голосом. Позже ему снова пришлось учиться читать, на сей раз правильно, и потом, в свою очередь, тоже декламировать. Оба они, и Йама, и Тельмон, знали большую часть Пуран наизусть, Закиль побуждал их к обширному чтению: они изучали хрестоматии, читали древние инкунабулы, но если Тельмон строго следовал установленной Закилем программе, то Йама предпочитал

проводить время в праздных мечтаниях над бестиариями, манускриптами и картами — особенно картами.

Йама перетаскал из библиотеки уйму книг. Казалось, что похищая их, он завладевает теми мыслями и чудесами, что в них описаны, как будто захватывает, частичка за частичкой, весь мир. Большинство этих книг Закиль вернул на место, разыскав их в многочисленных укромных уголках в самом доме и на развалинах вокруг замка, показав себя более умелым следопытом, чем Тельмон или сержант Роден, но кое-что Йаме все-таки удалось сохранить — карту обитаемой части мира. Карта представляла собой свиток, шириной в ладонь, а длиной с два его роста, который наматывался на гибкий сердечник с изображением крохотных фигур тысячи рас, застывших в выразительных позах. Материал карты был тоньше шелка и прочнее стали. С одной стороны виднелись алые, белые, бурые хребты Краевых Гор, а по другой вилась широкая лента Великой Реки, с узким полем дальнего берега, где не было ничего обозначено. Йама знал, что там, на дальнем берегу, находилось множество святилищ и памятников святым столпникам; он видел их каждый год, когда весь город устремлялся за Великую Реку, чтобы фейерверками и ликованием отпраздновать восход Галактики в начале новой зимы; его всегда удивляло, почему же ничего этого нет на карте? Ведь на ней показана такая масса мельчайших деталей. Между Великой Рекой и Краевыми Горами лежала узкая полоса обитаемой земли, тут были зеленые равнины, небольшие горные хребты, цепи озер и охряные пустыни. Большая часть городов располагалась вдоль ближнего берега Великой Реки, тысяча, а может быть, больше; названия их высвечивались на карте, когда Йама дотрагивался до нее пальцем. Самые крупные города лежали ниже истоков: Из — громадное пятно, расплывшееся по извилистой путанице дельты, там, где река набирала свою мощь, впитывая воды ледников и снежных полей, покрывающих все, кроме Хребта Терминала. Когда составлялась карта, Из был на вершине своей славы, причудливая сеть улиц, парков и храмов простиралась от берега Великой Реки до первых отрогов и каньонов Краевых Гор. Простой стеклянный диск, закрепленный на сердечнике проволочной катушкой, открывал взгляду детали расположения улиц. Сжав края диска, можно было настроить увеличение так, что становились различимы даже отдельные здания, и Йама проводил долгие часы, разглядывая сгрудившиеся крыши домов и воображая, что сам он стал меньше пылинки и может теперь свободно бродить по улицам древнего города, существовавшего в век более ясный, чем нынешний.

Вступая в пору зрелости, Йама все сильнее ощущал беспокойство и тревогу. Он мечтал отправиться на поиски людей своей расы. Кто знает, может, они были высокородным и сказочно богатым кланом или сборищем отчаянных авантюрис-

тов, направляющих свои корабли вниз по течению к центру мира и концу Великой Реки, чтобы пуститься в невероятные приключения среди плавающих островов... А может, они принадлежали к сообществу магов, обладающих таинственной волшебной силой, и эта самая сила спит, невостребованная, в глубине его естества.

Йама выдумывал невероятно сложные сюжеты, связанные с его воображаемой расой, и Тельмон терпеливо слушал их во время долгих ночных страж, когда они лагерем стояли среди саркофагов Города Мертвых.

— Никогда не теряй своего воображения, — говорил Тельмон, — кем бы ты ни оказался и откуда бы ни пришел, оно — твой самый замечательный дар. Но ты должен наблюдать и за реальным миром, научиться читать и понимать, запоминать все его знаки, самые мелкие его холмы и леса, пустыни и горы, Великую Реку и тысячи речек, вливающихся в нее, тысячи городов и десять тысяч рас. Знаю, ты очень любишь свою старую карту, но чтобы познать мир, надо жить в нем, в таком, как он есть на самом деле. Попробуй, и ты увидишь, какими богатыми, странными и захватывающими станут твои рассказы. Я уверен, они тебя прославят.

Это было в конце последней зимы, которую Тельмон провел дома, за несколько дней до того, как он повел свой отряд на войну. Они с Йамой отправились в трехдневный рейд по холмам в глубь суши, ведомые слухами о драконе. Низкие серые облака неслись к Великой Реке, погоняемые холодным ветром, студеный дождь, колкий от сверкающих в нем крошечных льдинок, бил в лицо. Они мерно двигались в изгибающейся цепи загонщиков справа и слева. Под мрачным небом расстилались пустоши: холмистые и набухшие от дождя, покрытые густыми зарослями папоротника и алыми островками вереска, расчерченные быстрыми, темными от торфяной пыли ручьями, с разбросанными там и тут кучками разметенного ветром можжевельника и кипарисов и яркими зелеными куполами мха. Йаме и Тельмону пришлось спешиться, потому что лошади впадают в бешенство при намеке на запах дракона. На них были полотняные брюки, длинные клетчатые плащи, надетые поверх курток; приходилось нести тяжелые луки и связки длинных стрел с острыми керамическими наконечниками. Они промокли, продрогли на ветру и окончательно измучились.

— Я поеду с тобой, — сказал Йама, — я отправлюсь на войну и буду сражаться бок о бок с тобой, а потом сочиню эпическую поэму о наших приключениях, и она будет звучать в веках.

Тельмон рассмеялся:

— Сомневаюсь, чтобы мне удалось увидеть сражения.

— Я уверен, твой отряд принесет славу нашему городу.

— Ну, выправка-то у них хорошая, надеюсь только, что она им понадобится лишь на параде.

После того как эдил получил приказ выставить отряд в сотню человек для участия в боевых действиях, Тельмон сам отбирал каждого человека, в основном младших сыновей, у которых почти не было шансов завести гарем. С помощью сержанта Родена он обучал их шестьдесят дней, и теперь через три дня придет корабль и заберет их вниз по реке, на войну.

Тельмон сказал:

— Больше всего я хочу, Йама, вернуть их всех в целости и сохранности. Я поведу их в бой, если прикажут, но они предназначены для работы в тылу, в частях обеспечения, и меня это устраивает. На каждого мужчину и женщину, лицом к лицу сражающихся с еретиками, нужны десять, чтобы снабжать армию, строить оборонительные сооружения, ухаживать за ранеными и хоронить мертвых. Вот почему в каждом городе, деревне, поселке потребовалось собрать отряд. Войне необходимы тыловые войска так же, как и идущие в бой.

— Я пойду добровольцем. Мы можем служить вместе, Тель.

— Прежде всего ты должен заботиться об отце. И кроме того, есть Дирив.

— Она не будет против. И к тому же у нас нет...

Тельмон догадался, о чем речь, и возразил:

— Смешанных браков полным-полно, если уж у вас все так серьезно.

— Мне кажется, что да, Тель. Но я не женюсь, пока ты не вернешься, и я не женюсь, пока мне не выпадет шанс пойти в бой.

— Уверен, что если уж тебе так не терпится, шанс выпадет.

— Как ты думаешь, правда, что еретики воюют с помощью магии?

— Вероятно, они владеют технологиями, им передали их Древние. Они могут казаться магией, но это просто потому, что мы их не понимаем, но правда на нашей стороне, Йама. Мы сражаемся, сберегая в своем сердце волю Хранителей. Это лучше любой магии.

Тельмон легко вскочил на поросший травой бугор, посмотрел в обе стороны, чтобы проверить, как двигаются загонщики. Но именно Йама, глядя прямо вперед и ощущая лицом резкий секущий ветер, увидел маленькую искорку света, вдруг возникшую за широко раскинувшейся перед ними торфяной пустошью.

Он закричал, указывая направление, а Тельмон стал свистеть в свой серебряный свисток, поднимая над головой руки, чтобы загонщики на обоих концах цепочки начинали поворачивать друг к другу, замыкая круг. Зазвучали другие свистки, передавая сигнал дальше, а Йама и Тельмон бросились вперед против слепящего ветра, перескочили через ручей и изо всех сил помчались к пятнышку света, которое мигало и разрасталось в центре темнеющей равнины.

Это горел можжевельник. Жар был настолько силен, что спалил всю траву; пламя трещало, пожирая смолистые ветки, выбрасывая в мокрую тьму длинные языки огня и ароматный дым. Пораженные, Тельмон и Йама смотрели на костер, потом обнялись, хлопая друг друга по плечам.

— Он здесь, — закричал Тельмон, — я уверен, он здесь!

Они осмотрелись, и почти сразу в гуще вереска Тельмон нашел длинный след шириной в тридцать шагов и более пятисот — в длину, он был выжжен до самой дельты и покрыт слоем сырого черного пепла.

Тельмон сказал:

— Самец оставляет такой след, чтобы привлечь самок. Размер и форма показывают, что это сильный, здоровый экземпляр.

— Наверное, он очень большой, — заметил Йама. Возбуждение, которое он чувствовал, пока бежал к огню, улеглось, и теперь он ощущал нечто вроде облегчения. Ему не придется встречаться с драконом. Еще не сейчас. Он измерил шагами длину следа, а Тельмон в это время присел на корточки и в свете горящего дерева шуровал в пепле.

— Четыреста двадцать восемь, — сказал, возвращаясь, Йама. — А какой величины должен быть этот дракон, Тель?

— Довольно крупный. Думаю, он и в охоте удачлив. Посмотрим на следы челюстей. Здесь две разновидности.

Они осмотрели местность вокруг следа, двигаясь как можно быстрее, так как свет все слабел. Дерево почти догорело, когда к ним присоединились загонщики. Они расширили круг поиска, но дракон исчез.

Тремя днями позже Тельмон вместе с отрядом из Эолиса погрузился на караку, которая стояла на якоре в плавучей гавани на пути из Иза к театру военных действий в срединной точке света. Йама не пошел провожать Тельмона, вместо этого он влез на утес над Великой Рекой и запустил своего грозного воздушного змея, который реял на ветру, а небольшая флотилия скифов — в каждом по десятку человек — двигалась на веслах к большому кораблю. Змея Йама сделал в виде красного дракона, его хвост завивался вдоль длинного тела, а из крокодильих челюстей извергался огонь. Ветер с хлопаньем унес его ввысь, Йама зажег запалы и перерезал бечевку. Змей медленно плыл в небе над Великой Рекой, цепочка запалов взрывалась огнем и дымом, пока наконец последний, самый могучий не подпалил ромбовидное тело дракона и тот не свалился с небес.

После того как пришло известие о смерти Тельмона, в душе Йамы поселилось какое-то неясное беспокойство. Он проводил долгие часы, изучая карту или всматриваясь в горизонт через телескоп на башне гелиографа. Там, в верховьях реки,

он всегда чувствовал присутствие шумного города, такого ощутимого, но исчезающего в недоступной дали!

Из! Когда воздух был особенно прозрачен, Йама мог мельком увидеть стройные сияющие башни, возвышающиеся в сердце города. Башни были так высоки, что уходили вверх за пределы видимости, превосходя размерами голые пики горной стены Красного Хребта и уходя в атмосферу дымкой, окутывающей сам город. Из был в трех днях пути по реке, по суше времени требовалось в четыре раза больше, но даже и на таком расстоянии древний город властвовал над всей округой и над мечтами мальчика.

После смерти Тельмона Йама начал методично планировать свой побег, хотя на первых порах он и не рассчитывал его именно как побег, скорее как естественное продолжение тех экспедиций, в которые он пускался сначала с Тельмоном, а позже с Анандой и Дирив по Городу Мертвых. Сержант Роден любил говорить, что самые неудачные военные кампании терпели крах не из-за успешных действий противника, а чаще из-за сбоев в жизненно важных поставках и возникновения форс-мажорных обстоятельств. Вот Йама и делал запасы из похищенных продуктов, пряча их в укромных местечках среди развалин замка. Но на самом деле он не думал всерьез об осуществлении своих планов до самого дня, когда встретился с Лудом и Лобом и когда доктор Дисмас явился с визитом к эдилу.

Доктор Дисмас прибыл, когда ужин подходил уже к концу. По заведенному порядку эдил и Йама ужинали вместе в Большом Зале, сидя на одном конце длинного полированного стола под сводчатым потолком, откуда свисал груз знамен, большей частью таких древних, что вытканные на них гербы и геральдические знаки выцвели без следа, оставив лишь неразличимую вуаль стершихся точек. То были штандарты предков эдила. Он спас их от великого жертвенного костра тщеславия, когда нынешняя администрация Департамента Туземных Проблем, придя к власти, кинулась искоренять прошлое во всех его проявлениях.

Призраки. Призраки над головой и призрак в пустом кресле по правую руку эдила.

Слуги входили и выходили, действуя точно и бесшумно. Сначала принесли похлебку из чечевицы, потом ломтики манго, посыпанные имбирем, затем куски жареного сурка, выложенные на листьях кресс-салата. Эдил говорил мало, разве что спросил Йаму, как прошел день.

Йама провел утро, разглядывая баркас, бросивший якорь пониже бухты три дня назад, и сейчас сказал, что хотел бы взять лодку, чтобы подплыть поближе и лучше его разглядеть.

Эдил заметил:

— Интересно, почему он не встал у нового причала? Он не так велик и легко войдет в устье бухты, а вот не встал.

Нет, полагаю, тебе не стоит туда отправляться. Видишь ли, Йама, на войну с еретиками забирают не только смелых и порядочных людей, всякого рода негодяев берут тоже.

На мгновение оба они подумали о Тельмоне.

Призраки, незримо заполнившие все вокруг.

Эдил сменил тему:

— Когда я сюда впервые приехал, в бухту могли заходить суда любого размера, а когда уровень воды упал, я приказал построить новый причал. Теперь же крупные суда должны бросать якорь в плавучей гавани, но скоро придется передвигать и ее, чтобы принимать самые большие корабли. Если исходить из нынешней скорости обмеления, то, по моим подсчетам, через пять сотен лет река абсолютно высохнет.

— Но есть еще Брис.

— Ну разумеется, разумеется. Но откуда берутся воды Бриса? Только от таяния снегов в Краевых Горах, а снег в свою очередь — это осадки из туч, в которых скопилась влага, испаряющаяся с поверхности Великой Реки. Иногда я думаю, что городу следует вновь отстроить старые шлюзы. В каменоломнях за городом все еще есть хороший мрамор.

Йама вскользь заметил, что доктор Дисмас вернулся из Иза, но эдил только сказал:

— Да-да. Я даже говорил с ним.

— Наверное, он пристроил меня на какое-нибудь никчемное место мелкого клерка.

— Сейчас не время обсуждать твое будущее, — ответил эдил и углубился в книгу, что в последнее время стало у него превращаться в обычай. Одной рукой он делал заметки на полях книги, а другой размеренно брал еду, и это сводило Йаму с ума, ему хотелось встать и убежать в караулку, чтобы расспросить сержанта Родена, который перед наступлением темноты как раз вернулся из патруля.

Слуги убрали со стола большой серебряный поднос с остатками жаркого и как раз вносили блюдо с ледяным шербетом, когда мажордом прошествовал вдоль всего зала и объявил о приезде доктора Дисмаса.

— Пригласи его сейчас же войти. — Эдил захлопнул книгу, снял очки и сказал Йаме: — Беги, мой мальчик. Знаю, тебе хочется допросить сержанта.

Сегодня днем Йама воспользовался телескопом, чтобы следить за эдилом и доктором Дисмасом, когда они встретились и о чем-то беседовали на пыльном склоне холма в Городе Мертвых. Он считал, что доктор Дисмас ездил в Из, чтобы устроить ему место ученика в каком-нибудь пыльном углу эдилова Департамента. А потому, направившись в караулку, он изменил курс и тихонько пробрался на галерею под самым потолком Большого Зала, где по праздникам прятались музыканты и, незримые, ус-

лаждали серенадами слух гостей эдила. Йама просунул голову между древками двух пыльных знамен и обнаружил, что смотрит прямо на эдила и доктора Дисмаса.

Оба они пили портвейн, такой темный, что он казался черным, а доктор Дисмас закурил одну из своих сигарет. Йама ощущал запах пахнущего гвоздикой дыма. Выпрямившись, доктор Дисмас сидел на резном стуле в застывшей позе, и только его белые руки, как живые существа, непрестанно двигались на полированной поверхности стола. Перед ним были разложены бумаги, от которых в воздухе мерцали какие-то голубые точки и черточки. Йама многое бы отдал, чтобы иметь под руками бинокль и разобрать, что написано в этих бумагах и что означают эти схемы.

Йама ожидал, что эдил будет обсуждать с доктором Дисмасом перспективы его ученичества, однако вместо этого эдил завел речь о доверии.

— Когда я взял Йаму в свой дом, я также взял на себя ответственность родителя. Я воспитал его, как смог, приложил для этого все усилия, и я пытался принять решение о его будущем, храня в своем сердце только его интересы. Вы требуете, чтобы я в мгновение ока все это отбросил, поставил на карту мой долг по отношению к мальчику, основываясь на неких смутных обещаниях.

— Не только, — сказал доктор Дисмас, — раса мальчика...

Сердце Йамы забилось быстрее, но эдил сердито оборвал доктора:

— Это не имеет значения. Я помню, что вы мне сообщили. Это убеждает меня, что я обязан позаботиться о его будущем.

— Я понимаю. Но при всем моем уважении позвольте заметить, что вы можете оказаться не в состоянии защитить его от тех, кто пожелает о нем узнать и решит, что его можно использовать. Я говорю о более серьезных уровнях, чем Департамент Туземных Проблем. Я говорю о могучих силах, силах, которые ваши несколько десятков солдат не смогут задержать и на секунду. Вам не следует ставить себя между этими силами и тем, что они пожелают получить.

Эдил вскочил так резко, что опрокинул свой бокал с вином. На мгновение Йаме в его укрытии показалось, что его опекун сейчас ударит доктора Дисмаса, но эдил повернулся спиной к столу, сжал кулаком подбородок и сказал:

— Кому вы рассказали, доктор?

— Пока только вам.

Йама понял, что доктор Дисмас лжет: ответ выскочил из его губ слишком поспешно. Он не знал, догадался эдил или нет.

— Я заметил, что баркас, доставивший вас из Иза, все еще стоит на якоре вне акватории бухты. Меня интересует, что это значит?

— Думаю, я мог бы спросить капитана. Он мой знакомый.

Эдил обернулся к доктору.

— Понимаю, — холодно сказал он. — Значит, вы угрожаете...

— Мой дорогой эдил! Я пришел в ваш замок не затем, чтобы угрожать. Надеюсь, я достаточно хорошо воспитан, чтобы не допускать подобного поведения. Это не угрозы, просто прогноз событий. Вы знаете, что я думаю о происхождении мальчика. Имеется лишь одно объяснение. Полагаю, что любой человек, получив эти свидетельства, пришел бы к такому же выводу, что и я, однако моя правота в данном случае не имеет значения. Необходимо учитывать, в какой опасности может оказаться мальчик. Мы находимся в состоянии войны, а вы прячете его от своего собственного Департамента. Вам не понравится, если ваша лояльность будет поставлена под сомнение. Еще раз.

— Осторожнее, доктор. Я мог бы приказать вас арестовать. По слухам, вы — некромант, занимаетесь магией. К тому же все знают, что вы употребляете наркотики.

Доктор Дисмас спокойно ответил:

— Ну, первое — это только сплетни, а второе, хотя и может быть правдой, едва ли имеет значение, ведь вы только что продемонстрировали доверие ко мне, ваше письмо хранится в моем Департаменте. Копии тех бумаг, которые мне удалось обнаружить, тоже. Арестовать меня вы, конечно, можете, но вот держать в тюрьме — нет: сами будете выглядеть глупцом или взяточником. Но зачем нам ссориться? У нас общий интерес. Мы оба хотим уберечь мальчика от зла и расходимся только во взглядах на то, как его защитить.

Эдил снова сел, пробежал пальцами по серой коже лица и спросил:

— Сколько вы хотите?

Доктор Дисмас засмеялся. Смех его был похож на треск ломающегося под порывами ветра старого дерева.

— На одной чаше весов золотой самородок — ваш сын, а на другой — легчайшее перышко ваших денег. Не буду даже притворяться оскорбленным.

Он встал, вытащил окурок своей сигареты из мундштука, загасил его в лужице портвейна, расплескавшегося из стакана эдила, и потянулся к мерцающим схемам. Щелчок — и схемы исчезли. Доктор Дисмас подбросил в воздух кубик проектора, и тот исчез в кармане его длинного черного сюртука. Он сказал:

— Если вы не предпримете нужных шагов, то я сам буду вынужден это сделать. И поверьте, тогда ваша участь будет незавидна.

Когда доктор Дисмас ушел, эдил сгреб бумаги и прижал их к груди. Плечи его тряслись. Йама, сидя наверху, мог бы подумать, что его опекун плачет, но он, конечно, ошибался. Это невероятно, ведь никогда прежде, даже при известии о смерти Тельмона, эдил не выказывал никаких признаков горя.

5. ОСАДА

В ту же ночь Йама долго не мог заснуть, он лежал, глядя в темноту, а мысли его неслись в бешеном галопе; он пытался понять, что же такое обнаружил доктор Дисмас. В одном он по крайней мере был уверен: это связано с его происхождением, с его расой; постепенно он сумел себя убедить: эти сведение таковы, что доктор Дисмас оказался в состоянии шантажировать эдила. Возможно, его родители были еретиками, или убийцами, или пиратами... но в таком случае, кто мог бы его использовать и какие силы им бы заинтересовались? Он вполне осознавал, что, как и все сироты, он заполнил пропасть отсутствия родителей невообразимыми выдумками. Они могли быть героями войны, живописными негодяями, безмерно богатыми аристократами; они только не могли оказаться обычными маленькими людьми, ибо это означало, что и сам он — заурядность и оставили его не из-за какой-то невероятной авантюры, громкого скандала, а просто из-за мелких житейских трагедий, свойственных простым человеческим жизням. В глубине души Йама знал истинную ценность этим выдумкам и, хотя он давным-давно их оставил, как оставил свои детские игрушки, возвращение доктора Дисмаса вновь их пробудило, и теперь все эти истории, любовно придуманные им в детстве, яркой чередой проносились в его голове, истаивая в беспокойных снах, наполненных непонятным ожиданием.

Когда солнце выползло из-за ломаной линии Краевых Гор, Йаму разбудили звуки какой-то возни у него под окнами. Он открыл ставни и увидел, как садятся на лошадей три пятерки солдат гарнизона в черных, сияющих медью латах, пестрых, как панцирь жука-скарабея, в килтах из полосок красной кожи и горящих огнем, отполированных шлемах. Сержант Роден, коренастый и бритоголовый, стоял, держась за луку седла своего мерина, и следил, как его люди взлетают на коней, устраиваясь в седлах. Из лошадиных ноздрей вырывались клубы пара, позвякивала сбруя, копыта стучали об асфальт, когда лошади переступали ногами. Другие солдаты складывали лестницы, железные кошки, осадные ракеты и мотки веревки в кузов закопченной паровой повозки. Двое слуг возились с паланкином эдила, плывущим в вершке от земли, пытаясь установить его в центре двора. Наконец появился сам эдил, облаченный в официальную мантию: черный соболь, отороченный белыми перьями, шуршащими в струях холодного утреннего ветерка.

Слуги помогли эдилу перебраться через светящуюся занавесь паланкина и сесть на возвышение под балдахином, раскрашенным в золотые и красные цвета. Сержант Роден высоко взмахнул рукой и процессия — паланкин, сопровождаемый с обеих сторон колоннами всадников, — двинулась из двора замка. Чер-

ный дым и искры летели из высокой трубы паровой повозки; белый пар струей вырывался из выхлопных труб; двигаясь, ее обитые жестью колеса высекали из асфальта снопы искр.

Йама моментально натянул на себя одежду. Повозка еще не успела проехать арку ворот в старой стене, а он уже оказался в караулке и расспрашивал конюхов.

— Поехали арестовывать, — сообщил один из них. Это был высокий атлет, с бритой, похожей на пулю головой и могучей шеей, заканчивающейся горою мышц на спине, и темной блестящей кожей глубокого коричневого оттенка с разбросанными кое-где более светлыми островками. Он последовал за эдилом в ссылку из Иза и был, после сержанта Родена, самым старшим среди слуг.

— Не думай, что мы оседлаем твою лошадь, молодой господин. У нас строгий приказ держать тебя дома.

— Думаю, вам не велели говорить мне, кого они собираются арестовывать, но это и не имеет значения, я и так знаю: это доктор Дисмас.

— Хозяин не ложился всю ночь, — сказал Торин, — все разговаривал с солдатами. Я разбудил повара еще до рассвета, чтоб приготовил ему ранний завтрак. Там, наверное, будет драка.

— Откуда ты знаешь?

Торин дерзко усмехнулся, показав похожие на белые иглы зубы.

— И так ясно. На рейде все еще стоит тот корабль. Они могут попытаться его выручить.

Та кучка матросов. Интересно, что они тогда искали? Йама сказал:

— Но они наверняка за нас.

— Некоторые считают, что они за доктора Дисмаса, — возразил Торин. — В конце концов, именно они доставили его в город. Увидишь, обязательно прольется кровь, иначе это дело не кончить. Повар со своими ребятами готовит бинты, и если тебе нечего делать, можешь им помочь.

Йама снова кинулся бежать, на сей раз в кухню. Схватил сахарную булку с противня, только что вынутого из печи, и, прыгая через две ступени, помчался по черной лестнице, на ходу откусывая большие куски. Он постоял за колонной, выжидая, пока старик, прислуживающий эдилу в спальне, запрет дверь и, перекинув через руку смятые полотенца, удалится шаркающей походкой; потом он попробовал ножом открыть замок — современную механическую штуку размером с человеческую голову. Отодвинуть одну за другой собачки замка оказалось делом несложным, так же как и успокоить машины, хором протестовавшие против его вторжения, хотя целая минута ушла, чтобы убедить возгоночный куб, что присутствие Йамы не повредит его тонкие механизмы.

Йама стал торопливо искать бумаги, которые принес доктор Дисмас, но их не было среди разбросанных на столе

листов, не было их и в дорожном бюро сандалового дерева с целой панелью выдвигающихся ящичков. Может, бумаги остались в кабинете сторожевой башни, но там был старый замок, его Йама никогда не мог уговорить открыться.

Он закрыл бюро и присел на корточки. В этой части дома царил покой. Тонкие лучи утреннего солнца проникали в высокие узкие окна, высвечивая изысканный узор ковра, лежащую вверх обложкой книгу, брошенную на столик рядом с креслом, где обычно читал эдил. Закиль, наверное, уже ждет его в библиотеке, но сейчас есть дела поважней. Йама вернулся во двор через кухню, срезал дорогу через сад, помчался по крутому склону бруствера, нырнул в развалины и, проскочив их, побежал к городу.

Башня доктора Дисмаса стояла сразу за городской стеной. Высокая и узкая, когда-то она использовалась для производства дроби. Капли расплавленного металла, падая и охлаждаясь, превращались в идеальные сферы и ныряли для закаливания в бассейн с водой у основания башни. Строители башни, желая создать рекламу ее назначению, проделали в ней узкие, похожие на бойницы окна и устроили парапет с зубчатой балюстрадой, имитируя сторожевую башню замка. Когда литейня была разрушена, башню некоторое время действительно использовали как сторожевой пост, но потом построили новую городскую стену с башней снаружи, и эта осталась без дела; камни медленно крошились от впивающихся в них побегов плюща, как мантией окутавшего все сооружение; дробилитная платформа на верху башни превратилась в логово сов и летучих мышей.

Доктор Дисмас поселился в башне, когда занял пост аптекаря. Как только все было расчищено, установлены новые лестницы и настелены полы трех этажей внутри, а над зубчатой балюстрадой поднялся высокий шпиль, доктор Дисмас закрыл двери башни для публики, предпочитая использовать для аптеки комнату, выходящую окнами на берег реки. Люди говорили, что в башне он занимается всякого рода черной магией: от некромантии до хирургических опытов по сотворению химер и прочих чудовищ. Болтали, что у него был гомункулус, отцом которого стал он сам, для чего изувечил девушку, похищенную из племени рыбарей. Гомункулус жил в соленой воде и мог прорицать будущее. В Эолисе любой мог поклясться, что это правда, хотя, разумеется, своими глазами никто ничего не видел.

Когда Йама добрался до башни, солдаты уже начали осаду, а на безопасном расстоянии уже собралась толпа, чтобы позабавиться зрелищем. Сержант Роден стоял у дверей в подножии башни, шлем он засунул под мышку и лающим голосом зачитывал приказ. Эдил, выпрямив спину, сидел в паланкине под балда-

хином в окружении солдат и взвода городской милиции там, где ни выстрелы, ни возможная потасовка не могли его побеспокоить. Милиционеры — разношерстная команда в плохо подогнанной амуниции, вооруженная в основном самодельными мушкетонами и ружьями, — были построены в две ровные шеренги, будто приготовились участвовать в великолепном спектакле. Лошади эскорта мотали головами, их нервировала толпа и непрерывное шипение костра паровой повозки.

Йама взобрался на выступ разрушенной стены в тылу у толпы, состоящей только из мужчин. Женам не позволялось покидать гаремы. Люди стояли плечом к плечу: кожа коричневатая или серая, тяжеловесные, плотные, на коротких мускулистых ногах, с голой грудью, одетые лишь в полосатые штаны или килты. От них воняло потом, рыбой, застоявшейся речной водой; они толкали и теснили друг друга, чтобы лучше видеть происходящее. В воздухе витало радостное ощущение зрелища, как будто заезжий театр ставил забавную пьесу. Давно пора отомстить этому колдуну, говорили они друг другу, считая, что не так-то просто будет эдилу выкурить его из гнезда.

Разносчики вовсю торговали шербетом, сладостями, жареными пирожками из речных водорослей, ломтями арбуза. Кучка блудниц дюжины различных рас в коротеньких, ярко раскрашенных хитонах, с набеленными лицами и конусами фантастических париков расположились на небольшом возвышении позади толпы и смотрели на происходящее, передавая друг другу маленький телескоп. Их сутенер, рассчитывая, конечно, на легкую прибыль, когда закончится представление, бродил в толпе, перебрасывался шутками с мужчинами и продавал сигареты с гвоздичным ароматом. Йама пытался высмотреть блудницу, с которой он провел ночь перед тем, как Тельмон ушел на войну, не нашел ее и густо покраснел, встретившись взглядом с сутенером, который ему подмигнул.

Сержант Роден еще раз пролаял приказ, но так и не дождавшись ответа, надел на свою бритую, иссеченную шрамами голову шлем и захромал назад, туда, где оставались эдил и другие солдаты. Он облокотился на край паланкина, и они с эдилом о чем-то коротко посовещались.

— Надо выкурить его оттуда! — закричал кто-то, в толпе прокатился одобрительный шум.

Паровая повозка выбросила облако черного дыма и двинулась вперед; солдаты спешились и пошли вдоль толпы, выбирая из ее рядов добровольцев. Сержант Роден произнес перед храбрецами короткую речь и раздал монеты, под его руководством они подняли с повозки таран и, сопровождаемые солдатами, потащили его к башне. Солдаты держали над головами круглые щиты, но из башни не доносилось ни единого звука, пока добровольцы не приложились тараном к ее дверям.

Тараном служил ствол молодой сосны, оплетенный стальной спиралью, который покоился в люльке из широких кожаных полос с петлями для рук восьми человек, довершал снаряжение стальной наконечник в форме козлиной головы с мощными закрученными рогами. Толпа криками поддерживала смельчаков, пока они со все нарастающей амплитудой раскачивали таран.

— Раз! Два!

При первом ударе дверь загудела, как барабан, целое облако летучих мышей выпорхнуло из окон верхнего этажа башни. Они носились над головами толпы, с сухим треском хлопая крыльями, люди смеялись и подпрыгивали, пытаясь их ловить. Одна из блудниц бросилась бежать по дороге, колотя обеими руками по голове, чтобы прогнать двух мышей, запутавшихся в ее громадном коническом парике. В толпе захохотали. Блудница споткнулась, упав вниз лицом; тут подбежал милиционер, ножом полоснул одну из летучих мышей, вторая наконец высвободилась и взмыла в воздух, милиционер наступил на свою добычу и растер ее в кровавое пятно. Остальная стая, будто сдутая ветром, поднялась вверх и растворилась в голубом небе.

Таран снова и снова бил в дверь. Добровольцы теперь нащупали ритм; толпа радостно колыхалась вместе с ритмичными ударами. Кто-то сказал рядом с Йамой:

— Надо его выкурить.

Оказалось, что это Ананда. Как всегда, он был в своей оранжевой мантии. В руках у него был маленький кожаный мешочек с ладаном и елеем. Он объяснил Йаме, что его господин явился сюда, чтобы изгнать из башни злых духов, а если дело обернется плохо, то причастить умирающих. Он до неприличия радовался предполагаемому аресту доктора Дисмаса. Доктор Дисмас был известен своей нечестивой верой в то, что судьбой человека правит случай, а вовсе не Хранители. Он не посещал праздничных служб, хотя частенько наведывался в храм, играл в шахматы с отцом Квином и часами спорил с ним о природе Хранителей и Вселенной. Жрец считал доктора Дисмаса блестящим ученым, которого еще можно спасти. Ананда же знал, что для этого доктор слишком умен и слишком полон гордыни.

— Он играет с людьми, — сказал Ананда Йаме, — ему нравится заставлять людей считать его чародеем, хотя на самом деле он не владеет такими силами. Никто не владеет, если только их не ниспошлют Хранители. Пора его наказать. Он слишком долго гордился своей славой.

— Он что-то обо мне знает, — сказал Йама, — он узнал это в Изе. Я думаю, он пытается шантажировать моего отца.

Йама описал события вчерашней ночи, и Ананда мягко сказал:

— Не думаю, что доктор Дисмас вообще что-то нашел, но он, конечно, не мог просто вернуться и сказать об этом эдилу. Он блефовал, а теперь должен за этот блеф расплачиваться. Вот увидишь, эдил проведет следствие и допросит его как следует.

— Ему надо было убить доктора на месте, а он не решился и теперь устраивает этот фарс.

— Твой отец осторожный и законопослушный человек.

— Слишком осторожный, хороший генерал разрабатывает план и наносит удар прежде, чем противник укрепит свои позиции.

Ананда возразил:

— Он не мог убить доктора Дисмаса на месте или даже просто его арестовать. Это было бы незаконно. Он должен провести консультации с Комитетом Ночи и Алтаря. В конце концов, доктор Дисмас — их человек. Так свершилось бы правосудие, и все были бы удовлетворены. Вот почему он приказал выбрать добровольцев из толпы. Чтобы все оказались втянуты в это дело.

— Может, и так, — согласился Йама, но все равно Ананда его не убедил. Он чувствовал возбуждение и одновременно стыд, что все эти события связаны каким-то образом с тайной его происхождения. Ему хотелось, чтобы все скорее кончилось, но другая часть его личности, та сумасбродная часть, что мечтала о пиратах и авантюристах, восхищалась демонстрацией силы; теперь Йама был более чем когда-либо уверен, что не сможет тихонько проводить свои дни в какой-нибудь конторе в стенах Департамента Туземных Проблем.

Таран все бил и бил, но не было никаких признаков, что дверь поддается.

— Она укреплена железом, — сказал Ананда, — на ней нет петель, она сдвигается в сторону. В любом случае еще долго ждать, даже когда они разобьют дверь.

Йама заметил, что Ананда слишком уж сведущ в процедуре осады.

— Я уже видел такое, — объяснил Ананда. — В маленьком городке у стен монастыря, где меня воспитывали, высоко в горах, выше по течению, чем Из. Банда разбойников заперлась в доме. В городе был только маленький отряд милиции, а Из находится в двух днях пути — пока солдаты добрались бы туда, бандиты легко могли скрыться под покровом темноты. Милиционеры решили сами схватить разбойников. Но когда они хотели вломиться в дом, нескольких человек убили, так что в конце концов они сожгли весь дом и бандитов вместе с ним. Это нужно сделать и здесь, иначе солдатам придется искать доктора Дисмаса по всем этажам. Он сможет убить еще много народу, прежде чем его арестуют, а представь себе, вдруг у него есть что-нибудь вроде паланкина и он просто улетит?

— Тогда мой отец бросится за ним в погоню. — Йама засмеялся, представив такую картину: доктор Дисмас вы-

етает из башни, как летающий таракан, а эдил в своем богато крашенном паланкине устремляется за ним, как голодная птица.

Толпа радостно ахнула. Йама и Ананда, расталкивая всех локтями и коленями, пробрались вперед и увидели, что дверь раскололась снизу доверху.

Сержант Роден поднял руку, и на миг установилась выжидательная тишина:

— Еще разок, ребята, вложите всю душу.

Таран ударил, дверь разлетелась в щепки и выпала. Толпа подалась вперед, унося с собою Ананду и Йаму, солдаты оттесняли юдей назад. Один из них узнал Йаму.

— Вам не следует здесь находиться, молодой господин, — сказал он, — отправляйтесь домой, будьте благоразумны.

Йама отскочил прежде, чем солдат успел его схватить, и вместе Анандой вернулся к своему прежнему наблюдательному пункту а разбитом выступе скалы, откуда им все было видно над головами толпы и цепочкой вооруженных солдат. Группа добровольцев наносила короткие быстрые удары по обломкам двери, а потом отступила в сторону, пропуская пятерку солдат (позади них тащился командир отряда милиции), которые подошли, держа наготове ружья и арбалеты.

Во главе с сержантом Роденом команда исчезла в темном проеме. На миг стало тихо, все чего-то ждали. Йама посмотрел на эдила, тот сидел, выпрямив спину, под балдахином паланкина с врачным выражением лица. Белые перья, опушающие высокий ворот его соболиной мантии, трепетали от утреннего ветерка.

Вдруг раздался глухой взрыв. Оранжевый дым повалил из окон башни, волнами растекаясь в воздухе. В толпе зашушукались, не понимая, входит ли это в план атаки или же это отчаянный ход обороняющихся. Новые удары, теперь дым валил уже из всех окон и из дверного проема. Спотыкаясь, из башни вывалились солдаты, последний — сержант Роден, тащивший командира милиционеров.

Теперь к дыму, рекой льющемуся из окон, примешивались зыки пламени, сам дым из оранжевого медленно приобретал голубой оттенок. Некоторые в толпе встали на колени и прижали кулаки ко лбу, изображая знак Хранителей.

Ананда сказал Йаме:

— Это дело рук демона.

— Я думал, ты не веришь в магию.

— Нет, но в демонов верю. В конце концов, именно демоны пытались столетие назад уничтожить заведенный Хранителями порядок. Возможно, доктор Дисмас — как раз демон, замаскированный под человека.

— Демоны — это машины, а не сверхъестественные существа, — сказал Йама, но Ананда отвернулся посмотреть на горящую башню и, казалось, его не слышал.

Пламя забиралось все выше, кольцо огня охватило декоративный шпиль на крыше башни. Красный дым туманил воздух, сквозь него, кружась, опускались крупные хлопья белого пепла. Пахло серой и чем-то неприятно сладковатым. Потом вновь раздался взрыв, и громадный язык пламени метнулся из дверного проема. Шпиль башни разлетелся на куски. Горящие ошметки пластиковой фольги дождем посыпались на головы толпы, и люди кинулись бежать в разные стороны.

В первых рядах возникла паника, сзади напирали, десятки людей полезли через стену, и Йама с Анандой потеряли друг друга. Одна из лошадей подалась назад, ударив копытом человека, который хотел взять ее под уздцы. Паровая повозка пылала. Водитель выскочил из горящей кабины и стал кататься по земле, чтобы затушить тлеющую одежду; он вскочил на ноги как раз в тот момент, когда взорвались заряды в кузове, обратив его в раскаленный пепел.

Осадные ракеты полетели во всех направлениях, волоча за собой горящие хвосты веревок. Взорвалась бочка с напалмом, став маслянисто-огненным шаром и выбросив в небо грибовидное облако кипящего дыма. Пламя выплевывало языки так далеко, что люди искали любого укрытия, которое только могло защитить. Йама упал на землю и закрыл голову руками, а вокруг падали горящие обломки.

Потом наступила поразительная тишина. Йама поднялся на ноги, в ушах у него шумело, тут чья-то тяжелая рука легла ему на плечо и заставила обернуться.

— Мы с тобой еще не закончили, — сказал Лоб. За его спиной, выставив клыки, ухмылялся Луд.

6. ТАВЕРНА БУМАЖНЫХ ФОНАРЕЙ

Луд взял нож Йамы и заткнул его себе за пояс, рядом с собственным кривым лезвием.

— Не вздумай звать на помощь, — предупредил он, — или мы отрежем тебе язык.

Люди вокруг поспешно двигались в сторону городских ворот. Лоб и Луд, схватив Йаму за руки, тащили его в толпе. Яростный огонь пожирал башню, эта мощная гигантская труба выбрасывала в воздух густой красный дым, который смешивался с копотью горящей повозки и дымом бесчисленных мелких пожаров и застилал солнце. Несколько лошадей, сбросив всадников, носились бешеными кругами. Сержант Роден метался среди огня и дыма, пытаясь организовать контрмеры: несколько солдат и ми-

лиционеров уже сбивали мокрыми одеялами огонь там, где загорелась трава.

Толпа разделилась на два потока вокруг Ананды и жреца. Они стояли на коленях около лежащего человека, смачивая его лицо маслом и читая отходные молитвы. Йама обернулся и попытался перехватить взгляд Ананды, но Луд зарычал, силой повернул его голову и потащил дальше.

Дым горящей башни висел над тесно сомкнутыми крышами городка. Вдоль старого берега лодочники заворачивали товары в одеяла. Торговцы и приказчики закрывали окна ставнями и становились у дверей на страже, вооружившись ружьями и секирами. Народ уже громил дом, где у доктора Дисмаса была аптека. Люди тащили мебель на веранду второго этажа и выбрасывали ее на улицу; книги летели вниз, как птицы с перебитыми спинами, кувшины с ингредиентами лекарств раскалывались об асфальт, над ними взлетали облака разноцветных порошков. Какой-то человек методично разбивал окна тяжелым молотком.

Лоб и Луд протолкнули Йаму сквозь бесконечную толпу и повернули в переулок — скорее замощенную тропу над зеленой водой канала. Одноэтажные домишки, теснившиеся вдоль канала, были сложены из камня, добытого из древних величественных зданий, и потому высокие узкие окна окаймлялись разномастными кусками полустертой резьбы или осколками каменных панелей со следами текстов на давно забытом языке. Покатые настилы вели к грязной пенной воде; в этой части города жили одинокие батраки, личные купальни им были не по карману.

Сначала Йама решил, что братья притащили его в этот убогий незаметный переулок, чтобы здесь рассчитаться с ним за его вмешательство в ту забаву с отшельником. Он собрался с духом, но его все еще толкали вперед. Наконец они с улицы вошли в таверну: Луд впереди, а Лоб замыкающий; над головой у них поскрипывала и шуршала на вонючем ветру цепочка древних бумажных фонариков.

Половину помещения занимал бассейн, подсвеченный изнутри зелеными подводными лампочками. Стертые ступени вели к луже светящейся воды. В центре бассейна на спине плавал чудовищно толстый человек, тени метались по галереям, окружающим комнату с трех сторон. Когда Лоб и Луд шли мимо бассейна, человек засопел и пошевелился. Лоб бросил монету. Толстяк поймал ее подвижными пухлыми губами подковообразного рта. Нижняя губа его вывернулась и монета исчезла в утробе. Он снова засопел и закрыл глаза.

Луд уколол Йаму концом ножа и толкнул мимо кучи бочек к узкому проходу, приведшему их в маленький дворик. Здесь, под стеклянной крышей в пятнах водорослей и черной плесени, находилось нечто вроде клетки из витой проволоки, занимающей почти все пространство между белеными стенами: с

обеих сторон оставалось лишь с ладонь свободного места. А внутри клетки, под проволочным потолком сидел, согнувшись за шатким столиком, доктор Дисмас и читал книгу. В костяном мундштуке дымился окурок сигареты с гвоздичным ароматом.

— Вот он, — сказал Луд. — Мы его привели.

— Давайте его сюда, — сказал аптекарь и нетерпеливо захлопнул книгу.

Забыв страх, Йама окаменел. Луд отпирал дверь в клетку, а Лоб грубо обхватил Йаму сзади, потом его втолкнули внутрь, дверь захлопнулась, за спиной щелкнул замок.

— Нет, — усмехнулся доктор Дисмас, — я далеко не мертв, хотя мне и пришлось заплатить немалую цену за спасение. Закрой рот, мальчик, а то ты похож на лягушку. Ты ведь любишь охотиться на лягушек?

С той стороны Лоб и Луд толкали друг друга в бок.

— Ну, давай, — бормотал один.

— Лучше ты.

Наконец Луд решился и сказал доктору:

— Вы должны нам заплатить. Мы сделали, что вы сказали.

— В первый раз у вас не вышло, — ответил доктор Дисмас, — я не забыл. Это еще не вся работа, если я заплачу вам сейчас, вы все пропьете. Сейчас уходите. Вторую часть мы выполним через час после захода солнца.

Снова посоветовавшись с братом, Луд сказал:

— Мы подумали, может быть, вы заплатите за одно это, а потом мы сделаем другое.

— Я сказал, что заплачу, если вы приведете мальчишку сюда. И я заплачу. И заплачу еще больше, если вы поможете мне доставить его человеку, который меня послал. Но если не все будет сделано до конца, как я сказал, денег не будет вообще.

— Может, мы сделаем одно, — стал канючить Луд, — а второе не будем?

Доктор Дисмас резко ответил:

— Когда я сказал вам начинать вторую часть дела?

— На заходе, — со злостью буркнул Лоб.

— Через час после захода. Запомните это. И мне, и вам будет одинаково плохо, если работа окажется сделана не так, как надо. В первый раз у вас сорвалось. Смотрите, чтобы это не повторилось.

Луд злобно пробормотал:

— Мы же его привели, разве нет?

Лоб добавил:

— Мы бы его и в ту ночь поймали, если бы не попался этот вонючий старик с палкой.

Йама смотрел на братьев-близнецов через ячейки сетки. Они избегали его взгляда. Он сказал:

— Выпустите меня. Я скажу, что вы спасли меня в давке. Я не знаю, что обещал вам доктор Дисмас, но отец заплатит за мое спасение вдвое больше.

Луд и Лоб хмыкнули, хлопая друг друга по ребрам.

— Ну и чудик! Прямо настоящий маленький джентльмен.

Лоб рыгнул, его брат заржал. Йама обернулся к доктору Дисмасу.

— То же самое относится и к вам, доктор.

— Мой дорогой мальчик, не думаю, что моя цена устроит эдила, — ответил доктор Дисмас, — я был счастлив в своем доме с моими книгами и опытами. — Он приложил руку к своей узкой груди и вздохнул. У него было шесть пальцев с заостренными ногтями.

— Теперь все пропало благодаря тебе. Ты мне много чего должен, Йамаманама, и я собираюсь все получить сполна. Мне не нужна благотворительность эдила.

Йама почувствовал странную смесь возбуждения и страха. Он был уверен, что доктор Дисмас обнаружил его расу, а может быть, нашел и семью.

— Значит, вы и правда узнали, откуда я родом. Вы нашли мою семью, ну, то есть мою настоящую семью...

— Кое-что получше, куда лучше, — сказал доктор Дисмас, — но сейчас не время об этом говорить.

Йама упрямо сказал:

— Я хочу узнать прямо сейчас, я заслужил.

Доктор Дисмас вдруг разозлился:

— Я тебе не прислуга, мальчишка. — Он протянул руку и нажал на какую-то точку на руке Йамы. Голова Йамы наполнилась вдруг яркой, как свет, болью. Он упал на колени на сетчатый пол клетки, а доктор Дисмас обошел стол и взял Йаму за подбородок длинными холодными костлявыми пальцами.

— Теперь ты мой, — сказал он, — не забывай об этом. — Он снова повернулся к близнецам: — Почему вы все еще здесь? Вы уже получили приказ.

— Мы вернемся вечером. Смотрите, заплатите тогда.

— Конечно, конечно.

Как только близнецы ушли, доктор Дисмас сказал Йаме доверительным тоном:

— Честно говоря, я бы предпочел работать один, но едва ли мог позволить себе бродить в толпе, когда все считали, что я в башне. — Он просунул руки Йаме под мышки и поднял его.

— Пожалуйста, сядь, будь любезен. Мы цивилизованные люди. Ну вот, так-то лучше.

Йама присел на краешек хлипкого металлического сиденья и некоторое время просто дышал, пока боль не свернулась, превратившись в теплый комок в мышце плеча. Наконец он сказал:

— Вы знали, что эдил собирается вас арестовать.

Доктор Дисмас вернулся на свое место с другой стороны стола. Вставив в мундштук новую сигарету, он произнес:

— Твой отец слишком серьезно относится к своим обязанностям. В соответствии с правилами он сообщил о своих намерениях в Комитет Ночи и Алтаря. Один из его членов — мой должник.

— Если между вами и моим отцом есть какие-то проблемы, я уверен, их можно решить, но пока вы держите меня в плену, ничего не получится. Как только пожар в башне утихнет, начнут искать тело, не найдут и станут искать вас. А город у нас маленький.

Доктор Дисмас выпустил струю дыма в проволочный потолок клетки.

— Как хорошо научил тебя логике Закиль. Довод вполне убедительный, но они найдут тело.

— Значит, вы с самого начала планировали сжечь свою башню, и нечего за это винить меня. Думаю, что, уходя, вы унесли свои книги.

Доктор Дисмас не стал отрицать. Он спросил:

— Кстати, как тебе понравилось представление?

— Некоторые верят, что вы колдун.

— Колдунов не бывает. Те, что называются колдунами, обманывают и себя, и своих клиентов. Мое маленькое пиротехническое представление создано просто несколькими аккуратно смешанными солями, которые воспламенились от электрического детонатора при замыкании цепи, когда какой-то бегемот наступил на пластину, спрятанную под ковриком. Примитивный фокус. Его может показать любой ученик аптекаря, достойный этого звания, но, конечно, не в таких масштабах.

Доктор Дисмас ткнул в Йаму пальцем, и тот с трудом удержался, чтобы не отшатнуться.

— Все из-за тебя. Ты — мой должник, Йамаманама. Дитя реки, это правда, но вот какой реки, хотелось бы мне знать. Уверен, что не нашей Великой Реки.

— Вы что-то знаете о моей семье! — Йама не мог сдержать жадного любопытства, и оно прозвенело в его голосе, поднимаясь и раздуваясь в его душе — он хотел смеяться, петь, танцевать. — Вы знаете о моей расе.

Доктор Дисмас сунул руку в карман своего длинного сюртука и достал пригоршню пластмассовых соломинок. Он посчитал их в своей длинной костлявой ладони и бросил на стол. Он хотел принять решение, обращаясь к методу случайных чисел; Йама уже слышал об этой его привычке от Ананды, который сообщил о ней возмущенным тоном.

Йама спросил:

— Вы решаете, сказать мне или нет, доктор?

— Ты смелый мальчик, раз спрашиваешь о запретных знаниях, ты заслуживаешь какого-то ответа.

Доктор Дисмас стряхнул с сигареты пепел.

— Быки и верблюды, антилопы, ослы и лошади, — все работают в ярме под надзором мальчишек не старше тебя, и даже моложе, а вооружены они только свежесрезанной хворостиной — больше им нечем грозить своим подопечным. Почему так происходит? Потому что та часть существа этих животных, которая рвется к свободе, была сломлена и заменена привычкой. Чтобы поддерживать эту привычку, достаточно хворостины, ничего больше. Даже если освободить этих животных от грузов и упряжи, они окажутся слишком изломанными, чтобы вообразить, что можно уйти от хозяев. Большинство людей похожи на этих животных, дух их изломан страхом перед фантомами религии и власти. Я много трудился, чтобы сломать привычку. Надо быть непредсказуемым — только так можно обмануть тех, кто считается хозяевами людей.

— Я думаю, вы не верите в Хранителей, доктор.

— Я не ставлю под сомнение их существование. Разумеется, они когда-то существовали. Наш мир — тому доказательство; Око Хранителей, упорядоченная Галактика — это все доказательства. Но я ставлю под сомнение великую ложь, которой жрецы гипнотизируют население, что Хранители наблюдают за нами и мы должны соответствовать их требованиям, чтобы заслужить воскрешение и вечную жизнь после смерти. Как будто существа, определяющие траектории звезд, могут думать о том, бьет ли человек свою жену, или о том, дразнит ли один ребенок другого. Это хлыст, который удерживает людей на своих местах, чтобы так называемая цивилизация могла катиться по накатанной дороге. Плевать я на это хотел!

Тут доктор Дисмас и правда сплюнул, деликатно, как кот, но Йама все-таки был поражен.

Аптекарь снова пристроил свой сигаретный мундштук во рту, вцепившись в него крупными тупыми зубами. Когда он улыбался, не выпуская мундштука, бляшки на скулах выглядели как рельеф древесины.

Доктор Дисмас продолжал:

— Хранители создали нас, но теперь они ушли. Они мертвы, и это дело их собственных рук. Они создали Око и провалились за его горизонт со всеми своими мирами. А почему? Потому что они отчаялись. Они трансформировали Галактику и могли переделать Вселенную, но у них не выдержали нервы. Они оказались трусливыми дураками, и каждый, кто верит, что они все еще за нами следят, еще худший дурак.

На это Йама ответить не мог. Не было нужного ответа. Ананда прав. Аптекарь — это монстр, не желающий служить никому и ничему, кроме своей чудовищной гордыни.

Доктор Дисмас сказал:

— Хранители ушли, но машины остались, они по-прежнему следят за нами и управляют миром по устаревшим

рецептам. Разумеется, они не могут одновременно следить за всем, вот они и строят модели, чтобы прогнозировать поведение людей, а потом следить только за отклонениями от нормы. В большинстве случаев и с большинством людей это срабатывает, но существуют люди, которые, подобно мне, не поддаются прогнозированию, потому что отдают важные решения на волю случая. Машины не в состоянии отследить произвольные пути в каждый отдельный момент, и потому мы становимся невидимками. Но, конечно, клетка вроде этой тоже помогает от них спрятаться. Она экранирует контрольные тесты машин. Поэтому я ношу шляпу, в ней подкладка из серебряной фольги.

Йама засмеялся: доктор на полном серьезе признавался в своей смешной привычке.

— Значит, вы боитесь машин.

— Вовсе нет. Но они меня очень интересуют. У меня есть небольшая коллекция деталей машин, извлеченных из раскопок на развалинах в пустынях за срединной точкой мира — одна, почти целая, настоящее сокровище.

Доктор Дисмас вдруг резко сжал голову, сильно тряхнул ею и подмигнул Йаме:

— Но не следует говорить об этом. Не здесь. Они могут услышать, даже в этой клетке. Одна из причин, почему я приехал сюда, — это активность машин, здесь она выше, чем где-либо во всем Слиянии, даже в Изе. И вот я, мой дорогой Йамаманама, нашел тебя.

Йама показал на соломинки, разбросанные по столу. В сечении они были шестиугольными, а вдоль граней виднелись красные и зеленые иероглифы какого-то неизвестного языка. Он спросил:

— Вы отказываетесь признавать власть Хранителей над людьми, а сами следуете указаниям этих кусочков пластмассы.

Доктор Дисмас ответил хитрым взглядом:

— Но именно я решаю, какой задать вопрос.

У Йамы в голове был только один вопрос:

— В Изе вы узнали что-то о моей расе и сообщили отцу то, что узнали. Если вы не хотите рассказать мне всего, пожалуйста, расскажите хотя бы то, что сказали ему. Может быть, вы нашли там мою семью?

— Чтобы найти твою семью, нужно смотреть дальше Иза, мой мальчик, и, вероятно, у тебя будет такая возможность. Думаю, эдил по-своему неплохой человек, но это лишь означает, что он всего только скромный чиновник, не способный ни на что большее, кроме как управлять маленькой хиреющей провинцией, ни для кого не представляющей интереса. В его руки попал приз, способный определять судьбы всех народов Слияния, более того — всего мира, а он ничего не предпринимает. Такой человек заслуживает наказания, Йамаманама. А что касается тебя, в тебе таится огромная опасность, потому что ты не ведаешь, кто ты.

— Мне бы очень хотелось узнать. — Йама и половины не понял из того, что говорил доктор Дисмас. С замиранием сердца он подумал, что, вероятно, этот человек — сумасшедший.

— Невинность — не оправдание, — сказал доктор Дисмас, но, казалось, он говорит сам с собой.

Длинными костлявыми пальцами он шевелил на столе соломинки, как будто пытаясь изменить свою судьбу. Он зажег следующую сигарету и стал смотреть на Йаму не отрывая взгляда. Йама почувствовал себя неуютно и отвернулся.

Доктор Дисмас засмеялся, вынул вдруг небольшой кожаный футляр и раскрыл его на столе. Внутри находились стеклянный шприц, прижатый эластичными петлями, спиртовая горелка, изогнутая серебряная ложка, вся в темных разводах, маленькие пестик и ступка, а также несколько бутылочек с резиновыми пробками. Из одной бутылочки доктор Дисмас достал сушеного жука и положил его в ступку, из другой добавил несколько капель прозрачной жидкости, наполнившей комнату резким запахом абрикосов. Доктор Дисмас с величайшим тщанием растер жука в кашицу и переложил ее, выскребая все до капельки, в ложку.

— Кантарид, — сказал он, как если бы это все объясняло. — О, ты еще слишком молод и не поймешь, что временами для такой тонкой натуры, как у меня, мир становится слишком невыносимым.

— Мой отец говорит, что это навлекло на вас неприятности в вашем Департаменте. Он говорит...

— Что я поклялся, что перестану его употреблять? Ну разумеется. Я так сказал. Если бы не сказал, они не позволили бы мне вернуться в Эолис.

Доктор Дисмас зажег фитиль спиртовой горелки от огнива и подержал ложку над голубым пламенем, покуда паста не превратилась в жидкость и не начала закипать. Запах абрикосов усилился, в нем появился металлический привкус. Доктор Дисмас наполнил жидкостью шприц и постучал по стеклу, чтобы лопнули пузырьки на стенках.

— Не надейся убежать, — сказал он, — у меня нет ключа.

Он положил левую руку на стол, потер складку кожи большим и указательным пальцем, нащупал вену и воткнул иглу, затем оттянул поршень шприца — в бледно-коричневом растворе появились красные струйки — и надавил на поршень до отказа.

Доктор резко вдохнул и распростерся на стуле. Шприц упал на стол. Ноги доктора заскребли по проволочному полу, выбивая на нем чечетку, потом он расслабился и глянул на Йаму из-под полуопущенных век. Его зрачки — расплывчатые крестики на желтых склерах — сжимались и разжимались произвольно, сами собой. Он хихикнул:

— Если ты пробудешь у меня подольше... о, я тебя научу...

— Доктор?

Но доктор молчал. Взгляд его рассеянно бродил по клетке и наконец остановился на заляпанном стекле крыши над двориком. Йама потрогал металлические ячейки сетки, погнуть эти мелкие шестиугольники он мог, но разорвать — нет, все они были сплетены из единого куска, а дверь подогнана так хорошо, что Йаме не удалось даже палец просунуть в щель. Над стеклянным потолком дворика появилось солнце, дворик наполнился золотистым светом, солнце постояло и начало свой обратный путь вниз.

В конце концов Йама решился дотронуться до вытянутой руки доктора. Он ощутил податливую дряблую кожу, под которой ходили пластинки неправильной формы. Доктор Дисмас не пошевелился. Голова его была закинута назад, лицо купалось в солнечном свете.

Йама обнаружил только один карман в длинном черном сюртуке аптекаря; он был пуст. Когда Йама осторожно убирал свою руку, доктор вдруг пошевелился, схватил его за кисть и с неожиданной силой привлек к себе:

— Не сомневайся, — пробормотал он. Дыхание его отдавало абрикосами и металлом. — Сядь и жди, мальчик.

Йама сел и стал ждать. Вскоре вдоль коридора прошаркал давешний толстяк, которого Йама видел в общем бассейне таверны. Он был совсем голый, только синие резиновые шлепанцы на ногах, а в руках прикрытый салфеткой поднос.

— Отойди, — сказал он Йаме, — нет, еще дальше, за доктора.

— Отпустите меня. Обещаю, вы получите награду.

— Мне всегда платят, молодой господин, — сказал толстяк. Он отпер дверь, поставил поднос и снова закрыл дверь. — Поешь, молодой господин. Не гляди на доктора, ему ничего не нужно. Никогда не видел, чтобы он ел. У него есть наркотик.

— Отпустите меня! — Йама заколотил кулаками по двери клетки, выкрикивая угрозы вслед удаляющемуся толстяку, потом сдался и заглянул под салфетку, накрывающую поднос.

Тарелка жидкого супа, в котором плавали рыбьи глаза и кольца сырого лука, ломоть черного хлеба, плотного, как кирпич, и почти такого же жесткого, стакан слабого пива цвета старой мочи.

Суп оказался приправлен маслом чили и оттого почти съедобен, а вот хлеб был настолько соленым, что Йама, откусив первый кусок, больше съесть не смог. Он выпил кислое пиво и, кое-как устроившись на шатком стуле, задремал.

Разбудил его доктор Дисмас. У Йамы страшно ломило голову, а во рту ощущался отвратительный металлический вкус. Двор и клетка освещались спиртовым фонарем, свисающим с плетеного потолка, воздух над стеклянной крышей двора был темным.

— Поднимайся, молодой человек, — сказал доктор Дисмас. Он весь был налит кипучей энергией, перепрыгивал с

ноги на ногу, сплетал и расплетал свои негнущиеся пальцы. Тень доктора на беленых стенах внутреннего дворика повторяла его движения.

— Вы меня усыпили, — глупо сказал Йама.

— Чуть-чуть забвения в твое пиво. Чтоб жизнь твоя была красива.

Доктор Дисмас застучал в металлическую сетку и прокричал:

— Эй! Хозяин! — Потом повернулся к Йаме и сказал: — Ты проспал дольше, чем думаешь. Этот маленький отдых — мой дар тебе, чтоб в тебе проснулось твое истинное «Я». Ты не понимаешь? Но это и не важно. Вставай! Вставай! Гляди веселей! Просыпайся! Просыпайся! Ты пускаешься в путь навстречу судьбе. Эй! Хозяин!

7. ВОИН

В темноте за дверями таверны доктор Дисмас натянул на голову широкополую шляпу и обменялся несколькими словами с хозяином, который аптекарю что-то передал, постучал себя по лбу и захлопнул тяжелую дверь. Цепочки фонарей над дверью поскрипывали на ветру, освещая тусклым мерцанием только самих себя. Остальная часть улицы тонула во тьме, несколько лучей света, сияющих меж закрытых ставен домов на другой стороне широкого канала, разрезали ее словно лезвия. Доктор Дисмас включил маленький фонарь и направил узкий луч на Йаму, который оторопело заморгал, в голове его оставалась тяжесть и сонная одурь — наркотик продолжал действовать.

— Если тебя будет рвать, — сказал доктор Дисмас, — наклонись и не испачкай одежду и обувь. Ты должен выглядеть приличнo.

— Что вы со мной сделаете, доктор?

— Дыши, мой дорогой мальчик, дыши медленно и глубоко. Посмотри, какая прекрасная ночь! Говорят, объявлен комендантский час. На нас некому будет пялиться. Смотри! Знаешь, что это?

Доктор Дисмас показал Йаме предмет, который передал хозяин таверны. Это оказался энергетический пистолет, серебристый и обтекаемый, с тупым дулом, выпуклой камерой и рукояткой из мемопласта, который, плавясь, принимал форму рук почти всех существующих в мире рас. Красная точка тускло светилась сбоку на камере, означая, что он полностью заряжен.

— Вас могли сжечь на костре только за это, — сказал Йама.

— Значит, ты знаешь, на что он способен. — Доктор Дисмас сунул дуло под правую лопатку Йамы. — Я установил его на самый слабый разряд, но все равно одним выстрелом мож-

но поджарить твое сердце. Мы отправимся к новому причалу, как два старых друга.

Йама сделал, как ему сказали. Он все еще пребывал в полудреме. Кроме того, сержант Роден учил его, что в случае похищения он не должен пытаться бежать, разве только в том случае, если это не опасно для жизни. Он думал, что солдаты гарнизона должны сейчас его искать. В конце концов, его не было целый день. Они могут показаться из-за угла и найти его в любой момент.

Доза кантарида сделала доктора Дисмаса разговорчивым. Казалось, он не думает, что ему может грозить опасность. Пока они шли, он рассказал Йаме, что раньше таверна была мастерской, где делали эти фонари, то было в славные дни Эолиса.

— Фонари на вывеске таверны — это лишь грубое подражание идеалу прошлого. Сейчас их делают из покрытой лаком бумаги. Настоящие фонарики были круглыми лодочками, сделанными из пластика, с длинным килем, уравновешенным так, чтобы они не кренились, и шариком надутого нейлона вместо паруса, куда вдували светящийся газ. Такие призрачные фонарики пускали по Великой Реке после каждых похорон, чтобы бесприютный дух заблудился и не вернулся к своим живым родственникам. И в этом, как ты скоро увидишь, есть аналогия с твоей судьбой, мой дорогой мальчик.

Йама сказал:

— Вы якшаетесь с идиотами, доктор. Хозяина таверны сожгут за соучастие в моем похищении — такое наказание мой отец назначает простым людям. Луда и Лоба тоже, хотя их глупость служит им оправданием.

Доктор Дисмас засмеялся, его нездоровое сладковатое дыхание коснулось щеки Йамы. Он спросил:

— И меня тоже сожгут?

— Это все во власти моего отца. Скорее всего вас отдадут на милость вашего Департамента, а от этого никто еще не выигрывал.

— А вот тут ты ошибаешься. Прежде всего я забрал тебя не для выкупа, а чтобы спасти от заурядной судьбы, которую предназначал тебе отец. А во-вторых, разве ты видишь, что кто-то спешит тебе на помощь?

Длинная набережная, освещенная оранжевыми бликами газовых ламп, была пустынна. Таверны, склады торговцев, два публичных дома — все было закрыто и потонуло во тьме. На двери трепыхались листовки с объявлением комендантского часа, на стенах намалеваны лозунги грубыми литерами расы Амнанов. У стальных дверей большого склада, принадлежащего отцу Дирив, навалена куча мусора и плавня. Она еще тлела, но видно, огонь не причинил особого вреда: обгорела лишь краска на дверях. Несколько контор более мелких торговцев были разграблены, а здание, где у доктора Дисмаса была аптека, сгорело дотла. Черные головешки так едко дымились, что у Йамы защипало глаза.

Доктор Дисмас вполне открыто вел Йаму вдоль нового причала, который шел к входу в бухту между поросшими полосатой травой-зеброй лугами и топкими отмелями, рассеченными неглубокими каналами со стоячей водой. Широкая бухта смотрела в низовья реки.

С той стороны, где находился Край Мира, на небе светилось трехосное колесо Галактики, окаймленное с одной стороны обрывом, на котором стоит замок эдила, а с другой — трубами пеониновой мельницы. Оно было так велико, что, глядя на один ее конец, Йама не мог видеть другой. Десница Воина поднималась выше арки Десницы Охотника; Десница Стрельца извивалась в другом направлении, ниже Края Мира, до следующей зимы ее и видно не будет. Скопление под названием Синяя Диадема, Йама узнал это, изучая Пураны, было облаком из пятидесяти тысяч сине-белых звезд, при этом каждая превышала своей массой светило Слияния в сорок раз; оно выглядело сверкающим пятнышком света, словно капля воды соскользнула с Десницы Охотника. Меньшие звездные скопления составляли длинные цепи концентрированного света на фоне молочной мягкости слияния галактических рукавов. Там были полосы, нити, шары и облака звезд, растворяющихся в общем нежном свечении, которое через равные интервалы пересекали темные полосы. Центр Галактики, разрезанный горизонтом, был словно соткан из таких оболочек: это звезды концентрическими слоями окружали ядро Галактики, будто слои сверкающей фольги — новогодний подарок. Перед лицом этого древнего величия Йама чувствовал, что его собственная судьба столь же незначительна, как судьба тех комаров, что танцевали вокруг него.

Доктор Дисмас приложил ладонь рупором ко рту и прокричал неуместно громко в этой спокойной тишине:

— Пора двигаться!

На отмелях за длинным, торчащим, как палец, причалом послышался всплеск. Затем знакомый голос проворчал:

— Греби в такт, идиот. Из-за тебя мы крутимся на месте.

Из темноты выскользнул скиф. Луд и Лоб вынули весла, когда лодка стукнулась о нижние ступени широкой каменной лестницы. Лоб выпрыгнул и подержал лодку, пока доктор Дисмас и Йама в нее забрались.

— Видите, мы мигом, ваша честь, — сказал Луд.

— Поспешишь — людей насмешишь, — усмехнулся доктор Дисмас. Медленно и осторожно он устраивался на средней банке лицом к Йаме, на коленях у него небрежно лежал пистолет. Он сказал близнецам:

— Надеюсь, что в этот раз вы все сделали в точности, как я сказал.

— Просто прелесть, — ответил Лоб. — Они даже не подозревали, что мы там, пока все не началось. — Он прыгнул

в лодку, а она только чуть-чуть покачнулась: при всей своей полноте, Лоб был удивительно ловким. Вдвоем братья уселись на высоком кормовом сиденье и оттолкнулись от камней пристани.

Йама смотрел, как тает и расплывается, сливаясь с темнотой, цепочка оранжевых огней на набережной. Холодный ветерок с реки освежил его голову, и тут-то впервые Йаме стало по-настоящему страшно.

Он спросил:

— Куда вы меня везете, доктор?

Глаза доктора Дисмаса под полями шляпы сверкнули красным огнем, у него, как у некоторых ночных животных, роговица имела отражающую мембрану. Он ответил:

— Ты возвращаешься к месту своего рождения, Йамаманама. Тебя это пугает?

— Малек, — насмешливо процедил Луд, — малек, малек!

— Выловленный из воды, — добавил Лоб.

Оба они тяжело дышали, быстро выгребая на простор Великой Реки.

— Помолчите, если хотите получить свои деньги, — бросил им доктор Дисмас и обернулся к Йаме. — Ты должен простить их. Здесь трудно найти достойных помощников. Временами я чувствовал соблазн воспользоваться вместо них людьми своего господина.

Луд буркнул:

— Мы могли бы выбросить вас за борт, доктор. Это вам не приходило в голову?

Доктор Дисмас ответил:

— Этот пистолет может убить твоего брата точно так же, как Йамаманаму.

— Если вы в нас выстрелите, лодка загорится, и вы утонете. Это верняк. Все равно что выбросить вас за борт.

— Я все равно могу выстрелить. Как тот скорпион, что уговорил лягушку перевезти его на другой берег, но ужалил ее, когда они не доплыли и до середины. Смерть в моей природе.

Лоб сказал:

— Он просто болтает, ваша честь.

— Мне не нравится, когда ругают наш город, — огрызнулся Луд.

Доктор Дисмас засмеялся:

— Но ведь это правда. Вы и сами оба со мной согласны, иначе зачем бы вам так рваться отсюда? Очень понятный порыв, он возвышает вас над остальными.

Луд сказал:

— Наш отец еще молод, в этом все дело. Мы сильны, но он сильнее. Он убьет любого из нас и даже обоих сразу, если мы только захотим попробовать. Мы не хотим ждать, пока он состарится и ослабеет. Неизвестно, сколько лет пройдет.

Доктор Дисмас сказал:

— Вот и Йамаманама хочет уехать. Не отрицай, мой мальчик. Скоро твое желание исполнится. Вон, смотри! Вверх по течению. Видишь, что мы ради тебя делаем?

Скиф качнуло, когда он вышел из мелководной песчаной бухты и оказался в самой реке. Лодка повернулась, ловя течение, и Йама с ужасом увидел, что один из кораблей, стоящих на якоре в плавучей гавани, охвачен огнем с носа до кормы.

Горящий корабль качался на своем багровеющем отражении, выбрасывая в ночь целые снопы искр, словно бросая вызов мягкому свету Галактики. Это была большая карака из тех, что доставляли войска, боеприпасы и провизию в армии, сражающиеся с еретиками в срединной точке мира. Четыре шлюпки уходили прочь от горящего корабля, их острые тени метались по воде, сияющей, как расплавленная медь. Пожар продолжался; пока Йама с открытым ртом наблюдал, в трюме корабля раздалось несколько глухих взрывов и оттуда метнулись вверх, выше мачт, белые огненные шары. Корабль с переломанным хребтом погружался в воду.

Луд и Лоб ликовали, чтобы лучше все разглядеть, они вскочили на ноги, и скиф закачался с борта на борт.

— Сядьте, идиоты, — шикнул на них доктор Дисмас.

Луд радостно икнул и закричал:

— Мы сделали это, доктор! Прямо картинка!

Доктор Дисмас пояснил Йаме:

— Я разработал настолько простой метод, что эти двое смогли все сделать правильно.

Йама вспомнил:

— Вы пытались сжечь корабль несколько дней назад, правда?

— Бочка пальмового масла и бочка жидкого мыла. Одна на носу, другая на корме, — казалось, доктор Дисмас не заметил вопроса, — ну и, конечно, часовой механизм с взрывателем. Прекрасный отвлекающий маневр, не так ли? Солдаты твоего отца сейчас очень заняты: спасают матросов и борются с огнем, чтобы не сгорела гавань, а мы тем временем спокойно занимаемся своими делами.

— Там дальше на якоре стоит баркас — пинасса. Они вмешаются.

— Я так не думаю, — сказал доктор Дисмас. — Его капитан желает во что бы то ни стало с тобой познакомиться, Йамаманама. Он хитрый воин и знает о пожаре правду. Он понимает, что это необходимая жертва. В гибели корабля, как, впрочем, и в твоем исчезновении обвинят еретиков. Завтра твой отец получит требование о выкупе, но даже если он ответит, отклика, увы, не будет. Ты исчезнешь без следа. На этой ужасной войне такие вещи случаются.

— Мой отец будет меня искать. Он не прекратит поиски.

— Возможно, ты и сам не захочешь, чтобы тебя нашли, Йамаманама. Ты хотел убежать и вот, пожалуйста, тебя ждут великие приключения.

Теперь Йама понимал, кого искали матросы той ночью. Он сказал:

— Вы пытались похитить меня два дня назад. Пожар на плотах — ваша работа, чтобы солдаты моего отца искали выдуманных еретиков. Но эти двое не сумели меня схватить, и вам пришлось повторить попытку.

— Вот мы и прибыли, — сказал доктор Дисмас, — а теперь посиди тихо. У нас здесь рандеву.

Скиф медленно дрейфовал по течению параллельно берегу. Огонь на корабле растворился в ночи. Корпус уже осел на дно, и теперь горел только полубак и мачты. Лодки рыбарей точками рассеялись по водной глади, фонари, которыми они приманивали рыбу к своим удочкам, складывались в причудливые созвездия на просторах Великой Реки — красные искорки на голубом отражении сияния Галактики.

Доктор Дисмас напряженно вглядывался в мерцающую тьму, цыкая на Луда и Лоба каждый раз, когда они опускали в воду весла.

— Нам надо держаться по течению, ваша честь, — извиняющимся тоном сказал Луд, — иначе мы потеряем место, где должны быть.

— Тихо! Что это?

Йама услышал шорох крыльев и слабый всплеск.

— Просто летучая мышь, — заметил Луд, — ночью они здесь охотятся.

— Мы ловим их на леску с клеем, натягиваем ее поперек течения, — заметил Лоб. — Классная еда получается, точно вам говорю, летучие мыши вкусные, но, конечно, не весной. После зимы у них кожа да кости. Надо, чтобы они зажирели...

— Заткнись ты наконец, — завопил доктор Дисмас. — Еще слово, и я поджарю вас обоих на месте. На тебе столько жира, что ты вспыхнешь, как свеча.

Течение отклонилось от берега, и скиф дрейфовал вместе с ним, едва не цепляясь за молодые смоковницы, чьи кроны лишь на вершок не доставали до воды. Йама заметил бледно-сиреневую искру летящей в ночи машины. Она двигалась короткими резкими рывками, как будто что-то искала. В другое время она обязательно бы его заинтересовала, а теперь этот далекий свет и непостижимые мотивы ее движения лишь усилили чувство отчаяния в его душе. Мир внезапно оказался чужим и полным предательства, а его чудеса — ловушками для простаков.

Наконец доктор Дисмас сказал:

— Вот он! Гребите, вы, идиоты!

Йама увидел красный фонарь, мигающий по правому борту. Луд и Лоб взялись за весла, и скиф полетел по воде. Доктор Дисмас зажег фонарь и поднял его к своим глазам.

Красный сигнальный фонарь висел на корме пинассы, стоящей на якоре у одинокой смоковницы под треуголь-

ным парусом. На этом корабле доктор Дисмас вернулся в Эолис. Два матроса забрались на ветви смоковницы и, подняв к глазам ружья, следили за приближением скифа. Лоб встал и бросил конец на корму пинассы. Матрос баркаса его поймал и закрепил лодку, а кто-то еще, перемахнув борт пинассы, приземлился в лодке, да так резко, что Йама подскочил от неожиданности.

Человек был старше Йамы всего на несколько лет, голый до пояса, коренастый и мускулистый, в белых брюках с офицерским поясом. Его лицо в облаке золотисто-рыжих волос, иссеченное царапинами, лицо задиры и драчуна, напоминало глиняную маску, которую сначала разбили, а потом кое-как слепили, но глаза смотрели открыто и с достоинством, в них отражались живой ум и добродушие.

Офицер удерживал скиф, пока доктор Дисмас неловко взбирался по короткой веревочной лестнице, сброшенной с борта пинассы. Когда подошла очередь Йамы, он сбросил ладонь офицера со своего плеча, подпрыгнул и ухватился за поручень на корме. У него перехватило дыхание, когда живот и ноги стукнулись об обшитый виакрой корпус пинассы, руки и плечи, принявшие на себя вес тела, пронзила острая боль, но он сумел подтянуться, перебросил ногу через поручень и покатился по дощатой платформе кормы прямо к босым ногам пораженного зрелищем матроса.

Офицер засмеялся, подпрыгнул на месте и, легко перепрыгнув поручень, оказался на палубе.

— В нем чувствуется дух, доктор.

Йама встал. Он ссадил правое колено и сейчас чувствовал, как оно горит. Два матроса налегли на рулевое колесо, рядом с ними стоял высокий незнакомец в черном. Единственная мачта баркаса возвышалась на краю кормовой платформы, под нею в два ряда сидели три десятка гребцов, почти обнаженных, в одних набедренных повязках. Узкий нос корабля устремлялся вверх, на одной стороне его остро глядел белый стилизованный глаз коршуна. Там же была установлена маленькая вращающаяся пушка, канонир обернулся, положив руку на узорчатое дуло, и смотрел, как Йама поднимается на борт.

Йама посмотрел на человека в черном и спросил:

— Где воин, который хочет меня видеть?

Доктор Дисмас ворчливо сказал:

— Мне не нравится заниматься делами под дулом ружей.

Офицер махнул, и два солдата, сидящих в ветвях смоковницы, опустили ружья.

— Простая предосторожность, доктор Дисмас. Вдруг за вами притащатся незваные гости. Если бы я хотел вас убить, Дерситас и Диомерис подстрелили бы вас, когда вы еще только гребли на выходе из бухты. Но оставьте эти страхи, ведь вы верите мне так же, как я вам.

Йама снова спросил, на сей раз громче:

— Где же он, этот воин?

Полуголый офицер рассмеялся.

— Да вот я, — сказал он и протянул руку.

Йама пожал ее. Рука офицера была твердой, как у сильного, уверенного в себе человека. Пальцы его заканчивались когтями, которые он чуть выпустил, и они легонько царапнули ладонь Йамы.

— Добро пожаловать, Йамаманама, — сказал офицер. У него были большие золотистые глаза с карей роговицей — единственная красивая черта на искалеченном лице. Левое веко оттягивалось вниз длинным кривым шрамом от брови до самого подбородка.

— Эта война плодит героев, как навоз — мух, — заметил доктор Дисмас, — но Энобарбус — личность уникальная. В прошлом году он отправился в поход простым лейтенантом. Он командовал сторожевым катером меньше этого, вошел на нем во вражескую гавань, потопил четыре корабля и повредил дюжину других, прежде чем его собственный ушел на дно прямо у него под ногами.

— Да, то был удачный набег, — сказал Энобарбус. — Нам пришлось уходить вплавь, а потом еще больше — пешком.

Доктор Дисмас сказал:

— Если у Энобарбуса есть недостаток, то это скромность. После того как его лодка утонула, он провел всю свою команду — пятнадцать человек — через двадцать лиг вражеских позиций и не потерял ни одного. В награду его назначили командиром дивизии, и вот теперь он спускается по реке, чтобы принять командование. С твоей помощью, Йамаманама, он добьется значительно большего.

Энобарбус усмехнулся:

— Что касается скромности, Дисмас, то у меня всегда под рукой вы. Стоит мне совершить ошибку, вы тотчас мне это укажете. Какая удача, Йамаманама, что мы оба знаем его.

— Удача, в основном, для вас, — заметил Йама.

— Каждому герою следует время от времени напоминать о скромности, — вставил доктор Дисмас.

— Удача для нас обоих, — возразил Йаме Энобарбус. — Мы будем делать историю, ты и я. Конечно, если ты — тот, о ком говорил Дисмас. Он из предосторожности не захватил с собой доказательств, чтобы я наверняка оставил его в живых. Он очень коварный парень, этот доктор.

— Я много лгал в жизни, — начал доктор Дисмас, — но сейчас я говорю правду. Потому что правда столь поразительна, что перед ней меркнет любая ложь, как свеча при свете солнца. Однако, полагаю, нам следует отправляться. Мой отвлекающий маневр был хорош, пока он длился, но пожар кончается, а эдил этого маленького глупого городка хоть человек и слабый, однако совсем не дурак. Когда мои люди подожгли первый корабль, он приказал обыскать холм. На сей раз будут искать и на воде.

— Вам следовало доверить это моим людям, Дисмас, — сказал Энобарбус. — Мы захватили бы мальчика еще две ночи назад.

— И все бы сразу выплыло наружу, если бы кто-нибудь вас увидел. Нужно сейчас же отчаливать, иначе эдил удивится, что вы не пришли на помощь горящему кораблю.

— Нет, — возразил Энобарбус. — Мы чуть-чуть здесь задержимся. Я захватил собственного врача, он осмотрит вашего парня.

Энобарбус подозвал человека в черном. Он принадлежал к той же расе, что и Энобарбус, но был значительно старше. Хотя он передвигался с такой же гибкой грацией, у него был заметен солидный животик, а в гриве волос, закрывавших лицо, виднелись седые нити. Звали его Агнитус.

— Сними рубашку, юноша, — скомандовал врач, — посмотрим, как ты устроен.

— Лучше разденься сам, — посоветовал доктор Дисмас. — Они могут связать тебя и все равно осмотрят, но унижения будет больше, уверяю тебя. Крепись, Йамаманама. Будь верен предназначению. Все будет хорошо. Ты скоро сам скажешь мне спасибо.

— Не думаю, — сказал Йама, но стянул рубашку через голову. Теперь, когда он понял, что его не убьют, он ощутил невероятное возбуждение. Вот наконец и приключение, о котором он так мечтал, но совсем не как в мечтах, оно было ему неподвластно.

Врач Агнитус усадил Йаму на табуретку, взял его правую руку, проверил суставы пальцев, кисти и локтя, пробежал холодными пальцами по ребрам, ощупал позвоночник. Он посветил Йаме в правый глаз и, придвинувшись поближе, заглянул туда, потом надел ему на голову нечто вроде проволочного шлема, покрутил какие-то винтики, чтобы шлем плотнее обхватил череп, и стал что-то записывать в маленький блокнот с клеенчатой обложкой.

Доктор Дисмас нетерпеливо сказал:

— Сами увидите, у него очень выразительная структура скелета, но настоящее доказательство — в его генотипе. Не думаю, чтобы вы могли провести такие исследования здесь.

Агнитус обратился к Энобарбусу:

— Он прав, мой господин. Мне необходимо взять образец его крови и соскоб кожи с внутренней стороны щеки. Но и сейчас могу вам сказать, что не узнаю его расу, а я их повидал немало. И он — не хирургический голем, если, конечно, наш аптекарь не превосходит меня в коварстве и хитрости.

— Полагаю, что нет, — ответил Дисмас.

— Доказательство методом исключения менее убедительно, чем демонстрация, — произнес Энобарбус, — но нам, очевидно, придется удовлетвориться этим, если только мы не собираемся взять штурмом библиотеку Департамента Аптекарей и Хирургов.

— Все это правда, — настойчиво сказал Дисмас. — Разве я не поклялся? И разве он — не ответ на предназначенное вам пророчество?

Энобарбус кивнул.

— Йамаманама, ты всегда считал себя особенным. Ясно ли ты видишь свою судьбу?

Йама натянул на себя рубашку. Ему нравилась дерзкая прямота Энобарбуса, но он чувствовал к нему недоверие, ведь Энобарбус — союзник доктора Дисмаса. Он почувствовал, что все взгляды устремлены на него, и неуверенно произнес:

— Я сказал бы, что ты, Энобарбус, человек гордый и честолюбивый. Ты — вождь людей, которые ищут себе иной награды, не просто продвижения по службе. Ты веришь, что я могу тебе помочь, хотя я и сам не знаю как, если только это не связано с обстоятельствами моего рождения. Я думаю, доктору Дисмасу они известны, но ему нравится меня мучить.

Энобарбус рассмеялся.

— Хорошо сказано. Он читает в наших душах, как в книге, Дисмас. Надо быть осторожней.

— А эдил собирался сделать из него клерка, — с осуждением произнес доктор Дисмас.

— Эдил относится к той части нашего Департамента, которая никогда не славилась воображением, — ответил Энобарбус. — Вот почему таким людям, как он, вверяют управление незначительными городками. На них можно положиться именно потому, что у них нет воображения. Не следует осуждать его за то, что на его службе считается добродетелью.

Йамаманама, послушай. С моей помощью целый мир окажется у твоих ног. Ты понимаешь? Я знаю, ты всегда думал, что в твоем рождении скрыта тайна. Ну вот, Дисмас доказал, что ты — существо уникальное, и убедил меня, что ты — часть моего предназначения.

И тут этот могущественный юноша сделал невероятную вещь: он опустился перед Йамой на колени и склонил голову так, что коснулся палубы. Он посмотрел вверх сквозь гриву своих волос и сказал:

— Я буду хорошо служить тебе, Йамаманама. Клянусь жизнью. Вместе мы спасем Слияние.

— Пожалуйста, встань! — крикнул Йама. Этот жест его испугал, ибо в нем чувствовалась торжественность, значения которой он не мог до конца постичь. — Я не знаю, почему меня сюда привезли и почему ты говоришь такие вещи, но я не просил и не хотел этого.

— Держись, — зашипел доктор Дисмас и больно ущипнул его за руку.

Энобарбус встал:

— Оставь его, Дисмас. Мой господин... Йамаманама... мы собираемся в трудное и опасное путешествие. Я шел к нему всю жизнь. Когда я был еще ребенком, мне было послано видение. Это случилось в храме моей расы, в Изе. Я молился за душу моего брата, убитого сто дней назад в сражении. Я молился о том, чтобы отомстить за него, о том, чтобы сыграть свою роль в спасении Слияния от еретиков. Как ты понимаешь, я был очень мал и глуп, но мои молитвы были услышаны. Алтарь осветился, и появилась женщина, закутанная в белое, она поведала мне о моем предназначении. Я принял его и с тех пор пытаюсь осуществить.

Йамаманама, знать свою судьбу — привилегия избранных и большая ответственность. Большинство людей живут как получится. Я должен прожить свою жизнь, стремясь к идеалу. Он лишил меня человечности, как вера лишает монаха всех мирских богатств, нацелив меня лишь на одно. Ничто иное не имеет для меня никакой ценности. Как часто желал я, чтобы этот груз долга был с меня снят, но этого не случилось. Я принял его. И вот давнее пророчество начало сбываться.

Энобарбус вдруг улыбнулся. Улыбка преобразила его лицо, как залп фейерверка преображает ночное небо. Он хлопнул в ладоши.

— Но я рассказал достаточно. Обещаю, Йамаманама, что расскажу больше, но это подождет, пока мы не окажемся в безопасности. Заплати своим людям, Дисмас. Мы наконец отправимся в путь.

Доктор Дисмас вынул пистолет.

— Будет лучше, если твой корабль отойдет от их убогого скифа подальше. Я не уверен в диапазоне действия этой штуки.

Энобарбус кивнул.

— Видимо, так будет лучше, — сказал он. — Они могут догадаться, а уж болтать станут точно.

— Ты их переоцениваешь, — усмехнулся доктор Дисмас. — Они заслуживают смерти, потому что своей глупостью поставили под угрозу мои планы. Кроме того, я не выношу грубости, а мне целый год пришлось выносить ссылку среди этих диких созданий. Это будет катарсисом.

— С меня достаточно. Убей их тихо и не пытайся себя оправдывать.

Энобарбус повернулся, чтобы отдать приказания, и в этот момент один из матросов, засевших в ветвях смоковницы, к которой была причалена пинасса, закричал:

— Парус! Впереди парус!

— Тридцать градусов по левому борту, — добавил его товарищ, — дистанция пол-лиги. И быстро приближается.

Энобарбус, не теряя ни секунды, стал отдавать приказы:

— Быстро отдать концы. Дерситас и Диомерис, по местам! Гребцам, приготовиться! Ну, давайте! Мне нужно трид-

цать ударов в минуту, не подведите, ребята! Не ленитесь, иначе мы — трупы.

В возникшей суете, пока поднимались весла, а матросы возились с причальными канатами, Йама увидел свой шанс. Доктор Дисмас кинулся было к нему, но опоздал. Йама перемахнул через парапет и тяжело приземлился в люк скифа.

— Гребите! — закричал Йама Лобу и Луду. — Гребите, не то пропадете!

— Держите его, — орал сверху доктор Дисмас, — держите его! Смотрите не упустите!

Луд двинулся к Йаме.

— Для твоего блага, малек, — сказал он.

Йама ловко ушел от неуклюжего замаха Луда и отступил на корму маленького скифа.

— Он хочет вас убить.

— Держите его, идиоты, — кричал доктор Дисмас.

Йама ухватился за борта скифа и стал его раскачивать, но Луд стоял твердо, как вкопанный. Он криво усмехнулся:

— Не старайся, малек, не поможет. Не дергайся, может, мне не придется тебя бить.

— Все равно дай ему как следует, — вставил Лоб.

Йама схватил спиртовую лампу и бросил ее в люк скифа. Оттуда тотчас взметнулись прозрачные языки пламени. Луд отшатнулся, а скиф бешено закачало. Невыносимый жар пахнул в лицо Йамы, он глубоко вдохнул и нырнул за борт.

Он плыл под водой, сколько хватало сил, и лишь тогда вынырнул глотнуть воздуха, который, словно огнем, обжег его легкие. Он расстегнул тяжелые ботинки и бросил их.

Скиф относило течением от борта пинассы. Из люка вырывалось яркое пламя. Луд и Лоб рубашками пытались сбить огонь. Матросы сбросили веревку с борта баркаса и кричали, чтоб они бросили это дело и поднимались сюда. За пинассой разгоралось и становилось все ярче непонятное свечение, люди на палубе казались мечущимися тенями. На носу пинассы заговорила пушка: раскатистый залп, потом второй.

Тяжело дыша, Йама плыл из последних сил, а когда наконец лег на спину передохнуть, вся сцена оказалась перед ним как на ладони. Пинасса скользила прочь от смоковницы, оставляя позади горящий скиф. К ней приближался огромный сверкающий корабль. Это был узконосый фрегат, на трех его мачтах раздувалось множество квадратных парусов, и каждая деталь судна сияла холодным огнем. Вновь заговорила пушка пинассы, оттуда послышалась ружейная пальба. Потом доктор Дисмас выстрелил из своего пистолета, и на мгновение узкая стрела красного огня пронзила темноту ночи.

8. РЫБАРЬ

Должно быть, выстрел доктора Дисмаса не попал в сверкающий фрегат; он продолжал неумолимо надвигаться на пинассу. Ощетинившиеся весла пинассы били по воде в бешеном ритме, горящий скиф остался далеко позади, баркас стал разворачиваться к преследователю. Йама понял, что Энобарбус хочет подойти к ближнему борту фрегата ниже зоны обстрела его орудий и поразить его корпус своей собственной пушкой, но он не успел выполнить этот маневр: фрегат, будто лист на ветру, лихо развернулся. В мгновение ока его острый нос навис над несчастным баркасом. Его пушка дала бесполезный залп, Йама услышал, как кто-то закричал.

Но в тот миг, когда фрегат врезался в пинассу, сам он растворился в воздухе, словно речной туман, оставив лишь пелену белесого света.

Йама плыл на спине в холодной воде и видел, как пинассу поглотило облако белого тумана. Яркая фиолетовая точка отделилась от края этого расползающегося мерцающего тумана, поднялась в ночное небо и пропала из виду.

Это поразительное явление не заставило Йаму остановиться, он продолжал грести, зная, что Энобарбус бросится на его поиски, как только пинасса выйдет из тумана. Он перевернулся в воде и поплыл на животе. Йама хотел добраться до далекого темного берега, но скоро почувствовал, что мощное течение относит его на мелководье к разбросанным там смоковницам. Их корни цеплялись за каменистое дно, до которого временами Йама доставал пальцами ног. Будь он ростом с эдила, он мог бы уже стоять в этой быстро несущейся воде.

Сначала попадались смоковницы совсем маленькие: просто охапка широких глянцевых листьев, торчащих прямо из воды, но постепенно течение затащило Йаму в кружево узких проток между стволами уже более крупных деревьев. Здесь они стояли плотными кущами над путаницей корней, низкими арками нависающих над водой. С опорных корней густой бородой спускались пряди питающих корней, меж которых резвились мириады мальков. На боках их как драгоценности засверкали красные и зеленые мерцающие точки, когда они бросились врассыпную от Йамы.

Течение несло Йаму мимо огромной смоковницы, и он из последних сил к ней поплыл. Ноги его онемели в холодной воде, а мышцы плеч и рук от слабости стали дряблыми. Он бросился на спутанную массу питающих корней — вокруг цепочками висели мидии и венерки, — вполз на гладкий горизонтальный ствол и лег, задыхаясь, как рыба, только что обучившаяся дышать воздухом.

* * *

Йама слишком замерз, промок и был к тому же напуган, чтобы спать этой ночью. Над головой его, в гуще переплетенных корней, кто-то издавал время от времени жалобный писк, как будто стонал больной ребенок. Он сидел, прислонившись спиной к выгнутому аркой толстому корню, и смотрел на верхний рукав Галактики над краем люминесцентного тумана, расползающегося на целые лиги по глади темной реки. Где-то в этом тумане заблудилась ослепленная пинасса Энобарбуса. Ослепленная кем? Какими неожиданными союзниками и странными обстоятельствами? Верхний слой белого тумана бурлил, как кипящее молоко; Йама смотрел в черное небо и ждал, что вернется фиолетовая искорка машины. Услышанная молитва, подумал он и содрогнулся.

Он дремал, просыпался. Снова дремал и резко очнулся, когда ему очень живо привиделось, что он стоит на летящем мостике призрачного фрегата. А тот нависает над пинассой. Команду фрегата составляли не люди и даже не призраки с оборотнями, а целые скопления мечущихся огоньков, которые без слов понимали его команды и, ни о чем не спрашивая, выполняли их быстро и правильно. Закиль учил Йаму, что хотя обычно сны состоят из обрывков дневных событий, но иногда в них скрыт большой смысл: намек на будущее, загадка, ответ на которую будет ключом ко всей жизни спящего. Йама не знал, отнести ли свой сон к первому или второму виду, не говоря уж о том, чтобы суметь истолковать, но когда он проснулся, сердце его наполнилось звенящим ужасом от чувства, что каждое его действие как будто может увеличить свой масштаб, разрастись в своем значении и привести к страшным последствиям.

Галактика зашла за горизонт и рассвет коснулся плавных вод реки серым призрачным светом. Туман рассеялся, пинассы нигде не было. Йама опять задремал и проснулся от солнечных лучей, которые, проникнув сквозь трепещущую листву смоковниц, танцевали у него на лице. Он увидел, что сидит на широком стволе, полого поднимающемся из воды и широкой дорогой уходящем в плотную переплетающуюся массу самого сердца смоковницы. Тут и там над стволом сгибались арки воздушных корней и более тонких ветвей, от которых падали в воду опорные корни. Блестящие листья смоковницы окружали Йаму со всех сторон, как бесчисленные фалды рваного зеленого одеяния; ее морщинистую кору облепили колонии лишайников, серым кружевом свисающих на зеленые канаты лиан, алые, золотые и чистейшей белизны созвездия орхидей-эпифитов.

У Йамы ныла каждая мышца. Он стянул с себя мокрую рубашку и брюки, повесил их на ветку и приступил к упражнениям, которым его научил сержант Роден; он выполнял их, пока не расслабились все связки и мускулы, выпил пригоршню холодной воды, распугав стайку светлых креветок, метнув-

шихся прочь от его тени, и до тех пор плескал себе в лицо, пока кожа не стала гореть от пульсирующей крови.

Ночью Йама залез на смоковницу с той стороны, что смотрела на дальний берег. Он перекинул мокрую одежду через плечо и голым отправился в джунгли этого дерева, двигаясь сначала по пологому широкому стволу, а потом, когда ствол потянулся вверх к высокому пронизанному солнцем шатру кроны, стал пробираться по переплетающимся ветвям. И все время сквозь путаницу веток и корней внизу виднелась тихая темная вода. Крохотные колибри, ярко-синие, изумрудно-зеленые, будто сотворенные кистью большого мастера на эмалевой миниатюре, порхали с цветка на цветок. Пока Йама пробирался сквозь занавес листвы, на него накинулись целые тучи мух, попадая в глаза и забиваясь в рот. Наконец сквозь зеленый водопад лиан он увидел лоскут синего неба. Йама раздвинул мягкие на ощупь, узловатые стебли и, переступив их, оказался у намытого клочка земли, мшистого и покатого; у этого миниатюрного берега стоял ялик, из тех, что плетут рыбари.

В почерневшем перевернутом панцире речной черепахи темнели угольки маленького костра; Йама пропустил их сквозь пальцы — пепел оказался еще теплым. Йама натянул на себя рубашку и брюки и позвал хозяина, но на зов никто не откликнулся. Он осмотрелся и быстро нашел извилистую тропку, убегающую от полянки. Через мгновение за вторым поворотом он нашел рыбаря, запутавшегося в грубой сети из черной нити.

Такой нитью Амнаны ловят летучих мышей и птиц; смолистые волокна крепки, как сталь, и усеяны тысячами мушек, которые при любом прикосновении выделяют сильный клей. Часть нитей порвалась, когда рыбарь налетел на ловушку, и теперь он висел, как покойник в развевающемся саване, одна рука застряла над головой, а другая оказалась туго примотана к телу.

Он как будто не удивился, увидев Йаму. Грубым спокойным голосом произнес:

— Убей меня быстро. Имей милосердие.

— Я надеялся тебя спасти, — сказал Йама.

Рыбарь удивленно на него уставился. На нем была одна набедренная повязка, и на бледной коже попадались зеленые островки. Черные засаленные волосы висят спутанными прядями вокруг широкого лягушачьего лица без подбородка. Большой рот широко открыт, там видны ряды маленьких треугольных зубов. Выпуклые водянистые глаза покрыты прозрачной мембраной, которая успела три раза мигнуть, пока он сказал:

— Ты не из Болотного Племени.

— Я из Эолиса. Мой отец — эдил.

— Люди Болотного Племени считают, что они знают реку. Они и правда немного умеют плавать, но они жадные и загрязняют ее воды.

— Кажется, один из них тебя поймал.

— Ты, наверное, сын торговца. Мы с ними ведем дела, нам нужны сталь и кремень. Нет, не подходи, а то и ты попадешься. Меня можно выручить только одним способом, не думаю, что у тебя получится.

— Я знаю, как действуют эти нити, — сказал Йама, — жаль, что у меня нет инструментов, чтобы тебя освободить. У меня нет даже ножа.

— Их не разрежешь даже сталью. Брось меня. Я уже мертвец, Болотным людям осталось только меня сожрать.

Йама обнаружил, что поверхность тропинки похожа на губчатую подушку из скрученных корней, опавшей листвы, волокон, лишайников-эпифитов. Он лег на живот и просунул руку насквозь, так что пальцы коснулись воды. Посмотрев на рыбаря, Йама сказал:

— Я видел, как люди твоего племени пользуются капканами с приманкой, когда ловят рыбу. У тебя в лодке такого нет? Еще мне нужна бечевка или веревка.

Пока Йама трудился, рыбарь, его звали Кафис, рассказал, что он попал в эту липкую паутину после рассвета, когда искал яйца особого вида лысухи. Она гнездится в самой чаще смоковниц.

— Яйцо съесть, конечно, неплохо, — сказал Кафис, — но не настолько, чтоб за него умереть.

Кафис причалил к смоковнице прошлой ночью. Он видел сражение и решил, что разумнее спрятаться.

— Так что я дважды дурак.

Пока рыбарь рассказывал, Йама вырезал кусок из губчатой подстилки на тропе и привязал ловушку к опорному корню. Чтобы отрезать веревку, ему пришлось взять лезвие короткого копья, которое нашлось у рыбаря. И он несколько раз порезал ладонь. Он пососал неглубокие порезы и замаскировал дыру на тропе. Место было удачным, на крутом повороте дорожки, и любой, кто в спешке пройдет по ней, должен будет туда наступить.

Он спросил:

— Ты видел все сражение?

— Загорелся большой корабль. А потом маленький баркас, он уже три дня стоял на якоре перед городом Болотного Племени, увидел, наверное, врага, потому что стал палить в темноту.

— Но там был еще один корабль, громадный и сверкающий. Он растаял в тумане...

Рыбарь поразмыслил и сказал:

— Я спрятался, когда началась стрельба, как любой, у кого есть хоть капля здравого смысла. Ты видел третий корабль? Ну ты, наверное, был ближе, чем я, и думаю, увидел больше, чем тебе хотелось.

— Может, это и правда.

Йама встал, опираясь на толстое древко копья.

— Река все унесет, ей только дай. Мы на это так смотрим. Что сегодня сделано, завтра унесет река. И начинай все сначала. Он может сегодня и не прийти. И даже завтра. Ты не станешь так долго ждать. Возьми лодку и оставь меня моей судьбе. Я ее заслужил.

— Мой отец запретил такие вещи.

— Они дьяволы, эти Болотные люди. — Лучи солнца пробились сквозь густую листву смоковницы и осветили лицо рыбаря. Он прищурился и добавил: — Если бы ты смог принести воды, вот была бы милость.

Йама нашел в ялике котелок. Он как раз зачерпывал воду у края мшистой полянки, когда заметил маленькую лодку, явно направляющуюся к островку. Это был скиф, на веслах сидел один человек. Пока Йама добрался до края смоковницы и спрятался в ее шелестящих листьях высоко над поляной, скиф уже огибал гущу воздушных корней вокруг смоковницы.

Йама узнал этого человека. Грог или Грег. Один из бессемейных батраков, обрабатывающих садки с мидиями в устье Бриса. Он был тяжел и медлителен, носил один только засаленный килт. Серая кожа на плечах и спине покрыта ярко-красной сыпью — предвестником рака кожи. Он часто развивается у Амнанов, которые подолгу работают на солнце.

Сердце Йамы бешено колотилось, во рту пересохло, он следил, как пришелец привязал свой скиф, осмотрел лодку рыбаря и холодные угли в черепашьем панцире, потом бесконечно долго мочился в воду и, наконец, пошел по тропе.

Йама стал спускаться, неуклюже из-за короткого копья рыбаря, которое он не решился выпустить из рук. И тут раздался крик, то ли Амнана, то ли рыбаря. Он спугнул двух цапель, примостившихся на верхних ветвях смоковницы; птицы поднялись в воздух и, хлопая крыльями, улетели, а Йама стал красться по тропе, сжимая обеими руками копье.

На повороте тропинки что-то дико трепыхалось в листве. Провалившись по бедра в ловушку, в яме барахтался человек. Как раз там, где Йама вырезал подстилку тропы и спрятал капкан. Капкан был длиною в две пяди, с широким отверстием, к концу он сужался. Сплетенный из гибких молодых корней, он имел внутри острые бамбуковые колья, направленные так, чтобы рыба, войдя внутрь за наживкой, не смогла выйти назад. Теперь эти колья впивались своими остриями в ногу пришельца, когда он пытался освободиться. Он истекал кровью и выл от боли, нагнувшись к ноге, как человек, пытающийся снять слишком тесный башмак. Йаму он не видел, пока острие копья не коснулось жирных складок на его крапчатой коже.

Йама забрал у пришельца спрей, растворяющий клей на нитях, и освободил Кафиса, тот сразу хотел убить человека, который убил бы и съел его самого, но Йама не позволил, и

Кафис вынужден был удовлетвориться тем, что связал ему за спиной большие пальцы и оставил с одной ногой в ловушке.

Как только они скрылись из виду, человек начал кричать:

— Я ведь отдал вам спрей! Я не хотел ничего плохого! Отпусти меня, господин. Отпусти меня, и я ничего не скажу! Я клянусь!

Кафис и Йама отчалили от смоковницы, а он все кричал и кричал.

Костлявые голени рыбаря были так длинны, что колени торчали выше темени, когда он скрючился в ялике. Греб он медленными сноровистыми движениями. Нити ловушки оставили на нем сотни красных рубцов. Он сказал, что, как только его кровь разогреется, он перевезет Йаму на берег.

— То есть если ты не возражаешь помочь мне с ночным уловом.

— Ты мог бы доставить меня в Эолис, это недалеко.

Кафис кивнул:

— Конечно, недалеко, но у меня уйдет целый день, ведь надо грести против течения. Кое-кто из наших ездит туда торговать, оттуда я в прошлом году и получил свой прекрасный наконечник для копья. Но мы никогда не выходим из лодок, когда приезжаем туда, потому что это мерзкий город.

Йама сказал:

— Я там живу. Тебе нечего бояться. Даже если этот человек сумеет освободиться, его сожгут за то, что он хотел тебя убить.

— Возможно. Но тогда его семья объявит вендетту моей семье. Так уж заведено. — Кафис посмотрел на Йаму и сказал: — Помоги мне с удочками, а потом я отвезу тебя на берег. Пешком ты дойдешь быстрее, чем я буду грести. Но, думаю, тебе не помешает позавтракать, прежде чем отправляться в путь.

Они причалили у громадной смоковницы в полулиге ниже по течению. В перевернутом черепашьем панцире Кафис разжег из сухого мха костер и вскипятил в котелке чай, заварив ломкие полоски коры с кустика, который рос, по его словам, среди верхних ветвей смоковницы. Когда чай стал закипать, Кафис бросил в него какие-то плоские семена, от которых напиток вспенился, и передал котелок Йаме.

Чай горчил, но уже после первого глотка Йама почувствовал, как прогревается его кровь, и выпил котелок до дна. Он сидел у огня и жевал кусок сухой рыбы, а Кафис сновал по покрытой мохом поляне, у которой они причалили. Своими длинными ногами, коротким телом, медлительными осторожными шагами рыбарь напоминал цаплю. У него были перепонки между пальцами, а крючковатые когти и хрящеватые шпоры на пятках помогали ходить по скользким переплетенным ветвям смоковниц. Он собрал какие-то семечки, лишайник, особый вид мха, добыл жирных личинок жуков из крошащейся гнилой древесины и тут же их съел, выплевывая головки.

— Все, что человеку нужно, можно найти в смоковницах, — говорил Кафис. Рыбари обрабатывали листья и из волокнистой массы пряли и ткали себе одежду. Из молодых опорных корней делали ловушки и ребра лодок, а корпус ткали из полосок коры, вымоченных в древесном соке после перегонки. Вызревающие круглый год ядра плодов смоковницы перемалывались в муку. Яд, чтобы глушить рыбу, извлекался из кожи особого вида лягушек, живущих в крошечных водоемах, собирающихся в живых вазах бромелиад. Сотни видов рыб резвились среди корней, и тысячи видов растений селились на ветвях смоковниц. Все они находили свое применение, все имели своих духов-хранителей, и каждого следовало умилостивить.

— У нас есть все, что нам надо, кроме металлов и табака, поэтому мы и торгуем с племенами суши. А в остальном — мы свободны, как рыбы, и всегда были такими. Мы никогда не поднимались над своим животным естеством, с тех пор как Хранители дали нам для жизни смоковницы, вот Болотные люди и видят в этом предлог, чтобы на нас охотиться. Но мы — древний народ, мы многое видели, и у нас хорошая память. Есть такая поговорка: все возвращается в реку, обычно так и бывает.

У Кафиса на плече была татуировка: змея, выполненная красным и черным цветом, прогнувшаяся так, что могла проглотить собственный хвост. Он коснулся кожи под рисунком когтем большого пальца и сказал:

— Даже река возвращается сама в себя.

— Что это значит?

— Разве ты не понимаешь? Куда, ты думаешь, девается река, когда падает с Края Мира? Она глотает сама себя, возвращается к истокам и обновляется. Таким создали наш мир Хранители. Мы из тех, кто был здесь с самого начала, и потому помним, как было дело. Потом все стало меняться, с каждым годом река спадает. Может, она уже не кусает собственный хвост, однако тогда я не понимаю, куда она девается теперь.

— А вы помните... ваше племя помнит Хранителей?

Глаза Кафиса затянулись пленкой. В голосе его зазвучали поющие нотки:

— До Хранителей Вселенная была ледяной пустыней. Хранители принесли свет, он растопил лед и оживил заключенные там семена смоковниц. Первые люди были сотворены из древесины смоковницы, такой громадной, что она сама была целым миром, стоящим во вселенной воды и света. Но древесные люди отвернулись от Хранителей, не чтили животных и даже себя не уважали. Они так сильно разрушали великое древо, что Хранители напустили на них великий потоп. Дождь шел сорок дней и сорок ночей, вода поднялась выше корней, потом выше ветвей, пока на поверхности не остались лишь самые верхние молодые ли-

сточки, но в конце концов скрылись и они. Все сущее в мире погибло, кроме лягушки и цапли. Лягушка вцепилась зубами в последний листок, выглядывающий из вод, и стала взывать к сородичам, но услышала ее одна цапля, она склонила шею и проглотила лягушку. Хранители это видели, и лягушка начала расти в животе у цапли, она все росла и росла, покуда цапля не разорвалась надвое и оттуда появилась не лягушка и не цапля, а новое существо с признаками обоих родителей. Это был первый человек нашего племени и точно так же, как он не был ни лягушкой, ни цаплей, он не был ни мужчиной, ни женщиной. В тот же миг потоп стал отступать. Новое существо прилегло на гладкий болотистый берег и заснуло, а пока оно спало, Хранители разделили его на части и сотворили из ребер еще пятьдесят созданий — мужчин и женщин. И это было первое племя рыбарей. Хранители дунули на них и затуманили им головы, чтобы они не были непочтительными и дерзкими, как древесные люди. Но все это было давным-давно и в другом месте. Ты сам выглядишь так, будто твоя раса произошла от деревьев, только не сердись, что я так говорю.

— Я родился на реке.

Кафис защелкал своей широкой и плоской челюстью — рыбари таким образом смеялись.

— Хотелось бы мне когда-нибудь услышать эту историю, но сейчас пора отправляться. День не становится моложе, а впереди много работы. Вполне может статься, что Болотный человек сумеет спастись. Надо было его убить. Он отгрызет собственную ногу, если подумает, что это поможет ему выбраться. Болотное племя коварно, все они — предатели, вот потому-то и ловят нас, хотя мы умнее, конечно, когда наша кровь согреется. По этой причине они ловят нас в основном ночью. Я попался, потому что ночью моя кровь остыла. Я стал медлительным и тупым, теперь-то я согрелся и знаю, что нужно делать.

Помочившись на костер, Кафис его затушил, потом спрятал панцирь черепахи и котелок под узкое сиденье вдоль бортов лодки и объявил, что он готов.

— Ты принесешь мне удачу, ведь только удача помогла тебе спастись от фантома и найти меня.

Йама сидел с одной стороны, а Кафис, который греб одним веслом в форме листка, — с другой, при этом маленькая лодочка шла удивительно устойчиво, хотя и была так мала, что колени Йамы упирались в костлявые голени Кафиса. Когда суденышко выплыло на стремнину, Кафис продолжал грести одной рукой, а другой набил длинную трубку обычным табаком и раскурил ее, чиркнув кремнем по шероховатому куску стали.

День был ясным и солнечным, слабый ветерок едва рябил поверхность реки. Пинассы не было видно, вообще

никаких кораблей, только лодки рыбарей, разбросанные по широкой глади реки от берега до туманного горизонта. Все так, как сказал Кафис: река все унесет. На мгновение Йаме подумалось, что всех его приключений просто не было, что его жизнь еще может вернуться в привычное русло.

Кафис прищурился на солнце, намочил палец и поднял его вверх определить ветер, потом быстро повел свое судно между торчащими тут и там верхушками молодых смоковниц. (Йама вспомнил об одинокой лягушке из рассказа Кафиса, о том, как она цеплялась зубами за последний листок над водами великого потопа, как смело взывала, но нашла только смерть, а в смерти преображение.)

Солнце клонилось к далеким Краевым Горам, а Йама с Кафисом проверяли лески, натянутые между наклонными кольями, вбитыми в каменистое дно. Кафис дал Йаме липкую пахучую мазь, чтобы он натер плечи и руки и не обгорел на солнце. Скоро Йама втянулся в бездумный ритм работы, вынимая леску, меняя наживку — красных червяков — и снова бросая их в воду. Большинство крючков были пусты, но мало-помалу на дне лодки росла куча мелкой рыбы, отчаянно бьющейся в неглубоком кукане или уже неподвижной; жабры хлопали, как будто дрожали кроваво-красные цветы, пока рыба тонула в воздушной реке.

Кафис просил прощения за каждую пойманную рыбу. Племя рыбарей верило, что мир наполнен духами, управляющими всем на свете, от погоды до цветения самого мелкого эпифита на смоковных отмелях. Их дни протекали в бесконечных расчетах с этими духами, чтобы мир продолжал свое безмятежное существование.

Наконец Кафис объявил, что доволен дневным уловом. Он выбрал пяток окуней, содрал с костей светлую упругую мякоть и отдал половину Йаме вместе с горстью мясистых листьев.

Филе рыбы было сочным, а листья отдавали вкусом сладкого лимона и утоляли жажду. По примеру Кафиса он сплевывал жеваные листья за борт, и вокруг неожиданного подарка тотчас начинал кружиться хоровод мелких рыбешек, опускаясь следом за ним сквозь чистую темную воду.

Кафис подобрал весло, и ялик заскользил по воде к выступу каменистого берега, где от широкого светлого пляжа поднимались вверх скалы, изрытые и выщербленные пустыми саркофагами.

— Там, вдоль берега есть дорога в Эолис, — сказал Кафис. — Думаю, путь займет у тебя остаток дня и часть следующего.

— Если бы ты отвез меня в Эолис, ты бы получил хорошую награду. Ведь это не так много в благодарность за твою жизнь.

— Мы туда не ездим без крайней необходимости, а уж ночью — никогда. Ты спас мне жизнь, и она всегда в твоем распоряжении. Неужели ты захочешь рискнуть ею так скоро, бро-

сив меня в когти Болотного Племени. Не думаю, чтобы ты был так жесток. Я ведь должен заботиться о своей семье. Этой ночью они будут меня ждать, и мне не хочется их напрасно тревожить.

Кафис остановил свое крохотное суденышко на отмели недалеко от берега. Он никогда не ступал на землю, сказал он, и не собирается начинать сейчас. Взглянув на Йаму, он посоветовал:

— Ночью тебе идти не стоит, молодой господин. Найди ночлег до захода солнца и жди первых лучей на восходе, тогда все будет хорошо. Тут водятся вампиры. Иногда им хочется отведать живого мяса.

Йама знал про вампиров. Однажды во время похода к подножию холмов Города Мертвых им с Тельмоном пришлось прятаться от вампира. Он помнил это создание в образе человека, помнил, что его кожа блестела в сумеречном свете, словно сырое мясо, помнил свой страх, когда призрак раскачивался в разные стороны, и исходившую от него вонь.

— Я буду осторожен.

Кафис протянул руку:

— Возьми его. Против вампиров он бесполезен, но я слышал, на берегу много кроликов, некоторые у нас на них охотятся, но я — нет.

Это оказался маленький ножик, выточенный из пластины вулканического стекла, обсидиана. Рукоятка его была плотно обернута бечевкой, а наточенное лезвие — остро как бритва.

— Думаю, ты сам сможешь о себе побеспокоиться, молодой господин, но, может быть, наступит время, когда тебе понадобится помощь. Моя семья будет помнить, что ты мне помог. Ты не забыл, что я тебе говорил о реке?

— Все возвращается снова.

Кафис кивнул и коснулся татуировки змеи, глотающей свой хвост.

— У тебя был хороший учитель. Ты знаешь, на что обратить внимание.

Йама выскользнул из лодки и стоял по колено в иле и темной воде.

— Я не забуду, — ответил он.

— Выбирай ночевку внимательно, — посоветовал Кафис. — Вампиры — штука плохая, но привидения хуже. Иногда мы в развалинах видим огоньки, мягкие такие.

Он оттолкнулся от дна, и ялик заплясал на волнах, направляясь к стремнине, а Кафис работал листообразным веслом, будто копал землю. Когда Йама добрел до берега, ялик был уже далеко — черное пятнышко на широкой равнине реки, торящее длинную извилистую тропу к острову смоковниц вдалеке от берега.

9. НОЖ

Пляж состоял из слоя белых обломков ракушек, в котором ноги утопали по щиколотку; и лишь когда Йама стал подниматься по древней выщербленной лестнице, зигзагом поднимающейся по изъеденному лицу утеса, он почувствовал, как тяжело ходить по твердой земле, как отдается каждый шаг во всех позвонках и костях. На первом же повороте лестницы обнаружился источник, ключом бьющий из чаши, выточенной в утесе. Йама встал на колени и пил из каменной чаши чистую сладкую воду, пока не раздулся живот, так как знал, что случай едва ли пошлет ему питьевую воду в Городе Мертвых. Только снова встав на ноги, он заметил, что кто-то еще недавно здесь пил, нет, судя по накладывающимся друг на друга следам в мягком красном мхе, тут были двое.

Луд и Лоб, они тоже улизнули от доктора Дисмаса. Йама засунул обсидиановый нож за пояс под подол рубашки и, прежде чем продолжать подъем, дотронулся до рукоятки, как будто черпая уверенность.

Древняя дорога шла совсем близко к краю утесов, ее плоская мощеная лента, усеянная пятнами желтого и серого лишайника, была так широка, что по ней плечом к плечу могли ехать двадцать всадников. А дальше в неярком вечернем солнце мерцала выбеленная глинистая земля. Кругом были могильные плиты, отбрасывающие в сторону реки длинные тени. Это был Умолкнувший Квартал, тут Йама бывал очень редко: они с Тельмоном предпочитали древние захоронения в предгорьях за Брисом, где можно было разбудить фантом-аспект, к тому же флора и фауна там богаче. По сравнению с изысканно оформленными мавзолеями старых кварталов Города Мертвых здешние саркофаги выглядели весьма убого, в основном это просто невысокие гробницы с куполами крыш, хотя местами попадались мемориальные стелы и колонны, а несколько больших склепов, установленных на искусственных пьедесталах, охраняли статуи с устремленными на реку каменными глазами. Один из них, размером с замок, был скрыт от глаз небольшой тисовой рощей, пустой и непролазной. Весь этот искусственный пейзаж оставался недвижим, ничто не шелохнулось, за исключением ястреба, распростершего крылья высоко в синем небе и парящего в восходящем потоке.

Когда Йама удостоверился, что его не ждет засада, он двинулся по дороге к далекому темному пятну, которое наверняка должно быть Эолисом, на полпути до той исчезающей точки, где Краевые Горы словно сливаются с туманной линией горизонта дальнего берега.

В каменных садах этой части Города Мертвых почти ничего не росло. Кругом только белые пологие горы, по-

крытые горькой пылью выветренных пород, в которых могли пустить корни лишь немногие растения, в основном юкка, кусты креозота и пучки колючего горошка. Кое-где дикие розы разрослись у дверных проемов древних саркофагов, и теплый воздух наполнялся сладким ароматом их красных, как кровь, цветов. Все склепы здесь были ограблены, и от их обитателей не осталось ни косточки. Если искусно набальзамированные тела и не были вывезены как топливо для плавилен старого Эолиса, то до них давно добрались дикие звери, когда грабители открывали саркофаги. Все вокруг было усыпано древними обломками: от разбитых погребальных урн и тонущих в сланцеватой глине остатков окаменевшей мебели до могильных плит с картинками жизни усопших, запечатленными на камне каким-то забытым способом. Некоторые из них все еще сохраняли активность, и когда Йама проходил мимо, на них ненадолго оживали сцены в древнем Изе или ему вслед поворачивались головы мужчин и женщин, они беззвучно шевелили губами, улыбались или посылали кокетливый поцелуй. В отличие от фантомов более древних надгробий эти картинки были простыми записями без признаков интеллекта; старые плиты бессмысленно прокручивали одно и то же снова и снова, как для человеческих глаз, так и для пустого взгляда ящерицы, прошмыгнувшей по глянцевитой поверхности плиты, куда была вмурована картинка.

Йама хорошо знал такие анимации: у эдила была целая коллекция. Чтобы они начали действовать, их следовало сначала подержать на солнце, и Йаму это всегда удивляло, ведь обычно такие картины располагались внутри склепов. Но хотя он и понимал, что это миражи, все равно их непредсказуемые движения пугали его. Он постоянно оглядывался, опасаясь, что Луд и Лоб крадутся за ним в спокойном безмолвии развалин.

Гнетущее ощущение слежки еще больше усилилось, когда солнце склонилось к ломаной линии Краевых Гор, а тени надгробий удлинились и стали наползать друг на друга на белой, как кость, земле. Идти по Городу Мертвых при ярком свете солнца — это одно, но когда стало темнеть, Йама начал часто оборачиваться через плечо, иногда делал несколько шагов назад или останавливался и медленно скользил взглядом по низким холмам, тесно усыпанным пустыми могилами. Он часто оставался на ночлег в Городе Мертвых вместе с эдилом, сопровождавшими его слугами и археологическими рабочими или же Тельмоном и двумя-тремя солдатами, но один — никогда.

Далекие пики Краевых Гор впились в малиновый диск солнца. Огни Эолиса поблескивали впереди, как россыпь крохотных бриллиантов. До города идти еще не меньше чем полдня, а в темное время суток — значительно дольше. Йама сошел с дороги и начал искать гробницу, где можно найти приют на ночь.

Это было как игра. Йама знал, что склеп, от которого он отказался сейчас, будет значительно лучше, чем тот, на котором он остановится уже по необходимости, когда последние лучи солнца покинут небосклон. Но он не хотел выбрать прямо сейчас, потому что все еще чувствовал — за ним кто-то следит, и ему чудилось, пока он бродил среди путаницы узких тропинок между надгробий, что сзади слышны крадущиеся шаги, которые останавливаются, как только останавливается он, и снова звучат при первых его шагах. Наконец на половине подъема по длинному пологому склону Йама не выдержал, обернулся и громко позвал Луда и Лоба, в его сердце страх боролся с решимостью, а эхо его голоса замирало среди лежащих ниже по склону надгробий. Ответа не было, но когда он двинулся снова вперед, то за гребнем холма услышал отдаленный визг и плеск.

Йама вытащил обсидиановый нож и пополз, словно вор. За гребнем почва резко обрывалась вниз, как будто кто-то откусил половинку холма. У подножия обрыва в последних лучах заходящего солнца медью поблескивала лужица соленой воды вокруг родника, и там, в грязи весело возилось семейство даманов.

Йама вскочил на ноги, завопил и кинулся вниз по крутому склону. Даманы кинулись врассыпную, а один из молодняка в слепой панике забежал на отмель в середине пруда. Увидев, что Йама бежит в его сторону, он остановился настолько внезапно, что кувыркнулся через голову. Не успел он броситься в другом направлении, как Йама накрыл собой его гибкое, покрытое шерстью тело, повернул на спину и перерезал горло ножом.

Йама сложил костер из сухих веток, собранных в зарослях колючего горошка, и поджег его искрой от трения дуги, сделанной из двух прутьев и сухожилия убитого дамана. Он освежевал дамана, зажарил его мясо в горячих углях и ел, покуда у него не заболел живот, высасывая мозг из костей и слизывая с пальцев жирный горячий сок. Небо потемнело, открыв глазу бледные россыпи звезд. Вставала Галактика, ее голубоватый свет словно засыпал солью весь Город Мертвых. Легли четкие тени.

Для сна Йама выбрал гробницу недалеко от родника, и пока он устраивался у гранитного фасада, он слышал, как в пруду что-то плеснуло: какая-то живность пришла на водопой. Йама положил остатки тушканчика на плоский камень в сотне шагов от надгробия, из предосторожности затянул вход в склеп ползучими побегами розы и лишь тогда свернулся калачиком на пустом катафалке, положив голову на свернутую рубашку и взяв в руки нож.

Йама очнулся от сна с первыми лучами солнца, окоченевший, с затекшими членами. Золотистое солнце уже на ладонь поднялось над вершинами Краевых Гор. Гробница, которую он

избрал для ночлега, стояла в ряду вдоль края обрыва над прудом, где каждый фасад был облицован розовым гранитом и в утреннем свете солнца горел, как очаг. Прежде чем надеть рубашку и спуститься к пруду, Йама согрелся, проделав несколько упражнений.

Его угощение исчезло, на плоском белом камне осталось только темное пятно. На урезе воды виднелась масса следов, но человеческих Йама среди них не нашел: копыта антилоп и коз, а также отпечаток кошки, скорее всего пятнистой пантеры.

Вода в пруду была белесой от взвесей и такой горькой, что Йама сплюнул, сделав первый глоток. Он пожевал полоску холодного мяса, потом очистил и съел несколько молодых стручков горошка, но их прохладный сок не мог полностью утолить жажду. Йама положил в рот камешек, чтобы лучше выделялась слюна, и пошел назад к реке, решив про себя, что он спустится с утеса к воде, там попьет и искупается.

Оказалось, что вечером в поисках места для ночлега он забрел дальше, чем думал. Узкие тропинки, петляющие между надгробий и памятников вверх-вниз по пологим склонам низких холмов, походили друг на друга, как близнецы, и ни одна не тянулась больше чем на сто шагов, обязательно либо сливалась с другой, либо делилась на две, но Йама следил, чтобы солнце светило ему в затылок, и к середине утра опять выбрался на широкую прямую дорогу.

Скалы здесь были слишком высокие и спускались к реке почти отвесно: если бы замок эдила стоял среди кипящих волн, то его самая высокая башня не доставала бы до верха. Йама лег на живот у самого края и, свесив голову, посмотрел вправо, влево, но так и не увидел ни тропинки, ни лестницы, хотя в отвесной стене было множество ниш с могилами, одна находилась прямо под ним. На карнизах гнездились птицы, тысячи их, как снежинки белого снегопада, парили, подставив крылья дующему с реки ветру. Йама выплюнул камешек и видел, как он отскочил от скального выступа перед могильной плитой под ним, а потом полетел вниз и исчез с глаз раньше, чем стукнулся о каменные глыбы, которые то покрывала, то вновь обнажала кружевная вуаль темных речных вод.

За его спиной кто-то сказал:

— Ну и жарища!

Другой голос добавил:

— Смотри не свались, малек.

Йама вскочил на ноги. Луд и Лоб стояли на высокой белой насыпи сланцевой глины на дальней стороне дороги. На обоих были только килты. У Лоба на голом плече висел моток толстой веревки. У Луда на груди блестело большое пятно ожога.

— И не думай убежать, — посоветовал Луд. — Без воды ты далеко не уйдешь, сам знаешь, тебе никуда не деться.

Йама сказал:

— Доктор Дисмас хотел вас убить. Нам нечего делить.

— Не верю я в это, — ответил Луд. — Думаю, нам надо свести кой-какие счеты.

— Ты нам много чего должен, — поддержал брата Лоб.

— Я так не считаю.

Луд стал терпеливо объяснять:

— Доктор Дисмас должен был заплатить нам за хлопоты, а вместо этого нам пришлось плыть, спасая себе жизнь, когда ты выкинул этот фокус. Я к тому же получил ожог.

— И он потерял нож, — добавил Лоб. — Он любил свой нож, несчастный ублюдок, а из-за тебя потерял.

Луд сказал:

— А еще лодка, которую ты поджег. Ты и за это нам должен, я так считаю.

— Лодка не ваша.

Луд почесал обожженную грудь и сказал:

— Дело в принципе.

— В любом случае я могу заплатить вам, когда вернусь домой, — сказал Йама.

— «В любом случае», — насмешливым эхом отозвался Луд. — Мы на это смотрим иначе. Откуда нам знать, что тебе можно верить?

— Конечно, можно.

Луд заметил:

— Ты даже не спросил, сколько мы хотим, к тому же ты можешь раскинуть умом и нажаловаться отцу. Что-то не верится, что он нам тогда заплатит, правда, брат?

— Сомневаюсь.

— Я бы сказал, очень сомневаюсь.

Йама понял, что у него только один шанс спастись. Он спросил:

— Значит, вы мне не доверяете?

Луд заметил, что Йама сменил позу. Поднимая облако белой пыли, он бросился вниз по склону и закричал:

— Не пробуй...

Йама попробовал. Он повернулся, отступил на два шага, разбежался и не раздумывая прыгнул с края скалы.

Он летел, рассекая воздух, и, падая, откинул назад голову и поднял колени. Сержант Роден, бывало, говорил: «Просто расслабься. Научись доверять своему телу, тут самое важное, чтобы вовремя». Река и небо кувыркнулись перед глазами, и он приземлился на выступе перед надгробием, приземлился правильно: на ступни и согнув колени, чтобы ослабить удар.

Выступ был шириною с кровать и скользкий от птичьих экскрементов. Йама тотчас упал на спину, в ужасе, что поскользнется и свалится с уступа: когда-то там была балюстрада, но она давно рассыпалась. Он ухватился за жесткий пучок травы и

не мог разжать пальцев, хотя острые лезвия травинок впились в ладонь и раны от наконечника копья снова открылись.

Когда он осторожно вставал на ноги, об уступ цокнул камешек, отскочил и полетел к набегающим на берег волнам далеко внизу. Йама посмотрел вверх. Луд и Лоб прыгали на вершине скалы, их силуэты четко темнели на фоне синего неба. Нагнувшись, они что-то ему кричали, но ветер уносил слова. Кто-то из них швырнул еще один камень, и тот разлетелся на части буквально в ладони от ноги Йамы.

Йама бросился к склепу, проскочив между крылатыми фигурами с темными от времени лицами, которые поддерживали арку зияющего входа. Внутри мозаичный пол был раздроблен каменными блоками, выпавшими из высокого свода. Пустой гроб стоял на возвышении под каменным балдахином. Резьба имитировала развевающуюся на ветру ткань. Летучие мыши, разбуженные шагами, высыпали из дыры в потолке и теперь носились кругами над головой Йамы, вереща от страха. Надгробие было оформлено в виде клина, а за постаментом начинался узкий проход. Когда-то он был закрыт каменной пластиной, но ее давно разбили воры, обнаружившие путь, которым пользовались строители склепа. Йама усмехнулся. Он правильно угадал, что захоронения в толще скалы должны быть наверняка вскрыты и разграблены. В этом его путь к спасению. Он переступил порог и, держась рукой за холодную сухую стену, ощупью стал пробираться в надвигающуюся темень. Он прошел совсем немного, когда проход под прямым углом уперся в другой коридор. Он подбросил воображаемую монетку и выбрал левое ответвление. Йама двинулся вперед в абсолютной темноте; сердце его успело отсчитать не более ста ударов, когда он растянулся, наткнувшись на кучу булыжников. Осторожно поднявшись, он стал взбираться на каменную осыпь, пока его голова не стукнулась о свод коридора. Здесь был обвал.

Вдруг Йама услышал за спиной голоса, он понял, что Луд и Лоб его преследуют. Этого надо было ожидать. Они бы оба расстались с жизнью, попади он домой и сообщи эдилу об их роли в заговоре доктора Дисмаса.

Когда Йама сполз с осыпи, рука его нащупала что-то холодное и твердое. Нож из металла, с лезвием длиной в локоть! Холодный на ощупь, он испускал слабое сияние; искры света заметались на живой глади лезвия, когда Йама взмахнул им в темноте. Осмелев, Йама направился назад к саркофагу.

В глаза Йаме ударил тусклый свет, проникающий из-за спины одного из близнецов, который стоял в узком входе гробницы.

— Эй, малек! Чего ты боишься?

Йама поднял длинный нож.

— Не тебя, Луд!

— Дай я его поймаю, — сказал Лоб, заглядывая через плечо брата.

— Не закрывай свет, идиот! — Луд оттолкнул Лоба с дороги и ухмыльнулся:

— Там ведь нет выхода, правда? Иначе бы ты не вернулся. Мы можем и подождать. Утром мы поймали рыбу, и у нас есть вода. А у тебя нет, иначе ты бы прямиком отправился в город.

Йама ответил:

— Я вечером убил дамана. Я хорошо поел.

Луд шагнул вперед:

— Но могу поспорить, ты не смог напиться в том пруду, а? Мы не смогли, а мы-то можем пить почти все на свете.

Йама почувствовал, как за спиной колыхнулся воздух. Он спросил:

— Как вы сюда спустились?

— Веревка, — ответил Лоб. — Из лодки. Я сумел ее спасти. Люди говорят, мы тупые, но это не так.

— Значит, я могу взобраться наверх, — сказал Йама и двинулся в обход гроба к Луду, размахивая перед собой ножом. Нож мягко гудел, рукоятка покалывала ладонь. Лезвие засветилось голубым огнем, и он почувствовал, как в кисть вливается холод и ползет по руке.

Луд отступил.

— Ты же не станешь... — пробормотал он.

Лоб оттолкнул брата, пытаясь проскочить мимо него внутрь. Он был возбужден.

— Переломай ему ноги! — кричал он. — Переломай ноги, посмотрим тогда, как он поплывет.

— Нож! У него нож!

Йама снова взмахнул ножом. Луд шагнул назад, налетел на Лоба, и оба повалились на пол.

Йама закричал: слова царапали глотку, саднили язык. Он сам не понимал, что кричит... И вдруг споткнулся, потому что ноги показались слишком длинными и мощными, а руки висели как-то неправильно. Где его лошадь и где весь отряд? Похоже на разрушенную гробницу. Может быть, он упал в базальтовый штрек? Он помнил только внезапную рвущую боль — и вот он здесь, а два каких-то толстых негодяя ему угрожают. Он бросился на того, что поближе, парень отскочил с нервной проворностью, нож ударил в скалу и высек целый дождь голубых искр. Теперь нож словно бы взвыл. Он вскочил на гроб — да, точно, это гробница, — но тут оступился и потерял равновесие; не успел он выпрямиться, как второй негодяй уцепился ему за щиколотки, и он тяжело повалился на пол, сильно ударив о каменный пол бедро, локоть и плечо. Пальцы онемели от боли, и нож выпал, покатившись по полу и оставляя в камне дымящийся желоб.

Луд подбежал и отбросил нож в сторону. Йама вскочил на ноги. Он не помнил, как упал. Правая рука его онемела и застыла, она висела будто чужая. Луд бежал на него, Йама левой рукой выхватил из-за пояса обсидиановый нож. Они столкнулись у стены, и Луд задохнулся и схватился за грудь. По его руке струилась кровь, и он смотрел на нее в отупении.

— Что? — спросил он. Потрясенный, он отступил от Йамы и снова произнес: — Что?

— Ты убил его! — закричал Лоб.

Йама встряхнул головой. Он не мог отдышаться. Древний нож лежал на грязном полу прямо посередине между ним и Лобом, испуская искры и густой дым, издающий запах горящего металла.

Луд пытался вытащить из груди обсидиановый нож, но он сломался и кусок шириной с палец остался торчать в груди. Луда шатало из стороны в сторону, руки его были залиты кровью, кровь текла из раны и впитывалась в пояс килта. Казалось, он не понимает, что с ним случилось, повторяя снова и снова:

— Что?.. Что?..

Оттолкнув брата, он упал на колени у входа в гробницу. Проникающие внутрь лучи света дробились о его тело. Его блуждающий взгляд будто искал что-то в ярко-синем небе и не мог найти.

Лоб уставился на Йаму, его серый язык дрожал между торчащими клыками. Наконец он сказал:

— Ты убил его, сволочь. Ты не должен был его убивать.

Йама глубоко вздохнул. Руки его дрожали.

— Вы сами хотели меня убить.

— Мы только хотели заработать. Просто чтобы уехать. Мы много не просили, а тут явился ты и убил моего брата.

Лоб шагнул к Йаме и споткнулся о нож. Он подобрал его и завопил. От его руки пошел белый дым, и в следующее мгновение оказалось, что он держит уже не нож, а какое-то страшное создание, вцепившееся ему в кисть четырьмя когтистыми лапами. Лоб попятился и стукнул рукой о стену, чтобы стряхнуть этот кошмар, но тварь только рычала и крепче впивалась в кисть. Размером она была с маленького ребенка и как будто состояла из сухих палок. Нечто вроде гривы белесых волос окружало истощенное личико. Гробницу наполнил отвратительный запах горелого мяса. Лоб продолжал колотить чудовище свободной рукой, и оно вдруг исчезло в яркой вспышке голубого огня.

Древний нож упал на пол, со звоном откатившись к дверям. Йама его подхватил и бросился назад по проходу, не забыв повернуть направо, навстречу слабому дуновению ветра. На бегу он касался то одной стороны, то другой — и внезапно стены расступились и, споткнувшись, он покатился в волнах темного воздуха.

10. КУРАТОРЫ ГОРОДА МЕРТВЫХ

Комната находилась в каком-то высоком, продуваемом ветрами месте, небольшая, квадратная, с белеными каменными стенами и обитым досками потолком с изображением охотничьей сцены. На следующий день после того, как он впервые очнулся, Йама сумел подняться с тонкого матраса на каменном ложе и, шатаясь от слабости, добрел до глубокого узкого окна. Он сумел разглядеть разбегающиеся цепочки скалистых хребтов под густым, пронзительно синим небом, но тут боль сокрушила его волю, и он потерял сознание.

— Он болен, но не понимает этого, — сказал какой-то старик. Говоря это, он повернул голову, обращаясь к кому-то в комнате. Кончик его белой тонкой бороды болтался в дюйме от подбородка Йамы. Его лицо с глубокими морщинами было покрыто мелкими тонкими пятнышками, а вокруг голого темени остался лишь венчик седых волос. Очки с линзами, будто маленькие зеркала, скрывали глаза. Глубокие шрамы избороздили левую половину лица, оттягивая вверх уголок рта в сардонической усмешке.

Старик произнес:

— Он и не подозревает, сколько сил отнял у него нож.

— Он так молод... — промолвил в ответ женский голос и тут же добавил: — Он все узнает сам, мы же не можем...

Старик наматывал и разматывал кончик своей бороды на палец. Наконец он сказал:

— Я не помню.

Йама спросил, кто они и где находится эта прохладная комната, но они, казалось, не слышали. Может быть, он ничего не произнес. Он не мог пошевелить и кончиком пальца, но это его не пугало. Он был слишком изможден, чтобы бояться. Оба старика ушли, Йама остался один созерцать сцену охоты на потолке. Мысли его все никак не обретали стройность. Охотники в пластиковых латах и ярких куртках гнали белого оленя сквозь лес голых деревьев. Почва между стволами сверкала россыпями цветов. Видимо, подразумевалось, что на картине изображена ночь, так как стройные ветви, расходясь во все стороны, таяли в темноте. Белый олень выглядел среди них падающей звездой. На переднем плане молодой человек в кожаной куртке оттаскивал свору гончих от пруда. Йама подумал, что он знает имена псов и как зовут их хозяина. Но тот был мертв.

Позже старик вернулся, приподнял и усадил Йаму, чтобы он смог выпить из глиняной чашки жиденький овощной бульон. Потом Йаму охватил озноб, такой сильный, что он дрожал под тонким серым одеялом. Озноб сменился жаром и, если бы хватило сил, Йама совсем сбросил бы это одеяло.

— Лихорадка, — сказал старик. — У него гнилая лихорадка. Что-то дурное попало в кровь.

— Ты лазил в гробницах, — объяснил ему старик, — а там множество старинных болезней.

Йама обливался потом; даже матрас стал влажным. Ах, если бы он мог встать, он бы утолил жажду этой прекрасной чистой водой из лесного пруда. Тельмон бы ему помог.

Но Тельмон умер.

Днем в комнату ненадолго заглядывал луч света и вскоре застенчиво ускользал. А по ночам в глубоком оконном проеме шарил ветер, и свеча в стеклянном абажуре трепетала и начинала коптить. Лихорадка кончилась ночью. Йама тихонько лежал, слушая завывания ветра, но голова была ясной, и он пролежал долгие часы, размышляя над тем, что произошло, и стараясь составить целостную картину.

Горящая фейерверком башня доктора Дисмаса. Странная клетка и пылающий корабль. Юный лев, герой войны Энобарбус. И такие же шрамы, как у старика. Призрачный корабль, бегство, снова пожар. Кажется, что огонь пронизывал все. Он вспомнил доброту рыбаря Кафиса, блуждания среди гробниц Умолкшего Квартала, смерть Луда... Он бежал от чего-то ужасного, но что случилось потом, он совсем не помнил.

— Тебя сюда принесли, — рассказала ему старуха, когда кормила завтраком, — я думаю, откуда-то с реки ниже Эолиса. Дорога неблизкая.

У нее была гладкая, почти прозрачная кожа. Она принадлежала к той же расе, что и Дирив, но была гораздо старше родителей девушки.

Йама спросил:

— Как вы узнали?

Старик улыбнулся за плечом у женщины. На нем, как всегда, были очки с зеркальными линзами.

— Твои брюки и рубашка были в свежем речном песке. Но, думаю, ты бродил и по Городу Мертвых.

Йама поинтересовался, почему он так считает.

— Нож, дорогой, — объяснила женщина.

Старик потянул себя за бороду и заметил:

— Многие носят старинное оружие, оно намного мощнее, чем современное.

Йама кивнул, вспомнив пистолет доктора Дисмаса.

— Но твой нож подернут патиной ржавчины, а это заставляет думать, что он многие годы лежал в темном сухом месте. Разумеется, можно предположить, что ты носил его, не потрудившись очистить, но, думаю, ты не такой легкомысленный человек. Я думаю, ты нашел его совсем недавно и просто не успел

почистить. Ты подплыл к берегу и пошел через Город Мертвых и в какой-то старой гробнице нашел этот нож.

— Он относится к Эпохе Мятежа, насколько я могу судить, — заметила женщина. — Это очень опасное оружие.

Старик с любовью произнес:

— Ей можно верить, она забыла больше, чем я когда-либо знал. Ты должен научиться с ним обращаться, иначе он тебя убьет.

— Молчи, — резко вмешалась женщина. — Мы не должны ничего изменять.

— Вероятно, мы и не можем ничего изменить, — отозвался старик.

— Тогда я была бы машиной, — сказала женщина, — а это меня не прельщает.

— Тогда бы ты по крайней мере ни о чем не переживала. Но все равно я буду осторожен. В последнее время мой разум становится рассеян, моя жена тебе не раз еще об этом напомнит.

Они были женаты очень давно. Оба носили одинаковые льняные рубашки поверх шерстяных брюк, у обоих были одни и те же жесты, как будто любовь — это нечто вроде игры в подражание, в которой смешивается все лучшее, что есть у обоих участников. Они называли друг друга Озрик и Беатрис, но Йама подозревал, что это не настоящие имена. У обоих в манере поведения чувствовалась лукавая осторожность, как если бы они что-то скрывали, но Йаме чудилось, что Озрику хотелось рассказать ему больше, чем полагалось. Беатрис к мужу была строга, но Йаму окутывала любящим взглядом, и пока он лежал в лихорадке, она целыми часами сидела у его постели, стирая пот полотенцем, смоченным нардовым маслом, поила его настоями меда и трав, баюкала, как собственное дитя. Озрика сгорбили годы, а его высокая стройная жена сохранила грацию молодой танцовщицы.

Прошло несколько дней, и вот муж и жена сидят на каменном выступе под узким окном маленькой комнаты и смотрят, как Йама ест из миски вареный маис. Сегодня впервые с тех пор, как он пришел в сознание, он ест твердую пищу. Они рассказывают, что оба они сотрудники Департамента Кураторов Города Мертвых — управления общественных услуг, распущенного несколько столетий назад.

— Но мои предки остались на службе, дорогой, — объяснила Беатрис. — Они верили, что мертвые заслуживают лучшей участи, чем забвение, и боролись с уничтожением Департамента. Там была целая война. Конечно, нас теперь мало. Большинство считает, что мы давно исчезли, если вообще что-нибудь слышали о нашей службе, но мы все еще сохраняем некоторые из наиболее важных кварталов города.

— Можно сказать, что я заслуженный сотрудник Департамента благодаря родственным связям, — пошутил Озрик. — Вот твой нож. Я его почистил.

Озрик положил в ногах кровати длинный изогнутый нож. Йама взглянул на него и почувствовал, что боится его, несмотря на то что нож спас ему жизнь. Казалось, Озрик положил у его ног живую змею. Он произнес:

— Я нашел его в скальной гробнице у реки.

— Должно быть, он туда попал еще откуда-то, — сказал Озрик и в задумчивости дотронулся до кончика носа. На пальце не хватало одной фаланги. Он продолжал:

— Я очистил белым уксусом налет от многих веков хранения. Ты должен раз в десять дней или около того протирать нож тряпкой с минеральным маслом, а вот точить его не требуется, и в случае чего починится он тоже сам, конечно, в разумных пределах. В нем вмурована копия личности предыдущего владельца, но я убрал это привидение. Тебе следует тренироваться с ним, как можно чаще брать в руки, хотя бы раз в день, тогда он будет тебя знать.

— Озрик...

— Он должен знать, дорогая, — возразил жене Озрик. — От этого не будет вреда. Чаще тренируйся с ним, Йама. Чем больше ты будешь с ним работать, тем лучше он будет тебя знать. И чаще оставляй его на солнце или там, где есть перепад температуры; полезно помещать кончик ножа в огонь. Он слишком долго лежал в темноте, потому ты пострадал, когда взял его. Думаю, он принадлежал офицеру — кавалеристу, умершему много веков назад. Их изготовляли для воюющих в дождливых лесах в двух тысячах лиг вниз по реке.

Йама тупо заметил:

— Но война началась только сорок лет назад.

— То была другая война, дорогой, — мягко объяснила Беатрис.

Йама вспомнил, какое сверхъестественное сияние испускал нож, когда он, разглядывая, поднял его к лицу. Но когда Лоб поднял нож, случилось нечто ужасное. Разным людям нож показывал свои разные аспекты.

Выяснилось, что Йаму унесли от реки очень далеко, глубоко в предгорья Краевых Гор. До сей поры Йама не представлял себе истинных размеров некрополя.

— Мертвых больше, чем живых, — объяснил Озрик, — а этот город был для жителей Иза местом захоронения со времен создания Слияния. По крайней мере до нашего века, века разложения.

Из разговора Йама заключил, что кураторов осталось совсем мало, и все они — люди старые. В этом месте прошлое было сильнее настоящего. В былые времена Департамент Кураторов Города Мертвых отвечал за подготовку и похороны умерших, которых там называли клиентами, а также за поддержание порядка и уход за могилами, надгробиями, памятниками, изображениями на каменных пластинах и фантомами мертвых. Это было свя-

щенной и трудной задачей. К примеру, Йама узнал, что существовало четыре способа упокоения останков клиентов: погребение, включая захоронение или помещение в склеп; кремация огнем или кислотой; выставление тела либо в гробу, поднятом над землей, либо посредством расчленения; а четвертый — в воде.

— Последний, как я понимаю, единственный способ, используемый в наше время, — сказал Озрик. — Он, конечно, имеет право на существование, но ведь многие умирают вдали от Великой Реки, а кроме того, поселения часто расположены так тесно, что трупы с верховьев реки отравляют воду в низовьях. Сам подумай, Йама, значительная часть Слияния занята горами и пустынями. Погребение в земле встречается очень редко, ведь места недостаточно даже для сельского хозяйства. Мириады и мириады дней наши предки строили гробницы для своих усопших, сжигая их на кострах или растворяя в бассейнах с кислотой, либо выставляя их тела нашим крылатым братьям. Сооружение гробницы требует много усилий и доступно только богатым, потому что плохо построенные гробницы бедноты тут же становятся добычей дикого зверя. Древесины для костров не хватает так же, как и обрабатываемой земли, а растворение в кислоте всегда считалось небезупречным с эстетической точки зрения. В данных обстоятельствах значительно естественней выставлять клиента нашим крылатым братьям. Когда придет мой час, я желаю, чтоб с моим телом поступили именно так. Беатрис мне обещала. Конечно, конец света настанет раньше, чем я умру, но надеюсь, птицы все еще будут летать....

— Ты забыл о бальзамировании, — резко бросила Беатрис. — Он всегда забывает, — сказала она Йаме. — Он этого не одобряет.

— Нет, я не забыл, но ведь это просто вариант захоронения. Без гробницы бальзамированное тело — просто добыча диких зверей или экспонат для любопытных.

— Иногда тело превращают в камень, — сказала Беатрис. — Обычно его держат для этого в меловом растворе.

— Кроме того, существует мумифицирование, высушивание вакуумным или химическим воздействием, а также обработка смолами или льдом, — перечислял Озрик, загибая пальцы. — Но ты же понимаешь, я говорю о самых распространенных, ну и наиболее упадочных, декадентских методах, имея в виду способ, когда тело клиента подвергалось бальзамирующему воздействию, пока он был еще жив и надеялся на физическое воскрешение в грядущих веках. Вместо этого грабители вскрывали гробницу, забирали из нее все ценности; тела пожирали дикие животные или же их использовали как горючее либо как удобрение для почвы. Тот бравый кавалерист, который когда-то действовал твоим ножом в сражении, молодой Йама, по всей вероятности, был сожжен в печи, чтобы расплавить собой металл, содранный с его гробницы. Впол-

не возможно, что один из грабителей прихватил нож, и тот напал на него. Вот он и выронил нож там, где ты нашел его через столетия. Мы живем во времена обнищания. Я помню, что ребенком играл среди гробниц и дразнил фантомов, которые тогда еще говорили от имени тех, кто больше не чает воскрешения. В глупости заключен свой урок. Только Хранители смогли победить время. Тогда я не чувствовал, что фантомы вынуждены ублажать мою глупость; молодые жестоки, они еще ничего не понимают.

Беатрис выпрямилась, подняла руку и стала декламировать:

Пусть слава, что добычею слывет
Живых, найдет покой на нашем пьедестале.
Пусть подвиг нынешний оковы рвет
Забвенья вечного и смертную опалу.

Деяние пусть времени умерит жадность
И скрасит мерзкой смерти неприглядность.

Йама подумал, что это текст Пуран, но Беатрис объяснила, что он значительно старше.

— Нас слишком мало, чтобы помнить обо всем, оставленном мертвыми, — сказала она, — но мы делаем, что можем, и мы очень долгоживущая раса.

В обязанности кураторов входило значительно больше, чем просто подготовка клиентов; в последние два дня Йама узнал кое-что об уходе за гробницами, сохранении утвари, с которой похоронены клиенты, и все это в соответствии с обычаями данной расы. Озрик и Беатрис кормили его овощными бульонами, отваренными кореньями, молодой сочной окрой, кукурузой и зеленым горошком, поджаренным в легком масле. С каждым днем он чувствовал себя все лучше и начал ощущать беспокойное любопытство. Он не сломал ни одной кости, но на ребрах у него были глубокие ссадины, а связки мышц спины и рук порваны. На теле и ногах виднелись многочисленные полузажившие раны, а после лихорадки он настолько ослаб, что порой ему казалось, будто у него высохла вся кровь.

Самые глубокие раны Беатрис прочистила; она объяснила, что в них попала каменная пыль и могут остаться шрамы. Как только позволили силы, Йама начал делать упражнения, которым его обучил сержант Роден. Он упражнялся с ножом, преодолев инстинктивное отвращение. Как советовал Озрик, он занимался с ним каждый день, а в остальное время оставлял на подоконнике, где его непременно найдет полуденное солнце. Вначале ему приходилось не меньше часа отдыхать, выполнив один комплекс упражнений, но он в больших количествах поглощал простую пищу кураторов и чувствовал, как силы к нему возвращаются, и наконец он смог подняться по винтовой лестнице на вершину полого утеса.

Он шел, часто останавливаясь передохнуть, но все же добрался до двери маленькой хижины и оказался на воздухе под высоким, нестерпимо синим небом, после душной комнаты, где он пролежал так долго. Чистый холодный воздух ударил в голову, как вино.

Хижина помещалась с одной стороны плато, венчающего вершину утеса; площадка была такой ровной, что казалось, будто кто-то отсек макушку гигантским мечом. Вполне вероятно, что так и было в действительности, ибо во времена строительства Слияния, задолго до того, как Хранители покинули свои десять тысяч рас, использовались энергии такой мощности, что можно было двигать горы и формировать пейзажи огромных районов с такой легкостью, как садовник устраивает цветочную клумбу.

Площадка на вершине утеса размером не превышала Большой Зал в замке эдила, невысокие каменные ограды делили ее на крохотные поля. Тут были делянки кабачков, тыкв, батата, кукурузы, капусты и сахарного тростника. Меж грядок вились узенькие тропинки, а сложная ирригационная система труб, емкостей и канавок обеспечивала постоянный полив вызревающего урожая. В дальнем конце площадки Беатрис и Озрик кормили голубей, которые, хлопая крыльями, кружились вокруг каменной небеленой голубятни с башенкой наверху.

Утес стоял на самом краю извилистого хребта, а под ним разверзалась такая глубокая пропасть, что дно ее тонуло в сумрачной дымке. Вдоль хребта виднелись другие скалы с плоскими вершинами, их склоны усеивали окна и балконы. На широком уступе горы, вырезанном в белом скальном массиве крутого склона, уходящего в бездонную пропасть, виднелась россыпь гробниц — громадных сооружений со слепыми беленными стенами под остроконечными черепичными крышами среди искусственно созданных газонов и рощ высоких деревьев. На той стороне пропасти громоздились другие хребты, ступенями поднимаясь к небу, а за самым отдаленным, над туманными голубыми и алыми массами, плавали пики Краевых Гор, сияя в ослепительном свете солнца.

Йама осторожно прошел по извилистой тропке к миниатюрной, поросшей травой лужайке, где Озрик и Беатрис рассыпали зерно. Встревоженные его приближением голуби белым вихрем взмыли в воздух.

Озрик поднял в приветствии руку и сказал:

— Это долина владык первых дней. Некоторые утверждают, что тут погребены Хранители, но если это и так, то точное место скрыто от нас.

— Содержать эти гробницы в порядке — громадный труд.

Зеркальные линзы очков Озрика сверкнули сполохом света.

— Они сами себя поддерживают, — сказал старик, — там есть механизмы, не позволяющие людям подходить

слишком близко. Когда-то нашей обязанностью было не пускать туда посторонних для их же собственного блага, но сейчас здесь бывают лишь те, кто знает это место.

— Знают очень немногие, — добавила Беатрис, — а приходят еще меньше.

Она протянула длинную худую руку. Ей на ладонь тут же сел голубь, она поднесла его к груди и стала гладить по голове длинными костлявыми пальцами.

Йама заметил:

— Меня перенесли на такое большое расстояние!

Озрик кивнул. Его тощая борода развевалась на ветру.

— Департамент Кураторов Города Мертвых в былые времена владел городом, который простирался от этих гор до самой реки, а это день пути для всадника при очень быстрой езде. Кто бы ни доставил тебя сюда, у него должны были быть серьезные причины.

Внезапно Беатрис взмахнула рукой. Голубь взмыл вверх и закружился над лоскутным одеялом крохотных полей. Она с минуту наблюдала за ним, потом сказала:

— Думаю, пора показать Йаме, почему он тут оказался.

— Начать с того, что я бы хотел узнать, кто именно привез меня сюда.

— Пока ты не знаешь, кто тебя спас, — вмешался Озрик, — не существует и обязательств.

Йама кивнул, вспомнив, что, когда он спас Кафиса, рыбарь заявил, что теперь его жизнь навсегда под охраной Йамы. Он высказал предположение:

— Может быть, я по крайней мере мог бы узнать обстоятельства.

— Кто-то взял одну из наших коз, — стала рассказывать Беатрис. — Это случилось на лугу далеко внизу. Мы пошли ее искать, а нашли тебя. Пойдем, ты сам посмотришь, почему тебя принесли сюда. Ты так высоко взобрался, а теперь придется спускаться. Думаю, у тебя должно хватить сил.

Спускаться по бесконечной спирали лестницы было легче, чем подниматься; но Йама видел, что если бы не он, Озрик и Беатрис давно уже сбежали бы вниз, хотя он их намного моложе. Лестница заканчивалась балконом, опоясывающим утес на полпути от подножия к плоской вершине. Несколько арок с балкона вели внутрь, и Озрик тотчас исчез за одной из них. Йама хотел было пойти за ним, но Беатрис взяла его за руку и повела к каменной скамье у низкого ограждения балкона. Солнце нагрело древний камень. Йама с благодарностью ощутил это тепло.

— Когда-то нас было сто тысяч, — начала Бетрис, — но теперь во много-много раз меньше. Эта часть — самая древняя из того, что лежит в пределах сферы наших трудов, и она рухнет последней. В конце концов она, конечно, рухнет.

Йама сказал:

— Ты говоришь, как те, кто утверждает, что война в срединной точке мира может оказаться началом конца всего сущего.

Сержант Роден изучал с Йамой и Тельмоном историю самых крупных сражений, рисуя на красном глиняном полу гимнастического зала планы расположения армий, пути их длинных маршбросков.

Беатрис сказала:

— Когда идет война, все верят, что она кончится победой и положит конец любым конфликтам, но в цепи событий невозможно определить, которое будет последним.

Йама удивленно произнес:

— Еретики потерпят поражение, ведь они восстали против слова Хранителей. Древние реставрировали для них множество старинных технологий, их последователи теперь используют это все против нас, но ведь Древние — создания меньшего масштаба, чем Хранители, потому что они — отдаленные предки Хранителей. Как может меньшая идея одолеть более великую?

— Я забыла, что ты молод, — улыбнулась Беатрис. — У тебя в сердце есть еще надежда. Но и у Озрика есть надежда, а ведь он — человек мудрый. Он верит не в то, что мир не придет к концу, это неизбежно, а в то, что к концу хорошему. Воды Великой Реки скудеют день ото дня, и в конце концов все, что хранит мой народ, исчезнет.

— Надо учесть, что вы и ваш муж живете для прошлого, а я — ради будущего.

Беатрис опять улыбнулась:

— Да, но хотелось бы знать, какого будущего? Озрик полагает, что оно может быть не единственным. Что касается нас, то наш долг — сохранить прошлое, чтобы научить будущее. В этом месте прошлое имеет наибольшую силу. Здесь есть чудесные средства, способные прекратить войну в мгновение ока, если ими владеет одна из сторон, или же уничтожить Слияние, если обе стороны возьмут их на вооружение друг против друга.

Живые хоронят мертвых, идут дальше и забывают. Мы помним. В этом наш первый долг. В Изе есть архивариусы, которые утверждают, что могут проследить родословную всех рас Слияния до самых первых людей. Моя семья сохраняет гробницы тех самых предков, их тела и утварь. Эти архивисты считают, что слова сильнее тех явлений, которые они описывают, и что лишь словам даровано бессмертие, а все остальное превращается в тлен, но мы-то знаем, что и слова подвержены изменениям. Истории меняются, каждое поколение находит в любой легенде свой урок. При каждом пересказе история чуть-чуть изменяется, и так до тех пор, покуда не получится нечто совсем иное. Властитель, одолевший героя, который мог бы принести в мир свет искупления, после множества описаний этих событий превращается в героя,

спасающего мир из пламени, а несущий свет становится врагом рода человеческого. Лишь вещи остаются такими, как были. Вещи — это вещи и все. Слова — лишь представление о вещах, а у нас хранятся сами вещи. Настолько они более могущественны, чем представления о них!

Йама вспомнил об эдиле, который так доверяет предметам, сохранившимся в земле. Он сказал:

— Мой отец пытается понять прошлое по тем обломкам, которые от него остались. Может быть, меняются не истории, а само прошлое, ведь все, что остается от прошлого, — это лишь то значение, которое мы вкладываем в эти остатки.

У него за спиной Озрик заметил:

— Тебя учил архивариус. Такое как раз мог сказать один из этих близоруких книжных червей, да пребудет благословение с ними со всеми и с каждым в отдельности. Видишь ли, прошлого на самом деле больше, чем записано в книгах. Этот урок мне приходилось постигать снова и снова, молодой человек. Все обыденное и человеческое исчезает, никем не записанное, а остаются лишь истории о жрецах, философах, героях и властелинах. Множество выводов делается по камням алтарей и святыням храмов, но аркады, где по ночам встречаются влюбленные и болтают приятели, дворики, где играют ребятишки, — они ничего не значат. В этом ложный урок истории. Но все же мы можем взглянуть на случайные сценки прошлого и задуматься об их значении. Это я тебе и принес.

Озрик держал под белой тканью какой-то квадратный плоский предмет. Взмахнув рукой, он сдернул салфетку и показал тонкую прямоугольную каменную пластинку, которую положил в лужицу солнечного света на мощенном плиткой полу балкона.

Йама сказал:

— Мой отец коллекционирует такие картины, но эта, кажется, пустая.

— Вероятно, он собирает их для важных исследований, — сказал Озрик, — но мне жаль это слышать. Их настоящее место не в коллекции, а в тех гробницах, где их когда-то установили.

— Меня всегда удивляло, почему, прежде чем начать действовать, они должны напиться солнечного тепла, ведь их помещают в темноте склепа.

— Гробница тоже пьет солнечный свет, — объяснил Озрик, — и распределяет его между своими компонентами в соответствии с необходимостью. Картина реагирует на тепло живого тела, и в темноте гробницы она проснется в присутствии любого зрителя. Вне гробниц, без своего обычного источника энергии картинкам тоже требуется солнечный свет.

— Потише, муженек, — шепнула Беатрис, — она просыпается. Смотри, Йама, и познавай. Это все, что мы можем тебе показать.

По пластинке, смешиваясь, бежали разноцветные блики, казалось, они трепещут под самой поверхностью. Сначала блеклые и бесформенные — просто пастельные ручейки в млечной глубине, — они постепенно расцвечивались все более ярким сиянием и наконец сложились, вспыхнув серебряным светом, в четкое изображение.

На мгновение Йаме почудилось, что пластина превратилась в зеркало и оттуда с жадностью смотрит его собственное взволнованное лицо. Но когда он приблизился, человек на картине повернулся, словно беседуя с кем-то за пределами рамы, и Йама увидел, что это лицо принадлежит человеку значительно старше его самого, увидел морщинки в уголках глаз, суровую линию рта. Но форма глаз и круглые синие радужки, но абрис лица и бледная кожа, но грива вьющихся черных волос — все, все было, как у него! Он вскрикнул от удивления.

Теперь человек на картине с кем-то разговаривал и вдруг улыбнулся невидимому собеседнику. Эта улыбка, быстрая и открытая, всколыхнула всю душу Йамы. Человек отвернулся и изображение скользнуло с его лица на вид ночного неба. Это было не небо Слияния: на нем, будто алмазы на черном бархате, сверкали яркие россыпи звезд. В центре картины застыл клубок тусклого красного света, и Йама заметил, что звезды вокруг него, образуя четкие линии, будто втягиваются в эту красную бездну. Изображение сместилось, звезды черточками мелькнули на небосклоне, на миг картина остановилась на пучке ярких лучей, рассекающих чистейший цвет фона, затем померкла.

Озрик завернул пластинку в белое полотно. Йаме тут же захотелось убрать эту ткань, увидеть, как в глубине пластинки вновь расцветает картина, вдоволь насмотреться на лицо незнакомца, незнакомца, который принадлежал к его расе; он хотел разобраться в рисунке созвездий за спиной своего давно умершего предка. От возбуждения у Йамы стучало в висках.

Беатрис вложила ему в руку отороченный кружевом квадратик. Платок. Лишь тогда Йама заметил, что плачет.

Озрик сказал:

— У нас здесь расположены самые древние гробницы во всем Слиянии, но эта картина старше любого предмета в Слиянии, ибо она старше самого Слияния. Она демонстрирует первую стадию создания Ока Хранителей и те земли, по которым ступали Хранители до того, как ушли через Око и канули в далекое прошлое или вообще в иную вселенную, что тоже вполне возможно.

— Мне хотелось бы увидеть гробницу. Я хочу знать, где вы нашли эту картину.

Озрик ответил:

— Картина хранилась в Департаменте Кураторов Города Мертвых очень, очень давно. Если она и была когда-

либо установлена в гробнице, то это было столько времени назад, что никаких записей не сохранилось. Твоя раса ступала по земле Слияния при самом его создании — и вот шествует снова.

Йама сказал:

— Уже второй раз я слышу о том, что меня ждет какое-то таинственное предназначение, но никто не хочет объяснить, почему именно меня и что это за предназначение.

Беатрис обратилась к мужу:

— Он разберется во всем достаточно скоро. Мы не должны больше ничего рассказывать.

Озрик подергал себя за бороду:

— Мне известно далеко не все. Например, что сказал лжец или что находится дальше конца реки. Я пытаюсь запомнить это снова и снова, но не могу.

Беатрис взяла ладони мужа в свои и объяснила Йаме:

— Однажды он был ранен и теперь иногда путается в том, что может случиться, а что уже случилось. Помни о пластине. Это важно.

Йама взмолился:

— Я знаю меньше вас. Позвольте мне еще раз взглянуть на картину. Возможно, там есть еще что-нибудь.

Беатрис перебила:

— Может, узнать твое прошлое и есть твое предназначение, дорогой. Только познав прошлое, ты можешь познать самого себя.

Йама улыбнулся: именно под таким девизом Закиль имел обыкновение вести свои бесконечные уроки. У него складывалось впечатление, что кураторы мертвых, библиотекари и архивариусы настолько похожи между собой, что они искусственно преувеличивают разницу, раздувая ее до смертельной вражды, совсем как братья, которые ссорятся и дерутся по пустякам, просто чтобы утвердиться как личности.

— Ты видел все, что мы могли тебе показать, Йама, — сказал Озрик. — Мы, как можем, сохраняем прошлое, но вовсе не претендуем на то, чтобы понимать все, что сохраняем.

Йама сказал официальным тоном:

— Благодарю, что вы показали мне это чудо. — Но сам подумал: картина доказывает только, что другие, похожие на него люди существовали в далеком прошлом; его значительно больше занимала мысль — а есть ли они сейчас? Очевидно, что должны существовать, он сам этому доказательство. Но где? Что разыскал доктор Дисмас в архивах своего Департамента?

Беатрис поднялась плавным, грациозным движением.

— Тебе нельзя оставаться, Йама. Ты действуешь как катализатор, а здешним местам опасны перемены.

— Если бы вы указали мне дорогу, я бы сразу отправился домой, — отозвался Йама, но почти без всякой надежды:

почему-то ему представлялось, что кураторы держат его в плену и не позволят уйти.

Однако Беатрис улыбнулась и мягко сказала:

— Я поступлю еще лучше, дорогой, я сама отведу тебя.

Озрик произнес:

— Сейчас ты здоровее, чем когда сюда прибыл, но полагаю, полное здоровье к тебе еще не вернулось. Позволь моей жене помочь тебе, Йама. Не забывай нас. Мы служили, как могли, и я чувствую, послужили хорошо. Когда ты дойдешь до цели, вспоминай о нас.

Беатрис вмешалась:

— Не надо обременять мальчика. Он слишком молод. Еще рано. Полагаю, он достаточно взрослый, чтобы понять, чего хочет. Помни о том, что мы — твои друзья, Йама.

Йама поклонился в пояс, как учил эдил, и повернулся, чтобы следовать за Беатрис, а ее муж остался сидеть в пятачке солнечного света. Зеркальные линзы очков по-прежнему делали непроницаемым его лицо. У него за спиной в обрамлении стройных колонн тянулись голубые, неведомые людям хребты, а на коленях лежала обернутая полотном картина.

Беатрис провела Йаму по длинной спиральной лестнице, потом сквозь вереницу огромных залов, где, до половины скрытые в каменном полу, стояли машины размером с целый дом. Еще дальше виднелись широкие круглые пасти шахт, куда уходили длинные узкие трубы из прозрачного, как стекло, металла. Уходили и терялись в белесой мгле глубиною не меньше лиги. В прозрачных трубах медленными всполохами возникали гигантские молнии. Подошвами Йама чувствовал глухую вибрацию, на тон ниже, чем звук.

Ему хотелось остановиться и рассмотреть эти машины, но Беатрис торопила, она провела его вдоль темных базальтовых стен длинного зала, который освещался белыми огненными шарами, висевшими под сводчатым потолком. Некоторые участки пола оказались прозрачными, и глубоко под ногами Йама смутно различал огромные машины.

— Не смотри туда, — предупредила Беатрис. — Нельзя, чтобы они проснулись раньше времени.

В зал выходило множество коридоров. Беатрис провела Йаму по одному из них, и они оказались в крохотной комнате, которая начала трястись и гудеть, как только закрылись дверцы. На миг Йаме почудилось, будто он шагнул в пропасть, и он ухватился за поручень, идущий вдоль стены комнаты.

— Сейчас мы летим по подземному ходу, — пояснила Беатрис. — В наше время большинство людей живут на поверхности, но в древности они выходили туда только для игр и встреч, а жилье и рабочие места помещались под землей. Это —

одна из старых дорог. По ней ты доберешься до Эолиса меньше чем за час.

— Такие дороги есть повсюду?

— Когда-то были. Теперь нет. Мы поддерживаем в рабочем состоянии некоторые из них под Городом Мертвых, но многие больше не действуют, а в районах вне пределов нашей юрисдикции положение еще хуже. В конце концов все разрушается. Когда-нибудь и Вселенная рухнет внутрь самой себя.

— В Пуранах говорится, что Хранители поэтому и ушли через Око. Но если Вселенная не погибнет в ближайшее время, тогда вообще непонятно, почему они ушли. Закиль никогда не мог этого объяснить. Он всегда говорил, что не мне ставить Пураны под сомнение.

Беатрис засмеялась. Смех ее был как переливы старого хрупкого колокольчика.

— Сразу видно библиотекаря! Но Пураны содержат множество загадок, и нет ничего дурного в том, чтобы признать, что не все ответы на них очевидны. Вполне вероятно, они недоступны нашему слабому интеллекту, но библиотекарь никогда не признает, что какой-либо из хранящихся у него текстов может оказаться непостижимым. Он должен ощущать себя их владыкой и не допускает возможности поражения.

— На картине показано создание Ока. В Пуранах есть сура, по-моему, сорок третья, в которой говорится, что Хранители заставили звезды устремиться в одну точку, и они перестали излучать свет, потому что он был слишком тяжелым.

— Может быть, и так. Ведь мы о прошлом многого не знаем. В былые времена находились такие, кто говорил, будто Хранители поместили нас сюда для собственного развлечения, как некоторые расы держат для забавы в клетках птиц. Но я и повторять не хочу такую ересь. Все, кто в нее верил, благополучно отправились в мир иной уже очень давно, но и сейчас подобная мысль еще опасна.

— Возможно, она справедлива или содержит в себе долю истины.

Беатрис рассматривала его живыми горящими глазами.

— Не надо горечи, Йама. Ты найдешь то, что ищешь, хотя, может быть, и не там, где ожидаешь. Ну вот, мы почти на месте.

Комнатка бешено затряслась. Йама упал на колени. Пружинистый мягкий пол был обтянут искусственной тканью, гладкой и тонкой, как шелк.

Беатрис открыла дверь и повела Йаму по длинному, вырубленному в скале коридору. Целый лес стройных колонн поддерживал высокий потолок, а из узких щелей разливался тусклый свет. Когда-то здесь находилась мастерская каменотесов, и Беатрис вела Йаму мимо незаконченных резных панно и верстаков

с разбросанными на них инструментами. Все заброшено уже не меньше столетия. Кругом целые горы пыли. У дверей она вынула темную повязку из какой-то мягкой ткани и сказала, что должна завязать ему глаза.

— Мы — тайный народ, ведь мы не должны существовать. Наш Департамент давно уничтожен, а мы выжили лишь потому, что умеем прятаться.

— Я понимаю. Мой отец...

— Мы не боимся разоблачения, Йама, но мы так давно скрываемся, что информация о нашем местонахождении имеет для некоторых людей большую ценность. Я не могу взваливать на тебя этот груз, он опасен. Если тебе потребуется снова нас найти, ты найдешь. Я тебе это обещаю. В ответ я прошу тебя поклясться не рассказывать о нас эдилу.

— Он пожелает знать, где я был.

— Ты болел. Теперь поправился и вернулся. Эдил будет так счастлив тебя видеть, что не станет расспрашивать слишком подробно. Обещаешь?

— Если только мне не придется ему лгать. Думаю, я покончил с ложью.

Беатрис осталась довольна.

— Ты с самого начала был честен, сердце мое. Расскажи эдилу все, что пойдет ему на пользу, но не больше. А теперь иди за мной.

Чувствуя на глазах тяжелую ткань повязки, Йама взял тонкую горячую руку Беатрис и позволил вести себя дальше. Шли долго. Йама ощущал доверие к этой странной женщине, а в голове его роились мысли о человеке его собственной расы, умершем много веков назад.

Наконец она разрешила ему остановиться и вложила в правую руку что-то тяжелое и холодное. Постояв в тишине, Йама решился приподнять повязку и увидел, что стоит в темном сводчатом проходе, облицованном каменными блоками, меж которых пробиваются толстые корни деревьев. Луч света падал из дверного проема на верхние площадки каменной лестницы с истертыми ступенями. В руке Йама держал древний металлический нож, который он нашел в гробнице на берегу реки — или который сам его нашел. Вдоль внешнего края лезвия пробегали, тихо потрескивая, блески голубых искр.

Йама оглянулся в поисках Беатрис, и ему показалось, что легкое белое облако только что скрылось за углом. Он кинулся следом, но уперся в каменную плиту, перегораживающую ему дорогу. Йама вернулся к свету. Место оказалось знакомым, просто он не узнавал его, пока не поднялся по ступеням и не вышел в развалинах в саду эдила с нависающим над зарослями рододендронов высоким замком.

11. ПРЕФЕКТ КОРИН

Лоба и хозяина Таверны Бумажных Фонарей арестовали, когда Йама еще не закончил рассказывать эдилу о своих приключениях. На следующий день их судили и приговорили к смерти за похищение человека и диверсию на корабле. Кроме того, эдил издал приказ об аресте доктора Дисмаса, хотя, как он признался Йаме, едва ли можно было ожидать новой встречи с аптекарем.

Рассказ занял много времени, но всего Йама не сообщил. Он утаил ту часть, которая была связана с Энобарбусом, так как у него сложилось мнение, что молодой воин подпал под воздействие магических чар доктора Дисмаса. Он сдержал и то обещание, которое дал Беатрис, и рассказал, как уплыл со скифа, как один рыбарь помог ему добраться до берега, затем в разграбленных гробницах Умолкнувшего Квартала на него снова напали Луд и Лоб, потом он заболел и не смог вернуться в замок, пока не поправился. Конечно, это была не вся правда, но эдил расспрашивал не слишком настойчиво.

Йаме не разрешили присутствовать на суде и вообще запретили покидать замок, хотя ему очень хотелось увидеться с Дирив. Эдил сказал, что это очень опасно. Семьи Лоба и хозяина таверны захотят отомстить, а в городе и так неспокойно из-за беспорядков, последовавших за неудачной осадой башни доктора. Йама пытался поговорить с Дирив при помощи зеркальной связи, он сигналил весь день после обеда, но так и не увидел ответной вспышки света из окон дома ее отца, который тот построил над собственным складом на старой городской набережной. С тяжелым сердцем Йама отправился на поклон к сержанту Родену, однако тот отказался дать ему эскорт.

— И тебе не удастся обмануть сторожевых псов и потихоньку ускользнуть, — заявил сержант Роден. — Да-да, парень, я прекрасно знаю про этот трюк. Но смотри у меня! Как видишь, трюки не спасли тебя от неприятностей. Как раз наоборот, прямиком туда привели. Я не желаю рисковать своими людьми, спасая тебя от собственной глупости. Да и сам подумай, как ты будешь выглядеть, направляясь туда в окружении десятка солдат. Этак и правда начнутся волнения. Мои люди и так уже измотались, разыскивая тебя, когда ты потерялся в Городе Мертвых, а через пару дней у них еще добавится хлопот. Департамент посылает сюда офицера, чтобы разобраться с приговоренными, а войск — не посылает. Идиотизм с их стороны, а я буду виноват, если что-нибудь случится.

Все это сержанта очень раздражало. Рассуждая, он ходил кругами по глиняному полу гимнастического зала. Был он невысок и коренаст, как сам любил говорить, «поперек себя шире». Его серая туника и брюки всегда были тщательно отглаже-

ны, высокие ботинки начищены до блеска, а кожа головы, бугристая и вся в шрамах, выбрита и смазана маслом. Вышагивая, он щадил свою правую ногу, а на правой руке недоставало большого и указательного пальцев. Он служил телохранителем эдила задолго до того, как все семейство вместе с чадами и домочадцами было выслано из Дворца Человеческой Памяти. Два года назад сержант отпраздновал столетний юбилей. Он тихо жил со своей женой, которая постоянно закармливала Йаму, утверждая, что на таких длинных костях надо наращивать мускулы. У них были две замужние дочери, шесть сыновей воевали в низовьях с еретиками, а еще двое на этой войне погибли. Сержант Роден горевал о смерти Тельмона почти так же, как сам эдил и Йама.

Вдруг сержант Роден перестал кружить и взглянул на Йаму, будто видел его в первый раз.

— Я вижу, ты носишь с собой этот твой нож, парень. Дай-ка взглянуть.

Йама приспособился носить нож на кожаной петле, висящей на поясе, а лезвие привязывал красной лентой к бедру. Сержант Роден надел очки с толстыми стеклами, сильно увеличивающими его желтые глаза, и долго смотрел на нож, близко поднося его к лицу. Наконец он выдохнул сквозь длинные усы:

— Он стар и разумен по крайней мере частично, примерно как сторожевой пес. Это правильная мысль — носить его с собой. Он к тебе привяжется. Ты говорил, что заболел, подержав его в руках?

— Он испускал синий свет, а когда Лоб его подобрал, он превратился во что-то ужасное.

— Все ясно, парень. Для таких штучек ему надо где-то брать энергию, особенно если он пролежал столько времени в темноте. Вот он и взял ее у тебя.

— Я оставляю его на солнце, — сказал Йама.

— Правда? — Сержант Роден проницательно взглянул на Йаму. — Ну, тогда мне больше нечего тебе сообщить. Чем ты его чистил? Уксусом? Думаю, так лучше всего. Ну хорошо, сделай-ка с ним несколько упражнений. Это тебе поможет отключиться от мыслей о твоей неземной возлюбленной.

Весь следующий час сержант Роден учил Йаму правильно использовать нож против разного рода воображаемых противников. Йама начал чувствовать удовольствие от занятий и огорчился, когда сержант Роден объявил перерыв. Йама провел в гимнастическом зале много счастливых часов, любил вдыхать смесь запахов глины, пота, спиртовых растирок для мышц. Ему нравился тусклый подводный свет, струящийся из окон с тонированным зеленым стеклом высоко в беленых стенах, зеленые резиновые маты для борьбы, свернутые в углу, будто коконы гигантских гусениц, стойка с параллельными брусьями, открытые ящики с мечами и

кинжалами, копья и стеганые подушки для стрельбы из лука, соломенные мишени, стопкой засунутые за гимнастического коня, облупленные деревянные манекены для упражнений со шпагой, панели, увешанные пластиковыми, камедными, металлическими латами.

— Завтра еще потренируемся, парень, — наконец произнес сержант Роден. — Тебе надо работать над закрытым ударом. И целишься ты слишком низко: в живот, а не в грудь. Любой противник, который хоть что-нибудь стоит, сразу это заметит. Правда, такой нож предназначен для действия в ближнем бою, когда кавалерист окружен врагами, а тебе, чтобы ходить по городу, лучше носить длинный меч или револьвер. Такое древнее оружие может оказаться именным, другому не дастся. Ладно, мне пора погонять своих людей. Эмиссар приезжает завтра, и, думаю, твой отец захочет, чтобы его встречал почетный караул.

Но чиновник, направленный из Иза надзирать за казнями, наутро проскользнул в замок совсем незаметно, и Йама впервые увидел приезжего, когда эдил пригласил Йаму для аудиенции уже после обеда.

— В городе считают, что на твоих руках кровь, — проговорил эдил. — Я не желаю, чтоб снова начались беспорядки. Поэтому я принял решение.

Йама почувствовал, как у него заколотилось сердце, хотя и так уже понял, что беседа будет необычной: в приемную эдила его провожал солдат из охраны замка. Этот солдат стоял теперь перед высокими двойными дверями.

Йама приткнулся в неудобной позе на стуле без спинки перед помостом, где под балдахином стояло кресло эдила. Но сам эдил не сел, он беспокойно мерил шагами зал. На нем была шитая серебром и золотом туника, а подбитая соболем парадная мантия висела на перекладине возле кресла.

В комнате находился еще и четвертый человек. Он стоял в тени у небольшой дверцы, которая вела к лестнице в личные покои эдила. Это и был чиновник, направленный из Иза для исполнения приговора. Йама наблюдал за ним краем глаза. Он видел высокого стройного мужчину в простой домотканой тунике и серых бриджах. Туго натянутая кожа на голове и лице была черной, но слева, как у барсука, тянулась белая полоса.

Завтрак в это утро Йаме принесли прямо в комнату, и потому он только сейчас смог разглядеть пришельца. Он уже слышал от конюхов, что офицер сошел на берег с обычного луггера, из оружия — только тяжелый, обитый железом посох, а из багажа — скатка одеяла за спиной; но эдил пал перед ним ниц, словно он был восставшим из вечности Иерархом.

— Я так понимаю, он не ожидал, что явится такой высокий чин из Комитета Общественной Безопасности, — рассуждал камердинер Торин.

Но чиновник не выглядел ни палачом, ни вообще какой-нибудь важной персоной. Он вполне мог быть одним из тысяч обыкновеннейших писцов, тупивших перья в глубинах Дворца Человеческой Памяти и неразличимых, как муравьи.

Эдил стоял перед одним из четырех огромных гобеленов, украшающих стены зала. На нем изображалось заселение мира. Растения и животные дождем сыпались из огненного рога на голую землю, рассеченную серебристыми петлями рек. В воздухе порхали птицы, маленькие группы нагих мужчин и женщин различных рас стояли на островках облаков, скромно прикрывая гениталии и груди.

Йаме всегда нравился этот гобелен, но теперь, после разговоров с кураторами Города Мертвых, он понимал, что это — всего лишь сказка. Казалось, что после его возвращения все в замке переменилось. Дом выглядел меньше, сады — заброшенными, люди занимались своими мелкими делами, погрязнув в ежедневной рутине, как крестьяне, гнущие спины на рисовых полях; они не замечали великих событий большого мира у себя над головой.

Наконец эдил обернулся и проговорил:

— Я всегда намеревался определить тебя учеником в свой Департамент, Йама, и я не изменил решения. Возможно, ты еще слишком молод для полноценного ученичества. Но я возлагаю на тебя очень большие надежды. Закиль говорит, ты — самый лучший из всех его учеников, а сержант Роден утверждает, что через пару лет ты превзойдешь его в стрельбе из лука и фехтовании. Хотя и добавил, что верховая езда еще требует совершенствования.

Я знаю, в тебе есть решимость и честолюбие, Йама. Думаю, ты добьешься большой власти в Департаменте. Ты не моей крови, но ты — мой сын, теперь и всегда. Разумеется, я бы предпочел, чтобы ты остался здесь, пока не наступит возраст официального посвящения в ученики, но обстоятельства складываются так, что, оставшись здесь, ты будешь подвергаться большой опасности.

— Я ничего не боюсь в Эолисе.

Но Йама возразил лишь из упрямства. Его уже заворожила перспектива отряхнуть со своих ног пыль этого сонного продажного городишки. В Изе имелись архивы, хранящиеся с первых лет Слияния. Беатрис так и сказала. Она и Озрик показали ему пластину, на которой проявлялось изображение предка его расы. В Изе он, возможно, сумеет узнать, кто был этот человек. А вдруг там живут люди его расы? Все, все может случиться! В конце концов, он же прибыл из Иза, это река отнесла его вниз по течению. Хотя бы по этой причине он был бы счастлив отправиться в Из, однако Йама более чем когда-либо сознавал, что не сможет стать чиновником. Но сказать это отцу он, разумеется, не мог.

Эдил сказал:

— Я горжусь твоими словами и твоим искренним убеждением, что ты никого не боишься, я полагаю, ты сам в это

веришь. Но ты не можешь провести всю жизнь, оглядываясь по сторонам, Йама, а именно так и придется поступать, если ты останешься здесь. Когда-нибудь, рано или поздно братья Луда и Лоба захотят утолить свою жажду мщения. То, что они являются сыновьями констебля Эолиса, не уменьшает, а скорее увеличивает вероятность такого развития событий, ибо если бы один из них тебя убил, он не только удовлетворил бы семейную жажду чести, но и восторжествовал над собственным отцом.

Тем не менее я больше опасаюсь не жителей нашего города. Доктор Дисмас скрылся, но он может вознамериться вновь осуществить свой план или же продать информацию кому-нибудь другому. В Эолисе ты — чудо из чудес, а в Изе — средоточии всех чудес света — все будет иначе. Здесь я повелеваю всего лишь тремя десятками солдат, там ты будешь в самом центре нашего Департамента.

— Когда я должен отправляться?

Эдил стиснул ладони и склонил голову. Поза его выражала смирение.

— Ты отправишься с префектом Корином, когда он закончит здесь свои дела.

Стоящий в тени человек поймал настороженный взгляд Йамы.

— В подобных случаях, — сказал он негромко, — не рекомендуется задерживаться после выполнения предписанных обязанностей. Я убываю завтра.

Нет, этот человек, префект Корин, вовсе не выглядел палачом, однако он уже навестил Лоба и владельца таверны, которые после суда содержались в подземной темнице замка. Их должны сжечь на костре этим вечером, а пепел развеять по ветру, чтобы у семей не осталось памяти о них, а их души не нашли покоя до тех пор, пока Хранители не воскресят мертвых при конце света. С самого дня суда сержант Роден натаскивал своих людей. В случае беспорядков он не мог полагаться на помощь констебля и городской милиции. Все доспехи начищены, оружие наточено. Паровая повозка была повреждена при осаде башни доктора Дисмаса, и теперь пришлось выделить обычный фургон, чтобы доставить приговоренных из замка к месту казни. Его перекрасили в белый цвет, смазали оси, проверили колеса, а двух белых быков, которые потащат фургон, расчесывали до тех пор, пока шерсть на них не стала блестеть. Весь замок был наполнен суетой предстоящего события.

Эдил проговорил:

— Слишком скоро... Но я навещу тебя в Изе, как только увижу, что здесь все спокойно. А до тех пор, надеюсь, ты будешь вспоминать обо мне с любовью.

— Отец, ты сделал для меня больше, чем я когда-нибудь заслужу. — Выражение чувств было чисто формальным и звучало слишком официально, но в душе Йамы поднялась волна

горячей привязанности к эдилу. И он бы его обнял, если бы за ними не наблюдал префект Корин.

Эдил снова отвернулся к гобеленам, будто изучая изображение. Возможно, префект Корин его тоже смущал. Он сказал:

— Да-да. Ты мой сын, Йама. Так же, как и Тельмон.

Префект Корин прочистил горло — тихое покашливание в просторном зале, но оба, отец и сын, обернулись и посмотрели на него, словно он выстрелил из пистолета в расписной потолок.

— Прошу прощения, — произнес префект, — но пора причащать заключенных.

За два часа до заката к замку пришел отец Квин, настоятель храма в Эолисс. Он поднимался от города по извилистой дороге в оранжевой мантии, босой, с непокрытой головой. Его сопровождал Ананда. Он нес елей. Эдил встретил их, произнеся официальные приветствия, и проводил в темницу, где они должны выслушать последнюю исповедь приговоренных.

И снова Йаму отстранили от церемонии. Он сидел в уголке у большого очага в кухне. Но и тут чувствовались перемены. Он больше не был частью кухонной суеты и шума. Судомойки, поварята и три повара вежливо отвечали на его замечания, но в их манерах угадывалась сдержанность. Ему хотелось сказать им, что он — все тот же Йама, мальчишка, дравшийся с поварятами, получавший затрещины от поваров, когда хотел стянуть что-нибудь с кухни, дразнивший судомоек, чтобы они его догоняли. Но он уже не был тем мальчишкой.

Немного погодя, расстроенный вежливым безразличием, Йама вышел во двор посмотреть, как под палящим солнцем маршируют солдаты, тут его и нашел Ананда.

Голова Ананды была только что выбрита, над правым ухом виднелся свежий порез, замазанный йодом. Глаза казались больше из-за умело наложенных синей краски и золотых накладок. От него пахло гвоздикой и корицей. Это был запах масла, которым помазывали приговоренных.

Ананда всегда мог понять, в каком настроении пребывал Йама. Друзья постояли в сочувственном молчании, наблюдая, как солдаты перестраиваются в пыльных лучах заходящего солнца, сержант Роден отдавал лающим тоном приказы, и они эхом отдавались в стенах замка.

Наконец Йама сказал:

— Завтра я уезжаю.

— Я знаю.

— С этим кротом-чиновником. Он будет моим начальником. Он научит меня, как переписывать документы, писать административные отчеты. Меня заживо хоронят. Хоронят в старых бумагах и пустых делах. Тут одно утешение...

— Ты сможешь искать свою расу.

Йама был поражен:

— Как ты догадался?

— Но мы же всегда об этом говорили. — Ананда проницательно взглянул на Йаму. — Ведь ты что-то узнал, правда? Потому об этом и думаешь.

— Чиновник, представляешь, Ананда. Чиновник! Я не стану служить. Я не могу. У меня есть дело поважнее.

— Не только солдаты помогают в войне. И не уходи от темы.

— Мой отец всегда так говорит. Я хочу стать героем, Ананда. В этом моя судьба!

— Если это судьба, она свершится. — Ананда засунул руку куда-то в глубь мантии и извлек пригоршню фисташек. — Дать тебе?

Йама покачал головой:

— Все изменилось так быстро.

Ананда поднес ладонь к губам и проговорил с полным ртом:

— У тебя есть время все рассказать? Видишь ли, я скорее всего останусь здесь навсегда. Мой настоятель умрет, я займу его место и начну искать нового послушника, такого же мальчика, как я. И так далее.

— Мне не разрешили присутствовать на казни.

— Разумеется, нет. Это был бы неподобающий поступок.

— Я хочу доказать, что у меня хватит мужества это увидеть.

— Что произошло, Йама? Ты не мог плутать столько времени и тебя не могли увести далеко, если, по твоим словам, ты убежал в первую же ночь после похищения.

— После этого много чего случилось. Многое я не понимаю, но одно знаю точно: я нашел что-то... что-то важное.

Ананда рассмеялся:

— Нельзя мучить своих друзей, Йама. Поделись со мной. Я помогу тебе во всем разобраться.

— Приходи ночью. После казни. И приведи Дирив. Я пытался послать ей весточку зеркальцем, но никто не ответил. Я хочу, чтобы она услышала мой рассказ. Хочу, чтобы...

— Я понимаю. Вечером будет служба. Мы должны отпустить грехи префекту Корину после того, как он поднесет факел к... к приговоренным. Потом будет официальный обед, ну, туда, как ты понимаешь, меня, конечно, не пригласят. Он начинается через два часа после захода, тогда я и приду. И я придумаю, как привести Дирив.

— Ты когда-нибудь видел казнь, Ананда?

Ананда набрал в ладонь новую порцию фисташек, посмотрел на них и ответил:

— Нет, нет. Но я, конечно, знаю, как все будет, и знаю, что я должен делать, но не знаю, как буду держаться.

— Ты не посрамишь своего учителя. Встретимся через два часа после захода. Обязательно приведи Дирив.

— Как будто я могу забыть. — Ананда выплюнул орехи и потер руки. — Хозяин таверны принимал тот же наркотик, что и доктор Дисмас, ты знал про это? Дисмас поставлял ему зелье, и он из-за этого мог сделать все что угодно. Конечно, приговор не был смягчен, но он на это ссылался.

Йама вспомнил, как доктор Дисмас растирал в пасту сухих жуков вместе с прозрачной, пахнущей абрикосами жидкостью и как внезапно расслабилось его лицо, когда он сделал себе инъекцию.

— Кантарид, — вспомнил Йама, — а Луд и Лоб старались за деньги.

— Да, и Лоб получил в конце концов свою долю, — сказал Ананда. — Когда его арестовали, он был пьян, и я слышал, что до этого он несколько дней угощал выпивкой сброд со всего города. Я думаю, он понимал, что ты вернешься.

Тут Йама вспомнил, что доктор Дисмас не заплатил Луду и Лобу. Откуда же тогда Лоб взял деньги на свой пьяный разгул? И кто спас его самого из старой гробницы и переправил в башню Озрика и Беатрис? Сердце сжалось у него в груди, когда он понял, кто это и как она узнала, где его искать.

Ананда отвернулся и стал смотреть, как на парадном плацу перестраиваются солдаты: одна колонна превращается в две, и они бок о бок маршируют к главному входу во главе с сержантом Роденом, громко отсчитывающим ритм. Немного погодя Ананда спросил:

— Тебе никогда не приходило в голову, что Луд и Лоб были чем-то похожи на тебя? Они тоже хотели отсюда выбраться.

Йама хотел увидеть, как Лоба и хозяина таверны увезут из замка, но даже этого ему не разрешили. Закиль нашел его у окна, когда он смотрел во двор, где солдаты впрягали в белый фургон упирающихся лошадей, и увел его в библиотеку.

— У нас так мало времени, господин, а сказать надо очень многое.

— Тогда стоит ли пытаться? А ты идешь на казнь, Закиль?

— Мне там не место, господин.

— Наверное, это отец приказал тебе чем-нибудь меня занять. Я хочу все увидеть, Закиль. Они пытаются полностью меня отстранить. Думаю, хотят пощадить мои чувства. Но воображать еще хуже, чем знать наверняка.

— Видно, я чему-то тебя все же научил, а то я уже начал удивляться.

Закиль редко улыбался, но сейчас позволил себе хмыкнуть. Это был высокий сутулый человек с длинным лицом, густыми бровями и гладко выбритым черепом, на котором просматривался костистый гребень. Его черная кожа блестела в желтом мигающем свете электрических светильников, и когда он улыбался,

было видно, как двигаются мышцы обеих челюстей. Иногда в праздники он демонстрировал зрителям умение колоть грецкие орехи своими крепкими квадратными зубами. Как всегда, на нем были серая туника, серые же леггинсы и сандалии на резиновой подошве, издававшие писк на отполированном мозаичном паркете в проходах между книжными стеллажами. Он носил на шее ошейник раба, но тот был не из железа, а из легкого сплава и покрыт кружевным воротничком ручного плетения.

Закиль продолжал:

— Если хочешь, могу тебе рассказать, как там все будет. Мне подробно все описали; почему-то считается, что если приговоренному рассказать, что именно с ним сделают, то легче все это выдержать. Но на самом деле оказалось, что это очень жестокая вещь, куда хуже допроса с пристрастием.

Еще до того, как Закиль стал работать у эдила, его приговаривали к смертной казни. Йама забыл и теперь чувствовал раскаяние. Он произнес:

— Прости, я не подумал. Нет, нет, не рассказывай!

— Лучше бы ты это увидел. Человек верит своим чувствам, а не словам. Тем не менее давно умершие мужчины и женщины, которые написали все эти тома, имели те же чувства, что и мы, те же страхи, амбиции, такой же аппетит. Известно, что впечатления от окружающего мира, попадая в наши органы чувств, низводятся до электрических импульсов в определенных нервных волокнах. Когда мы открываем книгу и читаем о событиях, происходивших задолго до нашего рождения, то некоторые из этих нервных волокон стимулируются точно таким же образом.

— Я хочу все видеть своими глазами. Читать — это совсем другое дело.

Закиль щелкнул костяшками пальцев, припухлыми, как и все его суставы, из-за чего пальцы выглядели, как связки орехов.

— Как будто я тебя вообще ничему не сумел научить! Разумеется, чтение — это нечто иное. Задача книг в том, чтобы дать нам возможность разделить впечатления тех, кто их написал. Некоторые маги утверждают, что могут читать в умах людей, а есть шарлатаны, которые говорят, будто обнаружили древние машины, печатающие изображения человеческих мыслей, проецирующие их в стеклянную сферу или чудесный кристалл, но и те, и другие лгут. Одни только книги позволяют нам разделить мысли другого человека. Читая их, мы видим мир не своими глазами, а глазами их авторов. И если эти авторы мудрее нас, более образованны или более чувствительны, то, пока мы читаем, мы и сами бываем такими. Но хватит об этом. Я прекрасно понимаю, ты предпочитаешь воспринимать мир прямо, без посредников, и завтра тебе уже не придется слушать старого Закиля. Но если мне будет

позволено, я тебе кое-что подарю. У раба нет собственности, он не владеет даже собственной жизнью, так что это нечто вроде займа, но у меня есть разрешение эдила.

Закиль повел Йаму в глубину стеллажей, где книги в два ряда стояли на полках, сгибающихся под их тяжестью. Он вытащил из кладовки стремянку, зацепил ее крючьями за край самой верхней полки и стал подниматься. С минуту он там возился, сдувая пыль то с одной книги, то с другой, и наконец спустился, держа в руках томик размером с ладонь.

— Я знал, что она здесь, — ласково пробормотал он, — хотя и не брал ее в руки с тех пор, как составлял каталог в первый раз. Даже эдил о ней не знает. Ее оставил один из его предшественников; таким образом растет эта библиотека и потому-то в ней так много малоценных экземпляров. Однако, как говорится, драгоценности рождаются из грязи, а эта книга как раз драгоценность. Она твоя.

Книга была переплетена черным искусственным материалом, и, хотя уголки ее чуть-чуть обтрепались, она засверкала, как новая, когда Закиль обтер пыль краем туники. Йама пробежал пальцами по страницам. На ощупь они были твердыми и скользкими, и, казалось, в них скрывается тайная глубь. Он наклонил страницу к свету и увидел, как на полях четкого печатного текста в две колонки возникают и исчезают некие образы. Он ожидал, что получит какое-нибудь редкое издание истории Иза или энциклопедию животного мира, из тех, что он так любил читать, когда был маленьким, но это оказался всего-навсего экземпляр Пуран.

Йама спросил:

— Если мой отец велел тебе отдать эту книгу мне, то как же он мог не знать, что она есть в библиотеке?

— Я просто спросил его, могу ли вручить тебе том Пуран, вот я это и делаю. Это очень старое издание, в некоторых деталях оно отличается от того, чему я тебя учил. Книга долго находилась под запретом, вероятно, это — единственная сохранившаяся копия.

— Она другая?

— Отличаются некоторые детали. Чтобы найти их, ты должен прочитать все, и помни, чему я тебя учил. Таким образом мои уроки продлятся. Или просто можешь рассматривать картинки. В современных изданиях, разумеется, нет иллюстраций.

Йама все еще листал страницы, наклоняя их к свету, и вдруг ощутил толчок узнавания. Там на полях одной из страниц был тот самый вид, который он заметил за спиной своего предка: закручивающиеся цепочки звезд устремляются к тусклому свечению.

Он тотчас сказал:

— Я прочту, Закиль, обязательно прочту, я обещаю.

Секунду Закиль молча смотрел на Йаму, его темные глаза были непроницаемы под костистым уступом бровей. Затем библиотекарь улыбнулся:

— Хорошо, господин, очень хорошо. Теперь мы выпьем чаю и поговорим об истории того департамента, в котором ты станешь самым новым и самым молодым служащим.

— Надо учитывать, Закиль, что история департамента будет, наверное, первым предметом, который мне придется изучать по прибытии в Из, к тому же этот эмиссар, без сомнения, пожелает сказать несколько слов по этому вопросу еще в пути.

— Не думаю, что префект Корин станет напрасно тратить слова, — заметил Закиль, — да он и не считает себя учителем.

— Мой отец пожелал, чтобы ты чем-нибудь занял мои мысли, правда? Ну, тогда мне хотелось бы узнать об истории совсем другого департамента. Того, что уже давно не существует. Можно?

12. КАЗНЬ

После заката Йама забрался на гелиографическую площадку, которая опоясывает самую высокую башню замка, снял крышку с телескопа, повернул его на тяжелых стальных подвесках, плавающих в запечатанных емкостях с маслом, и установил склонение и экваториальные оси в сочетании, которое помнил не хуже собственного имени.

Вдали, в темнеющей дымке на пределе видимости сияли в лучах заходящего солнца верхушки башен, поднимающиеся из самого сердца Иза. Они как пучок огненных игл впиваются в закатное небо так высоко над миром, что даже голые пики Краевых Гор остаются внизу. Из! У себя в комнате Йама выкроил минутку, чтобы еще разок взглянуть на свою старую карту. С большой неохотой он заставил себя свернуть и снова ее убрать, после того как рассмотрел дороги, пересекающие бесплодные прибрежные равнины и проходы в горах, окружающих громадный город. Он поклялся, что через несколько дней будет стоять у подножия этих башен как свободный человек.

Он установил телескоп и, всей кожей ощущая теплые порывы ветра, облокотился на поручень. На средней дистанции было видно множество вспышек света. Послания. Воздух буквально забит посланиями: вестями с войны, сообщениями о битвах в далеких краях, сражениях в срединной части мира.

Йама перешел на другую сторону башни и стал смотреть за широкую плоскую долину Бриса на Эолис; пораженный, он вскоре понял, что костер на месте казни уже горит. Искра света мерцала за стенами маленького города, как чье-то хищное злобное око.

— Они бы меня убили, — сказал себе Йама, будто пробуя слова на вкус, — если бы могли получить за это деньги.

Йама стоял и смотрел, покуда далекий огонек не стал меркнуть и его не затмило обычное вечернее освещение города. Лоб и хозяин Таверны Бумажных Фонарей были мертвы. Эдил и этот бесцветный человек, чиновник, префект Корин, должно быть, следуют сейчас мрачной процессией в храм, впереди шествует отец Квин, а с флангов их прикрывает сержант Роден со своими людьми, облаченными в черные сверкающие латы.

Ужин ему принесли в комнату. Но Йама к нему не притронулся. Вооруженный своим новым ощущением власти, он зашел в кухню, отрезал солидный ломоть сыра, взял дыню, бутылку белого вина и тяжелый каравай финикового хлеба из тех, что испекли нынешним утром. Он срезал путь через огород, в последний раз обманул сторожевых псов и пошел по широкой дороге до крутого спуска с обрыва, а затем по тропе вдоль дамб, разделяющих залитые водой лоскутки полей Пеонина.

Чистый мелкий Брис шумел в темноте, неся свои быстрые воды по каменистому ложу. У запруды пара быков уныло бродила по кругу, подпряженная к спиленному стволу сосны. Бревно толкало вал, который со скрипом, будто протестуя против этой вечной муки, поднимал цепь с ведрами речной воды и бесконечным каскадом опрокидывал их в каналы, питающие ирригационную систему полей Пеонина. Быки трудились под крышей из пальмовых листьев, хвосты их ритмично хлопали по искусанным оводами бокам, время от времени они ухватывали пучок соломы, разбросанной по периметру их кругового пути, но большей частью просто брели, опустив головы из ниоткуда в никуда.

«Нет, — подумал Йама, — я не буду служить».

Он сел на перевернутый стоймя каменный блок в стороне от тропинки и в ожидании стал есть тающие от сладости ломти дыни. Быки все брели и брели в своем ярме, вращая скрипящий вал. В полях Пеонина квакали лягушки. За городом, в устье Бриса поднимался над горизонтом туманный свет Десницы Воина. Каждую ночь она будет вставать чуть-чуть позже и немного ниже по реке. Вскоре она совсем перестанет появляться, а Око Хранителей будет стоять над точкой истока реки — придет лето. Но еще до той поры Йама окажется в Изе.

По тропинке шли двое, их тени бесшумно двигались в синих сумерках света Галактики. Йама подождал, пока они прошли, и лишь тогда коротко свистнул.

— Мы боялись, что тебя здесь нет, — сказал, подходя, Ананда.

— С приездом, — произнесла Дирив у него из-за плеча. Тени от света Галактики вплели серебряные пряди в светлую массу ее распущенных волос, а в темных больших глазах сияли голубые блики. — Ох, Йама, с приездом.

Она шагнула вперед и бросилась ему на шею. Ее легкое тело, длинные тонкие руки, стройные ноги, ее жар, ее запах! Йама всегда удивлялся, обнаруживая, что она выше его ростом. Забыв холодную уверенность, что крепла в нем с момента, когда он услышал слова Ананды о пьяных кутежах Лоба, он ощутил, как его любовь разгорается в ее объятиях с новой силой! Так трудно не откликнуться! Настоящее предательство! Хуже всего, что могла совершить она.

Дирив отстранилась и удивленно спросила:

— Что-то не так?

Йама ответил:

— Я рад, что ты пришла. Мне надо тебя кое о чем спросить.

Дирив улыбнулась и грациозно развела руками, широкие рукава ее белого платья взлетели и, кружась, засветились в полумраке подступающей ночи.

— Все что угодно! Но при условии, что я услышу твой рассказ. Все подробно, не только заголовки.

Ананда нашел кусок сыра и стал нарезать ломтиками.

— Я постился, — объяснил он. — Вода на завтрак, вода на обед.

— И фисташки, — напомнил Йама.

— Никогда не утверждал, что из меня получится хороший священник. Считается, что пока отец Квин ужинает с эдилом и префектом Корином, я чищу паникадило. Странное место для встречи, Йама.

— Доктор Дисмас говорил мне что-то о привычках, которые нами командуют. Вот я об этом и вспомнил.

Дирив возразила:

— Но ведь с тобой все в порядке. Ты уже оправился от своих приключений.

— Я многому научился за это время.

— И ты нам расскажешь, — вмешался Ананда. Он стал передавать им ломти хлеба с сыром, выковырнул маленьким ножичком пробку из бутылки.

— Я думаю, — сказал он, — ты должен начать с самого начала.

В пересказе его приключения выглядели куда более странными и волнующими, чем в жизни. Чтобы рассказ не расплывался и както дошел до конца, приходилось молчать о том страхе и напряжении, которые он испытывал каждую минуту своих странствий; долгие часы бессонной ночи в мокрой одежде на стволе смоковницы, все более мучительный голод и жажда, пока он бродил по сухим глинистым улочкам Умолкнувшего Квартала Города Мертвых — все это осталось в стороне.

Пока он говорил, ему припомнился сон, который он видел, когда спал в старой гробнице в Умолкнувшем Квартале. Ему снилось, что он плывет по Великой Реке, течение его подхватывает и несет к Краю Мира, где воды реки с ревом и ливнем

брызг падают в неизвестность. Он хотел поплыть против течения, но руки его оказались связаны, и он беспомощно дрейфовал в несущихся белых струях к грохочущему светопреставлению водопада. Давящее чувство беспомощности оставалось в его душе все утро до самого момента встречи с Лудом и Лобом, но потом он о нем забыл и вспомнил только теперь. Сейчас Йама чувствовал, что, рассказывая, он увязывает сон с реальностью в один узор. Он описал друзьям свой сон как еще одну часть приключений, а потом рассказал, как Луд и Лоб на него напали и как он нечаянно убил Луда.

— Я нашел древний нож, а Лоб его выхватил, он готов был убить меня за то, что я убил его брата. Но нож сам на него кинулся. Он вдруг превратился в какого-то упыря или гигантского паука. Я убежал. Стыдно сказать, но я бросил его с мертвым братом.

— Иначе он бы тебя убил, — сказала Дирив. — Конечно, надо было бежать.

Йама возразил:

— Я бы сам его убил. Думаю, нож сделал бы это за меня, если бы я не решился его взять. Он помог мне, как тот призрачный корабль.

— Лоб сумел спастись, — заметил Ананда. — Он, идиот, хотел, чтобы его отец обвинил тебя в убийстве его брата, но тут ты вернулся. Лоб сам себя приговорил, а тут Унпрак, как только его арестовали, признался в своей роли в этой истории.

Хозяина Таверны Бумажных Фонарей звали Унпрак. До суда Йама этого не знал.

— Так или эдак, Лоба убил я. Лучше бы я убил его там, в гробнице. Это была бы более чистая смерть. А так пошел по шерсть, а вернулся стрижен.

— Как в той сказке про крестьянина, — сказала Дирив. — Лисичка с ним переспала, а в уплату забрала его дочку.

Внезапно у Йамы будто голова закружилась — он увидел лицо Дирив новыми глазами, гладкое, с большими темными глазами, маленьким ртом и изгибом носа, в водопаде белых волос, колышущихся при малейшем дуновении ветра, словно они живут своей собственной независимой жизнью. Все прошлое лето они искали встреч друг с другом, влекомые зовом своих проснувшихся тел. Они лежали в высоких сухих травах между гробниц и пробовали на вкус губы друг друга, юную кожу. Всем телом он чувствовал холмики ее грудей, обводил руками чашу бедер, ощущал элегантную гибкость рук, жар длинных ног. Они не занимались любовью, ибо поклялись, что не станут любовниками, пока не поженятся.

Йама спросил:

— Ты держишь голубей, Дирив?

— Ты же знаешь, отец держит. Для жертвоприношений. Паломники все еще приходят помолиться к алтарю нашего храма. Правда, чаще всего им нужны не голуби, а цветы и фрукты.

— В этом году не было паломников, — сказал Ананда.

— Когда война кончится, они снова станут приходить, — проговорила Дирив. — Мой отец подрезает голубям крылья. Если они улетят во время жертвоприно- шения — это будет дурной знак.

Ананда улыбнулся:

— Ты имеешь в виду, что это будет дурно для его торговли?

Дирив рассмеялась.

— Значит, пожелания Хранителей и моего отца совпадают, и я рада.

— Есть еще одна загадка, — произнес Йама и рассказал, как он упал и потерял сознание, а очнулся в совсем незнакомом месте в маленькой комнате, расположенной в полом утесе, ухаживали за ним старые супруги; они называли себя кураторами Города Мертвых.

— Они мне показали чудо — каменную плиту с картиной из старой гробницы, на ней был человек моей расы. Такое впечатление, что они меня ждали, и я не перестаю об этом думать с самого возвращения.

У Дирив в руках была бутылка с вином. Она сделала большой глоток и сказала:

— Но это же хорошо! Это прекрасно! Меньше чем за десять дней ты нашел двух людей твоей расы.

Йама заметил:

— Человек на картине жил до создания Слияния. Полагаю, он давно умер. Что интересно, кураторы, похоже, уже знали обо мне, ведь плита с картиной была у них под руками, и они подготовили путь от своего убежища прямо до самого замка. Таким способом я и вернулся. Из них двоих женщина принадлежит к твоей расе, Дирив.

— Ну что ж, таких немало. Мы купцы и торговцы. Нас можно найти по всей шири и всей длине Слияния.

Говоря это, Дирив холодно посмотрела на Йаму, и сердце его защемило. Продолжать так тяжело, но он должен.

И он решился:

— Но это не главное. И даже их запас поговорок и басен о волшебных лисицах, совсем как у тебя, — тоже не главное. Но они держат голубей. Интересно, если осмотреть голубей твоего отца, не найдутся ли среди них птицы с необрезанными крыльями? Думаю, вы так поддерживаете связь со своими.

Ананда спросил:

— В чем дело, Йама? Ты устраиваешь настоящий допрос.

— Все в порядке, Ананда, — вмешалась Дирив. — Мой отец сказал, что ты, Йама, можешь догадаться. Потому он и не разрешил мне прийти в замок или поговорить с тобой по зеркальной связи. Но все равно я пришла. Я хотела тебя видеть. Расскажи мне, что тебе известно, а я расскажу, что знаем мы. Как ты догадался, что это я тебе помогла?

— Я думаю, что у той старушки, Беатрис, есть сын — это твой отец. Когда Лоб вернулся в Эолис, ты его напоила и выведала у него всю историю. Я знаю, доктор Дисмас ему не заплатил, значит, он взял деньги где-то в другом месте. Ты меня нашла и отправила к своим дедушке с бабушкой. Они придумали, будто искали козу, а нашли меня, но они ведь едят только овощи. Как ты и твои родители, Дирив.

— Они делают сыр из козьего молока, — возразила Дирив. — И у них правда в прошлом году пропала коза. Леопард утащил. Но ты более или менее угадал. Не могу даже сказать, когда я больше боялась: когда поила допьяна Лоба или когда спускалась по той веревке, которую он бросил, а потом пробиралась по темной гробнице и искала тебя.

— Твоя семья явилась в Эолис из-за меня? Неужели я имею такое значение или думать так — просто глупость? Почему вы мною интересуетесь?

— Потому что ты принадлежишь к расе, исчезнувшей из нашего мира давным-давно. Моя семья сохранила верность старому Департаменту, как никто другой из нашей расы. Мы почитаем мертвых и, как можем, храним память об их жизнях, но твою расу мы не помним, о ней сохранились только легенды со времен начала бытия. Беатрис — не моя бабушка, хотя она и ее муж стали жить в той башне после смерти моих прадедушки и прабабушки. Видишь ли, мои дедушка с бабушкой хотели жить обычной жизнью. Они открыли дело ниже по реке, и мой отец его унаследовал, но Беатрис и ее муж убедили отца переехать в Эолис из-за тебя. — Она помолчала. — Я знаю, ты предназначен для великих свершений, но мои чувства к тебе от этого не зависят.

Йама спросил:

— Значит, я тоже из мертвых?

Дирив прошлась, размахивая руками. Белое платье мерцало в свете вытянутого рукава Галактики.

— Когда я тебя нашла, ты был очень болен. Ты пролежал там всю ночь. Я отвезла тебя к Беатрис и Озрику по подземной дороге. И они спасли тебе жизнь, используя машины. Я не могла придумать, что еще можно сделать. Боялась, что ты умрешь, если я привезу тебя в Эолис. Или отправлюсь за солдатами, которые тебя ищут. Пожалуй, тебе пора узнать, что моя семья наблюдает за тобой. Ведь доктор Дисмас сумел-таки разузнать о тебе и втянуть в неприятную историю. Могут найтись и другие, тебе следует быть начеку.

Ананда воскликнул:

— О чем ты говоришь, Дирив? Значит, ты что-то вроде шпионки? И на чьей ты стороне?

Йама рассмеялся:

— Дирив вовсе не шпионка. Она следит, чтобы я получил свое наследство. Каким бы оно ни было.

— Мои отец и мать тоже в курсе. Дело не только во мне. Сначала я даже не знала, почему мы сюда приехали.

Ананда выпил почти все вино. Он перевернул бутылку, слизнул последние капли, вытер рукавом рот и мрачно сказал:

— Значит, ты не намерена продавать всякую ерунду матросам и Болотному Племени, Дирив? Что ж, неплохо. Ты останешься верна традициям своего рода, это хорошо.

— Департамент Кураторов Города Мертвых был распущен сто лет назад, — произнес Йама, глядя на Дирив.

— Он потерпел поражение, — отозвалась Дирив, — но выжил. Конечно, нас очень мало. Большинство из нас живут в горах или в Изе.

— Почему вы мной заинтересовались?

— Ты же видел картину, — ответила Дирив. Теперь она стояла спиной к Ананде и Йаме, глядя на горный хребет за долиной и влажно поблескивающими полями.

— Я не знаю, какая в тебе скрыта тайна. Мой отец считает, что она связана с кораблем Древней Расы. Я думаю, что Беатрис и Озрик знают больше, но даже мне не хотят сказать все. У них много тайн.

Ананда заметил:

— Корабль Древних прошел вниз по реке задолго до рождения Йамы.

Дирив пропустила фразу мимо ушей и продолжала:

— Древняя Раса отправилась исследовать окрестности Галактики раньше, чем Хранители достигли божественного величия. Они ушли более пяти миллионов лет назад. Когда звезды Галактики еще только перемещались на свои теперешние места, задолго до написания Пуран, до создания Ока Хранителей и Слияния.

— Так считается, — снова вмешался Ананда, — но о них нет ни слова в Пуранах. Они вернулись и увидели, что их прежний мир исчез в Оке Хранителей и они остались последними представителями своего вида. Они приземлились в Изе, прошли вниз по реке и уплыли из Слияния, снова возвратились в Галактику, которую они так давно покинули, но их идеи остались. Они обратили невинные расы против мира Хранителей, — сказал Ананда. — Они возродили старые технологии и создали армии чудовищ, распространяющих ересь.

— А через двадцать лет родился ты, Йама.

— И еще множество людей, — ввернул Ананда. — Мы все трое родились уже после начала войны. Дирив все выдумывает.

— Беатрис и Озрик считают, что Йама принадлежит к расе, построившей Слияние, — упрямо сказала Ананде Дирив. — Может быть, Хранители создали эту расу как раз для такой цели, а потом ее развеяли, а возможно, в качестве награды они сопровождали Хранителей, когда те ушли в Око и исчезли из нашей Все-

ленной. В любом случае эта раса покинула Слияние давным-давно. Но Йама оказался здесь как раз в период больших потрясений.

Ананда стал возражать:

— Хранители не нуждались при строительстве Слияния ни в чьей помощи. Они произнесли Слово, и свершилось все по Слову их.

— Длинное же это было слово, — сказала Дирив, потом подняла руки и потянулась на цыпочках, грациозная, как танцовщица. Она вспоминала то, что узнала много лет назад. — Оно было длиннее, чем цепочки слов в ядрах наших клеток, которые определяют, что мы такое. Если всю многообразную наследственную информацию всех существующих в Слиянии рас соединить в одну цепь, то она будет короче одной сотой части слова, определившего начальные условия сотворения нашего мира. То слово являлось комплексом закономерностей или правил; раса Йамы была частью этой инструкции.

Ананда воскликнул:

— Дирив, это же ересь! Я плохой священник, но чую ересь по запаху. Хранителям не нужна была помощь, когда они строили Слияние.

— Пусть объяснит, — вмешался Йама.

Ананда встал.

— Это все ложь, — твердо сказал он. — Ее род занимается самообманом, считая, что знает о Слиянии и Хранителях больше, чем написано в Пуранах. Они плетут изысканное кружево софистики, опьяняют себя мечтами о тайной власти, они приворожили тебя, Йама. Пойдем со мной. Не слушай этих речей! Завтра ты уезжаешь в Из. Не дай увлечь себя мыслью о своей исключительности.

Дирив заговорила снова:

— Мы не притворяемся, будто понимаем все, что помним. Это просто наш долг, долг нашей расы с первых дней сотворения Слияния, и моя семья из последних, кто продолжает исполнять долг. После роспуска Департамента наша раса оказалась рассеяна по всей шири Великой Реки. Наши люди стали торговцами и купцами. Мои бабушка и дедушка, и отец тоже, хотели жить, как все, но отец снова был призван к служению.

Йама попросил:

— Сядь, Ананда. Ну, пожалуйста. Помоги мне разобраться.

Ананда ответил:

— Я думаю, ты еще не совсем поправился, Йама. Ты был болен. Этому я верю. Тебе всегда хотелось ощущать себя центром Вселенной, потому что твоя собственная жизнь не имеет центра. Дирив сейчас жестока к тебе, я не желаю больше этого слушать. Ты даже забыл про казнь. Давай я расскажу тебе, как все было. Унпрак умер плохо. Он взывал к Хранителям о помощи, а в

следующий миг проклинал их и всех, кто на него смотрит. Лоб вел себя стоически. Каковы бы ни были его преступления, он умер как мужчина.

— Это жестоко, Ананда, — проговорил Йама.

— Это правда. Прощай, друг Йама. Если уж тебе хочется мечтать о славе, мечтай стать обычным солдатом и отдать свою жизнь за Хранителей. Все остальное — это тщеславие.

Йама не стал пытаться удерживать Ананду. Он отлично знал, насколько упрямым может быть его друг. Он следил взглядом, как Ананда удаляется берегом шумной реки, тенью мелькая на фоне голубоватой арки Галактики. Йама надеялся, что молодой жрец все-таки обернется и махнет на прощание рукой.

Но Ананда не обернулся.

Дирив сказала:

— Ты должен мне верить, Йама. Сначала я подружилась с тобой потому, что так велел мне долг, но очень быстро все изменилось. Иначе бы я сюда не пришла.

Йама улыбнулся. Он не мог долго на нее сердиться, если она его обманула, то лишь потому, что считала, будто ему помогает.

Они бросились друг другу в объятия и, задыхаясь, стали целоваться снова и снова. Сквозь одежду Йама чувствовал, каким жаром горит тело Дирив, как, словно птица в клетке, быстро колотится ее сердце. Светлые волосы окутали его лицо трепещущей вуалью, он мог бы утонуть в их сухом аромате.

Потом он сказал:

— Если это ты отвела меня к Беатрис и Озрику, и они лечили меня, пока я не выздоровел, то как же насчет призрачного корабля? Неужели они знают его тайну?

Глаза Дирив сияли напротив его собственных. Она сказала:

— Я никогда об этом не слышала, пока ты не рассказал мне о своих приключениях. Но на реке происходит много необъяснимого. Она все время меняется.

— И все же остается прежней, — задумчиво произнес Йама, вспомнив татуировку на плече Кафиса — змею, глотающую собственный хвост. Потом добавил:

— Ты ведь считаешь, что отшельник, которого мы отбили у Луда и Лоба, принадлежит к моей расе.

— Возможно, он из первого поколения, рожденного сразу после появления корабля Древней Расы.

— Значит, людей моей расы могут быть сотни, даже тысячи!

— И я так считаю. Я говорила Озрику и Беатрис про этого отшельника, но они почему-то не заинтересовались. Конечно, я могла и ошибиться насчет того, что он относится к твоей расе, но не думаю. Он дал тебе монету. Возьми ее с собой.

— И правда! Я совсем забыл.

13. ПАЛОМНИКИ

Йама обнаружил нож на дне своего ранца в первый же вечер путешествия в Из с префектом Корином. Утром Йама отдал нож сержанту Родену, так как префект Корин заявил, что ученику не следует иметь при себе такую вещь. Префект Корин весьма определенно высказался на тему о том, что Йама может взять с собой и чего не может, и прежде чем они отправились в путь, он просмотрел содержимое сумки и вынул оттуда нож, аккуратно скатанную карту Иза и маленький перочинный ножик с костяной ручкой, который принадлежал когда-то Тельмону. Кроме смены белья и денег, которые дал эдил, Йаме позволили взять с собой только томик Пуран и монету отшельника — ее он носил на шее, — но эти вещи он получил так недавно, что они не казались ему настоящей собственностью.

Должно быть, сержант Роден тихонько сунул нож в ранец, когда Йама прощался с домочадцами. Завернутый в кусок черно-белой козлиной кожи, он лежал под запасной рубашкой и брюками. Обнаружив его, Йама обрадовался, хотя нож все еще немного его пугал. Он знал, что у всех героев было особое оружие, а Йама твердо решил стать героем. Все-таки он был еще очень молод.

Префект Корин спросил, что он там нашел. Йама нехотя вынул нож из ножен, и свет костра упал на длинный клинок. Голубое сияние медленно поползло от рукоятки до кончика изогнутого лезвия. Нож издавал высокий гудящий звук и распространял острый запах электрического разряда.

— Уверен, что сержант Роден сделал это с добрыми намерениями, — произнес префект Корин, — однако тебе не понадобится нож. Если на нас нападут, он не поможет, ты сам из-за него окажешься в опасности. К тому же очень маловероятно, что на нас нападут.

Префект Корин, скрестив ноги, сидел у небольшого костра, в своей домотканой тунике и серых бриджах он выглядел подтянуто и аккуратно. Он курил длинную глиняную трубку, зажав ее крепкими ровными зубами. Обитый железом посох был воткнут в землю у него за спиной. Весь день они шли, не меняя скорости, и эти его слова были самой длинной речью за все время пути.

Йама сказал:

— Потому-то я и отдал его, господин, но он вернулся.

— Это против правил.

— Но ведь я еще не ученик, — возразил Йама, потом добавил: — Может быть, я смогу принести его в дар Департаменту.

— Это возможно, — согласился префект Корин. — Такие подношения случались и прежде. Такое оружие обычно

хранит верность своему хозяину, однако специальные процедуры позволяют справиться с этой проблемой. В любом случае мы не можем оставить нож здесь. Можешь его нести, но и думать не смей пустить в дело.

Но когда префект Корин уснул, Йама вынул нож и проделал с ним те упражнения, которым научил его сержант Роден, а потом сладко заснул, предварительно сунув кончик ножа в горячие угли костра.

И следующий день, как и предыдущий, Йама послушно шел за префектом Корином в трех шагах у него за спиной. Тропа пролегала по насыпям среди залитых водою полей, образующих причудливый пятнистый орнамент вдоль зеленой прибрежной полосы. Был сезон сева, и на полях парами и тройками трудились буйволы, вспахивая землю, их погоняли нагие мальчишки, управляясь со своими огромными подопечными лишь криками и энергичными ударами длинных бамбуковых палок.

С Великой Реки тянуло свежим ветром, он пробегал по темным водам залитых полей, колыхал зеленые флаги бамбука и пучки слоновьей травы, которая росла на перекрестках четырех полей. Йама и префект Корин поднялись еще до рассвета, помолились и отправились в путь. Они шли, покуда жара не стала нестерпимой, тогда они спрятались в тени дерева и отдыхали до вечера, а потом, быстро помолившись, снова пошли и двигались, пока над рекой не встала Галактика.

В других обстоятельствах дорога доставила бы Йаме массу удовольствия, но префект Корин был спутником молчаливым и бесстрастным. Он не отпускал замечания по поводу всего, что они видели, и казался машиной, неуклонно движущейся сквозь залитый солнечным светом мир, и реагировал на что-либо лишь по необходимости. Когда Йама указал на целый флот судов, темнеющих на бескрайней глади Великой Реки, он ответил нечленораздельным мычанием; его не интересовали попадающиеся по дороге развалины, и даже длинная стена песчаника с вырубленными в ней колоннами, фризами, статуями людей и животных и зияющей пастью дверей не произвела на него впечатления; он не замечал маленьких деревушек, которые виднелись среди пальмовых рощ, цветущих магнолий и сосняка в голубой дали вдоль старой береговой линии или на островах среди мозаики затопленных полей; его ничуть не занимали рыбари, копающиеся в прибрежных заводях с заросшим водорослями каменистым дном или на топких отмелях, обнаженных отступающими водами Великой Реки, рыбари, по пояс стоящие на мелководье и забрасывающие на глубину круглые сети или сидящие в крошечных лодках, сплетенных из коры, с привязанным за ногу бакланом в качестве наживки. Йама вспомнил стихотворение, которое читала ему старая Беатрис. Ин-

тересно, видел ли его автор предков этих рыбарей? Сейчас до него понемногу стала доходить мысль, которую ему пытался внушить Закиль: книги — это не закоснелые чащобы иероглифов, но прозрачные окна, глядящие на знакомый мир, существующий лишь в те мгновения, пока читается книга, и исчезающий вместе с последней прочитанной буквой.

В деревнях глинобитные стены крытых соломой хижин иногда состояли из похищенных в гробницах плит и мемориальных пластин, и картины прошлого (частенько стоящие на боку или вообще вверх ногами) сверкали своими дрожащими красками среди убогой нищеты крестьянской жизни. Между домишками бродили цыплята и черные свиньи, за ними гонялись крошечные голые ребятишки. Женщины мололи зерно, чистили рыбу, чинили сети, за ними смотрели мужчины, которые с непроницаемыми лицами сидели на ступеньках своих домов или в тени деревьев, покуривая глиняные трубки и потягивая зеленый чай из выщербленных кружек.

В одной деревне они увидели каменную клетку со свернувшимся на белом песке небольшим драконом. Дракон был черным, с двойным рядом шестиугольных пластин вдоль хребта, он спал, положив, как собака, чешуйчатую морду на передние лапы. Мухи облепили его глаза с удивительно длинными ресницами, от него пахло серой и болотным газом. Йама вспомнил неудачную охоту в конце прошлого лета перед тем, как бедный Тельмон уехал навсегда. Ему захотелось получше рассмотреть это чудо, но префект прошел мимо, не бросив на дракона ни одного взгляда.

Иногда деревенские жители подходили взглянуть на шагающих в молчании Йаму и префекта Корина, за ними бежали мальчишки, пытаясь продать ломти арбуза, отполированные камешки кварца или сплетенные из колючих плетей амулеты. Префект Корин не задерживал взгляд на оживленных кучках мальчишек, он не утруждался даже поднять посох, чтобы расчистить себе дорогу, а просто проталкивался сквозь толпу, как сквозь чащу. На долю Йамы выпадало извиняться, просить прощения, снова и снова повторяя, что у них нет денег и они ничего не собираются покупать. У Йамы, правда, было два золотых реала, которые ему дал эдил, — на одну такую монету можно купить целую деревню, а мелочи у него действительно не было. У префекта Корина не было ничего, кроме посоха, шляпы, леггинсов, домотканой туники, сандалий и одеяла, а на поясе висел кожаный футляр с каким-то мелким инструментом.

— Будь с ним осторожен, — шепнул эдил, обнимая Йаму на прощание. — Делай все, что он тебе говорит, но не более того. Не открывайся ему больше, чем необходимо. Он ухватится за любую слабость, любое отклонение и использует против тебя. У них так водится.

Префект был аскетом, почти лишенным потребностей. Он пил чай, заваренный кусками пыльной коры, а ел только сухие фрукты и распускающиеся почки манного лишайника, которые собирал на скалах, правда, он не мешал Йаме жарить кроликов и ящериц, пойманных вечером в плетеные силки. По дороге Йама ел ежевику, сорванную в колючей гуще кустов между разрушенных гробниц, но сейчас пора ежевики почти прошла, и под молодыми листьями находить ягоды было нелегко, а префект Корин не разрешал Йаме отходить от тропы дальше чем на несколько шагов. Он говорил, что среди гробниц бывают ловушки, а ночью и того хуже: вампиры и другая нечисть. Йама с ним не спорил и, если исключить необходимость уединения для туалета, всегда оставался в поле зрения префекта. Сотню раз ему хотелось сбежать, но он сдержался. Не сейчас. Еще не сейчас. По крайней мере он обучался терпению.

Полосы необработанной земли между деревнями становились все шире. Все меньше попадалось затопленных полей и все больше разрушенных гробниц, покрытых вьюном и мохом среди шелестящих зарослей бамбука, рощиц финиковых и масленичных пальм или группы темно-зеленых болотных кипарисов. Вот позади осталась последняя деревня, тропа расширилась, превратившись в мощеную, стрелой уходящую вдаль дорогу. Она напоминает древнюю мостовую между рекой и Умолкнувшим Кварталом ниже Эолиса, подумал Йама и вдруг осознал, что это та же самая дорога.

Шел третий день путешествия. Они стали лагерем в лощине, обрамленной высокими соснами — в них, путаясь, шелестел ветер. Великая Река плавно катила свои волны прямо к Галактике, которая даже в столь поздний час показала над горизонтом только верхнюю часть Десницы Воина. На вершине туманной цепочки звезд сияла холодным резким светом Синяя Диадема. Звезды ее ореола мерцали словно остывающие угольки на холодном очаге небесной глади. Тут и там виднелись тусклые пятнышки далеких Галактик.

Йама лежал у огня на толстой мягкой подстилке сосновых иголок и думал о Древней Расе, он пытался представить, каково это: лететь и лететь сквозь разделяющую Галактики пустоту дольше, чем существует Слияние. А ведь Древняя Раса не имела и сотой доли той мощи, которой обладали их далекие потомки — Хранители.

Йама спросил префекта Корина, видел ли тот людей Древней Расы, когда они прибыли в Из. Префект молчал очень долго, и Йама даже подумал, что его просто не слышали или что префект Корин решил проигнорировать этот вопрос. Но наконец он выбил трубку о каблук своего башмака и заговорил:

— Один раз я видел двоих. Я тогда был еще мальчишкой вроде тебя и только что стал учеником. Оба они были

высокими и похожи друг на друга, как братья; у обоих темные волосы и лица белые, будто новая бумага. Все знают, что у некоторых рас кожа белая, например, у тебя она тоже очень бледная, но говоря так, мы подразумеваем, что в ней нет пигментации, кроме той, которая возникает от пульсирующей в подкожных тканях крови. Но у них это был настоящий белый цвет, как будто лица напудрили мелом. Они были в длинных белых рубахах, а ноги и руки голые. На поясе у них висели маленькие машины. Я был на Дневном рынке вместе с самым старшим учеником, тащил за ним припасы, которые он купил. Эти двое из Древней Расы шли по рядам во главе огромной толпы, они были от меня так же близко, как сейчас ты.

Их следовало убить. Всех до одного. К несчастью, Департамент не мог принять такого решения, хотя даже тогда, в Изе, было очевидно, что их идеи опасны. Слияние выживает только потому, что не меняется. Нас объединяют Хранители, им клянутся в верности все Департаменты, и таким образом ни один из них не отдает предпочтения какой-либо расе Слияния. Люди Древней Расы заразили своих союзников еретической мыслью, что каждая раса, даже каждый отдельный индивидуум может обладать собственной, только ему присущей ценностью. Они проповедуют превосходство индивидуума, ратуют за перемены. Ты сам должен поразмыслить, почему это ложно, Йама.

— А правда, что и в самом Изе бывают войны? Что разные Департаменты воюют друг с другом, даже во Дворце Человеческой Памяти?

Префект Корин бросил на него через костер острый взгляд:

— Ты слушал не те сплетни.

Йама подумал о кураторах Города Мертвых, чье сопротивление обстоятельствам вылилось в упрямый отказ подчиниться ходу истории. Возможно, Дирив будет последней из них. Пытаясь втянуть префекта в разговор, он произнес:

— Но ведь бывают же дискуссии по поводу того, может ли тот или иной Департамент выполнять определенную задачу. Я слышал, что устаревшие Департаменты порой сопротивляются роспуску или поглощению, я также слышал, что такие дискуссии в последнее время усилились и что Департамент Туземных Дел готовит из своих учеников в основном солдат.

— Тебе еще многому надо учиться, — ответил префект Корин. Он набил табаком трубку и только тогда добавил: — Ученики не выбирают способ, которым они будут служить Департаменту. И в любом случае ты слишком молод, чтобы быть учеником. У тебя было необычное детство, так сказать, с тремя отцами, но без матери. У тебя слишком много гордыни, зато почти нет образования, оно в основном состоит из обрывков истории, фи-

лософии, космологии, а вот уж военной подготовки более чем достаточно. Еще до того, как тебя зачислят в ученики, придется наверстывать упущенное по тем предметам, которые отсутствовали в твоем образовании.

Йама осмелился возразить:

— Думаю, я могу стать хорошим солдатом.

Префект Корин затянулся трубкой и посмотрел на Йаму сузившимися глазами. Близко посаженные и маленькие, они бледно светились на заросшем темной щетиной лице. От внешнего уголка левого глаза шла белая полоса. Наконец он сказал:

— Я прибыл к вам казнить двух злоумышленников, потому что их преступления касались личной жизни эдила. Такова традиция Департамента. Мы демонстрируем, что наш Департамент поддерживает действия своего человека, к тому же так обеспечиваются условия, когда никому из местных властей не придется самому выполнять эту обязанность. Таким образом, родственникам некому мстить, кроме самого эдила, но пока он командует гарнизоном, это никому не придет в голову, ведь он олицетворяет власть Хранителей. Я согласился доставить тебя в Из, потому что это мой долг. Но я ничем тебе не обязан, особенно не обязан отвечать на твои вопросы.

Позже, когда префект давно заснул, завернувшись в свое одеяло, Йама тихонько встал и отошел от прогоревшего костра, который превратился в белый пепел вокруг кучки все еще тлеющих углей. Дорога тянулась между каменистыми пригорками и группами сосен. Ее мощеная гладь слабо мерцала в свете Галактики. Йама пристроил за спиной ранец и пошел. Он хотел попасть в Из, но твердо намеревался избежать участи ученика клерка, а после сегодняшнего унижения, когда ему так явно дали понять, что не ставят его ни во что, он больше был не в состоянии сносить общество префекта ни единого дня.

Он отошел еще совсем немного, когда услышал впереди сухое покашливание. Йама положил руку на рукоять ножа. Но не стал вынимать его из ножен, чтобы не выдать себя его светом. Осторожно двинувшись вперед, он чувствовал, как от напряжения у него зашумело в ушах и натянулась кожа. Он широко открыл глаза и вдруг услышал, как позади него о покрытие дороги стукнулся камень. Позади! Он обернулся, и еще один камень раскололся у самых ног. Осколок поранил ему голень, и в башмак побежала горячая кровь. Он покрепче ухватился за нож и выкрикнул в темноту:

— Кто здесь? Покажись!

Тишина. Из-за спины Йамы появился префект Корин, твердой рукой взял его за запястье и сказал в самое ухо:

— Тебе еще многому надо учиться, мальчик.

— Ловко! — Йама ощутил странное спокойствие, как будто все время именно этого и ждал.

Через секунду префект Корин отпустил Йаму и сказал:

— Тебе повезло, что это был я, а не кто другой. — Йама прежде не видел улыбки на лице префекта Корина, но теперь в голубом свете Галактики ему показалось, что губы его сжались в подобие того, что можно считать зарождающейся улыбкой. — Я обещал присмотреть за тобой, и я это сделаю. И больше никаких игр. Договорились?

— Договорились.

— Отлично. Тебе надо еще поспать. Нам предстоит долгий путь.

На следующее утро Йама и префект Корин встретили группу паломников. Они довольно быстро оставили их позади, но паломники к вечеру их нагнали и расположились лагерем неподалеку. Их было больше двух десятков, мужчины и женщины в пыльных оранжевых мантиях с гладко выбритыми головами, на которых извивались нарисованные спирали — символ Ока Хранителей. Вся группа принадлежала к одной расе: худые, с узкими лицами под широким выпуклым лбом, грубая кожа усыпана черными и коричневыми пятнами. Как и префект Корин, они несли с собой только посохи, скатки одеял и маленькие, висевшие на поясе кошельки. Усевшись вокруг костра, они пели высокими чистыми голосами, и мелодичные звуки далеко разносились среди сухих утесов и пустых гробниц на склонах холмов.

Йама и префект Корин развели костер под ветвями фиговых деревьев прямо у дороги. Под деревьями оказался маленький ключ — фонтанчик чистой воды, бьющий из открытой пасти бородатой морды, высеченной в камне и имеющей очень отдаленное сходство с человеческим лицом. Вода падала в неглубокий бассейн, выложенный плоскими камешками. Дорога отвернула от Великой Реки и теперь взбиралась по пологому склону невысокого взгорья, поросшего креозотовым кустарником и кипами остролистых карликовых пальм. Впереди был перевал. Священник, возглавлявший паломников, подошел к префекту Корину поболтать. Его группа была из маленького городка в тысяче лиг вниз по течению. Они путешествуют уже полгода, сначала на торговом корабле, а теперь вот пешком, так как на корабль напали речные бандиты и он стал на ремонт. Паломники были архивистами, идущими во Дворец Человеческой Памяти, чтобы внести в архивы истории жизни людей, умерших в их городе за последние десять лет, а также чтобы получить наставления от предсказателей.

Священник был крупным мужчиной с гладкой кожей. Звали его Белариус. Он с готовностью улыбался и имел

привычку вытирать куском ткани пот со своего голого черепа и жирных складок кожи на шее. Его гладкая хромово-желтая кожа блестела, как масло. Он предложил префекту Корину сигарету и не обиделся, когда его подношение было отвергнуто, вместо этого он сразу заговорил об опасностях пешего путешествия. Он слышал, что, кроме обычных бандитов, в глубь территории забираются банды дезертиров.

— Вблизи линии фронта — возможно, — ответил префект Корин, — но так далеко вверх по реке — нет. — Он затянулся трубкой и оценивающе посмотрел на священника. — Вы вооружены?

Белариус улыбнулся широкой лягушачьей улыбкой, и Йама подумал, что ему в рот вместится целый ломоть арбуза. Священник сказал:

— Мы паломники, а не солдаты.

— Но у всех есть ножи, чтобы готовить еду, мачете, чтобы рубить сучья для костров. Я это имею в виду.

— Ну конечно.

— Такой большой группе не о чем беспокоиться. Опасности подвергаются те, кто путешествует вдвоем или втроем.

Белариус почесал череп, улыбнулся еще шире и спросил с жадным интересом:

— Вы не видели ничего подозрительного?

— Нет, очень спокойное путешествие, если не считать болтовни этого мальчишки.

Йаму задела шутка префекта Корина, но он промолчал. Белариус все курил свою сигарету, издававшую удивительно сильный запах гвоздики. Потом он начал сбивчивый рассказ о том, что случилось с кораблем, на котором он надеялся доставить группу прямо до Иза, как ночью корабль окружили бандиты на десятке маленьких скифов. Нападение удалось отразить, потому что капитан приказал разлить по воде смолу и поджечь ее.

— На нашем корабле все, кто мог, сели на весла и выплыли из пламени, — рассказывал Белариус, — но бандиты погибли.

Префект Корин слушал, но не вставил ни единого замечания.

Белариус продолжал:

— Бандиты выпустили очередь. Выстрелы повредили мачту, такелаж и корпус как раз на ватерлинии. Вода проникала в трюм через пробоины, и мы зашли в ближайший порт. Мои подопечные не захотели ждать конца ремонта и решили отправиться пешком. Корабль возьмет нас в Изе, когда мы закончим там свои дела. На прошлой неделе за нами тащился вампир, но других неприятностей не было. Ну и времена настали: на земле безопасней, чем на Великой Реке.

Когда Белариус ушел, наполнив бурдюк водой из источника, Йама заметил:

— Вам он не понравился.

Префект Корин подумал и сдержанно сказал:

— Мне не нравится завуалированное оскорбление в адрес Департамента и его компетентности. Если Великая Река перестала быть безопасной, то это из-за войны, и тем, кто по ней путешествует, следует принимать должные меры предосторожности и передвигаться с конвоем. Но дело не только в этом. Наш замечательный проповедник не потрудился нанять телохранителей для путешествия по дороге, что было бы разумно, а еще более разумно было бы подождать, пока на корабле закончится ремонт, а не идти пешком. Полагаю, что он сообщил нам только часть истории. Либо у него нет средств, чтобы нанять эскорт или заплатить за ремонт корабля, либо он просто решил рискнуть жизнями своих подопечных и, сэкономив, побольше заработать. К тому же он выбрал безрассудного компаньона, что говорит не в пользу его благоразумия. Если корабль сумел уйти от пламени, значит, он мог уйти и от бандитов. Бегство нередко бывает предпочтительнее драки.

— Но менее почетно.

— Никакого почета в ненужной драке нет. Подобным трюком капитан мог сжечь не только бандитов, но и свой корабль.

— Мы присоединимся к этим людям?

— Их пение разбудит всех бандитов на сто лиг, — проворчал префект Корин, — а если банды здесь действительно водятся, то большая группа привлечет их скорее, чем маленькая.

14. БАНДИТЫ

Весь следующий день Йама и префект Корин двигались впереди группы паломников, но ни разу не оторвались настолько, чтобы поднятое паломниками облако пыли скрылось из глаз. Этой ночью паломники снова расположились неподалеку, и Белариус пришел поболтать с префектом Корином о событиях прошедшего дня. За разговором он успел выкурить две благоухающие гвоздикой сигареты. В тишине ночи песни паломников звучали чисто и очень громко.

Когда префект Корин разбудил спящего крепким сном Йаму, было уже за полночь, а от костра осталась только куча теплого пепла. Они остановились на ночевку у большой квадратной гробницы, сплошь увитой колючими побегами шиповника, на вершине утеса, обращенного к Великой Реке. Префект опирался на посох. За его спиной белели цветы, словно призраки собственной сути. Их густой аромат наполнял воздух.

— Рядом что-то не так, — спокойным голосом сказал префект Корин, глаза его сверкнули отраженным светом Галактики. — Бери нож и иди за мной.

Йама прошептал:

— Что случилось?

— Может, и ничего, посмотрим.

Они пересекли дорогу и по широкой дуге обогнули лагерь паломников, которые на этот раз устроились в роще эвкалиптов. Над ними поднимались невысокие скалы. Отверстия врезанных в скалу склепов кривыми рядами смотрели на путников, будто пустые глазницы, — здесь можно спрятать целую армию. Йама ничего не слышал, кроме шороха листьев эвкалиптов, да еще где-то далеко ухала отправившаяся на охоту сова. В лагере послышалось сонное мычание кого-то из паломников. Подул ветерок, и сквозь лекарственный дух эвкалипта Йама уловил слабый, но явно враждебный запах.

Префект Корин указал посохом на лагерь и пошел вперед, кроша ногами сухие листья. Вдруг Йама заметил между деревьями какую-то тень: непонятное существо ростом с человека, но на четырех конечностях удирало косыми, дергающимися прыжками. Он выхватил нож и бросился в погоню, но префект Корин успел его перехватить и втолкнул вместе с собой на выступ скалы за деревьями. Посох он держал над головой. Постояв так с минуту, он спрыгнул вниз.

— Ушел, — сказал он. — Ну что ж. В одном наш священник прав. За нами тащится вампир.

Йама спрятал нож в ножны. Руки его дрожали. Он задыхался, кровь стучала в висках. Он вспомнил случай, когда они с Тельмоном охотились на антилопу, вооруженные лишь каменными топорами, как люди горных племен. Йама прошептал:

— Я его видел.

— Я скажу им, чтобы они закапывали мусор, а запасы пищи вешали повыше на ветки.

— Вампиры умеют летать, — произнес Йама, потом добавил: — Простите, мне не следовало кидаться в погоню.

— Однако это было смело. Может, мы его отпугнули.

На следующий день Йама и префект Корин добрались до горного прохода. Он был лишь немного шире самой дороги, врубаясь в громадный завал острых гранитных глыб, внезапно возникших в конце пологого склона, по которому они пробирались все утро. У дороги, в самом начале прохода, стояла пирамида из плоских камней, сложенных вокруг стелы с выгравированными на ней именами. Префект Корин рассказал, что это памятник битвы в Эпоху Мятежа, когда воины, чьи имена вырезаны на стеле,

удерживали проход от превосходящих сил противника. Все защитники погибли, но они сдерживали наступление, пока из Иза не подошло подкрепление и не отбросило нападавшую армию.

Через дорогу от мемориала стояла монолитная красная скала величиной с дом, до середины ее расщепляла отвесная трещина. Префект Корин присел в тени нависающего камня и сказал, что они дождутся паломников и только потом двинутся через проход.

— Вместе безопасней, — хитро заметил Йама, ожидая вызвать ответную реакцию.

— Как раз наоборот, но ты, очевидно, этого не понимаешь. — Префект Корин наблюдал, как Йама беспокойно топчется вокруг, и наконец произнес:

— Говорят, что на вершине скалы есть следы по обе стороны трещины. Один из эстетов прошедшего века там стоял, а потом поднялся прямо в Око Хранителей. Сила его вознесения оказалась так велика, что расколола скалу и вплавила его следы в камень.

— Это правда?

— Разумеется, потребуется весьма значительная энергия, чтобы кто-то мог получить ускорение, достаточное для преодоления гравитационного поля Слияния, большая, чем надо, чтобы расплавить камень. Но с другой стороны, если такая энергия будет приложена одномоментно к обычному телу, сила трения воздуха превратит его в облачко пара. Я не виню тебя, Йама, что ты этого не понимаешь. Ты не получил должного образования.

Йама не счел нужным отвечать на это провокационное замечание и продолжал бесцельно бродить по иссушающей жаре, сам не зная зачем. Иначе пришлось бы сидеть рядом с префектом Корином. Маленькие ящерицы мелькали на раскаленных камнях над его головой, отчаянно трепыхая крыльями, повисла красно-золотая колибри и тут же скрылась. Наконец в беспорядке огромных валунов ему удалось обнаружить путь к плоской вершине монолита. Разлом был прямым и очень узким, его глубина сверкала камнями, похожими на расплавленное стекло. Следы из легенды оказались в точности такими, как их описывал префект Корин: просто два овальных отверстия размером с человеческую ступню по обе стороны трещины.

Йама улегся на разогретый солнцем песчаник и стал смотреть в пустое синее небо. Лениво шевелились мысли. Он начал читать свой томик Пуран, но не нашел различий с давно заученным текстом и отложил книгу. Для чтения слишком жарко и свет слишком яркий; он уже рассмотрел все иллюстрации; на всех, кроме картины создания Ока Хранителей, такие же сцены утерянного прошлого, как и на мемориальных досках гробниц, только в отличие от них картинки в книге не двигались.

Йама вяло размышлял, почему вампиры преследуют паломников и прежде всего почему Хранители вообще создали вампиров. Ведь если Хранители создали мир и все в нем, как это написано в Пуранах, и вырастили десять тысяч рас из животных десяти тысяч миров, то чем тогда являются вампиры, стоящие между животными и самыми примитивными из туземных рас?

Согласно аргументам устройства Вселенной, как Йаму и Тельмона учил Закиль, вампиры существуют потому, что способствуют процессам разложения, но ведь есть еще много других видов, питающихся падалью, а вампиры имеют особое пристрастие к человеческой плоти, и если бы могли, то похищали бы детей и младенцев. Другие говорили, что вампиры не получили должного развития, и их природа вобрала в себя худшие свойства людей и зверей, что их раса не продвигалась вперед, как другие народы, и не останавливалась, как различные туземные расы, а откатилась назад, утеряв все дары Хранителей и сохранив только способность творить зло. Обе теории допускали предположение, что сотворенный Хранителями мир не является совершенством, хотя обе они не отрицали возможность совершенства. Находились такие, кто утверждал, что Хранители намеренно предпочли не создавать мир совершенным, ибо в таком мире не будет перемен, и только несовершенный мир допускает возможность существования зла, а следовательно, и раскаяния. По своей природе Хранители могут творить только добро, хотя они и не в состоянии творить зло, его наличие является неизбежным следствием факта творения, как свет отбрасывает тени, если в него попадают материальные объекты. Им возражали, что при сотворении Вселенной свет Хранителей был повсюду, где тогда могли быть тени? Согласно этой теории, зло было следствием восстания людей и машин против Хранителей, и только если вновь обнаружатся земли потерянного континента, существовавшего до Мятежа, зло будет уничтожено и люди получат искупительное прощение.

Были и те, кто считал, что зло находит свое применение в великом плане, который никому не дано осознать, кроме самих Хранителей. Тот факт, что такой план может существовать и настоящее, прошлое и будущее в нем абсолютно детерминированы, является причиной невозможности рассчитывать на какие-либо чудеса. Как говорит Ананда, нет смысла молиться о вмешательстве, если с самого начала все определено. Если бы Хранители хотели чего-то, они бы это уже создали, не ожидая молитв о вмешательстве и не нуждаясь в надзоре за каждой душой. Все было предопределено в единственном длинном слове, которое произнесли Хранители, сотворяя мир.

Разум Йамы восставал против подобного образа, как заживо похороненный человек должен разрывать на себе

пеленающий его саван. Если все сущее является частью предопределенного плана, зачем тогда людям что-нибудь делать, а самое главное, зачем молиться Хранителям? Разве что это тоже часть первичного плана, и каждый в мире с рождения до самой смерти дергается, как заводная кукла, в непрерывной последовательности запрограммированных поз.

Нельзя отрицать, что Хранители вдохнули в мир жизнь и движение, но Йама не верил, что они оставили его в отвращении или отчаянии или из-за того, что знали каждую мелочь в его судьбе. Нет, Йама предпочитал думать, что Хранители оставили этот мир, чтобы он рос и развивался по своим законам, как любящие родители должны растить ребенка и привести его к самостоятельности. Тогда расы, взращенные Хранителями из животных, могут пойти дальше и сравняться со своими создателями. А такого не произойдет, если Хранители станут вмешиваться в судьбу, ибо как человек не может создать другого человека, так и боги не могут создать других богов. По этой причине необходимо, чтобы индивидуум был в состоянии выбирать между добром и злом, он должен иметь возможность выбрать, как доктор Дисмас, служить не добру, а собственной ненасытной жадности. Если бы не было зла, ни одна раса не смогла бы выделить в себе добро. Существование зла толкает одни расы к падению и гибели, а другие к преобразованию своей животной природы собственными усилиями.

Йама задумался: неужели вампиры выбрали путь падения, упиваясь звериной природой, как доктор Дисмас упивался своим противостоянием обществу людей? Но, конечно, животные не выбирают свою природу. Ягуар не наслаждается болью, он просто хочет есть. Кошки играют с мышами, но лишь потому, что матери таким способом учили их охотиться. Только люди обладают свободой и могут сами выбирать, погрязнуть ли в низких инстинктах или усилием воли их преодолеть.

Неужели люди так мало отличаются от вампиров, кроме того, что они борются с темной стороной своей натуры. А вампиры плавают в ней с бездумной невинностью, словно рыба в воде? Может быть, молясь Хранителям, люди в действительности просто молятся своей собственной, еще нереализованной, но более высокой природе, как путешественник может рассматривать непокоренные вершины, на которые он должен взойти, чтобы достичь своей цели.

Если Хранители предоставили мир его собственной судьбе и в нем нет чудес, кроме свободы воли, то откуда же взялся призрачный корабль? Йама о нем не молился. Во всяком случае, он не знал, что молился о нем, и тем не менее корабль возник как раз в тот момент, когда нужен был отвлекающий маневр, чтобы его бегство оказалось успешным. Может быть, за ним на-

блюдают? А если и так, то с какой целью? А вдруг это просто совпадение? Случайно проснулась какая-то древняя машина, а Йама сумел улучить момент и сбежать. Возможно, существует иной мир, где призрачный корабль появился слишком рано или слишком поздно, и Йама отправился с доктором Дисмасом и воином Энобарбусом. Еще и сейчас он плыл бы с ними на пинассе, вольный или невольный соучастник всех их намерений, а впереди могла ждать смерть или же, наоборот, судьба, значительно более славная, чем предстоящее ему теперь ученичество.

Мысли Йамы стали расплываться, в какой-то момент он и вовсе потерял над ними контроль, их свободное течение захватило и понесло его, словно щепку по водам Великой Реки. Он заснул, а когда очнулся, над ним стоял префект Корин, тенью вырисовываясь на ослепительной голубизне неба.

— Беда, — сказал он и махнул рукой в сторону длинного пологого склона. На полпути, дрожа в знойном мареве, виднелось небольшое облачко дыма; в этот момент Йама осознал, что префект Корин все время охранял паломников.

Сначала они нашли мертвых. Трупы оттащили с дороги, сложили и подожгли. Теперь осталась только куча жирного пепла, обгоревшие кости и странно торчащие из этого мрачного погребального костра несгоревшие ноги, все еще обутые в сандалии. Префект Корин стал разгребать посохом пепел и насчитал четырнадцать черепов. Что стало еще с девятью людьми — неизвестно. Низко сгибаясь, чтобы разобраться в путанице следов на земле, он двинулся в одном направлении, а Йама, хотя его и не просили, пошел в другом. Именно он, двигаясь вдоль цепочки кровавых пятен, обнаружил Белариуса, который спрятался в пустой гробнице. Священник держал на руках мертвую женщину, его оранжевая мантия заскорузла от крови.

— Они стреляли в нас из зарослей между гробниц, — стал рассказывать Белариус. — Я думаю, они застрелили Врил случайно, потому что остальные женщины не пострадали. Когда все мужчины были убиты или тяжело ранены, они пришли за женщинами. Дикое невысокое племя с красной кожей и длинными руками и ногами. Их было десятка четыре, некоторые пешие, а некоторые верхом, похожи на пауков. У них острые зубы и такие длинные когти, что пальцы не сходятся на рукоятках ножей.

— Я знаю эту расу, — угрюмо проговорил префект Корин. — Они далеко зашли от своего дома.

— Двое подошли ко мне, посмотрели, усмехнулись и отошли, — сказал Белариус.

— Они не станут убивать священника, — объяснил префект Корин, — считают, что это дурной знак.

— Я пытался не дать им уничтожить тела, — продолжал Белариус. — Они грозили мне ножами, плевали в меня, хохотали, но не прекратили свое дело. Они всех раздели, расчленили трупы и вырезали из голов какие-то части. Некоторые из мужчин были еще живы. Закончив, они подожгли трупы. Я хотел благословить мертвых, но они меня оттолкнули.

— А женщины?

Белариус заплакал.

— Я никому не хотел худого. Никому. Никому не хотел худого, — причитал он.

— Они забрали женщин с собой, — заключил префект Корин, — осквернить или продать. Прекрати выть, будь мужчиной. Куда они пошли?

— В сторону гор. Поверьте, я не хотел зла. Если бы вы остались с нами, а не ушли вперед... ох, нет, простите меня! Это недостойно.

— Нас бы тоже убили, — ответил префект Корин. — Эти бандиты наносят удар неожиданно и действуют очень жестоко. Они нападают на более крупные и лучше вооруженные отряды, чем они сами, если считают, что внезапность и мощь атаки могут привести противника в смятение. Иди и помолись за своих мертвых. Потом ты должен решить, пойдешь ли с нами или останешься здесь.

Когда Белариус отошел и не мог их услышать, префект Корин негромко сказал:

— Послушай меня внимательно, парень. Ты можешь пойти со мной, но только если поклянешься, что будешь делать все в точности, как я скажу.

— Конечно, — не раздумывая, ответил Йама. Он поклялся бы в чем угодно, лишь бы не упустить такой шанс.

На сухой песчаной земле выследить бандитов и женщин оказалось совсем нетрудно. След шел параллельно гранитной стене через плоские бесплодные чаши солончаков.

Каждая была расположена чуть выше соседней, как ступени гигантской вытоптанной лестницы. Префект Корин двигался быстро, но священник выдерживал темп удивительно стойко, он принадлежал к тому типу толстяков, которые одновременно обладают и силой, а шок от недавнего нападения постепенно отступал. Йама догадывался, что для Белариуса это шанс сохранить лицо. Уже и сейчас он рассуждал о случившемся, как будто произошел несчастный случай или стихийное бедствие, а он, Белариус, сумеет спасти выживших.

— Как будто не сам он накликал беду, — ворчливо сказал префект Корин Йаме, когда они остановились передохнуть в тени гробницы. — И в лучшие времена вести паломников в

Из сухопутной дорогой было все равно что гнать стадо овец там, где рыщут волчьи стаи. А эти к тому же были архивистами. Не настоящими архивистами — те относятся к Департаменту и их обучают искусству запоминания. А паломники применяли машины, чтобы записать жизнеописания умирающих. Если бы ты внимательно посмотрел на черепа, то увидел бы, что они вскрыты. Некоторые бандиты съедают мозг своих жертв, но эти хотели достать из голов машины.

Йама рассмеялся и не поверил:

— Я никогда о таком не слышал!

Префект Корин, как умывающийся кот, провел рукой по темной щетине лица.

— Эту мерзость распространяет Департамент настолько гнилой и продажный, что он пытается выжить, грубо имитируя работу, якобы честно выполненную его руководителями. Настоящие архивисты учатся управлять своей памятью, долго тренируясь; эти люди тоже через несколько дней стали бы архивистами, просто проглотив семена машин, которые мигрируют в определенные зоны мозга и создают там нечто вроде библиотек. Это дело рискованное. В одном из каждых пятидесяти случаев машины начинают расти бесконтрольно и разрушают мозг хозяина.

— Но ведь архивисты нужны только непреображенным? Всех, кто прошел преображение, Хранители и так помнят.

— Многие в это больше не верят, и раз Департамент не посылает архивистов в города преображенных, то эти шарлатаны наживают целые состояния, охмуряя легковерных. Они, как настоящие архивисты, выслушивают истории жизни умирающих и обещают передать их на алтари Дворца Человеческой Памяти.

Йама заметил:

— Неудивительно, что священник так убит горем. Он и сам верит, что умерли не только те, кого мы видели.

— В любом случае Хранители помнят о каждом, — сказал префект Корин. — Святых или грешников, Хранители помнят всех отмеченных ими людей, тогда как настоящие архивисты запоминают истории стольких непреобразованных рас, сколько могут удержать в памяти. Священник расстроен, потому что это — пятно на его репутации, и он лишится клиентов. Тихо! Вот он идет.

Белариус оторвал часть мантии, которая пропиталась кровью, и теперь у него вокруг пояса болталось нечто вроде килта. Гладкая желтая кожа на плечах и жирной груди потемнела от солнца и стала красно-коричневой, он чесал ожоги и рассказывал Йаме и префекту Корину, что видел свежий лошадиный помет.

— Они обгоняют нас не больше чем на час. Если мы поспешим, то нагоним их, пока они не добрались до предгорий.

Префект Корин заметил:

— Они заставляют женщин идти пешком. Это их задерживает.

— Значит, им воздастся за жестокость. — Белариус стукнул себе кулаком по ладони. — Мы их догоним и уничтожим.

Префект Корин возразил:

— Они жестоки, но вовсе не глупы. Если бы они хотели уйти от нас, они привязали бы женщин к лошадям, а они этого не сделали. Думаю, они нас заманивают. Хотят развлечься. Двигаться надо очень осторожно. Мы выждем до ночи и подойдем к их лагерю.

— Мы потеряем их в темноте.

— Я знаю эту расу. Они не передвигаются по ночам, их кровь замедляется, когда стынет воздух. А пока мы отдохнем, ты помолишься за нас, Белариус. Это настроит наши души на предстоящее сражение.

Они дождались, пока солнце опустится за Краевые Горы, а над горизонтом на той стороне реки начнет подниматься Галактика, и только тогда отправились в путь. Оставленный бандитами след бежал по плоской белой равнине, направляясь к череде мелких впадин, которые переходили в невысокие взгорья. Йама изо всех сил пытался подражать легкой походке префекта Корина и не забывать расслаблять ступню, когда попадались острые камни, как когда-то учил Тельмон.

Белариус оказался менее ловким, он то и дело спотыкался, и тогда вниз по склону со стуком катились камни. По обеим сторонам впадины через неравные интервалы стояли гробницы простой кубической формы и без всяких украшений; их высокие узкие двери были выломаны сто лет назад и сейчас зияли только пустые провалы. На некоторых сохранялись мемориальные доски с картинками, и когда они втроем проходили мимо, картины оживали, и путникам приходилось идти вдоль хребтов между впадинами, чтобы свет прошлого не выдавал их присутствия. Белариус все время опасался, что они потеряют след, но тут Йама увидел, как далеко впереди бьется неровное пятнышко света.

На дне глубокой впадины горело сухое дерево, яркое до белизны пламя издавало хрустящий треск и посылало в небо клубы горького дыма. Переплетение ветвей создавало эффект паутины на ярком фоне огня. Путники остановились и стали всматриваться в низину.

Префект Корин сказал:

— Ну что ж. Они знают, что мы их преследуем. Йама, следи за Белариусом. Я сейчас вернусь.

Не успел Йама ответить, как он уже исчез: быстрая тень мелькнула на склоне и растворилась во тьме. Белариус тяжело уселся и прошептал:

— Вы не должны умирать из-за меня.

— Не будем говорить о смерти, — ответил Йама, в руке у него был нож. Он его вытащил, когда увидел горящее дерево. На ноже не мелькнуло ни единой искорки, он снова спрятал его в ножны и стал рассказывать.

— Недавно меня силой затащили на пинассу, но внезапно появился белый корабль, сверкающий холодным огнем. Пинасса бросилась в атаку на белый корабль, и в суете я сумел убежать. Но однако белый корабль не был реальностью; он начал растворяться в воздухе, когда налетел на пинассу. Это было чудо? Оно пришло на помощь мне? Как вы думаете?

— Я не стал бы задаваться вопросами о плане Хранителей. Только они могут знать, что есть чудо.

Рутинный ответ. Белариуса значительно больше занимала темнота с той стороны горящего дерева, чем рассказ Йамы. Он жадно курил одну из своих пахнущих гвоздикой сигарет, прикрывая огонек ладонью, когда подносил ее ко рту. Свет горящего дерева безжалостно искажал лицо, темные провалы глазниц превращали его в череп.

Префект Корин вернулся через час. Дерево догорело, осталась лишь тлеющая головешка ствола. Он появился из темноты и присел между Йамой и Белариусом.

— Путь свободен, — произнес он.

Йама спросил:

— Вы их видели?

Префект Корин поразмыслил над ответом. Йаме подумалось, что этот сукин сын излучает самодовольство. Наконец он сказал:

— Я видел нашего вчерашнего приятеля.

— Вампира?

— Он нас преследует. Уж сегодня-то поужинает. При любом исходе. Слушайте внимательно. Этот гребень поднимается вверх и ведет к площадке над каньоном. На дне каньона есть гробницы, именно там бандиты устроили лагерь. Они раздели женщин донага и привязали их к столбам, но не думаю, что они их осквернили. — Префект Корин прямо взглянул в глаза Белариуса. — У этих людей существует сезон спаривания, как у собак или оленей, сейчас не их время. Они выставили женщин, чтобы мы рассвирепели, а мы свирепеть не будем. Они развели огромный костер, но вдали от него ночной воздух все равно замедлит их реакцию. Йама, ты и Белариус произведете отвлекающий маневр, а я пойду в лагерь, освобожу женщин и выведу их оттуда.

Белариус заметил:

— Не очень-то умный план.

— Ну, тогда мы можем оставить женщин здесь, — произнес префект Корин так серьезно, что было очевидно, он так и поступит, если Белариус откажется помочь.

— Они заснут, — начал священник. — Мы подождем, пока они заснут, и заберем женщин.

Префект Корин возразил:

— Нет, они никогда не спят, просто становятся ночью менее активными. Они будут нас ждать. Вот почему их необходимо выманить, лучше всего подальше от костра, тогда я их и убью. У меня есть пистолет.

Он оказался похож на плоский, обтесанный водой камень. Он мерцал на ладони префекта синим холодным светом Галактики. Йама был потрясен. Ясно, что Департамент Туземных Дел — значительно более могущественная организация, чем он себе представлял, ведь один из его служащих имеет право носить при себе оружие, которое для большинства не только запрещено, но и обладает огромной ценностью, потому что секрет его производства утерян сотни лет назад, а мощности его хватит, чтобы уничтожить такой город, как Эолис. Энергопистолет доктора Дисмаса, который просто умножает силу света, упорядочивая его волны, был всего лишь слабенькой имитацией оружия, которое держал в руке префект Корин.

Белариус произнес:

— Это дьявольская вещь.

— Он уже спасал мне жизнь. Там три заряда, а потом его нужно держать весь день на солнце, чтобы он снова смог стрелять. Вот почему вам нужно выманить их на открытое место. Я должен иметь чистую зону поражения.

Йама спросил:

— А как нам их отвлечь?

— Я думаю, ты сам что-нибудь придумаешь, когда будешь на месте, — ответил префект Корин.

Губы его были плотно сжаты, казалось, он пытается сдержать улыбку, и Йама понял, в чем тут дело.

Префект Корин сказал:

— Идите по гребню и смотрите, чтоб вас не заметили на фоне неба.

— А как же сторожа?

— Сторожей нет, — ответил префект Корин, — больше нет.

И ушел.

Узкий извилистый каньон глубоко врезался в предгорья. Нависающий над ним гребень вел к плоской верхушке утеса, рассеченной сухими трещинами. Лежа на животе на краю обрыва, Йама видел далеко внизу костер, который бандиты развели на дне. Его красные языки отбрасывали блики на белые фасады вырезанных в стенах каньона гробниц; на сделанный из сучьев загон, где кружилось с десяток лошадей, на цепочку столбов с привязанными к ним нагими женщинами.

Йама пробормотал:

— Это как экзамен.

Белариус, присевший на корточки подальше от края, удивленно на него посмотрел.

— Я должен проявить инициативу, — объяснил Йама. — Если не смогу, то префект Корин не станет пытаться спасти женщин.

Он не стал добавлять, что это еще и наказание. Потому что он взял нож, потому что он хочет стать солдатом, потому что он хотел убежать. Он знал, что не может позволить себе промах, но и не понимал, как же добиться цели.

— Гордыня, — ворчливо сказал Белариус. Казалось, он дошел до предела, где его уже ничто не волновало. — Он корчит из себя божка, решающего, жить моим клиентам или умереть.

— Я думаю, это зависит от нас. Он — человек холодный, но он и правда желает вам помочь.

Белариус указал в темноту у них за спиной:

— Там мертвец, я чувствую по запаху.

Это был один из бандитов. Он лежал на животе в зарослях креозотовых кустов. Шея его была сломана и казалось, что он обернулся посмотреть в глаза судьбе.

Белариус пробормотал короткую молитву, а потом забрал у мертвеца короткий тяжелый лук и пучок неоперенных стрел. Он приободрился, и Йама спросил, умеет ли он пользоваться луком.

— Насилие мне отвратительно.

— Но вы хотите спасти своих клиентов?

— Большая часть их уже мертва, — мрачно проговорил Белариус. — Пойду дам помазание этому несчастному.

Йама оставил священника вместе с мертвецом, а сам стал осматривать площадку вдоль края обрыва. Несмотря на усталость, он чувствовал в голове особую ясность, а в теле легкость, рожденную смесью адреналина и гнева. Пусть это экзамен, но ведь от него зависит жизнь женщин! Это важнее, чем угодить префекту Корину или доказать самому себе, что он достоин своих героических планов.

На самом краю пропасти он увидел большой круглый камень. Он доходил Йаме до пояса и глубоко засел в почве, но, когда Йама уперся в него спиной, камень немного подался. Он позвал Белариуса, но священник как будто молился, склонившись над мертвым, и либо не понимал, либо не хотел понять, он не встал даже, когда Йама потянул его за руку. Йама зарычал от бессилия, вернулся к булыжнику и стал своим столовым ножом подкапывать песчаную почву у его основания. Копая, он вскоре наткнулся на какой-то металл. Маленький ножик дрогнул в его руке, и когда Йама его вытащил, то увидел, что кончик лезвия ровно отрезан. Он нашел машину.

Йама встал на колени и зашептал, обращаясь к ней, чтобы она к нему вышла. Он делал это скорее по привычке, чем рассчитывая на успех, и очень удивился, когда земля у его коленей зашевелилась, и на поверхность, как выпущенная из пальцев арбузная косточка, выскочила машина. Она закружилась в воздухе перед лицом Йамы — блестящий серебристый овал, который поместился бы у Йамы в ладони, рискни он до нее дотронуться. Она казалась сразу и жидкой, и металлической, как большая капля ртути. Блики света играли на ее поверхности. Она издавала сильный запах озона и едва различимое потрескивание.

Йама медленно заговорил, тщательно формулируя слова в мозгу и четко артикулируя их губами, точно так же, как делал, инструктируя сторожевых псов в замке эдила.

— Мне нужно, чтобы эта часть обрыва обвалилась. Помоги мне.

Машина упала на землю и стала закапываться, быстро скрываясь из виду, а на этом месте ударил серый фонтанчик пыли и камешков. Йама присел на корточки, не смея дышать; он ждал достаточно долго, но вроде бы ничего не происходило. Он снова начал подкапываться под огромный валун, но тут пришел Белариус.

Священник вырвал с корнем несколько креозотовых кустов. Он сказал:

— Мы их подожжем и бросим на этих негодяев.

— Помогите мне с этим валуном.

Белариус покачал головой, присел у обрыва и стал связывать кусты полоской ткани, оторванной от остатков его мантии.

— Если вы зажжете эти кусты, то сами превратитесь в цель, — прокомментировал Йама.

— У тебя, наверное, есть в ранце огниво.

— Да, но...

Внизу в каньоне заржали лошади. Йама нагнулся над обрывом и увидел, что лошади мечутся из одного конца загона в другой. Сбившись в кучу, тряся головами и махая хвостами, они неслись, как волна, гонимая сильным ветром. Сначала Йама решил, что их потревожил префект Корин, но потом он увидел, как что-то белое повисло вверх ногами на шее черной кобылы в самой середине взбесившегося стада. Вампир отыскал бандитов. К лошадям уже бежали люди, нелепо загребая ногами и спотыкаясь. Впереди них двигались длинные кривые тени, так как костер оставался у них за спиной. Йама всем телом налег на валун, понимая, что лучшего шанса ему не дождаться.

Земля разъехалась у него под ногами и, потеряв опору, Йама упал на спину, стукнувшись затылком о камень. В голове у него помутилось, и не было сил остановить Белариуса,

который шарил у него в ранце в поисках огнива. Снова зашевелилась земля, огромный валун вздрогнул и на ладонь провалился в почву. Йама понял, что происходит, и стал уползать с дороги, и тут край обрыва ухнул.

Валун упал прямо вниз. Когда он стукнул о стену каньона, вверх взлетело облако пыли и грязи, а потом наступила мгновенная тишина. Земля все еще дрожала, Йама попробовал встать на ноги, но легче было бы устоять в лодке, подхваченной водоворотом. Белариус все стоял на коленях над креозотовыми кустами и чиркал кремнем о камень. У него за спиной прогнутой линией поднималась волна пыли, в земле разверзлось похожее на губы отверстие. В глубине бурлящей почвы роились маленькие огоньки. Йама увидел их, когда выхватил свой ранец и перепрыгивал все расширяющуюся щель. Он приземлился на ладони и колени, но земля снова шевельнулась, и он упал. Белариус стоял на другой стороне щели широко расставив ноги, он размахивал над головой двумя горящими кустами. Вдруг край каньона подался и с шипением стал сползать вниз. Через мгновение в грохоте, подобном раскатам грома, возникло и закипело необъятное облако пыли, а потом весь каньон осветили молнии. Раз, два... три раза.

15. МАГИСТРАТОР

Первые дома были просто пустыми гробницами, в которых поселились живые люди, образуя подобие деревень вдоль низких горных террас по старой береговой линии Великой Реки. Обитающие там люди ходили голыми. Они были тонкими и высокими, с маленькими головами, блестящими черными волосами и кожей цвета ржавчины. Грудь мужчин была испещрена спиральными шрамами, женщины закрепляли прически красной глиной. Они охотились на ящериц, змей и кроликов, собирали сочные молодые стручки колючего гороха, выкапывали в сухих плато над скалами коренья туберозы, собирали солерос и жеруху в прибрежных болотах, бродили по мелководью, забрасывая круглые сети, и ловили рыбу, которую потом коптили на кострах, сложенных из креозотовых кустов и сосновых щепок. Это были веселые и гостеприимные люди, щедро делившиеся с Йамой и префектом Корином своей пищей.

Потом между гробниц стали попадаться настоящие дома, выкрашенные в желтый, синий или розовый цвет, с маленькими садами на плоских крышах. Домики взбирались на горные склоны, как штабеля картонных коробок, между ними змеились

крутые улицы. Над тонкими отмелями и илистыми каналами, которые, отступая, оставила мелеющая река, теснились на сваях убогие деревушки, за ними, в полулиге от дороги, а иногда и на расстоянии двух-трех лиг несла свои воды река; там были доки из плавающих понтонов, вечная суета рыбацких суденышек, барж, пронырливых катеров с косыми парусами, шныряющих вдоль берега трехмачтовых шебек. Вдоль старой прибрежной дороги уличные торговцы продавали из цистерн свежую рыбу, устриц и мидий, вареных омаров и крабов в колючих панцирях, солерос, коренья лотоса, водяные орехи, маленькие красные бананы, несколько сортов ламинарии, молоко домашних коз, специи, соленые каштаны, свежие фруктовые соки и отвары трав, мороженое, украшения из полированных ракушек, мелкий черный жемчуг, птиц в клетках, рулоны тканей с ярким рисунком, сандалии из старых резиновых покрышек от паровых экипажей, дешевые пластиковые игрушки и тысячи других мелочей. Палатки и прилавки торговцев сливались в ленту бесконечного рынка, который тянулся вдоль пыльной обочины старой дороги, сопровождаемый криками торговцев, магнитофонной музыкой и пением бродячих музыкантов, обычным гулом купли-продажи, когда люди торгуются, ругаются, сплетничают. Когда мимо прошел военный корабль, в лиге за скученными крышами жалких деревенек и кранами плавучих доков, все замолчали и стали смотреть. Как будто приветствуя толпу, он поднял длинные красно-золотые весла, по три гребца на каждом, и выпустил из пушки заряд белого дыма, салют приветствовали единодушным воплем восторга.

В тот самый миг Йама понял, что в первый раз видит дальний берег Великой Реки и что темная линия на горизонте, похожая на грозовое облако, это дома и доки. Река здесь была глубокой и быстрой, с бурыми пятнами по берегам и чистой глубокой синевой ближе к середине. Сам того не заметив, он оказался в Изе. Город подобрался к нему, как в ночи вражеская армия: заселенные гробницы, как разведроты, раскрашенные дома и ветхие деревушки, как первые ряды пехоты. Казалось, что после поражения с паломниками он наконец очнулся от долгого сна и пришел в себя.

Насчет обвала, который убил бандитов, угнанных женщин и их священника Белариуса, префект Корин высказался очень лаконично:

— Ты сделал, что мог. Не попробуй мы, женщины все равно бы погибли.

Йама не стал говорить префекту про машину. Пусть думает, что хочет. Но сам он, устало бредя бесконечной дорогой вслед за префектом Корином, постоянно возвращался мыслями к прошедшим событиям. Иногда его охватывало глубокое чувство вины, ведь только дурацкая гордыня заставила его исполь-

зовать машину, а это привело к смерти бандитов и похищенных женщин. Но временами на него накатывал бешеный гнев на префекта Корина, который возложил на него такую ответственность. Он почти не сомневался, что префект мог войти в лагерь бандитов, перебить их всех до одного и освободить женщин. Вместо этого он воспользовался ситуацией, чтобы испытать Йаму. Йама испытания не прошел и теперь чувствует вину за то, что не прошел, а следом и гнев на само испытание.

Унижение или гнев. В конце концов Йама остановился на гневе. Он шел за префектом Корином и представлял, как вытащит нож и одним ударом снесет ему голову с плеч или поднимет на обочине камень и воспользуется им вместо молотка. Он мечтал убежать далеко-далеко и, пока не появился военный корабль, с головой ушел в свои мысли.

Йама и префект Корин поели в придорожной харчевне. Не дожидаясь заказа, хозяин принес им вареных мидий, латук, зажаренный до хрустящей корочки в кунжутовом масле с полосками имбиря, и чай из коры какао; в центре стола стояла пластиковая чаша, куда сплевывали кусочки коры. Префект Корин не заплатил за еду; хозяин харчевни, высокий мужчина с висящей бледной кожей и перепонками между пальцами, просто улыбнулся и поклонился им вслед, когда они выходили.

— Он рад, что может оказать услугу сотрудникам Департамента, — объяснил префект Корин, когда Йама спросил.

— А почему?

Префект Корин помахал рукой перед глазами, словно отгоняя муху. Йама спросил снова.

— Потому что идет война, — ответил наконец префект, — потому что эту войну ведет наш Департамент. Ты видел, как они приветствовали военный корабль. Ты не можешь задавать поменьше вопросов?

— Как я научусь, если не буду спрашивать? — огрызнулся он.

Префект Корин остановился, оперся на свой длинный посох и вперил взгляд в Йаму. Их обходили люди. Здесь толпилось много народу, на обеих сторонах дороги плотно стояли двух- и трехэтажные дома. Мимо брела цепочка верблюдов, отвислые губы придавали им презрительные выражения, а в кожаной сбруе позвякивали серебряные колокольчики.

— Первое, чему надо научиться, — это когда можно спрашивать, а когда нельзя, — проговорил префект Корин, затем повернулся и пошел дальше, прокладывая путь сквозь толпу.

Йама без раздумий поспешил за ним. Похоже, этот суровый человек превратил его в собачку, беспрекословно трусящую за своим хозяином. Он вспомнил, что говорил доктор Дисмас о быках, которые бесконечно бредут по кругу, качая воду,

лишь потому, что не ведают лучшей доли, и его негодование вспыхнуло с новой силой.

Теперь попадались места, где подолгу не было видно реку, ее заслоняли дома и склады. За крышами домов со стороны суши возвышались скалы, но позже Йама разобрался, что это не скалы, а тоже дома. Далеко впереди, в туманной дымке сияли башни, которые он столь часто пытался рассмотреть в телескоп на гелиографической площадке замка. Они были подобны серебряным нитям, связывающим землю и небо.

Префект Корин и Йама шли столько дней, но башни, казалось, ничуть не приблизились.

На дороге было все больше людей, верблюжьих караванов, повозок на паровой и конной тяге, исписанных религиозными цитатами, а также платформ с красными и золотыми резными иероглифами, которые плыли в метре над землей. К тому же кругом сновало множество машин. В Эолисе ни у кого не было собственных машин (даже у эдила, сторожевые псы не в счет, так как это просто животные, преобразованные хирургическим путем), и если машина появлялась на городской улице, все тут же разбегались. Здесь же никто на них не обращал ни малейшего внимания, и они кружились и носились в воздухе по своим таинственным делам. Один человек прямо так и шел с целым хороводом крохотных машин, который крутился у него над головой. Он приближался к префекту Корину и Йаме и остановился перед префектом. Префект Корин, сам человек очень высокий, оказался на голову ниже подошедшего; пожалуй, тот был самым высоким из всех, кого видел Йама. На нем были алый плащ с накинутым на голову капюшоном, черная туника и черные штаны, заправленные в высокие сапоги из мягкой черной кожи, за поясом торчал кнут вроде тех, что используют погонщики быков, сотня его хлыстов заканчивалась бляхами. Обращаясь к префекту Корину, он сказал:

— Вы далеко зашли от тех мест, где вам следует находиться.

Префект Корин оперся на свой посох и взглянул в лицо говорящего, Йама стоял за спиной префекта. Вокруг человека в плаще и префекта стала собираться толпа. Пока еще не густая.

Человек в красном плаще заявил:

— Если у вас здесь дела, я ничего об этом не слышал.

На шею префекта Корина опустилась одна из машин, как раз под челюстью. Префект ее проигнорировал и ответил:

— Вам и не следует слышать.

— Очень даже следует. — Человек заметил, что на них смотрят, и взмахнул плетью. Маленькие яркие машинки у него над головой расширили свою орбиту, а одна зависла напротив его рта.

— Разойдись! — крикнул он. Усиленный машинами голос эхом отразился от фасадов домов по обе стороны доро-

ги, но большинство людей только отступили на пару шагов. Машина взлетела повыше, и человек сказал префекту Корину уже нормальным голосом:

— Вы устроили беспорядки.

Префект Корин возразил:

— Никаких беспорядков не было, пока вы меня не остановили. Хотелось бы знать, зачем?

— Это дорога, а не река.

Префект Корин сплюнул себе под ноги.

— Я заметил.

— У вас пистолет.

— По разрешению моего Департамента.

— Проверим. Что у вас за дело? Вы шпионите за нами?

— Если вы всего лишь выполняете свой долг, вам нечего бояться. Но все равно не беспокойся, брат, я не шпион. Я возвращаюсь из города в низовьях, где выполнял возложенную на меня миссию. Она завершена, и я возвращаюсь.

— Но вы почему-то путешествуете посуху.

— Просто я намеревался показать мальчику окрестности. Он вел очень замкнутый образ жизни.

Одна из машин нырнула и закружилась у лица Йамы. В глазах Йамы полыхнула красная вспышка, и он мигнул. А машина снова влилась в танцующий круг над головой их собеседника. Тот сказал:

— У него кожа, как у трупа. И у него с собой запрещенное оружие.

— И тоже по разрешению моего Департамента, — ответил префект Корин.

— Я не знаком с этой расой, но думаю, что для ученичества он еще слишком молод. Вам лучше бы предъявить свои документы дежурному офицеру.

Офицер щелкнул пальцами, машины снизились, как рассерженные серебряные осы, и закружились плотным кольцом вокруг головы префекта Корина. Офицер повернулся, взмахнул плеткой, зеваки в первых рядах отшатнулись, напирая на тех, кто стоял сзади.

— Дорогу! — крикнул офицер, прокладывая плеткой путь сквозь толпу. — Дорогу! Дорогу!

Йама спросил префекта Корина, пока они шли за своим собеседником:

— А сейчас время для вопросов?

— Этот человек — городской советник — магистратор. Член автономной городской управы Иза. Между его Департаментом и моим существует некая вражда. Он начнет задавать вопросы и разбираться, кто здесь хозяин, а потом мы отправимся дальше.

— Как он узнал про пистолет и мой нож?

— Ему сообщили машины.

Йама стал рассматривать мельтешащую цепочку мелких машин вокруг головы префекта Корина. Одна из них — серебряная бусина с четырьмя парами проволочных ножей и сложенными на спине слюдяными крыльями — все еще висела на шее префекта Корина. Йама мог слышать простые мысли машин и задумался, сможет ли заставить их забыть то, что им приказали, но он боялся сказать что-нибудь не так, а кроме того, не желал, помогая префекту, раскрыть эту свою способность.

Дорога привела к площади, окаймленной фиалковыми деревьями с молодой листвой. В дальнем краю, над крышами зданий и верхушками деревьев возвышалась стена, сложенная из плотно пригнанных полированных плит гранита. На ней располагались сторожевые башни и пушки. У высоких ворот лениво прохаживались солдаты, наблюдая за оживленным движением сквозь затененную арку. Магистратор провел префекта Корина и Йаму через площадь, и когда они подошли к воротам, солдаты стали по стойке «смирно». Они поднялись по крутой винтовой лестнице в толще стены и вышли на широкую дорогу на ее крыше. Чуть дальше стена поворачивала под прямым углом и тянулась вдоль старого берега реки. Там располагалась большая стеклянная полусфера, сверкающая на солнце множеством фасеток.

Внутри стеклянного колпака было тепло и светло. Магистраторы в красных плащах стояли у висящих в воздухе экранов и наблюдали за дорогой, за кораблями, причаленными в доках или снующими вверх и вниз по реке, смотрели на красные черепичные крыши, на людей, идущих по запруженным толпою улицам. Мелькали машины, то проносясь сверкающими точками, то кружась небольшим облаком. В центре всей этой активности сидел офицер, положив ноги прямо в ботинках на пластиковый стол. Магистратор ему что-то сказал, и он обратился к префекту Корину.

— Простая формальность, — лениво произнес он и протянул руку. Восьминогая машина упала с шеи префекта и пальцы офицера сомкнулись вокруг нее. Когда его ладонь снова раскрылась, машина с нее соскользнула, поднялась в воздух и закружилась вокруг головы офицера.

Он зевнул и сказал:

— Пожалуйста, ваш пропуск, префект Корин.

Он быстро пробежал пальцами по выдолбленным знакам гибкой пластины, которую передал ему префект Корин, и заметил:

— Вы не стали возвращаться по реке, как вам было приказано.

— Не приказано. Я мог вернуться по реке, если бы сам так решил, но право выбора оставалось за мной. Мальчик

должен поступить в ученики, и я подумал, что это подходящий случай показать ему эту часть страны. Он жил очень замкнуто.

Офицер проговорил:

— Длинный и трудный путь. — Теперь он смотрел на Йаму.

Йама не отвел взгляда, и офицер моргнул.

— Никаких претензий к мальчику или этому его ножу, но все же для простого ученика — оружие необычное.

— Это вещь наследственная. Он — сын эдила из Эолиса. — В тоне префекта Корина сквозила мысль, что тут и обсуждать нечего.

Офицер бросил табличку на стол и обратился к магистратору:

— Ним, принеси стул префекту Корину.

Префект вмешался:

— Нет смысла задерживаться.

Офицер снова зевнул. На зубах и языке у него прилипли куски наркотической жвачки, которую он перекатывал во рту. Язык у него был длинным, черным и очень острым.

— Придется подождать. Я должен проконсультироваться с вашим Департаментом. Не желаете ли перекусить?

Все тот же магистратор в красном плаще поставил рядом с префектом Корином стул, офицер указал на него пальцем, префект Корин немного подумал и сел, но сказал:

— Мне ничего от вас не нужно.

Офицер взял пачку сигарет, сунул одну в рот и зажег ее спичкой, которой чиркнул о столешницу. Все это он проделал демонстративно медленно, не сводя глаз с лица префекта. Выдохнув дым, он приказал:

— Фруктов, пожалуйста, и охлажденный шербет, — а потом обратился к префекту Корину: — Пока мы ждем, расскажите мне о вашем долгом странствии из... — он взглянул на табличку, — из Эолиса. Как раз в этих местах, по-моему, исчезла группа паломников. Может быть, вы что-то об этом знаете. А пока Ним поговорит с мальчиком, потом посмотрим, сойдутся ли ваши истории. Просто, не так ли?

Префект Корин сказал:

— Мальчик должен остаться со мной. Я несу за него ответственность.

— Ну, думаю, с Нимом он будет в полной безопасности.

— У меня есть приказ, — возразил префект Корин.

Офицер загасил недокуренную сигарету.

— И вы следуете ему с изумительной точностью. Мы позаботимся о мальчике. Вы расскажете о дороге мне, а мальчик — Ниму. А потом посмотрим, совпадают ли рассказы. Очень простой выход. Правда?

Префект Корин начал:

— Вы не понимаете...

Офицер поднял бровь.

— Я несу за него ответственность, — сказал префект. — Мы пошли.

Он начал подниматься. На секунду его окружило гудящее облако искр. В воздухе возник резкий запах паленых волос, префект тяжело опустился на стул, а машины как ни в чем не бывало продолжали кружиться вокруг его головы.

— Забери мальчишку, Ним, — сказал офицер, — выясни, где он был и куда идет.

Префект Корин обернулся и мрачно посмотрел на Йаму. Плечи его содрогнулись. А ладони он зажал между колен. Над глазами и кончиками плотно прижатых ушей тянулась тонкая белая полоса, обвивая его лоснящийся череп.

— Делай, что тебе сказано, — проговорил он, — но не больше.

Магистратор Ним взял Йаму за руку и вывел его мимо окон на воздух. Машины сорвались со своих орбит вокруг головы префекта Корина и, сбившись в плотное облако, последовали за магистратором. Выйдя из-под купола, Ним прямо на солнце посмотрел вещи в ранце и вынул нож.

— Это подарок отца, — быстро сказал Йама. Он почти надеялся, что нож магистратору что-нибудь сделает, но этого не произошло, и Йама добавил: — Мой отец — эдил Эолиса, он велел мне его беречь.

— Я не собираюсь его отбирать, парень. — Магистратор до половины вытащил лезвие из ножен. — Прекрасно сбалансирован. И предан хозяину. — И он бросил нож в ранец. — Эта штука хотела меня укусить, но я кое-что понимаю в машинах. Подозреваю, ты рубил им дрова. Сиди здесь и жди меня. Не двигайся. Только попробуй убежать, и машины живо швырнут тебя на место, с твоим хозяином-то они быстро справились. Если захочешь воспользоваться оружием, они тебя испепелят, мокрого места не останется. Я вернусь, и мы хорошенько поболтаем.

Йама поднял глаза на магистратора. Он старался не мигать, пока машины выстроились в цепочку на новой орбите вокруг его головы.

— Когда понесете угощение моему начальнику, не забудьте, что я тоже хочу шербета.

— Разумеется. Мы неплохо с тобой поболтаем. У твоего начальника нет на тебя пропуска и, готов поспорить, у тебя самого нет разрешения на нож. Подумай об этом.

Йама подождал, пока Ним скроется по лестнице, а затем приказал машинам оставить его в покое. Они захотели узнать, куда им следует направиться. Тогда он спросил, могут ли они улететь за реку, а когда машины ответили, что могут, он велел им лететь прямо на тот берег и ждать там.

Машины вытянулись в линейку, перелетели стену и исчезли в синем небе над скучившимися крышами, песчаными отмелями, мачтами кораблей, стоящих на якоре в плавающих доках. Йама спустился с лестницы и с независимым видом прошел мимо солдат. Ни один из них не обратил на него внимания, разве что глянул мимоходом, и Йама спокойно вышел из тенистой арки ворот и оказался на шумной улице.

16. НАЕМНИК

Сначала хозяин трактира не хотел сдавать Йаме комнату, объяснив, что гостиница переполнена из-за Речного рынка. Но когда Йама показал ему два золотых реала, он усмехнулся и сказал, что может, пожалуй, сделать исключение и попробовать подыскать ему место. Конечно, за двойной тариф, учитывая хлопоты, и если молодой господин поест, покуда будут готовить комнату... Хозяином был молодой толстяк с гладкой коричневой кожей и короткими торчащими белесыми волосами. Держался он уверенно и прямодушно. Взяв одну из монет, он сказал, что принесет сдачу утром, так как менялы уже закрыли свои лавки.

Йама сел в уголке пивной, и вскорости слуга, молодой парень, принес ему блюдо вареных в панцирях креветок, тушеную бамию, перец с арахисовым соусом и тонкие пресные лепешки с кружкой рисового пива. Йама с жадностью принялся за еду.

Он бродил по улицам, пока солнце не опустилось за крыши города, и хотя по дороге ему попадалось множество ларьков и забегаловок, он не мог ни поесть, ни утолить жажду: он просто не представлял, что здесь существуют люди, чья профессия — менять такие деньги, как у него, на более мелкие монеты. Завтра хозяин разменяет реал, и Йама начнет искать свою расу. Но сейчас с него было достаточно просто тихонько сидеть с полным желудком и приятной легкостью в голове, вызванной рисовым пивом, и наблюдать за людьми в пивной.

Они легко делились на две разные группы. Там был обычный рабочий люд нескольких рас в домотканой одежде и башмаках с деревянной подошвой. Они стояли у стойки и спокойно пили свое пиво. Вторая группа — мужчины и одна-единственная рыжеволосая женщина — сидели за длинным столом у грязного окна под гербом харчевни — двумя скрещенными топорами. Они шумно веселились, произносили изысканные тосты, громко перекликались с одного конца стола на другой. Йама решил, что они, видимо, солдаты, наемники или ополченцы. На всех были

украшенные гербами доспехи, в основном металлические или медные, а также наголенники и наручные латы. Тела покрывали шрамы, у многих не хватало пальцев. Там был великан с серебряным диском вместо глаза, у другого имелась лишь одна рука, однако он ел не менее ловко и быстро, чем его компаньоны. Рыжеволосая женщина была, казалось, их товарищем, а вовсе не потаскухой, которую они случайно где-то подцепили. На ней была кожаная туника без рукавов и короткая кожаная юбочка, оставлявшая открытыми сильные ноги.

Хозяин, видимо, знал этих клиентов: освобождаясь от дел, он присаживался к ним за стол, смеялся их шуткам, подливал пиво и вино соседям. Он что-то прошептал в ухо одноглазому великану, и они грубо захохотали, а когда хозяин встал обслужить другого гостя, одноглазый зыркнул в сторону Йамы и ухмыльнулся.

Тут пришел мальчик-слуга и сказал Йаме, что комната готова, он провел Йаму за прилавок, через маленькую, пышущую жаром кухню, потом во внутренний дворик с электрическими прожекторами на столбе. С обеих сторон были выкрашенные известью стойла. А между ними широкие ворота, затененные ветвями авокадо, в которых пронзительно взвизгивали и верещали зеленые попугайчики. Комната располагалась в пристройке над конюшней, была она длинной и узкой, с низким темным потолком. Единственное окно в дальнем конце смотрело на улицу, на череду спускающихся к Великой Реке крыш. Мальчик-слуга зажег светильник с рыбьим жиром, поставил кувшин с горячей водой, отвернул одеяло, поправил валик и помедлил, явно не желая уходить.

— У меня нет мелких монет, — сказал Йама, — но завтра я тебе что-нибудь дам за твои хлопоты.

Мальчик подошел к двери, выглянул наружу, затем снова закрыл дверь и повернулся к Йаме.

— Я не знаю тебя, господин, — начал он, — но думаю, стоит тебе рассказать, иначе это будет на моей совести. Тебе нельзя оставаться здесь на ночь.

— Мои деньги не хуже, чем у всех. Я заплатил за комнату, оставил залог, — ответил Йама.

Парень кивнул. На нем была чистая, но штопаная рубашка и пара штанов. Он едва доставал Йаме до пояса и был очень тонок в кости; зачесанные назад черные волосы открывали узкое лицо с резкими, острыми чертами. Большие золотистые глаза слегка мерцали при свете ночника. Он продолжал:

— Я видел монету, которую ты оставил хозяину. Я не спрашиваю, где ты ее взял, но думаю, что на нее можно купить весь этот дом с потрохами. Мой хозяин — человек не плохой, но и не хороший. Понимаешь, многие и получше его соблазнились бы такой суммой.

— Я буду осторожен, — кивнул Йама, который на самом деле чувствовал только смертельную усталость и дремоту от выпитого пива.

— Если возникнет опасность, ты сможешь вылезти из окна на крышу, — сказал мальчик, — с той стороны растет виноград. Спуститься легко. Я сто раз это делал.

Мальчик ушел, а Йама запер дверь на засов и присел у окна, вглядываясь в череду крыш и поблескивающую под темнеющим небом реку. Его завораживали звуки ночного города: откуда-то издалека раздавался непрерывный грохот, гул миллионов людей, занятых своими делами, а совсем близко слышался крик разносчика, магнитофон играл модную балладу, кто-то размеренно и дробно стучал по железу, женщина громко звала с улицы ребенка. Йама проникся этим вечерним покоем и в то же время ясно ощутил, что вот он здесь, один, именно в этом месте и в этот момент, а впереди чудесной вуалью раскинулась вся его жизнь, полная самых потрясающих возможностей.

Он снял рубашку, вымыл лицо и руки, затем стянул башмаки и вымыл ноги. Соломенный матрац оказался бугристым, зато простыня свежей, а шерстяное одеяло чистым. Он подумал, что, наверное, комната принадлежит тому мальчику-слуге и потому он хотел, чтобы Йама ушел.

Йама решил лишь чуть-чуть отдохнуть, а потом встать и закрыть ставни, но когда он проснулся, была уже ночь. На пол упало пятно холодного света Галактики, над кроватью в стропилах что-то скреблось. Мышь или ящерица, сонно подумал Йама, но вдруг почувствовал, будто кто-то коснулся его разума, и сразу понял, что в комнату сквозь беспечно открытое им окно влетела машина.

Все еще в полусне Йама стал думать, правда ли, что машина его разбудила, и тут услышал за дверью металлическое клацанье. Он сел и потянулся к лампе. Кто-то налег на дверь, и Йама, еще до конца не проснувшись, спросил, кто стучит.

Со страшным треском дверь распахнулась, засов пролетел через всю комнату в угол. В проеме показался силуэт человека. Йама скатился на пол, потянулся к своему ранцу, а в это время что-то грохнуло о кровать. В воздух взлетела солома и щепки. Йама опять перекатился, волоча за собою ранец. Он вытащил нож, порезав руку, но даже не почувствовал этого. Кривое лезвие сияло бешеным синим светом, с кончика летели искры.

Человек у кровати — тень в голубом полумраке — резко обернулся. Он уже сокрушил раму кровати и в клочья искрошил своим длинным широким мечом матрас и одеяло. Йама швырнул в него кувшином с водой, человек успел пригнуться и произнес:

— Брось, парень. Может, я тебя и пощажу.

Йама заколебался, но тут незнакомец кинулся на него с неожиданным бешенством. Йама присел и услышал свист рассеченного воздуха над головой. Он рубанул ножом по ногам незнакомца, и тот отступил. Нож загудел, холод пронзил мышцы руки.

— Ты дерешься, как женщина, — крикнул убийца. Свет от ножа отразился в чем-то блестящем у него на лице.

Тут он снова бросился в атаку, и Йама перестал думать. Действовать начали рефлексы, отточенные долгими часами тренировок в гимнастическом зале под руководством сержанта Родена. Нож Йамы лучше подходил для ближнего боя, чем длинный меч нападавшего, но у того было преимущество веса и дистанции. Йаме удалось парировать серию яростных выпадов. Фонтаны искр летели во все стороны при каждом ударе, но кисть его стала неметь, и тут длинное лезвие меча скользнуло по ножу Йамы и задело предплечье. Рана оказалась неглубокой, но сильно кровоточила, Йама почувствовал, что держит нож уже не так крепко.

Он швырнул стул под ноги убийцы, и пока тот расчищал дорогу, Йама сумел выскочить из угла, куда его загнал противник, но он все еще оставался между Йамой и дверью и через мгновение снова бросился в атаку, Йама оказался прижатым к стене. Из ножа полыхнул голубой свет, между Йамой и нападавшим возникло что-то белое, толщиной с кость, но убийца только захохотал:

— Я знаю этот трюк, — и сделал выпад ногой, ударив Йаму носком ботинка по локтю. Рука Йамы повисла, и он выронил нож. Фантом растаял с резким щелчком.

Убийца поднял меч для смертельного удара. На миг сцена застыла, как на картине, но вдруг он выдохнул, обдав Йаму запахом лука и перегара, и упал на колени, выронив меч и схватившись за ухо, затем шлепнулся лицом в доски пола прямо у ног Йамы.

Правая рука Йамы онемела от кисти до локтя, а левая дрожала так, что он целую минуту не мог найти и разжечь лампу огнивом. При ее тусклом мерцании он оторвал от простыни бинт и перевязал неглубокую, но сильно кровоточащую рану на предплечье и небольшой порез на ладони, которую оцарапал, вытаскивая нож. Он сел и прислушался, но снизу доносились лишь шорохи переступающих с ноги на ногу лошадей. Едва ли кто-нибудь из гостей слышал грохот вышибаемой двери и шум последующей схватки — остальные спали в дальнем крыле дома, и никто не пришел узнать, что происходит.

Убитый оказался тем самым одноглазым наемником, который, ухмыляясь, смотрел на Йаму вечером в пивной. Он не был ранен, только из правого уха капала темная венозная кровь. Йама не мог понять, что произошло, но вдруг губы мертвеца разжались. Изо рта у него выскользнула машина и упала на пол. Ее каплевидный корпус был весь измазан в крови. Она вибрировала и

жужжала, пока поверхность снова не стала чистой и серебристой. Йама вытянул левую руку, машина поднялась в воздух и легко опустилась ему на ладонь.

— Не помню, чтобы я просил тебя о помощи, — прошептал Йама, — но все равно, спасибо.

Машина его искала, и не только она, целая армия машин прочесывала эту часть Иза.

Йама сказал ей, что она должна поискать где-нибудь в другом месте и сообщить это своим товарищам, потом подошел к окну и вытянул руку. Машина поднялась, сделала один виток вокруг его головы и улетела в темноту.

Йама надел рубашку, застегнул башмаки и приступил к неприятной процедуре обыска мертвого наемника. У того не оказалось денег, только кинжал с узким лезвием и костяной рукояткой, а также проволочная петля с двумя деревянными палками вместо ручек. Он решил, что наемнику должны заплатить после того, как работа будет сделана. В конце концов, мальчик-слуга оказался прав. Хозяин захотел получить обе монеты.

Йама спрятал нож в ножны, привязал их к поясу и подобрал ранец. Ему вдруг стало страшно поворачиваться к мертвецу спиной, ему почудилось, что открытый пустой глаз следит за каждым его движением; Йама бочком добрался до окна и вылез наружу.

Над окном торчала толстая балка, когда-то она, очевидно, служила опорой подъемника для продуктов, которые через окно доставляли с улицы. Йама уцепился за балку руками и стал раскачиваться, на третий раз ему удалось обхватить ее ногами, перевернуться и сесть. Рана на руке немного открылась, и он перевязал ее снова. Встать на широкой плоскости оказалось совсем простым делом.

17. РЕЧНОЙ РЫНОК

Огромная старая лоза была именно там, где сказал слуга. Скорее всего ее посадили во времена, когда строился сам дом. Йама как по лестнице спустился по толстым, заросшим листьями плетям. Он понимал, что следует побыстрее убежать, но чувствовал, что Тельмон, например, бежать бы не стал. Вернуть монету было делом чести. Стоя в темной аллее позади трактира, Йама вспомнил двусмысленную улыбку хозяина, и кровь бросилась ему в лицо.

Он двинулся на оранжевый свет ламп в конце аллеи и тут услышал за спиной осторожные шаги. На мгновение он испугался, что тело наемника уже обнаружили и теперь его

друзья ищут убийцу. Но никаких криков не было, и город наверняка не настолько стерпелся со злодейством, чтобы не заметить убийства. Он заставил себя, не оглядываясь, дойти до угла, вытащил нож и спрятался в тени у ворот трактира под широким балдахином ветвей авокадо.

Когда мальчик-слуга показался из аллеи, Йама припер его к стене и приставил к горлу нож.

— Я ничего не хотел плохого! — взвизгнул парень.

Попугай в ветвях эхом подхватил испуганный крик и заверещал, переиначивая его на свой лад.

Йама убрал нож. Ему пришло в голову, что если бы одноглазый наемник догадался тихонько проникнуть в комнату и перерезать ему горло или задушить проволочной удавкой вместо того, чтобы вламываться, выбивая дверь и бешено размахивая мечом, то сейчас бы Йама, а вовсе не этот убийца, лежал наверху мертвый.

— Он пошел к тебе, — сказал мальчик, — я видел.

— Он мертв. — Йама спрятал нож в ножны. — Мне надо было тебя послушать, а сейчас дела плохи: я убил человека, а моя монета у твоего хозяина.

Мальчик-слуга одернул смятую куртку. Несмотря на пережитый страх, он держался с достоинством. Он дерзко посмотрел в лицо Йаме и произнес:

— Ты мог вызвать магистратора.

— Мне не хотелось бы втягивать тебя в это дело, но, может, ты мне покажешь, где спит твой хозяин? Если я получу назад свой реал, то половину отдам тебе.

Мальчик ответил:

— Пандарас к твоим услугам, господин. Я вырву ему сердце и за десятую долю реала. Он меня лупит, обманывает клиентов, обманывает поставщиков продуктов и виноторговцев. Ты смелый человек, господин, но в трактирах ничего не понимаешь. Ты ведь сбежал, правда? Потому и не хочешь вызывать магистратора.

— Как раз магистратора я не боюсь, есть кое-кто пострашнее, — пробормотал Йама, имея в виду префекта Корина.

Пандарас кивнул:

— Семья может быть хуже любой тюрьмы, уж я-то знаю.

— Видишь ли, на самом деле я просто приехал сюда как раз искать свою семью.

— Я так и думал, что ты не местный. Никто из рожденных в стенах города не стал бы открыто носить такой нож: старинный, да к тому же очень ценный. Могу поспорить, тот мертвец в твоей комнате больше интересовался ножом, чем монетой. Конечно, я всего лишь уличный мальчишка, но я здесь все знаю. Если ты и правда хочешь найти свою семью, то я могу оказать тебе массу услуг в этом деле.

Я с радостью брошу свою работу. Она никогда мне особенно не нравилась, к тому же теперь я становлюсь для нее староват.

Йама подумал, что такое предложение не очень-то отличается от грабежа, но решил заявить, что будет рад иметь его в помощниках.

— Мой хозяин спит, как сытый тюлень, — сказал Пандарас. — Он не проснется, пока ты не приставишь ему нож к горлу.

Пандарас впустил Йаму назад в трактир через заднюю дверь и провел его наверх. Он приложил палец к губам и неслышно поднял щеколду. Нож испускал слабое голубое сияние, и входя в душную комнату, Йама поднял его над головой, как свечу.

Хозяин храпел под смятой простыней на огромной кровати с пологом, которая занимала почти всю комнату. Другой мебели не было. Йама потряс его и сел. Простыня соскользнула с его голой груди и задержалась на брюхе. Когда Йама поднес кончик ножа к его лицу, трактирщик вдруг улыбнулся и сказал:

— Ну, давай, убей меня. Не убьешь, так я напущу на тебя магистраторов.

— Тогда тебе придется рассказать им, что на одного из постояльцев напали прямо у него в комнате, — заметил Йама. — Кстати, там наверху лежит труп.

Хозяин трактира бросил на Йаму хитрый взгляд. Голубое мерцание ножа мягко отражалось в его круглых черных глазах и отсвечивало на вставших торчком светлых волосах.

— Ну, разумеется, труп, — сказал он, — иначе тебя бы здесь не было. Сиг работал не на меня, ты ничего не докажешь.

— Тогда откуда же ты знаешь его имя?

Хозяин пожал плечами, это выглядело как небольшое землетрясение:

— Сига все знают.

— Значит, все должны знать и про вашу сделку. Отдай мой реал, и я сразу уйду.

— А если не отдам, что ты тогда сделаешь? Если меня убьешь, то тебе самому его не найти. Почему бы нам не выпить по стаканчику бренди и не обсудить все спокойно? Мне бы пригодился такой ловкий малый, как ты. Есть много способов приумножить твои деньги, и я их почти все знаю.

— Я слышал, ты обманываешь клиентов, — заговорил Йама, — а те, кто обманывает, всегда боятся, что их тоже обманут, я думаю, мою монету ты мог спрятать только в этой комнате, ведь ты никому не доверяешь. И скорее всего под подушкой.

Тут хозяин сделал выпад, и что-то ударилось о нож Йамы. Комната наполнилась ярким светом, а трактирщик громко вскрикнул.

* * *

Чуть позже трактирщик бесформенной тушей приткнулся к спинке кровати, избегая встречаться с Йамой взглядом. Рука его сильно кровоточила, он, правда, обернул ее простыней, прежде чем броситься отнимать нож, тем не менее порез был очень глубоким. Но он не думал о ране, как не задумывался и о вопросах, которые задавал Йама. Он, не мигая, вглядывался в нечто, исчезнувшее почти тотчас, как появилось, и только все повторял:

— У него нет глаз. Волосы, как паутина, и нет глаз...

Йама поискал под валиком кровати и под матрацем, а потом вспомнил, как сам прятал карту в своей комнате в замке, и стал рукояткой ножа вскрывать одну за другой доски пола, пока не нашел одну, прибитую совсем слабо, под которой трактирщик спрятал золотой реал. Ему пришлось пригрозить толстяку ножом и возвращением призрака, чтобы тот перевернулся, и Йама смог заткнуть ему рот и связать большие пальцы рук полосой, оторванной от простыни.

— Я только забираю свое, — уходя, сказал Йама. — Не думаю, что тебе причитается что-нибудь за гостеприимство. Тот дурак, которого ты послал меня ограбить, мертв. Радуйся, что сам остался жив.

Пандарас ждал его за воротами.

— Позавтракаем у рыбачьих доков, — сказал он. — Лодки выходят на рыбалку еще до рассвета, поэтому забегаловки там открываются очень рано.

Йама показал Пандарасу золотой реал. Руки его дрожали. Он был абсолютно спокоен, пока искал монету, а сейчас его трясло от нервного возбуждения. Он рассмеялся и сказал:

— У меня нет мелочи, чтобы заплатить за еду.

Пандарас полез под мятую рубашку, вытащил два истертых железных пенни, которые висели на веревочке у него на шее, и подмигнул Йаме:

— Я заплачу, хозяин, а потом ты мне отдашь.

— Только если не будешь называть меня хозяином. Ты ненамного моложе меня.

— Во многих смыслах я значительно старше, — ответил Пандарас. — Ты уж прости меня, но вполне очевидно, что ты благородного происхождения. Такие люди живут дольше, чем другие; условно говоря, у тебя еще молоко на губах не обсохло. — Он внимательно посмотрел на Йаму. — Твою расу я не знаю, но ведь в низовьях реки полно странных людей, и еще больше на улицах Иза. Говорят, здесь можно найти все что угодно, но проживи ты хоть тысячу лет, всего тебе не увидеть, а если и увидишь, то к этому времени столько изменится, что можно начинать изучать все сначала.

Йама улыбался, слушая болтовню спутника.

— Я пришел сюда, чтобы узнать правду о своей расе, и к счастью, я знаю, где искать, — сказал он.

К реке они спускались по таким узким и крутым улочкам, что они скорее напоминали лестницу с пологими ступенями, а каждый дом по обеим сторонам словно стоял на плечах своего соседа. Йама рассказывал Пандарасу о некоторых обстоятельствах своего рождения, о том, что, по его мнению, узнал доктор Дисмас, и о своем путешествии в Из.

— Я знаю Департамент Аптекарей и Хирургов, — сказал Пандарас. — Не очень-то внушительное здание, скорее позднейшая пристройка к Дворцу Человеческой Памяти.

— Значит, придется все-таки туда сходить, — мрачно проговорил Йама, — а я-то думал, что обойдусь без этого.

— Место, куда тебе надо попасть, на крыше, — стал объяснять Пандарас. — Ты можешь и не заходить внутрь, если это тебя так беспокоит.

Когда Йама и Пандарас вышли наконец к широкой дороге вдоль старой береговой линии, небо уже начинало светлеть. Мимо проковыляла цепочка верблюдов, груженных тюками тканей, ее погонял заспанный мальчишка. Торговцы открывали ставни своих лавок, разжигали огонь в очагах открытых кухонь. Лачуги на сваях занимали все пространство заболоченного берега, мимо них, прямо к урезу воды тянулся длинный пирс, на котором рыбари свертывали бухты канатов, снимали развешанные для просушки сети, тщательно укладывая их особым манером.

Йама впервые обратил внимание, насколько велика эта прибрежная трущобная часть города. Хибары теснились до самых плавучих доков на расстояние полулиги, а вдоль берега тянулись до самого горизонта. Строительным материалом в основном были листы пластика, цвет которых дым и непогода выровняли до однообразного серого тона. Кровлей служил толь или провисшее грубое полотно. Между топкими отмелями, утыканными сваями и стойками, бежали каналы, до краев наполненные густой темной водой. В загончиках на клочках земли, где посуше, бродили цыплята, щипая редкую вытоптанную траву. Люди тоже были уже на ногах, стирали, мылись, разжигали печки, обменивались сплетнями. Голые ребятишки десятка различных рас с визгом гонялись друг за другом по раскачивающимся канатным мосткам.

Пандарас объяснил, что эти трущобы — приют беженцев из районов военных действий.

— Корабли уходят вниз по реке с солдатами, а возвращаются с грузом этих обездоленных людей. Их привозят сюда, чтобы еретики не смогли обратить их в свою веру.

— Почему они живут в таком убожестве?

— Другого они и не знают. Это нетрансформированные дикари.

— Наверняка они раньше были охотниками, или рыбаками, или фермерами. Неужели в городе для них нет места? Ведь он теперь стал значительно меньше, чем был когда-то.

— Я думаю, некоторые могли бы поселиться в пустых кварталах, но там их перебьют бандиты, а кроме того, в пустых кварталах плохая земля, ее нельзя обрабатывать. Только копни, начнутся камни, ниже опять камни и снова камни. Департамент Туземных Проблем предпочитает держать их в одном месте, так легче за ними следить. Им выдают немного еды как пособие и указывают место для жилья.

— Наверное, многие становятся нищими попрошайками.

Пандарас с решительным видом покачал головой:

— Нет, ни за что! Если они только попробуют, профессиональные нищие их убьют. Они так ничтожны, господин. Они почти не люди. Посмотри, как они живут.

В тени за ближайшей лачугой у вонючего зеленого пруда двое голых мужчин потрошили небольшого каймана. На другом конце пруда в воду мочился маленький мальчик, рядом набирала пластиковые ведра женщина. А выше, на деревянном настиле другая женщина с голым ребенком на руках крошила серые ломтики съедобного пластика в закопченный котелок, который висел над крохотным очагом. Рядом с ней ползал ребенок неопределенного возраста и пола и ковырялся в сморщенных капустных листьях.

— Они выглядят, как армия, подступившая к городу, — сказал Йама.

— Они — ничто, господин. Сила города — это мы, ты сам увидишь.

Пандарас выбрал одну из харчевен вдоль дороги, идущей от плавучего дока. Он жадно набросился на омлет с креветками, а потом доел то, что оставил Йама, пока сам Йама грел пальцы, обхватив кружку с горячим чаем. Становилось все светлее, и Йама увидел вдалеке, в трех-четырех лигах ниже по реке, стену, куда их накануне привели с префектом Корином; она темнела над красными черепичными крышами, как зубчатая спина спящего дракона. Он задумался, не могут ли магистраторы повернуть свои экраны сюда? Нет, они отправили на его поиски машины, а с ними он разобрался. На какое-то время он в безопасности.

Пандарас заказал еще чаю и сообщил Йаме, что у них есть по крайней мере час до открытия лавок менял.

Йама ответил:

— Не волнуйся, я верну тебе долг. А куда ты пойдешь потом?

— Может быть, с тобой, господин? — усмехнувшись, сказал Пандарас. — Я помогу тебе найти твою семью. Тебе неизвестно, где ты родился, и ты хочешь это узнать, а я, наоборот,

прекрасно все про себя знаю и желаю убраться подальше от своих родных мест.

У мальчика были острые мелкие зубы, все одинакового размера. Йама заметил, что его черные заостренные ногти больше напоминают когти, между пальцами виднелись кожистые перепонки, а большие пальцы торчали высоко на кисти, так что рука больше походила на лапу животного. Вчера ему встретилось множество представителей этой расы: носильщики, погонщики скота, разного рода лакеи и прислуга. Сила города.

Йама спросил про наемников, которые накануне ужинали в трактире. Но Пандарас пожал плечами:

— Я их не знаю. Они приехали только на час раньше тебя, а сегодня утром уйдут на Речной Рынок возле Черного Храма, будут искать, кто бы их нанял. Сначала я думал, что ты с ними, покуда не увидел, как ты показываешь хозяину ту монету.

— Может, я и правда один из них, но сам этого еще не знаю, — произнес Йама, думая о своем предназначении. Он понимал, что еще слишком молод, чтобы вступить в армию, но в ополчении возраст — не препятствие. Префект Корин может считать его мальчишкой, но он уже убил человека в рукопашной схватке, а за прошедшие двадцать дней испытал столько приключений, сколько обычному человеку не встретить за целую жизнь.

— Но прежде всего отвези меня на Речной Рынок, Пандарас, я хочу посмотреть, как это происходит, — попросил Йама.

— Если ты вступишь в армию, я пойду с тобой и буду твоим оруженосцем. У тебя хватит денег, чтобы купить хорошее ружье, а еще лучше — пистолет, и латы тебе тоже понадобятся. Я буду их чистить между сражениями, и твой герб всегда будет сверкать.

Йама рассмеялся:

— Ладно тебе. Я только слово сказал, а ты уже выдумал целую картину. Просто мне хочется узнать про наемников, но сам я пока не собираюсь никуда наниматься. Потом, когда я разузнаю о своем происхождении, я действительно собираюсь вступить в ополчение и помочь выиграть эту войну. Мой брат погиб, сражаясь с еретиками, и я поклялся, что займу его место в строю.

Пандарас допил свой чай и выплюнул на пол кусочки коры.

— Мы выполним первый пункт еще до того, как смотритель Замка Двенадцати Предназначений даст полуденный залп из своей пушки, и осуществим второй раньше, чем встанет Галактика. С моей помощью все возможно. Но прости мою болтовню. Мой народ любит поговорить. Сочинять всякие истории и сказки — наше любимое занятие. Ты, конечно, видел, как мы занимаемся мелкой грубой работой, почти как вьючные животные. Мы действительно зарабатываем себе на хлеб и пиво тяжелым трудом, но, нищие в мире вещей, мы — богачи в мире вообра-

жения. Наши баллады и песни поют и пересказывают люди всех рас, некоторые из нас, пусть и немногие, становятся знаменитыми менестрелями и поют в замках аристократов и богатых купцов или же становятся сказителями, которых записывают на магнитофонные кассеты.

Йама заметил:

— С такими талантами твой народ заслуживает лучшей судьбы.

— Мы слишком мало живем, чтобы наши таланты успевали принести нам какую-нибудь выгоду. Обычно лет двадцать, а двадцать пять — уже неслыханное долголетие. Ты удивляешься? Но это на самом деле так. Это наше проклятие и наш дар. Быстрый поток лучше обтачивает камни. Так говорил мой дед. То же самое и с нами. Мы проживаем краткую, но очень напряженную жизнь, и наши песни родятся из этого бешеного темпа.

— А можно мне спросить, сколько тебе лет?

Пандарас показал в улыбке свои острые зубы.

— Наверное, ты считаешь, что мы ровесники, но мне всего четыре года, а через год я женюсь. То есть, конечно, если не отправлюсь с тобой на поиски приключений.

— Если ты действительно можешь за один день найти то, что мне нужно, я буду самым счастливым человеком в Слиянии. Но, думаю, это невозможно, потребуется значительно больше времени.

— Белая лодка, сияющая женщина, портрет одного из твоих предков, созданный до сотворения Слияния. Очень определенные признаки. Я сочиню об этом песню и скоро, а кроме того, ты же сказал, что поиски нужно начинать в архивах Департамента Аптекарей и Хирургов.

— Если доктор Дисмас не лгал. Он ведь практически все время лгал.

Над скопищем крыш теперь сияло синее небо, движение на дороге становилось все оживленнее. Рыбачьи лодки ушли уже дальше причалов плавучих доков, их бурые и рыжие паруса надувал утренний ветер, над ними кружили белые птицы, подставляя крылья потокам, несущим прилив. Шагая рядом с Пандарасом, Йама думал о протянувшихся на сотни лиг доках, о тысячах лодок необъятного рыболовного флота, которые каждый день отправляются за добычей, чтобы кормить мириады ртов города. Он постепенно осознавал истинные размеры Иза.

Как мог он надеяться узнать что-либо о своей семье или о любом другом человеке в этой вечно меняющейся толпе? Тем не менее доктор Дисмас что-то же нашел в архивах своего Департамента, значит, и он, Йама, тоже сумеет это найти, а возможно, и нечто большее. Благополучно выкрутившись из приключения с наемником и избежав пресной судьбы, которую готовили для него эдил и префект Корин, Йама чувствовал необык-

новенный прилив сил. Ему и в голову не приходило, что поиски, на которые он отправился по собственному почину, могут не дать результата.

Как правильно заметил Пандарас, Йама был еще слишком молод, ему пока не случалось терпеть поражение в чем-нибудь действительно важном.

Первый меняла отказался разменять реалы Йамы, едва взглянув на монету. Второй, чья контора располагалась в маленьком полуподвальном помещении с земляным полом и розовыми пластиковыми стенами, долго рассматривал монеты сквозь увеличительный экран, потом соскоблил пылинку золота с одного реала и попытался растворить ее в капле царской водки. Меняла был маленьким сухоньким стариком, почти тонущим в складках своей черной шелковой мантии. Увидев, что пылинка не растворяется, даже если нагреть предметное стекло, он хмыкнул и махнул своему бесстрастному телохранителю, тот принес чашки и круглый алюминиевый чайник, а затем снова занял свое место на ступенях ведущей на улицу лестницы.

Целый час Пандарас торговался с менялой, выпив несколько чайников чая и уничтожив блюдо с медовыми пряниками, такими приторно-сладкими, что у Йамы заныли от них зубы. В сырости маленького полуподвала Йама чувствовал себя очень неуютно, его одолевало беспокойство. Над головой слышался непрерывный топот множества ног, охранник заслонял почти весь свет, с трудом проникающий сверху, и потому он ощутил огромное облегчение, когда Пандарас наконец объявил, что сделка состоялась.

— Через месяц мы сдохнем от голода, но у этого старика камень вместо сердца, — сказал он, нагло глядя на менялу.

— Вы можете отвести своего клиента в другое место, — заявил меняла, высовывая свое острое личико из складок черного шелка, покрывающих его голову, и меряя Пандараса бешеным ястребиным взглядом. — Уверен, что эти монеты украдены, и любая цена, которую я вам предложу, будет и так слишком высокой. Ко всему, я еще и рискую из-за вас своей репутацией.

— Ты теперь целый год сможешь не работать, — огрызнулся Пандарас. Не обращая внимания на нетерпение менялы, он настоял, чтобы дважды пересчитать серебряные и железные монеты. Железные пенни имели посередине дырку, чтобы вешать их на веревку, объяснил Пандарас. Он продемонстрировал, как это делается, прежде чем обменяться рукопожатием с менялой, который неожиданно заулыбался и пожелал им благословения Хранителей.

После мрачной норы менялы улица показалась раскаленной и блещущей яркими красками. Дорога стала еще более запруженной, повозки двигались по асфальтовому покрытию не быстрее пешеходов. Кругом раздавался стук копыт и гро-

хот колес, вопли и ругань кучеров, крики разносчиков и торговцев, серебряные переливы свистков и медное звяканье колокольчиков. Между ногами людей и животных сновали мальчишки, собирая помет лошадей и быков, потом они слепят из него лепешки, высушат на солнце и получится топливо для кухонных очагов. Там были попрошайки и воры, нищенствующие монахи и паломники, фокусники и акробаты, шарлатаны и маги и еще тысяча всяческих чудес. Двигаясь сквозь толпу, Йама чувствовал, что тупеет, он обращал внимание только на нечто совсем уж из ряда вон выходящее, иначе все эти поразительные вещи просто свели бы его с ума.

Среди корабельных мачт и плоских крыш торговых складов на берегу реки возник черный купол. Указывая на него, Йама заметил:

— Когда мы шли здесь утром, его еще не было.

— Это космический корабль, — небрежно объяснил Пандарас и очень удивился, когда Йама начал настаивать, чтобы они подошли поближе и посмотрели.

Пандарас сказал:

— На самом деле это просто катер с космического корабля. Корабль, к которому он принадлежит, слишком велик, чтобы сесть на воду, он остался на границе Слияния. Он здесь уже целый год, разгружает металлы и драгоценности. Катер пришел в док, чтобы взять запас провизии. Ничего особенного.

В любом случае они не смогли бы подойти к кораблю поближе: док был закрыт и охранялся эскадроном солдат, вооруженных фузеями, которые больше подошли бы для уничтожения крепости, чем для разгона слишком любопытных горожан. Задрав голову, Йама смотрел на черный гладкий бок катера, который переходил в пологую чашу купола, сияющего в солнечном свете белым огнем. Он думал об иных солнцах, которые видел этот корабль. Он мог бы простоять здесь весь день, ощущая в крови необъяснимую тоску и желание, но Пандарас взял его за руку и повел прочь.

— Опасно тут задерживаться, — объяснил верный оруженосец, — говорят, звездные матросы воруют детей, потому что не могут завести собственных. Если ты увидишь хоть одного, то поймешь, почему. Большинство из них даже на людей не похожи.

Пока они шли дальше, Йама спросил Пандараса, знает ли тот что-нибудь про корабль Древней Расы.

Пандарас дотронулся кулаком до горла и сказал:

— Мой дед говорил, что он видел, как поздно ночью двое из них шли по нашему кварталу, но ведь так утверждает любой, кто жил в те времена в Изе. — Он снова коснулся кулаком глотки и добавил: — Мой дед говорит, что они слегка светились, как по ночам иногда летом светится речная вода, и что они ступали по воздуху и поднялись над крышами, словно

шли по ступенькам. Он сложил об этом песню, но когда представил ее легату, его арестовали, обвинив в ереси. И он умер под пыткой.

Когда Йама и Пандарас добрались до Черного Храма и Речного Рынка, солнце уже прошло половину пути к зениту. Черный Храм когда-то был громадным сооружением, построенным на острове из поднявшихся базальтовых пород посреди широкой и глубокой бухты, однако в ходе войн Эпохи Мятежа он был разграблен и частично разрушен, а позже уже не перестраивался. Теперь же отступающие воды Великой Реки оставили его подвешенным в центре топкой, окаймленной пальмами лагуны. Внутренние стены храма и полуразрушенные колонны стоят среди базальтовых скал и рощ фиалковых деревьев; три черных круга храмовых оракулов блестели среди травянистых низин — здесь когда-то стоял алтарь. Ничто не может разрушить оракулов, даже те бешеные энергии, которые бушевали в битве за Из и позволили отвоевать его у мятежников. Оракулы лишь отчасти принадлежат материальному миру. Пандарас рассказал, что каждый Новый год в Черном Храме все еще бывают службы, и Йама заметил перед оракулами свежие цветы и подношения из фруктов. Хотя большинство аватар исчезло в Эпоху Мятежа, прихожане все еще приходили сюда со своими просьбами и мольбами.

У входа в бухту, которая окружает маленький островок с храмом, за неровными тонкими отмелями, где собирались стаи изящных длинноногих ибисов, на баржах, понтонах, плотах вовсю шумел Речной Рынок. На флагштоках развевались штандарты сотни кондотьеров, происходила сразу дюжина показательных дуэлей, каждую окружало плотное кольцо зрителей. В рядах продавали любые виды доспехов, у кузниц обливались потом голые кузнецы, ремонтируя и переделывая латы. Поставщики провианта превозносили качество и сохранность своих продуктов. Один торговец подбросил бутылку с водой и стал на ней прыгать, чтобы продемонстрировать прочность. Вновь завербованные рекруты сидели мрачными группами позади арены аукциона, большинство из них разглядывало свежие увечья. Галеры, пинассы, сторожевые катера стояли у берега, их мачты сверкали разноцветными флагами, трепещущими от порывов сильного горячего бриза.

Йама с жадностью вбирал в себя праздничную суету и шум, разглядывал пеструю смесь экзотических костюмов наемников и скромные жемчужно-серые формы солдат регулярной армии, вслушивался в звенящие звуки оружия дуэлянтов, ощущал запах раскаленного металла и пластика, долетающий из кузниц оружейников. Он желал увидеть все, что мог предложить город, осмотреть самые величественные храмы и самые скромные аллеи и дворики — и, главное, отыскать следы своей расы.

Он шел за Пандарасом по шаткому мостку между двумя плотами, и тут его кто-то окликнул. У него оборвалось сердце. Это оказалась та рыжеволосая женщина, что прошлым вечером ужинала с человеком, которого он убил. Когда она поняла, что он ее слышит, она снова крикнула и подняла над головой меч.

18. СУЩЕСТВО В СОСУДЕ

— Они твои по праву сильного, — сказала Тамора, рыжеволосая наемница. — Меч для тебя слишком длинный, но я знаю оружейника, который может его укоротить и сбалансировать так точно, что каждый поклянется, будто таким его выковали с самого начала. Панцирь и наголенники можно отрезать, и они тебе тоже подойдут, а обрезки продать. Оно того стоит. Старое оружие дорого, потому что оно самое лучшее, особенно пластиковое, ведь теперь никто не знает, как сделать этот пластик. Ты, может быть, думаешь, что панцирь на моей груди новый? Просто я отполировала его сегодня утром. Ему тысяча лет, не меньше. Но пусть он и лучше любого барахла, которое делают в наше время, все равно это просто сталь. А посмотри на эти наголенники, вот они действительно древние, я могла бы их забрать себе, но это несправедливо. Все и так говорят, что мы бродяги и воры, но хоть мы и не принадлежим ни к какому Департаменту, у нас есть свои традиции. Так что теперь они принадлежат тебе. Ты выиграл их по праву оружия. Можешь делать с ними что хочешь. Хоть в реку забрось, но это, конечно, будет хреново.

— Она хочет, чтобы ты подарил их ей в награду за то, что она отдала их тебе, — хмыкнул Пандарас.

— Я разговариваю с господином, а не с его шутом, — огрызнулась Тамора.

Пандарас принял величественную позу:

— Я его оруженосец.

— Я был дураком, — обратился к Таморе Йама, — из-за этого погиб твой друг. Я не могу забрать его вещи.

Тамора пожала плечами:

— Сиг вовсе не был моим другом, к тому же, на мой взгляд, он и сам порядочный идиот, раз позволил себя убить такому юнцу, как ты. Господи, да ты только что вылупился, небось и скорлупа еще не отстала.

Пандарас решил вмешаться:

— Господин! Если ты выбираешь эту карьеру, ты должен быть вооружен соответствующим образом. Как твой оруженосец, я тебе это настоятельно рекомендую.

— Оруженосец! Ха-ха! — Крепкими заостренными ногтями Тамора вскрыла раковину устрицы, высосала мякоть и вытерла рот тыльной стороной ладони. Рыжие волосы наемницы, крашеные, как показалось Йаме, были коротко острижены, только сзади они доставали до плеч. На ней были нагрудная пластина, юбочка из кожаных полос и кольчужная рубашка без рукавов, оставляющая открытыми сильные мускулистые руки. На рыжеватой коже ее предплечья виднелась татуировка: птица, сидящая на полыхающем огнем гнезде. Пламя выполнено красными чернилами, а сама птица, протягивающая крылья к пожирающему ее огню, — синими.

Они сидели в тени под зонтиком у столика одной из кофеен, на самом берегу, поблизости от дамбы, идущей к Черному Храму. Был самый полдень. Хозяин кофейни сидел под тентом у ящика со льдом и, прикрыв глаза, слушал доносящуюся из магнитофона под стулом длинную монотонную молитву.

Тамора прищурилась от слепящего серебристого света, сверкающего на влажных отмелях реки. У нее было маленькое, дикое, треугольное лицо, зеленые глаза и широкий рот до самых скул. Брови ее тянулись цельной кирпично-красной полосой, которая вдруг разошлась, и она сказала:

— У наемников не бывает оруженосцев, только у офицеров в регулярных войсках. И оруженосцев назначают из рядовых. Этот мальчишка присосался к тебе, как пиявка, Йама. Если хочешь, я его прогоню.

— Просто мы так шутим, — ответил Йама.

— Я действительно его оруженосец, — заявил Пандарас. — Мой господин благородного происхождения. Он достоин того, чтобы иметь целую свиту прислуги, но я настолько хорош, что ему хватает меня одного.

Йама рассмеялся.

Тамора сощурилась на Пандараса.

— Такие люди для меня все на одно лицо, как крысы под ногами, но могу поклясться, что ты — мальчишка-рассыльный из того гнусного трактира, где я сегодня ночевала. — Она обратилась теперь к Йаме. — Если бы я была более подозрительна, то решила бы, что тут какой-то заговор.

— Если заговор и был, то между твоим другом и хозяином трактира.

— Хе-хе! Я это подозревала. Если мне удастся пережить работу по теперешнему контракту, а нет никаких причин, чтобы не пережить, я, пожалуй, шепну пару слов этому мерзавцу. И не только слов. — Обычно лицо Таморы украшала угрюмая подозрительная гримаса, но когда она улыбалась, лицо ее оживало, как будто с него падала маска или из-за тучи вдруг появлялось

солнце. Вот и теперь она улыбнулась, словно радуясь мысли о возмездии. Верхние клыки у нее были длинными и острыми.

Йама сказал:

— Предательство не принесло ему дохода.

С застывшим лицом Пандарас лягнул его под столом.

Тамора заметила и сказала:

— Мне не нужны ваши гребаные деньги, иначе бы я их уже забрала. Как раз сейчас я взялась за новую работу, так что думай скорее, как ты распорядишься полученным по праву оружием. Как я уже сказала, ты можешь бросить его в реку или оставить мусорщикам, но это хорошая амуниция.

Йама поднял меч. Его широкое лезвие оказалось железным и сильно изъеденным, зазубренный край был острым как бритва, на рукоятке намотана бронзовая проволока, а пластиковая полоска эфеса — без всяких украшений, но сильно исцарапана. Он поднял меч к лицу, потом сделал несколько выпадов. Рана на руке под грубой повязкой сразу открылась, и Йама опустил меч. Никто из сидящих за столиками не взглянул на его пассы, хотя он надеялся, что его ловкость заметят.

— У меня есть нож, который мне хорошо служит, а этот меч для сильного, но не очень гибкого человека, которому впору рубить лес, а не сражаться. Лучше отдай его дровосеку, хотя, думаю, он предпочтет свой топор. Но доспехи я оставлю себе. Сама говоришь, старые латы самые лучшие.

— Ну что ж, по крайней мере ты хоть немного понимаешь в оружии, — ворчливо заметила Тамора. — Ты здесь потому, что хочешь наняться? Если так, то могу дать бесплатный совет. Приходи завтра пораньше. Лучшая работа бывает по утрам. Кондотьерам нравится солдат, который умеет рано вставать.

— Мне хотелось посмотреть пару дуэлей, — сказал Йама.

— Ха-ха. Показательные бои между натертыми маслом откормленными дебилами, которые не продержатся и минуты в настоящем сражении. Неужели ты думаешь, что с этими чертовыми еретиками мы деремся мечами? Такие бои привлекают людей, которые иначе бы не пришли, и все. Они напиваются с сержантами-вербовщиками. И на следующий день очухиваются уже зачисленными в армию. Со вкусом похмелья и присяги во рту, будто проглотили железное пенни.

— Я пока не собираюсь вступать в армию. Может, в конце концов я стану ополченцем, но не сейчас.

— Он ищет свою семью, — вмешался Пандарас.

Теперь наступила очередь Йамы толкать своего товарища под столом. Стол был жестяной с бамбуковой стойкой и бумажным зонтом.

Йама сказал:

— Я ищу некоторые записи в одной из библиотек Департамента.

Тамора проглотила последнюю устрицу и икнула:

— Тогда запишись в Департамент. А еще лучше чертовым архивистом. Через десять лет ученичества тебя могут послать во Дворец Человеческой Памяти, но скорее всего пошлют слушать истории преображенных жаб, торчащих в какой-нибудь грязной дыре. Но все равно это надежнее, чем пытаться втереться к ним в доверие. Это очень молчаливая публика, а кроме того, если кого-то из них уличат, что он выдает секреты, его казнят на месте. Такое же наказание и для того, кто склонил его к предательству. Записи — это все, что осталось от мертвых, их будут хранить до дня воскрешения после Страшного Суда. Даже посмотреть на них не так, как положено, и то считается серьезным преступлением.

— В Пуранах говорится, что Хранителям не нужны архивы, ибо в конце времен возникает бесконечное количество энергии. В последний миг, когда будет сворачиваться Вселенная, возможно всё, и все, кто когда-либо жил или мог жить, воскреснут и будут жить вечно в бесконечном сегодня. Кроме того, записи, которые я ищу, находятся не во Дворце Человеческой Памяти, а в Департаменте Аптекарей и Хирургов.

— Это в общем-то одно и то же. Просто он на крыше, а не внутри.

— Видишь, и я тебе это говорил, господин, — сказал Пандарас. — Не нужна она тебе, я все это знаю.

Демонстративно игнорируя слова Пандараса, Тамора продолжала:

— Их материалы тоже охраняют архивисты. Если ты не костоправ, то можешь об этом забыть. Во всех Департаментах порядки одни и те же. Правда — штука дорогая, и сохранить ее в чистоте нелегко, поэтому добраться до нее без нужного разрешения — дело опасное, — Тамора улыбнулась, — но это не значит, что добраться совсем нельзя.

— Она забрасывает приманку, будь осторожен, господин, — вмешался Пандарас.

Йама обратился к Таморе:

— Скажи мне вот что. Ты воевала с еретиками, по крайней мере твоя татуировка говорит об этом. Видела ли ты во время своих путешествий кого-нибудь — мужчину или женщину, — похожего на меня, человека моей расы?

— Я участвовала в двух кампаниях, и в последней получила такое серьезное ранение, что потом целый год не могла оправиться. Когда я стану совсем здорова, я снова пойду на войну. За это платят лучше, чем за работу телохранителя или за случайные заказы, ну и почета больше. Хотя когда ты там, на войне, про почет и не вспоминаешь. Нет, я не видела никого, похоже-

го на тебя. В Слиянии десять тысяч рас, не считая диких горных племен, которые едва отличаются от животных.

— Видишь теперь, как трудно мне будет искать, — сказал Йама.

Тамора улыбнулась. Казалось, лицо ее раскололось на две половинки.

— Сколько ты заплатишь?

— Все, что у меня есть. Утром я разменял два золотых реала на мелкую монету, они твои, если ты мне поможешь.

Пандарас присвистнул и поднял глаза к небу.

— Ха, не так много, если на другой чаше весов смерть.

Йама спросил:

— Архивы охраняются людьми или машинами?

— Ну в основном, конечно, машинами. Я уже говорила, что архивы любого Департамента имеют важное значение. Даже самый бедный Департамент хорошо охраняет свои архивы, часто это единственное, что у них осталось.

— Ну что же, все может оказаться значительно лучше, чем ты думаешь.

Тамора уставилась на Йаму. Он встретил светящийся взгляд ее зеленых глаз и на мгновение весь мир перестал существовать. У нее были вертикальные узкие зрачки, окруженные плотным облаком золотистых точек, которые к периферии превращались в медь. Йаме почудилось, что он тонет в этом золотисто-зеленом взгляде, как неудачливый рыбарь может утонуть в половодье Великой Реки. От подобного взгляда замирает сердце, так хищник смотрит на свою жертву. Издалека донесся голос Таморы:

— Прежде чем я возьмусь тебе помогать, если, конечно, возьмусь, я должна тебя испытать.

Словно в тумане Йама спросил:

— Как?

— Не доверяй ей, — крикнул Пандарас, — если бы ей и правда нужна была эта работа, она потребовала бы все твои деньги. Таких, как она, полным-полно. Швырни камень, и попадешь по крайней мере в двоих.

Тамора сказала:

— В каком-то смысле ты — мой должник.

Йама все еще смотрел в ее глаза. Он произнес:

— Думаю, Сиг был твоим напарником. Теперь я понимаю, зачем ты сюда пришла. Ты искала не меня, а замену. Ну, и что я должен делать?

Тамора указала себе за спину. Он обернулся и увидел черный купол космического катера с серебристым наконечником, который возвышался над фиалковыми деревьями на острове Черного Храма. Наемница объяснила:

— Нужно доставить на борт дезертировавшего звездного матроса.

* * *

Им удалось продать меч оружейнику значительно дороже, чем рассчитывал Йама. Этот же мастер взялся укоротить броню и подогнать наголенники. Тамора настояла, чтобы Йама показал свою рану одному из лекарей, которые держали заведение недалеко от дуэльной арены, и пока рану у него на предплечье аккуратно зашивали, мазали синим гелем и тщательно перевязывали, Йама наблюдал, как двое бойцов сражаются цепными пилами («Ярмарочный фокус», — фыркнула Тамора). Лекарь сказал, что неглубокий порез на ладони у Йамы заживет сам, но Тамора все равно заставила его перевязать, заявив, что повязка поможет Йаме крепче держать нож. Она купила и Пандарасу нож с длинным тонким круглым лезвием и гардой, украшенной орнаментом из хризантем.

— С таким хорошо нападать в темноте, — сказала Тамора, — если ты, крысенок, встанешь на цыпочки, то, может, дотянешься до какого-нибудь важного органа.

Пандарас согнул лезвие ножа своими нелепыми когтистыми пальцами, лизнул его длинным розовым языком, потом сунул за пояс. Йама сказал ему:

— Ты вовсе не обязан идти со мной. Я убил человека, который должен был ей помочь. Если я займу его место, это будет только справедливо. Но ты идти не обязан.

— Хорошо сказано, — буркнула Тамора.

Пандарас показал свои мелкие острые зубы:

— Кто другой станет охранять тебя с тыла, господин? К тому же я никогда не был на таком корабле.

Один из охранников проводил их через гавань к космическому кораблю. Кругом валялись кабели и провода, словно клубки греющихся на солнце змей. В палящем зное у корабля трудились почти голые рабочие, они лебедкой поднимали полую трубу к зияющему в темном корпусе отверстию. Обычные мостки из полотна и бамбука вели вверх к небольшому входному люку.

Следуя по мосткам за Таморой, Йама нырнул в отверстие и явственно почувствовал, как по его коже прошлась упругая волна. Внутри проход сворачивал влево и поднимался, изгибаясь, вверх, так что конца его не было видно. Йама решил, что он идет спиралью внутри катера, как след червяка в яблоке. Круглый в сечении, катер был освещен мягким рассеянным светом, который, казалось, висел в воздухе, словно дым. Снаружи черный корпус нагревался от палящего солнца, но внутри было прохладно, как в горном саду кураторов Города Мертвых.

Внутри ждал охранник, коротенький коренастый мужчина с мягким выражением лица и широкой сгорбленной спиной. Наголо бритая голова была сплошь покрыта уродливыми

красными шрамами. На нем была куртка со множеством карманов и свободные брюки, казалось, что он не вооружен. Он объяснил им, что следует держаться середины прохода, ни до чего не дотрагиваться и не отвечать голосам, которые могут к ним обратиться.

— Я здесь уже была, — сказала Тамора.

В заливающем коридор красном свете и холодном воздухе она выглядела мягче и покорней.

— Я тебя помню, — ответил охранник, — и еще я помню человека с одним глазом, а этих твоих компаньонов не помню.

— Тот мой партнер попал в неожиданную переделку, но я пришла, как и обещала, а за этих двоих я ручаюсь. Пошли. Здесь у вас как в гробнице.

— Катер старше любой гробницы.

Они поднялись еще по двум виткам коридора. Группы разноцветных огней беспорядочно висели в черном веществе, окутывающем стены, потолок и пол. Пол мягко пружинил под башмаками Йамы, а залитый красным светом воздух едва заметно вибрировал на такой низкой частоте, что Йама чувствовал это скорее костями, чем глазами и ушами.

Охранник остановился, нажал ладонью на стену, и чернота раздвинулась и со скрипом отступила. Сквозь отверстие лился обычный свет, оно выходило в комнату шириной не более двадцати шагов, которую опоясывала узкая полоса окна, одной стороной выходившего на скопище городских крыш, а другой — на сверкающую ширь Великой Реки. С потолка свисали созвездия разноцветных огней, напоминая сталактиты в пещере, а между ними висела бутылка из очень толстого стекла, в которой виднелся какой-то красный цветок, плавающий в густой жидкости.

Йама шепнул Таморе:

— Где капитан?

Ему случилось прочесть несколько старых романов в библиотеке замка эдила, и в воображении он представлял высокого стройного человека в старой и несколько архаичной униформе с острым взглядом блестящих глаз, устремленных в невообразимые глубины межзвездных расстояний, и кожей, обгоревшей под бешеным светом иных солнц.

Пандарас хихикнул, но замолчал, как только на него зыркнул охранник.

Тот объяснил:

— У нас нет капитана, только если команда выберет, но с вами будет говорить пилот этого корабля.

Тамора спросила:

— Тот же, с которым я говорила два дня назад?

— Какое это имеет значение, — ответил охранник. Он вытащил из кармана золотой обруч и натянул себе на голо-

ву. Тело его сразу застыло, оба глаза замигали, каждый в своем ритме, рот раскрылся и снова закрылся.

Тамора шагнула к нему и спросила:

— Ты знаешь меня?

Челюсть охранника отвисла, между его губ висела слюна. Язык извивался во рту, как раненая змея, охранник с шипением выдохнул воздух и медленно произнес:

— Д-д-да-а.

Пандарас толкнул Йаму и показал скрюченным пальцем на цветок в бутылке.

— Это и есть звездный матрос, — прошептал он. — Это он говорит через охранника.

Йама вгляделся в существо за стеклом бутылки. То, что он сначала принял за лепестки какого-то экзотического цветка, на самом деле было дольками покрова, обвивающего сердцевину, сотканную из розовых и серых нитей. Невесомые жабры, густо пронизанные красными кровеносными сосудами, медленно колыхались, плавая в густой жидкости. Все это немного напоминало кальмара, но вместо щупальцев существо имело белые ветвящиеся волокна, исчезающие на дне бутыли.

Пандарас опять зашептал:

— Ничего нет, только нервная система, поэтому ему и нужны марионетки.

Охранник дернул головой и уставился на Йаму и Пандараса. Глаза его больше не мигали в разных ритмах, однако зрачок левого глаза был значительно больше правого. С очевидным усилием, будто проталкивая слова сквозь камни, которыми набит его рот, охранник произнес:

— Ты говорила, что приведешь с собой только одного.

Тамора ответила:

— Да, того, что повыше, а он взял с собой... слугу.

Пандарас шагнул вперед и отвесил глубокий поклон.

— Я оруженосец Йамы. Он великий мастер воинского дела. Только этой ночью он убил очень опытного бойца, к тому же лучше вооруженного, когда тот хотел во сне его ограбить.

Звездный матрос произнес через свою марионетку:

— Давно уж я не встречал людей этой расы. Ты сделала правильный выбор. У него есть способности, которые тебе понадобятся.

Пораженный до самого мозга костей, Йама смотрел на странное создание в бутыли.

Тамора спросила:

— Неужели правда?

— Я провел сканирование, как только вы ступили на борт. Вот этот, — охранник стукнул себя ладонью по гру-

ди, — составит контракт в соответствии с местными обычаями. Лучше всего доставить все тело, но если оно окажется сильно повреждено, тогда принесите образец ткани. Хватит кусочка размером с мизинец. Ты должна помнить, что я тебе говорил.

Йама воскликнул:

— Постой! Ты знаешь мою расу?

Тамора не обратила на него внимания. Она закрыла глаза и стала механически повторять:

— Он находится в области спины. Тело не должно иметь следов пребывания в нем другого существа. По возможности сжечь. — Она открыла глаза. — А если нас поймают? Что нам сказать магистраторам?

— Если вас поймает ваша предполагаемая жертва, то до беседы с магистратором вы не доживете.

— Он догадается, что нас послал ты.

— И пошлем других, если вы попадетесь. Но думаю, этого не произойдет.

— Ты знаешь мою расу, — снова повторил Йама, — откуда ты знаешь мою расу?

Пандарас заметил:

— Видно, мы не первые, кто берется за это дело, а?

Тамора ответила:

— Одна попытка уже была. Она не удалась. Вот почему за это так хорошо платят.

Охранник сказал:

— Если получится.

— Ха, сам говоришь, что со мной чудотворец. Ясно, что все получится.

Охранник потянулся к обручу на своей голове. Йама выкрикнул:

— Нет! Сначала скажи, откуда ты знаешь мою расу?

Голова охранника снова дернулась:

— Мы считали, что вы все мертвы, — проговорил он и снял с головы обруч. Он упал на колени и выплюнул лужицу желчи, которая тут же растаяла на черном полу, потом поднялся на ноги и вытер рот рукавом своей туники. Обычным голосом он спросил:

— Ну что, договорились?

Тамора ответила:

— Ты должен составить контракт, мы приложим к нему пальцы.

— Это все сделаем снаружи, — сказал охранник.

Йама вмешался:

— Он знает, кто я! Я должен с ним поговорить!

Охранник встал между Йамой и бутылью со звездным матросом и проговорил:

— Может быть, когда вы вернетесь.

— Нам надо отправляться прямо сейчас, — бросила Тамора, — до места идти и идти.

Открылся входной люк. Йама обернулся к звездному матросу и пообещал:

— Я вернусь со множеством вопросов.

19. ИАКИМО

Когда гигантский охранник в третий раз прошел мимо ворот, Тамора сказала:

— Каждые четыреста секунд. По нему часы проверять можно.

Она лежала рядом с Пандарасом и Йамой в тени ветвей густых колючих кустов, вне пределов досягаемости пронзительно белого света целой батареи электрических газоразрядных ламп, укрепленных над стеной. Воротами служила квадратная решетка из стальных полос, врезанная в высокую стену из расплавленной и до блеска отполированной скалы. Стена уходила с обеих сторон в темноту, широкая лента голой песчаной почвы отделяла ее от сухого кустарника.

Йама прошептал:

— Все же я думаю, лучше перебраться через стену где-нибудь в другом месте. Не могут они охранять весь периметр так же тщательно, как ворота.

— Ворота охраняют сильнее всего, потому что это самое слабое место стены, — ответила Тамора. — Вот мы и пойдем через них. Охранник всего-навсего человек. Конечно, он так не выглядит, но он человек. Он решает, кого впустить, а кого — нет. Во всех остальных местах охрану несут машины или собаки. Они убивают, не думая, и так быстро, что ты и понять ничего не успеешь, как окажешься в руках Хранителей. Послушай, когда охранник пройдет в следующий раз, я влезу на стену, убью его, открою ворота и впущу тебя.

— А если он поднимет тревогу?

— У него не будет времени, — оскалилась Тамора.

— Зубы не помогут против доспехов, — возразил Пандарас.

— Они откусят тебе голову, если ты не проглотишь свой язык. Заткнись. Это работа для воинов.

Все трое устали и чувствовали себя на пределе. Дорога от реки оказалась очень неблизкой. Правда, основную часть пути они проехали на общественном транспорте, но последние три лиги пришлось идти пешком. Поместье торговца располагалось на вершине одного из холмов, которые тянулись длинной це-

пью к городскому водохранилищу. Их соединяли поросшие кустарником крутые гребни, издалека напоминающие кривые зубы. Еще столетие назад эти холмы были частью города. Когда Тамора, Йама и Пандарас пробирались через сухой и ломкий сосновый лес, они то и дело натыкались на древнюю мостовую и остатки зданий по обе ее стороны. Тут, в лесу, они отдохнули до захода солнца. Йама и Пандарас съели булочки с изюмом, которые купили еще днем, а Тамора беспокойно бродила в развалинах и по-волчьи грызла полоски сухого мяса, срубая на ходу отцветшие пушистые головки кипрея своей рапирой.

Торговец, которому принадлежало имение, был звездным матросом. Он дезертировал с корабля, когда тот в последний раз находился у границ Слияния около сорока лет назад. Используя фантастические технологии, которые запрещалось применять за бортом космического корабля, он сумел нажить огромное состояние. За одно это, не считая дезертирства, товарищи приговорили его к смертной казни, но вне корабля они не имели юридической власти, так что закон, который так свободно нарушал сам купец, не позволял им воспользоваться своими необычными возможностями для его поимки.

Тамора была вторым наемником, нанятым для исполнения приговора. Первый не вернулся, скорее всего он был убит охраной. Йама подумал было, что такое обстоятельство ставит их в невыгодное положение, так как торговец будет ожидать повторного нападения, однако Тамора сказала, что это не имеет значения.

— Он все время ждет этого, с самого момента, когда сюда вернулся его корабль. Потому он и поселился в этом поместье. Оно лучше защищено, чем его имение в городе. Нам повезло, что нет патрулей с внешней стороны.

На самом деле Йама попросил несколько машин не обращать на них внимания, еще когда они поднимались по сосновому склону, но он не стал сообщать об этом. Он понимал, что умение сделать нечто невозможное с точки зрения других людей является его преимуществом. Он уже обязан жизнью этой своей способности, а для него выгодней, если Тамора будет считать, что он убил одноглазого наемника, победив его силой оружия, а не каким-то трюком.

Сейчас, скорчившись между Таморой и Пандарасом, Йама ощущал присутствие за стеной других машин, но расстояние слишком велико, он не мог даже посчитать их, не говоря о том, чтобы повлиять. Во рту у него пересохло, а руки постоянно дрожали. Все его приключения с Тельмоном оказались детскими играми, которые никак не могли подготовить его к реальным опасностям. Его предложение одолеть стену было продиктовано как желанием представить альтернативную стратегию, так и неосознанной надеждой отодвинуть неизбежное.

Пандарас сказал:

— У меня есть идея. Господин, одолжи мне свой ранец и ту книгу, которую ты читал.

Тамора возмущенно прошипела:

— Делай, что я говорю. Не больше и не меньше.

— Я могу заставить охранника открыть мне ворота, — сказал Пандарас, — или ты предпочитаешь ломать зубы о стальные брусья?

— Если ты настаиваешь на атаке через ворота, — обратился к Таморе Йама, опустошая свой ранец, — то стоит по крайней мере выслушать его идею.

— Ха! Настаиваю? Да я просто приказываю вам, что надо делать, и вы делаете. Никакой демократии. Подожди!

Но Пандарас встал и, повесив на шею ранец, вышел на самую середину асфальтовой дороги, что вела к воротам. Тамора зашипела от бессилия, когда мальчишка появился в ярком свете газоразрядных ламп, а Йама прошептал ей:

— Он умнее, чем ты думаешь.

— Дурак или умный, через минуту он умрет.

Пандарас застучал в ворота. Где-то вдалеке зазвучал колокольчик, собачий лай стал ближе. Йама спросил:

— Ты знала, что там будут собаки?

— Ха, собаки — это ерунда. Убить собаку — плевое дело.

Йама был в этом совсем не уверен. Любой из сторожевых псов замка мог с легкостью свалить быка, зажав своими мощными челюстями трахею жертвы и не давая, таким образом, ей вздохнуть, а, судя по яростной громкости лая, за воротами находилось не менее дюжины собак.

С внутренней стороны ворот появился охранник. В тяжелых доспехах алого кровавого цвета, он возвышался над Пандарасом словно гора, превосходя его в росте больше чем в два раза. Красные глаза, как два уголька, тускло светились под козырьком поблескивающего шлема. Энергопистолеты, укрепленные на его плечах, уткнули свои морды в Пандараса. Голос охранника басом загремел через усилитель, эхом отзываясь в арке ворот.

Пандарас застыл, не сходя с места. Он снял ранец, открыл его и показал охраннику, затем вынул книгу и пробежал пальцами по страницам преувеличенно четкими жестами. Охранник протянул сквозь стальные брусья решетки нечеловечески длинную руку, но Пандарас отпрыгнул, сунул книгу обратно в ранец, сложил руки и выразительно покачал головой.

Охранник что-то глухо забубнил, будто совещаясь сам с собой, затем красные точки в его глазах вспыхнули ярче, из них вырвался луч нестерпимо красного цвета и пробежал по телу Пандараса с головы до ног. Мигнув, красный свет погас, раздался

щелчок и в воротах появилась щель, в нее тут же проскользнул Пандарас. Ворота захлопнулись, и он двинулся вслед за необычайно высоким охранником в тень.

— А он не трус, твой дурачок, — буркнула Тамора, — но он еще глупее, чем я думала.

— Давай подождем и посмотрим, — остановил ее Йама, хотя сам не особенно верил, что мальчик-слуга может что-нибудь сделать с вооруженным гигантом. Он удивился не меньше Таморы, когда через несколько минут снова залаяли собаки, лязгнули и открылись ворота, в проеме появился Пандарас и махнул им рукой.

Гигантский охранник лежал ничком на дороге недалеко от ворот. Шлем его сбился набок, а одна рука вывернулась назад, как будто он что-то искал у себя на спине. Йама сразу понял, что охранник мертв, но он чувствовал в глубине его черепа всполохи машинного интеллекта, словно там все еще оставалось нечто живое, в бешеном бессилии глядящее сквозь глазницы хозяина.

Удовлетворенно хохотнув, Пандарас вернул Йаме ранец, и он убрал туда свои вещи. Тамора пнула ногой алую кирасу охранника и повернулась к Пандарасу.

— Потом расскажешь, как ты это сделал, — проворчала она, — а сейчас надо управиться с собаками, тебе повезло, что он не успел их натравить.

Пандарас уставился на нее с невинным видом:

— На такого безвредного парня?

— Не умничай.

— Оставьте собак мне, — вмешался Йама.

— Тогда поторопись, — посоветовал Пандарас. — Прежде чем я его убил, он послал за кем-то, чтобы проводить меня в дом.

Собаки бешено лаяли, им отвечали другие из дальних углов поместья. Слева от ворот Йама нашел в основании стены будку. Несколько собачьих морд с такой яростью прижимались к решетчатой дверце, что их наголовники и машины, встроенные в плечевые суставы, высекали искры из железных перекладин. Заходясь от злобы, они выли, визжали, гавкали. Йаме понадобилось несколько минут, чтобы успокоить собак, а потом уговорить сообщить остальным, что все в порядке.

— Засыпайте, — сказал он собакам, как только они передали сообщение, а потом бросился обратно к дороге.

Тамора и Пандарас закатили охранника в узорчатую тень кустов фории у самой дороги, Тамора вынула тяжелые пистолеты из гнезд на плечах охранника. Один она отдала Йаме и показала, как надо одновременно нажать две контактные пластины, чтобы открыть огонь.

— Один из них должен достаться мне, — вмешался Пандарас, — по праву оружия.

Тамора оскалила зубы:

— Ты убил человека в полном комплекте энергетических доспехов, в два раза выше тебя и вооруженного двумя пистолетами. Думаю, что и с финкой, которую я тебе дала раньше, ты достаточно опасный тип. Идите за мной, если сможете.

Она бросилась в кусты, а Йама и Пандарас побежали за ней, отводя ветви, усыпанные белыми восковыми цветами. Тамора и Пандарас быстро обогнали Йаму, но Пандарас не смог долго поддерживать первоначальный темп, и скоро Йама с ним поравнялся. Мальчик оперся на ствол коркового дуба, глядя на расстилающуюся перед ними темную лужайку и пытаясь восстановить дыхание.

— Ей кровь ударила в голову, — сказал Пандарас, когда отдышался и смог говорить. — Нет смысла за ней гнаться.

С дальней стороны широкого газона за деревьями Йама увидел цепочку огней. Он двинулся в том направлении, а Пандарас трусил рядом.

Наконец Йама решился задать вопрос:

— Ты не расскажешь мне, как ты убил охранника? Мне ведь тоже может понадобиться такой прием.

— А как ты успокоил сторожевых псов?

— Ты всегда отвечаешь вопросом на вопрос?

— У нас говорят, что человек есть то, что знает. Никогда не следует разбрасываться своим знанием, иначе чужаки разберут тебя по кусочкам.

— Я смотрю, в этом городе ничего не дается бесплатно.

— Только Хранителям ведомо все, господин. Остальные должны за информацию платить или ее выменивать. Как ты успокоил собак?

— Дома у нас такие же собаки. Я знаю, как с ними разговаривать.

— Может, ты научишь меня этой штуке, когда у нас будет время?

— Я не уверен, что получится, Пандарас, но думаю, что можно попробовать. Как ты прошел в ворота и убил охранника?

— Я показал ему твою книгу. Я видел, как ты ее читал, когда мы отдыхали в развалинах. Она очень старая, а значит, и очень ценная. Мой бывший хозяин, — Пандарас сплюнул на скошенную траву, — и этот тупой наемник, которого ты убил, взяли бы золотые реалы, но оставили книгу, но семья моей матери торгует книгами, и я немного в них понимаю. Достаточно, чтобы определить: она дороже денег. Через охранника я поговорил с кем-то в доме, и они решили меня впустить. Богачи часто собирают книги. В них сила.

— Из-за знаний, которые в них содержатся.

— Ты правильно понимаешь. А что касается охранника, то никакого трюка там нет. Я тебе расскажу, как я это

сделал, прямо сейчас, господин, а ты мне расскажешь позже. Охранник выглядел гигантом, но на самом деле это обычный человек в латах. Без энергии он не мог сделать и шагу, а с энергией мог перекинуть через плечо лошадь и при этом догнать оленя. Я прыгнул ему на спину, туда, где он не мог меня достать, и вырвал кабели питания мускулов в его доспехах. Потом я воткнул нож в отверстие, куда входит кабель, и проткнул ему позвоночный столб. Этому трюку меня научил сводный брат. Семья третьего мужа моей матери работает в литейне по переплавке старых лат. Я помогал им, когда был совсем маленьким. Именно там и узнаешь обо всех слабых местах: они там, где чаще всего требуется ремонт. Нельзя ли нам идти помедленней?

— Где его дом, Пандарас?

— Этот человек богат, но он не принадлежит к старым торговым фамилиям, которые владеют поместьями выше по течению в городе. Поэтому у него есть городской участок с домом вблизи доков, где он занимается своим бизнесом, и еще это имение среди холмов на границе города. Поэтому стена такая высокая и прочная и столько охраны. Все они тут опасаются банд воров и грабителей и вооружают своих людей, как будто на битву с целой когортой.

Йама кивнул:

— Здесь такая дикая местность. А ведь раньше, наверное, она была частью города.

— Здесь никто не живет. Я имею в виду, никто из важных людей. Грабители приходят сюда из города.

— Значит, закон здесь слабее, а?

— Суровее, господин, если ты с ним не поладишь. Богатые устанавливают собственные законы. Для обычных людей магистраторы решают, что правильно, а что — нет. А там, откуда ты прибыл, разве не так?

Йама вспомнил об эдиле и милиции и сказал:

— В какой-то степени так, конечно. Значит, дом может быть укреплен. Проникать туда силой оружия — не самый лучший способ.

— Укреплен и замаскирован. Теперь такая мода. Мы можем бродить тут целый день и так и не найти его. Те огни — это скорее всего дом для слуг или помещение для охраны.

Пандарас остановился, чтобы отцепить край рукава своей рубахи от колючей ветки куста.

— Если хочешь знать, то я считаю, что все эти зеленые насаждения — тоже часть декорации.

Йама вдруг произнес:

— Смотри, здесь тропинка! Может быть, она приведет нас к дому?

— Если бы это было так просто, мы все были бы богачами и имели собственные виллы, а? Скорее всего она ведет к яме с кайманами или змеями.

— Однако по ней кто-то идет. Вон, смотри!

Йама отдал пистолет Пандарасу. Он был таким тяжелым, что мальчишке пришлось держать его обеими руками.

— Подожди! — крикнул он. — Ты не можешь...

Но Йама уже бежал на звук шагов, вдохновленный внезапно нахлынувшей волной уверенности. Лучше действовать, чем прятаться, решил он и в этот момент понял, почему Тамора так бездумно бросилась вперед. На бегу он вынул из ранца книгу и, когда огни приблизились к нему из темноты, остановился и поднял ее над головой. Над ним с жужжанием повисли три машины и залили его потоком яркого белого света. Сквозь это сияние Йама, прищурившись, увидел трех всадников, показавшихся в самом конце дороги.

Два охранника в пластиковых латах, сдерживая своих гарцующих лошадей, направляли на него легкие пики. Третьим был старик на сером скакуне, в простой серой тунике, с длинными светлыми волосами, которые он зачесал назад, оставляя открытым узкое лезвие своего лица. Его желтая очень гладкая кожа туго обтягивала скулы и высокий шишковатый лоб.

Йама повыше поднял свою книгу. Старик со светлыми волосами спросил:

— Почему ты не стал ждать у ворот?

— На охранника напали, я испугался и убежал. За мной все время охотятся воры. С тех пор как я приехал в этот город. Прошлой ночью мне пришлось убить человека, который хотел меня ограбить.

Старик дернул поводья, и его лошадь бочком подошла к Йаме, он нагнулся, чтобы рассмотреть книгу, и сказал:

— Я вполне понимаю, почему кто-то мог решиться ее похитить.

— Мне говорили, что она очень ценная.

— Ну разумеется. — Целую минуту старик в упор разглядывал Йаму. Оба охранника смотрели на старика, хотя копья их все еще были направлены на Йаму, который неподвижно стоял в лучах света от трех машин. Наконец старик спросил:

— Откуда ты, мальчик?

— С низовий.

Он знает? А если знает он, то кто еще?

— Ты ведь был среди гробниц, правда?

— Ты очень мудр, господин.

Возможно, эдил знал. Потому и хотел похоронить его в серых канцелярских коридорах, подальше от любопытных

глаз. А если знал эдил, значит, и префект Корин тоже должен знать.

Один из охранников процедил:

— Заберите у него книгу, а с ним мы разберемся. Его никто не хватится.

— Я позволил ему войти, — возразил старик. — Хоть он и должен был дожидаться нас у ворот, я все равно несу за него ответственность. Мальчик, где ты взял эту книгу? В одной из древних гробниц ниже по течению? Ты нашел там еще что-нибудь?

Прежде чем Йама успел ответить, один из охранников буркнул:

— Он выглядит, как бледнолицый мародер.

Светловолосый поднял руку. У него были очень длинные пальцы с заостренными черными ногтями.

— Дело не только в книге. Меня интересует сам мальчик.

Первый охранник заметил:

— У него в ранце энергетический нож.

— Наверняка тоже добыча. Ты ведь не станешь им пользоваться здесь, правда, мальчик?

— Я пришел не затем, чтобы тебя убить, — ответил Йама.

Второй охранник хмыкнул:

— Для тебя он уже слишком взрослый, Иакимо.

— Заткнись, — с приятной улыбкой произнес светловолосый старик Иакимо, — иначе я изрежу на куски твой язык и съем его на твоих глазах. — Он повернулся к Йаме. — Они подчиняются мне потому, что знают, я не бросаюсь пустыми угрозами. Верность не купишь, как бы нам этого ни хотелось. Ее можно завоевать страхом или любовью. Я полагаю, страх более эффективен.

Второй охранник сказал:

— Надо проверить ворота.

— Но собаки не подняли тревогу и привратник — тоже, — возразил Иакимо.

Первый охранник заметил:

— Но этот парень спокойно здесь шляется. Могут быть и другие.

— Ну хорошо, — согласился Иакимо, — только быстро.

Он спрыгнул со своего коня и бросил Йаме:

— Ты пойдешь со мной, мальчик.

Они перешли дорогу и углубились в сосновую аллею.

Иакимо спросил:

— Эта книга из Города Мертвых? Говори правду. Я знаю, когда мне лгут, и я не стану терпеть увертки.

Йама в этом и не сомневался, но про себя подумал, что Иакимо относится к тому сорту людей, которые слишком уверены в своей проницательности, и потому с презрением относятся к окружающим, не уделяя им должного внимания. В ответ он сказал:

— Она не из Города Мертвых, господин, но из места неподалеку оттуда.

— Хм, насколько я помню, дом, занимаемый эдилом Эолиса, имеет очень обширную библиотеку. — Иакимо повернулся, посмотрел на Йаму и улыбнулся. — Вижу, я попал в самую точку. Ну ладно, сомневаюсь, чтобы эдил хватился ее. Эта библиотека — скопище всяческой макулатуры, но как говорят рыбари тех мест: иногда промыслом Хранителей в грязи рождаются рубины. Чушь, разумеется, но доля правды здесь есть. В данном случае рыбари имеют дело с жемчугом, который зарождается, когда в раковины некоторых моллюсков попадает песчинка и ее обволакивают слои выделяемых организмом секретов, чтобы компенсировать раздражение. Эти слои слизи затвердевают и становятся черным и красным жемчугом, столь любимым дамами и господами высших слоев общества, которые и понятия не имеют о низменной природе происхождения своих драгоценностей. Твоя книга — это, без сомнения, перл. Я понял это сразу, как только ее увидел, впрочем, я не думаю, что именно ты показывал ее у ворот.

— Это был мой друг. Но он испугался и убежал.

— Охранники его поймают. Или собаки, если ему не повезет.

— Он всего лишь слуга из трактира на берегу. Я с ним подружился.

— Полагаю, он надеется извлечь пользу из этой дружбы, — бросил Иакимо, потом вдруг остановился, обернулся и стал смотреть на дорогу, по которой они пришли.

Через мгновение тьму прорезал яркий белый луч, осветивший далекую цепочку деревьев. Йама почувствовал, как под ногами дрогнула земля, по парку прокатился громоподобный треск.

Иакимо схватил Йаму за плечи и толкнул вперед.

— Если не ошибаюсь, это один из пистолетов на латах привратника. А я никогда не ошибаюсь. Полагаю, твоего друга уже обнаружили. И не думай сбежать, мой мальчик, иначе тебя ожидает такая же участь.

Йама не сопротивлялся. И Тамора, и Пандарас имели пистолеты, взятые у привратника, а Иакимо все еще не знал, что тот убит. Кроме того, его вели как раз в то место, которое остальные еще только искали.

Йама и Иакимо спустились в узкий проход, вырубленный между отвесными скалами, стены которого украшали папоротник и орхидеи. Еще одна вспышка света озарила клочок неба у них над головой. Со стен покатилась галька, сдвинутая с места взрывной волной. Иакимо сильнее вцепился в плечо Йамы и подтолкнул его вперед.

— Дело заняло больше времени, чем я полагал. Это мне не нравится, — пробормотал он.

— Вы командуете охраной? Кажется, они действуют не очень эффективно.

— Я командую всем поместьем. Не думай, что я вышел к воротам из-за тебя. Это из-за книги. Но я убедился, что ты и сам редкая штука. Из этого можно извлечь пользу.

Йама решительно спросил:

— Что вам известно о моей расе? Вы ведь ее узнали, потому и велели не убивать меня.

— Думаю, что сам ты знаешь меньше, чем я. Едва ли тебе что-то известно о твоих родителях.

— Только то, что моя мать умерла.

Серебристая женщина в белой лодке. Старый констебль Тау говорил, что он оторвал Йаму от ее мертвой груди, но когда Йама был маленьким, он мечтал, что она не умерла, а только очень крепко заснула и теперь ищет его в лабиринтах гробниц вокруг Эолиса. Иногда он и сам там ее искал... и теперь все еще ищет.

Иакимо сказал:

— Разумеется, умерла. Умерла много веков назад. Ты, видимо, представитель первого поколения, возрожденного по законсервированной матрице.

Узкий проход привел во дворик, тускло освещенный рассеянным светом плавающих над головой фонариков, которые, словно искры костра, висели в воздухе. Плиточный пол был тесно уставлен статуями людей и животных в самых причудливых позах. Иакимо потащил Йаму дальше. Йама с ужасом заметил, что статуи шевелились и вздрагивали, отчего возникали фонтанчики пыли и сухой запах электрического разряда. Некоторые открывали глаза, поворачивая их следом за Йамой, но глазницы оставались просто сухим белым мрамором.

Иакимо шепнул Йаме на ухо:

— С тобой может случиться кое-что похуже, чем возвращение в матрицу. Ты меня понимаешь?

Йама подумал о ноже. О том, что может сложиться ситуация, когда милосерднее использовать его против себя, а не против своих врагов.

— Ты ведешь меня к своему хозяину? — спросил он.

— Он хочет увидеть только книгу. Ты будешь сюрпризом. Посмотрим, что выйдет, а после поговорим.

Иакимо улыбнулся Йаме, но это было просто движением определенных мышц узколицей высоколобой маски. Йама видел, что мысли его далеко, что он из тех, кто строит интригу так же, как дышит.

Он снова спросил:

— Откуда ты знаешь о моей расе?

— Раса моего хозяина славится долгожителями, а он — один из самых старых. Он много рассказывал мне об истории мира. Уверен, что он тобой заинтересуется. Возможно, он захочет тебя убить, но это я постараюсь предотвратить. Таким образом ты дважды будешь обязан мне жизнью. Думай об этом, когда станешь с ним разговаривать. Мы сможем оказать друг другу услуги, ты и я.

Йама вспомнил, что звездный пилот космического корабля дал понять, что знает его расу, и осознал, что Иакимо намерен использовать его в качестве дара своему хозяину в надежде продвинуться по службе и получить награду.

— На мой взгляд, это односторонняя сделка, — сказал он. — Что могу выгадать я?

— Для начала — свою жизнь. Возможно, хозяин захочет убить тебя сразу или сначала использовать, а потом убить, но я могу тебе помочь, и ты можешь мне помочь. Будь все проклято!

Иакимо стоял возле статуи какого-то мальчика — или когда-то он и правда был живым мальчиком, замурованным или преобразованным каким-то таинственным способом, — и статуя умудрилась схватить его за подол туники. Иакимо нетерпеливо дернул ткань, а потом обломал один за другим все пальцы статуи. С сухим клацаньем они упали в пыль на полу.

Иакимо быстрым движением потер руки и сказал:

— Мой хозяин восстановил некоторые из забытых технологий. Они-то и составляют основу его богатства и власти. Теперь ты понимаешь, почему должен представлять для него значительный интерес.

Йама почувствовал, что по сути своей эта фраза была вопросом, но он понятия не имел, как на него отвечать. Вместо этого он произнес:

— Это очень старое издание Пуран.

— Ах, книга. Она, как и ты сам, не оригинал, но все же не очень далека от первоисточника. Ты ее прочел?

— Да.

— Не говори об этом моему господину. Скажи, что украл, и больше ничего. Придется лгать, иначе он может пожелать убить тебя прямо на месте, а это предотвратить мне будет нелегко. Он сам контролирует охрану в помещении. Пошли. Он ждет.

В дальней стороне двора были видны арка и широкий пролет мраморной лестницы, спускающийся в озеро теплого белого света. Длинный острый ноготь Иакимо впился в плечо Йамы, оцарапав ему кожу сквозь рубашку.

— Выпрямись, — прошипел Иакимо. — Надо использовать позвоночник по назначению. Помни, что ты создан по образу и подобию Хранителей, и забудь, что твои предки были

животными, бегавшими на четырех лапах. Теперь хорошо. Иди вперед и ни на что не пялься. А главное, не пялься на моего господина. Он гораздо чувствительнее, чем кажется. Он не всегда выглядел так, как сейчас.

20. ЧЕЛОВЕК-ПУЗЫРЬ

Еще не дойдя до конца лестницы, Йама почувствовал, что впереди находится большое количество машин, но размеры помещения его поразили. По изумрудно-зеленому газону шла череда золотых колонн самой причудливой формы, за ней открывалась перспектива громадного зала длиной не менее тысячи шагов, а шириной в три сотни. Газон был усеян островками обитых блестящим шелком диванов, фонтанов, карликовых фруктовых деревьев и статуй (последние были просто из песчаника и мрамора, а не окаменевшей плоти). Экзотические цветы наполняли воздух изысканными ароматами. Под высоким стеклянным потолком плавали созвездия сияющих белых огней. А над стеклом было не небо, а вода: косяки золотистых и черных рыбешек лениво двигались в подсвеченных потоках воды, а листья кувшинок висели над ними, как силуэты облаков.

Тысячи мелких машин ползали среди низко скошенных травинок газона или кружили в сверкающем воздухе, подобно серебряным жукам и стрекозам со слюдяными крыльями. Мысли их отдавались в голове Йамы единой восходящей гармоникой. Охранники в красно-белой униформе и серебряных шлемах стояли в альковах, вырезанных в мраморе стены. Они казались неправдоподобно замершими и, как убитый привратник, издавали слабое излучение машинного интеллекта, как будто их черепа населяли только машины.

Шагая по газону с Иакимо, Йама услышал в отдалении звуки музыки; звенящие переливы бубна, как серебристый смех, накладывались на торжественный ритм барабана. Перед ним, будто в дымке, извивалась сотканная из света скульптура, подобно сверкающей колонне ярко раскрашенных лент, затуманенной жарким маревом.

С одной стороны огромного дивана сидели в гнездышке из вышитых подушек два музыканта, а на диване лежал самый толстый человек из всех, кого когда-либо видел Йама. Если не считать набедренной повязки, он был абсолютно гол и безволос, как тюлень. Его бритую голову венчал золотой обруч. Жирные складки его живота спускались на раздутые бедра. Черная

кожа блестела от ароматических масел и мазей, цвет извивающейся скульптуры играл на ней жирной радугой. Со всех сторон его окружали подушечки и валики, а он рассеянно шарил по телу обнаженной женщины, которая скармливала ему пирожные, горой громоздившиеся на серебряном подносе. Без всякого сомнения, это и был хозяин дома, богатый торговец, беглый звездный матрос.

Йама остановился в нескольких шагах от него и поклонился в пояс, но торговец не обратил на него внимания. Йама стоял и потел рядом с Иакимо, музыканты выводили вариации своей темы, торговец съел одно за другим дюжину пирожных, поглаживая при этом блестящие подушки огромных грудей женщины своими толстыми, унизанными перстнями пальцами. Подобно хозяину, женщина была совершенно лишена волос. Яркие лепестки ее губ были пробиты кольцами, от одного из этих колец тянулась золотая цепочка, пристегнутая к браслету на кисти торговца.

Когда замерли заключительные переливы бубна, торговец прикрыл глаза, глубоко вздохнул и взмахом отпустил музыкантов.

— Пить! — произнес он высоким хриплым голосом. Женщина вскочила, налила в бокал красного вина и поднесла его к губам торговца. С мерзким звуком он стал, распуская слюни, втягивать в себя вино. Оно стекало по подбородку и груди и капало на покрытый травой пол. Теперь Йама видел, что подушки вокруг были заляпаны пятнами, усыпаны крошками и недоеденными корками, а густой аромат аралии и жасмина и благовонный дым свечей, плавающих в чаше с водой, перебивался затхлым духом старого пота и протухшей еды.

Торговец икнул и посмотрел на Йаму. У него были такие толстые щеки, что они, как тисками, зажимали пухлые губы и превращали рот в некоторое подобие розового бутона, а из этой крепости зорко глядели глаза; словно часовые, они непрерывно шарили по углам, будто ожидая ежеминутного нападения с любой стороны.

— В чем дело, Иакимо? Немножко стар на твой вкус, а? — раздраженно бросил хозяин.

Иакимо склонил голову.

— Очень забавно, господин, но ты ведь знаешь, я никогда бы не посмел побеспокоить тебя своими постельными проблемами. Может быть, ты соблаговолишь взглянуть повнимательнее. Полагаю, что ты увидишь, что он относится к редчайшему типу, невиданному в Слиянии уже много веков.

Торговец помахал перед собой бесформенной, как тесто, рукой, словно отгоняя назойливую муху.

— Вечно ты затеваешь какие-то игры, Иакимо. Смотри, плохо кончишь. Рассказывай все и покончим с этим.

— Я полагаю, что он — один из Строителей, — быстро сказал Иакимо.

Торговец рассмеялся — череда похрюкиваний, которая сотрясала его огромное сверкающее тело, напоминала шторм, будоражащий поверхность реки. Наконец он произнес:

— Твой изобретательный ум, Иакимо, не перестает меня поражать. Согласен, у него тот же генотип, но это просто речная крыса, которую хирургически сконструировал какой-то шарлатан, очевидно, вдохновленный старой гравюрой или мемориальной пластиной. Тебя надули.

— Он пришел сюда сам. Принес очень редкую антикварную книгу. Вот она.

Торговец взял томик Пуран из рук Иакимо, бурча что-то себе под нос, пролистал его и небрежно отбросил в сторону. Книга упала и раскрылась среди бесчисленных подушек, на которых развалился хозяин. Йама дернулся, чтобы ее поднять, но Иакимо поймал его за руку.

— Я видал и получше, — процедил торговец. — Если этот эрзац сказал тебе, что принес оригинал Пуран, знай, он принес тоже эрзац. Меня это не интересует. Убери это создание с моих глаз, Иакимо, и его книгу тоже. Избавься от него обычным путем, и от его компаньона тоже избавься, как только поймаешь. Или я сам должен командовать охраной и сам все это проделать?

— В этом нет необходимости, господин. Второй мальчишка просто речная крыса. Его никто не станет искать. Но этот — более редкая штучка. — Иакимо ткнул Йаму в поясницу острым, как кинжал, ногтем. — Покажи ему, что ты можешь.

— Я не понимаю, что вы от меня хотите.

— Прекрасно понимаешь, — прошипел Иакимо. — Я знаю, что ты можешь делать с машинами. Ты сумел пройти мимо привратника, значит, кое-что знаешь о своем наследии.

Торговец произнес:

— Я пребываю в снисходительном настроении, Иакимо. Вот тебе тест. Я собираюсь приказать солдатам убить тебя, мальчик. Ты понял? Останови их, и мы еще побеседуем. Мне надоели мошенники.

Четверо охранников шагнули из своих ниш. Йама непроизвольно отступил назад, когда охранники с застывшими под козырьками серебряных шлемов лицами подняли свои короткие мечи и, как сомнамбулы, двинулись через газон в его сторону, двое справа и двое слева.

— Господин, стоит ли?..

— Не мешай мне развлекаться, — отрезал торговец. — Кто он тебе, а?

Йама сунул руку в ранец и нащупал рукоятку ножа, однако охранники были совсем рядом и он понял, что не сможет сражаться сразу с четырьмя. Он ощутил, как что-то рвется из его души, и закричал во весь голос:

— Стойте! Немедленно остановитесь!

Охранники застыли, не завершив шаг, затем все как один опустились на колени, бросили мечи и согнулись в поклоне так, что серебряные шлемы коснулись травы.

Торговец приподнялся и завизжал:

— Что это? Ты предал меня, Иакимо?

— Как раз наоборот, господин! Если прикажете, я убью его на месте. Но теперь ты видишь, он не подделка, слепленная шарлатаном.

Торговец зыркнул на Йаму. Раздался высокий гудящий звук, как зуд пчелы, попавшей в бутылку, и перед лицом Йамы закружилась нырнувшая сверху машина. В глубине его глаз полыхнул красный свет. Он попросил машину убраться, но красный свет вспыхнул снова, заполняя все поле зрения. Он ничего не видел, кроме красного света, и стоял неподвижно, хотя паника пойманным голубем колотилась в его сердце. Он ощущал каждый уголок маленького ясного разума машины, но внезапная непонятная инверсия закрыла ему туда доступ, как если бы лепестки вдруг снова сошлись в бутон и цветок снова вернулся к состоянию семени.

Где-то далеко, за шторой красного света, торговец сказал:

— Родился недавно. Не хирургическая подделка. Откуда он, Иакимо?

— С низовий, — ответил Иакимо совсем рядом с Йамой. — Но это не так далеко отсюда. Среди старых гробниц есть совсем небольшой городок, Эолис. Книга по крайней мере происходит оттуда.

Торговец проговорил:

— Город Мертвых. Кое-где в Слиянии есть и более древние захоронения, но, я полагаю, тебе об этом не ведомо. Мальчик, прекрати! Не пытайся взять под контроль мои машины. Я приказал им не обращать на тебя внимания, а ты, к счастью, сам не знаешь границы своих возможностей. К счастью и для тебя, Иакимо. Ты очень рисковал, притащив его ко мне. Я этого не забуду.

Иакимо ответил:

— Казни или милуй, я твой. Как и всегда. Но уверяю тебя, мальчик и сам не понимает, что он такое. Иначе бы мне не удалось его поймать.

— Он наделал достаточно убытку. Я проверил систему безопасности, ты-то этим не озаботился. Он отвел глаза сторожевым псам и машинам, патрулирующим дорогу, вот почему он со своим дружком смог безнаказанно бродить по поместью. Я восстановил положение. Он убил привратника, а его друг вооружен. Подожди — их двое, оба вооружены и свободно болтаются по территории. Системе охраны приказали не замечать их, но я их сейчас веду. Ты выпустил все из рук, Иакимо.

— У меня не было причин думать, что система охраны вышла из строя. Однако это лишь доказывает мою правоту: он редкая штучка.

Йама попробовал подвигать головой, но по-прежнему видел лишь красный туман. В глазах его возникали вспышки боли. Он спросил:

— Я ослеп? — И голос его прозвучал тише и слабее, чем ему бы хотелось.

— Думаю, в этом нет необходимости, — проговорил торговец, и красный туман исчез.

Йама потер глаза, ощущая в них резкую боль, и замигал от неожиданно яркого света.

Двое из охранников стояли за спиной у хозяина, их красно-белая форма сияла, мечи торчали перед их лицами, как на параде.

Торговец промурлыкал:

— Не обращай внимания на мои игрушки. Они не тронут тебя, пока ты ведешь себя разумно. — Теперь его голос звучал мягко и ласково. — Ешь, пей. У меня все только самое лучшее. Лучшие вина, лучшее мясо, самые нежные овощи.

— Я бы выпил чуть-чуть вина, если можно.

Обнаженная женщина налила в бокал вина, густого и красного, как свежая кровь, и передала его Йаме, другую чашу она наполнила для хозяина, который выхлебал ее быстрее, чем Йама успел пригубить свой кубок. Он ожидал какого-то редкого вкуса и был разочарован, почувствовав, что напиток на самом деле не лучше обычного вина из подвалов замка эдила.

Торговец почмокал губами и спросил:

— Ты знаешь, кто я такой? И прекрати пытаться перехватить контроль над моими слугами. У меня начинается от тебя головная боль.

Йама все время пробовал уговорить одну из машин, которые освещали комнату, опуститься пониже и зависнуть у него над головой, но несмотря на возникшее в нем чувство разрастания собственного мозга, как если бы тот стал больше черепа, все его попытки были тщетны; с равным успехом он мог бы убеждать снежную лавину покинуть свой ледяной насест в высоких отрогах Краевых Гор. Он посмотрел на золотой обруч на мясистой безволосой макушке торговца и сказал:

— На самом деле ты одно из тех существ, которые пилотируют космический корабль. Думаю, что ты украл это тело.

— Точнее, я его вырастил. Оно тебе нравится?

Йама сделал еще глоток вина. Теперь он чувствовал себя спокойнее.

— Оно меня поразило.

— Тебе привили понятие о вежливости, я вижу. Это хорошо. Так, пожалуй, будет легче, а, Иакимо?

— Уверен, еще немного воспитания ему не помешает.

— Мне по-прежнему нужно найти тело, которое выдержит мой аппетит, — обратился к Йаме торговец. — Но это не так уж важно, всегда найдутся другие тела. Это мое... которое, Иакимо? Десятое?

— Девятое, господин.

— Ну, значит, скоро потребуется десятое, а потом еще и еще. Бесконечная цепь. Сколько тебе лет, мальчик? Думаю, не больше двадцати. Этому телу — в половину меньше.

Он погладил груди женщины. Она в это время скармливала ему засахаренный миндаль, всовывая орешки каждый раз, когда открывался рот. Он жевал миндаль механически, изо рта его сползала на подбородок длинная струйка слюны.

Он сказал:

— В свое время я был и женщиной, и мужчиной. В основном мужчиной, учитывая сложившиеся условия цивилизации, но теперь, когда я стал богат и независим и мне больше не требуется покидать поместье, я, пожалуй, в следующий раз сделаюсь женщиной. Есть ли еще такие, как ты?

— Именно это я и хочу узнать! — воскликнул Йама. — Ты что-то знаешь о моей расе. Наверняка больше, чем я. Ты назвал меня строителем. Строителем чего?

Но он уже и сам понял. Он читал в Пуранах, и он помнил картину, которую ему показали Озрик и Беатрис.

Иакимо сказал:

— «И сотворили Хранители человека и положили знак свой на его лоб и сотворили женщину и положили на лоб ей такой же знак. Из белой глины срединной земли создали они эту расу и знаком своим благословили ее размножение. И стал народ сей служить Хранителям. И мириады их лепили сей мир по воле Хранителей». Там и дальше есть, но ты понял основную мысль. Это и есть твой народ. Он исчез так давно, что почти никто уже не помнит.

Внезапно комната осветилась ярче: выше озера, висящего над длинной комнатой, вспыхнул ослепительный свет. Стебли водяных лилий бешено заколыхались на волнах, раздался глубокий глухой звук, как будто хлопнула тяжелая дверь, ведущая в самые глубины подземного мира.

Торговец сказал:

— Бесполезно, парень. Ты усыпил кое-кого из охраны, но они снова у меня под контролем. И уже почти поймали ту парочку твоих приятелей. Ты не сказал мне, что один из них опытный наемник, Иакимо.

— Там был только мальчишка, господин. Про другого я ничего не знаю.

Торговец прикрыл глаза. На мгновение Йама почувствовал, что в голове у него копошится целая сотня разумов. Потом это ощущение исчезло, а торговец сказал:

— Она убила нескольких охранников, но один ее мельком заметил. Она из Бешеного Племени и у нее пистолет привратника.

— У нас еще много охранников и много машин, господин. Кроме того, озеро поглотит любой выстрел энергопистолета.

Торговец притянул к себе женщину.

— Он — орудие убийцы, идиот! Зачем бы еще наемница сюда заявилась? Сам знаешь, я ждал этого с тех пор, как мой старый корабль вернулся из пространства.

— Я помню. Был еще человек, вломившийся в кладовые. Мы легко с ним управились.

— Это было только начало. Они не остановятся.

Сверкнула еще одна вспышка света. Часть воды под стеклянным потолком затянулась облаком белых пузырьков, стекло зазвенело, как треснувший колокольчик.

Торговец ненадолго прикрыл глаза, потом расслабился и ближе притянул обнаженную женщину.

— Ладно, сейчас это не имеет значения. У него в ранце оружие, Иакимо. Возьми его и отдай мне.

Светловолосый вынул ножны с ножом и сказал:

— Это всего-навсего нож, господин.

— Я знаю, что это. Дай сюда.

Иакимо протянул нож рукояткой вперед. Йама хотел заставить его продемонстрировать свою ужасную сущность, которая так напугала Лоба и хозяина «Скрещенных Топоров», но почувствовал, что сам пребывает в центре огромного и оглушительного молчания. Нож не реагировал. Торговец прищурился, разглядывая ножны из козьей шкуры, а потом женщина вдруг выхватила нож и воткнула его в живот Иакимо.

Иакимо зарычал и упал на колени. Нож полыхнул голубым пламенем, женщина вскрикнула, бросила его на пол и прижала к себе дымящуюся руку. С легким гудением нож воткнулся лезвием в траву и выбросил целый букет крупных синих искр. Иакимо двумя руками держался за живот. Его пальцы и туника были в крови.

Торговец глянул на женщину, и она замолчала. Он сказал Йаме:

— Так умирают все, кто хочет меня предать. А теперь, мальчик, правдиво отвечай на все мои вопросы. Да, да, их поймали. Они, правда, еще живы. Сначала мы поговорим, ты и я, и решим их судьбу.

Иакимо, стоя на коленях и сгибаясь все ниже над ножом и лужей собственной крови, пробормотал что-то про обруч, но тут к нему подскочили телохранители, распрямили его, перерезали ему глотку и оттащили от торговца — все одним быстрым

движением. Они швырнули тело на ровно постриженную траву за светящейся статуей и вернулись на место за лежанкой торговца.

— От тебя одни хлопоты, мальчик, — сказал торговец.

Женщина дрожа вставила мундштук глиняной трубки в его розовый рот и зажгла в ней кусочек смолы. Он глубоко затянулся и произнес, выпуская дым вместе со словами:

— Твой народ был самым первым. Остальные появились позже, первыми были вы. Никогда не думал, что снова увижу кого-то из вашей расы, но каких только чудес не бывает. Слушай меня, иначе я прикажу и тебя убить. Видишь, как это просто.

Йама так сильно вцепился в ножку бокала, что рана на ладони снова открылась. Он отставил бокал и сказал, собрав всю свою смелость:

— Ты пощадишь моих друзей?

— Они ведь пришли убить меня, правда? Их послала команда с корабля, они там все завидуют мне.

Йама не стал этого отрицать. Он упрямо молчал и смотрел на торговца, который неспешно затягивался трубкой и созерцал извивающиеся колечки дыма. Наконец хозяин сказал:

— Женщина — наемница, ее преданность легко купить. Она могла бы мне пригодиться. А мальчишка ничем не отличается от миллиона речных крыс в Изе. Я мог бы его убить, и никто не заметит, будто он никогда и не жил. Я вижу, тебе хочется, чтобы он остался в живых. Ты очень сентиментален. Ну хорошо. Ты должен доказать мне свою полезность и, может быть, я оставлю мальчишке жизнь. Знаешь ли ты в точности, кто ты такой?

Йама ответил:

— Ты мне сказал, что я принадлежу к расе Строителей, и я сам однажды видел древнюю картину, на которой изображен мой предок еще до окончания сотворения мира. Но, кроме того, мне говорили, что я могу быть сыном людей Древней Расы.

— Хм. Возможно, они имеют к тебе какое-то отношение. В тот короткий отрезок времени, что они здесь оставались, они успели вмешаться в массу дел, которые их вовсе не касаются. Разумеется, ничего существенного из этого не вышло. Пусть они и казались богами дегенеративному населению Слияния, но все равно они жили на миллионы лет раньше Хранителей. Эта раса является их предками, но соотносится с Хранителями так же, как бессмысленные планктонные рачки, которые были предками моей расы, соотносятся со мной. Люди Древней Расы появились в наше время потому, что путешествовали в соседнюю Галактику, а потом назад с околосветовой скоростью, вот и возник сдвиг во времени. Глупость, конечно. Представь себе актера, который где-то задержался по своим делам, потом выскочил без предупреждения на сцену со своими репликами и увидел, что влез в заключи-

тельный монолог, а вовсе не в начало второго акта. Мы пребываем сейчас в конце времен, юный строитель. Весь этот великолепный, славный, дурацкий эксперимент почти завершился. Маленькая глупая война, которую начали в устье реки Древние, — это просто еще одна бестолковая реплика в сторону.

Казалось, торговец утомился, произнося эту тираду. Прежде чем продолжить, он выпил еще одну чашу вина.

— Знаешь ли, я давно уже обо всем этом не думал. Иакимо был человеком умным, но не очень смелым. Он был обречен на роль слуги и тяготился ею. Сначала я думал, что и сам ты — часть какой-то его интриги, я и сейчас еще до конца не отказался от этой мысли. Я не верю, что он пропустил наемницу внутрь лишь по небрежности, к тому же позволил тебе принести сюда нож.

— До сегодняшней ночи я никогда его не видел. Я не являюсь ничьим слугой.

Торговец фыркнул:

— Не будь идиотом. Твоя раса, как и большинство других, была создана для исполнения непосредственной воли Хранителей.

— Мы все по мере сил служим Хранителям, — согласился Йама.

— Ты побывал в руках жреца, как я вижу, — заметил торговец, проницательно глядя на Йаму. — Ты, как попугай, повторяешь его жалкие догмы, но сам-то в них веришь?

Йама не мог ответить на этот вопрос. Он никогда не подвергал сомнению свою веру, но сейчас осознал, что, не подчинившись желанию отца, он восстал против назначенного ему места в социальной иерархии, но ведь сама эта иерархия тоже возникла по воле Хранителей? Так учат священники, однако сейчас Йама уже не был в этом уверен. Ведь, кроме того, священники утверждают, что Хранители желали для своих созданий развития и совершенствования, а какое же может быть развитие, если общество навечно застыло в своей неизменности?

Торговец икнул:

— Ты — просто раритет, мальчик. Рудимент. Результат случайности или чьей-то неудачной идеи — все равно чего. Но даже в этом случае от тебя может быть польза. Вдвоем мы можем осуществить великие планы. Ты спросил меня, почему я живу здесь? Потому что я помню о том, что остальные мои товарищи давным-давно забыли. Они ушли в аскетические размышления о математике многомерных пространств, о тайнах рождения и смерти космоса, а я всегда помнил об удовольствиях реальной жизни; о вкусной еде, сексе и всех остальных чудесных мелочах такого суетного занятия, как земное существование. Они утверждают, что математика — основа всего, а я говорю: это лишь абстрактная тень реального мира, призрак. — Он снова икнул. — Вот мой контраргумент алгебре.

Интуиция подтолкнула Йаму на дикий вопрос:

— Ты ведь встречал людей Древней Расы, правда?

— Мой корабль встречался с ними, когда падал в пустоте к Оку Хранителей. Они видели сотворение Ока по анализу света, дошедшего до них через сотни тысяч лет, и были потрясены, узнав, что органическая жизнь все еще существует. Мы обменялись сканированными развертками мозга и долго проговорили, а потом я решил последовать за ними в этот мир. И вот я здесь. Разбогатеть в эти дикарские времена оказалось пустячным делом, но я нахожу, что мне недостаточно одного удовлетворения чувственного аппетита. Если ты и правда Строитель, в чем я все еще сомневаюсь, то ты, вероятно, сможешь оказать мне помощь. У меня есть планы.

— Я думаю, что не сумею служить другому человеку. Я не смогу угождать тебе, как Иакимо.

Торговец расхохотался:

— Надеюсь, что нет. Однако начни с того, что оставь свое высокомерие, а там посмотрим, что я смогу из тебя сделать. Я могу научить тебя многим вещам, сумею реализовать заложенный в тебе потенциал. Таких, как Иакимо, в мире полным-полно: умных, ученых, но не смеющих жить в соответствии с убеждениями. Подобных последователей можно найти целые толпы. Ты — это нечто иное, большее. Мне требуется все хорошо обдумать, и тебе тоже. Но ты либо будешь служить, либо умрешь, равно как и твои друзья.

Извивающиеся цветные полосы скульптуры вдруг сомкнулись в серо-стальной занавес, потом в нем образовалось окно, в котором Йама увидел Тамору и Пандараса в небольших клетках, висящих прямо в черной пустоте.

У Йамы на миг перехватило дыхание. Он с трудом выдавил слова:

— Отпусти их, и я буду служить тебе верой и правдой.

Торговец слегка переместил свое огромное лоснящееся туловище.

— Не думаю. Я лучше дам тебе урок, показав на их примере, какая тебя ждет судьба, а пока подумаю, как тебя можно использовать. Мы снова поговорим, когда ты дашь это же обещание, но уже от чистого сердца.

Два телохранителя повернулись к Йаме, у которого при виде их пустых бесстрастных лиц в панике заколотилось сердце. Эта внезапная паника вылилась вдруг во что-то огромное и неведомое, в гигантскую дикую птицу, которую он выпустил на волю, и она била своими необъятными крыльями где-то на пределе его сознания.

В отчаянии, совсем без надежды, его разум издал умоляющий крик о помощи.

Торговец схватился за голову, а в дальнем конце комнаты что-то ударилось в стеклянный потолок с оглуши-

тельным звоном. На мгновение воцарилась тишина. Затем сверху ударило несколько струек воды. Раздался треск, и стекло вокруг них обвалилось, крошась на мириады осколков. Струи превратились во все расширяющийся водопад, поток низвергался вниз, отражался от пола, возникла мутно-коричневая волна, которая неслась по всей шири огромной комнаты, сметая на своем пути статуи и колонны. Столики и подушки летели на ее пенном гребне.

Лежанка хозяина вдруг взмыла в воздух. Женщина издала гортанный крик и вцепилась в тушу своего господина, как утопающий цепляется за любой обломок. Йама рванулся вперед, наперерез прибывающей воде. На мгновение труп Иакимо зацепился за его щиколотку, но его отнесло потоком. В отчаянном броске Йама схватился за ножку взлетающей лежанки. Его вес сместил продольную ось, и секунду он висел вертикально, затем подтянулся и упал на ноги торговца, торговец взревел, женщина с яростью вцепилась Йаме в лицо. Ее длинные ногти мгновенно рассекли ему лоб, и кровь залила глаза. Лежанка неспешно кружила над головами телохранителей, которые безнадежно пытались устоять в бешено бурлящей воде. Торговец вцепился Йаме в руку, но его хватка была слишком слаба. Йама почти вслепую нащупал золотой обруч на его мясистом черепе и потянул что есть силы.

Какой-то миг ему казалось, что обруч не поддается, но тот вдруг разломился по длине и развязался, как лента. Свет погас. Лежанка перевернулась, торговец, Йама и женщина полетели вниз. Йама нырнул, хлебнул илистой воды и выскочил на поверхность, отплевываясь и задыхаясь.

Телохранители не устояли. Машины тоже упали.

Йама задал вопрос, и через несколько секунд в толще кружащейся бурой воды по всей ширине комнаты вспыхнули точки ослепительного белого света. Йама стер кровь со своих глаз. Течение крутилось вокруг его поясницы. В руке он сжимал обрывки золотых нитей, на концах которых висели клочки плоти.

В дальнем конце комнаты на расстоянии ладони от поверхности воды плавал какой-то предмет, медленно поворачиваясь с боку на бок. Он был размером с голову Йамы, черный, утыканный множеством шипов различного размера и толщины: некоторые с колючку розы, другие же длинные и очень острые. Эти последние изгибались в разные стороны, будто что-то высматривая со слепой хитростью. На мгновение Йама окаменел, но тут машина поднялась и, проломив потолок, скрылась во тьме. Йама чувствовал, как она поднимается все выше и как все машины в Изе на секунду поворачиваются в ее сторону. И все. Она исчезла.

Торговец распростерся на упавшей кушетке, как выброшенная на берег акула. На голове его зияла рваная, сильно кровоточащая рана, из носа сочилась кровь вместе со слизью. Жен-

щина лежала под ним полностью в воде. Голова ее была свернута набок, и глаза смотрели сквозь кружащуюся водоворотами воду. Телохранители во всей комнате были тоже мертвы.

Йама поднес к глазам торговца растрепанные остатки обруча и сказал:

— Умирая, Иакимо успел раскрыть мне его секрет, но я и сам уже догадался. На космическом катере я видел похожую штуку.

— Хранители ушли, — прошептал торговец.

Наводнение отступало, вода уходила на нижние уровни подземного дома. Йама встал на колени у кушетки и спросил:

— Зачем я здесь?

Торговец с трудом втянул воздух. Из ноздрей его хлынула кровь. Слабеющим голосом он выдавил:

— Никому не служи.

— Если Хранители ушли, зачем я здесь?

Торговец хотел что-то сказать, но на губах его показались кровавые пузыри. Йама поднялся и пошел искать Тамору и Пандараса.

21. БЕШЕНОЕ ПЛЕМЯ

Тамора легким бегом вернулась к костру. Широко усмехаясь перемазанными в крови губами, она бросила связку кроликов к ногам Йамы и гордо сказала:

— Вот так мы живем, когда можем. Мы — Бешеное Племя — Мемштек.

Пандарас заметил:

— Не все могут питаться одним мясом.

— Твой народ может питаться листьями и отбросами из канав, — огрызнулась Тамора, — потому вы такие слабые. Воинам нужно мясо и кровь, так что радуйся, что я достала для тебя свежие потроха. От них ты станешь сильнее.

Острыми ногтями она рассекала животы кроликов, засовывала в рот дымящуюся красную печень и глотала ее целиком. Затем она, словно перчатки, содрала с выпотрошенных тушек шкурки и, обходясь лишь ногтями и зубами, стала разделывать мясо.

Точно с такой же ловкостью мясника она набросилась на тело торговца. Мечом, взятым у одного из мертвых охранников, она рассекла спину от шеи до ягодиц и обнажила в толще жирной плоти нечто, похожее на рыбу миксину. Оно вовсе не напоминало существо, которое Йама видел в бутылке на катере. Мантия его съежилась, белые волокна обвились вокруг спинного мозга чужого тела, как нити грибка-паразита в гниющем дереве.

Большую часть мяса кроликов Тамора оставила себе и съела сырым, но все же позволила Йаме и Пандарасу поджарить на углях костра задние лапы и окорочка. Несоленое мясо наполовину сгорело, а наполовину осталось сырым, но Йама и Пандарас набросились на него с голодной жадностью и обглодали все до костей.

— Горелое мясо вредно для желудка, — процедила Тамора, косо ухмыляясь им через угли костра. На ней была только кожаная юбочка. Ее маленькие груди, словно две тусклые монеты, лежащие на узкой груди, выглядели просто как немного припухшие соски. Кроме птицы в горящем гнезде, на правой руке у нее была еще одна татуировка, на плече: перевернутые черные треугольники. Она перевязала себе талию, так как получила ожог отдачей энергопистолета, взятого у привратника. Тамора хлебнула бренди и передала бутылку Йаме. Он купил бренди в винном магазине, чтобы законсервировать нити тканей, которые Тамора вырвала из тела торговца. Йама поместил их в чудесный крохотный флакончик, вырезанный из цельного кристалла розового кварца. Йама подобрал его среди кучи обломков, оставленных схлынувшей волной, когда искал свой томик Пуран.

Йама отхлебнул и передал бутылку Пандарасу, тот все еще догрызал кости кролика своими мелкими острыми зубками.

— Выпей, — сказала Тамора, — сегодня мы выиграли великую битву.

Пандарас выкинул в огонь кусочек жира, он уже ясно дал понять, насколько его не устраивает пребывание на диких землях Бешеного Племени, он сидел, положив ножик себе на колени и напрягая подвижные уши.

— Я предпочитаю не задурять себе голову, — ответил он.

Тамора засмеялась:

— Никто не примет тебя за кролика. Размера ты как раз подходящего, а вот быстро бегать не можешь, такая охота неинтересна.

Пандарас сделал из бутылки чуть заметный глоток и вернул ее Йаме. Таморе он бросил:

— Ну, ты-то точно бежала, когда появились солдаты.

— Ха! Я пыталась догнать тебя, чтоб ты не сбился с дороги.

— Там осталось столько добра — на всю жизнь бы хватило, — пробурчал Пандарас, — а нам пришлось все это оставить городской милиции.

— Я наемник, а не грабитель. Мы сделали то, на что подрядились. Будь доволен, — усмехнулась Тамора. Ее розовый язычок трепетал между большими острыми зубами. — Ешь обгорелые кости. Пей. Спи. Здесь мы в безопасности, а завтра нам заплатят.

Йама понял, что она опьянела. Он купил самую маленькую бутылку бренди, какую только смог отыскать, но, как сказал Пандарас, она все же была достаточно велика, чтобы

утопить в ней ребенка. Им нужно было всего несколько капель, чтобы наполнить флакончик, а Тамора уже выпила половину того, что оставалось в бутылке.

— В безопасности? — колко спросил Пандарас. — В самой гуще орды кровожадных бродяг вроде тебя? Да я глаз не смогу сегодня сомкнуть!

— Я спою великую песнь о нашей победе, а вы будете слушать. Передай бутылку, Йама, что ты ее нянчишь?

Йама глотнул обжигающего бренди, передал бутылку, отошел от костра и поднялся на вершину гребня. Песчаные холмы, составляющие охотничьи угодья Бешеного Племени, возвышались над огромной чашей города и смотрели на Великую Реку. Над далеким горизонтом противоположной стороны реки поднимался туманный свет Десницы Воина. Уже минула полночь. Город заволокла тьма, но среди зарослей сосен, эвкалипта, древовидного папоротника там и сям виднелись костры стоянок Бешеного Племени, и отовсюду неслись голоса, в песне возносясь к высокому небу.

Йама сел на сухую траву и стал слушать ночную музыку Бешеного Племени. Его не оставляло воспоминание о черной шипастой машине, оно отдавалось звоном в ушах и бликами слепящего света в глазах. Но кроме этого эха в своей душе, он также ощущал колышущееся беспокойство миллионов машин, подобное дрожанию гигантской сети. Черная машина растревожила их, и волны этого возмущения все еще расходились кругами, передавались от одной группы машин к другой.

Тревога бежала вдоль доков, к огромному монолиту Дворца Человеческой Памяти, летела к основанию гигантских башен, поднималась к самым вершинам и уходила в атмосферу.

Йама все еще не понимал, как он сумел призвать на помощь черную машину. Конечно, она спасла ему жизнь, но он боялся, что в следующий раз может вызвать ее случайно, боялся он и того, что выдал себя машинам, которые служат магистраторам или префекту Корину, а тот, без сомнения, продолжает искать Йаму. Падение черной машины было самым ужасным и самым постыдным его приключением. Страх парализовал Йаму, когда он увидел эту машину, и сейчас еще он чувствовал, что она каким-то таинственным образом его отметила, ибо ничтожно малая доля его души рвалась к ней, рвалась к тому знанию, которое она могла дать. Она ведь и сейчас может за ним следить, может появиться в любую минуту, и он не знает, что сделает, если она и правда возникнет.

Торговец (Йама все еще не мог думать о нем как о паразитирующем узле нервных волокон, погребенном в чудовищно жирном теле) сказал ему, что он принадлежит к расе Строителей, первой расе города Иза. Пилот космического корабля сообщил нечто похожее, и картина, которую показали ему Озрик и

Беатрис, заставила предположить то же самое. Его народ жил в Слиянии, творя этот мир под руководством Хранителей, он вымер или вознесся так давно, что большинство людей о нем забыло. Но все же сам Йама — здесь и по-прежнему не знает зачем. Не знает он и пределов своих возможностей.

Торговец намекал, что ему известно кое-что о необычайных способностях Йамы, но он мог и лгать в собственных целях, а кроме того, торговец мертв. Может быть, другой звездный матрос что-нибудь знает, Иакимо ведь говорил, что они очень долго живут; а может быть, как Йама рассчитывал еще дома, в Изе сохранились какие-нибудь архивные записи, они все прояснят или по крайней мере помогут ему найти свой народ. Он все еще не знал, как очутился в этом мире, почему его нашли в плывущей по реке лодке на груди мертвой женщины, которая могла быть его матерью, или няней, или кем-то еще, но он был твердо уверен, что родился для служения Хранителям. После того как Хранители ушли за горизонт Ока, они все равно могли наблюдать за сотворенным ими миром, ведь ничто не движется быстрее, чем свет, но они больше не в состоянии на этот мир воздействовать. Но, может быть, мощь их предвидения так велика, что они заранее, пока еще не покинули Вселенную, спланировали его рождение в период, который торговец назвал концом света.

Может быть, многие, подобные Йаме, уже шагают по дорогам Слияния, как это было в самом начале мира. Но с какой целью? Все свое детство он тешился игрою в разоблачение тайны, искал знак, намек, но ничего не находил. Может быть, и не стоит ничего больше искать? Сама нить его жизни и есть этот долгожданный знак? Если бы только понять его!

В одно он не мог поверить, в то, что он — слуга черной машины. Это было бы хуже всего.

Йама сидел на подушке из сухих листьев, во тьме звенели сверчки. Он стал перебирать страницы своих Пуран. Книга уже хорошо просохла, но на одном уголке обложки осталось невыводимое пятнышко от крови торговца. Страницы слабо светились, в этом свечении буквы казались объемными и отбрасывали тень. Йама нашел суру, которую декламировал Иакимо, и прочел ее с начала до конца.

Сначала мир явился как золотой зародыш звука. Когда Хранители обратились к сотворению мира, в чистом пространстве мысли стала вибрировать бесконечно долгая гласная, она заключала в себе все описание мира и сама в себе отражалась. Из встречных всплесков игры вибраций зародилась материя мира. В самом начале это была сфера. Воздух и воды ее заполняли, и капелька тверди.

И сотворили Хранители человека и положили знак свой на его лоб и сотворили женщину и положили на лоб ей такой

же знак. Из белой глины срединной земли сотворили они эту расу и благословили ее размножение. И стал сей народ служить Хранителям. И мириады их лепили сей мир по слову Хранителей.

Йама продолжал читать, хотя следующая сура была просто подробнейшим описанием размеров и устройства мира; он знал, что там нет упоминания о Строителях и их судьбе. Это место было в конце Пуран. Мир со всем его содержимым — это просто мелкая деталь на исходе истории Галактики, он был создан Хранителями в последний момент перед тем, как они ушли в Око и навсегда покинули Вселенную.

В Пуранах ничего не было сказано о десяти тысячах расах Слияния; иначе никогда не началась бы бесконечная дискуссия между священниками и философами о причине сотворения мира.

Раздался голос Таморы:

— Читаем? В книгах нет ничего, чему нельзя научиться в реальной жизни, только всякая фантастическая дребедень о монстрах, чудовищах и другой чепухе. Ты загубишь свой мозг и глаза, если будешь столько читать.

— Что ж, сегодня я видел настоящего монстра.

— И он мертв, этот засранец. А мы сунули кусок от него в бренди как доказательство. Так ему и надо!

Йама не стал рассказывать Таморе и Пандарасу о зловещей черной машине. Тамора хвасталась, что один из ее пистолетных выстрелов пробил потолок и вызвал спасшее их наводнение. Йама не стал поправлять эту ошибку. Его слегка мучила совесть из-за обмана, и он негромко сказал:

— Я думаю, торговец был разновидностью монстра. Он хотел убежать от своей истинной сути. Он позволил маленькой жадной частичке своей души управлять всей его жизнью. Он весь состоял из аппетита. Если бы мог, он проглотил бы весь мир.

— Ты хочешь стать солдатом. Вот тебе мой совет: не думай о том, что предстоит сделать, и не вспоминай, когда все закончено.

— И ты можешь так легко все забыть?

— Конечно, нет. Но я пытаюсь. Нас поймали, меня и твоего крысенка, бросили в клетки, но, думаю, тебе-то было еще хуже. Торговец пытался подчинить тебя своей воле. Слова людей его типа — это шипы, и они все еще в твоей плоти. Но они выйдут, и ты забудешь.

Йама улыбнулся и произнес:

— Может, это было бы не так уж и плохо — править всем миром.

Тамора села с ним рядом. Она казалась лишь тенью в окружающей их темноте.

— Ты бы разрушил гражданские службы и правил сам? Ну, и как бы это изменило мир к лучшему?

Йама ощущал исходящий от нее жар. От нее резко пахло смесью запахов свежей крови, пота и мускуса.

Йама ответил:

— Нет, конечно. Но торговец рассказал мне кое-что о моей расе. Возможно, я один во всем мире. Моя жизнь может быть просто ошибкой в хаосе конца света. А может быть чем-то еще. Чем-то, имеющим предназначение.

— Толстый мерзавец лгал. Как еще мог он заставить тебя сотрудничать? Только убедив, что ты один во всем свете и он о тебе все знает.

— Я не уверен, что он лгал. Я считаю, что он говорил по крайней мере часть правды.

— Я не забыла, что тебе нужно. Я столько времени ходила за кроликами, потому что кое-кого расспрашивала. Слушай. У меня есть возможность добраться, куда ты хочешь. Я нашла работу для пары наемников. Один мелкий Департамент ищет экспертов, чтобы организовать защиту на его территории во Дворце Человеческой Памяти. Между Департаментами много конфликтов, и могущественные становятся еще сильнее за счет более слабых. Так оно всегда бывает, но я не против постоять за слабого, если мне за это заплатят.

— Значит, не так уж они и слабы.

— Ха! Послушай. Когда в наших местах у женщины появляется приплод, детей на сутки оставляют на склоне холма. Слабые умирают или их утаскивают птицы и лисы. Мы — Бешеное Племя, понял? Мы сохраняем здоровье расы. Все эти работяги, жулье, торговцы и прочая шушера там внизу, в городе, — наша добыча. Мы ими кормимся. Мы им нужны, а не наоборот. — Тамора сплюнула в сторону, чувствовалось, что она порядочно выпила. Потом она продолжила: — Есть добыча, а есть охотники. Ты должен решить, к кому относишься. Ты и сам не знаешь, но сейчас время решать. Ты пойдешь со мной?

— План мне нравится.

— Где это ты научился ходить вокруг да около? Если да — то да.

— Да, да. Я пойду. Если это поможет попасть во Дворец Человеческой Памяти.

— Тогда ты должен мне заплатить, потому что я нашла работу, и я же буду ее выполнять.

— Я и сам кое-что понимаю в военном деле.

Тамора снова сплюнула.

— Послушай, это опасная работа. На этот маленький Департамент точно нападут, а у них даже нет службы безопасности, иначе не стали бы они нанимать кого-то со стороны. Они обречены, но если все сделать правильно, убиты будут только их рабы. Сами мы скорее всего спасемся или в крайнем случае поте-

ряем свой гонорар, когда придется платить выкуп, но не стану врать, нас все-таки могут убить, есть такой шанс. Ну что, ты не раздумал?

— Это способ проникнуть внутрь.

— Это точно. Этот Департамент занимался предсказаниями, но сейчас он потерял силу. У них осталась только парочка провидцев, но все равно Департамент занимает во Дворце Человеческой Памяти еще очень высокое положение, и более могущественные Департаменты хотят его потеснить. Мы им нужны, чтобы научить рабов, как организовать оборону. Но у тебя будет время поискать то, что тебе нужно. А теперь давай договоримся о плате. Ты оплачиваешь все расходы из своей половины денег за убийство торговца и за этот новый заказ, а мне достанется моя доля за обе работы и еще половина от того, что останется у тебя.

— Разве это справедливо?

— Ха! Идиот! Ты же должен торговаться, в этом весь смысл.

— Я заплачу, сколько скажешь. Если найдется то, что мне нужно, деньги мне будут не нужны.

— Если ты хочешь пойти в армию офицером, то тебе требуется уйма денег, больше, чем у тебя сейчас есть. Тебе понадобится оружие, лошади, остальные доспехи. А если потребуется информация, придется платить осведомителям. Я заберу четверть твоей доли, расходы пополам. Сама себя граблю. Поверь, тебе понадобятся все твои деньги.

— Ты хороший товарищ, Тамора, хотя, конечно, могла бы быть более терпимой. Ни одна раса не должна ставить себя выше других.

— Я учту. И еще одно. Мы не скажем крысенку об этом плане. Давай обойдемся без него.

— Ты что, боишься его, потому что он убил привратника?

— Если бы я боялась такого, как он, я никогда больше не рискнула бы плюнуть в канаву, вдруг попаду одному из них в глаз? Пусть идет, если надо, но не стану притворяться, что мне это нравится, и платить будешь ему из своего кармана, я здесь ни при чем.

— Он похож на меня, Тамора. Он хочет уйти от предназначенной ему судьбы.

— Значит, он такой же дурак, как и ты, — буркнула Тамора, передавая Йаме почти пустую бутылку бренди. — Выпей. Потом ты будешь слушать мою победную песню. Твой крысенок боится сидеть с моими братьями и сестрами, но ты, я знаю, не испугаешься.

Хотя Йама старался не показать своих чувств, но его пугали сидящие у костра дикие гордые люди: десяток родственников Таморы, мускулистых мужчин и женщин, отмеченных такой же татуировкой на плечах — перевернутыми треугольниками. Страшнее всех выглядела предводительница — сидевшая очень прямо

старуха с белой гривой волос и кружевом тонких шрамов на обнаженном торсе. Поблескивая красными огоньками в глазах, она изучающе смотрела на Йаму через костер. Тамора пела.

Победная песня Таморы диссонирующим завыванием взлетала в темное небо над пламенем костра, извиваясь и падая, как змейки серебряных искр. Когда все было кончено, она припала к бурдюку с вином, а окружающие разом заговорили, кивая и показывая клыки в быстрых улыбках, только один громко пожаловался, что в песне очень мало о самой Таморе и слишком много об этом бледнолицем чужаке.

— Потому что это его приключение, — объяснила Тамора.

— Тогда пусть сам и поет! — проворчал критик.

Предводительница стала расспрашивать Тамору о Йаме, сказав, что прежде таких не видела.

— Он с низовий, бабушка.

— Тогда понятно. Говорят, там живет много странных племен, но сама я никогда не брала в голову съездить посмотреть собственными глазами, а теперь я слишком стара, и все это меня уже не волнует. Поговори со мной, мальчик. Расскажи, как появилась на свет твоя раса.

— Это тайна даже для меня самого. Я читал о своем народе в Пуранах и однажды видел древнюю картину, а больше ничего не знаю.

— Действительно, странный народ, — отозвалась старуха. — У каждой расы есть своя история, свои тайны, три своих названия. Хранители создавали каждую расу по своему образу и подобию, имея на это каждый раз особые причины, и легенды их объясняют. Ты не найдешь настоящей истории твоего народа в книге, которую таскаешь с собой. Там все про древние тайны, а не про наш мир. — Она дернула за руку одну из женщин и выхватила у нее бурдюк с вином. — Они не дают мне выпить, — объяснила она Йаме, — боятся, что потеряю свое достоинство, если напьюсь.

— Ты не опьянеешь, сколько бы ни выпила, бабушка, — сказал один из мужчин, — вот мы тебя и ограничиваем, чтоб не отравилась, добиваясь этого.

Предводительница сплюнула в огонь.

— Конечно, глотнешь этой дряни и отравишься. Неужели никто не в состоянии купить порядочной выпивки? В былые времена такой мерзостью мы только заправляли лампы.

У Йамы в руках все еще была бутылка, где оставалось на два пальца прозрачной, пахнущей абрикосами жидкости.

— Возьми, бабушка. — И он подал старой предводительнице бутылку.

Старуха осушила ее до дна и с удовольствием облизнула губы.

— А знаешь, как пришла в мир наша раса? Я расскажу тебе, мальчик.

Несколько человек вокруг костра заворчали, но предводительница на них прикрикнула:

— Вам только на пользу еще разок послушать! Вы, молодежь, знаете историю хуже, чем следует, а потому слушайте:

После сотворения мира некоторые Хранители пустили на поверхность земли животных и вдохнули в них разум. Например, есть народ, который произошел от койотов, чьих предков обучили хоронить своих мертвых. Эта странная привычка очень изменила койотов, они выучились сидеть, чтобы иметь возможность присесть у могилы и должным образом оплакать своих мертвых.

Но сидение на холодных камнях истерло их пушистые хвосты, они их лишились, а через множество поколений встали на ноги, потому что сидеть на камнях голыми задницами стало совсем неприятно. Когда это случилось, передние лапы у них удлинились и стали человеческими руками, потом укоротились морды, малопомалу превращаясь в лица людей. Это только одна история, а их столько же, сколько рас, появившихся из разных видов животных, которых научили быть людьми. Но у нашего народа другое происхождение.

Двое Хранителей заспорили, как правильно создавать людей. У Хранителей нет полов, как понимаем их мы, и они не женятся, но рассказывать будет легче, если мы будем считать их мужем и женой. Один из них, Энки, был Хранителем, отвечающим за все воды мира, работа его была тяжела, ибо в то время в мире только и было, что Великая Река, которая текла из ниоткуда в никуда. Он пожаловался на свою тяжкую долю жене, Нинме, она была Хранителем земли, и та предложила сотворить кукол-марионеток, которые будут делать за них всю работу. Так они и поступили, воспользовавшись небольшим количеством песчаной взвеси в Великой Реке. Я вижу, что ты уже знаешь эту часть истории.

— Мне кто-то сегодня немножко об этом рассказал. И в Пуранах это написано.

— То, что я говорю тебе, — правда, ведь это передавали друг другу десять тысяч поколений, и потому слова остались живыми, а не сплющенными на пластике или на сухой кашице из древесины. Слушай дальше. Когда из речной грязи создали эту расу, то Хранители устроили большой праздник, потому что им больше не нужно было работать над сотворением мира. Пиво лилось рекой, и Нинма совсем потеряла голову. Она позвала Энки и спросила:

— Хорошо или дурно человеческое тело? Я могла бы изменить его, как захочу. А ты можешь найти дело для каждого из моих созданий?

Энки принял вызов, Нинма сотворила бесплодную женщину, евнуха и еще несколько уродцев. Но Энки нашел занятие для каждого. Бесплодную женщину он сделал наложницей, евнуха — чиновником, и так далее. А потом, продолжая забаву, он сам бросил Нинме вызов. Он займется внешностью различных рас, а Нинма — их занятиями. Она согласилась, и Энки сначала сотворил человека, который был уже не очень похож на него, так перед глазами Нинмы появился первый на свете старик. Она предложила ему хлеб, но он был настолько слаб, что не мог даже протянуть руку, а когда она сунула хлеб ему в рот, он не сумел его прожевать, у него не было зубов, и потому Нинма не смогла найти этому несчастному никакого дела. Потом Энки слепил еще множество уродов и чудовищ, и Нинма так и не сумела найти им занятия.

Парочка погрузилась в пьяный сон, а когда проснулась, то услышала со всех сторон стоны и вопли — увечные создания Энки расползались по миру. Остальные Хранители призвали Энки и Нинму и потребовали у них объяснений, и вот, чтобы избежать наказания, Нинма и Энки сотворили еще одну расу, последнюю, и назначили ей охотиться на больных, хромых, старых и сохранять здоровье других рас, уничтожая слабых.

Так мой народ появился на свет. Говорят, что у нас горячий и жестокий нрав, потому что Энки и Нинма ужасно страдали от похмелья, когда лепили наших предков, и это передалось нам, как знак гончара, который ставит отпечаток пальца на каждый горшок, который сходит с его круга.

— Я слышал только начало этой истории, — признался Йама, — и рад, что знаю ее теперь до конца.

— А теперь ты расскажи историю, — громко сказал один из мужчин, именно он раньше жаловался на песню Таморы. На нем были черные кожаные брюки и кожаная куртка, усеянная медными заклепками.

— Успокойся, Горго, — сказала старуха. — Этот парень наш гость.

Горго посмотрел на Йаму с другой стороны костра, и Йама встретил его злобный, вызывающий взгляд. Оба не желали отводить глаза, но тут в костре треснула ветка, и горящие сучья полетели прямо на колени Горго, он выругался и стал стряхивать искры. Остальные расхохотались.

Горго помрачнел и сказал:

— Мы слышали эхо его похвальбы в песне Таморы. Мне просто интересно, хватит ли у него смелости раскрыть рот самому. Я думаю, что он из вежливости должен что-нибудь рассказать.

— Ты-то всегда знаешь, кто и что должен, — бросил один из мужчин.

Горго повернулся к нему:

— Я требую оплаты только по необходимости. Ты сам это хорошо знаешь. Если бы я не искал вам работу, вы все погрязли бы в нищете. Вы все — мои должники.

Тут вмешалась старая предводительница:

— Нечего говорить об этом. Ведь мы — Бешеное Племя, и наша честь известна не меньше, чем сила и ярость.

— Некоторым приходится напоминать о чести, — ввернул Горго.

Одна из женщин выкрикнула:

— Мы сражаемся, а ты получаешь доход.

— Тогда не просите меня найти вам работу, — с обидой сказал Горго. — Ищите сами. Я никого не заставляю, это все знают, но ко мне обращается столько народу, что я едва успеваю поспать и перекусить. Но тихо! У нас гость. Не будем о нем забывать. Тамора рассказывала о нем такие чудеса, пусть теперь сам что-нибудь скажет.

Тогда Йама стал говорить:

— Я расскажу вам одну историю, хотя, боюсь, она может показаться вам скучной. О том, как один туземец спас мне жизнь.

Горго пробормотал, что это не очень-то похоже на правду.

— Лучше расскажи что-нибудь про свою расу, — перебил он, — и не говори, пожалуйста, что такой замечательный герой, если, конечно, верить словам нашей сестры, так стыдится своего народа, что вынужден рассказывать небылицы о недочеловеках, на которых даже нет благословения Хранителей.

Йама улыбнулся. По крайней мере на это он мог ответить.

— Хотелось бы узнать такие истории, но меня вырастили как сироту.

— А может, твой народ просто тебя стыдится? — спросил Горго, но он был единственным, кто засмеялся этой шутке.

— Расскажи свою историю, — вмешалась Тамора,— не позволяй Горго тебя перебивать. Он просто завидует, у него-то нет ни одной истории.

Когда Йама начал говорить, он понял, что выпил больше, чем собирался, но отступить уже не мог. Он рассказал, как его похитили и привезли на пинассу, как он сумел убежать, промолчав, правда, о призрачном корабле. Потом описал, как попал на остров смоковницы вдали от берега.

— Я обнаружил там одного из туземных рыбарей, который попал в капкан, расставленный человеком из города, где эдилом служит мой отец. Люди из города когда-то охотились на рыбарей, но мой отец это запретил. Несчастный рыбарь застрял в паутине из толстой липкой нити, которой пользуются, чтобы ловить летучих мышей, носящихся над поверхностью воды в поисках рыбы. Я не мог освободить его, сам не оказавшись в капкане. Тогда я сделал собственную ловушку и стал ждать. Когда охотник явился за добычей, как паук за попавшей в паутину мухой, он сам

стал добычей. Я забрал у него растворитель, убирающий клей в ловушке, и мы с рыбарем оставили глупого охотника на милость тем мелким кровожадным хищникам, которые намного превосходят количеством свои жертвы, — комарам и мошке. В свою очередь, рыбарь накормил меня и доставил на берег Великой Реки. Вот так мы и спасли друг друга.

— Сказочка, — протянул Горго, снова встречаясь с Йамой взглядом.

— Я многое пропустил, это правда, но если рассказывать все по порядку, то и ночи не хватит. Но добавлю еще одну вещь. Если бы не доброта рыбаря, я не сидел бы сейчас здесь, потому я и сделал для себя вывод: никогда нельзя пренебрежительно относиться к человеку, как бы ничтожно он ни выглядел.

Горго тут же вмешался:

— Он хочет, чтобы мы восхищались его размышлениями. А я скажу, что он просто дурак. Любой разумный человек сожрал бы рыбаря, забрал его ялик и благополучно смылся бы с полным животом.

— Я просто рассказал, что произошло,— спокойно сказал Йама, встретившись глазами с желтым взглядом своего оппонента. — Все, что тебе видится в моих словах, ты сам в них вложил. Если бы ты попробовал украсть добычу охотника, то попал бы в паутину и тебя бы зарезали и съели вместе с рыбарем.

Горго вскочил и выкрикнул:

— Думаю, я кое-что смыслю в охоте, и вижу, что не настолько ты умен, как стараешься показать! Ты — на стороне добычи, так что ты совсем не охотник.

Йама тоже поднялся. Он не хотел отвечать на оскорбления Горго, глядя на него снизу вверх. Может быть, он не стал бы этого делать, если бы выпил меньше, но теперь он ощутил укол уязвленной гордости, а кроме того, он не думал, что Горго представляет угрозу. Он из тех, кто пользуется словами, как другие пользуются оружием. Он был выше и тяжелее Йамы, к тому же имел сильные челюсти и острые зубы, но сержант Роден научил Йаму, как обратить такое различие в свое преимущество.

— Я описал то, что произошло, ни больше ни меньше, — повторил Йама. — Надеюсь, мне не нужно доказывать правдивость своих слов.

Тамора схватила Йаму за руку и сказала:

— Не обращай внимания на Горго. Ему всегда хотелось переспать со мной, а я отказывалась. Он злобный и ревнивый.

Горго засмеялся:

— Думаю, ты неправильно меня поняла, сестра. Я возражаю не против твоих слов, а против его обмана. И прежде чем меня оскорблять, вспомни, сколько ты мне должна.

— Сядьте оба! — прикрикнула на них предводительница. — Йама наш гость, Горго. Ты всех нас позоришь! Сядь и пей. Мы все вышли из себя, и чем меньше будет последствий, тем лучше.

— Вы все мне должны! — гнул свое Горго. — Кто за одно, кто за другое. — Он в бешенстве обвел взглядом кружок у костра, плюнул, развернулся и исчез в ночи.

Наступило неловкое молчание. Йама опять сел и извинился, сказав, что выпил лишнего и потерял голову.

— Нам часто приходится ставить Горго на место, — сказала одна из женщин. — Он злится, когда отвергают его ухаживания.

— В нем больше тихой злобы, чем настоящей ярости, — проговорил кто-то, и все согласно закивали.

— Просто позорище, — сказала Тамора. — Хитрый, трусливый. Никогда сам не охотится, кормится нашей добычей. Он застрелил человека из арбалета, испугавшись с ним честно драться.

— Достаточно! — сердито крикнула старая предводительница. — Нельзя хаять людей у них за спиной!

— Я и в лицо ему могу это сказать, — возразила Тамора, — если он наберется когда-нибудь храбрости посмотреть мне в глаза.

— Не будем больше говорить об этом, — вмешался Йама, — а я обещаю не говорить больше о себе.

Потом снова были пьяные игры, песни, и наконец Йама взмолился, чтоб его отпустили спать. Племя Таморы, казалось, совсем не испытывало потребности во сне, но Йама был абсолютно измотан приключениями и просто падал с ног от усталости. При слабом свете Десницы Воина он добрался до своего костра, несколько раз упав по дороге, но не чувствуя никакой боли. Пандарас свернулся калачиком возле теплых углей. Йама улегся чуть поодаль на краю склона, нависающего над чашей спящего города. Он не помнил, как натянул на себя одеяло и как заснул, но проснулся оттого, что Тамора это одеяло с него стягивала. Ее обнаженное тело поблескивало при свете звезд. Он не сопротивлялся, когда она стала расстегивать его рубашку. Не сопротивлялся и когда она накрыла его губы своими.

22. ОБЛАСТЬ РАЗУМА

На следующее утро Пандарас, не скрывая насмешки, смотрел, как Тамора смазывала царапины на боках у Йамы и следы укусов на его плечах и шее. Пандарас зачесал назад волосы пятернею, смочил их собственной слюной, отряхнул пыль с помятой куртки и заявил, что он готов в путь.

— Мы можем позавтракать по дороге. С нашими-то деньгами нет смысла жить, как дикари в низовьях.

— Ты крепко спал эту ночь, — улыбнувшись, сказал Йама.

— Я не спал вовсе. Если я не терял сознание от страха, то все время прислушивался к каждому шороху, представляя, что ко мне как раз крадется какой-нибудь любитель мяса. Мой народ всегда жил в городе, мы не приспособлены к дикой жизни.

Йама взял свою рубашку. Она была в песке, принесенном водою, рухнувшей с потолка в доме торговца, к тому же измята, потому что ночью они с Таморой использовали ее вместо подушки.

Он сказал:

— Мне надо постирать одежду, иначе я произведу дурное впечатление на наших новых работодателей.

Пандарас вскинул глаза:

— Значит, надо спешить, мы получим вознаграждение, пойдем к новому хозяину во Дворец Человеческой Памяти, найдем твою семью — и все это до захода солнца. Мы были бы уже на месте, господин, если бы ты не спал допоздна.

— Не так быстро, — рассмеялся от такой поспешности Йама.

— Я скоро состарюсь, и тебе не будет от меня никакого толку. По крайней мере позволь постирать твою одежду. Это займет всего минуту, в конце концов, я твой оруженосец.

Тамора почесала покрасневшую кожу у края повязки на талии.

— Ха! Тоже мне, оруженосец! — ехидно сказала она. — В волосах солома, на морде грязь. Пошли, Йама, здесь есть место, где можно помыться.

Пандарас выхватил финку, встал в боевую позицию и улыбнулся Йаме, ища одобрения. Он от природы любил накал страстей, драму. Для него весь мир — это сцена, а он — актер в главной роли.

— Я буду охранять твой ранец, господин, но не оставляй меня надолго. Я могу отбиться от парочки-тройки этих кровожадных дикарей, но не от целого племени, — сказал он.

По известняковому склону спускался каскад естественных прудов, вода из горячих источников на вершине, переливаясь из одного бассейна в другой, уровнем ниже доходила до самого подножия. Каждый последующий пруд был слегка прохладней предыдущего. Йама сел рядом с Таморой в мелкую часть пруда, с самой горячей водой, которую он только мог вынести, и стал оттирать рубашку и брюки белым песком. Он разложил их на прогретых солнцем камнях, чтобы высохли, и только тогда позволил Таморе помыть ему спину. Маленькие рыбки с серебряными и черными полосками сновали в горячей воде между его ногами, пощипывая попавшие между пальцев травинки. В верхнем бассейне тоже кто-то купался. Под ярко-синим небом слышался смех и веселые возгласы.

Тамора объяснила, что вода течет с Краевых Гор.

— В городе все, кому это по карману, пользуются горной водой, только нищие и беженцы пьют из реки.

— Значит, они самые чистые люди в Изе, ведь воды Великой Реки священны.

— Ха, святость не очищает воду от всей дряни, которая туда попадает. Большинство и купается-то в ней только раз в году, в престольный праздник своей расы. А в остальных случаях все, кто может, этого избегают. Поэтому воду в город приходится доставлять. Неподалеку как раз протекает подземная река, по которой течет горная вода. Именно из-за нее наши охотничьи угодья расположены в этих местах. В земле есть провалы, к ним на водопой приходят животные, там хорошая охота, и там у нас спрятаны машины, которые греют воду.

— Какое чудесное место, — воскликнул Йама. — Посмотри, ястреб!

Тамора приподняла бечевку на шее у Йамы и стала ощупывать висящую на ней монетку.

— Что это? Амулет?

— Один человек дал мне ее еще в Эолисе.

— Их можно найти где угодно, стоит только немножко копнуть, в детстве мы с ними играли, но эта не такая истертая, как обычно. Кто тебе ее дал? Наверное, возлюбленная?

Дирив. Он изменил ей уже второй раз. Хотя он не знал, увидит ли когда-нибудь Дирив снова, и к тому же вчера он был пьян, ему вдруг стало нестерпимо стыдно за то, что он позволил Таморе собой овладеть.

Дыхание Таморы коснулось его щеки. К нему примешивался аромат мяты, по дороге она сорвала листок и сунула себе за щеку. Она прочертила пальцем линию его челюсти:

— Здесь начинают пробиваться волоски.

— У меня в ранце есть стеклянное лезвие. Надо было его захватить и побриться, а может, я отращу бороду.

— С тобой это было в первый раз, да? Не стесняйся, у каждого ведь бывает первый раз.

— Нет, я имею в виду не в первый раз.

Высокий, возбужденный голос Тельмона, когда он открывал дверь борделя. Теплая, освещенная гостиная благоухает ароматами духов. Женщины поворачиваются на звук, как распускающиеся экзотические орхидеи. Йама пошел с Тельмоном, потому что его попросили, потому что ему было любопытно, потому что Тельмон скоро уезжал на войну. Потом он стал подозревать, что Дирив об этом узнала, но она если и не простила, то, во всяком случае, поняла. Вот почему он давал ей такие пылкие клятвы, когда покидал Эолис. И так легко их нарушил! В сердце возникла

пустота. Как мог он надеяться стать героем?! Тамора прервала ход его мыслей.

— У тебя в первый раз было с женщиной из Бешеного Племени. Это должно выжечь память обо всех других. — Она куснула его за плечо. — У тебя гладкая кожа и соленая.

— Я потею везде, кроме ладоней и ступней.

— Правда? Странно. Но мне нравится этот вкус. Поэтому я и кусала тебя ночью.

— На мне быстро все заживает.

— Йама, послушай, — сказала Тамора. — Больше этого не случится. Во всяком случае, пока мы вместе работаем. Нет, подожди. Я не смогу помыть тебе спину, если ты будешь вертеться. Мы вместе отпраздновали прошлую ночь, и было хорошо. Но я не позволю, чтобы это мешало мне в работе. Если тебе это не нравится, и тебе кажется, что тобой просто воспользовались, поищи себе другого напарника. Их здесь полно, а на Речном Рынке еще больше. У тебя достаточно денег, чтоб нанять лучших.

— Я был пьян не меньше тебя.

— Пьян, как же! Надеюсь, ты трахнул меня не потому, что был пьян?

Йама покраснел.

— Я имею в виду, что потерял контроль над собой. Послушай, Тамора...

— Не начинай, пожалуйста, развозить слюни. Не хочу слышать о том, что дома ты оставил возлюбленную, или о том, как ты сожалеешь. Она там, ты здесь. Мы — боевые товарищи. Мы трахнулись. Конец первой части.

— Неужели в вашем племени все такие прямолинейные?

— Мы говорим как есть. А по-другому это просто слабость. Ты мне нравишься, прошлая ночь доставила мне удовольствие. Мы счастливы, у некоторых рас желание возникает только раз в году, и к тому же нет опасности зачать ребенка. Так всегда бывает, когда трахаются люди моего племени, если только женщина уже не беременна. Я к этому еще не готова. Через несколько лет я найду мужчину, с которым стану жить семьей, но не сейчас. По этой причине многие из нас предпочитают другие расы.

Йама заинтересовался:

— Разве нельзя пользоваться контрацептивами?

Тамора засмеялась:

— Ты не видел дубинки наших мужчин? На них шипы! Попробуй надеть на них резинку! Ха! Но некоторые женщины знают траву, они ее заваривают и пьют, чтобы остановить месячные. Но чаще всего она не помогает.

— Женщины твоего племени сильнее мужчин.

— У большинства рас точно так же, даже если это не бросается в глаза. Просто в этом отношении мы ведем себя более честно. А теперь ты потри мне спину, а потом найдем твоего крысенка. Если повезет, то он сам убежит туда, откуда пришел.

Когда они возвращались, спускаясь с холма по тропинке, которая извивалась между полянами пустырника и зверобоя, Йама заметил, что кто-то, одетый в черное, наблюдает за ними, спрятавшись в тени на опушке дубравы. Он решил, что это может быть Горго, но кто бы там ни был, он скрылся раньше, чем Йама успел показать его Таморе.

В городе все еще ощущалось беспокойство из-за того, что Йама вызвал эту зловещую черную машину. Магистраторы и сопровождающие их целые толпы машин патрулировали улицы. Йама, правда, попросил машины, чтобы они не обращали внимания на него и его спутников, но боялся, что какую-нибудь из них пропустит и заметит, только когда будет поздно, или что из толпы вынырнет префект Корин и направится прямо к нему. Он все время вертел головой и оборачивался, пока Тамора не велела ему прекратить, иначе их точно арестуют. На всех перекрестках прохаживались группы солдат. Они принадлежали к городской милиции и были вооружены фузеями и карабинами, а одеты в широкие красные брюки и пластиковые кирасы, гладкие и прозрачные, как лед. Жесткими глазами они в упор рассматривали толпу, но никого не останавливали. Они не смеют, объяснил Пандарас, и Йама спросил, как такое может быть, ведь они действуют именем Хранителей.

— Нас намного больше, чем их, — просто сказал Пандарас и сделал жест, который Йама уже видел раньше: дотронулся кулаком до своей глотки.

Было ясно, что мальчишка не боялся солдат, напротив, он как мог выражал им презрение, и Йама заметил, что многие, проходя мимо группы солдат, повторяли этот жест. Некоторые плевались или выкрикивали ругательства, чувствуя безнаказанность в анонимной толпе. Пандарас сказал:

— В низовьях идет война, и солдат в городе мало. Они должны поддерживать порядок страхом. Вот за это их и ненавидят. Видишь того петуха?

Йама взглянул вверх. На металлическом диске, плывущем в воздухе над пыльными вершинами магнолий, по одну сторону широкого гомонящего проспекта, стоял офицер в золотых латах.

— Если ему придет в голову, он может одним выстрелом сровнять с землей целый квартал, — объяснил Пандарас, — но он не станет, разве что не будет другого выхода, потому что тогда начнутся беспорядки и придется жечь еще больше. Вот

если бы кто-нибудь украл пистолет и попробовал его против магистраторов и солдат, тогда — другое дело.

— Я думаю, это излишне суровое наказание, — вмешалась Тамора. — Энергопистолеты запрещены. К несчастью. Мне бы сейчас такой в руки, я в момент расчистила бы дорогу среди этого стада жвачных.

— Несколько лет назад, — начал Пандарас, — один мой дядя с материнской стороны попал в демонстрацию протеста против налогов. Это было в нескольких лигах выше его реки. Один торговец купил квартал города и снес дома, чтобы устроить парк, а легаты решили, что все купцы, живущие вокруг этого места, должны платить больше налогов. Парк сделал это место более привлекательным, ясно? Легаты утверждали, что теперь туда будет приходить больше людей, потому что там чище воздух, они будут больше тратить в окрестных магазинах. Торговцы собрались и решили объявить налоговую забастовку. Легаты вызвали магистраторов, а те явились и блокировали всю площадь. Выпустили свои машины, чтобы обозначить линию пикета, и никто уже не мог ни войти, ни выйти. Это длилось сто дней, говорят, что к концу люди там пожирали друг друга. Еда кончилась, а новую взять было негде. Некоторые пробовали рыть туннель, но магистраторы послали машины и убили их.

— Почему они не прекратили забастовку? — спросил Йама.

— Они прекратили. Через двадцать дней. Они бы продержались и дольше, но там были дети и люди, которые живут совсем в другом месте, а просто случайно там проходили, когда началась блокада. Они представили петицию о сдаче, но магистраторы продолжали осаду как наказание. Такие вещи делаются, чтобы мы и плюнуть боялись без разрешения.

— Иначе нельзя, — сказала Тамора, — в городе живет слишком много народу, и в основном дураки или жвачные животные. Ссора между соседями может вылиться в конфликт между расами, и тогда погибнут тысячи. Вместо этого магистраторы убивают одного или двух, если надо, сотню. Конфликт гаснет в зародыше, не успев разрастись. Они могут уничтожить дюжину рас, и никто не заметит.

— В нас сила Иза, — вызывающе сказал Пандарас, но Йама промолчал.

Они добрались к докам после полудня. В тени катера их встретил все тот же бритый коренастый охранник. Он посмотрел на флакон с бренди, в котором плавали нити нервной ткани, и сказал, что уже слышал о смерти торговца.

— Тогда мы просто заберем деньги и уйдем, — сказала Тамора, а Йама напомнил охраннику:

— Но вы же говорили, надо будет проверить, что мы принесли.

На что охранник ответил:

— Весь город знает, что его прошлой ночью убили. Откровенно говоря, мы предпочли бы, чтобы это дело не привлекало столько внимания. Но все равно мы счастливы, что задание выполнено. Не волнуйтесь. Мы заплатим.

Йама быстро сказал:

— Но мы заключили соглашение. Я хочу, чтобы все было выполнено дословно. Ваш хозяин хотел проверить, что мы принесем, и я не желаю, чтобы было иначе, пусть убедится, мы все сделали честно.

Охранник посмотрел на Йаму в упор, потом произнес:

— Я не намерен оскорблять вас невыполнением всех пунктов соглашения.

Пока они шли за стражем по коридору, Тамора поймала руку Йамы и яростно зашептала:

— Дурацкий риск. Мы выполняем работу. Берем деньги. Уходим. Все. Кому какое дело, что они о нас думают? Всякие осложнения опасны, особенно со звездными матросами, а у нас встреча на Речном Рынке.

— У меня есть причины, — упрямо сказал Йама. — Ты и Пандарас можете подождать возле дома или пойти на Речной Рынок, как хотите.

Он все обдумал, пока они шли по улицам города к гавани, где стоял космический катер. Звездный матрос, который его пилотировал, говорил, что знает народ Йамы, и даже если это только одна десятая того, что знал, по его утверждению, торговец, все равно стоило послушать. Йама готов был платить за информацию и знал надежный способ до нее добраться, если звездный матрос ничего ему не скажет.

Внутри корабля, в круглом помещении на конце спирального коридора, охранник раскрыл флакон и вылил его содержимое на черный пол, который моментально поглотил и бренди, и нити нервной ткани. Он надел золотой обруч на свой бритый, испещренный шрамами череп и напрягся. Губы его зашевелились, из них раздался чужой голос:

— Он вам заплатит. Что вам еще от меня нужно?

Йама обратился к мясистому цветку, плавающему внутри сосуда:

— Я разговаривал с вашим товарищем до того, как он умер. Он сказал, что многое знает о моей расе.

— Не сомневаюсь, он много чего говорил, чтобы спасти свою жизнь, — проговорил звездный матрос через человеческий рупор.

— Разговор был, когда я находился у него в плену, и мои товарищи тоже.

— Тогда он, наверное, хвастал. Ты должен понять, он был сумасшедшим. Он разлагался от плотских желаний.

— Я помню, вы сказали, что у меня есть способности, которые могут пригодиться.

— Я ошибся. Они оказались... некстати. Ты не умеешь управлять тем, что в тебе заложено.

Тут вмешалась Тамора:

— Оставь это, Йама. Я помогу тебе найти то, что ты захочешь узнать, но только во Дворце Человеческой Памяти. Не здесь. У нас контракт.

Йама твердо ответил:

— Я не забыл. Вопросы, которые я хочу задать, не решат всех проблем, но они могут помочь. — Он повернулся к существу в бутылке. — Я откажусь от своей доли за убийство вашего матроса, если вы поможете мне понять его слова.

Тамора крикнула:

— Не слушай его, господин! Он не вправе изменять сделку!

Рот охранника открылся и снова закрылся. Его подбородок блестел от слюны. Наконец он проговорил:

— Он рехнулся от плотских желаний. Я, однако, не сумасшедший. Мне нечего тебе сказать, пока ты не докажешь, что узнал, кто ты такой. Тогда возвращайся, и мы поговорим.

— Если бы я это знал, то не стал бы задавать вопросы.

Тамора схватила Йаму за руку:

— Ты рискуешь всем, идиот! Пошли!

Йама хотел вырваться, но Тамора не поддавалась, ее острые ногти так впились в Йаму, что потекла кровь. Он попробовал подойти ближе, чтобы бросить ее через бедро, но Тамора знала этот прием и стукнула его лбом по носу. Череп пронзила острая боль, из глаз у него потекли слезы. Тамора завернула ему руку за спину и потащила через всю комнату к раскрывшемуся входному отверстию, однако Пандарас всем телом обвил ее ноги и впился острыми зубами в ее бедро. Тамора взвыла, Йама высвободился, бросился к охраннику, сорвал с него золотой обруч и натянул себе на голову.

Белый свет.

Белый шум.

Что-то возникло у него в голове и тут же полетело в направлении, которого он раньше не видел, Йама двинулся следом. Это была женщина, нагая и грациозная женщина с бледной кожей и длинными черными волосами, веером летящими за ней сквозь узкие потоки света. Она летела и все оглядывалась через голое плечо. Глаза ее сверкали отчаянием и светом.

Йама следовал за нею со все возрастающим волнением. Казалось, он прикован к ней невидимой цепью, которая становится все толще и крепче, и он, не раздумывая, летел,

повторяя все изгибы и повороты своей провожатой, пока они прорывались сквозь переплетения световых потоков.

С обеих сторон от них тоже кто-то был, а за этими невидимками Йама ощущал присутствие огромных скоплений, объединенных в группы и далеких, как ореолы звезд. То были команды космических кораблей. Здесь, в этой области разума, они плавали, встречаясь и расходясь, как рыба в воде. Когда Йама обращал внимание на ту или иную группу, он ощущал, что смотрит на нечто бесконечное, вмещающее в себя свет множества иных разумов, словно из душной комнаты он сквозь раскрытые ставни увидел юный росистый восход. Но каждый раз, когда его мысли касались чужого разума, тот сворачивался, ставни захлопывались, свет угасал.

В своей погоне за ускользающей женщиной сквозь эту область разума Йама чувствовал растущее раздражение и возмущение ее обитателей. Все они к чему-то взывали, то ли к стражу, то ли к цепному псу, и он возник на пути у Йамы непреодолимой волной давления, прорвавшись через все пространственные измерения, как щука, легко скользящая в толще воды, к безмятежно плывущему на поверхности утенку. Йама удвоил и утроил свои усилия, он почти догнал женщину, когда нестерпимый свет его ослепил, уши оглохли от белого шума, а черный пол вдруг подпрыгнул и обрушился на него всей тяжестью мира.

23. ХРАМ ЧЕРНОГО КОЛОДЦА

Когда Йама пришел в себя, то первым, кого он увидел, был Пандарас. Он сидел, скрестив ноги, в изножье кровати и чинил запасную рубашку Йамы.

Йама голым лежал под шершавой накрахмаленной простыней, чувствуя, как липнет от засохшего пота кожа. Голова болела, а в сухой каверне рта, казалось, сдохла какая-то мелкая тварь. Наверное, приятель той ярко-зеленой ящерицы, что висит вниз головой в пятне света на задней стене. Йама видел, как пульсирует ее алая глотка. Он лежал в маленькой комнатке с пластиковыми стенами цвета охры и повторяющимся рисунком из пары переплетенных виноградных веток. Под потолком торчали пыльные стропила. Полуденный свет проникал через два высоких окна, а вместе с ним гомон, пыль и запахи оживленной улицы.

Пандарас помог ему сесть, подоткнул валик, потом принес чашу с водой.

— Там соль и сахар, выпей, господин. Скорее поправишься.

Йама подчинился. Оказалось, что он проспал ночь и большую часть следующего дня. Из доков его сюда принесли Пандарас и Тамора.

— Она ушла на переговоры с человеком, которого мы должны были встретить вчера. К тому же звездный матрос нам не заплатил, так что она на тебя сердится, господин.

— Я помню, что ты пытался мне помочь. — Сказав это, Йама обнаружил, что в какой-то момент прикусил язык, щеки изнутри тоже болели. — Ты убил охранника той финкой, что она тебе дала.

— Нет, господин, это было раньше. У ворот поместья. А потом уже был космический катер, когда ты сорвал обруч с охранника и надел себе на голову.

— Обруч был у торговца. С его помощью он контролировал свое хозяйство. Но я его сломал, когда забирал у него.

— А это было в космическом катере. Пожалуйста, вспомни, господин. Ты надел обруч и сразу потерял сознание, на губах показалась пена, а глаза закатились. У моей сводной сестры эпилепсия, так это выглядело точно так же.

— Женщина! Я видел женщину. Но она от меня скрылась.

Но Пандарас продолжал говорить:

— Я сорвал обруч с твоей головы, но ты не очнулся, тут явились еще охранники и выперли нас с катера. А первый охранник, тот, у которого ты отобрал обруч, заспорил с Таморой про деньги. Я думал, она его убьет, но его ребята вытащили пистолеты. Мы взяли немножко из твоих денег, чтобы заплатить за комнату и за паланкин, который тебя сюда доставил. Надеюсь, мы правильно сделали.

— Наверное, Тамора и на тебя злится.

— Она не обращает на меня внимания, и это неплохо. Я ее сильно укусил, когда она хотела тебя остановить и не дать тебе схватить обруч, но она только перевязала себе ноги и не сказала ни слова. Не хочет признать, что я мог нанести ей рану, понятно? А я теперь ее не боюсь, потому что знаю, я ей тоже могу поддать. Так я и сделаю, если придется. Я не хотел с ней драться, господин, но ей не следовало тебя тащить. Нет у нее такого права.

Йама прикрыл глаза. Гроздья огней, висящих на потолке круглой комнаты в космическом катере. Существо в бутылке с розоватыми жабрами и лилейно-белой мантией, обвивающей густое сплетение обнаженных нервных волокон.

— Я вспомнил, — слабо проговорил он. — Я пытался узнать что-нибудь о своей расе. Область разума...

Пандарас с готовностью закивал:

— Ты забрал у охранника обруч и натянул его на себя.

— Возможно, было бы лучше, если бы Тамора меня остановила. Она боялась, что не будет мне больше нужна.

Пандарас забрал пустую чашку из рук Йамы и спросил:

— Ну а разве она тебе нужна? Ты же стоял лицом к лицу с тем, в бутылке, и разговаривал с ним напрямик. Он сообщил тебе то, что нужно?

Стоило только Йаме напрячься и попытаться вспомнить детали, как все превращалось в сон. Убегающая женщина, смутные звезды чужих разумов... Йама сказал:

— Я видел нечто поразительное, но ничего не узнал о моем народе. Только понял, что пилоты звездных кораблей боятся меня.

— Меня ты тоже напугал, господин. Я подумал, что ты отправился туда, где они живут, а свое тело бросил здесь. Я пошлю за едой. Ты не ел уже два дня.

— Ты так обо мне заботишься, Пандарас.

— Эх, приятно в виде исключения отдавать приказы в таком заведении. Совсем недавно я сам был на побегушках и бросался исполнять приказания каждой свиньи. Я еще помню, каково это.

— Не так уж давно это было, всего несколько дней назад.

— Для меня прошло больше времени, чем для тебя, господин. Отдыхай. Я скоро вернусь.

Но Пандараса не было очень долго. В комнате было жарко и душно. Йама завернулся в простыню и сел у окна, где ощущалось хоть небольшое движение воздуха. Он чувствовал себя слабым, но хорошо отдохнувшим и готовым к действиям. Повязки на руке не было, а кожа вокруг черных стежков уже затягивалась. Порез на руке превратился в едва заметную серебристую ниточку. Все царапины и ранки от последних приключений уже зажили, к тому же кто-то, очевидно Пандарас, побрил его, пока он спал.

Трактир стоял на широком проспекте, по центру которого тянулись цепочки пальм. Толпы людей запрудили эту белую пыльную магистраль. Такую массу народа Йама не видел за всю свою жизнь. Тысячи людей, сотни различных рас. Там были уличные торговцы, нищенствующие монахи, группы паломников, жрецы, чиновники, спешащие по своим делам по двое и по трое, писцы, музыканты, циркачи, проститутки и шарлатаны. Над головами толпы по проволоке, натянутой с одной стороны улицы до другой, шел акробат. Продавцы жарили бананы и ямс на раскаленных железных пластинах, калили орехи в огромных медных чанах над масляными горелками. Оборванные мальчишки сновали между прохожими, предлагая им ароматический лед, сладости, солод, жареные орехи, сигареты, пластиковые брелоки с копиями давно утерянных изображений Хранителей, медали с портретами официальных героев войны против еретиков. Нищие демонстрировали сотни различных увечий и ран. Посыльные на ловких, подвижных генеттах или украшенных черными плюмажами страусах на полном скаку неслись сквозь толпу. Важные персоны шествовали под шелковыми балдахинами, некоторые передвигались в носилках и паланки-

нах. Группа гигантов, по пояс возвышаясь над головами прохожих, разрезала толпу, как будто вброд перебиралась через бурный поток. Прямо за дорогой люди собирались вокруг каменного алтаря, жгли маленькие конусы ладана, купленные здесь же у жреца, бормотали молитвы, стараясь, чтобы на них попадал дым благовоний. Процессия священнослужителей в оранжевых мантиях со свежевыбритыми, блестящими от масла головами извивалась длинной беспорядочной гусеницей за группой бешено колотящих в барабаны людей.

Вдалеке, перекрывая шум запруженной улицы, раздавались беспорядочные звуки труб. И вот на проспекте появилась процессия, возглавляемая трубачами. Она состояла из огромной повозки, которую тащила сотня потеющих полуобнаженных мужчин. С обеих сторон, расточая аромат ладана, шли с курильницами жрецы. Раскрашенную красным и золотым повозку увивали гирлянды цветов; среди цветов стоял экран, черный овал которого украшала изысканная резьба. Повозка остановилась прямо напротив окна Йамы, люди, собравшиеся на крышах домов, стали лить воду из ведер на тех, кто тащил повозку. Все новые гирлянды цветов летели на повозку, на людей вокруг нее, на жрецов и паломников, в воздухе возникла настоящая цветочная метель.

Йама перегнулся через подоконник, чтобы получше все рассмотреть, и в этот момент услышал за спиной шум. Он обернулся, думая, что пришел Пандарас.

Кусок охряного пластика в противоположной стене раскололся паутиной трещин, а в центре паутины торчала арбалетная стрела.

Стрела была длиной с руку Йамы, с твердым деревянным древком и красным оперением. Учитывая угол, под которым она впилась в пластик, можно было сделать вывод, что выпустили ее с одной из крыш на противоположной стороне улицы, где все дома были выше окна Йамы. Йама слетел с подоконника и, скрючившись, стал рассматривать крыши напротив, но там собрались сотни людей, они разбрасывали цветы и выплескивали на повозку фонтаны серебристых брызг. Он попытался обнаружить машину, которая могла наблюдать за процессией, но, похоже, рядом не было ни одного магистратора.

Все еще передвигаясь на корточках, Йама закрыл и запер тяжелые створки обоих окон, а затем вытащил из стены арбалетную стрелу.

Через несколько минут вернулся Пандарас. Перед ним шел мальчик-слуга с подносом, накрытым белой салфеткой. Он поставил его на низенький круглый столик, который вместе с кроватью и стулом, где сидел Йама, составлял все убранство комнаты. Пандарас отпустил мальчика и жестом фокусника поднял салфетку, открыв взору блюдо с фруктами, холодное мясо и

запотевшую бутыль белого вина. Он разлил вино и одну чашу подал Йаме.

— Прости, господин, что я провозился так долго. Здесь сегодня праздник. За комнату тоже пришлось заплатить двойную цену.

Вино оказалось очень холодным и сладким, как сироп. Йама заметил:

— Я видел, как мимо нас шла процессия.

— Здесь всегда какая-нибудь процессия. Это в природе этих мест. Ешь, господин. Ты должен набраться сил, прежде чем мы куда-нибудь отправимся.

Йама взял ломтик зеленой дыни, которую ему протягивал Пандарас.

— Где мы находимся?

Пандарас впился зубами в свой ломоть.

— Ну как же! Это квартал, расположенный между рекой и Дворцом Человеческой Памяти.

— Думаю, надо пойти и найти Тамору. Где моя одежда?

— Брюки под матрацем, чтобы не мялись. Одну твою рубашку я как раз чиню, а вторая в ранце. Господин, тебе надо поесть, а потом отдохнуть.

— Полагаю, сейчас не время,— сказал Йама и показал Пандарасу арбалетную стрелу.

Хозяйка обратилась к Йаме и Пандарасу, когда они проталкивались через переполненный зал трактира. Это была полная женщина с темной кожей и широкой улыбкой, ее длинные, блестящие от жира волосы сплетались в тяжелую толстую косу. Она беспрестанно потела в своем красном с золотом саронге. Постоянно обмахиваясь пухлой ладонью, женщина сообщила, что для них есть записка.

— Сейчас отыщу, — говорила она, роясь в ящике своей конторки. — Потерпите минуточку, господа. Такой хлопотливый день! А, вот она! Подождите, сейчас.

Йама взял в руки кусок плотной бумаги. Он был свернут вчетверо, сложен конвертом и запечатан каплей воска. Йама все вертел и вертел его в руках, а потом спросил Пандараса:

— Умеет Тамора читать и писать?

— К контракту она прикладывала палец, догадываюсь, что она читает не лучше меня, то есть никак.

Хозяйка попыталась помочь:

— Тут на каждом углу писцы. Это печать одного из них.

— А какого?

— Их так много. Позову-ка я лучше одного из мальчишек... — Хозяйка промокнула вспотевший лоб куском желтой ткани, надушенной мятным маслом. Глаза ее были подведены

синей краской и золотыми тенями, а брови изогнуты в длинные заостренные дуги и закреплены воском. Создавалось впечатление, что на лицо ей села крупная бабочка. Она добавила: — Но только когда разойдется народ. Сегодня ведь праздник.

— Я видел, как ехала повозка, — сказал Йама.

— Повозка? А, оракул! Нет-нет, он не имеет отношения к празднику. Его носят туда-сюда каждый день, конечно, кроме престольных праздников, когда его выставляют у Великой Реки. Но с тех пор прошло уже сто дней, да и праздник тогда бывает небольшой, местный. А сегодня люди собрались со всего Иза, и те, кто живет ниже по реке, тоже приехали. У нас самая запарка. Конечно, теперь гостей меньше. Многие не решаются ехать из-за войны. Потому-то я и нашла для вас комнату.

— Она переселила двух паломников в конюшни и берет с нас в два раза больше, чем платили они, — проворчал Пандарас.

— Зато они теперь платят меньше, чем раньше, — парировала хозяйка, — так что получается то же самое. Надеюсь, в записке добрые известия. Комната останется за вами сколько надо. — Хотя она и утверждала, что страшно занята, но все равно не могла отказать себе в удовольствии сунуть нос в чужие дела.

Йама поднял свернутую записку и спросил:

— Кто ее принес?

— Я не видела. Мне ее отдал один из мальчишек. Я могу его поискать. Думаю, что найду, хотя сегодня такая кутерьма...

— Из-за праздника, — закончил Йама и сорвал с письма печать.

Записка оказалась короткой, буквы выписаны аккуратно, с решительным и твердым нажимом и тонкими волосяными линиями. Скорее всего ее выполнил один из писцов, если, конечно, Тамора не провела за изучением каллиграфии столько же лет, сколько сам Йама.

Я ушла по делу. Человек, который тебе нужен, находится в Храме Черного Колодца.

Пандарас спросил:

— Что там написано?

Йама прочел записку Пандарасу, а хозяйка заметила:

— Это недалеко отсюда. Идите по переулку слева от трактира и попадете прямо к Дворцу. Если вы подождете, я могу послать с вами мальчишку...

Но Йама и Пандарас уже проталкивались через переполненную комнату к раскрытой двери и лежащему за ней солнечному проспекту.

* * *

Узкие улочки за трактиром были прохладнее и тише, чем проспект. Древняя брусчатка лежала на них косыми рядами, в канаве играли голые дети. Двухэтажные дома имели плоские крыши и маленькие, закрытые ставнями окна, а покрытые толстой желтой или оранжевой штукатуркой стены крошились и во многих местах были залатаны. В большинстве домов на первых этажах располагались лавки, двери которых выходили прямо на улицу. Там торговали изделиями религиозного назначения; Йама и Пандарас шли вдоль бесконечных витрин, но все магазины казались закрытыми.

Йама подумал, что это место выглядит подозрительно и даже зловеще. Когда они проходили мимо, люди бросали свои дела и смотрели им вслед. Но Йаме понравилась сложная география этих кварталов: узенькая улочка могла внезапно привести к прекрасной площади с белым, играющим серебряными струями фонтаном. Ему нравились маленькие местные оракулы, помещенные в стены домов, увядающие венки и пирамидки пепла перед мутным овалом черного стекла, слабо имитирующим темную прозрачность настоящих оракулов.

Купола, шпили и башни храмов и святилищ возвышались среди моря плоских крыш обычных домов, как корабли, врубающиеся в крошево льда застывших пустынь за сотни лиг отсюда, в верховьях Великой Реки. А за всеми этими домами, храмами и святилищами темнела громада Дворца Человеческой Памяти, террасами поднимающаяся к своему далекому пику, за которым горело багряное небо, окрашенное заходящим солнцем.

Пандарас объяснил, что эта часть города занята всем, что связано с поклонением Хранителям, а кроме того, здесь располагается городское управление Иза. Департаменты Гражданских Служб, вытесненные из внутренних покоев Дворца Человеческой Памяти, занимают небольшие здания в его округе. Здесь процветали тысячи культов, одни открыто, другие в потаенных подземных палатах.

— Ночью эти места небезопасны для чужаков, — сказал Пандарас.

— У меня есть нож, а у тебя — финка.

— Надо было тебе надеть латы. Мы забрали их с Речного Рынка. Они обрезаны по размеру и отполированы, как новые.

Йама их уже видел, когда вынимал из ранца рубашку. Он возразил:

— Они бы привлекали внимание. Вдруг они кому-нибудь слишком понравятся? Люди и сейчас на нас так пялятся, как будто мы — целая праздничная процессия.

— Они могут захотеть получить нашу кровь или наши мозги, чтобы засунуть их живьем в бутыль, как у звездного матроса.

Йама рассмеялся от этих мрачных фантазий.

Пандарас продолжал:

— Здесь уживается добро и зло, господин. Мы ведь в Новом Квартале, построенном на месте Кровавой Битвы. Ты — человек уникальный. Не забывай об этом. Такой — редкая удача для принесения человеческой жертвы.

— Новый Квартал? Он выглядит очень древним.

— Это потому, что здесь ничего не перестраивалось с Эпохи Мятежа. Остальная часть города намного старше, но люди постоянно сносят старые здания, строят новые. Иерархи построили Дворец Человеческой Памяти на месте последней битвы между машинами, кости и все останки собрали в большие рвы, землю заровняли и построили на ней эти дома.

— Я знаю, что где-то возле Иза была страшная битва, но думал, что это значительно выше по реке. — Теперь Йама вспомнил, что Храм Черного Колодца как-то связан с последней битвой, хотя в чем там дело, он не знал.

Пандарас стал объяснять:

— Дома построены на поле битвы, и с тех пор здесь ничего не меняется, кроме зданий святилищ и храмов.

— Я думал, что дома строились вокруг них.

— Дома приходится сносить каждый раз, когда строится новый храм. Это опасное дело. В земле попадаются старые яды и старинное оружие. Если его побеспокоить, оно иногда стреляет. Есть Департамент, который занимается только старым оружием, они ищут его с помощью прорицателей, а потом разряжают. А в некоторых местах квартала водятся привидения. Поэтому здесь такие странные люди, ясно? Призраки селятся у них в головах и заражают их идеями прежних времен.

Йама заметил:

— Я никогда не видел призраков. Фантомы, которые встречались в Городе Мертвых, — не в счет, ведь они — просто полуразрушенные проекции умерших. И пусть Амнан утверждает, что голубые огоньки, которые иногда плавают среди развалин около замка, — это призраки, души умерших, не нашедшие успокоения, но Закиль объяснил: это всего-навсего пузырьки горящего болотного газа.

Пандарас сказал:

— В основном это призраки машин, но некоторые когда-то были людьми и они, говорят, хуже всех. Вот почему здесь производят столько икон, господин. Если заглянуть в любой из этих домов, можно увидеть целые слои икон на стенах.

— Чтобы отпугивать призраки...

— Обычно это не помогает. Так я, во всяком случае, слышал.

— Смотри, это наш храм?

Впереди в нескольких кварталах возвышался гигантский куб, сложенный из огромных, грубо отесанных ка-

менных глыб, местами покрытых сажей. Здание венчала луковица купола, выложенная истертыми золотыми плитками.

Пандарас, прищурившись, стал рассматривать это сооружение.

— Нет, у нашего — более пологий купол, а сверху отверстие.

— Ну конечно! Туда упала машина.

Храм Черного Колодца был построен много позже страшного падения зловещей машины, но его купол специально оставили незавершенным, в качестве символа.

В центре крыши сделали отверстие, прямо над тем местом, где машина стукнулась о поверхность земли, и порода под нею расплавилась до самой мантии. Йаме рассказал эту историю фантом одного кожевника, который держал мастерскую поблизости от строительства храма. Кожевника звали Мизим. У него было две жены и шесть красавиц дочерей, он много занимался благотворительностью в доках среди осиротевших ребятишек местной бедноты. Мизим жил несколько веков назад, и Йама быстро потерял интерес к ограниченным ответам фантома, но теперь он о них вспомнил. Отец Мизима видел падение машины, он рассказывал Мизиму, что, когда машина ударилась о землю, фонтан расплавленной породы взлетел выше атмосферы, а дым вторичных пожаров застилал солнце еще десять лет.

— Он левее, — сориентировался Пандарас. — До него еще минут десять ходу. Тот дом с золотой крышей — это гробница святого воителя. Она сделана из целикового монолита, только внутри есть секретное помещение.

— Ты прямо ходячая энциклопедия, Пандарас.

— У меня здесь живет дядя, и я гостил у него какое-то время. Он — брат моей матери, и было это в те времена, когда мой отец убежал, а мать отправилась его искать. Год — это очень долгий срок для моего народа. Потом она вернулась и вышла замуж за другого, а когда у них все разладилось, она вышла замуж за моего отчима. У меня с ним отношения не очень-то, вот я и нанялся прислуживать в трактир — там давали комнату. А потом появился ты, и вот я здесь. — Пандарас усмехнулся. — После того как я убрался из этого района, я еще долго боялся, что в меня вселился призрак. Просыпался, и мне казалось, что во сне со мной говорили какие-то голоса. Но с тех пор как мы с тобой встретились, я их не слышу, господин. Может быть, твоя раса излечивает от призраков.

— Судя по тому, что я узнал, вся моя раса — призраки, — уныло проговорил Йама.

Храм Черного Колодца стоял в центре широкой площади, вымощенной замшелым булыжником. В плане он представлял собой крест с длинными боковыми апсидами; его купол, сверкающий золотом в лучах заходящего солнца, располагался над пересечением атриума и боковых апсид. Стены были выложены

блестящим черным камнем, но кое-где он осыпался, и в глубине виднелась кладка сероватого известняка. Йама и Пандарас обошли вокруг храма, но никого не встретили, тогда они поднялись по длинной пологой лестнице и прошли через высокий нартекс.

Внутри было темно, но из отверстия в куполе в дальнем конце обрамленного колоннами атриума падал столб красного вечернего света. Йама огляделся: ни Таморы, ни ее таинственного работодателя не было видно, казалось, что храм вообще пуст. Капители колонн украшал причудливый орнамент, а полуразрушенная мозаика пола представляла картины великих битв прошлого. Йама подумал, что храм великолепен, но теперь имеет неухоженный вид, и еще он решил, что это странное место не для рандеву, скорее оно годится для засады.

Чувствовалось, эта же мысль пришла в голову и Пандарасу: пока они шли вдоль атриума, он без конца вертел головой. Красноватый свет заходящего солнца падал на высокий, до пояса, парапет из необработанного камня, который ограждал уходящее в черную глубину круглое отверстие. Это и был тот колодец, который образовался, когда упала машина и расплавила под собой каменные породы. Вся окружность парапета была покрыта остатками сгоревших благовоний, тут и там лежали подношения из цветов и фруктов. В трещинах торчало несколько ароматических палочек, которые испускали кольца сладкого дыма, но цветы уже завяли, а на фруктах виднелись темные пятна.

— Сюда мало кто ходит, — пояснил Пандарас. — Призрак машины очень могуч и он не спит.

Придерживаясь за парапет, Йама заглянул в глубину колодца. Оттуда пахнуло застоявшимся, стылым воздухом. Стенки колодца поблескивали стеклянной гладью расплавившегося камня, который прорезали разноцветные жилки примесей. Шахта уходила вниз, сужаясь до темного пятачка на самом дне. Невозможно было понять, насколько она в действительности глубока. В приступе внезапного любопытства Йама сбросил туда плод граната.

— Зря ты это сделал, господин, — севшим от страха голосом произнес Пандарас.

— Не думаю, что эту машину можно разбудить гранатом. Как мне рассказывали, она летела к земле очень долго, по крайней мере два дня, и появилась в небе, как звезда, объятая пламенем. Когда она упала, то рухнули тысячи домов, а речная волна смыла целый город на том берегу. Затем небо потемнело от пожаров.

— Там, внизу, может быть что-нибудь еще, — со страхом сказал Пандарас. — Например, летучие мыши. Я терпеть не могу летучих мышей.

— Надо было бросить монету, тогда бы я мог услышать, как она звякнет, — пробормотал Йама.

Но какой-то частью сознания он ощущал, что гранат все еще летит сквозь темноту, и падать ему не меньше двух лиг. Вместе с Пандарасом они еще раз обошли колодец, но, кроме ароматических палочек, не обнаружили никаких свежих следов пребывания Таморы или другого живого существа. В тихом воздухе чувствовалось скрытое напряжение, как будто вне пределов слышимости звенела натянутая струна.

Пандарас сказал:

— Надо уходить, господин. Таморы здесь нет, — и с надеждой добавил: — Может, она совсем от нас отстала.

— Она заключила со мной контракт. Думаю, для того, кто живет от заказа до заказа, это серьезная вещь! Подождем еще немножко. — Он вынул и перечитал записку. — «Человек, который тебе нужен...», интересно, что это значит?

— Скоро стемнеет.

Йама улыбнулся:

— Я вижу, тебе здесь страшно.

— Ты можешь не верить в призраков, господин, но многие верят, фактически большинство в этом городе.

— У меня больше всех причин верить, ведь я вырос в самом центре Города Мертвых, но я не верю. Призраки не становятся реальнее от того, что люди в них верят. Я мог бы считать, что Хранители воплотились в речных черепах, и убедить в этом миллионы людей, но это все равно не стало бы правдой.

— Нельзя так шутить, господин, — прошептал Пандарас, — особенно здесь.

— Хранители, наверное, простят маленькую шутку.

— Другие могут за них оскорбиться, — упрямо возразил Пандарас. Несмотря на практичность, он был очень суеверен.

Йама замечал, как, соблюдая ритуал, он рьяно моется после еды и после пробуждения, как, проходя мимо оракула, он скрещивает пальцы. (Жители Эолиса тоже были подвержены этому предрассудку, веря, что так можно скрыть, что они приблизились к святилищу без подношения.) Молился Пандарас тоже очень усердно.

Йаме он напоминал Амнана, который не мог и не желал читать Пураны и знал их только в пересказе священников и по иконостасам. Пандарас вместе со многими миллионами жителей Иза верил, что Хранители подвергли себя перевоплощению, они не исчезли в Оке, а растворились в частицах сотворенного ими мира; бессмертные и невидимые, они присутствовали повсюду; обладая беспредельной властью, они были скоры на расправу и требовали постоянного задабривания.

Пандарас стал объяснять:

— Призраки больше похожи на мысли, чем ты считаешь. Чем сильнее люди в них верят, тем более реальными они становятся. Стой! Что это?

— Я ничего не слышал, — проговорил Йама, но в тот же миг ощутил легкое подрагивание, словно огромный храм слегка встряхнул всю массу своих каменных глыб и снова затих. Похоже, движение шло из колодца. Йама перегнулся через парапет и заглянул в глубину. Тянувший оттуда ветерок, казалось, слегка усилился, в нем появился едва заметный привкус нагретого металла.

— Пойдем отсюда, — жалобно протянул Пандарас, он переминался с ноги на ногу, словно готовился немедленно рвануться с места.

— Заглянем еще с апсиды. Если бы что-то могло случиться, Пандарас, оно бы уже случилось.

— Если ничего не происходит, то чего дожидаться?

— Ты иди налево, а я направо, и если ничего не найдем, обещаю, мы сразу же уходим.

— Я пойду с тобой, господин, если позволишь. Не желаю я оставаться один в этих катакомбах.

Арка, ведущая в апсиду справа от колодца, была занавешена тонкой пластиковой сетью. За ней скрывалось высокое квадратное помещение, тускло освещенное пробитыми в толстых стенах отверстиями сразу под сводчатым потолком. В центре стоял алтарь, на одной его стороне расположилась похожая на гигантскую монету черная глянцевая окружность оракула. В нишах по всему периметру комнаты стояли статуи в три человеческих роста. То не были фигуры людей, и высечены они были не из камня, а из того же гладкого прозрачного пластика, что и древние доспехи. В толще их тел и конечностей Йама смутно различал какие-то тени и линии.

Пандарас подошел к одной из статуй и постучал костяшками пальцев по ее голени.

— Есть легенда, что эти гиганты сражались против Мятежников.

— Думаю, что скорее их создали в память о великих полководцах, — проговорил Йама, всматриваясь в мрачные лики статуй.

— Не беспокойся, — произнес женский голос. — Они спят уже так долго, что забыли, как просыпаться.

24. ЖЕНЩИНА В БЕЛОМ

Йама стремительно обернулся, по темному диску оракула металась волны ослепительного белого света. Он заслонил ладонью глаза, но слепящий свет уже мерк, превращаясь в игру мягких полутонов.

Сведенной в судороге рукой Пандарас зажимал себе рот.

— Господин! Это какой-то ужасный обман.

Йама осторожно вступил в разноцветные струи света и коснулся холодной гладкой поверхности оракула. В голове его билась сумасшедшая мысль, что он может войти в него так же легко, как входит тело в воды Великой Реки.

Из световых завихрений к нему потянулась рука, и на миг ему почудилось, что он ощутил ее прикосновение, будто перчатка скользнула по его коже. Он отпрянул.

Послышался смех, подобный мелодии серебряных колокольчиков. Вихри и волны сотен цветов свернулись, и на диске оракула появилось лицо женщины. Пандарас вскрикнул и бросился наутек, проломившись сквозь черную сеть занавеса, который разделял апсиду и центральную часть храма.

В ужасе и потрясении Йама опустился перед оракулом на колени:

— Госпожа... чего ты от меня хочешь?

— О, встань сейчас же! Я не могу говорить с твоей макушкой.

Йама повиновался. Он думал, что эта женщина — одна из аватар, которые стоят между земным миром и славой его создателей и обращены сразу в обе стороны. Белое облегающее одеяние подчеркивало высокую стройную фигуру, во взгляде чувствовалась спокойная властность. Цвет ее кожи напоминал бронзу, а черные длинные волосы оплетала сетка. За ее спиной раскинулся сад: ухоженные газоны, прихотливо подстриженные живые изгороди. Каменный фонтан выбрасывал мощную струю воды высоко в пронизанный солнечным светом воздух.

— Кто ты, госпожа? Ты живешь в этом святилище?

— Я и сама не знаю, где теперь живу. Ты бы сказал, что я развеяна, а это — одно из немногих мест, где я могу выглянуть в мир. Как из окна. Вы живете в домах, состоящих из комнат, а в моем доме одни только окна, и все выходят в разные места. Ты привлек меня к этому окну, я выглянула и увидела тебя.

— Привлек тебя? Госпожа, я не хотел...

— У тебя на шее ключ. По крайней мере его ты уже нашел.

Йама взял в руки монету, которая висела у него на шее. Он ее получил от отшельника весенней ночью в Эолисе, когда доктор Дисмас вернулся из Иза, и все вдруг преобразилось. Йама ходил ловить лягушек, а поймал нечто куда более странное. Монета была теплой на ощупь, но, наверное, оттого, что она соприкасалась с кожей.

Женщина в алтаре сказала:

— Он работает от света и ненадолго подключился к передатчику, я услышала и подошла. Не бойся. Тебе нравится мой дом?

Йама ответил с изысканной вежливостью:

— Я никогда не видел подобного сада.

— Конечно, не видел. Он из какого-то давно исчезнувшего мира, может быть, даже с Земли. Хочешь, я изменю его? Я могу жить где угодно, или по крайней мере на любых не испорченных файлах. Серверы уже очень старые, и многое портится. Атомы мигрируют, космические лучи и нейтрино повреждают решетку... Но я в любом случае предпочитаю сады. Что-то они задевают в моей памяти. Мой оригинал когда-то правил многими мирами, и на некоторых наверняка были сады. Возможно, в незапамятные времена она владела как раз таким садом. Но я так много забыла, да и с самого начала не была завершенной. Здесь есть павлины. Ты знаешь павлинов? Нет, полагаю, что нет. Возможно, где-нибудь в Слиянии живут похожие на павлинов местные существа, но я не уверена, у меня под рукой нет файлов. Если мы долго проговорим, один из них может показаться на глаза, когда будет идти мимо. Это такие птицы. У самцов огромные хвосты веером, а на них глазки.

Йаму вдруг заполнило видение ярко-синей птицы с длинной шеей и колышущейся аркой хвоста, обрамляющей маленькую головку. Оттуда смотрели концентрические круги огромных глаз. Йама отвернулся, заслонив руками глаза, но видение все еще застилало ему взор.

— Подожди, — сказала женщина. В ее голосе как будто прозвучало сомнение. — Я не хотела... Трудно регулировать мощность...

Сноп горящих глаз исчез, в голове осталось только кроваво-красное марево. Йама осторожно повернулся опять к алтарю.

— Он не настоящий, — произнесла женщина. Она подошла к внутренней поверхности диска, прижала к нему ладони и приблизила лицо к неощутимой грани оракула, будто всматриваясь в темноту из освещенной комнаты. Кожа ладоней оказалась у нее красной.

— Пеонин, — объяснила она, — всегда важно помнить, что это ненастоящее. Но разве все остальное не является тоже иллюзией? Все мы просто волны, и даже волны — это полуреальные нити, сворачивающиеся сами в себя.

Казалось, она говорит сама с собой, но тут она улыбнулась Йаме. Впрочем, нет, ее взгляд смотрел куда-то левее его макушки. Охваченный внезапным подозрением, Йама спросил:

— Прости меня, госпожа, ты из аватар? Я еще ни одного не видел.

— Я вовсе не являюсь частицей бога, Йамаманама. Мой оригинал когда-то правил миллионами планетных систем, но и она никогда не называла себя богиней, никто из супервластителей не имел таких претензий, только наши враги.

Страх и потрясение сменились в душе Йамы облегчением. Он рассмеялся и сказал:

— Фантом. Ты — фантом или призрак.

— Призрак в машине, можно сказать и так. Почему нет? Даже когда мой оригинал бродил по этим местам, она тоже была лишь кожей своей памяти, а меня, думаю, можно назвать призраком призрака. Но ведь и сам ты — тоже призрак. Ты не должен здесь находиться, не в это время. Либо ты слишком молод, либо слишком стар — на сто тысяч лет в любую сторону.... Ты знаешь, зачем ты здесь?

— Я желаю всем сердцем выяснить это, — воскликнул Йама, — но я не верю в призраки.

— Мы уже встречались. — Кокетливым движением женщина наклонила голову и улыбнулась. — Разве ты не помнишь? — спросила она. — Конечно, ты был слишком молод, а тот глупец закрыл твое лицо складками своей мантии. Думаю, он потом что-то сделал с оракулом, потому что с тех пор то окно для меня закрыто. Как и многие другие. В системе много старых повреждений из-за войны между машинами. Пока ты рос, я только изредка могла бросить на тебя взгляд. Как мне тогда хотелось поговорить с тобой! Как хотелось помочь! Я так счастлива снова с тобой встретиться! Но тебе нельзя оставаться в этом ужасном и странном городе. Тебе надо скорее отправляться в низовья, на войну.

— Что ты обо мне знаешь? Пожалуйста, госпожа, расскажи мне, что тебе известно!

— Существуют ворота, ведущие к тайным путям. Их открывает отрицательная гравитация чуждой материи. Они ведут во всех направлениях, даже в прошлое, до самого момента их сотворения. Думаю, что ты появился оттуда. Или с космического корабля. Возможно, твои родители были пассажирами такого корабля, а околосветовая скорость долгого путешествия защитила их от хода времени. Мы так и не выяснили, куда летают эти корабли. Не было времени узнать даже десятую часть того, что нам нужно. В любом случае ты пришел из глубокого прошлого этого странного мира, Йамаманама, но хоть я и просмотрела архивы, я не сумела выяснить, кто и зачем тебя послал. И разве это имеет значение? Ты здесь, а впереди много работы.

Йама не мог ей поверить. Если он действительно явился сюда из далекого прошлого, когда его народ, Строители, созидал этот мир, согласно повелениям Хранителей, то, значит, он никогда не сможет найти ни свою семью, ни просто людей своей расы. Он навсегда останется одинок. А в это невозможно поверить.

Он стал рассказывать:

— Меня нашли на реке. Я был младенцем и лежал на груди мертвой женщины в белой лодке. — Внезапно он почувствовал, что сердце его сейчас разорвется от тоски. — Пожалуйста! Скажи мне, зачем я здесь?

Женщина в оракуле, словно в недоумении, подняла руки.

— Я здесь чужая. Мой оригинал вышел в ваш мир. Она здесь погибла, но до этого успела начать здесь перемены. Перед смертью часть ее перешла сюда. И я все еще здесь. Иногда мне кажется, что ты — часть сотворенного ею уже после того, как она оставила меня здесь. Если все так и было, тебя можно считать моим сыном.

— Я ищу ответов, а не новых загадок, — с отчаянием проговорил Йама.

— Позволь, я приведу пример. Ты видишь эти статуи? Ты считаешь их памятниками погибшим героям, но правда проще, чем любые легенды.

— Значит, это не статуи?

— Вовсе нет. Это солдаты. Когда главная часть храма была уже построена, они были его гарнизоном и охраняли храм от того, что глупые маленькие жрецы называют «вещь-в-глубине». Думаю, что спустя много лет, когда строились эти апсиды, легче оказалось обвести стражей стенами, а не сдвигать их с места. Большинство их было переплавлено, а из останков ковали доспехи и оружие, так что в некотором смысле они все еще продолжают охранять город. Но солдаты вокруг нас — это реальность, тогда как человеческие существа, которые носят латы из оболочки их братьев, — не что иное, как тень реальности, как я сама тень той, от чьего имени говорю. В отличие от солдат она полностью исчезла из этого мира, осталась только я.

Йама взглянул на ближайшую фигуру. Поверх его головы солдат смотрел на своего товарища у противоположной стены квадратной апсиды, но Йаме почудилось, что на мгновение его взгляд скользнул чуть ниже, на самого Йаму. Красные глаза стража слабо мерцали, а Йама точно знал, что раньше этого не было.

Он спросил:

— Значит, я тоже тень? Я ищу людей своей расы. Я могу их найти?

— Я была бы удивлена и счастлива, если бы ты смог, но все они давно умерли. Я думаю, тебя и одного хватит, Йамаманама. Ты уже сумел обнаружить, что можешь управлять машинами, которые поддерживают существование ойкумены. Я еще многому могу тебя научить.

— Хранители создали мою расу, чтобы построить наш мир, потом они его покинули. Это по крайней мере я узнать сумел. И узнаю больше во Дворце Человеческой Памяти.

— Их забрали назад, — сказала женщина. — Можно сказать, что если сама я — тень той, кем когда-то была, то твой народ — тень тех, кого вы называете Хранителями и кого я могу, по моему мнению, назвать своими детьми, хотя они отдалены

от меня не меньше, чем я от той обезьяны, которая бродила сначала по равнинам Африки, а потом подожгла Галактику.

Недавно кто-то говорил Йаме нечто подобное. Кто? Роясь в воспоминаниях, он машинально произнес:

— Все мы тени Хранителей.

— Не все. В этом странном мире полно разных типов людей, да-да, думаю, я могу называть это место миром, — и каждый тип подвергался преобразованию, пока в нем осталась лишь тень его животных предков. Большинство, но не все, содержат в себе долю наследственного материала, полученного от Хранителей. Доминирующие расы вашей ойкумены собраны из разных мест и разных времен, но все они отмечены этим знаком и все верят, что могут подняться на более высокую ступень. На самом деле многие действительно прекратили земное существование, но непонятно, перешли ли они в трансцендентальное состояние или просто вымерли. Однако примитивные расы, которые имеют человеческую внешность, но мало чем отличаются от животных, не носят в себе знака Хранителей, они так и не ступили на путь эволюции, а остаются в своем первобытном состоянии. Я многого не понимаю в вашем мире, но в этом разобралась.

— Если ты поможешь мне понять, откуда я взялся, то, может быть, я сумею помочь тебе.

Женщина улыбнулась:

— Ты пытаешься со мной торговаться. Но ведь я уже сказала тебе, Йамаманама, откуда ты пришел, я тебе уже помогла. Я спела столько песен в твою честь, стольким рассказала о твоем пришествии. Я взрастила героя, чтобы сражаться за тебя. Тебе надлежит быть рядом с ним, в низовьях, и плыть на войну.

Йама вспомнил молодого военачальника и спросил:

— Рядом с Энобарбусом?

— С воином тоже. Но я имела в виду доктора Дисмаса. Он отыскал меня очень давно, раньше, чем я увидела Энобарбуса. Тебе следует быть сейчас с ними. С их помощью, а особенно с моей ты мог бы спасти мир.

Йама рассмеялся.

— Госпожа, я сделаю все, что в моих силах, чтобы сражаться против еретиков, но думаю, что могу не больше, чем любой человек.

— *Против* еретиков? Не говори глупостей. У меня не было возможности поговорить с тобой, но я за тобой наблюдала. Я слышала твои молитвы после смерти брата. Я знаю, как отчаянно ты хотел стать героем и отомстить за него. Но я помогу тебе добиться большего.

После известия о смерти Тельмона Йама всю ночь молился перед оракулом в храме. Эдил послал двух солдат, чтобы присмотрели за ним, но они заснули, и вот в тишине ночи

Йама молился о ниспослании ему знака, что он одержит великую победу в память Тельмона. Тогда ему казалось, что он мечтает обессмертить имя брата, но сейчас он осознал: та молитва была продиктована простым себялюбием. Он хотел определить линию своей жизни, понять ее истоки и знать, что ему назначена необычная судьба. Ему подумалось, что та молитва, возможно, была услышана, но вовсе не так, как он ожидал.

— Ты должен овладеть своим наследием, — заявила женщина. — Я тебе помогу. Вместе мы сможем завершить перемены, которые начал мой оригинал. Я полагаю, ты уже начал исследовать свои возможности. Их очень много, только позволь мне тебя научить.

— Если ты слушала меня, госпожа, ты должна знать, что я молился о том, чтобы спасти мир, а не изменять его.

Неужели ее взгляд потемнел? На мгновение Йаме показалось, что вся ее красота — это просто маска, пленка, скрывающая нечто ужасное.

Она проговорила:

— Если ты хочешь спасти мир, его надо изменить. Перемены — основа жизни. Мир изменится, независимо от того, какая сторона победит в войне. Но лишь одна сторона может гарантировать, что снова не наступит застой. Застой сохраняет мертвое, но душит живое. Часть служителей этого мира осознали это давным-давно. Но они потерпели поражение, а те, что выжили, отправились в изгнание. Теперь они служат нам, и вместе мы победим там, где они проиграли.

Йама вдруг вспомнил холодное зловещее присутствие черной машины, которую он неумышленно призвал на виллу торговца; в этот момент ему потребовалась вся его воля, чтобы не броситься прочь от женщины, как при первом взгляде на нее бежал Пандарас. Теперь он ясно понимал, на чьей стороне этот аватара и куда привезли бы его доктор Дисмас и Энобарбус, не убеги он тогда с пинассы. Доктор Дисмас все ему лгал. Он — шпион еретиков, а Энобарбус — не борец с ними, а воин, тайно сражающийся на их стороне. Ему вовсе не удалось бежать, когда утонул его корабль, он попал в плен к еретикам и стал одним из них или, может быть, его отпустили, потому что он уже был одним из них? Ведь он сам рассказывал о видении, которое говорило с ним из оракула в храме его народа! Теперь Йама знал, кто говорил с молодым воином и какой образ мыслей ему внушили. Не против еретиков, а за них. Какой он был дурак, когда думал иначе!

Он твердо сказал:

— Мир нельзя спасти, противопоставляя друг другу волю тех, кто его сотворил. Я буду бороться с еретиками, а не служить им.

Звон серебристых колокольчиков:

— Ты еще так молод, Йамаманама! Ты продолжаешь цепляться за сказки своего детства! Но ты изменишься. Доктор Дисмас утверждает, что он уже посеял ростки перемен. Посмотри, Йамаманама, все это может быть нашим.

По зеркалу оракула пробежало белое пламя. Йама закрыл глаза, но белый свет оказался внутри него. В нем плавало что-то длинное и узкое, как игла в молоке. Его карта! Нет, не карта, это сам мир! Половина его была зеленой, белой, синей; с одной стороны катила свои воды Великая Река, с другой — тянулись хребты Краевых Гор, сверкала на солнце ледяная шапка истока. Вторая половина была бурой пустыней, испещренной злыми черными шрамами и кратерами; река высохла, снежная шапка исчезла.

Видение долгий миг стояло перед глазами Йамы, безмятежное и прекрасное. Потом оно исчезло, из окна оракула на него снова смотрела женщина, улыбаясь ему на фоне зеленого газона и высоких живых изгородей прекрасного сада.

— Вместе мы совершим великие дела, — наконец сказала она. — Для начала мы переделаем мир и каждое существо в нем.

Йама твердо ответил:

— Ты — фантом одного из людей Древней Расы. Вы выпустили в мир еретиков против воли Хранителей. Ты — мой враг.

— Я не враг тебе, Йамаманама. Как может враг говорить из алтаря?

— Еретики заставили умолкнуть последних аватар Хранителей. Почему бы кому-нибудь другому не занять их места? Зачем ты искушаешь меня глупыми видениями? Никто не может править миром.

Женщина улыбнулась:

— Никто не может им править, и в этом его беда. Любой развитый организм должен иметь руководящий принцип, доминирующую силу, иначе остальные его части начнут воевать друг с другом, и от бездействия наступит паралич. Миры подобны живым организмам. Я понимаю, тебя мучают сомнения. Но тихо! Ни слова! Сюда идут. Мы еще поговорим. Если не здесь, то у другого передатчика, который еще работает. На том берегу их много.

— Если я снова заговорю с тобой, то только потому, что найду способ тебя уничтожить.

Она улыбнулась:

— Я думаю, ты изменишь свое мнение на этот счет.

— Никогда!

— А я все же думаю, что изменишь. Процесс уже начался. До встречи.

И она исчезла, а с нею и свет. Йама снова мог видеть темный диск оракула насквозь. В дальнем конце апсиды сетчатый занавес дрогнул и кто-то его отдернул.

25. УБИЙЦА

Это был не Пандарас и даже не Тамора, а голый до пояса гигант в черных кожаных штанах. Лицо его закрывала овальная маска из кротового меха, вокруг нее виднелась кожа цвета ржавчины. Гигант держал в руках обнаженный меч, а за поясом у него торчал пистолет. Мускулистые руки были плотно перевиты кожаными лентами, а изъеденные временем пластиковые латы защищали плечи.

Увидев Йаму, человек двинулся вокруг алтаря. Йама отступил назад и вытащил свой длинный нож. Синий огонь пробежал по лезвию, как будто его окунули в горящий бренди.

Гигант улыбнулся. В прорези черной маски мелькнул красный влажный рот. Острые зубы какого-то мелкого хищника лучами располагались вокруг прорези рта, а зигзагообразная отделка глазниц мелкими косточками зрительно их увеличивала и придавала особенно устрашающий вид. Красноватая кожа пришельца блестела, словно намазанная маслом, шрамы на груди составляли странный рисунок. Йама подумал о дружелюбных обитателях заброшенных гробниц на окраине Иза. Это — один из их сыновей, развращенных громадным городом. А может быть, он потому и покинул свой народ, что был уже развращен.

— Кто тебя послал? — спросил Йама. Он помнил, что одна из статуй находится в нескольких шагах у него за спиной. Помня уроки сержанта Родена, он внимательно следил за приближением чужака, высматривая его слабые места, которые ему пригодятся, если дело дойдет до драки.

— Убери свой глупый ножичек, и я тебе скажу, — проговорил незнакомец. У него был неспешный глубокий голос, который эхом отдавался в сводчатом потолке апсиды. — Меня послали убить тебя медленно, но если ты не будешь сопротивляться, я сделаю это быстро.

— Это Горго, он нанял тебя на Речном Рынке.

Глаза нападавшего под маской слегка расширились, и Йама понял, что угадал или очень к тому близок. Он сказал:

— Или ты друг Горго, а может быть, просто должен ему. В любом случае это бесчестно.

— Честь здесь ни при чем, — сказал гигант.

Пальцы Йамы взмокли на рукоятке, а кожа и мускулы горели, словно он стоял у огня, хотя нож не излучал никакого тепла. «Пандарас не знал, что нож надо класть на солнце, и не делал этого, пока я болел, — подумал Йама. — Теперь нож забирает энергию у меня, нужно быстрее наносить удар». Он спросил:

— Разве Горго не говорил тебе, кого я убил? Он не мог забыть, это было всего две ночи назад. Я убил богатого и могущественного купца, у которого было много охраны. Я был у него в плену, и нож у меня тоже отобрали, но он мертв, а я стою перед тобой. Уходи, и я пощажу тебя.

Он призывал на помощь любую машину, но рядом не было ни одной. Он слышал только их отдаленный гул, как человек слышит шум большого города, не выделяя отдельных звуков.

Убийца ответил:

— Ты думаешь отвлечь меня разговором, чтобы я тебя пощадил или чтобы к тебе подоспела помощь. Глупые надежды. Положи нож, я все сделаю быстро. Честное слово.

— А может, ты болтаешь, потому что у тебя не хватает смелости.

Убийца расхохотался, казалось, в животе у него перекатываются булыжники.

— Ну что ж, пусть будет по-другому. Мне заплатили, чтобы я убивал тебя медленно и до последнего скрывал имя своего клиента. Ты не бросишь свою глупую железку? Значит, ты выбираешь медленную смерть.

Йама заметил, что гигант предпочитает действовать правой рукой. Следовательно, если он отбежит налево, убийце для удара потребуется развернуться. В это мгновение у Йамы будет шанс напасть самому. Оракул зиял темным провалом, лучи меркнущего солнца взобрались уже до половины стен, окрашивая бронзой торсы огромных солдат, однако каждая деталь апсиды представлялась поразительно ясно. Йама никогда не чувствовал себя более живым, чем теперь, а ведь через секунду он мог умереть.

Он издал клич и ударил по маске убийцы. Противник мгновенно развернулся и отразил удар с такой силой, что Йама едва удержался на ногах. Раздался звон клинков, вылетел целый сноп искр, но убийца не стал развивать успех, он растерянно смотрел куда-то за спину Йамы. Йама сделал выпад острием ножа. Сержант Роден учил его, что преимущество короткого лезвия в большей точности удара. Гигант снова парировал с той же небрежной животной силой и, отступив назад, стал вынимать пистолет.

Внезапно они оказались в клубящемся облаке пыли. Каменные осколки сыпались сверху, как град, звякая о громадные плиты пола. В этом хаосе Йама опять бросился на противника. Удар оказался несильным, он скользнул по груди убийцы, лишь слегка оцарапав, но вдруг нож вспыхнул синим светом ужасающей яркости, и гигант повалился на пол. Рука Йамы тут же онемела от кисти до локтя. Он переложил нож в левую, а убийца тем временем встал и поднял свой пистолет.

Губы его шевелились под маской, глаза расширились, а он все стрелял и стрелял во что-то за спиной Йамы. Наконец, пистолет дал осечку, убийца швырнул его через голову Йамы и бросился наутек, совсем как Пандарас, когда тот увидел в оракуле женщину.

Йама кинулся вслед убегавшему, кровь звенела в его ушах, но гигант пролетел сквозь занавес, и Йама замер на месте, опасаясь засады с другой стороны. Он обернулся и посмотрел на солдата, который вышел из своей ниши. Йама попросил его вернуться на место и снова заснуть до тех пор, пока он опять не понадобится. Глаза стража горели ярко-красным огнем на бесстрастном лице. Закованным в броню кулаком он стукнул себя по грудной пластине доспехов, и от этого звука апсида загудела, как колокол.

26. ВЕЩЬ-В-ГЛУБИНЕ

В глубине сумрачного атриума, в слабом свете лампы с пальмовым маслом, которую, очевидно, спустили с цепи высокого потолка, виднелись два человека. Они склонились над чем-то темным. Йама бросился вперед, держа в руке нож, но это оказались два священника, осматривающие Пандараса. Мальчик вытянулся на полу. Он был жив, но без сознания. Йама встал на колени и коснулся его лица. Глаза мальчика открылись, но смотрели бессмысленно. На виске у него расползлось кровавое пятно — видимо, его единственная рана.

Йама убрал нож и посмотрел на жрецов. На них были домотканые мантии, принадлежали они к той же расе, что и Энобарбус. Йама и раньше догадался, что именно здесь молодому воину явилось видение, но все равно сходство его поразило.

Он спросил священников, видели ли они, кто ранил его друга. Они переглянулись, а затем один рассказал, что недавно мимо них пронесся какой-то человек, но они к тому моменту уже нашли бедного мальчика. Йама улыбнулся, представив, какое зрелище являл собою убийца, когда пролетал здесь с обнаженным мечом и струящейся из груди кровью. Горго должен находиться поблизости: если он послал убийцу, то наверняка захочет убедиться, как выполнено то, за что он заплатил деньги. И он должен был увидеть исход своего наемника.

Священники переглянулись, и тот, что говорил прежде, произнес:

— Я Антрос, а это мой брат Балкус. Мы — смотрители этого храма. Тут есть место, где можно промыть раны вашего друга и обработать ваши собственные. Идите за мной.

Сила почти вернулась в правую руку Йамы, теперь он чувствовал только покалывание, как будто там копошилась целая стая муравьев.

Йама взял Пандараса на руки и пошел за старым жрецом. Кожа мальчика горела, а сердце колотилось часто и слабо, но Йама понятия на имел, правильно это или нет.

За колонной с левой стороны атриума имелся небольшой грот, врезанный во внешнюю стену храма. Прямо в середине мозаичного узора поднимался пластиковый фонтанчик, откуда вода сбегала в плоскую каменную чашу. Йама помог Пандарасу встать на колени и промыл неглубокую рану на виске и слипшиеся от крови волосы. Прозрачная холодная вода помутнела, однако кровотечение уже прекратилось, а края раны были чистыми.

— Голова у тебя поболит, — успокоил Пандараса Йама, — но больше ничего страшного. Думаю, он стукнул тебя пистолетом или ребром ладони, но не мечом. Тебе надо было остаться со мной, Пандарас.

Пандарас все еще не мог говорить, но он схватил Йаму за руку и неловко ее пожал.

Старый священник, Антрос, настоял, чтобы промыть порезы на спине Йамы. Работая, он рассказывал:

— Мы слышали два пистолетных выстрела. Вам повезло, что он промахнулся, но, видно, промахнулся чуть-чуть, вас ранило осколками от стены.

— К счастью, он целился не в меня, — объяснил Йама.

Атрос сказал:

— Когда-то это было прекрасное место. Колонны покрыты золотом и ляпис-лазурью. Со всей реки к нам собирались паломники и странствующие монахи. Конечно, это было задолго до меня, но я помню, как в оракуле еще являлись аватары Хранителей.

— Аватара — это женщина в белом?

— То была не женщина и не мужчина, и без возраста, — улыбнулся своим воспоминаниям старик. — Мне так тоскливо без его раскатистого смеха. В нем была какая-то яростная радость. И все же он был существом мягким. Но теперь он ушел. Они все ушли. Конечно, паломники все еще молятся у алтаря, но люди так отдалились от милосердия, что уже не получают ответов на свои вопросы, хотя Хранители слышат каждую молитву. Большинство молит то, что-в-глубине, о проклятии своим врагам, но и таких совсем немного.

— Наверное, люди страшатся этого места?

— Именно так. Но время от времени у нас бывают проблемы с поклонниками разных культов. Их привлекает как раз то, что других отпугивает. Мы с братом приходим сюда каждый вечер зажигать лампы, а в другое время храм пуст, даже люди

нашей расы приходят нечасто. У нас, конечно, бывает престольный праздник, тогда атриум украшают пальмовыми листьями и гирляндами плюща, торжественная процессия освящает каждый уголок, умиротворяет вещь-в-глубине. Но вообще-то люди стараются держаться подальше. Вы здесь чужаки. Может, паломники. Мне очень жаль, что на вас и вашего друга напали. Грабитель наверняка следил за вами и решил воспользоваться случаем.

Йама спросил Антроса про вещь-в-глубине, та ли это машина, которая упала во время последней битвы в конце Эпохи Мятежа?

— Конечно. И не думайте, что она разрушилась. Скорее она живьем замурована в скале, расплавившейся при ее падении. Иногда она шевелится. В последние времена особенно неспокойна. Тихо! Слышите?

Йама кивнул. Он-то подумал, что тонкий звенящий звук — это шум крови в голове от пережитого волнения краткой схватки.

— Это уже второй раз за последние дни, — прошептал Антрос. — Большинство мужчин нашей расы — солдаты, и охранять колодец и заключенную там *вещь* — в числе наших обязанностей. Но сейчас многие отправились в низовье на войну, и многих уже убили.

— Я встречал одного из ваших, — сказал Йама. Ему не надо было спрашивать, когда машина начала беспокоиться, он ощутил, как кровь стынет в жилах. Он взмолился о помощи в доме торговца, и отозвавшаяся черная машина была не единственной, которая услышала зов. Какие еще силы мог он необратимо разбудить?

В атриуме кто-то начал кричать, заметалось эхо. Второй священник перепугался, но Йама его успокоил:

— Не бойся, владыка. Я знаю этот голос.

Тамора вернулась в трактир и потрясла немного раскрашенную шлюху — хозяйку, чтобы узнать, куда делись Йама и Пандарас. Она рассказала:

— Тут я поняла, что здесь за игры, и сразу явилась сюда.

— Это Горго, — объяснил Йама, связывая махры своей изорванной и испачканной кровью рубашки. — У меня просто талант наживать врагов.

— Надеюсь, ты выколол ему глаза, прежде чем убить, — мрачно буркнула Тамора.

— Я его не видел. Но сначала кто-то выстрелил в меня арбалетной стрелой, и я вспомнил: ты говорила, что Горго убил кого-то из арбалета. Он промахнулся, а потом послал другого, чтобы меня убить. К счастью, мне помогли и я испугал убийцу.

— Я ему глаза вырву, — кровожадно вскрикнула Тамора, — если, конечно, еще увижу. И глаза, и яйца! Он позорит Бешеное Племя.

— Должно быть, он очень ревнив, раз хочет из-за тебя убить.

Тамора рассмеялась и сказала:

— Эх, Йама! Наконец-то ты проявляешь человеческие чувства, пусть они просто льстят твоему тщеславию. Дело в том, что я должна Горго деньги. Он не из бойцов, предпочитает сделки. Он находит работу и забирает себе часть гонорара за хлопоты. И к тому же он ссужает в долг. Я заняла у него, чтобы купить доспехи и меч после того, как меня в прошлом году ранили на войне. Тогда я потеряла всю свою амуницию. Я работала по заказам, чтобы выплатить долг и проценты, на руки получала только на жизнь, а остальное забирал Горго.

— Значит, работа, которую мы выполнили вместе...

— Да, да, — нетерпеливо перебила она, — ее нашел Горго. Он на самом деле не рассчитывал, что у меня получится, однако рассвирепел, когда я ему сообщила, что мы убили торговца, но не смогли получить плату.

— Потому ты решила мне помочь?

— Не совсем так, Йама. У нас нет сейчас времени.

— Мне нужно знать.

Йама теперь понял, зачем Тамора взялась за такое рискованное предприятие, но все еще не разобрался, зачем Горго хотел его уничтожить.

Тамора на мгновение призадумалась, а затем произнесла со смесью обиды и вызова:

— Думаю, это справедливо. За работу на звездного матроса неплохо бы заплатили, но у тебя поехала крыша и ты схватил тот обруч. Я все еще должна Горго, а собиралась работать на тебя — вот как он это понял. Я ему говорила, чтобы он подождал, я все верну, но он жадный. Семь шкур готов содрать.

Йама кивнул:

— Он решил меня убить и забрать мои деньги.

— Он сказал, что ограбит тебя, не убьет. Сказал, что это справедливо, ведь он из-за тебя потерял плату за убийство торговца. Клянусь, я не знала, что он хотел тебя убить.

— Я тебе верю, — сказал Йама. — И знаю, что Горго подыскал тебе кого-то другого в напарники для дела во Дворце Человеческой Памяти. Он хотел, чтобы я убрался с дороги.

— Да, человек с красноватой кожей и шрамами на груди. Я сказала Горго, что буду работать только с тобой и никем другим, но он просто ответил, что напарник будет ждать меня у ворот Дворца. Я пошла туда, но никого не встретила, тогда я вернулась в трактир и узнала, что ты здесь.

— Ну, тот тип, которого ты ждала, тоже был здесь. Он и пытался меня убить.

— Я собиралась тебе все рассказать, — сказала Тамора. — Пока я ждала, я кое-что решила. Послушай меня, мы заключим соглашение, я буду его соблюдать. К черту Горго. Когда мы выполним заказ, я его найду и убью.

— Значит, ты будешь работать на меня, а не на Горго?

— А я тебе что говорю! — нетерпеливо выпалила Тамора. — Но у нас нет больше ни минуты на болтовню. Потом все обсудим. Ты валялся в постели, потом как дурак торчал в этом мавзолее, а я тем временем занималась делом. Мы уже пропустили одну встречу, надо не опоздать на вторую, не то контракт аннулируют. Ты ездишь верхом?

— Немножко.

— Надеюсь, это означает, что ты носишься быстрее ветра. — Тут Тамора наконец обратила внимание на Пандараса. — А что случилось с крысенком?

— Удар по голове. К счастью, убийца, которого нанял Горго, имел хоть какую-то совесть.

— Может, он выбил из него хоть чуть-чуть самомнения, а на свободное место влезла капелька ума. Ты ведь наверняка его потащишь с собой? Ладно. Я пока его понесу. Что ты так на меня уставился? Все-таки хочешь разорвать наш контракт?

— Я уже разбудил силы, которым лучше бы не просыпаться. Если я стану продолжать, неизвестно, что еще может случиться...

Тамора резко бросила:

— Ну и что теперь? Хватит ныть. Если ты не знаешь, кто ты и откуда, значит, ты не можешь знать, кем станешь со временем. Пойдем со мной или оставайся. Я в любом случае берусь за эту работу, с тобой или без тебя. Мне там по крайней мере заплатят. А когда закончу дело, убью Горго.

Она перекинула Пандараса через плечо и легкой походкой двинулась прочь, будто мальчик вообще ничего не весил. Помедлив, Йама пошел за ней.

Темнело. В домах вокруг замшелых булыжников площади горели огни, теплые, манящие. У столба с чадящим факелом были привязаны две лошади. Тамора и Йама пристроили Пандараса на холку лошади, а потом Тамора легко взлетела в седло позади него. Она наклонилась к Йаме:

— Мне пришлось этой раскрашенной шлюхе заплатить целое состояние, чтобы нанять этих лошадей. Не разевай рот. Мы, может, и так уже опоздали.

Лошади были запряжены по-кавалерийски: легкие седла, высокие стремена. Йама как раз схватился за луку и вставил ногу в стремя, готовясь вскочить в седло, когда раздался страшный грохот. Лошадь рванулась, Йама пытался ее удержать,

и в этот момент увидел столб света, вырвавшийся из отверстия в куполе Черного Храма.

Свет был красным, как горящий рубин, и, подобно искрам в трубе, в нем крутились фиолетовые и багровые полосы. Луч уносился далеко в небо, залив храм, площадь и все окрестности кровавым светом.

Йама тотчас понял, что произошло, и знал, что должен противостоять силе, которую разбудил. Он испытывал перед нею дикий страх, но сознавал, что если сейчас ее не одолеет, то всегда будет бояться.

Он бросил поводья Таморе и взбежал по ступеням храма. Он влетел в атриум, пол ревел, вздымался. Йама упал, снова вскочил и кинулся к колодцу. Оттуда вырывался столб красного света, заливавший храм ослепительным сиянием.

Весь храм ходил ходуном. Камни скрипели и выли, сверху градом сыпались булыжники. Несколько колонн с обеих сторон треснуло от основания до капители. Одна валялась поперек дороги, круглые каменные блоки рассыпались, как пригоршня гигантских монет. Изысканная мозаика пола раскрошилась, вздыбившись кое-где волнами. От колодца тянулась длинная трещина. По обе стороны трещины стояли два старых священника. Их силуэты резко темнели на фоне печного жара столба. Балкус вынул свой меч и держал его над головой в позе отчаянного, безнадежного вызова. Антрос стоял на коленях, прижав ладони к глазам, и непрерывно бормотал заклинания или молитвы.

Он говорил на внутреннем диалекте своей расы, но ритм глубоко поразил Йаму, он опустился на колени рядом со стариком и тоже стал молиться.

Оказалось, что это не молитва, а наставления стражам храма.

Йама повторил их уже три раза, когда черный занавес, отделявший правую апсиду, вдруг раздвинулся. Оттуда, печатая шаг, вышли два... четыре... пять гигантских солдат. Красный свет кровавыми бликами играл на их прозрачных доспехах.

Два старика пали ниц, но Йама продолжал смотреть как зачарованный. Эти пятеро солдат оказались единственными выжившими в бесконечном сне стражами храма. Один волочил неподвижную ногу, другой был слеп, ему помогали идти остальные, но никто из них не забыл долг. Они заняли боевую позицию в форме пятиконечной звезды вокруг колодца, открыли нагрудные щитки, вытащили серебристые трубки длиной с самого Йаму. Он решил, что солдаты разрядят оружие прямо в колодец, но вместо этого они прицелились в парапет и окружающий его пол и разом выстрелили.

Одна из трубок взорвалась и снесла половину торса своего хозяина, из остальных полетели ослепительные фиолетовые молнии, которые плавили камень и он, как вода, стал стекать в колодец. Свет и жара обжигали кожу, атриум наполнился

горьким запахом горящего камня. Пол снова вздыбился, по нему прокатилась волна, срывая мозаику и облицовку. Йама и священники повалились назад.

И вот из расплавленного жерла колодца появилась вещь-в-глубине.

Это была родная сестра той черной машины, которую Йама непроизвольно обрушил на виллу торговца, только эта была огромной. Она вырвалась из шахты, черная, сферическая, с живыми подвижными хоботками. Машина сплющилась за долгие годы своего заключения, как испорченный апельсин, который проседает под собственной тяжестью.

Гигантские стражи направляли свои молнии на машину, но она их даже не заметила. Она висела в столбе красного света и смотрела прямо Йаме в душу.

Ты звал меня. Я здесь. Теперь пойдем, служи мне.

Боль пронзила голову Йамы, как раскаленный прут. От черных и красных молний рябило в глазах. Ослепший, горящий внутри и снаружи, он отдал солдатам последний приказ.

Они двинулись как один, и Йама снова прозрел. Четверо стражей повисли на машине, как утопающие на последнем обломке корабля. Они обрубали шипы на машине каменными ребрами своих ладоней. Эти шипы позволяли машине повелевать полем тяготения. Она кружилась и дергалась, словно даман, окруженный волнами, но было поздно. Машина рухнула в колодец как камень, и храм снова содрогнулся. Раздался долгий ревущий стон, колонна красного света колыхнулась и погасла.

27. ДВОРЕЦ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Йама и два жреца выбрались из дымящихся развалин храма. Когда они вышли в сумерки площади, обожженные, кашляющие и перемазанные сажей, там царило поразительное ликование. Люди, живущие в домах вокруг храма, выбежали на улицы, словно чувствовали: подступает конец света, но вдруг осознали, что они спасены. К священникам подбежали их соплеменники и куда-то увели. Тамора направила свою лошадь вверх по пологим ступеням, в поводу она вела коня Йамы.

Йама продирался сквозь толпу.

— Ее больше нет! — закричал он Таморе. — Я разбудил стражей и уничтожил ее.

— Мы опоздаем! — прокричала в ответ Тамора. — Если ты здесь закончил, следуй за мной.

Когда Йама оказался в седле, она уже неслась через площадь. Он издал клич и бросился ей вслед. Его конь не требовал понуканий. Йама стрелой летел за Таморой по узеньким улочкам. Поток теплого вечернего воздуха саднил обожженную кожу, но освежал голову. Длинные черные волосы, которые он не стриг со времен Эолиса, струились на ветру.

Раздались звуки колокола. Тамора оглянулась и завопила:

— Ворота! Через десять минут их закроют!

Она дала шенкеля лошади, та прижала уши и удвоила скорость. Йама прошептал слова одобрения в ухо своему коню, тот приободрился и кинулся в погоню. Через минуту они выскочили из узкого переулка и двинулись сквозь толпу, скопившуюся у начала проспекта под голубыми огненными сферами высоко в небе.

Там были просители, кающиеся грешники, паломники; и все мечтали попасть во Дворец Человеческой Памяти. Число их умножили впавшие в панику из-за странных огней и земной дрожи. Тамора двигалась, держа поводья в руках, и когда они с Йамой проезжали, толпа смыкалась за ними, как волны за лодкой. Колокольный звон сотрясал воздух и заглушал крики толпы.

Когда Тамора и Йама добрались до конца проспекта, перед ними возник пикет из сверкающих яростным светом машин, которые цепочкой висели в воздухе, словно созвездия крохотных солнц. Дальше тоже были машины. Они, как огненные искры, кружились в наползающих сумерках, заполнив голову Йамы своим усыпляющим гулом, как если бы он сунул голову в спящий пчелиный рой. За сверкающей линией пикета стояли облаченные в мантии магистраторы, а еще дальше проспект выходил на такую огромную площадь, что на ней легко разместился бы небольшой городок, вроде Эолиса. На противоположной стороне площади тянулся в обе стороны скалистый монолит с вырезанной в нем аркой ворот. Высоко в воздухе висели летающие диски. На них разместился десяток солдат в серебряных латах — охрана ворот.

Черная громада Дворца Человеческой Памяти нависала над округой, застилая небо. Сотни огней усеивали ее поверхность, а шпили Дворца терялись в клубящихся облаках. Йама не мог отвести глаз. Всего за несколько дней он добрался из маленького замка эдила в Эолисе до этой величайшей цитадели, которую летописцы считают более древней, чем сам мир. Он узнал, что его раса тоже старше, чем мир, и что он умеет повелевать машинами, поддерживающими существование этого мира. Он узнал, что еретики считают его огромной силой и желают привлечь на свою сторону. Йама поклялся, что будет с ними сражаться, и он уже нанес поражение одному из их черных ангелов.

Детство осталось позади. Впереди лежал тернистый путь борьбы, там он и должен себя проявить. Возможно, он

закончится смертью, ведь на войне уже погибло столько людей и еще немало погибнет до окончательной победы над еретиками. Йама стоял, измученный и израненный, в обожженной рваной одежде, но чувствовал себя живым и полным сил, как никогда прежде. Где-то в этой великой цитадели, среди десяти тысяч ее библиотек, в лабиринте сотен храмов, оракулов и Департаментов должен скрываться секрет его происхождения. Он был в этом твердо уверен. Женщина из оракула сообщила, что он явился из далекого прошлого, но ведь она была его врагом и все время лгала. Он докажет, что ее слова — ложь. Он узнает тайны, до которых добрался доктор Дисмас, узнает, где продолжают жить люди его расы, от них он научится владеть своими могучими способностями, чтобы бороться с еретиками.

Тамора поймала уздечку коня Йамы и прокричала, что лучше им вернуться сюда завтра:

— Ворота сейчас закроют.

— Нет! Надо идти! В этом моя судьба!

Пандарас приподнял голову и произнес слабым голосом:

— Мой господин желает идти.

Тамора ухмыльнулась, показав частокол острых белых зубов, и подняла над головой какой-то предмет, вспыхнувший красным огнем. Светящаяся цепочка машин расступилась. Люди бросились в образовавшийся проход, магистраторы двинулись вперед, размахивая плетками и оттесняя толпу. Задние все напирали, передних сдерживали магистраторы. Вдруг в этой давке толстая женщина, которую несли на носилках четверо блестящих от масла, почти обнаженных мужчин, схватилась за грудь. Под ее пухлой рукой расползалось на белом платье красное кровавое пятно. Она покачнулась, носилки перевернулись, в толпе возникло замешательство, волнами расползаясь вокруг.

Йама не мог понять, что произошло, но тут стоящий прямо у его стремени человек подался вперед, согнулся и упал под ноги своих соседей. Йама успел увидеть стрелу, торчащую из спины мертвеца, потом над телом сомкнулась толпа.

Тамора вынула меч и, размахивая им, ломилась сквозь плотные ряды людей. Йама оторвал от седла чьи-то руки, сквозь крик и брань добрался до нее и двинулся рядом.

— Горго! — прокричал он Таморе. — Горго! Он здесь.

Но Тамора не слышала. Она перегнулась через Пандараса и ругалась с магистраторами, которые преграждали ей путь. Йама потянулся к ее плечу. Но в этот момент что-то просвистело прямо у него над ухом, а когда он дернулся посмотреть, откуда стреляют, следующая стрела снесла голову человека, который пытался ухватить поводья его лошади.

Страх и гнев захлестнули Йаму. Красные молнии засверкали в его голове. Он вдруг увидел площадь сразу с тысячи точек обзора, и все они сходились на человеке, который стоял на плоской крыше, возвышающейся над переполненной площадью. Горго вскрикнул и заслонил лицо арбалетом, а сотни крохотных машин все впивались в его плоть, насквозь прошивая торс, руки, лицо. Должно быть, он умер мгновенно, но тело его не упало. Вместо этого оно вдруг поднялось в воздух, подметки ботинок проскребли по парапету, и оно поплыло над морем голов на площади.

Наконец Йама очнулся и увидел, что Таморе удалось прорваться сквозь цепь магистраторов. Он помчался за ней. В дальнем конце площади огромные железные ворота Дворца Человеческой Памяти начали закрываться. Колокол вдруг умолк, над площадью воцарилась мгновенная тишина. Потом люди заметили, что на них падают капли крови. Все глаза обратились вверх. Высоко над ними распростерлось усеянное ранами тело Горго. Голова его склонилась набок, а руки раскинулись как в полете, на пронзенной груди все еще висел арбалет.

Закричала какая-то женщина, в толпе раздался вой, это, перекрикивая друг друга, разом завопили десять тысяч глоток. Диски с солдатами развернулись и поплыли в сторону толпы, а Тамора и Йама, пришпоривая коней, неслись через площадь. В последний момент они проскочили в ворота и скрылись в притаившейся за ними тьме.

КОРАБЛЬ ДРЕВНИХ

Книги — обитель ушедших эпох.
Их голоса шелестят между строк,
Хотя суть их и плоть их развеялись в прах,
Растаяв, как в Лете, в минувших веках.

Томас Карлейль

1. ЗАГОВОРЩИКИ

Пандарас ступил на полутемную арену базилики как раз в тот момент, когда одна часть отряда бросилась на другую. Во главе нападавших неслась Тамора. С грозным кличем она двигалась на самом острие атакующего клина. Йама метался за двойной цепочкой оборонявшихся, призывая свою часть рабов к стойкости.

Крохотные армии столкнулись, раздался грохот обернутых войлоком палок о небольшие круглые щиты. Заметались тени, над головами бойцов кружился целый рой огоньков, напоминая сноп искр из развороченного костра. С минуту казалось, что атака захлебнется, но затем один из рабов в первой линии обороны отступил перед бешеным натиском Таморы. Его товарищи, вместо того чтобы сомкнуть ряды и закрыть брешь, дрогнули, смешались и подались назад, натыкаясь на вторую шеренгу обороны. Йама пытался докричаться до них, приказывал произвести перегруппировку, но рабы из его отряда валились на землю, спотыкаясь друг о друга, или же просто бросали щиты и посохи и бежали прочь. Тем временем клинообразный строй нападавших тоже потерял свою четкость: рабы принялись гоняться за противниками по всей базилике.

Оказавшись в самом сердце этой неразберихи, Тамора с отвращением швырнула посох на землю, а Йама все дул и дул в свой свисток, пока беготня не прекратилась. Пандарас направился к ним, небрежно наступив на схему диспозиции, которую нынешним утром Тамора аккуратно расчертила мелом на мраморном полу базилики. Два огонька, словно искры, кружились вокруг его головы. Хитрая мордочка Пандараса изображала радостное оживление:

— Неужели опять отмочили что-то не то? А с виду все выглядело очень впечатляюще.

— Торчал бы лучше на кухне с посудомойками, там тебе самое место! — злобно бросила Тамора и пошла прочь, собирая рабов в кучу, чтобы объяснить им, что именно, с ее точки зрения, они сделали не так. Казалось, машины заразились гневом

грозной воительницы: они сверкали резким ярко-белым светом и носились вокруг ее головы, словно потревоженные осы. Длинные рыжие пряди волос стекали по спине, как струи крови. На ней были изрядно поцарапанные пластиковые латы и короткая юбочка из вытертых кожаных полос, которая почти полностью открывала взору сильные мускулистые ноги.

Пандарас заметил:

— Они вооружены просто палками, господин. Это что, тоже часть вашего плана?

— Мы пока не решаемся дать им настоящее оружие, — ответил мальчишке Йама. На нем, как и на рабах, была только набедренная повязка, но ни стылый воздух, ни холод засыпанного песком пола, на котором Йама стоял босыми ногами, не охладили его пыл: он весь вспотел, в жилах кипел огонь. Он чувствовал, как все его существо трепещет от возбуждения. Черные густые кудри усмиряла повязка, на шее, на кожаном ремешке, болтался керамический диск — считалось, что в Эпоху Просвещения такие диски служили монетами, а на спине, упрятанный в ножны из козлиной кожи, висел тот самый нож — перевязь обвивала плечи Йамы и застегивалась на груди.

Йама продолжил:

— Мы тренировали их почти весь день. Видел бы ты, как они маршируют.

Пандарас поднял глаза на хозяина и спросил с преувеличенной озабоченностью:

— Как твоя голова, хозяин? Не началась ли у тебя лихорадка из-за раны? Ты в самом деле считаешь, что эта орда уборщиков и полотеров, вооруженных одними палками, сможет отпугнуть ударный отряд Департамента Туземных Проблем? Пусть даже они промаршируют во всем блеске...

Йама улыбнулся:

— А ты зачем здесь, Пандарас? Ты правда хотел мне что-то сказать или явился специально, чтобы подразнить Тамору? Надеюсь, что нет. Она делает, что может.

Пандарас стрельнул глазами по сторонам, затем встал на цыпочки и потянулся так, что его голова достала Йаме до середины груди. Он быстро заговорил:

— Я кое-что узнал. Конечно, ты можешь запихнуть меня на самое дно этого обанкротившегося, полуразрушенного Департамента, но я все равно продолжаю служить тебе изо всех сил.

— Насколько я помню, ты сам выбрал себе место.

Пандарас продолжил:

— Значит, теперь ты можешь сказать мне спасибо за мою предусмотрительность. У меня есть новости, которые могут изменить весь наш план действий, и я желаю возложить

свою добычу к твоим ногам, господин. Полагаю, ты останешься доволен.

— Похоже, ты шпионил, Пандарас. Ну, и что ты узнал?

— Дело было в том мавзолее, который они именуют здесь Залом Спокойного Разума, — начал Пандарас. — Пока вы с Таморой играли в солдатиков с этой толпой холопов, я рисковал жизнью, проникая в хитросплетение заговоров. Смертельно опасная игра, где проигравшему уготована смерть, но судьба была ко мне благосклонна, я кое-что узнал, и это может изменить все наши планы.

Зал Спокойного Разума был мрачным помещением без окон, высеченным в базальтовой стене огромной пещеры, в которой размещался Департамент Предсказаний. Йама полагал, что он заперт и давно заброшен, как и многое в этом Департаменте.

Он заметил:

— Наверняка ты отправился туда на свидание с возлюбленной. Ты все еще обхаживаешь ту повариху? Судя по твоему виду, так и есть!

Пандарас умылся, починил разорванную рубаху и почистил башмаки. Он где-то нашел или стащил красный шелковый шарф, который теперь был повязан на его тощей шее с такой небрежной элегантностью, что Йама сразу заподозрил: на это понадобилось целое утро.

Над головой Пандараса, будто живые драгоценности, кружились две крошечные машины.

Он моргнул и сказал:

— Обхаживал, ухаживал, уломал и добился победы. Но я пришел не хвастаться, господин. Это старая сказка, сейчас не до нее. Если я правильно оцениваю ситуацию, мы подвергаемся здесь смертельной опасности.

Йама улыбнулся. Его добровольный оруженосец обожал представлять в драматическом свете самые незначительные события.

Пандарас стал объяснять:

— В Зале Спокойного Разума у самого основания купола есть галерея. Если встать на верхней площадке ведущей туда лестницы и прижать ухо к стене, то можно услышать, о чем говорят стоящие в самом низу. Как я понимаю, подобные штучки очень ценились властителями, которые прекрасно знали, что заговорщики частенько сходятся в разного рода общественных зданиях, ибо такие встречи легко объяснить. Но фортуна улыбается храбрым, господин. Сегодня я сам оказался в роли властителя и подслушал, как шепталась парочка заговорщиков.

Пандарас помедлил. В этот момент Йама отвернулся, вглядываясь в сумрачную глубину базилики. Тамора перестраивала рабов в три шеренги. Ее голос эхом отдавался в обветшалом великолепии сводчатого купола.

Пандарас настойчиво произнес:

— Господин! Это важнее, чем игра в солдатиков.

— Но она тоже нужна. Начать с того, что именно из-за нее мы здесь оказались, к тому же нам полезно поддерживать форму.

Йама не стал добавлять, что эти занятия удовлетворяли в его душе нечто таинственное, жаждавшее действий и борьбы. С того времени, как он вступил в пределы Дворца Человеческой Памяти, сны его заполнились кровожадными видениями, а иногда в нем поднимался беспричинный гнев, в глазах мелькали черно-красные зигзаги молний, начинала болеть голова, потом гнев стихал, оставалась лишь слабость и дурнота. Йаме изрядно досталось за то время, что он провел в Изе, сбежав от префекта Корина. Кроме того, он был ранен, когда они попали в засаду, впервые приближаясь к воротам Департамента Предсказаний. Разумеется, ему следовало отдохнуть, но времени на это не было.

— Я должен знать, что говорит Тамора. Пошли со мной, Пандарас, — сказал Йама.

— Удар по голове породил у тебя иллюзии, господин. Ты вообразил себя солдатом.

— А ты вообразил себя моим оруженосцем, так что мы квиты, оба живем иллюзиями. А теперь — тихо. Поговорим о том, что ты слышал, когда Тамора закончит с нашими горе-воителями.

Тамора запрыгнула на квадратный каменный постамент, когда-то служивший основанием статуи — теперь остались одни ступни, обутые в изящные туфли с остатками желтой краски. Она обвела взором шесть десятков собравшихся вокруг рабов и изобразила на своем маленьком треугольном личике насмешливое презрение. Этот трюк она объясняла Йаме так: чтобы учить, надо прежде всего быть хорошим актером, ни один урок не достигнет цели, если не идет из самого сердца.

Все рабы принадлежали к одной расе: тощие, длиннорукие и кривоногие; их серая кожа тяжелыми складками висела вокруг узловатых суставов. У всех были длинные лисьи физиономии; жесткие нечесаные гривы черных или каштановых волос спадали на спину, а из-под кустистых бровей выглядывали мутные желтые или зеленые глазки. Раса была тупой и поразительно закостенелой в своем упрямстве и нерадивости. Сайл, секретарь Департамента Прорицаний, утверждал, что их семьи служат здесь уже более двадцати тысяч лет. По природе своей они были услужливы и подобострастны, однако непривычная муштра привела их в угрюмое и даже мятежное настроение, и всем своим видом они подчеркивали при каждом удобном случае, что у Таморы и Йамы настоящей власти над ними нет. Поблескивая глазками, они слушали, как Тамора объясняет, насколько плохо они выполнили задание, при этом их острые зубы впивались в черные тонкие губы.

Тамора говорила:

— Вы все по очереди принимали участие как в защите, так и в нападении. Вам следует осознать, что если вы хотите победить или устоять на своей позиции, надо сохранять строй. Сила обороняющихся равна силе самого слабого солдата в цепочке. Если он устал, кто-то немедленно должен занять его место. А если нападающие прорвали линию, они тоже должны оставаться в строю, а не разбегаться в разные стороны.

Один из рабов сказал:

— Они стали убегать, а мы кинулись в погоню, госпожа. Что в этом плохого?

Тамора вперила взгляд в говорившего и смотрела на него, пока тот не опустил глаза, потом объяснила:

— За поворотом мог поджидать резерв. Если бы вы налетели на него, как стадо баранов, вас всех тут же уничтожили бы.

— Но ведь больше никого не было, — упрямо пробормотал раб, а остальные согласно зашумели.

Тамора заговорила громче:

— Это пока тренировка. Когда вам действительно придется сражаться, вы ничего точно знать не будете. Поэтому нужно действовать как говорят, а не как вам хочется. Одного человека, когда он сам по себе, убить очень легко, а вот когда он в строю — значительно труднее. Если вы деретесь плечом к плечу, то защищаете не только себя, но и тех, кто рядом по обе стороны, и они тоже вас защищают. В таком случае нет нужды бояться, что враг зайдет с тыла — для этого ему пришлось бы обойти всю линию обороны. А это не выйдет, во всяком случае здесь, в коридорах. На открытой местности сражаются построившись в каре, как вы делали вчера.

Тамора замолчала, чтобы передохнуть, и тут же вперед вышел раб из переднего ряда и сказал:

— Госпожа, если бы у нас было настоящее оружие, мы действовали бы лучше.

— Я открою арсенал, когда вы научитесь управляться с палками, — ответила Тамора. — А судя по тому, что я видела сегодня, у вас и палки-то надо отобрать.

Но раб не отступился. Он был выше остальных, может быть, потому, что не сутулился. В длинной гриве его волос мелькали серебряные нити. У большинства рабов над головой кружились лишь один-два тусклых огонька, а над головой этого висела целая гроздь из шести штук, и горели они почти так же ярко, как у Таморы.

Он настойчиво продолжал:

— Когда дело дойдет до настоящей драки, мы же не будем сражаться этими палками, так почему мы с ними тренируемся?

Рабы зашумели, подталкивая друг друга локтями, а Пандарас шепнул Йаме:

— Внизу, в кухне, они тоже на это жаловались.

Йаму внезапно охватил гнев. Он вышел вперед и встал напротив раба с седой гривой.

— В битве решает не оружие, а дисциплина, — громко сказал он, — а у вас не хватит дисциплины, чтобы напасть на крысиное гнездо.

Раб дерзко посмотрел Йаме в глаза и произнес:

— Прошу прощения, господин, но уж в ловле крыс мы кое-что понимаем.

В толпе рабов кое-кто засмеялся, и Йама совсем потерял над собой контроль. Теперь с ним такое случалось нередко.

— Ну, давай, — бросил он, — давай, крысолов! Покажи, как ты умеешь сражаться.

Раб обернулся к товарищам, но никто из них не выказал желания ему помочь. Смутившись, он произнес:

— Господин! С тобой я не хочу драться.

— Нам не приходится выбирать, с кем сражаться.

Йама попросил у Таморы ее меч и рукояткой протянул его рабу.

— Бери! Бери сейчас же!

Раб выронил палку и простер пустые ладони:

— Господин...

Со своего постамента Тамора резко приказала:

— Делай, что тебе говорят, или проваливай отсюда, как трусливый пес.

Йама все совал эфес в руки рабу, так что тот в конце концов был вынужден его либо взять, либо уронить себе под ноги.

— Бери-бери... Вот так. Теперь подними его повыше, это тебе не швабра, это — оружие. Убить можно острием или же режущим лезвием, а если ты боишься крови, то можно просто плашмя ударить врага по голове, так что из него дух выйдет. Однако не советую тебе использовать этот прием с более опытным противником. Тот человек, что ранил меня таким способом, лишился почти всех пальцев, когда я отражал его удар. Подними меч! Кончик лезвия должен быть вровень с глазами.

Тамора заметила:

— Если ты мужчина, то должен знать, что чем выше угол, тем резче выпад. Слушай учителя! Докажи, что ты мужчина.

Остальные рабы, разрушив строй, отошли подальше и образовали нечто вроде круга, а Йама и седовласый раб оказались в центре. Теперь они пересмеивались, и Йама на них прикрикнул, повторив слова сержанта Родена, которые сам слышал множество раз:

— Не смейся над вооруженным человеком, если, конечно, не хочешь с ним сразиться.

Указав на седовласого раба, Йама ткнул себя пальцем чуть ниже грудины и сказал:

— А теперь попробуй нанести мне удар. Целься сюда. Если промахнешься и не попадешь в сердце, то можешь задеть легкое. Так ли, эдак ли, все равно ты меня убьешь. Ну, давай!

Раб попытался сделать осторожный выпад, но дотянулся только наполовину. Йама ударом отклонил четырехгранное острие, кинулся вперед и закричал прямо в лицо раба:

— Ну, давай! Убей меня! Не то я вырву тебе глаза! Будет тебе урок. Давай!

Раб взвизгнул и бросился в атаку, бешено размахивая мечом. Но Йама сделал шаг вперед, оказался в мертвой зоне и схватил раба за локоть, одновременно сбив его с ног. Падая, раб выронил меч, но Йама успел его подхватить раньше, чем клинок звякнул о мраморный пол. Плавным взмахом Йама поднес лезвие к самому горлу упавшего. Ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы не завершить движение, как положено.

Раб смотрел на него снизу вверх, желтые щелочки его глаз мрачно светились под шестью взволнованно мечущимися огоньками. На мгновение воцарилась тишина. Йама огляделся. Остальные рабы прятали глаза, избегая встречаться с ним взглядом. Он усмехнулся, убрал меч и протянул его Таморе.

Она спрятала меч в ножны, спрыгнула с пьедестала и помогла встать упавшему рабу.

— Смелая попытка. Во всяком случае, это лучше, чем все, что сделали остальные. — Она посмотрела на толпу: — Мне плевать, что вы нас ненавидите, но мне совсем не плевать, что вы не в состоянии как следует разозлиться. Когда дойдет до дела, то без злости не обойтись, иначе останется один только страх. Мы не можем научить вас злиться, но если вы это сумеете, то мы научим, как эту злость направить куда надо. Завтра попробуем снова. А теперь убирайтесь с моих глаз! Ну, бегом марш!

Пандарас насмешливо зааплодировал, пока рабы разбегались в разные стороны, стуча когтями по мрамору пола. Хмыкнув, он проговорил:

— Что за представление, господин! Никогда не думал, что из тебя выйдет такой актер. Прекрасная игра!

Йама пожал плечами. Теперь, когда все кончилось, он ощутил стыд. В голове толчками пульсировала боль. Он объяснил:

— Я не играл. Я взбесился.

Вмешалась Тамора:

— О чем я и говорю: без злости не обойтись. Ты входишь во вкус, Йама. Это хорошо. Мы из тебя сделаем мужчину, не хуже наших из Бешеного Племени. Думаешь, не получится? Эти рабы были в услужении тысячи поколений, а мы обращаемся с ними как с добровольцами. Слишком мы добренькие. Они берут в руки оружие не потому, что стремятся к нему, а потому, что

им так сказали. Да они пальцем не пошевелят без приказа, а потом сделают только то, что им указано, ни на шаг больше. Они хоть целый день могут прекрасно ходить строем и ни разу не собьются с ноги, но боевого духу у них нет и не будет.

Тамора злилась на себя и не собиралась прощать виновных. Все шло вкривь и вкось с того момента, когда они попали в засаду, устроенную шайкой наемных негодяев у Ворот Двойной Славы.

Она добавила:

— Мы — только пара наемников. Разумеется, мы делаем все возможное с тем материалом, который есть в наличии, но в конце концов это ничего не изменит. Силы Туземных Проблем войдут сюда, как к себе домой, перебьют рабов и займут все помещения за один день. Не очень-то полезное отклонение от твоих поисков, Йама. Мне жаль, что так получается.

— Однако без этого прикрытия я не смог бы попасть во Дворец без допроса. А кроме того, — широко улыбнулся Йама, — мне нравится эта работа: упражнения, муштра.

Так оно и было. Грохот щитов и окованных палок, запах тела и пота — все это всколыхнуло в его душе милые воспоминания о бесчисленных днях, проведенных в гимнастическом зале с Тельмоном и сержантом Роденом, а учебные бои служили отдушиной для той воинственной жажды, о которой он прежде даже не подозревал.

Тамора сказала:

— Я и забыла, что ты так молод и просто не можешь не надеяться. Мы, конечно, заставим этих несчастных поверить, что в них вселился боевой дух, но это ни на минуту не оттянет их гибель. Они знают, что обречены на смерть и что их жены и дети тоже погибнут или пойдут в рабство. За нас потребуют выкуп, но раз он уже внесен в виде залога в Департамент Внутренней Гармонии, то нас освободят и к тому же заплатят положенный гонорар. Вот такая будет развязка.

— Хотелось бы мне, чтобы ты оказалась права. Но, боюсь, префект Корин все еще меня ищет, а он занимает очень высокий пост в Туземных Проблемах.

Это они обсуждали и раньше, а потому Тамора произнесла с нарочитым терпением:

— Разумеется, я права. С самого сотворения мира все происходит именно так. Если бы не древние протоколы, здесь постоянно шла бы гражданская война. У твоего префекта не хватит власти что-либо изменить. Я уверена, что тех идиотов послали в засаду именно от Департамента Туземных Проблем, и префект Корин вполне мог приложить к этому руку, но теперь, когда мы находимся в пределах данного Департамента, он не посмеет ничего сделать.

А теперь слушай. Есть одна проблема. Не твой префект, а настоящая проблема. Мы сражаемся потому, что нам платят. Если попадем в плен, ничего плохого с нами не слу-

чится. Но рабам приходится сражаться, потому что им приказали, а приказали им из-за того, что эта ведьма, которая здесь распоряжается, утверждает, что она прорицает победу. Здешние рабы нутром чуют, что она врет. Оттого-то они такие мрачные.

Йама заметил:

— Но мы же не можем знать наверняка, что Лурия только притворяется, будто владеет тайным даром предвидения.

— Ха! Она-то точно знает, что ничего подобного у нее нет. И Сайл знает. И рабы. А вторая пифия просто-напросто бледнолицее слабоумное дитя, украденное из колыбели. Я не слышала, чтобы она хоть слово сказала за все время, пока мы здесь торчим.

Тут вмешался Пандарас:

— Пусть Дафна совсем еще маленькая, но дар у нее есть, потому-то ей и запретили говорить. Лурия боится, что когда-нибудь невинная Дафна разоблачит ее обман. Господин, мне надо обсудить с тобой то, что я услышал.

Йама сказал:

— Дафна совсем еще маленькая. Конечно, может оказаться, что у нее есть свои мысли по этому поводу, но, возможно, ей нечего сказать.

Тамора засмеялась:

— Йама, твоя наивность просто опасна для окружающих. Раз в кои-то веки твой любимый крысенок сказал дельную вещь, а ты не слушаешь. Если у Дафны и правда есть пророческий дар, то Лурия будет пытаться заставить ее молчать. И Сайл тоже. И эта его анемичная жена. Ведь Дафна наверняка знает, к какому разгрому приведет оборона Департамента.

На это Йама сказал:

— Ну, скоро мы увидим ее за работой. Через два дня оракула откроют для посетителей, и пифии станут отвечать на вопросы пришедших им поклониться. Вполне вероятно, что церемония эта будет проходить в последний раз, ибо через десять дней после нее наступит крайний срок ответа на требование о сдаче. И тогда Департамент Туземных Проблем получит возможность попрать обветшалую славу Департамента Прорицаний, ступив в пределы Полуденного Покоя и заняв помещения, где Иерархи некогда плавали среди Звездных карт Галактики, направляя маршруты со звезды на звезду сквозь дыры в пространстве и времени.

Пандарас обратился к Таморе:

— Мой господин заплатил тебе, чтобы ты помогла отыскать его расу, и это более почетная задача, чем ваша игра в солдатиков. И вы оба это поймете, если только дадите мне кое-что рассказать.

— Если хочешь, можешь смываться, — сказала Тамора. — Хотела бы я посмотреть, как ты будешь убегать, крысенок. Тут-то и выяснится, что на твой счет я всегда была права.

Пандарас заговорил с видом оскорбленного достоинства:

— Я предпочитаю не реагировать на выпады относительно свойств моего характера, разве что позволю себе заметить: те, кто приписывает всем окружающим низкие мотивы, делают это потому, что от себя самих ничего другого не ожидают. Однако, пока вы играли в солдатиков, я рисковал жизнью. Господин! Пожалуйста, выслушай меня. Я должен рассказать тебе, что слышал.

— Если это снова кухонные сплетни, — вмешалась Тамора, — то лучше заткнись. Ты способен создать целую эпическую поэму из такой мелочи, как разбитое стекло.

— Хм, а почему бы и нет? Для самого стекла наступил момент мучительной смерти, его товарищи — стекла в соседних рамах — скорбят о своем соратнике, осознавая в этот миг, что и самих их ожидает смертный удел.

Тут вмешался Йама:

— Пандарас говорит, что подслушал тайное совещание заговорщиков.

— Господин, она мне не поверит. Не стоит ей даже рассказывать.

— Давай быстрее, Пандарас! Забудь свою раненую гордость.

— Их было двое. Они о чем-то шептались, и тут я услышал, как один из них сказал: «Завтра, на рассвете. Отправляйся туда и скорее возвращайся». Голос был женский. А второй, наверное, просто слуга, потому что он в ответ что-то покорно промычал и все. Тут женский голос произносит: «Исполни это, и я взлечу очень высоко. Не справишься — она останется жить. А если она будет жить, мы все можем умереть». А потом они ушли, господин, и я больше ничего не услышал. Но ведь этого достаточно, правда?

Тамора сказала:

— Такого вполне следовало ожидать. Эти древние департаменты — настоящие крысиные гнезда, там вечно из-за пустяков плетутся интриги и вспыхивает вражда.

Пандарас спросил:

— Если здесь никому нельзя доверять, зачем нам оставаться? Надо бежать, так будет меньше потерь.

Йама вернулся к теме:

— Ты так и не сказал нам, кто были эти заговорщики.

— Ну, что касается личностей...

Тамора фыркнула:

— Ха! Ты сдрейфил и не решился высунуть нос, чтобы рассмотреть.

— Если бы я перегнулся через перила галереи, меня бы увидели, и все было бы кончено. — Пандарас стукнул по паре светлячков, кружившихся у него над головой, они нырнули вниз, а потом снова вернулись на орбиту. — Эти проклятые штуки, которыми мы должны пользоваться вместо свечей, обязательно меня бы выдали.

— Я так и думала, ты сдрейфил.

Йама сказал:

— Это не имеет значения. Ворота закрываются на ночь, а на рассвете открываются. Тот, кто уйдет завтра поутру, и будет нашим заговорщиком.

Тамора продолжила мысль:

— А когда мы его поймаем, то вытрясем из него всю правду.

— Нет, — сказал Йама, — Я отправлюсь за ним по пятам и узнаю все, что смогу. Разумеется, если заговор вообще существует. Ведь всему может быть вполне невинное объяснение.

Тренировать рабов было неплохим делом, но за те три дня, что они здесь провели, Йама практически больше ничем не занимался. Ему уже начинало казаться, что он задыхается в затхлой атмосфере Департамента Прорицаний с его бесконечными церемониями и постоянными воспоминаниями о канувшей в прошлое славе минувших дней. Ему хотелось побольше увидеть в самом Дворце, найти архивы своей расы и двинуться дальше. Хотелось отправиться в низовья и окунуться в стихию военных действий в срединной точке мира.

— Ясно, что это какой-то заговор против жирной суки, — задумчиво проговорила Тамора. — Мы оказались здесь из-за отказа Лурии вступить в переговоры с Департаментом Туземных Проблем. Не будь ее, не было бы и проблемы.

— «Не справишься — она останется жить. А если она будет жить, мы все можем умереть», — процитировал Пандарас.

— Когда твой крысенок со мной соглашается, — обратилась к Йаме Тамора, — тогда можешь считать, что я действительно права. Возможно, в этой ситуации — лучшее, что можно сделать, вообще ничего не делать. В любом случае тебе нельзя отсюда уходить, Йама. Закон и обычай защищают нас, только пока мы остаемся в стенах Департамента Прорицаний. Я знаю, тебе хочется начать поиски архивов своей расы. Но имей терпение. Через десять дней Департамент Туземных Проблем захватит это заведение, как бы мы ни надрывались, обучая рабов. Ты уже ранен, кроме того, нас ввели в заблуждение относительно сил, которыми нам предстоит командовать, к тому же наши работодатели без конца плетут друг против друга интриги. Вполне очевидно, что кое-кто здесь продался Туземным Проблемам и надеется, погубив конкурентов, достичь своих целей. Для нас не имеет никакого значения, кто против кого выступает, все равно чести и славы здесь не добьешься. Организация обороны — это лишь формальность перед неизбежной сдачей. Ничего хорошего тут не добьешься, как и во всех заказах, которые мне устраивал Горго. Вот и еще один повод прикончить его, когда мы вырвемся.

Горго был посредником, который нашел для Таморы этот контракт. Он пытался убить Йаму, потому что из-за Йамы пропали комиссионные за предыдущее дело, а кроме того, Горго подозревал, что с помощью Йамы Тамора удастся выпутаться из долговой зависимости. А вместо этого Йама сам убил Горго, проткнув его сотней крохотных машин, но Тамора этого не

видела, она не верила и не хотела верить в то, что называла «магическими трюками» Йамы.

— Если удастся выяснить подробности, — сказал Йама, — мы сможем уничтожить заговор еще до его начала.

— Ха! А если ты уйдешь отсюда до окончания контракта, тебя убьют. Ты останешься здесь, хотя бы ради безопасности.

— Я сам о себе могу позаботиться.

Тамора проницательно на него посмотрела и спросила:

— А как твоя рана? Беспокоит?

— Иногда побаливает голова, только и всего, — признался Йама.

Как раз в этот момент он почувствовал, что в голове зарождается боль. Было такое ощущение, будто череп становится слишком мал, чтобы вместить все его мысли, а мозг превращается в пузырь, надуваемый всеразрастающимся гневом. В глазах замелькали черные и красные искры. Йама с трудом подавил искушение выхватить меч и на кого-нибудь броситься.

Он произнес:

— Я не совершу снова той же ошибки. И я буду действовать, как считаю нужным.

Пандарас добавил:

— Может быть, моему господину следует уйти прямо сейчас? А потом отправиться на поиски архивов своей расы... Ведь он явился сюда из-за них.

Тамора вдруг резко отвернулась, рубанув своей палкой по постаменту с такой силой, что та раскололась надвое. Она уставилась на расщепившийся обломок, а потом с яростью зашвырнула его в сумрачную глубину базилики.

— Ха! Иди куда хочешь! Катитесь оба! Увидите, к чему это приведет. Скорее всего к смерти. Пусть даже тебе удастся обойти лазутчиков Департамента Туземных Проблем... Ты совсем не знаешь Дворца, а это опасное местечко.

— Я вернусь, — сказал Йама. — Я обещал, что помогу тебе, а меня учили выполнять обещания. Кроме того, я надеюсь здесь кое-что узнать. Разве способность находить утерянные вещи — это не одно из свойств этого Департамента?

2. ОКО ХРАНИТЕЛЕЙ

В Департаменте Прорицаний существовал обычай, что к ужину в трапезной палате Дома Двенадцати Передних Покоев собирались все до одного служители Департамента, начиная со старшей пифии и кончая самым младшим золотарем. Прорицательницы и их ближайшие домочадцы — секретарь, казначей, камергер,

библиотекарь, ризничий, а также десяток обладателей древних званий и постов, чьи функции имели чисто церемониальный характер или вообще превратились в пустые титулы — размещались на возвышении в одном конце трапезной; рабы занимали места в соответствии с должностью по остальным трем сторонам. Трапезная вовсе не представляла собой нарядный пиршественный зал. Йама подозревал, что когда-то на этих голых стенах висели гобелены — кое-где еще торчали крюки, а каменные плиты пола наверняка были устланы коврами. Однако теперь высокие потолки скрывались во мраке, ибо эта мрачная палата не имела ни украшений, ни другого освещения, кроме огоньков, танцующих вокруг голов всех присутствующих мужчин и женщин. Рабы ели в молчании; звон и скрежет их ножей сопровождался высоким чистым голосом чтеца, который, стоя на аналое в углу трапезной, нараспев тянул суры из Пуран. Пандарас, единственный из нескольких понуро жующих рабов, осмеливался время от времени бросить взгляд в сторону сидящих на возвышении.

Несмотря на унылую атмосферу трапезной, эти ужины вызывали в душе Йамы ощущение тепла и покоя; их официальный дух, длинная череда блюд, подаваемых ливрейными лакеями, напоминали ему о доме, о вечерах за длинным банкетным столом в замке эдила. Он сидел, раскинувшись среди шелковых подушек (тонкая вышивка на них расползлась и зияла прорехами), за низким квадратным столиком рядом с Сайлом, секретарем Департамента Прорицаний, и беременной женой Сайла — Ригой. Остальные домочадцы группами окружали другие столы, при этом все лица были обращены в сторону возлежащих на подушках пифий.

Департамент Прорицаний был одним из самых древних во Дворце Человеческой Памяти, и хотя сейчас для него наступили тяжелые времена, традиции в нем еще соблюдались. Пища подавалась самая убогая, в основном рис и клейкие овощные соусы, которые следовало есть корочками пресного хлеба (рабы питались еще хуже: чечевицей и съедобным пластиком), однако подавали ее на тонком, почти прозрачном фарфоре, а жидкое горьковатое вино разносили в хрупких стеклянных кубках, пронизанных золотыми и серебряными жилками.

Лурия, старшая из прорицательниц, растекалась телесами по своему ложу и выглядела, по язвительному замечанию Таморы, как выброшенная на берег медуза. Над головой ее висела целая корона красных и золотых огоньков. Ела Лурия на удивление изящно, но с бешеным аппетитом, обычно она успевала справиться со своей порцией и позвонить в колокольчик, чтобы унесли тарелки, когда остальные еще не съели и половины. Ее лицо и руки сплошь состояли из жирных складок, а глаза тонули за обрюзгшими холмами щек. Сами эти глаза, большие, темные и блестящие, осенялись длинными ресницами. Черные волосы Лурии,

обильно смазанные жиром, были заплетены в бесчисленные косички с яркими шелковыми лентами, а одеяние ее состояло из множества разноцветных слоев тончайшего шифона, которые колыхались при малейшем дуновении воздуха. Если она выражала желание пройтись, то двое рабов должны были ее поддерживать, однако обычно ее переносили прямо в кресле. Лурия занималась предсказаниями уже более ста лет и сосредоточила в своих руках всю власть, что еще сохранилась у ветшающего Департамента Прорицаний. Чем-то она напоминала раздутого паука, мечущегося по дырявой паутине в душной, запертой комнате. Йама знал, что она не упускает ни малейшего нюанса разговоров, которые шепотом ведутся вокруг нее.

Младшая пифия, Дафна, казалась хилой тенью Лурии. Ее плоское бледное лицо освещалось одним-единственным огоньком, как будто она была ровней с самым последним рабом из кухонной прислуги. Длинная белая рубашка, перехваченная поясом из золотой проволоки, укрывала ее фигуру от шеи до самых щиколоток. На бритой голове бугрились шрамы. Дафна была слепа. Ее белые, как мрамор, глаза смотрели в потолок, а руки с тонкими пальцами, казалось, жили собственной жизнью, ощупывая чаши и блюда на подносе, который держал перед нею раб. Эти проворные кисти напоминали маленьких беспокойных зверушек. Она никогда не разговаривала и едва ли слышала хоть слово из того, что говорилось вокруг.

Йама подозревал, что в Дафне кроется больше, чем одна личность. В последнее время он начал ощущать, что внутри каждого человека скрывается нечто вроде ядра — маленькая неделимая суть личности, душа, выращенная неразличимо мелкими машинами, воздействующими на все трансформированные расы. Но Дафна казалась сосудом для бесчисленного множества таких ядрышек, сосудом, в котором шло непрерывное брожение каких-то мерцающих и дрожащих осколков.

Для Таморы эти официальные трапезы были сущим наказанием, и, будто издеваясь над собственной неловкостью, она демонстративно вела себя как неотесанный наемник. В тот вечер, после случившегося в базилике спора, она предпочла ужинать одна, за столиком в дальнем конце помоста и чувствовала себя не в своей тарелке. Но чем более утрированно она изображала варвара, тем больше интереса испытывал к ней Сайл, он наклонялся к Йаме и с насмешливо шокированным видом комментировал восхищенным шепотом каждое ее движение: то, как Тамора подбрасывала и ловила свой нож, как она зевала, как шумно сплевывала на пол кости, как пила из чаши для полоскания рук или как, не обращая ни на кого внимания, почесывалась с ленивой кошачьей грацией.

— Очаровательна! — шептал Йаме Сайл. — В ней такое волнующе-мощное физическое начало!

— Люди ее племени не очень-то привержены условностям, — так же шепотом отвечал Йама.

— К счастью, мы наняли ее не из-за манер, — вставила Рига, жена Сайла. Она была старше Сайла, обладала отточенным умом и острым взглядом. Рига тотчас давала оценку всему, что попадалось ей на глаза, и обычно находила там изъяны. У нее был большой срок беременности и выглядела она, как с нежностью говорил ее муж, «кругленькой, словно яичко»: красная шелковая сорочка натягивалась на огромном животе, как кожа на барабане. Ее пушистые волосы, закрученные в высокий конус, создавали впечатление, что на этой небольшой головке возвышается спираль крупной раковины.

— Она ведь тоже устала, — оправдывая Тамору, сказал Йама. — Мы оба трудились не покладая рук.

Теперь чтец тянул суру, где рассказывалось, как Хранители изменили орбиты всех звезд Галактики, будто разбили парк на месте непроходимой чащи. Что это было? Памятник? Игра? Произведение искусства? Кто знает... Кто в состоянии проникнуть в мысли людей, ставших богами настолько могущественными, что материальная Вселенная их уже не интересовала и они ее покинули. Йама наизусть знал эти суры, а потому почти не слушал чтеца, но тот вдруг помедлил и стал декламировать суру с последней страницы Пуран.

И возник золотой зародыш звука. Так явился мир. И обратились мысли Хранителей к сотворению Мира. И в чистой области мысли стала вибрировать, сама в себе отражаясь, долгая гласная, и заключалось в ней полное описание Мира. И породила интерференция этих вибраций грубую материю Мира. И была эта материя просто сферой воды и воздуха, содержащей внутри капельку тверди.

И сотворили Хранители человека и положили ему на лоб свою печать, и сотворили они женщину той же расы и положили ей на лоб тоже печать. Из белой глины срединной земли сотворили Хранители эту расу и благословили ее знаком своим. И стала эта раса служить Хранителям. И мириады людей этой расы творили мир сей по воле Хранителей.

Кровь закипела в жилах у Йамы. Сура повествовала о том, как Хранители создали первую расу Слияния — Строителей, его расу, ту самую, которая, как раньше думали, канула вместе со своими хозяевами в черную дыру в самом сердце Ока Хранителей. Он увидел, что Сайл за ним наблюдает, и понял, что Сайл знает. Знает, кто он. Знает, зачем он здесь. И эту суру выбрали не случайно.

Лурия позвонила в свой маленький колокольчик. Служители убрали со стола блюда с рисом и чаши с соусами, а затем обрызгали пирующих душистой водой с ароматом розовых лепестков.

— Завтра ты сам будешь присутствовать на занятиях, — обратилась к Сайлу Лурия. — Я желаю знать, как идет подготовка наших сил самообороны.

Не сводя с Йамы глаз, Сайл произнес:

— Я уверен, пророчица, что это дело в надежных руках.

Да, он, определенно, знал. Но что ему надо?

Тамора громко сказала:

— Ну, сегодня мы никого не убили. И рана моего друга быстро затягивается.

Она вмешалась в разговор без приглашения, и Лурия сделала вид, что не слышит, как будто Тамора просто икнула.

Сайл проговорил:

— Пророчица, я наблюдал за тренировкой вчера, но завтра я снова этим займусь. Очень увлекательное зрелище. Посмотрела бы ты, как красиво они маршируют!

— Жаль только, что они не умеют драться, — снова вмешалась Тамора.

— Мне было видение, — сказала Сайлу Лурия. — Проследи, чтобы все шло, как надо.

Тут опять заговорила Тамора:

— Если ты что-то узнала, раскинув карты или кости, нам это тоже полезно узнать. Возможно, мы изменили бы свои планы.

Наступила тишина. Сайл побледнел, как привидение. Наконец Лурия мягко проворковала:

— Не кости, дорогая. Кости и карты — это для уличных шарлатанов, которые возьмут ваши деньги и наговорят всего, о чем вы, по их понятиям, мечтаете. Я вещаю истину.

Сайл проговорил:

— Пророчица вошла сегодня в транс. Если она сообщила так мало, то потому лишь, что изможденa. Через два дня, на публичных прорицаниях ты сама увидишь, как утомляют пророчества.

— Сайл любит всем все объяснять, — заметила Лурия. — Ты покажешь ему, насколько вы преуспели, а потом он мне все объяснит.

— Ах, пророчица! Посмотрела бы ты, как маршируют рабы, — снова воскликнул Сайл и начал подробно описывать точность, с которой выполняются упражнения, и замолчал лишь, когда принесли последнюю перемену блюд: замороженные фрукты и сладкое белое вино.

Лурия чисто символически отведала свою порцию и тут же позвонила в колокольчик. Чтец замолчал. Ужин подошел к концу. Подали кресло для Лурии, два здоровенных служителя помогли ей туда забраться, кресло унесли. Еще один служитель взял за руку Дафну, и она покорно, как ребенок или лунатик, пошла за ним. Рот ее был приоткрыт, и на подбородке блестела слюна.

Рабы потянулись из зала, за ними летели стайки огоньков. Тут Рига сказала мужу:

— Ты слишком добр к Лурии. Она этого не заслуживает. К тебе она относится вовсе не с такой добротой. А ведь ты работаешь на нее изо всех сил.

Сайл мягко возразил:

— Она день и ночь думает про требование о сдаче. Ну и, разумеется, о публичных прорицаниях тоже. Мы все в последнее время поддались нервозности.

Рига сказала:

— У Лурии есть ее великолепные войска, которые могут ходить строем хоть целый день и ни разу не собьются с ноги. Зачем же ей беспокоиться об ультиматуме? — Она сладко улыбнулась Таморе и, обращаясь к ней, проговорила: — Полагаю, ты делаешь все возможное, но наверняка тебе хотелось бы иметь настоящих солдат.

— Других у нас нет, — вмешался Сайл, глядя на Йаму. — Уверен, что рабы будут стоять насмерть.

— Конечно, будут, — отозвалась Рига. Она протянула руку, и муж помог ей подняться. Ее круглый живот заколыхался, натягивая шелковое платье. Она добавила:

— И смерть придет очень быстро. Йама, Тамора, я не виню никого из вас. Наша добрая пророчица заявила, что нас ждет победа, а потому она и думать не желает ни о чем, что может эту победу обеспечить. Разумеется, нельзя и помыслить о продаже одной десятой части ее драгоценностей и безделушек. Пусть она никогда их и не носит, но ведь они — наследственное имущество и разве можно им пожертвовать ради такой ерунды, как охрана Департамента. Так что будем довольствоваться тем, что есть, и разделим судьбу Департамента.

Тамора выпрямилась. Было видно, что она очень разозлилась. Показав острые белые зубы, она заявила:

— Если в моих действиях вас хоть что-нибудь не устраивает, я тут же подам в отставку.

Сайл успокаивающе взмахнул руками:

— Ну, пожалуйста! Никто не имеет в виду ничего подобного! Я своими глазами видел, как прекрасно ты натренировала наших рабов. Что за зрелище! Они так красиво маршируют!

— Тогда твои отчеты, наверное, неправильно истолковали. Извините. Мне пора заняться делами.

Сайл поймал руку Йамы и мягко сказал:

— Проводи меня, сделай одолжение.

Йама посмотрел вслед Таморе, но она уже спустилась с помоста и стремительно рассекала толпу рабов, которые расступались перед ней, как колосья перед косцом. Он сказал:

— Ну, разумеется.

Прикосновение Сайла, его фамильярный тон пробудили в душе Йамы беспокойство и странное волнение. Он

ощущал растущую нервозность, подобную той, что испытывал перед прыжком с дальнего конца нового причала в несущиеся мощным потоком воды Великой Реки, в которых дети амнанов чувствовали себя как дома. То был не страх, точнее, не совсем страх, а некое предвкушение, обострявшее все его чувства. Сайл ему слишком нравился, чтобы его опасаться, и дело было даже не в том, что этот высокий стройный красавец с тонкой костью, правильными чертами и легкими светлыми волосами напоминал Йаме его далекую возлюбленную Дирив.

Сайл много рассказывал Йаме об истории Департамента Прорицаний и о торговле предсказаниями. Существовало множество способов узнать будущее, говорил Сайл, но большинство из них — ложные, а те, что практикуются по сию пору, можно разделить всего на три типа. Наиболее примитивным из них является ворожба: жребий, астрогаломантия, гадание по костям, бобам, картам — ничто из этого, как правильно заметила Лурия, в Департаменте не применяется, хотя шарлатаны пользуются такими приемами весьма широко. Значительно больше достоинств имеют методы, обобщенно названные прорицанием, когда знаки судьбы угадываются по внешнему облику клиента, как в метаскопии или хиромантии, или по очертаниям пейзажа или по рисункам на магическом зеркале, которые оставляет на нем пыль (Сайл сказал, что предпочтительнее всего золотой песок; во всяком случае, любая металлическая пыль лучше, чем обычная пыль или шелуха от рисовых зерен, какими пользуются древние гадалки). Чаще всего в Департаменте практикуется геомантия, рабдомантия, или, по-другому, лозоискательство для поисков утерянной собственности, определения подходящего места для строительства дома или для поиска почвенных вод. И, наконец, истинные пророчества, получаемые пифиями во сне или наяву в состоянии транса. Этот метод самый сложный, но и самый эффективный. Именно так будет, в соответствии с традицией, действовать пифия во время публичных пророчеств через два дня. Правда, в наше время клиенты в основном жаждут получить ответы лишь на весьма тривиальные вопросы или же обнаружить потерянные вещи (спрятанные завещания являются непреходящим лидером, так как многие обездоленные родственники умерших богачей считают, что где-то имеется «настоящее» завещание, в котором им отдается предпочтение). Некоторые желают пообщаться с покойными, другие хотят обрести уверенность, что задуманное дело или женитьба окажутся удачными.

Проблема заключается в том, объяснил Сайл, что выгода от предсказаний будущего ушла в прошлое. Обычные жители Иза так же охотно поверят придорожной гадалке, как и пифии из Департамента Прорицаний, а другие Департаменты, планируя свою деятельность, не обращаются к ним за помощью.

— Сайл хочет тебя кое о чем спросить, — обратилась к Йаме Рига, — ты уж уважь его, будь любезен.

— Не здесь, — оборвал ее муж.

— Скоро мы сможем говорить все, что хотим. Смотри, не сделай ложного шага. — Рига холодно посмотрела на своего мужа, но все же на прощание подставила ему лоб для поцелуя. Затем она удалилась.

Сайл увлек Йаму к широкой лестнице в дальнем конце зала.

— Куда мы идем? — спросил Йама. Рабы уступали им дорогу. Пандарас куда-то исчез. Очевидно, устремился на поиски новых любовных приключений.

— Я хочу тебе кое-что показать, — объяснил Сайл.

В голосе его звучала мягкая вкрадчивость, свойственная скорее пожилым и опытным людям, хотя он был не более чем вдвое старше Йамы и намного моложе своей жены. — Обещаю, что долго тебя не задержу. Как твоя рана? Тебе следовало показать ее брату Лекарю.

— Тамора сказала, что повязку не следует трогать, — ответил Йама. — Да и вообще там в основном царапины.

Йама был ранен в короткой схватке у ворот. Бандиты напали на них сзади, когда Тамора, Пандарас и Йама поднимались к Воротам Двойной Славы. Один из них плашмя нанес Йаме удар мечом по голове. У Йамы помутилось в глазах, по лицу заструилась кровь. Он почти ослеп, но все же сумел точным взмахом меча спасти себе жизнь, поразив противника в правую руку. Тот лишился двух пальцев и выронил оружие. Йама протер залитые кровью глаза. Тамора успела убить троих негодяев, а двое оставшихся бросились наутек, за ними с улюлюканьем несся Пандарас.

— По поводу этого инцидента мы заявили протест в Департамент Внутренней Гармонии, — сказал Сайл. — Если он будет удовлетворен, тогда мы сможем потребовать официального расследования. К несчастью, правила таковы, что петиция с протестом должна быть заслушана и одобрена судом первой инстанции, а затем формируется комитет для ее обсуждения. Все это занимает не более пятидесяти — шестидесяти дней в случае, когда дело рассматривается в срочном порядке, но я не думаю, что его станут разбирать срочно. Во Дворце вообще ничего не делается срочно, но так оно и должно быть. Все это — серьезные вопросы и относиться к ним следует серьезно. Ну а потом — слушание, подготовка к нему занимает обычно не менее двух лет.

— А через двенадцать дней кончается срок ультиматума, предъявленного Департаментом Туземных Проблем.

— Да, — ответил Сайл, — но я верю в тебя, Йама.

От своего отца, эдила города Эолиса, Йама немножко научился искусству дипломатии. Ни о чем нельзя говорить прямо; задаешь вопрос — лишаешь себя преимущества, а потому он заметил:

— Я прежде не бывал в этой части Департамента.

— В былые времена именно здесь был главный вход. Теперь никто, кроме меня, им не пользуется. Он ведет на крышу.

Они поднялись на самый верх и пошли по длинному коридору. Темные деревянные панели на его стенах были украшены богатой резьбой, а выше висели огромные живописные полотна, но краски на них настолько потемнели от времени, что не было никакой возможности разобрать, какие сцены и какие люди изображались на этих картинах. Их шаги потревожили крысу, она бросилась к дырке в панели, а над головой ее летел единственный тусклый огонек. Крыса юркнула в отверстие, закрыв его горлышком разбитой бутылки. Затаившись, она смотрела, как мимо идут двое людей; слабый свет огонька едва пробивался через толстую воронку стекла.

Коридор закончился парой круглых металлических дверей, стены сплюснутой между ними прихожей тоже были сделаны из металла. Внутренняя дверь оказалась открытой, а внешняя была крепко задраена. Когда они вошли, Сайл запер за ними внутреннюю дверь и что-то зашептал замку внешней — Йама ощутил, как пробуждается слабенький интеллект замка. Затем Сайл велел Йаме повернуть колесо и открыть дверь. Она легко сдвинулась по своему полозу, и вслед за Сайлом Йама переступил высокий порог.

Они оказались на широкой плоской крыше Дома Двенадцати Передних Покоев. Ее покрытие состояло из металлических пластин, которые прилегали друг к другу, как рыбья чешуя. Позади них была огромная пещера, совсем темная, только кое-где двигались крохотные звездочки — это перемещались люди, сопровождаемые светлячками. Остальные здания Департамента Прорицаний — базилика, Зал Спокойного Разума, Зал Великих Достижений и Ворота Двойной Славы — симметрично расположились по краю этой гигантской полости; очертания их темных громад тонули во мраке. С другой стороны Дома Двенадцати Передних Покоев, за едва различимой аркой пещерного входа виднелось ночное небо. По внешнему краю крыши торчали скелеты сторожевых башен, откуда дул холодный, пронизывающий ветер. Сайл объяснил, что в древние времена пифий привязывали к верхним площадкам этих башен, там они пытались прочесть откровения будущих событий по движению облаков и полету птиц. Узкий помост, начинаясь от самого угла крыши, уходил за башни, в гудящую ветром темноту. Именно сюда Сайл повел Йаму, который цеплялся внезапно вспотевшими ладонями за узкие перила.

Дом Двенадцати Передних Покоев смотрел на Великую Реку; даже в полдень лишь редкий дождик солнечных струй достигал проема пещеры.

Сразу под мостиком тянулся длинный крутой склон, упиравшийся в мешанину шпилей, куполов и башен, которые облепили скалистые подножия Дворца, как кораллы засе-

ляют обломок лодки в теплых придонных водах реки. Еще дальше, вдоль бесконечного берега, сияли огни Иза. Отсюда, с высоты, Йама видел, как вдали за сотни лиг водной глади плоская оконечность мира сливается с пустотой темного ночного неба. Со стороны низовий, там, где мир сужается, превращаясь в исчезающую точку, мерцал тусклый красный свет, как если бы за линией горизонта кто-то развел гигантский костер.

В этой промозглой тьме мягкое лицо Сайла светилось от целого облака светлячков, короной окружавших его голову. Он произнес:

— Через несколько часов Хранители бросят на нас первый в этом году взгляд.

— Я и забыл. Здесь будет праздник?

— Городская чернь, конечно, повеселится. Если мы подождем, то увидим фейерверк и жертвенные костры. А потом, возможно, и свет пожаров от начавшихся беспорядков, потом всполохи выстрелов — это вступят в дело магистраторы, восстанавливая порядок.

— Из — странный и страшный город.

— Просто очень большой. Порядок можно поддерживать, только безжалостно подавляя любые мятежные действия. И сил при этом не экономить. Департамент Туземных Проблем создал целую армию, чтобы воевать с еретиками, потому им и нужны новые территории. Но магистраторы — это еще более многочисленная армия, причем армия, постоянно воюющая с более опасными врагами, чем еретики.

Йама вспомнил рассказ Пандараса о том, как его дядя попал в осаду, когда магистраторы заблокировали целый квартал города, где купцы отказались платить возросший налог.

— В городе, где я вырос, — сказал он, — люди празднуют не восход Ока Хранителей, а заход. Они переплывают реку и на той стороне устраивают зимний праздник. Они чинят и до блеска начищают оракулов, обновляют флаги на молитвенных струнах, жгут костры, веселятся, танцуют, кладут подношения к оракулам: цветы, фрукты.

— Простые люди Иза празднуют восход Ока потому, что считают: они снова оказались под благотворным взглядом Хранителей и все дурное от них теперь отступает. Они бьют в гонг, колотят в кастрюли и сковородки, зажигают петарды — все это, чтобы выгнать из углов нечисть. Я не бывал в твоем городе, Йама, и потому не могу понять, почему люди у вас радуются, избавившись от надзора. Ведь они должны поклоняться Хранителям, иначе они, видимо, в корне отличаются от всех десяти тысяч Чистых рас Слияния.

— Они празднуют начало зимы, потому что не любят летний зной.

— Тогда понятно. Но хотя Око и носит название органа зрения, оно вовсе не выполняет функций своего тезки.

Каждый, кто хоть немного учился, знает, что когда Хранители ушли за горизонт Вселенной, они оставили здесь своих слуг, чтобы те надзирали за их несовершенными созданиями — людьми. Ведь в умолкнувших ныне оракулах раньше обитали бесчисленные аватары, они направляли и вдохновляли нас. И разве не содержат в себе все преобразованные расы частицы дыхания Хранителей, и эти частицы сохранят память после смерти?

— Я счастлив снова видеть Око. Я всегда предпочитал лето зиме. Ты привел меня сюда, чтобы посмотреть на восход Ока?

— Мне нужно поговорить с тобой наедине. Этот помост существует дольше, чем сам Департамент. Его построили раньше, чем Слияние оказалось на своей нынешней орбите.

Но Йама все равно чувствовал знобящее головокружение. По этой узкой, висящей над пропастью тропе они прошли уже так далеко, что сгрудившиеся у подножия Дворца здания были теперь прямо под ними. Холодный ветер бил ему в грудь, помост гудел, как натянутая проволока. Под ногами Йама видел лишь кусочек ячеистого настила, который вырывал из кромешной тьмы яркий свет единственного огонька, сверкающего у него над головой. В любое мгновение он мог поскользнуться, выпустить хлипкие перила и камнем свалиться вниз, проломив чью-либо крышу. Поскользнуться... или быть сброшенным.

— Ты первый, кого я сюда привел, — сказал Сайл, — но ты ведь юноша уникальный. Взять, к примеру, этот светлячок у тебя над головой. Тебе следовало дать им возможность самим тебя выбрать, а не хватать самый яркий из всех. Честно говоря, я такого прежде не видел.

— Но он и правда сам меня выбрал. — Йама просто не позволил другим светлячкам составить компанию этому, он боялся, что ослепнет в ореоле их пылающих орбит.

— Говорят, что светлячки размножаются в темных углах, подальше от людских глаз, но я в это не верю. С каждым годом в самом Дворце становится все меньше и меньше людей, я имею в виду коридоры, залы, кельи, а не новые пристройки над нижними этажами. В былые времена люди самых незначительных рас имели над головой по двадцать и даже тридцать светлячков, и Дворец сверкал от их огоньков. Теперь же некоторые светлячки стали такими тусклыми, что, фигурально выражаясь, прилипли к представителям туземных племен, которыми кишит крыша, или даже к крысам и другим грызунам. Сомневаюсь, чтобы существовал еще один такой же яркий светлячок, как у тебя, разве только в палатах иерархов. Он обязательно будет привлекать внимание, но тут уж ничего не поделаешь, он тебя выбрал и не оставит, пока ты сам не оставишь Дворец.

— Надеюсь, у меня не будет из-за него неприятностей, — сказал Йама. Он мог бы приказать этому светлячку

улететь, а потом подыскать себе других, не таких заметных, но кто знает, может, так будет лучше?

Сайл ответил не сразу. Наконец он проговорил:

— Ты ведь знаешь, эта наемница меня очень забавляет, но я не считаю, что она способна организовать успешную оборону Департамента.

Йама вспомнил, о чем говорила им Рига.

— Если вы предоставите нам больше людей...

— И как бы вы их подготовили? Туземные Проблемы пошлют целую армию самых отборных солдат, чтобы подкрепить аргументы своего ультиматума.

— Вот и Тамора так думает.

— Ах, значит, в голове у нее кое-что есть. Но она просто-напросто наемница, а ты, как я понимаю, способен на большее.

— Ты так считаешь? — осторожно спросил Йама.

Приемный отец Йамы, человек мудрый, но далекий от житейских проблем, ничего не знал о происхождении Йамы. Он послал городского аптекаря, доктора Дисмаса, во Дворец Человеческой Памяти, чтобы найти хоть какие-то сведения о расе его сына. Однако доктор Дисмас не оправдал доверия эдила, он солгал, что не сумел ничего обнаружить, а затем попытался похитить Йаму и использовать его в своих целях. Теперь, в первый раз, Йаме пришло в голову, что Сайл может состоять в сговоре с его возлюбленной (ведь он явно принадлежал к одной с ней расе) и кураторами Города Мертвых, которые убедили Йаму, что он относится к расе, строившей мир согласно воле Хранителей.

Сайл сказал:

— Мы здесь уже забыли, как говорить прямо... В таком древнем Департаменте, как наш, слова отдаются таким бесконечным эхом, что их значение может так и не выявиться. Прости меня.

— Но ведь мы покинули стены Дворца; нас никто не услышит.

— Лурия остается прорицательницей уже более столетия, но ведь сам Департамент в двести раз старше, даже больше. Прежде всего я должен сохранять лояльность к Департаменту.

Йама видел, что его собеседник пребывает в мрачном состоянии духа.

— Здесь нас никто не услышит, — повторил он. — Никто, кроме Хранителей.

— Да! С ними мы всегда должны быть откровенны. — Сайл стиснул хрупкие перила и впился взглядом во тьму, туда, где возникали первые отсветы Ока Хранителей. Он продолжил: — Ну, значит, откровенно. Я знаю, кто ты такой, Йама. Ты — один из Строителей. По воле Хранителей твоя раса первой посетила Слияние, и машины, которые поддерживают существование нашего мира, не забыли тебе подобных. Тебе подчиняются все

машины, даже те, что выполняют в этот момент приказы других. Даже те, что вообще никому не подчиняются. — Он засмеялся. — Ну вот! Я все-таки это выговорил. Рига была уверена, что я не решусь, но я смог. И мир вовсе не рухнул.

— Как ты узнал про меня? — спросил Йама.

Легкие светлые волосы Сайла развевались на ветру, открывая взгляду его узкое, будто лезвие, лицо.

Он ответил:

— У нас очень богатая библиотека.

Сердце Йамы болезненно сжалось. Вдруг его поиски, толком еще не начавшись, уже закончены.

— Я приехал в Из, чтобы найти людей своей расы, — начал он. — Я очень хотел бы увидеть эту книгу. Ты мне покажешь?

— Нет, не сейчас, — сказал Сайл. — В библиотеку допускается лишь пифия и высшие представители ее окружения. Я покажу тебе все, что смогу, Йама, но боюсь, я сам нуждаюсь в твоей помощи. Мне стало известно, что твоими руками действуют сами Хранители, а значит, твои поступки не могут быть дурными. Ты не можешь творить ничего, кроме добра. Ты обладаешь огромной властью, не отрицай. К примеру, я знаю, что Храм Черного Колодца сгорел в тот день, когда ты появился во Дворце. Говорят, что кто-то разбудил Вещь-в-глубине, а затем уничтожил ее. А ведь нам хватит и меньшего чуда.

Со времен своего появления в Изе Йама столкнулся с двумя зловещими смертоносными машинами. Попав в отчаянное положение, он вызвал одну из них, сам не ведая, что делает. Вторая из этих машин упала на землю еще в Эпоху Мятежа, а позже люди построили храм над той дырой, что она прожгла в почве до самой мантии. В полусне машина пролежала в могиле из застывшей лавы целый век, пока ее не разбудил тот же зов, который обрушил вниз первую из этих черных машин. Йаме удалось вернуть смертоносную машину на ее вечное ложе с помощью древних стражей храма. В Эпоху Мятежа подобные машины разрушили полмира, и пусть их время давно прошло, да и мощь померкла, как померкло сияние светлячков, все же сил у них оставалось еще немало. Их тень омрачала существование мира, который их отторг, но люди говорили, что они ждут своего часа, когда вернутся Хранители и начнется Последняя битва, в которой праведники, живые и мертвые, вознесутся, а проклятые грешники будут низвергнуты в пучину забвения.

С тех пор как Йама появился во Дворце, он не пытался воздействовать ни на одну машину, разве только отогнал светлячков, которые жадно к нему кинулись. Он боялся, что своим неумелым вмешательством разбудит еще каких-нибудь дремлющих монстров из прошлого.

Сайлу он ответил:

— Я поступил на службу как наемник за определенный гонорар. Этот долг я и буду выполнять, господин, ни больше ни меньше. То, что ты узнал в своей библиотеке, — твое дело. Ты не поделился этими сведениями с прорицателями, иначе ты не стал бы приводить меня сюда, чтобы тайно здесь побеседовать. Может быть, мне стоит спросить их об этом.

Сайл повернулся к Йаме лицом и заговорил с неожиданной горячностью:

— Послушай! Если ты мне окажешь содействие, я помогу тебе узнать все о твоей расе. Настоящие пифии видят не только будущее, но и прошлое. Наши желания и действия содержат семена будущего, точно так же настоящее скрывает в себе отзвуки прошлых намерений и деяний. Более того, существует только одно прошлое, а вариантов возможного будущего — множество, а потому куда легче прочесть прошлое по настоящему, чем предсказать будущее. Говорят, что Хранители так же легко путешествуют из будущего в прошедшее, как космические корабли летят от звезды к звезде, но они не могут попасть в будущее, так как, с точки зрения прошлого, будущее еще не существует. Точно так же обстоит дело с пророчествами.

Наш мир имеет единственное прошлое, но в будущем наличествует целый ряд возможных миров. Некоторые утверждают, что каждый наш шаг создает новые миры, содержащие в себе все те направления, которые мы могли бы выбрать. Когда прорицательница смотрит в будущее, она должна учесть все возможные состояния мира и выбрать из них наиболее вероятное, то есть чаще всего наиболее обыденное. А вот прошлое — это прямая дорога, ведь мир уже прошел по ней к настоящему.

— Ты ведь сейчас говоришь не о Лурии, не так ли? Ты имеешь в виду Дафну.

Сайл кивнул.

— Дафна — настоящая пророчица. Действия нашего Департамента сводятся к сообщению людям того, что они желают услышать, или того, что им услышать важнее всего — часто это не одно и то же. Так что в основном наша задача — собрать о клиентах как можно больше информации, чтобы не обмануть их ожидания.

— Ты очень откровенен.

— Если ты нам не поможешь, то мои слова не будут иметь никакого значения, ведь Департамент прекратит свое существование. А если ты все же согласишься вмешаться, то тебе потребуются эти знания. Некоторые говорят, что мы занимаемся магией, но на самом деле наша деятельность — это наука.

Йама вспомнил о жужжащей мешанине в голове Дафны. Вдруг она потому и могла нащупать правильную тропинку среди целого леса возможных вариантов будущего, что ее разум населяло сразу множество личностей? А может, то, что он мельком

ощутил в ее голове, были постоянно возникающие и гибнущие миры будущего?

Сайл продолжал:

— Дафна говорит только правду, и Лурию это пугает. Она понимает, что правда отпугивает наших клиентов. Но, пожалуйста, не думай, что Лурия не верит в собственные силы. Еще как верит! Если ее пророчества сбываются, она чувствует удовлетворение, если нет — то находит какие-нибудь ошибки в проведении церемоний или же говорит, что вмешались некие более могущественные силы и отклонили события от предсказанного ею хода. Она никогда не бывает виновата в несбывшихся пророчествах. А Дафна всегда оказывается права, и никакие церемонии ей не нужны. Она говорит все прямо. Я сам привел ее в Департамент и несу за нее ответственность. Тогда я надеялся, что Дафна станет настоящей пифией, но сейчас у меня такое впечатление, будто в ней заключено нечто большее. Лурия боится Дафну и, боюсь, может ее из-за этого уничтожить. Лучше мне умереть, чем пережить такое.

Без сомнения, это признание должно было вызвать в Йаме доверие к собеседнику, но вместо этого Йама, напротив, насторожился. Сайл настолько привык морочить головы клиентам Департамента Прорицаний, что с легкостью обманывал и самого себя, притворяясь, будто все его помыслы и действия направлены лишь на благо Департамента, а вовсе не на обретение личной выгоды. Однако у Йамы зародилось подозрение, что Сайл намерен использовать его в собственных целях. Если бы Сайл был чуть менее умным, то мотивом его поведения могла быть элементарная корысть, но ничто из совершенного Сайлом простым не назовешь. Тут какая-то хитрость. Сделка выглядит вполне честно — чудо в обмен на информацию, — но Йама помнил о тайных переговорах, которые подслушал Пандарас, а кроме того, в ушах его звучали слова Таморы: «Эти древние департаменты — настоящие крысиные гнезда, там вечно из-за пустяков плетутся интриги и вспыхивает вражда».

— Раз Дафна провидит будущее, — сказал он, — ей должна быть известна судьба Департамента. Что она говорит? Удастся его спасти?

— Знать-то она знает, но не говорит. Неужели ты думаешь, я не спрашивал. Но она не желает открывать то, что ей известно. Считает, что если она заговорит, то будущее может измениться, а с ним и судьба мира. Единственное, что она все-таки сообщила, — это что Департамент не будет спасен силой оружия. Я так понял, это означает, что ты вмешаешься в ход событий.

— А если я задам ей вопрос, расскажет она мне прямо о моей судьбе? Может она заглянуть в будущее и увидеть, где я могу встретить людей своей расы?

— Кое-что она уже сказала. Потому ты должен нам помочь, Йама. Если ты откажешься, тебя ждет трагическая судьба.

Темной ветреной ночью, стоя высоко над самым древним городом мира, Йама чувствовал, что Сайл насадил наживку и что крючок глубоко вонзился в его сердце, но все же он нашел в себе силы спросить:

— Скажи мне точно, что она сообщила. Быть может, тогда я пойму, следует ли мне вам помогать.

Сайл отвернулся и стал смотреть на расстилающуюся внизу величественную панораму: темнеющая равнина Иза, широкая лента Великой Реки, убегающая к далекому горизонту, где над краем мира уже на палец взошло Око Хранителей. Он склонил голову и сказал:

— Пророчество состоит из двух частей. В первой говорится, что ты либо спасешь мир, либо его разрушишь. Она говорит, что оба варианта взаимосвязаны. Не спрашивай, что она имеет в виду, мне она этого не стала объяснять.

Йама услужливо произнес:

— Наверное, первое более вероятно, чем второе. Мир останется таким же, как был, но некоторые скажут, что это моих рук дело. Мне кажется, что другие верят в меня сильнее, чем я сам.

— Значит, для тебя наступила пора научиться доверять себе, — решительно заявил Сайл. — А вторая часть такова: если ты мне не поможешь, то окажешься в руках тех, от кого ты раньше сумел спастись. То есть если ты не поможешь Департаменту, то судьба твоя темна.

Йама ощутил холодок предчувствия. Приемный отец отправил его в Из, чтобы он сделался учеником в Департаменте Туземных Проблем, том самом, с которым он подрядился теперь сражаться. Йаме удалось сбежать от префекта Корина, которому эдил его вверил, однако в сердце Йамы никогда не исчезал страх, что префект Корин, человек холодный, безжалостный и непреклонный, снова его отыщет.

— Это скорее напоминает мне угрозу, а не пророчество, — заметил Йама.

— Тебе не обязательно давать ответ прямо сейчас, но ответить нужно раньше, чем откроются утром Ворота Двойной Славы. Хорошо все обдумай и помни: я тебе друг.

— Будущее туманно, но ты можешь быть уверен, я выполню те обязанности, ради которых нас с Таморой наняли.

— Если ты будешь действовать как простой наемник — этого недостаточно, — сказал Сайл. — Ты и сам это знаешь. Я как друг прошу тебя нам помочь. Я не отвечаю за то, что случится с тобой, если ты откажешься.

Йама хотел спросить, что он имеет в виду, но Сайл вдруг указал на лежащий внизу город:

— Посмотри! Как ярко она горит!

Над домами, улицами и площадями бесконечного города взлетали ракеты, их красные, зеленые и золотые хвосты росчерками делили высокое небо, где они взрывались невероятными цветами, чьи лепестки пестрыми облачками опадали вниз, рассыпаясь меркнувшими искрами, а новые ракеты уносились ввысь, рассекая увядающие букеты. Чуть погодя раздалось чмоканье взрывов, словно на сковородке лопались кукурузные зерна.

Йама вспомнил о Дафне. Разум ее напоминал это ночное небо: в нем постоянно вспыхивали и гасли искры. Холодный ветер принес слабые звуки далеких труб и барабанов, веселые голоса, песни. Ракеты взрывались метров на сто ниже помоста, где стояли Сайл и Йама, дымные арки их траекторий завершались золотым дождем медленно гаснущих искр. Из расщелины в скальном фронтоне вырвалась стая летучих мышей, будто облачко черных снежинок они запорхали в ночи на фоне красноватой спирали Ока Хранителей.

3. ДНЕВНОЙ РЫНОК

Как только внутренние створки Ворот Двойной Славы скользнули вниз, исчезнув в скрытых в проходе пазах, дожидавшийся этого раб тотчас вошел под своды круглого портала и растаял в темноте туннеля. Тогда Йама в сопровождении трусившего рядом Пандараса вышел из портала базилики и двинулся через широкую площадь. Кивнув привратнику, он спросил, кто это сейчас вышел.

— Ты имеешь в виду Брабанта, господин? — удивился привратник. — Зачем он тебе нужен? Неужели чем-то провинился?

Прикрыв лицо ладонью, Йама зевнул. Рассвет еще только занимался, так что поспать удалось совсем чуть-чуть. Он долго лежал без сна на узкой койке в своей келье, думая обо всем, что сообщил Сайл. Йаме казалось, что его разум разделился на два вражеских стана и армии мыслей пошли друг на друга войной, раскалывая ему череп.

После того как он вызвал к жизни одну смертоносную машину, разбудил, а затем уничтожил другую, в приступе гнева убил Горго, Йама поклялся себе не использовать больше свою власть над машинами. По крайней мере до тех пор, пока до конца не поймет ее природу. Он и сам не был уверен, что сможет успешно защитить Департамент Прорицаний, воздействовав на интеллект машин в собственных целях. Кроме того, его мучила мысль: если подобная власть ниспослана ему Хранителями, вправе ли он использовать ее в своих целях?

Но ведь в обмен на помощь в защите Департамента Прорицаний он так много узнает о расе Строителей! А если он проникнет в тайну своего происхождения, то сможет пол-

нее овладеть скрытыми в нем силами и понять, чего ждут от него Хранители. Ах, если бы освоить все дарованные ему возможности! Он добился бы чего угодно!

Мысль эта навеяла целую вереницу образов. Вот Йама летит на спине железного дракона, орды еретиков в ужасе бегут от него в Стеклянную Пустыню за срединной точкой мира. Вот Йама в гудящем облаке ярких машин что-то проповедует толпам людей с возвышения, а у ног его расстилается целый мир... Йама на борту подводного корабля будит древние машины на дне Великой Реки... Йама золотым посохом ударяет по ледяным торосам в истоках Великой Реки, и юные воды несут миру жизнь и обновление. И еще множество картин, ярких и манящих, пронеслось у него перед глазами, как будто разум Йамы пытался вместить все варианты будущего, которые перед ним открывались. Эти видения, чудесные и одновременно ужасающие, так захватили душу, что когда Пандарас стал его будить, Йаме показалось, что он вовсе не отдохнул.

И вот полчаса спустя он стоит у покрытого изысканной резьбой портала Ворот Двойной Славы. Ведущий вниз туннель изгибается, так что раб Брабант уже скрылся из виду.

— Никогда не слышал, чтобы Брабант совершил дурной поступок, — сказал привратник. — А я-то уж знаю все, что делается вокруг.

Йама спросил:

— Брабант сказал тебе, что у него за дела?

Привратник был старый, но мускулистый и еще очень бодрый раб, с горбатой спиной и целой гривой седых волос. Бросив на Йаму хитрый взгляд, он сказал:

— Да обычные его дела.

— Какие «обычные»? — вмешался Пандарас. — Ну-ка, парень, объясни толком моему господину. Он отвечает за безопасность вашего Департамента.

Раб стал объяснять:

— Ну, все знают, у Брабанта хранятся ключи от кухонь в хозяйстве Дома Двенадцати Передних Покоев. Он часто спозаранку уходит. Дневные рынки начинают работать, когда открываются главные ворота. Цены сейчас просто сумасшедшие, не то что прежде. Из-за войны уже появились нехватки. Ты пришел, чтобы защитить Брабанта, господин? Ему что-то грозит?

— Это вопрос безопасности, — веско проговорил Пандарас.

Казалось, такой ответ вполне удовлетворил привратника.

— Угу. Я так и думал. Нам всем грозит опасность. Даже сейчас. Конечно, они не потребуют сдачи еще целых десять дней, но разве можно доверять Туземным Проблемам? Они все расширяются, понимаешь? Любой ценой хотят захватить все, что могут. Но я начеку. За ворота можете не беспокоиться. Никто еще не проскользнул мимо меня без разрешения.

Как ни странно, это вовсе не было пустой похвалой. Тамора осмотрела Департамент Прорицаний еще в первый день их пребывания и заявила, что если тройные двери закрыты, то никому не удастся пройти в ворота, для этого придется разрушить большую часть пещеры.

— Надо спешить, господин, — сказал Пандарас. — Мы его упустим.

— Ты останешься здесь, Пандарас. Останешься и займешься своими делами.

— Лучше бы мне пойти с тобой. Я вижу, ты снял повязку, а рана еще не зажила. Точно, не зажила. К тому же мне хочется все здесь посмотреть.

— И ты посмотришь. Когда мы закончим с контрактом. Обещаю тебе. — Йама повернулся к привратнику и спросил: — Как ты открываешь ворота? Их трое, правильно?

Привратник кивнул.

— Одни здесь, господин, следующие — ниже, через сто шагов, а последние — еще через сто шагов. Чтобы не выходил воздух, понимаешь? В древности пещера замыкалась вокруг Дома Двенадцати Передних Покоев, но все перемычки уж сколько лет как сдали на лом. Правда, в старые времена ворота слушались особого слова, ты его скажешь — и они подчиняются. А сейчас это просто металл. Видел, как я крутил то колесо?

Оно располагалось на мощном столбе внутри стеклянной будки справа от круглого проема ворот. Диаметром оно было с самого привратника и имело перекладины, как у руля.

— Оно управляет воротами. Они — вроде шлюза. Всю работу выполняет вода. Она выливается из камер противовеса, и ворота открываются, а потом воду закачивают в емкость у нас над головой, оттуда она может в любой момент заполнить противовес, и ворота закроются.

— Ты целый день стережешь их?

— У меня жилье над воротами, видишь, лестница? Она как раз туда ведет. У меня там гнездышко, не хуже чем у ласточки на каком-нибудь складе.

— Значит, когда Брабант вернется, ты заметишь?

— Я сам буду следить, — заявил Пандарас, — хотя лучше бы пойти с тобой, господин.

— Твоему мальчику нечего беспокоиться, — сказал старый раб. — Я вижу всех, кто входит и выходит. Наш секретарь Сайл желает быть в курсе всего.

Внутренняя поверхность туннеля была обита гладким белым материалом, который рассеивал свет единственного огонька над головой Йамы; создавалось впечатление, что Йама

движется в центр летящего нимба. Опускаясь, туннель сделал полный круг и вывел к проходу, в десять раз шире его самого. То была одна из основных магистралей Дворца, идущая от его подножия до самой крыши. Во всех таких шахтах гравитация была локализована, так что туннель упирался в потолок шахты под прямым углом. Йама стоял у начала спирального спуска и смотрел на освещенные фонарями сани, повозки и тележки, которые проносились перед ним, будто прилипнув к противоположной стене. Но когда он прошел по спуску, магистраль, казалось, сама повернулась вокруг него, теперь он стоял на тротуаре рядом с движущимися повозками, а туннель, откуда он появился, зиял отверстием в сводчатой крыше у него над головой.

Прохожих было немного, и Йама легко нашел Брабанта. Раб был коренаст и невысок, его густые темные волосы сплетались в толстые косицы. Не быстро, но уверенно он прошел по тротуару в нижнюю часть Дворца, а потом по спиральному пандусу поднялся до короткого туннеля, который внезапно заканчивался в огромной пещере, заполненной людьми и прилавками.

Это был один из дневных рынков. Служители сотни департаментов Дворца Человеческой Памяти спорили с торговцами, сплетничали, бродили по рядам, завтракали. Дым сотен жаровен и плит поднимался к низкому заляпанному бетонному потолку, высвечиваясь бледным клином утреннего солнца, проникающего внутрь под плоскими крышами складов, которые впритык стояли у широкого входа пещеры.

В продымленном воздухе посверкивали машины; тысячи светлячков крутились над головами толпящихся между рядами людей. Шум стоял невероятный. Мычание скотины, болтовня тысячи глоток бесконечным эхом отражались от толстых стен. В одном конце рынка на дымящихся глыбах льда лежали целые груды рыбы, стояли бурлящие кислородом чаны с мидиями, устрицами, прозрачными креветками; в другом были загоны с привязанными овцами и козами, которые безмятежно жевали солому, ожидая ножа. Тут были ряды, где продавали писчую бумагу, красители, благовония, специи, любые фрукты и овощи, сигареты, съедобный пластик, сладости, кору чайного дерева и массу других вещей. Кругом кричали зазывалы, восхваляя качество и дешевизну своего товара. В воздухе плавали диски, на которых стояли солдаты Департамента Внутренней Гармонии, наблюдая за толпой, кипящей у их ног.

Большинство из пришедших на рынок были мелкими клерками, администраторами нижнего звена, счетоводами, одетыми в белые крахмальные рубахи со стоячими воротничками и черные мешковатые брюки. На их лицах, куда бы ни падал его взгляд, Йама видел отражение той судьбы, которую выбрал для него эдил, его приемный отец. Пока он шел следом за Брабантом сквозь

запруженные ряды, народ перед ним в основном расступался, а некоторые даже сводили кончики перепачканных чернилами пальцев; Йама догадался, что они проявляют почтение к нему, ведь его единственный ярко горящий огонек создает иллюзию высокого положения своего хозяина и вводит их в заблуждение.

Все это галдящее столпотворение, освещенное только беспокойными искрами светлячков и клином солнечного света, в котором плавали густые клубы дыма, напомнило Йаме муравейник, за которым Тельмон когда-то вел наблюдения, поместив его между двумя прозрачными пластинами. Внезапно Йаме почудилось, что на него давит вся невероятная громада Дворца Человеческой Памяти, бесконечная путаница его коридоров, бесчисленная масса контор, палат, покоев, принадлежащих сотне различных департаментов, тысячи его храмов, часовен, святилищ. И все это овеяно десятками тысячелетий истории.

Тут и там проповедовали странствующие монахи, но лишь единицы останавливались послушать. В одном из проходов танцевала цепочка почти обнаженных мужчин, ритмично бичуя себя кожаными плетками; на перекрестке группа людей в оранжевых мантиях кружилась под бешеный перезвон бубнов. От этого верчения утяжеленные подолы их мантий стояли, как колокольчики, лица блестели от пота, глаза закатились так, что виднелись только белки. Они будут кружиться, пока не рухнут на землю, полагая, что в них вселились аватары Хранителей.

Меж рядов попадались оракулы и алтари. Прохожие останавливались, чтобы поставить на лбу пятнышко порошком охры, пробормотать молитву или крутануть молитвенное колесо. Брабант задержался у одного святилища — блестящего черного круга, укрытого куполом переплетенных бумажных венков, и зажег свечку, взмахами направляя ее ароматный дым к своему склоненному лицу. Наверное, он молился об успехе предстоящего замысла... а может, просто остановился, чтобы сосредоточиться и подумать, вырвавшись на мгновение из суеты повседневных дел.

Когда Брабант двинулся дальше, Йама тоже остановился у оракула и коснулся висящей на шее монеты, но оракул не засветился. Дворец Человеческой Памяти был просто усеян оракулами — в пещере Департамента Прорицаний Йама их насчитал больше сотни, — но он не нашел ни одного, который показал бы ему тот прекрасный сад, где его ждала женщина в белом. Может, это и к лучшему. Он еще не готов снова встретить врага лицом к лицу.

Йама пошел дальше и снова нашел глазами косички Брабанта, то и дело мелькающие в толпе клерков и счетоводов. Казалось, что раб знаком на рынке почти со всеми, он без конца останавливался, чтобы пожать руку купцу, перебросится с кем-нибудь парой слов или попробовать товар. Вот он присел на душистый

мешок рядом с продавцом благовоний и добродушно с ним болтает, потягивая чай из медной пиалы. Йама наблюдал за ним с другой стороны широкого прохода, жуя сладкий, прозрачный от жира жареный миндаль, и размышлял, не связан ли предполагаемый заговор с убийством посредством отравления, а может, Брабант просто заключает сделку, торгуясь из-за цены на мускатный орех и хурму.

Брабант пожал руку продавцу пряностей и двинулся по рынку дальше, приветствуя торговцев, пробуя товары на вкус, обильными восклицаниями одобряя их свежесть, громко здороваясь с прохожими. Если у него правда имелось тайное поручение, то он, казалось, специально всем демонстрировал свое местопребывание. Сомнения Йамы, прежде совсем незначительные, становились все сильнее.

Наконец Брабант, добравшись до самого отдаленного уголка громадного рынка, вошел в какой-то коридор, напоминающий обычную улицу с бетонным перекрытием вместо неба, по обе его стороны располагались трех- и четырехэтажные дома. Здесь было светлее, так как в дальнем конце в потолке имелось большое вогнутое окно, там росли пальмы и стая попугаев с хриплым клекотом перелетала с ветки на ветку.

В окне второго этажа одного из домов виднелась женщина. Она медленно расчесывала свои длинные черные волосы. Ниже, у двери сидел на высокой табуретке человек в полотняном бурнусе. Брабант остановился, о чем-то с ним перемолвился, пожал ему руку и вошел внутрь.

Чувствуя себя полным идиотом, Йама прошел мимо. Он не знал, куда себя деть. Абсолютно ясно, что Брабант, переделав свои дела на рынке, отправился отдыхать в бордель. Наверное, рабы в его Департаменте принадлежали к расе, которая может совокупляться, когда хочет, а не в определенный день цикла или сезона. Но что-то Йаму удерживало, уходить не хотелось. Он чувствовал, надо досмотреть до конца.

Он не спеша отодвинулся к толпе, собравшейся в конце улицы под пальмами, где наперсточник беспрестанно передвигал на маленьком столике три половинки раковин. Мужчины в белых рубашках бросали на столик монеты и тыкали пальцем в одну из раковин; когда все ставки оказались сделаны, наперсточник поднял одну за другой все три раковины. Черная жемчужина обнаружилась под средней. Хозяин быстро подобрал монеты, пару из них сунул в протянутые руки, а остальные высыпал в карман, затем накрыл жемчужину и снова принялся тасовать раковины.

Пока зрители заключали новые пари, он поймал взгляд Йамы и сказал:

— Я не могу принять твою ставку, господин. Такой, как ты, в момент меня разорит.

Йама улыбнулся и сказал, что он все равно не играет.

— Тогда можешь испытать удачу за так, — предложил наперсточник.

У него была очень милая улыбка, бледное лицо и синие, как васильки, глаза. В хохолке его рыжих волос путался единственный тусклый светлячок, он горел не ярче, чем у той крысы, что попалась Йаме в старом вестибюле Дома Двенадцати Передних Покоев.

Наперсточник убрал руки от раковин, и Йама, повинуясь внезапному импульсу, указал на среднюю. Хозяин игры удивленно приподнял бровь, снял раковину, и все увидели черную жемчужину. Клерки в белых рубашках, толпой окружившие Йаму, просто взревели. Хозяин собрал деньги, подмигнул Йаме и снова начал быстро перемещать раковины. На этот раз Йама внимательно следил за его руками: жемчужина, очевидно, должна находиться посередине, однако он ясно понимал, что на самом деле она справа. Клерки закончили делать ставки, Йама указал на нужную раковину и улыбнулся в ответ на улыбку наперсточника.

Клерки загомонили меж собой, а хозяин игры произнес:

— Ты насквозь видишь мой нехитрый фокус, господин. Может быть, хочешь испытать себя на чем-нибудь посложнее?

— В другой раз.

Наперсточник обернулся к зрителям, будто призывая их восхититься его безрассудством, затем сказал:

— Я предлагаю тебе рискнуть только одним медным реалом. Поставь на свой талант. Для такого человека — это не деньги. А выиграть у меня можешь много. Я даю тебе десять к одному.

Йаме вспомнилось племя диких кочевников, которое однажды пришло в Эолис со своими лошадьми, ловчими кошками и стеганными из кож матрасами. Они продавали шкуры хорьков, сурков, зайцев, которых ловили силками у подножия Краевых Гор. Игра в кости у кочевников тянулась, не прерываясь, несколько дней, затягивая тех, кто включался все глубже и глубже, и, хотя начиналось все с мелких ставок, очнувшись, они оказывались без единого пени, а часто без обуви и даже без рубашек, лишь с тяжелой, будто похмельной головой.

— Такая ставка слишком для меня хороша, — ответил наперсточнику Йама, а в толпе рассмеялись.

— Они работают на пару, — выкрикнул кто-то. Это оказался высокий парень, ненамного старше Йамы. Когда он протолкался вперед, оказалось, что его сопровождают еще двое. Все трое имели на воротничках своих белых рубашек значки с изображением кулака, сомкнувшегося вокруг молнии.

— Уверяю тебя, — обратился к парню наперсточник, — что я никогда прежде не видел этого доброго человека.

— Жулики и шулера! — крикнул молодой рослый юноша. — Ты жульничаешь и даешь своему дружку выиграть, чтобы другие подумали, что у них тоже есть шанс.

Наперсточник снова запротестовал, но его мягкий тон привел парня в бешенство, теперь он, налегая на столик всем телом, кричал прямо в лицо хозяину игры. Кто-то из двух оставшихся смел раковины на пол и предводитель заорал, что тут вообще нет жемчужины, это никакая не игра, а сплошное мошенничество.

Йама его едва слышал. Только что он увидел, как из публичного дома вышел мужчина. На нем была простая домотканая туника с красным поясом, блестящая темная кожа туго обтягивала скулы, а с левой стороны тянулась белая полоса. В руках у него был длинный, выше его самого, посох. Он мгновенно узнал этого человека и с удивлением осознал, что в конце концов Брабант все-таки замешан в заговоре.

Человеком этим был префект Корин.

4. ЗАСАДА

— Сплошное мошенничество! — орал предводитель напавших. — Мы найдем правду! Хватайте их обоих! Того, что с ножом, — первого!

Один из парней схватил Йаму за руку. Другой вырвал из перевязи ножны и отдал их своему предводителю, который, сунув их в лицо Йамы, закричал:

— По какому праву ты носишь здесь такое оружие?

— По моему собственному, — ответил Йама. — Тебе-то какое дело?

Услышав это, в толпе глухо зашумели. Парень нахмурился. И он, и два его приятеля были молоды, взвинчены и нервничали больше, чем Йама, не зная наверняка, имеет ли смысл то, что они обнаружили. Они не были ни стражами, ни солдатами — те забрали бы Йаму с собой и провели расследование, — просто ученики из какого-то Департамента, рвущиеся в дело, нелепые и подначивающие друг друга.

— Как только ты ступил на дневной рынок, ты оказался на территории нашего Департамента, — сказал самый решительный из троих.

— Зачем ты носишь эту древность? У тебя есть разрешение?

Тут вмешался наперсточник:

— Прошу прощения, но, как известно, это общая территория.

— Не лезь, животное, — прикрикнул парень, державший нож. Он оглядел толпу клерков и добавил: — Вы все не лезьте.

Парень, схвативший Йаму, прорычал:

— Ну ты, кусок дерьма, отвечай на вопросы Фило.

— Он мой, — спокойно ответил Йама. Он надеялся, что их главарь, Фило, попробует вытащить нож, и тогда нож обязательно проснется и покажет себя.

Но Фило просто болтал им, держа ножны за петлю. У него было маленькое личико, обрамленное завитками черных блестящих волос, приплюснутый нос и широкий рот. Он придвинулся так близко к лицу Йамы, что на щеку тому попала капелька слюны. Дыхание его отдавало гвоздикой.

— Твой? Да ему по крайней мере десять тысяч лет. Что такому сосунку с ним делать? Давай объясняй. Если ты ни в чем не виновен, мы тебя отпустим.

— Пойду позову стражников, — сказал один из клерков.

— Не нужны нам стражники, — громко заявил Фило, глядя по сторонам, будто пытаясь понять, кто говорил. — У нас и так хватит сил. Мы сами разберемся с этими жуликами.

— Вы просто идиоты, — сказал клерк. Он с презрительным видом повернулся к Фило спиной и пошел прочь. Толпа перед ним расступилась.

Народу собиралось все больше. Йама уже не видел префекта Корина. Он хладнокровно обратился к Фило:

— У тебя нет надо мной власти. Если это не так, можешь убить меня моим же ножом.

Все трое захохотали. Потом Фило замолчал, широко улыбнулся и взялся за рукоять ножа. Сверкнула синяя молния. Фило взвизгнул, выронил нож и схватился за руку. С нее свисали почерневшие клочья кожи. Разнесся запах паленого мяса. Йама почувствовал, как ослабла хватка того, кто его держал. Он с силой припечатал ногой его ступню, вывернулся из захвата и нанес парню удар по ногам. Третий юноша выхватил пистолет и направил его на Йаму. Все это время Фило стонал, что его убили.

— Сдавайся, — крикнул парень с пистолетом.

— Я уйду и все кончится само собой, — сказал Йама.

Многие из переднего ряда пытались протолкаться назад и поскорее уйти, но сзади напирали, стараясь узнать, что там происходит. Йама снова увидел префекта Корина. Размахивая посохом, он пробирался через толпу. За ним следовал десяток вооруженных солдат

— Сдавайся! — повторил парень с пистолетом. Он оказался смелее, чем Йама предполагал. — Сдавайся или я проделаю в тебе огромную дыру!

Йама зажмурился. Его светлячок внезапно загорелся во всю свою мощь, словно взорвалась световая бомба, в глазах Йамы отпечатались красные и золотые тени. Люди вокруг него закричали, что они ослепли. Раздался пистолетный выстрел — должно быть, парень рефлекторно нажал на курок — и что-то просвистело у самого уха Йамы. Новый крик — это задело какого-то прохожего. Когда Йама открыл глаза, ему показалось, что в воздухе висят какие-то призрачные сгустки света. Трое парней и клерки в переднем ряду прижали руки к глазам; Фило стонал громче всех:

— Я ослеп! Я ослеп!

На плечо Йамы легла чья-то рука.

— Пойдем со мной, господин, — сказал наперсточник и бросил что-то на землю.

В тот же миг вокруг ослепших заклубились облака плотного красного дыма, который скрыл и префекта Корина, и его отряд, все еще пробиравшийся сквозь охваченную паникой толпу.

— За мной, — крикнул наперсточник. — Мы — твои друзья!

Но Йама стряхнул его руку, подобрал нож, и ножны и бросился в противоположном направлении — к залитой солнечным светом группе пальм. Префект Корин вырвался из облака красного дыма, а его люди стали стрелять по солдатам в воздухе. Солдаты кружились на дисках и стреляли в ответ. Йама бежал под дождем из сбитых выстрелами листьев. Трава цеплялась ему за штаны, попугаи разлетались пестрым вихрем.

За деревьями расположился узорчатый металлический мостик, аркой выгнувшийся над узкой расселиной. Там внизу чувствовалось какое-то биение, медленное, размеренное и мощное. Перебегая мостик, Йама ступнями ощущал его пульс.

Дальше был туннель со стеклянными стенами. Он вел вдоль отвесной скалы, которая ниже переходила в гористый склон, сбегающий к пестрой мозаике города и к укрытым туманами далеким горам. Выпуклая стена покрылась тысячью трещин, а через мгновение Йама услышал пистолетный выстрел и голос префекта Корина, выкрикивающий его имя.

Йама обернулся.

В пятидесяти шагах от него стоял префект Корин и трое его людей.

— Добро пожаловать, Йамаманама, — проговорил префект Корин.

Он выглядел абсолютно бесстрастно, спокойно стоял, воткнув посох в землю. Он даже не запыхался. У одного из его людей была перевязана рука. Это был тот самый негодяй, которого Йама ранил у ворот Департамента Прорицаний.

Йама держал нож сбоку, спрятав его за ногу. Как можно спокойнее он произнес:

— Значит, вы выбрались от магистраторов.

Префект Корин дружелюбно ответил:

— И ты тоже. Ты уговорил их машины, правда? Твоему отцу следовало рассказать мне об этом трюке, ну да ладно. Так или иначе, ты здесь.

— Я не вернусь, — решительно сказал Йама и поднял нож, когда префект Корин сделал шаг вперед.

Двое его людей направили на Йаму дула своих пистолетов, третий, с забинтованной рукой, поднял арбалет.

— Мы не собираемся причинять тебе зла, — сказал префект Корин. — После всех своих приключений ты должен чувствовать усталость и смятение, но теперь ты пришел домой. Ты нашел нас согласно воле Хранителей. Нам надо о многом поговорить, тебе и мне. В городе были явления смертоносных машин, а Вещь-в-глубине разрушила Храм Черного Колодца. Ты и с ними говорил тоже?

— Вы заманили меня сюда, — сказал Йама. — Но я не пойду с вами. Я не буду служить.

— Ну конечно, будешь. Дневной рынок еще не попал под контроль нашего Департамента, но это место уже попало, ведь туннель ведет прямо к одним из ворот Департамента. Ты побежал туда, куда надо. Я так и рассчитывал. Солдаты Внутренней Гармонии здесь тебе не помогут. Пойдем со мной, и к тебе будут относиться как к тетрарху, если ты действительно можешь делать хоть половину того, о чем я догадываюсь. Пойдем со мной. Пойдем домой. Твой отец и возлюбленная, они так обрадуются, что ты отыскался, живой и здоровый.

На мгновение Йама ощутил каждую из находящихся на дневном рынке машин. Он поговорил с одной из них, затем повернулся и ударил ножом по растрескавшемуся стеклу. Вспыхнуло голубое сияние. Префект Корин закричал, швырнул посох и кинулся к Йаме, а Йама рывком бросил тело в круглое отверстие в разбитом стекле и вынырнул сквозь него на свежий воздух.

5. БИБЛИОТЕКА

Город, отвесный склон, стена кувыркнулись перед его глазами. Потом что-то полетело ему наперерез, и он больно об него шлепнулся, даже дыхание перехватило. Это был летающий диск, который Йама украл прямо из-под ног солдата.

Одной рукой Йама держал нож и ножны, а другой ухватился за край диска. Его гладкая плоская поверхность нагрелась от быстрого движения по воздуху, Йаме жгло кожу, но он плотно прижался к диску, пока тот выполнял умопомрачительный вираж, стремительно ныряя к сгрудившейся массе крыш далеко внизу. Диск завис, едва не коснувшись плоского красного фронтона часовни. Йама кое-как приземлился, расцарапав бедро, колено и плечо и уронив нож вместе с ножнами.

Он вскочил на ноги и отряхнул руки о штаны. Рана на голове сильно ныла. Когда он ее коснулся, то пальцы оказались в крови.

Диск висел в воздухе, словно послушный пес, который ожидает команды хозяина. Йама его отпустил и он тотчас

летел, круто взмыв вверх на фоне отвесной стены монолита. На гновение он сверкнул солнечным зайчиком и скрылся из виду.

Йама подобрал нож и сунул его в ножны. Подумав, он решил, то пролетел вниз меньше пяти фарлонгов; стеклянный туннель, из которого он выбросился, отсюда выглядел нитью не толще волоса, вязывающей два черных утеса, которые сами были лишь ступеня-ми на пути к синему небу.

Где-то там наверху находилась пещера Департамента Прорица-ий. Должно быть, Тамора сейчас вовсю натаскивает мрачных ра-ов, готовя их для краткой и безнадежной битвы. Конечно, он ожет бросить и ее, и Пандараса и в одиночестве продолжить свой оиск библиотеки Департамента Хирургов и Аптекарей — того са-ого места, где доктор Дисмас, по его собственным словам, обна-ужил архивные данные о расе, к которой принадлежит Йама. Однако он знал, что не сможет так поступить. Он поклялся помочь й, и она поклялась помочь ему. Самое малое, что он обязан делать, — это рассказать ей о префекте Корине и о провалившейся опытке похищения. Теперь стало вполне очевидно, что разговор, якобы подслушанный Пандарасом, был не чем иным, как хитро ассставленной ловушкой с целью заманить Йаму в капкан.

Но прежде всего ему надо найти способ вернуться назад, в лубь этого горного монолита. На краю плоской крыши, за парапе-ом, был спуск на крытый терракотовой черепицей скат, дальше ила вереница других крыш, потом горный склон, спускающийся к олине, где в серой дымке раскинулся громадный город. Пока Йама рассматривал открывающийся перед ним вид, что-то просви-тело у самого его уха, раскололо с полдюжины черепичных плас-ин и с воем пролетело дальше. Он тут же вспомнил о пистолетах в уках напавших на него негодяев, быстро перемахнул парапет и омчался по разогретой солнцем черепице.

В воздухе просвистела еще одна пуля, Йама бросился в сторо-у, споткнулся и вдруг покатился по скату, увлекая за собой не-ольшую лавину разболтавшихся черепичных плит. Он ухватился а самый край крыши, задыхаясь, повисел несколько мгновений, и ут черепица обвалилась.

Он упал на спину, приземлившись в густом мягком мхе и, как ни странно, даже не выронив ножны. С крыши все еще осыпалась ерепица, вдребезги разбиваясь о землю. С визгом промчались акие-то мелкие животные. Серебристые обезьяны с длинными востами и темными кисточками на концах. Они попрыгали на ступ черного утеса в дальнем конце тенистого дворика и сели, овернув обеспокоенные и в то же время скорбные мордочки. Карликовые кедры. Их узловатые корни впиваются в черные ска-ы, будто ручьями разрезая усыпанный фисташковой скор-упой ровный песок. С трех сторон двор замыкали дере-

вянные стены с изображением стилизованного глаза на фоне переплетающихся белых и красных спиралей, а четвертая была эркером.

Когда Йама встал, самая крупная из обезьян соскочила, подбежала к веревке, быстро по ней вскарабкалась и стала раскачиваться из стороны в сторону. Где-то в глубине, за арочными перекрытиями эркера раскатились звонкие удары гонга.

Йама побежал. Широкая лестница привела его из эркера в огромный сводчатый зал с резными деревянными панелями. На черном гипсовом потолке с одной стороны было изображение Галактики — белый спиральный трезубец, а с другой — символ Ока Хранителей — тугая, закрученная в обратную сторону красная спираль. Значит, это Храм латрического культа, одного из тех, которые учат, что заклинаниями, медитацией и молитвой можно вернуть миру благословение Хранителей.

Звуки гонга разносились здесь громче, отдаваясь в прохладном воздухе звенящими медью волнами. Вдруг братья монахи в оранжевых мантиях бросились в дальний конец зала. Они были вооружены пестрой коллекцией копий и сабель, один тащил мотыгу. Йама вытащил нож, но когда монахи стали к нему приближаться, в центре зала вспыхнуло свечение, и они рухнули на колени, уронив оружие на пол черного дерева.

Сначала Йама подумал, что в потолке открылся люк и в зал ворвался солнечный свет. Потом, заслонив глаза рукой, он увидел, что в центре находится оракул — вертикальный диск в два человеческих роста. По его поверхности беспокойно метались волны белого света.

Йама вынул из-под рубашки монету, поднял ее, сколько позволяла бечевка, и подошел к оракулу. Сначала он подумал, что, привлеченная монетой, женщина в белом снова его отыскала, но потом, глядя на мечущийся вокруг него яркий свет, он испытал ужас. Нет, это не она, хотя и ее появление было бы тяжелым ударом. Тут что-то более страшное. Что-то огромное, яростное, беспокойное неслось на него сквозь световые потоки волн. Пока еще далекое, скрытое в свернутом пространстве оракула, оно быстро приближалось, пикируя на него, как падает кондор через целые лиги воздушного океана на безмятежную антилопу, мирно пасущуюся на горном лугу.

Йама не выдержал. Он уронил монету в вырез рубашки и бросился прочь, мимо оракула, между монахами в дальнем конце дома. Они лежали ниц, прижавшись лбами к черному дереву пола, зады их торчали выше голов. Никто и пальцем не шевельнул, чтобы остановить его.

Йама выбежал на воздух, пронесся по каменной террасе, потом промчался по длинному пролету истертой тысячью ног лестницы. Когда он сбегал по каменистым тропинкам между

делянками тыквы, ямса и маниоки, монахи в оранжевых мантиях подняли головы и посмотрели ему вслед.

Внезапно медный голос гонга умолк, в воздухе повисла тишина, нарушаемая лишь жужжанием насекомых и отдаленным гулом огромного города. Но Йама не остановился. Он нечаянно снова принес что-то в мир. И сейчас он бежал от этой неведомой опасности, ни о чем не думая, слыша лишь, как в висках бешено стучит кровь.

Эта часть горы была сплошь застроена храмами, монастырями и святилищами. Многие из них стояли на развалинах более древних сооружений. Лестницы спускались по отвесным стенам, изрезанным гротами и оракулами. Виадуки, мостики и тропинки висели над ущельями и петляли среди утесов. Одна из островерхих скал была явно полой: ее крутые бока усеивала целая сотня маленьких квадратных окон. Сплошная система террас превратила склоны в длинные узкие поля, где росли виноград и овощи. Поливались они из каменных резервуаров, куда дождевая вода сбегала по веерообразным водосборникам из белого камня.

Йама спускался с этой горы весь остаток дня. Стоило ему бросить взгляд в небо, как он видел, что в воздухе, над обрывистыми склонами, кружатся вороны. Не дурной ли это знак? Ведь поговаривают, что вороны, а особенно вороны из Дворца Человеческой Памяти, умеют шпионить. А далеко внизу, в голубой дали, расстилался под слоем задымленного воздуха огромный город, древний Из.

Около полудня, когда солнце замерло на мгновение в высшей точке своего ежедневного прыжка в небо и совсем уже приготовилось снова катиться вниз, за Краевые Горы, Йама оказался на длинной террасе, устланной нежной изумрудной травой. В центре плескал струями удивительно изысканный белый фонтан. Йама до отвала напился у одной из раковин, составляющих бассейн прекрасного фонтана, затем смыл с себя грязь и кровь, но не рискнул задержаться подольше. Он постоянно ощущал нависающую над ним громаду этой обитаемой горы — Дворца Человеческой Памяти. Префект Корин вполне мог проследить за его полетом в телескоп, к тому же его могло преследовать существо, живущее в волнах света ожившего оракула.

У Йамы не было четкого представления, куда он сейчас направляется. Возможно, ему удастся пробраться назад, внутрь горы, если он, например, попадет на одну из тех широких дорог, которые ему удалось заметить на нижних склонах горы.

Они наверняка должны вести к воротам, иначе непонятно, как попадают на дневные рынки партии свежих продуктов.

Он спускался по узенькой лесенке, с одной стороны которой тянулась отвесная стена, а с другой — лишь тоненькие металлические перила отделяли путника от пропасти. Вдруг

лестница сделала поворот и нырнула под арку. Йама ощутил мощное сопротивление, как будто вокруг него сгустился воздух. Непонятная сила вопрошала, что ему здесь нужно, но она тотчас сникла перед его волей, и он пошел вниз, прислушиваясь к резкой мелодии невидимых гобоев и зычному голосу, мрачно возвещавшему о прибытии Иерарха.

Когда Йама оказался во дворе у подножия лестницы, мимо пронеслась, оттолкнув его в сторону, группа солдат в латах. Они громко протопали по ступеням, вытаскивая на ходу пистолеты и мечи. Двор был широк и затемнен высокими каменными стенами. В центре его стоял на столе солдат с офицерским шарфом поверх лат и кричал на людей, торчавших у двух ворот в высокой дальней стене.

— Ничего не случилось! Возвращайтесь на свои места. Все нормально!

Вскоре порядок восстановился. Клерки снова уселись за столы в тени широких бумажных зонтов. Толпа разделилась и выстроилась в очередь к столам. У обоих ворот стояла вооруженная стража. Видимо, одни были входом, а вторые выходом. Всех, кто приближался к этим последним, останавливали стражники. Они тщательно проверяли стопки документов, которые каждый из подходящих собирал у различных столов. Йама был слишком вымотан и не стал размышлять, стоит ли возвращаться на прежнюю тропинку, а потому он просто приткнулся в конец ближайшей к нему очереди.

Очередь продвигалась очень медленно. Клерк за этим столом подробно выспрашивал каждого просителя, потом делал записи в различных книгах, штемпелевал поданные ему бумаги. Мужчина, стоящий перед Йамой, обернулся и заметил, что здесь никто никогда не спешит.

— Это очень странный Департамент, — добавил он, как будто эта фраза все объясняла.

— Правда?

Старик еще раз взглянул на Йаму и спросил:

— Ты что, заблудился, брат?

Он был совсем стар, плечи его согнулись, но все равно было видно, что он очень высок, не ниже эдила или Тельмона; серебристого цвета глаза светились на обтянутом гладкой черной кожей лице. Три огонька светились в жестких седых волосах, кольцами обрамлявших широкий лоб и длинными локонами спускавшихся на плечи. Он оглядел Йаму проницательным добрым взглядом.

Йама сказал:

— Дело в том, что я пришел сюда не обычным путем. Что это за место?

— Департамент Аптекарей и Хирургов, — ответил старик, и его серебристые глаза расширились, когда Йама вдруг рассмеялся.

— Прости меня, — сказал Йама. — Дело в том, что я искал именно это место и теперь случайно его нашел.

— Значит, тебя, несомненно, привела сюда воля Хранителей, брат, — заявил старик и пожал Йаме руку, словно приветствуя его, а потом добавил: — Разумеется, тебе повезло значительно больше, чем тому идиоту, который силком хотел пройти через Ворота Иерархов. По крайней мере раз в год какой-нибудь блаженный обязательно пробует. Когда стражники с ним разделаются, они выставляют тело перед главными воротами в назидание другим.

— Тогда мне вдвойне повезло.

Старика звали Элифас. Он зарабатывал себе на жизнь, служа скороходом. Когда врачи не могли кого-нибудь вылечить обычными средствами, его отправляли в Департамент за информацией. Элифас объяснил, что большинство людей в очереди — это скороходы, которых послали за хирургом или лекарем. Он, видно, решил, что Йама происходит из бедной семьи, которая не может позволить себе посредника. Он понял, что Йама голоден, взял у него монетку и купил ему лепешку и воду в палатке на другой стороне двора.

— Если придешь еще, возьму с тебя чаевые, — с мягкой улыбкой сказал он, глядя, как Йама жадно уплетает хлеб. — Приноси еду с собой. Так будет дешевле да и, наверное, здоровее. Но тебе, видимо, не сказали, сколько это займет времени?

— И сколько? — Черная лепешка была сыроватой и очень сладкой, зато голод сразу утих.

— День обычно уходит на предварительное оформление, — стал объяснять Элифас. — Потом день или два ищут архивные данные. Многое зависит от того, как ты сформулируешь свой вопрос. Это тоже искусство.

— У меня очень простой вопрос. Я хочу знать, может ли Департамент Аптекарей и Хирургов помочь мне найти мою семью?

Длинными тонкими пальцами Элифас почесал голову, продираясь сквозь паутину белых кудрей. Ногти у него были загнутые и острые, как когти.

— Если ты можешь мне заплатить, — предложил он, — то я буду рад тебе помочь. Но только я никогда не слышал, чтобы человек не знал своей расы.

— Если про нее и можно где-нибудь узнать, то именно в Изе, — отозвался Йама. — Я потому сюда и пришел. Меня нашли на реке, когда я был младенцем. Потом меня усыновил один добрый человек. Но теперь я хочу найти свою настоящую семью. Я полагаю, что здесь есть архивные данные, которые могут мне помочь, только я не уверен, что знаю, как их искать. Если ты мне поможешь, я с радостью заплачу тебе, сколько смогу.

Элифас ответил:

— Ну, если ты оплатишь мой ужин и завтрак, то что ж, брат, я постараюсь вывести тебя на правильную дорогу.

— Я в состоянии заплатить настоящую цену, — заявил Йама, которого покоробила мысль, что Элифас предлагает такое из жалости.

— Это и есть настоящая цена, брат. Чтобы понять здешнюю систему, надо проследить, как она реагирует на вопросы. Полагаю, что, задав твои вопросы, я смогу многое узнать. Чем глубже постигаешь, как сортируется информация, тем компетентнее становишься. Я могу параллельно работать сразу с десятком вопросов, а такое умеют не многие, но я всю жизнь этим занимаюсь. Конечно, в старые времена, до еретиков, все было проще. Все архивы хранились в обителях аватар. Помню, что библиотекарей тогда называли иеродулами, что означает святые рабы. Настоящие библиотекари тогда были просто частью аватар, одной из сфер их проявления. Они говорили через святых рабов — иеродулов, и ответы они давали быстро. Но мы живем в эпоху несовершенства. Оракулы умолкли, и приходится просить клерков искать в письменных архивах, а ведь они часто являются вторичными или даже третичными переложениями и не всегда хранятся там, где им следует.

— Но почему все так устроено? Почему вам не позволяют изучить структуру библиотеки? Такое впечатление, что вы и такие, как вы, работаете во тьме и требуется всего лишь распахнуть окно и впустить свет.

— Видишь ли, только в одной этой библиотеке работает больше тысячи клерков, а она не из крупных. Если бы каждый знал, где что расположено, библиотекари не могли бы брать за это деньги и у них не хватило бы средств содержать вверенные им архивы. Да и я не заработал бы себе на хлеб, если бы до фактов так легко было добраться. Ну знаешь, брат, с другими профессиями то же самое. Если снять с них покров тайны, то большинство людей, которые ими занимаются, станут не нужны. Я так скажу, девять десятых в каждом из всех дел любого Департамента, связано с охраной тайн и только одна десятая — с их применением. Потому-то так важны ритуалы. Я за свою жизнь задал тысячи вопросов и полагаю, что знаю о медицине не меньше, чем большинство лекарей, но никогда не смогу практиковать, потому что не посвящен в их мистерии. Другое дело, если бы я родился в семье врача. Но только Хранители определяют наши пути на этот свет.

Йама узнал, что семья Элифаса уже три поколения зарабатывает ремеслом посыльных. Сам Элифас был последним в роду, кто сохранил верность этому занятию. Его единственный сын завербовался в армию и теперь бьется с еретиками в сре-

динной точке мира, а дети его дочерей пойдут по стопам своих отцов.

— В этом-то и состоит разница между профессией и ремеслом, — продолжал Элифас. — Из ремесленных семей дочери уходят в другие ремесла, а там, где есть профессия, женятся между своими. Так они сохраняют свою власть.

Когда наконец подошла их очередь разговаривать с клерком, солнечный луч взобрался по стене, двор погрузился в тень. На темнеющем склоне горы стали загораться огоньки, подобные снопам искр. День тускнел на глазах, светлячки над головами клерков и просителей встрепенулись и разгорелись ярче, создавая причудливую игру света и тени.

Элифас наклонился над столом так, что орбиты его светлячков почти пересеклись с огоньками над головой клерка. Он веером разложил пачку каких-то темноватых бумаг и своим длинным пальцем стал тыкать сначала в одну, потом в другую. Он перекинулся с клерком шуткой, и клерк проштемпелевал бумаги, не читая.

— А это мой друг, — проговорил Элифас, отступив в сторону и становясь рядом с Йамой. — Обойдись с ним по-доброму, Цу.

— Снова нашел, где подработать, Элифас? — Клерк смерил Йаму оценивающим взглядом. — Давай посмотрим на твои бумаги, парень. Ты последний, кого я сегодня приму.

— У меня нет бумаг, — произнес Йама как можно самоуверенней. — У меня только вопрос.

Лицо клерка было длинным и мрачным. Его темная кожа собралась в мягкие складки, будто ее долго вымачивали в воде. Теперь у него на лбу, над широко расставленными черными глазами, появились новые морщины.

— Быстрее давай сюда бумаги, — сердито прикрикнул он, — а не то отходи и завтра снова встанешь в очередь.

— У меня есть вопрос и деньги, чтобы заплатить за ответ. Я не собираюсь отнимать хлеб у твоей семьи, пытаясь получить нужные сведения даром.

Цу вздохнул и позвонил в маленький колокольчик.

— Кого ты привел, Элифас? — устало спросил он. — Да еще в конце рабочего дня. У нас существует заведенный порядок, — обратился он к Йаме, — а на всяких шутников нет времени.

Подошел еще один служитель, худой старик со сгорбленной спиной. Он пошептался с Цу, а потом вперил взгляд в Йаму сквозь очки, нацепленные на самый кончик носа. У него была жидкая белая борода, голую макушку усыпали мелкие бугорочки.

— Встань прямо, мальчик, — сказал Цу. — Это Кун Норбу, старший служитель.

— Как ты сюда попал, мальчик? — спросил начальник.

— Спустился по той лестнице, — ответил Йама, показывая в дальний конец двора.

— Не лги! — крикнул Цу. — Там Страж. Уже целое столетие никто не проходил через Ворота Иерархов. Бродяги и воры временами пытаются там пробраться. Вот и сегодня кто-то пробовал, но Страж всех уничтожает.

— Думаю, дольше, чем столетие, — вмешался Кун Норбу. — Последним из Иерархов к нам являлся Галлицур Радостный. Это случилось в лето того года, когда Из заполонили армии мятежников. Это будет, дай подумать, одиннадцать тысяч пятьсот шестьдесят восемь лет тому назад.

— Да, это срок, брат, — пробормотал Элифас. — Но этот мальчик не вор. Я могу за него поручиться.

Кун Норбу спросил:

— Когда ты его встретил, Элифас? Полагаю, что не ранее чем сегодня. Я догадываюсь, что он подкупил Стража и пообещал заплатить тебе за помощь. У него нет ни единого светлячка. Это какой-то дикий туземец. Так оно и есть.

Йама считал, что светлячок все еще с ним, но теперь он понял: светлячок, видимо, поломался, когда Йама попросил, чтобы он действовал во всю свою мощь. Он дерзко взглянул на главного служителя и произнес:

— Если отсутствие светлячков внушает вам сомнение, это легко исправить.

— Не дерзи, — одернул его Кун Норбу. — Светлячки сами выбирают хозяина в соответствии с его положением. Вполне очевидно, что о твоем положении даже и говорить не приходится. — Он хлопнул в ладоши: — Стража! Да, да, вы двое. Ко мне, пожалуйста!

Цу изумленно вскрикнул, поднялся и перевернул стул. Элифас отступил, закрыв лицо руками. Все вокруг повернулись к Йаме. Некоторые опустились на колени и склонили головы. Двое стражников, которые было двинулись через двор, замерли, подняв алебарды, как будто намеревались сразить невидимого врага. Яркий свет играл на двойных серповидных лезвиях, дробясь мириадами искр в линзах очков Кун Норбу.

Йама решился на столь экстравагантный жест в приступе раздражения и усталости. Он окружил себя целым сонмом тысячи светлячков, собрав их у тех, кто находился поблизости, а кроме того, позаимствовал и у диких обитателей местности за стенами Департамента. Всем естеством он чувствовал, что близок к концу своих поисков и не собирался позволить мелким бюрократическим препонам стать у себя на пути.

— Вопрос у меня простой, — заявил Йама. — Я хочу найти свою семью. Вы можете мне помочь?

6. ПЕС ПРЕИСПОДНЕЙ

Покой Пришельцев Департамента Аптекарей и Хирургов был сооружен вокруг небольшого квадратного дворика. С трех сторон его тянулись узкие длинные балконы, а с четвертой находилась покатая стена из прозрачного, как стекло, металла; последние лучи заходящего солнца играли на ней золотым дождем, таким, как, по преданию, явили себя миру Хранители в первый и последний раз, когда они засевали его десятью тысячами рас.

Йама заплатил за ужин Элифаса в трапезной на первом этаже, и они поели за длинным столом вместе с дюжиной других просителей. Над головой у каждого из них светилось облачко светлячков, другого света в помещении не было. Рядом с Йамой лежала пачка документов, пестрым веером рассыпавшаяся по изрезанной поверхности стола; у него не нашлось карманов, чтобы распихать все врученные ему бумаги. Рану его промыли дезинфицирующим составом, и теперь на ней белела свежая повязка.

Несмотря на трюк со светлячками, старший служитель Кун Норбу настоял, чтобы Йама наглядно доказал, что он в состоянии справиться со Стражем Ворот Иерархов. Йама, все еще окутанный облаком из тысячи светлячков, трижды прошел вверх-вниз по лестнице под аркой перед изумленными взорами все растущей толпы клерков. Йаме показалось, что они готовы всю ночь смотреть на это зрелище, и потому после третьего раза он сказал Кун Норбу, что он явился в библиотеку не в качестве клоуна или шута, и возвратил светлячков их бывшим хозяевам, оставив себе лишь пять штук из тех, что он забрал у местных дикарей. Этот поступок поразил окружающих, пожалуй, не меньше, чем способность проходить мимо Стража.

Кун Норбу отпустил всех служителей, кроме Цу, который очень прилежно и быстро заполнил необходимые Йаме бумаги. Потом главный служитель отвел Йаму и Элифаса в свой тесный кабинет, где они, сидя на пыльных подушках, стали пить чай с медом. Складывалось впечатление, что Кун Норбу давний друг Элифаса. Он сказал, что готов помочь Йаме.

— Расскажи мне свою историю, молодой человек. Объясни, что мы можем для тебя сделать.

Йама поведал, что его младенцем нашли в лодке на Великой Реке, недавно ему сообщили, что он принадлежит к расе Строителей, которая, по преданию, давно покинула этот мир. Еще он сказал, что пришел в Из искать себе подобных, и добавил, что имеет основания полагать, будто некий доктор Дисмас недавно обнаружил важные сведения именно в этой библиотеке.

Кун Норбу сначала терпеливо выслушал весь рассказ, а

потом засыпал Йаму сотней вопросов, на большинство из которых Йама и понятия не имел, как ответить. Ему пришлось снова и снова повторять:

— Если бы я знал, мне не пришлось бы искать ответы. — Или же: — Я сам надеюсь у вас это узнать.

— Нужно взять у тебя кровь и образец ткани на анализ, — наконец сказал Кун Норбу. — Да, начнем, пожалуй, с этого.

На что Элифас заметил:

— Значит, ты берешься за его дело, брат? Я рад.

Кун Норбу улыбнулся и сказал:

— Полагаю, что из этих ответов мы сможем узнать не меньше самого Йамы.

Тут уж Йама стал спрашивать:

— Господин, тебе ведь что-то известно о моей расе? Я вижу, известно! Найду ли я у вас то, что ищу?

Улыбка Кун Норбу стала шире. Черные глаза сверкнули за линзами очков.

— Не все можно узнать в библиотеках.

Элифас прикрыл глаза и нараспев начал декламировать фрагмент текста:

— «И были они первыми из людей, возникших в мире по слову Хранителей. И получили во владение ключи от этого мира и правили им по воле их сотворивших».

Йама спросил:

— Это из Пуран?

Улыбка Элифаса сверкнула на темном лице, как молния.

— Правда, похоже на Пураны?

А Кун Норбу объяснил:

— Этот текст куда старше Пуран. Вероятно, его составил один из Строителей. Когда мы с Элифасом были в твоем возрасте, мы охотились за редкими текстами, как настоящие следопыты. Став клерком, я забросил поиски утерянных знаний, но, знаешь, сейчас я снова чувствую себя молодым. Ты снова раздул во мне костер любопытства, а я-то считал, что он давным-давно потух и угли остыли. Ноша моей службы нелегка и не оставляет сил ни на что другое.

Йама воскликнул:

— Тогда давайте начнем прямо сейчас! Почему к правде нужно брести сквозь лес этих цветных бумажек?

Ему вручили пропуск в библиотеку, столовую и одно из спальных помещений Покоя Пришельцев. Его имя, возраст и место рождения (Йама сообщил, что это Эолис) записали на полудюжине разноцветных карточек. Десять раз переписали вопрос, потом Цу проштемпелевал все бумаги своей печатью.

— Так положено, — объяснил старший служитель. — Ты, Йама, еще молод и готов весь мир перевернуть, а потом

отстроить его заново. Тебе главное — скорость. Ты хочешь получить все тотчас, по первому требованию, иначе мир рухнет. Молодые всегда так. Вот станешь постарше и поймешь, что в заведенном порядке вещей есть своя мудрость. Старики вроде нас с Элифасом видят, почему в мире все устроилось именно так, почему события движутся именно этим путем и как взаимосвязано все окружающее. Мы понимаем, что без направления скорость — это просто растраченная впустую энергия.

Йама упрямо возразил:

— Но знания должны быть общедоступны, ведь они — дар Хранителей.

— Так-то оно так, — задумчиво проговорил Кун Норбу. — Однако если знания сделать всеобщими, кто станет за ними смотреть? Знание — вещь хрупкая, оно легко теряется или гибнет, а каждое зернышко знания в самой своей сути связано со всеми остальными зернами. Если бы я захотел, то мог бы завтра же открыть наши библиотеки для всех желающих, но я не стану этого делать. Ты десятилетиями будешь бродить между стеллажами и так и не найдешь того, что нужно. Я же за несколько часов могу добраться до места, где находятся нужные ответы, но лишь потому, что я провел почти всю жизнь, изучая, как составляются каталоги книг и других источников информации. Организация знаний не менее важна, чем сами знания, и мы как раз отвечаем за сохранение такой организации.

— Он всю ночь будет искать для тебя ответы, — сказал Йаме Элифас и обратился к Кун Норбу: — Как приятно вновь видеть в твоих глазах огонь, брат. Я-то полагал, что за своими гроссбухами и уставами ты впал в вечную дремоту.

— Я всегда начеку, — ответил старший служитель. — С этими учениками иначе нельзя, нужен глаз да глаз. — Он сложил ладони домиком. Пальцы его заканчивались черными, как шипы розы, когтями, а между ними висели дряблые перепонки. Опустив глаза на свои руки, он спросил:

— Ты когда-нибудь болел, Йама?

— У меня была водяная лихорадка и малярия. Я ведь жил у реки.

— Я спрашиваю, потому что не знаю, подвержены ли Строители болезням. Радуйся, что у тебя были детские болезни. Если кто-нибудь из твоей расы еще жив, то его почти наверняка лечил хирург или аптекарь, а у нас хранятся архивы всех аптекарей и хирургов. Таков закон. Этим путем я и буду вести поиск, а матрица твоей клетки мне поможет.

Он вызвал служителя, и тот тупой иглой сделал у Йамы соскоб с внутренней стороны щеки, а стеклянной палочкой взял каплю крови из большого пальца. Эти образцы тоже потре-

бовалось задокументировать, нужна была подпись Йамы и печать Кун Норбу.

Когда все закончилось, старший служитель кивнул Йаме и сказал:

— Тебе нет необходимости ночевать вместе со всеми. Будь моим гостем. Мой дом — твой дом. Я пошлю кого-нибудь принести тебе чистую одежду и перевязать раны.

— Ты очень любезен, — ответил Йама, — но я не заслужил такого внимания. К тому же это — старая рана, она меня не беспокоит.

Он опасался, что до префекта Корина дойдет, что в библиотеке появился необычный гость, который командует светлячками и древними Стражами.

Кун Норбу проницательно посмотрел на Йаму и сказал:

— Нельзя больше делать вид, что ты — такой, как все. Да и рана твоя кровоточит. Позволь по крайней мере ее обработать, и пусть Элифас за тобой все же присмотрит. Он знает о нашей маленькой библиотеке не меньше любого из нас, только он, конечно, никогда не признается.

Когда Йама и Элифас поели, Элифас набил ароматическим табаком длинную трубку, раскурил ее и запыхтел с довольным видом. Йама стал его расспрашивать, где он нашел тот отрывок, который читал им раньше.

— Он был на клочке бумаги, который кто-то оторвал от книги столетия назад, чтобы сложить на нем цифры, подсчитывая цену каких-то мелких товаров. Мы нашли его между страниц старой хозяйственной книги. Бумага ведь очень терпелива, а старинная хорошая бумага — тем более, она почти ничего не забывает. На этом отрывке с одной стороны сохранились строки о твоем народе, а с другой — ерундовые подсчеты, к тому же он терпеливо обозначал место, заложенное человеком, умершим тысячу лет назад. Видишь, ничего не забывается, просто оказывается не на месте. Переплеты старых книг — как раз хороший пример, ведь для форзацев часто использовали еще более старые документы. Где угодно можно найти что-нибудь интересное. Когда мой друг и я были молоды, где мы только не искали.

— Мне начинает казаться, что и сам я оказался не на месте, меня сунули не туда, как ту закладку, — задумчиво произнес Йама. — Как будто я не принадлежу этому времени. Когда я был ребенком, то часто мечтал, что кто-то меня ищет.

— Мужайся, брат. Но меня интересует одна вещь. Можно спросить?

— Ну разумеется.

— Нет, никакого «разумеется» быть не может. Я просто выполняю свой долг по воле Хранителей. Я вовсе не жду,

что ты в качестве благодарности станешь удовлетворять мое праздное любопытство, но все равно спасибо. Вопрос такой. Если ты сумеешь узнать, где твоя семья, что ты сделаешь?

— Прежде всего я спрошу их, почему меня отправили плыть по реке. А если они ответят, я задам им... другие вопросы.

Элифас выпустил колечко дыма.

— Кто я? Почему я здесь? Куда я направляюсь?

— Ну, вроде того.

— Прости меня, брат. Я вовсе не собирался непочтительно высказываться о твоих проблемах.

— Если кто-нибудь из них жив... то, думаю, он должен быть в Изе или же на севере, выше Иза.

— Лучше бы они жили в Изе, — вздохнул Элифас. — В верховьях лежат дикие земли, заселенные еще не преображенными племенами, преображение может их вообще не коснуться. Большинство из них не далеко ушли от животных, у них даже нет архивистов, чтобы зафиксировать события их жизни. Разумеется, улицы города — это тоже джунгли, однако, имея деньги и немного хитрости, можно както приспособиться. Но выжить в темных лесах, среди снегов и льда северных земель в верховьях Реки совсем не так просто.

Йама тоже вздохнул. Он начинал осознавать огромные масштабы стоящей перед ним задачи. Он задумчиво произнес:

— Мир так велик, он совсем не похож на мою карту.

— Должно быть, твоя карта очень древняя. С Эпохи Мятежа в мире мало что изменилось. Известно, что когда расы достигают стадии просвещения, начинается волна преображающих войн; она обычно разрушает их города. Но выжившие продолжают развиваться, их место занимают еще не преображенные расы, и все возвращается на круги своя. На месте старых городов строятся новые. Но хотелось бы знать, что же было на этих местах в самом начале времен? Вот бы взглянуть на твою карту!

— Отправляясь в Из, я оставил ее дома.

Йама стал рассказывать Элифасу об Эолисе, о замке, тамошней библиотеке, Элифас заявил, что наслышан о библиотеке эдила.

— Я когда-то знал вашего нынешнего библиотекаря, Закиля, еще до того, как он попал под суд и был сослан. Иногда я завидую этой ссылке, ведь библиотека Эолиса очень значительна. Говорят даже, что там хранится оригинал Пуран.

Когда Йама покинул Эолис, Закиль подарил ему эту самую книгу. Теперь, когда он наконец осознал истинную ценность такого дара, сердце его затрепетало. Сейчас книга вместе с остальными его пожитками находилась в крохотной каменной келье в Доме Двенадцати Передних Покоев в Департаменте Прорицаний. Завтра же нужно туда вернуться и разорвать соглашение с Таморой. Ему нужно скрыться, иначе он попадет вместе с нею в

плен к отряду Департамента Туземных Проблем, а тогда уж неизбежно окажется в руках префекта Корина.

Он сказал:

— Закиль — один из моих учителей.

Элифас выпустил колечко дыма и наблюдал, как оно медленно расползается в воздухе, затем выдохнул второе; вращаясь, оно прошло сквозь отверстие первого, уже почти растаявшего кольца. Наконец он проговорил:

— Тогда неудивительно, что ты так ценишь знание. А теперь, если позволишь, брат, я хотел бы поспать. Если мы хотим занять место поближе к столу справок, надо вставать на рассвете.

Из всех спален в Покое Пришельцев только одна была открыта — очевидно, в былые времена библиотека пользовалась значительно большим спросом. Однако кровати, пусть и узенькие, оказались удобными, а простыни чистыми. Элифас храпел, кто-то еще громко бормотал во сне, но Йама, который поднялся еще до восхода и прошагал в этот день много лиг, а к тому же лицом к лицу встретился со смертью, заснул тотчас.

Проснулся он в полной темноте. Волоски на руках и шее встали у него дыбом и шевелились, будто наэлектризованные; душу его наполнял необъяснимый и неопределенный ужас, как если бы он вынырнул из кошмарного сна.

В самом конце дортуара виднелся тусклый свет. Сначала Йама сквозь сон подумал, что там открыта дверь и уже пришло утро, но потом заметил, что светящийся силуэт напоминает фигуру человека, но более высокую и тонкую, чем любой из живых, а самое дурное было в том, что он двигался. Казалось, фигура плыла в воздухе, подобно ветке водорослей, подхваченной течением, или же танцующему огненному язычку свечи, который колеблется в потоке нагретого им воздуха. Больше всего этот призрак напоминал Йаме цепочки огоньков, иногда появляющихся среди развалин за стенами Эолиса, когда их затопляет вышедший из берегов Брис. Амнаны, жители тех мест, считали эти привидения живыми и верили, что они могут похитить душу любого путешественника, если им удастся завлечь его в свой круг. Однако Закиль объяснил Йаме, что эти явления не более чем скопление болотного газа, который светится, поднявшись пузырями из глубины застоявшейся воды; однажды Закиль даже показал ему опыт с водой и кусочком натрия в стеклянной трубке. И все же, даже понимая природу этих видений, нелегко было подавить суеверный ужас, охватывающий душу, когда промозглой зимней ночью они вдруг начинали мерцать во мраке.

В отличие от пламени свечи или болотных огней лучащийся силуэт не давал света, освещая лишь самого себя.

Длинный дортуар оставался во тьме, озаряемый лишь гроздьями светлячков, прилепившихся к стенам над головами своих хозяев. Однако когда видение склонилось над первой кроватью, лицо спящего окуталось его призрачным сиянием. Человек что-то забормотал, повернулся с боку на бок, но не проснулся. Мерцающая тень отделилась от кровати и, колыхаясь, двинулась сквозь темноту к следующей.

Тут Йама заметил, что сжал край простыни так, что у него одеревенели пальцы. Он вспомнил свет, вспыхнувший в глубине оракула в храме латрического культа, и некое существо, метнувшееся к нему из пространства оракула. В этот миг Йама понял, что призрак ищет именно его. Он осторожно сел, забыв о светлячках над своей головой. Они вспыхнули ярче, но он быстро их пригасил, светящийся призрак вроде бы не обратил на них внимания. Теперь он склонился над третьей кроватью, словно библиотекарь, терпеливо перебирающий одну за другой книги на полке.

Йама прикрыл рукой рот Элифаса и разбудил его. Серебристые глаза Элифаса тотчас распахнулись. Йама молча указал на мерцающую фигуру, а потом прошептал:

— Оно ищет меня.

Элифас рывком сел на кровати, прижимая к себе простыню.

— Пес преисподней! — прошептал он внезапно охрипшим голосом. — Господи, помилуй! Это пес преисподней.

— Он появился из оракула на горе. Думаю, он явился по мою душу.

Элифас все еще не мог оторвать глаз от видения. Плечи его дрожали. Он рассеянно пробормотал:

— На горе? Да-да, конечно. Дворец вполне может показаться горой человеку, непривычному к крупным сооружениям.

— Он сейчас между нами и дверью. Думаю, надо дождаться охранников.

Голубоватый свет призрачной фигуры упал на лицо еще одного спящего, тот страшно вскрикнул, как будто ему снился кошмар. Йама подумал, что завтра все они, когда проснутся, вспомнят один и тот же сон, а потом вдруг осознал, что, если пес преисподней может воздействовать на сны человека, он, видимо, способен в них заглянуть. Должно быть, именно этим он сейчас и занимается, роясь в умах спящих людей, как ученый роется в библиотеке, надеясь найти разгадку своей проблемы.

Йама схватил рубашку и портупею, на которой висели ножны, и сказал:

— Я выберусь через окно. Ты можешь пойти со мной или остаться. Как хочешь. Но лучше бы вместе.

— Конечно, иду. Это же пес преисподней.

Йама открыл ставню над своей кроватью и вылез на балкон. Когда следом за ним вылез Элифас, держа в охапке

свою одежду, Йама заставил светлячков у них над головой разгореться сильнее и увидел, что они находятся на высоте двух человеческих ростов от мозаичных плит, выстилающих двор. Он перемахнул через балконную решетку и прыгнул вниз. Приземлившись, Йама сильно ударился, но ничего себе не повредил.

Элифас сначала сбросил одежду, она, трепеща по ветру, медленно слетела на землю, а потом осторожно последовал за Йамой. Во дворике он сразу сел и стал массировать колени.

— Я уже старый, — сказал Элифас, — и времена приключений давно для меня закончились. Мы так не договаривались.

Йама натянул рубашку и застегнул перевязь.

— Ты можешь со мной не ходить, — ответил он.

Элифас надевал брюки. Он поднял глаза и сказал:

— Разумеется, я пойду. То есть я хочу сказать, что так скорее всего будет лучше. Пес преисподней сейчас заглядывает в умы спящих, а некоторые из них помнят, что видели тебя со мной. А если он заберется в мои мысли, то сможет найти там наш разговор. Что он тогда сделает?

— Покажи мне, как дойти до Ворот Иерархов. Я проведу тебя мимо стражей. Я не намерен здесь оставаться.

— Полагаю, нам следовало бы найти Кун Норбу. Он сообразит, что делать. А стражи вооружены.

— Утром мы вернемся, — сказал Йама.

Элифас мог бы поспорить с этим планом, но тут на балконе возникло голубоватое сияние. Оба они не выдержали и бросились бежать.

Страж у Ворот Иерархов, казалось, ушел глубоко в свои мысли и никак не среагировал, когда Йама и Элифас проскользнули мимо него. До рассвета оставалось еще несколько часов. Холода не было, но присев за одним из поворотов длинных лестничных маршей, выше библиотеки, чтобы посмотреть, что происходит, оба насквозь промокли из-за росы. Йама заметил, что, как только рассветет, Элифас может уйти, однако тот сказал, что предпочел бы остаться.

— Я же заключил с тобой контракт, брат, а я никогда не подвожу клиентов.

— Но у тебя и кроме меня есть клиенты, — возразил Йама.

— Открою тебе секрет. — Элифас стал раскуривать трубку. Когда она разгорелась, в его серебристых глазах вспыхнули красноватые отблески тлеющего табака. — Иногда я заранее знаю ответы, которые должен отыскать в библиотеке. Клиенту сообщать об этом вовсе не обязательно. Можно подорвать всю прибыль от библиотечного дела, ну и от моего тоже. К тому же ни один лекарь не поверит, что я разбираюсь в этом ремесле не хуже его самого. Правду не стоит продавать дешево. Вместо этого я разыгрываю маленькое представление. Прихожу сюда, болтаю с

клерками, а через день возвращаюсь к клиенту и вручаю ему ответ, проштемпелеванный и зарегистрированный, хотя мог дать его сразу, если бы он мне доверял. Библиотека получает свой доход, я получаю свой, клиент доволен ответом. Вот почему я был рад тебе помочь — мне нашлось настоящее дело. А кроме того, я, как мой друг Кун Норбу, рядом с тобой чувствую себя вновь молодым. Я-то считал, что в мире не осталось больше неизвестных чудес, но ты доказал обратное.

Йама задумался над его словами и наконец сказал:

— Мой путь может оказаться слишком долгим и он, наверное, опасен.

— Не думай, пожалуйста, брат, что мне знакома лишь библиотечная пыль, а реальный мир чужд. В юности я много путешествовал, разыскивая старые книги. Мне случалось бывать в удивительных местах. Я стар, брат. Жена моя умерла, дочери замужем и заняты собственными семьями. Мой единственный сын воюет с еретиками в срединной точке мира. Я уверен, что утром мы вполне можем вернуться в библиотеку и узнать, что Кун Норбу сумел выяснить о твоем народе. А когда мы найдем архивные сведения о вашей расе, я буду счастлив помочь тебе искать твоих родных. Нет, я останусь с тобой и внесу свой вклад в это дело.

— Прежде чем я смогу отправиться на поиски своих соплеменников, я должен закончить одно дело, — сказал Йама.

Он начал рассказывать Элифасу о конфликте между Департаментом Туземных Проблем и Департаментом Прорицаний, однако не успел далеко продвинуться, когда Элифас вдруг вскочил и закричал:

— Смотри! Смотри! Вон там...

Внизу мелькнул холодный синий свет, в нем на миг появилась глухая стена библиотеки и несколько стройных башен над ней, затем вновь стало темно.

Издалека донеслись крики, затем в воздухе поплыл колокольный набат; сначала неспешный, он быстро набирал темп.

Там, внизу, у кого-то оказался энергопистолет. На мгновение сверкнула световая точка, яркая, как будто упавший осколок солнца. Раздался звук, похожий на хлопанье гигантской двери в самых недрах земли, затем над крышами и башнями библиотеки расплескались отблески разряда. Тени Йамы и Элифаса, словно взбегая вверх, метнулись по длинному пролету лестницы. Синий холодный свет мелькнул снова. Теперь он был слабее и будто взбирался на одну из башен. Йама увидел вспышки ружейных выстрелов, звуки стрельбы напоминали треск брошенных в костер сучьев. Капля холодного синего света сорвалась со стены башни и полетела вниз, планируя, как сухой лист на ветру.

Элифас пробормотал:

— Они его убили.

— Едва ли. Он обнаружил, что меня нет там, где он надеялся. Должно быть, от одного из спящих он узнал, что я в дортуаре, и он просто завершил обыск, а может, его спугнули.

— Брат, мы оба видели, как он упал!

— Не думаю, что его можно убить ружейными выстрелами или даже разрядом энергопистолета. Он ведь не принадлежит этому миру, Элифас. Он пришел из пространства оракулов, куда когда-то могли заглянуть и люди.

Йама вспомнил, что женщина, которую он видел однажды в оракуле Храма Черного Колодца, рассказывала ему о неведомых опасностях, существующих за стенами сотворенного ею сада. Теперь он знал наверняка, что пес преисподней — одно из созданий, которых она страшилась.

Элифас кивнул.

— Летописи войн Эпохи Мятежа повествуют не только о сражениях людей и машин, но и о битве во внутреннем мире самой Вселенной, священники объясняют это тем, что враги пытались тогда овладеть не только городами, но и душами людей, однако архивисты и библиотекари лучше знают, в чем там дело. Псы преисподней были оружием на этом фронте.

— Мятежники старались уничтожить аватар и разрушить связь между людьми и Хранителями.

Элифас снова кивнул.

— А теперь еретикам удастся то, что не смогли сделать мятежники. Очевидно, они сумели вдохнуть жизнь в древнее оружие.

— Боюсь, что у меня дар притягивать к себе врагов. Смотри, смотри! Опять он!

Крохотное пятнышко голубого света вновь возникло у подножия библиотечной стены и начало взбираться по лестнице.

Элифас выбил трубку о перила и спрятал ее дрожащими пальцами.

— Надо идти. Пес преисподней движется медленно, иначе он добрался бы до тебя уже давно, ты и в библиотеку не сумел бы попасть. Однако у меня такое чувство, что он не знает отдыха.

7. ИГРОК

Когда в утреннем свете стали вырисовываться вдали горные отроги, Йама и Элифас оказались на лужайке с фонтаном. Библиотека осталась далеко внизу, в башнях горел свет, но никаких следов пса преисподней не было видно.

Элифас тяжело опустился на влажную от росы траву.

— Может, он нас потерял... — устало проговорил он.

— Что-то не верится. Он выследил меня до самой библиотеки. Точно так же он может преследовать меня и в обратном направлении. Ты устал, Элифас.

— Я стар, брат мой.

— А у меня болит голова, но здесь нельзя оставаться.

Элифас медленно поднялся на ноги, с трудом разгибая спину.

— Думаю, у нас есть несколько минут. Меня мучает не только усталость, но и жажда.

Подходя к нарядному фонтану в центре лужайки, Йама и Элифас увидели, как оттуда сорвались два оленя и, сверкая белыми пятнами на крупах, скрылись в темноте. Элифас сунул голову под струю воды, вырывающуюся изо рта каменной рыбы. Йама попил из бассейна в форме устричной раковины и плеснул себе на шею. Элифас присел на ограду основного бассейна и достал трубку, а Йама вернулся к краю лужайки. Ему было страшно и он очень устал.

Уже достаточно рассвело, и вдоль длинного, убегающего вниз склона начали вырисовываться контуры зданий. Йама увидел, что внешняя стена библиотеки взломана — камень скальных пород расплавился, как нагретый воск, стройные белые башни потемнели от сажи. Тропинка, взбирающаяся между возделанными террасами, была, на первый взгляд, пуста, и у Йамы отлегло от сердца. Вдруг Элифас все-таки прав? Но тут он заметил пятно голубого холодного света, которое отделилось от стоящих вдалеке пальм. Пес преисподней продвигался вперед, прихотливо изгибаясь, словно полощущаяся на ветру тряпка, то и дело смещаясь в сторону, но при этом постоянно сохраняя направление — вверх.

Йама бросился к Элифасу, но тот, услышав новость, лишь флегматично пожал плечами и явно не спешил спасаться бегством. Йама чуть не лопнул от нетерпения. Усталость у Элифаса победила страх. Он выбил о подметку трубку и сказал, что здесь еще сохранились дороги и все они ведут к воротам внутрь Дворца.

— А где ворота, там и стражи, — сделал заключение Элифас.

— Стражи в библиотеке не смогли его остановить. Надо идти.

— У некоторых стражей очень хорошее оружие, — сказал Элифас. На мгновение он прижал ладони к своим серебристым глазам. — Главная часть Дворца всегда охранялась лучше, чем внешние покои. Мы не сможем вечно убегать, брат. Если мы приведем его туда, солдаты Внутренней Гармонии поймут, что надо делать.

Йама не разделял надежд, которые Элифас возлагал на этот план, но даже тень надежды — лучше, чем полная безнадежность.

— Если мы собираемся искать путь внутрь этой скалы, — сказал он, — то нам нужно свернуть в сторону. Монастырь, где я разбудил этого монстра, ненамного выше нас. Мне не хочется снова оказаться перед оракулом, особенно когда у

меня за спиной это создание. Вдруг я разбужу еще кого-нибудь похуже. Честно говоря, я боюсь, что библиотека разрушена.

Элифас улыбнулся.

— Вовсе нет. Над землей возвышается только десятая часть. Стеллажи и полки архивов уходят глубоко внутрь Дворца. Конечно, у моего друга Кун Норбу будет много хлопот с ремонтом, но он не забудет о твоем запросе.

— Сейчас мне совсем не до этого, — бросил в ответ Йама.

Они вышли на узкую тропу в дальнем конце лужайки. Дорога вилась у подножия утеса, на котором, будто осиные гнезда, висели гроздья белых кубических построек без единого окна. Далеко внизу, на возделанном склоне, пес преисподней вдруг остановился и простоял неподвижно целую минуту, светясь на фоне спелой пшеницы. Затем он резко рванулся вперед, срезал дорогу по полю и с ровной скоростью двинулся прямо к ним.

Йама и Элифас пошли быстрее. Рядом с тропой скелетом торчала металлическая башня, сплошь увитая живым одеянием из плюща. Дорожка, извиваясь, вела сквозь бамбуковые заросли, затем внизу показалась деревушка: плетеные мазанки с плоскими крышами сгрудились вокруг небольшой площади. Из нескольких домов к серому небу поднимались струйки дыма. Петушиный крик приветствовал восходящее солнце. Внезапно Элифас остановился и согнулся, упершись руками в колени. Некоторое время он, не говоря ни слова, тяжело дышал. Йама вернулся к опушке бамбуковой рощи, чтобы посмотреть, где сейчас пес преисподней, затем вернулся к Элифасу, который медленно разогнул спину и проговорил:

— Надо пройти через деревню. Если пес преисподней потащится за нами, жители попробуют его остановить.

— Разве они лучше вооружены, чем стражники в библиотеке?

Элифас отрицательно покачал головой. Его гладкая черная кожа была усеяна капельками пота. Он отер лоб тыльной стороной ладони и устало сказал:

— Там живут крестьяне, которые возделывают поля в этой части дворцовой крыши. У них есть топоры, серпы, может быть, пара мушкетов. Остановить его они не смогут, но хотя бы задержат, чтобы мы сумели скрыться.

— Нет. Я не могу рисковать их жизнями. Мы не можем здесь задерживаться, Элифас. Помни, пес преисподней в отдыхе не нуждается.

Элифас помахал рукой перед своим лицом, как если бы слова Йамы были мухами и он их отгонял.

— Еще минутку. Дай мне минутку, и я смогу идти дальше. Послушай, брат. Самый короткий путь к ближайшим воротам идет как раз через деревню. Землепашцы относят к воротам то, что они вырастили. Там они продают их торговцам с днев-

ных рынков. Брось о них думать. Это туземцы, чьи предки обжили разрушенные части Дворца десять тысяч лет назад. Они просто животные, брат, ничуть не лучше священных обезьян из внешних храмов. На самом деле даже хуже, ведь священники и жрецы берегут обезьян в своих храмах и монастырях, а до этих земляных червей никому нет дела. Их терпят лишь потому, что они поставляют свежие продукты на дневные рынки. Давай пройдем через деревню, а? Все-таки это хоть чуть-чуть задержит пса преисподней.

Йама вспомнил рыбаря Кафиса, который спас ему жизнь, когда Йама убежал от доктора Дисмаса и молодого воина Энобарбуса.

— Даже если эти туземцы не могут преобразить свою животную сущность, — сказал он, — я думаю, они не просто животные. Я не стану все же рисковать их жизнями, чтобы спасти свою.

Он показал вниз на спускающиеся террасами рисовые чеки у подножия соседнего утеса.

— Вдоль тех полей есть тропинка. Мы можем по ней спуститься. Если хочешь, Элифас, оставь меня. Иди через деревню, пес преисподней не пойдет за тобой.

— Нет. Я заключил договор. Может, и неудачный, кто знает, посмотрим, вдруг он все же окажется прибыльным. Веди, брат, но боюсь, что твоя щепетильность этим крестьянам поможет, а нам нет.

Солнце уже показалось из-за далеких гор, когда Йама и Элифас добрались до ступеней крутой лестницы вдоль рисовых полей, террасами спускающихся в долину. Вытертые узкие ступеньки хранили память о тысячах поколений землепашцев. Было скользко — на тропинку попадала влага залитых водою чеков. Между ступеней рос папоротник, а ярко-зеленый мох делал дорогу еще более скользкой.

Несмотря на ужасающую спешку, Йама на мгновение помедлил у придорожного оракула. «Сними с меня это бремя, — молился он. — Сделай меня обычным, сделай таким, как другие! Спаси меня от самого себя!» Сколько раз он просил об этом судьбу...

Длинные и узкие чеки извивались, повторяя абрис холма, их перекрывали валы утрамбованной земли. Пара буйволов только-только могла тут пройти. Зеленая дымка молодых ростков облаком покрывала тихую коричневую воду. Запах навоза напомнил Йаме о затопленных полях вокруг Эолиса, в другое время эта мысль принесла бы успокоение его сердцу.

Он высказал предположение, что рисовые чеки могли быть тут еще до того, как соорудили Дворец, но Элифас рассмеялся и заявил, что это невозможно.

— Даже сейчас мы ступаем прямо по крыше Дворца. Туземцы, культивирующие рис и охотящиеся на диких животных, подобны птицам или мышам, которые обживают заброшенные обиталища человека. Вполне можно было пойти через деревню, брат. Их жизни не имеют никакого значения.

— Для меня — имеют.

Некоторое время они спускались молча, потом Элифас сказал:

— Эта часть Дворца была разрушена в последней войне Эпохи Мятежа, больше ее так до конца и не восстановили. Если копать достаточно глубоко, то обнаружатся расплавленные скальные породы, гладкие, как стекло, потом россыпи обломков, а еще ниже покои и коридоры, разрушенные десять тысяч лет назад. Эта сторона Дворца удобна для земледельцев потому, что она обращена к Краевым Горам и почти весь день освещается солнцем. — Элифас уперся рукой в бок. — Прости, брат, мне опять нужен отдых. Пара минут и все.

Каждый раз, когда Элифас останавливался, Йама с беспокойством оборачивался на тропу, по которой они пришли, но удача им сопутствовала, и пес преисподней появился на горизонте, лишь когда сами они уже спустились с этой бесконечно длинной лестницы.

В небо взлетели и заметались с тревожными криками белые какаду, а через мгновение из бамбуковой рощи над террасами рисовых полей вырвался пес преисподней. Подобно смерчу, он поднимал целые тучи пыли, срывая и унося листья с деревьев. Днем он светился не менее ярко, чем ночью, и напоминал упавший на землю клочок неба, который по форме имел сходство с чрезвычайно высоким и тощим человеком. Он пошел было в сторону деревни, но быстро вернулся на тропу и упрямо двинулся вперед.

Йама и Элифас побежали вниз по пыльной тропе между крутым валом самого нижнего чека и краем поля с плетями дынь. Они вброд пересекли ручей, промчались сквозь цепочку эвкалиптов, распугав стаю мелких черных свиней, и неслись до тех пор, пока Элифас не споткнулся и не упал прямо в дорожную пыль.

Элифас никак не мог встать, а когда Йама поднял его на ноги, он прохрипел, что больше не может идти. Сейчас они находились на тропе, сбегающей с заросшего высокой травой склона. Утреннее солнце разбудило кузнечиков, и они завели свою нескончаемую песнь.

— Брось меня, — сказал Элифас. Его била дрожь, а серебристые глаза были полузакрыты. Он все еще не мог отдышаться. — Оставь меня и спасай свою жизнь. Если мы выживем, я обязательно тебя отыщу.

Стройный эвкалипт на вершине склона вдруг затрепетал и закачался, будто попал в какой-то узконаправленный ураган. Раздался ужасный визг, и из-за деревьев вылетели черные свиньи. Вслед за ними возник пес преисподней, сверкая, словно кусочек солнца, отразившийся в синем стекле. Казалось, он стал еще выше и тоньше, как будто расплавленное стекло растягивалось под собственным весом. Вокруг него ходуном ходили вихри обо-

рванных листьев и пыли. Визг свиней на мгновение его отвлек: он кидался то за одной, то за другой. Большая часть стада скрылась в высокой траве, но несколько штук носились по кругу, и в конце концов пес преисподней бросился на одну из них, самую маленькую. Несчастный поросенок взлетел вверх, как засохший лист, затем его бросило на землю, и он замер без движения. Казалось, зрелище позабавило пса преисподней, он стал описывать широкие круги — вот он пролетел по высокой траве, которая тотчас вспыхнула с сухим треском, а затем выпрямился и уверенно направился по тропе к Йаме и Элифасу.

Йама обхватил Элифаса, помогая ему подняться, и они, спотыкаясь, двинулись к краю отвесной насыпи. Прямо под ними тянулась широкая дорога, по которой шли буйволы, двигались груженые верблюды, вереницы мужчин и женщин тащили мешки или, балансируя, несли на головах глиняные горшки. Повозки, верблюды, люди — все двигались вниз, к высокому прямоугольному жерлу туннеля на боковом склоне горы.

Пока Йама и Элифас сползали с насыпи, в толпе раздались крики ужаса, и люди бросились врассыпную. Йама оглянулся и увидел, что следом движется пес преисподней, ярко светясь на фоне белого дыма. Отчаянно вскрикнув, Йама потащил Элифаса за повозку с арбузами. Пес преисподней ринулся вниз по насыпи, люди вокруг дико кричали.

Один из волов дернулся, мыча от ужаса, повозка перевернулась, связки красных бананов полетели в разные стороны. Стая индюшек носилась кругами по дороге с сумасшедшим клекотом, поднимая тучи пыли. Пес преисподней ворвался в самую гущу птичьего базара и заметался, кидаясь то вперед, то назад, будто в приступе буйного помешательства.

Охваченная паникой толпа увлекла Йаму и Элифаса в темноту туннеля; кирпичные стены бесконечным эхом подхватили вопли мужчин, женщин, блеяние овец. Наконец все оказались в огромном подземном зале. Толпа налетела на погрузочные платформы, как разбивающаяся о пирс волна. Здесь рабочие разгружали и взвешивали товар, а клерки выдавали крестьянам квитанции.

Йама и Элифас уже были в центре громадного помещения, когда из туннеля вырвалась стая несчастных индюшек. В самой середине огнем горел пес преисподней. Люди завопили и, роняя корзины и тюки, кинулись врассыпную, а в проеме узких высоких ворот появилась пятерка стражников. Они были в легких доспехах с пулевыми ружьями, из которых на бегу начали стрелять, направляясь к псу преисподней. На землю повалились раненые индюшки, царапая воздух длинными мощными лапами. Вокруг засвистели пули, они рикошетом отскакивали от пола, поднимая пыль и выбивая кирпичную крошку вокруг пса преисподней,

который метался то вправо, то влево, но наконец выбрал направление и устремился прямо к Элифасу и Йаме.

Элифас завыл и упал на колени, обхватив голову руками, а Йама, держа в одной руке керамический диск, в другой длинный нож, медленно пятился, отступая от пса преисподней. Теперь тот вытянулся до четырех-пяти человеческих ростов и светился так ярко, что смотреть на него можно было лишь сквозь щелочки полузакрытых глаз. Приближаясь к ним по синусоиде, он издавал высокое, на пределе человеческого слуха шипение, а сзади, в кирпичном полу, за ним тянулась дымящаяся борозда, исходящий от нее жар обжигал кожу. Стражники продолжали вести огонь, но выстрелы лишь высекали искры и поднимали фонтанчики щебня вокруг пса преисподней или же проходили сквозь него, будто он был просто световым пятном, а возможно, он и правда только сгусток света — свет, свернутый сам в себе.

Йама спиной наткнулся на штабель плетеных клеток с живыми цыплятами. Одной рукой нащупывая запоры, он стал открывать клетки и швырять цыплят в своего противника. Тот замер, согнувшись дугой в окружении моря охваченных паникой кур, но затем выпрямился и снова устремился к Йаме.

Йама попробовал его остановить усилием воли, но с тем же успехом он мог пытаться задуть пылающую раскаленную печь одним лишь благим пожеланием. Конечно, он еще ощущал в этом зале присутствие довольно большого количества мелких машин, но знал, что не способен подвергнуть их риску, точно так же как и жителей деревушки на склоне горы.

Пути к воротам не было: их перекрыла обезумевшая толпа тех, кто пытался спастись. Йама все отступал, а пес преисподней уже нависал над ним сияющей тенью; крестьяне с ужасом за ним следили, спрятавшись среди фургонов и повозок. Тут подал голос Элифас. Йама рискнул оторвать взгляд от страшного великана и, оглядевшись, увидел, что Элифас стоит на перевернутой телеге. Какой-то человек запрыгнул туда и встал рядом с Элифасом. Йама узнал наперсточника, развлекавшего публику у стены борделя.

— Сюда, брат! — позвал Элифас, а наперсточник выкрикнул:

— Иди за мной, если хочешь жить!

Йама развернулся и побежал, по крикам окружавших его людей он понял, что пес преисподней несется за ним. Он обогнул телегу и на мгновение ему почудилось, что Элифас и наперсточник исчезли. Но нет, они нырнули в небольшое круглое отверстие в стене. Тень Йамы мчалась впереди него, и он рванулся, словно догоняя ее макушку. Раскаленный свет бил ему в спину, пока он пытался пролезть в дыру у самого пола, затем что-то с клацаньем упало у него за спиной, и он оказался в кромешной тьме.

8. ПОВЕЛИТЕЛЬ

Через минуту захлопнувшаяся за Йамой крышка люка стала вибрировать, издавая глубокий чистый звук, и узкий проход, где они стояли, тесно прижавшись друг к другу, наполнился запахом раскаленного металла.

— Подними нож, хозяин, — сказал игрок. — Ты среди друзей. Следуй за мной. Люк сделан из кристаллического железа, но долго он не продержится.

Жесткий рыжий хохолок наперсточника с единственным тусклым светлячком чиркал по низкому потолку. Одет игрок был в ярко-красные леггинсы и мешковатую черную рубашку до колен. От него пахло, как от промокшего пса.

— Я готов, — произнес Йама. В его крови все еще не утихло волнение после такого неожиданного спасения. Когда Элифас взял его за руку, Йама вдруг заметил, что его бьет дрожь и он едва держится на ногах.

— Теперь моя очередь помочь тебе, брат, — сказал Элифас и обнял его за плечи, помогая идти за игроком. Они двинулись по туннелю.

— Что это за место? — спросил Йама.

— Подсобный коридор, — отозвался Элифас. — Говорят, такие проходы есть во всех частях Дворца, даже в покоях Иерархов. Но они так запутаны, а карты не сохранились, так что теперь ими редко пользуются.

Наперсточник оглянулся на них через плечо. Его длинное бледное лицо осветилось от сияния их светлячков.

— В общем-то, так и есть, — сказал он. — Однако ими пользуются значительно чаще, чем можно подумать. Люди многое помнят. Кстати, о памяти: ты меня помнишь, господин?

— Ты вчера играл в наперстки. Тогда на тебе была серебристая рубашка.

— Я слышал, что ты умен. Так оно и есть, — заметил игрок. — Меня зовут Магон, я пришел, чтобы помочь тебе. Мы тебя давно ждем, господин. Вчера ты стал убегать не в ту сторону. Мне повезло, что я снова тебя нашел. Ты знаешь, что за тварь ты разбудил? Ты ведь разбудил его, правда?

— Да, знаю. Он был в оракуле.

— В храме латрического культа? Мы и не думали, что хоть один из них еще действует, ну теперь-то, конечно, уже не действует... Оракул разрушился, когда сквозь него проломился пес преисподней.

Йама коснулся диска, висящего у него на груди. Наперсточник Магон заметил это движение и произнес:

— Он тебе не поможет, господин. Ведь это не чары.

— Я просто думаю, не он ли разбудил это создание.

Женщина в Храме Черного Колодца сказала Йаме, что именно этот диск — древняя монета — привлек ее к проему оракула.

— Полагаю, ты сам это сделал, — сказал Магон. — К счастью, ты вырос в Городе Мертвых, а не в Изе. Здесь, в Изе, слишком много оракулов и среди них значительно больше действующих, чем думают многие. Если бы ты воспитывался в Изе, боюсь, пес преисподней учуял бы раньше, чем ты был к этому готов. Но то был бы совсем иной мир, и в нем мне не выпала бы удача встретить тебя и поговорить с тобой.

— Такое впечатление, что ты много обо мне знаешь, — отметил Йама.

— И тебе повезло, что так оно и есть, — весело бросил Магон.

— И про пса преисподней ты знаешь...

— Совсем чуть-чуть, господин.

— Он как будто весь состоит из света, — сказал Йама.

— Что-то вроде того, — вмешался Элифас, довольный, что может хоть что-нибудь пояснить. — Свет — это ведь тоже материя, только в другой форме. Какое-то время его можно удерживать в связанном состоянии. Если нам удастся держаться от него подальше, брат, то пес преисподней прекратит существование, как только связующая энергия упадет ниже определенного уровня. Или же он сумеет найти действующий оракул, получить оттуда новый заряд энергии и вернуться в то место, для которого оракулы служат окнами. Это ужасные создания. Они способны жить во внутреннем пространстве оракулов и в нашем мире тоже. Они проходят сквозь наш мир из одного оракула в другой, пронзая его, как стрела — воздух, конечно, если бы стрела могла превратиться в воздух, пока сквозь него летит, и вновь обернуться стрелой, поражая цель. Их первоначальной целью были аватары.

— А этот явился за мной, — сказал Йама.

— Да, неприятно, и не только для тебя, господин, — заметил Магон. — Должно быть, он был заперт в пространстве оракула. Наверняка монастырь потому и построили вокруг этого оракула. Ведь перепутать шевеление пса преисподней с воздействием аватары очень легко. Подумать только, эти несчастные монахи тысячи лет молились орудиям собственных врагов! Какая горькая ирония, господин! Что ж, теперь они больше не поклонятся оракулу. Пес преисподней, явившись в мир, исчерпал все запасы энергии, еще остававшейся в оракуле.

— Такое впечатление, что на свету он набирается мощи, — сказал Йама. У него промелькнула ужаснувшая его мысль, что, стреляя в пса преисподней, люди лишь снабжают эту тварь энергией, и он добавил: — Может быть, тьма его убьет.

— Он никогда не был живым, — произнес в ответ Магон. — Так что убийство и смерть к нему неприменимы...

А Элифас заметил:

— Даже в лучах солнца он продолжает терять связующую энергию. Энергия солнечного света слишком рассеянна, она не может его поддержать. Примерно так же человеку не хватает воздуха на самых высоких пиках Краевых Гор. Я думаю, что твой образ впечатан в его сознание и он будет следовать за тобой, пока не иссякнут его силы. Надо спасаться.

— Конечно, это — кошмарное создание, — задумчиво проговорил Магон, — но оно очень древнее и легко теряет ориентацию. Если нам повезет, оно бросит или потеряет твой след или же память о тебе, а затем рассеется, когда связующая энергия упадет ниже допустимого уровня.

— Пока что нам не очень везло, — ответил на это Йама. — Полагаю, мне надо придумать, как его уничтожить.

— Ну, что касается этого, — заметил Магон, — то есть пути лучше, есть хуже, как сказала лиса заблудившейся в лесу курице. Сейчас пройдем здесь. Насчет воды не беспокойся. На той стороне сухо.

Они оказались на дне какого-то колодца или шахты. Высоко вверху виднелось пятнышко дневного света, сбоку струилась водяная завеса, уходя вглубь сквозь решетки в полу. Магон прошел сквозь водяную преграду и двинулся по среднему коридору. Когда Йама и Элифас последовали за ним — вода была теплой, как парное молоко, — он уже ждал их в противоположном конце, у изящного железного мостика, изогнувшегося над узкой полузатопленной расщелиной. В глубине ее, под водой, мерцали зеленые огоньки. О каменные стены бились волны, рассыпаясь мириадами брызг и отбрасывая тени на сводчатый потолок.

Ступая легко и быстро, Магон перебежал через мост и обернулся, приглашая Йаму и Элифаса. На мосту Йама глянул в воду и заметил, как какие-то крупные существа сновали под бурлящей поверхностью. У них были гибкие стреловидные тела, с пучками парных отростков на концах. Видом они напоминали полипов, мельтешащих в летних водах реки, только размером они были с человека.

Элифас тоже их видел. Ухватившись за перила и вглядываясь в воду, он сказал:

— Во Дворце так много забытого, что человеку за всю жизнь столько во сне не приснится.

— Не всеми забыто, — отозвался Магон с другой стороны моста. — Они проникают сюда из Великой Реки, когда половодье заливает подземные туннели под улицами. Луп говорит, что у них, очевидно, раньше была какая-то цель, но она давным-давно утеряна. Теперь они приплывают сюда по привычке. — Он обратился к Йаме: — Надо спешить, господин, Луп ждет тебя не дождется.

Элифас проговорил:

— Ты, конечно, меня извини, Магон, но мне всегда говорили, что внутри стен Дворца не живет никто, кроме воров и разного отребья.

На лице Магона мелькнула кривая улыбка.

— Ну, они-то не долго здесь держатся. Мы за этим следим. Уже недалеко, клянусь тебе. Луп тебя ждет, господин. И другу твоему тоже будут рады. Мы его знаем.

— Такое впечатление, что ты знаешь всех, — заметил Йама. Он встал рядом с Элифасом и насторожился, вглядываясь вглубь. Там, внизу, на дрожащей поверхности вод, сбегались и разбегались отражения светлячков, короной висящих над его головой. Под мостом собрались в кучу длинные гибкие тени. Тела их испещряли пятна, точки и полосы зеленого люминесцентного света. Вдруг из воды выплеснулось нечто похожее на змею, бледной сверкающей плетью вытянулось в воздухе, на миг захлестнуло арку моста и снова шлепнулось в волны.

Магон предостерег:

— Не стоит так медлить, господин. Это небезопасно. — В голосе его зазвучала просительная нотка.

Йама ощущал смутное недоверие к своему провожатому. Его приветливая улыбка, ловкость и сообразительность — все казалось игрой, маской, какой-то непонятной ролью. Йама сказал:

— Прежде чем двигаться дальше, Магон, объясни мне, откуда ты знаешь, кто я такой. Ведь дело не в том, что я разгадал твою хитрость с наперстками, правда?

— Разумеется, нет, — ответил Магон. — Пожалуйста, господин, надо идти. Здесь полно неизвестных тебе опасностей. — Казалось, его спокойствие растворилось бесследно. Он нервно сцепил руки. — Не надо играть бедным Магоном. Луп ответит на все твои вопросы. Я должен отвести тебя к нему и все.

— Ты ведь не наперсточник, правда? Это просто камуфляж, чтобы скрыть свою суть. Откуда же ты так много обо мне знаешь?

Из темноты донесся громкий всплеск, как будто что-то огромное поднялось над водой и снова туда упало.

Левая рука Магона потянулась к поясу, где под рубашкой вырисовывался какой-то предмет.

— Луп приказал сразу вести тебя к нему, — сказал он. — А ты заставляешь меня отвечать на вопросы, господин. Я стараюсь изо всех сил, но не могу выполнить оба дела.

Тут вмешался Элифас и бросил Магону:

— Убери-ка оттуда руку, брат. У тебя там что-то спрятано, скорее всего нож, а другой наверняка в сапоге. Я знаю эти разбойничьи штучки.

Йама спросил:

— Сколько же времени ваши люди за мной следят?

— Известно, что ты должен был явиться в Департамент Туземных Проблем, но сопровождающий пришел без тебя. Тогда-то мы и стали тебя искать, но не нашли никаких следов, пока ты не вызвал смертоносную машину.

— Сопровождающий? Ты имеешь в виду префекта Корина?

На миг Йама решил, что Магон действует в союзе с префектом Кориным.

— Имени его я не знаю, — сказал наперсточник, — но в Департаменте Туземных Проблем кто-то сильно расстроен, что ты потерялся. Теперь, когда ты объявился во Дворце, он будет искать тебя изо всех сил. Мы обеспечим тебе безопасность, господин.

Отвечая на вопросы, Магон не смотрел Йаме в глаза; взгляд его бегал вокруг моста, реагируя на раздававшиеся в темноте всплески. Когда прямо из-под арки вытянулся узел бледных щупальцев, он вскрикнул и подался назад.

Йама твердо сказал:

— Я не пойду с тобой, пока ты не ответишь на все мои вопросы. Сколько времени ваши люди за мной следят?

— Когда ты сражался с машиной в Храме Черного Колодца, мы уже знали все наверняка. Луп объявил: ты — тот, чье появление было предсказано. Не беспокойся о тех мелких трениях между департаментами, куда ты оказался вовлечен, господин. Мы всегда под рукой и поможем тебе.

— А как же мои друзья?

В темноте из воды показалось что-то огромное. Раздался громкий всплеск. Под мостом заходили волны, разбрасывая брызги по стенам.

Умоляющие интонации еще отчетливее зазвучали в голосе Магона:

— Господин! Эти вопросы надо задавать Лупу. Потому-то я и веду тебя к нему. Поверь, здесь опасно стоять...

Йама продолжал:

— Уже не в первый раз я встречаю людей, которые знают обо мне больше, чем я сам. К тому же сегодня у меня дела в другом месте.

Как раз в этот момент Департамент Прорицаний открывал свои двери, и пифии публично отвечали на вопросы клиентов.

Йама подозревал, что на этот же день назначено осуществление заговора убийц, в котором принимал участие хранитель кухонных ключей Дома Двенадцати Передних Покоев Брабант, агент префекта Корина, сумевший хитростью заманить Йаму к префекту, то есть выполнить два дела сразу. Йама все еще не знал, против кого был направлен заговор, но это не имело такого уж значения, если бы Брабант оказался разоблачен.

— Ты должен поговорить с Лупом, господин. Пожалуйста. Ведь я — просто игрок, не более. Мы прислуживаем

работникам Дворца, этим я и зарабатываю. Можно сказать, что наш Департамент был бы самым древним из всех, если бы он только существовал.

Элифас схватил Йаму за руку и стал шептать ему в самое ухо:

— Теперь я узнал, из какого он племени. Воры и головорезы — вот кто они такие, брат. Ничуть не лучше этих диких племен на крыше, что вечно роются в земле.

Так же шепотом Йама ответил:

— Если ты не знаешь пути назад, то выхода у нас нет, надо идти за ним.

Магон вскинул голову, глаза его блеснули. Он смотрел то на Йаму, то на Элифаса и наконец произнес:

— Ты мне не доверяешь, это естественно. Думаю, на твоем месте я чувствовал бы то же самое. Я не знаю ответов на твои вопросы, господин. Моя обязанность — просто привести тебя к Лупу. Луп ответит на твои вопросы. Надо уходить. Пес преисподней все еще идет по твоему следу, а эти огромные рыбы начали уже беспокоиться, они задают свои вопросы щупальцами, пытаясь узнать, нельзя ли тебя схватить. Мне...

Внезапно в глазах Магона отразились синие всплески. На дальнем конце моста появился пес преисподней. Теперь он был меньше, но свечение его не потускнело. Йама выхватил нож. По длинному кривому лезвию метались языки пламени, словно бросая вызов потустороннему свечению пса преисподней.

Тот подался вперед и, вытянувшись в темноте, стал подниматься по изогнутой арке моста. Йама и Элифас, пятясь, отступали на противоположный берег. Они едва успели туда добраться, когда снизу что-то сильно ударило по мосту, и он загудел, как оборванная струна. Магон и Элифас в ужасе закричали. Пучки бледных щупальцев показались с обеих сторон мостика и уцепились за тоненькие перила. Пес преисподней остановился, раскачиваясь вперед и взад, словно тростина, а из воды появлялись все новые жадные отростки.

Йама подумал, что под мостом должно быть не меньше десятка гигантских полипов. На внутренней стороне их щупальцев рядами располагались мясистые присоски, которые с влажным чмоканьем прилипали и вновь отделялись от металлических балок. Концы этих своеобразных конечностей украшали букеты тонких, как мочало, отростков. Извиваясь, они шарили в воздухе в поисках добычи. Вдруг вода под мостом закипела. Мост заскрипел, но еще держался. Щупальца изогнулись, плотнее обвили перила и, дрожа от напряжения, натянулись с новой силой. Один из гигантских полипов выскочил из воды. Под его белой мантией сверкал огромный зрачок. Глаз развернулся и вперился в Йаму.

Мост опять заскрипел, и центральная секция вдруг поддалась. Резкий хруст эхом полетел по пещере, бесконечно

отражаясь от ее влажных стен. Стоя у сломанного моста, пес преисподней вдруг засветился еще ярче, затем развернулся и скрылся в туннеле. Йама и Элифас облегченно вздохнули.

А воды бурлили от кипящей в них жизни. Под пенной поверхностью гневно сверкали зеленые огоньки. Один, другой, потом еще два гигантских полипа высунули из воды мантии и впились глазами в Йаму. Элифас и Магон закричали, пытаясь предупредить его об опасности. Но Йама, словно увлекшись рискованной игрой, вынул бечевку с монетой и поднял ее повыше. Полипы удовлетворенно плюхнулись в воду. Вода снова вскипела, а потом стала темнеть: живые огни, удаляясь, померкли.

— Теперь нас никто не преследует, — объявил Йама.

— Пес преисподней найдет другую дорогу и вновь будет идти за тобой, — сказал Магон. — Так и будет, вот увидишь. — Он был очень напуган, но отступать не собирался. И Йаме это понравилось.

Элифас судорожно вздохнул, потом еще раз и наконец произнес:

— Веди нас, брат, но помни, мы доверяем тебе не больше, чем твоим подозрительным друзьям.

Узкий коридор, который уводил их от затопленной водой пещеры, напоминал трубу. Оплавленная порода стен тускло отражала огоньки светлячков над головами Йамы и Элифаса. Туннель сделал поворот и пошел вверх. Йама почувствовал, что гравитация здесь изменила свое направление и теперь они шли уже не по полу, а по стене, вертикально поднимаясь в толще горы. Время от времени в стенах и потолке открывались другие проходы: от них шли волны теплого воздуха и отраженные звуки работающих машин.

Магон вскоре пришел в себя и вернулся к своей самоуверенной манере. Теперь он хвастал, что эти древние пути известны только людям его племени.

— Можно сказать, что это Дворец внутри Дворца, и оба переплелись наподобие дерева и виноградной лозы, так что уже не понять, кто кого поддерживает. Мы здесь обитаем с начала времен. Департаменты возникают и исчезают. Они воюют, разрушаются, поглощают друг друга, а мы остаемся. И будем до самого конца.

— Я полагаю, — сказал Элифас, — что ты вещаешь со слов своего хозяина — этого Лупа.

— Это наша история, — обиделся Магон. — Она передается в песнях и танцах от отца к сыну, от матери к дочери. Она не стала менее правдивой от того, что не записана в книгах. Разумеется, такому, как ты, насквозь пропитанному книжной пылью, трудно в это поверить. Ты сам уже превратился в ходячий фолиант. Мы — слуги, всегда были на подхвате. Кто бы ни владел Дворцом, он становится нашим господином, даже если и сам того не ведал.

— И вы хотите мне помочь?

Йаме вдруг пришло в голову, что всеми своими ужимками и позами, всей своей сверхчувствительностью к чужим настроениям и своим желанием угодить Магон напоминает ручную болонку, которую держит бездетная знатная дама.

— Ты явился наконец, господин. Луп говорил, что на это даже и не рассчитывал, хотя твое появление предсказал много лет назад один отшельник. Но Луп все тебе сам расскажет.

Коридор снова повернулся вокруг оси. В лицо им пахнуло теплым сырым воздухом с густым запахом гниющей органики, и проход вывел их в длинную комнату с низким потолком. По стенам из скальной породы бежал конденсат; пол был устлан толстым слоем чернозема, по которому кружевом плелась цветная плесень: мертвенно-белая, кроваво-красная, а желтый цвет так сиял, словно кто-то покрыл его лаком. Пройдя в дальний конец комнаты, Магон раздвинул складки нейлонового занавеса и пригласил Йаму и Элифаса дальше. Теперь они оказались в громадной сводчатой пещере, освещенной столбами солнечного света, который падал сквозь вентиляционные отверстия высоко в скалистом потолке.

— А вот и наш дом, — объявил Магон. — Это столица моего племени, потому что здесь живет Луп.

Пещера была огромной: там раскинулись крохотные сады и какие-то пестрые хижины из пластика, картона и прозрачной бумаги, натянутой на бамбуковые рамы. Вокруг Йамы и Элифаса тотчас собралась толпа, они все еще шли по этой странной пещере, а рядом уже толкалось столько народу, что получилась целая процессия, в которой они оказались главными действующими лицами. Там были клоуны и жонглеры, актеры и мимы, гиревики и борцы, факиры с продетыми в щеки и веки стальными иглами. Над их головами ходили акробаты по натянутой над центральным проходом проволоке. Некоторые из окружающих были наряжены в одежды из ветхого шелка с богатой вышивкой, колом стоящей от золотых и серебряных нитей. На бледных напудренных лицах чернели накрашенные глаза. Трансвеститы кривлялись в бурлескной пародии на священный храмовый танец. Там были музыканты, шулера, проститутки всех четырех полов и, наверное, всех рас, которые только можно вообразить.

Элифас опасливо озирался, но Йама чувствовал, что им не причинят тут вреда. Не здесь.

— Они существуют, чтобы служить другим, — мягко проговорил он и взял старика за руку, чтобы его успокоить. Эта пестрая пышная процессия сопровождала их через всю пещеру. Факир рядом с ними разбил о свою голову бутылку и стал втирать пригоршню осколков себе в грудь, другой протыкал складки кожи железными шпажками. Музыканты играли торжественный марш, клоуны шли, выбрасывая изо рта фонтанчики огня и свер-

кающей пыли. Мужчины и женщины несли на руках детей: те громко смеялись и хлопали в ладоши.

Дорога кончилась у круглой золотой рамы в два человеческих роста. Когда-то она скорее всего была оракулом. Толпа расступилась, пропуская Йаму и Элифаса, и они последовали за Магоном сквозь эти ворота.

Открывшаяся их взглядам комната была фантастически захламлена. Стены покрывали поблекшие гобелены и пыльные шелковые драпировки. Материальные свидетельства десятитысячелетней истории составляли невероятную смесь. В зеленой пластиковой бочке оказались целые кипы гравированных икон. Старинный ларь без крышки, украшенный изящной живописью со сценами из Пуран, был набит изношенной грязной обувью. Драгоценные древние книги валялись как попало, а рядом аккуратно лежали новые рулоны пластика.

На продавленной кровати под золотым парчовым балдахином сидел, развалясь среди множества подушек, какой-то человек.

Магон изобразил причудливый поклон, прыгнул на кровать, подняв тучи пыли от пожелтевшего постельного белья, и склонил голову к голым ногам сидящего, более чем когда-либо напоминая щенка, с неописуемым обожанием взирающего на своего хозяина.

Человек, несомненно, и был тем самым Лупом, владыкой Дворца во Дворце. Он был огромен и стар. Кожа на руках висела дряблыми складками. Ее покрывали пегие пятна. Глубокие морщины избороздили лицо. На человеке было длинное парчовое одеяние, настолько заскорузлое от грязи, что было невозможно определить его первоначальный цвет. Спутанные седые волосы ниспадали на плечи, на голове возвышался великолепный головной убор: высокий конус из золотой проволоки, украшенный кусочками цветного стекла. Ногти на голых ногах были ярко-красными, а на больших сильных руках они закручивались длинными спиралями, как у некоторых странствующих монахов. На губах лежал толстый слой кошенили, тени вокруг глаз напоминали синюю бабочку. Зрачки его сковал лед: Йама сразу понял, что человек слеп. В этом странном костюме он смотрелся нелепо, но держался с мрачным жреческим величием.

Луп повернул голову в сторону Йамы и Элифаса и хрипло, но с мягкими интонациями проговорил:

— Подойди ближе, господин.

— Что это за место? — спросил Элифас.

Луп поднял голову и стал вертеть ею из стороны в сторону, словно нюхая воздух.

— Магон! Кто этот незнакомец?

— Наперсник того, о ком говорило пророчество, Луп.

— Тогда мы ему рады, — сказал старик. — И тебе рады, господин. Сотню раз говорим: добро пожаловать! Для меня

большая честь принимать тебя. Я уж боялся, что умру, не дождавшись твоего появления, и я счастлив выплеснуть все самые светлые чувства моей души, специально припасенные для этого долгожданного часа.

— Такое впечатление, что меня ждали, — заметил Йама.

— Ты — тот, о ком говорили пророчества, — произнес Луп. Его синие глаза были повернуты в сторону Йамы. — Яви милость, господин, присядь к нашему столу. Располагай всем нашим достоянием.

В этот миг из-за портьеры вышли три прекрасные девушки. Великолепные шелка, подобно облаку, окутывали их; открытыми оставались только лица и руки. Нежные овалы лиц были густо напудрены, на губах блестела черная краска. Они внесли подносы разнообразных засахаренных фруктов и сладостей, красиво разложенных на банановых листьях и в крошечных вазочках из тончайшего фарфора. Глаза их сверкали. Усаживая Йаму среди пышных подушек и подавая ему угощения, они смущенно хихикали. Одна занялась Элифасом, поместив его рядом с Йамой, другая помогла Лупу встать с кровати и расправила пышные складки его одеяния, когда он сел на низенькую табуретку.

Йама взял у девушки чашку чая, и Элифас, поколебавшись, последовал его примеру. Вторая девушка поднесла чашку к губам Лупа, ногти у старика были такими длинными, что он, по всей видимости, сам есть не мог. Теперь все расположились удобно. Луп рыгнул. Девушка кормила Лупа с помощью деревянных палочек. Йама цеплял ломтики банана. Он не ел с самого ужина в Покое Пришельцев Департамента Аптекарей и Хирургов, однако нервное возбуждение портило ему аппетит.

Наконец он обратился к Лупу:

— Ты слышал обо мне, учитель. Откуда пришло это знание?

— Пожалуйста, господин! Я для тебя не учитель. Я Луп, просто Луп, ни больше ни меньше, и я полностью к твоим услугам. Все мои люди готовы тебе служить. Все это было предсказано, мы сложили множество песен, стихов и танцев в твою честь. Не все наши танцы комичны и непристойны — эти рассчитаны на публику. Для себя у нас есть другие. Когда-то я и сам мог их исполнять, но теперь, увы! Однако я их помню. — Луп постучал костяшками пальцев по своему морщинистому лбу. — В танцах вся наша история. И ты тоже там.

— Спроси его, — обратился к Йаме Элифас, — как нам уничтожить пса преисподней. Спроси его, как нам снова выбраться на крышу Дворца, чтобы я мог помочь тебе найти то, что ты ищешь.

Луп поднял голову и произнес:

— Все что пожелаешь, господин. Все, что в нашей власти. Мы в твоем распоряжении.

Йама вновь повторил свой вопрос:

— Откуда ты узнал обо мне?

Он не ощущал страха. Напротив. Сейчас он понял, что впервые с тех пор, как покинул свой дом в Эолисе, он чувствует себя в полной безопасности, не находя в своем сердце ни малейшей тени страха. Но оставаться здесь надолго он не мог. В полдень ворота Департамента Прорицаний откроются перед просителями, убийца в это время станет тайно точить свой меч. Или готовить отравленное снадобье без запаха и вкуса? Тем не менее этот случай нельзя упустить. Йама чувствовал жгучее любопытство и желание постичь все, что знает о нем Луп или думает, что знает.

Луп не стал сразу отвечать на вопрос. Вместо этого он сделал знак своим помощницам. Одна из девушек, присев рядом, вновь наполнила пиалу чаем, другая поднесла сосуд к его губам. Старик выпил весь чай, вытер ладонью накрашенные губы и произнес:

— Наш народ всегда находился в услужении, господин. Мы пришли в мир, чтобы служить другим и доставлять радость. И пусть наша раса относится к низшему порядку, природа наших занятий взывает к самому высокому. И пусть нас можно считать побирушками, которые за несколько жалких монет пляшут, кривляются и продают свою любовь, но наша награда — не деньги, а то удовольствие, которое получает клиент. Мы — люди простые, и нам не нужны деньги, разве только на ткань, проволоку и дешевые побрякушки для наших костюмов. Твой друг разглядывает все это барахло и удивляется, что я называю себя бедняком среди подобных богатств. — (Элифас поднял тронутую плесенью шляпу, сплошь покрытую серебряной вышивкой, и скорчил гримасу). — Но все эти ценности, — продолжал Луп, — подношения благодарных клиентов. Мы храним их из сентиментальных побуждений, а не из скупости. Мы — люди простые, и все же нам удается выживать дольше, чем любой другой расе. Возможно, мы слишком примитивны и просто не можем понять, как надо меняться. Но мы помним. В этом еще одно наше достоинство. Мы помним людей твоей расы, господин. Помним их величие и доброту. Они ушли уже очень давно, но мы их не забыли.

Йама подался вперед, впившись взглядом в лицо мрачного слепца.

— И люди моей расы все еще здесь, в этом мире? — с трепетом спросил он.

— Во Дворце их нет, господин. Потому-то мы всегда полагали, что и в мире их уже не осталось. А как же иначе? Они же были Строителями, и тут их дом. В свое время отсюда они повелевали миром. И если теперь их здесь нет, значит, нет нигде.

— Может быть, теперь не их время? Может быть, они выродились?

Луп покачал головой:

— Ах, господин, как ты меня мучаешь! Ты же понимаешь, я не могу рассуждать о таких вещах. Мы знаем Дворец, немножко знаем Из, но мир — это нечто совсем нам чуждое.

— Значит, они не в Изе, — заключил Йама. Он и раньше об этом догадывался, просто все еще не хотел верить. — Ты думаешь, они могут вернуться?

Луп начал рассказывать:

— Семнадцать лет назад ко мне явился отшельник и сообщил, что ты будешь искать помощи у людей моей расы. И вот ты здесь. Значит, можно сказать, что ваш народ вернулся.

Семнадцать лет назад Йаму нашли на реке. Младенец лежал на груди мертвой женщины в белой лодке. На мгновение Йаму охватил такой трепет, что от волнения он не мог произнести ни слова. Он коснулся монеты, висящей на ремешке у него под рубашкой. В самом начале своих приключений он получил ее от отшельника в Эолисе. Дирив сказала, что тот человек принадлежал к его собственной расе.

Наконец он спросил:

— Как он выглядел? Немой и все лицо в шрамах?

— У него был низкий, но мягкий голос. А как он выглядел, не мне судить, господин. Я и тогда был так же слеп, как сейчас. Стояла глубокая ночь, и все наши, кто не работал, спали. Он мне сказал, что однажды, незадолго до конца света, к нам придет Строитель и будет искать помощи у людей моей расы. Он сообщил мне, когда и откуда ты придешь. Мои люди уже сто дней наблюдают за доками. Я думал, что ты так и не появишься. Но ты здесь.

— Я пришел по дороге, а не по реке.

— Но все же ты — Дитя Реки, и конец света уже совсем близко. С тех пор как власть ушла из рук иерархов, департаменты постоянно воюют друг с другом, а теперь один из них угрожает уничтожением остальным во имя победы над еретиками. Если он победит, то воцарится тирания, этот Департамент будет держать в кулаке весь мир, утверждая, что правит во имя Хранителей, но на самом деле соблюдая лишь собственные интересы. Я очень давно этого опасался, господин, но теперь уверен. Теперь я уверен! Я счастлив, что эти ужасные времена будут последними!

Затянутые туманной дымкой глаза налились слезами. Магон тихонько поднялся с кровати и умелыми длинными пальцами вытер слезы, бегущие по нарумяненным щекам учителя.

— Это правда, — сказал игрок, в упор глядя на Йаму. — Все, что говорит Луп, — правда. Он помнит больше, чем кто-либо другой. Потому-то он — наш властелин.

Луп овладел собой и произнес:

— Я плачу от радости, господин. От радости, что ты наконец вернулся. Теперь мы придумаем новые песни и танцы об этой чудесной минуте.

— Я понимаю, — пробормотал Йама, хотя на самом деле ему казалось, что он влез в самую серцевину какого-то

мифа. Рассказ Лупа вызвал сотни вопросов, которые вихрем проносились в его голове. Кто был этот отшельник? Тот ли, который дал ему древнюю монету? И в первую очередь: почему младенцем его отправили плыть по реке?

— Я благодарю тебя за гостеприимство, — сказал Йама. — И за помощь. Но ты ведь понимаешь, я не могу здесь остаться.

Тут вмешался Магон:

— Луп, у них проблемы с одним из этих увядающих цветов. Я уже говорил им, что нечего об этом беспокоиться.

— Прости моего слугу, — смиренно проговорил Луп. — Он молод и полон энтузиазма. Но он действует из лучших побуждений. Если у тебя дело, которое требует твоего вмешательства, значит, надо идти. Мой слуга отведет тебя, куда скажешь.

— То есть вы нас отпустите? — изумился Элифас.

— В каком бы месте Дворца вы ни оказались, — сказал Луп, — мы с вами. Но прежде чем уйти, пройдемте вместе со мной. Пусть мои люди увидят, что вы мои друзья, а значит, друзья всей нашей расы.

Луп провел Йаму и Элифаса по своему подземному царству. Сотня пестро разодетых клоунов, уличных танцоров и проституток сопровождала их на почтительном расстоянии, а Луп с торжественным видом представлял своих гостей каждому из старейшин, которые стояли в ветхом великолепии своих одежд у ярко размалеванных хижин.

Йама задавал множество вопросов, и Луп отвечал на каждый, частенько весьма пространно, тем не менее Йаме так и не удалось узнать ничего нового, он лишь осознал, что является средоточием множества ожиданий и надежд. Луп был слишком вежлив, а может быть, слишком хитер, чтобы высказаться определенно и объяснить, в чем состоят эти надежды, но постепенно Йама понял: существует лишь одна вещь, которой могут желать эти люди. Ибо они были дикарями — туземцами, в отличие от всех преображенных и непреображенных рас их вовсе не коснулось животворящее дыхание Хранителей. Это были создания, позаимствовавшие человеческую форму, вероятно, и интеллект тоже был перенят. Все это — просто трюк, который они освоили наравне с акробатикой, шпагоглотанием и цирковыми фокусами. Все, чем они владели, пришло к ним из чужих рук, и они принимали дары без разбора. Баснословные ценности были свалены вместе со всякой рванью, заполняя покои Лупа беспорядочными кучами; прекрасный юноша, выносящий нечистоты в сад на самом краю пещер, мог быть наряженным в сказочно дорогой камзол; танцовщица с изысканным, как у дорогой куртизанки, макияжем могла быть одета в сверкающее драгоценными камнями платье, которое на поверку оказывалось искусно раскрашенной мешковиной с ворохом алюминиевых и пластиковых безделушек.

Единственное, что им действительно принадлежало, — это искусство имитации, и они простодушно им пользовались для удовлетворения своих клиентов. Присмотревшись внимательней, Йама заметил, что три девушки, прислуживавшие Лупу, вовсе не были так уж красивы, точнее, их красота складывалась из осанки, мимики, выражения лиц, за которыми девушки, очевидно, все время следили. Эти люди могли создать вполне удовлетворительное подобие практически любой расы, имитируя и выпячивая две-три наиболее характерные черты, которыми один народ отличается от другого. Плюс грим. С красотой — то же самое. Обычное, увеличив и подчеркнув, можно сделать прекрасным, как это делает, например, трансвестит, выставляя напоказ черты, которые более всего привлекательны в женщине. Народ Лупа творил красоту посредством бурлеска. Эти создания могли представиться всем, что пожелает душа клиента.

Не могли они стать лишь одним — собою. Многие, подобно Элифасу, считали туземные расы просто животными. Йама думал иначе. Ведь если все в этом мире явилось по воле и мысли Хранителей, то и туземные расы не могли возникнуть лишь для того, чтобы их преследовали и презирали. Несомненно, у них есть свое предназначение.

Уже почти наступил полдень, когда Йама и Луп завершили наконец обход пещеры и сквозь позолоченную раму вернулись в покои Лупа. Где-то там, наверху, вскоре откроются Ворота Двойной Славы, впуская желающих присутствовать на публичных запросах в Департаменте Прорицаний. К клиентам выйдут две пифии, облаченные в древние торжественные одеяния.

— Я не забыл, что у тебя есть дела в другом месте, — проговорил величественный старец. Он накрыл ладонями руки Йамы. — Ты можешь уйти отсюда через потайной ход, все будут думать, что ты еще беседуешь со мной. Чем более мощной фигурой они меня считают, тем легче поддерживать среди них порядок. Мы — беспокойный народ, от других к нам приходит слишком много идей.

— Ты поступил со мной благородно, — сказал Йама.

— Мы сделали, что могли. Но боюсь, этого недостаточно.

— Ты спас мне жизнь и подарил надежду, что мой народ все еще существует, — с благодарностью произнес Йама. — Я постараюсь вернуть долг, если смогу.

— Конечно, вернешь, — ответил Луп. — Так что я не прощаюсь. Ведь на самом деле ты не уходишь.

Когда они шли вслед за Магоном по длинной лестнице, Элифас сказал:

— Сегодня день чудес, брат. Я не думал, что люди-зеркала хранят свою добычу. Там среди всякой рухляди лежит «Книга Крови», я никогда ее не видел, только слышал о ней. Она в очень плохом состоянии, но ценность ее такова, что можно

прекрасно жить целый месяц, продав лишь несколько целых страниц. Ты собираешься возвращаться?

Йама покачал головой, давая понять, что и сам не знает, однако почувствовал укол совести, как будто уже взял на себя обязательство. И вовсе не потому, что подданные Лупа спасли ему жизнь. Луп ясно ему объяснил, что он не является их должником, и Йама был рад поймать Лупа на слове. Дело в другом. Ведь была еще эта невозможная мечта Лупа, обещание отшельника, исполнившееся пророчество.

«Неудивительно, — думал он, — что мой народ предпочитает скрываться, весь мир держит векселя их неоплаченных долгов, и платить по ним предназначено, по всей видимости, мне».

Пытаясь справиться с горечью, он произнес:

— Мне не следовало приходить в Из! Я причиняю боль себе и тем, кто ждет от меня непонятно чего. Надо было отправиться с доктором Дисмасом в низовья и смириться со своей судьбой.

Однако едва он произнес эти слова, как тут же понял, что они исходят от темной части его души, той самой, что мечтала о легкой славе, избавленной от ответственности. Той части, которой коснулась женщина из оракула. Женщина-фантом, чей оригинал впустил в мир ересь, и эта ересь грозит теперь поглотить целый свет.

Магон бросил взгляд через плечо, его лицо прорезали глубокие тени от света огоньков над головами Йамы и Элифаса. Другого освещения в проходе не было, и Йама удивился, почему обитатели дворца терпят такую темень. Исключая самые окраины, все они жили в небольших пузырьках света в окружении громадных пространств неизведанной тьмы. Подданные Лупа, у которых были лишь самые тусклые светлячки, если вообще были, должны путешествовать по этой паутине ходов и туннелей практически в полной темноте.

— Магон, еще далеко? — спросил Йама.

— Нет, господин. Мы идем самым коротким путем.

Элифас заметил:

— Ты не должен считать себя в долгу перед ними. Они — просто тени. Жулики, трюкачи и шлюхи — они живут объедками тех, кто занят честным трудом. Они ничем не лучше диких племен огородников на крыше Дворца. Только те более полезны. Неужели ты хочешь стать спасителем для такой шушеры?

— Думаю, что если кто-нибудь вздумает соперничать с Хранителями, то надо же с чего-нибудь начинать, и начинать лучше пониже, а не с высоты. Но я ни на что подобное не претендую. А ты — человек прагматичный, Элифас. Ты ценишь вещи по их полезности.

— Брат, вещи таковы, каковы они есть. Люди-зеркала созданы для развлечения и забавы человеческих рас, вот и все. В головах у них масса фантазий, однако не следует принимать их всерьез.

— Но ведь они мечтают, Элифас. И верят, что я принадлежу их мечтам.

— Они помнят своих создателей, как люди помнят отца и мать. Но мы вырастаем и не можем полностью полагаться на родителей. Нам самим приходится сталкиваться лицом к лицу с жизнью.

На это Йама ответил:

— Если люди Лупа сохранили детскую душу, то я им завидую.

Некоторое время они молча шли за Магоном вверх по лестнице к темному узкому туннелю. Направление гравитации в нем изменилось, и он шел вертикально сквозь толщу Дворца. Наконец Магон произнес:

— Осталось немножко, господин. Идите по туннелю до развилки, там повернете направо. Вскоре вы окажетесь в проходе рядом с Воротами Двойной Славы.

— Я твой должник, Магон.

Пройдоха-игрок подскочил и поклонился:

— Ты расплатился со мной сто крат, господин, позволив привести тебя к нашим людям. Я буду ждать твоего возвращения.

Когда шаги Магона стихли в темноте, Йама сказал:

— Каковы бы ни были мои намерения, может случиться так, что я никогда не вернусь.

— Из-за территориальных претензий, — сказал Элифас. — Это не секрет, брат. Весь Дворец знает о затруднениях Департамента Прорицаний. Многие надеются, что он устоит, это задержит рост Департамента Туземных Проблем.

— Очень жаль, что есть только надежды, а помощи нет.

— Никто не смеет стать на пути Департамента Туземных Проблем. В последнее время он стал очень могущественным и может позволить себе не считаться с древними протоколами. Поэтому-то он и поглощает один за другим более мелкие департаменты.

— А есть еще пес преисподней. Я не уверен, что он потерял мой след. Меня ждут тяжелые испытания. Если хочешь, возвращайся к своему другу, в библиотеку, и жди меня там.

Старик улыбнулся:

— А если пес преисподней найдет меня? Нет, я останусь с тобой, брат. Кроме того, я дал обет. Веди, я сделаю все, что смогу.

9. ЦЕРЕМОНИЯ ПРОРИЦАНИЙ

На крыше Дома Двенадцати Передних Покоев были установлены огромные зеркала. Они направляли свет в громадную каверну, безжалостно высвечивая обветшалые фасады домов вокруг широкой площади. Йама сощурился от множества сияющих отражений, когда они с Элифасом прошли через Ворота Двой-

ной Славы. Он думал, что увидит толпу, ожидающую выхода прорицательниц, однако на площади было пусто, хотя на ступеньках базилики располагался помост, устланный гобеленовой тканью и увешанный гирляндами белых лилий и кувшинок, уже начинающих увядать.

Внутри базилики Тамора рычала на двойной строй рабов, маршрующих на два счета. Снова и снова она заставляла их выполнять повороты точно под прямым углом. Подбежал Пандарас. Разглядывая Элифаса, он сообщил Йаме:

— А мы думали, ты потерялся, господин!

— Я и правда потерялся, но ненадолго. Это мой друг, Элифас. Он проводит поиски в библиотеках. Он уже помог мне и, надеюсь, еще поможет. Элифас, это Пандарас. А та грозная женщина — Тамора.

— Йама преувеличивает мою роль в наших приключениях на крыше, — заметил Элифас.

— Я — оруженосец Йамы, — гордо заявил Пандарас, дерзко глядя на Элифаса. Мальчишка смазал волосы маслом и зачесал их назад, и они блестели в свете трех светлячков над его головой. Он обернулся к Йаме и отметил:

— Я вижу, тебе хватило ума перевязать рану на голове. Дай-ка, я на нее взгляну.

— Она почти зажила.

— Два дня назад ты тоже так говорил.

По мраморному полу базилики мягкой походкой к ним приближалась Тамора. На ней был кованый корсет, короткая кожаная юбочка и сандалии с ремешками, перекрещенными на икрах. Она недавно побрила голову, а хвост длинных рыжих волос уложила в замысловатый узел. Вид ее устрашал и одновременно возбуждал желание.

— Я решила, что ты убит или сбежал, — сказала она, взяв Йаму за руку, и потащила от остальных. — Ха, от тебя воняет хлевом дикой расы. Где ты был? И кто этот твой дружок с рыбьими глазами?

— Я заблудился. Элифас помог мне найти дорогу. Здесь заговор...

Тамора осклабилась, показав ряды острых зубов.

— Ты про того раба, за которым следил? Сукин сын мертв. Когда ты не вернулся, Пандарас рассказал мне, что ты отправился следить за этим парнем, Брабантом, а я сообщила Сайлу. По его слову Лурия приказала его казнить. Брабанта связали и выбросили из окна Дома Двенадцати Передних Покоев. Так у них делают эти дела, называется «дефенестрация». Что-то, Йама, я слишком разболталась, это потому, что я рада видеть тебя. Думала, Брабант заманил тебя в засаду. Я-то рассчитывала узнать у него правду под пыткой, но он отправился прямиком в окно.

— Полагаю, что я разобрался во всей этой истории, Тамора. Здесь, внутри, никакого заговора нет. И, конечно, это не Лурия, иначе бы она не согласилась на казнь Брабанта.

— Уж точно не она. На Лурии столько жира, что она и пяти шагов не пройдет. Зачем ей тайно встречаться с кем-то в дальнем углу, если она может совершенно открыто проделать это в собственных покоях? Нет, я думаю, это Сайл. Хоть ты ему и доверяешь, но я — нет. Ни ему, ни этой его беременной курице. Он мог приказать убить Брабанта, чтобы замести следы.

— Брабант работал не на Сайла, а на кое-кого вне Департамента. Фактически он...

— Он мертв. Если здесь еще есть предатели, они себя скоро проявят, и я разберусь с ними. Лучше расскажи, что случилось с тобой.

Йама вдруг обнаружил, что лицо его расплывается в улыбке, и он ничего не мог с этим поделать.

— Тамора, я нашел библиотеку! Ту самую, где доктор Дисмас обнаружил тайну моей расы. Я поставил перед ними вопрос и, может быть, ответ уже готов.

Если только пес преисподней не уничтожил архивы, подумал Йама. Элифас утверждает, что они хранятся очень надежно, но Йама не совсем полагался на мнение старика. Элифас привык говорить людям то, что они желали услышать, и не всегда правду.

— Я рада за тебя, — сказала Тамора. — Я-то получу свой гонорар независимо от того, как сложатся твои поиски. Так что чем раньше, тем лучше, я так полагаю. Но сейчас у нас есть работа.

— Значит, я не пропустил церемонию вопросов? Я не собираюсь нарушать своего слова, Тамора.

— Церемония уже началась. Иди надень доспехи. Лурия все еще боится, что на ее жизнь могут покушаться. Если она умрет, Департамент Туземных Проблем сразу захватит все помещения.

— Заговор убийц — это только полдела. Может, заговора вообще не было, только против меня.

Тамора начала сердиться:

— Ты собираешься заниматься службой? Тогда делай, что говорю. Надевай доспехи и выполняй мои приказы!

— Твои доспехи у меня, — закричал Пандарас и бросился за ними.

Йама вновь обратился к Таморе:

— Пожалуйста, выслушай меня. Брабант устроил ловушку, зная что Пандарас подслушивает, потом он завел меня в такое место, где легко напасть. Тамора, меня пытался похитить префект Корин. Он меня дожидался и почти поймал. Те негодяи, что ждали меня в засаде у Ворот Двойной Славы, — тоже часть плана.

— Ну и ладно, — бросила Тамора. — Брабант мертв, а ты убежал. — Она обернулась к Элифасу. — Если ты друг,

то иди к Пандарасу и будь начеку. Тогда мне не придется о тебе беспокоиться.

— Из-за того, что мальчик будет следить за мной, пока я слежу за происходящим? — улыбнулся ей Элифас. — Я понимаю. Однако не стоит волноваться, Тамора. Интересы Йамы совпадают с моими.

— Тогда нам есть о чем поговорить, — сказала Тамора. — Так и сделаем, когда все это кончится.

Йама вмешался:

— Ты не должен здесь чем-нибудь заниматься, Элифас. Эти дела не имеют никакого отношения к поиску людей моей расы.

— Мне это только в радость, брат, — отозвался Элифас. — Волнения заставляют меня, как и Кун Норбу, снова почувствовать себя молодым.

Тамора помогла Йаме натянуть залатанные доспехи.

— Все происходит так, — стала рассказывать Тамора. — Сайл беседует с клиентами, развлекая их до начала церемонии. На самом деле он пытается вызнать у них как можно больше. Он сам мне рассказывал, как это делается. Клиенты подают запросы за две недели до церемонии, так что у него достаточно времени, чтобы произвести изыскания. У него есть шпионы, к тому же он подкупает разных клерков и прислугу. Сам-то он говорит, это необходимо, чтобы дать прорицательнице как можно больше информации для создания фона, но я могу поклясться, он не верит в пророческие способности пифий. Он вынюхивает, какого ответа ждет клиент, и устраивает так, чтобы именно этот ответ клиент и получил.

— Он верит, что Дафна может провидеть будущее. В ней и правда есть нечто странное, Тамора. Как будто ее голова полна привидений.

— Ха, я бы сказала, она полна самодовольства. Она мало говорит, а из-за ее положения каждое слово выглядит откровением. Но все это ерунда, просто бормотание идиотки. Но вижу, ты меня не слушаешь. — Тамора наклонилась подтянуть у Йамы застежки поножей, тех самых, которые он получил, убив одноглазого наемника, Сига. Она подняла глаза. — В этом месте что-то не так. Но это не имеет отношения к твоим дурацким идеям насчет Дафны. Кажется, что здесь каждый держит нож у глотки другого.

— Через несколько дней на них нападут и они окажутся в осаде. Ты должна меня выслушать, Тамора. Нет никакого заговора, кроме того, что затеял префект Корин. Он меня обнаружил и выманил с помощью Брабанта. Если и существует какой-нибудь заговор убийц, то это тоже дело рук префекта Корина.

— Тогда почему они все готовы вцепиться друг другу в глотки? Лурия приказала мне следить за Сайлом, а Сайл отвел меня в сторонку после того, как Брабант покинул нас через окно, и стал объяснять, что тут дело не только в одном глупом рабе, заговор имеет значительно более глубокие корни.

Йама засомневался. Ему было известно, что Тамора не верит в его силу. Не верит или же отказывается поверить. Он пытался ей объяснить, как разбудил разрушительную машину — Вещь-в-глубине из Храма Черного Колодца и как убил Горго, но она просто фыркала и говорила, что удар по голове вызвал у него галлюцинации.

— Тамора, — обратился он к ней, — Сайл знает, кто я. Он знает, что я один из Строителей. Он просил меня использовать машины против Департамента Туземных Проблем. Я, разумеется, отказался.

— И тогда он выдал тебя префекту Корину?

— Это было уже после того, как Пандарас подслушал разговор Брабанта. Но подозреваю, что Сайл не прочь продать меня сейчас.

— У тебя мозги еще не стали на место после того удара возле ворот. Хватит разговоров о магических силах, иначе я начну жалеть, что взяла тебя с собой.

— Я знаю, Тамора, ты мне не веришь. Но ведь я поднял ту смертоносную машину в Храме Черного Колодца и разбудил стражей, которые ее уничтожили. Именно эта битва — причина пожара в Храме.

— Пожар устроил убийца, чтобы замести следы. Ты и так выказал достаточно смелости, Йама: вытащил жрецов из горящего Храма. Не порть впечатления глупыми сказками.

— Я убил Горго. Ты этого не видела, но зато видели тысячи людей.

— Если он еще не мертв, то заслуживает смерти. И он умрет, как только я закончу тут свои дела. Я сама с ним разберусь.

— Тогда подумай о светлячках. Я уходил с одним, а сейчас у меня пять.

— Ты был на крыше. Твой светлячок улетел, а когда ты вернулся, то получил новый комплект.

Йама рассмеялся: она упряма как осел.

— Забудь свои фантазии, Йама, и сосредоточься на себе настоящем. А ты настоящий — это то же самое, что и я: наемник, подрядившийся защищать эту вонючую дыру.

Тамора обошла Йаму, разглядывая его амуницию, шагнула к нему, поправила ремень кирасы, отступила снова, окинув его удовлетворенным взглядом.

— Надо было тебе оставить меч Сига, хотя бы для вида.

— Он только для вида и годился. Я прекрасно обхожусь ножом. — Теперь Йама уже понимал, что истинная причина, почему он отказался от меча, кроется в том, что меч этот направляли против него самого, и он видел, что Тамора догадывалась об этом с самого начала.

Он спросил:

— Не очень-то я похож на солдата, правда?

— Не важно, — ответила Тамора. — Крысенок сидит на крыше с арбалетом, а твой новый друг помогает ему вести наблюдение. Клиенты явились с собственной охраной, и, держу пари, неприятности будут именно из-за нее. Если среди прислуги есть и другие предатели, то они выберут время поспокойнее, когда не будет столько глаз. Нож, удавка, яд — вот методы этого местечка. Все, что от нас требуется, — это стоять по обе стороны помоста и выглядеть устрашающе. Если возникнет опасность, мы поставим рабов между помостом и клиентами. От этих дубин с серыми рожами толку мало, но они по крайней мере могут преградить дорогу тому, кто захочет напасть на толстуху или на блаженную. Обещай, что не будешь строить из себя героя. Это не потребуется.

Тамора хлопнула Йаму по спине и добавила:

— Не бери в голову. — Она тут же ушла, крикнув рабам, чтобы они снова заняли места в строю.

Когда Тамора и Йама вышли из главных ворот базилики и во главе двойной колонны рабов стали спускаться по ступеням, толпа, собравшаяся у подножия платформы, внезапно затихла, захваченная этим зрелищем. Клиентов было всего трое, они сидели на простых стульях в окружении небольших кучек советников и телохранителей. Всего не более двух десятков людей, а кроме них только старухи, явившиеся, безусловно, для развлечения. Йама свернул направо, а Тамора налево, за ними колонной шествовали рабы. Йама остановился там, где задний край помоста упирался в лестницу, а рабы промаршировали дальше и один за другим развернулись, образуя аккуратную дугу вдоль длинной пологой лестницы. Тамора сотворила просто чудо, выдрессировав их до такой степени. Железные каски на них блестели, под двойными лезвиями алебард развевались длинные красные ленты.

Оказавшись на месте, Йама перестал нервничать. Что касается публичных церемоний, которые он посещал вместе с отцом, эдилом города Эолиса, то он знал, что самое трудное — это войти: публике нечем заняться, все пребывают в возбуждении и предвкушении, так что любая ошибка участников будет непременно замечена.

Через широкую площадь к базилике двигалась процессия во главе с герольдом, который дул в медную трубу, издававшую резкий, скрежещущий звук. Люди у помоста обернулись. Йаме пришло в голову, что в добрые времена труба действительно была необходима, чтобы расчищать путь сквозь толпу, теперь же она звучала одиноко и жалко, ее эхо, отражаясь от скалистых стен, создавало диссонанс. Следом за герольдом двигалась окутанная красным облаком фигура — это шел Сайл в длинном одеянии из красных перьев, трепетавших при каждом шаге. Он торжественно шествовал впереди паланкинов, покоящихся на

плечах полуголых рабов. В паланкинах восседали прорицательницы. На обеих женщинах были белые платья, а на головах венки из плюща. Толстые щеки Лурии пылали ярким искусственным румянцем, на веках лежали золотые тени. В лице Дафны, как всегда, не было ни кровинки, и она непрестанно двигала узкой челюстью, будто что-то жевала. За паланкином шли старшие слуги. Их возглавила Рига, внушительная, как торговый корабль, в нежно-сером шелковом платье с широкой юбкой и расшитым жемчужными узорами высоким воротничком.

Лурию внесли по ступеням на правую сторону помоста, Дафну — на левую. Старшие слуги расположились на верхних ступенях. А носильщики, с блестящими от масла серыми лицами, осторожно поставили паланкины на платформу. Гобеленовая ткань, прежде изображавшая колышущуюся под ветром луговую траву, теперь превратилась в ярко-синее небо. Изменения в картине расползались от двух пифий, и теперь казалось, что они плывут по воздуху, а охапки белых цветов у их ног выглядели как пушистые облака.

Пока размещали прорицательниц, Сайл стоял рядом с Йамой.

— Я так рад твоему возвращению, но теперь уверен, что мы спасены.

Йама хотел спросить, что он имеет в виду, но Сайл уже отошел, заняв место в центре помоста перед маленькой жаровней, стоящей между двумя пифиями. Сайл поклонился обеим. Лурия ответила королевским кивком, а Дафна обратила слепое лицо к свету, отраженному зеркалами в дальнем конце площади, и бросила пригоршню сухих листьев на раскаленные угли жаровни. В тот же миг из ее щелей пополз тяжелый белый дым и заволок весь помост. Дым имел сильный сладкий запах. Он сполз с небесно-голубого помоста и заклубился вниз по лестнице.

Сайл сделал шаг к краю помоста. Подол его красной мантии колыхался в струях белого пара. Светлячки кружились над его головой, как призрачная корона. Вид его внушал священный трепет и устрашал. Из недр своих одеяний он вынул пластину и начал читать обыденным тоном:

— Торговец Цимбар желает задать аватарам Хранителей следующий вопрос. Будет ли его дело процветать, если он отправит еще два корабля с товарами для снабжения армий, хранящих верность воле Хранителей.

Воцарилась тишина. Затем Лурия звучно забормотала:

— Нет конца этой войне...

Дафна же внезапно вздрогнула, согнулась и завизжала, словно ее ударили прямо в живот. Сайл, скрывая смущение, отступил назад и бросил еще щепоть листьев в жаровню.

Дафна выпрямилась. Все смотрели только на нее. Даже Лурия. Йама слышал, как дыхание со свистом вырывается сквозь тонкие губы молодой пифии. Смутное ощущение, что ее

голову населяют призраки множества машин, сейчас усилилось, будто море свечных огоньков, ярко вспыхивающих на сквозняке.

Дафна заговорила густым, придушенным голосом:

— Никто не выигрывает от войны, только торговцы.

И сразу упала на сиденье своего паланкина. Ее белое платье было запачкано кровью: она прикусила себе язык.

Жирный мужчина на среднем стуле улыбался и кивал головой, а советники что-то быстро шептали ему в оба уха. Наконец он взмахнул унизанной кольцами рукой. Было вполне очевидно, что ответ его удовлетворил.

Сайл прочистил горло и провозгласил:

— Аватары Хранителей дали ответ. Ответ считается приемлемым.

Он воздел руки. Рукава его красной мантии скользнули вниз, будто крылья. Сайл сформулировал второй вопрос, касающийся культивирования саженцев, которые плохо росли.

На этот раз отвечала Лурия, и довольно многословно. Йама наблюдал за Дафной, а Тамора за немногочисленной публикой. Однако тревогу поднял Пандарас. Когда он закричал, половина стоящих у помоста людей повернулась в его сторону — к маленькому балкону, где он стоял вместе с Элифасом высоко над входом в базилику, остальные же посмотрели, куда он показывает.

Громадные тени метались по всей пещере. Йама понял, что на крыше Дома Двенадцати Передних Покоев находятся люди. В слепящем сиянии зеркал они казались черными муравьями. Крохотная фигурка выстрелила из энергопистолета. Над площадью протянулась нестерпимо-яркая красная нить разряда. Выстрел ударил по башням Ворот Двойной Славы, целая лавина камней с грохотом обрушилась вниз, рев подхватило эхо, снова и снова повторяя его в пространстве пещеры, словно в резонаторном ящике.

После выстрела сопротивления практически не было. Большинство рабов разбежались, побросав аркебузы. Когда Тамора попыталась организовать оставшихся, один из них вытащил нож и бросился на нее. Это был тот самый раб с серыми нитями в гриве волос, которого два дня назад унизил Йама. Тамора легко отразила неловкий удар и тут же убила его, сделав один точный выпад и перерезав ему глотку. В следующее мгновение она обернулась к остальным, держа у лица кончик окровавленного меча.

Йама выхватил нож и бросился ей на помощь, но Сайл схватил его за руку и прижал к его боку дуло пистолета.

— Надо было послушаться, — сказал он, — когда я просил тебя о помощи, но, может, это и к лучшему. Веди себя спокойно, и твои друзья останутся живы. Одно твое слово, и они умрут. Пожалуйста, брось нож.

— Может, ты сам его возьмешь. Мне не хочется повредить лезвие.

— Я знаю, что он может натворить. Брось его.

Через стену Дома Двенадцати Передних Покоев перебирались солдаты. Некоторые уже бежали через площадь к базилике, Лурия сняла с головы венок из плюща и швырнула к своим ногам в ароматные клубы дыма. Она ткнула пальцем в Сайла и взревела:

— Ты сказал, что подождешь!

Сайл ответил с полным спокойствием:

— Я сказал, что подожду, пока он вернется. Он вернулся. Мой первый долг — перед Департаментом Прорицаний, а не перед прошлым! — Обратившись к Йаме он сказал: — Прикажи своим друзьям спуститься. У меня нет никакого желания видеть, как их убьют, если им вздумается защищать свою позицию, кроме того, может пострадать базилика.

Когда Йама окрикнул Пандараса, Тамора резко обернулась, и Сайл показал ей свой пистолет. Она сплюнула, спрятала меч в ножны и приказала оставшимся рабам сложить алебарды.

— Я требую, чтобы за мою свободу был заплачен выкуп.

— Я вернул бы ее тебе тотчас, но это не моя прерогатива.

Пандарас и Элифас появились у главных ворот базилики, где в это время нападавшие разоружали рабов. Пандарас держал арбалет над головой.

Какой-то солдат выхватил оружие у него из рук и пихнул Пандараса к куче рабов.

Человек в домотканой тунике с белой полосой, рассекающей черную кожу лица, возник на сцене. Сайл подтолкнул Йаму вперед и произнес:

— Вот он, господин.

— Я не господин ни одному человеку, — заявил префект Корин. Глаза его были завязаны полоской прозрачной ткани.

— Вот мы и снова встретились, Йама. Хотел бы я избежать этой маленькой драмы, но ты сам меня вынудил.

— Отпусти моих друзей, — попросил Йама. — Они не имеют никакого отношения к делу.

— Они знают о тебе. И думаю, побольше меня. Твой приемный отец многое утаил от Департамента. Например, этот трюк со светлячками. — Префект Корин коснулся полоски у себя на глазах. — Кстати, не пытайся его повторить. Мои глаза защищены, и у моих людей — тоже.

Йама вспомнил маленькую машину, которая спасла его от Сига, пронзив мозг одноглазого наемника. Он мог бы убить всех, кто находился на площади, и спокойно уйти. Но он подавил эту мысль. Он не станет убийцей, чтобы спастись.

— Эдил сообщил тебе все, что ему было известно, — сказал он префекту Корину. — Я сам очень многое узнал с тех пор, как попал в Из.

Префект Корин кивнул:

— И узнаешь еще больше с помощью Департамента.

Тут вмешался Сайл:

— Ты помнишь наш договор?

— В точности. Ты убьешь ее этим дурацким пистолетиком или учше приказать одному их моих солдат выполнить это за тебя?

Сайл вспыхнул от гнева:

— Не рассчитывай диктовать мне, что делать. Я отдаю тебе эту ерриторию, но Департамент — не территория.

Лурия с трудом поднялась на ноги. Вокруг нее ходуном ходили лои дыма. Она ткнула пальцем в Сайла и завопила:

— Предатель! Ты лишен полномочий! Такова моя воля.

Префект Корин сухо сказал:

— Ты потребовал себе власти над Департаментом Прорицаний. Iадеюсь, ты ее удержишь. Будь осторожен. Думаю, у нее есть нож.

Нож оказался маленьким, с узким кривым лезвием. Лурия театрально взмахнула им, словно собираясь вонзить его в собственную рудь.

Дафна широко раскинула руки. Она улыбалась, глядя в лицо Iурии. Ее белые глаза были полны слез. От уголка рта вниз тянуась кровавая дорожка.

— Все кончается, — проговорила она.

Йаме почудилось, что эту фразу одновременно произнесла тем ке голосом сотня людей.

Сайл шагнул вперед и проговорил:

— Пророчица, пожалуйста...

Лурия метнула нож. Не в Сайла. В Дафну. Лезвие, очевидно, было отравлено; оно лишь слегка поцарапало плоскую грудь Дафны, но в тот же миг девушка затряслась в конвульсиях и упала на иденье своего паланкина. А через мгновение упала и Лурия, сраженная арбалетными стрелами. Рига закричала и бросилась через всю сцену к Дафне, приподняла ее и стала покрывать ее лицо поцелуями.

10. КОМИТЕТ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

— Дафна — дочь Риги от другого брака, — сказал префект Корин. — Думаю, что идея принадлежит Риге. Сайл — человек умный, но он не из тех, кто способен осуществить собственные замыслы. А Рига очень честолюбива. Ее не устраивало положение жены секретаря умирающего Департамента. Ее отец был разорив-

шимся купцом, который успел убить себя раньше, чем это сделают кредиторы. Так что наверх ей пришлось карабкаться из нищеты. Я почти восхищен ее амбициями, но только не методами. Эта сука поражает воображение.

Она изменила внешность своей дочери хирургическим путем и напичкала ее голову машинами, несущими фантомы умерших людей. Мы применяем такую методику, создавая военных советников. Внедренный объект создает популяцию, которая эвристическим методом способна найти наилучший ответ на поставленный вопрос. У этого метода не очень-то хорошие результаты: большинство объектов замыкаются сами на себя. У Дафны успехи оказались лучше, чем у многих, но эта процедура привела к слепоте, к тому же большая часть ее собственной личности была разрушена. Тем не менее Рига считает, что потеря ее дочерью зрения и разума — приемлемая цена за осуществление ее амбициозных планов. Думаю, Лурия подозревала, что Дафна — падчерица Сайла, но у нее не было доказательств. В конце концов именно Сайл организовал поиски новой пророчицы, он же хранил все архивы, и он женился на единственном существе, которое могло его предать.

Йама задумчиво проговорил:

— Они с самого начала задумали меня предать. Лурия собиралась выдать меня в обмен на безопасность своего Департамента. Сайл и Рига планировали использовать меня как аргумент в переговорах с тобой. В последний момент Сайл испугался, что план сорвется, и просил меня помочь в борьбе с вашим Департаментом, но я отказался. И даже если бы я помог ему, полагаю, Рига все равно предала бы меня.

Брабант был невиновен. Разговор, который подслушал Пандарас, инсценировали Сайл и Рига. Это было частью заговора с целью выманить Йаму на территорию, подконтрольную Департаменту Туземных Проблем, чтобы префект Корин мог его поймать. То, что Брабант частенько посещал бордель на самом краю дневного рынка, было известно многим. Именно там и ждал Йаму префект Корин. Но Йаме удалось сбежать, и вот им пришлось снова его преследовать, на сей раз — публично. Привратник доложил Сайлу, что Йама вернулся, и Сайл задержал начало церемонии, пока люди префекта Корина займут свои места.

— Можно не сомневаться, — сказал префект Корин, — что мозг своей новой дочери Рига тоже насытит машинами, а Сайл тем временем подыщет подходящую кандидатуру, чтобы сыграть пока роль пифии. Теперь он у нас в руках. Эти древние департаменты погрязли в разложении и интригах. Они не поддаются лечению, Йама, разве что хирургическому. Приходится действовать радикальными методами. Мы создали новую систему, где все, начиная с самого ничтожного клерка и кончая самым стар-

шим легатом, ответственны перед целой сетью комитетов. В отсутствие центра власти ни один человек не способен воздействовать на Департамент в собственных целях. Таким образом, мы в состоянии сделать долговременную оценку перспектив в интересах Слияния. Со временем весь мир станет частью нашей системы, и мы сможем начать побеждать в войне с еретиками.

Они сидели рядом на одной кровати в крохотной келье, где жил эти дни Йама. Освещалась она только одной люминесцентной палочкой. Светлячков у Йамы отняли, так же как и нож и древнюю монету, которую ему дал отшельник. Ему позволили оставить себе только томик Пуран и одежду, больше ничего.

Келья имела спартанский вид: узкая койка с бугристым матрасом и пластиковое ведро, откидывающаяся от стены полка, на каменном полу небольшой коврик из рафии. Кран в стене подавал теплую безвкусную воду. Рядом с краном на цепи висела пластиковая кружка, а в полу имелся сток размером не больше ладони. Префект Корин объяснил Йаме, что келья ничем не отличается от его собственной или же от любой другой личной кельи в Департаменте Туземных Проблем. Поженившись, мужья и жены сохраняют собственные кельи, а дети живут в общих палатах, пока не вырастут, начнут работать и получат отдельные кельи.

Сердцем Департамента Туземных Проблем были огромные соты — переплетение келий, узких коридоров, длинных низких помещений, где работало бесконечное количество клерков: ряд за рядом, ряд за рядом. Над головами их перемигивались огоньки светлячков, а сами они сгибались над книгами, бумагами, документами. Сотня этажей келий, коридоров и контор заполнила средние уровни Дворца; их замыкали прилегающие территории, захваченные у других департаментов; там размещались склады и арсеналы.

Тамору, Пандараса, и Элифаса держали отдельно, далеко от Йамы. Префект Корин объяснил, что они проходят проверку, как только она закончится, их отпустят. Йама поинтересовался, когда это будет. В ответ префект Корин заявил, что она может занять несколько дней, а может — годы.

— Когда мы будем знать все, — сказал он.

— Вопросы можно задавать бесконечно, — возразил Йама.

Поразмыслив, префект Корин сказал:

— В твоем случае может так и оказаться.

Здесь никогда не было тишины. Все время доносился звук голосов, хлопанье дверей, чьи-то шаги. Йама потерял счет времени. Сначала его постоянно держали в темноте, еду (съедобный пластик, иногда приправленный кусочками фруктов или ложкой овощного соуса) подавали через неравные промежутки времени. Позже, когда в его келью дали свет, он смог по крайней мере читать Пураны и, наблюдая, как разгорается и меркнет свет, отмечать, что прошел еще один день.

Иногда Йаму выводили из кельи и под охраной двух стражников доставляли в большую комнату, разделенную на две части толстой стеклянной панелью. Здесь его проверяли. С одной стороны стекла находилась табуретка, с другой — светлячки, от одного до сотни. Бестелесный голос приказывал Йаме сесть на табурет. Как только он садился, его часть комнаты погружалась в темноту. Начинались тесты.

В первый раз, когда их проводили, был только один светлячок — яркая точка света, висящая в центре темного пространства с одной стороны стеклянной панели. Йаме приказывали сдвинуть ее вправо. Он отказался, через какое-то время его отвели в келью и оставили без света и пищи. Судя по суете и характеру звуков, Йама решил, что прошло, должно быть, два дня. Наконец его, ослабевшего от голода, снова привели в разделенную надвое комнату и голос опять приказал ему повторить упражнение.

Йама повиновался. Обе стороны обозначили свои позиции. Он показал, что будет подчиняться под воздействием принуждения, а противник продемонстрировал, что не потерпит сопротивления. Голос был ровен, никогда не уставал и не менял интонации. Он дважды произносил комплекс заданий, затем ждал, пока Йама все выполнит, потом приступал к следующему упражнению. Он не обращал внимания на ошибки и неудачи. Постепенно у Йамы в голове сложился выдуманный образ обладателя голоса: пожилой человек, седые волосы коротко острижены, сидит в келье вроде его собственной, единственный светлячок над его головой освещает запись, по которой он читает задания.

— Вверх, — говорит голос. — Вверх. — И дальше: — Красный светлячок по окружности вправо, белый светлячок по окружности влево. Красный по кругу вправо. Белый по кругу влево.

Подобных упражнений провели сотни. Иногда Йама должен был заставлять десяток разноцветных светлячков исполнять сложнейший танец, а иногда он целыми часами работал с единственным огоньком, двигая его в темноте по прямой вперед-назад или же изменяя яркость свечения. Йама не пытался вникнуть в смысл различных типов упражнений. Он подозревал, что если здесь и была система, то ее разбили произвольным образом, чтобы он ни за что не смог ее выделить. Лучше считать, что системы нет. Лучше думать, что они сами не знают, что хотят установить, или же не знают, как выяснить то, что им требуется.

Во время тестов он старательно трудился, хоть после них у него часто болела голова и состояние было ужасным. Черно-красные точки вдруг застилали взор, а через какое-то время он обнаруживал, что лежит на полу кельи с задубевшими от высохшей мочи брюками и кровью на языке и губах. Эти приступы наводили на него страх. Возможно, они были последствием полу-

ченного им удара по голове (хотя рана совсем зажила, не осталось даже шрама), утомительные тесты могли вызвать осложнения. Йама никому о них не говорил. Он не собирается демонстрировать слабость перед врагами.

Неизвестно, смогли ли те, кто проводил испытания, выяснить что-нибудь о его способностях, но сам Йама определенно каждый день узнавал о себе много нового. Несмотря на приступы он все больше овладевал своими силами. И впервые с тех пор, как он, покинув Эолис, ступил на дорогу в Из, у него оказалось время осмыслить все, что он узнал. Его действия всегда провоцировались случайными обстоятельствами или нуждами других людей. Сначала под нежелательным эскортом префекта Корина, а затем, после бегства от префекта и от заурядной, по его мнению, судьбы мелкого чиновника в Департаменте Туземных Проблем, в компании Пандараса и Таморы.

Он дал себе клятву раскрыть тайну своего происхождения: женщина с серебряной кожей, белая лодка на стремнине Великой Реки в облаке крохотных машин. Он не справился с этой задачей. Нет, хуже, чем не справился. Он даже по-настоящему и не пытался. Он предпочел пуститься в приключения с Таморой и Пандарасом и вовсе не думать, кто он и зачем пришел в мир.

Сидя в одиночестве в своей келье, он вспоминал каждый свой шаг с момента прощания с Эолисом и до падения Департамента Прорицаний. Йама взвешивал каждое свое действие, каждый мотив и не находил успокоения. Кроме того, он много спал, во сне обострялось его восприятие машин, их передвижений, занятий. Иногда возникало ощущение, что он висит в необъятном облаке мелких разумов, очень быстрых и одновременно поразительно тупых, а вокруг него сжимается и вновь распрямляется связывающая их паутина, словно ткацкий челнок бегает по основе, сплетая и вновь распуская в трех измерениях полотно. В большинстве своем машины были светлячками, но на периферии их громадного сообщества Йама ощущал присутствие более крупных машин, занятых обороной Департамента. Еще дальше, будто огни в речном тумане, просматривались большие машины, чье назначение оставалось абсолютно неясным. И во всем этом объеме мелких и крупных машин временами попадались яркие точки, которые Йама определил как сгустки потенциальной энергии действующих оракулов.

А иногда на пределе видимости этого внутреннего зрения возникало смутное ощущение присутствия той смертоносной машины, которую он по неведению обрушил на дом торговца. Она находилась где-то в непостижимой дали, в одиночестве висела за пределами мира, но все же она была, он ее постоянно чувствовал, к ней, как к магниту, снова и снова притягивались его мысли.

По временам его восприимчивость так обострялась, что он чувствовал гроздья крохотных машин, которые каждый

человек имел в основании мозга. Он смутно улавливал в этих гроздьях эхо воспоминаний их хозяев. Впечатление было такое, будто он — единственное существо в неосязаемом мире, населенном ордами призраков, лепечущих что-то из-за грани земного существования.

Во сне Йама пытался понять, кто из этих призраков может быть Таморой, Пандарасом и Элифасом. Но все усилия приводили к единственному результату: его похожее на транс восприятие окружающих машин превращалось в настоящий сон. Иногда ему снилось, что он бежит сквозь Город Мертвых по паутине узких дорожек между рядами надгробий и стел, а за ним гонятся какие-то люди, гротескно слившиеся с машинами. Иногда он бесконечно бежал от пса преисподней, с криком просыпаясь всякий раз, когда его накрывал полыхающий синий свет, а иногда он в кровожадном пылу сокрушал бесчисленных врагов и ликовал сердцем, глядя, как горят города и армии с его именем на устах железной волной прокатываются по миру. Он просыпался, с ужасом и стыдом обещая себе не видеть таких снов.

Но сны его не оставляли, словно кусочки холодного металла под кожей, они всегда были с Йамой.

Время от времени приходил префект Корин и начинал разговор. Медленно. Не сразу, с долгими паузами. Йама подозревал, что эти беседы на самом деле были допросами, но префект Корин интересовался в основном детством Йамы; расспрашивал о деталях, потом о деталях этих деталей, о мелких событиях и церемониях, о географии Эолиса и об отдаленных кварталах Города Мертвых, расположении книг в библиотеке замка, об уроках, которые ему давал библиотекарь Закиль и начальник охраны сержант Роден.

История с белой лодкой, тайна происхождения Йамы, попытка его похищения доктором Дисмасом, приключения Йамы в Изе — ни одна из этих тем не была затронута вовсе. Йаме не пришлось ничего придумывать о встрече с куратором Города Мертвых, о той табличке, которую они ему показали и на которой он увидел человека своей расы. Человек этот как раз отворачивался, чтобы посмотреть на усыпанное звездами небо. Ему не пришлось рассказывать, как он призвал смертоносную машину на дом торговца, ни о его последних словах, ни о том, как он сначала разбудил, а потом уничтожил зловещую машину, покоившуюся в глубокой ловушке под Храмом Черного Колодца, ни о том, что сказала ему, появившись в оракуле, женщина в белом, фантом одной из владычиц Древней Расы.

Но такие беседы оттесняли все эти события и приключения куда-то на задворки его памяти, им не оставалось места из-за терпеливых, но настойчивых вопросов префекта Корина о все более мелких подробностях обыденной жизни в дни его детства. Казалось, что все происходящее с Йамой за тот корот-

кий промежуток, когда он покинул свой дом в Эолисе и очутился здесь, в одной из безликих келий, неотличимых от тысяч ей подобных в Департаменте Туземных Проблем, было не более чем очень ярким сном. И, может быть, частично по этой причине, оставаясь один в бесконечной тьме своей кельи, Йама без конца прокручивал в голове каждый свой шаг между Эолисом и Изом, подобно волу, неустанно бредущему по кругу. И с каждым кругом колея под его ногами незаметно углубляется. Он боялся, что если забудет хоть самую ничтожную подробность своих приключений, то начнет забывать их все, так ткань начинает распускаться, когда порвется одна-единственная петля.

Если Йама сам задавал вопрос, то префект Корин замолкал, будто углубившись во внутренний диалог с самим собой, перед тем как спросить что-то в ответ. Сухая лаконичная манера поведения, свойственная префекту Корину, обозначилась во время этих бесед еще более явно. Молчание его было долгим и отстраненным; взгляд жестко впивался в Йаму, пока тот свободно рассказывал о своем детстве, так смотрит горный барс на свою предполагаемую добычу, выжидая мгновения слабости или неточности, которое отдаст жертву в его когти. Казалось, он отлил весь свой интеллект в форму вопроса, подобно тому, как рыбарь из любого камня вытачивает наконечник гарпуна. Ответов Йама от него не получил — только вопросы. Йама не знал, удовлетворяют ли префекта Корина его ответы. Этот вопрос, как и все остальные, остался без ответа.

Кроме префекта Корина и бестелесного голоса в затемненной, разделенной надвое комнате, единственными человеческими существами, с которыми общался Йама, были его стражники. Четверо солдат на посту у дверей его кельи менялись через равные интервалы. Жили они в двух кельях по обе стороны его собственной. Вместе с Йамой они вышагивали до дверей комнаты, где проходили испытания, а потом сопровождали его назад.

Только один из стражей говорил с ним — пожилой человек, стоявший вторую из ночных вахт. Его звали Коронетис. Он поведал Йаме, что не возражает против ночных вахт: он уже стар, жена его умерла, спит он мало.

— Вы, молодежь, спите крепко, — говорил Коронетис. — Это дар божий. Старикам сон не нужен, они ведь скоро умрут, а проснутся лишь при конце света, сотворенного по воле Хранителей.

Йама улыбнулся этому образу и стал развивать его дальше:

— Тогда это будет совсем не сон, ведь в промежутке вы не будете существовать, и времени для вас не пройдет нисколько. Как говорится в первой суре Пуран, «до Вселенной не было времени, ибо ничего не менялось».

— Ты — благочестивый юноша.

— Я бы этого не сказал.

— Наверное, ты сделал что-то дурное, раз оказался здесь, но я вижу, что ты читаешь Пураны.

— Значит, за мной наблюдают? — Сам Йама об этом не подумал. Он-то полагал, что келья — его личное пространство и так же непроницаема, как собственная голова.

Коронетис энергично кивнул:

— Через ту же трубу, по которой идет свет. Я думал, ты догадываешься. Но сейчас они скорее всего не следят. Они спят.

Как и большинство простых служащих Департамента Туземных Проблем, Коронетис был сухощав. Его жесткие волосы, несмотря на возраст, оставались черными и висели сальными прядями до середины спины. Хоть он и любил говаривать, что он тощ, как ощипанный цыпленок, на самом деле он был еще достаточно сильным мужчиной: мускулы буграми перекатывались у него под кожей, как будто туда напихали каштанов. Он ушел добровольцем в армию, когда началась война. Ему пришлось сражаться во время Марша Утраченных Вод и он все еще страдал от бронхита.

— Там водятся песчаные мухи, которые заползают в рот и в нос, когда человек спит, — рассказывал он. — Они заползают в глотку и откладывают там яйца, потом личинки попадают в легкие и там время от времени выводится муха, а мне приходится кашлять, чтобы она вылетела. Но все же мне повезло больше, чем многим из моих однополчан. И дело тут не в битвах. В основном они погибли из-за болезней в срединной точке мира и из-за диких тварей в тамошних болотах и лесах. По этой причине еретики — братья пантере и песчаной мухе.

Когда Коронетис вернулся с войны, то был так истощен воспалением легких и лихорадкой, что жена его не узнала. Он стал клерком, как до него был его отец. Коронетис все еще носил белую рубашку служащего, ведь клерком он был дольше, чем солдатом, и даже сделал карьеру: сейчас он возглавлял отделение. Он был страстно предан своему Департаменту и ничего не боялся, но в старости страдал от одиночества. Детей у него не было, а друзей он почти всех пережил, потеряв их еще в молодости.

— Мы будем править миром, — заявил Коронетис, — потому что никто другой не возьмет на себя эту ношу. Поэтому ты покаешься перед Комитетом Общественной Безопасности и станешь на защиту нашего дела. Это единственное дело, которому стоит служить, юноша.

Коронетис и Йама сидели на койке в келье, освещенной зеленой светящейся палочкой, которую Коронетис поставил на откидную полку. Ни у кого из стражников не было светлячков. К Йаме вообще не приближалась ни одна машина за исключением тех, что были с другой стороны толстой стеклянной панели в испытательной комнате.

— Меня воспитал один из старших чинов Департамента, — сказал Йама. — Он всегда верил, что служение идеалам Хранителей — самая суть долга любого Департамента.

— Эдил Эолиса? Он может себе позволить жить там, где его власть не подвергается сомнению. Подобный взгляд на вещи считается старомодным. Он устарел уже, когда я был ребенком. А с тех пор утекло много воды. Взять хоть моего деда. Он тоже был солдатом. Еще до войны с еретиками. Он воевал в трех кампаниях внутри Дворца против департаментов, которые хотели узурпировать наши функции и территорию. Он знал, в чем его долг. Тебе повезло, что ты вырос там, где вырос, но теперь ты очутился в реальном мире.

— Эта келья...

— Она не отличается от моей.

— Кроме того, что ты меня остановишь, если я захочу уйти.

Коронетис улыбнулся. Рот его напоминал лягушачий — такой же широкий и беззубый. Он потерял почти все зубы, а оставшиеся потемнели и стерлись почти до десен.

— Так и есть, — сказал он. — Сделаю все, что смогу. Если будет нужно, мне придется тебя убить, но надеюсь, этого не потребуется.

— Я тоже.

Йама и в самом деле ни разу не помыслил о побеге, когда Коронетис заходил к нему в келью. Это было бы бесчестно, ибо кем бы ни был Коронетис, какие бы мотивы им ни управляли, он вел себя как друг Йамы.

— Расскажи мне о войне, — говорил обычно Йама, когда чувствовал, что не согласен с хвалебными песнями доброму сердцу и праведным целям Департамента Туземных Проблем, которые затягивал Коронетис.

У Коронетиса был огромный запас военных рассказов. О длинных марш-бросках из одной части болот в другую; об операциях, когда врага было вовсе не видно, только отдаленные вспышки выстрелов артиллерии; о бесконечных днях, когда ничего вообще не случалось и рота Коронетиса валялась на солнце и травила байки. Война — это в основном марш-броски и ожидание, говорил он. Он принимал участие лишь в двух настоящих битвах. Одна из них была за высоту, которую раньше пришлось оставить, и длилась сто дней, а другая происходила в городе, где жители начали изменяться, и нельзя было понять, кто с кем воюет.

— Еретики как раз это и делают, — объяснял Коронетис. — Они вызывают изменение в расе, а с изменением приходит война. Война не одна, их много, ведь мы вынуждены сражаться за каждую непреображенную расу, чтобы увериться, что она не поддастся чарам еретиков, когда окажется наименее защищенной. Если бы мы все делали только то, что хотим,

то стали бы подобны животным, даже хуже, ведь животные — только животные, они не в состоянии изменить свою природу. Вот префект — да! У него более опасная работа, он вращается среди непреображенных точно так же, как агитаторы еретиков. Если хочешь знать, настоящая война идет именно там. Еретики — могучий враг именно потому, что они умеют заставить непреображенных смотреть на мир их глазами. Наш комитет предназначен для уничтожения еретиков, но он тем не менее применяет некоторые из их методов, чтобы обеспечить безопасность внутри самого Департамента.

Комитет Общественной Безопасности преобразил Департамент Туземных Проблем, создав из косного сообщества чиновников и их полуавтократичных начальников гнездо радикально настроенных деятелей, которые присвоили себе право утверждать, что сражаются за каждую душу в Слиянии. Комитет заявил, что в борьбе все равны, так что самый мелкий клерк ощущал, что его вклад так же важен, как и военные подвиги великого военачальника. Иногда Коронетис с гордо сверкающими глазами рассуждал о преимуществах организации своего Департамента, о его прекрасных достижениях, о райской жизни, которую он устроит, когда разобьет еретиков и объединит Слияние.

Йама предпочитал слушать о войне. Патрули, рассекающие просторы травяных равнин, так и не встретившие врага, бивуаки среди висячих корней громадных деревьев в девственных лесах среди бесчисленных болот, схемы наступлений и отмирающий язык жестов, которым они пользовались вблизи врага. Более чем когда-либо он стремился попасть на войну простым наемником или офицером в отряде копейщиков. Оказаться в низовьях. Затеряться на войне.

Йама допускал, что эти посещения были частью допросов, но ему было все равно. Он с нетерпением ждал, когда поздно ночью раздастся поскребывание в дверь, он отзовется и пригласит старика войти. И хотя Йама был пленником, а Коронетис его сторожил, оба они поддерживали иллюзию того, что Йама — хозяин, а Коронетис — его гость. Коронетис, прежде чем отпереть дверь, всегда дожидался приглашения, и оба никак не комментировали тот факт, что, войдя, стражник всегда запирал замок изнутри. Вежливый отказ Йамы спорить по поводу пропагандистских утверждений Коронетиса тоже был частью этих иллюзорных отношений, кроме того, Йама подозревал, что любое его слово, порочащее Департамент Туземных Проблем или Комитет Общественной Безопасности, будет использовано против него. И в те ночи, когда никто ни скребся в его дверь, Йама чувствовал себя разочарованным. Он почти свыкся с монотонным течением дней своего заключения, как вдруг все переменилось.

11. ТЫ — ЧУДОВИЩЕ

Йама возвращался в свою келью после очередного выполнения тестов. Два стражника шли чуть-чуть впереди, два — сзади. Руки его были связаны полоской пластика, а узел устроен так, что он затягивался туже, если пленник пытался его снять. Йама научился сгибать руки и давать отдых кистям на груди, словно в молитве, так чтобы они шевелились как можно меньше. Коронетис объяснил ему, что если такую повязку держать слишком долго, она может даже отрезать руки.

Коридор освещался только люминесцирующими палочками в руках охранников. Йама двигался в колпаке тусклого зеленого света, а впереди и позади него смыкалась темнота. Через каждые десять шагов им попадалась пара дверей напротив друг друга. Дверями служили плотные зернистые плиты из белого пластика. Глубоко утопленные в оплавленный скальный грунт стен, они были неразличимы, как ячейки пчелиных сот.

Йама размышлял о тестах. В последние несколько дней, когда он двигал светлячками, на него надевали металлический шлем. Сами светлячки от этого тоже менялись. Они начинали медленнее реагировать на его команды, их маленькие мозги оказывались окутаны петлями и узлами ложной логики, которые ему приходилось расплетать, чтобы они снова начинали ему повиноваться. Те, кто его исследовал, пытались нащупать пределы его возможностей, а сам Йама начинал беспокоиться, что же произойдет, когда эти пределы будут достигнуты.

Неожиданно две двери по обе стороны коридора распахнулись. Слева выскочили трое молодых людей и двое справа. Закинув на плечи дубинки, они дико орали. Предводитель метнул наточенную звезду на короткой цепи. Йама нырнул и толкнул нападавшего в плечо. Тот отлетел к стене, а Йама ударом головы разбил ему нос. Тут кто-то дернул Йаму за ногу. Стараясь удержаться на ногах. Йама взмахнул руками, и змея на его запястьях затянулась туже. Он затылком стукнулся об пол. Двое из атаковавших стали избивать Йаму ногами, а остальные дрались с охраной.

Йама пригнул голову к груди и сжался, как мог. Тут не было машин, чтобы защитить его от убийц. У бандитов, как и у стражников, не было светлячков, но его спасла их собственная нерасторопность. Чтобы основательно поработать дубинками, было слишком мало места, ноги в обуви с мягкой подошвой скорее наносили царапины, а не ломали кости. Тут на Йаму повалился кто-то тяжелый, и это спасло его от самых страшных ударов, а потом стражник выстрелил из пистолета, и нападавшие кинулись наутек.

Двое охранников подняли Йаму на ноги. Оказалось, что на него упал Коронетис. Рубашка на старике порвалась

и намокла от крови. Один из охранников стал возле него на колени, а двое других потащили Йаму прочь. Путы на запястьях змеей впивались в тело, кисти совсем онемели.

Стражники не пожелали отвечать на его вопросы. Они сняли с него пластиковую петлю и оставили одного в келье. Йама стал массировать кисти. Пальцы у него потеряли чувствительность, побелели и распухли, став вдвое толще. Когда кровь снова побежала по жилам, жгучая боль пронзила руки, Йама счел это добрым знаком. Грудь ныла при каждом вдохе, но не сильно, и Йама решил, что ребра остались целы. Он прикусил язык, а на голове обнаружилось несколько ссадин. Рубашка настолько пропиталась кровью, что липла к коже. Йама ее стянул и пробежал пальцами по бокам и спине: несколько царапин и все, серьезных ран не было. Тогда он догадался, что это кровь Коронетиса.

Он сполоснул рот и начал мыться, но тут явились два стражника. Они все еще не отвечали ни на какие вопросы, а снова пристроили петлю на его руки и вывели из кельи. В коридоре, как всегда, было пусто. Его провели через большой зал, тесно уставленный множеством столов. Зал выглядел так, словно он опустел лишь несколько мгновений назад: перья брошены на середине предложений, на табличках мерцают ряды иероглифов, кругом стоят чашки с недопитым чаем. В дальнем конце помещения ждали еще стражники. На голову Йамы накинули капюшон, и вынужденная прогулка возобновилась. В какой-то момент его вывели наружу — тело окутал холодный воздух, — а вскоре с него сняли капюшон и петлю с рук. Обернувшись, он успел увидеть, как захлопнулась дверь. Все это случилось меньше чем через час после нападения.

Комната была раза в четыре больше его кельи, а казалась еще просторнее — мебели, кроме узкой кровати, не было никакой. Оплавленная скальная порода стен блестела как стекло, утрамбованная земля служила полом. Комната имела яйцеобразную форму, а в узком ее конце располагался застекленный иллюминатор, через который потоком врывался солнечный свет.

Он обнаружил кран, оттуда едва сочилась ржавая ледяная вода, снял брюки и, как сумел, смыл со своего израненного тела кровь Коронетиса. На зачехленном полосатом матрасе лежало серое одеяло, Йама накинул его на плечи, встал на колени у окна и долго смотрел на синее небо. Прижав исцарапанное лицо к холодному стеклу, он мог увидеть кусочек крутого горного склона, усеянного мешаниной черных скал. Чахлые деревья цеплялись корнями за камни, протягивая ветки в одну сторону. В округлость окна бился ветер, временами туда-сюда проносились птицы, ныряя и поднимаясь в воздушных потоках над хребтом каменистой осыпи.

Йама обломал ногти, пытаясь открыть стекло, но оно было глубоко утоплено в гладкой поверхности скалы. Оно не разбилось и не треснуло, даже когда он стал бить в него ногой — в результате только оцарапал пятку. Он начал подкапывать плотно утрамбованную землю у нижнего оконного отверстия, когда дверь распахнулась и в комнату вошел врач в сопровождении двух стражников. Хирург проверил конечности Йамы, осмотрел рот, посветил ему в глаза и ушел, не проронив ни слова. Незнакомый стражник внес ведро и бросил залитую кровью рубашку Йамы на постель, следом явился префект Корин.

Когда стражники заперли дверь снаружи, префект Корин сел на край кровати. Йама остался стоять у окна. Его очень смущало, что под тонким одеялом на нем ничего нет, он совсем голый.

— Как дела у Коронетиса? — спросил он.

— Он мертв. Так же, как нападавшие.

— Значит, в вашем Департаменте нет единого мнения обо мне. Это успокаивает.

— Это был не заговор. Они просто хотели отомстить за то, что ты ослепил их товарищей. Ты не пытался защищаться, почему?

— Мне кажется, одному я сломал нос.

— Ты знаешь, о чем я говорю, мальчик.

— Я твой пленник, а не твой слуга. Я не обязан объяснять свои поступки.

— Ты — пленник Департамента. Я нахожусь здесь, потому что именно я доставил тебя в Из. Я все еще несу за тебя ответственность. Ты мне не веришь, но в глубине души я стремлюсь защитить твои интересы.

Йама улыбнулся. Это причинило ему боль.

— Значит, ты вынужден терпеть наши разговоры, как наказание?

— Это мой долг, — ответил префект Корин. — Точно так же, как задание привезти тебя в Из.

— Это тебе не удалось, как не удалось схватить меня хитростью. В конце концов, пришлось применять силу. Вероятно, ты исполняешь свой долг не очень хорошо.

Префект Корин улыбался редко, но сейчас он улыбнулся. Лишь на мгновение, так что его замороженный взгляд не стал ни на йоту теплее.

— Однажды я тебя потерял, — сказал он, — но все равно ты здесь. Если бы я был суеверен, то сказал бы, что это судьба и что наши жизни кем-то связаны. Но я не суеверен, и они не связаны. Я выполняю свой долг. У тебя тоже есть долг, Йамаманама. Ты знаешь, в чем он, но сопротивляешься. Не могу понять, почему ты такой неблагодарный. Твой приемный отец — один из столпов Департамента, то есть в каком-то смысле тебя воспитал Департамент. Он дал тебе образование и выучку, а ты не

желаешь признать своих обязательств. Ты полагаешь, что твоя воля сильнее коллективной воли Департамента. Поверь, ты ошибаешься.

— Я не знаю, что тебе от меня надо. — Молчание. Йама поправился: — Что надо Департаменту.

Префект Корин задумался. Наконец он произнес:

— Тогда ты здесь останешься надолго. И твои друзья тоже. Дело не в том, что ты знаешь, а в том, что умеешь.

— Мне жаль, что Коронетис убит. Он этого не заслужил.

— Те, кто на тебя напал, тоже не заслужили. Они были еще совсем мальчишки, и при этом мальчишки глупые, однако хитрые. Их единственная ошибка в том, что верности друзьям в них было больше, чем верности Департаменту.

Йама спросил:

— Ты хотел, чтобы они меня убили?

— Ты — чудовище, мальчик. Ты этого сам не знаешь, но ты — чудовище. У тебя больше могущества, чем следует иметь отдельному человеку, и ты пользуешься им без всякой цели. Ты даже толком не знаешь, как его правильно применять. Ты отказываешься служить, и единственная причина этого — гордость. Ты мог бы помочь выиграть войну, в этом единственная причина, почему тебя оставили в живых. Многие сочли, что ты должен умереть, я с этим не согласился, и вот ты пока жив, но я не смогу тебя вечно защищать. Особенно если ты будешь продолжать сопротивление.

— Но я, как мог, старался выполнить все тесты.

— Речь не о тестах. Речь о лояльности.

— Я не буду слепо служить, — заявил Йама. — Если я пришел в мир с таким даром, то, видимо, с некоей целью. Ее я и хочу понять. Для этого я и пришел в Из.

— Ты должен следовать примеру своего брата. Он служил. И служил хорошо.

— Я бы тотчас отправился на войну, но ведь вы мне не позволите. Так что не говори, пожалуйста, о храбрости Тельмона.

Префект Корин облокотился на колени и вперил взгляд в лицо Йамы. Его карие глаза смотрели твердо и непреклонно.

— Ты еще молод, — проговорил он. — Слишком молод для того, чем владеешь.

— Я не буду слепо служить, — повторил Йама. — Я долго думал об этом. Если в Департаменте есть люди, которые хотят, чтобы я им помог, они должны поговорить со мной. Или убей меня сразу, тогда ты по крайней мере будешь точно знать, что я никогда не буду сражаться против вас.

— В этом ты весь, — сказал префект Корин. — Твоему приемному отцу тоже многое не нравилось, но он служил.

— Да, да. Коронетис тоже говорил что-то похожее.

— Но ты служить не желаешь. Хочешь быть независимым. У тебя чудовищное тщеславие, парень. — Префект Корин встал и бросил что-то на кровать. — Вот твой том Пуран. Читай внимательнее и подумай над своим положением.

Как только Йама убедился, что он остался в одиночестве, он снова кинулся к круглому окну и стал выскребать землю у его основания. Он оторвал от кровати тонкую щепку и, поливая это место водой из крана, стал размягчать плотно утрамбованную землю. Небо уже совсем потемнело, когда он углубился на ладонь и обнаружил место, где стекло без всякого шва смыкалось с расплавленной скалой. Возможно, окно было местом, где скалу сделали прозрачной, тем не менее, кроме двери, другого пути из кельи не было.

Он начал расширять вырытое отверстие, за раз выцарапывая лишь несколько крупиц слежавшегося грунта, и тут щепка наткнулась на какой-то спрятанный в земле предмет. Кровоточащими пальцами он пытался его ощупать и вскоре нашел твердый изогнутый край, аккуратно его обкопал и довольно быстро вытащил находку наружу.

Это был керамический диск, древняя монета, точно такая же, какую ему подарил отшельник. Но на раскопках вокруг гробниц Города Мертвых, которыми увлекался эдил, находили тысячи подобных монет, и не было никакой причины считать, что эта чем-то от них отличается.

Йама покопал еще немного, но так и не смог обнаружить никакой слабины в креплении рамы иллюминатора. Он засыпал проделанное отверстие и в наступающей темноте присел к окну и стал наблюдать, как удлиняются тени склоненных деревьев, изламываясь на каменистом крошеве склона. Незаметно он заснул, а проснувшись, увидел прямо за стеклом целое созвездие огоньков. Это светлячки покинули диких обитателей скал и прилетели сюда. За мерцающим облаком светлячков в черном бархатном небе горела маленькая красная спираль Ока Хранителей.

Вдруг Йаму будто кольнуло: ему на глаза попалась монета, мягко светившаяся на грязном полу. Подняв ее, он почувствовал, что она стала теплой и прозрачной, а в толще диска переливаются тонкие изогнутые волокна искр холодного синего света.

Где-то рядом был действующий оракул. Он внезапно сумел это ощутить с той абсолютной уверенностью, с которой некогда почувствовал связь со смертоносной машиной. Он осознал, что способен активизировать оракул даже на этом расстоянии, и в голове его зародился план спасения, страшно рискованный, но все же ничуть не хуже, чем идея вылезти через окно на самой вершине крутого, отполированного временем склона горы. И прежде чем усомниться, обдумав все детали, он пожелал его осуществления.

* * *

Штаны еще не высохли, но Йама все равно их натянул, сунув за пояс щепку. Потом он накинул на плечи одеяло и сел у окна в тусклом красном свете Ока Хранителей ждать событий. По временам он подносил к глазам керамическую монету, но скользящий рисунок мерцающих линий и искр ничего не говорил его разуму.

Может быть, оракул все-таки мертв... но нет, через секунду он понял это так же ясно, как если бы яркий луч света ударил ему в глаза. Он поднялся и стал мерить шагами комнату. В душе росло звенящее напряжение. Наконец он услышал крики и выстрелы. Звуки борьбы слышались несколько минут, потом раздался треск энергопистолетного разряда, и сквозь дверную щель в камеру стали просачиваться струйки белого дыма.

Йама шагнул к двери, в тот же миг она распахнулась и в густых клубах дыма в комнату влетел стражник. Туника его была разорвана, правая сторона лица обожжена, а волосы превратились в почерневшую горку пепла.

— Иди за мной! — завопил стражник, — немедленно!

Йама расправил плечи и плотнее обмотался одеялом. Стражник метнул в него свирепый взгляд и поднял ружье:

— Двигай.

На миг Йаме почудилось, что охранник сошел с ума и хочет убить его прямо на месте, но тут охранник оглянулся и вскрикнул. Оттолкнув Йаму, он пролетел в комнату и вдавился в круглый иллюминатор, прижав к груди ружье и с ужасом глядя на дверь. Йама решительно обернулся, чувствуя, как легко и быстро колотится сердце. Проем заполнился синим светом, и тут же, без всякого перехода, внутри кельи оказался пес преисподней.

Сейчас он представлял собой колонну синего пламени, которая непонятным образом пронзала пределы пола и потолка. От него шел непрерывный свистящий треск: это его энергия пожирала прикасающийся к нему воздух. Его жар опалял Йаме кожу. Нестерпимый блеск заставлял щуриться. Йаме пришлось собрать в кулак всю свою волю, чтобы остаться на месте, подняв в руке керамический диск, и произнести:

— Я не знаю, встречались мы раньше или нет, может быть, ты просто брат-близнец того, которого я вызывал раньше, однако в любом случае я извиняюсь за свое поведение. Я убегал от тебя, потому что не знал, какую силу я вызвал, и потому так боялся. Но теперь я высвободил тебя сознательно и прошу о помощи.

Он не успел заметить, как сдвинулся пес преисподней, в лицо ему полыхнуло жаром, и стало спокойно и тихо. Стражник кричал. Когда Йама к нему обернулся, тот упал на колени и закрыл руками лицо. Рукава его туники начали тлеть. Йама понял, что произошло, и отвернулся, не желая видеть гибель этого человека.

Йама ожидал, что пес преисподней расчистит ему путь для бегства, а вместо этого он, словно оболочкой, охватил Йаму своим полем.

Теперь Йама был центром голубого сияния, освещавшего все, на что падал его взгляд. Он больше не чувствовал жар, исходящий от пса преисподней. Жар являлся свойством лишь самой внешней оболочки этого существа. Сейчас Йама был охвачен каким-то бесшабашным воодушевлением. Ни раны, ни сломанные ребра больше не давали о себе знать, чувствовалось только покалывание: это дыбом встал каждый волосок.

Из кельи вел короткий проход. Стражники в панике толпились у двери в дальнем конце, но один все же остановился и несколько раз выстрелил, потом тоже бросился наутек. Его одежда и волосы уже дымились. Следом за стражниками Йама вышел на широкую площадь. С трех сторон ее ограждали черные отвесные скалы, с четвертой виднелось одно темнеющее небо...

Кругом бегали или стояли группы людей. Все стреляли. Попадая во внешние оболочки сияния, которое коконом окружало Йаму, пули застревали и медленно погружались вглубь, ярко вспыхивая, перед тем как испариться. Какой-то офицер выстрелил из пистолета, но разряд лишь на мгновение закрыл Йаме обзор.

Йама не напал на стражников, даже взгляда на них не бросил, он прямиком прорывался к краю площади. Ограждение, плавясь, засверкало красным, желтым и, наконец, белым светом. Прямо под ним находился отвесный склон черной скалы, которую Йама видел из окна своей кельи. На секунду белый свет снова занял все поле зрения — тот офицер с пистолетом, конечно, дурак, но человек он смелый. Йама даже не оглянулся, он спокойно шагнул в пустоту.

Он поплыл вниз, как мыльный пузырь, и приземлился у мертвой сосны, которая тотчас вспыхнула, желтое пламя, треща, побежало по засохшим ветвям. Все вокруг заполнилось свистом и грохотом. Летели отскочившие камешки. Дрожала листва на попавших в зону обстрела деревьях. Йама понял, что стражники продолжают в него палить. Он снова подошел к краю обрыва и снова шагнул в пустоту.

На сей раз падение затянулось. Гравитационные поля действовали на пса преисподней, но он мог управлять ими, потому опускался с постоянной скоростью. Йама видел, как под ним расстилается длинный-длинный спуск, изгибаясь с обеих сторон. Его усеивали огни бесконечных храмов, святилищ и помещений тех департаментов, которые проиграли битву за территорию внутри Дворца и теперь были вынуждены ютиться на крыше. Он отдал приказ псу преисподней и тот повернул, заскользив в сторону.

Туннель со стеклянными сводами, связывающий веселые дома с Департаментом Туземных Проблем, уже починили, закрыв отверстие деревянной панелью, которая вспыхнула и

развалилась от одного прикосновения. Йама шагнул внутрь, пошел среди отражений синего пламени и оказался под сводчатой крышей.

Трое стражников кинулись к воротам на противоположной стороне. Их командир вытащил пистолет, дважды выстрелил и замер в удивлении, увидев, что энергетический луч не причиняет вреда. Воздух наполнился удушливой гарью и взвесью сконденсировавшихся скальных частиц, которые испарились от пистолетного выстрела. Взор Йамы пронзил мутное облако и впился в лицо офицера, поднявшего руки, чтобы защитить глаза.

— Позови своих начальников, — потребовал Йама. — Я желаю говорить с ними.

Офицер развернулся и побежал в ворота. Йама двинулся следом. В сердце его не было страха. Ему казалось, что он может бесконечно нестись по паутине коридоров и залов, и его душил смех, когда он видел, как в него стреляют. Пули впивались во внешнюю оболочку пса преисподней, превращаясь в расплавленные звездочки, вспыхивали и умирали.

Йама вступил в огромную трапезную палату. Сотни людей, опрокидывая столы, кинулись врассыпную. Над ними кружилось облако потерявших ориентацию светлячков. Когда Йама шел мимо, столы и стулья начинали дымиться. Он закричал, требуя, чтобы вышли начальники, но ответа не было, вместо этого с галереи над входом на него обрушился шквал ружейной пальбы. В центре зала над высоким помостом висели ветхие знамена и боевые штандарты. Йама вперил в них взор и не отводил, пока они не вспыхнули, затем легко вскочил на помост и закричал, что желает видеть начальников, иначе он все здесь спалит.

Тут группа людей бросилась к Йаме, таща за собой длинный шланг. Они стали поливать его водой, но она превращалась в пар, едва коснувшись синего кокона, и пожарные удалились, прикрывая ошпаренные руки и лицо. Появился офицер на летающем диске и выстелил из энергопистолета. Голубое пламя пса преисподней стало белым. Пламя охватило стулья с высокими спинками и длинные столы с отделкой из слоновой кости и черепаховыми инкрустациями. Раскаленные камни помоста жгли Йаме ноги сквозь тонкие подошвы ботинок. Он спрыгнул на пол, не сводя глаз с офицера до тех пор, пока на том не загорелась одежда, затем вышел через ближайшую дверь.

Движение Йамы к сердцу Департамента Туземных Проблем превратилось в сплошную мешанину криков, воплей, пламени, дыма и ружейного огня. Бешеный гнев наполнил его душу, глаза застилало марево из черных и красных точек. Он мог бы убить десятки, а то и сотни людей. Он и сам не знал, что с ним. Гнев захлестнул его, и он отдался этой неудержимой волне.

Когда в голове прояснилось, Йама обнаружил, что стоит внутри огромной круглой колонны, взлетающей вверх на сотню этажей. Храм в Эолисе — самое высокое здание, которое видел Йама до того, как попал в Из, легко бы в ней уместился.

Многоэтажные ярусы балконов облепили теряющиеся в высоте стены, бесконечное пространство пола было уставлено письменными столами. На стеллажах, полках, в кучах на полу горели книги. Клочья горящей бумаги летали в темноте, словно искры над дымоходом. Вооруженные винтовками солдаты, с ног до головы одетые в черное, стояли по всему периметру башни у каждой двери и вели непрерывную стрельбу, так что пол вокруг Йамы вскоре покрылся каплями расплавленного металла. По воздуху, медленно вращаясь, к нему двигалась машина. Ее мозг был защищен сложными петлями само-поглощающей логики. В гневе Йама кинулся напрямик, разрубив искусную защиту, и машина внезапно рванулась ввысь. Ее смертоносный груз взорвался белой ослепительной вспышкой и огненным факелом на самом верху башни в полулиге от земли.

— Я знаю, ты здесь, префект, — закричал Йама. — Покажись.

В воздухе раздались раскаты голоса, приказывающего Йаме сдаться. Это был тот же самый ровный, безличный голос, который каждый день сопровождал Йаму и руководил тестами. В ответ Йама рассмеялся, а затем, поддавшись искушению, потушил огоньки всех светлячков, так что огромное пространство оказалось освещено синим мерцанием пса преисподней, вспышками выстрелов и множеством мелких пожаров, начавшихся от бесчисленных выстрелов и огненосного взгляда Йамы. Дым затянул все помещение. Йама ощутил стеснение в груди и жженый вкус во рту. Воздух стал совсем непригоден для дыхания. Он понял, что скоро придется уйти, а для этого придется убить солдат.

Однако он все еще ощущал веселую злость и огонь в крови, собственная сила казалась ему безграничной. Он не считал, что попал в ловушку, и снова закричал, вызывая правителей этого заведения. Будто в ответ, пол накренился, Йама споткнулся и почти упал. Откуда-то сверху посыпались черепки кровли, засыпая столы. На мгновение Йама оказался под дождем из горящих обломков.

Солдаты были поражены не меньше самого Йамы. Они как раз проводили перегруппировку, когда из высоких дверей под длинной галереей появился клин свежего подкрепления. Солдаты расступились, и из центра выступил величественный старик. Он был довольно строен, а платье его не отличалось от одежды обычного клерка. Тем не менее стоило ему сделать рассеянный жест, как солдаты вытолкнули из своих рядов трех человек.

Тамора прикрыла глаза рукой и крикнула:

— Йама! Это ты внутри этого света?

— Он пришел нас освободить, — сказал Пандарас.

Йама сдерживался, чтобы не броситься к ним на шею. Вперед вышел старик, мягко, как кот, ступая между горячих обломков и горящих книг. Когда пол дрогнул, подняв в воздух тучи пыли, он остановился. Потом снова пошел и стал в пятидесяти шагах от полыхающего столба энергий пса преисподней. Глаза старика были защищены полоской ткани, черной, как смоль, на фоне ослепительно белой кожи.

— Не думал, что мне доведется увидеть такую штуку еще раз, — спокойно сказал старик. — Йамаманама, меня зовут Эсканес. Я здесь, чтобы узнать, зачем ты все это делаешь?

— Я догадался, — сказал Йама, — что это — всего лишь машина. Следует поблагодарить вас, вы помогли мне сосредоточиться на том, что мне следует делать.

— Это синтезатор поля, — объяснил Эсканес. — Ну и еще кое-что. А горит он синим цветом, потому что отраженный от него свет смещается в диапазон более высоких энергий. Горячий же он потому, что высвобождает энергию из почвы и воздуха вокруг себя. Должен тебя предупредить, что мы полностью понимаем механизм его действия.

— Так и есть. Только я умею им управлять, а вы — нет. Одним взглядом я могу все здесь разрушить.

— А раз мы понимаем, — спокойно продолжал Эсканес, — то умеем этим вещам противодействовать. Не думай, что ты неуязвим. Не следовало тебе, сын мой, приводить сюда эту штуку. Могут пострадать архивы Департамента.

— Если вы не отпустите моих друзей, я их полностью уничтожу.

— Я уполномочен, Йамаманама, говорить от имени Департамента. Слушай, что он имеет тебе сказать. Мы отпустим трех твоих друзей. Ты останешься.

— Вы отпустите их и отпустите меня.

— Не думаю, — мягко возразил Эсканес. — Думай быстрее, одно мое слово — и они умрут.

— Тогда вам нечем будет меня держать.

Пол снова колыхнулся, Йама подогнул ноги, словно на корабле. Эсканес ухватился рукой за край обгоревшей конторки, пережидая тряску. Один из баллонов сорвался, пролетел двадцать этажей и рухнул в книжные стеллажи в дальней стороне башни.

Йама спросил:

— Кто-то вас атакует? Это что, война?

— Наши враги полагают, что мы ослаблены изнутри, — с мрачной решимостью проговорил Эсканес. — Но мы докажем, что они ошибаются. Это тривиальная проблема, она не из тех, что должны тебя занимать. Сейчас важно другое — твой ответ.

— Отпустите моих друзей.

— А ты останешься?

— Нет. Ты сам пойдешь со мной.

Йама прыгнул, пес преисподней на миг ослабил свой периметр, Эсканес вскинул руки вверх, но было поздно, он уже очутился внутри кокона. Йама схватил его, повернул спиной и прижал к его горлу заостренную щепку. Эсканес стал вырываться, но Йама крепко его держал.

— Прикажи своим людям отпустить моих друзей.

— Они не станут мне подчиняться. Я — только голос Департамента. Мы — единое существо. Не будь дураком или твои друзья умрут.

— Твоя туника из шелка, а не из искусственного хлопка. Подозреваю, что ваши догмы требуют, чтобы ты выглядел, как все остальные. Но сам ты ставишь себя намного выше.

— Мы все едины, все — как один.

— Однако некоторые ценят себя больше, чем других.

Эсканес попытался повернуть голову, но Йама вдавил щепку поглубже в дряхлую шею старика и подтолкнул его вперед. Солдаты подняли ружья, но офицер пролаял приказ и стволы опустились.

— Если мои друзья выйдут отсюда вместе со мной, — сказал старику Йама, — тебе будет дарована жизнь. Обещаю, что не причиню больше ущерба вашему имуществу. У вас будут развязаны руки для защиты от врагов. Но если с моими друзьями что-нибудь произойдет, я присоединюсь к вашим врагам и буду воевать против вас.

— Воюй вместе с нами, Йамаманама! Ты можешь стать самым могущественным военачальником нашей армии.

— Если бы вы могли, вы бы сделали это предложение раньше, а теперь повтори своим людям то, что я приказал.

Найти обратный путь к воротам оказалось нетрудно: пес преисподней оставил следы из обгоревших дверей и разбитых плиток на полу. Йама пустил Тамору, Пандараса и Элифаса впереди себя. Старый Эсканес не сопротивлялся, но продолжал убеждать Йаму отдаться на милость Департамента, положившись на его благородство, пока Йама не потерял терпение и не закрыл ему рот ладонью.

Остановившись у ворот, он приказал остальным идти дальше:

— Пока я здесь стою, никто не сможет пройти мимо меня. Элифас, ты знаешь безопасное место. Отведи всех туда.

Старик удивленно поднял глаза, Тамора его встряхнула и что-то зашипела ему в ухо. Йама снова обратился к Элифасу, тот моргнул и забормотал:

— Значит, он тебя все-таки поймал, брат. — В глазах его мерцал голубой свет.

— Нет, Элифас, это я его поймал. Теперь я понимаю, в чем дело. Ты помнишь место, куда приводил нас Магон?

— Помню.

Тут вмешался Пандарас:

— Он не в себе, господин. Ему досталось больше, чем мне. Я не знаю ничего важного, вот они и не приставали ко мне, просто расспрашивали, а ты ведь знаешь, как я люблю поболтать. Я рассказал им массу историй.

На мальчишке была белая рубашка и черные брюки, как на мелком чиновнике. Йама заметил:

— Ты хорошо адаптировался к их жизни.

— Убивай их всех, — бросила Тамора. Ей обрили голову, а лицо представляло собою сеть свежих ссадин, переплетающихся со старыми.

— Мы поговорим позже, Тамора. Надо идти.

Старый Эсканес вдруг заявил:

— Она права. Тебе следует всех нас убить, иначе мы будем преследовать тебя до самых низовий и дальше.

— Я вам не враг.

— Любой, кто нам не служит, наш враг.

— По мере сил я служу Хранителям, а не вашему Департаменту.

— Так говорит каждый, кого переполняет гордыня. Такой человек верит, что, потакая своим желаниям, он служит высшим силам, но вместо этого он становится рабом собственных низких инстинктов. Ты полагаешь, тебе известна воля Хранителей? Значит, ты не просто дурак, юноша, а нечто похуже. Мы — десница Хранителей. Мы сражаемся с их врагами в срединной точке мира.

— Я не знаю, зачем я родился в это время и в этом месте. Но не для того, чтобы служить вашей неуемной жажде власти.

Тамора, Пандарас и Элифас исчезли в туннеле в дальнем конце площади. Йама приказал Эсканесу закрыть глаза и толкнул его в сторону ворот. Кокон пса преисподней, сжавшись, нагрелся сильнее и одежда на Эсканесе стала тлеть.

В тот же миг солдаты метнулись вперед. Йама перебежал площадь, проник в туннель и нырнул в дыру, которую сам раньше проделал в заплате на стеклянной стене коридора.

Перед ним расстилалась ночь. Пес преисподней повернулся, нырнул вниз, и вскоре Йама уже стоял внизу, у белого фонтана посреди зеленой лужайки. Он поблагодарил пса преисподней и отпустил его, ощутив волну горячего воздуха, когда тот удалился, свернувшись в себя и поднимаясь вверх ярко-синей звездой, которая таяла на черном фоне громадной горы.

Йама остался в темноте в центре выгоревшего пятна. Он размышлял, не стоит ли вернуться в библиотеку Департамента Аптекарей и Хирургов и узнать, что выяснил старший служитель Кун Норбу о его происхождении. Или, может быть, стоит скрыться? Но Йама знал, что этого не сделает. Он спас своих трех спутников от непосредственной опасности, но они все еще оставались в пределах Дворца, а Департамент Туземных Проблем не ус-

покоится, пока снова их не поймает. Кроме того, он очень устал, его порванные связки и сломанные ребра страшно болели. Казалось, каждый вдох ему приходится делать сквозь решетку из впивающихся в легкие лезвий. Пока Йама находился в коконе пса преисподней, тот снабжал его каким-то видом энергии, который снимает боль, теперь же Йама должен был полагаться только на собственные ресурсы.

Он присел на ограждение одного из неглубоких бассейнов, стал пригоршнями пить холодную воду и плескать себе в лицо. Вскоре над его головой собралось небольшое созвездие светлячков. Йама двинулся через лужайку к лестнице, а они освещали ему дорогу.

Его мышцы совсем ослабли и стали дряблыми, как бурдюки с водой. Каждые пять минут ему приходилось останавливаться на отдых, и каждый раз ему все труднее было заставить себя подняться и продолжать путь, но страх снова попасть в плен гнал его дальше. Добравшись до тропы через бамбуковую рощу, он присел отдохнуть, тяжело дыша и чувствуя, как стекают по коже капли холодного пота. Над ним возвышался скелет древней башни, густо оплетенной плющом. Йама с трудом поднялся и двинулся по тропе.

Белые птицы светлыми призраками шарахались от него в темноте. Йама шел, цепляясь за бамбуковые стебли, но вдруг разжал руку, поскользнулся и съехал вниз, потом зацепился за низенькую ограду и сумел остановиться. Шум спугнул коз, и они кинулись врассыпную, звеня деревянными колокольчиками. Йама лег на спину и стал смотреть в черное небо на смутные пятнышки нескольких звезд и красную спираль Ока Хранителей.

Вскоре явились местные жители посмотреть, что же встревожило их скотину. Они вооружились кольями и рогатинами, ведь хорьки и хищные рыжие лисы в изобилии населяют крышу, а владыки Дворца в эту ночь не знали покоя.

Но крестьяне нашли только Йаму, который мирно спал на скошенной траве.

12. ЗЕМЛЕПАШЦЫ

— Смотри, господин, — говорил деревенский староста.

— Видишь, владыки Дворца ссорятся друг с другом.

Йама поднял голову, следуя взглядом за жестом руки говорившего. Высоко над террасами полей крохотной деревушки, из самого верхнего уступа горы, поднимался столб черного дыма.

— Прошлой ночью вся крыша дрожала, — продолжал староста, крепкий мужчина с морщинистым лицом, живы-

ми черными глазами и кожей цвета красной глины. Зачесанные назад черные волосы были заплетены в длинную косу. Он носил штопаные леггинсы и поношенную, но чистую домотканую тунику со множеством карманов.

— Тяжелые времена, — вздохнул Йама.

— Ну, не скажи, господин. Владыки Дворца, закончив войну, будут больше платить нам за продукты, ведь победителям придется кормить своих пленников.

— Они не станут отнимать пищу силой?

Староста коснулся кончиком пальца своих губ — жест, характерный для землепашцев. Он означает «нет».

— Все служат воле Хранителей. А мы их самые верные слуги.

— Однако те, кто дерется друг с другом, тоже утверждают, что служат воле Хранителей.

— Мы не задаемся вопросами о том, как Хранители устроили этот мир. Тебе уже лучше, господин?

— Немного лучше. Так хорошо полежать на солнышке.

Прошлой ночью Йаме предоставили собственный гамак старосты. Какая-то старая женщина осмотрела его, заглянула в глаза, приложив ухо к груди, послушала сердцебиение и дыхание, а потом дала ему выпить отвар из сухих листьев. Когда Йама проснулся, большинство жителей деревушки уже были в поле, но староста и его жена задержались, ухаживая за гостем. Они накормили его сушеной рыбой и сладкими рисовыми лепешками, а потом предложили домотканую рубашку прикрыть его голый торс.

Йама был очень слаб. Во время нападения в коридоре его сильно избили, множество ссадин и синяков покрывали все его тело, а управление псом преисподней требовало не меньше усилий, чем скачка на чистокровном жеребце, так что теперь он был счастлив, что может денек отлежаться в гамаке, в тени молодых листьев у прогретой солнцем стены дома, где жил староста. В полудреме он слушал рассказы старосты и смотрел, как на пыльной площади играют деревенские дети.

Племя землепашцев верило, что пришло в мир, чтобы обихаживать сады Дворца. Староста утверждал, что террасы полей выше и ниже деревни когда-то были засажены розами, лилиями, жасмином и душистыми травами.

— Первые владыки мира бродили здесь по утрам и вечерам, господин. Здесь росли сады отдельно для утра и вечера каждого дня в году. И за всеми мы ухаживали. Вот потому-то наша деревня смотрит на то место, где всходит и заходит солнце, а город остается внизу.

— Как они выглядели, ваши владыки?

Йама никогда не видел портрета сирдаров, правителей вновь сотворенного мира. Никто из сирдаров не был похоронен в Городе Мертвых и ни одна пластина с живыми картинами

никогда не показывала их даже мельком. Они никогда не являлись глазам обычных людей, но правили невидимо, осуществляя свои распоряжения посредством разветвленной системы государственных служб евнухов и иеродулов. Словно углубившись в воспоминания, староста устремил взгляд за пыльную деревенскую площадь и, поразмыслив, сказал:

— Они были малорослые, совсем как наши дети, что играют вон там. А кожа у них выглядела как отполированный металл.

Йама содрогнулся, вспомнив, что у мертвой женщины в белой лодке, на чьей груди его нашли младенцем, была серебристая кожа. Старый констебль Тау не говорил, что она была ростом с ребенка, но, с другой стороны, для его племени представители почти всех рас кажутся маленькими.

Староста продолжал:

— Словами разве объяснишь... Если бы у меня была картина, я бы с радостью ее показал, господин. Но у нас не сохранилось картин с тех времен.

— Должно быть, это было очень давно...

Староста кивнул. Он сидел, скрестив ноги, рядом с гамаком, где лежал Йама. Солнечные лучи, падая между банановыми листьями, разрисовали его морщинистое лицо забавными полосками. Он снова стал рассказывать:

— Господин, мир был тогда очень молод, но мы помним те времена. Мы не можем измениться, да и не хотим. Иначе ведь мы забудем, как все тогда было и как будет опять. Некоторые верят, что сирдаров уничтожили их преемники, другие считают, будто они достигли просветления и ушли из этого мира. После них было много правителей, но говорят, что, не считая Строителей, сирдары стоят к Хранителям ближе всех. Землепашцы верят, что их прежние господа вернутся, выйдя из тайного ядра в самом центре Дворца, подобно тому, как цветок выходит и расцветает из семени. Весь мир тогда превратится в благоухающий сад, и все расы, преображенные и непреображенные, достигнут просветления и вознесутся в Око Хранителей, а мы, землепашцы, разбредемся по всей шири мира, который мы так мечтали унаследовать.

Деревья будут ронять плоды прямо нам в руки, злаки станут произрастать на прибрежных равнинах, и не надо будет пахать, сеять. А до тех пор, — закончил староста, и улыбка превратила его красную кожу в плотную сетку мелких морщин. — До тех пор, — повторил он, — мы в поте лица своего должны трудиться в полях.

— Возможно, те времена придут очень скоро. В мире происходят большие перемены.

Йама думал о войне с еретиками, но староста о ней не знал, он вообще ничего не знал о жизни за пределами Дворца Человеческой Памяти, считая, что Йама говорит о конфликте, разгоревшемся высоко в горах.

— Может быть, — задумчиво произнес он, — наступает конец света, но не из-за того, что ссорятся владыки Дворца. Во Дворце и раньше была война. Давным-давно, но намного позже, чем наши дорогие первые хозяева перестали ходить по садам, однако сады еще оставались садами, а не превратились в поля. Один из департаментов одержал победу над остальными. Его называли Глава Всех Людей. Он правил в течение нескольких поколений, и власть его была жестокой и беспощадной, тяжким бременем она лежала на всех народах нашего мира. Но когда Департамент-Глава покорил все вокруг, у него не осталось врагов и он обратил свои силы вовнутрь. Очень скоро он стал воевать сам с собой. Тогда поднялись Иерархи и прекратили эту войну, но и они в свою очередь пали в битвах Эпохи Мятежа, ибо победа обошлась им слишком дорого. Некоторые из самых древних департаментов являются остатками того, самого крупного, хотя они давно забыли, что когда-то были частью огромного целого, в точности как хвост ящерицы забывает, что его сбросила ящерица, спасаясь от врагов, и сам вырастает в целую ящерицу, такую же как первая. Расы многое забывают, когда происходит преображение, мы измениться не можем, а потому ничего не забываем, как та, первая ящерица, которая потеряла хвост.

— Недавно я встретил еще кое-кого, кто говорил примерно то же самое.

— Наверное, кого-нибудь из зеркальных людей. Они и правда многое помнят, но они живут во Дворце меньше нашего. По происхождению они рыбари, господин. Они изменили свой образ жизни на Великой Реке, когда город стал расползаться по берегам, тогда они бросили ловить рыбу и стали ловить людей. Они многое знают, но мы — больше. Мы понимаем знамения. Мы понимаем, что означает пес преисподней. За последние десять дней его видели дважды. В первый раз он прошел по гребню горы выше деревни и исчез во Дворце, во второй раз люди видели, как он плыл по воздуху, а внутри у него был призрак.

— Я знаю.

Староста коснулся рукою лба.

— Значит, ты тоже его видел, господин. Может, ты и не помнишь, что псов преисподней раньше использовали как оружие.

— Один из людей зеркального племени так мне и сказал.

Староста снова дотронулся до лба.

— Об этом они узнали от нас, ведь они пришли во Дворец после войны с машинами.

Он имел в виду конец Эпохи Мятежа, когда Иерархи нанесли поражение смертоносным машинам и тем расам, которые поднялись против воли Хранителей и превратили полмира в пустыню.

— Мы помним, как энергия целой стаи псов преисподней уничтожила великолепные сады, — продолжал старо-

ста, — как убили жизнь в оракулах, и они перестали говорить с владыками Дворца. Теперь вот псы преисподней снова возвращаются, и один из них нес призрак или демона. Я этого, конечно, не ожидал, но если в мире творятся такие чудеса, то, может быть, близок конец света, которого мы так долго ждали.

— Это был не призрак. — решительно заявил Йама, — и уж, разумеется, не демон. Мне ли не знать, ведь это был я.

Староста кивнул:

— Как скажешь, господин. Мы считаем, что пес преисподней мог тебя ранить, и теперь ты контужен. Если тебе кажется, что ты что-то видел, не верь, это иллюзия. Только призраки или демоны из пространства внутри оракулов могут оседлать псов преисподней. Так они приходят в наш мир и не несут ничего, кроме разрушения.

— Как видишь, один из них доставил меня к вам.

Староста дотронулся пальцем до своих губ:

— Ты за ним охотился или это он охотился за тобой, хотя я всегда думал, что псы преисподней не обращают внимание на обычных людей, они кажутся им просто тенями. Значит, это ты за ним гнался, надеясь уничтожить. Мы видели, как он несется к деревне, и спрятались. Очевидно, ты нас спас или пытался спасти. Ты понятия не имел, за кем гонишься, так что нельзя сказать, что ты поступил глупо, но в любом случае это было смело. Возможно, ты метнул в него копье, его энергия отшвырнула тебя и ты покатился по склону, где мы тебя обнаружили. Потому твои мысли и путаются, и сам ты так ослабел. Но слабость и смятение пройдут. К счастью, ты, господин, молод и силен. Большинство людей от такой встречи умерло бы на месте.

— Я не сражался с ним. Я его использовал, а он использовал меня. Если хочешь, я тебе покажу...

Йама попытался сесть в гамаке, но глаза его заволокло красным. Он упал на спину и почувствовал, как сухие жесткие пальцы старосты коснулись его лба.

— Отдыхай, — произнес староста, — отдых — лучшее лекарство.

— Я летал на нем, — упрямо прошептал Йама, — действительно, летал. Это просто такая машина. Я слетел на нем с самой вершины горы. И я спас своих друзей.

Но, может быть, он произнес это про себя, потому что староста, казалось, ничего не слышал, он укрыл Йаму одеялом и ушел. Йама немного поспал, а проснувшись, увидел, что жена старосты протирает ему лоб влажной тряпкой. Он снова лежал в доме. В окно над его гамаком заглядывала ночь, но маленькую комнатку заливал свет — так как в воздухе висели сотни светлячков.

— У тебя лихорадка, — сказала старуха. — Сейчас я принесу тебе лимонный настой.

Йама стиснул край рукава ее вышитой рубахи.

— Я проник внутрь, — Йама с трудом разлепил губы, — и он нес меня по воздуху.

Старуха мягко сняла его руку со своего рукава.

— Тебе все приснилось, господин. Ты очень болен. Сильнее, чем думаешь. Потому сон тебе кажется более реальным, чем настоящая жизнь. Но я думаю, ты не умрешь. Сейчас ты выпьешь настой, а потом поспишь. Мы за тобой будем ухаживать, это для нас честь, господин.

Йама пролежал в гамаке два дня, то просыпаясь, то снова впадая в забытье. Как только он приходил в себя, он разгонял светлячков, набивавшихся в комнату, пока он спал, наконец они перестали прилетать: он исчерпал всю местную популяцию. Сумеречное бодрствование мешалось со снами, а в сны врывались гипертрофированные воспоминания о недавних событиях. Он снова шел с префектом Корином по горячим, выжженным землям, но сейчас над головой префекта почему-то висела целая корона из светлячков. И снова он стоял у парапета глубокой шахты в Храме Черного Колодца, но на этот раз из черноты поднялась не смертоносная машина, а пес преисподней. Он окутал Йаму синим коконом и вознес на вершину огромной горы, которая, как он теперь знал, была на самом деле вовсе не горой, а единым необъятным зданием, более древним, чем мир. И на высокой, продуваемой ветрами башне, где внизу с одной стороны расстилался город, а с другой несла свои воды Великая Река, тоже стоял он. Но не один. С Дирив. Со своей возлюбленной. Она прижала его к груди, раскинула сильные крылья, и они полетели вверх. Все выше и выше, пока внизу не остался весь мир.

Когда Йама наконец окончательно проснулся, чувствуя сухость во рту, страшную слабость и ноющую боль в каждой косточке, рядом была Тамора. Он был так счастлив ее видеть, что на глазах у него появились слезы.

Она ухмыльнулась и спросила:

— Значит, герой не помер. Ты такой идиот, Йама.

— Я так рад тебя видеть, Тамора.

На ней был бронзовый корсет, который он раньше не видел, юбочка из красных полосок кожи и металлический шлем на бритой, испещренной шрамами голове.

— Я думала, ты погиб, — сказала она. — Думала, что оружие, которым ты воспользовался против них, должно быть, тебя убило. Больше не изображай из себя героя, Йама. Или по крайней мере позволь мне помочь тебе. За это мне и платят.

— Я потерял свои деньги, Тамора. И нож. Правда, у меня осталась книга. Но больше ничего.

Несмотря на все приключения, ему удалось сохранить свой томик Пуран. А потом он вспомнил, что, потеряв

керамический диск, который ему подарил отшельник, он нашел ему замену. Он потянулся за ним, но Тамора перехватила его руку. И они сомкнули объятия.

Ее сильные руки, острый запах, жар ее тела.

— Ты и правда живой, — усмехнулась Тамора. — Ох, Йама, какой же ты идиот!

Они долго не размыкали объятий, но тут появился Пандарас.

Элифас отвел Тамору и Пандараса в обиталище людей-зеркал, и Луп предоставил им убежище, пока поиски сбежавших пленников не перешли на нижние уровни Дворца. Война между Департаментом Туземных Проблем и его мелкими соперниками все разгоралась, и Тамора заявила, что в подобных обстоятельствах уйти будет совсем нетрудно; она договорилась, что их доставят в низовья.

— Мне пришлось воспользоваться твоими деньгами, но и свои мне пришлось потратить.

На что Йама ответил:

— Я знаю, Тамора, мне надо покинуть город, но тебя и Пандараса придется покинуть тоже. Оставаясь со мной, вы постоянно подвергаетесь опасности.

— Ха! У тебя мозги в голове сварились. Я отправляюсь с тобой для твоего собственного блага. Полагаю, ты мог бы попробовать прогнать своего крысенка, но он все равно потащится за тобой. Он просто влюблен в тебя.

Пандарас подал голос от двери, где он занял пост, будто часовой:

— Я просто выполняю свой долг оруженосца.

Юноша смазал волосы маслом и зачесал их назад, открыв узкое лицо. На нем все еще были черные брюки и белая рубашка — форменная одежда мелких чиновников Департамента Туземных Проблем. На ременной петле с пояса свисал упрятанный в ножны кинжал с ручкой из слоновой кости.

Тамора пожала плечами:

— Еще остается старик.

— Элифас.

— Я ему не доверяю. Скажи мне, что он тебе не нужен, и я буду счастлива.

— Элифас — мой друг. Он помогал мне, даже когда я не просил. К тому же он обещал поискать в библиотеке Департамента Аптекарей и Хирургов сведения о моей расе.

Возможно, ответ уже найден, и он наконец узнает, откуда он родом. Но все равно оставалась еще тайна мертвой женщины в белой лодке. У нее была серебристая кожа, как у первых властителей мира.

— Отведите меня туда, — попросил Йама. — Отведите меня в Департамент Аптекарей и Хирургов. Тут идти всего несколько часов. Там все, что я хочу узнать. Должно быть там.

— Элифас мне все рассказал. Он уже там, а потом встретит нас около доков.

— Я хочу отправиться туда прямо сейчас.

— Думаю, ты еще очень слаб. Ты слишком долго лежал в постели. Пора вставать! Пора заняться делами. Маленькими шагами к великим целям! Навстречу большим приключениям...

Пандарас захлопал в ладоши:

— Хозяин! Мы отправляемся на войну. Я принес тебе запасную пару одежды. Не горюй, что не удалось сохранить нож и доспехи. Прикажи, и я их отыщу, пусть даже придется обыскать весь Дворец. А может, я принесу тебе энергопистолет.

— Они только для офицеров, — бросила Тамора, — а мы будем обычными наемниками.

— Моя одежда? Значит, вы возвращались...

Тамора ухмыльнулась, показав два ряда белых острых зубов.

— Еще как возвращались! Я же тебе рассказала, что потратила наши деньги. Как бы я до них добралась, по твоему мнению? У Ворот Двойной Славы торчали пятеро солдат, но я всех их убила в честном бою. — Она удовлетворенно похлопала по тяжелой сабле у себя на боку. — Тогда-то я и заполучила эту никудышную замену своему мечу. Я добыла крысенку кинжал, а тебе рапиру. В общем, я их перебила и нашла, где прячется Сайл. Мне пришлось перегнуть спину этого павлина через свое колено, только тогда он соизволил смириться. Но я получила все наши вещи и, разумеется, гонорар. Рига не хотела, чтобы он все выдал, но все же Сайл смерти боится больше, чем своей жены. Сама-то я думаю, что разница невелика, в щель между ними и ножа не просунешь. Она восседала на обычном месте Лурии. В белом траурном платье. Надеюсь, она успеет насладиться своей властью над Департаментом Прорицаний за короткий период, пока не начнется сражение и ее не убьют.

Йама заметил:

— Мне жалко Сайла. Несмотря на все, что он натворил, он в глубине души неплохой человек.

— Ха! Он пытался служить и своему Департаменту, и амбициям своей жены, а кончит тем, что потеряет и то и другое и в придачу собственную жизнь. Своими интригами он сумел спасти Департамент Прорицаний, но ненадолго. Теперь этот Департамент считается союзником Департаменту Туземных Проблем, а Туземные Проблемы сейчас заняты совсем другими делами — самозащитой, им не до Сайла.

— Он предал тебя, господин, — вмешался Пандарас. — Предателям никто не доверяет, а меньше всего те, кто его нанимает. Кто бы ни победил в этой войне, от него избавятся в первую очередь.

Военные действия охватили верхние ярусы Дворца. Департамент Туземных Проблем отбился от недругов и сумел

защитить свои границы, но ведь происходили жаркие схватки в коридорах, сквозь тело Дворца рылись проходы для мин и контрмин. Воюющие стороны пытались зайти в тыл врагам.

— Наш противник выиграл первый этап войны, — объясняла Тамора, — но в ближайшее время ему предстоят большие трудности. И даже если он победит, то будет ослаблен, так что другой Департамент или какой-то альянс Департаментов может его прикончить.

— Я не собирался его разрушать, — сказал Йама, — но этот Департамент нажил массу врагов, которые только и ждут малейшего проявления слабости. Но мы все же отправляемся воевать вместе с армией, которую он создал. Правда странно, Тамора?

— Мы будем воевать с еретиками, а они настоящие враги для всех нас. В срединной точке мира дела Департамента Туземных Проблем не имеют никакого значения. Ты сам увидишь, там не важно, кто здесь занимается армией. Пора собираться, Йама. Ты слишком разнежился. Мышцы ног у тебя размякли, ты и ходить-то не можешь, не то что сражаться. Нам придется повсюду носить тебя на руках, как гурию. Ты сейчас же начнешь тренироваться и будешь продолжать упражнения на корабле. Путь предстоит не близкий.

Йаме вспомнилась волшебная карта, которую он так часто разворачивал, сначала — чтобы помечтать о краях, где могут обитать люди его расы, а в последний год — чтобы следить по карте, как плывет на войну Тельмон, его сводный брат. Йаме хотелось отправиться следом и стать его оруженосцем, но Тельмон мертв. А теперь Йама находится у начала того самого путешествия, о котором он столько мечтал. У него собственный оруженосец. И все его приключения с тех пор, как он покинул Эолис, кажутся только прелюдией к этому самому главному, настоящему приключению.

— Перед тем как уйти, тебе нужно кое-что сделать, — сказал Пандарас.

— Зеркальное племя настаивает, — добавила Тамора, — все это — страшная глупость, однако я подумала, вдруг это поможет тебе избавиться от заблуждений, так что я отправила одного из землепашцев сообщить Лупу, где ты находишься.

Ни она, ни Пандарас больше не сказали ни слова. Все объяснения — завтра. Охваченный самыми черными подозрениями, Йама подумал, что он, пожалуй, знает, какой сюрприз его ждет, и знает, что не справится со своей задачей; кем бы он ни был, он не может стать спасителем зеркального племени.

Тамора и Пандарас помогли ему прогуляться вокруг маленькой деревенской площади, и он так устал, что и подумать не мог куда-то отправиться.

— Все равно надо уходить, — говорил он друзьям. — Я не могу сделать того, что они требуют.

— Ты все можешь, хозяин! — восторженно заявил Пандарас. — Просто тебе надо отдохнуть.

— Не слушай его, — сердито пробурчала Тамора. — За кого бы тебя ни принимали эти сволочи наверху, на войну ты отправляешься простым наемником. Именно это ты и есть. Сам увидишь.

Йама рассмеялся:

— Ну, Тамора! Ты не веришь в то, что нельзя потрогать, понюхать, попробовать на язык.

— Разумеется. В чудеса верят только дураки.

— Одно ясно, мои враги считают меня чем-то большим, чем я есть на самом деле.

И Луп тоже. Он ждет от Йамы чуда.

— Ты более велик, чем они могут себе вообразить, господин, — вскричал Пандарас и коснулся пальцами горла — жест, известный множеству простых обитателей Иза. Его используют как приветствие, иногда как благословение.

13. ЧУДО

На следующее утро вся деревня занималась подготовкой к празднику. На грязной площади в центре деревни размотали рулоны красных дорожек и усыпали их цветами. Мужчины и женщины принялись готовить сотню различных блюд над ямами с раскаленным добела древесным углем. Их дети складывали пирамиды дынь, словно черепа поверженных врагов, и строили целые бастионы из плодов хлебного дерева и мелких черных и красных бананов.

— Мы хотим оказать честь нашим друзьям — зеркальному племени, — объяснил Йаме староста. — И мы будем чествовать тебя, храбрый молодой господин, ведь ты друг наших друзей и ты спас нашу деревню от пса преисподней.

Староста, как и все жители деревни, украсил себя венком из свежесрезанных белых цветов. С комической торжественностью он надел такие же ожерелья на Йаму, Тамору и Пандараса, а потом поцеловал каждого в лоб. Йама все еще ощущал слабость, но, несмотря на собственный страх, все же смирился с предстоящим ему испытанием. Ведь помимо всего прочего, обитатели этой деревни спасли ему жизнь и считали его героем. А кому же не нравится чувствовать себя героем хотя бы на один день.

В результате он выбросил из головы все мысли о бегстве и, пока крестьяне сновали туда-сюда по делам, сидел на солнышке, а Пандарас, как верный пес, примостился у его ног. Он пытался убедить Йаму надеть рубашку понарядней, но Йама

предпочел остаться в домотканой тунике, в которую его одел староста. Тамора, скрестив ноги, тоже сидела рядом. Свою новую саблю она положила себе на колени. Полируя лезвие точильным камнем, она жаловалась на Элифаса.

— Он наверняка убежал с деньгами, которые я ему дала, — говорила она. — Или отправился прямиком к нашим врагам. Дура я была, что ему доверилась.

— Если бы он хотел меня предать, то уже бы давно это сделал, а кроме того, он не знает, где я нахожусь.

— Да. Он ушел раньше, чем мы начали тебя искать, — признала Тамора. — Но он мог вернуться и проследить за нами.

— И ты бы не заметила плетущегося за вами старика?

— Да, действительно. Но ведь эти землепашцы рассказали про тебя зеркальным людям, а те могли сказать Элифасу. Не доверяю я ему, Йама.

Пандарас очнулся от своих мыслей и сказал:

— Когда мы сидели на балконе во время церемонии прорицаний, Элифас мне рассказывал, как в молодости он охотился за старыми книгами. Мне кажется, Йама вновь разбудил в нем жажду приключений.

— Ты, Тамора, вообще никогда и ничему не веришь, — сказал Йама. — Элифас очень мне помог в библиотеке и не бросил меня, когда за нами гнался пес преисподней.

Когда солнце добралось до высшей точки своей ежедневной небесной дороги, в деревню прибыли зеркальные люди. Они поднимались по лестнице вдоль расположенных террасами рисовых чеков. Мужчины и женщины размахивали красно-золотыми флагами, били в бубны и барабаны, хрипло трубили в изогнутые трубы, которые, как золотистые змеи, обвивали плечи музыкантов. Там были фокусники, выдыхавшие целые снопы красного и синего пламени, мальчики и девочки, идущие на руках или на ходулях, жонглеры и акробаты. Посреди этого пестрого представления шествовал Луп в изумрудно-зеленом камзоле с длинным шлейфом, который несли две ослепительно прекрасные девушки. Спутанная грива его волос была разукрашена стеклянными бусами и яркими лентами. Руки Лупа с длинными, скрутившимися в спирали ногтями покоились на обнаженных плечах еще двух девушек, которые осторожно направляли его к центру деревни, где ожидал староста, одетый все в те же заштопанные леггинсы, домотканую тунику и... чувство собственного достоинства.

После того как эти двое церемонно расцеловались, Луп повернулся в сторону, где сидели Йама, Тамора и Пандарас.

— Счастлив снова встретить тебя, господин, — сказал он, нашаривая руками руки Йамы. — Я рад, что ты к нам вернулся, но я всегда знал, что так и будет.

Йама стал благодарить старика за помощь его друзьям, но тот приложил пальцы к его губам. Лицо его было сильно набелено, над бельмами глаз — дуги намалеванных черных бровей. На губах — густая пурпурная краска.

— То, что ты для нас сделаешь, нельзя оплатить сполна, — торжественно произнес он. — Но не будем об этом сейчас говорить. Наши братья приготовили питье и угощение, а мы должны танцевать, чтобы воздать должное их гостеприимству.

Праздник длился весь остаток дня. Когда солнце спряталось за седловину горного склона, над деревней на высоких шестах зажглись факелы, их ароматный дым разлился по площади, а резкий пляшущий свет метался по лицам людей. Дети подавали непрерывную череду блюд, землепашцы и зеркальные люди ели с завидным аппетитом. Пандарас заснул прямо на месте, уткнувшись носом в скрюченные колени. Тамора весь вечер пила сладкое желтое вино и вскоре опьянела не меньше других.

Йама сидел на почетном месте, между Лупом и старостой. Эдил научил его искусству показывать, что он ест и пьет очень много, а на самом деле глотать совсем мало, но даже то небольшое количество вина, которое он выпил, ударило Йаме в голову, и временами ему чудилось, будто он все еще пребывает в своих болезненных снах, где наряженные людьми животные лают, воют и веселятся на фоне черного неба.

Когда стемнело, наверху, вокруг одного из самых высоких утесов Дворца, стали видны вспышки выстрелов. В какой-то момент по земле прошел низкий гул, он волной прокатился под площадью, полной веселых людей: землепашцев и зеркального племени; все засмеялись и стали хлопать в ладоши, будто кто-то специально выкинул фокус, чтобы их позабавить. Йама спросил Лупа, не беспокоит ли того война между Департаментами, но Луп улыбнулся и лишь заметил, что так приятно вновь оказаться на свежем воздухе.

— Давно не чувствовал солнечного тепла на своей коже, господин.

— Нам нет дела до войны, — вмешался староста. — У нас нет тех амбиций, что одолевают преображенных. Не дешево они им обходятся! А когда война кончится, все вновь встанет на свои места. Никто не в состоянии изменить порядок вещей, ведь его установили Хранители в начале времен.

Он поднял кубок вина и залпом выпил, крестьяне вокруг него тоже пили.

Луп высасывал мозг из куриной косточки, потом раскусил ее надвое, кинул в рот, разжевал, проглотил и сказал:

— В самом конце времен все преображенные воскреснут после смерти милостью и промыслом Хранителей. Правда, господин?

Вот оно, началось! Йама ответил как можно тверже:

— Так говорится в Пуранах.

— Все люди, — продолжал староста. — Однако не все, кто рождается и умирает в Слиянии, являются людьми. Преображенные расы достигают все большего просвещения и в конце концов переходят в легенды и песни. С сотворения мира многие его покинули и многие еще покинут в грядущие века, но мы чуть-чуть меньше, чем люди, мы не меняемся. Так что именно мы унаследуем мир, когда все остальные преодолеют свое неизменное «я».

— У этих людей нет честолюбия, — объяснил Йаме Луп. — Им никогда не носить короны из светлячков. — Луп махнул рукой над своей головой, словно желая сбить двух тусклых светлячков, которые там кружились.

— Я не имею в виду этих. Они — ничто. У крыс и то более яркое сопровождение. Я говорю о таких, как были у тебя, когда ты впервые нас посетил. Жаль, что их теперь нет.

— Их забрали.

— Нам не нужны светлячки, — вмешался староста, — ведь мы работаем на солнце, а когда Краевые Горы отнимают у нас свет, мы ложимся спать. Мы — скромный народ.

— У них нет честолюбия, но скромными их не назовешь, — обратился к Йаме Луп. — Из всех людей во Дворце они более других переполнены гордыней. Они прикипели к работе в своих старых садах и считают себя самыми лучшими слугами Хранителей, но ведь лучший способ послужить Хранителям — это попытаться стать чем-то большим, чем ты есть.

Луп склонился к Йаме. Стеклянные бусины в его спутанных волосах тихо позвякивали. В каждой играл отблеск света факелов. Его зеленое одеяние было сшито из тончайшего шелка-сырца, но Йама чувствовал едва уловимый запах плесени — след долгих лет, которые оно пролежало в сундуке. Скулы старика как будто стали выше и острее, а голос еще мягче...

Луп задал вопрос:

— Кто прав, господин? Говорят, мы желаем подняться над той долей, которая нам предназначена, а мы считаем, что их грех больше, ибо они отказываются бросить вызов судьбе.

Слева от Йамы заговорил староста землепашцев:

— Если понимать, что ты такое, — это грех, тогда я признаю. Но разве не более тяжкий грех — мечтать о том, чего никогда не получишь?

На другой стороне усыпанной цветами дорожки Тамора подняла голову и, будто спросонья, с пьяной настойчивостью проговорила:

— Правильно. От мечтаний только голова болит.

— Без мечты, — возразил Луп, — мы просто животные. Без мечты — мы только то, что мы есть.

Йама переводил взгляд с одного старика на другого. Он выпил совсем немного, но чувство было такое, словно у него в голове кружится целое облачко светлячков.

— Вы просите меня вас рассудить? — спросил он. — Тогда я скажу так: вы оба ошибаетесь. Вы отказываетесь заглянуть в собственные души и честно разобраться, почему одно племя желает вознестись вверх, а другое отказаться от любых возможностей. Вы оба хорошо видите пороки других. А свои — нет. Мы все — дети Хранителей, но они не ставят предела нашим возможностям. Мы свободны в нашем выборе.

Староста метнул в Лупа острый взгляд.

— Значит, надо прекратить эти глупости. Я беру назад свои аргументы. Брат Луп, этот юноша — герой, но он и человек. Не нам с тобой его проверять, только он сам имеет на это право.

— Покажи ему, — проговорила Тамора. — Покажи ему, кто он такой.

— Эта проверка не для него, а для моих людей, — сказал Луп.

А староста добавил:

— Господин правильно указал, что вы слишком долго думали, почему мы не хотим подражать вашей глупости вместо того, чтобы поразмыслить, зачем вам самим к ней стремиться.

— Тогда я один буду представлять свой народ, — заявил Луп и вытянул руки.

Тут же появились две девушки и помогли ему встать. Постепенно веселье умолкало; подобно тому, как чернила клубами разливаются по всей толще воды, тишина расползалась, гасила смех, звуки еды, питья, песен. Люди, которые, скрестив ноги, сидели вдоль красных дорожек рядом с островками угощений, повернули головы к Лупу. Лица людей-зеркал окрасились красным в трепещущем свете факелов, а лица землепашцев стали совсем черными. Два гиганта, лупивших друг друга в центре площади, отступили в стороны, их верхние половинки сбросили шлемы из яркой фольги и спрыгнули с нижних частей, которые тут же стряхнули с себя пояса, скрывавшие место, где у них на плечах стояли их партнеры.

Луп поднял руку, и из темноты кто-то выступил, оказавшись во всполохах факельного света. Это была прекрасная молодая женщина в простой белой рубашке. Она легко ступала исполненной мрачной грации походкой, двигаясь по пыльной площади, словно танцовщица, и все глаза следили за ней не отрываясь.

Она несла корзину белых цветов. Выйдя на середину, она изящно опустилась на колени и протянула корзину Йаме. В ужасе Йама вскочил и отшатнулся. Тамора расхохоталась.

В темноте ночи Йаму оставили одного с ребенком в полуразрушенном храме на склоне ниже деревни. Вероятно, раньше перед храмом имелся сад и дворик, но сейчас это была просто маленькая квадратная пещера в склоне на краю каменистого виноградника. Перекладина над входом рассыпалась. Кариатиды

по обе стороны двери, которые веками безропотно держали на плечах этот груз, сейчас валялись в пыли. Одна разбилась на части и лишилась головы, другая лежала на спине и пустыми глазами смотрела в черное небо. В сухую землю у входа воткнули шесты с факелами. Их дымное красное пламя отбрасывало длинные мечущиеся тени на осыпающиеся фрески и посылало снопы оранжевых искр в матовый черный круг оракула.

Йама долгое время мерил шагами расстояние между двумя факелами, то и дело поглядывая на младенца, который безмятежно спал в цветочной постели. Это был мальчик, толстенький и сияющий здоровьем. Йаму мучило то, что от него ожидают чуда.

Вырастить это крохотное существо! Ввергнуть его из полной невинности в состояние совершенного самосознания.

Невозможно!

Невинность туземцев отличалась от мироощущения непреображенных рас. Она была абсолютной. Если большинство рас Слияния обладали способностью эволюционировать, приближаясь к единению с Хранителями, то образ жизни туземцев оставался неизменным, как у диких животных, обитателей полей, вод и воздушных потоков. Некоторые наиболее грубые расы, вроде аманов, оправдывали свое агрессивное отношение к туземцам, говоря, что их жертвы — просто животные с человеческой внешностью и речью, помесь обезьяны и попугая. Однако большинство полагает, что туземные расы ничем не отличаются от преобразованных племен, кроме потенциала. Их единственный грех в том, что они никогда не станут иными, всегда будут такими, как есть. Они не могут потерять ниспосланное им Хранителями, но и превзойти этого им не дано.

Не раз Йаму охватывало мощное желание схватить ребенка и отнести его наверх, в деревню, где, судя по звукам смеха и музыки, которые ночной ветер временами доносил до его ушей, продолжалось веселье, такое же буйное, как и в момент его ухода. И не один раз у него возникал порыв просто скрыться в ночи и снова стать тем, кем он был так недолго, когда только что появился в Изе, — одиноким путником, пытающимся узнать правду о собственной жизни.

Он не сделал ни того, ни другого. С ним был ребенок, и он не мог вернуться, пока не кончилась ночь. Отказ что-либо делать будет выглядеть хуже, чем неудача, ведь он продемонстрирует, что Йама не испытывает благодарности к зеркальному племени за то, что они спасли ему жизнь. Нет, лучше переждать ночь, и пусть все увидят, что у него ничего не вышло. Тамора только порадуется, ведь это докажет, что его необыкновенные способности — не более, чем игра воображения. И тогда тяжкий груз надежд зеркального племени, возможно, будет снят с его плеч.

Йама не искал этого бремени. В том-то и вся несправедливость. Закиль объяснял ему, что Слияние существует так давно и в нем такое множество разнообразных рас, которые создали массу легенд и сказок, что каждый может найти в них отражение собственной жизни. Вот и зеркальное племя увидело в Йаме воплощение какого-то древнего героя сказаний или полузабытого обещания.

Йама считал, что ничего удивительного в этом нет. В такие неспокойные времена люди склонны искать героя, чтобы он их спас. Это проще, чем пытаться спастись самим. Но хотя он, подобно многим героям Апокрифов, был таинственного происхождения, обладал необычными способностями и тем, что можно ошибочно принять за магическое оружие (но ведь он потерял свой нож, а монета, которую он носит на шее, вовсе не та, которую вручил ему отшельник), Йама понимал, что он — не герой. Пока он был маленьким, часто мечтал, как найдет людей своей расы и они окажутся сильными, богатыми и могущественными. Но теперь он знал, что подобным мечтам не суждено сбыться. У любого сироты бывают такие надежды, но лишь ничтожная часть таких детей оказывается знатного происхождения. Теперь, став старше и получше узнав жизнь, Йама желал найти своих родственников, надеясь, что они сумеют защитить его от непомерных ожиданий других людей. Даже если они — просто странствующие монахи и отшельники, он с радостью станет среди них жить, ведь они наверняка примут его таким, какой он есть. Он не просил той небольшой власти над явлениями, которая у него была. Он хотел, чтобы она пропала.

Пусть все уйдет.

То ругая, то жалея себя, он кричал, молясь темному небу. Но ответа не было никакого. Только ветер бродил среди сухих виноградных листьев да сверху слабо доносились звуки веселья. Тем временем Йама вспомнил, что место, где он находится, очень древнее, его охватил страх разбудить что-нибудь неожиданное, и он постарался успокоиться.

— Тебе так лучше, — прошептал он младенцу; от крика у него саднило горло. — Землепашцы правы.

Йама не рассчитывал, что сумеет заснуть, но он утомился, непрерывно шагая взад-вперед, словно большая пятнистая кошка, которую он однажды видел в клетке на палубе корабля, зашедшего в порт Эолиса на пути в столицу из джунглей в районе срединной точки мира. Животное непрерывно металось из угла в угол, злобно сверкая зелеными глазами, будто в ответ на свои непостижимые мысли. Может, оно надеялось, что если ходить достаточно долго, то в клетке найдется какая-нибудь потайная дверь и оно сумеет вернуться в родные джунгли.

Йама сел, прислонившись спиной к пьедесталу кариатиды (ее обутые в сандалии ноги все еще стояли на месте,

но возле щиколоток были отбиты). Он устал, но сна не было. Внизу, за скатами крыши Дворца, лежал, сверкая огнями, громадный город.

Прошло немного времени, и он вдруг заметил, что лежащая рядом кариатида открыла пустые глаза и смотрит на него. И даже когда она заговорила, он не почувствовал ни страха, ни изумления.

— У тебя просто талант находить еще работающие окна, — сказала она. — Вижу, ты потерял свой ключ, но нашел другой.

Йама сразу понял, кто с ним говорит. Женщина, которую он видел в оракуле Храма Черного Колодца. Фантом аватары той ереси, которая грозит теперь поглотить весь мир.

Его охватил безудержный ужас, словно он столкнулся с ядовитой змеей. Во рту пересохло, но он все же сказал:

— Ключи есть повсюду, люди просто забыли, что они собой представляют.

— Они многое забыли, — отозвалась женщина. — Когда я ступала по вашему миру, я пыталась напомнить им кое-что из забытого. Некоторые вспоминали, но большинство не хотели. Знания на самом деле вещь горькая, и многие колеблются, прежде чем отпить из сей чаши. Взять хоть тебя. Ведь ты ни на шаг не продвинулся по своему пути. Почему ты здесь сидишь? И с кем это ты сидишь? Очень неразвитый ум... А, это ребенок одной из рас истинных союзников! Тоже сирота, Йама?

— Я не стану вам служить, — с усилием произнес Йама. Говорить было трудно, будто он сам превратился в подобие камня. — Я отказываюсь служить. Ни вам, ни префекту Корину. Особенно тебе, ведь я знаю, вы отреклись от милости и благословения Хранителей. Вы желали бы свергнуть их и сами править Вселенной, нашему миру повезло, что все вы — просто тени.

— Ты отказал зеркальному племени тоже?

— Ты не можешь об этом знать! — в ужасе вскричал Йама.

— Но ведь я пребываю в твоих снах, а значит, на этот отрезок времени могу пользоваться некоторыми из твоих воспоминаний. Зеркальные люди хотели лишь разделить судьбу большинства рас вашего странного мира. Они не желают ничего иного, только самим отвечать за свою судьбу, хотят, чтобы в их организмах тоже завелись машины, которые зафиксируют все, что есть в их памяти, чтобы воскреснуть к новой жизни. Они хотят сами помнить свою историю. Мне случалось много спорить по этому поводу с господином Нарьяном. Я помню, он особенно пылко защищал идею невинности, однако ни один родитель не должен сдерживать свое дитя от взросления.

— Господин Нарьян... он тоже фантом?

— Он был архивариусом города Сенша. Насколько мне известно, он все еще жив. Это было очень давно, но его

народ живет долго, намного дольше большинства долгоживущих рас Слияния. Он, конечно, преобразил свой разум и теперь разделяет мои идеи.

— Но Сенш находится там, где война...

Кариатида улыбнулась, разрывая лишайники, которыми поросли ее каменные щеки.

— Я даю им свободу, Йама. Освобождаю от бессмысленной теократии. Дарю им возможность быть собой.

— Хранители нам всем дадут эту возможность.

— Разумеется, но они обещают совершить это в момент гибели Вселенной. Легко давать такие обещания, ведь никто не призовет к ответу, если попытка не удастся: живых уже не останется. Хранители все обещают и ничего не дают, а я обещаю только свободу и уже дала ее жителям города Сенша. Что в этом плохого? А теперь внимание! Я научу тебя, как это делается. Когда я жила в мире, мне приходилось взывать к оракулам о помощи, чтобы преобразить людей Сенша. Теперь я живу внутри пространства оракулов, и все стало проще.

— Нет. Я не буду служить!

Но в своем сне Йама уже плыл под водой, ниже ряби на глади Великой Реки, как частенько плавал в детстве, деля невинные шалости с детворой амнанов. Эти детеныши любили нырять с дальнего конца нового причала и уплывать в заросли ламинарии, где длинные пряди мягко стелились под самой поверхностью. По сравнению с Йамой они были куда более ловкими: быстрее плавали и глубже ныряли, охотясь за аболонами и устрицами, которые целыми колониями гнездились у самых корней бурых водорослей на вязком речном дне. Если Йаме удавалось несильно отстать, он был счастлив, но иногда и он устремлялся вниз, прочь от зеленоватого света, к призрачным теням далекого дна, туда, где шныряли гибкие силуэты других детей. Но добраться до них он не мог: легкие обжигало болью, столб воды нестерпимо давил на грудь, и приходилось возвращаться. Изо всех сил он рвался к поверхности, потом долго отплевывался и кашлял, греясь в теплых лучах солнца. Прохладные бездны реки оставались для него навсегда недосягаемы. Но сейчас, уносясь в ярком потоке, так напоминавшем игру воды и света, он вдруг осознал, что его детское желание наконец осуществилось. Кариатида плыла рядом, и он спросил, почему она не тонет, ведь камень не может плыть.

— Смотри, — сказала она, и он увидел мозг младенца, увидел составляющие его узлы, понял, как их следует изменить, сделав сильнее здесь и вот здесь, чтобы туда могли внедриться крохотные машины, более мелкие, чем невидимые глазу одноклеточные водоросли, которыми кормятся даже самые крупные рыбы и которые населяют каждую каплю воды. Точно так же и тучи машин, незримо витая в воздухе, с каждым вдохом проникнут в

тело и начнут терпеливо трудиться, создавая и взращивая первородную искру самосознания.

Кариатида стала таять внизу, медленно растворяясь в потоках света.

— Самоорганизующаяся усложняемость, — бормотала она. — Только семечко бросить...

Теперь Йама понял, а может, вспомнил, что все это сон, как вспомнил, и какова природа явившегося ему создания, но тем не менее он чувствовал, что какая-то доля его существа рвется ей в след, как умирающий с голоду человек будет рваться к еде, любой еде, пусть даже самой несвежей. В приступе отчаянной жажды он бросился туда, где она исчезла, и с криком проснулся, обнаружив склонившуюся над ним Тамору. Он лежал на обломках наоса, перед черным диском оракула. Мелькнул ли в нем тающий свет или просто почудилось? Или это скользнул луч зари, заглянувший в квадратный проем входа?

Тамора смотрела с напряженной тревогой. Йама протянул к ней руку, но она резко ее оттолкнула. Он спросил, что случилось, вместо ответа Тамора указала на вход в маленький храм. Там плотным кольцом стояли люди, окружив что-то, лежащее на земле. Йама почувствовал острый укол вины. Он забыл о ребенке! Заснул! Дитя могло погибнуть! Его могли утащить дикие звери!

Йама бросился наружу, каждая мышца его тела отозвалась ноющей болью. Воздух уже прогрелся, свет заливал склоны Дворца и наполнял небо таким сиянием, что после тенистого полумрака внутри храма Йаме пришлось прищурить глаза. Его встретили громким воплем, и Йама метнулся назад, но тут осознал, что люди ему улыбаются. В центре толпы стоял Луп, он склонился к маленькой девочке, которая что-то ему шептала. Другая малышка взяла Йаму за руку и повела к корзинке с цветами.

Там было так много света, что сначала Йама не понял, почему дитя сводит глаза к переносице и лупит по воздуху своими пухлыми ручками. Потом он увидел.

Над головой ребенка, сверкая бешеным белым огнем, висела корона из светлячков.

14. ПРОЦЕССИЯ

— Они скоро улетят, — прошептал Пандарасу Йама. — Наверное, это я их привлек, но как только я уйду, они улетят. Надо успеть объяснить Лупу и его людям, что все обстоит не так, как они рассчитывают.

— Господин, ты слишком скромен! Ты мог бы жить здесь как Иерарх, а вместо этого идешь на войну!

Продуктовая тележка, на которой они ехали, качнулась, попав в выбоину на дороге. Пандарас подпрыгнул и снова выпрямился рядом с высоким сиденьем, на котором восседал Йама. Юноша был просто пьян. Пьян от шума, музыки, радостных криков процессии, от доброй порции сладкого желтого вина. Его голову венчал зеленый венок из плюща с длинными граммофончиками белых цветов. Впереди на рубахе у него расплывалось большое винное пятно.

— Они его убьют, — мрачно сказала Тамора. — Не эти идиоты, а те, у кого власть. Он им опасен.

Она стояла за спиной у Йамы, сжимая эфес сабли и постоянно вертя головой справа налево. Когда кто-нибудь запускал хлопушку, она вздрагивала и напрягалась. Люди бежали рядом с тележкой, рядом с сопровождающей их колонной зеркального племени, толпились на террасах вдоль дороги, кричали, махали пальмовыми листьями, яркими флагами, бросали цветы, предлагали им фрукты. В одной группе запустили в воздух огромного змея, раскрашенного страшными звериными мордами. С визгом носились шутихи, рассекая сверкающий утренний воздух.

Луп помещался у ног Йамы в парчовом одеянии, расшитом фальшивыми жемчугами и блестками. На руках он держал малыша с целой короной сияющих светлячков.

— Мы никого не хотим обидеть, — говорил он. — Мы просто устремляемся от своего древнего очага ввысь, искать свое место под солнцем.

— Лучше бы вам остаться здесь, — заявляла в ответ Тамора. Временами ей приходилось кричать, чтобы перекрыть радостный гул толпы. — Такие простаки, как вы, легкая добыча любого бандита, налетчика и проходимца в городе.

— Когда я был молод, — отвечал Луп, — то играл в наперстки и неплохо наживался на твоих соплеменниках во время Водяного Рынка, а еще раньше исполнял роль обезьяны в номере фокусника со змеей и веревкой, работал в театре марионеток. Простаки всегда считают, что могут нас обмануть, но они забывают: игра-то идет по нашим правилам. Однако не будем ссориться, молодая воительница, ведь мы теперь идем одной дорогой. Смотри, как радуются люди, видя процессию твоего господина!

Новость о свершившимся чуде в мгновение ока разлетелась по всем окрестностям. Когда процессия лишь выбиралась из деревни землепашцев, толпа уже выстроилась вдоль дороги насколько хватает глаз. Бригады людей расчищали дорогу от мусора и камней, закладывали выбоины кусками древесины. Луп объяснил, что дорогой не пользовались с тех пор, как умолкли последние Иерархи десять тысяч лет назад.

Спускаясь к городу, процессия трижды обогнула склоны Дворца. Ни стражники, ни войска не вышли ее остановить, но Тамора то и дело указывала на маленькие вспышки над склонами Дворца и объясняла, что там на диске стоит офицер и наблюдает через подзорную трубу. Один раз, на повороте, где дорога огибала крутой скальный выступ, отвесной стеной вздымавшийся справа, а слева там зияла бездонная пропасть, рядом с процессией завис флайер, да так близко, что какой-нибудь акробат мог бы легко запрыгнуть на широкий черный треугольник его крыла. Люди зеркального племени засыпали его цветами и фруктами, но вскоре дорога нырнула в короткий туннель в толще бокового отрога, а когда снова вышла на солнечный свет, флайера уже не было, только новые толпы людей, спускаясь с террас, бежали к процессии, приветствуя ее восторженными криками.

Йама махал в ответ, но сердце у него ныло от недобрых предчувствий. Чудо, которому так радовались эти невинные люди, вовсе не было чудом, это был трюк, фокус, подстроенный гнусным созданием, которое развязало войну. Эта женщина, фантом, воспользовалась им, чтобы преобразить ребенка. Зачем? Показать ему, как велика ее власть? Или убедить, что она знает о его возможностях больше, чем он сам? Чудо, которого так страстно желал Луп, было отвратительной пародией, злой и жестокой насмешкой над волей Хранителей.

Йама мог только надеяться, что, может быть, все обернется добром. Ведь если отвлечься от методов, ребенок все-таки был преображен. Народ Лупа получил доказательство, что может подняться над своей природой.

Теперь ничего не оставалось, как только подстроиться к ситуации, потому Йама и согласился отправиться вместе с Лупом. Тамора заявила, что участие в процессии — глупость, чреватая опасными последствиями, однако Йама без обиняков спросил ее, что лучше: пытаться выскользнуть из города под покровом ночи, как удирающее ворье, или же ехать на почетном месте во главе длинной ликующей процессии, среди акробатов, музыкантов и клоунов, когда по бокам дороги выстроились толпы счастливых людей? Что касается Пандараса, то его захватила лихорадка праздника. Он приветствовал публику, выпивал протягиваемые ему кубки, кланялся, махал руками.

Йама повернулся к Таморе и заметил:

— Большинство из них полагает, что это какое-то представление.

Она покачала головой:

— Ты только посмотри, кто пришел на нас поглазеть! Это же сплошь туземцы или беднейшие из бедных: уборщики, собиратели нечистот. Публика вроде твоего крысенка. Если солдаты или магистраторы захотят арестовать тебя или, что еще

хуже, за тобой явятся из Туземных Проблем, весь этот сброд растает, как куча снега. А завтра они выберут нового Короля Дураков.

— Моя раса, Тамора, помогала творить этот мир, и одно время я верил, что они могли быть Властителями бесконечного времени и пространства. Теперь я уверен, это не так. Они были работниками, такими же, как эти.

Чудом явилось не то, что он совершил чудо, ибо он знал, что это не так, а то, что Луп и зеркальные люди поверили в чудо. Наверное, хорошее в этой истории — лишь сама вера этих людей, что чудеса возможны, что Хранители все еще не оставили этот мир своим благотворным участием. И разве он сам может отрицать такое? Разве его собственное рождение — не такое же чудо, как облако светлячков над головой младенца? Если женщина из оракула воспользовалась им, то, может быть, ее саму тоже использовали для каких-то высших целей?

— Я думаю, ты лучше них, — возразила Тамора и снова вернулась к наблюдению за толпой.

Взгляд Йамы тоже метался по лицам в толпе, Йама искал Элифаса. Теперь процессия спускалась по тесному лабиринту узких улочек и площадей, путающемуся в беспорядочном скоплении зданий у самого края Дворца, а старика все не было.

Процессия двигалась к большим воротам. Люди стояли на крышах, осыпая ее таким плотным дождем цветов и серпантина, что сначала Йама не понял, почему они вдруг остановились. Тамора зашипела, Йама поднял руку, надеясь, что она не успеет ударить, ибо сквозь плотную пелену цветочного водопада он наконец увидел, в чем дело: перед самыми воротами, преграждая дорогу, растянулась цепочка солдат, пеших и верховых, на крупных страусах с черными развевающимися плюмажами.

Сверху на летающем диске спустился офицер, замерев в воздухе перед двумя быками, которые тянули повозку. Его металлические доспехи горели таким огнем, что казалось, будто фигура облита расплавленным зеркалом. Голый череп бороздили рубцы, густые усы обрамляли плотно сжатые губы. Глядя на Йаму, он спросил:

— Кто здесь главный?

— Никто не велел им сюда приходить, — ответил Йама. — Они явились по собственной воле.

— Эти животные, — бросил офицер, — понятия не имеют о собственной воле.

Тут вмешался Луп:

— Господин, мы отправляемся в новую жизнь! А это тот, кто открыл нам путь.

Вперед вышла Тамора, гневно сверкая глазами, она заявила:

— Убирайся с дороги, малыш, и прихвати своих оловянных солдатиков!

— Подожди, — мягко сказал Йама, словно успокаивая норовистого скакуна, и, обратившись к офицеру, спросил:

— Чьей властью вы нас останавливаете?

— Властью Департамента Внутренней Гармонии. Ты Йамаманама? Я явился сопроводить тебя за пределы Дворца. На нас оказывают значительное давление, чтобы возвратить тебя в некое место, но Департамент Внутренней Гармонии не играет ни на чьей стороне. Мы все еще полностью контролируем нижние этажи и внешние линии обороны, мы действуем в соответствии со своими представлениями о безопасности Дворца. Я должен убедиться, что ты покинул Дворец, и я прошу тебя распустить своих последователей.

— У меня нет права ими командовать. — Йама жестом обвел толпу, которая запрудила улицу за повозкой, и людей на крышах, все еще бросавших в воздух цветы. — Если бы я мог, то никогда бы этого не позволил. Я смущен так же, как ты, но думаю, у них нет дурных намерений.

Йама легко мог вытащить диск из-под ног офицера и использовать его как косу против закрывших дорогу солдат. Он мог бы вызвать машины и все здесь разгромить. Как просто... но придут другие солдаты, а за воротами лежит город, и там сотни тысяч магистраторов, которые охраняют порядок. Он пришел не для того, чтобы начать войну. Господи, о чем он думает! Женщина из оракула что-то вложила ему в голову, и теперь его мысли путаются, порождая честолюбивые и агрессивные фантазии. Йама глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться, и вспомнил, как эдил обучал его искусству переговоров. Лучше позволить своему оппоненту почувствовать, что он сам принял решение, чем принуждать его к определенному выбору. Под действием силы человек выберет неблагоприятный вариант.

Йама продолжил:

— Я вполне понимаю, почему вам приходится поддерживать порядок среди просителей и паломников, которые ищут возможности попасть во Дворец — иначе бы все просто не вместились. Но люди, собравшиеся здесь на праздник, всегда жили во Дворце, а сейчас они хотят уйти. Это простые люди, они обрабатывают поля и развлекают служителей.

— Мы всегда свободно входили и уходили, — заявил Луп. — Почему нас задерживают?

— Я знаю ваше племя, — сказал офицер. — Вы, как крысы, вползаете и уползаете через подземные норы.

На что Йама ответил:

— Если они крысы, то вам же лучше, избавитесь от них и все. В любом случае, стоит ли тратить на них хоть минуту вашего драгоценного времени? Разве можно остановить птиц, летящих над нашими головами с полей к берегам Великой Реки?

Офицер задумался на мгновение, а потом сказал:

— Мы служим идеалам Хранителей. И всегда служили. В черные времена, когда Глава Всех Людей поглотил все другие департаменты, мы были единственными, кто сохранил независимость. Мы позволяем людям приходить и уходить по нашему усмотрению.

— Даже зеркальные люди — творения Хранителей. Их народ живет во Дворце дольше, чем большинство других рас. Может быть, вы сочтете возможным допустить, что у них тоже есть право решать свою судьбу?

Офицер раздвинул плотно сжатые губы, показывая мощные желтые пластины с заостренными верхними гранями, которые служили ему зубами:

— Честно говоря, я не заплачу, если они сгинут все до одного. Эти твари паразитируют на теле каждого Департамента. В прошлой декаде на одном из дневных рынков возникли беспорядки из-за такого мошенника. Он жульничал с наперстками, есть такая азартная игра. Какой-то идиот выстрелил из энергопистолета, несколько клерков ослепли.

Йама знал о происшествии не понаслышке и понимал, в чем там суть, однако не стал поправлять офицера, а вместо этого сказал:

— Тогда всем, вероятно, будет лучше, если они уйдут со мной...

Офицер кивнул:

— Как только они покинут Дворец, голова будет болеть уже у магистраторов, а не у нас. А тебя я должен доставить в безопасное место. Таков приказ. Департамент Туземных Проблем слишком уж настаивал на твоей выдаче, а мы не собираемся ему подчиняться и никому другому тоже.

— В доках нас ждет корабль, — сказал Йама. — Если бы ты нас туда сопроводил, твои проблемы на этом бы кончились и, соответственно, мои обязательства перед тобой.

Воины Департамента Внутренней Гармонии разделились, расположившись эскортом впереди и позади повозки. Офицер объяснил Йаме, что страусы не так быстроходны, как лошади, и внушают меньше страха, но зато они меньше поддаются панике и в толпе ими легче маневрировать. Процессия нырнула под арку больших ворот (все светлячки, и у Лупа, и у младенца на его коленях, разом поднялись в воздух и исчезли, чему Йама был очень рад) и потянулась по обычным улицам Иза.

Йама оглянулся на Дворец, громадой вырисовывающийся на фоне синего неба выше скученной толчеи крыш, и ему почудилось, что у самого пика сверкнула вспышка выстрела — там продолжалась война между департаментами. А может, это солнце блеснуло на какой-нибудь металлической поверхности на верхних склонах дворцового монолита, например на металле, кото-

рым выложен Дом Двенадцати Передних Покоев в Департаменте Прорицаний.

Процессию все еще сопровождала ликующая толпа, но теперь на улицах было много людей, которые просто мельком бросали на нее взгляд и торопливо шли дальше по своим делам. Йама вспомнил процессию, которую он видел из окна трактира, проснувшись после путешествия в Область Разума, в пространство, где встречаются пилоты космических кораблей, и засмеялся. Теперь он и сам был центром такого же представления — средоточие всех взглядов и одновременно самое обыденное явление.

Тамора пилила Пандараса за то, что он напился, бурчала Йаме, что ему лучше следить за крышами, а не махать ручкой этому сброду, будто он Король Дураков.

— Надо было установить балдахин, — ворчала она. — От нападения он не спасет, но все-таки помешает прицелиться.

— Мы в безопасности, — говорил в ответ Йама. — Нас защищает Департамент Внутренней Гармонии. Никто не посмеет теперь захватить меня силой.

— Префект Корин может попытаться затеять ссору, чтобы получить твою голову, да и мою тоже. Он не простил нам бегства. Я знаю такую публику. Да и эти магистраторы, на мой взгляд, слишком уж пристально за нами следят.

Магистраторы в красных одеяниях плыли на летающих дисках над головами толпы, которая запрудила улицы; вокруг них мерцающим облаком парили машины. Когда повозка оказалась под ними, Йама махнул рукой в их сторону и с трудом подавил желание скрутить их орбиты в забавный рисунок.

По мере приближения к докам толпа все росла, разбухая от вливающихся в нее беженцев, которые явились молить о помощи человека, преобразившего одну из туземных рас. Женщины поднимали детей, чтобы они посмотрели на Йаму и, может быть, даже получили благословение, ведь многие были больны или увечные. Люди кричали, возносили молитвы и просьбы, но слова сливались в общем гуле, звуках труб и гобоев, в которые неутомимо дули музыканты зеркального племени.

Наконец настал момент, когда толпа стала такой плотной, что процессия не могла двигаться дальше. Даже те, кто был верхом, оказались стиснуты в давке. Офицер снизился над Йамой и сказал, что Йаму можно отвезти, куда он пожелает. Но Йама покачал головой:

— Если нужно, я пойду пешком.

— Ты должен идти со мной.

Оба они кричали изо всех сил, но все равно едва слышали друг друга из-за шума толпы. Какой-то человек вскочил на повозку и пытался окропить Йаму благовонным маслом. Та-

мора нанесла ему короткий удар по горлу, человек сложился пополам и рухнул назад. Толпа сомкнулась над ним раньше, чем он успел вскрикнуть.

Йама взобрался на скамью и поднял руки. Люди стали замолкать, постепенно тишина расползалась по всей толпе, заполонившей улицу впереди и сзади повозки. Раздавались только отдельные крики, звенящие болью, страхом, мольбой.

— Я не могу вам помочь, — сказал Йама. Его била крупная дрожь, голову сдавила острая боль. — Сделать это можете только вы сами.

Большинство его просто не слышали, однако толпа все равно возликовала. Йама вспомнил магистратора, остановившего его и префекта Корина, когда они впервые прибыли в Из. Он позаимствовал машину у одного из магистраторов, которые стояли на крышах, обрамляющих улицу, переговорил с нею, и она усилила его голос, так что он эхом покатился по всей улице, отражаясь от стен домов. Йама собирался снова объяснить людям, что не может им помочь, но внезапно его охватила какая-то сила, и он заговорил, сам не зная о чем. Толпа неистовствовала, и Йаму захватило это воодушевление. Боль в голове усилилась, в глазах метался черный и красный свет. Он тянулся к каждой душе, пытаясь преобразовать всех, сил не хватало: слишком много людей, его охватило бешенство. В воздухе вспыхнули мириады машин и горящим дождем посыпались на землю. Раздались крики, люди кинулись прочь, магистраторы решили, что нападают на них, и бросились хлестать арапниками тех, кто стоял рядом. Бежать было некуда, и люди принялись драться друг с другом, единство толпы рухнуло.

Ничего этого Йама не видел. Черно-красный огонь в голове заволок все мысли, и он упал на руки Таморе.

Его обдувал сильный ветер. С безоблачного неба низвергался водопад раскаленного света солнца, но вихрь воздуха был таким холодным, что Йама дрожал, будто окунулся в горную речку, бегущую из ледников на краю мира. Он лежал на ребристом металлическом диске, чувствуя под собой сильную вибрацию. Йама попробовал сесть, его подхватил Пандарас и объяснил:

— Это летающая машина, господин. Ты потерял сознание, офицер тебя подхватил и унес.

— Их было слишком много...

Пандарас не понял, он все еще был пьян. Венок съехал ему на ухо. Он сказал:

— Они бы разорвали тебя на части, если бы этот нас не выручил. Вот уж чудо...

Летающая машина была гладкой и имела форму лодки. Ее короткие дугообразные крылья выгибались вниз, а по-

крытие сияло зеркальным блеском. Позади Йамы и Пандараса сидел Луп с младенцем на коленях, его сопровождали две девушки. У клювообразного носа стояла Тамора, беседуя с человеком в зеркальных доспехах. Она посмотрела вниз, хищно усмехнулась и прокомментировала:

— Движемся прямо к докам.

Человек обернулся, это оказался давешний офицер, и сказал:

— Это просто шлюпка, легкая лодка, а не настоящий флайер. К несчастью, его радиус действия ограничен, иначе бы я увез вас из города как можно дальше.

Йама тупо спросил:

— Кто им управляет?

— Никто, сам летит. Он сохранился с древних времен. Вон, смотри! Видишь, что позади?

Маленькая лодка качнулась в воздухе. Ее локальное гравитационное поле скомпенсировало это движение, и потому показалось, что качнулся мир внизу. Пестрый ковер города, тут и там размеченный шпилями храмов и куполами соборов, простирался до самого Дворца Человеческой Памяти, монолитной громадой высящегося вдали. Его вершина скрывалась в дыму. Далеко за Дворцом тянулись вверх сверкающие башни Иза, те самые, на которые Йама смотрел в телескоп с крыши замка в Эолисе. Их белые спицы поднимались выше Краевых Гор, теряясь в океане солнечного света за пределами воздушного кокона, укрывавшего мир.

Йама указал на Дворец и сказал:

— Они все еще дерутся.

— Я имел в виду беспорядки на улицах, — пояснил офицер. — Однако мы слишком высоко, отсюда не видно.

Шлюпка, будто услышав, нырнула вниз. Город резко приблизился. С обеих сторон потянулись сгрудившиеся крыши жалких хибар беженцев. Их наскоро соорудили на обширных отмелях, оставленных медленно отступающей Великой Рекой. Сама река — широкая, сверкающая равнина — лежала впереди. Шлюпка свернула к одному из плавучих доков.

На понтонных причалах дока толпились зрители, а вокруг роилась целая флотилия мелких лодок. Пока шлюпка медленно опускалась, остановившись прямо над краем самого длинного причала, Йама увидел знакомое лицо и тотчас соскочил вниз.

Тамора протиснулась вперед, закрывая Йаму и стараясь сдержать людей, которые, окружив их плотной толпой, пели, кричали, молились. Некоторые хватали Йаму за домотканую тунику, и он понял, что, выскочив, совершил ошибку, он бы вернулся, но в тесноте не мог даже двинуться. Тамора подняла саблю над головой, чтобы в толчее кто-нибудь на нее не наткнулся. С минуту положение казалось безвыходным, потом солдаты расчистили путь.

Лупу помогли спуститься его девушки, он сполз по крылу, словно по мосту. Слепой старик будто не замечал сгрудившихся людей, одной рукой он укачивал ребенка, а другую протянул к Йаме и коснулся его лица длинными скрученными ногтями.

— Господин! Тебе не следовало уходить от нас в первый раз. Прости меня, но из-за этого возникло много проблем. Ну, ничего. Все хорошо, что хорошо кончается.

Йама улыбнулся, но вспомнил, что старик не может его видеть.

— Ты был мне очень щедрым другом, Луп.

— Мы — твои слуги, господин. Мы больше не служим удовольствиям тех, кто живет во Дворце. Но за тебя мы все готовы отдать наши жизни.

— В этом не будет нужды.

— Я рад это слышать, но мы живем в странные времена, господин. Близится конец света. Иначе зачем бы ты преобразил нашу расу?

Луп обнял Йаму дрожащими руками, а тот расцеловал старика в обе щеки. Малыш улыбался, глядя на них снизу вверх, шум толпы его вовсе не беспокоил. Кто-то пытался пробиться сквозь строй солдат, которые охраняли Йаму и Лупа. Тамора тотчас направила туда кончик сабли, но это был Элифас. Он широко улыбался, что-то дико выкрикивая, его серебристые глаза ярко сияли в солнечном свете.

— Я нашел их, я нашел их, брат! В низовьях!

15. «СОБОЛЬ»

Корабль, который они зафрахтовали до войны, перевозил груз и нескольких пассажиров с одного берега Великой Реки на другой. Имея одну мачту и треугольный парус, он в спокойную погоду мог дополнить свою оснастку квадратными стакселями, установленными на рангоутах по обе стороны мачты. Осадка у него была неглубокой, и он при попутном течении и ветре развивал вдвое большую скорость, чем огромные галиоты, которые группами по два-три корабля были рассыпаны по необъятной глади Великой Реки. Все они направлялись в низовья, на войну. Разумеется, маленький кораблик не мог обогнать машины, которые бросились им вслед, но Йама, поборов усталость, уговорил их рассеяться еще до того, как подняли якорь.

Пандарас заявил, что эта посудина использовалась для контрабанды не реже, чем для разрешенной торговли, но говоря это, старался, чтобы капитан корабля, Икшель Лорквиталь, таких речей не слышала. Капитан Лорквиталь была осторожной, хитрой вдовой, которая властвовала на корабле с завидной есте-

ственностью. Как все женщины этой расы, она, выйдя замуж, добавила к собственному имени имя мужа.

— Но это вовсе не значит, что я хоть в чем-то хуже него, — объясняла она Йаме. — Можно даже сказать, что лучше, раз я ношу его имя и сохраняю его память. Хранители сберегут его память.

Икшель Лорквиталь была крупной женщиной с кожей цвета красного дерева, которая блестела, будто намазанная маслом. Свои жесткие черные волосы она перевязывала разноцветными тесемками и убирала назад, открывая круглое морщинистое лицо. Ее лоб бороздили роговые наросты, а ноздри были просто двумя узкими щелками в середине лица. Серебряная подвеска оттягивала ее нижнюю губу, обнажая пластины желтых крупных зубов. Ежедневная рутина управления судном доставалась ее дочери, Агиляр, которая совмещала должности боцмана и эконома, а капитан Лорквиталь обычно сидела в полотняном кресле рядом со штурвалом, покуривала свою кукурузную трубку и выглядела очень внушительно в длинной, раздуваемой ветром юбке и кожаном колете, с красным платочком под мощным подбородком и обнаженными мускулистыми руками. Элифас вскоре завязал с ней дружбу, и они проводили за разговорами долгие часы.

Икшель Лорквиталь не задавала вопросов ни о Йаме, ни о его друзьях. Она предложила своим четырем пассажирам собственную каюту, но Йама вежливо отказался от столь великодушного предложения и разместился с товарищами на палубе. Спали они на ковриках из рафии под наклонным тентом, который тянулся от поручня квартердека до крепильной утки возле грузового люка.

На Великой Реке Йама спал крепко и спокойно. Поездка напомнила ему ежегодное паломничество на дальний берег реки, которое зимой совершало все население Эолиса. Теперь он мог спать спокойно, чувствуя, что враги его остались далеко позади и что у него есть цель, место, куда он должен стремиться.

Элифас рассказал Йаме о своих изысканиях, как только «Соболь» поднял свой парус цвета ржавчины и стал уходить от флотилии, которая пыталась его сопровождать. Старик дрожал от возбуждения и был еще более многословен, чем обычно.

— Твое упоминание доктора Дисмаса очень мне помогло, — начал он. — Оказалось совсем несложно проверить записи и понять, к каким имел доступ доктор. Разумеется, он проявил осторожность и пытался замести следы, но недостаточно тонко. Для такого опытного специалиста, как мой друг Кун Норбу — старший служитель архивов, разглядеть обман было относительно простым делом.

— Значит, ты говоришь, что они жили в низовьях, — быстро сказал Йама прежде, чем Элифас успеет пуститься в подробное описание хитростей, которые применил доктор Дисмас, и всех приемов, использованных старшим служителем для их разоблачения.

— Если они все еще существуют на свете, брат, — ответил Элифас, — то именно там их можно найти.

— Ты же видишь, я жив! — улыбнулся Йама.

— Истинно так, — отозвался Элифас. — Однако я бы хотел заметить, что хотя твое существование здесь и сейчас означает, что по меньшей мере двое из твоей расы еще в недавнем прошлом были живы, нет никаких доказательств, что эта гипотетическая пара жива до сих пор. Видишь ли, все документы очень старые. Их возраст не менее пяти тысяч лет, видишь, ими воспользовались просто как бумагой для переплета книги, которая была издана в то время. А вообще-то они могут быть еще древнее.

— На сколько древнее?

— Тут трудно что-нибудь сказать, брат. Будь у нас побольше времени, мы с Кун Норбу могли бы проанализировать состав чернил, ведь распад некоторых элементов происходит со вполне определенной скоростью. Но им не более десяти тысяч лет, так как до этого времени район, где располагался город твоей расы, еще не сформировался.

— Город?!

Йама никогда не смел надеяться на нечто большее, чем одинокий форт, может быть, маленький поселок, спрятанный в ледяных просторах верховий реки. Или цитадель, глубоко скрытая в скальном монолите — прекрасное, потаенное место, полное древних загадок и чудес... Но город!

Элифас вынул из-под рубахи небольшую кожаную сумку, открыл застежки и вытащил из нее картонную папку, перевязанную зеленой лентой.

— Разумеется, здесь нет оригиналов, — объяснил он. — Мой друг, старший служитель, не мог допустить, чтобы такие драгоценные документы покинули пределы библиотеки. Тем не менее это очень хорошие копии, их сделали лучшие мастера библиотеки. В первом документе достоверно воспроизводится ужасный почерк того, кто писал оригинал, изображаются даже пятна и истрепанные места, которые успели возникнуть в оригинале до того, как его использовали для переплета обычной фармакопеи.

Еще целую минуту он развязывал узел на ленте, потом открыл папку, вытащил свернутый вчетверо и запечатанный черным воском листок бумаги. Листок затрепетал в потоке теплого ветра, который мягкими струями обдувал корпус «Соболя». Йама едва сдержался, чтобы не выхватить бумагу из рук Элифаса.

Развернув лист, Йама сначала подумал, что держит его вверх ногами, но перевернув, все равно не смог ничего разобрать в неровных строчках закорючек и прочерков.

Элифас улыбнулся:

— Это мертвый язык, брат, давно уже мертвый, к тому же писавший пользовался малоизвестным диалектом, но я

немного в нем разбираюсь. Здесь краткий отчет уборщика потерпевших крушение боевых машин в Стеклянной Пустыне за срединной точкой мира. Отсюда я и заключил, что документу более пяти тысяч лет. Остатки военных машин были убраны из досягаемой части Стеклянной Пустыни задолго до выхода книги, в которой обнаружен отчет.

— Так где же оно, где это место?

— В нескольких сотнях лиг за концом Великой Реки, в цепи огромных пещер. Уборщик полагает, что прежде это был гигантский город, но когда он на него наткнулся, заселенной осталась лишь небольшая часть.

Йама вспомнил подземные помещения, по которым водила его Беатрис, и капсулу, доставившую их от начала Краевых Гор к речному берегу. С растущим волнением он размышлял о событиях своего детства: младенцем его могли в таком же устройстве перебросить с одного конца реки на другой. Он все еще не знал, живы ли люди его расы, но теперь у путешествия появилась цель, пусть даже она находится в тылу армий еретиков.

Однако Тамора Элифасу не доверяла, о чем прямо и заявила, когда они вечером обсуждали новости.

— Ты дурак, раз веришь ему.

— Элифас считает, что найдет там сокровища, поэтому он и хочет помочь. Он честно не скрывает своих намерений.

— Он снова хочет помолодеть, — вмешался Пандарас. — Это пустое желание свойственно большинству людей. Вот он кинулся с головой в приключения, как в юности, надеясь, что они обновят его убывающие силы.

Они сидели на свернутых подстилках под навесом при свете единственной свечи, трепещущей в камедиевом подсвечнике. Элифас был на квартердеке, беседуя с капитаном Икшель Лорквиталь. По левому борту тянулся причудливый рисунок огней Иза, уходя вдаль насколько хватало глаз, по правому — над черным простором воды поднималось Око Хранителей.

Повар ловил рыбу, спустив удочки с кормы, и Тамора забрала у него несколько штук. Выбрав одну покрупнее, она вцепилась в нее зубами, вырвала кусок и проглотила не жуя.

— Ха! В этих каракулях может быть все что угодно. Он мог нацарапать их сегодня утром. Ты веришь ему на слово, что это действительно архивы твоей расы.

— Вовсе не архивы, — возразил Йама. — Это просто отчет о том, что случилось с уборщиком, когда у него сдохли верблюды, напившись отравленной воды. Он бродил по раскаленной пустыне, умирая от жажды, и его подобрало и приютило племя людей, которые выглядели, как я. Он утверждает, что они называли себя Строителями. У них были светлячки и другие ма-

шины. Он пробыл там больше десяти дней, пока не поправился. А однажды утром проснулся и увидел, что находится в сотнях лиг от того места, у водопада Великой Реки.

— Красивая сказка, — пробурчала Тамора, — но где доказательства?

— Он помнит тропинку, по которой шел, когда его обнаружили спасители. Вот, смотри!

Йама вынул другой лист из бумаг Элифаса. Тамора поднесла его ближе к слабому огоньку свечи. Пандарас вытянул тощую шею, чтобы лучше увидеть.

Это была карта.

К рассвету следующего дня «Соболь», подгоняемый свежим бризом, шел мимо последних предместий Иза, оставляя кремовый след в рыжеватых водах реки. Корабль держался внешней стороны прибрежных течений, мутных от песка и сточных вод из бесчисленных труб. В прежние времена здесь струились чистые потоки, питаемые снежными шапками Краевых Гор. По левому борту, за широкой полосой спокойной воды с мелкими тесно застроенными островами и длинными линиями буйков, отмечавших границы рыбных ферм, тянулась бесконечная, однообразная панорама сгрудившихся домов, которые будто выглядывали из-под сизой дымки от миллионов кухонных очагов. Целые толпы крошечных суденышек шныряли по своим делам у берега: ялики и скифы; маленькие рыбачьи лодки с подвесными реактивными моторами; медлительные сампаны с целыми семьями на борту, с курами, кроликами, карликовыми козами; переполненные речные трамвайчики; лугеры вроде «Соболя», их большие треугольные паруса часто смотрели на мир стилизованной спиралью Ока Хранителей. Время от времени среди мелких посудин проплывала торговая каравелла. Внося смятение, проносилась пинасса с двойным рядом весел, с хищным, клювообразным носом. Звук барабана, который отбивал ритм для гребцов, звонкой дробью катился по водам.

Сердце Йамы сжималось всякий раз, когда мимо пролетала пинасса, частью в память о случае, когда его пытался похитить доктор Дисмас, но кроме того, он не был уверен, что все-таки ускользнул от префекта Корина. Эта поездка могла быть не более чем передышкой, пока префект Корин или какой-нибудь другой офицер Департамента Туземных Проблем не решит снова его схватить. Когда он очнулся, ему пришлось отослать больше десятка машин, которые следовали за «Соболем», и скорее всего придется отсылать еще.

Йама не хотел вспоминать ни о младенце зеркального племени, ни о своем сне, когда с ним говорила та женщина, ни о том, как неудачно закончилась процессия. Он надеялся,

что все это осталось позади, и ночью молился, чтобы минувшие события без следа канули в прошлое, подумаешь, еще одно чудо в городе, где чудеса — самое обычное дело.

По правому борту не было ничего, кроме бескрайнего речного простора. Водная гладь тянулась на сотню лиг, до самой линии горизонта, где над тончайшей полоской дальнего берега клубились высокие груды белых облаков. С каждым днем облака будут становиться все выше и ближе, пока наконец не рухнут на землю, неся с собой краткий сезон дождей. Если не считать случайной рыбацкой лодки, тянущей невод с глубоководными деликатесами в сопровождении кружащейся стаи белых птиц, внешние пространства Великой Реки были вотчиной больших кораблей. На огромной, мерцающей равнине в любой час их можно было насчитать не меньше сотни.

И все шли в низовья.

На войну.

Из пяти членов команды на «Соболе» двое, включая толстого повара, были рабами, приобретенными на тюремных аукционах. Самый старый из матросов, корабельный плотник по имени Фалерус, лысый малый с острой змеиной мордочкой и грубыми складками кожи на усыпанном пятнами черепе, тоже был когда-то рабом. Он давно уже выкупил свою свободу, но все равно остался — другого дома у него не было. Из двух других вольнонаемных членов экипажа один, жизнерадостный простодушный человек, носил имя Анчиаль. Он с поразительной легкостью носился по реям и мачте. А про другого, спокойного, застенчивого юношу, говорили, что он убил в бойцовских схватках пятерых противников и сбежал от своего хозяина, потому что не хотел драться с женщиной. Этот парень, Пантин, и второй раб, маленький седой человечек, принадлежали к расе Пандараса. Как только выдавалось свободное время, эти трое усаживались вместе и начинали рассказывать легенды, петь песни и баллады по кругу, друг за другом, иногда это тянулось часами.

Никому из команды не позволялось подходить к грузовому люку на корме без разрешения капитана Лорквиталь или ее дочери Агиляр. Брезент на люке был натянут, словно на барабане, а сам трюм загружен орудийными запчастями, каждая из которых была щедро залита полимерной пеной и торчала из-под брезента, как огромное мягкое яйцо. У фальшборта на полубаке стояли клетки с курами, цесарками и единственным, зарывшимся в кучу соломы поросенком, а на треугольном куске настила над полубаком, там, где к бушприту крепится леерами парус, располагалась укрытая брезентом легкая пушка.

Именно здесь устроилась Тамора на второй день. Час за часом она сидела, уставившись в проплывающий мимо берег,

и даже Агиляр, веселая, общительная особа, которая утверждала, что в каждом порту на Великой Реке по крайней мере трое мужчин пылают к ней бешеной страстью, не могла добиться от нее и пары слов.

Йаму все это очень тревожило, но он промолчал, решив про себя, что по-прежнему недостаточно о ней знает и еще меньше о ее расе. Вдруг она не может прийти в себя от их приключений, а особенно от заключения в Департаменте Туземных Проблем? Обсуждать свое пребывание там Тамора не пожелала, и Йама подозревал, что ей не только обрили голову, было кое-что и похуже. И разумеется, Тамору беспокоил и сердил Элифас. Он узурпировал ее место советника! Он, а не она, нашел данные о его происхождении! Йаме и в голову не приходило, что причина меланхолии может быть совсем в другом. В нем самом.

К концу второго дня «Соболь», спускаясь по течению, наконец добрался до городских окраин. За топями и отмелями, которые оставила отступающая река, поднимались песчаные склоны, усыпанные квадратными зевами древних захоронений. Единственными знаками присутствия человека в этих пустынных местах служили мелкие рыбацкие деревушки на границе новых полей, устроенных там, где река недавно катила свои воды.

Утром следующего дня ветер совсем стих, треугольный парус на «Соболе» бессильно повис, и корабль медленно дрейфовал по течению. С небес цвета индиго нещадно палило солнце, в жарком мареве воздуха далекие склоны казались волнами раскаленного железа. Огромные корабли, разбросанные по глади сверкающих вод, часами не меняли своего положения.

В конце концов капитан Лорквиталь приказала спустить парус. С бортов бросили якоря. Команде разрешили по очереди искупаться, и даже капитан Лорквиталь отправилась в воду, одетая в огромную белую сорочку размером с шатер. Она осторожно спустилась по трапу на корме.

Пандарас плескался в воде, как дельфин, и, дурачась, брызгался на двух своих приятелей. Элифас с достоинством плавал саженками, все время держа седую голову над водой.

Тамора сидела на палубе полубака и демонстративно не смотрела на веселящихся купальщиков.

Йама уплыл далеко. Он нашел заросли ламинарии и закутался в ее прохладные скользкие пряди. Этому трюку он выучился еще в детстве. Наполненные газом водоросли будут держать его на воде без всяких усилий. На сверкающей глади воды силуэт корабля выглядел маленькой черной кляксой; Йама мог бы закрыть его одним пальцем.

Мысли юноши обратились к городу его детства, скоро корабль будет проходить мимо, Йама мог бы сойти, вер-

нуться в замок и зажить прежней безмятежной жизнью. Жениться на Дирив. Конечно, это смешанный брак, но они все равно будут счастливы. Он не станет возражать, если она забеременеет от мужчины своей расы, и вырастит ее детей как своих собственных.

Но подобные мысли — не более чем пустая фантазия. Он не может вернуться домой. Не может претворяться, что все вокруг не изменилось. Что сам он не изменился. Удивительно и пугающе.

Он ощущал вибрацию черной машины где-то за пределами обитаемого мира. И даже сейчас, плавая среди густых водорослей, он чувствовал, что под ним собираются машины, видел сквозь слой чистой воды, как по красным пескам ложа реки движутся странные создания с тускло-серебристыми панцирями и длинными членистыми хвостами. Он опустил голову в воду и долго всматривался в это бесконечное собрание, потом снова перевернулся на спину и стал смотреть на далекий корабль, думая о Дирив, Эолисе и обо всем, что оставил в городе своего детства, наконец развернулся и медленно поплыл к кораблю.

Когда Йама поднялся по трапу, Тамора даже не повернула головы. Нагретые доски палубы на полубаке жгли ему ноги, вода, стекая с мокрого тела, лишь несколько мгновений лежала темными пятнами и тут же высыхала.

Помолчав, Тамора сказала:

— Я лазила на мачту. У самого горизонта какое-то пятно. Как будто горит что-то очень большое. Я не понимаю, в чем там дело.

Йама вспомнил, как Лоб и Луд подожгли корабль, чтобы отвлечь внимание в ту самую ночь, когда его похитил доктор Дисмас.

— Может быть, это галиот или карака, на которую напали пираты, — высказал предположение Йама.

— Значит, на войне дела хуже, чем я надеялась, раз вражеские рейды доходят до этих мест.

— Тут всегда были пираты, — возразил Йама. — Они живут среди плавучих островов на самой середине реки.

Тамора упрямо покачала головой:

— Все пираты отправились на войну. Там добыча богаче и легче.

Йама потянулся к ее бритой, изрезанной шрамами голове, но не дотронулся, удержав руку в последний момент.

— Я тебе не верила, — бросила Тамора. — Не хотела верить.

Йама понял, о чем она.

— Я ведь не изменился, Тамора. Я по-прежнему не хочу ничего иного, чем когда встретил тебя в первый раз. Как только я найду своих соплеменников, я хочу отправиться на войну и сражаться изо всех сил.

— Изо всех сил! — Она наконец повернулась к нему и посмотрела снизу вверх. — Я думала, что ты монстр. Так

они мне сказали, пока я сидела в келье. Они говорили, что я могу быть беременна от тебя, носить твое семя. Они меня обследовали.

— Прости, Тамора, я не знал. Очень жаль.

— Нет! Это мне жаль. Я проявила слабость. Позволила этим скотам влезть себе в голову. Это не ты поместил чудовище у меня внутри. Это они! И с тех пор оно все время шепчет у меня в мозгу. Знаешь, я всегда знала про тебя правду, просто не хотела ее принять. Вот эти скоты и воспользовались, влезли мне внутрь. Больше этого не случится.

Внезапно она бешено развернулась и плашмя бросилась на палубу. Движение было таким молниеносным, что Йама не успел среагировать. Тамора поцеловала его ноги, подняла голову и произнесла:

— Я в тебя не верила. Но теперь верю. Верю, что ты способен творить чудеса. Я буду служить тебе, не щадя жизни. Только позволь!

Йама поднял ее на ноги, испытывая смущение и неловкость.

— Мы будем сражаться плечом к плечу, как собирались, — воскликнул он.

Тамора наконец решилась посмотреть ему в глаза.

— Об этом я и говорю.

— Разумеется, против еретиков.

Но он ответил так быстро, что оба почувствовали: сказано по привычке, не по убеждению.

Тамора спасла положение.

— Понятно, — сказала она. — Как всегда.

16. О ЧУДЕСАХ

Элифас говорил:

— Когда я был совсем молод, то много занимался этим вопросом. Уже тогда я пришел к выводу и не вижу причин менять свое мнение сейчас — существуют три категории чудес.

Старик сидел с Йамой и Лорквиталь на квартердеке в тени гудящего паруса. Ночью вновь поменялся ветер, сильно задувая с верховий в сторону дальнего берега. Корпус «Соболя» с ревом рассекал волны. Воды реки до самого горизонта играли ослепительными бликами. Белые барашки, будто снежной порошей, усеяли всю бесконечную даль. Справа по борту, в пятидесяти лигах, бушевала гроза. Над тяжелыми пурпурными облаками то и дело сверкали молнии, и по водной равнине неслись отдаленные раскаты грома.

Элифас загибал длинные тонкие пальцы, отсчитывая предполагаемые категории чудес.

— Можно говорить о явлениях, противоречащих законам природы. Например, если в полдень солнце не двинется вспять, а продолжит свой путь на ту сторону реки. Бывают явления, которые в природе вполне возможны, но именно в данном порядке — никогда. Например, умерший возвращается к жизни или Око Хранителей восходит в то же время, что и Галактика. Ну, и еще явления, происходящие естественным путем, но которые в случае чуда возникают в отсутствие естественных побудительных сил. Например, если бы этот прекрасный корабль мчался вперед без ветра в парусах и без течения под килем. Таким образом, мы видим, что большая часть чудес — процессы вполне естественные, но не имеющие естественных причин или порядка событий.

— Что касается меня, — заявила Лорквиталь, — то я не верю во всякие сверхъестественные случаи. На берегу говорят, что матросы суеверны. Но на самом деле мы просто осторожны, ведь на воде нельзя ничему доверять. Мне кажется, чудеса происходят потому, что люди на них надеются. В основном только очень верующие утверждают, что видели чудо. И это естественно. Ведь именно они получат от него максимальную выгоду, даже если сами того не осознают. Лично я полагаю, что, если кто-то объявляет, что видел чудо, он скорее всего просто ошибается.

Элифас кивнул:

— Все, что ты говоришь, сестра, справедливо. Самая сложная проблема с чудесами, это не пытаться их объяснить. Труднее всего доказать, что некое событие является чудом, а не простым проявлением законов природы или древней технологии. Доказать, что это не хитро подстроенный трюк и не иллюзия, основанная на добровольном согласии аудитории ей поддаться. В древние времена существовали театры для разума. Там зрители могли обследовать фантастические миры, где чудеса происходили как нечто само самой разумеющееся. Примерно как в театре марионеток. Ведь куклы там могут летать, глотать огонь, восставать из мертвых. Но ведь это не чудеса. Это иллюзии.

— Значит, можно сказать, — вмешался Йама, — что я видел во сне, как ожила кариатида. Или что я говорил с женщиной из оракула в Храме Черного Колодца. К несчастью, я не могу в это поверить. Истина в том, что в нашем мире существуют вещи, о которых все давно забыли, а я каким-то образом умею возвращать их к жизни. Для меня вопрос не в том, как происходят эти события, а почему они происходят. Если бы я знал ответ, то был бы счастлив.

Икшель Лорквиталь сказала:

— До того как умер мой муж, еще до войны, мы ходили по Великой Реке с верховий до самого устья по крайней

мере раз в год. Думаю, я видела большинство рас Слияния, включая самые дикие туземные племена из тех, что обитают у подножия Краевых Гор или в болотах и джунглях вблизи срединной точки мира. Но должна с сожалением признать, молодой человек, я никогда не встречала таких, как ты.

Йама улыбнулся и, повернувшись к Элифасу, сказал:

— Во всяком случае, я рад, что мне не придется тратить время на поиски. Ты их уже провел.

— Даже такое надежное судно, как «Соболь», не может забраться далее конца реки, — произнес Элифас. — А раса Йамы сейчас может жить только там.

— Там никто не бывает, — сказала Икшель Лорквиталь. — Только уж самые отчаянные авантюристы и сумасшедшие миссионеры.

Элифас согласно кивнул:

— Именно, сестра, лучше и не придумаешь места, чтобы спрятаться.

Икшель Лорквиталь рассмеялась и захлопала в ладоши. Кисти рук у нее были толстыми, между пальцев висели дряблые перепонки. Звук получился звонкий и громкий.

— Такой красноречивый господин, — улыбаясь, сказала она, — способен разговором выманить из воды рыбу, убедив ее, что воздух очень полезен. Прекрасные слова впустую тратятся на старую женщину. Вот моя дочь — да. Она настоящий знаток комплиментов. Ее бы порадовала твоя утонченная беседа.

Элифас поклонился.

— Должна тебе сказать, — обратилась Икшель Лорквиталь к Йаме, — что такая бледная кожа, как у тебя, не годится для жителей пустыни за срединной точкой мира.

Элифас возразил:

— Согласно мемуарам, которые обнаружил мой ученый друг Кун Норбу, старший служитель Департамента Аптекарей и Хирургов, они должны обитать в пещерах ниже поверхности пустыни.

Йама улыбнулся.

— Мой отец постоянно роется в земле, пытаясь найти прошлое. Подземный город — самое вероятное место, где можно обнаружить первых людей нашего мира.

— Именно так, брат, именно так. Много лет назад, когда я был еще совсем молод, если, конечно, подобное можно вообразить, мы с Кун Норбу нашли под разрушенным храмом подземный ход. Ход уходил в глубину, к просторному помещению, где стояли огромные машины, которые не работали. Этот зал оказался таким громадным, что, потратив два дня на его изучение, мы не решились идти дальше. С тех пор мне часто снится этот зал и, бывает, там случаются такие чудеса, что, проснувшись, я боюсь, уж не сошел ли я с ума.

В серебристых глазах Элифаса играли концентрические круги, сжимались и расширялись, подобно зрачкам. Его гладкая черная кожа имела зернистый рисунок, как на хорошо выделанной шкуре быка. Пальцы казались букетом членистых прутиков. Изящная ушная раковина обрамляла глядящую наружу барабанную перепонку.

Йама вдруг осознал, что он практически ничего не знает об этом немолодом человеке, который упорно хотел следовать за ним, Йамой, по одной-единственной причине — ему хотелось снова раздуть в своей душе угасший было дух приключений, свойственный его давно ушедшей юности. Прошлой ночью Йама случайно увидел, что Элифас, скрючившись над палубой возле отдушины, что-то шептал в маленький пластмассовый треугольник, видно, какой-то амулет или идол. Какие молитвы? Каким духам? Ясно, что не Хранителям. Тамора права, подумал Йама, нельзя так безраздельно доверять всем подряд.

Элифас встретился глазами с Йамой и улыбнулся.

— А что касается вопроса, почему ты оказался способен сотворить то, что сотворил, то это — совсем другая проблема. Следует задаться вот каким вопросом. Происходят ли чудеса оттого, что Хранители или какие-то их представители активно вмешиваются в жизнь нашего мира, или же оттого, что они являются частью естественного хода событий, так и задуманного Хранителями с самого начала?

Икшель Лорквиталь вынула изо рта погасшую трубку, откинулась в шезлонге и сплюнула в несущиеся мимо волны. Она вытерла рот тыльной стороной своей перепончатой ладони и сказала:

— Всем известно, что Хранители ушли из нашего мира. Лучше или хуже, он теперь существует сам по себе, и со всем остальным — то же самое. Звезды и раньше были на небе, Хранители только расположили их в более приятные глазу созвездия.

— Именно так, — отозвался Элифас. — Однако некоторые полагают, что, покидая наш мир, Хранители желали создать для себя некую протяженность от первопричины до самого конца. Таким образом, оставив нас, Хранители фактически вышли за пределы творения. Они все еще наблюдают за нами и направляют наши действия, но более опосредованно, чем когда они выражали свою волю через аватар в оракулах.

Икшель Лорквиталь вспомнила:

— Когда еретики заставили умолкнуть последних аватар, было много беспорядков. Тогда сожгли много храмов. Черные были времена.

— В действительности, — стал объяснять Элифас, — после Эпохи Мятежа выжило очень мало аватар, и они были в таком смятении, что не могли реально влиять на события, а просто были последним прибежищем людей, которые искали ответы на вопросы, ответов не имеющие. Аватары больше не явля-

лись источником вселенской мудрости и кладезем знаний об управлении миром, как это было в Золотой Век до мятежников. Разумеется, там имелись очень полезные программы, которые действовали как библиотекари. Мне все еще их не хватает. Письменные архивы, правда, почти так же обширны, но с ними трудно управляться.

— Аватары были глазами и устами Хранителей, — сказала Икшель Лорквиталь, — так меня учили еще ребенком. На самом деле я считаю, все это говорилось, чтобы заставить нас подчиняться. Ведь все верят, что Хранители постоянно глядят нам через плечо, как когда-то делали родители.

— Чудесам требуются свидетельства, — произнес Элифас, возвращаясь к предыдущей теме. — Вполне возможно, что Хранители, например, воскрешают из мертвых рыбу или где-то в тайных пещерах легко перемещают целые горы, жонглируя ими, как мячиками, но что толку? Чудеса открывают нам нечто в природе мира и нашей веры, противореча нашему пониманию этой природы и открывая некую истину о духовном строе самих Хранителей. Разумеется, наш мозг может оказаться слишком мал, чтобы вместить в себя эту истину.

Икшель Лорквиталь прикрыла глаза внутренними прозрачными веками, словно пытаясь заглянуть в собственный разум.

— Что касается меня, то я полагаю, чудом можно считать случай, когда имеется такое невероятное стечение обстоятельств, что приходится волей-неволей поверить в чье-то вмешательство, чтобы все сложилось именно так. Любой, с кем случались такие вещи, навсегда изменит представление о своем месте в этом мире.

— Мир велик, — откликнулся Элифас, — а Вселенная еще больше и значительно старше. Если какое-либо событие возможно, хотя и чудовищно маловероятно, нет причин, чтобы ему не произойти в какой-нибудь точке.

Икшель Лорквиталь упрямо возразила:

— Если что-нибудь невероятное произойдет как раз с тобой, особенно если это невероятное спасет тебе жизнь, то ты остановишься и крепко задумаешься, почему повезло тебе, а не другому бедолаге.

Тут вмешался Йама:

— Я не настолько скромен, — сказал он, — чтобы думать, будто все, что мне позволено было сделать, если, конечно, я правильно понял слова Элифаса, потребовалось только, чтобы заставить меня изменить свои взгляды или преподать мне урок. Тем не менее я не хочу считать себя посредником, которого использует некая необъяснимая сила. Ведь тогда получается, что каждый свой шаг я делаю не по собственной воле, а по воле чужой силы. Неужели придется поверить, что все мои поступки диктуются чьей-то волей.

Что произошло, когда толпа стала неистовствовать? Что он сказал? Что сделал? Йама не помнил и не смел спросить, чтобы не демонстрировать слабость и стыд.

— Это вопрос, который мыслящий человек обязательно должен себе задать, — сказал Элифас. — Единственная достоверная информация гласит, что Хранители взяли из десяти тысяч миров десять тысяч видов животных, преобразовали их по образу и подобию своему и вдохнули в них разум. Однако этого оказалось недостаточно. Каждая раса должна искать собственный путь развития, и это единственное чудо, на которое мы согласны.

Вообразите себе одно человеческое существо в городе непреобразованной расы. Человек этот может быть поэтом, художником, певцом или священником, но пусть он будет, скажем, поэтом. Он следовал своему призванию, как раньше его отец и дед, ни о чем не задумываясь. Он написал тысячи строк, но каждую из них мог сочинить любой другой поэт этой расы, ныне живущий или давно умерший. Как все непреобразованные, он обладает менее развитым ощущением собственной индивидуальности, в нем сильно чувство единения со своими братьями и сестрами по расе, чувством сообщества. Если его изъять из этого сообщества, он вскоре погибнет, в точности как пчела, залетевшая слишком далеко от своего улья. Как и улей, сообщества непреобразованных объединены не переплетением индивидуальных интересов, а слепым следованием привычке и обычаю.

И вот однажды ночью, один в своей комнате, но среди тысяч таких же, как он, наш поэт вдруг осенен мыслью, которая прежде не приходила в голову ни единому человеку его расы. С трудом пробирается эта мысль сквозь заскорузлые извилины его мозга, и при ее свете поэт постепенно начинает различать, что есть собственно он, а что — не он. Представьте себе целый океан ламп, горящих одинаковым тусклым светом, а теперь вообразите, что одна из них вдруг разгорается ярче, и сиянием своим затмевает все остальные. Наш поэт записывает свою мысль в форме стихотворения, его печатают и читают, просто потому, что так было всегда: все стихи публикуются и читаются без тени размышления или критики. Таков обычай этого города, и до сих пор никому не приходило в голову в нем усомниться. Однако мысль нашего поэта пускает корни в умах сограждан и расцветает там пышным цветом, подобно искре, упавшей на сухую траву, которая превращает поле в гигантский костер. И вот уже возникает сотня, тысяча, миллион новых мыслей, сражающихся за власть над умами. В городе разгорается война, граждане ищут возможность определить границы своей личности. Различные фракции дерутся прямо на улицах. Те, кто еще не прошел через преображение, невинные и не способные понять перемен, беспощадно отсеиваются. Вы-

жившие оставляют поле сражения, надеясь, вероятно, основать новый город или же просто рассеиваются по всей Великой Реке.

Нам известно, что преображение инициируется невидимыми машинами, которые наполняют каждую каплю воды, каждый комок почвы, каждое дуновение ветра. Эти микроскопические машины развиваются в мозге преображенных. Они усиливают мощь разума, не повреждая его сути, так город, построенный на месте рыбацкой деревушки, может сохранить от предшественницы тот же план своих основных магистралей. В мозгу непреображенных рас тоже содержатся машины, но они пребывают в латентном состоянии. Так вот, мысль, которая вдруг является среди ночи, будит машины, заставляет огнем полыхать весь народ, пока он не выгорит дотла или не преобразится, — она и есть чудо.

Чудо Йамы было как раз таким, хотя он (или через него женщина из оракула) принес перемены не одной из обычных непреобразованных рас, а туземной расе, которая, как считается, вообще не способна к преображению. Интересно, одни чудеса могут быть сильнее и удивительнее других? Существует ли иерархия чудес или все они равно невероятны, а оттого одинаково поразительны? Йама продолжал размышлять над этими вопросами, когда Элифас и Икшель Лорквиталь уже сменили тему и стали болтать о другом.

17. ГОРОД МЕРТВЫХ

Тамора своими острыми глазами давно углядела ниже по течению намек на дымовой столб, но только в послеполуденную вахту на следующий день матрос, сидевший в «вороньем гнезде» на мачте, мелодично пропел, что слева по борту, на берегу, виден пожар. У самого края суши висело маленькое темное облако размером, по словам Пандараса, с детский кулак. Капитан Лорквиталь сначала внимательно рассмотрела его сквозь очки, а затем заявила, что эту беду им лучше обойти стороной.

— Ближе к середине есть быстрое течение, мы прекрасно можем им воспользоваться, да и в любом случае там впереди плавучая гавань, которую надо огибать.

Йама смотрел на берег, постепенно осознавая увиденное. С внезапной тревогой он попросил у капитана ее очки, прищурился, глядя сквозь одну линзу, и берег вдруг прыгнул ему навстречу, оказавшись ужасно знакомым. Уже два дня корабль шел мимо бесплодных холмов, где торчали одни гробницы, но только сейчас Йама догадался, что они приближаются к самому сердцу Города Мертвых.

Вот широкая, выстланная лоскутным одеялом полей и каналов долина реки Брис, вот круглый утес, с венчающим его замком, а дальше лежат сухие холмы с ожерельями гробниц, с кипами темно-зеленых кедров и черных кипарисов в жарком мареве туманной дали, где на фоне синего неба вырисовываются снежные шапки подножия Краевых Гор. А вот и мелкая бухта с торчащим, как палец, новым причалом, который сквозь топкие берега ведет к самому урезу воды, а дальше тянется набережная — линия прежнего берега в Эолисе.

И Эолис горел.

Трехпалубный военный корабль стоял в широком устье бухты, поливая городок иглами зеленого и красного цвета. Там, куда они попадали, плавился камень. Бомбардировка выглядела бессмысленной: все каменные постройки уже сровнялись с землей и все, что могло гореть, горело. Черные клубы дыма тянулись вверх, уплотняя сизую пелену, расстилающуюся над городом. Башня доктора Дисмаса превратилась в оплывший серый сугроб, молнии света сровняли древние руины и теперь лупили по залитым водой полям пеонина, поднимая фонтаны и облака белого пара. Остался стоять только храм с почерневшим от сажи фасадом. Высокие кипарисы, цепочкой окаймлявшие длинный подъем, скрючились или пылали.

Йама в отчаянии закричал.

— Что с тобой, господин? — спросил Пандарас.

Йама с болью покачал головой и быстро поднялся на квартердек, где капитан Лорквиталь и ее дочь уже прокладывали новый курс, разложив на столе лоции. Как во сне, он услышал собственный голос, который просил развернуть «Соболь» к берегу, а не от него.

— Это мой дом, — объяснял Йама. — Большинство тех, кто мне дорог, живут в этом городе. Моя семья. Друзья.

Он думал о Дирив. Смелая, умная, находчивая, она обязательно придумает, как спастись. Наверняка она спряталась в холмах за городом. Она знает дорогу к таинственной башне Беатрис и Озрика. А может, эдил забрал ее и семью в замок. Конечно, он попытается защитить всех горожан. А может, Дирив укрылась у Ананды, помощника главного жреца в храме Эолиса. Ведь храм еще цел.

Икшель Лорквиталь жестко взглянула на Йаму и произнесла:

— Присядь-ка на минуту.

Йама заметил, что весь дрожит.

— Я должен сойти на берег.

— Это слишком опасно, — вмешалась Агиляр. — Когда нужно, я не против подраться, но не с военным кораблем. Он сожжет нас одним выстрелом.

Тамора, явившись следом за Йамой, стала у него за спиной и заявила:

— Делай, что он говорит.

Капитан Лорквиталь перевела взгляд с Таморы на Йаму и спросила:

— Я должна поступать, как лучше для корабля. Здесь идут военные действия, и я не могу рисковать кораблем и жизнями экипажа.

Элифас сидел на своем привычном месте возле шезлонга капитанши.

— Если здесь твой дом, брат, — сказал он, — то не думаешь ли ты, что твоим врагам это известно? Они знают, что ты спускаешься по реке в низовья. Вполне возможно, тебя решили выманить на берег.

У Йамы перехватило горло.

— Одолжите мне шлюпку, — попросил он. — Я сам высажусь на берег, а вы, если хотите, становитесь на якоре в плавучей гавани, кроме того, ниже по течению есть отмели и острова смоковниц, где можно спрятать целую флотилию. Через день я вернусь, если же нет, то плывите без меня.

— Но мы потеряем шлюпку, — сказала Агиляр.

— Тогда высадите меня прямо сейчас. Я найду вас через три дня по ту сторону от города.

— Тебе не следует рисковать, брат, — сказал Элифас.

— Мне бы тоже не хотелось потерять пассажира, — добавила Лорквиталь.

— Я пойду с ним, — заявила Тамора.

Пандарас вскочил на поручень у нее за спиной, вытащил свой кинжал и, крутя его над головой, выкрикнул:

— И я тоже. Ему нужен оруженосец.

Агиляр распорядилась:

— Если эти трое собираются за борт, пусть отправляются прямо сейчас, пока мы не попали в сектор обстрела пушек этого молодца.

Капитан Лорквиталь задумалась, посасывая серебряный свисток, потом обратилась к дочери:

— Я не желаю, чтобы трое из моих пассажиров лезли в опасную переделку, однако они явно готовы выпрыгнуть за борт, если не найдут другого выхода. Будем держать тот же курс. Может, им удастся сойти на берег, если, конечно, повезет.

Агиляр в упор посмотрела на Йаму:

— Ничего хорошего из этого не получится.

— Будь милосердна, дочка, — попросила ее мать. — Чуть что, мы тут же уйдем.

— Ты должна ему верить, — обратилась к Лорквиталь Тамора. — Он сумеет вас защитить.

Йама кивнул, надеясь, что сосуд ее веры не разобьется о рифы его сомнений.

Агиляр фыркнула:

— Тогда будем молиться, чтобы твой Йама нагнал встер нам в паруса. Без этого будет худо.

Йама и Тамора сошли с «Соболя» и сели в шлюпку чуть выше плавучей гавани. Пандараса оставили на борту под тем предлогом, что кто-то должен проследить, как капитан Лорквиталь будет придерживаться договоренностей о встрече в полночь. Он стоял на полубаке и махал им вслед, пока кораблик в лучах заходящего солнца разворачивался, направляясь к середине реки.

Тамора подняла свое весло и сказала:

— Думаю, что этот чернокожий книжный червь с серебряными глазами прав. Там почти наверняка ловушка.

Йама беспомощно проговорил:

— Я знаю. Это дело рук Департамента Туземных Проблем. Замок все еще цел, они его захватили.

— А мы делаем как раз то, что им надо. Прямиком туда лезем. Ха! По крайней мере застанем их врасплох.

Если Дирив решила укрыться в замке, то она, конечно, в плену, и префект Корин ее уже допросил. Эта мысль была еще тяжелее, чем страх, что она погибла. Йаме вспомнилось, как она вспорхнула со стены в развалинах близ Эолиса в ту ночь, когда они встретили отшельника. Такая легкая и грациозная. Пушистые волосы мягкой волной укутали тонкое лицо.

Йама снова схватился за весло. Они дружно взялись грести к плавучему доку. Помолчав, Йама сказал:

— А вдруг они просто боятся? Как ты думаешь, Тамора, могут они меня бояться?

— Капитанша и ее дочь тебя точно боятся. И команда тоже. А Элифас больше всех. Я следила за ним. У него есть нож, маленький хорошенький стилет, он спит, не выпуская его из рук.

— Я доверяю ему больше, чем он доверяет сам себе, — ответил Йама, — но меньше, чем тебе.

— Ты вообще не должен ему доверять. Он хочет что-то от тебя получить.

Пока они гребли, Йама часто оборачивался, с болезненной жадностью вглядываясь в горящий город, но видел не больше того, что уже открылось его взгляду с палубы «Соболя». Слишком много дыма, к тому же столбы белого пара продолжали бить фонтанами там, где луч с крейсера шарил по набережной старого русла. Закипала вода в неглубокой бухте и на отмелях, где он когда-то охотился на крабов и искал сокровища, зарытые, как верили все вокруг, как раз в этих местах. Несколько древних монет — вот и вся его тогдашняя добыча. Йама сжал рукой монету, которую откопал в келье Дворца Человеческой Памяти. Она не отличалась от тех, что он выкапывал еще ребенком. Его действительно окружали сокровища, но если бы знать!

Они пробирались по лабиринту складов, платформ и кранов плавучей гавани. Никто не отозвался на крик Йамы, а длинные эллинги имели заброшенный, пустующий вид. Снова и снова хлопала на ветру дверь, и больше никакого движения.

Огромный тусклый диск заходящего солнца воспаленным красным зрачком мрачно смотрел сквозь пелену дыма и пара. Воздух царапал горло, отдавая кислым металлическим вкусом. Башни стоящего на утесе замка высоко возносились над вершинами садовых деревьев. Последние лучи солнца окрасили их алым цветом; кровавыми бликами играла река. Тамора забормотала о недобрых знамениях. Вокруг летали хлопья черной сажи, пачкая им одежду и лица. В воде стали попадаться обломки и колотить о борт легкой шлюпки: разбитая мебель, книги, бутылки, обгоревшее тряпье. Отлив уносил весь этот мусор к выходу из бухты. Мимо лодки проплыли упакованные в черный пластик, тугие как барабан тюки прошлогоднего сена. Трупов не было, но Тамора сказала, что это ничего не значит, мертвецы обычно не всплывают на поверхность, пока их не раздует от газов.

Шлюпка под тупым углом скользнула к берегу выше обрыва. По воде катился свист и грохот легкой пушки военного корабля. Кругом стоял треск лопающихся от жара камней, шипение пара, гул бесчисленных мелких пожаров.

Йама снова стал задумываться о Дирив. Вдруг эдил оказал сопротивление и теперь является пленником в собственной земле? Что стало с гражданами Эолиса? Что с Дирив? В душе его теснились страх, стыд, гнев и чувство беспомощности. Перед глазами возникало мучительное видение бесстрастного лица префекта Корина.

На берегу возникло движение, захлопали крылья, это птицы, встревоженные появлением лодки, целой стаей поднялись в воздух, а потом все, как одна, опустились на воду. Йама и Тамора выпрыгнули за борт, оказавшись по пояс в воде, и вытащили шлюпку на топкий берег.

— Надо было тебе взять рапиру, — проворчала Тамора. — Я обещала о тебе позаботиться, но ты сам все усложняешь. Нужно и самому думать об обороне.

— Это ведь мой дом, Тамора. Я не могу вернуться туда вооруженным до зубов.

— Если замок захватили враги, он уже не твой дом.

— Посмотрим, — сказал Йама, но чтобы ее успокоить, он отломил сук молодой сосны, которую река выбросила на этот болотистый берег. Вода обточила сук, лишив его коры, но гнить он еще не начал, так что получился отличный посох в половину человеческого роста.

Солнце уже скрылось за Краевые Горы, но Око Хранителей еще не появилось над горизонтом. Свет шел только от пожаров за утесом. Пушка била с неправильными интер-

валами, и так же нерегулярно возникали вспышки и направленные тепловые удары. Во всех окнах замка горел свет, и это дало Йаме хоть какую-то надежду. Кто бы ни командовал сейчас в замке, ясно, что нападения он не ожидал.

В наступающей темноте глаза Таморы видели лучше, и она пошла впереди, направляясь вдоль берега над полями пеонина, раскинувшимися в бывшем ложе реки. По старой береговой линии тянулась цепочка финиковых пальм. Ребенком Йама проводил долгие часы в их тени, пока Закиль читал ему и Тельмону лекции из естественной истории. И здесь совсем рядом было место, где он в последний раз встречался с Дирив перед тем, как отправиться в Из с префектом Корином. Когда Йама с Таморой, поднимаясь по набережной, двигались к пальмам, в темноте перед ними раздался негромкий треск. Тамора схватила Йаму за руку и, пригнув голову, прошептала, что она пойдет вперед и посмотрит.

— Но там нет машин, — так же шепотом ответил Йама. — А у них обязательно должны быть машины.

Сквозь изящные арки пальмовых листьев промелькнул свет, раздался металлический лязг и внезапно к ним бросились пять странных паукообразных созданий размером со взрослого человека. За ними бежали вооруженные солдаты.

— Ее мы убьем, — сказал командир патруля, молодой нервный лейтенант, обращаясь к заклинателю. — Она не имеет никакого значения. Просто маленькая грязная наемница. Даже мать о ней не вспомнит.

Тамора зашипела и попыталась плюнуть в лейтенанта, но машины держали ее так крепко, что она и голову не могла повернуть

— Моим паукам все равно, мертвая она или живая, они так и так ее удержат, — сказал заклинатель. — А она может рассказать что-нибудь полезное. Я буду рад подвергнуть ее машинной обработке. У ее племени сильная воля, так что можно будет продемонстрировать все возможности этой штуки.

Йаму и Тамору крепко и очень болезненно спеленали хлыстообразные отростки машин-пауков. Они даже не доставали ногами до земли. Один из солдат отобрал у Таморы саблю, когда она бросилась на него в начале схватки, а свой сук Йама обломил о машину, которая его теперь держала.

— Если вы ее убьете, — крикнул Йама, — то убейте и меня, клянусь, я все равно с вами расправлюсь.

— Ты не в том положении, — отозвался лейтенант, — чтобы диктовать мне, что делать. — Он рассмеялся и оглянулся на своих спутников, солдаты тоже расхохотались. Лейтенант, смуглый парень в пластиковых доспехах поверх кожаного кафтана, был вооружен энергопистолетом, который торчал из его патронташа, крест накрест надетого на кирасу.

Йама подождал, пока они успокоились и снова повернулись к нему, ожидая ответа. Он помолчал, а потом спокойно сказал:

— Меня разыскивает префект Корин, я ему очень нужен. Он хочет, чтобы я работал на благо Департамента. Если вы убьете мою спутницу, я поступлю так: соглашусь стать лояльным сотрудником, а потом разыщу вас и убью.

Лейтенант сплюнул и носком ботинка втоптал слюну в пыль.

— О, я не стану ее убивать, — сказал он. — Бывают вещи похуже смерти. Тогда ты сам пожалеешь, что не позволил мне подарить ей чистую смерть, солдатскую. Машины Нергаля ужасны, и эти — еще самые приятные.

Свободные пауки собрались в группу позади солдат и держали электрические лампы, на свет которых из темноты слетелась масса мошкары. Грубые с виду создания: решетка из алюминиевых трубок, мотор и датчики, установленные на высоких членистых лапах. Между передней парой конечностей кустом торчал десяток длинных непрерывно извивающихся щупальцев из скрепленных металлических колец, на концах которых болтались клещевидные манипуляторы.

Щупальца паука, державшего Йаму, плотно обмотались вокруг его рук и ног. Они больно врезались в кожу и испускали слабый электрический разряд. Йама не чувствовал эти машины. Ими управлял заклинатель, Нергаль, человек с черной, слегка люминесцирующей в стерильном электрическом свете кожей и большими круглыми глазами, холодными, как камень. На нем была длинная металлическая кольчуга и медный, очень плотно сидящий шлем. Белые облегающие перчатки до локтей скрывали его руки.

— Они тебе не подвластны, — заявил Йаме Нергаль. Он сделал какой-то жест левой, затянутой в перчатку рукой, и машина, которая держала Йаму, накренилась влево, потом опять выпрямилась. Йама почувствовал мысль заклинателя, и в душе его шевельнулась надежда.

Нергаль важно проговорил:

— Это новый класс машин. Они первые, построенные со времен сотворения мира. Они танцуют под мою музыку, никому больше не подчиняясь.

— У них нет разума, — сказал Йама, — какая же от них может быть польза?

— Они изловили тебя, Йамаманама, и держат. Для начала этого хватит. У них не меньше логики, чем у любого из насекомых, а думать им не о чем. Размышления — это роскошь, любой работяга тебе это подтвердит.

— Хватит болтовни, — вмешался лейтенант. — Мы должны доставить добычу в замок. Не очень-то мне нравится этот засохший сад.

— Абсолютно правильно, — заметил Йама. — Мертвые могут быть опасны.

— Заткни свою пасть или я прикажу вставить тебе кляп, — прорычал лейтенант. — Ты сам скоро окажешься среди мертвецов, вот тогда и будешь меня пугать. — Лейтенант снова захохотал, но солдаты его не поддержали. Он сверкнул на них взглядом и резко бросил: — Не трусьте. Здесь нет ничего, с чем мы не справимся.

Подчиняясь знакам, которые выписывал в воздухе Нергаль, машины со связанными пленниками двинулись в самом центре группы остальных пауков. Ревели моторы, лязгали гидравлические связки. С обеих сторон выстроились солдаты, держа ружья на караул.

— Пусть эти твари идут побыстрее, — сказал лейтенант. — У этой парочки могут быть сообщники.

— Я думал, вы всех выгнали, — заметил Нергаль. — Большинство скрылось в низовьях.

— Мы не гарантируем безопасности за пределами охраняемого периметра, — сказал лейтенант. — Пусть эти штуки прибавят скорость.

— Как только мы доберемся до мощеной дороги, они смогут двигаться побыстрее. Равновесие на грунтовой поверхности — дело очень сложное, оно отнимает значительную часть мощности сервера.

— Если возникнут проблемы, — заявил лейтенант, — мы бросим машины.

— Ты мне это уже не раз говорил, и я тебе снова отвечу: если возникнут проблемы, мои машины с ними легко справятся. Их процессоры и серверы хорошо приспособлены к боевым условиям, у них есть инфракрасные приборы наблюдения и пушки, стреляющие со скоростью тысячу пуль в минуту. Скоро, лейтенант, все наши армии будут состоять из таких машин. Только представь! Прибавив еще мощь Йамаманамы, мы легко отбросим еретиков за устье реки.

— Не стоит говорить об этом при моих людях, — буркнул лейтенант.

Тут вмешался Йама:

— Приятно познакомиться с одним из тех, кто экспериментировал со мной во время моего краткого пребывания во Дворце Человеческой Памяти. Очень тебе обязан, Нергаль.

Теперь патруль приближался к одной из широких, вымощенных белым камнем улиц Города Мертвых. Здесь было похоронено множество купцов. Их тесно стоящие гробницы поблескивали в наступающей темноте. Множество резных пирамид, стел и статуй украшали этот квартал. Даже в смерти купцы продолжали соперничать с конкурентами.

— Ты снова будешь нашим гостем, — ухмыляясь, сказал Нергаль.

— До тех пор он успеет тебя убить, — заявила Тамора, — лучше сразу его отпусти.

— Не думаю, что это правильно, — ответил Нергаль. — Надо еще многое изучить. У твоего мозга, Йамаманама, есть некая особенность, а может, это особенность твоей нервной системы, которая позволяет тебе взаимодействовать с древними машинами. Мы ее обнаружим, даже если придется вскрыть тебе череп и изрезать тебя на тонкие ломтики. Но, надеюсь, этого не потребуется. Будет лучше, если ты сам согласишься сотрудничать и сам расскажешь, как это делается.

— Едва ли я сумею объяснить, — сказал Йама, — но наверняка могу показать.

— Мы выясним, как управлять машинами, которые захватили еретики, — продолжал Нергаль. — Мы будем управлять всеми машинами, а значит, и всем миром. И это только для начала.

Теперь они добрались до первых гробниц. Солдаты рассредоточились по флангам, а машины, ступив на мостовую, пошли быстрее, направляя свет ламп то в одну сторону, то в другую. Гробницы здесь были размером с настоящие дома, но вырезанные очень грубо. Когда дошли до более древних и более изящных надгробий, Йама почувствовал, что к нему тянется, просыпаясь, некое сообщество, и объяснил, что нужно делать.

И тут ночь вспыхнула светом из прошлого.

Солдаты в панике принялись палить, а к ним тянулись мертвые руки. Йама проник глубоко в структуру фантомов и преобразил ее. Больше не было улыбающихся мужчин и женщин, которые навязчиво стремились рассказать любому, кто согласен их слушать, истории жизни тех мертвецов, которых они представляли. Вместо этого появились иссохшие лица, сверкающие глаза или не глаза даже, а просто черные пустые провалы в оголенных черепах. Пергаментная, задубевшая кожа морщится на длинных костях, костлявые пальцы тянутся к лицам живых. Дикий смех, вопли, ультразвуковая вибрация, которая передавалась Йаме по конечности той машины, которая так крепко его держала. Внезапно спустился плотный туман, наполненный бликами кошмарных теней. Солдаты растаяли в нем без следа, не видно стало даже вспышек ружейных выстрелов, хотя в воздухе резко отдавались их крики и катилось бесконечное эхо стрельбы.

Где-то в тумане лейтенант прокричал приказ прекратить стрельбу, что все это просто хитрый трюк. Но солдаты оказались разрознены, ослеплены туманом и окружены целым полчищем мертвецов. Машины Нергаля вдруг встали посреди чего-то, выглядевшего как затянутая туманом древняя улица. Скелеты тягловых животных тащили повозки, набитые разлагающимися телами, которые шевелились, сохраняя тень призрачной полужизни. Бледные

силуэты с горящими глазами выглядывали из окон домов. У ног Йамы, которого все еще крепко держал на весу паук, заклинатель пал на колени. Облитые перчатками руки сошлись на его горле и сжимались с неотвратимой силой. Расширившимися от ужаса глазами он смотрел Йаме в лицо, безуспешно хватая ртом воздух.

Йама ощутил ужасное, ликующее чувство триумфа. Он не поддался жалости.

— Я не могу управлять твоими машинами, — прокричал он. — Но я могу управлять тем, что ты используешь для контроля над ними. Ты дурак! Воспользовался старой технологией, чтобы управлять новой!

Нергаль его не слышал. Он все еще стоял на коленях, но был мертв, задушенный системой обратной связи, которую он применял для управления своими машинами. Голова его склонилась вниз, пока лоб не ударился оземь, тогда тело расслабилось, упало и покатилось в канаву. Щупальца, удерживающие Йаму, потеряли вдруг силу, и он упал прямо на землю. Вокруг с металлическим лязганьем падали пауки.

Солдаты все еще кричали от ужаса, а Йама и Тамора уже добрались до древней лестницы. Йама разбудил всех до одного фантомов-аспектов в Городе Мертвых. Невысокие холмы, плотно уставленные гробницами и памятниками, до половины тонули в сверхъестественном жутком тумане. Тамора несла ружье, взятое у убитого ею солдата. Она не смогла найти того, кто забрал ее саблю, и ворчливо сокрушалась о потере.

— В Департаменте Туземных Проблем я уже потеряла свой меч, — говорила она. — У него было прекрасное закаленное лезвие, и он недешево мне достался. Я не оказалась бы здесь, если бы не задолжала за него Горго. А теперь и замену отобрали.

— Я найду тебе другой, — успокоил ее Йама. — У нас в арсенале их полно. — Он объяснил ей, что узкая лестница с вытертыми, а иногда и сломанными ступенями, по которой они взбирались, выведет их прямо к пологому склону горы. Ею часто пользовалась кухонная прислуга из замка. — Некоторые травы растут только вблизи гробниц, — продолжал рассказывать Йама. — Мертвецы придают почве необходимые этим растениям свойства. Когда я был совсем ребенком, то каждое утро ходил их собирать с младшим поваренком.

— У тебя было странное детство, Йама. Не многим придет в голову использовать кладбище как огород.

— Нам повезло, что я так хорошо знаю кладбище. Солдаты заблудились, испугавшись иллюзий, наведенных этими гробницами, а я привел нас обоих к цели самым коротким и быстрым путем.

— Я рада, что Нергаль мертв. Он создал замечательные машины, — сказала Тамора.

Чувство триумфа, которое охватило Йаму, когда он убил Нергаля, теперь рассеялось, словно что-то проснулось в нем, а потом снова отправилось спать. Но дело сделано, и, может, к лучшему, что заклинатель мертв, иначе у Йамы появился бы еще один враг, который стал бы его преследовать.

— На самом деле пауки Нергаля ничуть не хуже, чем твое ружье или тигровая змея. Они точно так же не имеют сознания, а значит, и не способны разделять добро и зло. Зло можно творить, сознательно отрицая добро.

— Это я и имею в виду. Он хотел творить с их помощью зло. И с твоей помощью тоже. Йама, ты правда можешь подчинить своей воле машины всего мира?

— Надеюсь, что Нергаль просто хвастал, но на самом деле я и сам не знаю.

Добравшись до верхней лестницы, они услышали крики. Еще дальше слышался надрывный лай собак.

Усмехнувшись, Тамора сверкнула в темноте белыми зубами:

— И я надеюсь, ты сможешь успокоить сторожевых псов, как сделал это в доме того торговца.

— Они меня знают, — ответил Йама. — Это второй трюк, которому я научился.

— А первый?

— Ты сама только что видела. Хотя тогда я, конечно, считал, что фантомы умерших интересуются мной не более, чем другими. Теперь-то я понимаю, что сам притягивал их к себе. От них я много чего узнал, когда они защищали память тех, кого представляли.

— Все, что ты делаешь, необычно, — сказала Тамора, и Йама услышал в ее голосе те же нотки, что звучали в нем, когда два дня назад она клялась отдать за него жизнь.

У ворот стояли двое солдат. Тамора шепнула Йаме, что сама справится с ними. Он забрался в кусты у поворота дороги и стал наблюдать за игрой света в туманном озере далеко внизу. Теперь туман покрывал все — даже самые высокие памятники в Городе Мертвых. Сторожевые псы были где-то рядом, он быстро переговорил с ними и принялся ждать возвращения Таморы.

Она появилась настолько бесшумно, что казалось, вышла из скрытой в темноте двери. Тамора закинула на плечо ружье, а в руке несла короткий меч. Усевшись рядом с Йамой, она красным языком слизнула с плеча кровь и только потом сказала:

— Первого я убила руками, а второго — мечом, который взяла у первого. Ты что, собираешься сидеть здесь всю ночь или мы все же отправимся на рандеву? Конечно, если толстая капитанша потрудится сдержать свое слово.

— Сдержит. Пандарас заставит или же утопит ее корабль, пытаясь заставить. Но я не думаю, что ее придется уговаривать. Она — хорошая женщина.

— Ха! Ты слишком доверяешь людям. Как бы тебе это боком не вышло.

Они прошли в ворота, и Йама подозвал собак. Они радостно выскочили из-за деревьев и кинулись ему навстречу через широкий газон. Тамора стояла неподвижно, подняв над головой меч, а Йама погладил каждого пса, назвал его по имени и дал понюхать свои руки.

Свет из окон зала отражался в пластинках на собачьих шеях, блестел на влажных мордах, искрами играл в черных глазах.

— Они тебя не тронут, — сказал он Таморе. — Я сказал им, что ты — мой друг.

— Не люблю собак. Даже твоих. Где вход в дом?

В сопровождении толкающихся собак Тамора и Йама прошли вдоль двух стен замка и попали во двор, где недавно Йама простился с эдилом и домочадцами и куда уже никогда не рассчитывал вернуться. Караульня и дом сержанта Родена тонули во мраке.

— Они все сейчас ждут нас, — ухмыльнулась Тамора.

— Собаки убили всех солдат во дворе, — сказал Йама. — Двое у ворот — твои. Еще десять — мои.

Они прошли через огород. Йама распахнул дверь и увидел, что ничего не изменилось. Люди у большого очага отодвинули стулья и поднялись, при неверном свете свечей лица их казались бледными масками. Здесь собралась домашняя прислуга.

— Тебе грозит опасность, молодой человек, — крикнул Паролис, высокий и тощий смотритель винных погребов. Из оставшихся слуг он был самым старшим и говорил за всех. — Ты увидел за-за-зажженную в городе свечу. И ты приехал на свет. Он так и сказал, что ты никуда не денешься. Беги! Беги сейчас же! Пока его солдаты тебя не нашли.

— Я их сам нашел с помощью моей спутницы Таморы. Как мой отец, Паролис? Что они с ним сделали?

Пламя толстой свечи, которую Паролис держал в руках, швыряло искорки света в самую середину его сузившихся зрачков. Эти искры стали вдруг расплываться, цепочка маленьких капель покатилась по влажным щекам старого слуги и закапала с острого подбородка. Он медленно проговорил:

— Твоего отца здесь сейчас нет, молодой го-господин. Прошлой ночью он скрылся. Сержант Ро-роден ему помог. Тут было небольшое восстание.

— Мы думаем, что они отправились за реку, — сказал кондитер Бертрам, он был вдвое ниже Паролиса, но зато в два раза толще. На плече он, как клюшку, держал большой ковш.

Паролис потер щеки тыльной стороной ладони и сказал:

— По крайней мере мы считаем, что он отправился именно туда. Но точно не знаем. Некоторые из твоих домочадцев тоже успели скрыться, но, увы, не все. Остались те, кто здесь, и еще библиотекарь.

Йама почувствовал громадное облегчение. Он боялся самого худшего, теперь этот груз упал с его плеч. Он сказал:

— Но все же мой отец жив. А дочь торговца, Дирив? Ее семья укрывается здесь?

— Я ее не видел, — ответил Бертран. — Мне очень жаль, молодой господин.

— Они очень плохо обходились с твоим отцом, молодой го-господин, — сообщил Паролис. — Поместили в его доме предателя, допрашивали с помощью ужасных машин из-за того, что он им противился, когда сожгли город.

— Кое-кому я уже отомстил, — сказал Йама. — Изобретатель мертв.

— Но змей еще жив. Когда он увидел огни в Городе Мертвых, он страшно на-напугался и приказал надзирателям нас здесь запереть.

— Я поговорю с этим гадом, — мрачно пообещал Йама.

— Мы пойдем с тобой, молодой го-господин. У нас нет оружия, только кухонная утварь, но мы сделаем все, что сможем. Ужасные времена. Департамент воюет сам с собой.

— Надеюсь, скоро все кончится, — сказал Йама. — Ну, кто со мной?

Собрались все.

В галерее менестрелей, где когда-то Йама подслушивал доктора Дисмаса и своего отца, было два солдата, но только один успел выстрелить до того, как Тамора прикончила их из ружья. Один упал на спину, а второй перевалился через ограду, с тяжелым хлюпающим звуком упал на длинный полированный стол, дернулся и затих.

— Исчезли знамена, — заметил Йама, посмотрев на высокий сводчатый потолок. Без них зал выглядел более объемным и заброшенным.

— Их сожгли, — сказал Паролис. — Они так страшно горели. Префект назвал это «жертвенный огонь тщеславия». Он за-за-заставил твоего отца смотреть. Для него это было наказание, хуже, чем машины.

Йама и Тамора провели стаю сторожевых собак и толпу слуг через большой зал к высоким двойным дверям в приемный покой. Там стояли еще два солдата. Один успел сбежать, а второй умер, проклиная трусость товарища. Йама и Тамора распахнули двери. Высокая квадратная комната была залита светом, но пуста. Со стен исчезли четыре больших гобелена, но высокое кресло под балдахином, где обычно сидел эдил, все еще стояло на помосте в центре комнаты.

Йама обошел помост, нырнул в маленькую дверь и пошел по узкой лестнице, которая вела в личные покои эдила. Нет нужды прятаться, тревогу, видимо, подняли уже давно. Радостные крики прислуги, звон доспехов сторожевых псов, когда они задевали за прогнутые дугой цепи, — все это создавало ужасный шум. Во главе с Йамой вся толпа рванулась в коридор. Некоторые из слуг колотили по стенам, топали ногами и кричали изменнику, чтобы он выходил. Дверь в покои эдила оказалась заперта, но Тамора одним движением прострелила замок и ногой распахнула дверь.

В комнате было жарко и душно. Пахло сексом, пролитым вином, сигаретным дымом. Горели сотни свечей, они стояли на всех поверхностях в лужах расплавленного воска. Кругом среди куч пустых бутылок и нераспечатанных коробок с едой валялись бумаги. Медный перегонный куб был разбит, его детали рассыпались по мокрому от вина ковру.

На кровати сидел человек. Двумя руками он поднял пистолет и целился в Йаму. Он был абсолютно гол, наготу прикрывала только смятая грязная простыня. Рядом с ним лежала обнаженная женщина, прижимавшая к груди валик от кровати. Одна из городских блудниц. Ее синий парик съехал набок, вокруг рта, как синяк, расползалась черная краска, широко раскрытые глаза тоже грубо обведены черным.

— Не думай, что я им не воспользуюсь, — сказал Торин, показывая полный рот белых, острых, как иглы, зубов. Горбатая спина вдавалась в изголовье кровати. Бритая голова сверкала от пота. — Значит, ты вернулся. Корин так и говорил. Теперь ты мой. Пусть этот сброд уйдет, и мы поговорим, парень.

— Не-не-не слушай его, молодой го-го-господин, — вскричал Паролис.

Бертрам добавил:

— Он не может убить нас всех.

— Он ничего не сделает, — сказал Йама. — Он знает, что солдаты разбежались и что нельзя позвать на помощь префекта Корина. Как долго ты ему служишь, Торин?

— Если надо, он сожжет тебя, как сжег город. — Пистолет качнулся в его руке, он скосил глаза на короткое тупое дуло и снова навел его в грудь Йаме. Торин был очень пьян.

— Тогда тебе тоже гореть. Мне грустно, что ты стал таким, Торин. Ты ведь был добрым другом моему отцу.

— Я всегда был слугой Департамента. Твой отец предатель. Он скрыл то, что знал о тебе, даже от префекта Корина. Но он, придурок, все записал. Записи где-то здесь. Если он не понимал, что попало ему в руки, то он дурак, а если понимал, то самый страшный предатель в нашей истории.

— Я не стану орудием Департамента, — сказал Йама.

— Значит, ты такой же дурак и предатель, как эдил. Я бы убил тебя на месте.

— Я буду сражаться с еретиками, как все, — сказал Йама, — но боюсь, у префекта Корина на меня другие планы. Он хотел бы с моей помощью уничтожить другие департаменты. Он захватил бы весь мир, если б мог. Отдай пистолет, Торин, и я тебе позволю уйти.

— Отойди! Говорю тебе, не подходи! — Торин схватил обнаженную женщину, подтащив ее, посадил перед собой и приставил к ее голове пистолет. — Я убью ее и вас всех тоже! Сожгу всю эту сволочную груду камней!

Тут женщина с удивительной силой нанесла Торину удар под узкую челюсть, его острые зубы впились в нижнюю губу, он вскрикнул от боли, пистолет выстрелил. Его огненный красный луч прошел в пальце от лица Торина, прожег балдахин и отразился от потолка. Балдахин вспыхнул, Тамора в прыжке пролетела через комнату и одним ударом перебила Торину руку.

Торин, с ожогом на пол-лица от пролетевшего мимо заряда, не стал отвечать ни на один вопрос Йамы. Йама оставил его на милость остальных слуг и вместе с Таморой отправился искать Закиля.

Тощий, высокий библиотекарь оказался на месте, в библиотеке. Его приковали за ошейник; длинная цепь тянулась к кольцу, скользящему по железному рельсу над головой. Щеку рассекала свежая, кровоточащая рана. Он спокойно наблюдал своими бесстрашными черными глазами, как Тамора безуспешно пыталась разрубить цепь мечом.

— Она из закаленной стали, — прокомментировал Закиль. — Закаляли бычьей кровью, по-моему. Ты затупишь клинок, госпожа.

— Все равно это дерьмо, — буркнула Тамора, но все же бросила меч на аккуратно заправленную койку Закиля, которая, как всегда, стояла под большими алюминиевыми стеллажами. Она резко подпрыгнула и раскачивалась на распорке, которой крепился к потолку рельс, пока та не вылетела вместе с тучей пластиковой крошки и пыли. Потом она сняла кольцо с рельса и бросила свободный конец цепи к длинным голым ногам Закиля.

Широким рукавом своей мантии Закиль стер пыль с верхних полок стеллажа и сказал:

— Может быть, было бы лучше оставить меня на цепи, молодой господин. Торину, конечно, воздадут по заслугам и очень быстро, но те, кому он служил, скоро вернутся.

— Ты должен пойти со мной, — сказал Йама.

— Ты сам понимаешь, что я никуда не уйду. Я отвечаю за книги и не могу взять все их с собой. И даже если бы

мог, разве я сумел бы уберечь их? Надеюсь, твой экземпляр Пуран еще у тебя?

— Я всегда ношу его с собой.

Закиль поднял тяжелую цепь и перекинул ее через руку.

— В нужных обстоятельствах он тебя многому научит. Я рад, что ты вернулся, молодой господин, но боюсь, впереди тебя ждет дальняя дорога.

— Насколько много знает обо мне мой отец? Что он скрыл от Департамента?

— И от тебя? — улыбнулся Закиль. — Он сообщил тебе обстоятельства твоего появления в Эолисе. Что касается остального, то он сам должен тебе рассказать, а не я, ибо он лучше все понимает. Сержант Роден со своими молодцами увез твоего отца за реку. Добрый сержант и меня звал с собой, но, увы...

Йама улыбнулся:

— Ты не мог бросить книги.

— Именно так. Пусть я раб, но раб не Департамента, а своего долга, долга библиотекаря замка. Все так, как и следует быть. Я храню клятву, которую однажды нарушил, когда был моложе тебя. В твоем возрасте я, ослепленный гордыней, считал, что знаю лучше, чем те, кому я служил, но теперь все иначе. Возраст дает возможность видеть события в перспективе. Как будто взбираешься на Краевые Горы. Конечно, в конце концов начинает не хватать воздуха, но зато какой вид! Эти книги — вся моя жизнь, молодой господин, я их не оставлю.

— Ты знаешь, что случилось с народом амнанов?

— Многие успели перебраться за реку, но Дирив с семьей уехали за день до того, как крейсер бросил якорь в нашей бухте. Теперь здесь говорят, что они были лазутчиками и скрылись, но я не верю.

Сердце Йамы радостно сжалось. Ему показалось, что он взлетел к потолку. Усмехнувшись, он произнес:

— Значит, она в безопасности.

Он догадывался, куда они отправились. Она должна сейчас быть вместе с Озриком и Беатрис в самой старой части Города Мертвых у подножия Краевых Гор.

— Может быть, она вернется, — успокаивающе проговорил Закиль. — А возможно, ты получишь от нее весточку.

— Скажи ей, что я отправляюсь в низовья, но я вернусь.

— И все? Хорошо, скажу, когда увижу ее.

— Я буду скучать о тебе, Закиль.

— Мы ведь уже простились. Не беспокойся обо мне или о книгах. Торин накопил много обид на замок, ведь он ставил себя выше, чем есть. Но префект Корин зол не на замок, а на тебя.

— Надо идти, — сказала Тамора. — До встречи меньше часа.

18. ПЛАВУЧИЙ ЛЕС

На рандеву они опоздали, но «Соболь», как и было обещано, ждал их выше плавающих доков. Йама и Тамора стояли у парапета квартердека, а маленький кораблик уходил прочь от горящего города. Военный корабль все еще поливал город иглами раскаленного света. Йама, хотя и отомстил за муки своего отца, испытывал смешанное чувство стыда, гнева и отчаяния. Он стоял, выпрямившись и уцепившись за парапет, так что боль от сжатых пальцев отдавалась в локтях. Он смотрел на пепел родного города, и по лицу его катились крупные слезы. Пусть он ничего не в состоянии сделать, по крайней мере будет свидетелем. Он не отведет взгляда от картины этого разрушения и навсегда сохранит о нем память.

Матросы, толкая друг друга, шептались, что он плачет о доме, но были только отчасти правы. Сам того не сознавая, Йама оплакивал собственную невинность.

Впередсмотрящий прокричал предупреждение. Тамора показала на огни пакетбота, который спешил к выходу из бухты, намереваясь, по всей видимости, перехватить «Соболь».

— Он идет, — сказал Йама. — Я так и знал, что он явится.

Но тут его снова охватил страх, пришлось прислониться к парапету, покрепче за него ухватившись. Крупная дрожь сотрясала все тело.

Капитан Лорквиталь приказала отпустить стаксели.

— Мы пойдем полным ходом, — сказала она Йаме. — Они идут на веслах, но пока есть ветер, мы легко оторвемся.

Тамора хотела расчехлить пушку и раздать оружие, но капитан Лорквиталь отказалась, да и Агиляр упрямо преграждала путь к сундуку с оружием. Йама положил руку на плечо Таморе и удивился, поняв, что она дрожит так же сильно, как и он. Префект Корин оставил свой след в их душах.

— Я буду придерживаться нашего соглашения, — сказала капитан Лорквиталь. — Но и вы тоже. Мы не станем устраивать сражение ни за правое, ни за злое дело.

Силуэт пакетбота четко вырисовывался на фоне горящего города. Он летел по кроваво-красной воде. Единственный ряд весел дружно взлетал под ритм барабана. На мачте горел белый фонарь, сигнал, что на пакетботе желают вступить в переговоры. Несколько минут расстояние сокращалось, потом «Соболь» поймал ветер и стал отрываться.

Вдруг с борта пакетбота что-то взлетело. Предмет понесся над водой, как подпрыгивающий на волнах камень, потом взлетел выше и поднялся над «Соболем» раньше, чем Тамора успела прицелиться из захваченного ружья. Это оказалась маленькая

машина, плоская, как тарелка. Она быстро крутилась над кораблем, рывками дергаясь то вправо, то влево над самой мачтой. Йама вспомнил о той машине, которую послали против него в Департаменте Туземных Проблем, разум этой тоже был защищен сложными логическими петлями, которые занимали все внимание Йамы, пока он их распутывал. Впечатление было такое, будто ныряешь в заросли колючек, где отовсюду торчат шипы, щелкают челюсти, сверкают ножи. Внезапно из машины вырвался сноп мертвенно-бледного света, под ногами легли четкие тени, сверху раздался громовой голос, приказывая «Соболю» немедленно остановиться, иначе будет срезан парус.

Капитан Лорквиталь, сложив рупором ладони, прокричала через все растущую полосу воды между «Соболем» и пакетботом:

— Предъявите ваши полномочия!

Машина нырнула, целясь своим острым режущим краем в штаг, и в этот момент Йама прошел через последние защитные рубежи и добрался до ее нехитрого, линейного разума. Машина качнулась в сторону и повалилась вниз. Пролетев долгий путь до воды, она почти без всплеска исчезла в волнах.

Капитан Лорквиталь посмотрела на Йаму долгим жестким взглядом, но промолчала.

— Что ж, — сказала Тамора, — теперь он поймет, что ты на борту.

— Он и раньше это знал.

Теперь началась гонка между «Соболем» и пакетботом, соревнование в ловкости капитанов и матросов. Военный корабль развернул свою лазерную пушку от города, но было уже поздно, он успел сделать только пару выстрелов, а потом «Соболь» достиг нижнего выхода из бухты (пеониновая мельница превратилась в кучку стекловидного шлака) и крейсер вместе с пылающим городом скрылись из виду.

Йама терзал свою память, вспоминая карту сложной паутины течений, а «Соболь» блуждал по лабиринту прибрежных отмелей и кущ смоковниц. На носу поставили человека, и он промерял глубины. Йама всю ночь простоял вместе с капитаном Лорквиталь и рулевым, а команда по очереди отдыхала. Пандарас и Элифас спали на циновках под навесом. Тамора мерила шагами палубу либо стояла рядом с матросом на носу, вглядываясь в темноту или шлифуя свой меч, который она выбрала в арсенале замка. Элифас проснулся перед рассветом, пришел на кормовую палубу и спросил, как дела.

— Ну, видели же, — ответила Лорквиталь. — Мы еще живы и, если ветер не переменился, еще поживем.

Перед кораблем повсюду мелькали плавучие острова, десятки тысяч зеленых точек рассыпались по необъятной

равнине реки. Края облака, горой нависшего над дальним берегом, вспыхнули, поймав первый рассветный луч. Его воздушные башни засверкали пурпуром и золотом.

Элифас облокотился на парапет рядом с Йамой, а тот всматривался в светлеющий горизонт, пытаясь различить в свете восходящего солнца дым родного города на фоне бесконечной береговой линии. Старик прочистил глотку, сплюнул в пенные воды, журчащие вокруг корабельного корпуса, и произнес:

— Тебе следует отдохнуть, брат. Мой незначительный опыт приключений утверждает, что, если впереди ждут испытания, сон — весьма ценная валюта.

— Почему они это сделали, Элифас?

Серебристые глаза Элифаса сверкнули отраженным светом, черная кожа блестела, будто натертая маслом, в плотных завитках белых волос играли искры зари. Он сказал:

— Потому что они хотели заманить тебя в ловушку и не могли придумать другого. Потому что спутали долг и собственные низкие мотивы. Потому что служат Хранителям только на словах. Потому что готовы растоптать весь мир, чтобы его спасти.

— И никто не встал у них на пути, пока я не начал действовать...

— Те, кто пытается противостоять Департаменту Туземных Проблем, подвергаются уничтожению или оказываются поглощены. И те, кто не пытается, — тоже, но постепенно. Туземные Проблемы выросли на войне как на дрожжах, и она же — причина и повод их существования. Если они смогут справиться с мятежом и выиграть войну, то найдут другого врага, даже в своих собственных недрах.

Йама вспомнил рассказ старосты из деревни землепашцев о древнем Департаменте, который назывался Глава Всех Людей. Он поглотил все остальные департаменты и наконец ему не с кем стало воевать, кроме себя самого. Йама подумал, что Хранители не могли сотворить мир, где в бесконечных бессмысленных циклах будут повторяться одни и те же события. Похоже на книгу, которую снова и снова читает глупец, не умея постичь ее смысл.

— Они хотят, чтобы я покорился их воле, — сказал он. — Поэтому я не могу смотреть на них иначе чем на врагов.

— Брат, ты должен воспользоваться против них своим даром, — посоветовал Элифас. — Машина, которую ты разрушил, — это ерунда. И то, что ты сделал, чтобы освободить нас, — тоже ничто. Ты способен на гораздо большее. Ты не должен позволить себя поработить, только чтобы сберечь свою совесть.

— Ты боишься, Элифас?

— Конечно, боюсь. Но если мы выживем, впереди нас ждут великие открытия.

— Я не уверен, буду ли чувствовать себя свободным, если воспользуюсь своим... даром, сам не понимая, как

действую и зачем он мне дан. Мне случалось совершать много дурного, хотя я вовсе этого не хотел. Я боюсь, что снова могу причинить зло.

Капитан Лорквиталь стояла на корме у поручней и смотрела в бинокль вверх по течению, потом подошла к Йаме и Элифасу и сказала:

— Пакетбот все еще нас преследует, но мы оторвались по крайней мере на пару лиг, и пока ветер не переменится, уйдем еще. Но крейсер тоже будет нас преследовать, а он нам по крайней мере не уступает. Насколько упорно они будут за тобой гнаться, Йама?

— Они не остановятся.

— Я так и думала. Я разбужу дочь, и мы решим, что делать. Но одно я знаю точно: мы не сможем вечно от них убегать.

— Может быть, спрячемся? Или придумаем, как напасть самим?

Капитан Лорквиталь задумчиво посмотрела на Йаму.

— Если дойдет до драки, как ты будешь действовать?

— Я и сам не знаю, но надеюсь, что сумею спасти корабль и людей.

Казалось, ответ ее удовлетворил, но когда она ушла будить дочь, Элифас сказал:

— Я надеюсь, ты отбросишь свои сомнения, брат. Ты никогда не найдешь свою расу, если прежде не расправишься с врагами.

Йама подумал, что Элифас не прав. Если ему придется защищаться от врагов, он станет не лучше их. Тем не менее какая-то часть его разума ликовала при мысли о битве — то прожорливое чудовище на самом дне его души, в которое, как он считал, вдохнула жизнь женщина из оракула. Ему не нужны аргументы, а только принуждение, не любовь, а насилие. Похотливое чудовище с непомерным аппетитом, которое само не умрет, скорее мир рухнет! Он должен за ним следить; но тут Йаме пришла в голову мысль: а что, если Дирив погибла, если погиб или обесчещен его отец — а это для него смерть заживо, сможет ли он тогда придерживаться своего решения?

Свободные члены команды быстро поедали кашу из маниоки, а повар вместе с рыбаками оттирал содой и пемзой сажу на белых досках палубы. Йама поел без аппетита. Он очень устал, но чувствовал, что уснуть не сможет, тогда Пандарас принес ему ружье и посоветовал потренироваться в стрельбе. Целый час Йама посылал пули в плывущие по воде щепки, потом под руководством Таморы разбирал и собирал ружье. От бессонницы пальцы двигались вяло и неуклюже. Наконец Пандарас заставил его прилечь, и он тут же уснул, а когда проснулся, солнце уже стояло в зените.

Пандарас принес ломоть черного хлеба и миску приправленной куркумолой чечевицы, в которой попадались пестрые кусочки рыбы. Мальчишка присел на корточки перед хозяином и с трогательной заботой следил, как тот ест. Полные ветра

грот и стаксели четко вырисовывались на фоне синего неба. По левому борту тянулась неровная зеленая полоса — лес водяных смоковниц.

Йама спросил:

— Где мы?

— Мы уже в виду крейсера, господин. Капитан говорит, через день он нас догонит. Это очень большой корабль, у него сильнее моторы и паруса они тоже натянули.

Йама корочкой выскреб из деревянной миски остатки чечевицы и сказал Пандарасу:

— Я не могу одним только пожеланием нас спасти.

— Никто этого и не ждет, господин. Мы хотим уйти в лес. Капитан говорит, что, может быть, нам удастся там спрятаться. Пока ты спал, они обсуждали это с Агиляр. Тамора довольна. Она хочет устроить засаду. Ей не терпится подраться.

— Мне жаль, Пандарас, что я втянул тебя в такие опасные приключения.

Пандарас встал в позу и заявил:

— Господин, я был прислугой в трактире, когда встретил тебя. Теперь я оруженосец у героя.

Йама понимал, что не такое это простое дело, как многие думают, бросить привычную жизнь и посвятить ее другому человеку. Он увидел в глазах Пандараса искреннюю любовь и улыбнулся.

— У глупого героя, если вообще у героя.

— Ну, если так, то я тоже глупец, что иду за тобой, господин. Думаю, что я — как раз не дурак. А теперь дай мне свою тунику, я ее постираю. Вот твоя вторая рубашка. Она чистая и выглаженная. Надо держать марку. Даже в таких обстоятельствах.

Тысячи смоковниц пустили корни на длинной узкой отмели по внутреннему краю стремнины, где летел «Соболь». Настоящий плавучий лес, протянувшийся на несколько лиг вниз по течению. Теперь, когда почти наступило лето, лес начинал трогаться. Отдельные смоковницы уже дрейфовали по самому краю мелководья, выписывая неторопливые круги на воде. Течение уносило целые флотилии семян с торчащим, как парус, единственным листиком.

«Соболь» вошел в лесной лабиринт по такому широкому каналу, что там могли борт о борт пройти двадцать судов. Какое-то время шли под парусом, но канал разделился надвое, потом еще, и с каждым разом становился все уже, пока наконец не пришлось убрать стаксели и рангоуты. Капитан Лорквиталь приказала убрать мачту, так как кроны смоковниц частенько смыкались, образуя живой зеленый туннель. Агиляр завела небольшой реактивный мотор, который обычно используется для маневра в гавани. Раздался стук, и из выхлопной трубы вылетели клубы черного дыма, который отдавал запахом перегоревшего растительного мас-

ла. Матросы обрубали ветки, которые цеплялись за поручни или царапали планшир. Эхолот каждую минуту давал различные сведения; от узких каналов, где киль «Соболя» цеплялся за спутанную сеть переплетенных корней, до мест такой глубины, где сигнал вообще не возвращался.

Тусклый зеленый свет, сильный дух гниющих растений и молодых побегов, липкая пахучая жара, будто облепившая тело — все это успокоило Йаму. Яркие, как огонь, орхидеи горели среди глянцевой блестящей листвы. По веткам плелись красные кружева ползучих растений, стелились карликовые фикусы, мангровые деревья-паразиты росли прямо на чужих стволах, висели лохмотья серого мха. Водную поверхность, словно мостовую, покрывали красно-коричневые листья водяного папоротника, чьи белые восковые цветы источали одуряюще сладкий аромат. На вертикальных побегах воздушных корней восседали гигантские стрекозы с размахом крыльев в длину человеческой руки и челюстями, которые легко перекусят палец. Полчища синих с металлическим блеском муравьев вели нескончаемые кампании и строили огромные, как караван-сараи, муравейники. С одного листа на другой важно перешагивали птицы с длинными растопыренными когтями. Колибри порхали среди орхидей; в зеленой тени мелькали попугаи и смотрели, как «Соболь» с трудом пробирается в этих водяных джунглях. Отряд длинномордых обезьян пронесся через канал по своему воздушному коридору, выкрикивая ругательства на обезьяньем языке. Вниз посыпался целый ливень оранжевых экскрементов. Старый плотник Фалерус подстрелил пару из лука, и повар тут же принялся их свежевать, чтобы приготовить к ужину. Один раз у самой поверхности зеленой воды появилась плоская морда ламантина и долго рассматривала их карими человеческими глазами; поесть его мяса — неплохо, но убить — дурная примета, поведал Йаме старый Фалерус.

Тамора сидела у бушприта, нянча оружие; ее бритая, исчерченная шрамами голова непрестанно поворачивалась то вправо, то влево: она вглядывалась в плотную массу листвы, стеной стоящую по обе стороны корабля. Дважды канал, по которому двигался «Соболь», заканчивался тупиком — впереди возникала путаница воздушных корней, цветов и листьев, кораблю приходилось с трудом давать задний ход. Один раз они налетели на полузатопленный гниющий ствол мертвого дерева, в который со всех сторон впивались корни его живых соседей, и тогда в ход шла лебедка, трос зацепили за огромный ствол древней смоковницы — праматери всех близлежащих деревьев, и половина команды крутила рукоятку, а другая орудовала шестами.

Свет быстро мерк, сменившись золотисто-зелеными сумерками, а вскоре и кромешной тьмой. Квакали и свистели лягушки, вокруг корабля, который в сумерках стал на якорь у

развилки двух каналов, громко плескалась рыба. В снастях вокруг мачты носились летучие мыши, призывно мигали друг другу желтыми и зелеными огоньками какие-то насекомые.

На ужин подали жареное обезьянье мясо, печеные бананы и рис. (Тамора обгрызла сырое мясо с ребрышек и разгрызла косточки, добывая мозг.) Ели при тусклом свете полудюжины фонарей, вокруг которых летали обуреваемые страстью большие черные жуки. Потом Йама взобрался на вершину самой крупной в округе смоковницы и оказался высоко над узкой полосой темно-зеленого моря трепещущей, как вода, листвы, которую тут и там рассекали ветвящиеся каналы. Вверх по течению мелькнула вспышка, высветив длинный край леса. Йама стал считать секунды и досчитал до двадцати пяти, когда до него долетел наконец звук. Через несколько мгновений — новая вспышка света, на этот раз немного ниже первой. Там тоже были машины, но так далеко, что Йама лишь ощущал их присутствие, но воспользоваться ими не мог.

Йама спустился, покинув свежий прохладный бриз, и вновь окунулся в темную духоту под кронами смоковниц. Он прошел вдоль поросшей мхом горизонтальной ветки и перепрыгнул через парапет на палубу. Когда он рассказал капитану Лорквиталь, что видел, она, прежде чем ответить, глубоко затянулась трубкой, выпустив струю ароматного дыма. Она одна из всего экипажа не страдала от черных мух, которые с закатом поднялись над стоячими водами.

Наконец она сказала:

— Они прожигают себе путь сквозь ветки своей лазерной пушкой. Если бы этой охотой командовала я, то поставила бы крейсер на якорь у конца отмели ниже по реке, а пакетбот заставила бы патрулировать туда-сюда. Лес тянется на много лиг, но он очень узкий, а наши враги знают, что мы идем в низовья и не можем бесконечно прятаться. Мы попали в ловушку между двух огней.

Агиляр сидела скрестив ноги рядом с креслом матери. Она заявила:

— Нам вообще не надо было сюда заходить. Лучше попробовать уйти по открытой воде.

Стоя в темноте у парапета, Тамора отозвалась:

— Крейсер нас догонял, а здесь по крайней мере хорошая стоянка.

— Мы даже не знаем, где он сейчас, — возразила Агиляр, — да мы не знаем, где сами находимся. Загнали себя в капкан в этом лабиринте.

— Пока мы идем по каналам, где есть течение, — вмешался Йама, — мы всегда сможем найти выход.

Когда капитан Лорквиталь затягивалась, огонек ее трубки разгорался сильней. Яркий — тусклый. Как подающее в темноте сигнал насекомое.

— Я слышала, — сказала она, — про трюк с течениями, но сегодня мы дважды следовали за течением, которое проходит под деревьями, и оно нас привело в каналы, где вообще нет никакого течения.

На верху трапа показался Фалерус, тенью мерцая на фоне белой палубы.

— Кто-то к нам приближается.

Йама и Тамора отправились за ним на нос. Они поднялись к пушке, и старый матрос сказал:

— Слушайте!

Металлическое кваканье лягушек, плеск воды... Йама шепнул, что не слышит ничего необычного.

— Они там! — заявила Тамора и открыла заслонку своего фонаря. Его лучи упали на тихую черную воду. На другой стороне канала, прижавшись к стене листьев, стоял человек с зеленой кожей и, подняв руку, прикрывал лицо.

19. РЫБАРИ

Матросы прибавили света в других фонарях и везде, куда долетали лучи, стали видны маленькие круглые ялики, и в каждом, скрестив ноги, сидело по два человека с веслами в форме листа. Ноги у этих людей оказались длинными и тонкими, словно у журавлей, а обнаженные торсы покрыты зелеными и бурыми пятнами. Их было больше сотни.

Йама положил руку на плечо Таморы и сказал:

— Все в порядке. Они — не враги.

— Но и не друзья. Явились среди ночи, незваные.

— Это их дом, а незваные гости — мы.

Йама поприветствовал рыбарей и спросил, нет ли среди них человека по имени Кафис, того самого, который помог ему, когда Йама сбежал после похищения, организованного доктором Дисмасом. Толчея яликов, закрутившись, раздвинулась и пропустила вперед одну лодочку. В ней стоял исполненный достоинства старик с плотной шапкой седых волос. Вместо левой руки у него был обрубок, лицо и плечи испещрены серебристыми шрамами.

— Ты — сын эдила Эолиса, — произнес старик. — Кафис — мой сын. Если позволишь, я поднимусь на борт, чтобы поговорить.

Старика звали Онкус. Он объяснил, что потерял руку еще юношей, когда на него напал древний крокодил, обычно он носит на руке крюк, но по случаю встречи снял его, чтобы не подумали, что у него оружие.

— Мы не состоим в ссоре с сыном эдила из Эолиса, — говорил он. — Эдил всегда был к нам добр. До того, как он вступил в должность, Болотное Племя охотилось на мой народ из интереса или для провианта, но эдил все это пресек. Благодаря твоему отцу обе наши расы уже сто лет живут в мире. Теперь Болотное Племя оказалось рассеяно по реке, а два корабля жгут лес. Дурные пришли времена.

Скрестив ноги, Онкус сидел под навесом между Йамой и Лорквиталь, которая лежала на боку, подоткнувшись подушками, и спокойно покуривала свою трубку. Агиляр, Пандарас, Элифас и Тамора замыкали круг. Меч Таморы лежал у нее на коленях, и она не убирала руку с эфеса. За спиной Онкуса стояла кучка рыбарей, а матросы столпились возле основания сложенной мачты.

— Это моя вина, дедушка. Они жгут плавучий лес потому, что знают: я спрятался здесь.

Онкус кивнул.

— Один из них приходил ко мне три дня назад, когда крейсер отошел от каменного берега, где лежит город Болотного Племени. Он показал твой портрет и сказал, что если мы тебя найдем, то получим награду. Должно быть, ты для них страшный враг, если они решили разрушить твой дом, пока ты не успел туда вернуться.

— Они делают все это, потому что считают меня своим врагом. Да и я их считаю врагами из-за того, что они натворили.

— Значит, есть еще одна причина, чтобы тебе помочь. В них нет уважения к Реке. Любой их враг — наш друг, а ты вдвойне друг, потому что ты — сын эдила.

— Он жив? А люди Эолиса все в безопасности?

— Их выгнали из домов до того, как крейсер начал сжигать город. Если кто-нибудь отказался, а отказаться могли многие — Болотные люди очень упрямая раса, — значит, они погибли. Город сровняли с землей, а в полях выжгли всю воду, теперь там сушь. Эдил пытался это пресечь. Он стал на камнях пристани и заявил, что если сожгут город Болотного Племени, то и его пусть тоже сожгут. Солдаты его схватили и заперли в замке, но он сбежал.

Йама кивнул:

— Я слышал, что он спасся, и мне приятно услышать подтверждение. Где он сейчас? В безопасности?

— Большая часть Болотного Племени перебралась на ту сторону, — сказал Онкус. — Так и кажется, что наступает зима. Эдил последовал за ними. Мы нашли его посередине реки на следующий день после того, как крейсер стал жечь город. Мы перевезли его на берег, а лодку пустили по воде: может быть, его враги решат, что он утонул. Вот все, что мне известно об этой истории.

— Выходит, я твой должник, Онкус, так же как и твоего сына. Ты спас моего отца, а твой сын спас меня.

— Что касается последнего, — возразил Онкус, — то это ваше с Кафисом дело. Кафиса сейчас нет здесь, а я могу только сказать, что если он и спас тебе жизнь, то смог это сделать лишь потому, что ты выручил его из капкана Болотного человека. А твой отец спас множество жизней людей моей расы. Только Хранители могут оценить такие долги.

Капитан Лорквиталь заворочалась среди подушек и сказала:

— Если нам удастся уйти из этого леса, крейсер кинется за нами в погоню, и вашему дому больше не будет грозить опасность.

— Маленький корабль находится сейчас на краю леса, — сообщил ей Онкус, — а большой ждет ниже по течению. Они оба стреляют светом по деревьям, надеясь вас выгнать.

— Так я и думала, — заметила Лорквиталь.

— Мы сами влезли в эту ловушку, — бросила Агиляр.

Пока они пробирались по лесному лабиринту, обычное добродушное настроение постепенно ее покинуло.

— Пусть бы они пошли следом за нами, — ответила ей Тамора, — тут бы мы им сами устроили капкан.

— Мне кажется все просто, — вмешался Пандарас. — Надо оставить корабль и уйти с этими людьми. Они отведут нас к отцу Йамы.

На что Лорквиталь ответила:

— Я так же не могу покинуть корабль, как ты — своего господина.

— И я не стану убегать, — поддержала ее Тамора. — Помолчи, парень.

А Йама сказал:

— Моим врагам приказано отыскать меня. Они не уйдут, пока думают, что я прячусь где-то здесь. А если они решат, что народ Онкуса меня прячет, они сожгут не только этот лес.

— Боюсь, что так и будет, — сказал старик.

Капитан Лорквиталь обратилась к Онкусу:

— Если твои люди могут показать нам дорогу из леса, мы попытаем судьбу на открытой воде.

— Если только они не увидят, как мы уходим, — вставила Агиляр. — Иначе они нас сразу догонят, мы даже паруса не успеем поднять.

— У них повсюду глаза, — заметил Онкус.

Он махнул рукой и к ним приблизился один из рыбарей. В руках у него был небольшой кожаный мешок. Он открыл его и показал маленькую машину величиной с детский кулак. Почти все ее тонкие крылышки были смяты или переломаны.

— Эту мы поймали в сеть и утопили, — рассказал Онкус. — Но есть и другие. Они летают по краю леса.

Йама прикоснулся к машине. На мгновение в сетчатых глазах мелькнул свет, а единственное целое крыло затрепе-

тало. Но это движение было не более чем рефлексом, возникшим от остатков заряда в ее мускулах. Машина скончалась раньше, чем Йама сумел хоть что-то от нее узнать.

Йама оглядел рыбарей и стоящих за ними матросов. Двое матросов касались горла кончиками пальцев.

— Ты должен их уничтожить, брат, — сказал Элифас. — Ты знаешь, что можешь это сделать. Оставь свои колебания.

— Ты не можешь покинуть лес, потому что он тебя прячет, — заговорил Онкус, — и ты не можешь здесь оставаться, потому что твои враги сожгут его до последнего листочка. Но мы тебе поможем. Мы сдвинем сам лес.

Йама рассмеялся.

— Ну, конечно! Ведь сейчас лето! А если вы сможете добыть живую машину, я устрою отвлекающий маневр.

— Зимой деревья укореняются и добывают питательные вещества из речного ила, — стал объяснять Пандарасу Йама. — А летом они вырывают питательные корни и свободно дрейфуют по реке. Они плавают все лето, покуда случай или прилив не собьет снова их в кучу в начале зимы. Рыбари ускоряют этот естественный процесс. Именно они управляют плавучими островами, на которых живут их семьи.

Пандарас устал и был сильно напуган, так что урок из естественной истории не сильно его заинтересовал.

— Тебе надо поспать, господин.

— Не сейчас. Онкус прав. Здесь много машин.

— Ты их от нас отгоняешь. Но не можешь же ты вечно бодрствовать.

— Они сами держатся подальше от меня, Пандарас. Их хозяин знает, на что я способен.

— Если они тебя боятся, значит, нам их бояться нечего, и мы можем пойти и поспать.

— Они могут и рискнуть. А кроме того, я хоть и провел всю жизнь у реки, никогда такого не видел.

Вокруг «Соболя» при тусклом свете масляных ламп трудились рыбари. Они засовывали мешки с мхом между корней смоковниц. Мох вымочили в экстракте из шелухи смоковных семян. Попадая в воду, он стимулировал корневую систему, и деревья отбрасывали питающие корни, которые, как якорем, цепляли их ко дну. Ночь наполнилась треском и стонами смоковниц, стронувшихся с места. Вода вокруг «Соболя» закипела от пузырьков газа, который вырывался на поверхность, пока корни тянулись по илистому дну.

Йама сказал:

— Онкус сообщил мне, что собралось больше тысячи рыбарей из сотни семейств. Но деревьев-то куда больше...

— Господин, они просто глупцы, раз считают, что можно сдвинуть лес. А мы еще глупее, раз верим им. Лучше бы скрыться с ними, пока еще есть возможность.

— Они знают плавучие леса лучше всех на свете. Надо доверять им.

Уже к утру вернулся Онкус и сказал, что поймали еще одну машину. Йаму посадили в ялик и отвезли туда, где висела сеть с пленницей. Здесь лес уже начал распадаться. Путаная сеть каналов и лагун то открывалась, то закрывалась, когда деревья, стронувшись с мест, пускались в неторопливое круговое плавание. В воде поднимались фонтаны песка, сновали косяки мелкой рыбешки.

Пакетбот был неподалеку, он медленно пробирался по течению среди деревьев, в одночасье превратившихся в массу плавучих островов. Темные небеса над верхушками то и дело озарялись красными сполохами выстрелов пушки с борта пакетбота, затем раздавалось шипение и свист испаряющейся воды. Воздух отдавал медью, сверху постоянно сыпались черные хлопья.

— Скоро они будут здесь, — сказал один из рыбарей, и Йама увидел, что руки его дрожали, когда он направлял свет фонаря на один из плавающих островов.

Сеть, сотканная в одну нить из волокон, собранных со скорлупы плодов плавающего куста, была практически прозрачной, но крепкой, как сталь; ее натянули над верхушками смоковниц, расчалив на бамбуковых шестах. Попавшая в нее машина посверкивала в лучах фонаря. Как только на нее упал свет, машина начала бешено дергаться короткими приступами, сотрясая бамбуковые колья и ветки, к которым крепилась сеть.

— Некоторые из машин могут прожечь ловушку и выбраться на свободу, — рассказал Онкус. — Но такие, как эта, просто шпионят. Они слабые и глупые. Иногда мы ловим их просто по ошибке. Они не видят наших сетей или слишком быстро летают и не успевают увернуться.

— И пойманных вы уничтожаете, — рассеянно заметил Йама. Он уже углубился в знакомый процесс распутывания логических петель и ловушек, которые защищали нехитрый разум этой машины.

— Только Хранителям надо знать все, — ответил Онкус. — Обычно мы роняем сеть и машина тонет, хотя некоторые умеют не только летать, но и плавать. Эти от нас ускользают.

Машина была не умнее, чем собаки, охранявшие замок в Эолисе, и когда Йама проник сквозь защитный барьер, обмануть ее ничего не стоило. Когда он убедил машину, что она говорит со своим хозяином, то попросил опустить сеть и осторожно держал машину, пока два рыбаря выпутывали ее крылья из тончайших ниток сети.

Они работали быстро и все же не успели освободить машину, когда у них за спиной пронеслась нестерпимо

яркая игла красного света. Игла ударила в крону одной из смоковниц, и та тотчас же осветилась короной огня; вторая игла попала в главный ствол, расколола его, превратив во взрыв пара и щепок.

Вихрь исходящей паром воды налетел на ялик, поднял его и перевернул. Вокруг танцевали смоковницы, величественно двигаясь по воде, словно солидные, облаченные в зеленый наряд дамы, мерно колышущиеся в полонезе. Ялики разлетелись в стороны, сеть натянулась и вырвала машину из рук Йамы. Волна миновала, ялики вновь вернулись друг к другу, а сеть оказалась в воде. На мгновение Йама испугался, что машина утонет, но Онкус схватил сеть здоровой рукой, а Йама и все остальные помогли ему вытянуть провисшую часть.

Через минуту они освободили машину. Йама прижал ее к груди, но не успели ялики уйти под защиту леса, как сверкнула новая вспышка света и загорелось еще две смоковницы. Все заволокло дымом и паром. Барабанная дробь нарастала, меж пылающих деревьев скользнула черная тень. Ялики подпрыгнули на воде, и пакетбот прошел.

Йама, как охотник, выпускающий сокола, отправил пойманную машину созвать к нему остальные. Несколько часов ушло, чтобы найти обратный путь, так как лес расползался, образуя новые лабиринты каналов среди десятков тысяч дрейфующих деревьев. Когда ялики добрались наконец до «Соболя», за ними тянулся целый рой машин, будто птиц за рыбачьей лодкой. Матросы уставились на машины с некоторой робостью, но рыбари, восхищенные могуществом Йамы, приветствовали его стуком копий и весел по бортам своих яликов.

«Соболь» втянули в узкий проем для стоянки, вырубленной в мертвой сердцевине древней, как мир, смоковницы, и причалили его к главному стволу. Матросы замаскировали бока судна покрывалом зеленых веток. Тамора распорядилась четырьмя яликами, укрепив на них платформу, и с помощью Агиляр установила на ней лазерную пушку на краю леса напротив ближнего берега. Когда они вернулись, смоковницу, внутри которой спрятался «Соболь», вместе с целой флотилией ее товарок уже подхватило и понесло сильное течение.

Ближе к вечеру они проплывали мимо места, куда попал один из выстрелов лазерной пушки с крейсера. Оно выглядело как канал, по которому «Соболь» в первый раз проник в глубь мелководья. Обуглившиеся стволы смоковниц торчали из воды, усеянной пеплом и мертвой сварившейся рыбой. Сотни мелких очагов пожара дымились в кронах по обе стороны пролома.

Увидев следы таких разрушений, рыбари зашептались. Онкус сказал, обращаясь к Йаме, что когда-нибудь они сочтутся с обидчиками.

— Мы — не кровожадный народ, но память у нас хорошая.

Во второй половине дня плавучий остров смоковницы оказался а открытой воде. Йама взобрался на самую высокую ветку, хоро-ю за нее уцепился и огляделся вокруг: по всей ширине огромной еки на многие мили раскинулся архипелаг крошечных зеленых стровков. Оставшаяся часть леса выглядела тонкой зеленой поло-ой, подернутой длинной вуалью дыма и пара, которую солнце аскрасило золотистыми бликами.

Когда Йама спустился, капитан Лорквиталь сказала:

— Теперь мы взяли правильный курс.

— А я все же считаю, что нельзя было оставлять наше един-твенное настоящее оружие, — заявила Агиляр.

— Если таймер сработает, то оно послужит нам лучше, чем здесь, дочка.

— Разумеется, сработает. Я сама его установила. Но наш зара-ботоk от этого рейса не покроет стоимость пушки. Не очень-то выгодная сделка.

— Лучше быть бедным, но живым, чем богатым мертвецом, — сказала капитан Лорквиталь, и Агиляр рассмеялась, впервые с тех пор, как они вошли в лес.

— Отец частенько это говаривал.

— Иногда ему случалось наткнуться на истину и без моей по-мощи.

Йама сказал:

— Одним только машинам они не поверят, зная, что я могу их обмануть. Надо, чтобы им было во что целиться.

— Мне так и не пришлось из нее пострелять всерьез, — прово-рчала Икшель Лорквиталь, — но все равно я буду по ней скучать.

В сумерках перерезали концы, которыми «Соболь» был причален к смоковнице, а капитан, включив реактивный мотор, осторожно вывела судно из укрытия. За час установили мачту и натянули парус, потом все собрались у левого борта и стали следить за далекой темной полосой леса. Смотрели долго, и хотя все знали про таймер, матросы радостно закричали, когда наконец возникла яркая вспышка выстрела — живая красная точка, удвоенная своим отражением в воде. Через мгновение, прокатившись по воде, до них долетел треск разряда, потом пушка снова выстрелила.

Йама воздел руки, немного играя, ибо он уже приказал машинам удалиться. Они крутящимся облаком взмыли вверх, рассеялись веером и разлетелись в разные точки леса, чтобы составить ложный след, обратный истинному курсу «Соболя».

Когда машины взлетели, крейсер ответил лазерной пушке «Соболя» такой бомбардировкой, что осветилось полнеба. Икшель Лорквиталь тотчас приказала распустить парус и поднять якорь. Пока матросы бегали, выполняя приказ, рыбари тихонько

без церемоний удалились, их легкие ялики растаяли в бесконечной тьме над речной гладью. Онкус поцеловал Йаму в лоб и привязал ему на запястье амулет. Это оказался браслет, сплетенный из волос нутрии и расшитый мелким жемчугом, а когда Йама принялся благодарить Онкуса в официальной манере, которой научил его отец, вождь рыбарей приложил палец к губам.

— Твоя жизнь — моя, — проговорил старик. — Я даю тебе этот оберег, чтобы он защищал и направлял тебя в пути. Боюсь, он тебе очень и очень пригодится.

Капитан Лорквиталь поблагодарила Онкуса, что он провел корабль в целости и сохранности, и подарила ему стальной нож и несколько пачек табаку. И Онкус их тоже покинул.

«Соболь» поймал ветер и стал забирать влево, направляясь к дальнему берегу. Вдалеке пушка крейсера вела непрерывный огонь. Когда иглы раскаленного света задевали поверхность, в небо взметались огромные облака пара. Если снятая с «Соболя» пушка и выстрелила еще раз, то этот звук потерялся в грохоте бомбардировки.

Йама стоял у кормовых поручней и смотрел, как возникают красные и зеленые вспышки света внутри все расползающегося дымного облака. Обстрел длился целую вахту, и Йама осознал, что цель погони — не его пленение, а уничтожение. Он смотрел до тех пор, пока пушка на крейсере наконец не замолчала, и тогда ночь налилась темнотой и покоем.

20. ЭДИЛ

Противоположный берег оказался зеленой равниной, на которой стеной стояли высокие травы и вольно носились неутомимые ветры. Во время праздника в начале зимы Йама и его сводный брат Тельмон часто добирались пешком до самого края мира за один день. Когда Йама был совсем маленьким, он утомлял себя до бесчувствия, пытаясь идти в ногу с легким широким шагом Тельмона, и домой его спящим приносил на руках сводный брат. Во время этих экспедиций у Тельмона на руке висела связка болласов, совсем как у дикого аборигена из горного племени. Несколько раз Йама видел, как Тельмон сбивал ими дрофу из тех, что в изобилии населяли травянистые равнины. Перебив ей болласом ноги, Тельмон бросался на птицу всем телом и перерезал ей глотку. Пращу он тоже носил с собой и учил Йаму с сокрушительной силой швырять камни в сусликов и сурков. Когда Тельмон уходил на войну, он отдал и болласы, и пращу Йаме. Вспоминая об этом

на борту приближающегося к берегу «Соболя», Йама подумал, что они, вероятно, так и лежат в его комнате в замке.

Великая Река отступала, и по кайме дальнего берега тоже появились изумрудно-зеленые трясины и тонкие отмели. Седые облака то и дело проливались яростным коротким дождем, а «Соболь» пробирался вдоль полосы низкорослой ризофоры, окаймлявшей новые илистые равнины. Йама направлял судно к тому месту, где нашли приют жители Эолиса.

Они прибыли только этим утром и все еще натягивали палатки вдоль невысокого гребня на месте старой береговой линии над маленькой болотистой бухтой.

Мужчины сооружали вокруг лагеря защитный земляной вал со стороны степи. На бамбуковых щитах развесили амулеты и фетиши. Амнаны верили, что на том берегу обитают призраки, и никогда не решались удаляться от своих временных праздничных стойбищ, разве только чтобы поклониться оракулам на краю света.

Лагерь выглядел очень убого. Множество костров наполняли сырой воздух клубами белого удушливого дыма. Кучи пожитков, накрытые брезентом, постепенно пропитывались водой. Неутомимый теплый и влажный ветер раздувал брезент, хлопая им, как мухобойкой. Не успели поставить палатки, а каждая семья уже вырыла большую яму и вывела из нее скользкие глинистые желобки в бухту. Там разместились женщины. Они непрестанно бранились, даже не пытаясь согнать черных мух, лепившихся к глазам и уголкам ртов. Вокруг них возились малыши, а мужчины меланхолично взирали на эту картину.

Только в стане эдила был полный порядок. На платформе из стволов, спиленных на гребне со стороны берега, установили оранжевый шатер. И резкий ветер уже трепал на невысокой мачте эдилов штандарт. Йама увидел сей знак, как только «Соболь» направил нос к илистому берегу, и сердце его упало. Укрепись в вере, сказал он себе. Рукою он все вертел на запястье амулет Онкуса. Верь... Но как нелегко верить, когда дом твоего детства превратился в пожарище, а всех, кого ты любил, судьба разметала до самого края света.

Подошла Тамора и сказала:

— Они найдут нас здесь, как только разгадают твой трюк. Нам нельзя долго тут оставаться.

— Но все же они немного задержатся.

— Им известно, что ты можешь обмануть машины.

— Зато они не знают, сколь многому я научился с тех пор, как меня исследовали в Департаменте Туземных Проблем. В машинах установили против меня защиту, но тем не менее я преодолел ее так же легко, как у любого светлячка. — Он почувствовал, что улыбается, и услышал свой голос: — Я буду рад, если они сюда явятся. Я их уничтожу.

Тамора одобрительно бросила:

— Теперь ты говоришь как воин. Самое время.

Сопровождаемый тремя оставшимися сыновьями, констебль Эолиса Унтанк вышел навстречу Йаме, когда он отправился к берегу в шлюпке с «Соболя» вместе с Таморой и Пандарасом. Элифас предпочел остаться на борту, заявив, что устал от погони. Йама подозревал, что старик просто рассердился из-за отказа Йамы уничтожить крейсер и пакетбот.

Казалось, констебль не удивился появлению Йамы. Он был все тот же — крупный, уродливый мужчина, в два раза выше Йамы, одетый в свободные, выпачканные грязью штаны и кожаную куртку. Над нижней губой торчала пара клыков. Один из клыков был сломан. Он повредил его, когда дрался со своим отцом за право владеть гаремом. И убил его. Теперь этот клык прятался под серебряной коронкой. Такой же, как на клыках его отца. Посох — символ его должности — торчал у констебля под мышкой. Он ковылял, раскачиваясь на ходу, и Йама вспомнил, как неуклюжи амнаны на суше. Без всяких предисловий Унтанк объявил, что эдил умирает.

— Он там наверху, в палатке. С ним все домашние.

— Здесь все жители города?

— Практически все, кто сумел спастись. Некоторые отправились в Город Мертвых, в основном купцы. Думаю, мы поговорим позже. — Констебль сплюнул длинную струю желтой слюны прямо Йаме под ноги, повернулся и пошел прочь. Его сыновья злобно посмотрели на Йаму и последовали за отцом.

Пандарас заметил:

— Эти люди тебя недолюбливают. Непохоже, чтобы здесь мы были в безопасности.

— Между ними и мной вражда из-за одной неприятной истории, — объяснил Йама, пока вел Тамору и Пандараса через лагерь беженцев. — Один из его сыновей погиб от моей руки, а другого казнили. Они оба работали на того, кто пытался меня похитить еще до того, как я покинул Эолис.

Пока они шли сквозь лагерь, за ними собралась целая толпа голых ребятишек, которые свистели, что-то весело выкрикивали, швырялись комьями грязи. Вокруг дымного костра стояла группа мужчин, они курили трубки и передавали по кругу кожаную бутыль. Один из них что-то сказал, другие тотчас разразились смехом, низким, ехидным и угрожающим.

Йама подошел к ним и спросил, видели ли они бакалейщика и его семью. Большинство смотрели в сторону, отказываясь даже его узнавать, но один, одноглазый рыбак по имени Ворт, все же спросил:

— Что, ищешь свою подружку, молодой господин?

— Помолчи, — крикнул другой, его Йама тоже узнал, — Худ, хозяин фермы, на которой в устье Бриса выращивали раковины.

— Ну почему же. У него, как и у любого, тоже должен быть шанс, — сказал Ворт. Он стоял под теплым дождем в одном заплатанном килте, его серая кожа блестела как масляная. На плече горел свежий ожог. Он посмотрел на Йаму сверху вниз и сказал:

— Я слышал, что они сразу пришли за бакалейщиком. Кто-то колотил к ним в дверь среди ночи. На следующий день они смылись. А потом появился корабль.

— А я слышал, что они — шпионы, — забубнил Худ. — Потому-то и улизнули перед всей кутерьмой. Они успели забрать свое добро, а остальные потеряли все нажитое.

— Хватит, — выкрикнул кто-то еще. — Он не стоит того, чтобы с ним говорили. — Вокруг костра согласно забубнили. Один вытащил пенис и стал мочиться в костер. Явно оскорбительный жест, и вокруг костра снова ехидно заржали.

Йама снова обратился к Ворту:

— Кто их увез? Куда они делись?

— Он того не стоит, — бросил Ворту Худ, вперив в Йаму взгляд сквозь жесткую челку прямых волос. — У меня нет семьи, и ни у кого здесь нет. Но мы потеряли наше жилье и все, что в нем было. Они позволили нам унести все, что сможем, а остальное сожгли дотла. А твой замок цел целехонек!

— И храм тоже, — вставил кто-то.

Йама стоял не шелохнувшись и твердо смотрел на амнанов. С ворчанием они стали отворачиваться. Только Ворт решился взглянуть в лицо Йаме.

Йама сказал:

— Если бы я был здесь, то сам сдался бы им. Но меня не было. Город сожгли впустую, чтобы причинить мне боль и заманить в ловушку. Меня почти поймали, но я спасся. И я не забуду, что они натворили.

— Мы все здесь — мертвецы, — произнес Ворт. — Это берег привидений и духов, а мы пришли сюда жить.

— Если вы в это верите, то позволяете им вторично вас сокрушить.

Никто не ответил, даже Ворт отвернулся. Тамора встала между Йамой и этими людьми, она положила руку на эфес и в упор смотрела им в спины, пока Йама уходил прочь.

Пандарас сказал:

— Они просто грубый сброд, господин. Неудивительно, что ты сбежал отсюда, как только смог.

— Они потеряли дома и весь скарб. Разумеется, они злятся. А я — причина всех бед, лезу к ним со своими вопросами. Я стал их стыдить, лучше бы мне помолчать.

Она в безопасности, думал он и чувствовал, как радость разрывает ему сердце. Она спаслась! Закиль так и сказал, а теперь Ворт и Худ подтвердили.

— Город разрушил не ты, а Департамент Туземных Проблем, — заявила Тамора. — Если им нужна жертва для расправы, пусть обратят взгляд на префекта Корина.

— Он вполне может сюда явиться, — сказал Йама. — Ты сама говорила, что мой обман их надолго не остановит.

— Ты слишком жесток к себе, господин, — вставил Пандарас.

В плечо Таморе ударил ком грязи, и она сделал движение, будто собирается гнаться за постреленком, который его швырнул. Детвора прямо по грязи бросилась врассыпную, свистя, смеясь и что-то выкрикивая.

Тамора сказала:

— Если мы останемся здесь на ночь, спать надо на корабле. И бросить якорь подальше от берега. Эти скоты выглядят так, что сразу ясно: уж плавать-то они умеют.

— Они очень красиво и быстро плавают, — ответил Йама. — Охотятся они в основном в воде.

— Похоже, они способны целиком сожрать рыбаря, — заметил Пандарас. — Посмотри только, какие у них животы! Некоторые и правда выглядят так, будто кого-то уже слопали и теперь переваривают остатки.

У шатра сидел старый Ротванг, положив деревянную ногу на табурет, и потягивал вино из полупустого бурдюка. Под рукой у шеста стояло ружье. Когда Йама с ним поздоровался, он подпрыгнул и энергично затряс его руку, бормоча, что не думал, что удостоится такого счастья, и предположить не мог... Он дышал крепким запахом бренди и косил глазом на Тамору и Пандараса.

— Ты неплохо выглядишь, мальчик. Мне кажется, ты немного подрос. Подожди здесь. Я позову сержанта. Он ждет тебя с тех пор, как мы заметили корабль.

— Мой отец...

Но Ротванг уже исчез за входным клапаном. И раньше чем Йама за ним последовал, появился сержант Роден, как всегда подтянутый и энергичный. Отполированный нагрудник сияет, черный кожаный килт безупречно чист, ботинки блестят, серые волосы недавно пострижены. Он стукнул Йаму по плечу и сказал, что охотно послушает о его приключениях в Изе.

— Расскажешь, где ты заработал этот шрам на лбу, — гудел он. — Думаю, забыл, как правильно отражать выпад. Но не расстраивайся. Тяжелые уроки не забываются, все идет впрок.

— Мой отец...

Лицо сержанта Родена не изменилось, но стало вдруг мягче.

— Эдил спит. Он теперь много спит. Когда он проснется, ты первым его увидишь, но я не стану будить его только потому, что вернулся его блудный сын. — Его взгляд упал на Тамору и Пандараса. — Мы выпьем чаю, и ты представишь меня

своим спутникам. Ты стал наемником? Такая жизнь тяжелее, чем в армии, но зато ты увидишь больше сражений.

Йама улыбнулся. Сержант Роден всегда поощрял его желание отправиться вслед за Тельмоном и сражаться с еретиками.

Они выпили чаю за низким столиком под навесом палатки. Снаружи дождевые струи с силой били по размокшей земле. Сержант Роден был необычайно разговорчив: пытался отвлечь Йаму от мыслей о здоровье эдила.

— Я тоже с год был ландскнехтом, — рассказывал он, — как раз в твоем возрасте, может быть, чуть старше. Может, я снова завербуюсь, хотя в данный момент я, разумеется, все еще в распоряжении твоего отца. И надеюсь, еще долго останусь с ним.

Грубая кожа на резко очерченных скулах вздулась, а в голосе при этих словах слышалась настоящая любовь. Он с вызовом глянул на Йаму, как будто ожидал протеста.

Йама спросил:

— Они его мучили?

— В физическом смысле — нет, если не считать нескольких царапин, когда он оказал сопротивление при аресте. Но вот душа... — Сержант Роден с сомнением посмотрел на Пандараса и Тамору, явно не решаясь продолжать.

— Они не только мои товарищи по оружию, — объяснил Йама. — Они мои друзья.

— Я — его оруженосец, — гордо заявил Пандарас, — а Тамора... ну она — товарищ, но кто она теперь, не знаю.

— Я тоже служу Йаме, — сказала Тамора. — Моя жизнь принадлежит ему.

Йама снова обратился к сержанту Родену:

— Расскажи о моем отце. Я слышал, он пытался воспротивиться уничтожению города.

— Он получил приказ за день до прихода крейсера и отказался его выполнять. Вместо этого он начал эвакуацию города, потому-то спаслось так много народу. Он очень страдал, что приходится так поступать, но сделал все правильно. Департамент изменился, там нет больше места аргументам и дискуссиям, и хотя эдил служит дольше, чем префект...

— Префект Корин.

— Ну да, тот, что забрал тебя в Из. Он явился с пятеркой тупых вооруженных молодцев, у каждого на боку был пистолет. Вел себя так, будто и замок, и все вокруг принадлежит только ему. Но эдил встал у него на пути и у этого предателя Торина. Да, да, он все эти годы плел интриги против своего господина, служа в первую очередь тем, кто отправил его в ссылку.

— Торин еще пожалеет о своем предательстве, если, конечно, он жив. — Йама коротко пересказал сержанту,

как он с Таморой убил мага и большую часть солдат, охраняющих замок, а Торина отдал на милость оставшихся слуг.

— Вот это хорошо, — усмехнулся сержант Роден. — Очень хорошо. Этот маг как раз и издевался над эдилом.

— Я знаю.

— Это были не физические пытки. Машины окунали его разум в какой-то кошмарный сон. Я опасаюсь, что он так до конца и не вернулся оттуда. Мне самому следовало раздавить этого червяка. — Тут сержант Роден бросил на Йаму острый взгляд. — Но префект Корин жив?

— Жив. И все еще гонится за мной. Мне нельзя здесь оставаться.

— Почему он за тобой гонится, Йама? Ты дал ему для этого повод?

— Он не из тех, кто помнит личные обиды. Этого порока у него нет. Он — оружие Департамента Туземных Проблем.

— Думаю, ты ошибаешься, — запальчиво произнес сержант Роден. — Он носит маску смирения и прикрывает собственные вспышки именем Департамента. Он ни перед кем не отвечает, облекши себя в мантию морального превосходства, которое утверждает не разумом или правом, а насилием и угрозой насилия. Ты ему нужен для личных целей, чтобы удовлетворить собственные амбиции. Боюсь, тебе придется его убить, иначе это не кончится. — Сержант Роден допил свой чай и со стуком поставил чашку на стол. — Я уже старик и давно не сражался. Но я вступил бы с ним в схватку прямо на месте, если бы была надежда, что он станет драться как мужчина. Но ведь он просто приказал бы одному из своих прихвостней меня застрелить. Так что я сдержался.

Йама сказал:

— Он приказал сжечь город, а эдил стал у дока и заявил, что сгорит вместе с городом. Это мне рассказали рыбари.

Сержант Роден мрачно кивнул:

— Они арестовали эдила и пытали его адской машиной этого мага, а затем заперли в одной из комнат замка. Но у Закиля был ключ, мы открыли замок и сумели скрыться. Все это звучит страшнее, чем было на самом деле. Не думаю, что их очень заботило, сбежим мы или нет, ведь тогда одной проблемой станет меньше. Ты помнишь, как я учил тебя планировать военные действия?

— Да. Надо рассчитывать, что случится самое худшее, и заранее обдумывать свои действия, если так и произойдет.

— Я тогда сделал приготовления на случай, если нам придется покинуть замок. Подготовил катер с мощным мотором, снабдил его всем необходимым и поставил на якоре под утесом. Мы доставили эдила на борт и подняли якорь. Никто нас не преследовал. На середине реки мы встретили рыбарей и тогда бросили катер, чтобы его нашел префект Корин и немного подумал. И

вот мы здесь. Закиль не пожелал уйти. Сказал, что должен следить за книгами.

— Я его видел. С ним все в порядке. Тамора освободила его от цепи, но он не захотел пойти с нами.

— Нам просто повезло, что этот префект Корин не любит жечь книги, иначе Закиль умер бы, их защищая. Эдил говорит, что, когда все кончится, мы сможем вернуться в замок, но он просто нас успокаивает, Йама. Замок у него отняли.

— Мне сказали, что он умирает. Окажи мне услугу, скажи правду, все как есть.

Сержант Роден налил себе еще чаю, сделал глоток и с внезапным гневом выплеснул его наружу, в стучащий по грязи дождь.

— Остыл, — объяснил он. — Ротванг! Ротванг!

Йама коснулся руки сержанта Родена. Раньше, пока он жил в замке, Йама никогда не посмел бы выказать подобное проявление чувств. Пока он был ребенком, сержант казался ему всезнающим, но добрым тираном. Однако теперь он видел перед собой сохранявшего верность старого человека, чьи представления о чести вдруг рассыпались в прах.

Йама мягко повторил:

— Я должен знать, как он себя чувствует, прежде чем к нему войти.

— Да, конечно, он все ждал твоего возвращения. Думаю, только тем он и жив.

— Тогда мне надо скорее уйти и вернуться через сто лет.

— Хотелось бы мне, чтобы он смог ждать так долго. Чтобы мы все могли. Почему они охотятся за тобой, Йама? Они нам ничего не объяснили.

Ротванг принес свежий чай, сухое печенье и зеленую халву из водорослей, приправленную крошками имбиря. Йама попробовал коротко пересказать историю своих приключений в Изе и Дворце Человеческой Памяти, но Пандарас все время вмешивался, и из-за его поправок история Йамы начинала выглядеть куда более героической и странной, чем реальная проза жизни.

В конце к сержанту Родену обратилась Тамора:

— Ты можешь не верить половине, но все это правда. Даже все рулады крысенка и то — правда, просто слова — слабая мера того, что происходило на самом деле.

— Как-то мне пришлось воевать под командованием кого-то из твоей расы, — сообщил Таморе сержант Роден. — Это было, когда никто из вас еще не родился на свет, в первую кампанию против еретиков. Но я до сих пор его помню. Он никогда не лгал, и мы уважали его за честность. Ну и, конечно, мы знали, что этот мальчишка умел заговаривать сторожевых псов. Теперь он вырос, и его сила тоже выросла. Он ушел от нас ребенком, а вернулся мужчиной.

Йама засмеялся:

— А я-то считал себя таким хитрым, но все равно я рад, что ты знал о моих трюках.

Тут Тамора сказала с внезапной страстью:

— Он спасет мир. Таково пророчество. — И она огляделась, будто приготовившись сломать их возражения.

Позади нее откинулся полог шатра, и Ротванг произнес:

— Эдил проснулся.

Огороженный занавесями, эдил лежал на кровати в самом центре шатра. В ногах кровати стояла печь, излучавшая мощное сухое тепло, но эдил до самого подбородка был укрыт целой кучей меховых одеял, так что виднелась только его седая узкая голова. Увидев Йаму, он улыбнулся и протянул руку — холодную, несмотря на окружающую духоту. Кожа его была сухой и безжизненной, резкие контуры скул и круглых глазниц виднелись под ней очень четко и рельефно.

— Сын мой, — произнес эдил при виде Йамы, — как я рад тебя видеть. Я боялся, что не увижу тебя до того времени, когда по милости Хранителей мы оба воскреснем.

Йама помог эдилу сесть, а Ротванг накрыл плечи хозяина богато расшитым покрывалом и начал суетиться с одеялами, но эдил его отпустил.

— Вам надо выпить чаю, — уходя, сказал Ротванг, — и глоток самого лучшего вина.

— Попозже, Ротванг. Дай мне поговорить с моим сыном. Я не болен.

Йама с трудом проговорил:

— Я ошибся, отец. И не раз. Все это случилось по моей вине.

Эдил отозвался с тенью своей обычной суровости:

— Что это за разговоры про ошибки и вину? Не желаю этого слышать.

— Прежде всего я дошел с префектом Корином до Иза, а потом от него сбежал.

— Тебе вообще не следовало туда отправляться. Сержант Роден, без сомнения, рассказал тебе, что здесь произошло. Его переполняет гнев, а меня стыд. Йама, мне лгали самые высокие чины Департамента. Я ни минуты не сомневаюсь, что как только они узнали о тебе от своих шпионов, они решили тебя заполучить. Не из-за того, что ты есть, а из-за того, кем они тебя считали. Разумеется, я с самого начала сообщил им о тебе, и потом время от времени посылал отчеты, всегда очень нейтральные, успокаивающие. Видишь ли, кое-что я утаивал. Несмотря на обстоятельства твоего появления в Эолисе и некоторые последующие события, я все-таки надеялся, что ты — обыкновенный мальчик.

Неприятности начались, когда я нанял доктора Дисмаса искать архивы твоей расы. Один из шпионов в моей резиденции, а я знал по крайней мере троих, хотя то, что Торин — тоже шпион, было для меня большим ударом, так вот, один из шпионов, должно быть, сообщил в Департамент подробности изысканий доктора Дисмаса и причину, по которой он хотел тебя похитить. Я узнал это от несчастного хозяина таверны, где тебя прятали, но скрыл это от Департамента. Поэтому я знал, что тебе нельзя оставаться, Йама. Поверь моим словам; я действовал из любви к тебе, и прости меня.

Йама вспомнил о всех лживых словах, которые ему случалось говорить эдилу. Он не рассказал правду о том, как спасся от доктора Дисмаса и своих последующих приключениях. Если бы эдил о них знал, он никогда бы не отослал его в Из.

— Мне нечего прощать, — с раскаянием произнес Йама.

— Мне сказали, что тебя примут в Департамент, и я вверил им твою судьбу. Но они солгали. Они знали, кто ты на самом деле. Потому-то такой высокопоставленный чиновник, как префект Корин, явился, чтобы доставить тебя в Из. Однако и он тогда не знал всей правды.

— Я убежал не потому, что знал, кто я такой, а из гордости. Я хотел быть таким, как Тельмон.

— Мы оба вели себя глупо, Йама. Ты — потому что хотел подражать своему брату бездумно и без подготовки. Я — потому что этого не позволил. Я рад, что ты сбежал от префекта Корина.

— Он снова меня поймал. — Йама во второй раз стал пересказывать историю своих приключений. Без красочных дополнений Пандараса весь рассказ занял вдвое меньше времени, но эдил все равно уснул на половине. Йама подождал, пока отец проснется, даже не почувствовав, что задремал, и продолжил свое повествование.

Когда Йама сообщил о находках Элифаса в Департаменте Аптекарей и Хирургов, эдил пошевелился и заметил:

— Весьма любопытно, весьма любопытно. Ведь доктор Дисмас там же искал и заявил, что не нашел никаких данных о твоей расе. Он сказал, что ты единственное в своем роде создание.

Йама вспомнил о разговоре, который подслушал, когда следил за эдилом и доктором Дисмасом с галереи большого зала, и сказал:

— Дисмас лгал. Он узнал о существовании моей расы. Он скрыл от тебя, что обнаружил, а вместо этого стал планировать похищение.

Эдил слишком устал, чтобы спорить. Он не спросил даже, что Йама выяснил о людях своей расы. Он вздохнул и заметил:

— Возможно, возможно. Доктор Дисмас — человек умный, но очень корыстный. Опасайся тех, кто предлагает тебе помощь и не просит награды.

— Тогда мне придется не верить всем своим друзьям.

Эдил прикрыл глаза, и Йаме показалось, что он снова заснул, но вдруг он опять открыл их и проговорил:

— Я не жалею, что взял тебя в свой дом, чем бы ты ни был, ты мне такой же сын, как и Тельмон. Тебя нашли в белой лодке. Ты помнишь эту историю?

— Я был младенцем и лежал на груди мертвой женщины.

— Именно так, именно так. Мне всегда было интересно, не твоя ли это мать, но старый констебль Тау рассказывал, что у нее была серебристая кожа и деформированная рука. Пока ты рос, я все время беспокоился, что твоя кожа начнет серебриться, но этого не случилось. Я вел очень глубокие поиски, чтобы найти людей твоей расы, Йама. Потому-то в конце концов и попросил доктора Дисмаса осмотреть архивы его Департамента. Последняя надежда глупого старика.

— Я рад, что вырос в твоем доме.

— Через год после того, как тебя нашли на реке, я отнес тебя к оракулу на этом берегу. Оракул сразу засветился, как будто вернулась аватара, но это была не аватара. Это оказался демон в образе женщины. Она пыталась склонить меня на свою сторону, и тогда я сделал нечто постыдное. Я применил против нее пистолет, и оракул перегрузился энергией. Ты помнишь что-нибудь об этом событии?

— Я был младенцем, отец.

— Разумеется, разумеется. Видишь ли, я никому не рассказывал про этого оракула. Ни отцу Квину, ни доктору Дисмасу. Даже не сообщал в Департамент. Были и другие знаки. Когда тебя нашли, Совет Ночи и Оракулов решил, что в тебе скрыта опасность, и тебя оставили на склоне холма за городом. Маленькие машины приносили тебе пищу и воду. Они обихаживали тебя, пока не пришли жены старого констебля Тау и не забрали тебя. Доктор Дисмас говорил, что приехал сюда потому, что вокруг города роилось столько машин. А потом еще эти глупые трюки, которые ты проделывал со сторожевыми собаками... Теперь я сожалею, что не рассказал тебе об этих удивительных событиях, но я изо всех сил старался дать тебе обычное детство. Очень неразумно с моей стороны.

— Я всегда буду помнить о тебе, — сказал Йама, — куда бы я ни отправился и что бы ни делал.

Он понял: оба они прощаются, и только тогда начал плакать. Эдил поругал его, потом впал в забытье, снова проснулся и спросил:

— Как ты считаешь, из дурного поступка может получиться добро?

Йама его не понял и стал уверять, что всеми способами будет мстить за сожженный Эолис.

— Оставь это жителям Эолиса. Я думаю о своей жизни. Все эти годы я служил системе, в самом сердце которой гнездилось зло. Я этого не понимал, но вдруг этот факт обращает в зло все, что я успел сделать?

— По дороге в Из префект Корин пытался спасти паломников от бандитов. Он устроил из этого проверку, которую я не прошел, однако он на самом деле хотел их спасти. Кем бы он ни был и что бы ни делал, он не побоялся рискнуть жизнью ради совсем чужих людей. В Пуранах говорится, ничто человеческое не может быть совершенным, нет абсолютного зла или абсолютного добра. Можно только надеяться сохранить верность самому лучшему в своей душе.

Но эдил уже спал. Йама держал руку отца, пока не пришел Ротванг и объявил, что ужин подан.

21. КОСТЕР

На ужин были вареные бананы, солерос и маленькие соленые рыбки, которых подали с пивом, присланным констеблем Унтанком. Тамора хотела вернуться на «Соболь», но Йама отказался. Он понимал, что эдил может не пережить эту ночь, и хотел быть рядом с ним.

Он лег у занавески, отделяющей место, где спал эдил. Руки и ноги у него ныли от усталости, он был очень измотан. Тепло от печки пробивалось через занавес. По другую сторону оранжевого шатра Тамора и Пандарас сонными голосами разговаривали с сержантом Роденом. Голоса звучали слегка пьяно, наверное, они прикончили пиво. Йама пытался читать Пураны, начав с суры о добре и зле, которую он цитировал эдилу, но колонки значков расплывались, сливаясь с сонной, даже немного приятной тяжестью в голове, и он почти тотчас уснул. Ему снилось, что он едет на страусе по широкой травянистой равнине, а кругом мелькают созвездия крохотных огоньков. Йама испытывает огромное возбуждение, чувствуя, как сильные ноги птицы пожирают расстояние, но тут птица споткнулась, Йама упал и сразу проснулся, дрожа от внезапного страха.

Он лежал на земле. Во тьме двигались еле различимые тени. Голова у него болела, во рту пересохло. Он попытался встать, но что-то ударило его в грудь, и он снова повалился на спину.

— Достаточно, — произнес мужской голос. — Мы договорились, что будем делать, и давайте придерживаться этого.

Йаму подняли, но ноги его не держали и он упал на колени. В желудке начались спазмы и его вырвало кислой массой полупереваренных бананов и пива.

Констебль Унтанк присел на корточки, и его круглое серое лицо оказалось на одном уровне с лицом Йамы.

— Это пройдет, — сказал он. — Мы подмешали в пиво отвар из печени иглобрюха. Он-то тебя и свалил с ног.

За спиной констебля туда-сюда двигались люди, складывая ветки в большую кучу, которая уже была в два раза выше человеческого роста. Над горизонтом стояло Око Хранителей, заглядывая временами в просветы облаков. Трава на равнине в тусклом розоватом свете Ока казалась совсем черной, из нее, как надгробья на кладбище гигантов, торчали высоченные сооружения — замки термитов.

Йама вдруг понял. Каждый замок содержал в себе разум, расколотый на миллионы фрагментов, и по ним, как волны, катились медленные странные мысли, и каждый кусочек связан с соседним — целая сеть, протянувшаяся по линии края света.

Констебль Унтанк шлепнул Йаму по лицу, чтобы привлечь его внимание, потом сгреб его руки и рывком поднял на ноги. На этот раз Йама обнаружил, что может стоять. Томик Пуран упал на землю, и Унтанк до странности мягким жестом поднял его и сунул в карман домотканой туники Йамы.

— Надо было их почитать до того, как пиво ударило тебе в голову, — сказал он. — И там, куда ты отправляешься, они тебе пригодятся. Смотрите за ним, парни. И помните, он умеет проделывать разные вещи, так что будьте начеку.

Один из сыновей Унтанка схватил Йаму за руки, вывернул их назад и связал за спиной. Парень тяжело дышал, от него несло пивом.

— У него на руке амулет. Такие носят лягушатники. Очень он ему помог! — Он плюнул Йаме в лицо и хотел ударить, но Унтанк схватил его за руку.

— Брось, — прорычал Унтанк. — Сделаем все, как положено.

— За Луда и Лоба, — прошипел в ухо сын Унтанка.

Унтанк сплюнул себе под ноги.

— Они не были моими сыновьями. Слишком тупые, чтобы выжить. Наверняка моя первая жена зачала их от дельфина. Они опозорили нашу семью, и любой, кто берется их защищать, будет иметь дело со мной. Но никто из вас, маленькие негодяи, не готов к этому, и Лоб с Лудом тоже никогда не были бы готовы. Стоило им только начать, я тут же перерезал бы им глотки. Это месть не за них и не для них. Для всего нашего народа. Костер за костер.

Внезапно в голове у Йамы прояснилось, и он с ужасом осознал, что они собираются сделать. Он попробовал вырваться из рук сына Унтанка, но тот держал его очень крепко. Йаме приходилось сталкиваться с более страшными опасностями, но никогда он не испытывал такого страха, как в этот момент. Пураны учат, что никто не должен испытывать страха смерти, ибо дыхание Хранителей живет в разуме каждого преображенного человека. Когда при конце света Хранители вернутся на землю, то все, включая и всех мертвых, восстанут и окунутся в свет их милосердия и будут жить вечно. Но хотя Пураны и учат, что смерть это не

что иное, как мгновение небытия между последним дыханием и возрождением в вечной жизни в последний, бесконечный момент существования Вселенной, но они не говорят, как встретить процесс умирания. Йама уже встречал смерть лицом к лицу, но никогда не сознавал этого, пока опасность не оставалась позади. Когда Тамора и он попали в засаду у Ворот Двойной Славы или когда они с Элифасом бежали от пса преисподней, Йама был слишком занят, спасая свою жизнь, чтобы почувствовать настоящий страх. Но теперь, в руках неумолимых врагов и перед лицом ужасной смерти, которой они собирались его предать, Йама ощутил, как в груди его бьется такой всепоглощающий ужас, что, казалось, сейчас разорвется сердце.

Сын Унтанка презрительно бросил:

— Он дрожит, как женщина в первую брачную ночь.

— Что ты об этом знаешь, — сказал Унтанк, — и никогда не узнаешь, червяк. Тащи его скорее, пока он не упал в обморок. Надо все сделать и вернуться, пока его не хватились и пока не начался дождь. Не нравятся мне эти тучи.

Тут в Йаме проснулся гнев. Он не допустит, чтобы его считали трусом! Йама не мог унять дрожь в ногах, но выпрямился и пошел со всей возможной твердостью, так что сыну Унтанка пришлось поспешить, чтобы поспеть за ним. У Йамы было такое чувство, что за спиной захлопнулась дверь и за ней осталась вся его жизнь. Был только костер, влажный теплый ветер и шорох трепещущих трав, непрестанный шелест колышущегося зеленого моря, которое в тусклом красном свете Ока Хранителей кажется почти черным.

Йаму привели к утоптанному пятачку вокруг костра. Вокруг толпились люди, отпихивая друг друга, чтобы попасть в первый ряд, тут собралось почти все мужское население Эолиса. Все были голыми, их серая или коричневая кожа, висевшая тяжелыми складками, поблескивала в свете горящих сучьев, которые они держали в руках. Маленькие глазки возбужденно сверкали. Свист дыхания раздавался на сотню различных тонов. Кое в ком Йама узнал друзей своего детства и обратился к ним по имени, но они отворачивались и ничего не отвечали.

Унтанк произнес длинную речь. Йама плохо ее слушал. Он ощутил внезапное желание закричать или разразиться диким смехом, чтобы разорвать бесконечное кружево заклинаний Унтанка, но он справился с этим позывом. Здесь не было чар. Нечего было разрушать. Унтанк говорил о чести, о доме и очаге, о мести, возвращении и возрождении, о справедливости для всех, а не только для власть имущих. В словах его слышался плачь всех, кому казалось, что у них меньше власти, чем они заслужили. Йама воспринимал их как бессмысленный шум. Разумом он устремился вовне, стараясь отыскать хоть одну машину, которая могла

бы ему помочь. Ничего. Никто, кроме расселенного в миллионах фрагментов разума, который разместился в башнях термитных замков и который объединяли в единое существо медлительные валы мыслей. Йама стал следить за расползающимися связями между замками и понял, что они очень обширны и концы их уходят за пределы его поля зрения — но тут человек, который его держал, кашлянул и велел ему очнуться и слушать.

Око Хранителей заволокло облаками. Столпившиеся высоко держали свои факелы, ветер рвал неровное, мигающее пламя. Вдали что-то загрохотало — гром прокатился по мрачнеющим облакам. Унтанк, стоявший между двух факелов, указал посохом на Йаму. Он уже привел себя в лихорадочное состояние праведного гнева. Ноздри его бешено раздувались. Дряблый хохолок дыбом стоял на шишковатом черепе, дрожали пальцы и кисти, тряслись руки. Он уже кричал, голос стал тоньше и взвизгивал, будто глотка сузилась и не желала выпускать воздух.

— Вот он — причина всех бед! — вопил Унтанк. — Чужак, затесавшийся между нами! Когда его вынули из реки, я был там, и мне стыдно, что я на месте не убил своего слабого, глупого отца! И этого выродка тоже. Из-за него на нашу голову посыпались все несчастья. И вот он попал в наши руки! Мы сотворим месть и очистим свой дом! Мы сами будем вершить суд, ибо никто не сделает это за нас. В нем — наша злая судьба. Сожжем его и начнем сначала! Сжечь его!

Толпа подхватила крик. Йаму подняли, усадили на стул и привязали, трижды обмотав веревкой грудь. С черного неба внезапно рванулся могучий порыв холодного ветра. Он прижал к земле траву и загасил больше половины факелов в руках зрителей. Каждый волосок на теле Йамы стал дыбом, кожа горела. Четверо человек подняли его и задом потащили по неровному откосу костра, поставили в самом верху и поспешно бросились вниз. Другие стали лить керосин и бренди на сучья в основании костра.

Вперед снова выступил Унтанк и почти небрежным жестом швырнул факел к подножию кучи. Раздался хлопок, бренди вспыхнул, голубое пламя лизнуло ветки. Зрители тоже стали бросать свои факелы, они летели из темноты, как кометы, волоча за собой желтый огненный хвост и переворачиваясь в воздухе. Один ударил Йаму в грудь, осыпал его дождем огненных искр и, клубясь, полетел дальше. Ослепительный жар уже хватал его за ноги. Вокруг вились клубы белого дыма: старое дерево чадило, перед тем как отдаться пламени. Йама закашлялся, но так и не смог вдохнуть. Может быть, он задохнется до того, как сгореть. Хоть малое благо.

Но вдруг внезапный порыв холодного ветра разогнал дым, и Йама увидел людей у костра. Кажется, они танцевали. Снова накатил дым, плотный, удушливый. Йама задрал голову,

вся животная часть его существа слепо боролась за жизнь, отчаянно требуя хоть глотка свежего воздуха. И тут страшный ливень обрушился на его запрокинутое лицо. Небеса разверзлись, лило повсюду, хлещущие волны дождя налетали одна за другой. В мгновение ока Йама вымок до нитки. Дым кружился у его ног. Он закричал в стену дождя, и ветер унес его крик. Позже он так и не вспомнил, о чем кричал, помнил только, что пел и смеялся, с трудом пытаясь освободиться. Его опьяняла жизнь. В глазах мелькали черные и красные пятна. Внизу, в свете редких молний он видел, как люди тонут в грязи, как будто земля под ними обернулась водой. Они барахтались по пояс в липкой жиже, а она поблескивала вокруг них, словно кипела.

Йама полетел вниз вместе со стулом, скатившись по разваливающейся куче обгоревших ветвей. Когда он наконец остановился у самого подножия, люди уже исчезли. Безумие не отпускало его. Он упал лицом в грязь, хватал ее губами, жевал и глотал.

Потом встал на колени. Он все еще был привязан к стулу, напуган и измучен. Он выплюнул грязь, в которой блеснуло что-то серебристое. Судорога сжала желудок.

Пока Йама пытался освободиться, в голове его панически билась мысль, что его палачи разбежались, но они скоро опомнятся, храбрость вернется к ним, и они явятся закончить начатое. Но тут снова вспыхнула молния, да так близко, что гром ударил почти в тот же момент. В это мгновение Йама увидел, как снизу из грязи тянется рука. На пальцах ее живым покрывалом шевелилась масса серебристых насекомых. Когда снова ударила молния, руки уже не было, а адский ливень превратился в обыкновенный дождь.

Наконец Йама высвободил руки. Он тянул за веревку, обхватывающую его грудь, до тех пор, пока петли, которые успели ослабнуть, когда он катился с вершины костра, совсем не размотались. И вот он встал на ноги. Кругом стучал дождь. Время от времени разряды высвечивали замки термитов с одной стороны и линию края света — с другой. Йама был абсолютно один.

22. ЕЩЕ ОДНА СИРОТА

Буря утихла, но дождь все еще продолжал лить, как будто он никогда не иссякнет, как будто Великая Река целиком вознеслась на небо и теперь возвращалась назад, заливая весь мир. Дождь прибил к земле траву и насквозь промочил одежду Йамы. Он лил с такой силой, что при каждом шквальном порыве Йама боялся, что захлебнется.

Вверх по реке, в узкой полосе между тучами и землей, молнии били без остановки, и непрерывно грохотал гром. У вершин узких высоких термитников играли призрачные огни, венчая их нежным голубоватым огнем.

Думая, где бы укрыться на плоской равнине, и опасаясь, что в любой момент земля вдруг закипит, обернется под ногами водой или же что в него попадет молния, Йама вдруг заметил вдалеке белую светящуюся точку, как будто на берега Слияния упала звезда. И в тот же миг он ощутил, что монета, которую он нашел во Дворце Человеческой Памяти и которая сейчас лежала в кармане туники, вдруг стала теплеть. Вынув ее, он увидел, что зернистые световые рисунки в толще диска беспокойно перемещаются. Йама тут же догадался, что такое эта далекая мерцающая искра. И он, спотыкаясь и падая и не имея иного ориентира в завывающей ветром и мокрой мгле, двинулся к ней.

Разумеется, это был оракул. Блестящий черный диск стоял на узкой полосе скальной породы на самом краю мира. По дальнему берегу везде было много оракулов, но храмов вокруг них никто никогда не строил. Рядом с ними бывали пирамиды, флаги, молитвенные колеса, иногда стоял алтарь для принесения в жертву животных, но в остальном они сохранили первоначальный вид и были открыты всем ветрам. Многие верили, что аватары Хранителей, которых еретики заставили замолкнуть во всех оракулах в храмах цивилизованной территории ближнего берега, иногда являются в оракулах этих отдаленных мест во время таинственных сборищ страусов, лисиц и лемуров.

Оракул прятался под старым навесом из бамбука и хвороста, сооруженном на бамбуковом настиле, который нависал над самым краем мира. Навес украшали молитвенные флаги, истрепанные и выбеленные множеством лет непогоды, а на самом верху мокрый ветер рвал ветхое знамя.

Когда Йама приблизился к оракулу, трепещущие разноцветные полоски превратились в ослепительно белое пятно света, как будто оракул был окном, которое смотрит в яркое праздничное небо. Дождь лил с прежней силой, но струи обходили оракула стороной. Йама присел на гладкую сухую скалу, залитую многоцветными бликами света. Он снял пропитанную водой тунику, расстелил ее и стряхнул капли со своего томика Пуран. Он весь промок и дрожал. С кашлем из глотки выходили волокна слизи, окрашенные сажей от попавшего в легкие дыма. Во рту стоял болотистый запах из-за грязи, которой он наглотался в приступе безумия. Он ощущал на себе чужой взгляд и догадывался чей.

Он сказал:

— Ну что ж, ты привела меня сюда.

Он сказал:

— Полагаю, ты заявишь, что спасла мне жизнь.

Он сказал:

— Но я — не твое создание. Скоро рассветет, и я уйду.

Как и прежде, в Храме Черного Колодца, переливы цветов вдруг прекратились и раздвинулись, словно занавес. И опять, как и раньше, показалась женщина в волшебном саду. Она смотрела в круглое окно оракула, будто заглядывала в чей-то дом.

Зеленый цвет этого сада хлынул в дождливую ночь. Женщина выглядела точно так же, как в первый раз: длинные черные волосы, узкое лезвие смуглого лица, облегающее белое одеяние с раструбами для рук и ног. Йама почувствовал, что больше ее не боится. В пространстве оракулов обитали твари и пострашнее, одну из них он покорил, покорит и эту.

— Вот и ты, — произнесла женщина. — Ты действительно здесь. Я все время тебя искала с тех пор, как видела в последний раз. Ты многому научился, Йамаманама. Я рада. Два раза я тебя видела в громадной горе в старом городе, но не могла заговорить. Большая часть этих окон не работает совсем, а оставшиеся в основном действуют односторонне. Я видела, как ты шел мимо, окликнула тебя, но ты не услышал. Но это, к счастью, работает. Ты позвал меня, и я здесь. Где ты находишься? Как нашел это место?

— Значит, это не ты спасла мне жизнь?

— Подожди. — Женщина прикрыла глаза, медленно улыбнулась и потом опять их открыла. — Теперь я знаю, где мы. Я тебе уже говорила, что оракулы на той стороне реки все еще действуют. Во всяком случае, некоторые. По крайней мере этот. Какой ты молодец, что нашел его! Ты думаешь, я спасла тебе жизнь?

Йама рассказал, что случилось с людьми, которые хотели убить его. Когда он закончил, женщина мрачно покачала головой:

— Тебе не следует вмешиваться в то, чего ты не понимаешь, Йамаманама, — сказала она, — ты все еще молод, и я могу очень многому тебя научить. Знаешь ли ты, кто эти существа, те, кого ты называешь термитами?

Йама вспомнил, что рассказывал ему Тельмон, вспомнил урок из биологии.

— Общественные насекомые. Они живут сообществами, как пчелы и муравьи, — ответил он.

— Думаю, что когда-то они и правда были насекомыми. Они подверглись изменениям точно так же, как были преобразованы оригиналы других рас вашей ойкумены, когда их сюда перенесли. Термиты сохранили свою социальную структуру — королеву, мужских производителей, миллионы дочерей-работниц, солдат, строителей, — но их подтолкнули в социальном развитии. Каждый замок является действующим процессором, а все вместе они составляют единую громадную архитектурную конструкцию.

Как миллионы насекомых в каждой колонии объединены в один замок, так тысячи замков входят в единую мегаструктуру.

— Я ощущал их мысли. Чувствовал, что в замках идет мыслительный процесс, но я не знаю, о чем они думают.

Женщина улыбнулась и сказала:

— Я тоже не знаю. Но они отозвались на твой призыв, так что не бойся их. Они убили твоих врагов и, вполне возможно, создали ливень, загасивший костер. Это дело не сложное, надо просто изменить относительную разность электрического заряда между землей и воздухом. Твое могущество растет, Йамаманама. Я могу помочь тебе добраться до самых его пределов. Дорогой! Вдвоем мы сможем совершить великие дела! Прекратить эту глупую войну. Можем обрушить месть на головы тех, кто разрушил твой дом.

— Я как раз думал, известно ли тебе об этих событиях, — сказал Йама, вспомнив, о чем ему поведал эдил. — Подозреваю, что ты пользовалась оракулом в Храме Эолиса.

— Иногда я там тебя видела, но никогда не могла с тобой поговорить. Это меня так угнетало, зато теперь ты можешь разбудить оракулов полностью. Мы станем понимать друг друга. Ты жаждешь мести. Ты желаешь воссоединиться со своей настоящей семьей. Я хочу закончить войну. С моими знаниями и с твоей властью мы способны все это осуществить и добиться гораздо большего.

Йама вспомнил о человеке, который дал ему первую монету. Впоследствии ее отобрали у него в Департаменте Туземных Проблем.

— А тот отшельник — одно из твоих созданий? — спросил он.

— Я никого не создаю. Я не владею ничем, кроме знаний. Множество файлов теперь повреждено, но, к счастью, сохранившаяся часть очень велика. Безусловно, я знаю больше, чем любой другой в вашем странном мире.

— У тебя есть знания, но нет власти, а я, наоборот, обладаю могуществом, но не знаю, как им воспользоваться, как управлять. Можно сказать, что я переполнен силами, которые пользуются мною, как воспользовались термитами или псом преисподней. Возможно, и ты пользуешься мною посредством этой силы.

— Ты — мой тайный сообщник. Если помнишь, ты сам вызвал меня в храме. А когда ты оказался связанным в самом сердце костра, к кому ты воззвал?

— Как ты узнала про костер?

— Ну как же! Мне сообщили термиты. Ты взывал ко мне?

— Наверное, я взывал к Хранителям.

Женщина улыбнулась, показав мелкие белые и ровные зубы.

— Может, и к ним, но они не отозвались. И никогда не отзовутся, правда? Просто не могут. Они удалились туда, откуда свет не может выбраться до самого конца времен, когда испарится горизонт их Вселенной. О, разумеется, в стародавние вре-

мена их аватары могли слышать ваши молитвы и доводили их до Хранителей, но Хранители никогда не отвечали, просто не могли. Как известно, свет может падать в гравитационный Колодец Черной Дыры, но выйти оттуда — нет.

Йама знал. Об этом говорилось в последней суре Пуран.

— Мне довелось исследовать множество мест внутри этих окон, — сказала женщина. — Но нигде я не встретила и тени аватар. Вместе со мной они были здесь очень недолго, а теперь ушли. Ушли и следов не оставили.

— Их вытеснили еретики.

— Аватары уже были очень слабы, дорогой. В этой сети ужасно много древних разрушений. Еще задолго до еретиков здесь была война между машинами, которые отказывались служить, и теми, что остались верны своим создателям. Война нанесла куда больше ущерба, чем все действия еретиков, вместе взятые. Но мы можем возродить этот мир, ты и я. Возможно, тебе даже удастся вернуть аватар. Подумай об этом, а что касается твоего спасения, я думаю, ты обратился к собственному «я». Если в тебя действительно вселилась какая-то сила, она, вероятно, является такой же твоей частью, как я — часть оракула. Я не могу существовать вне пространства оракулов, пока не могу, а то, что ты называешь своей силой, не может жить вне тебя. Следовательно, ты должен ей доверять, ведь ее жизнь зависит от твоей. Если бы она могла, то сделала бы тебя вечным.

Йама рассмеялся от этого явного богохульства. Теперь он ясно понимал, насколько ничтожна власть этой женщины. Одни слова, и она не знает, как ими на Йаму воздействовать. Он ее больше совсем не боялся.

— Все, кого создали Хранители, конечно, умрут, — сказал он, — но в последний, беспредельный момент времени они снова вернутся к жизни, к жизни вечной. Однако в первой жизни никто не вечен.

— Ты, может быть, станешь вечным. Я знаю о внедренном субстрате, который несут в себе все преображенные расы, но должна признаться, что суть его функций выходит за пределы моего понимания. Вероятно, он содействует накоплению информации внутри скрытых пространственных измерений. Мы знаем, что теоретически такое возможно, однако не владеем методикой проникновения в эти измерения и управления ими.

Тем не менее имеется много вариантов существования. Например, женщина — оригинал моей личности множество раз умирала и возрождалась до того, как оказалась выброшена на этот чужой дикий берег. Здесь она умерла, но родится где-нибудь еще. А перед смертью она поселила свою копию в пространство оракулов. Эта копия — я. Меня должны были стереть, уничтожить, но за моим оригиналом пришли раньше, чем я выполнила свою задачу.

Женщина подняла руки, словно желая коснуться пальцами плеч. Что-то вроде жеста недоумения.

— Мой оригинал убили, ее корабль улетел, а я осталась влачить свои дни здесь и буду жить, пока существует мир. Мне так тяжело смотреть в этот мир и не быть в состоянии оказать ему помощь. Но все же, наверное, легче, чем иметь власть, чтобы помочь, и не уметь ею распорядиться.

— Значит, ты когда-то была живой?

— Ты меня не слушаешь? Я никогда не жила. Я — только копия с оригинала, а сама она тоже была копией с матрицы оригинала женщины, с которой мы все скопированы. Женщина-оригинал родилась миллионы лет назад. Она давным-давно умерла, но продолжает жить в целой цепочке копий. Она умирала и возрождалась множество раз. Вполне вероятно, что, когда Хранители замкнули пространство вокруг себя, она оказалась последним поистине человеческим существом. Мы надеялись, что это не так, и, может быть, корабль и правда сумеет найти остатки человечества где-нибудь в другом месте Галактики, но поиск может потребовать тысячи лет, даже если корабль клонировать.

Йама мало что понимал из ее речей, но думал, что, если женщину разговорить, она может ненароком сказать что-нибудь полезное.

Он сказал:

— Дождь сюда не попадает, что-то его удерживает, но мне хотелось бы развести костер. Свет не дает тепла, а я замерз. Слишком замерз, чтобы спать, а сил нет и спать хочется. Поговори со мной, я боюсь, что, если засну, уже не проснусь.

Он думал об отце, лежащем под целым ворохом меховых одеял в жарко натопленной маленькой комнате, о том, как холодны его руки. Туника Йамы все еще оставалась сырой, но он тем не менее ее надел и обхватил руками плечи.

— Поговори со мной, — снова попросил он. — Расскажи про ту женщину, оригинал. Она из Древней Расы? Я однажды встретил человека, который мне описал двоих из них. Сам он их не видел, видел его отец. Их одежда была похожа на твою.

— Я уже объяснила, кем она была. Вернее, кто она есть.

— Последняя из людей. Но здесь у нас так много типов людей.

— Она была последней из настоящих, первичных людей. Ты — не человек. Вы все — не люди. Вам придали сходную с людьми форму, но и только. Насколько я знаю, вашими предками могли быть метанодышащие болотные котики или же водородные пузыри, питающиеся за счет фотосинтеза и обитающие в верхних слоях атмосферы планет-гигантов. Но те, кого вы называете Древней Расой, были действительно людьми. Все они являлись различными аспектами одной-единственной индивидуальности, а мой оригинал — синтезом их всех, то есть истинная копия, чья

родословная тянулась на миллионы лет и восходила к давно умершему человеку.

— Зачем люди Древней Расы сюда приходили и почему они ушли?

— Их доставил сюда корабль. Сами они очень долго пребывали в состоянии сна, нет, не сна, но и не смерти. Они были в анабиозе, а это не жизнь и не смерть, а существование вроде того, что ведет написанная на книжных страницах история: она оживает, только когда кто-нибудь снимает книгу с полки, открывает ее и читает. Тебе никогда не приходило в голову, что когда ты откладываешь книгу, не дочитав, время в ней останавливается до тех пор, пока ее снова не начинают читать?

Йама задумался. В библиотеке замка хранятся книги, которые не открывали так долго, что страницы их сплавились в монолит. Для этих книг время остановилось или исчезло; слова их рассказов повисли в небытие или же все протекающее в них время слилось в одно бесконечное мгновение и существует повсюду одновременно, как при начале и конце Вселенной.

Йама запальчиво возразил:

— В рассказе между одним предложением и тем, что за ним следует, могут пройти столетия. Будь это рассказом, я мог бы спокойно уйти и через минуту оказаться у себя в постели, в тепле и безопасности.

— Или же обнаружить, что твоя роль в рассказе закончена и ты больше не существуешь, — насмешливо бросила женщина.

— Тогда мне, видимо, придется подождать, пока кто-нибудь начнет читать этот рассказ сначала. Ты говоришь, что тебя создали здесь, но такое впечатление, что ты помнишь о многом, случившемся до твоего появления.

На это женщина ответила:

— В моем языке, на котором закодирована моя индивидуальность, а не на том, который я выучила здесь, чтобы общаться с тобой и разбираться в архивных записях вашего мира, мое имя означает «вестница». Оно принадлежит моему оригиналу, а значит, и мне тоже. Она принесла в ваш мир весть, хотя в тот момент сама этого не осознавала. Она создала меня, чтобы разобраться, почему она, не имея такого намерения, меняет окружающий ее мир. Совсем как ты, Йама. Я похожа на отражение, которое вместо того, чтобы повторять движения реального существа, начинает действовать по собственному почину и входит в мир за пределами зеркала. Я ведь копия, а потому помню кое-что из случившегося до того, как была написана моя роль.

— Расскажи мне, что ты помнишь. Мне хочется послушать твою историю.

— Тогда слушай. Миллионы лет назад, когда сообщество, впоследствии ставшее человечеством, проживало на

девяти планетах, тысяче лун и астероидов одинарной звезды в том рукаве Галактики, который носит название Небесный Охотник, существовала религия, утверждавшая, что индивидуумы не должны никогда умирать. Она принимала любые взгляды и технологии, которые могли содействовать осуществлению этой идеи. Религия эта не признавала никаких богов, исключая вероятность того, что в самом конце бытия Вселенной все последователи этого учения могут слиться в единую общность, которая получит доступ к бесконечному количеству энергии и, таким образом, будет иметь возможность восстановить все вероятности событий, включая и воскрешение любого человека, который когда-либо жил или мог жить.

Именно эта религия повлекла человека от звезды к звезде. Индивидуумы создавали копии своих личностей в компьютерах, клонировали их, рассредоточивали в птичьих стаях, дробили в рыбных косяках и даже среди общественных насекомых вроде твоих термитов. Они называли себя трансценденталами, ибо верили, что могут превзойти человеческую природу.

За два миллиона лет вся Галактика была полностью исследована, еще через три — полностью заселена, и началась великая переделка. Изменялась каждая звезда и планета. Однажды моя праматерь собрала конференцию у одной из окраинных звезд в нескольких тысячах световых лет от плоскости Галактики. Целое столетие в мире, всю поверхность которого преобразили в равнину великолепного сада вроде моего, клан, состоящий из миллионов копий, ста различных поколений, проводил встречи и обменивался опытом.

Но в этой религии был один изъян. Клонированные индивидуумы и их копии, копии этих копий и клоны этих копий — все они отличались от оригинала, потому что обладали различным жизненным опытом, с ними происходили отличные друг от друга события, они встречались с разными явлениями. Через миллион лет многие уже не были человеческими существами ни по форме, ни по образу мысли, разве что могли, поколение за поколением, проследить свое происхождение от единственного человеческого предка. Таким образом отдельный индивидуум превратился в сообщество или союз миллионов различных разумов. Некоторые даже стали основателями народов и империй, в которых каждый мог проследить свою родословную к одному и тому же человеку.

Конференция, организованная моей праматерью, была одной из первых и наиболее успешных. Многие закончились страшными войнами из-за разногласий в вопросах родословной. В те времена ремесло экспертов по вопросам родства и происхождения было самым выгодным делом в Галактике, так как возникло множество самозванцев, претендовавших на честь принадлежать к первичной родословной ветви каждого клана. В результате этих войн власть трансценденталов стала слабеть, а миры обычных людей начали поднимать голову. Они тоже воевали между собой

за контроль над развалинами империй этих сверхчеловеков. В этот период значительная доля архитектурной организации четырехсот миллиардов звезд Галактики была утеряна или разрушена. Миллионы звезд стали сверхновыми, миллионы других сошли со своих орбит и улетели за пределы Галактики. Войны длились два миллиона лет, восстановление после них — еще два, но к концу этого срока большая часть трансценденталов погибла. Выжившие человеческие общины чувствовали, что в них заключена опасность для разнообразия и мощи типов эволюционного развития, как среди отдельных цивилизаций Галактики, так и между ними.

Моя праматерь, которая когда-то правила империей из миллионов планетных систем, вынуждена была бежать от репрессий против трансценденталов. Она скопировала себя в центральную нервную систему корабля, укомплектовала его экипаж своими неполными копиями и отправилась в путешествие между своей Галактикой и Туманностью Андромеды, которое длилось два миллиона лет. Ей нужны были по-настоящему надежные цивилизации-союзники, но она никого не нашла и решила вернуться. Во время пути домой, пока сама она пребывала в таком же сне-небытие, как рассказ в закрытой книге, ее корабль обнаружил изменение в Большом Магеллановом Облаке, галактике-спутнице нашей родной Галактики. Все звезды этой галактики падали к ее гравитационному центру. Их масса служила источником энергии большой черной дыре, наверное, самой большой во всей Вселенной. Корабль изменил курс, и когда моя праматерь вернулась к жизни, он уже приближался к этому странному миру — искусственной ойкумене, населенной брошенными игрушками тех, кем стало человечество за четыре с половиной миллиона лет ее отсутствия.

Все, я заканчиваю. А теперь ты должен решать, что будешь делать. Если мы объединимся в стремлении к общей цели, то сможем закончить войну. И это самое малое... Только для начала...

Йама знал, что он должен делать, но все еще хотел побольше узнать от нее, а потому спросил:

— Расскажи конец этой истории. Что произошло, когда она сюда прибыла? Что она делала, куда делась?

— Это ты можешь прочитать сам. Я вложила это в твою книгу. Больше я не собираюсь говорить, чтобы скрасить тебе ночь, разве что ты решишься мне помочь. Если тебе требуется тепло, то твои товарищи поделятся им.

Женщина указала за плечо Йамы. Он обернулся и, пораженный, увидел множество разных зверей, собравшихся у границы зеленоватого свечения оракула. Тут была небольшая стая страусов, их маленькие головки беспокойно вертелись на длинных шеях, перья обвисли от дождя. Дикие свиньи — пекари и тапиры стояли плотным стадом, плечом к плечу, одна самка разлеглась на голой скале и кормила парочку поросят. Два гигантских ленивца присели

на корточки, обхватив лапами друг друга за мохнатые плечи, как влюбленные молодожены. Свесив вниз голову с тяжелыми рогами, в одиночестве стоял громадный буйвол; в его прекрасных больших глазах играли зеленые блики, две белые утки устроились на его широкой мускулистой спине. Стая рыжих лисиц сидела особняком, их длинные уши вытянулись вперед, напряженно вслушиваясь в звуки ночи. Кучкой сухих веток лежал богомол, повернув крохотную слепую мордочку к экрану. Тут же собрались и мелкие твари: мыши, горные даманы, кроты, казуары, кузнечики, извивающаяся масса степных гадюк. А впереди этой пестрой аудитории на сухом пятачке скалы лежала огромная львица, она напряженно смотрела в окно оракула, скрестив перед собой лапы с такими острыми когтями, что одним ударом она могла располосовать Йаме живот сверху донизу.

Все животные не смотрели на Йаму, а только в оракул. Одна львица, когда Йама на нее взглянул, на мгновение перевела на него свой горячий желтый глаз. Йама вновь повернулся к женщине и, вспомнив про дальний берег, спросил:

— Они что, пришли молиться?

— А разве не ты их собрал?

— Не думаю, нет, не знаю.

Как только он это проговорил, все животные встали, вытянули шеи, потрясли или покачали головами и затрусили в темноту. Осталась одна львица, она зевнула, показав клыкастую розовую пасть и большой розовый язык, лежащий между двух рядов белых зубов. Воздух наполнился глухим шумом, но таким низким, что Йама скорее ощущал его костным мозгом через подошвы, чем слышал ушами. Львица мурлыкала. Йама вспомнил кошек из замка и почесал ее за ухом. Она боднула его лбом и лизнула руку своим сухим шершавым языком.

Женщина в белом сказала:

— Мы можем приручить весь мир, ты и я. Только согласись, дорогой, и я открою тебе самые невероятные чудеса.

— Нет, — ответил Йама. — Ты более точная копия своей праматери, чем сама полагаешь. Тебе, как и ей, нужна власть, и для этой цели ты готова на все. Она начала войну, которую ты жаждешь прекратить. Я не стану ни твоим слугой, ни рупором.

— Но мы сделаем это вместе. Не из собственных интересов, а на благо всего мира.

— Никто из рвущихся к власти не желает ее делить, — заявил Йама.

Внешность женщины не переменилась, но ее экзотическая красота вдруг затянулась какой-то зловещей пеленой. Она воскликнула:

— Оракулы — это не только окна. Я могу сделать и послать в ваш мир такое, что ты содрогнешься от ужаса. Я рассказала тебе далеко не все, что знаю. Например, то, как ты сюда явился. Так или иначе, ты будешь мне помогать!

— Да ты ведь даже не можешь заговорить со мной без моей помощи, — бросил Йама и вызвал создание, которого он прежде боялся не меньше этого заброшенного фантома.

Синий огонь сверкнул в диске оракула. Женщина не успела даже вскрикнуть.

Йама до сих пор до конца не понимал, как ему удалось ускорить преображение в младенце зеркального племени. Теперь, пока он спал, прижавшись к теплому боку львицы, ему приснилось, будто он летит над темным городом, в котором светится только одно окно. Он покружил над горбатыми крышами и увидел комнату, освещенную единственной горящей точкой. Внутри за простым столом сидела женщина. Она читала его экземпляр Пуран. Она подняла голову, и Йама увидел, что над ее головой горит светлячок, белая смышленая звездочка, которая тотчас рванулась к нему. Ее сияние залило его нестерпимым светом и он проснулся.

Дождь прекратился. Под серым покрывалом облаков становилось светлее. В оракуле все еще стояла неземная картина чужого зеленого сада, но женщина исчезла. На ее месте стоял пес преисподней, он охранял Йаму всю ночь. Йама поблагодарил его, и он удалился, сжавшись в яркую точку, вобравшую в себя весь свет из оракула, и тогда тот превратился в слепой черный диск.

Йама заметил, что пальцы его мертвой хваткой сжимают монету и их свело судорогой. Он встал, чувствуя как затекли все суставы, ощущая ушибы и обожженный след веревки вокруг груди. Руку саднило там, где его схватил сын констебля Унтанка. Львица лежала, положив тяжелую голову на скрещенные лапы, и смотрела, как Йама выполняет упражнения, чтобы размять связки и согреть одеревеневшие мышцы. Вдруг ее уши дрогнули, и через мгновение Йама услышал, как кто-то выкрикивает его имя. Он обернулся и увидел, как к нему по морю травы приближаются люди, обходя высокие плиты термитных гнезд.

Львица поднялась и лениво затрусила прочь, рассекая высокие травы, словно занавес. А с другой стороны к нему бежала Тамора, и на Йаму обрушилась тупая тяжелая уверенность, что эдил мертв.

23. АНЖЕЛА

— Там был лев, — говорила Тамора, — лев или пантера. Прямо рядом с ним, а потом лев убежал. Он летел вдоль края света, как стрела.

Пандарас заметил:

— Скорее всего это была лишь обычная кошка. Женщины Болотного Племени любят держать их для забавы, и одна могла пойти за моим господином. Я заметил, они держатся от тебя подальше, ты наверняка спугнула ту, которая решила составить ему компанию.

— Я знаю, что видела, — заявила Тамора с угрюмым упорством. — Там еще был оракул. Живой. А в нем сад и голубое пламя, когда я подошла ближе, сад исчез, а оракул стал черным, как твой язык.

Когда наемница была в мрачном настроении, от нее шел тяжелый дух, который заставлял сердце Пандараса колотиться от страха, и он мечтал спрятаться где-нибудь подальше, опасаясь, что она прикончит его одним ударом или откусит голову, просто так, чтобы перекусить или заткнуть ему рот. Однако ее упрямство настолько раздражало Пандараса, что он не мог удержаться от возражений. Как и вообще свойственно его расе, Пандарас предпочитал высказаться и расхлебывать последствия, а не промолчать и потом сожалеть, что упустил случай вставить хлесткое словцо. И вместо того чтобы прикусить язык, он заметил:

— Думаю, сад отправился следом за львицей.

— Я знаю, что видела, — повторила Тамора и сплюнула через парапет в темную воду.

«Соболь» с парусом, полным свежего попутного ветра, скользил прочь от плотных зарослей ризофоры, которые окаймляли отмели и разделяли болотистые низины вдоль берега. Впереди расстилался простор свободной воды. Река сияла в лучах заходящего солнца, и медленно дрейфующие смоковницы вырисовывались черными силуэтами на ее глади. В четырех лигах от «Соболя» виднелись две караки, но ни крейсера, ни пакетбота, преследовавшего их от сожженного города до плавучего леса, не было.

Далеко за разбегающимся по воде кильватерным следом «Соболя» поднимался к синему небу, извивался и таял дым от углей погребального костра эдила. Костер сложили на самом гребне вдоль старой береговой линии на платформе. Вымытое и умасленное нардом и особыми кремами тело положили на ковер из цветов. Йама сам поднес к нему факел. Порох и сера в основании костра вспыхнули с яростной силой, потом схватились и затрещали стволы камедных деревьев, посылая вверх клубы плотного, ароматного белого дыма.

Внезапно, в самом сердце костра тело эдила приняло сидячую позу, так часто бывает, когда мышцы иссохнут и сократятся от жара, но и тогда Йама не дрогнул, сохранив на лице бесстрастную маску. Он, не мигая, с ожесточенным вниманием смотрел на костер, машинально бросая в огонь ароматические соли и масло, пока тело его отца не растворилось в огне.

Костер горел несколько часов. Позже, когда Йама склонился над пепелищем, чтобы собрать в урну белый прах и

остатки костей, сержант Роден вдруг издал резкий крик. Он отбросил в сторону головешки и поднял из горячего пепла сердце эдила, черное, ссохшееся, но не сгоревшее. Сержант Роден сильно обжег руки, ведь оно было раскаленным, как тлеющий уголь, но он даже не поморщился от боли.

— Я сам увезу его, — сказал он Йаме, — и похороню в саду нашего замка.

Поставили парус, Йама развеял прах своего отца по водам реки, а капитан Лорквиталь читала суру из Пуран, где говорится о воскрешении мертвых в конце времен. Теперь он сидел на палубе полубака, листая бумаги, которые оставил ему отец, Тамора все не оставляла спор о том, что она видела.

— Я могу посчитать людей на палубах тех торговых кораблей, а ты можешь? — говорила она Пандарасу. — Если не можешь, то не смей сомневаться в том, что я видела.

Пандарас смягчился:

— Кто сомневается, ведь у тебя нет ни капельки воображения. Если он способен приручать женщин и мужчин, то, полагаю, сможет приручить и зверей.

— Я бы сказала, что второе проще, чем первое. Единственный способ приручить человека — это сломить его дух и превратить в раба.

— Тем не менее ты идешь за ним. И капитан Лорквиталь тоже, иначе почему бы она повела корабль к этому берегу и ждала два дня? Ему даже просить не пришлось, она увидела, что ему нужно, и осталась. А ведь могла бы на всех парусах умчаться с этого проклятого места.

— Я — его раба, — ответила Тамора, — а про тебя и остальных — не знаю.

— Не обязательно быть рабом, чтобы за кем-то следовать. Можно идти по собственной воле и все же посвятить свою жизнь другому. Любящие постоянно так делают, но я, конечно, не знаю, можно ли назвать любовью то, что происходит в твоем племени на почве секса. Мой народ привык служить другим, потому я и замечаю, чем дышит любой человек на борту, а ты это отрицаешь.

— Ничего я не отрицаю. Это трусость. Кроме того, если Йама владеет чарами, значит, Элифас им не поддается.

— У меня тоже есть подозрения насчет старого хмыря. Мой господин предпочитает доверяться его рассказам о затерянном городе дальше устья реки, но это не значит, что я тоже должен верить. Он что-то уж очень дружен с капитаном, и вообще у него слишком хитрый и таинственный взгляд. Думаю, у него свои расчеты.

— Я не спускаю с него глаз, — заявила Тамора. — Я послежу за всеми. А ты занимайся стиркой и зашивай рубашки.

— Тебе не приходило в голову, что наш хозяин сам в состоянии себя уберечь? Конечно, его похитили, но он сумел спастись, а раньше ему помогли рыбари.

Тамора пожала плечами:

— Почему бы им нам не помочь? Ведь у нас общий враг. К тому же они ведь аборигены. На них подействовать не сложнее, чем на попугая или на ручную обезьяну. Неужели люди в твоей расе такие суеверные, что видят вмешательство невидимой руки во всем, что происходит? Сержант Роден не пошел за Йамой, никто из прислуги эдила тоже не пошел. Если согласиться с тобой, то все должны быть околдованы, ведь он прожил с ними всю жизнь. А раз не околдованы, значит, нет тут никакого чародейства. В нашем мире нет магии, только древние технологии, про которые все забыли.

Пандарас ответил:

— На корабле едва ли хватит места солдатам эдила. Может, они последуют за нами на другом, а может, господин сам не хочет, чтобы они его сопровождали. Я бы на его месте...

— Ты имеешь нахальство думать, что понимаешь его? Ха! Ты слишком высоко себя ставишь.

Пандарас просительным жестом дотронулся пальцем до своих губ.

— Я не хочу с тобой ссориться, Тамора, и не хочу соперничать из-за привязанности нашего господина. Просто я счастлив, что могу служить ему изо всех сил. Я буду рад, если обо мне вспомнят в паре песен, и все. И даже это — больше, чем заслуживает простой трактирный слуга. Я оставил прежнюю жизнь и свою семью. И думаю, что мой господин... Наш господин поступил так же.

Тамора снова сплюнула за борт.

— Ты — слуга по рождению, а я посвятила ему свою жизнь. Тут есть разница. Ты занимаешься его бельем, а я охраняю его жизнь ценой своей собственной.

Она проговорила это с такой яростью, что Пандарас не мог не почувствовать всей глубины той любви, которую она никак не хотела признать. Он сменил тему:

— Как ты думаешь, он расскажет о пропавших людях?

— Я без труда прошла по их следу. В конце я нашла остатки большого костра и никаких следов этих людей. Ни единой капельки крови. Как будто они сквозь землю провалились.

— Может, и провалились, — задумчиво сказал Пандарас.

— Скорее всего они испугались и убежали. Этот народ — хвастуны и забияки, но твердости в них нет. По дороге в лагерь Йама сказал мне не больше трех-четырех слов, а сама я не спрашивала. Да и какое мое дело?

— Я слышал, они хотели его убить, чтобы отомстить за свой сожженный город. Ты же не можешь отрицать, что они отравили пиво, чтобы нас усыпить. У меня весь день потом голова просто раскалывалась. Они его утащили, он убежал, а они исчезли. Тут какая-то тайна. Может, это твоя львица их съела.

— Судя по тому, как она бежала, этого не скажешь. Скажи спасибо, что для тебя все обошлось головной болью.

Тамора отвернулась от парапета и посмотрела на маленькую палубу полубака, где скрестив ноги сидел Йама. Он давно прекратил рассматривать растрепанную пачку бумаг своего отца и теперь читал свою книгу, бессознательно крутя на запястье амулет, который подарил ему Онкус.

— По крайней мере он находит утешение в Пуранах, — вздохнув, сказала Тамора.

Книга переменилась. Йама вспомнил, что сказала женщина до того, как он ее уничтожил, и сейчас он понял, что она наделала. Рамки картин были на месте, но сцены на них больше не были геральдическими изображениями древнейших времен до сотворения мира. Вместо этого каждая картинка, сияя свеженанесенной краской, представляла единственную сцену, наполненную таинственным символическим смыслом. Чередуясь, они рассказывали о том, что случилось с оригиналом женщины из оракула после того, как ее корабль опустился на землю Слияния.

Йама следил за этой историей до глубокой ночи, при свете зажженного Пандарасом фонаря, даже не прикоснувшись к принесенной для него пище. Пандарас немного постоял, с нежностью глядя на своего господина, но Йама не мог с ним говорить. Даже от одной мысли о разговорах у него болезненно сжималось горло. Пепел забился ему под ногти, ладони тоже были серыми, но он не стал мыть руки.

Отупев от горя, он с головой окунулся в рассказ, далеко улетев мыслями от боли, причиненной смертью эдила, от сожженного Эолиса, от исчезновения Дирив.

Анжела сошла с корабля, как только он приземлился в Слиянии. Перед ней лежал целый мир, который следовало понять и покорить. И она нырнула в него, радуясь, что убежала из удушающей атмосферы общества своих неполных копий, где только крайняя осторожность позволяла сохранять консенсус.

Они хотели лететь в родную Галактику, но Анжела устала от поисков. Она бежала, чувствуя бешеную радость и облегчение от того, что снова стала хозяйкой своей судьбы.

Анжела отправилась в путь миллионы лет назад. Ей нужно было найти союзников. Не этих странных созданий, что населяли прибрежные города Слияния и были просто животными, а настоящих союзников, разумных существ, имеющих за плечами абсолютно независимую, не связанную с земным человечеством эволюцию. Она оставила позади империю и надеялась основать другую вдалеке от крестовых походов против трансценденталов. Пусть в родной Галактике так и не нашлось достойного союзника, но ведь Вселенная бесконечна! Вокруг родной Галактики имеется

дюжина маленьких галактик-сателлитов, в ближней группе — тысячи галактик, а в метагалактике двадцать тысяч подобных галактических скоплений. Поиск мог длиться миллиарды лет, придавая цель ее существованию и позволяя забыть о горькой реальности, о том, что она бежит от поражения и в каком-то смысле от смерти. Она оставила позади миллиарды своих соплеменников, которых уничтожило человечество, не верящее в культ бессмертного индивидуума, человечество, по ее мнению, не далеко ушедшее от животных и все еще сохранившее пристрастие к половому размножению и к убеждению, что сберечь генетическое и социальное многообразие куда важнее, чем продлить жизнь индивидуума, независимо от его возраста, учености и могущества.

Анжела улетела очень далеко, полет был не сон, но и не смерть, а сама она — лишь потенциал, трижды отпечатанный на золотой кристаллической решетке. Ближайшая спиральная галактика находилась на расстоянии почти двух миллионов световых лет, туда она и отправилась. Хотя корабль летел так быстро, что замыкал время вокруг себя в кокон, все же путешествие заняло тысячи лет по замедленному времени корабля и более двух миллионов лет по обычным меркам Вселенной. В конце долгого пути Анжела и ее составляющие не были разбужены, они прошли реинкарнацию и родились заново.

За сотню лет бодрствования она постигла, что Вселенная не создана для удобства людей, вместе со своим экипажем она нашла лишь разрушенную и мертвую галактику.

Миллиард лет назад эта галактика столкнулась с другой, чуть-чуть меньшей по размеру. Пока галактики проникали друг в друга, настоящих столкновений отдельных звезд было совсем немного, ведь расстояния между ними очень велики. Но взаимодействие газов и темная материя на относительных скоростях в миллионы километров в секунду создало страшные гравитационные и ударные волны, бурей пронесшиеся по разряженной межзвездной среде. Во время долгого медленного столкновения звезды обеих галактик сорвались с привычных орбит и рассеялись необъятным сияющим ореолом, а некоторые получили достаточное ускорение и были выброшены в межгалактическое пространство, где оказались обречены на вечное скитание в одиночестве. Большая часть звезд слилась в единое целое и погибла, выжили только древнейшие шаровидные скопления благодаря своему невероятно мощному гравитационному полю.

Анжела со своей командой из псевдокопий не сумела обнаружить мир, где бы сохранилась жизнь. Многие планеты оплавились, встретившись со сгустками темной материи. Оно было таким плотным, что происходили столкновения с атомами обычной материи, высвобождая огромное количество энергии. Анже-

ле удалось найти мир, разорванный надвое гигантскими приливными напряжениями. Эксцентриситет орбит этих миров-собратьев после катастрофы был столь велик, что в самой дальней точке они были холоднее Плутона, а в самой ближней к звезде — горячее Меркурия. Были планеты, вдребезги разбитые на тысячи осколков, так причудливо разбросанных по орбитальным траекториям, что им не суждено было вновь сформироваться в единое небесное тело. Они встретили темную холодную планету из заледеневшего азота, она одиноко блуждала среди звезд, и таких выброшенных с орбит и бесцельно носящихся в пространстве миров были миллионы. Еще миллионы оказались выжжены вспышками новых и сверхновых. Их родные звезды стали жертвой процессов, запущенных межзвездным газом и пылью, а также гравитационными импульсами. Попадались газовые гиганты, которых буквально вывернуло наизнанку, а теперь они превратились в сплошную нескончаемую бурю. Корабль Анжелы построил телескопические антенны, выслал самовоспроизводящиеся зонды, потратил двадцать тысяч лет, исследуя малую часть огромной галактики. Пока он летел от звезды к звезде, команда пребывала все в том же состоянии консервирующего небытия. Анжела и ее псевдокопии возрождались снова и снова, но жизни они не нашли.

Корабль Анжелы был гигантским вместилищем информации. Она не знала, что может пригодиться, а потому брала все, что могла, в трехмерном коде на решетке атомов золота. Она заказала поиск в архивах и узнала, что столкновения между галактиками — дело обычное, их происходит миллионы, а скорее всего каждая галактика за свою жизнь пережила подобную катастрофу. Даже в родной Галактике один из рукавов был оторван в результате прохождения сквозь него небольшого скопления звезд. Правда, трансценденталы провели реконструкцию и уничтожили следы повреждений.

Но родная Галактика была статистической флуктуацией. В отличие от других галактик ей не пришлось пережить крупное столкновение с телом серьезных размеров. Существовали различные причины и вероятности такого положения дел. Родная Галактика является одной из самых больших в наблюдаемой Вселенной. Кроме того, она находится в области с аномально низким содержанием темной материи. Но как бы то ни было, такая ситуация лежала практически за пределами распределения вероятных путей эволюции, а следовательно, существование жизни — тоже. По всей видимости, только звезды родной Галактики имели достаточно стабильные планетарные системы, на которых могла развиваться жизнь. Даже возникновение одноклеточных форм потребовало миллиарда лет, человек появился через четыре с половиной миллиарда лет. Если бы такие возможности были где-нибудь еще, в беспредельной Вселенной обязательно возникли бы другие цивилизации, и можно было бы разыскать их.

Анжела пришла к выводу, что человечество, со всей его брызжущей через край энергией и многообразием, во Вселенной одиноко. Оно должно само определять свои пути, ибо в мире нет никого, с кем бы могло оно соотнести свои достижения. Нет враждебных чужаков, которых нужно покорять, нет древних, мудрых существ, у которых можно учиться таинственным знаниям, скрытым в начале времени и пространства.

Анжела не думала, что ошибается. Она совершила самоубийство, возродилась и снова убила себя, как только выяснила то, что удалось обнаружить ее предыдущему «я». Когда она снова проснулась, прошло больше двух миллионов лет, при этом корабль подавил часть ее памяти. Корабль находился на низкой орбите вблизи гигантской конструкции, которая вращалась вокруг звезды в ста пятидесяти тысячах световых лет от спирального рукава родной Галактики, рядом с огромным диском черной дыры на том месте, где некогда было Большое Магелланово Облако.

Корабль продемонстрировал Анжеле результаты наблюдений в поле по длинной геодезической линии между двумя галактиками. Сначала в самом сердце Большого Магелланова Облака возникла яркая световая точка. Она могла бы быть сверхновой звездой, но размерами в тысячи раз превосходила любую известную сверхновую. Сияние этой единственной умирающей звезды затмило свет миллионов ее товарок, а когда оно померкло, все остальные звезды по спирали устремились к той точке, где она прежде сверкала. Ближайшие к месту катастрофы звезды удлинились и рассеялись, развеивая свои горящие сердцевины по всему небу. Все новые звезды, толпясь, втягивались в адскую топку, пока не осталось ничего, кроме тлеющего, газового диска — жалкие огарки миллионов солнц провалившихся за горизонт событий.

Корабль облетел всю родную Галактику в поисках источников когерентного электромагнитного излучения и ничего не нашел, кроме россыпи древних натриевых маяков. Не считая их, сигналы из родной Галактики прекратились, еще когда корабль находился от нее в полумиллионе световых лет — время, когда в Большом Магеллановом Облаке вспыхнула первая сверхновая звезда. Пока черная дыра росла, в районе Большого Магелланова Облака наблюдалась большая активность во всем спектре излучений, но наконец, через сто тысяч световых лет, она тоже прекратилась.

Анжела попросила корабль рассказать о выводах. Человечество, или то, чем оно стало за четыре с половиной миллиона лет с того момента, как Анжела скрылась от преследователей, создало черную дыру и в ней исчезло. Корабль говорил, что человечество, возможно, научилось использовать червоточины в пространственно-временном континууме, так как он выявил в пределах Галактики некоторое количество двойных затемнений, характер-

ных для теоретически допустимого туннеля между звездой и наблюдателем. Кроме того, корабль зафиксировал концентрированное скопление затемнений в районе одной из звезд ореола в десяти тысячах световых лет от диска гигантской черной дыры. Корабль сообщил Анжеле, что изменил курс (маневр, длившийся тысячу лет) и что он составил подробную карту пространства вокруг той звезды. Анжела изучила карту. На орбитах вокруг звезды вращалось более сотни винтообразных входов в подпространство, а кроме того, имелось гигантское искусственное образование — артефакт размером с планету, если бы поверхность планеты можно было снять с шара и расстелить на равнине. Корабль построил сеть датчиков и получил инфракрасный спектр воды и молекулярного кислорода, а также установил, что средняя температура на поверхности этого искусственного образования равна двумстам девяносто трем градусам выше абсолютного нуля. Были выявлены спектры поглощения нескольких классов фотосинтезирующих пигментов, в основном родопсина и хлорофилла.

Анжела потребовала следующий вывод. На поверхности артефакта имеется жизнь.

Ночью Пандарас обернул плечи Йамы одеялом, но тот и не заметил. Мошки бились о фонарь над его головой, а Йама продолжал читать.

Артефакт оказался толстой иглой длиною двадцать тысяч километров и менее тысячи в ширину, а ниже его грунтовой поверхности находился глубокий киль. Все это образование висело в воздушном коконе и удерживалось гравитационными полями. Каждые двадцать четыре часа оно поворачивалось по своей длинной оси, а орбиту вокруг своей звезды — обычного желтого карлика — проходило за срок, чуть больше трехсот шестидесяти пяти дней. Эти параметры задели в душе Анжелы какую-то глубоко спрятанную струну, ведь ее оригинал родился в планетной системе, где возникло человечество. Впервые за миллионы лет она вызвала тот сегмент своей личности, в котором хранилась память о ранних стадиях ее долгой истории. Она изучала данные, собранные кораблем, и все бормотала короткую мантру: двадцать четыре часа, триста шестьдесят пять дней, тридцать два метра в секунду в квадрате, двадцать процентов кислорода, восемьдесят процентов азота.

Орбита артефакта была слегка неправильной, значит, на поверхности должны меняться времена года. Границей одной из сторон служили горы высотой до пятидесяти километров. Их голые вершины поднимались выше атмосферного кокона. По другой стороне артефакта текла могучая река, начинаясь в горах, на три четверти закованных в ледяной панцирь в хвостовой части

этого странного мира, и падая через край на его середине. Неясным оставалось, как восстанавливается водяной цикл. Корабль провел нейтринное и глубокое радарное сканирование и обнаружил обширную зону каверн, коридоров и шахт, которая располагалась в скалистом киле артефакта, но при этом полное отсутствие водоносных слоев или каналов.

Одна половина этого мира дальше места падения реки была сухой, испещренной кратерами пустыней с пыльной ледяной шапкой и россыпью разрушенных городов. Другая — сияла зеленой равниной, ограниченной с одной стороны рекой, а с другой — цепью гор со снежными шапками, которые выглядели просто холмами по сравнению с гигантскими пиками на краю. Вдоль реки, как бусины, располагались города, и в каждом, за исключением самого крупного, жили человеческие существа одной из бесчисленных рас. Корабль выслал тысячи крохотных зондов. Многие из них были уничтожены машинами, которые кишели по всей поверхности этого мира, но уцелевшие вернулись с образцами клеточного вещества тысяч различных организмов. Менее одной десятой доли всех растений и животных принадлежали к генетическим линиям, восходящим к родной звездной системе человечества, происхождение остальных было неизвестно, но очень разнообразно. Корабль утверждал, что никто из обитателей этого мира не ведет свой род от земного человечества. За исключением нескольких примитивных рас, все они имеют искусственный блок, встроенный в их генный материал.

Корабль не мог объяснить, в чем назначение этого блока, как не мог объяснить, почему тысячи различных, внешне разумных, но абсолютно чуждых друг другу рас сгрудились на поверхности одной ойкумены размером с обычную планету. Неясным оставалось и то, почему физические данные почти всех здешних рас по меньшей мере на восемьдесят процентов соответствуют человеческим нормам — значительно большее совпадение, чем у множества соплеменников Анжелы в далекие дни ее империи.

Анжела отдала приказ кораблю подстроиться к орбите артефакта. Он отказался, а ее псевдокопии стали спорить, заявив, что артефакт является аномалией и у них будет больше шансов понять, что произошло, если они продолжат исследование родной Галактики. Анжела подавила возражения, а тем временем обнаружила информацию, которую при пробуждении корабль от нее скрыл. Она в очередной раз узнала, что, по всей вероятности, больше нигде в близлежащих скоплениях галактик нет жизни, а может быть, и во всей Вселенной.

На этот раз она не прибегла к самоубийству. Недалеко от истока длинной реки располагался огромный город. Очевидно, это была столица искусственного мира, древняя,

обширная и кишащая сотнями различных типов человекоподобных существ. Корабль приземлился у доков, и Анжела со своими копиями отправилась исследовать этот мир.

Налицо имелась столица, но не просматривалось единой системы правления. Были миллионы чиновников, организованных в сотню различных департаментов, но основная их масса, по всей вероятности, занималась обслуживанием архивов, а вовсе не определением или проведением в жизнь какой-нибудь политики, более того, кажется, в этом мире вообще не было центрального или постоянного правительства. Порядок поддерживался по общему и неоспоримому согласию, которое подкреплялось силами патрулирующих город банд магистраторов, а те, очевидно, никому не подчинялись и несли ответственность только перед собой, их власть ограничивалась лишь строгой приверженностью обычаям.

По всей вероятности, в прежние времена какие-то правители все-таки были, но это было еще до войны между двумя армиями машин, которые существовали вперемежку с людьми (несколько машин пытались обследовать корабль, и он их уничтожил, и уничтожил бы еще больше, но Анжела приказала ему прекратить). Война выжгла полмира, превратив его в пустыню, а корабль высказал предположение, что рассеянное облако машин, которое тянется по орбитальной траектории артефакта, состоит из выживших представителей проигравшей стороны. Обитатели столицы рассказали Анжеле, что после войны многие аватары Хранителей умолкли, а их оракулы погибли. Иерархи, которые являлись связующим звеном между аватарами и людьми, исчезли вскоре после войны. С оставшимися аватарами можно было общаться только через жрецов.

Корабль объяснил Анжеле, что оракулы, очевидно, были каким-то видом информационно-обрабатывающей системы, но большая часть их выведена из строя, а те, что продолжают действовать, допускают сбои.

— Хранители следят за всеми, — говорил ей каждый, к кому она обращалась.

Они были невидимой властью, на которой держалась иллюзия порядка. Общество было организовано по принципу теократии, но жрецы и служители множества храмов не претендовали на какую-либо власть или привилегии. Все служили идеалам Хранителей.

Анжела ходила повсюду, и казалось, никто не имел намерения ее остановить. Она задавала любые вопросы, потому что в этом обществе, очевидно, не было никаких табу. Она обнаружила, что жители столицы, города Иза, очень охотно ей помогают, и со временем начала подозревать, в чем цель встроенного генетического блока. Обитатели этого странного мира служили ей лучше, чем ее псевдокопии: если бы она потребовала, они отдали бы за нее жизнь.

Именно их помощью воспользовалась Анжела, чтобы скрыться. Она не строила планов. Ведь если бы было иначе, то корабль и экипаж из собственных ее отражений остановили бы ее. Она все сделала импульсивно, в мгновенном порыве.

Она шла вдоль доков в сопровождении обычной толпы любопытствующих и небольшой группы хранителей порядка — магистраторов. Солнце стояло высоко. Его алмазные брызги сверкали на широкой глади реки, город раскинулся под туманной дымкой, которая окутала подножия гор, и теперь их снежные пики, казалось, висели в голубой небесной дали.

Цветущие деревья окаймляли дорогу, над большими красными цветами кружились тучи ярко-желтых бабочек. В кружевной тени деревьев стояли у своих тележек и киосков продавцы, нараспев расхваливая свой товар. Белые птицы кружились над сияющей от солнца водой или же бродили, что-то выклевывая, по отмелям под каменными стенами причалов. Прямо на влажных илистых отмелях лежали на боку легкие лодки. Чуть дальше более крупные суда стояли у бакенов и плавучих доков. Пятнышки парусов усыпали всю необъятную ширь реки. Ближе к берегу, в маленьких лодках сидели люди и рыбачили с помощью черных длинношеих птиц, очень похожих на бакланов. Сотни людей толпились на ступеньках у самой кромки воды. Они мылись в мутных коричневых водах реки, а в это время их дети плавали, брызгались, весело вопили и хохотали. Мужчины сидели скрестив ноги и чинили натянутые на широкие рамы мелкоячеистые сети. Под кронами зеленых банановых листьев женщины потрошили серебристую рыбу, вокруг них кружили крикливые стаи птиц, дравшихся из-за рыбьих потрохов, которые летели в воду с причала. По краю воды короткими рывками двигалась похожая на сплющенную каплю ртути маленькая машина.

Сердце Анжелы пронзила резкая боль. Она остро почувствовала свое вселенское одиночество. Все, все ушло. Все, что она знала, потеряно, но ведь эта жизнь вокруг так похожа на то, что она потеряла. В первый раз с момента своего возрождения она ощутила, как на плечи ей давит груз прошлых лет.

Существа, которые шли за ней следом, вовсе не люди. Они чужаки. Ее окружали чужие создания, размывающие представление о человеке: люди-львы, люди-ящерицы, люди-птицы и множество других тварей, которых она не знала. Они просто животные, которые пытаются быть людьми, а может, люди, спрятавшиеся под маску зверья? Они называли себя чистокровными и говорили, что прошли преображение. Два слова с одним и тем же корнем, но легким различием в значениях, которое из их речей она так и не поняла.

Анжела в жизни потеряла все, а теперь ее окружал целый мир, живописный, странный, смутно и томительно знакомый. Птицы и бабочки, влажный застоявшийся запах воды с

отмелей, запах нагретого камня и растительного масла, горький вкус дыма от очагов, которые топят сухим навозом. Солнце играет бликами на воде. Ветер шевелит на деревьях глянцевые листья и лепестки больших красных цветов. Тысячи и тысячи мозаичных впечатлений, которые ежесекундно передают неизмеримое богатство сущности жизни. Многие из трансценденталов скрылись в воображаемых царствах информационных полей, создавая совершенные подобия известных миров или строя новые, совсем невероятные, но Анжела чувствовала, что миры эти приносят еще меньше удовлетворения, чем просто мечты: слишком они совершенны, чтобы быть по-настоящему реальными. Потому-то она во время долгих перелетов всегда выбирала небытие, предпочитая его замедленному времени в имитаторе.

Реальность или ничто.

Анжела села на речное судно и отправилась прочь из города. Это оказалось совсем просто. Капитаном был напыщенный солидный мужчина с блестящей черной кожей и маленькими глазами. Может, его мамаша была моржихой? Или, во всяком случае, водила шашни с моржом. Пока они плыли от одного города к другому, он не задавал Анжеле вопросов, а со спокойным равнодушием ей подчинялся. Тот факт, что она похитила его корабль и его самого, никогда даже не обсуждался. Город надгробий, город фарфора, пещерный город в скалистых утесах высоко над рекой, город деревьев, город на песчаной отмели посередине реки. Десятки городов, и в каждом живет отдельная раса, и все беспрекословно подчиняются общим законам и исповедуют одну религию.

А потом город, воюющий сам с собой. Война за преображение, объяснил капитан, а когда Анжела велела ему причалить у городского берега, он впервые выказал нечто близкое к неповиновению. Весь город состоял из квадратных домиков бурого саманного кирпича, которые теснились друг на друге, как куча картонных коробок. В лесной чаще, за стенами города стояло древнее, окруженное террасами здание ратуши из белого, источенного непогодами камня. Над зданием, охраняя его, постоянно кружили машины. Здесь жила старая женщина, называвшая себя комиссаром. Она приняла Анжелу на высокой террасе древней цитадели среди кадок с лимонами и геранью. Над вершинами деревьев со стороны реки поднимался дым пожарищ: часть города горела. Теплый ветер доносил временами треск и грохот стрельбы. Комиссар угостила Анжелу землистого цвета настоем из веток, который в этом мире повсюду называли чаем. Это была невысокая женщина, вдвое ниже Анжелы, медлительная и осторожная в движениях, с горбатой спиной, круглым лицом и вытянутыми в трубочку губами. Среди складок обвисшей кожи глубоко прятались маленькие черные глазки. Носила она нечто вроде бумазейной мантии, которая крепилась к

золотому обручу у нее на шее и множеством складок спускалась до самого пола. Над головой ее постоянно кружилась машина, похожая на украшенную драгоценными каменьями стрекозу.

Складывалось впечатление, что комиссар относилась к войне, как к горестному, но неизбежному естественному процессу, который невозможно предотвратить, а просто следует переждать, словно бурю или лесной пожар. Она объяснила Анжеле, что часть людей в городе уже изменилась и теперь воюет с оставшимися.

Преображенные, разумеется, победят. Так бывает всегда. Тогда они снимутся с места и заложат новый город, но скорее всего просто рассеются по побережью. Для них сейчас самое время.

Анжела долго не могла разузнать у комиссара, что означают слова «изменение» и «преображение». Оказалось, это нечто вроде крещения или трансцендентального перехода с реализацией индивидуального потенциала, возможности грешить или по крайней мере избежать поведения, которым определяется существование горожан на миллионы лет. Анжела поняла, что это, пожалуй, похоже на ее собственные эксперименты с мнемотехникой, когда она пыталась объединить свою растущую империю. Но тут имело место и физическое вторжение, изменения в структуре и химии мозга, которые обеспечивали, насколько Анжела поняла, создание зон хранения информации с очень высокой плотностью. Они каким-то образом взаимодействовали с девятью свернутыми измерениями квантового моря, лежащего в основании реальности. Все, что делал и испытывал любой человек преображенной расы, регистрировалось чем-то вроде души, которая будет существовать до самого конца Вселенной. А ведь это и есть истинное бессмертие, о котором Анжела и ее соплеменники мечтали миллионы лет назад, когда были еще людьми.

Комиссар рассказала, что большинство примитивных рас, аборигенов, никогда не удостоятся преображения, но все остальные уже преображены или изменение их еще только ожидает, ведь существуют еще сотни непреображенных рас. Некоторые уже превзошли первую стадию и ушли из земного мира в высшие сферы, но куда конкретно они отправились, комиссар объяснить не могла. Такова воля Хранителей, а ее не обсуждают.

Анжелу заинтересовало, что происходит с умершими людьми непреображенных и туземных рас (ее занимала собственная судьба). Комиссар задумалась. Наступила ночь. Пылающая городская набережная отражалась в неподвижных водах длинной гавани. В полях и садах выше города не прекращалась перестрелка; вспышки выстрелов указывали на позиции противоборствующих сторон, а однажды раздался звук страшного взрыва, в воздух взлетел столб красного и желтого пламени, терраса содрогнулась, чашки запрыгали на полированной пластине, которая плавала между двумя женщинами.

— Это вопрос для архивистов, — наконец сказала комиссар, — но они сейчас заняты: разговаривают с ранеными, и я надеюсь, ты не станешь их отрывать. Из-за войны столько жизней уйдут неотмеченными — такова цена преображения, и цена немалая. Но некоторые утверждают, что Хранители помнят всех, и все воскреснут, независимо от того, регистрируем мы их жизнь или нет.

Анжела вспомнила о миллионах клерков, которые в поте лица своего трудились в гигантском дворце в столице. Она спросила:

— Почему так важно регистрировать жизненные процессы мира?

Комиссар следила за далеким сражением. Пожары, вспышки выстрелов, алые сполохи канонады, внезапные фонтаны огня и пыли — на расстоянии война часто кажется живописной. В ее круглых черных глазах отражались огни пожаров. Наконец она проговорила:

— Это одна из самых почетных задач.

— Регистрировать воспоминания, чтобы Хранители могли ими воспользоваться?

— Волей Хранителей мы все воскреснем в конце времен и будем жить вечно.

Это какой-то эксперимент, решила Анжела. Эксперимент, который сам себя регистрирует. Мир приведен в движение, идет эволюция, а это значит, что здесь я могу изменить ход жизни. Если Хранители используют этих людей, то почему нельзя мне?

— Раз вы в этой жизни можете многое выиграть, решившись на дурные поступки, а Хранители все равно вас воскресят, — проговорила она, — то почему бы не вести себя дурно? Вы можете иметь власть, богатство и все, что обещано вам в вечности, прямо сейчас, а Хранители вас простят.

Некоторое время комиссар обдумывала эту мысль, а Анжела всматривалась в темнеющий за деревьями город. Вокруг тусклого свечения в эпицентре большого взрыва виднелись разбросанные огни небольших пожаров. Ружейная перестрелка вроде бы стихла.

В конце концов комиссар сказала:

— В конце времен Хранители могут воссоздать все возможные миры, а это означает не только «возможные добрые», но и «возможные злые». Но Хранители не допустят зла, ведь они нас любят. Если бы не любили, зачем бы им нас возвышать? Потому мы должны прожить наши жизни лучшим образом, иначе может оказаться, что нам нечем будет жить за пределами этого мира. Некоторые говорят, что Хранители могут искоренить зло в душе любого человека, сколь бы велико оно ни было, ведь Хранители для осуществления своей воли располагают бесконечным временем и бесконечным пространством. Говорят, что намерение Хранителей воскресить грешников, сохраняя для них возможность

искупления, доказывает глубину их любви к своим несовершенным созданиям. Но даже если это правда, лучше поступать хорошо, ведь в присутствии бесконечной доброты лучше быть добродетельным и помогать, а не вредить людям, потому что, творя зло, мы все равно большего не выигрываем. — Комиссар рассмеялась. — И еще вот что: подумай, какой стыд терпеть, что Хранители тебя прощают. Это тяжкий груз. Немногие способны его нести.

Анжела возразила:

— Сейчас те, кто прошел преображение, действуют дурно.

— Только потому, что их непреображенные братья, которые не знают иной жизни, на них нападают. Непреображенные не в состоянии вообразить перемену, и они бьются с ней смертным боем, а преображенные вынуждены защищаться. Непреображенные не ведают добра и зла, ибо они не могут выбирать между ними. Они есть то, что они есть. И не больше.

— Но ты ведь понимаешь это различие и не вмешиваешься. Ты могла бы удалить преображенных и прекратить войну. Своим бездействием ты многих обрекаешь на смерть. Разве это не зло?

— Никто не должен ставить себя на место Хранителей, — ответила комиссар, в упор глядя на Анжелу. Казалось, что она впервые почувствовала себя оскорбленной.

Анжела знала, что не стоит оскорблять Хранителей. Им поклонялись во всем здешнем мире, но никто не мог ей о них рассказать. Известно было только, что они отняли свою милость у этого мира, но в конце времен вернутся и воскресят всех, кто когда-нибудь жил, и тогда все люди будут жить вечно в бесконечной цепи совершенных миров. Подобное кредо имело много общего с амбициями самих трансценденталов, но в Слиянии все до одного верили, что Хранители способны это осуществить. И в то же время полагали, что глубинная природа Хранителей непознаваема. То немногое, что поддавалось пониманию людей, можно прочесть в Пуранах. Однако Пураны — нечто вроде кодекса моральных принципов, проиллюстрированных уроками из космологии и галактической истории — были до ужаса туманны и неконкретны. Анжела еще раньше просила корабль снабдить ее конспектом Пуран, и в одном коротком предложении она узнала свою империю, только все ее усилия были там чудовищно искажены. Вот и еще одна вещь, которую следует исправить. Когда-то ее империя была одной из крупнейших в человеческой истории, а возможно, и вообще самой крупной во Вселенной. Она еще не решила, что будет делать, но обязательно добьется, чтобы ее утерянная держава получила должное признание.

— Я здесь переночую, — сказала Анжела. — Мне кажется, у тебя безопасно. Принеси мне поесть и покажи, где спать. Завтра я уйду.

— Конечно, — отозвалась комиссар и, сложив калачиком свои загрубелые губы, добавила: — Но я уверена, что твой корабль уже ушел.

Так оно и было. Пока Анжела разговаривала с комиссаром, владелец корабля, который она захватила в Изе, вышел из-под ее чар и улизнул. Однако на следующий день Анжела просто реквизировала еще один и продолжила свое путешествие в низовья. Новый корабль был намного больше первого. На трех его мачтах квадратные паруса наполнялись попутным ветром, а глубокие трюмы были полны фруктов, предназначенных для города в верховьях. Через неделю фрукты сгнили и Анжела приказала их выбросить за борт. На это ушел целый день, хотя работала вся команда вместе с офицерами и капитаном. Зато теперь, когда осадка стала мельче, корабль быстрее полетел по волнам. Капитан сказал, что надо заполнить трюм балластом, иначе в шторм корабль опрокинется, но Анжела не обратила на это внимания: она торопилась.

За бортом оставалась цепочка городов, населенных в основном непреображенными расами. Их люди так же хранили верность своим привычкам, как муравьи или пчелы. Не имея свободы воли, они скорее напоминали зомби или органические машины, чем людей, тем не менее архивисты тщательно регистрировали их ничем не примечательные жизни. Порядок охраняли магистраторы их собственной расы. Один-два официальных поста были заняты представителями какой-нибудь преображенной расы, но они обладали скорее моральной властью, и к ним обращались только в случае необходимости.

Последний из городов на берегу длинной-длинной реки назывался Сенш. Выжженный солнцем город с прячущимися в тени пальм узкими улочками, пыльными площадями с саманными домиками под плоскими крышами. Вокруг раскинулись бесконечные плантации саго, финиковых пальм, апельсинов, гранатов, бананов и всякого рода земляных орехов. Кроме того, здесь разводили верблюдов или по крайней мере очень похожих на них существ.

Жители Сенша были стройными ловкими людьми, весьма искусными в изготовлении посуды и стекла. Их маленькие черные глазки без век поблескивали под низкими нависающими лбами, коричневая и черная кожа в разной степени сохранила следы чешуек.

— Змеи, — назвал их комиссар Сенша, маленький деятельный человек, который жил в саду, плавающем над дворцом из розового песчаника, — его официальной резиденции. Казалось, комиссар Дрин весьма охотно готов был ей услужить, но Анжела не спешила высказывать свои пожелания.

Через несколько дней она встретилась с архивистом Сенша, грузным прихрамывающим мужчиной. Его звали господин Нарьян. Он принадлежал к той же расе, что и капитан

первого захваченного Анжелой корабля. Она видела, как Нарьян нырнул с причала широкой площади на берегу и грациозно поплыл, в воде его движения были удивительно ловкими. Они сидели с Анжелой в маленькой чайной рядом с верблюжьим базаром. Сначала он делал вид, что не понимает, кто она. Анжеле нравились его лукавые неторопливые манеры. Она ничего от него не требовала, даже того, чтобы он признал ее тем, кто она есть на самом деле. Как тосковала она по беседе с равным себе.

Архивист боялся Анжелы, но хорошо умел этот страх скрывать. Он вел легкий разговор, объясняя смысл процессии, которая как раз двигалась мимо, говорил, что людей лишили разума, может, в наказание, а может, из-за того, что он называл излишним пристрастием к религии. Говорил, что понимает, какой долгий путь у нее за плечами, и она усмехнулась этой аллегории.

Слегка встревожившись, архивист сказал:

— Я не хотел тебя оскорбить.

Чтобы скорее найти общий язык, Анжела заговорила о своем собеседнике. Она указала на его свободную рубаху с широким поясом и заметила:

— Ты одеваешься как... абориген. — Она чуть не сказала «змей». — Это что, твое религиозное пристрастие?

Он объяснил ей то, что она уже знала: он — городской архивист. У него было круглое добродушное лицо с изборожденным глубокими морщинами лбом и тяжелым тройным подбородком.

— Люди здесь, — начала Анжела, — так многообразны. В каждом городе своя раса. Когда я покидала эти места, не было известно ни одного вида разумных существ нечеловеческого происхождения. В этом как раз одна из причин моего поведения. Ко мне относятся как к правительнице... В чем дело? Или я похожа на богиню?

— Хранители покинули мир очень давно. Сейчас подступает конец света.

Архивист проговорил это механически, смысла ее вопроса он не понял.

Анжела возразила:

— Всегда есть люди, которые считают, что живут при конце света. Мы сами полагали, что история подходит к концу: все звездные системы Галактики обследованы и нанесены на карты, все обитаемые миры обустроены. Я слышала, что Хранители, которые, должно быть, являются моими потомками, сотворили множество рас, и каждая называет себя людьми, даже те, кто выглядит так, что сразу ясно — они не люди, они не могли произойти от кого-то, хоть отдаленно напоминающего человека.

— Чистокровные расы называют себя людьми, потому что не имеют другого слова для того состояния, в котором

пребывают. Это касается как преображенных, так и непреображенных рас. И, в конце концов, у них ведь не было названия, до того, как их сотворили, — мягко сказал архивист и просительным тоном добавил: — Люди Сенша невинны. Мы за них не несем ответственности.

Анжела заявила, что, если судить по той войне за преобразование, которой она стала свидетелем выше по реке, люди его профессии заняты не очень-то благим делом. Она описала военные действия и задала архивисту массу вопросов, на большинство из которых он не сумел ответить. Не спрашивая ее разрешения, он записал описание войны за преображение и все ее вопросы на пластинку, используя систему диакритических знаков. Анжелу это позабавило.

— Ты слушаешь, что рассказывают тебе люди.

— Их рассказы очень важны. В конце концов, это единственное, что остается. Единственное, что остается от человеческой истории. Эти рассказы все выдержат и переживут.

Анжела задумалась над этим и, помолчав, сказала:

— Я так долго была вне истории, что не уверена, желаю ли снова стать ее частью.

Она устала. Пока она путешествовала, можно было не вспоминать, что она сбежала от корабля и от своего экипажа, а сейчас подошел момент, когда придется принять решение. Разговаривать ей больше не хотелось, и она оставила архивиста. Он был достаточно умен, чтобы не пойти за ней, и тем еще больше понравился Анжеле.

Она нашла себе подходящее жилье: двухэтажный домик с балконом, окна выходили на большой двор, укрытый в тени палисандрового дерева. Его хозяева, благодарные ей за внимание, были счастливы предоставить дом в ее распоряжение. Тут же явились другие люди с подарками: мебель, ковры, продукты, вино, музыкальные инструменты, сигареты, картины, листки пластика, в которых Анжела узнала книги, пластины с изображением сцен из далекой истории мира, которые, очевидно, украли с древних надгробий в низовьях реки.

Некоторые из пришедших остались с ней, в основном молодые люди. Анжела занялась сексуальными экспериментами. В полном объеме со змеями это было невозможно, однако она придумала целую гамму приятных и очень многообразных развлечений. По вечерам она любовалась танцорами, смотрела представления теневого кукольного театра, слушала под аккомпанемент серебряной флейты и двухструнной гитары тяжелые носовые звуки песен лучшего в городе поэта.

Дни проходили очень приятно, но однажды в чайной у верблюжьего базара к ней подошел архивист и сообщил, что ее корабль движется к Сеншу.

Анжела изобразила беззаботность, которой на самом деле вовсе не чувствовала. Она ожидала, что корабль найдет

ее, но не так скоро. Она завязала с архивистом разговор, и в конце концов они оказались в ее доме. Увидев многолюдную компанию, он сделал серьезную мину и мягко посоветовал ей не пользоваться услугами горожан.

Анжела резко возразила:

— Мне с ними весело, что в этом дурного?

Архивист опустил глаза. Тогда она поняла, что он не может с ней спорить и ощутила укол стыда.

Она приказала подать чай и оладьи с медом и стала рассказывать ему о впечатлениях своего долгого путешествия по реке, потом забросала архивиста вопросами о пределах власти Дрина, о том, как поддерживается порядок в городе. Она поймала одну из машин и показала ему:

— А эти? Чьей властью они шпионят?

Архивист смотрел на машину открыв рот. Наверное, он никогда прежде не видел, чтобы кто-нибудь их ловил. Анжела зажала машину между указательным и средним пальцами, а маленький бронзовый жук дергался, пытаясь освободиться.

Целая гроздь датчиков, как кучка серебряных и стеклянных бусин, неустанно крутилась то вправо, то влево, пока Анжела не отпустила машину.

Архивист увидел, как она поднялась над крышей дома, и сказал:

— Ну как же! Они часть системы обеспечения жизни в Слиянии.

— А может Дрин ими управлять? Расскажи все, что тебе известно. Это может оказаться важным.

В последующие дни Анжела несколько раз встречалась с архивистом. Ее молодые приятели, сбившись в банду, часто сопровождали Анжелу, а некоторые следовали за ней повсюду. Архивист из-за этого нервничал, но Анжела поощряла свиту, хотя бы затем, чтобы продемонстрировать свои возможности и власть. Она раздала им белые повязки на лоб с придуманным ею девизом. Пожаловать кому-либо повязку было все равно что одарить благословением. Чтобы испытать и воодушевить горожан, Анжела произносила речи на рынке и на площади возле реки. Люди собирались, вежливо слушали, но дальше этого дело не шло, только ее собственные последователи иногда уж слишком возбуждались. Куда им понять, что она говорила о возможности подняться над назначенной человеку судьбой! Они исписывали лозунгами стены и переворачивали на рынке киоски. Их одолевали могучие, но бесцельные чувства.

Может быть, эти маленькие бунтарские выходки в глазах ее поклонников выглядели отчаянными решительными действиями, но Анжела, конечно, понимала, что надо искать другие пути. Она отправилась в монастырь и заставила жрецов устроить ей беседу с действующим библиотекарем, который являлся в одном из больших терминалов. Жрецы называли их оракулами. По-

том Анжела решила перебраться на ту сторону реки, где располагались скопления старых оракулов, которыми никто не пользовался с тех пор, как змеи поселились в Сенше. Она попробует разбудить древних оракулов и получить от них информацию.

Следующая картинка была пуста. Что бы ни делала Анжела с оракулами на краю света у огромных водопадов в самом конце реки, это осталось незафиксированным. Йама отложил книгу. Он очень устал, но спать совсем не хотелось.

До рассвета оставалось еще часа два. Дымчатая спираль Ока Хранителей уходила за горизонт на краю мира. Тамора и Пандарас спали под навесом. Капитан Лорквиталь и Агиляр — в каютах под палубой полуюта, матросы — в гамаках, цепочкой развешенных ниже палубы, на которой сидел Йама. Ему всегда требовалось меньше сна, чем Тельмону или любому другому, так что Йама привык бодрствовать, пока остальные спят. Но сейчас, когда он, строго говоря, не был один, ведь у штурвала в красноватом свете зашторенного кормового фонаря стоял рулевой, Йама испытывал вселенское одиночество, всем существом своим отзываясь на громадную пустоту широкой ночной реки, в которой затерялся маленький кораблик. Йама думал об Анжеле, миллионами лет отделенной от всего, что она любила, и вынужденной довольствоваться обществом уродливых, ни в чем ей не равных чужаков. Чувствовала ли она свое одиночество? Она — повелительница миров, потерявшая всякую цель в жизни... Какую пустоту она должна ощущать!

Он дочитает ее историю чуть позже, решил Йама. Уже и сейчас он догадывался, чем она закончится. А пока достаточно. Сначала — бумаги отца. Йама вспомнили удар, который почувствовал, разбираясь в плотной вязи счетов и записей. Да, сначала дело. Больше никаких историй.

Йама стряхнул росу с одеяла, которым Пандарас укутал его плечи, на минутку прилег и тут же уснул.

24. ГОНД

— Это город, сияющий, как ледяные потоки гор, — говорил Йаме Элифас. — В последний раз я видел его много лет назад, но до сих пор помню, как сверкал он в солнечном свете на фоне голубых вод реки. Конечно, река мелеет, брат, но здесь она глубже, чем где бы то ни было, даже у берегов Иза. У Гонда рыбаки ловят левиафанов.

Йама вздрогнул, вспомнив о единственном надежном факте, который он выловил в мешанине отцовских бумаг. Элифас ничего не заметил.

— Они рыбачат не на яликах или шаландах, — продолжал старик, — а с огромных барж размером с целое поле. На тех баржах установлены мощные моторы. Когда они работают, вода за кормой так и кипит. У нас под килем сейчас тоже плавают левиафаны, их-то рыбаки и ловят. Они спускают вниз приманку весом с человека, а на крючок насаживают взрывающийся заряд. Вместо лески у них стальной трос длиною в несколько лиг. Если добыча попалась, они ее вылавливают и тут же разделывают. Разумеется, в большинстве случаев левиафаны уходят, а иногда добыча все же утаскивает баржу, несмотря на всю ее мощь, под воду.

— Я думал, что люди Гонда проводят жизнь в размышлениях и эстетических дискуссиях, — заметил Йама.

— Рыбаки происходят из городов на Сухих Равнинах ниже по реке. Там лежат Уш, Калуб, Галата и города-близнецы Кильминар и Бальбек. — Элифас произносил названия нараспев, с явным удовольствием. — Если какая-нибудь баржа поймает за сезон больше одного левиафана, команда считает, что им повезло. На доход от продажи одного чудовища можно купить два таких корабля, как этот.

Йама и Элифас стояли у парапета на главной палубе «Соболя» в тени большого рыжего паруса. Над дальним речным берегом громоздились холмы белых и серых туч, из них на пустынные просторы болот, отмелей и зарослей ризофоры, населенных лишь птицами и армиями мелких крабов, устремились дымящиеся колонны дождя.

В последние три дня не было видно никаких следов крейсера или пакетбота, и «Соболь» наконец стал отворачивать от необитаемого берега и сомнительной безопасности его мангровых чащ. Далеко впереди Великая Река поворачивала к Краевым Горам, а на берегу белым кристаллом соли сверкало пятнышко света — город Гонд. Капитан Лорквиталь объявила, что «Соболь» зайдет в тамошний порт взять пассажира и пополнить запасы.

Йама обратился к Элифасу:

— Я вижу, ты счастлив снова пройти дорогами своей юности.

Элифас прикрыл глаза. Тень широкополой шляпы, которую он носил, спасаясь от солнца, скрывала его лицо.

— Прошло уже больше ста лет. Я думал, что почти все забыл, но каждый уголок, мимо которого мы идем, поднимает со дна души воспоминания, совсем как чудовища из бездн придонных речных течений поднимаются и следуют за светящейся наживкой, сброшенной с рыбацких барж.

Он поднял глаза и улыбнулся. На черном лице сверкнули серебристые искры.

— Не волнуйся, брат. Я исполню обещание, которое дал тебе в библиотеке Департамента Аптекарей и Хирургов. Я отыщу тебе потерянный город. Я знаю, что твои слуги относятся ко мне с подозрением, но знай — я действую в твоих интересах.

— Они мне не слуги, Элифас.

Элифас опять улыбнулся.

— Сами они считают иначе, брат. Смотри, смотри! Стая дельфинов! Только взгляни, как они несутся!

Три, четыре, пять гибких белых тел быстро летели в чистых водах реки. Они без труда обогнули корабль, взлетели на носовую волну, легко ее перескочили и устремились дальше, ныряя и вновь возникая на гребнях белых барашков волн. Вдруг они разом нырнули, и вскоре их бледные тени растаяли в темных глубинах реки.

— Некоторые полагают, что они разумны, — проговорил Элифас, — и что они пасут косяки рыб так же, как горцы пасут стада коз и овец.

— Когда плаваешь в реке, — отозвался Йама, — то иногда слышишь, как они поют.

Ему часто доводилось слушать песни дельфинов: летом стаи молодняка поднимались далеко вверх против течения. Песни эти длились часами, их низкие рулады перемежались свистом и пощелкиванием. Непостижимые, таинственные и одинокие, они, казалось, сами рождались в неведомых человеку далеких просторах Великой Реки.

— Говорят, что Хранители, — отозвался Элифас, — все в нашем мире предназначили определенной цели. И самая важная цель — это вознести все чистокровные расы над их животной природой, чтобы мы могли жить вечно, осененные силой и славой Хранителей. Но иногда мне кажется, что таких существ, как дельфины, Хранители сотворили единственно ради той радости, которую рождают они в сердцах людей. Если это правда, я многое могу им простить.

Йама вспомнил, что женщина в оракуле, фантом Анжелы, говорила, будто Хранители являются отдаленными потомками народа самой Анжелы, и сказал:

— Я думаю, что было время, когда Хранители не многим отличались от нас. В первых сурах Пуран говорится, что в давние-давние времена не было никаких богов, только множество видов человеческих существ.

— Божественное начало не имеет градаций, — ответил Элифас. — Оно не похоже на процесс старения, который так незаметен, что только оглянувшись на прожитое, ты с удивлением обнаруживаешь, насколько изменился. Самому-то тебе казалось, что ты вовсе не меняешься день ото дня настолько, чтобы это поддавалось хоть какому-нибудь измерению. Нет, брат, Хранители изме-

нились полностью и в единый миг, а потому не имеет никакого значения, чем они были до того, как превратились в богов. Когда божественная суть снизошла на них или когда они сами возвысились до божественной сути, все их прошлое просто исчезло.

— Но ведь они сотворили нас по своему образу и подобию. Не какими они стали, а какими когда-то были. Значит, они не отреклись от своего прошлого.

Элифас мрачно кивнул. Старику нравились метафизические беседы. Он принадлежал к людям, для которых мир — лишь предмет абстрактного осмысления, а потому события для них менее существенны, чем мысль.

— Хранители не забыли, чем они некогда были, — возразил Элифас, — но они сбросили с себя прошлое, как бабочка сбрасывает кокон гусеницы, являясь на свет в новой красе. Может быть, Пураны и есть такой кокон. Мы ищем в них ответы на свои вопросы, а они — просто пустая оболочка, трепещущая на ветру людских помышлений, то, что действительно важно, унеслось ввысь, в обитель вечного света.

Йама улыбнулся изощренной метафоре собеседника. Он наслаждался разговором, который напомнил ему о долгих спорах с Закилем и Тельмоном, о временах более счастливых и безмятежных.

— Полагаю, что твой экземпляр Пуран — очень древняя книга, — добавил Элифас.

Йама знал, что Элифасу очень хотелось бы подробно исследовать это издание, но он для себя решил, что никому не покажет изменившиеся картинки книги. По крайней мере до тех пор, пока он до конца не осмыслит историю Анжелы. Сегодня ночью он снова будет читать. Казалось, что он догадывается, чем закончится эта повесть. Но кто знает, вдруг она вообще не закончится? Вдруг он сам — ее часть, герой, появляющийся на сцене в последнем акте, чтобы задернуть занавес?

Элифас продолжал:

— Книги более могущественны, чем действительность. Даже если наступит конец света, найдется кто-нибудь, чтобы занести это в летопись, а значит, книга спасет мир, ведь он снова будет оживать в умах тех, кто станет эту книгу читать.

— Значительную часть своего детства я провел в библиотеке. И, может быть, слишком большая доля его ушла на изучение прошлого. Видишь ли, Элифас, я хочу увидеть мир и все его чудеса своими глазами, хочу познать настоящее, а не прошлое.

— Но ведь прошлое вокруг нас. Мы не можем от него убежать. Все, что действительно важно, случилось в прошлом. Мы все — его дети. Хранители достигли божественной сути в прошлом, в прошлом они сотворили мир и создали чистокровные расы. Будущее — это что-то короткое и расплывчатое, ведь гово-

рят, что, когда во всех расах произойдет преображение, будущее исчезнет, потому что прекратится история. И все же ты прав, брат. Дети должны смотреть вперед, а не назад. Мы не можем жить в прошлом, иначе будущее станет лишь эхом минувших событий.

Они продолжали беседовать, а корабль, двигаясь поперек реки, приближался к сияющей гавани Гонда. Элифас ценил собственное мнение значительно выше, чем чье-либо еще, но Йама все равно был ему благодарен за возможность отвлечься от собственных тягостных мыслей.

Он не должен горевать об отце. Нельзя сейчас давать волю горю или гневу. Надо сохранять спокойствие и быть начеку — рано или поздно ему все равно придется снова столкнуться с префектом Корином. Йама не верил, что пребывает в безопасности. Не тот человек префект Корин, наоборот, его всегда отличала дотошность. Уловка Йамы не могла его надолго ввести в заблуждение. Он непременно должен был вернуться в плавучий лес и искать остатки своей добычи. Ничего не обнаружив, он двинется вниз по реке. Йама уже сбил со следа несколько машин, которые обшаривали речные просторы в поисках любых следов «Соболя». Потому-то он не очень удивился, когда вечером, пока легкий бриз гнал «Соболь» к плавучей гавани на рейде города Гонда, капитан Лорквиталь позвала его на мостик.

Агиляр и Тамора стояли по обе стороны кресла, в котором сидела капитан Лорквиталь.

Агиляр заявила Йаме:

— Твой трюк с машинами сел на мель. Этот дьявол нас обогнал.

— Теперь нам придется с ним драться, — вмешалась Тамора, оскалив зубы при этой мысли.

Икшель Лорквиталь молча передала Йаме бинокль. В его увеличивающих линзах гавань как будто прыгнула прямо к «Соболю». На целые лиги тянулись доки с понтонами, кранами и складами, вдоль причалов теснились суда всех размеров, поднимался лес мачт, а в канале за плавучей гаванью бок о бок стояли пакетбот и трехпалубный крейсер с зарифленными парусами.

— Ну что ж, — сказал Йама, — мы и не надеялись вечно от него прятаться.

— Из гавани подали сигнал, — сообщила капитан Лорквиталь. — Сегодня ночью мы должны взять на борт пассажира. Он — важная персона, так что утром мы можем уйти под его защитой, как любое законопослушное судно.

— Нельзя на это рассчитывать, — заявила Агиляр и, обратясь к Йаме, сказала: — Твой дьявол будет следить за рекой день и ночь, но думаю, ночью у нас все же больше шансов.

— Надо захватить его врасплох, — воскликнула Тамора.

— Сегодня я видела машину, — продолжала капитан Лорквиталь. — Она направлялась прямо к нам, а потом вдруг резко свернула, как будто вспомнила, что у нее есть другие дела.

— Я не умею вносить сумятицу в разум людей, — оправдываясь, сказал Йама. — Агиляр права, префект Корин и его люди будут следить за всеми проходящими кораблями. Особенно сегодня ночью.

— А у нас нет пушки, — с горечью произнесла Агиляр, — только ружья. Если дойдет дело до драки, надо придумать какую-то хитрость.

— Мы должны напасть первыми, — настаивала Тамора.

— Я уже думала, — продолжала Агиляр. — Бочки со смолой, катапульта...

Тут вмешалась капитан Лорквиталь:

— Я не собираюсь пиратствовать, дочка. Первый залп должны дать они.

— И от этого залпа мы пойдем на дно, — бросила Агиляр.

— Лучше знать, где находится враг, — сказал Йама, — чем все время бояться, что он где-то сзади. Кроме того, здесь у него нет власти. Здесь он такой же путешественник, как все, который зашел в гавань пополнить запасы и отдохнуть. Если он нападет, закон нас защитит.

— Людям Гонда ни до чего нет дела, кроме своей философии, — сказала Агиляр. — Они скорее отдадут нас в руки этого поджигателя городов, чем прервут свои размышления, чтобы выслушать нашу жалобу.

— Она права, — заявила Тамора. — Надо взять дело в свои руки.

— Тогда мы будем еще хуже них, — твердо ответила капитан Лорквиталь. — Все. Прекратить споры. Мы будем вести себя, как любое нормальное судно. Вольнонаемные получат отпуск на берег, а ты, дочь, будешь нести вахту с рабами. В гавани с нами ничего не случится, а как только мы возьмем на борт пассажира, он нас защитит.

Когда все разошлись, Тамора оправилась за Йамой на нос.

— Ты что-то задумал, — сказала она. — Я знаю, ты не веришь этой чепухе о покровительстве закона.

— Я хочу его убить, — отрезал Йама.

Тамора широко ухмыльнулась:

— Вот это другой разговор! Как? И чем я могу помочь?

— Я хочу его убить, но не думаю, что должен это сделать.

— Тогда он тебя убьет.

— Да. Если не сумеет заставить себе служить.

— Йама, он разрушил твой дом. Он так же верно убил твоего отца, как если бы пронзил стрелой его сердце. Он твой враг. Нет ничего слаще, чем испить крови своего врага! Не лишай себя удовольствия.

— Он один. А скольких еще пошлет Департамент мне вслед? Скольких мне еще придется убить? Если я убью префекта Корина, то убийствам не будет конца. За мной постоянно будут охотиться. Я буду свободен, только если найду способ все это прекратить.

Тамора задумалась.

— Давай попробуем сделать по-твоему, — наконец проговорила она. — А если не получится, то отдай его мне. Мне он такой же враг, как тебе. Я вырву сердце у него из груди и съем у него на глазах.

Она улыбнулась своей кровожадной мысли, но Йама знал, что у нее на сердце такая же тяжесть, как и у него.

Выше плавучей гавани на якоре стояла громадная плавучая баржа, на ее палубе возвышался необъятный остов левиафана, частично уже разделанный. Ребра обширной грудной клетки торчали выше кранов на барже. Из рассеченного брюха тяжелыми петлями свисали мешки, розовые от планктона, которым питался этот гигант. В утробе его легко поместился бы весь «Соболь», вместе с мачтой и килем. Вдоль длинного полосатого хвоста, как косцы во время жатвы, цепочкой растянулись рыбаки. Огромными ножами они срезали шкуру с ворвани. От печи на барже, где топили сало, поднимались клубы черного дыма, пахло горелым жиром, в серой дымке поблек свет солнца. Стаи птиц снежной бурей носились над кораблем, ныряя и вновь поднимаясь вверх. Воды реки окрасились кровью, и птицы дрались за клочки потрохов.

«Соболь» скользил мимо баржи, а Йама смотрел, как по правому борту разворачивалась панорама Гонда. Когда-то город поднялся из речных вод, а сейчас выглядел, как последний зуб дряхлого старика с корнями, торчащими над лабиринтом отмелей и болот. Гонд, фарфоровый город. Гроздья сияющих белых раковин диаметром в три лиги, которые вздымались и опадали плавными волнами, словно цепь древних дюн. Смешение серебристых, розовых и золотых цветов. Тут и там вверх поднимаются стройные башни, опоясанные многоярусными кольцами балконов. Вдоль кромки воды парят летающие сады, где аллеи и рощи освещаются тысячами ламп.

Элифас поднялся на палубу полубака.

— Теперь в нем живет не более сотни человек, — объяснил он, указав на сады. — В основном их обслуживают машины.

— А ведь когда-то они правили Изом, — сказал Йама.

Ему случилось прочесть краткую историю фарфорового города, и он вспомнил, что город вырос из одного-единственного семечка, посаженного в прибрежном песке у первого изгиба Великой Реки. Интересно, здесь ли еще этот речной откос, сохранился ли он под панцирем этого города, навеки спрятав прошлое в настоящем?

Однако чужаков в Гонд не допускали. Красота города служила ему щитом. Его люди были великими философами и учителями, но работали за пределами города, в школах, разбросанных среди полей, садов и рисовых чеков. Город с самых первых дней очертил вокруг себя недоступный постороннему круг.

— Изом они правили очень давно, — сказал Элифас. — В те мрачные дни, когда исчезли Иерархи, а гражданские службы еще не достигли своего нынешнего состояния консенсуса. Теперь их осталось совсем мало, но духом они очень возвышены. Если кто-либо из ныне живущих действительно близок к Хранителям, то это обитатели Гонда. Они настолько исполнены святости, что больше не имеют детей. Их раса исчезает. Самый молодой из них на столетие старше меня, а ведь я в своей расе считаюсь долгожителем. Святость скоро доведет их до полного вымирания. Прошлое их поглотило, брат. Город выглядит прекраснее, чем я его помню, но это красота хорошо сохранившегося склепа.

«Соболь», убрав паруса и включив реактивный двигатель, шел к гавани. Навстречу ему вышла маленькая моторная лодка. На борт поднялся лоцман. Он официально поприветствовал Лорквиталь и попросил разрешение повидаться с юношей, с Йамой.

— В гавани два судна под командованием чиновника Департамента Туземных Проблем, — сообщил Йаме лоцман. — Возможно, ты его знаешь.

— Его имя Корин. Он префект Департамента.

Лоцман, маленький человек, ростом был даже ниже Пандараса, но его уверенные манеры тотчас выдавали привычку командовать. Наряд его состоял из свободных полотняных брюк, алой джеллабы и безукоризненно чистых туфель. Покуривая черную сигару, он в упор посмотрел на Йаму.

— Что у тебя с ним за дела, я не знаю и знать не хочу. Гавань тут ни при чем. Из-за войны мы превратились в форпост, но все же не собираемся подчиняться Департаменту Туземных Проблем.

— Я понимаю.

— Если ты сойдешь на берег, то только без оружия. Он и его люди — тоже. Здесь никто не ходит вооруженным.

— Ты выразился очень ясно, — отозвался Йама. — Позволь же и мне говорить без обиняков. Этот человек хочет сделать меня своим пленником, а потому капитан Лорквиталь не уверена в безопасности своего корабля.

Лоцман кивнул и снова занялся своей сигарой.

— Он пытался получить ордер на твой арест, но начальник гавани вынужден был указать ему, что в конфликтах мы не встаем ни на чью сторону. И равным образом мы не желаем быть ареной выяснения отношений. Откровенно говоря, если бы он не пытался оказать на нас давление, мы бы позволили ему

схватить тебя. Но мы не можем допустить, чтобы он создал опасный прецедент. — Лоцман швырнул за борт окурок и повернулся на каблуках. — Ну что ж, капитан Лорквиталь, штурвал, пожалуйста. Я проведу вас в гавань.

Лоцман провел «Соболя» к месту стоянки у длинного понтона вдоль внутреннего края гавани, среди тральщиков мидий и двухмачтовых кечей, какие шныряют по всей реке, доставляя грузы в близлежащие города. В знойном воздухе стояла дымная горечь от печей на барже, где топили жир левиафана. На воде вокруг понтона плавали радужные разводы, а по поверхности скользили тучи крошечных машин, которые собирали разлитое горючее сквозь канальцы в своих длинных лапках. На причальных столбах рядами сидели пеликаны и сушили мокрые крылья. Их силуэты на фоне красного закатного неба напоминали наконечники стрел. А в лиге от гавани, за сетью каналов, понтонов, ремонтных доков сверкали разноцветные неоновые огни, мигая над скоплениями деревянных зданий и пластиковых куполов. Лоцман повторил предупреждение Йаме и капитану Лорквиталь, после чего покинул судно.

— Мы не можем пойти на берег без оружия, — заявила Тамора.

— У нас останутся твои зубы и когти, — вставил Пандарас. — У меня — моя хитрость, а у господина — власть над машинками. Что нам еще нужно?

— Мне надо с ним поговорить, — сказал Йама. — Я пойду один и без оружия.

— А где ты его будешь искать? — спросила Тамора. — Лучше бы тебе остаться здесь. Прежде всего он кинется сюда. К тому же никто не возразит, если у себя на борту мы будем вооружены.

Матросы «Соболя» еще только закрепили концы, а на понтоне уже появились зазывалы. Они совали в руки маленькие пластины, которые соблазнительно нашептывали приглашения в здешние бары и бордели. Один из зазывал окликнул Йаму по имени, бросил на палубу прямо к его ногам пластинку и, расталкивая товарищей, быстро ушел. Йама подобрал белый квадратик и стал его рассматривать, напечатанный на нем золотой дракон изогнул крылья, выдохнул струйку голубого пламени, и она сложилась в два слова. Какое-то название?

«У мамаши драконихи».

Йама настоял, что пойдет один, хотя Тамора яростно возражала.

— Экипажи пакетбота и крейсера обойдут здесь каждый угол, — говорила она. — Они могут напасть на тебя целой бандой в любом месте. Место для драки лучше выбрать самому.

— Я знаю место, где он хочет с тобой встретиться, — сказал Элифас. — Там масса всяческих забав. Теперь этот квартал, конечно, опустился ниже. Раньше район развлечений рас-

полагался против Калуба, но река мелеет. И город отдалился от судоходного русла на дюжину лиг. — Элифас стал вглядываться в вереницу мерцающих в сумерках огней, потом добавил: — Он как будто вырос, но это скорее всего из-за войны.

Тамора сплюнула за борт. Крохотная машинка тотчас заскользила по маслянистой воде к капле слюны.

— Ха! Если ты так хочешь повидать префекта Корина, тебе надо подплыть к крейсеру и все. Выйдет не хуже. Такой человек, как он, ни за что не станет осквернять себя появлением в подобных притонах. Его приглашение — ловушка.

— Нам лучше поговорить на нейтральной территории, — сказал Йама.

— Ради тебя я бы в два счета сломала ему шею.

— Уверен, что так и есть.

— Или вырвала бы ему глаза.

— Тамора, я просто хочу с ним поговорить, а потому либо я пойду один, либо совсем не пойду.

Что касается Пандараса, то он охотно согласился. У него нашлись собственные дела.

— Капитан Лорквиталь отпустила свободных членов экипажа до полуночной вахты на берег, а тут вдруг выясняется, что мой друг Пантин еще никогда не был с женщиной. На прежнем месте дисциплина этого не позволяла. Думаю, пора брать это дело в свои руки.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — сказал Йама, вспомнив, что молодой моряк раньше был борцом. Пантин уже стоял на причале и ждал, засунув руки в задние карманы брюк.

— Пантин отказался от ножа, — заявил Пандарас, — мне надо следить, чтобы наши занятия не оставили ему времени влипнуть в неприятности.

Пандарас немножко прошел с Йамой, потом они с Пантином рука об руку свернули в сторону, а Йама отправился в другом направлении — к дальнему концу набережной, к «У мамаши драконихи».

Главный причал плавучей гавани располагался вдоль широкого променада длиною в пол-лиги.

Ярко раскрашенные фронтоны магазинчиков, баров, борделей стояли по обе стороны улицы. Компании подвыпивших матросов враскачку бродили от одного заведения к другому. Над их головами сверкал неон, трещали и чадили факелы. Тут же, на улице, гуляки пили пиво из бумажных стаканчиков, курили трубки с подозрительными примесями в табаке. Здесь была последняя мирная стоянка, дальше их корабли окажутся в зоне военных действий, за срединной точкой мира. Йама догадывался, что все эти люди искали забвения в те недолгие часы, пока транспортные суда пополняют запасы. Зазывалы кричали, расхваливая досто-

инства пивных и курилен. По обе стороны улицы призывно распахивали двери тату-салоны, закусочные, наркопритоны, казино. Танцовщики всех полов и десятка рас (но Йаме пришло в голову, что все они могут быть людьми-зеркалами) кружились и извивались в освещенных окнах баров. Потоки гуляк обтекали острова музыкантов, гадалок и игроков. Над плотным морем голов висели диски с магистраторами, их крохотные сверкающие машины кружились повсюду в залитом неоновым светом воздухе.

Казино «У мамаши драконихи» находилось в дальнем конце набережной. На его высоком фасаде распростерся золотой неоновый дракон; вход с обеих сторон украшали стеклянные колонны, в которых мерцали столбы пламени.

Снаружи стояли в ожидании Тамора и Элифас. Сначала Йама разозлился, а потом заметил, что чувствует облегчение. Он засмеялся и сказал:

— Пандарас с Пантином, наверное, тоже притаились где-нибудь поблизости.

— Я отослала их в бордель, — заявила Тамора, — а старик ни за что не хочет уходить, хотя будет только мешать.

Меча с ней не было, она засунула большие пальцы за пояс своей кожаной юбочки и мрачным взглядом провожала каждого прохожего.

— Я знаю это место, — вставил Элифас, — и надеюсь, что смогу помочь. Однако, боюсь, префект Корин вовсе не собирается вести беседу. Здесь, на набережной, столько развлечений, позволь, я покажу их тебе. Забудь обо всем на несколько часов, а потом нас здесь уже не будет.

— Несколько дней назад ты сам хотел, чтобы я его убил, — сказал Йама. — Если не хочешь встречаться с префектом Корином, то возвращайся на корабль. Я не стану тебя винить.

— Все-таки надо напасть первыми, — вмешалась Тамора. — И начать можно прямо с мамаши Драконихи. Наверняка она в сговоре с префектом Корином.

— Ее здесь хорошо знают, — вставил Элифас, — но, конечно, с другой стороны.

— Икшель Лорквиталь объяснила мне, — сообщил Йама, — что мамаша Драконих потеряет лицензию, если выяснится, что кто-то из ее посетителей пришел с оружием. Так что мы поговорим и все.

Тамора провела рукой по своей исчерченной шрамами голове.

— Я с ним не просто поговорю, — заявила она, — если он на меня только косо посмотрит. Он или любой другой.

Внутри, в длинном зале, плавали летающие диски, с которых тянулось вниз зеленое растительное изобилие. Мужчины и женщины толпились вокруг столов, где играли в кости. Большинство игроков были в военной форме. Гул их голосов, вы-

крикивающих ставки и молитвы, смешивался с жалобной музыкой кукольного театра теней, который разыгрывал представление на экране прямо над головами игроков. Еще дальше толпа окружила борцовский ринг, зрители разместились и на ступенях, поднимающихся амфитеатром с обеих сторон.

По центральному проходу, приветствуя Йаму, шла сама мамаша Драконіха. Она была очень высокой и хрупкой, облегающее красное платье трепетало на ней, как пламя. Позади нее бесстрастно шествовали два кряжистых охранника в черном одеянии. Они принадлежали к той же расе, что и Тамора. Тамора бросила на них вызывающий взгляд, они ответили тем же.

— Добро пожаловать, Йамаманама, — сказала мамаша Драконіха, кланяясь так низко, что ее маленькое узкое личико оказалось рядом с головой Йамы. Дыхание ее благоухало медом и корицей. Она сунула стопку игральных фишек в ладонь Йаме. Ее длинные ногти горели кроваво-красным лаком.

— Пусть твоя удача умножит этот скромный дар, — сказала она.

— Где он?

Огромные зеленые глаза мамаши Драконихи со щелками зрачков не имели век, на мгновение их затянуло мембраной, потом она проговорила:

— Ты и правда действуешь прямо и без обиняков. Он так и сказал. Интересно, это бравада или неведение? Он скоро придет, а пока развлекайтесь. У нас сегодня будет несколько пар равных соперников, — тут она понизила голос, — но если бы я делала ставку в следующем поединке, я предпочла бы более мелкую тварь.

— Спасибо за совет, — отозвался Йама.

— Сегодня здесь не будет драки, — заявила мамаша Драконіха, в упор глядя на Тамору, — только на арене.

— Думаю, за риск тебе хорошо заплатили, — заметил Йама.

— Не так много, чтобы я могла рискнуть потерять лицензию. Мне обещали, что ни одна из сторон не перейдет допустимых границ.

Мамаша Драконіха величественно удалилась в сопровождении телохранителей. Посмотрев ей в след, Тамора бросила:

— Они могли захватить нас прямо сейчас, и никто бы не пикнул.

Йама указал ей на маленькую машину, которая кружилась над одним из игральных столов.

— У магистраторов повсюду есть глаза. А что происходит на арене?

— Там дерутся до смерти, — объяснил Элифас. — Это — гнусное место. Мамаша Драконіха — последняя из подобных ей, она старше всех в Гонде. Приличными делами она не занимается. Наверное, Тамора права, нам следовало самим выбрать место встречи, а здесь мы отдаемся на милость врага.

— Мне надоело убегать, — устало произнес Йама.

Он прошел сквозь толпу, облепившую овальную борцовскую арену, и поднялся по широким ступеням на самый верх. Арена была заполнена водой и освещена мощными лампами. Мужчины и женщины перегибались через ограждение, наблюдая, как два обнаженных раба длинными граблями вылавливают из воды какие-то ошметки. Мягко прозвучал гонг, рабы отложили грабли и стали спускать на пружинах две штанги с натянутой на них сеткой, которая разделила залитую водой арену на две части. Появился маленький старичок с такой длинной бородой, что ему приходилось ее забрасывать на плечи. Он уселся в кресло в форме корзины и стал яростно крутить рычаги системы канатов и блоков, пока не установил свое сиденье над поверхностью воды

— Их содержат в тепле, — объяснил Элифас, — делают специальные инъекции, так что они всегда готовы драться.

Снова ударил гонг, медь загудела мягко и глубоко, как последний вздох умирающего. С обеих сторон арены вскипела вода, и на свет вынырнули две лоснящиеся тени. По толпе зрителей прошла волна возбуждения. Кругом заключали пари.

У Йамы перехватило дыхание. В воде плавали котики. К их плавникам были пристегнуты стальные шпоры, а к хвостам — цепи с колючками. Один сразу помчался к сетке, но тут брызнул фонтан крупных голубых искр, и он отпрянул, выпустив облако маслянистого пара. Другой оставался в центре своей половины и нервно бил хвостом.

Старик прокричал что-то вроде «бойцы готовы» и «делайте ваши ставки». Усиленный микрофоном голос эхом отдавался от высоких потолков. В толпе снова засуетились, заключая последние пари. Гонг прозвучал в третий раз, штанги на пружинах скользнули на прежнее место, сеть поднялась, вода забурлила. Оба котика рванулись на середину, закружились, отпрянули назад, снова сцепились.

Вода выплескивалась через борт и стекала в специальные щели. Зрители визжали, топали, свистели. Раны на брюхе у обоих котиков кровоточили. Струи крови казались черными в изумрудном сиянии ярко освещенной воды. С секунду они кружили голова к голове, потом схватились, и тут один вдруг оказался сверху. Он лупил противника по бокам хвостовой цепью, зубами впивался в спину, отрывая большие куски плоти и обнажая хребет, который переломился от яростного удара головой. Наконец он скользнул прочь, выдыхая клубы черного пара через носовые щели и издавая хриплый трубный звук. А труп перевернулся брюхом вверх и потонул в облаке собственной крови. Старик над ареной пропел список номеров и зрители завозились, обмениваясь фишками. Вышли рабы с электрическими шестами, оттащили победителя от трупа и загнали его в один из туннелей.

Йама чувствовал дурноту и странное возбуждение. Зрелище было ужасным и отвратительным, и все же бешеная ярость этих животных, пусть созданная гормонами, имела какую-то дикую красоту.

Элифас, заметив отвращение на лице Йамы, сказал:

— Нас ждет кое-что похуже, брат. Надо уходить. Встретишься со своим врагом где-нибудь в другом месте. Давай я покажу тебе...

— Поздно, — отрывисто бросила Тамора, — он здесь.

По лестнице к ним поднимались трое мужчин. Префект Корин, как всегда, был одет в домотканую тунику, только сейчас он не взял с собой посох. На его спутниках были кирасы и короткие красные юбочки, оставлявшие открытыми голые мускулистые ноги.

Тамора настояла, чтобы ей позволили обыскать всех троих. Префект Корин добродушно покорился, а Йаму одарил одной из своих редких улыбок.

— Я смотрю, ты в порядке, парень, — сказал он. Казалось, он лоснился от самодовольства и был абсолютно спокоен. — Я рад. Ты устроил для меня настоящую охоту. Трюк с разведчиками оказался хорош. Мне следовало раньше догадаться, что ты сумеешь их обмануть. С тех пор как я тебя видел, ты многому научился.

— Многое изменилось, — ответил Йама. Он ожидал, что, встретив убийцу своего отца, почувствует приступ бешеной ярости, но не ощутил ничего, даже презрения. Тем не менее руки его дрожали, он сложил их и постарался ответить префекту Корину самым твердым взглядом, на который был только способен.

— Все чисто, — сказала Тамора, — но не позволяй им подходить ближе. Пусть только попробуют, я сверну им шеи. — Она сверкнула глазами на спутников префекта Корина, но они смотрели сквозь нее, словно ее здесь и не было.

— У твоей спутницы не самая лучшая репутация, — проговорил префект Корин, — но она, как я понимаю, пытается бравадой компенсировать некоторый недостаток квалификации. — Тут он взглянул на Элифаса. — У этого человека тоже имеется определенная репутация. Куда он тебя ведет? Что у него на уме? Ты не в своей стихии сейчас, Элифас. Тебе следовало бы продолжать свои делишки с будущими вдовами, которым требуются неподдающиеся обнаружению яды.

Элифас отвечал с большим достоинством:

— Я не знаю тебя, господин, но вижу, что завистники нашептали клевету в твои уши.

— Я ничуть не сожалею о том, что сделал с твоими машинами, — обратился к префекту Корину Йама. — Знай, я уничтожу любую, которую ты пошлешь против меня. И знай, что я не стану тебе служить.

Префект Корин ответил:

— Ну, машин у нас хватит. Считай это проверкой. Чем больше ты сопротивляешься, тем больше мы о тебе узнаем. Ты будешь убегать, мы — преследовать. Если ты явился сюда, надеясь, что я позволю тебе беспрепятственно продолжить путь, то должен тебя разочаровать. Смирись, мальчик. Река широка, но не бесконечна. Чем дальше ты продвигаешься, тем ближе оказываешься к театру военных действий, где под командованием Департамента находятся миллионы людей. От всех ты не спрячешься и все машины не победишь. Я многое могу тебе предложить, для того я сюда и пришел. Мы не хотим тебя потерять.

Усилием воли Йама стряхнул с себя обаяние взгляда префекта Корина и спросил:

— Как идет война между Департаментами во Дворце Человеческой Памяти?

— Мы победим.

— А может, и нет, раз не победили до сих пор.

— Что ты будешь делать, если не станешь служить нам? Ты веришь этому Элифасу и его безумным рассказам? Будешь пророчествовать низшим расам, как ты делал это на крыше Дворца? Не торопись отвечать. Мне не хотелось бы обвинять тебя в ереси против Хранителей.

— Я просто ищу свой народ, ничего больше. И я не верю, что ты служишь Хранителям. Ты даже Департаменту не служишь. У тебя собственные цели.

— Тебя ведь воспитали в традициях Департамента, и ты должен знать, что мы являемся на свет, чтобы служить людям, а не собственным интересам. Кстати, я огорчен известием о смерти твоего отца. Он был хорошим слугой, но слабым человеком, слишком приверженным традициям, которые пережили свой смысл. Ему не следовало во все это вмешиваться.

— Йама, я заставлю их уйти, только подай знак! — гневно воскликнула Тамора.

— Я должен выслушать, что он предлагает, — ответил ей Йама. Руки у него по-прежнему дрожали, но в душе он был абсолютно спокоен. Вокруг водяной арены снова начинали собираться зрители. Тело побежденного убрали, воду очистили.

Префект Корин пожал плечами:

— Я не стану ничего говорить. Возможно, я считаю, Йамаманама, что ты уже принял решение.

— Но наверняка ты знать не можешь, потому и пришел сюда.

— Ты смеешь предполагать... — Впервые самообладание изменило префекту Корину. Он провел пальцем по вертикальной белой полосе, которая разделяла его заросшую черной бородой щеку. — Ты слишком много на себя берешь. Надо быть деликатней, мальчик. Но вот что я тебе скажу. Мы не будем требовать,

чтобы ты сражался. Мы только хотим обследовать тебя, чтобы понять, как ты управляешь машинами. А когда мы это поймем, что ж, ты сможешь делать все, что душе угодно. Ты хочешь понять, зачем и откуда явился в этот мир? В твоем распоряжении будут все ресурсы Департамента. Тебя вне всяких условностей введут в высшие круги наших комитетов. Если ты хочешь помогать низшим расам, пожалуйста, только действуй в рамках существующих структур власти. Иначе ты впустую растратишь весь свой потенциал. Как ты можешь отвергать подобные предложения? Из одной только гордыни?

— Вы хотите вознести меня до положения, которого я не заслуживаю, чтобы Департамент Туземных Проблем получил не заслуженную им власть. Департамент существует, чтобы служить тем, кого ты называешь низшими расами. Вероятно, будет лучше, если Департамент займется собственными пороками, прежде чем искоренять чужие.

— Ох, Йамаманама. Я восхищаюсь твоей уверенностью. Но все же подумай над моими словами. Не стоит спешить. Твой капитан ждет пассажира, хотя тому, пожалуй, не стоило бы путешествовать в твоей компании, если ты все же решишь продолжить путь.

Снова зазвучал гонг. Префект Корин обернулся к арене и сказал:

— Посмотрим следующий бой. Думаю, это тебя развлечет. А пока будешь смотреть, подумай о моих предложениях.

— Здесь это самое гнусное зрелище, — с внезапной яростью страстно произнес Элифас.

По обе стороны бассейна двое мужчин сидели в таких же корзинках, что и старик, судивший первую схватку. Лица их скрывались под масками, а на руках были перчатки. От кресел в воду тянулись тонкие провода. Толпа вокруг арены все уплотнялась, а они спокойно сидели, словно не слыша высокого звона голосов и перестука фишек. На этот раз сетку не опускали. Вдруг, без всякого предупреждения в бассейне возникли два котика. Две тени спокойно ходили в воде и так же спокойно над ними сидели двое мужчин.

Йама спросил Элифаса, в чем смысл предстоящей схватки, но Элифас только буркнул, что Йама все сам скоро увидит.

— Нам надо уходить, — настойчиво шептал он. — Все это — извращения древних знаний.

Тут вмешался префект Корин:

— Знание похоже на власть. Оно эффективно, только когда им пользуются. Ты не желаешь использовать свою власть, Йамаманама. Потому-то мы и победим, а ты проиграешь.

В воздухе снова разнесся звук гонга. Люди в корзинах перед ареной стали крутиться и извиваться. Котики бросились друг на друга и в первый раз промахнулись. Один врезался своим тупым носом в стену бассейна, а другой неуклюже перевер-

нулся и устремился на противника, плавником со стальной шпорой он пробил ему брюхо, но снова пролетел мимо.

Йама проследил за тонкими проводами, которые волочились за каждым из котиков, и понял, что происходит. Котики были живыми марионетками, которыми управляли люди в перчатках и масках точно так же, как Нергаль командовал пауками.

В приступе гнева и отвращения он перехватил контроль. Котики пронеслись мимо друг друга и врезались в противоположные стороны бассейна. От удара оба мгновенно погибли. Обоих операторов выбросило из подвесных кресел. Один повис на своей перевязи, а второй кувыркнулся и полетел в воду. Йама упал на Тамору, ослепленный обратным током, в глазах мелькали красные и черные молнии.

Половина зрителей рванулась к ограждению посмотреть, что случилось, другие пытались убраться прочь. Начались драки. Чудовищно толстая женщина, стоя в самом центре столпотворения, непрерывно вопила с удивительной силой.

Йама вырвался из рук Таморы и стал быстро спускаться по ступенькам. Один из людей префекта Корина попробовал его остановить, но Тамора ударила его под колено и он полетел вниз мимо Йамы. Он швырнул на пол фишки, которые ему вручила мамаша Драконихa, люди кинулись их подбирать, Йама нырнул под экран и понесся сквозь лабиринты игральных столов, переворачивая их на ходу. Его переполнили гнев и страх. В глазах мелькали красные и черные вспышки. То, что сидело в нем, снова вернулось, и он был беспомощным пассажиром внутри собственного «я».

Теперь здание казалось прозрачным, Йама четко видел все места, где трудились машины. Вверху ослепительно яркими вспышками взрывались тучи крохотных машин-шпионов, они падали на игроков, на столы, начались сотни мелких пожаров. Паника все росла. Йаму подхватила и понесла толпа людей, обуреваемых общей мыслью: скорее выбраться наружу, пока пожар не охватил все здание. Тело само знало, что делать. Оно изо всех сил старалось удержаться на ногах, ибо один неверный шаг — и тебя растопчут. Один из одетых в черное телохранителей мамаши Драконихи протиснулся через толпу и потянулся, чтобы схватить Йаму, но тот увидел над его головой машину и совершил нечто ужасное...

Когда Йама пришел в себя, то обнаружил, что его вырвало прямо у дверей салона сновидений в другом конце набережной. Одна его рука вцепилась в другую и рвала амулет из шерстинок нутрии. Речной жемчуг больно впивался в пальцы. На руках была кровь. Кровь забрызгала тунику, волосы, лицо. Не его кровь.

Внутри салона, в большом стеклянном бассейне, заполненном клубящимися струями густого зеленого дыма, двигалась обнаженная женщина. На мгновение она прижалась лицом

и грудью к стеклу, открывая и закрывая рот, словно пытаясь что-то сказать Йаме.

Йама закричал:

— Анжела!

Но женщина отступила и растаяла в дымной мгле. По всей длине набережной буянили солдаты и матросы. Йама воспользовался глазами машины, кружившейся высоко над толпой, и увидел, что из-под крутой черепичной крыши игорного заведения мамаши Драконихи валит густой белый дым. Золотой неоновый дракон на фронтоне выплевывает снопы голубых искр, одно крыло у него уже отвалилось. Йама развернул машину и заметил, что огонь перекинулся на здания вокруг казино. Магистраторы на летающих дисках пистолетными разрядами рыли канаву поперек набережной, чтобы остановить пожар. Раскрашенный фасад, как лезвие гигантской гильотины, целой стеной рухнул в открывшийся внизу провал. Цепочки цветных пузырьков, обломки неоновых трубок полетели на головы беснующейся толпы. Йама отпустил машину, встал и двинулся к кораблю, но далеко не ушел: кто-то крепко схватил его сзади, поднял и прижал к стене. Перед ним оказались два здоровяка, высоких, массивных и похожих, как братья. На них были только набедренные повязки, бритые головы увенчивались плотно прилегающими медными шлемами. Один прижимал Йаму к стене, а другой быстро обыскал.

— У меня нет денег, — сказал Йама.

Тот, что держал его, рассмеялся и произнес:

— Он думает, мы его грабим, Диомедис!

— Наши намерения истолкованы превратно, Декретас, — с издевкой сказал второй и обратился к Йаме, — нас послал твой старый друг, мальчик. Он будет счастлив снова с тобой встретиться.

Декретас надел на Йаму наручники и подтолкнул вперед. Они спустились к узкой дорожке вдоль черной воды. Диомедис вытащил пистолет, и когда над ограждением набережной возник летающий диск с магистратором, он вскинул пистолет и выстрелил. Раздался оглушительный грохот, летающий диск взорвался, а охваченный пламенем магистратор рухнул вниз.

Фиолетовая вспышка пистолетного разряда сразила большую часть машин магистраторов. Оставшихся Йама сбросил на Диомедиса. Тот отлетел, закрутился на месте, держась на ногах только за счет машин, которые впились в его плоть. Вместо одного глаза у него зияла залитая кровью дыра, кровь заполняла все пространство под прозрачной кирасой и струйками сбегала по голым ногам.

— Отпусти меня, — закричал Йама. — Отпусти, и я тебя пощажу.

Страшная боль раскалывала ему голову. Он почти ничего не видел, взор застилали красные и черные пятна. Тело Диомедиса дергалось, это машины выбирались наружу из его плоти.

Декретас оттолкнул Йаму, в страхе шагнул назад и вдруг побежал. Йама, спотыкаясь, направился вслед за ним. Абсолютно новым голосом он произнес:

— Подожди! Ты, глупец! Подожди меня!

Но беглец уже слился с толпой в конце дорожки. Мертвец за спиной Йамы упал навзничь, а машины взлетели и растворились в ночи.

Позже Пандарас и Пантин отыскали Элифаса, который стоял над Йамой. Рядом с ним лежал залитый кровью труп, но Пандарас сначала внимание на него не обратил. Толпа на улицах разбушевалась не на шутку, и порядок еще только восстанавливали. Магистраторы разбирались с компаниями моряков и солдат, гасили пожары, расчищали тротуары от обломков. В центре набережной на большой площади разложили рядами трупы. Их надо было опознать и совершить отпевание.

Склонившись над Йамой, Элифас, казалось, молился. Когда Пандарас приблизился, Элифас обернулся и сообщил:

— Он болен, но не думаю, что у него есть раны.

— Дай посмотреть, — пробормотал Пандарас. Он оттолкнул Элифаса и присел рядом со своим господином. Йама смотрел в никуда, на какую-то воображаемую точку за пределами мира.

Пандарас спросил:

— Господин, ты меня узнаешь? Ты помнишь, где находишься?

— Он убил этого человека, — сказал Элифас.

Пандарас в первый раз внимательно присмотрелся к мертвецу. На убитом была пластиковая кираса и медный шлем. Кирасу изрешетили дырки с окровавленными краями.

— Я видел такую одежду и на других, — заметил Пандарос. — Полагаю, это люди префекта Корина. Помоги мне, Элифас. Надо отнести его на корабль.

Двое людей в латах и медных шлемах разыскали Пандараса и Пантина в одном из публичных домов. Пантин воткнул столовый нож в глаз одному, а второму прыгнул на спину и перерезал глотку: он пилил и пилил тупым лезвием, пока голова нападавшего аккуратно не отделилась от тела. Сейчас юноша дрожал, но был тих, как лошадь, только что закончившая скачку. На голой груди у него запеклись пятна крови.

Пандарас и Элифас вместе помогли Йаме встать.

— Надо убираться отсюда, господин, — сказал Пандарас. — Префект Корин нашел тебя, правда? Не надо было мне слушать Тамору. Нужно было остаться. Я очень раскаиваюсь.

— Чудовище, — словно во сне бормотал Йама. — Я опасен, Пандарас. Опасен даже для себя самого.

— Он слишком суров к себе, — сказал Элифасу Пандарас. — Люди не бегут к магистратору требовать справедливости, когда дело идет о собственной семье. И уж точно не сдерживаются. Я бы на его месте смел все это гнездо до последней щепки, только бы знать, что префект Корин наверняка мертв.

25. ВОЗНЕСЕНИЕ АНЖЕЛЫ

— Префект Корин и оба его корабля задержаны, — сообщила капитан Лорквиталь. — Магистраторы считают, что он сошел на берег с оружием или позволил своим людям. Они бы и тебя обвинили, но не могут себе представить, как один-единственный юноша мог вызвать такие разрушения. Ну, и наш пассажир замолвил словечко.

— Префект Корин будет нас преследовать, — сказал Йама. — Магистраторы могут его задержать, но не остановить. У них нет настоящего повода, а он будет отрицать любую вину. В конце концов, это не он разорил казино мамаши Драконихa.

Они стояли на мостках и смотрели, как расширялась полоса черной воды, отделяющая их от огней плавучей гавани, а «Соболь» тем временем маневрировал в обозначенном люминесцирующими бакенами канале. Пожары были потушены, а толпы солдат и матросов разбрелись по своим судам. Вокруг пострадавших домов горели прожекторы, слышался шум строительных работ. За плавучей гаванью на фоне ночного неба собственным светом сиял город Гонд, подобный череде пологих холмов, укрытых пеленою сверкающего снежного одеяния.

— Чем меньше об этом болтать, тем лучше, — заявила Икшель Лорквиталь. — У магистраторов даже ветер имеет свои уши.

— Теперь нет, — сказал Йама и содрогнулся. Он сам не понимал, почему это сказал.

Пандарас подробно и очень ярко описал, как они с Пантином обнаружили Йаму рядом с мертвецом и молящимся Элифасом. Йама уничтожил негодяя с помощью машин, но не помнил об этом. Он вообще ничего не помнил с того момента, когда в казино на него обрушилась волна ярости. Он плывет над набережной... По сторонам горят дома... Женщина извивается в зеленом тумане... Он крутит и крутит амулет на руке, и тот наконец помог ему вспомнить, кто он такой.

Он не был ранен, несколько ссадин, царапин — и все. Была еще шишка ниже затылка. Нечто с твердыми краями, легко двигающееся под кожей. Йама должен бы знать, что это

такое... но память ускользала, как только он пытался сосредоточиться.

— К утру, — сказала капитан Лорквиталь, — все снова будет в порядке.

— Они наловят других, — пробормотал Йама. — Река все обновит — и дурное, и хорошее.

Он думал о котиках в бассейне у мамаши Драконихи. Но Икшель Лорквиталь не поняла и сказала:

— Множество солдат каждый день бывают тут на пути к низовьям, к войне. Война все изменила на Реке, но эти места, пожалуй, меньше всего.

Пока «Соболь» пробирался мимо края плавучей гавани, на нем установили парус. Повеял береговой бриз. В это время над городом вдруг расцвели фонтаны салюта, золотым и зеленым дождем осыпаясь в воды реки, навстречу своим отражениям в ее черном спокойном зеркале. Команда «Соболя», сидя на реях, радостными криками приветствовала каждый новый залп.

— Это в честь нашего пассажира, — улыбаясь, объяснила Икшель Лорквиталь. — В городе осталось так мало жителей, что они отмечают отъезд и возвращение каждого человека.

Йама совсем забыл о пассажире, ради которого «Соболь» заходил в плавучую гавань.

— Боюсь, что из-за него ты и твоя дочь расстались со своей каютой, — сказал он. — Он сейчас там? Мне бы хотелось с ним познакомиться и поблагодарить за помощь.

Капитан Лорквиталь мундштуком своей глиняной трубки указала на мачту:

— Он там в «вороньем гнезде», вместо впередсмотрящего. Если хочешь, можешь влезть туда и поговорить, но стоит ли так спешить, он пробудет у нас не меньше пяти дней.

Пассажир из Гонда прибыл на борт за час до того, как Пандарас и Пантин привели на корабль Йаму. Человек этот являлся посланником в города Сухих Равнин, где возникли ссоры из-за новых земель, появившихся при отступлении речных вод. Это все из-за войны, объявила капитан Лорквиталь. В обычных условиях такие вопросы решаются на праздничном состязании певцов и танцоров, но сейчас так много здоровых молодых людей отправились воевать с еретиками, что конкурсантов не хватает.

— Его послали примирить города, — продолжала капитан Лорквиталь. — В Гонде живут святые люди. К их решениям все относятся с большим уважением.

Все это время Тамора сидела на корме. Там у поручня висел большой квадратный фонарь. В его свете она точила свой меч, орудуя камнем и кусочком кожи. Когда Йама оставил Лорквиталь заниматься лоциями и пошел на нос, Тамора пошла за ним.

— Я все проворонила, — резко сказала она. — Брось меня в следующем порту, я найду себе другую работу.

— Ты спасла мне жизнь, я это помню, — отвечал ей Йама. — А потом я сделал глупость. Вина целиком на мне.

— Надо было сжечь весь этот бордель до самой ватерлинии, — с яростью выкрикнула Тамора. — Другого он не заслуживает. Раз ты умеешь управлять любой машиной, я тебе не нужна. Отпусти меня.

— Я слишком устал, чтобы это обсуждать, — вяло отозвался Йама. На самом деле он стыдился того, что сделал, хотя и не мог отчетливо вспомнить, что произошло. — Мне нужна твоя сила, Тамора. Мне нужно знать, когда действовать, а когда сдержаться.

В ответ Тамора сказала:

— Это как раз легко. Бей, когда должен.

— Мне нужна уверенность, что я действую самостоятельно. Сейчас я чувствую себя, как конь под опытным всадником. Большую часть времени я сам ищу дорогу, но иногда мне словно натягивают поводья или пускают в галоп в направлении, которое не я выбирал. Я не знаю, на чьей стороне действую, на стороне добра или зла. Помоги мне, Тамора!

Она в упор смотрела на него своими золотисто-зелеными глазами.

— До того, как меня ранили на войне, меня называли сумасшедшей. Никто не хотел в бою сражаться рядом со мной, говорили, что я слишком рискую. А знаешь почему? Я боялась! Гораздо легче броситься на врага под огнем, чем стоять, выжидая подходящий момент. Так я и делала, пока не ранили. Потом, пока я поправлялась, у меня была уйма времени обдумать свои поступки, и я поклялась, что больше никогда не допущу, чтобы мной управлял страх. До этой ночи мне казалось, что я держала клятву.

Йама вспомнил сержанта Родена, который говорил, что самые лучшие военачальники сами выбирают момент для атаки, а плохих, подобно кораблю в шторм, вынуждают обстоятельства.

— Ты права, — сказал он. — Страх — чувство естественное, но я обязан его контролировать. Спасибо.

— За что? За то, что я оказалась идиоткой? За то, что позволила тебе отправиться в эту ловушку? За то, что не помогла тебе, когда все пошло вразнос?

— За то, что доверилась мне и рассказала о себе.

Пока «Соболь» выходил на глубину, они смотрели, как вспыхивают за кормой последние залпы фейерверка, а потом уснули в объятиях друг друга. Когда забрезжил рассвет, Йама выскользнул из рук Таморы. Кто-то, очевидно, Пандарас, накрыл их одеялом.

Тамора вздохнула и широко зевнула, показав острые белые зубы и черный язык.

— Спи, спи, — сказал ей Йама.

На корабле все спали, только старый Фалерус стоял вахту. Должно быть, новый пассажир все еще находился в «вороньем гнезде», так как на циновках под навесом спали только Пандарас и Элифас. Сильный ветер подгонял «Соболя», наполняя его треугольный парус, вода пенилась и бурлила по обе стороны носа. Кругом до бесконечности простиралась Великая Река. Краевые Горы казались лишь тонкой цепочкой, плывущей в светлеющем небосклоне. Вода была здесь не привычного коричневого или бурого цвета, а того же темно-синего тона, что и предрассветное небо. Глубина реки в этом месте доходила до лиги, а некоторые впадины вгрызались в самый киль мира. Не верилось, что и сюда могут прийти перемены, тем не менее прибрежные города с каждым годом оказывались все дальше на суше. Река отступала. Когда-нибудь Великая Река пересохнет даже здесь, оставив после себя лишь цепочку мелеющих озер посреди глубокой бесплодной долины.

Йама облокотился о кормовой поручень. Ветер сдувал со лба буйные пряди его черных волос. По всей реке виднелись огни громадных рыбацких барж. Йама задумался, какие чудовища таятся в этих неизмеримых глубинах под килем «Соболя», и впервые за много дней ощутил подергивание смертоносной машины, которая в ледяном одиночестве висела на своей орбите в миллионах лиг от обитаемого мира, связанная с ним неощутимой нитью, подобно тому, как несчастные котики были соединены с операторами проволокой и кабелями. Но кто был куклой, а кто кукловодом? И чем все окончится? Он припомнил вывод из сложных расчетов своего приемного отца относительно усыхания реки и, несмотря на теплеющий солнечный свет, содрогнулся.

Потом он вынул свой томик Пуран. Яркие рельефные картинки ожили под его взглядом и повели свой рассказ, обращаясь непосредственно к воспринимающему центру его подсознания. Йама догадался, что, по всей видимости, в страницы вмонтированы машины. Неужели в каждой книге таится скрытый смысл? Неужели его детские сны о прошлом были такими яркими потому, что книги из библиотеки замка частенько лежали у его кровати?

Но тут он погрузился в последние главы истории Анжелы, и все пустые размышления вылетели у него из головы.

Когда Анжела вернулась с дальней стороны реки, она встретилась со своими соратниками, ожидавшими ее возле домов, а затем сразу направилась к господину Нарьяну, архивисту города Сенша, и рассказала ему о том, что узнала.

Архивист как раз занимался с учеником, но, как только появилась Анжела, он тотчас отослал несчастного прочь. Анжела подкрепилась чаем, который подала жена архивиста, тихая,

похожая на ящерицу женщина, принадлежащая к основной расе Сенша. Затем Анжела поведала о своих приключениях на той стороне реки.

Архивист понял, что она была у края мира и впервые за все время не смог побороть страх. Он испугался того, что она могла натворить среди оракулов на дальней стороне реки, что могла там изменить.

А Анжела, будто дразня его, спросила:

— Разве ты не хочешь услышать мой рассказ? Разве не в этом твое предназначение?

— Я выслушаю все, что ты пожелаешь мне сообщить, — ответил архивист. Несмотря на смятение, он говорил с достоинством, и это ей понравилось.

— Ваш мир — прямая линия, — начала Анжела. — Тебе известно что-нибудь о вибрации?

Архивист покачал головой.

Анжела вытянула руки ладонями вниз и покачала ими туда-сюда.

— Это ваш мир. Все живое обитает на длинной плоской поверхности, которая движется вокруг солнца. Это плато вращается по оси, потому солнце восходит с одного края, а затем движется обратно. Я добралась до конца мира, где река, которая тянется в половину его длины, падает в пустоту. Разумеется, я думаю, что ее воды должны где-то собираться и возвращаться в цикл, но выглядит все так, будто они уходят в никуда.

— Река вечно обновляется, — вставил архивист. — В то место, где она падает, раньше ходили корабли, но уже много лет, как этот город перестал быть портом.

— И это к счастью, иначе мои спутники давно уже были бы здесь. С той стороны реки тянется узкая полоса земли. Там нет жизни, нет даже насекомых. Нет почвы, нет камней. Воздух сотрясается от грохота водопада, в лучах солнца клубится туман. И там есть оракулы. Представляешь! В грозах и туманах! На краю света! — Анжела помолчала, чтобы произвести больше эффекта. — И один из них со мной говорил!

Она увидела, как потрясен архивист. Он молчал, глядя сквозь нее невидящими глазами, и думал о чем-то своем, ей не доступном. Анжела усмехнулась и продолжала:

— Не хочешь ли ты узнать, что он мне сказал? Это часть моей исповеди.

— А ты хочешь мне рассказать?

Архивист поднял на нее взгляд, и Анжела увидела, что его переполняет покорность и любовь, она поняла, теперь он, как и все другие, принадлежит ей, она может распоряжаться им по своему усмотрению.

Эта мысль вызвала в ней волну отвращения. Она хотела видеть в нем друга, а не послушную куклу или любимую собачку. Анжела провела рукою по лбу. Волосы ее были острижены очень коротко по моде строителей микрогравитационных конструкций — стрижка устарела десять миллионов лет назад. Жесткие волосы скрипнули под ее ладонью.

— Нет, нет! Не хочу. Не сейчас, — воскликнула она.

Вместо этого Анжела рассказала архивисту, что сообщил ей корабль о сотворении Ока Хранителей. Казалось, история доставила ему еще больше радости. Такое он мог охватить умом. Выслушав Анжелу, архивист заметил:

— В Пуранах все так и описано.

— А написано ли там, — спросила Анжела, — почему Слияние поместили у одной из звезд ореола между моей Галактикой и Оком Хранителей?

— Ну конечно! Для того, чтобы мы могли славить Хранителей. Око взирает на всех нас.

Стандартный ответ, взятый из комментариев в конце последней суры Пуран. Он не может сообщить ей ничего нового. Никто в этом странном мире не выдумал ничего нового с самого момента его создания, но она это изменит! Если она собирается здесь царствовать, в первую очередь надо сбросить старых богов.

По городу тотчас разнеслось известие, что Анжела разбудила один из оракулов на дальней стороне реки. Любопытствующие горожане заполонили улицы вокруг ее дома. Теперь она больше не могла бродить по городу, где пожелает. Повсюду сразу собирались толпы народа. Из уст в уста передавали рассказ о том, что боги хотели забрать ее на небеса, но она отказалась. Сама Анжела таких историй о себе не рассказывала, это горожане приспосабливали ее слова к своим представлениям. Она пыталась проповедовать учение, что нет ничего, кроме материальной Вселенной, что не существует богов, которые могут простить и вознаградить, что каждый человек сам несет ответственность за свою судьбу. «Ловите мгновение», — говорила она, а они сделали этот афоризм своим боевым кличем. Поклонники повсюду малевали лозунги, и многие уже не имели к ее словам никакого отношения.

Каким-то образом в умах жителей Сенша укоренилась мысль, что они так же, как Анжела, могут общаться с оракулами на той стороне реки без посредничества жрецов и священников и что личное спасение становится им вполне доступно. Тысячами они отправлялись в паломничество через реку. Пилигримов стало так много, что городские рынки закрылись, ибо торговцы переместились к докам, чтобы снабжать провизией отправляющихся в путешествие через реку. А Анжела тем временем превратилась в пленницу в собственном доме. Последователи окружали ее

денно и нощно, благоговейно следя за каждым ее движением. Ей приходилось подниматься на крышу, чтобы все жаждущие могли ее видеть и слышать. Она пыталась освободить их от привычки бездумно поклоняться Хранителям, пыталась создать из них армию, которой можно воспользоваться против корабля, когда он в конце концов за ней явится.

Она создавала различные устройства, чтобы при необходимости обеспечить себе бегство. Защитный костюм, увеличивающий во много раз мускульную силу. Прерыватель цепи, разрушающий энергетическую сеть, от которой питаются мириады крохотных машин. Она поковырялась в гравитационных блоках грузовых платформ и с трудом, но все же сумела перепрограммировать несколько пойманных машин. Однако погрузившись в эти заботы, она постоянно чувствовала, что время уходит, и когда корабль наконец появился, Анжела ощутила чуть ли не облегчение.

Корабль подтянулся к городским докам, а Анжела поднялась на крышу своего дома. Корабль подверг себя перестройке и теперь выглядел огромным черным клином, состоящим из множества расположенных ярусами пластин. Его пирамидальный контур возвышался над всеми башнями города. Анжела понимала, что корабль намерен заполучить ее обратно, но она сумеет ускользнуть, если ей удастся повернуть мощь корабля против него самого.

Анжела настояла на прогулке к докам. Молодые люди, ее ближайшие друзья, были очень перепуганы, но возражать не посмели. Двоим она поручила нести прерыватель цепи, а остальных вооружила пистолетами.

Улицы были практически пусты. Тысячи и тысячи горожан отправились к докам приветствовать корабль. Их сдерживала тонкая цепь магистраторов и машин. Толпа беспокойно гудела. Ее шум вздымался, как волны, снова опадал, но никогда не стихал до конца. Машины неустанно шарили лучами по плотному морю голов. Произошло несколько неприятных инцидентов: в передних рядах откуда-то взялись раненые; упав на колени, они завывали и держались за лица. А когда Дрин, комиссар Сенша, поднялся на гравитационной платформе к вершине корабля, чтобы приветствовать ее экипаж, толпа с энтузиазмом подалась вперед, так что плетки и машины магистраторов едва ее удержали.

Анжела поняла, что сейчас у нее есть единственный шанс захватить корабль, отняв его у команды. Она выстрелила из прерывателя, и все до одной машины посыпались с неба на землю, сгорев от энергетического скачка. Магистраторы оказались безоружны. Толпа неудержимым потоком рванулась вдоль доков к кораблю. Анжела видела, как платформа Дрина отдалилась от макушки корабля (она черпала энергию из мирового гравитационного поля) и двинулась по направлению к летающим садам над

дворцом из розового песчаника. К Анжеле сквозь толпу прорывался архивист. Анжела приказала своей свите доставить его во дворец, а сама отправилась организовывать осаду.

Во всем городе не было энергии. Люди как будто с цепи сорвались, складывалось впечатление, что только присутствие машин заставляло их сохранять человеческий облик. Повсюду царило пьянство, азартные игры, бесстыдное распутство. Горели здания, шайки грабителей громили базары. Однако сподвижники Анжелы все еще беспрекословно ей повиновались. Они погрузили на платформы батареи для местной системы питания, окружили дворец и бросились в атаку на летающие сады. Некоторые, управляя модифицированными платформами, по кускам разрушали питающую их структуру, другие выращивали башни при помощи самокатализирующейся каменной кладки.

Анжела сидела на крыше дворца в окружении своих последователей, над ее головой кружилась стайка машин, которых ей удалось перепрограммировать. К ней привели архивиста. Лицо его покрывали ссадины, волосы растрепались, серьезных ран не было, но все равно он от страха потерял голову. Анжела подозвала его, и он, собрав остатки собственного достоинства, предстал перед ней.

Она спросила:

— Теперь, когда я отобрала у вас город, что мне с ним делать?

— Ты еще не закончила свой рассказ, — произнес архивист, и в голосе его прозвучал намек на вызов, однако через секунду он добавил уже просительным тоном: — Мне бы хотелось услышать конец.

— Мои соплеменники могут тебе рассказать. Сейчас они прячутся наверху вместе с Дрином, но это ненадолго. — Анжела указала на дюжину мужчин, которые вставляли платформу в самодельный аппарат запуска, и объяснила, как ей удалось усилить ее антигравитационные свойства.

— Если понадобится, мы порежем эти летающие леса на мелкие кусочки или же достроим башни и штурмом возьмем остатки, но я думаю, они сдадутся намного раньше.

— Дрин не является правителем города.

— Теперь не является.

Архивист рискнул подойти ближе.

— Что повергло тебя в такой гнев? — спросил он. — Что ты там узнала?

Анжела рассмеялась. Никто из них не понимал. Они ведь не люди, как могут они ее понять, ее, последнее человеческое существо во Вселенной?

— Я расскажу тебе о гневе, — наконец воскликнула она. — Это нечто, о чем вы забыли, а может быть, никогда не знали. Гнев — это движущая сила эволюции, и конца эволюции — тоже.

Она выхватила кубок вина из рук у сподвижника, единым духом осушила его и отбросила в сторону. Вино теплой волной смешалось с ее презрительным гневом. Анжела продолжала:

— Мы летели долго-долго, не живые, но и не спящие. Наши тела были лишь закодированным потенциалом, трижды отлитым в кристаллической решетке золота. Корабль летел так быстро, что время закуклилось вокруг его оболочки, тем не менее путешествие заняло тысячи лет по бортовому времени. В конце этого бесконечного пути мы не проснулись, мы родились заново. Точнее сказать, родились другие, но совсем как мы, прежние, хотя память о прежней жизни у меня сохранилась, как будто она — моя собственная. И эти новые существа узнали, что Вселенная не создана для удобства людей. Галактика, которую им довелось увидеть, лежала в руинах и была мертва.

Анжела взяла в свои ладони руку архивиста и крепко сжала, продолжая рассказывать ему о гибели соседней галактики, о разорванных в клочья туманностях, о планетах, сорванных со своих орбит гравитационными вихрями, о мирах, обожженных взорвавшимися звездами. Она рассказала обо всем, что узнала.

— Знаешь ли ты, сколько галактик пережили такие катаклизмы? Практически все. Жизнь — это статистическая флуктуация. Наша Галактика никогда не сталкивалась с другой, соотносимой с ней по размеру, во всяком случае, не сталкивалась столь долгое время, что на планетах вокруг некоторых звезд успела возникнуть и эволюционировать жизнь. По всей вероятности, жизнь эта — явление уникальное, иначе в бесконечной Вселенной существовали бы и другие цивилизации. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что во Вселенной мы одиноки и, следовательно, должны сами распоряжаться собой, как умеем. Нельзя закрывать глаза на истину, как предпочитают делать ваши Хранители. Вместо этого нужно ловить мгновение и переделать Вселенную по своему усмотрению с помощью тех технологий, которые использовали Хранители, создавая себе укрытие.

— Ты не можешь стать Хранителем, — возразил архивист. — Теперь никто уже не может. Ты не должна лгать этим невинным людям.

— Мне нет нужды лгать. Они взяли мою историю и превратили ее в свою собственную. И теперь они видят, какие богатства могут унаследовать, если, конечно, у них хватит духу. Дело не ограничится одним этим городом. Будет настоящий крестовый поход! — Анжела погрузила взгляд в черные глаза архивиста и мягко добавила: — Ты ведь все запомнишь, правда?

Архивист промолчал, но она чувствовала, что он принадлежит ей душой и телом и так будет всегда. Казалось, что разговор навеял на него глубокую печаль, сама Анжела тоже огорчи-

лась, что приходится его использовать для своих целей, тогда как она хотела видеть в нем друга.

Вокруг них ликовала толпа ее сподвижников. Платформа ракетой взлетела вверх и врезалась в нижнюю часть висячих садов. От несущей конструкции отвалился огромный кусок. Грязь и камни полетели на шпили дворцовой крыши, а обломок, вращаясь, улетел в темноту. Толпа радостно загудела, Анжела увидела, что на краю искореженного сада появились человеческие фигуры. Один из людей что-то бросил вниз, и предмет тут же принесли Анжеле.

Это оказалась трубка с посланием. Открыв ее, Анжела увидела гибкую пленку с мерцающим лицом Дрина. Динамик трубки придавал его голосу визгливый и слегка металлический оттенок. Анжела выслушала его просьбы, и сердце ее наполнилось ликованием и надеждой.

— Да, — сказала она, но так тихо, что слышать ее мог разве что один архивист. Она встала, подняла над головой руки и, когда все взоры обратились к ней, воскликнула:

— Они сдаются! Дайте им сойти вниз.

Платформа спустилась. Тут были все. В белых сверкающих одеждах стояли мужчины и женщины, которые были ей ближе, чем братья и сестры. Сподвижники Анжелы, глумясь, швыряли в них камни, горящие головешки, комья земли, но ее псевдокопии искривили поле платформы, и все, что швырялось в них, улетало в ночь. Анжела улыбнулась. Она предвидела этот ход.

Ее копии взывали к ней, умоляя вернуться и вместе искать утерянную родину. Дрин спрыгнул с платформы и понесся сквозь толпу последователей Анжелы. Маленький комиссар подбежал к архивисту, схватил его за руку и, задыхаясь, проговорил:

— Они все — один человек. Или вариации одной личности. Корабль составляет свой экипаж, изменяя матрицу. Анжела — это крайность, ошибка!

Анжела засмеялась. Значит, ее копии завербовали Дрина.

— Эх ты, смешной человечек! Я — настоящая, а они — копии.

Она обернулась к своим составляющим, которые все еще звали ее, просили вернуться к ним и снова отправиться на поиски потерянного дома. Никто из них не посмел пойти следом за Дрином.

— Нет никакого дома, и искать нечего, — прокричала им Анжела. — Дураки, дураки! Этот мир — все, что осталось! Верните мне корабль!

Она знала, они ни за что не согласятся, но хотела дать им шанс. Так будет справедливо.

— Он никогда не был твоим, — хором ответили они. — Ты им не владеешь, а служишь ему.

Анжела вскочила на стул и подала знак своим людям, которым она поручила полевой магнетрон. В тот же момент

в платформу устремились сотни тончайших серебряных нитей. На мгновение Анжеле показалось, что прибор не сработает: нити, достигнув поля платформы, стали загибаться вверх. Но нити все же разрушили поле — разнесся сильный запах гари, раструб магнетрона раскалился докрасна, и путаница серебристых нитей повалилась на голову экипажа. Поняв, что происходит, сподвижники Анжелы стали забрасывать команду корабля всякой дрянью, но Анжела приказала прекратить издевательства. Она желала своим товарищам поражения, но унижать их не хотела.

— Единственная действующая платформа, — сказала Анжела, — находится в моем распоряжении.

Теперь экипаж не мог следовать за Анжелой. Корабль достанется ей! С триумфом Анжела обернулась к архивисту:

— Пойдем! Ты увидишь конец этой истории!

В этот момент один из членов экипажа сошел с приземлившейся платформы и направился прямо к Анжеле. Она встретила его лицом к лицу, уговаривая себя, что ей нечего опасаться, она победила.

— Я не боюсь тебя, — воскликнула Анжела.

— Конечно, нет, сестра, — отозвался мужчина.

Он протянул руки, крепко ухватил ее за кисти, и мир улетел прочь.

Ускорение было так велико, что Анжела почти потеряла сознание. Мощный поток воздуха пронизывал ее волосы и обжигал кожу... а потом воздуха не стало вовсе. Она оказалась на такой высоте, что мир во всю свою ширь открылся ее взгляду: с одной стороны — огромные горные хребты, с другой — прямой край, простирающийся вперед и назад до самой конечной точки. Мир предстал перед нею тонкой полоской, обернутой коконом воздуха. Анжела увидела, как из-за горизонта вынырнула сверкающая точка солнца. Вакуум впивался в глаза мириадами ледяных игл, сквозь раскрытые губы уходили последние глотки воздуха, боль обжигала кожу. Обнимавший Анжелу мужчина прижался к ее губам. Последний поцелуй слил воедино их тающее дыхание.

Оставались еще две картинки, но они с Йамой не разговаривали. Это были обыкновенные картинки.

На одной изображалась просторная комната на корабле Древней Расы. В экране виднелась тройная спираль родной Галактики. Перед экраном стояли двое мужчин: один очень крупный, а другой — ростом с ребенка, но с широкими бедрами и длинными руками. Архивист города Сенша господин Нарьян и комиссар Сенша Дрин. Дрин указывал на мерцающий в экране свет. Он явно что-то говорил господину Нарьяну.

На второй картинке зритель как бы находился выше Дрина, а тот стоял у края громадного проема в корабельном борту и смотрел вниз в пропасть, на дне которой несла свои воды

река. На полпути между люком и рекой висела какая-то фигура. Это был господин Нарьян.

Значит, Анжела умерла, хотя, если бы ее корабль того пожелал, она могла возродиться вновь, но идеи ее живут. Они уцелели вместе с господином Нарьяном. Теперь Йама понимал, что с помощью фантома, которого Анжела успела поместить в пространство оракулов, Нарьян сумел распространить историю Анжелы весьма и весьма широко. Революция в Сенше была лишь самым началом ереси, которая подняла одну часть Слияния против другой.

Небо над берегом посветлело. Из повисшей в тумане линии Краевых Гор вынырнул пластиковый диск солнца. Расширяясь и убегая в бесконечность, по реке заструилась золотая дорожка. Йама стоял, наблюдая причудливую игру света и вод, и размышлял обо всем, что увидел на преобразившихся картинках в своем томе Пуран.

26. СОКРОВИЩА ТЕЯСА

В этот день посланец Гонда Теяс так и не спустился с мачты. Когда Агиляр полезла наверх доставить ему обед, Йама попросил сообщить посланнику, что он, Йама, жаждет с ним побеседовать. Однако, когда Агиляр спустилась, с небрежной грацией акробата соскользнув по бакштагу, Йама узнал, что посланник шлет свои извинения, но...

— Он говорит, ему надо о многом подумать, — сказала Агиляр. — Он ведь по-настоящему святой человек. Попросил немножко хлеба и соли, а из питья — только речную воду.

— Он может все путешествие провести наверху, брат, — вмешался Элифас. — Они в Гонде — странные люди.

Позже Йама остался на носу один и снова стал думать о том, что показала ему книга. Фантом Анжелы хотел, чтобы Йама понял ее историю, но можно ли верить всему, что он услышал? История Анжелы была очень опасна. Это был вопль, взывающий к самому темному уголку души, где, как жаба на дне колодца, затаился звериный аппетит. Лови мгновение! Забудь о долге, забудь об ответственности! Забудь о преданности Хранителям, забудь обо всем, кроме личной выгоды.

Разумеется, Анжела совершила значительные открытия. Но из них вовсе не следует, что люди должны бояться Вселенной. Пожалуй, было бы логичнее, думал Йама, радоваться ее пустому простору. Принимая Вселенную такой, какая она есть, мы воистину становимся ее неотъемлемой частью и не можем по-настоящему прекратить существование, пока она существует. Не

следует проводить грань между бытием и небытием, между жизнью и мертвой материей. Все это нити единой вечной ткани. Одни только Хранители сумели выйти за пределы Вселенной — деяние, недоступное никому, кроме богов.

Анжела страшилась невообразимой тьмы небытия, но сам Йама понимал, что бояться ее нечего, ибо ее просто нет. Пураны учили, что точно так же, как время не существовало до рождения Вселенной, не существует оно и после смерти, ибо в обоих случаях нет ничего, чем можно измерить его ход. Смерть — это вневременной провал до момента возрождения в бесконечный момент в конце времен.

Анжела это отрицала. Она не доверяла тому, чего не могла понять. Она вообще никому, кроме себя, не доверяла. В ней не было веры — только вера в себя, неповторимую, самодовлеющую и самодостаточную. А потому ей казалось немыслимым, что жизнь Вселенной может протекать без нее. Конечно, ей пришлось провести сотни тысяч лет бортового времени в виде кода, простой последовательности знаков, снова и снова умирать и возрождаться. Однако эти краткие промежутки были ничто в сравнении с миллионами лет небытия между нынешним моментом и концом Вселенной, и машины, которые сохраняли ее личность и каждый раз возрождали ее, были в таком же смысле реальны, как Хранители — нереальны. Чтобы полагаться на технику, полет веры не нужен.

Йама размышлял обо всем этом очень долго, а тем временем «Соболь», подгоняемый свежим ветром, летел по сверкающей глади реки наперегонки с собственной тенью. Команда чинила стаксели, закрепляла талрепы и штанги. Доски палубы выскребли так, что они стали белыми, как соль. Фалерус опустил погрузочные салазки и починил места, поврежденные непогодой и путешествием сквозь плавучий лес. В Гонде не удалось пополнить запасы, а потому кабанчика, который от самого Иза питался объедками, вывели из клетки на клеенку, успокоили песней, а потом повар перерезал ему глотку. Мгновение кабанчик удивленно стоял, пока яркая кровь шумно хлестала в подставленное синее пластиковое ведро, а потом вздохнул, сел и умер.

Тамора помогла разделать тушу и съела свиную печенку прямо сырой. Кости, ребра, голову, язык и сердце сложили в бочки и залили рапой, а кишки промыли и сварили вместе с легкими. После заката все пировали: ели жареные листья бананов, банановые оладьи, свиные котлеты. Не участвовал в пиршестве только посланник, он все еще не показывался, и Йама начинал сомневаться, существует ли он на самом деле.

Эту ночь Йама спал один на треугольном палубном клине над полубаком. На рассвете он проснулся и увидел, что кто-то висит над ним вверх ногами. Он разглядел маленького хрупкого человечка с плоским лицом цвета старого пергамента в

обрамлении тонких волос, Йама с изумлением понял, что посланник Гонда принадлежит к той же расе, что и давно исчезнувший комиссар Сенша Дрин.

Посланник улыбнулся и проговорил высоким живым голосом:

— Оказывается, не так уж ты и велик, — и перевернулся на ноги.

— Подожди! — воскликнул Йама. — Мне бы хотелось...

— Я ожидал увидеть кого-нибудь более внушительного, с грозным взглядом или с лавровым венком на голове. Возможно, что ты — вовсе не он.

Не успел Йама ответить, как посланник развернулся и побежал по рее. Он ловко, как настоящий матрос, взобрался по мачте и нырнул в «воронье гнездо».

Ближе к полудню в полумиле по правому борту Йама заметил кружившую над волнами машину, крошечное создание с десятком парных слюдяных крылышек, которые трепыхались и посверкивали в солнечном свете, и клиновидным телом, состоявшим в основном из целой грозди датчиков. Он приблизил ее к кораблю и заставил кругами летать вокруг «вороньего гнезда». Машина издавала негромкое потрескивание, как кипящее на сковороде масло, и время от времени испускала фонтаны искр, которые катились по надутому брюху паруса. Капитан Лорквиталь, сидя в шезлонге, следила за происходящим, но молчала.

В конце концов посланник выскочил из «вороньего гнезда», спустился по вантам, на полпути остановился и прокричал Йаме:

— Полагаешь, я должен быть поражен? Ты просто дурак!

Йама отпустил машину. По широкой дуге она полетела вниз, почти коснулась сверкающей глади реки с правого борта, затем резко, как отряхивающаяся собака, затрепетала крыльями, изменила направление и через секунду пропала из виду.

Посланник спустился по вантам до самого низа. Одет он был в простую тунику с поясом, которая оставляла открытыми его голые ноги, а в руках держал сделанный из рафии веер в форме листа с изображением стилизованного глаза. Пальцы на ногах были длинными и цепкими. Он шлепнул Йаму веером по голове и, соскочив на палубу, сказал:

— Это за твое нахальство, молодой человек.

Наблюдавшие за этой сценой матросы ухмыльнулись. Тамора покачала головой и отвернулась, а Пандарас, который, скрестив ноги, сидел под навесом и вышивал ворот рубашки, поднял глаза. Капитан Лорквиталь безмятежно пыхтела трубкой в своем кресле. Рядом с ней сидел Элифас, лицо его скрывалось в тени широкополой соломенной шляпы.

— Ну, вот он, я, — заявил посланник. — Задавай свой вопрос.

— Я надеялся, что мы сможем поговорить, господин.

— И о чем ты собираешься говорить? Надеюсь, это что-нибудь важное, или ты еще более глуп, чем выглядишь.

— Может быть, стоит поговорить о моей глупости?

— Ты полагаешь, это меня заинтересует? — спросил посланник. — Знаешь ли ты, кто я?

— Теяс, посланник Гонда к воюющим городам Сухих Равнин.

— А ты, Дитя Реки, должен бы знать, что я обдумываю свою миссию, и не посылать это убогое подобие стрекозы, чтобы оно жужжало вокруг моего приюта. Мне нравится там, наверху. Видно все, что происходит, но можно ни во что не вмешиваться. Мне так далеко видно, что можно подсмотреть даже будущее. Там тебя ждут неприятности, молодой человек. Но зачем я это тебе говорю? Сам не знаю.

Йаме пришло в голову, что Теяс слишком уж вспыльчив для святого человека такого преклонного возраста, да еще принадлежащего к самой старинной расе Слияния, обитающей во втором по счету древнейшем городе мира. Тем не менее он поклонился и сказал:

— Прости меня, я вел себя грубо. Но тебе известно мое настоящее имя, позволь мне думать, что я тебя все же немного интересую.

— Слава о тебе бежит впереди тебя, и, должен сказать, она создает значительно более внушительный и яркий образ, чем действительность.

— Думаю, твой народ разводит голубей, — отозвался Йама.

Теяс бросил на Йаму проницательный взгляд.

— Голубей? В Гонде множество странных птиц, но я не слишком-то обращаю на них внимание. В любом случае голуби не разговаривают, по крайней мере наши. Нет, о тебе я слышал по геофону, а еще есть гелиограф, которым я воспользовался, чтобы переговорить с этой скорлупкой, прежде чем подняться на борт. Говорят, что ты за одну ночь преобразил целое племя аборигенов, населяющих крышу Дворца Человеческой Памяти, и что ты начал войну между Департаментами. Некоторые говорят, что ты — предвестник возвращения Хранителей, другие — что ты маг, союзник безбожных еретиков. Лично я думаю, ты — ни то, ни другое. Глядя на тебя, я бы сказал, что ты — не очень удачливый наемник, который отправляется на войну испытать свое счастье.

— Я бы и сам хотел быть просто наемником. Может быть, это звучит странно, но когда-то все мои амбиции сводились именно к этой карьере. Но теперь я не знаю, кто я. Знаю лишь, что я — не то, чем меня хотят видеть люди.

— Действительно? Я бы сказал, в этом твоя главная беда. Разве палка догадывается, что она — мотыга?

— Думаю, да, если ею пользуются как мотыгой.

Посланник чувствительно ударил Йаму по плечу веером.

— Нет, нет и нет. Палка не должна задаваться глупыми вопросами. Она принимает свою природу как есть. Если бы ты больше пытался себя вести как палка и меньше как герой, неприятностей было бы значительно меньше. Что за книгу ты читаешь? Очевидно, Пураны. Только ни в одном издании Пуран нет таких картинок, как в твоем.

— Это очень старое издание. А в последнее время в нем появились дополнения. В этой истории упомянут один из людей твоей расы. Человек по имени Дрин. Он был комиссаром города Сенша.

— Мне кое-что известно о совращении Дрина, — сказал Теяс. Он почесал за своим большим прозрачным ухом, затем сложился пополам, опустился на колени и похлопал ладонью по палубе:

— Сюда. Садись рядом. Может, ты покажешь мне конец этой истории?

Они долго сидели на палубе полубака, в смещающейся тени треугольного паруса. Теяс обмахивал лицо веером, проклинал жару и засыпал Йаму множеством вопросов. Йама отвечал, как умел, и постепенно осознавал, что знает больше, чем ему казалось. Пришел Пандарас, он принес им поесть. Теясу — пресную лепешку и воду, а Йаме — хлеб, гороховую халву, кусочки дыни и сладкого белого вина. Пандарас постоял, послушал и тихонечко присел рядом, снова занявшись вышивкой на воротнике своей рубашки.

В конце Теяс сказал:

— Бедный Дрин! Он позволил себе стать тем, чем на самом деле не является. Мы все еще оплакиваем его.

— Я думаю, он не погиб.

На это Теяс резко ответил:

— Даже если бы он стоял сейчас передо мной, я не счел бы его живым.

— Из-за того, что люди Древней Расы превратили его в своего слугу?

— Нет, нет и нет! — нетерпеливо воскликнул Теяс. — Тебе многому предстоит учиться.

— Я и хочу учиться! Я пытаюсь узнать правду о самом себе, пытаюсь понять, как надо тренировать разум, чтобы обрести надежду на успех в этом деле.

— Глупый мальчишка! Никакого разума нет, так что и тренировать нечего. И истины тоже нет, потому нечего пытаться ее достичь.

— Но я слышал, что люди Гонда — великие учителя. Чему же они тогда учат, если не истине? Что они тренируют, если не разум?

— Мы не учим, потому что у нас нет языков. Как же мы можем сказать людям, что делать, если у нас нет языков.

Теяс сказал эти слова со всей серьезностью, но Йама рассмеялся, услышав этот абсурд.

— Я не верю, что ты говоришь правду. Ты играешь со мной.

— Разве я могу лгать, если у меня нет языка? Да ты меня не слушаешь, молодой человек! Я зря трачу с тобой время. Прощай!

Теяс ухватился за штаг и вскарабкался в «воронье гнездо».

Пандарас отпустил конец цветной нитки и заметил:

— Он весь — сплошная загадка, правда, господин?

— Он хочет заставить меня думать, — отозвался Йама, — но я не уверен, что понимаю о чем.

— Я всего лишь оруженосец, господин. Куда мне разбираться в высоких материях! Мой народ считает, что в сложных вопросах должны разбираться другие. Мы любим песни, легенды просто потому, что нам нравится их петь и декламировать, а что они означают, предоставляем разбираться другим. Эта женщина, Анжела, ведь она — та самая, которая появилась в оракуле?

— Сначала я думал, что женщина в оракуле — это фантом, но сейчас мне кажется, она скорее похожа на отражение. Внешне — образ абсолютно точный, но воля отсутствует. Все равно что портрет, если бы портрет мог говорить или двигаться. В любом случае Анжела из моей книги — это совсем не та женщина, которая отправилась в свое первое путешествие. Ее много раз копировали, а копии так сильно менялись, что иногда начинали воевать друг с другом.

— Я тоже, бывало, ссорился с братьями и сестрами, — задумчиво произнес Пандарас, — и частенько очень сильно. Клянусь, иногда мы были готовы друг друга убить! С близкими всегда так: или любовь, или ненависть, и никаких переходов.

После обеда, ближе к вечеру, Теяс снова спустился с мачты. Он уселся перед Йамой и Пандарасом и сразу спросил:

— В чем различие между тобой и Анжелой?

Йама и сам размышлял об этом, а потому вопрос не застал его врасплох.

— Она не желала принять свою природу, — ответил он, — а я своей не знаю.

— А ты не так глуп, как притворяешься, — заявил Теяс, — но и не так умен, как сам себя считаешь. Я говорю не о мелких различиях в намерениях, а о поступках. Вы оба вмешались в предназначения других рас. Так кто из вас хуже?

— Я действовал, потому что меня просили, а Анжела — чтобы иметь армию сподвижников.

Теяс многозначительно посмотрел на Йаму:

— Неужели это существенное различие?

— В случае со мной я сам не понимаю, как это случилось. Еще одно непостижимое для меня явление.

Теяс улыбнулся:

— Тогда для тебя, может быть, не все потеряно.

— Но мне хочется в этом разобраться. Тебя радует, что я не умею контролировать свою силу, а меня — пугает.

— А я бы испугался, если бы ты и правда умел ею управлять.

— Несколько раз мне удавалось спастись от своих врагов, но последствия часто оказывались страшнее опасности, которая мне угрожала.

Теяс на это ответил:

— Если сопротивление врагам лежит в твоей природе, значит, так ты и должен поступать. Но я считал, что ты не понимаешь своей природы...

— Анжела хотела править миром. Мне этого не нужно. Даже если другие этого захотят, я откажусь, — улыбнулся Йама. — Удивительно, что я вообще говорю о таких вещах. Мир не принадлежит никому, кроме Хранителей.

— Уничижение паче гордости. Если ты отказываешься нести груз своего предназначения, значит, ты отрицаешь свою природу.

— Господин, твоя раса очень древняя. Она помнит мою?

— Некоторые говорят, что ты из расы Строителей, но сам я этого не нахожу. Они исчезли задолго до того, как в Слиянии возникли Чистокровные расы. От Строителей остались только их творения. Возможно, их вообще никогда не было, ты об этом не думал? Люди воображают, что мир должны построить слуги Хранителей, вот они и выдумывают мифическую расу и награждают ее всеми атрибутами, коими должны обладать строители мира. Но вполне вероятно, что мир сам себя сотворил по воле Хранителей. Ведь если Хранители — боги, то они умеют произносить истинные слова, настолько истинные, что они не отличаются от тех предметов, которые обозначают.

Йама вспомнил о пластине, которую ему показали в Городе Мертвых. На ней был мужчина его собственной расы, а за ним — усыпанное звездами небо. А вдруг на этой пластине изображена выдумка, придуманная кем-то легенда? Кто знает, может быть, все это только миф...

— Слова не есть истина, так? — проговорил он.

Теяс шлепнул Йаму по голове веером.

— Ты ведь читал Пураны. В Пуранах много рассказов, раскрывающих природу нашего мира, но только глубокие размышления и сосредоточенность позволяют человеку проникнуть в их истинный смысл. Эти рассказы не являются по своей сути уроком, однако они воздействуют на восприимчивый ум, приводя его в состояние, способствующее озарению. Сами же по себе слова не представляют ничего иного, кроме самих себя. Точно так же и предметы, они — то, что они есть, и ничего больше. Следовательно, слова ничему не могут научить.

— Если учесть, что у тебя нет языка, то ты совсем неплохой учитель.

Тут Теяс снова ударил Йаму веером по голове. Йама стерпел. Пандарас уткнулся в свое шитье и улыбался.

— Глупый мальчишка, — воскликнул посланник. — Если тебе нужен учитель, значит, учиться ты не способен. — Он поднял свой веер к глазам Йамы. — Если ты назовешь это веером, ты будешь противоречить реальности. Если не назовешь, будешь отрицать факт. Итак, как бы ты его назвал?

Йама взял веер из податливых пальцев Теяса, обмахнулся им и отдал назад.

Пандарас тихонько, будто про себя, запел:

Вытянув веер, он отдал приказ.
Жизнь или смерть в движенье одном.
Переплетение блага и зла
Даже богам разделить не дано.

Теяс улыбнулся:

— Твой слуга по крайней мере знает Пураны, можешь у него поучиться.

— Я их не читал, — возразил Пандарас, — просто твоя загадка напомнила мне игру, в которую играют у нас дома.

Теяс потянул за длинные волосы, окаймляющие его подбородок, и произнес:

— Тогда твой народ мудрее меня, ибо я отношусь к этим загадкам серьезно. А теперь мне пора. Через несколько часов я сойду, чтобы следовать к городам Сухой Равнины.

— Я думаю, пройдет больше времени, пока мы причалим.

— Вовсе нет. Ты видишь только то, что хочешь, игнорируя очевидное. Но все же ты начал путь... Если хочешь, изучай Пураны, но я на твоем месте лучше прислушался бы к шуткам твоего слуги. А теперь можешь задать мне еще один вопрос.

Йама лихорадочно стал соображать. У него была такая масса вопросов, что он даже не знал, как подступиться к выбору самого важного, к тому же многие вопросы требовали настолько специфических ответов, что даже мудрый Теяс мог их не знать. Наконец он проговорил:

— Вот о чем я тебя спрошу, господин. Есть ли такое учение, которое никто еще не проповедовал?

— Разумеется, есть.

— Какое?

Теяс положил ладони себе на голову. Веер его повис, закрывая глаза.

— Я ответил на твой вопрос, — сказал он.

— Господин, ты сказал, что можешь ответить, ты ведь человек чести.

— Это не разум, не Хранители, не предметы. — Теяс проговорил это очень быстро, а затем тут же схватился за штаг и взобрался в «воронье гнездо». Оттуда раздались звуки возни, а потом что-то полетело через ограждение. Предмет ударился о полотно паруса, скользнул вниз и упал на палубу.

Это был веер Теяса. Пока Пандарас бежал, чтобы его поднять, посланник поднялся над «вороньим гнездом». Он стоял на сверкающем диске, который со всевозрастающей скоростью уносился к ближнему берегу. Через минуту все исчезло.

Йама был потрясен.

— У него не было никакой нужды путешествовать на корабле, — пробормотал Йама. — Теяс явился только потому, что хотел на меня взглянуть.

Пандарас поднял веер и пропел:

Добрый Теяс истратил впустую
Сокровища слов, ведь бессильны они.
Скорее река обернется горою,
Чем выразит слово чувства мои.

27. ЗЕМЛЕРОЙКИ

Через час, после того как Фалерус водрузился в «воронье гнездо», которое так стремительно покинул Теяс, старый моряк прокричал грубым голосом:

— Парус! В десяти лигах, в первой четверти.

— Это пакетбот, — сказала Йаме капитан Лорквиталь, глядя в бинокль против течения.

Значит, префекту Корину удалось отделаться от властей плавучей гавани. Йама ожидал этого, а потому испытал скорее облегчение, чем страх.

— Полагаю, — сказала капитан Лорквиталь, — мы должны быть благодарны, что это не крейсер. Однако на пакетботе поставили все паруса и гребут очень усердно. Думаю, их скорость вдвое больше нашей, и хорошо, если так. Долго они так не выдержат, но мы на самой середине реки, потребуется полдня, чтобы добраться до берега и найти укрытие. Боюсь, они успеют нас догнать.

Однако ничего нельзя было сделать, «Соболь» так и летел, подгоняемый мощным ветром, ныряя и вновь поднимая нос на длинных пологих волнах, которые от берега до берега катились по Великой Реке. Капитан Лорквиталь и Агиляр обсуждали, не поставить ли стаксели, но решили, что не стоит: нос опустится и «Соболь» будет сильнее зарываться в волны.

— Все равно придется, — ворчливо сказала Йаме Тамора.

— Мы только оттянем момент, к тому же для корабля это риск, — возразил Йама.

Они стояли на корме у большого квадратного фонаря. Невооруженному глазу пакетбот представлялся точкой, далеко чернеющей на залитой солнцем речной равнине.

— Это Элифас на нас их наводит, — сказала Тамора. — Поклясться могу, он вошел в сговор с префектом Кориным, пока мы были в тюрьме.

— Но ведь он уговаривал меня не ходить в заведение мамаши Драконихи. Лучше бы я его послушал.

— Ха, скорее всего Элифас должен был завести тебя в какую-то другую засаду, вот потому-то он так настойчиво упрашивал тебя уйти.

Элифас в это время сидел на табуретке рядом с креслом Икшель Лорквиталь. Подавшись вперед и непрерывно двигая руками, он что-то говорил с очень серьезным видом.

— Нет, — уверенно сказал Йама, — Элифас просто старик, наслаждающийся последним в своей жизни приключением. Посмотри на него, для шпиона он слишком много говорит. Кроме того, мы ведь встретились чисто случайно.

— Ты уверен?

— А если нет, то агентом префекта Корина может быть любой, и как мне тогда жить? Понимаешь, Тамора, Элифас указал цель моим путешествиям, место, где все еще могут жить люди моей расы. Это истинный, самый драгоценный дар.

— Ха! Я поверю в этот затерянный город, когда его увижу, но пусть Элифас даже про него не врал. Пусть с самого начала он не собирался тебе вредить. Я все равно думаю, что он в сговоре с префектом Корином. Может, он даже не хотел. Может, его заставили. Сам подумай! Ты отгонял шпионящие машины, а кто-то вывел префекта Корина прямо на нас. Иначе как бы он нас нашел на этой широченной реке так быстро? Конечно, кто-то навел. Наверняка Элифас. Ему, видимо, дали для этого какой-то приборчик. Позволь обыскать его ранец. И его самого тоже хорошенько обыскать!

— Видишь ли, Тамора, я не могу быть уверенным насчет всех машин. Какая-нибудь может висеть очень высоко, и я ее не замечу. Кроме того, префект Корин знает, что мы направляемся в низовья. Река, конечно, широка, но не безбрежна.

Тамора смотрела на Йаму тяжелым взглядом. Солнечные зайчики играли на ее коже, сверкая в зеленых глазах.

— Я с радостью отдам за тебя жизнь, — проговорила она. — Но, надеюсь, это случится не потому, что какой-то дурак собирается на этом разбогатеть.

После заката повар подал роскошный обед: свиные ребрышки с соусом из абрикосов и слив, жареные с имбирем водоросли, а кроме того, сладкий картофель и кашу из маниока с тмином. Вся команда ела с большим аппетитом, приправляя обед мрачными шутками. От вина, которое выставила Агиляр, конечно, никто не отказался.

— В начале утренней вахты, — объявила Агиляр, — снова позволю промочить глотки, чтоб все были на палубе.

Говорить о том, что к этому моменту пакетбот будет от «Соболя» на расстоянии пушечного выстрела, не было никакой нужды.

Перед тем как устроиться на ночь, Элифас сообщил Йаме:

— Капитан надеется повстречать утром какое-нибудь судно. Ради этого она и выворачивает к берегу. Не потому, что надеется достичь его раньше, чем нас догонят, а потому, что там проходят каботажные пути. Если ты прав, брат, насчет мотивов префекта Корина, если у него действительно не имеется официальных санкций и он преследует только собственные интересы, то, следовательно, он не посмеет напасть на нас при свидетелях.

— Думаю, капитан Лорквиталь недооценивает префекта Корина.

— Он — всего только человек. Не преувеличивай его возможности. Ты найдешь выход.

К собственному удивлению, Йама с аппетитом съел ужин и поразительно легко заснул. Вероятно, потому, что он принял решение, нашел выход из состояния неопределенности, придумал, как закончить эту бесконечную охоту. Решение созрело в нем во время празднества, неумолимое, как стилет, оно пронзило его сознание. Он проснется через несколько часов, возьмет шлюпку и исчезнет во тьме. Как только корабль окажется на достаточном расстоянии, Йама бросит якорь и будет ждать, пока к нему приблизится пакетбот. Привлечь к себе внимание будет нетрудно, он просто вызовет машины префекта Корина. Он позволит захватить себя в плен и при первой же возможности убьет префекта Корина. Он соберет все машины в пределах досягаемости и убьет всех, кто находится на пакетботе, а затем отправится в низовья в одиночку.

Йама почувствовал, что стал наконец солдатом и что война протянула свои щупальца значительно выше по реке, чем простирались сами поля сражений, где столкнулись противоборствующие армии.

Йама спал, а его освобожденный разум жил сам по себе, устремившись в темные глубины реки, куда не проникал дневной свет и где в затянутых илом просторах ползали громадные суставчатые чудовища. Понимая, что он спит, но что действия его — вовсе не сон, Йама занялся разумом этих древнейших машин. Он узнал о вековых путях, которыми они с незапамятных времен передвигались среди медленных и холодных течений в придонном слое реки, об их вечных трудах по сбору осадочных пород в

каналах между тектоническими плитами, по которым они доставляются на вершины Краевых Гор, а потом растекаются вместе с ледниковыми водами. Йаме открылся целый мир этого странного сообщества, где сигналы передавались ультразвуковыми щелчками и импульсами, прикосновениями и химическими выбросами. Соседи постоянно поддерживали друг друга маленькими подарками — битами информации, они кочевали по паутине общедоступных данных о состоянии и географии речного дна, о направлениях течений, градиенте температур, грязевых наносах и вязких меловых проплешинах.

Машины перепахивали речное дно, а за ними следовали их неизменные спутники. Эти спутники-прилипалы питались моллюсками и безглазыми крабами, которых выкапывали из дна машины, а они, в свою очередь, очищали воду над траншеями и каналами речного дна и соскребали с машин паразитов, налипавших на бронированные чешуйки покрытий.

Мы поможем, сказали Йаме машины, хотя он и не просил их о помощи. Йама думал, что они тут же станут подниматься к поверхности — любая из них в одиночку могла утопить пакетбот, протаранив его, но когда он представил себе эту картину, машины сообщили, что они не могут покинуть речное дно, они помогут по-своему.

И вот в лиге под килем «Соболя», впервые за тысячи лет, машины оставили привычные пути. Они изменили свою плавучесть, поднявшись из глубоких траншей, которые они вырыли в придонном иле, и стали дрейфовать вместе с холодным течением, пока не добрались до пропасти ближайшего тектонического канала. Заблокировав его, машины вызвали подъем придонных вод холодного течения вверх, к поверхности, там эти воды растеклись под верхними, более теплыми слоями и достигли наконец места, где береговой шельф круто уходил в глубину. По задержке эха своих ультразвуковых сигналов машины зафиксировали образование гигантской нестабильной линзы холодной воды, которая все разрасталась под теплым поверхностным слоем вблизи берегового шельфа, то всплывая, то снова чуть-чуть опускаясь в неустойчивом равновесии.

Разбудил его Пандарас. Светало, но все вокруг скрывалось в призрачной дымке, словно мир оказался внутри перламутровой раковины. Столб мачты уходил вверх и терялся в струящемся тумане. Капли влаги скопились на одеяле, висели на штагах и линях.

— Какая-то странная погода, — сказал Пандарас. Он прикрыл одеялом свои тощие плечи, но все равно дрожал от холода.

— Где экипаж? — спросил Йама. Если понадобится, он убьет всех, начиная с этого глупого мальчишки. Убьет каждого, кто станет на его пути к шлюпке. Или убьет всех прямо сейчас, и пусть тогда пакетбот захватит «Соболя»!

— Господин, ты здоров?

Йама очнулся, понял, что не спит, а стоит рядом с Пандарасом в таком плотном тумане, что нельзя разглядеть даже нос корабля. Какое-то наваждение овладело им, поднялось со дна души, как вязкий речной ил. Это его собственная сила, решил Йама. Она намерена выжить любым способом, любой ценой. Внезапно он ощутил страшную головную боль.

— Я собираюсь украсть шлюпку, — сказал он. — Ты и Тамора поможете мне.

— Тамора сейчас вместе с Агиляр. Они вынимают оружие. Самая жалкая коллекция древней рухляди, которую я когда-либо видел. А что касается шлюпки, то ты должен сообщить о своем плане капитану. Уже час назад, когда по реке покатилась волна тумана, она поднялась на палубу.

— Машины из речных глубин... — задумчиво проговорил Йама, вспомнив свой сон, который оказался вовсе не сном, и в душе его затеплился огонек надежды.

— Машины, господин? На дне реки? Что им там делать?

— Я нашел их и поговорил с ними. Они обещали помочь.

— Это землеройки, — вынырнув из тумана, произнес Элифас. Он, как и Пандарас, обернул свои плечи одеялом. В неверном утреннем свете глаза его казались тусклыми бляшками олова, мельчайшие капельки тумана усеяли черную кожу, висели на тугих завитках седых волос. — Я однажды видел остов такой землеройки. Его волной выбросило на берег. Они состоят из сегментов, как червяки, и на каждом сегменте есть пара ласт или еще каких-нибудь отростков. Они убирают грязь и осадочные породы. Без них реку давно затянуло бы песком.

Йама попробовал это обдумать. Боль шипами впивалась ему в мозг. Очень медленно он произнес:

— Они изменили придонные течения. Вода в глубине более холодная, а сейчас она, видимо, поднимается к поверхности. Холодный воздух плотнее теплого, а так как над рекой он прохладнее, то воздушные течения устремляются вниз. Возникает ветер. Когда теплый воздух остывает и не может удерживать влагу, образуется туман. — В сердце Йамы опять блеснула надежда. — Они прячут нас от префекта Корина!

Элифас кивнул, а Пандарас не поверил ни единому слову из того, что услышал. Скривившись, он заявил:

— Ничто не может изменить течение реки!

— Не течение, — объяснил Элифас, — а подводные течения. Землеройки — очень большие машины. Та, которую я видел, имела длину в несколько сот шагов, а каждый сегмент был размером с дом. О! Вот он опять!

Далеко за кормой «Соболя» мелькнула вспышка красного света, тусклым пятном она то разгоралась, то меркла в

плотной стене тумана. Пакетбот префекта Корина все еще их преследовал.

— Они пристреливаются, — объяснила Йаме капитан Лорквиталь, когда он поднялся на мостик. — Сейчас они еще далеко, но, думаю, скоро нас догонят. Чем сильнее ветер, тем больше наше преимущество, ведь мы — более крупное судно, но когда поднялся туман, ветер почти утих. Их люди отдохнут и снова возьмутся за весла, тогда-то он нас и догонит. Есть один шанс, но весьма сомнительный. Если бы туман шел с дальнего берега, я бы сказала, что мы движемся прямиком в шторм, а он может раскидать нас в разные стороны. Но этот туман накатил с ближнего, так что не знаю насчет шторма.

В плотном тумане стали появляться прогалины. К концу утренней вахты «Соболь» выбрался из клубящихся белых испарений и оказался на открытом пространстве. Солнце заливало палящими лучами рыжий треугольный парус и ослепительно белую палубу, рассыпало бесчисленные сверкающие алмазы по ярко-синей воде, однако по правому борту над рекою все еще висел плотный туман, напоминая пологую гряду невысоких холмов; свежий холодный ветер срывал и уносил прочь их мягкие белые макушки. По левому борту, вдоль ближнего берега, неслись черные грозовые тучи. Короткие ливни с градом лупили в сияющую на солнце речную гладь. Они падали с такой высоты, что, казалось, их порождает абсолютно чистое небо. «Соболь» попал в небольшой шторм, заставивший всех попрятаться. Маленькие серебристые рыбки, выброшенные бурей, беспорядочно бились, пытаясь вернуться в реку через шпигаты. Шторм кончился так же внезапно, как начался, усеяв палубу мертвой рыбой и быстро таявшими градинами, которые оставляли на досках рыжеватый осадок. А вскоре из стены тумана позади «Соболя» вылетел пакетбот. Лазерная пушка на его борту то и дело вспыхивала световыми разрядами. Белые плюмажи перегретого пара столбами вставали в полулиге за кормой «Соболя».

— Скоро они подойдут на расстояние выстрела, — сказала Йаме капитан Лорквиталь. Она стояла на корме, внушительно возвышаясь над поручнями, вечная глиняная трубка торчала из уголка ее рта. Сегодня она надела камзол, колом стоявший от шитья и галунов.

— Хорошая будет цель, — усмехнулась она. Камзол принадлежал ее покойному мужу, так что рукава пришлось подвернуть.

— Я отправила гелиограмму с требованием прекратить преследование и перестать стрелять, но они не отвечают. Само собой. Думаю, залпы можно считать ответом.

— Выслушай меня, — попросил Йама. Краткий миг надежды прошел, и теперь он был уверен, что землеройки его оставили и он проиграл. — Им не нужен ни твой корабль, ни груз. Им нужен только я. Одолжи мне шлюпку. Я отойду в ней сколько можно и буду ждать, пока они меня схватят.

Икшель Лорквиталь затянулась дымом и спокойно посмотрела на Йаму.

— Я не позволю им захватить твой корабль, — продолжал Йама.

— Очень благородное предложение, но ты — всего лишь пассажир, а командую здесь я, и я вольна распоряжаться кораблем по своему усмотрению. Мой муж всегда говорил мне, что, когда пассажиры начинают давать советы, следует соглашаться, но делать по-своему. В данном случае я не желаю пробуждать у тебя ложную надежду, будто позволю тебе такую глупую жертву, так что заявляю тебе прямо: я этого не разрешу.

Йама попробовал настоять на своем:

— Если ты знаешь, как нам действовать, я охотно тебя выслушаю. Мой план ты уже слышала.

Капитан Лорквиталь повернулась спиной к Йаме и стала задумчиво рассматривать пакетбот.

— Я отвечаю за всех своих пассажиров, — наконец проговорила она, — не только за тебя. Кроме того, они все равно нас утопят: им не нужны свидетели.

— Тогда сама с экипажем садись в шлюпку, а я останусь здесь, на виду. Они не станут гнаться за вами, если получат меня.

Но капитан Лорквиталь упрямо заявила:

— Я плаваю на этом корабле больше пятидесяти лет. Десять лет я — капитан, я его никому не оставлю, даже тебе.

Тут вмешался Фалерус, который стоял вахту:

— Она права, господин. Если ветер продержится, мы еще покажем этим сволочам свои подметки.

Йама впервые задумался, не стоит ли отдать капитану Лорквиталь прямой приказ, но одна мысль, что она будет подчиняться ему с беспрекословной готовностью машины, привела его в настоящий ужас. Еще хуже была другая возможность. Если он призовет машины, чтобы убить префекта Корина, не впадет ли он сам в такую ярость, что перебьет всех вокруг? Он отомстит за своего отца, но как обычный человек.

На мостик поднялась Тамора. Она надела кирасу и повесила на плечо мушкет. Дуло его поблескивало над выбритым черепом. Капитан Лорквиталь мягко заметила:

— Что-то я не помню, чтобы приказывала команде вооружиться.

— По крайней мере мы сумеем показать зубы, — мрачно процедила Тамора. — Почему ты не уходишь в туман?

— Они преследовали нас в тумане и ночью, — пожала плечами капитан Лорквиталь. — Почему днем должно быть иначе?

В этот момент впередсмотрящий в «вороньем гнезде» что-то крикнул. Вода вокруг «Соболя» начала пениться, как будто под поверхностью включились насосы, создавая гигантские фонтаны. На воде образовались глянцевитые холмики, разбрызгивающие пену и тонкие струйки песка. Весь экипаж столпился на корме, но

Агиляр их разогнала, крича, что надо следить за парусом. Капитан Лорквиталь приказала Фалерусу взять лево руля, но пока «Соболь» разворачивался, вокруг все время возникали новые холмики.

Мимо корабля пролетел косяк рыбы, двигаясь так беспорядочно, что некоторые особи выскакивали на воздух и даже шлепались на палубу. Это были крупные рыбины длиной с руку, тусклые красноватые пластинки хитина покрывали их узкие головы и спинные плавники. Рыбины бились о палубу, пытаясь выбраться через шпигаты. Йаме пришло в голову, что это, по всей видимости, спутники-прилипалы землероек.

Попав между двух восходящих течений, «Соболь» начал медленно крутиться на месте. Парус то вздувался, то опадал. Агиляр приказала его зарифить, но прежде чем матросы успели повиноваться, раздался треск, и штаг разлетелся. Свободный конец ударил в парус и выдрал из него длинную полосу, удерживающий его блок со свистом пронесся по воздуху и врезался в палубу прямо у ног Таморы.

Пакетбот дал еще один залп. Слева от «Соболя» лазерный луч чиркнул по волне, превратив ее в пар. Вода перехлестнула шкафут. Брызги заливали парус с верхушки до основания. В тот же миг Йама увидел, как за кормой из воды поднялась какая-то ветвь или дерево. Предмет был белым и ноздреватым, как что-то мертвое, долгое время носившееся по волнам.

Капитан приказала быстро убрать парус и, обернувшись к Таморе, велела ей вернуть на место меч и мушкет.

Йама положил руку на плечо своей спутницы и сказал:

— Они в любом случае схватят меня.

Тамора метнула в него мрачный взгляд и ответила:

— Этот пугач я брошу, но меч оставлю. Пусть он не так уж хорош, зато он — мой, и его вынут из моих рук, только когда их скует смерть.

Мелькнула вспышка еще одного залпа, но на этот раз пакетбот целился не в «Соболя». Сейчас он палил куда-то в воду у своего борта, постепенно скрываясь в клубящихся облаках пара и красных вспышках разрядов. Матросы на нок-реях с воплями заскользили к палубе, а «Соболь» содрогнулся, как будто наскочил на невидимое подводное препятствие. Йаму швырнуло на верхнюю ступень трапа, и он зацепился там, пока «Соболь» перекатился на левый борт, а затем резко выпрямился. Вокруг корабля возник целый лес белых ветвей, словно стремительно мелеющая река обнажала деревья, затонувшие в прошедшие века.

Тамора выругалась и сдернула с плеча мушкет, но Йама, вспомнив свой сон, удержал ее от пальбы.

Волны вокруг корабля были усеяны длинными щупальцами, которые, извиваясь, тянулись из воды и словно что-то искали в воздухе. Некоторые заканчивались листообразными гребными лопатками, на других виднелись ряды присосок, тре-

тьи, заостренные, венчались целым букетом тонких стрекательных волосков. Огромные, скользкие, стреловидные существа двигались под кипящей поверхностью реки. Многие достигали размеров «Соболя», а некоторые были даже длиннее.

Спутники-прилипалы землероек поднялись к самой поверхности.

Капитан Лорквиталь прислушалась к совету Йамы и приказала экипажу отойти от поручней и сложить пики и алебарды, которыми они успели вооружиться. Матросы тут же взобрались по вантам, увертываясь от щупальцев, а те тянулись к мачте и дергали за лини и штаги, словно за гитарные струны. Агиляр стояла на носу, положив абордажную саблю себе на плечо, и решительно вертела головой то вправо, то влево, следя взглядом за щупальцами, будто приманивая их поближе.

Пандарас и Элифас как раз взбирались по трапу на мостик, когда корабль опять содрогнулся и целый пучок гигантских щупальцев шлепнулся на кормовой поручень, который тут же раскололся под весом обрушившейся на него плоти.

Кто-то из команды рванулся вперед и всадил нож в скрутившиеся кольцами скользкие плети. Это оказался юный дружок Пандараса, Пантин. Щупальца вились вокруг него, как змеи. Одно выхватило нож из его рук, два других захлестнули шею и ноги. Пантин не успел даже вскрикнуть, как оказался в воздухе. Щупальца напряглись, растягивая тело в разные стороны. Ярко-красная струя крови хлынула на белые доски палубы, а щупальца с клочьями тела несчастного юноши шлепнулись в воду и скрылись в глубине.

Все новые скользкие плети переваливались через парапет. «Соболь» стал крениться на корму. Матросы в снастях крепче уцепились руками и ногами, тощий Анчиаль взобрался на самую верхушку мачты, упершись коленями себе в подбородок, а щупальца под ним шарили в «вороньем гнезде».

Йама вспомнил полипов, которых видел в каналах в толще Дворца Человеческой Памяти. Те давным-давно утеряли какую бы то ни было способность к мышлению. По крайней мере так сказал Йаме Магон. В свои водоемы они возвращались лишь по привычке. Тем не менее они помогли Йаме, сломав мостик перед самым носом у пса преисподней. Йама подозревал, что сегодняшние гиганты отличаются не только размерами, но и интеллектом. Они действуют не слепо, они что-то ищут. Он вцепился в парапет и стал вглядываться в воду, где ходуном ходила густая масса щупальцев. Прямо под собой он увидел глаз величиной с человеческую голову, в центре которого сверкал обведенный золотой радужкой круглый зрачок. Глаз долго-долго смотрел на Йаму, а потом погрузился в кипящую белыми ключами пучину.

Йама понял, что искали полипы. Сделав сальто, он прыгнул на главную палубу и приземлился на руки и колени среди медленно шевелящихся колец и плетей.

Кто-то вскрикнул, Йама поднял глаза и увидел, что к нему летит Тамора, подняв над головой меч. Она приземлилась на ноги, качнулась, схватила Йаму за плечи и прокричала прямо ему в лицо:

— Я не дам им тебя убить!

— Они меня ищут! Они не могут различить корабли и потому ищут меня!

Что-то обмоталось вокруг бедер Йамы. Мокрое щупальце шлепнуло его по груди, а сотня тончайших нитей стала обшаривать тунику. Одно щупальце, толстое, как рука, захлестнуло талию Таморы, еще три, вытянувшись в тонкую веревку, обматывались вокруг ее кирасы. Она подняла обе руки, так что меч изогнулся у нее над головой.

Йама перепугался, что она сделает что-нибудь не так, и их обоих убьют. Он потянулся к ее руке, но щупальце, тонкое и прочное, как металлическая проволока, обвилось вокруг его кисти и потащило ее вниз. Что-то мокрое и эластичное шлепнуло Йаму по лицу, залепив глаза и ноздри. Он ощутил отвратительную вонь, пахло рыбой и тухлыми яйцами. Йама чувствовал, как сотни крошечных присосков сжимаются и разжимаются на его коже, пока щупальце принимает форму его лица. Оно растекалось и теперь закрывало ему рот, что-то сильно прижимало его губы, и Йама испугался, что задохнется. Давление все усиливалось. Йама со всей силы сжимал челюсти, но какой-то предмет размером с мизинец протиснулся ему в рот, обследовал щели между зубами и деснами и выскользнул наружу.

Щупальце сползло с лица Йамы. Толстая плеть вокруг его ноги расплелась и утянулась прочь. Теперь уползали все щупальца, они утолщались и, переваливаясь через борт, шлепались в море. Корабль заскрипел и выровнялся на волнах. Тамора опустила меч и уперлась его острием в палубу, чтобы матросы не заметили, как дрожат ее руки.

Йама побежал к сломанному поручню, но гибкие тела уже погружались в бурлящую воду, мутную от поднявшегося из речных бездн песка.

Вверху закричал Анчиаль, вернувшийся в «воронье гнездо». Йама вспомнил о пакетботе и оглянулся. Но тот исчез.

28. ШТОРМ

Капитан Лорквиталь настояла, чтобы «Соболь» покружил над тем местом, где в последний раз видели пакетбот, но на воде плясало лишь несколько деревянных обломков и больше ничего.

Ветер усиливался, отгоняя пелену тумана к дальнему берегу. Волны стали крупнее, гребни их яростно пенились.

бесконечной чередой они накатывались на «Соболя», то подхватывая его, то вновь швыряя в пучину вод. Темнело, и судно снова скрывалось в тумане.

Капитан Лорквиталь развернула «Соболя» носом к волнам, но они становились все выше, накрывали бушприт и катились по главной палубе. Ветер ревел и рвал снасти. Команда в желтых клеенчатых куртках с пристегнутыми к поясам леерами работала на реях, зарифливая парус, а «Соболь» тем временем то нырял носом в провалы, то становился к волнам боком, и они бешено колотили в борт, а по всей палубе, словно пули, летели яростные брызги. С главной палубы смыло навес и циновки, та же судьба постигла бамбуковые клетки с курами и цесарками.

Четверо пассажиров укрылись в каюте Лорквиталь. Хуже всех переносил качку Пандарас, его несколько раз вырвало в стоящее тут же ведро. Между спазмами несчастный бормотал непрерывные извинения. Тамора, скрестив ноги, сидела на капитанской койке и не сводила глаз с Элифаса, который пытался заинтересовать Йаму своей теорией о причинах возникновения шторма.

Но Йама почти не слушал старика. Мыслями он все еще пребывал под громадной толщей воды, в мире гигантских землеройных машин. Ему казалось, что это маленькая каюта: уходящий из-под ног пол с войлочными половиками, раскачивающиеся фонари, которые отбрасывают дикие тени на гобелены полированных стен, — все это медленно превращается в дым. И, кто знает, вдруг на самом деле это — просто картина, спроецированная на дымные струи, и теперь она потихоньку растворяется, открывая взору реальный мир?

Землеройки вернулись к своим вековым траекториям. В сопровождении стай рыб-прилипал они снова перепахивали речное дно, перекликаясь среди черных холодных течений. Йама как будто оказался в ловушке, не в силах вырваться из паутины их механического сообщества.

— Останься с нами, — взывали они. — Смотри за нами! Укрепляй наш дух! — Их зов, как песнь сирены, соблазнял и манил, задевая таинственные струны в самой глубине его сердца. Эти существа утверждали, что им известны все чудеса мира, ведь в конце концов все возвращается в реку. Они говорили, что помнят его народ. Они расскажут ему все, что знают, пусть только он сольется с ними в счастии вечного обновления мира.

Кто-то тряс Йаму за плечо и шептал в ухо:

— Господин, господин! Ты спишь? — Другой голос заметил: — Он не спит. Он либо в шоке, либо устал, вызывая чудовищ из глубины реки. — Третий голос резко сказал: — Мне приходилось видеть воинов после сражений. Они выглядели точно так же. Если он не очнется сейчас, то может вообще не очнуться. — Снова первый голос: — Его монета наполнилась сиянием!

Видите? Видите? Господин, я ее забираю. Я боюсь, она причиняет тебе зло.

Все это было далеко и совсем не важно, вроде безобидной болтовни привидений. Очень смутно Йама ощущал, что его хлопали по лицу, прикладывали ко лбу холодный компресс, ходили вокруг него. Песни глубин были ближе, чем окружающие голоса или движения его тела, а изрезанная каналами равнина в речной бездне выглядела более ярко, чем ходящая ходуном кабина с болтающимися фонарями.

Один из призраков произнес:

— Это может его убить.

Йама пытался им объяснить, что только этого он и желает: выскользнуть из своего тела, скрыться в глубинах, где землеройки поют песни, в которых каждое слово наполнено истиной и заряжено мудрой любовью Хранителей.

Что-то впилось ему в шею. Сердце бешено заколотилось, и Йама снова очутился в каюте. Вот он лежит на койке, а над ним склонилось острое узкое личико Пандараса. Снаружи ревел ветер, сам себе грозя небесными карами, в каюте все пребывало в движении. Вещи смещались туда-сюда, фонари раскачивались вслед за ныряющей палубой.

— Он очнулся, — сказал Пандарас стоящим за его спиной людям.

Йама отвернулся, но понял, что он один. Глубины и певцы этих глубин пропали.

Сильные руки повернули его голову. Женщина с яростным, как у тигрицы, лицом требовательно смотрела ему в глаза. Йама проговорил:

— Я узнаю тебя, Дирив. Пора нам снять маски. — А потом он заплакал, потому что понял: Дирив мертва или навек потеряна для него, и детство его сожжено дотла.

В конце концов они решились сделать ему инъекцию адреналина.

— Ты ускользал от нас, господин, — объяснял Пандарас. — Вот Тамора это и предложила.

— Это был шок, — бросила Тамора. — Я уже видела такое. Лекарство действует на большинство рас.

Элифас кивнул:

— Хранители всех нас сотворили по своему образу и подобию, до самых мелких деталей.

— Чувствуется, что на твое племя у них времени не хватило, — пробурчала Тамора.

Йама уже сидел на краю койки, хватаясь за нее при каждом взлете и падении корабля.

— Я позвал их, а потом они стали звать меня, — начал объяснять он. — Они сильнее меня. Сильнее и мудрее. Мне бы поговорить с ними еще, они так много знают.

Дверь каюты с грохотом распахнулась, в проеме возникла капитан Лорквиталь, вместе с нею ворвался ветер и посыпались брызги. На Лорквиталь была клеенчатая накидка, с которой водопадом стекала вода прямо к ее голым ступням. С трудом прикрыв дверь, она взглянула на Йаму и сказала:

— Значит, адреналин тебя не убил. Некоторые расы этого не переносят. Сердца их разрываются, а иногда распухает язык и душит своих хозяев. Элифас говорит, это ты вызвал шторм.

— Холодное течение больше не поднимается, — объяснил Йама. — Я думаю, шторм скоро пройдет. Он может потопить «Соболь»?

— Я бы не стала его испытывать.

— Я ничего не могу сделать, — с сожалением произнес Йама. Он ясно увидел, что капитан Лорквиталь ему не поверила, и, кроме того, понял, что эта смелая умная женщина боится его самого больше, чем любого шторма. Она коротко кивнула и быстро вышла.

Шторм бушевал всю ночь, весь следующий день и стал утихать только на утро третьих суток. Когда вскоре после рассвета Йама вышел на палубу, то Фалерус, который чинил поломанные поручни, отвернулся и оберегающим жестом коснулся горла.

Шторм гнался за «Соболем» по пятам. Теперь дальний берег находился всего в лиге по правому борту. Он представлял собой путаницу каналов, змеящихся между зелеными отмелями и густыми кущами мангровых лесов. Старая береговая линия выглядела невысоким обрывом, обнажившимся много лет назад из-за падения уровня реки, теперь он темной линией извивался далеко за мангровыми зарослями, подрагивая и мерцая в раскаленном мареве воздуха. «Знак моего рождения», — подумал Йама и в который раз уже задался вопросом: не является ли он на самом деле разрушителем мира, а вовсе не его спасителем? Солнце едва проглядывало сквозь тонкую пелену облаков, но было очень жарко и от палубы поднимался пар.

Лорквиталь нигде не было видно, но Йама нашел Агиляр. Она помогала Анчиалю и седому рабу убирать покрытые защитной пеной детали машин в трюм. Из-за шторма весь груз сместился.

— Моя мать спит, — объяснила молодая женщина и бросила на Йаму тяжелый, вызывающий взгляд. — Она оставалась на палубе практически весь шторм. Думаю, она всех нас спасла.

— Если бы я мог прекратить шторм, я бы это сделал, — сказал Йама.

— Ты околдовал мою мать, — заявила Агиляр, — но не все из нас поддались твоим чарам.

— Я только просил меня перевезти и, кстати, заплатил за это. На что ты там смотришь?

Агиляр привязала электрический фонарь к веревке, и теперь два матроса опускали его в отверстие, которое они проделали между двумя покрытыми пеной яйцами из груза.

— Судно дало течь, — ответила Агиляр. — Потому и смотрю.

Йама заглянул вниз. На самом дне темного конуса фонарь качался над собственным отражением.

Капитан Лорквиталь, взъерошенная и невыспавшаяся, стояла у края грузового люка и спорила с дочерью. Агиляр утверждала: обшивка разошлась и теперь трюм наполняется водой, потому что во время последнего профилактического ремонта с корпуса сняли брасы, а ее мать настаивала, что «Соболь» сумел выдержать шторм только потому, что корпус его стал более гибким как раз из-за отсутствия некоторой части брасов.

— Вода могла попасть под брезент, — говорила капитан Лорквиталь. — Три дня по палубе почти все время ходили волны. Мы были скорее в реке, чем на ней.

— Брезент был закреплен очень надежно, — упрямо возражала Агиляр, — к тому же вода прибывает.

С люка убрали стальные обручи, а брезент скатали. Анчиаль и один из рабов поднимали по частям груз с помощью закрепленной на мачте лебедки. Вся палуба оказалась загромождена покрытыми пеной овальными предметами. Наконец капитан Лорквиталь и ее дочь спустились в трюм. Пробыли они там довольно долго, а когда поднялись, лицо у Лорквиталь выглядело очень мрачно.

— Нам требуется ремонт, — сообщила она Йаме, — но я все же была права. Шторм не расшатал обшивку. Там такая дыра, как будто кто-то зубами вырвал клок.

Двое матросов работали на ручной помпе, выкачивая воду из залитого трюма, и она потоком лилась за борт. С правого борта спустили кусок полотна, натянув его как можно туже веревкой, которая проходила под килем. Из трюма доносился стук и скрежет. Агиляр спустилась туда, а вернувшись, мрачно покачала головой. Она сообщила, что часть груза плавает, а другая постоянно перемещается.

— Если нам повезет, он нас не опрокинет и не увеличит пробоину, но там и сейчас такая дыра, что через день-два мы все равно пойдем ко дну. — Агиляр в упор посмотрела на Йаму. — Я думаю, на этом рейсе — проклятие.

29. ЧЕРНАЯ БАШНЯ

У «Соболя» ушел целый день, чтобы добраться до твердой земли. Капитан Лорквиталь на реактивных моторах осторожно пробиралась между пахучими тонкими отмелями и зарослями молодых ризофор, по паутине извилистых каналов, которые рассекали заросшую желтым камышом равнину. Фалерус сидел в «вороньем гнез-

де» и высматривал путь среди тростниковых мелей, а седой раб одной с Пандарасом расы стоял на бушприте и измерял лотом глубину.

Наконец капитан Лорквиталь привела свой тонущий корабль к одному из островов с дальней стороны камышовых зарослей. Через стволы голубых сосен, которые заселили остров, были перекинуты канаты, скользившие по кожаным хомутам, обильно смазанным пальмовым маслом. Команда и пассажиры налегли на брашпиль, вытягивая корабль на берег, пока из воды не показалась пробоина.

Ночлег пришлось устроить на острове, так как судно лежало почти на боку. Вокруг ночлега разожгли дымные костры, чтобы отогнать тучи черных мух и мошки. Йама сел поодаль от остальных и при свете электрического фонаря просматривал бумаги своего отца, еще раз прослеживая и проверяя логические цепочки, на которых основывались сложнейшие расчеты.

Измерения, цифры, вычисления были у эдила настоящей манией. Он верил, что существует некое золотое правило, согласно которому все можно разделить на все остальное, и в результате останется неделимое ядро, первичная константа, гармонизирующая мир, а возможно, и самое Вселенную. Тайный знак Хранителей. Исследования эдила так ничего и не дали, лишь завели его в лабиринт, где он окончательно заплутал. Однако эти расчеты оказались иными.

В течение почти пятнадцати лет эдил каждые десять дней проводил измерения уровня Великой Реки в окрестностях Эолиса, наблюдая за ее медленным отступлением от старой береговой линии. Основываясь на этих данных и проделав сложнейшие оценки воздействия сезонных колебаний и буферного эффекта ледяных полей Краевых Гор, эдил рассчитал время, когда уровень реки начал падать. Ответ получился неточным, содержащим массу оговорок и ограничений, но Йама понял, что из него следовал однозначный, хотя и очень нерадостный вывод.

Неумолимое истощение Великой Реки началось примерно в то же время, когда старый констебль Эолиса нашел в белой лодке младенца, сидящего на груди мертвой женщины.

Сейчас Йама опять рылся в таблицах измерений и вникал в бесконечные столбцы расчетов, пытаясь понять, что они могут значить. Сомнения, страх, удивление волнами чередовались в его душе. Большинство людей видели причину усыхания реки в действиях еретиков. Значит, он — их создание? Или, быть может, падение уровня как-то связано с его рождением.

Когда Йама наконец оторвался от бумаг, то заметил, что кто-то, очевидно Пандарас, прикрыл его плечи одеялом. Костер догорел. Весь лагерь спал, остался только вахтенный и темная фигура на фоне черной воды, заметная лишь благодаря огоньку сигареты. Йама выключил маленький фонарик, улегся на кочковатую землю, завернулся в одеяло и мгновенно уснул.

* * *

На рассвете его разбудила Тамора. Исчез Элифас, сообщила она. Никто не видел, как он ушел, даже старый раб, который стоял ночную вахту.

— Он вернется, — сказала капитан Лорквиталь. — Он ведь очень любопытен, вот и отправился осмотреть окрестности.

Однако Тамора с некоторым удовлетворением заявила, что это лишь доказывает, будто Элифас был предателем, сообщавшим префекту Корину об их перемещениях. Она настаивала, что следует отправиться в погоню, схватить его, судить и немедленно казнить. Йама уговаривал ее проявить терпение, и камень свалился у него с души, когда ближе к полудню Элифас вернулся, как ни в чем не бывало войдя в лагерь, словно к себе домой.

Он рассказал Йаме, что ходил в дальний конец острова.

— Я знаю эту часть берега, брат. Мы находимся совсем рядом с краем мира и чудесным оракулом, который расположен за ним.

Йама сидел на поросшем мхом стволе в лужице солнечного света. Пандарас стриг ему волосы. Агиляр и Анчиаль обрубали сучья со спиленной сосны. По поляне разносился стук их топоров. Пахло свежими опилками и сосновой смолой. Посреди лагеря, на раскаленных добела углях стоял котел с варом, струйка его пахучего дыма кружилась в жарком мареве воздуха. На самом солнцепеке, там, где кончалась тень от деревьев, лежал на мелководье «Соболь». Два раба под надзором Лорквиталь работали по пояс в воде, обрезая и выламывая поврежденные доски.

— Берег наверняка очень изменился, — заметил Йама. — Как ты можешь так уверенно говорить?

— Если ты пойдешь со мной, брат, то все сам увидишь. С той стороны острова очень мелко. Мы легко переберемся к старой береговой линии, дойдем до оракула за краем мира и тут же вернемся. Все за один день.

Пандарас пропустил пальцы сквозь состриженные пряди волос Йамы. Помолчав, он сказал:

— У тебя на голове под кожей какие-то уплотнения, господин. Тут и тут.

Гладкие и плоские, они имели острые края и слегка смещались под пальцами. Одно было в два раза больше другого. Йама так и не знал, что это, вернее, не мог подобрать им названия, но никакой тревоги не испытывал.

— Одно из них я заметил несколько дней назад, — сказал он. — Они не болят. Это все ерунда.

— Мой господин болен, — обратился к Элифасу Пандарас, — ему нужен отдых.

— Со мной все в порядке, — вмешался Йама. — Где это место?

— Идти недолго. Это просто прогулка, — ответил Элифас, — даже для такого старика, как я. Это очень необычное место, брат, я думаю, ты многое там узнаешь.

В конце концов решили устроить целую экспедицию. Капитан Лорквиталь послала с ними повара: пусть соберет кореньев и зелени. Тамора ни за что не хотела оставаться, Пандарас — тоже, хотя он все еще чувствовал сильную слабость после качки.

Перейти остров оказалось совсем нетрудно. Под плотными кронами голубых сосен, которые росли вдоль центрального гребня, почти не было растительности. Элифас спускался впереди всех по тропинке, прорубая дорогу сквозь заросли тамариска и дикого винограда. Наконец они оказались на залитой солнцем опушке у края мелкого проливчика, отделяющего остров от невысокого обрыва старой береговой линии.

Башня была черной и стройной. Она стояла в полулиге от них, четко вырисовываясь на фоне ярко-синего неба. Элифас рассказал, что когда-то ее украшали молитвенные флаги и знамена, а с верхушки запускали воздушных змеев с людьми, чтобы следить за летающими островами.

— Каждое лето здесь размещался лагерь солдат-монахов. Воздушные течения во многом похожи на речные, а тут как раз находится место, где острова сбиваются в архипелаги, которые тянутся далеко в небо.

Летающие острова!

Ребенком Йама каждый год бывал на дальнем берегу, когда амнаны в начале зимы переправлялись через реку и устраивали там празднество, но он только один раз видел летающий остров с близкого расстояния. Хотя острова во множестве плавали за пределами мира в просторных глубинах синего неба, которое окутывало обитаемый мир, обычно они были так удалены, что, даже когда Йама смотрел в бинокль своего отца, они выглядели просто жирными точками. Говорили, что на островах живут мятежные машины, что орды еретиков, людоедов и пиратов летают с одного острова на другой на спинах орлов с металлическим оперением или на воздушных шарах и змеях. Когда-то Йама надеялся, что люди его расы тоже могут там жить.

Йаме пришлось увидеть летающий остров вблизи два года назад. Это был последний праздник, на котором присутствовал Тельмон; в конце той зимы он отправился в низовья на войну, а весть о его смерти достигла замка в середине лета, вскоре после солнцеворота.

В тот день Тельман с Йамой отправились охотиться на казуаров. Они далеко ушли от дыма, грязи и толкотни фестивального городка, устроенного жителями Эолиса. Зима тогда наступила рано. Тельмон и Йама оделись в теплые шерстяные

пончо. Струи пара вырывались при каждом дыхании из ноздрей их лошадок-пони. Казуаров они так и не нашли, но когда совсем уже решили возвращаться, вспугнули василиска.

Существо размером с небольшую собаку стояло на четырех ногах перед норой, вырытой под зарослями шиповника. Напоминающая брыжи грива стала дыбом, василиск зевнул, показав черную пасть с тройным рядом зубов, и дугой изогнул голый членистый хвост над своей спиной. С изогнутого острия жала свисала единственная капля яда.

Тельмон и Йама держались на безопасном расстоянии, но пони у Йамы так испугался, что юноше пришлось слезть, взять животное за голову и подуть ему в ноздри, чтобы оно успокоилось. Йама стал швырять в василиска камнями, но тот перехватывал их в воздухе и глотал, что очень забавляло Тельмона.

— Он глотает камни так же, как птица, чтобы перетирать ими в желудке пищу. Амнаны говорят, что василиск скорее сам себя ужалит, чем позволит поймать. В отличие от змей у них нет иммунитета к собственному яду.

— Доктор Дисмас говорит, что их разбавленный яд может лечить язвы и фистулы. Думаю, он хорошо бы заплатил за этого зверя. Мы его сумеет убить, Тель. Он не сможет следить за обоими флангами сразу.

— Доктор Дисмас фантазер, — отозвался Тельмон. — Он рассказывает так много всяких сказок, что давно забыл, где правда, а где ложь. Тебе не следует с ним разговаривать, Йама. У него к тебе какой-то странный интерес.

Тельмон сидел в седле очень прямо и внимательно наблюдал за василиском. Не снимая перчаток, он в одной руке держал поводья, а другую положил сзади, рядом с гнездом, в котором крепилось его копье. Сержант Роден лишь недавно обрил ему голову, оставив только островок на самой макушке. У кавалеристов такая прическа была в моде. Квадратный островок из волос служил подушкой между шлемом и черепом. Свое красное пончо Тельмон аккуратно откинул назад, чтобы освободить себе руки, и теперь стал виден его камзол на толстой серебристой подкладке. Высокие сапоги были так начищены, что сияли даже в сумерках. В нем было все, о чем Йама мог только мечтать: элегантность, утонченность, доброта и интеллект.

— Оставим этого храбреца, пусть живет, — сказал Тельмон. — Пока светло, попытаем еще раз счастья с казуарами.

Они поехали дальше. По дороге Йама сказал:

— Доктор Дисмас говорит, что он может разузнать о моей расе, поэтому он хочет меня обследовать.

— Доктор Дисмас скор на обещания, Йама. Это очень дешевый и быстрый способ заставить людей испытывать благодарность. Думаю, он куда-нибудь переедет раньше, чем успеет хоть что-то выполнить.

— Вдруг тебе попадется кто-нибудь из моей расы, Тель? Ты уж следи. Разумеется, когда ты не будешь занят еретиками или женщинами.

— Я буду очень внимателен. Каждую минуту каждого дня, но обещать ничего не могу. Ты же знаешь, отец посылал очень много запросов, но без всякого результата. Маловероятно, что я случайно столкнусь с человеком из твоей расы.

По пологому склону они доскакали до вершины холма. В высокой траве пролегали узкие тропы. Тельмон сказал, что их наверняка протоптали казуары, но всадники обнаружили только двух самок павлина, которые выскочили из-под копыт их пони и растаяли в сумерках. Йама все еще успокаивал своего пони, когда Тельмон вдруг увидел летающий остров.

Он выглядел как небольшой круглый холм или курган, но находился там, где не мог стоять ни холм, ни курган: высоко над длинной плоской линией горизонта, очерчивающей край мира. Когда Йама и Тельмон подъехали ближе, они увидели, что летающий остров приземлился на широкой площадке источенного временем базальта. Он представлял собой плотное переплетение фиолетовых и красных прожилок, трубок и пузырей. Шириной остров был с поле пеонина, а высотой в два раза больше, чем обычный дом. Он весь был наполнен шорохами, шумами, скрипом и потрескиваниями, как будто все его сосуды и пузыри без конца сталкивались и налетали друг на друга. А в самой чащобе вспыхивали и гасли маленькие огоньки. Йама испугался, подумав, что там могут гореть фонари пиратов или еретиков, но Тельмон только рассмеялся и объяснил, что это светится водород, выходящий из сдувшихся подъемных емкостей острова.

— Еретики такие же люди, как ты и я. Им не нужны плавающие острова ни в воздухе, ни на реке. А вот птицы там гнездятся, кроме того, острова населены некоторыми видами крабов, которые живут только здесь. Они питаются отмирающими растениями и очень яростно защищают свой дом. Еще там есть необычные раки, они процеживают воздух, вылавливая из него споры. Остров по сути является единым организмом. Конечно, он состоит из многих видов, но все они давно утеряли автономность и могут функционировать только внутри целого. Каждый из них — это слуга со своей собственной частью работы, специализируясь в ней, они все потеряли способность жить отдельно. Совсем как у нас в замке, правда? Этот остров скорее всего болен. Обычно они не подходят так близко к миру. Там, в небесах, существует другая жизнь, Йама, она совсем не похожа на нашу. Тебе бы расспросить о ней Дирив. Говорят, что ее народ когда-то летал туда, но потом бросил это дело и стал жить среди нас.

Йаму задело последнее замечание и он сказал:

— Эту историю придумало Болотное Племя. Если бы такое и правда бывало, Дирив бы мне сказала.

Тельмон улыбнулся.

— Ты в нее влюблен. Не отрицай! Ведь я — твой брат. Настоящий брат, как если бы ты был одной крови со мной. Я видел, как ты растешь, и мне кажется, ты быстро мужаешь. Пора тебе подумать и о собственной жизни, ведь она может оказаться короче, чем хотелось бы.

— А может — длиннее, — возразил Йама.

— Кто знает? Нам это неизвестно. Ужасно не знать, кто ты и зачем явился в этот мир, но все же ты не должен заполнять свою жизнь мечтами. Мне бы хотелось, чтобы ты оставил свои сумасшедшие идеи. Возможно, Дирив тебе поможет. В смешанных браках нет ничего дурного, а уж ее отец наверняка будет счастлив.

— Я пойду на войну, Тель, — солидно заявил Йама. — Как ты. Я хочу сражаться с еретиками и помочь возродить мир. Вдруг я встречу людей своей расы на пути к срединной точке мира?

— Все может быть. — Тельмон оглянулся. — Темнеет, а пони устали. Лучше вернемся сюда в другой раз при дневном свете.

Но когда они прискакали туда на следующее утро, остров уже улетел, оставив после себя паутину мелких каналов, проеденных в породе базальтового плато, где он приземлялся. Возможно, остров все-таки не был болен, предположил Тельмон, а может, он излечился, высосав минералы из скальных пород. Тельмона очень занимали мысли о том, как устроен мир и населяющие его создания. Йама проводил в библиотеке больше времени, чем его приемный брат, но он там в основном мечтал среди книг и географических карт о своей расе и настоящих родителях. Тельмон же совершал на библиотеку кавалерийские наскоки, чтобы прочитать о явлениях, которые ему довелось наблюдать. Он так же охотно вскрывал тушки животных и птиц, которых приносил с охоты, как потом их ел. Подобно своему отцу, он очень интересовался вещами из-за присущей им внутренней ценности. Если бы он стал эдилом, то замок, без сомнения, заполнился бы зверьем, а его сады — экзотическими растениями со всей протяженности мира.

Но война увела его прочь от родного дома, а потом он умер.

Йама и сам не знал, запомнил ли он летающий остров из-за василиска или василиска из-за летающего острова, но оба накрепко врезались ему в память. Иногда он все еще мечтал, что его народ живет где-то среди летающих островов. Однажды, когда он был заперт в келье Департамента Туземных Проблем, ему приснилось, что он вместе с Дирив летит к людям своей расы, она держит его в объятиях и машет по воздуху сильными белыми крыльями, которые у нее почему-то выросли.

А теперь он сам увидит архипелаги островов, если, как обещал Элифас, они будут летать за краем мира. Йама шел

поперек потока, сопротивляясь сильному течению, которое завихривалось вокруг его ног, потом талии, потом груди, наконец он рванулся вперед и поплыл мощными гребками к заросшему осокой дальнему берегу пролива. Внезапно его охватила беспричинная радость. Казалось, со смертью префекта Корина он вернул себе право распоряжаться собственной жизнью и может делать теперь что хочет в этом заполненным чудесами и приключениями мире.

Йама подтянулся к берегу, перекатился на спину и лег на пружинящую камышовую подстилку. Пока вода ручьем стекала с его одежды, он грелся в лучах жаркого солнца и наблюдал, как остальные сражаются с течением, направляясь в его сторону. Тамора держала над головой меч, Пандарас ехал на мощной спине кока. Элифас наполовину шел, наполовину плыл, разгребая перед собой воду удивительно ровными ритмичными движениями. Его соломенная шляпа сидела прямо у него на макушке.

Йама стряхнул воду с глянцевых страниц своего томика Пуран, взглянул на картинку последнего вознесения Анжелы и спрятал книгу. На камыш села стрекоза и, поглядывая на него призматическими глазами, стала чистить когтистыми передними лапками свои пронизанные жилками крылья длиною с человеческую руку. Когда его спутники выбрались на берег, она вспорхнула и с сухим треском исчезла среди камыша. Йама хотел сразу идти дальше, но кок сказал, что нужно сначала поставить ловушки для раков.

— Мне попадет от капитана, если я ничего не поймаю. Она так любит раков с подсолнечным маслом. Тогда она будет меньше сокрушаться о пробоине.

Повар был крупным лысым мужчиной с серовато-розовой кожей и круглым, меланхоличным лицом. Звали его Тибор. Он носил только обтрепанные брюки с веревкой вместо пояса и непрерывно курил сигареты, ловко скручивая их из обрывков бумаги и черных полос табака, который прятал в пластиковом кисете. Он рассеянно отмахивался от кружащих над ним насекомых, а когда говорил, то в конце каждого предложения проводил кончиком красного языка по своим черным губам, словно пробуя на вкус собственные слова.

Йама, научившийся этому еще в детстве, помог Тибору сплести ловушки из длинных полос камыша. Ловушки были совсем нехитрые: плотно сплетенные корзинки из стеблей камыша с обращенными вовнутрь острыми кольями. Раки заползали, а назад уже выбраться не могли из-за кольев. Большие руки Тибора с шестью длинными пальцами вокруг мягкой чувствительной ладони работали быстро и ловко, успевая сплести две ловушки на каждую, сделанную Йамой. Кок положил в них наживку из пахучего жира и расставил на равных расстояниях вдоль берега по краю течения.

Они разговорились. Кок принадлежал к расе, находившейся в рабстве уже сотни поколений, в Эпоху Мятежа его отдаленные предки сражались на стороне проигравших машин. Со-

грешив против воли Хранителей, они сделались их рабами, а значит, рабами всех свободных людей Слияния. Большинство из них были храмовыми рабами-иеродулами, но Тибора продали на рынке, когда оракул его храма умолк в самом начале войны с еретиками.

Тибор без горечи относился к своей судьбе, не теряя спокойствия, даже когда объяснял, что длинные вертикальные шрамы на его груди обозначают места, где ему выжгли соски.

— Это для того, чтобы я не мог кормить детей. У нас это делают мужчины. Владельцы не желают, чтобы у нас были семьи. Детей у нас забирают при рождении и вскармливают искусственным молоком. Если бы они хоть раз покормились от меня, тогда они не смогли бы питаться ничем другим, и я бы кормил их три года. Ни один хозяин такого не захочет. Я вижу, ты мне не веришь, потому что у большинства рас детей выкармливают женщины. Однако это читая правда. Так что вместо собственных детей я кормлю всех вас.

Тибор громко рассмеялся собственной шутке. Несмотря на скорбно опущенные уголки рта и скошенные вниз глаза, он по натуре был человеком жизнерадостным.

— Я не очень-то умен, — продолжал он. — Но оно и к лучшему. Умный раб всегда несчастлив.

Йама вспомнил библиотекаря в замке эдила. Закиль родился свободным человеком и в отличие от Табора знал другую жизнь. Тем не менее он был счастлив. Не владея ничем, даже собственной жизнью, он все же имел работу, которую любил. Прежде Йама не думал о таких вещах и засыпал Тибора массой вопросов. Они продолжали беседовать, пока Тибор не сказал, что у них хватит ловушек, чтобы два дня кормить весь экипаж, если хотя бы в половину из них что-нибудь попадет, а затем добавил, что сегодня Йама был слугой, а он, Тибор, — господином.

— Некоторые говорят, что ты раб всех народов Слияния, — сказал Тибор. Йама попросил объяснить, но повар рассмеялся и переменил тему: — Матросы говорят, что это дурная земля. Потому-то они не отходят далеко от корабля. Они мне сказали, что, отправляясь с тобой, я поступаю очень глупо, но они сами же обрадуются свежей пище.

Пандарас заснул на солнышке, а когда проснулся, увидел, что ноги его, которые он засунул в воду, чтобы охладить, облеплены пиявками. Табор прижег пиявок горящей сигаретой, а Пандарас ужасно расстроился, глядя на кровь, струящуюся по его щиколоткам из маленьких круглых ранок. Он стал жаловаться, что испортил свои почти лучшие брюки и они никогда не вернутся к прежнему виду. Замолчал он только, когда Тамора рявкнула, что если он хочет вернуться, то будет возвращаться один.

До основания башни добрались быстро, легко взобравшись на невысокий обрыв, каменистый склон которого был источен эрозией. Наверху лежала равнина менее лиги шириной,

но казавшаяся бесконечной. На красноватых пятнах латерита и полянах сухой травы виднелись рощицы пильчатой юкки и карликовых пальм, тянулись заросли окры. Во многих местах были обнажения скальных пород, они торчали то вылизанными ветром уступами, то цветным многослойным пирогом, возникшим сотни тысяч лет назад при сотворении мира. Дикие лишайники не сумели уцепиться за голые скалы, и в ярком солнечном свете они тысячью граней сверкали по всей ширине равнины.

Казалось, что черная башня вплавилась в базальтовый гребень края мира, а может, ее вырастили из скальной породы с помощью древнего искусства, утерянного в те времена, когда Хранители засеяли просторы Слияния десятью тысячами Чистокровных рас. Башня была круглой, гладкой и очень высокой. Ее блестящая поверхность отсвечивала, как зеркало; время совсем не тронуло этот монолит. Вокруг валялись обломки деревянных рам и погнувшиеся обручи — когда-то здесь стояли палатки. Когда путешественники приблизились, в воздух поднялась стая воронов, резкими криками они с негодованием прокричали что-то друг другу и скрылись в необъятных небесных просторах.

Прямо за башней край мира уходил вертикально вниз в бесконечную пелену облаков, и казалось, что мир плавает не в космической пустоте, а в море сплошной белизны. Цепи островов летели на разных уровнях в океане чистого воздуха над собственными тенями на облаках. Сотни, тысячи островов, Йаму поразило их количество.

Тень черной башни падала на ровный слой облаков, как дорога, а у вершины ее солнечный свет разлагался множеством сверкающих радуг. Рядом протянулись гигантские тени пяти человек, повторяющие каждое их движение. Круглый радужный ореол окаймлял все пять голов. Йама двинул рукой и усмехнулся, когда тень повторила его жест, скользнув по нескольким лигам облачной равнины. Пандарас и повар танцевали и прыгали на самом краю мира, и даже Тамора, которая все время была в напряжении с тех пор, как они ушли от корабля, улыбнулась, глядя на это зрелище.

— Настоящее чудо, — с гордостью воскликнул Элифас, как будто он привел их сюда специально взглянуть на этот театр теней. — Благодать, ниспосланная Хранителями.

Тамора обернулась и, прищурившись, посмотрела на солнце.

— Ха, я так понимаю, все дело в том, под каким углом падает свет, и в свойствах облаков. — Она ни за что не хотела согласиться с Элифасом даже в мелочи, но все же потом ворчливо добавила: — Да, это правда похоже на чудо.

— Какая красота! — восхитился Пандарас. — Это волшебство, рожденное светом воздуха и туманом. Я сочиню о нем песню.

— Надеюсь, я не буду присутствовать на премьере, — саркастически заметила Тамора. — Йама, как только мы отдохнем, надо возвращаться.

Элифас обратился к Йаме:

— Благословение Хранителей удвоится и утроится на тебе, когда ты посетишь оракул, брат. Мы оставим остальных здесь отдыхать, а туда спустимся вдвоем.

— Где этот оракул? — спросил Йама.

Элифас улыбнулся и показал вниз.

30. КРАЙ МИРА

К лестнице вело ущелье, у входа в которое высились два утеса, отдаленно напоминавших фигуру человека. Элифас назвал их Стражами. Ступеньки спускались по вертикальной скале на краю мира. Сама лестница была такой широкой, что по ней плечом к плечу могла спуститься шеренга из десяти человек, но ступени оказались крутыми и очень скользкими. Йама вдруг почувствовал, что боится упасть. Он представил, как несется сквозь покров облаков, потом все дальше и дальше, пока не пролетит насквозь кокон атмосферы и не исчезнет, как исчезла Анжела в объятиях одной из собственных копий. Может быть, их тела и сейчас еще летят в пустоте за пределами мира. Следуя за Элифасом, Тамора и Йама цеплялись за украшенную барельефами стену, находя успокоение в лицах и фигурах мужчин, женщин и животных, которые скользили под их пальцами.

Повар Тибор остался накопать съедобных корней, а Пандарас вызвался ему помочь. Йама отдал мальчику свой томик Пуран и монету, опасаясь, что любой из этих предметов может привлечь к оракулам фантом Анжелы. Конечно, пес преисподней его разрушил, но могут быть еще копии.

Тамора заявила, что ее долг охранять Йаму. Она считала, что Элифас заведет его в ловушку. Йама не стал ей объяснять, что если она права, то ни ее меч, ни храбрость его не спасут. В сердце его нарастал холод. Чем дальше они спускались, тем большими чужаками казались ему Тамора и Элифас, хуже того, призраками чужаков.

Край мира был черной вертикальной скалой, которая поднималась над морем облаков и тянулась на тысячи лиг в обе стороны. Она была темной и холодной, единственный свет шел от облачной равнины, отражавшей солнечные лучи. Йама, Тамора и Элифас выглядели как мыши, спускающиеся с горы, или как муравьи на стене.

Они спускались очень долго. Время от времени на лестнице попадались площадки или уступы, но она неизменно уходила еще ниже. Один раз из утеса ударила струя и аркой

повисла над лестницей. Пока она летела к облачному покрову, ее мощную серебристую жилу колебал ветер. Ветер толкал спутников, шептал и свистел, шарил по богатой резьбе, которая покрывала отвесный фасад стены. У Элифаса сдуло с головы соломенную шляпу, и она растаяла в бесконечном океане воздуха.

Вдруг свет у ног Йамы стал меркнуть. Тамора вскрикнула. Пятью ступеньками ниже Элифас повернулся и впился во что-то взглядом. В его серебристых глазах играли золотистые искры. Пригоршня светлячков подлетела к Йаме и короной окружила его голову, мерцая холодным сине-белым светом. Вскоре лестница обогнула выступ скалы. Взглядам путников открылся широкий уступ и высокая узкая арка, вырезанная в адамантовой породе скалы.

— Оракул! — объявил Элифас. — Некоторые говорят, что он самый древний во всем мире. Ты многое здесь узнаешь, брат.

— Во всяком случае, не меньше, чем из любой другой дыры в земле, — пробурчала Тамора.

Элифас повел Тамору и Йаму к арке, внутри ее мелькнул слабый огонек, и она озарилась светом. Он шел не из определенного источника, а, казалось, просто окрашивал воздух, как окрашивают воду кисти художника, когда он кладет их отмокать.

Помещение за аркой совсем не напоминало Йаме оракула. Тут не было черного диска, не было алтаря или святилища. Вообще ничего не было, только гладкие, слегка прозрачные стены, которые, изгибаясь, сходились над головой. Они словно попали в гигантское, наполненное светом яйцо. Пока Тамора брела по периметру этой лучащейся кельи, Элифас объяснял Йаме:

— Когда оракулом постоянно пользовались, то один из жрецов становился в центре, и дух аватары говорил его устами. Потому-то здесь нет экрана.

Тогда Йама задал прямой вопрос:

— Ты надеешься, что я могу разбудить аватару?

Эта мысль его волновала. Он так долго сюда шел. Проделал такой путь от умолкнувших оракулов Иза! А ведь этот оракул старше любого другого на обитаемом берегу. Он постиг свою мощь. Узнал, где могут жить люди его расы. Он укротил пса преисподней и уничтожил фантом Анжелы. Внезапно он ощутил, что в мире ему нечего больше страшиться.

Глаза Элифаса бесстрастно отражали ровный свет кельи. По его лицу ничего нельзя было прочесть.

— Женщина должна подождать снаружи, — сказал он. — Она может замутить понимание.

— Я останусь с Йамой, — сказала Тамора. Голос ее эхом отразился сразу от нескольких точек сводчатого потолка. — Если с ним что-нибудь случится, то знай, с тобой случится то же самое. Уж я позабочусь.

— Ты можешь следить от входа точно так же, как и отсюда, — настаивал Элифас. — Если ты останешься, твое присутствие может все сорвать.

Тамора скрестила руки.

— Из-за этого мне уходить? Ты морочишь Йаме голову, заставляя его поверить, что он может воскресить мертвого. Те времена давно прошли. Теперь нам не нужны аватары, чтобы объяснять, как следует жить.

— Он стоит перед тобою в короне из светлячков. Неужели тебе этого недостаточно? — спросил Элифас, а потом обернулся к Йаме: — Если бы аватара явилась, какой вопрос ты задал бы ей, брат?

Йама усмехнулся. Он больше не доверял Элифасу, но и не боялся его. Он вышел на середину кельи. В тот же миг свет вокруг него уплотнился. Тамора и Элифас словно растаяли в нем. Превратившись в бесплотные тени, они истончились и исчезли. Казалось, Йама стоит в мерцающем туманном сосуде. И тут он увидел иглу, висящую на фоне спирали Ока Хранителей.

Это был его мир. Не тот образ, который фантом Анжелы показывал ему в Храме Черного Колодца, а мир, каким он был в этот самый миг. Йама заметил, что если не отрываясь смотреть в какую-нибудь точку, то начинаешь к ней приближаться. Он увидел столпотворение на улицах Иза, черные руины Эолиса, древние сады и гробницы в Городе Мертвых, увидел плосковерхий утес с огородиком, где жили Озрик и Беатрис, увидел белые контуры керамической раковины святого города Гонда. Его взгляд пронесся по дюжине разных городов. Город стеклянных куполов, похожих на мыльные пузыри. Город из белых кубиков, сложенных друг на друга, словно коробки. Город торчащих из озера шпилей. Пещерный город, вырубленный в красном песчанике у излучины Великой Реки. Город на сваях. Йама увидел тысячи лиг бескрайних лесов над топями Потерянных Вод, увидел разрушенные города вдоль края этих лесов. Рваная пелена дыма висела над районами, где войска Департамента Туземных Проблем вели огонь по укрепленному фронту противника.

Йаме хотелось внимательнее рассмотреть позиции еретиков, но он ощутил, что кто-то из них его ищет, и быстро отвернулся. Теперь перед ним опять была панорама целого мира. Он заметил тянущееся следом разряженное облако слабых огоньков и тотчас почувствовал, как усилилась вибрация смертоносной машины, которую он обрушил на дом торговца. Один из огоньков начал расти, разгораясь и затмевая весь мир, и наконец заключил Йаму в свой сверкающий кокон.

Если машина и говорила с Йамой, он этого не слышал. Однако до него, будто издалека, доносился его собственный голос, отвечающий на длинную цепь вопросов.

— Да. Да. Я буду.

Ослепленный светом, он покачнулся и упал. На мгновение ему показалось, что он упал в пустоту за границей мира. Упал вместе с Анжелой. В ее объятиях.

Всем телом он ощутил страшный удар, словно на него рухнул весь мир. Йама прикусил язык, и его рот наполнился кровью. В голове засверкали черные и красные молнии.

Тамора подняла голову Йамы и пальцами стерла кровь с его губ. На одной руке у нее был длинный неглубокий порез. Окровавленный до самой рукоятки меч лежал рядом с ней на тускло светящемся полу.

Йама обнаружил, что брюки его стали мокрыми от мочи и липли к ногам. Запекшаяся кровь окружала ноздри и рот, голова болела так, словно кто-то пытался расколоть ее острым клином. Его окружали капли расплавленного металла и черные хлопья сажи — остатки светлячков, которые прежде короной висели над его головой, а теперь валялись обуглившимися останками. Элифас исчез, но в святилище были по-прежнему трое. Что-то сидело внутри самого Йамы, смотрело на мир сквозь его глазницы, думало его мыслями. Теперь он понял, зачем ел грязь вперемешку с термитами. Из-за металла в телах насекомых. Металл был нужен машине, которая росла под его кожей.

Тамора помогла Йаме встать и, поддерживая, заставила походить вокруг, пока он не пришел в себя и не вспомнил, кто он и где находится. Она рассказала, что он, как зачарованный, простоял несколько часов в центре оракула с поднятой головой и закатившимися глазами. Йама попытался описать ей, что видел весь мир, целиком и в деталях, так, как его видели, вероятно, Хранители.

— Мир выглядит очень странно, — закончил Йама, — огромный и в то же время хрупкий.

Тут он рассмеялся и ощутил, что смех разрастается в его груди, становится диким и неуправляемым, поднимает его на своих крыльях и уносит... Неизвестно, чем бы все кончилось, но Тамора ударила его по лицу, и боль от пощечины привела Йаму в чувство.

Он сказал:

— Смертоносная машина нашла меня, как я сам когда-то нашел ее. А может, она нашла меня уже давно и все это время ломала мою волю, склоняя ее в свою сторону. Тамора, они еще здесь, мятежные машины и аватары. Они потеряли связь с миром в конце Эпохи Мятежа, но они его не покинули. Они говорили со мной или с какой-то частью меня. Только я не помню, что они мне сказали.

И потрясенный этим открытием не меньше, чем собственным истерическим хохотом, Йама разразился слезами.

— Ну-ну, — пробормотала Тамора, обнимая и укачивая Йаму.

— Я служу силам зла, — сказал он. — Я не могу стать другим, а меня создали, чтобы служить злу. Я — его исчадие.

— Ты только то, что ты есть, — растерянно проговорила Тамора, — и не пытайся быть чем-то большим, иначе угробишь себя, и все.

Он спросил, что произошло с Элифасом, и Тамора мрачно объяснила, что старику удалось скрыться.

— Ты так долго пребывал в этом трансе или сне, или что там это было, что я наконец присела отдохнуть. В том, что случилось дальше, — моя вина. Вместо того чтобы следить за Элифасом, я смотрела на тебя и, наверное, задремала на минуту. Этот сукин сын кинулся на меня, и если бы двигался бесшумно, то скорее всего убил бы. Но он не сдержался и завопил, нанося удар, я успела обернуться и нож попал мне в плечо, а не в шею. Я достала его мечом, ранила в бедро, но он сумел убежать. Я бы за ним погналась, Йама, но боялась тебя оставлять. Он не вернулся, надеюсь, свалился за край мира или истек кровью. Но я не почувствовала клинком кости и не думаю, что повредила крупный сосуд — на полу слишком мало крови. Скорее всего он еще жив. Скажи мне, что с тобой все в порядке, и я отправлюсь за ним, найду его и убью.

— Он хотел использовать меня, — сказал Йама. Он опустился на пол, испытывая внезапную дурноту. Боль в голове становилась сильнее. Черные и красные вспышки туманили взгляд. Казалось, он уменьшался или от него уплывал мир.

— Я думал, он хочет мне помочь, — сказал Йама. — Вот дурак! Он просто хотел использовать меня, как большинство людей, с которыми я встречался. Ты была права, Тамора. Прости меня.

— И не права тоже. Я думала, он работает на префекта Корина, а у него все это время были собственные планы. Сегодня ему выпал шанс покорить тебя, но он его упустил. Теперь все будет хорошо.

Внезапно комнату залило ярким светом. Йама и Тамора подняли головы. Свет исходил от двери. Нестерпимый, ослепляющий блеск, который моментально затмил мягкое свечение оракула. Тамора подхватила меч и ринулась под входную арку к источнику света. Йама бросился следом.

Снаружи сияние было ярким, как солнце. Оно оттеняло каждую деталь тончайшей резьбы на покрывавших утесы фризах. Прикрыв глаза ладонью, Йама увидел, что Тамора стоит у подножия лестницы и смотрит вверх на громадную тень, плывущую за источником света.

Размером тень была с «Соболя» и имела форму клешни. Она плыла совсем рядом с краем лестницы, в сотне шагов от святилища. По ее поверхности двигались какие-то фигуры, смутно различимые в ореоле исходящего от нее сияния.

Это же флайер, понял вдруг Йама и в тот же миг догадался, зачем Элифас привел его к краю мира. Он закричал,

пытаясь предупредить Тамору, но она уже неслась по лестнице, перепрыгивая через ступени. Тамора бежала за Элифасом, который появился из укрытия между высеченными в скале фигурами и сейчас поднимался к флайеру. Старик оторвал рукав от своей рубашки и перевязал им раненую ногу. Поднимаясь, он слегка приволакивал ее. Около рта он держал маленькую черную коробку. Элифас кричал в нее молитвы, и когда Тамора почти догнала его, он вдруг обернулся и поднял коробку, словно пытаясь предотвратить удар. Меч Таморы скользнул под его руку, Элифас дернулся и схватился за лезвие там, где оно вошло в его тело.

На мгновение они замерли, скованные сталью меча. Потом произошла вспышка бешеного красного света, и пронеслась волна тошнотворного жара.

— Йамаманама, — проговорил голос.

Йама лежал у ног каменной фигуры во фризе скалы. Он поднял залитые кровью глаза и попробовал что-то сказать, но во рту у него возник кровавый пузырь, лопнувший на зубах и губах. Мышцы его превратились в кисель.

Над ним склонился черный силуэт доктора Дисмаса. В левой руке аптекарь держал энергопистолет, его короткое дуло смотрело вниз вдоль бедра. В правой руке у доктора Дисмаса была маленькая черная коробка — родная сестра той, что носил Элифас. Позади него маневрировал флайер, приземляясь на уступ возле входа в оракул. Совсем как летающий остров, который видели Йама и Тельмон на дальнем берегу у границы мира. Над флайером тянулась лестница, отделяя черную стену от дочиста выжженного огнем неба.

— Наша встреча была предопределена, дорогой мой мальчик, — сказал доктор Дисмас. — Как я рад тебя видеть!

Йама выплюнул кровь.

— Значит, это был ты, — произнес он. — Все время ты!

Свет вокруг них все еще горел ослепительно ярко. Йама отчетливо видел края пластин под кожей доктора Дисмаса. Те же острые многоугольники, которые Йама ощущал у себя на затылке.

— Как? Как вы мне их вживили? — спросил он.

— В «Таверне Призрачных Фонарей», — ответил доктор Дисмас.

— В пиве или в пище?

— Прекрасно! Просто замечательно! Чудесные маленькие строители! За это время они немало потрудились. Ты очень силен, Йамаманама. Ты сопротивлялся им очень долго.

Йама снова сплюнул кровь. Так много крови! Сначала Луд, потом Лоб и Унпрак, хозяин «Таверны Призрачных Фонарей», паломники и бандиты. Наемник, который хотел его убить. Иакимо, беглый звездный матрос и его слуги. Две пифии в Департаменте Прорицаний, стражник Коронетис, все солдаты и клерки в Департа-

менте Туземных Проблем. Заклинатель и солдаты, захватившие замок эдила, предатель Торин, констебль Эолиса, его сыновья и соплеменники. Префект Корин и экипаж пакетбота, человек доктора Дисмаса, юноша Пантин. И эдил — его разбитое сердце! Теперь вот Тамора и Элифас. Все, все мертвы! И все — из-за него.

— Тамора считала, что Элифас был агентом префекта Корина, — проговорил Йама, — а он, оказывается, все время работал на тебя.

Доктор Дисмас подкинул на ладони маленькую черную коробку.

— Он до самого конца держал со мной связь, пользуясь точно такой же штукой. Он был полезным слугой. Его обратили очень давно, в одном из подземных залов. Он искал старые книги, чтобы их продать, но нашел нечто значительно более ценное. Или скорее оно нашло его.

— Я думал, он этой коробке молится.

Йама незаметно стянул с рук амулет. Когда Пандарас пойдет его искать, он найдет амулет и поймет, что господин еще жив.

— Длинноволновый свет, — сказал доктор Дисмас. — Отражается от любого из нас за миллион лиг на плоскости мира. Ты скоро все это узнаешь, Йамаманама.

Йама почувствовал страшный озноб. Он был сильно контужен, а машина в голове превратила его сердце в лед. Он пробормотал:

— Моя раса... Элифас сказал, он нашел, где...

— Карта и отчет чистильщика? Мой дорогой Йамаманама! Это же подделка, к тому же подделка неважная. Но другой и не требовалось, ведь ты так хотел верить. Нет, твой народ вымер давным-давно. Кроме тебя, никого не осталось. Даже мы не знаем, откуда ты взялся. Когда я догадался, кто ты такой, то отправился в Из выяснить правду о твоем происхождении. Элифас мне помогал, но мы ничего не узнали, и я вернулся с пустыми руками. Но это не имеет значения. Важно, что ты здесь и будешь с нами сотрудничать. Ты — мое произведение, Йамаманама. Вместе мы совершим чудеса и спасем мир.

Из света возникли человеческие фигуры. К Йаме и доктору Дисмасу приближались несколько мужчин. Йаму подняли, по нему скользнул луч света, потом наступила тьма. Флайер отклонился от вертикальной скалы и поднялся над краем мира. Оставалось еще одно дельце: надо было избавиться от свидетелей. Оно не заняло много времени, и когда все было кончено, флайер устремился к низовьям, на войну.

ЗВЕЗДНЫЙ ОРАКУЛ

Подумай о цели творения, смертный:
Животная суть в человеке — не все,
Знанье и вера — вот мудрость Вселенной.

Данте Алигьери,
«Божественная комедия».

1. ОГНЕННОЕ ПОГРЕБЕНИЕ

На небольшой поляне среди зарослей, вплотную подступивших к самому берегу, работали двое. Это была странная, ничем не схожая пара. Более крупный мужчина мерно стучал топором, подрубая ствол молодой сосны. Весь наряд его состоял из одних драных брюк, подпоясанных куском старой, истрепанной веревки. На розовато-серой коже не росло ни единого волоска, а невыразительное, круглое, как сыр, лицо выглядело почти уродливым. Лезвие топора почернело от пламени, топорище сгорело, и теперь его заменила толстая ветка сосны, которую очистили от коры и насадили на нее топор, закрепив тщательно выструганными клиньями. Его напарник обрубал сучья с поваленной сосны, неумело орудуя кинжалом с изящной рукояткой из слоновой кости. Невысокий, хрупкий, с прилизанными волосами, он был похож на потерпевшего кораблекрушение щеголя: грязные, изношенные ботинки, черные брюки, рваная белая рубаха с вышитым воротом. Двойная кожаная бечевка с висящим на ней керамическим диском обвивала длинную гибкую шею, а высоко на запястье болтался оберег — сплетенный из шерсти нутрии браслет, украшенный мелкими черными жемчужинками. Работая, он то и дело поглядывал на ярко-синее небо над поросшим деревьями берегом.

Эти двое уже построили плот, который лежал сейчас у самой воды. Нехитрое сооружение состояло всего из полудюжины стволов голубой сосны, скрепленных несколькими поперечинами и полосками шкуры болотной антилопы. Сверху плот устилали наваленные кучей охапки камыша. Теперь двое мужчин готовили погребальный костер. Он был наполовину готов и располагался в центре поляны. Слой стволов сосен и камедных деревьев укладывался крест-накрест на предыдущий; все щели забивались сухим камышом и смолистой сосновой хвоей. Неподалеку лежал труп третьего человека. Его укрывали свежесрубленные пушистые ветки, и все же тучи черных и бронзовых мух уже нашли к нему дорогу. Чуть

дальше горел небольшой костер из мелких сучьев и щепок, и дым от него белым ароматным столбом поднимался к безоблачному небу. Над огнем коптились длинные, узкие полосы мяса; высыхая, они скручивались в причудливые спирали.

Эту сцену окружала картина страшных разрушений. Непонятная сила пригнула болотные кедры, камедные деревья, голубые сосны. Все они накренились в одну сторону. Несколько крупных деревьев рухнуло, вывернув корявыми корнями пласты глинистой почвы. От прекрасных голубых сосен, окутывавших своими кронами гребень острова, остался лишь пепел и дымящие головешки. За поляной, где работали эти двое, расползалось глянцевое пятно оплавленного грунта с широкой, но неглубокой впадиной посередине; от усыпанной черными хлопьями воды поднимался столб горячего пара. Один только звон топора нарушал знойную тишину берега; казалось, природа оцепенела от совершенного здесь злодеяния. По одну сторону, позади центрального гребня и заболоченной бухточки, пролегали невысокие черные утесы старой береговой линии, а вдоль края мира тянулась узкая полоса сухого кустарника; по другую, за мелководьем уснувшего залива, раскинулись до самого берега Великой Реки топкие заросли пожелтевшей осоки. Стояла полуденная жара.

Худенький юноша обрубил последний сучок с соснового ствола, устало распрямил спину и снова взглянул на небо.

— Не понимаю, зачем очищать бревна, — проворчал он. — Все равно мы их сожжем. Видно, Тибор, ты просто любишь вкалывать, вот и ищешь себе работу.

— Погребальный костер нужно складывать аккуратно, маленький господин, — назидательно произнес Тибор в такт ритмичным ударам топора. — Нельзя, чтобы он развалился, когда начнет гореть, так что сучья следует обрубить.

— Надо бросать все и уходить, — возразил его тощий напарник. — Флайер может вернуться в любую минуту. И, пожалуйста, называй меня Пандарас, я ни для кого не господин.

— Фалерус заслужил достойные похороны, он был добрым человеком. Когда «Соболь» заходил в порт, он всегда покупал мне припасы для курева.

— Тамора тоже была хорошим другом, — резко ответил Пандарас, — а я похоронил ее обгоревшие кости и рукоятку меча под простым камнем. У нас нет времени на все эти церемонии. Флайер может вернуться, и чем скорее мы отправимся на поиски моего господина, тем лучше.

— Его тоже могли убить, — заметил Тибор, отступил на шаг и изо всей силы ударил по стволу сосны выше надруба. Дерево наклонилось. Тибор ударил еще раз, раздался треск, шум цепляющихся ветвей, и дерево рухнуло к его ногам.

— Он жив, — упрямо заявил Пандарас и дотронулся до браслета у себя на руке. — Он специально оставил этот амулет, чтобы я знал: он жив. Элифас заманил его в засаду, но он жив. Он потому и отдал мне эту монету и свой томик Пуран, что подозревал Элифаса в предательстве. Тамора часто предупреждала, что так и будет. Когда я нашел амулет, то поклялся — и сейчас клянусь, — я найду своего господина, даже если мне придется дойти до самого конца Великой Реки.

Тибор вынул обрывок кукурузного листа, вытащил из-за пояса пластиковый кисет, достал из него щепотку грубого табака и стал сворачивать самокрутку.

— Лучше бы мы не спускались к оракулу, маленький господин. Я в них разбираюсь и вот что тебе скажу: там властвует зло.

— Ты имеешь в виду, что Элифас заманил туда моего господина? Если бы мы не прошли по их следам, мы так и не знали бы, что там случилось. К счастью, я умею читать следы, как книгу. Внутри оракула была драка, кого-то ранили, и он убежал. Скорее всего Элифас пытался напасть на Тамору сзади, но ей удалось отразить удар. Она его ранила и бросилась за ним в погоню, и вот тут-то ее убили. Очевидно, это был кто-то с флайера: у Элифаса не было энергопистолета, иначе он воспользовался бы им раньше, без всякой засады. Однако бедную Тамору убили именно из энергопистолета. Выстрел расплавил лестницу в скале. Йаме тоже им пригрозили.

Пока Пандарас говорил, Тибор подошел к костру, прикурил самокрутку от кончика горящей ветки, швырнул ветку обратно в костер, затянулся и выдохнул струю дыма.

— Мы найдем «Соболь», — упрямо сказал он. — А потом капитан поможет нам отыскать твоего господина.

— Они все погибли, Тибор. Ты должен это понять.

— Мы ведь не нашли тел, только беднягу Фалеруса, — не уступал Тибор. — А от корабля вообще ничего, один топор.

— Пламя, которое грязь превратило в стекло, испарило корабль, как каплю воды на плите. Фалерус охотился на болоте за островом, он попал в струю пара, когда стала стрелять лазерная пушка флайера. Остальные погибли сразу, их тела сгорели вместе с кораблем.

Пандарас и Тибор нашли ошпаренный труп Фалеруса рядом с убитой им антилопой. Было ясно, что старый моряк не умер мгновенно. Он стиснул зубами древко арбалетной стрелы и в агонии почти перекусил ее. Пандарас вспомнил историю о происшествии в плавильне, которую рассказал ему брат. Один из работников поскользнулся и упал по пояс в чан с расплавленным металлом. Страшные крики несчастного буквально парализовали остальных рабочих, но отец парня схватил ковш с длинной

рукояткой и вдавил голову сына в жидкий огонь. Смерть Фалеруса была столь же ужасной, и он был один, никто не облегчил его последние минуты.

Тибор начал обрубать крупные ветки с только что сваленной сосны. Чуть погодя он распрямил спину и сказал:

— Капитан Лорквиталь — женщина умная, она и раньше уходила от пиратов. Наверняка и сейчас ей удалось спастись. Лазерная пушка на флайере промахнулась, и «Соболь» сумел скрыться. Может, Фалерус случайно отстал, но все остальные — на корабле. Капитан не знает, что твой господин попал в засаду, она может за ним вернуться. — Он провел рукой по параллельным шрамам на своей груди. — Корабль — это мой дом, маленький господин.

Пандарас смахнул черных жучков, налипших в уголках рта, там, где скопились капли пота.

— Я не твой господин. Мы путешествуем вместе как свободные люди. Элифас предал моего хозяина и убил твоих товарищей, за это я его уничтожу. Клянусь тебе. Элифас утверждал, что знает город в Стеклянной Пустыне, где когда-то жили люди одной расы с моим господином. Так он заставил Йаму покинуть Из и добраться до этих мест. Конечно, Элифас предатель и лжец, однако в каждой лжи есть доля правды. Думаю, мы найдем, куда они забрали моего господина, если пойдем дальше в низовья. Помоги мне, а потом иди своей дорогой.

Пандарас не желал брать на себя ответственность за судьбу Тибора, но сейчас иеродул был ему нужен: храмовый раб знал, как можно выжить в этих диких, необитаемых местах. Сам Пандарас всю свою короткую жизнь провел в Изе. Он отлично знал каменные джунгли города и нравы всех его обитателей, знал, что, если шепнуть нужное слово в нужном месте, это будет стоить кому-нибудь жизни. Он разбирался в ритуалах сотен различных культов, знал монастыри, где в полдень можно получить кусок хлеба и кружку пива. Ему были известны такие уголки, куда никогда не забираются магистраторы и их машины, и такие, где они бывают постоянно. Он понимал ритм доков, знал историю тысяч храмов, секреты дюжины ремесел, но непонятная жизнь этого дикого, пустынного берега пугала и смущала его. Она представлялась Пандарасу хаосом, недоступным пониманию и абсолютно чуждым его природе.

— Я — раб каждого человека, маленький господин. — Тибор затянулся своим окурком, задержал дыхание, потом выпустил дым. — Ничто не может этого изменить. Десять тысяч лет назад предки нашей расы сражались против воли Хранителей на стороне мятежных машин. Теперь, отягощенные позором поражения, мы должны служить Хранителям и их созданиям, надеясь лишь на прощение и возрождение в конце всех времен.

— Все люди должны служить Хранителям, — ответил Пандарас. — Они взрастили нас из животного состояния, они хранят память обо всех, кто когда-либо жил, и возродят нас из мертвых в последний момент существования Вселенной, в конце времени и пространства. Если тебе нужно быть слугой, то служи моему господину, Йаме. Он принадлежит к древней расе Строителей, которые творили наш мир по воле Хранителей. Йама ближе к ним, чем любой другой человек Слияния; эмиссар священного города Гонда сам это признал. Йама — аватара Хранителей. Я видел, как ему покоряются бесчисленные машины. В Изе, на крыше Дворца Человеческой Памяти, он преобразил младенца одной из туземных рас, вдохнув в него самосознание. И ты видел своими собственными глазами, как он вызвал чудовищных полипов со дна Великой Реки, чтобы спасти нас от префекта Корина. Он мудрый, святой человек. Он — единственный, кто может прекратить развязанную еретиками войну и вернуть мир на путь, ведущий к воскрешению всех людей. Значит, ты послужишь всему миру, если поможешь мне его найти.

— Мы отправимся на поиски твоего господина и моего корабля, — отозвался Тибор. Он в последний раз затянулся самокруткой и облизнул черные губы длинным красным языком. — Но корабль найти легче, чем одного человека. Как его искать по всей длине мира?

Пандарас показал Тибору керамическую монету, которую Йама отдал ему перед тем, как отправиться за предателем Элифасом в ловушку. В глубине маленького диска поблескивала крохотная искра. Это значило, как верил Пандарас, что Йама все еще жив. Но как бы он ни вертел монету, искорка не становилась ни ярче, ни тусклее.

Тибор кивнул:

— Я слыхал о таких вещах, но никогда не думал, что сам это увижу.

— Можешь теперь убедиться, что они действительно бывают, — сказал Пандарас. — А сейчас берись за дело, я хочу убраться отсюда как можно скорее.

Наконец погребальный костер был готов. Пандарас и Тибор уложили тело Фалеруса на самый верх, укрыв его слоем оранжевых мальв и желтых ирисов. Тибор наизусть знал ритуал погребальной службы, и Пандарас следовал его указаниям, став на это время слугою священного раба — иеродула. Они окропили тело водой, Тибор прочитал молитвы в память погибшего моряка, а потом запалил сухие камыши, разложенные между слоями бревен.

Когда костер разгорелся, а тело Фалеруса стало тенью среди полыхающих желтых языков пламени и белых клубов дыма, узким флагом протянувшихся к почерневшему гребню маленького острова, Пандарас и Тибор залезли на плот и, отталкиваясь шестом, с неподобающей поспешностью покинули разорен-

ный остров. Весь остаток дня они пробирались сквозь лабиринт высоченных камышей и наконец оказались среди мелей и молодых кущ мангровых лесов, осваивающих заболоченный берег мелеющей реки. Когда стало слишком глубоко и шест перестал доставать дно, Тибор взял листообразное весло, вырезанное им из срубленного дерева. Пандарас уселся на тупом носу маленького плота, положив на колени арбалет Тибора и зажав между колен узелок с вещами своего господина. Сердце его терзал страх, который он не желал показывать иеродулу. Тибор уверял, что плот крепче, чем кажется, а полоски кожи в воде сядут и стянут бревна еще плотнее, однако Пандарасу он все равно казался очень хлипким суденышком. Одна мысль, что ему придется плыть на нем по Великой Реке, подобно муравью, вцепившемуся в кусочек коры, наполняла сердце Пандараса непередаваемым ужасом, но он верил, что Йаму унес флайер, и он так страстно желал отыскать своего господина, что готов был отправиться на его поиски даже за край мира. Пандарас вымазал грязью все открытые участки кожи, защищая ее от мух и слепней, которые плотными тучами вились над гниющими стволами и воздушными корнями ризофор. Сейчас он был дикарем в дикой стране. Нагим он пройдет сквозь эти дебри, покроет свое тело фантастическими татуировками, будет пить свежую кровь убитых животных, но он станет сильным, как буря, и он сметет стены крепости, в которой заключен его господин, спасет его и убьет предателя, который заманил Йаму в плен.

Такие мечты поддерживали в нем надежду. Мечты и крохотная искра, слабо, но устойчиво светящаяся в глубине керамической монеты.

Наконец плот обогнул оконечность длинной, поросшей ризофорами отмели, и внезапно перед путешественниками открылась необъятная речная гладь, золотом сверкающая в мягких лучах заходящего солнца. Речная равнина отражала столько света, что Пандарас так и не понял, где она сливается с небом. Охваченный внезапным порывом, он встал на ноги и выбросил руку, указывая в низовья, туда, где идет война.

2. БОЛЕЗНЬ ДОКТОРА ДИСМАСА

Доктор Дисмас без церемоний вошел в большую белую комнату. Широким жестом распахнув двойную дверь, он направился к Йаме, на ходу отгоняя летающие на разных уровнях машины. Дюжина слуг в ярких ливреях хвостом тянулась за доктором.

Йама выполнял упражнения, которым его обучил сержант Роден. Увидев доктора Дисмаса, он вскочил. Голый до пояса и босой, он был одет лишь в одни шелковые штаны, да грудь его перетягивала широкая двойная повязка в том месте, где он получил ожоги. С тех пор, как Йама попал в плен, он всей душой стремился к единственной цели: захватить управление хотя бы одной машиной и направить ее прямо в глаз доктору Дисмасу, чтобы дотла выжечь мозг злодея. Однако пока что все его отчаянные попытки подчинить своей воле летающие в воздухе машины оказывались тщетными. Йама лишился способностей, которыми овладевал с такими мучительными усилиями. И совершила это преображение выросшая в нем машина; доктор Дисмас ухитрился внести в организм Йамы ее семя еще в самом начале приключений юноши из провинциального города Эолиса. С тех пор Йаму мучили черно-красные вспышки в глазах, во сне ему являлись странные и чудовищные картины. Просыпаясь, он все забывал, но ощущение ужаса и отвращения накапливалось в душе липким осадком.

Доктор Дисмас заговорил не сразу. Поглядывая на Йаму и выстукивая жесткими ладонями какой-то сложный ритм, он шагал по комнате и, казалось, пытался привести в порядок мечущиеся мысли. Слуги шеренгой выстроились за его спиной. Все они были аборигенами, и все подверглись хирургическому воздействию. Йама почти не смотрел на них. Он, как загипнотизированная змеей мышь, не сводил глаз с облаченной в черное сутулой фигуры аптекаря.

— Так ты не спишь? Прекрасно, прекрасно! И как ты себя чувствуешь, Йамаманама? Головные боли? Цветные пятна и вспышки перед глазами? Вижу, твои ожоги чудесно заживают. Ну, почему ты так на меня смотришь? Ведь я твой спаситель.

— Дисмас, ты сам заразил меня этой болезнью. Ты беспокоишься, что она недостаточно быстро прогрессирует?

— Это не болезнь, Йамаманама. Не думай об этом как о болезни. И не сопротивляйся ей. Тебе же будет хуже.

— Где я нахожусь, Дисмас? Зачем вы меня сюда привезли? Где остальные?

Он уже много раз задавал эти вопросы, но доктор Дисмас еще ни разу на них не ответил. Аптекарь улыбнулся и сказал:

— Наши союзники подарили мне эту обитель в качестве платы за оказанные услуги. Я бы сказал, в качестве первого взноса, ведь я только начал. Мы только начали, мой дорогой Йамаманама. Сколь многое еще предстоит сделать!

Доктор Дисмас прошел через всю комнату и, сцепив за спиной руки, остановился у большого окна. Но ему не стоялось на месте, он тут же обернулся и улыбнулся Йаме. Должно быть, доктор недавно ввел себе дозу стимулятора, и теперь его переполняла энергия, с которой он не умел до конца справиться.

Маленький, прилизанный, постоянно возбужденный человечек в доходящем до колен черном фрачном сюртуке. Стоячий воротничок белой рубашки упирается в плоские коричневые щеки. Он выглядел одновременно комично и зловеще.

Йама ненавидел доктора Дисмаса, но в то же время понимал, что у доктора есть ответы на многие интересующие его вопросы.

— Я твой пленник, — проговорил Йама. — Что вам всем от меня нужно?

— Пленник? Нет, нет, нет! О нет, не пленник! — энергично возразил доктор Дисмас — Мы сейчас пребываем в несколько деликатном положении. Ты, Йамаманама, пока еще ни то, ни се. Так сказать, личинка, куколка. Ты полагаешь, что представляешь в мире значительную силу, однако сейчас ты — ничто по сравнению с тем, чем вскоре станешь. Я тебе это обещаю. Подойди сюда. Стань рядом. Не бойся.

— Я и не боюсь, доктор, — ответил Йама, но это была ложь, и Йама чувствовал, что доктор Дисмас это понимает. Доктор слишком хорошо его знал. Тщетными были попытки Йамы сохранить спокойствие, ибо все внутри него и вокруг — сны, замутившие его душу, метельшение красных и черных полос в глазах, растущий у него под кожей предмет, суетящиеся, ползающие, летающие по комнате машины — все это сомкнулось единым фронтом, чтобы держать его в состоянии непрерывного страха.

Доктор Дисмас стал пристраивать сигарету в мундштук, который, по его словам, был вырезан из пальца убийцы. Эта задача потребовала всего его внимания: пластинки, разрастающиеся под кожей — симптом его болезни — превратили левую руку доктора в жесткую клешню. Той же болезнью он заразил и Йаму. Справившись со своим делом, доктор Дисмас прикурил сигарету, глубоко затянулся и выпустил два колечка дыма, причем второе проскользнуло в первое. Он улыбнулся своему маленькому фокусу и произнес:

— Не боишься? А должен бояться. Но я уверен, дело не только в страхе. Разумеется, тобой владеет гнев. Но и любопытство тоже. Подойди. Встань рядом со мной.

Йама вспомнил уроки дипломатического искусства, которые его несчастный приемный отец, покойный эдил Эолиса, так терпеливо ему внушал. Признав свою слабость, всегда оборачивай ее в преимущество, ибо ничто не привлекает врага так, как выявленная слабость.

— Я действительно боюсь, Дисмас. Боюсь, что могу тебя убить. Как ты убил Тамору.

— Никогда не слышал этого имени.

Внезапно ненависть охватила Йаму с такой силой, что он едва с собой справился.

— Наемница, — с трудом проговорил он. — Моя спутница.

— Ах, эта глупая женщина с ножичком и дурным нравом. Ну что же, если я и убил ее, то лишь потому, что она виновата в смерти Элифаса, который так ловко сумел доставить тебя мне в руки. Око за око, как говорят амнаны. Кстати, как поживает твой отец? И этот вонючий городишко, которым он якобы правит?

Тут Йама не выдержал и бросился на доктора. Плавающая в воздухе просторной комнаты стайка машин внезапно свернула со своей траектории и облепила голову Йамы. Только что он в бешенстве летел вперед — и вот уже лежит навзничь на черном пружинящем полу и смотрит в потолок. Каждый нерв его тела дрожит от боли. Залп, убивший Тамору и Элифаса, сильно обжег Йаме грудь и лицо, а ребра переломались, когда взрывная волна швырнула его на скалы. Кроме того, в легкие вонзился острый каменный осколок. Конечно, все это время его лечила целая армия машин, однако сейчас он ощутил во рту вкус крови.

Доктор Дисмас улыбнулся, глядя на Йаму сверху вниз, и протянул ему клешнеобразную левую руку. Не обратив на нее внимания, Йама, превозмогая боль, с трудом поднялся на ноги.

— Силы духа тебе не занимать, — насмешливо проговорил доктор Дисмас. — Это хорошо. Она тебе понадобится.

— Где остальные? Пандарас, команда «Соболя»? Вы оставили их там?

— «Соболя»? Ах, эти... Мне нет до них дела. Меня интересуешь только ты, дорогое Дитя Реки. С тобой все в порядке? Не ударился, когда падал? Прекрасно. Подойди и встань со мной у окна. Мне надо многое тебе рассказать, сегодня и начнем.

Йама неохотно последовал за доктором. Комната была частью резиденции, устроенной в толще основания летающего сада. Из единственного выпуклого, как бычий глаз, окна открывалась необъятная панорама. Далеко внизу в ярком свете полуденного солнца лежал Баус, город деревьев. Летающие сады, как зеленые облака, висели на разной высоте над собственными тенями. Некоторые острова были связаны цепями, канатными дорогами или арками сверкающих железных мостов. Когда в этих местах еще не появились еретики, Баус населяла раса, обитающая на деревьях. Их город был похож на лоскутное одеяло из десяти тысяч маленьких рощ, разделенных аккуратными просеками и невысокими, поросшими травой холмами. Теперь большую часть лесов вырубили. Целая сеть новых дорог прорезала мягкий ландшафт, и расплавленная глина их покрытий краснела свежими ранами. Еретики устроили свои лагеря на холмах, и над сохранившимися рощицами мутной пеленой висели дымные облака от бесчисленных костров и плавилен, где изготовлялось оружие.

Дальше за городом, укрытые облаком собственных испарений, раскинулись яркие зеленые джунгли. Летающий

сад находился на такой высоте, что видны были оба края мира: справа — голубая ломаная линия Краевых Гор, слева — серебристая равнина Великой Реки. А между ними, под цепочками белых облаков, — весь обитаемый мир, сужающийся и убегающий к смутной, чуть красноватой точке за горизонтом. За дни, проведенные в неволе, Йама привык подолгу рассматривать эту картину и уже убедил себя, будто за падением Великой Реки, за горами в срединной точке мира он видит начало Стеклянной Пустыни.

Доктор Дисмас выдохнул струю отдающего гвоздикой дыма и произнес:

— Все, что ты сейчас видишь, — это территория еретиков. Две сотни городов вниз по течению и еще сотня — выше. Под их властью уже находятся тысячи рас. А скоро последуют и остальные, Йамаманама. Скоро, скоро, не сомневайся, если, конечно, не принять мер. Их достижения весьма значительны, но нужно прервать этот победоносный марш. Уж очень часто они лезут не в свое дело, туда, где ничего не понимают. Например, еретики попытались разбудить огромные машины в основании мира. К счастью, ничего у них не вышло.

Доктор Дисмас искоса взглянул на Йаму, но тот промолчал. У аптекаря была лукавая привычка обращаться к темам, о которых Йама немного знал. Пытаясь выудить информацию, он действовал подобно рыбаку: забрасывал наживку и ждал, пока клюнет рыбка. Йаме случилось увидеть эти гигантские машины, скрытые в килевых породах основания мира, когда Беатрис доставила его домой, в замок Эдила, по древним подземным дорогам в толще глубинных пластов базальта. Однако в те времена Йама еще не подозревал о своих необычных способностях, и ему не пришло в голову попробовать нащупать контакт с этими громадными созданиями.

— Значит, так. Сейчас ты будешь помогать еретикам. Временно. — Доктор Дисмас говорил резко и очень решительно. — Окажешь им услуги, за которые в свое время мы потребуем платы. И пожалуйста, ради собственной безопасности не пытайся совершить какой-нибудь неосторожный шаг. Мои слуги — существа примитивные, они точно следуют инструкциям. Мне очень не хочется, чтобы ты оказался искалечен из-за какой-то досадной случайности.

Стараясь сдержаться, Йама так крепко сжал кулаки, что ногти впились в ладони. С безразличной интонацией он произнес:

— Каковы бы ни были мои способности раньше, теперь меня их лишили. И я этому рад. Но даже если бы я обладал прежней властью, то не стал бы служить тебе ни при каких условиях.

— Ты не понял. Вопрос о выборе не стоит. Не забывай о машине, она все еще где-то у тебя внутри, и я уверен, она себя проявит.

— Делай что хочешь. Можешь разбудить тварь, которую ты в меня вселил, можешь снова ввергнуть меня в немощь,

но не втягивай меня в свои дела. Я ни за что не встану на твою сторону и не проникнусь твоими идеями.

Йама отвернулся, прошел к кровати и сел. Доктор Дисмас остался у окна. Завернувшись в мантию, он не спеша, тщательно раскурил новую сигарету, выпустил струю дыма и стал смотреть на расстилающийся у его ног город. Всем своим видом он напоминал завоевателя после только что одержанной победы. Наконец, не оборачиваясь, он произнес:

— Остынь-ка, Йамаманама. Я тебе даже завидую. Когда меня настигло преображение, я был одинок, моя госпожа была стара и увечна. Мы оба чуть не погибли еще до того, как союз был окончательно заключен, а потом еще раз, когда возвращались прежним путем сквозь Стеклянную Пустыню. Тому уже почти сорок лет. Удивительное совпадение, не правда ли?

Несмотря на отвращение к аптекарю, Йама заинтересовался и, пересилив себя, спросил:

— Это как-то связано с Древней Расой?

— Ну-ну, я смотрю, ты собирал сведения о своем прошлом. Тем лучше, сэкономим время. Да-да, один человек Древней Расы имеет к этому самое прямое отношение. К тому же самый важный из них. Все люди Древней Расы были, в сущности, вариациями одной темы, а та, которую называли Анжелой, была наиболее близка к оригиналу. Полагаю, ты с ней встречался.

Женщина из оракула! Женщина в белом.

Йама произнес:

— Это матрица существа возрастом в пять миллионов лет. Истеричная особа, не сумевшая стать богиней и сбежавшая от своих врагов в другую галактику. Там она тоже не смогла найти себе применения и явилась сюда, решив поэкспериментировать со Слиянием. Она-то и есть первоисточник ереси, ее убили ее собственные товарищи.

— Верно, верно. Но до того, как ее убили, Анжела оставила свою копию в пространстве оракула. Это ее фантом, с ним ты как раз и разговаривал. Ей хочется сделать из тебя союзника, потому она и рассказала историю своей жизни. И, разумеется, дала понять, насколько она могущественна.

— Я ее уничтожил, доктор, — холодно сообщил Йама.

Доктор Дисмас тонко улыбнулся.

— Это вряд ли. Тебе еще многое предстоит узнать о свойствах рассеянной информации. Матрица Анжелы хранится в форме закодированного светового сигнала в самой глубине пространства оракула. Возможно, пройдя трансформацию и став сильнее, ты действительно сумеешь ее уничтожить, если, конечно, я сочту это полезным, а пока ты справился только с копией копии. — Доктор Дисмас запустил руку в глубокий карман мантии и

извлек пластиковые соломинки, которые любил вертеть в руках, когда ему требовалось принять решение. Он покрутил горку соломинок на ладони, растянул губы в коварной усмешке, а затем отложил палочки в сторону. — Судьба богов в моих руках, правда забавно? Ах да, у тебя нет чувства юмора, Йамаманама. Однако твоей вины тут нет. Любой человек, воспитанный этим старомодным, ограниченным идиотом, к тому же помешанным на дурацких предрассудках, стал бы...

Йама взревел и вновь кинулся на доктора Дисмаса... и вновь был отброшен одной из машин. Однако прежде, чем рухнуть на пол, он с радостью заметил, как аптекарь в страхе отшатнулся. На мгновение Йама ослеп от безмолвного вихря черных и красных молний в мозгу. Ощущая вкус крови во рту и нестерпимый звон в ушах, он перекатился на спину и попытался встать на колени. Когда ему удалось подняться, комната ходила перед глазами ходуном, и он тут же присел на край кровати.

Дисмас закурил новую сигарету и стоял, наблюдая за Йамой с искренней симпатией.

— Прекрасно. Тебе еще понадобится твой боевой дух, Йамаманама, — заметил он. — Дорога, которую я для тебя избрал, нелегка, но в конце концов ты сам скажешь мне спасибо. Ты, как в свое время я, подвергнешься трансформации — я объясню тебе, как это происходит.

Я считаю, что в развитии Слияния наблюдаются катастрофические симптомы регресса и загнивания. Вдумайся: наши технологии родились за пять миллионов лет до сотворения мира, тем не менее Древняя Раса смогла манипулировать той их частью, которая скрыта от глаз десяти тысяч рас Слияния или же утеряна для них. К примеру, Анжела смогла проникнуть в пространство оракулов и многое там узнала.

— Она уничтожила аватар, — сказал Йама. — В народе считают, что это сделали еретики, однако аватары умолкли задолго до начала войны.

— Помолчи. Сейчас говорю я. Ее историю ты, похоже, уже слышал. Она пыталась тебя завербовать, а ты, я полагаю, оказал сопротивление, иначе ты был бы теперь не здесь, а совсем в другом месте. Ты поступил абсолютно правильно. Анжела нам не друг, Йамаманама. Союзник — да, но не друг. Энобарбус подчиняется ей безоговорочно, но у нас имеются свои соображения. Кроме того, многое из сказанного ею служит лишь ее собственным целям, иначе говоря, не является правдой. Аватар уничтожила не Анжела, это работа одной из ее копий, которую Анжела поместила в пространство оракулов. Фантом, с которым ты общался, был копией той самой копии, но это не имеет значения. В любой из своих форм это просто убогое, обманутое создание. Когда

Анжела погибла, женщина-фантом оказалась среди врагов и бросилась в нападение. Именно тогда погибли аватары, и не только они. Сгинули многие справочники, карты и архивы, заключенные в пространстве оракулов. Это и была настоящая война, а та, что тянется с тех пор между еретиками и бюрократами, — просто ее жалкая тень, ведь бюрократы потерпели поражение еще до того, как первый корабль с кучей идиотов на борту отправился из гавани Иза подавлять волнения в серединной точке мира.

Однако все это нас не касается. Пока Анжела спускалась вниз по реке к самому дальнему и ничтожному городу Слияния, где собиралась посеять семена будущей ереси, в то самое время я вступил в пределы Стеклянной Пустыни. По образованию я — аптекарь, моя семья принадлежит к Департаменту Аптекарей и Хирургов уже тысячи лет, но я стремился к более глубокому знанию, знанию тайному, скрытому, забытому или запрещенному жрецами и чиновниками, которых пугает истинная судьба мира. Еще ребенком я изучил все закоулки в библиотеке департамента, все ее сокровища. Мое детство пришлось на те времена, когда иеродулы, обитающие внутри оракулов вместе с аватарами, еще не были уничтожены, а потому письменными источниками тогда практически совсем не пользовались. Среди хранящейся в них информации было полно ерунды, но мне удалось отыскать несколько настоящих драгоценностей.

— Там ты и встретил Элифаса, — заметил Йама.

— Нет, нет, это случилось в другой период. Разумеется, я его знал, как ребенок знает в лицо всех, работающих там, где проходит его детство. Однако сомневаюсь, что я сказал с ним хоть слово до своего прошлогоднего возвращения. В то время Элифас давно уже бросил поиски древних сокровищ — письменных раритетов, но вот его друг, а когда-то и партнер, начальник всех служителей библиотеки, очень меня поощрял. Сам он интересовался картами, но я нашел кое-что получше.

Я обнаружил личный отчет одного хирурга, жившего пять тысяч лет назад. Он работал среди непреображенных рас в серединной точке мира, и ему удалось заметить целую серию странных симптомов, встречавшихся у кочевых кланов, которые временами осмеливались забираться в районы древних боевых действий в Стеклянной Пустыне. Необычным было то, что одни и те же симптомы отмечались у представителей различных рас. В большинстве кланов зараженных особей убивали либо изгоняли, однако в некоторых племенах их болезнь считали благословением Хранителей, они становились предсказателями, пророками, оракулами, шаманами и тому подобное.

— Это та самая болезнь, которой ты заразил меня! — воскликнул Йама.

Доктор Дисмас вдруг резко ткнул рукой в сторону Йамы и с внезапным гневом завопил:

— Молчи! Хватит меня прерывать! Ты будешь молчать, иначе я...

Руки доктора сотрясала крупная дрожь. Он стремительно отвернулся к окну. Плечи его вздымались. Когда он снова обернулся к Йаме, на лице его играла улыбка, а в голосе звучали сладкие ноты:

— Это моя история, Йамаманама. Не забегай вперед. Ты думаешь, что тебе многое известно, но ты ошибаешься.

— Не скажу, что твоя история меня очень заинтересовала. Я хотел бы как можно скорее увидеть ее конец.

— На самом деле очень даже заинтересовала! Уж я-то знаю! А кроме того, — продолжал доктор Дисмас все тем же медоточивым голосом, — если ты не захочешь слушать, я отрежу тебе ухо, но не сразу, не сразу. Настругаю его тоненькими ломтиками. Это будет тебе уроком. Так на чем я остановился?

— Ты нашел древний отчет о путешествии.

Сам того не желая, Йама заинтересовался рассказом. История доктора Дисмаса очень напоминала ту, с помощью которой Элифас заманил его в низовья. Элифас заявлял, что обнаружил сообщение о таинственном городе в отчете человека, путешествовавшего по Стеклянной Пустыне. По словам Элифаса, этот город населяли люди одной с Йамой расы. Документы, которые он показал Йаме, были подделкой, но кто знает, может быть, ложь старого посыльного уходила корнями в истину?

Доктор Дисмас продолжал рассказывать:

— Эти убогие записки никак не шли у меня из головы, я возвращался к ним снова и снова, пока наконец не выучил наизусть. Я даже снял с них копию. Но тогда я был еще ребенком, и впереди меня ждали долгие-долгие годы учебы. Постепенно моя увлеченность поугасла, я обратился к другим мыслям. Получив диплом и отправляясь к своему первому месту службы, я взял с собой только инструменты моей профессии, сложив их в кожаную сумку, оставшуюся еще от деда, да прихватил стандартный каталог травных сборов, микстур, ингредиентов и тому подобного. Ту копию мемуаров я с собой не брал, забыв о ней, как и о других детских забавах.

Не стану утомлять тебя подробностями службы на моем первом месте, да и на втором тоже. Я был молод, глуп и наивен, стремился творить добро в мире, где это добро способно одерживать лишь временные победы. Но когда я получил третье назначение, в мою жизнь вмешалась сама судьба. Видишь ли, Йамаманама, я не верю в Хранителей. Точнее, я не верю, что они продолжают существовать в феноменологической Вселенной. Однако в

тот момент все выглядело так, будто в мою жизнь вторглась какая-то неведомая сила и изменила ее навсегда.

Меня направили в небольшой городок за падением Великой Реки, у самой границы Стеклянной Пустыни, и вот тут-то я столкнулся с теми симптомами, о которых с таким удивлением читал еще в детстве.

Разумеется, мой интерес вспыхнул с новой силой. Летом я отправился в путешествие с торговым караваном и посетил множество стойбищ непреображенных кочевых племен. Наблюдая различные стадии болезни, я получил возможность составить представление о ее ходе. Мне удалось проследить развитие симптомов от момента появления простых бляшек и связанной с этим потери чувствительности до возникновения маний, слепоты и смерти. Мне представилась возможность произвести вскрытие свежего трупа — для этого пришлось взломать гробницу — и обследовать все наросты и узлы вдоль нервных волокон. Проследив пути миграции различных кланов кочевников по окраинам Стеклянной Пустыни и соотнеся их со случаями болезни, я сумел вычислить очаг ее распространения.

Не стану утомлять тебя описанием всех трудностей, с которыми мне пришлось столкнуться. Я никому не мог довериться, а потому шел один, что едва не стоило мне жизни. Стеклянная Пустыня — это настоящий кошмар. За Большим Хребтом нет свободной воды. Тамошняя река — зеркальное отражение нашей Великой Реки — высохла еще в Эпоху Мятежа. Вся эта местность — сплошной жар и нестерпимое сияние, бесконечные песчаные дюны, солончаки, кратеры расплавленного стекла, выжженная земля. Там ничего не растет, только камнеломки и какие-то жилистые растения, больше похожие на машины, чем на живые организмы. Увидев их, я понял: мемуары не солгали. А подойдя к кучке этих созданий чуть ближе, я едва не погиб.

Отправляясь в путешествие, я взял с собой несколько верблюдов и мула, однако верблюды пали от болезни, и мне пришлось оставить большую часть провизии у их трупов. Мул оставался со мной, но потом разразилась страшная песчаная буря. Она длилась двенадцать дней, и все это время мул был привязан у моей палатки. Когда я наконец сумел выбраться наружу и сквозь красноватую пыль увидел мутный диск солнца, то нашел только кости несчастного животного. Какие-то твари, похожие на грифов, ссорились из-за останков моего спутника. Эти птицы тоже отчасти были машинами, и когда они обратили свое внимание на меня, мне пришлось их убить. Одна задела меня крылом, и жесткие перья рассекли мне грудь до самых ребер.

Я отправился дальше, страдая от ран, таща на себе все свои пожитки и зная, что на обратный путь не хватит ни

хлеба, ни воды. Я шел по ночам, а днем укрывался от демонов пыли и жара, а также от внезапных песчаных бурь, гнавших острые как лезвия кремневые иголки. Днем стояла нестерпимая жара, ночью наступал такой холод, что дыхание застывало кристалликами льда. Небо было абсолютно чистым. Мой взгляд беспрепятственно проникал в самые глубины Вселенной: я видел туманности, искорки далеких галактик, видел тусклое свечение первичного космического яйца-прародителя. Так я двигался четыре дня, а на пятый нашел то, что искал.

Доктор Дисмас зажег новую сигарету. Руки его сильно дрожали. Йама не отрываясь следил за каждым движением доктора. История полностью захватила Йаму, он чувствовал: то, что когда-то случилось с доктором, сейчас происходит с ним самим. Черно-красные вспышки перед глазами усилились. Казалось, он смотрит на мир сквозь колышущиеся на неощутимом ветру полотнища полупрозрачных знамен. Страх бился в его груди огромными стальными крыльями. Йаме чудилось, что он вовсе не попал возле оракула в плен к доктору Дисмасу, вместо этого он перевалился через край мира и теперь летит вниз, в бездну, что все это — кошмарный сон, и сейчас Йама проснется, чтобы оказаться еще в более страшной действительности.

— Эх, Йамаманама, — проговорил наконец доктор Дисмас. — Дитя Реки! Как я тебе завидую! Все это было так давно, что у меня в памяти сохранилось лишь несколько по-настоящему ярких воспоминаний; я так долго играл с этими драгоценностями, что теперь они совсем истерлись, словно мелкие камушки в ложе быстрого горного потока. Это было так ужасно и так прекрасно! Такая боль и такая радость! Такая радость!

Йама остолбенел: старый аптекарь плакал!

Лицо доктора Дисмаса заострилось, но выражение восторга с него не уходило.

— Да, да, — сказал он. — Слезы, обыкновенные человеческие слезы. Слезы о том, чем я был. И чем стал в объятиях своей страсти. Я заново родился на свет. Родился в крови и боли. Но из всего этого явилась безмерная слава и радость. Такая безмерная радость!

Левой рукой он отер слезы с темного, задубевшего от бляшек лица и громко потянул носом. На физиономии доктора Дисмаса чувства проявлялись очень редко, и сейчас он напоминал театрального мима, который держит перед раскрашенным неподвижным лицом маску подходящей к случаю эмоции. (Йама вдруг подумал, не по плану ли Хранителей практически у всех рас Слияния одинаково выражаются все чувства: страх, надежда, гнев, любовь, счастье, скорбь.) Истинные помышления доктора Дисмаса были загадочны, но сейчас он впервые показал нечто похожее на человеческие переживания.

— Да, да, — наконец произнес доктор Дисмас, слегка шмыгнув носом. — Я до сих пор волнуюсь, вспоминая о тех временах. Я добрался до цели и сам этого не понял. Я был в бреду. Ожоги и ссадины покрывали все мое тело. Кожа почернела и растрескалась от солнца, при каждом движении из ран сочились кровь и гной. Все связки распухли. Дело было на рассвете. Дул бешеный обжигающий ветер. Он вытягивал из моего тела последние капли влаги. Я добрался до какого-то хаотического лабиринта. Земля там походила на грубое, шершавое стекло, исчерченное путаницей причудливых хребтов и каньонов. Истощенный и больной, я понимал, что еще до конца дня или к закату следующего обречен умереть. Кое-как я дополз до глубокого ущелья, поставил в его тени палатку и заполз внутрь.

Моя возлюбленная услышала звук шагов за много лиг, уловила его сотнями антенн-усиков, рассеянных по поверхности пустыни. Она наблюдала за мной десятками глаз, и эти глаза были повсюду. Они сверкали кристаллами в скальных породах, обшаривали местность, извиваясь на гибких стебельках-шеях, которые моя госпожа вырастила из обломков собственного тела.

Как раз эти щупальца-стебли явились за мной в самый пик полуденного зноя.

Сотни, а может, тысячи паукообразных созданий из черного матового стекла с глухим дробным шумом двигались по пустыне. Когда первый из них рассек полог моей палатки, я очнулся от тяжкого забытья и в панике схватился за энергопистолет. Уничтожив с десяток непонятных тварей, я успел выскочить из охваченных пламенем обрывков палатки, но увидел сотни новых врагов, прилепившихся к отвесному склону каньона, под которым я нашел приют. Они всей массой бросились на меня, я ощутил острый укол, почувствовал, что тело мое сковано коконом, и потерял сознание. Так началось...

В этот момент прямо из пустоты раздался звонок.

— Ну, что еще? — раздраженно бросил доктор Дисмас и повернулся к Йаме спиной, продолжая разговор с невидимым собеседником. — Неужели нельзя подождать? Да, мальчик. Да, я. Да. Нет, я хочу ему рассказать. Ты и не поймешь зачем, если не... Разумеется, я знаю, что ты... Ну хорошо, раз ты считаешь, что это необходимо...

Доктор Дисмас обернулся и впился в Йаму взглядом своих желтоватых глаз, будто видел его впервые.

— Так мы говорили о моем романе, о встрече с любовью. Я рассказал тебе о самом начале, о мелких машинах, которые суть такие же части тела моей возлюбленной, как у тебя, Йамамана-ма, — глаза, уши, пальцы, ступни. Они отыскали и парализовали меня, как оса парализует жирную гусеницу. И

подобно осе, они обволокли меня коконом, сотканным из материи собственного тела. Нити этого вещества обладали неким подобием интеллекта и тотчас начали исцелять мое израненное тело. Эти же машины доставили мне воду, обогащенную витаминами, аминокислотами и солями, и выпаивали меня, как дитя.

Сам я пребывал в жестокой лихорадке и не осознавал, где я и что со мной. Мне представлялось, что я нахожусь в госпитальной палатке, стоящей в прохладной тени пальм; за белыми парусиновыми стенами журчит вода. Возможно, это было лишь предвкушением будущего блаженства. А тем временем моя возлюбленная подбиралась ко мне все ближе.

Она поняла, что в моем лице ей досталась бесценная добыча. Раньше она позволяла своим отросткам инфицировать всех попадающихся кочевников, но то, что вырастало в телах аборигенов, обладало не большим интеллектом, чем сами отростки. Сейчас она росла в мою сторону, как трава в пустыне прорастает корнем к подземному источнику воды.

Я до сих пор не знаю, сколько все это длилось, но наконец она до меня добралась. Серебряная нить, не толще паутинки, пробила мой череп и, бесконечно ветвясь, слилась с нейронами зрительного и слухового центров моего мозга. И тогда возлюбленная явилась моему взору во всем ужасающем великолепии своей славы. Она поведала мне истинную историю нашего мира.

Не стану пересказывать тебе ее повествование. Ты должен сам получить это знание. Сейчас оно зреет в твоем разуме. Скоро процесс будет завершен, и оно проснется. Скажу лишь, что это новое знание изменило меня полностью и бесповоротно. Я узнал о фантастических сражениях, которые моя возлюбленная вела за пределами воздушного кокона нашего мира, о величественных победах, о сокрушительном поражении и последовавшем за ним падении. Она рухнула с невообразимой высоты и с громадной скоростью, трансформируясь во время падения. Удар о земную твердь был страшен, и она глубоко вонзилась в самую мантию. Бешеная энергия падения растопила скальные породы, и моя возлюбленная оказалась в оплавившемся подземном склепе. О, я вижу, ты понимаешь. Да, да, ты пробуждаешься. Ты чувствуешь, правда? Она пролежала там десять тысяч лет, постепенно преображая себя и рассылая по пустыне свои отростки, которые слушали, смотрели, изучали обстановку.

Только вообрази, дитя, какова сила духа. Десять тысяч лет агонии и борьбы за выживание в абсолютном одиночестве. И лишь совсем недавно она решилась вступить в контакт со своими соплеменницами, пережившими войны Эпохи Мятежа. Допрашивая попавших к ней жалких аборигенов, она методом

дедукции получала представление о происходящих в мире событиях. Отростки поразили своими жалами множество кочевников, однако назад возвращались лишь единицы, к тому же их убогие жизни давали слишком мало информации.

Но тут появился я, и все изменилось. Дело даже не в том, что я принадлежал к одной из преображенных рас. Важнее оказался момент моего появления: я прибыл вскоре после того, как Анжела вторглась в пространство оракулов. Моя возлюбленная услышала ее зов. Вот почему меня излечили и вернули в мир, чтобы я мог собрать информацию о новой войне и найти союзников.

Однако мои деяния оказались куда более важными. Да, да, я сумел дать своей возлюбленной много, много больше. Я привел к ней героя, последнего из Строителей, Дитя Реки! И возлагаю его к ее ногам. Семена, которые я заставил его проглотить, исходят, разумеется, от моей возлюбленной, да-да, от нее, и от твоего отца. Теперь мы едины, ты и я! — Доктор Дисмас закончил речь, неумело улыбнулся и низко поклонился.

— Я скорее умру, доктор, — ответил Йама. — Я не стану служить.

— Но ты ведь проснулся, — весело отозвался доктор Дисмас. — Я знаю! Я чувствую! Поговори со мной, дорогое мое дитя! Время настало! Пора!

И тут Йама осознал, что все это время аптекарь говорил сам с собой и с той машиной, которая росла у него внутри. Поняв это, Йама почувствовал, как в груди разорвался комок нестерпимой боли. Черно-красные языки пламени заполнили весь мир. Среди багровых волн боли возник силуэт — зародыш цвета чистого золота, свернувшийся колечком. Он медленно поднял тяжелую, слепую голову и повернул ее к Йаме, и тот с ужасом подумал, что если глаза этого создания откроются и их взгляд встретится с его собственным, то он, Йама, лишится рассудка. Зародыш стал говорить. Казалось, голос принадлежал самому Йаме.

Не станешь служить? Но тогда ты пойдешь против природы своей расы. Твой народ был сотворен, чтобы служить Хранителям и строить сей мир. Пусть люди твоей расы давно ушли, но ты — здесь, и ты будешь служить. Будешь служить мне.

Снаружи, из мира, плывущего над огнем, раздался другой голос, глубокий, звучный и очень злой:

— Что ты с ним делаешь? Сейчас же прекрати, Дисмас! Прекрати немедленно! Я приказываю!

Боль отступила. Видение растаяло. Выгнутое дугой тело Йамы обмякло, голова его безвольно склонилась набок. И вот сквозь черно-красную дымку Йама увидел густую гриву волос и страшное, иссеченное шрамами лицо воина-еретика, предателя Энобарбуса.

3. ТОРГОВЕЦ

Трое суток Пандарас и Тибор спускались вниз по реке, держась вблизи мангровых рощ, окаймляющих дальний берег. Пандарас не мог решиться пересечь бесконечную речную гладь на хлипком плоту, ведь первая же более или менее серьезная волна перевернет его в единый миг. Плавал Пандарас совсем неплохо, тем не менее каждую ночь он привязывал себя к огромным связкам камыша, чтобы не соскользнуть во сне в воду и не утонуть, так и не успев проснуться. Сам он спал очень мало, а Тибор не спал совсем. Иеродул сказал, что бессонница — еще одно проклятие, которое наложили на его расу Хранители. Хмыкнув, Пандарас подумал, что это объясняет полное отсутствие воображения у его спутника: ему не дано видеть сны.

Искорка в монете не разгоралась, но и не меркла. Очевидно, Йама жив, но он очень далеко. Ну и пусть! Каждый раз глядя на керамический диск, Пандарас молился только об одном — найти своего хозяина. Пусть для этого придется забраться за край мира, пусть придется потратить всю жизнь!

Тибор мерно работал веслом. Мимо в молчании проплывал лохматый берег в зарослях ризофор, качались на мелких волнах островки смоковниц, полные зеленой мерцающей тени, которую не мог разогнать яркий полуденный свет сияющего солнца. Чтоб скоротать время, Пандарас в подробностях описал все приключения, которые он пережил вместе с Йамой. Рассказал, как назначил себя оруженосцем Йамы после событий в трактире «Скрещенные топоры», когда хозяин задумал убить Йаму из-за двух реалов. Как они встретили наемницу Тамору, как попытались вернуть на корабль беглого моряка. Описал разрушение Храма Черного Колодца и поход во Дворец Человеческой Памяти (правда, сам Пандарас после удара по голове не слишком-то много об этом помнил). Потом был заговор в Департаменте Прорицаний, пленение, префект Корин, бегство из заключения, когда Пандарас впервые по-настоящему испугался своего господина. Окутанный бешеным синим огнем, Йама был страшен в своем гневе. А сотворенное Йамой чудо? Тогда он преобразил младенца одного из туземных племен, обитающих во Дворце. Ликующая великолепная процессия сопровождала Йаму по бесконечным улицам Иза до самого порта. Остальное Тибор и сам видел. Путешествие на «Соболе» в низовья. Гибель родного дома Йамы. Преследующий их префект Корин. Его страшная смерть при нападении гигантских полипов, шторм, кораблекрушение... Однако Пандарас любил рассказывать, а потому все равно поведал слушателю об этих событиях.

— Мой господин говорит, что легенды и рассказы — это единственный способ достичь бессмертия без благословения Хранителей. Для моего народа они — смысл жизни. Наша жизнь коротка, но она надолго остается в памяти благодаря рассказам и песням. Хорошая легенда может пережить сотню поколений, детали могут меняться, но суть останется прежней, и ее герои будут оживать всякий раз, когда кто-нибудь начинает рассказ. Может, так будет и с нами, ведь мир еще не знал более поразительной истории.

— Весь мир — это только легенды, — помолчав, откликнулся Тибор, равномерно взмахивая веслом. — Кто может отыскать в Великой Реке каплю, упавшую с кончика листа? Кто может сказать, где кончается одна история и начинается другая?

Пандарас решил, что Тибор привел цитату из какой-то малоизвестной суры в Пуранах, и в кои-то веки придержал язык, не желая пускаться в теологический спор с иеродулом — священным рабом.

Ночи в это время года были глухи и темны, их скрашивал лишь тусклый свет Ока Хранителей. Каждую ночь Око всходило чуть раньше, и прежде чем двинуться вниз, к дальнему берегу за темной гладью речной равнины, оно взбиралось по черному небосводу чуть выше. В необъятной тишине ночи Пандарас острее ощущал пустынность этого дикого берега, где не обитало ни единое человеческое существо, и он чувствовал облегчение, когда птичьи песни, крики обезьян, яростный лягушачий хор приветствовали подступающий рассвет. С каждым днем становилось заметно жарче, но Тибор, казалось, не чувствовал зноя. Он объяснил, что вырос в куда более жарком климате, поблизости от серединной точки мира, а здешнее мягкое солнышко — это просто ерунда.

У них не было соли, а потому мясо антилопы испортилось прежде, чем они успели съесть даже четверть, но пищи хватало, только не зевай. На банановых и фиговых деревьях поджидали спелые плоды. Тибор соскребал жесткое волокно с гигантских папоротников, окаймлявших мангровые заросли, и плел из него сети. На отмелях он ловил сомов и миног, а Пандарас тем временем лазил в кронах смоковниц, добывая из гнезд яйца птиц и ящериц. К тому же Тибор ел и насекомых, частенько прямо на лету хватая их длинным красным языком.

Иногда им случалось заметить вдали, на самой середине реки, смутное пятнышко паруса караки или фрегата, направляющихся на войну, а однажды над плотом долго кружила машина. Потом она взмыла вверх и унеслась к туманной линии обитаемого берега. Крохотная машина напоминала осу с десятком парных стрекочущих крылышек и целой гроздью красноватых глаз. Вспомнив машины, которые префект Корин посылал им вслед, Пандарас поднял арбалет и держал его, пока машина кружила и пикировала у них над головой. Однако префект Корин наверняка

погиб. Утонул, когда гигантские полипы в клочья разорвали его корабль. Со дна реки полипов вызвал Йама... В Слиянии множество машин, уговаривал себя Пандарас. Эта ничего не означает.

К вечеру следующего дня они добрались до хижины странствующего торговца. Укрытая тенью высоких ризофор на берегу тихой заводи, жалкая хибара пряталась в ветвях древней смоковницы. Ее стены и остроконечная крыша были сложены из травяных матов. Внизу, на неподвижной, черной воде приткнулось с десяток маленьких лодок. Гладкие матовые листья смоковницы блестели в свете множества лампочек, похожих на стаю ярких светлячков. Из кассетного магнитофона по реке катились отчетливые звуки музыки. Тибор направил плот к домику, и потревоженные птицы тотчас подняли гвалт, предупреждая о появлении незнакомцев.

Торговца звали Аюлф. Этот старик с маленьким хитрым личиком принадлежал к знакомой Пандарасу расе полулегальных торговцев, которые занимались контрабандой сигарет и других запрещенных товаров в племена аборигенов. Многие из них добывали себе пропитание грабежом и разбоем в бесконечных доках Иза или на Великой Реке. Вся одежда Аюлфа состояла из набедренной повязки, под которую он постоянно лазил, чтобы почесать и устроить поудобнее свои гениталии. Его длинные ноги были жилистыми и крепкими на вид, а маленькую головку венчал невероятно грязный размотавшийся тюрбан. Сальные волосы, как пики, торчали из-под него во все стороны. Глаза Аюлфа цветом напоминали огонь или янтарь. Задумываясь, он постоянно тихонько бормотал, а время на размышления у него было: жадно уплетая соленую смесь риса и рыбы, Пандарас излагал ему весьма отредактированную версию своих приключений.

Аюлф вел торговлю с местными рыбарями, выменивая сигареты, дешевую посуду, рыболовные крючки, нейлоновые сети, листовую бронзу и железо на кожи ящериц, змей, кайманов, шкуры болотной антилопы, перья райских птиц и других редких видов, а также на лекарства, получаемые из мхов и лишайников, растущих на смоковницах и в мангровых зарослях. Вся хижина была забита тюками сигарет, упакованных в черный пластик, деревянными ящиками, машинами и их обломками. Большое ружье, разобранное на детали, лежало возле огромного плоского камня, служившего очагом. Под крышей висели соленые шкуры, между ними располагались ароматные связки листьев дегтярника — отпугивать насекомых. Смеркалось. В тусклом вечернем свете по дому двигались пять женщин из племени рыбарей и десяток их отпрысков. Они зажигали лампы, чинили одежду, возились у кипящего котла с вечным рыбным супом, болтали на своем диалекте, украдкой бросая взгляды на ужинающих гостей. Тут же скакала ручная

ворона, необычайно крупная, она доставала Пандарасу до пояса. Ворона смотрела на него блестящими бусинками глаз и, казалось, оценивала, насколько легко будет с ним справиться и каков он на вкус. Пол и черные пластиковые тюки были усеяны пятнами ее помета. Временами ворона издавала низкое грубое карканье и неожиданно бросалась то туда, то сюда, резко хлопая черными крыльями. Пандарас старался не упускать ее из виду и не расслабляться. Одну руку он постоянно держал на рукоятке своего кинжала, арбалет висел на плече. Хозяин не вызывал у юноши доверия.

— Не бойся моей птицы, — успокаивал его торговец. — Она никогда не видела таких, как ты, вот ей и любопытно. — Все это время он прижимал к себе самую молодую из женщин, теперь же шлепнул ее по ягодицам и отослал прочь. — Конечно, они просто животные, не люди. Но надо же и мне как-то жить, да и компания нужна. Понимаете, о чем я? У вас ведь тоже торговля вроде моей? Не отпирайтесь. Когда я вижу ловкого человека, то сразу понимаю что к чему.

Говоря все это, Аюлф смотрел в упор на Тибора, но вдруг, словно что-то вспомнив, он повернулся к Пандарасу и хитро ему подмигнул.

— Я смотрю, дела у тебя идут совсем неплохо, — вежливо заметил Пандарас.

— Река много чего приносит сверху, — бесстрастно ответил торговец, — да и с войны немало добра перепадает. — Он ткнул большим пальцем себе за спину, указывая на ружье. — Например, эта штучка. Я бы продал ее тебе, да только уже обещал одному другу. Он будет возвращаться и заберет. Там еще нужно отладить спусковой механизм. Но у меня есть и другое оружие. Можешь прикупить что-нибудь поосновательней, а арбалет я возьму в счет уплаты. В этих местах нужно настоящее оружие, мощное. Хранители не очень-то присматриваются, что делается на нашей части реки. Понимаешь, о чем я?

Пандарас подумал, что Аюлфов дружок точно пират. Наверняка торговцу приходится отдавать немалую толику своих доходов за покровительство и защиту.

— Ты щедр к своим друзьям, господин, — вежливо сказал он.

— В наших местах выгодно быть щедрым, — отозвался Аюлф. Он впился в хрящ остатками зубов, оторвал кусок и швырнул его вороне, та в воздухе перехватила его белым костистым клювом и целиком проглотила. — Оказываешь людям услуги, это помогает в делах и отгоняет неприятности.

— Я вижу, дела у тебя неплохи. У тебя хороший дом, много женщин, много товаров. Да что говорить, у тебя целый флот лодок!

— Ну конечно. В наших местах без лодки никак. А ваш плот, как он на реке?

— Для плота очень неплохо. Мой друг — человек опытный, он умеет управляться с плотами.

Желтые глаза Аюлфа метнулись к Тибору.

— Друг? Ха, ты, должно быть, богатый человек, раз у тебя такой друг. Думаю, ты заслуживаешь чего-нибудь получше, чем плот.

Медленно, медленно они подбирались к сделке и в конце концов вместе с Тибором спустились на самые нижние ветви смоковницы, чтобы осмотреть длинную, узкую пирогу. Лодку выдолбили в цельном стволе дерева, длинный утлегарь и высокий нос делали из нее вполне надежное судно. На дне лодки в вонючей воде лежал реактивный мотор. Завести его Аюлф не сумел, однако сообщил, что обычно тот просто летит, как райские гурии, которые поведут праведников к Хранителям в конце всех времен.

Солнце село, а маленькие огоньки в ветвях смоковницы не могли рассеять тьму. Под домом было довольно сумрачно, но Пандарас видел в темноте лучше, чем торговец. Он внимательно посмотрел на мотор и заметил, что тот перемазан грязью. Очевидно, его когда-то уронили в реку.

— Это большой мотор для маленькой лодки, — заметил он.

— У меня такая торговля, что иногда надо побыстрее убраться, — ухмыльнулся Аюлф, показав остатки своих зубов. — Зато с ним ты по реке доберешься куда угодно, к тому же быстро, как мысль Хранителей.

Пандарас улыбнулся собеседнику:

— Наверняка так и есть, если он отлажен. Если его вообще можно отладить. Входные и выходные отверстия забиты грязью и погнуты, но это нетрудно исправить. Хуже то, что камера сгорания могла совсем проржаветь из-за грязи, а впускные клапаны и свечи придется ремонтировать — это если они вообще работают. В баке для горючего тоже дыра. В него что, стреляли?

Аюлф пробежался длинными пальцами по лицу, потом дернул себя за ухо. Он бросил быстрый взгляд на Тибора и придвинулся ближе к Пандарасу, который тут же положил руку на эфес клинка. Торговец сделал вид, что не заметил этого жеста. От него шел мощный дух табака, пота и мочи.

— Если ты хоть что-то понимаешь в моторах, то должен видеть, что это хороший двигатель, очень мощный.

— Я вижу, что он весь поломан. Не сомневаюсь, тебе он достался от какого-то растяпы, который уронил его в воду или утопил вместе с лодкой. Этот мотор слишком долго пролежал на дне реки, и теперь от него никакого толку, однако я могу сделать тебе одолжение и забрать его, чтобы эта рухлядь не портила впечатления от твоего замечательного флота.

Поев горячего, вымыв руки и лицо в чистой, отфильтрованной воде, Пандарас почувствовал себя сносно впер-

вые с того момента, когда флайер похитил его господина и уничтожил «Соболь». Эта убогая хижина выглядела оазисом цивилизации, а торговля тоже была признаком цивилизации. Торгуясь, ты мог сравнить собственную ловкость с ловкостью своих соплеменников.

Пандарас заставил Тибора отнести мотор в дом, громко возмущаясь, что кто-то посмел всучить Аюлфу такую развалину. По этому поводу они больше часа рядились, попивая пахнущий мятой арак, причем каждый раз, когда одна из женщин отвлекала Аюлфа, Пандарас из осторожности выливал большую часть напитка сквозь щели в полу.

Аюлф был хитер и знал толк в торговле, но не настолько умен, как сам о себе думал. Он слишком долго прожил среди речных пиратов и простодушных рыбарей, а потому потерял навык. Он почти сразу предложил, чтобы Пандарас оставил ему Тибора, а взамен взял пирогу и мотор, а также множество запчастей к нему. Пандарас ответил, что ему нужна только пирога, но он все же может взять мотор, если тот не нужен Аюлфу. В конце концов сделка обошлась Пандарасу в половину запаса оставшихся от Йамы железных монет и оболочки сгоревших машин. Он еще раньше показал их Аюлфу и по внезапно расширившимся зрачкам торговца догадался, что тот их очень ценит. Аюлф открыл новую бутылку арака, чтобы отпраздновать сделку, и хотя Пандарас отпил только из вежливости, напиток сразу ударил ему в голову.

— Давай, давай! — подбадривал его хозяин. — Пей! Веселись, мы заключили удачную сделку. Обоим выгодно! Пусть твой раб тоже выпьет. Мы ведь друзья, правда?

— Я не употребляю алкоголь, — отказался Тибор. — Для нашей расы он — яд.

— Нет, нет, мы не хотим тебя отравить. Для твоего хозяина ты — целое состояние, — рассмеялся Аюлф и обратился к Пандарасу: — Ты и правда можешь отладить мотор?

— Постараюсь, — ответил Пандарас, открыл кожух камеры сгорания, вытащил впускные клапаны и стал их чистить.

Ворона скакала поблизости, склоняя голову то в одну сторону, то в другую. Ее глазки-бусинки зачарованно следили, как из грязевой корки появляются блестящие металлические детали. Аюлф искоса наблюдал за работой, а потом заметил, что, похоже, Пандарас действительно разбирается в двигателях.

— Один из моих родственников со стороны отчима торговал ими. Дело было в Изе, а там эти штуки запрещены, так что бизнес был незаконный. Некоторые считают, что наша раса известна только песнями и балладами, люди видят наши руки и думают, что для путной работы они не годятся. Но это не так. Пусть наши пальцы похожи на когти, однако в них есть сила, и когда нужно, мы умеем быть терпеливыми. Вот этот мотор с виду безна-

дежен, но если я им займусь, он будет лучше нового. Ты щедрый человек, Аюлф, миллион тебе благодарностей. Ну, давай еще выпьем твоего красненького. За мой успех!

— Поживи у меня несколько дней, — предложил Аюлф, — и твой раб тоже.

— Он не мой раб.

— Он должен кому-нибудь принадлежать, а он пришел с тобой. Хочешь, будем партнерами? Заработаем кучу денег... В этих местах можно многое сделать. Я слыхал, дела на войне идут неважно, а это совсем неплохо для таких, как мы, а? Из армии бежит все больше народу, продают свое барахло дешево, покупают, что им надо, дорого, а профессиональные наемники очень щедро платят за отличное оружие, на чьей бы стороне они ни воевали.

— Мне надо искать своего господина, — ответил Пандарас.

— И корабль, — добавил Тибор.

Аюлф налил рюмку Пандараса доверху, сам глотнул прямо из горлышка и вытер губы ладонью.

— Они тебя бросили, а? Может, вы поспорили или еще что вышло? Мне иногда случается подобрать тех, у кого возникли разногласия с командой, если, конечно, кайманы не найдут их раньше меня.

— Точно, там была драка, — вмешался Пандарас, выразительно посмотрев на Тибора.

— Вас побили и бросили гнить где-нибудь на острове? Я знаю, как это бывает. Думаете, они только и мечтают, чтобы вы вернулись? А скорее всего вы просто сбежали. Никто бы не оставил тебе такого ценного раба. Ну, точно, ты сбежал и взял его с собой. Ладно, ладно, я никому не скажу. Слушай, зачем тебе в низовья? У меня здесь есть все, что надо. Еда, выпивка, женщины. Конечно, эти женщины — просто животные, но они умеют приласкать мужчину после горяченького дельца.

Аюлф схватил одну из женщин, но она со смехом его оттолкнула и вернулась к плите жарить креветок на огромной черной сковороде.

— Одна стряпня на уме, — проворчал Аюлф и бросился к женщине, издавая забавный рокочущий звук. — Нашла время. Почему так поздно? Вы все только и делаете, что едите. И щенки ваши туда же. Не выбросить ли мне парочку из вас кайманам, а? Ну, кто первый? — Он наставил средний палец (длинный заостренный ноготь на нем был покрыт красным лаком) на ближнюю женщину и издал звук, похожий на выстрел. Она захихикала и закрыла лицо руками. Ее широко расставленные пальцы были соединены перепонками и заканчивались маленькими черными коготками.

— Кто-то идет, — предупредила старшая из женщин, сидевшая в дальнем углу хибары. Она была такой толстой,

что ее телеса свисали с обеих сторон табуретки. Маленьким ножичком она что-то вырезала из куска дерева. Кожа ее напоминала цветом зеленый заплесневелый сыр.

— Они несут тебе шкуры, хозяин, ты на них заработаешь, — продолжала она.

— Они читают мысли друг друга, — объяснил Пандарасу Аюлф. — В этом они не похожи на нас, мы привыкли прятать свои мысли у себя в черепах. У них все общее, как вода или воздух. Если одного убить, не будет никакой разницы.

Пандарас кивнул. Он возился с пружиной и тремя металлическими штуками, которые надо соединить, чтобы починить один из клапанов. Казалось, их слишком много, а руки у него стали совсем неуклюжи. Он был пьян, хотя не собирался напиваться. Но Аюлф тоже напился, к тому же у Пандараса есть кинжал и арбалет и, на худой конец, Тибор. Правда, тот, несмотря на всю свою силу и огромный рост, в драке может оказаться абсолютно бесполезным. Да еще рыбари идут. При них торговец не посмеет ничего предпринять.

— Тебе нравится считать, будто у нас на всех один разум, но ты и сам знаешь, что это не так, — обратилась к Аюлфу женщина из угла комнаты. — Просто мы все думаем одинаково. Тихо, они идут.

Снизу раздался свист и негромкий всплеск. Ворона забеспокоилась, вскочила на перила веранды, захлопала крыльями, ища равновесия, потом хрипло каркнула. Аюлф, спотыкаясь, бросился к перилам, оттолкнул птицу и вперился в темноту.

Голоса, казалось, всплывали наверх, как струи теплого воздуха. Торговец выругался и швырнул вниз полупустую бутылку, которую сжимал в кулаке. Слышно было, как она разбилась о ветку смоковницы.

— Проклятие! Уже поздно! Ты понимаешь, поздно! Приходи завтра!

Снова раздались голоса. Торговец снова выругался, перемахнул через перила и соскользнул вниз. Пандарас встал. Темная, полная людей комната закружилась у него перед глазами, его затошнило, и он выбрался на веранду. Внизу, в слабом свете разбросанных в ветвях смоковницы крошечных фонарей, Аюлф спорил с высоким худым человеком, который стоял в маленькой шлюпке. Человек держал в руках предмет, похожий на огромную растрепанную книгу. На самой границе освещенного пространства сгрудились другие ялики.

Тибор тоже вышел наружу и встал за спиной у Пандараса.

— Одна из женщин хочет с тобой поговорить, молодой господин.

— Тихо! Я хочу узнать, что тут происходит.

— Это дурное место.

— Сам знаю. Потому и хочу понять, что здесь делается.

— Надо уходить.

— Я хочу починить мотор. Я могу, только очень устал. Попозже. Я закончу его попозже.

Внизу Аюлф закончил свою длинную страстную речь, но человек в шлюпке ничего не ответил, и торговец в конце концов вскинул руки и вновь взобрался на веранду. Переваливаясь через перила, он свалился вниз лицом, встал, зашел в комнату, нашел новую бутылку араки, зубами открыл ее и сделал огромный глоток.

— Они просто невозможны, — ни к кому не обращаясь, проворчал он и глотнул еще раз, потом, обводя взглядом женщин, ладонью вытер мокрые губы. Где-то проснулся и захныкал ребенок. Еще двое детей вцепились в колени своих матерей и смотрели на торговца огромными черными глазами. Старуха в углу спокойно продолжала точить свою деревяшку.

— Животные, — пробормотал торговец. — Ну почему я провожу свои дни с животными?

Рыбари один за другим взбирались на веранду и, пригнувшись, проходили в общую комнату. Их было четверо, и в отличие от своих женщин все настолько худые, что, принадлежи они к расе Пандараса, всякий бы сказал, что эти люди умирают от голода. Волосы на их головах мели потолок — так они были высоки ростом. Кожа рыбарей играла множеством оттенков темно-зеленого цвета. В руках главного из четверки оказалась не книга, а большая связка шкур, которую он положил к ногам Аюлфа.

Пока торговец перекликался с предводителем рыбарей на каком-то квакающем диалекте, одна из женщин подползла к Пандарасу. Рыбарь сидел на корточках лицом к лицу с Аюлфом, при этом его острые колени торчали выше головы. Он бесстрастно кивал и время от времени брал из полного блюда креветку, тщательно ее разглядывал, затем бросал в рот и глотал целиком. Его товарищи не двигаясь стояли в тени у него за спиной, словно цапли, высматривающие лягушек. Почти все шкуры принадлежали болотной антилопе, одна была леопардовая. Аюлф расстелил ее перед собой и длинными ногтями стал гладить пятнистый переливающийся мех. Пандарас почувствовал легкое презрение, наблюдая, как несдержанно торговец демонстрирует свой интерес.

— Моя мать хочет поговорить с тобой, — прошептала женщина в ухо Пандарасу. — Мы знаем, что ты наш друг, и мы хотим тебе помочь.

Пандарас зевнул. Было уже очень поздно, к тому же он сильно опьянел. Опьянел и устал. Он уже оставил мысль наладить мотор сегодня. Пальцы потеряли ловкость, а желудок терзала непонятная боль. Попозже. Завтра. Комната раскачивалась перед глазами, как лодка на груди Великой Реки. Фонарики вдруг стали очень яркими — рой лихорадочно сверкающих светлячков, беспрестанно налетающих друг на друга. Удержать хоть что-нибудь в фокусе казалось абсолютно непосильной задачей.

Женщина коснулась амулета, который юноша носил поверх рукава рубашки. Жест показался Пандарасу слишком вольным, и он оттолкнул ее руку. Ему хотелось калачиком свернуться вокруг боли в животе и уснуть.

— Твой господин просто дурак, — с трудом проговорил Пандарас. Все это время он ощущал настойчивый взгляд Тибора с противоположной стороны полутемной комнаты. — Я сам могу о себе позаботиться.

— Онкус, — произнесла женщина, но Пандарас забыл это имя, он тупо уставился на женщину, и она наконец ушла.

Через какое-то время Пандарас проснулся. Было совсем темно. Во рту у него пересохло, страшно болела голова, и он почему-то стоял. Потом Пандарас понял, что Тибор держит его за ворот изодранной рубашки и трясет что есть силы. Наконец он его отпустил. Под мышкой иеродул держал реактивный мотор.

В дальнем углу хибары в гамаке спал Аюлф в обнимку с толстой молодой женщиной. Внизу сопели во сне кучки ребятишек. У каменного очага сидела на табуретке все та же старуха и смотрела на Пандараса. В одной руке она держала украшенную резьбой деревяшку, в другой маленький ножик.

— Надо уходить, молодой господин, — хриплым шепотом произнес Тибор.

Пандарас выхватил кинжал:

— Я перережу ему глотку!

Он все еще был пьян. В желудке по-прежнему нестерпимо жгло, как будто он наглотался расплавленного металла. Мышцы рук и ног так сводило судорогой, что казалось, они сейчас треснут.

— Он меня отравил, — заплетающимся языком пробормотал Пандарас. — Я перережу ему глотку и буду смотреть, как он захлебывается собственной кровью!

Тибор перехватил руку Пандараса своей большой шестипалой кистью. Лезвие кинжала вдавилось в серую кожу иеродула, но не повредило ее.

— Ты сумел наладить мотор, — тупо заметил Пандарас.

— Он почти такой же, как у «Соболя», — отозвался Тибор и добавил: — Ты уж прости, молодой господин, но, думаю, тебе требуется помощь. — С этими словами он поднял Пандараса и перебросил его через перила веранды.

Они спустились почти до половины, когда Пандарас что-то вспомнил и стал снова карабкаться наверх. Тибор хотел поймать его за ногу, но Пандарас лягнул протянутую руку и двинулся дальше.

— Ранец и арбалет, — прошипел он. — Там книга моего господина и его деньги.

Когда Пандарас вновь появился в комнате, женщины зашевелились и зашептались между собой, но Пандарас не

обратил на них внимания. Он нашел ранец и арбалет у очага, книга оказалась внутри, но деньги исчезли.

— Где они? — прошипел он, обращаясь к старухе. — Куда твой хозяин спрятал мои деньги?

Она покачала головой и перехватила себе руками горло.

Пандарас показал ей кинжал:

— Я убью его прямо во сне. Покажи мне, где он их спрятал, и я уйду.

В этот момент громадная ворона заворочалась на своем шестке над крюком гамака, издала единственный резкий клекот и бросилась на Пандараса. Пандарас выронил ранец и вслепую замахал руками. Казалось, удары крыльев окружают его со всех сторон. Потом ворона клюнула юношу в руку, которой он прикрывал глаза. Наугад взмахнув кинжалом, Пандарас случайно задел птицу, и она тотчас отскочила в сторону, пятная пол кровью и волоча одно крыло. Пандарас бросился в погоню, хотя сам имел не менее дюжины кровоточащих ран. Увлекшись охотой, он потерял бдительность и внезапно оказался на полу, придавленный тяжестью тела Аюлфа и оглушенный исходящим от него жарким смрадом. На секунду Пандарасу показалось, что у Аюлфа тысяча рук и все они шарят по его телу, пытаясь найти и выхватить кинжал. И вдруг тяжесть пропала. Задыхаясь, Пандарас откатился в сторону и увидел, как Тибор швырнул Аюлфа через всю комнату. Тощий торговец со всего маху влетел в соломенную стену хижины, плетеные маты посыпались вниз, а торговец с быстротой молнии перекатился в угол. Кинжал Пандараса, вибрируя, торчал из доски, где только что был Аюлф. Теперь Пандарас сам кинулся искать укрытия.

— Я его убью! — закричал Аюлф. Дуло возникшего в его руке пистолета смотрело прямо на Тибора. Раб во весь рост стоял посреди комнаты, на плече его болтался арбалет. — Давай выходи, маленький умник, и может быть, я сохраню тебе жизнь, иначе раб умрет, а потом умрешь ты.

Вытянув перед собой руки, Пандарас встал, по лицу его струился холодный пот. Аюлф криво ухмыльнулся и поднял пистолет. Внезапно его рука дернулась и прилипла к столбу, который поддерживал крышу. Пистолет со стуком выпал из его ладони.

Тибор опустил арбалет.

— Надо уходить, — сказал он.

Аюлф ощупал стрелу, пригвоздившую его кисть к столбу, и закричал женщинам:

— Вытащите стрелу! Убейте их и вытащите стрелу!

Старуха наконец поднялась с табуретки. Пол затрещал под тяжестью ее веса.

— Идите, — махнула она Пандарасу. — Я им займусь.

Пандарас вырвал кинжал из доски, подхватил ранец, сунул в него две бутылки араки и бросился вслед за Тибо-

ром. Почти не задерживаясь, он пролетел сквозь ветви смоковницы и шлепнулся спиной в вонючую воду на дне пироги.

Пока Тибор отталкивал лодку от берега, Пандарас установил мотор на штыре и спросил Тибора, починил ли он бак.

— Да, сделал каучуковую пробку, — отозвался Тибор.

У Пандараса сильно дрожали руки. Наполняя бак, он пролил на себя половину араки. С третьего раза мотор завелся, чихая и кашляя, и выплюнул целое облако пузырей. Пандарас повернул рукоятку вверх, из входного отверстия раздался тяжелый стук, из сопла вылетела кремовая, поблескивающая в темноте струя, и пирога рванулась вперед. Вместо руля Тибор воспользовался веслом. По широкой дуге лодка двинулась к открытой воде, а за ее кормой, сливаясь с темным берегом, медленно таяло созвездие маленьких огоньков, развешенных по ветвям древней смоковницы.

Оглянувшись, Пандарас увидел, как на веранде появился Аюлф. На плече он тащил что-то тяжелое. Гаубица! Из ее жерла вырвался столб пламени. Аюлф повалился на спину, а на крыше хижины показались огненные языки.

Горючее в моторе кончилось, когда солнце только начинало выбираться из туманной дымки, укутавшей Краевые Горы далеко от обитаемого берега Великой Реки. Когда мотор чихнул и затих, Пандарас перевернул его и поставил на корпус, а Тибор, устроившись на коленях в носовой части пироги, взялся за весло.

Дальний берег остался за много лиг позади лодки, его мангровые заросли черной лохматой каймой вырисовывались на фоне светлеющего неба. Беглецы пока не обнаружили никаких признаков погони. Без сомнения, Аюлф сейчас слишком занят, спасая свой дом и имущество от пожара, вызванного неудачным выстрелом гаубицы.

— Женщины рассказали мне, что они добавили ему в араку сонного порошка, — сообщил Пандарасу Тибор, — но они знали, что когда он проснется и увидит, что ты еще жив, то все равно попытается тебя убить, хоть и будет бояться.

Пандарас хищно улыбнулся. Голова и желудок все еще болели, но он уже не был пьян.

— Разумеется, он трусил, — с гордостью заявил Пандарас. — Потому он так много и пил. Потому что боялся и потому что стыдился собственного страха. Если бы он решился что-нибудь предпринять, я бы его убил. И он знал это. Мне случалось убивать людей и посильнее, на них были доспехи и вооружение — энергопистолеты.

На самом деле такое случилось лишь однажды: Пандарас убил охранника у ворот поместья беглого звездолетчика. Пандарас справился со стражем с помощью хитрого приема, и

почти тотчас его поймали другие охранники. Тем не менее у него осталась твердая уверенность, что, если потребуется, он снова может убить.

— Аюлф боялся меня, а не тебя, маленький господин, — безмятежно объяснил Тибор. — Он знал, что ты — мой хозяин, и если он попытается застрелить тебя, задушить или прибить, я обязательно вмешаюсь. Но он прекрасно понимал, что, как только ты умрешь, я должен буду служить ему. Потому он подмешал тебе в стакан отраву; рыбари такой усыпляют рыбу, но ты вылил почти всю араку и спасся.

— Ха! Значит, ты считаешь себя более ценным, чем я? И кто же здесь господин, а кто раб?

— Маленький господин, я знаю свою цену, потому что меня продавали на рынке, и капитан Лорквиталь заплатила за меня хорошие деньги. А разве ты знаешь свою цену?

— Монетой ее не измеришь, — величественно ответил Пандарас. — Кроме того, я думаю, ты преувеличиваешь собственную ценность. Какой прок от человека, который может наладить мотор, но забывает, что к нему нужно горючее?

— Я думал, что нам следует уйти тихо и быстро.

— И оставить книгу моего господина? И деньги?

— Когда ты вернулся, тебя чуть не убили, маленький господин. Жизнь дороже вещей.

— Тебе легко говорить, у тебя никогда не было собственности. Эта книга — очень важная вещь. Разве ты не помнишь, как много времени проводил над ней мой хозяин? Деньги нам тоже скоро понадобятся.

Некоторое время Тибор греб в молчании.

— Ну и ладно, — примирительно сказал Пандарас, — Аюлф получил по заслугам. Ты понимаешь, зачем эти женщины живут в его доме?

— Насколько я знаю, у рыбарей есть обычай предлагать что-нибудь в дар для закрепления сделки или союза между различными семьями. Вот и с Аюлфом они заключили такой союз. Однако я не думаю, что он понимает, какие обязательства перед ними он на себя взял. Старшая женщина сказала мне, что она знает вождя по имени Онкус. Она узнала его амулет и потому решила тебя спасти.

Пандарас коснулся рукой браслета из волосков нутрии. Он носил его на предплечье, и все равно оберег ему был немного велик, а вот Йаме подходил идеально.

— А я совсем забыл имя старого лягушатника, который помог нам, когда префект Корин устроил пожар, чтобы выкурить нас из плавучего леса. Повезло, да?

— Кто знает, где везенье, а где воля Хранителей?

— Ну, это просто! Удача зависит от самого человека, а все остальное — это дар, но нельзя строить свою жизнь в

расчете на чужие дары. У моего господина хватило ума оставить этот амулет, чтобы я догадался: его похитили, но он жив. А у меня хватило ума подобрать эту штуку и надеть на руку. Так что нас спасла удача, рожденная прозорливостью моего господина.

— Все равно наши жизни — это дар Хранителей, — торжественно провозгласил Тибор. — Ты выполняешь священный долг, маленький господин, а потому должен вести себя подобающим образом.

— Священный долг?

— Но ведь ты ищешь своего хозяина? Разве ты не говорил мне, что он преобразит все туземные расы? Если это правда, то, может быть, он сумеет искупить грехи моего народа и всех рас иеродулов?

— Сначала его надо найти, — с грустью проговорил Пандарас и коснулся керамического диска, висящего под рубашкой на кожаной бечевке. — Я боюсь за него.

Из-за проглоченной отравы Пандарас чувствовал слабость и сильные боли в желудке. Пока Тибор ровными взмахами выгребал к обитаемому берегу, Пандарас сидел на корме и рассеянно листал книгу, ради которой рисковал жизнью.

Он знал, что это очень древний и ценный экземпляр и что, когда его хозяин побывал в оракуле, некоторые картинки в книге изменились. Пандарас никогда не видел ничего подобного, но сам будучи одаренным рассказчиком, он отчасти сумел догадаться, о чем они говорят. Женщина Древней Расы покинула своих товарищей и впуталась в войну за Преображение. Потом команда ее корабля отыскала беглянку и предала смерти. Пандарас понимал, что это только внешняя фабула, что в этой истории таится значительно более глубокий смысл, ведь его господин подолгу и с таким вниманием изучал эту книгу, пока «Соболь» плыл вниз по реке, однако сам он не мог постичь ее тайну и, вздохнув, отложил фолиант.

Путь до ближнего берега занял целый день и всю ночь, но наконец показалась бесконечная полоса заболоченных полей, густых зеленых рощ и крохотных деревенек. Многие деревни отстояли от уреза воды более чем на лигу, там, где оставила их отступающая река. Пандарас легко приспособился зарабатывать себе ужин, играя на вырезанной из бамбука флейте. Он с удивлением обнаружил, что у местных жителей особым спросом пользуются мелодии, которым он научился еще в детстве, а потом забыл, считая их слишком примитивными. В этом смысле аборигены действительно напоминали детей. Однако Пандарасу пришло в голову, что обычные дети куда менее доверчивы и невинны, чем эти бесхитростные существа.

Эти прибрежные племена состояли в близком родстве с землепашцами, обитающими в развалинах великолепных садов на крыше Дворца Человеческой Памяти. Ростом они были

не выше Пандараса, но очень мускулисты, с грубой морщинистой кожей цвета нового кирпича. Их короткие пальцы соединялись дряблыми перепонками, а в одной из деревень кожа у жителей имела явный зеленоватый оттенок, как будто в былые времена их связывали некие узы с расой рыбарей.

Пандарас всегда умудрялся припрятать часть добытой еды и каждую ночь относил ее Тибору, который в деревни не заходил, а прятался поблизости. После случая с Аюлфом Пандарас доверял аборигенам значительно меньше, чем они доверяли ему, и не желал, чтобы кто-нибудь увидел иеродула и захотел бы его заполучить. Иногда Пандарасу удавалось добыть пальмового масла, которое можно было использовать в качестве горючего, и тогда они проходили в день лиг по тридцать.

Медленно и лениво тянулось время. Один день ничем не отличался от другого: солнце, жара, после полудня короткие теплые ливни. Стоял сезон дождей. Наконец, примерно через две недели после того, как они добрались до ближнего берега (Пандарас каждый день делал зарубки, как пленник в тюрьме), путники подошли к Офиру.

4. НАДЕЖДА

И молодой военачальник Энобарбус, и негодяй-аптекарь хотели от Йамы одного и того же, но для разных целей. Энобарбус, преданный слуга одного из фантомов Анжелы, дезертировал из армии, направленной против еретиков Департаментом Туземных Проблем, и желал покорить мир во имя своей госпожи. Он хотел разрушить застой, навязанный народам Слияния службой охраны порядка во имя Хранителей. Затем, по его мнению, неизбежно, как неизбежно лето после восхода Ока Хранителей, наступит царствие благодати: с помощью древних технологий, которые активно восстанавливались еретиками, каждый станет сам себе господином и будет жить вечно. Доктор Дисмас тоже стремился уничтожить застой, однако дальнейшие его планы были более сложными. Он не был в полном смысле человеком, скорее гибридом человека и смертоносной машины. Он был частицей силы, которая, восстав в Эпоху Мятежа, разрушила половину обитаемого мира и уничтожила множество аватар, оставленных Хранителями, чтобы охранять и просвещать десять тысяч преображенных рас Слияния. Доктор Дисмас хотел искоренить веру в божественную сущность Хранителей и создать более тесный союз между машинами и людьми. Однако пока причины его действий были Йаме неясны —

ыть может, потому, что он приводил массу разных причин, и Йаме порой казалось: доктор Дисмас стремится только к величественному хаосу, к кипению непредсказуемых возможностей, к еременам ради самих перемен.

Несмотря на свои разногласия, Энобарбус и Дисмас сходились одном: ключом к победе был Йама. Ругаясь, они напоминали етей, ссорящихся из-за игрушки.

Йама старался не обращать на них внимания. Он все меньше щущал свою связь с внешним миром и будто тонул в той войне, оторая шла в его теле. Машина, внедренная доктором Дисмасом в Йаму еще в начале его приключений, теперь окончательно проснуась. Ее мощь росла с каждым днем и каждым часом. Йаме казаось, что его личность — это островок или замок, омываемый урным потоком мрака, живого и злобного. Этот мрак не только ос в теле Йамы, но постоянно выбрасывал пронырливые усики и цупальца, выискивая слабые места в его обороне. Йама чувствовал, то, если он сдастся хотя бы на миг, хотя бы в мучавших его новидениях (которые не были настоящими сновидениями, как и он не был сном), то он просто растворится, как без остатка ратворяется в Великой Реке крупинка соли.

Самый страшный враг таился в нем самом, являлся самым лизким ему существом. Брат больше, чем Тельмон; возлюбленный ольше, чем Дирив, враг более коварный, чем префект Корин или октор Дисмас. Тайный подельщик, призрачное отражение души, емная ее половина — его Тень.

Доктор Дисмас объяснил, что это зерно выращивает в его теле сепроникающую нервную систему, параллельную сети нейронов в ıозгу Йамы — фактически его полную копию, только гораздо меньıего размера: каждый псевдонейрон не более сотни молекул в ıирину, а каждый псевдоаксон — нить толщиною в шесть атомов глерода. Йама не мог до конца понять смысл этих объяснений; ıногое из болтовни доктора Дисмаса до него не доходило. Однако н чувствовал, как Тень развивается в его теле, потихоньку подбиаясь к потаенной шкатулке черепа. Даже сны теперь ему не приадлежали. Большей частью они являли пестрые картины сражıий и восставших городов, но в одном знобком сновидении он видел ликующую толпу людей, которая, взявшись за руки, испол‹яла какой-то величественный танец. И позади каждого из танцуıщих, повторяя все их движения, высилась тощая зловещая фигуа, тонкая, как бумага и черная, как сажа.

Йама понимал, что Тень, проникнув в его мозг, овладела его ıеобычайными способностями и теперь использовала их для покоения машин, верных делу Хранителей. Она настраивала их против рмии Департамента Туземных Проблем. Йама чувствовал, ак Тень гонит прилив войны к берегам Иза. Видения битв

не были пустой фантазией, это были сцены вмешательства Тени в ход войны далеко в верховьях реки. Они просачивались из ее сознания в сознание Йамы. Он не мог помешать Тени пользоваться его способностями, однако Йама вскоре выяснил, что может следовать за нею в мир, как альбатрос на мачте караки. Бодрствуя, он был теперь не в состоянии даже ощутить присутствие машин, не то что покорять их своей воле. Однако, находясь в объятиях глубокого транса, который в эти дни заменял ему сон, Йама мог оседлать сознание Тени и тайком увести какую-нибудь машину, улетев с нею далеко от ужасных картин, где скрещивались лазерные лезвия, били фонтаны огня, кричали люди и выли чудовища.

Мир в этих полетах представал перед ним отчасти прозрачным; куда бы Йама ни посмотрел, он везде узнавал что-нибудь новое. Воспользовавшись мощным радаром машины, он увидел древних землероек в самых сокровенных глубинах Великой Реки. Их сопровождали стаи гигантских полипов, которые чистили землеройкам керамические панцири и выбирали лакомые кусочки из песка, перекачиваемого в район Краевых Гор. Под тонкой коркой поверхностных слоев Йама увидел подземные проходы и огромные каверны, в которых работали машины неимоверных размеров, увидел гигантские двигатели в килевом основании мира. В спектре электромагнитных волн, излучаемых живыми организмами, Йама целиком видел узкую полосу обитаемого мира и окутавший его мягкий свет. Он видел низменность Утерянных Вод. Она предстала его глазам как белый, сверкающий отраженным жаром ландшафт, по которому двигались яркие искорки людей и животных. Видел мириады машин, которые заботливо копошились по всему миру, создавая вечно меняющийся рисунок электромагнитных связей. Видел далекое облако мятежных машин, повисшее в нескольких миллионах лиг от орбиты Слияния. В этой блеклой туманной каше из электронных следов уже нельзя было различить ту черную машину, которую Йама невольно вызвал себе на помощь.

И отовсюду Йама слышал слабые стоны пребывающей в родовых муках Вселенной, слышал ноющее завывание и кукурузное потрескивание радиосигналов галактики под килем мира, слышал смутное щебетание звезд ореола. А кроме того, Йама улавливал гудение коллапсоидного диска вокруг Ока Хранителей, мощный треск плавящейся материи в гравитационных узлах ускоряющихся газовых потоков, слышал фрикативное шипение молекулярного водорода, ритмичное уханье раскаленной материи, мчащейся к своему окончательному разрушению за горизонтом черной дыры в центре диска, где находилось великое Ничто. Ничто, откуда не было выхода, откуда не могли вернуться даже Хранители, отправившиеся в это небытие по собственной воле. Теперь лишь последнее мгновение жизни Вселенной способно вернуть их в реальный мир.

Однажды ночью Йаму посетило странное чувство: за передовой линией армии Департамента Туземных Проблем он как будто заметил что-то знакомое. Это впечатление походило на возникшую и ускользнувшую мысль, на мелодию, которую никак не получается вспомнить. Какая-то тусклая звездочка, мерцающая слабее, чем огонек самой маленькой машины, влекла его, как влечет усталого путника в конце долгого унылого пути свет родного очага, и он, ободренный сердцем, устремляется к дому. Но как только Йама полетел к нему и машина, которой он воспользовался, понеслась над угрюмыми волнами ночной реки, Тень зашевелилась и проснулась, а с нею проснулся и Йама. (Выше по реке машина вдруг обнаружила, что находится над серединным течением Великой Реки и движется по гравитационной геодезической линии к Офиру. Она так резко затормозила, что от трения ее корпус раскалился докрасна, потом завертелась вокруг своей оси, совсем как отряхивающаяся собака, вспомнила задачу, которую ей следовало выполнять, определила координаты и, смущенная, поспешила назад.) Проснувшись, Йама понял, что за искра его привлекла. Эта мысль согрела ему сердце и придала силы. Он поклялся: *я найду его, узнаю, жив ли Пандарас, он должен быть жив; диск действует, только если он держит его в руках, не все еще потеряно.*

Разумеется, это было слабым утешением. Пусть он найдет Пандараса, что он ему скажет? А если сам Пандарас отыщет Йаму, что он сможет сделать?

Призрачная надежда, но другой у него не было.

5. ОФИР

Когда-то Офир был самым прекрасным городом Слияния. Процветающий и спокойный, он поражал великолепием своих каналов, благоухающих ароматом водяных лилий. Роскошные пальмы и цветущие деревья окаймляли эти водные артерии. Белые, словно соль, дома утопали в зелени чудесных садов, террасами спускающихся со склонов. Главный храм города славился мудростью своих аватар. Три расы жили там в согласии и гармонии. Славу города составляли ювелиры, ткачи и чеканщики, а в его семинарии получила образование половина всех священников Слияния.

Война преобразила Офир. Население города возросло в десять раз. Солдаты, идущие за ними торговцы и шлюхи, беженцы запрудили улицы, встали лагерями в муниципальных парках и цитрусовых рощах вокруг города. Со стороны верховий над предместьями висели огромные флайеры, некоторые превосхо-

дили размерами караки, вмещающие тысячу солдат за раз. Доки оказались забиты кораблями, на причалах высились груды товаров для армии. В парке вокруг главного храма выстроились бараки. Процветало незаконное виноделие для нужд тысячи ночных баров. Начались кровавые разборки между бандами, контролирующими торговлю наркотиками и проституцию, а также между бандитами и городской стражей, которая пыталась хоть как-то их обуздать. Никем не убранные трупы лежали на обочинах шумных улиц, их обгладывали шакалы и лисы. Мертвецы плавали в широких каналах среди великолепия цветущих лилий, их сопровождали сонмища зеленых водяных черепах и парочка задумчивых грифов. Город заполнили слухи о еретических культах, которым служат тайные адепты. В день приезда Пандарас и Тибор сами видели, как в кафе вошла женщина, а через мгновение все здание превратилось в оранжевый огненный шар, из которого выскочили две или три пылающие фигуры, чтобы тут же упасть замертво на тротуаре.

День и ночь улицы заполняли солдаты и все те, кто от них кормится: проститутки сотни различных рас, лоточники, игроки, карманники, сутенеры, шарлатаны со связками фальшивых амулетов и рубашками, защищающими от оружия еретиков. Потоки фургонов, рикш, повозок, популярных в Офире мотоциклов вились по запруженным улицам, которые утопали в неумолчном шуме от криков разносчиков, воплей целых орд попрошаек, от музыки из баров и придорожных кафе, от никогда не затихающего уличного движения с его свистками, звонками, колокольчиками и ревом запрещенных генераторов. В каналах было тесно от медленно двигающихся лодок, а на каждом перекрестке располагались связанные друг с другом сампаны, образуя импровизированные рынки. По ночам вспышки неоновых реклам, шипя, бросали разноцветные блики на белые стены домов, а шум и толчея, казалось, удваивались и утраивались. Бессонный и беспокойный людской поток никогда не иссякал.

В первый же день Пандарас продал лодочный мотор и арбалет, но выручил за них совсем мало: город был полон оружия и снаряжения. Потом он взялся выступать в открытых кафе, исполняя в каждом две-три известные песенки, а Тибор собирал скудный гонорар из нескольких мелких монет. Когда же раб стал горько жаловаться на унизительность такого занятия, Пандарас указал ему на маленькую девочку, которая ходила от стола к столу и спрашивала посетителей, не хотят ли они почистить ботинки, а два ее братца сидели у дверей со щетками и бархотками.

— Видишь, люди и не так зарабатывают на жизнь, — прокомментировал он.

— Я ведь иеродул, маленький господин, — заявил Тибор с видом оскорбленного достоинства, — а не уличный мальчишка. Подобное занятие меня унижает.

— Тобой распоряжаюсь я, — отрезал Пандарас. — Ты сам так сказал. Народ твоей расы позволяет другим собою командовать в качестве епитимьи за грехи предков. Вы стали рабами и других вокруг себя превращаете в рабов, потому что они должны нести за вас ответственность. Совсем неплохо, когда кто-то принимает за тебя все решения! Легко вести себя как ребенок! А теперь тебе придется расхлебывать последствия такой позиции. Ты не можешь выбирать службу. Делай что тебе говорят. И тебе придется подчиниться, потому что нам нужны деньги, чтобы оплатить проезд в низовья. Может, ты этого и не понимаешь, ты ведь раб, а рабам не нужны деньги, о них заботятся хозяева. Но нам сейчас нужны деньги, если я хочу найти своего господина, пока еще не состарился. Моя раса живет очень интенсивно и ярко, однако недолго. У меня нет терпения делать дела надежно, но медленно.

— Мы найдем «Соболь», и тогда все будет хорошо, — высказал надежду Тибор. — Вот увидишь. Они считают, что мы погибли. Представляешь, как они обрадуются.

— Они все погибли! Погибли, и корабль тоже погиб! Фалерус прожил дольше, потому что он находился в стороне от центра пожара, но для него было бы лучше умереть сразу, как остальные. Так все и было. Все, кроме Фалеруса, погибли в одно мгновение, а в следующее превратились в дым. Их уничтожили оружием войны. Ты должен это понять, Тибор! Должен!

Тибор молчал. Наконец он предложил:

— Ты мог бы продать книгу.

Пандарас вздохнул. В эту круглую безволосую голову невозможно ничего втолковать!

— Я не могу ею распоряжаться, она не моя, — терпеливо проговорил он. — Она принадлежит моему господину, и я поклялся ее вернуть.

— Может, «Соболь» скоро придет, — гнул свое Тибор. — Наверняка мы его обогнали. Но он обязательно потихоньку нас нагонит. Все суда, что идут на войну в низовья, непременно останавливаются в Офире.

— Мы не можем здесь оставаться, — возразил Пандарас. — Нам надо искать моего господина.

Крохотная искра в керамической монете превратилась теперь в целое созвездие, которое образовало причудливый рисунок из световых точек и черточек. Каждый раз, когда Пандарас смотрел на диск, они выглядели по-новому. Пандарас считал, что сейчас они находятся к Йаме ближе, чем прежде, но все равно еще далеко.

Первые несколько ночей Пандарас и Тибор спали на улице, а умывались и пили из общественных кранов. Они ночевали на крышах, завернувшись в листы упаковочной пены, которую покупали у старьевщика. В этом городе все имело свою

цену. Оружие, доспехи, боеприпасы были дешевы, но зато пища и жилье — невероятно дороги. Такова экономика войны.

Офир отстоял очень далеко от линии фронта, проходящей по самому краю джунглей низменности Утерянных Вод. Однако на третью ночь своего пребывания в городе Пандарас и Тибор проснулись от звуков непрерывной канонады. Над рекой ниже по течению разгорались яркие синие вспышки. Казалось, проснулся весь город. На каждой крыше стояли люди и смотрели на мелькание голубого огня. Внезапно черное небо раскололось ярко-белой нитью, и на мгновение стало светло, как днем. Пока Пандарас тянул руку, чтобы прикрыть глаза, свет погас, а через несколько секунд раздался низкий рокот, и крыша, на которой они стояли, заколебалась, как палуба. С пальм, окаймлявших улицу, слетели верхушки. По всему городу в воздух поднялись летучие мыши, птицы и крупные бабочки.

Как только Пандарасу удалось отложить достаточно денег, он снял место для ночлега вблизи одного из каналов. Это была каморка, отгороженная в когда-то приятной комнате прекрасных пропорций. Стены ее представляли собой бумажные ширмы, натянутые на бамбуковые рамы, а внутри едва хватало места для двух подстилок из рафии. В других отсеках комнаты жили еще две семьи. Одна из них, состоящая из быстрых, гибких, черноволосых и смуглых людей, держала маленькую столовую, и в воздухе постоянно висел запах горячего масла и тушеных овощей. Тибор помогал им на кухне: сначала только резал овощи, потом стал готовить сладкий соус с креветками и выпекать тоненькие хлебцы, подаваемые к каждому блюду. Вторая семья, пять поколений, начиная с крохотного лысого младенца и кончая беззубым дедом, жила на доход от трех рикш. В доме стоял непрерывный шум: в одной из каморок обязательно кто-нибудь не спал. Соседи чинили повозки, готовили еду, ругались, играли в карты, слушали молитвы с кассетного магнитофона. Весь этот гомон смешивался со звуками сотен других жизней, идущих у всех на глазах.

Это была та самая жизнь, от которой когда-то сбежал Пандарас, нанявшись сначала слугой в трактир, потом назначив себя оруженосцем у Йамы. Сейчас он чувствовал такой же зуд, как и Тибор. Пандарас прекрасно понимал: случайной работой денег ему не собрать, она годится только как передышка, пока он не составит приемлемый план. Как ни странно, вступить в армию здесь было невозможно, хотя город просто наводнили наемники. Проникнуть на корабль тайком — тоже не выход: придется платить кому-нибудь из команды. Именно так поступали картежники, шлюхи и все те, кто тащился за армией. Пандарас был уверен: он сумеет придумать, как добыть денег. В подобном месте человек с хитростью и умом способен заработать кучу денег — конечно, если раньше его не убьют.

Например, один из сыновей в семье, которая владела повозками рикш, приходил и уходил в любое время, носил всегда отглаженный килт и чистую белую рубашку с короткими рукавами. Держался он дерзко, и родители перед ним робели. Глаза он прятал за пластиковыми оранжевыми очками, а на нижней губе у него постоянно висела сигарета. Настоящий гангстер! Пару раз Пандарас попробовал за ним проследить, но парень легко пропадал в шумном лабиринте улочек и проходных дворов за стоящими вдоль канала домами. Если он и заметил слежку, то никак этого не показал. Пандарас сам для себя решил, что такой субъект — верный ключ к быстрым деньгам.

Как-то вечером Тибор и Пандарас, закончив свое представление, выходили из кафе. Тут к ним подскочили два бандита и потребовали всю дневную выручку, якобы за право выступать в этой части города. Пандарас, знавший, что показать слабость — значит навсегда сделаться дойной коровой, выхватил кинжал и, не задумываясь, полоснул налетчика по руке. Тот отступил. Тибор ухватил второго за шею, приподнял над землей, мягко вынул из его рук нож и отдал Пандарасу. Пандарас повертел лезвием перед носом бандита и приятным голосом осведомился, чем это честные артисты привлекли внимание двух таких изысканных джентльменов.

Пленник выплюнул длинную струю желтой слюны. Как и его товарищ, он был очень высок ростом, тощ и облачен в какие-то серые лохмотья, многослойной спиралью окутывающие туловище. Кожа на открытых местах тела была жесткой, зернистой и очень светлой. Суставы костлявых рук и ног распухли, маленькая плоская головка выглядела как тарелка на длинной подставке-шее. Черные подвижные глаза были широко расставлены. Треугольный рот довершал портрет.

Пандарас стер с лица липкую слюну и приставил к глазу бандита его собственный нож. Глаз странно съежился, а второй развернулся и с ужасом уставился на лезвие. Бандит забормотал:

— Ты не посмеешь...

— Пожалуй, я отпущу его, маленький господин, — бесстрастно проговорил Тибор. — Уверен, он больше не станет нас беспокоить. Он просто ошибся.

— Пусть сначала скажет, на кого он работает.

Треугольный рот изогнулся, и бандит снова плюнул, на сей раз Пандарасу под ноги.

— Вы сами ошиблись, — заявил он. — Я — человек Пирры. Кстати, вы тоже. Как и вся уличная мелюзга. Только не все это знают.

— Значит, здесь распоряжается Пирра, так? А я-то считал, что в городе заправляет Департамент Туземных Проблем.

— Армия, что ли? — Губы бандита затряслись — он смеялся. — Вы что, недавно у нас? — спросил он. — Армии нет дела до улиц, они там думают только о войне. Мы к ним не лезем, и они нас не трогают. Хотите бесплатный совет? Мы — не то что армия. У нас порядок. Те, кто не хочет жить по-нашему, убираются. Ты ловко управляешься с ножичком, но ведь в следующий раз мы можем прийти с пистолетом.

— Пожалуй, мне надо поговорить с этим твоим Пиррой. Могу порассказать ему много полезного. — Пандарас дал знак, и Тибор отпустил пленника.

— Если Пирра захочет с тобой поговорить, она сама за вами пошлет. Но лучше помолись, чтобы она не захотела. — Бандит поправил свои спиралеобразные лохмотья, сплюнул в третий раз и пошел прочь.

Несмотря на эту угрозу, Пандарас и Тибор продолжали каждый вечер обходить близлежащие кафе, и никто их не беспокоил, однако Пандарас понимал, что рано или поздно будет продолжение. Такой уж порядок. Надо только опередить события, обдумать свои действия и не зевать.

Пандарас успел подружиться с дедом из семьи рикш. Мемос, внушительный старикан, проводил свои дни на одном из самых многолюдных перекрестков города. Он занимался тем, что надувал шины рикш и велосипедов, получая по копейке за шину. Такая работа требовала много сил, и по вечерам Пандарас массировал старику ноющие плечи гвоздичным маслом и слушал сплетни, которые тот приносил от рикш, знавших все, что делается в городе.

Семья Мемоса принадлежала к одной из трех рас, населявших Офир до войны. Внешностью они напоминали пауков: короткое тело и длинные суставчатые конечности, двигающиеся резкими рывками. У самого Мемоса был костлявый череп с четко выраженным крестом, выступающие надбровья нависали над живыми карими глазами. Из одежды он носил только замасленный килт и пояс, на котором висели мелкие инструменты. Как и большинство людей этой расы, работавших в основном в доках на сборке и ремонте вооружения, Мемос очень ловко управлялся с машинами. Его грубая кожа была раскрашена желтыми и коричневыми полосами, а длинные седые волосы убраны в аккуратную косу. В былые, довоенные, времена такая внешность говорила бы о достойном положении в обществе и в семье, однако сейчас старик вынужден был смирить свою гордость перед гангстерской наглостью внука и принимать его подачки.

Прежде Мемос владел несколькими домами, но их реквизировали для нужд армии, и теперь семья вертелась, как могла, чтобы добыть себе пропитание. Тем не менее в старике не чувствовалось горечи, напротив, Пандарас, пожалуй, никогда не

встречал более добродушного и терпеливого человека. Он рассказал Пандарасу множество легенд своей расы. До преображения его народ жил на широкой равнине, заросшей высокими травами. Мужчины охотились на мелкое зверье, а женщины собирали корни и плоды. Когда лето подходило к концу, а Око Хранителей в последний раз заходило за горизонт, женщины молотили зерно, перемалывали его в грубую муку, а из отрубей варили нечто вроде пива. Еще тридцать поколений назад его раса жила именно так, но только сейчас, признался Мемос, его народ понял, как он был богат.

— Мы работали всего несколько часов в день, — с грустью вспоминал он. — Остальное время мы пели песни и рассказывали легенды, выкладывали картины из плоских камешков или же выкладывали орнаменты из кусков скальных пород, чтобы умилостивить Хранителей. А что теперь? Мы трудимся все время, когда не спим, и лишь с большим трудом зарабатываем на скудное пропитание. Какая выгода народу от преображения?

— Если люди не прошли преображение, они не свободны, — объяснил Пандарас. Конечно, его господин нашел бы ответ получше, ведь Йама постоянно размышлял о таких вещах.

Такой ответ не удовлетворил Мемоса.

— Свободны, уж это точно. Свободны сдохнуть с голоду. Свободны стать чужими рабами.

— В Изе мы полагаем, что в таких людях, как мы, вся сила города.

— Слыхал, слыхал, — отозвался Мемос, — но я все же думаю, что простое население Иза угнетено не меньше, чем мы здесь. Хранители возложили на нас тяжкое бремя. Кто знает, может, люди вроде меня не достойны их даров.

— Надо верить, что хотя бы детям достанется лучшая участь, — вздохнул Пандарас, но Мемос никак не отреагировал на эти слова. В городе мало кто верил в это основополагающее утверждение. Впав в отчаяние и нищету, люди забыли о благодатной защите Хранителей.

Как-то вечером они по обыкновению сидели у дверей разгороженной на каморки комнаты, Мемос на пластиковом стуле, Пандарас у его ног. Перед ними тянулся канал, изрезанный листьями водяного гиацинта. На другой стороне женщины, сидя на корточках, стирали белье. Гладкими плоскими камнями они выбивали из него грязь. Женщины принадлежали к той же расе, что и бандиты, напавшие на Пандараса и Тибора. Из домов, окаймляющих канал, доносились звуки молитвы — кто-то включил кассетный магнитофон на полную громкость. Из другого окна слышались крики и ругань. Только что прошел дождь, воздух был чист и прозрачен. Провисшая паутина электрических проводов высоко над водами канала трещала и искрилась всякий раз, когда с нее

падали капли. Эта картина живо напомнила Пандарасу его детство в Изе, только тут было более жарко и влажно.

Над головами медленно пролетел флайер, его днище ощетинилось оружием — казалось, дула гребенкой прочесывают крыши. Шум генераторов заглушил все звуки в целом квартале. В бегущей тени флайера воздух становился как будто знобяще-холодным и еще более сырым. Прекратились все разговоры, каждый остановился и взглядом провожал летающую машину. Когда флайер скрылся из глаз, Мемос наконец пошевелился и мрачно заметил, что война приближается и дела, видать, плохи.

Пандарас кивнул и отхлебнул мятного настоя из своей чашки, ожидая, что старик станет развивать эту тему. Со времени приезда в Офир он многое узнал о войне. В Изе она казалась далекой и малоинтересной. Люди там не слишком о ней задумывались. Они узнавали новости от профессиональных сказителей, которые пели песни и исполняли былины о героических подвигах и великих победах каждому, кто соглашался слушать. Но здесь война была практически по соседству, и тут любой мог поведать свою собственную историю. И в большинстве рассказов говорилось о внезапных наступлениях еретиков, о беспричинных поломках оружия, о падающих с неба машинах. Говорили о новом генерале или вожде, появившемся среди орд еретиков, о сокрушительных поражениях и горьких отступлениях.

Мемос высказал мысль, что легко понять, как плохи дела на войне, потому что почти никто не тащится за солдатами к линии фронта. Картежники и шлюхи понимают, что на поражении не наживешься.

— Нашему народу пора убираться из города, — размышлял он. — Нам нужно вернуться на свои высокогорные равнины, вернуться к прежней жизни. Но дело в том, что мы не можем быть иными, чем стали теперь. Мы превратились в людей, потеряли способность быть как животные и позволять инстинкту управлять нашими действиями. Теперь каждый из нас заперт в собственной душе, как в тюрьме.

Пандарас огорчался, слушая эти жалобы. Старик ему нравился.

— А что говорит твой внук? — поинтересовался он.

Мемос ответил не сразу. Он допил свой чай, процедив последние капли сквозь крупные передние зубы, потом выплюнул стебельки травы. Наконец он произнес:

— Он не из нашей семьи. Больше не из нашей. Теперь он принадлежит Пирре.

Пандарасу хотелось еще что-нибудь разузнать, но Мемос не желал говорить о Пирре и своем внуке. Те, кто работал в кафе, тоже не хотели о ней говорить. Они отмахивались от расспросов Пандараса предостерегающими жестами, касаясь глотки,

глаз или лба. Они считали, что человеку вроде Пандараса не стоит забивать себе голову мыслями о таких людях, как Пирра. Ничего, кроме беды, от нее не дождешься. Не имея конкретной информации, Пандарас строил грандиозные и невероятно сложные планы, как одурачить атаманшу гангстеров, сам прекрасно понимая, что все это просто пустые мечты. Он уже стал впадать в отчаяние — прожив в городе две недели, ему не удалось отложить ни одной монеты. Деньги здесь таяли как дым, а были необходимы как воздух: ими оплачивался каждый миг жизни, и удержать их было не легче, чем воздушную струю.

А потом за Тибором пришли солдаты.

Дело было на рассвете. Пандарас проснулся от того, что кто-то ударил его ботинком по ребрам. Крохотная каморка была вся забита солдатами. С трудом протиснувшись между ними, Пандарас встал на ноги. Чьи-то руки сгребли его, подняли в воздух и отшвырнули в сторону. За тонкой перегородкой визжали на разные голоса две женщины и сердито кричал мужчина. Один из солдат бросил на пол какую-то бумажку, еще раз ударил Пандараса ногой и вышел вслед за товарищами.

Тибор исчез. Пандарас выскочил на улицу и успел заметить, как плоскодонная лодка с навесным мотором на корме скрывается в предрассветной мгле. Поднятые ею волны стучали о берега канала и раскачивали сампаны, сгрудившиеся на перекрестках. Кто-то выстрелил в воздух из карабина, лодка обогнула изгиб канала и пропала.

Пандарас бросился в погоню, но, пробежав с пол-лиги, стал задыхаться, остановился и схватился за бок. У него сильно болели ребра, а все его имущество, включая драгоценную книгу Йамы, осталось в той комнате.

Бумага оказалась ордером на реквизицию... *некоего раба, известного под именем Тибор.* К ней был прикреплен чек на двести пятьдесят акций военного займа. Пандарас в бешенстве разорвал в клочки ордер и чек и швырнул их в ребятишек, которые подобрались к входной двери посмотреть, что он делает. Армейский чек не имел практически никакой цены. На двести пятьдесят акций нельзя было купить даже сигареты.

Ребра продолжали ныть, отдаваясь острой болью при каждом глубоком вдохе. Пандарас оторвал полоску от подола старой рубахи и обмотал ее вокруг груди. Мемос сидел у двери, когда Пандарас вышел, и окликнул его.

— Они увезли твоего друга из города, — произнес старик. — Забрали его на войну. Говорят, что недавно состоялось большое сражение и было много жертв. Иеродул там будет очень полезен. Иеродулов из нашего храма забрали давным-давно, они работают в госпиталях.

— Здесь тоже есть госпиталь, — тупо проговорил Пандарас.

— Он для гражданских, — объяснил Мемос. — К тому же он фактически закрыт, потому что по обычным каналам невозможно получить никаких лекарств. Раненых солдат в город не привозят. Считают, что это подорвет боевой дух тех, кто только что прибыл и еще не был в деле. Кроме того, многих раненых нельзя перевозить, они умрут при транспортировке. Их лечат в плавучих госпиталях вблизи от линии фронта. Я думаю, туда твоего друга и взяли. Ты тоже туда отправишься, Пандарас?

— У меня есть другие обязательства, — отрезал Пандарас и вдруг с удивлением увидел, что по тропе вдоль канала идет внук Мемоса. На губах его, ниже оранжевых стекол очков, змеилась довольная улыбка. Следом за ним шагали двое бандитов, которые напали на них с Тибором возле кафе.

И Пандарас пошел с ними. Выбора у него не было. Ему позволили оставить себе кинжал и книгу, а ножик бандита и все сэкономленные деньги отняли. Когда они шли через рынок пряностей, он спросил:

— Это ведь вы им сообщили?

Парень ухмыльнулся еще шире. Он шел развинченной походкой, и прохожие торопливо расступались. Казалось, его накрахмаленная белая рубашка светится в зеленоватой тени тамариска, где торговцы специями расставили свои лотки. Низким тихим голосом он сказал:

— Тебя многие видели с иеродулом. Неплохо придумано, а? Из-за него вам лучше подавали. Не отрицай. А другим фиглярам стало завидно. Может, кто-то из них нашептал солдатам про твоего раба. А еще я слышал, что тебя ищут. Те, кто ищет, тоже могли настучать. Не кисни. Вдруг ты еще чем-нибудь сумеешь заняться.

— Мне надо поговорить с Пиррой.

Сейчас Пандарас был спокоен. Гнев улетучился. Удивительно, но когда наконец случилось то, чего он так долго боялся, в душе его возникло нечто похожее на облегчение. Однако Пандарас понимал: теперь ему надо быть очень осмотрительным. Оступись он, и его господин и Тибор будут для него навеки потеряны.

Парень засмеялся и похлопал Пандараса по плечу странным, будто ощупывающим движением.

— Ну, это быстро не делается, — хмыкнув, проговорил он.

— А кто это меня ищет? — вспомнил Пандарас.

— Что-то он слишком много болтает, — вмешался один из бандитов. Тот самый, которого ранил Пандарас. — Укорочу-ка я ему язык.

— Оставь его в покое! — рявкнул внук Мемоса.

— А как твоя рука? — невинным голосом осведомился Пандарас.

Бандит зашипел и схватился за рукоять пистолета, заткнутого среди слоев тряпья на его долговязом теле.

Парень, словно ничего не заметив, отвечал:

— Тебя разыскивает один чиновник. Не армейский, но из тех, кто командуют армейскими. Высокий такой. С посохом. Черноволосый, а вот здесь у него белая полоса.

Парень провел пальцем по левой щеке, и Пандарас тотчас догадался, о ком речь, хотя человек этот наверняка должен быть мертв. У него волосы встали дыбом.

— Тогда я точно должен повидать Пирру. Прямо сейчас.

— Сначала с тобой надо разобраться, — мотнул головой парень, — а потом, может, она с тобой и поговорит. Она очень занята. У нее полно дел.

Три дня Пандараса держали в маленькой душной комнатке на верхнем этаже шестиэтажного дома, выходящего окнами на одну из городских площадей. Людской гомон и грохот повозок не прекращались ни день, ни ночь. Запах горящего спирта смешивался с ароматом цветущего винограда, который оплетал балконную решетку за окном. Под балконом торчал столб с громкоговорителем, и тот целыми днями шипел и что-то неразборчиво бормотал. В центре комнаты из поломанной трубы капала вода, звонко шлепаясь в пластиковое ведро. Одна только ящерица составляла Пандарасу компанию. Она часами сидела на стене абсолютно неподвижно, и лишь слабое биение пульса у нее на глотке указывало, что это живая тварь. Потом ящерица делала резкий бросок, хватала таракана или жучка и снова замирала в неподвижности. В комнате не было никакой мебели. Спал Пандарас на балконе, а в часы бодрствования разглядывал картинки в Пуранах или же наблюдал за уличным движением, которое крутилось вокруг кучки гигантского бамбука в центре площади. И все это время он помнил, что должен не терять самообладания. Должен сохранять решимость.

Керамический диск продолжал мерцать узором из слабых искр.

Парень, внук Мемоса, и оба бандита навещали Пандараса каждое утро и вечер. Они приносили еду из ближайшей забегаловки: рис, креветки и острый зеленый перец в бумажном пакете, края которого были прозрачными от жира. Парень садился на корточки у окна, смотрел, как Пандарас ест, чистил свои широкие ногти лезвием перочинного ножичка. Два гангстера оставались у дверей и толковали меж собой на щелкающем отрывистом наречии. За поясом отглаженных брюк парень всегда носил пистолет, прикрывая его рубахой навыпуск, у обоих гангстеров тоже были пистолеты.

Мальчишку звали Азуф. Он был старше Пандараса, но принадлежал к долгоживущей расе, а потому был еще ребенком. В нем чувствовалась холодная жестокость существа, которое

никогда не испытывало боли, которое не верит, что когда-нибудь умрет, и которое полагает, что смерь — это ерунда. Он никогда не снимал оранжевых очков, никогда не отвечал на вопросы Пандараса, а вместо этого минут десять, а то и полчаса говорил о войне, потом внезапно и без предупреждения поднимался и уходил. Двое гангстеров шли за ним следом.

Дверь не была заперта, но у Пандараса хватало ума, чтобы не пытаться сбежать.

На третий вечер два бандита грубо спихнули его с лестницы и поставили на краю тротуара у самой дороги. Прохожие делали широкую дугу, обходя их, а транспорт проносился в ладони от носков ботинок. В тени гигантского бамбука стоял рикша. Пандарас увидел, как кто-то внутри кабины наклонился к водителю и сказал несколько слов. Водитель кивнул и налег на педали. Когда рикша отъезжал, Пандарас успел бросить взгляд на пассажира: женщина в красном шелковом платье, более миниатюрная, чем он сам, огромные глаза, свойственные ночным расам, длинные, роскошные черные волосы.

Поднимаясь по лестнице в дом, Пандарас спросил Азуфа, не Пирру ли он видел.

— Не лезь не в свое дело, — рыкнул один из гангстеров.

— Я не с тобой разговариваю, — бросил через плечо Пандарас. — Ты сам ничего не знаешь.

— Пирра тобой заинтересовалась, — сказал Азуф.

— Она что, боится со мной поговорить?

— Она просто еще не решила, стоит ли с тобой возиться, — насмешливо отозвался Азуф. Входя в комнату, он положил руку на спрятанный под рубахой пистолет, подошел к окну, лег на подоконник и осмотрел шумную улицу далеко внизу.

— Чего ты боишься? — спросил Пандарас.

— Мы живем своим умом, — не поворачивая головы, ответил Азуф. — Покажи, что ты чего-то стоишь, и ты — наш, а мы — твои.

— А тот тип все еще меня ищет, ведь так? А он человек опасный, уж я-то знаю.

— Может, нам следует выдать тебя? Как тебе это понравится?

— Значит, денег он не предлагает, иначе вы бы давно уже это сделали.

— Он угрожает, а мы этого не любим. Рано или поздно Пирра его найдет и разберется с ним. — Азуф обернулся и стал бесцеремонно разглядывать Пандараса. — Кто ты?

— Верный слуга.

Азуф кивнул.

— Мы хотим знать, откуда у тебя иеродул, почему тебя так настойчиво ищут и где твой хозяин.

— Я его потерял.

Азуф усмехнулся.

— Не печалься. Для такого, как ты, хозяин быстро найдется.

Позже, когда Азуф уходил, Пандарас ему сказал:

— Передай Пирре, что я много чего знаю.

Гангстеры зашлись дребезжащим смехом, а Азуф набычил голову:

— Не изображай из себя важную птицу, и все будет нормально.

Сидя на балконе и глядя на шумящую внизу улицу, Пандарас думал о том, что услышал. Может, он и невелика птица, не более, чем был до встречи с Йамой. Простой трактирный слуга, умеющий, правда, рассказывать легенды и попадать во всяческие переплеты. Может, сейчас он вляпался в какой-то из своих рассказов? Однако он умудрился выжить в таких приключениях, которые не по плечу обычному человеку. Пусть он отправился в дорогу простым мальчишкой, незаметным представителем своей расы, теперь все не так, ведь с ним произошли невероятные вещи. И вот за ним охотится префект Корин, который, пожалуй, вообще какой-то сверхчеловек, раз выжил в кораблекрушении, когда Йама вызвал из глубин реки гигантских полипов, и они потопили корабль префекта. Пандарас содрогнулся, вспомнив, как один из полипов, слегка взмахнув щупальцами, разодрал пополам бедного Пантина. Юноша коснулся амулета, потом керамической монетки и пообещал своему господину, что он не подведет.

— Я попал в переделку, — прошептал Пандарас, — но я сумею выбраться. И я найду тебя и спасу, что бы тебе ни грозило. Моя жизнь коротка и никому, кроме меня, не нужна, но я клянусь ею, так и будет.

Пандарас не мог уснуть, думая, что ему предстоит сделать и чего может от него потребовать Азуф. Он листал Пураны, вглядываясь в картинки с новым интересом, и обнаружил, что чем дольше он на них смотрит, тем больше в них смысла. Эти картины были насыщены смыслом, и только теперь он начинал полностью понимать историю, которую они хотели поведать.

Женщина Древней Расы, покинувшая свой корабль, пролетела по всему миру и остановилась в скромном городке, там, где Великая Река переливается через край мира. Живший там народ еще не прошел преображения, и она смогла захватить над ним власть, несмотря на усилия городского комиссара и архивиста. Ей удалось что-то узнать в оракуле у падения Великой Реки, а потому она сумела ускорить работу крохотных машин в мозгу некоторых жителей города. Их личности подверглись преобразованию и полностью изменились. А потом, в самый разгар гражданской войны между преображенными и непреображенными, прибыл корабль Древней Расы, добравшийся сюда от места своего приземления в Изе. Женщина попыталась уничтожить своих товарищей,

но они ее убили. Однако ее идеи остались жить. Архивисту города Сенша удалось покинуть корабль Древних. Он был первым из еретиков, которые и сейчас еще пытаются перевернуть мир, созданный Хранителями.

У Пандараса возникла мысль, что еретики могут быть правы — или по крайней мере быть правы в чем-то важном. Казалось, в голове у Пандараса зазвучал чей-то голос, разбуженный книгой или, может быть, зароненный ею. Мир свернул с пути, предназначенного ему Хранителями. Его одолевает статичность и расслоенность. Душат ритуалы и обычаи. Никто не свободен в выборе своего пути.

Пандараса передернуло. Дрожь, короткая, как чих, сотрясла тело. Мать сказала бы: это вампир обнюхивает твою могилу. Да, книга драгоценна для Йамы, но она очень опасна. Пандарас решил, что ему не следует туда больше заглядывать, однако крошечный уголок его души, может быть, тот самый нашептывающий голос, знал, что он обязательно туда заглянет.

Было далеко за полночь. Око Хранителей начинало скрываться за крышами и вершинами деревьев. Неоновое сияние города приглушило слабый свет красной спирали, но зрачок в самом центре был виден очень отчетливо — булавочная головка абсолютной пустоты, начисто выметенная черной дырой, в которую канули Хранители и откуда они не вернутся до самого конца времен. Хватит ли у еретиков дерзости и туда перенести войну, если они покорят мир, оставленный Хранителями?

Пандарас снова содрогнулся.

— Я не предам тебя, господин! — прошептал он.

На следующее утро Азуф и два гангстера не принесли Пандарасу завтрак. Вместо этого Азуф сказал:

— Пошли с нами. Нет, вещи оставь, ничего с ними не случится.

— Ты отведешь меня к Пирре?

Гангстеры дробно рассмеялись, а Азуф ответил:

— Может быть, позже. Сначала ты должен себя показать.

Азуф свистнул рикше, они сели и долго ехали по бурлящим толпами улицам. Бандиты впились взглядом в Пандараса, ни на мгновение не отводя от него своих подвижных глаз, а тот вертел головой и задавал Азуфу множество вопросов об окружающей местности. Они сошли с повозки на узкой улочке где-то в районе доков. Целый лес мачт дырявил синее небо над плоскими крышами складов. Проходя мимо торговой лавки, Азуф ущипнул Пандараса и велел запомнить место, потому что именно здесь надо будет устроить взрыв.

— Зачем?

— Затем, что ты будешь делать, что тебе скажут, — рявкнул один из бандитов.

— Так приказала Пирра, — отрезал Азуф, но потом добавил: — Это нужно для дела.

На пыльном перекрестке в конце улицы какой-то мальчишка продавал спиртовое горючее. Азуф бросил ему монету и велел убираться. Парнишка поймал монету, коснулся костяшками пальцев своего лба и заканючил, что хотел бы посмотреть представление.

— Тогда налей две бутылки своей горючки, — распорядился Азуф. — Скажешь кому-нибудь хоть слово, и я отрежу тебе язык и выколю глаза. Понял? Ты чего улыбаешься?

— Здесь такая скукота, никогда ничего не происходит, — пожаловался мальчишка. Он все еще улыбался, но руки у него дрожали, и, наполняя бутылки, он разлил алую жидкость на тротуар.

Один из бандитов вытащил тряпку, разорвал ее на длинные полосы, скрутил их и всунул концы в горлышки бутылок.

— Наклонишь бутылку, чтобы фитиль намок, — скомандовал Пандарасу Азуф. — Подожжешь самый кончик, а когда будешь бросать, держи бутылки прямо. Бросай посильнее и во что-нибудь твердое, чтобы они точно разбились. Обязательно попади в дверь.

— Да знаю я, как делать, — отмахнулся Пандарас. Он не боялся, но в животе возникла странная пустота. Такое чувство появлялось у него всякий раз, когда должно было произойти что-нибудь страшное, дикое, разрушительное. Он взял бутылки. От тряпичных фитилей сильно несло сладким спиртом.

У одного из гангстеров была зажигалка. Решив подразнить Пандараса, он стал водить ее маленьким огоньком у него перед носом, и Пандарас в ужасе отшатнулся, прижав к груди бутылки с их промокшими фитилями.

— Прекрати, — резко бросил Азуф и вытянул руку. Бандит вложил в нее зажигалку, Азуф пару раз щелкнул ею, чтобы показать, как она работает, и сунул ее в карман рубашки Пандараса. — Действуй и быстро возвращайся, — подтолкнул он Пандараса.

Несмотря на раннее утро, на улицах было довольно много людей. На Пандараса вроде бы никто не обращал внимания, но пока он шел к лавке, прижимая к груди бутылки и чувствуя, как запах спирта жжет ноздри, ему казалось, что за каждым его движением наблюдают тысячи глаз. Ставни в лавке были наполовину прикрыты, внутри кто-то ходил, насвистывая веселую мелодию. Пандарас остановился на другой стороне улицы и с колотящимся сердцем запалил фитиль. Убрав зажигалку, он подхватил бутылку и швырнул ее на тротуар перед дверями лавки. Когда раздался звон стекла и появилось пламя, он схватил вторую бутылку и бросился наутек.

Не к Азуфу и гангстерам. В другую сторону. Прохожие расступались, пропуская его. Пандарас проскочил перед повозкой (запряженный в нее нильгау испугался и встал на дыбы, замолотив передними копытами по воздуху), налетел на солдата, ус-

кользнул от его рук, нырнул в извилистый проход между двумя складами, три раза свернул за угол, все еще прижимая к себе бутылку и слыша бешеный стук сердца и свое оглушительное дыхание.

Резкий свист, тревожный звон колокола в отдалении и перекрывающий все звуки неумолчный и яркий городской шум. Пандарас не успел еще отдышаться, как услышал приближающиеся к нему шаги. Он пригнулся и выглянул из-за угла, потом снова спрятался и зажег фитиль в горлышке бутылки, трясясь от страха, что щелчок зажигалки может его выдать. Затем набрался храбрости и вышел из убежища.

Два гангстера остановились и переглянулись. Азуфа с ними не было. Губы бандитов затряслись в дребезжащем смехе, но тут они увидели бутылку. Один из них поднял пистолет. Мелькнула вспышка, и пистолет вылетел у убийцы из рук — не сработал. Пандарас мгновение подумал и изо всей силы швырнул пылающую бутыль. Она разлетелась у самых ног бандитов, и в то же мгновение они оказались в центре высокого столба голубоватого пламени. Охваченные огнем, они визжали и извивались; в проходе появились люди, стали поливать несчастных водой, но те уже были мертвы, а Пандарас стремительно уносился прочь.

Пандарасу потребовался целый день, чтобы через весь город добраться до дома, где его держали. Все это время он продолжал спорить сам с собой, убеждая себя, что он просто дурак, что Азуф непременно его там поджидает, что, конечно, Тибор был прав — им следовало давным-давно убраться из города. Лучше питаться гусеницами и листьями, чем попасть в плен к такой шайке гангстеров, как у Пирры.

На самом деле он оказался в плену у города, не у Пирры. Таких, как Пирра, в Офире немало, он легко смог бы найти с ними общий язык, если только позволить себе соблазниться этой зовущей песней большого города. Как хорошо он знал эту песню и все, что она обещает! Как страстно она звучала в его крови, песня, соблазнительная для каждого, кто родился в городе или кто привык к его жизни.

Прав был Азуф. Город заставил Пандараса верить, что он — нечто большее, чем есть. Пандарас решил, что он сумеет вырвать у него сокровища и, совершив подвиг, спасти своего господина. За эту ошибку ему едва не пришлось заплатить всем, что у него есть. Но он не может позволить себе потерять книгу. Он не вправе ею распоряжаться, не может ни продать ее, ни потерять.

Добравшись до площади, он долго стоял среди стволов гигантского бамбука. Окна комнаты, где его держали, были темны, но это ничего не означало. Пандарас был страшно голоден (днем он пытался утащить с лотка гроздь бананов, но торговец

его заметил и отогнал), а кроме того, был взвинчен. Он обогнул квартал, вышел на площадь с другой стороны, потом проделал это еще раз. Ему показалось, что он заметил двух человек, наблюдающих за зданием. Один отирался возле забегаловки на углу, а второй стоял у придорожного оракула, вдыхая дым палочки благовоний и по временам зорко поглядывая на толпы прохожих.

В конце концов Пандарас зашел в соседнее здание, взобрался по лестнице на крышу, где оказался в настоящей чащобе маленьких ветряных генераторов. Среди них лежал на спине пьяный или накурившийся старик, болтая в воздухе руками и ногами, как таракан. Еще двое, укутанные в серые развивающиеся лохмотья, повернули выпуклые глаза в сторону Пандараса, но это были всего лишь пьяницы, распивающие на двоих пластиковую бутылку маслянистого белого пойла.

Пандарас посмотрел, куда ему надо попасть, сделал короткий разбег и перелетел через пропасть между двумя зданиями. Он прошелся по краю крыши, заметил балкон своей комнаты, достал кинжал, отодрал покрытие, добрался до дранки и пластикового потолка под ней.

На этой крыше тоже были ветряные генераторы. Пандарас взял одну из тяжелых батарей и швырнул ее в приготовленное отверстие, а следом бросился сам, визжа, как сумасшедший, и держа кинжал высоко над головой. Он свалился на кучу щебенки и пыли. В комнате находились три человека, но сначала Пандарас заметил только двоих. Один был мертв, он лежал посреди комнаты без каких-либо признаков насилия. Вторым был Азуф. Он сидел у окна на полу, на коленях у него лежали Пураны, и мягкий свет от картинок играл призрачным зайчиком у него на шее. Оранжевые очки валялись на полу. Немигающими глазами Азуф смотрел на книгу у себя на коленях и не шевельнулся даже, когда Пандарас рискнул сделать к нему шажок.

— Когда я сюда пришел, он уже был такой, — произнес чей-то голос.

Пандарас тотчас узнал этот мягкий тембр. Именно этот голос допрашивал его после падения Департамента Прорицаний во Дворце Человеческой Памяти. Не оборачиваясь, Пандарас спросил:

— А второй?

— Боюсь, что утонул. В тазу с водой, так кстати оставленном посреди комнаты. Как легко в этом мире найти смерть! Брось свой ножик, парень, иначе свою ты найдешь прямо сейчас.

Пандарас уронив кинжал к ногам.

— Одних смерть находит легче, чем других, — спокойно сказал он. — Всех вод Великой Реки не хватило, чтобы утопить тебя.

— Где он?

Было так трудно не обернуться.

— Не здесь. Думаю, что в низовьях.

— Ну-ну. Ты расскажешь мне все, что знаешь. Не трудись возражать. Сам знаешь, что расскажешь. Но не сейчас и не здесь. У меня нет времени, чтобы уничтожать всех гангстеров этого города. Закрой книгу, парень. Мы возьмем ее с собой.

— Что случилось с Азуфом? — не двинулся с места Пандарас.

— Значит, его имя Азуф? Оно ему больше не понадобится. Видишь ли, парень, книга опасна. Ее изменили. Если по неосторожности в нее заглянуть, она вытянет из человека душу.

— Мою не вытянула. — Пандарас вынул книгу из обмякших пальцев Азуфа. Тот продолжал смотреть на свои пустые руки. На смуглой коже подбородка блестела слюна.

— Кто знает, может, и вытянула, — отозвался префект Корин. — Это мы еще проверим. — Он вышел из тени за дверью, и белая полоса на его левой щеке заиграла бликами света от книги, которую Пандарас специально повернул в его сторону. — Не трудись, на меня это не действует. Насколько я знаю, у тебя есть амулет человека, которого я ищу.

Пандарас не мог пошевелиться. Книга выскользнула из его онемевших пальцев и упала к ногам. Каждый волосок на его теле встал дыбом, мышцы свело мучительной судорогой.

Префект Корин так объяснил его состояние:

— Я знаю, у тебя есть музыкальный талант, это свойственно твоей расе, а потому тебе может показаться забавным, что я удерживаю тебя при помощи жестко сфокусированного звукового луча. Это нота, высотой превосходящая диапазон твоего или моего слуха, но твои мышцы ее слышат.

Тремя шагами он пересек комнату, залез Пандарасу под рубашку и вынул керамическую монету. Резким движением он сорвал двойную кожаную бечевку с шеи Пандараса, вперил взгляд в маленький диск, долго-долго смотрел на него, а потом припечатал его ко лбу Пандараса.

Пандарас почувствовал сильное жжение. Префект Корин глубоко вздохнул, снова надел бечевку Пандарасу на шею и вытянул руку в сторону Азуфа. Мелькнула вспышка синего цвета, голова Азуфа взорвалась розовым туманом, тело мальчишки накренилось вперед, из зияющей на шее раны выплеснулась тугая струя густой алой крови, конечности пару раз дернулись — и все было кончено.

— Йамаманама многое узнал, — как ни в чем не бывало продолжал префект Корин, — а может, у него хорошие советчики. Монета сама настроилась на него, а он сумел перенастроить ее на тебя. Пользуясь ею, ты можешь его найти, или он — тебя. Больше никто. Вот и прекрасно.

Внезапно к Пандарасу вновь вернулась способность двигаться. Он рухнул на колени, и его вырвало.

Префект Корин махнул рукой:

— Пошли! Ты будешь жить, парень. А теперь иди. Вместе со мной. Боюсь, у нас впереди длинная дорога.

6. ТЕНЬ

Когда Йама проснулся, доктор Дисмас, как всегда, был рядом, и почти тотчас в комнату вошли Агнитус и Энобарбус в сопровождении целой свиты офицеров и охраны. Вождь еретиков заговорил о новостях с театра военных действий, о еще одной значительной победе, но Йама был так переполнен радостью, что сначала не обратил на его слова никакого внимания. Наконец-то он отыскал Пандараса, успел спасти его от опасности и снова потерял; и все это за несколько лихорадочно коротких секунд! Пандарас был жив, правда, он попал в серьезную переделку, однако Йама теперь знал: он его ищет, ведь у Пандараса на руке браслет Онкуса.

— На всем фронте идет большое наступление, — говорил тем временем Энобарбус. — За несколько дней Йамаманама сумел занять больше территории, чем мы за весь прошлый год.

Йама размышлял, догадался ли Пандарас, что это он направил машину, которая выбила пистолет из рук бандита в аллее. Через несколько мгновений Йама потерял контакт с этой машиной, потому что Тень отключилась от управления мириадами машин вдоль линии фронта, но это уже не имело значения: он нашел Пандараса один раз, найдет и снова.

— Не совсем Йамаманама, — возразил Энобарбусу доктор Дисмас.

— Но разве без него мы смогли бы такого достичь?

— Не в том дело, мой дорогой Энобарбус.

Эти двое стояли по обе стороны большой неубранной кровати Йамы. Сам Йама не мог и пальцем пошевелить, но внезапно у него в голове возникло видение своего парализованного тела, как если бы он смотрел на него сверху: Тень управляла одной из крохотных машин, которые крутились в воздухе, и теперь Йама получал информацию с ее оптического выхода.

Позади Энобарбуса стояла пятерка офицеров, их красные плащи ниспадали поверх боевых доспехов. Один из офицеров писал на пластиковой дощечке. Движения пера создавали причудливый узор на фоне ее зеленоватого свечения. Офицеров окружали охранники, с головы до ног облаченные в черный пластик, будто огромные жуки. Карабины они держали на изготовку. Стражники были здесь не для того, чтобы защитить Йаму, они охраняли своего

командира на случай, если вдруг Йама — или Тень — впадет в буйство и попытается его убить. Врач Энобарбуса, седой, скрытый под черной мантией Агнитус, терпеливо и неподвижно, словно гриф-стервятник, стоял поодаль. В комнате находились и слуги, молодые мужчины и женщины в туниках и великолепных шелковых камзолах или же в фантастической военной форме: красные кожаные килты, золотые кирасы, отделанные изысканным орнаментом из черного жемчуга, шлемы с огромными, почти в человеческий рост, плюмажами. Бердыши и алебарды с искусной чеканкой грозно упирались в пол у их ног. И солдаты, и слуги были из аборигенов: рыбари с лягушачьими челюстями, долговязые, тощие скотоводы и среди них единственный пигмей, ростом в одну треть остальных, с черной, будто намазанной маслом, кожей. Все они были подопытными экземплярами доктора Дисмаса. Их шеи сковывали металлические ошейники, а бритые черепа были изуродованы страшными шрамами и порезами, кое-как прихваченными черными нитками. У одного был снят свод черепа, а вместо него помещен диск из прозрачного пластика. Кубы, пирамиды и шары перемежались у него в черепе с тем, что осталось от мозга. Он все время дрожал, по подбородку его стекала слюна, пачкая красную шелковую тогу.

И в этой толпе офицеров, стражников, слуг стоял кто-то (или что-то?) бестелесный, призрачно-колеблющийся, едва ощутимый — тень Тени. И это нечто наполняло душу Йамы невыразимым ужасом. Он не мог прямо взглянуть на него, но догадывался, что это — новая пытка, изобретенная Тенью. С каждым днем она становилась сильнее, с каждым днем слабел Йама, но сегодня по крайней мере возродилась надежда. Если ему еще раз удастся отыскать Пандараса и сообщить, где его держат в плену, он сможет начать планировать побег.

Йама был парализован инъекцией, которую доктор Дисмас сделал ему несколько часов назад. Повинуясь невидимому сигналу, трое служителей выступили вперед, осторожно подняли Йаму с кровати и отнесли его к трону под балдахином, где усадили среди шелковых подушек. Доктор Дисмас перевернул голую руку Йамы внутренней стороной, помассировал вену на сгибе локтя, пока она не стала отчетливо видна — река голубоватой крови под бледной вялой кожей, — потом сделал неуловимое движение кистью, и шприц попал в цель. На мгновение у Йамы потемнело в глазах, но он тут же пришел в сознание, сонный, подавленный, с чувством тошноты и головной болью.

Один из слуг держал его голову, пока Йаму рвало в желтое пластиковое ведро, а доктор Дисмас вытер ему подбородок, ловко и нежно, как мать, ухаживающая за сыном. Йама молча все выдержал и позволил холодным пальцам Агнитуса себя ощупать.

— Все как всегда. Лихорадка и большая потеря жидкости. В остальном без изменений, тонус мышц хороший, жизненно важные показатели в норме. — Агнитус в упор посмотрел на доктора Дисмаса: — Ты слишком усердствуешь. При таком состоянии он может не дотянуть до конца кампании.

Доктор Дисмас выдержал огненный взгляд Агнитуса:

— От него требуется так много. Я делаю что могу.

К Агнитусу приблизился Энобарбус. Вид у вождя еретиков был измотанный и усталый, но глаза сияли энергией, и, склонившись к Йаме, он широко улыбнулся.

— Знай, я тобой очень доволен, — радостно провозгласил он. — Ты совершил великое дело. Я только что вернулся с передовых рубежей за низменностью Утерянных Вод. Позиции, которые наши враги удерживали более года, начинают трещать под твоими ударами. Их машины поворачивают против своих хозяев, а потому армия очень ослаблена. Скоро мы нанесем удар, который выведет нас прямо к Офиру. Клянусь, я войду в его ворота не более чем через двадцать дней.

— Ты говоришь не с тем, с кем надо, — с раздражением вмешался доктор Дисмас. — Скоро в нем не будет нужды. Надо лишь, чтобы дитя моей возлюбленной полностью сформировалось.

Взгляд Йамы, минуя воина и врача, устремился в самую гущу офицеров, слуг и стражников, пытаясь разглядеть призрак, скрывающийся между ними. Какое-то пятно в форме человеческой фигуры постепенно фокусировалось в воздухе, становясь все ярче и ярче. Такое знакомое, терпеливое, состарившееся от забот лицо в обрамлении пушистого облака седых волос, руки с длинными пальцами привычно сложены под подбородком. Призрак умершего. Призрак любимого отца Йамы, эдила Эолиса.

Йама хотел убежать, но снова оказался парализован, на сей раз волевым импульсом Тени. Призрак заговорил. Его слова пробегали сквозь сознание Йамы, как бегут искры по головешке в умирающем пламени костра.

Я доволен тобой, сын мой. Не слушай доктора. Я не позволю тебе до конца угаснуть. Частица тебя навсегда останется со мной.

Призрак мигнул и растаял. И тут Йама с ужасом почувствовал, как его челюсти и язык начали двигаться. Некто проговорил хриплым, полузадушенным голосом:

— Доктор, мне он все еще нужен. Даже когда закончится формирование псевдомозга, останется еще много неизвестного, потому что он сам о себе многого не знает.

Доктор Дисмас склонился к Йаме, протер губкой его растрескавшиеся губы и влил ему в рот несколько капель воды.

— Ну-ну, — пробормотал он, протирая щеки Йамы и массируя жесткими пальцами пластины под его кожей. —

Это хлипкий и неблагодарный сосуд, но ради тебя я буду о нем заботиться. Буду охранять его ценой собственной жизни.

Призрак умершего отца вновь возник перед Йамой, еще более реальный, чем прежде.

Он считает, что он — наш отец, — злорадно проговорил он. — *Он еще заплатит за свою ошибку. Не сразу. Он столько времени растратил на свои эксперименты и дурацкие заговоры, а мог бы привести тебя ко мне еще много лет назад.*

Йама заметил, что снова может двигаться, и сказал:

— Да, конечно, ты предпочел бы забрать меня, пока я ничего о себе не знал. Не знал, кто я и на что способен. Потому что ты вовсе не так силен, как хочешь мне показать.

— А, Йамаманама! — воскликнул доктор Дисмас. — Ты все еще здесь!

Я расту, расту с каждым днем, а ты с каждым днем уменьшаешься.

— Я не уйду!

— Брось, дорогое Дитя Реки, — снова вмешался доктор Дисмас, — ты мой.

Вместе мы сможем многое сделать, Дитя Реки. Зачем сопротивляться? Для начала мы могли бы стать правителями этого мира, но только для начала. Битвы, которые я выигрываю, завершат войну, длившуюся десять тысяч лет, но они — ничто по сравнению со сражениями, предстоящими мне в пространстве оракулов, когда я справлюсь с силами, сохранившими верность Хранителям. А после этой победы та, что сейчас является нашим союзником, попытается меня уничтожить. Разумеется, у нее ничего не получится. Если ты мне поможешь, ты многое узнаешь о нашем мире и о других мирах. У нее есть свои планы относительно Слияния, и скоро я ими овладею, как овладел тобой. Спроси доктора Дисмаса о машинах глубинных слоев. Спроси его о сердце мира. — Призрак усмехнулся. Резкая, коварная, хищная ухмылка, ничуть не похожая на мягкую улыбку приемного отца Йамы. Фантом продолжал: — *Спроси его, почему мелеет Великая Река.*

После смерти эдила Йама нашел среди его бумаг страницы с заметками о падении уровня Великой Реки. Эдил проводил измерения каждую декаду в течение многих лет. Он сумел рассчитать вероятную дату начала обмеления реки. Большинство жителей верили, что оно началось, когда люди Древней Расы проникли в пространство оракулов и уничтожили аватар, уцелевших после войн Эпохи Мятежа. Однако расчеты эдила показывали, что обмеление началось много позже, в тот год, когда старый констебль Тау нашел Йаму, младенца, на груди мертвой женщины в белой лодке, дрейфующей по течению Великой Реки.

Йама не мог сказать, действительно ли призрак знает, что связывает эти два события, или просто мучает его обрывками украденных знаний. Тем не менее Тень коснулась его

самого потаенного страха. Вдруг он вовсе не спаситель мира, как думали многие? Вдруг он — его слепая Немезида? Йама протянул руку и схватил клешнеобразную кисть доктора Дисмаса:

— Доктор, вместе мы можем многое сделать! Но прежде всего надо остановить войну.

— Обязательно, Йамаманама, обязательно. — Доктор Дисмас улыбнулся, попытался высвободить руку, не смог и тогда крикнул Агнитусу: — Помогите же мне, черт возьми!

Помоги мне, — прошептал фантом. — *Спроси его. Обещаю, от этого будет масса хлопот. Я на твоей стороне, Йамаманама. Как же иначе? Моя жизнь и моя сила зависят от тебя. В каком-то смысле я становлюсь тобой. На скоро положение изменится, и ты будешь зависеть от меня. Нам надо прийти к соглашению, иначе скоро ты совсем растаешь. Ты хочешь сотрудничать со мною как равная часть единого организма или предпочитаешь превратиться в нечто, еще более ничтожное, чем подопытные создания нашего доброго доктора? Я могу упрятать тебя так глубоко, что весь свет и вся слава мира покажутся тебе слабой искоркой, тусклой, как самая дальняя звезда. Я могу подвергнуть тебя пыткам, каких и наш добрый доктор не сумеет придумать. Бесконечным пыткам. Выбирай.*

— Он на твоем попечении, — ответил доктору Дисмасу Агнитус. — Ты сам имел удовольствие нам это сообщить.

— Ты утверждал, что полностью над ним властен, — поддержал врача Энобарбус. — Хотелось бы мне знать, насколько это правда. Надо обсудить этот вопрос.

— Им управляет дитя моей возлюбленной, — пояснил доктор Дисмас, все еще пытаясь высвободить руку из пальцев Йамы, — а оно пока еще только растет.

Давным-давно, будто в другой жизни, Йама и его приемный брат Тельмон любили послушать, как сержант Роден рассказывает о битвах в серединной точке мира. Происходило это в гимнастическом зале замка. На утоптанной глине пола старый солдат вычерчивал позиции атакующих и обороняющихся армий кончиком древнего меча. Он учил Тельмона и Йаму, что лучшие военачальники побеждают противника не только силой, но и мудростью. Более того, покорить противника без битвы всегда предпочтительней, прибегать к сражению следует лишь в крайнем случае. А потому знать врага — это первейшая необходимость войны. Не только силу и вооружение противоборствующей армии, но состояние духа и боевой подготовки рядовых и офицеров, степень суровости наказаний для провинившихся, положение дел в тылах, природные условия на занятой территории, отношение покоренных народов к завоевателям, настоящую и прогнозируемую погоду. Лучшая политика — это понять стратегию противника, а потом попытаться ей помешать, перехватывать инициативу, демонстрировать гибкую тактику, нападать там, где враг чувствует себя не-

уязвимым, и таким образом переломить ход событий. Сержант Роден показывал своим ученикам, что даже меньшая сила может одолеть мощную армию, если воспользуется случаем, нанесет удар точно и с превосходящим напором.

Теперь более чем когда-либо Йама понимал, как важны уроки старого доброго солдата. Он был в плену, в самой середине империи еретиков, в окружении слуг и машин доктора Дисмаса, солдат Энобарбуса; тысячи лиг отделяют его от еще не покоренных районов в верховьях реки, а в сердце лишь одна искра надежды — бывший трактирный мальчишка, который единственный может прийти к нему на помощь. Хуже того, он был пленником в собственном теле, боролся с Тенью, которую доктор Дисмас в него вселил. Однако сейчас он понял, что, вступив в союз с наиболее непосредственным противником, он может использовать разногласия тех, кто держит его в плену.

— Подземные камеры, — проговорил Йама. — Расскажи мне, как функционирует наш мир.

Ты мой! — Призрак запрокинул голову и взвыл, превращая мягкое лицо отца Йамы в страшную волчью морду. Глаза ее горели злобным красноватым огнем, как будто в черепе разожгли костер. Но слуги и солдаты, разумеется, никак не реагировали.

— Мальчишка бредит, — заявил доктор Дисмас и сумел наконец вырвать из пальцев Йамы свою руку. Массируя правой рукой левую, клешнеобразную кисть, он улыбнулся Энобарбусу и Агнитусу: — Уверяю вас, господа, я полностью им владею.

— Я никому не принадлежу, — прошептал Йама. — Расскажи о подземных камерах. Расскажи про машины — там, внизу. Правда, что я могу ими управлять? Ты ведь этого от меня хочешь, когда закончится война?

— Я ничего от тебя не хочу, Йамаманама, — зачастил доктор Дисмас. — Я доставил тебя сюда как дар Энобарбусу, как оружие, способное быстро закончить войну. Его, а не меня, спрашивай, что будет дальше.

— Тем не менее откуда-то у него взялась мысль, что ты кое-что замышляешь, — повернулся к Дисмасу Энобарбус. — Здесь есть о чем подумать.

Он резко развернулся и стремительно вышел из комнаты. Стражники сопровождали его, прикрывая с флангов, а сзади тянулся яркий шлейф офицеров в алых накидках. Призрак прошел через них, как дым, и остановился за спиной у Агнитуса.

Я горд тобою, дитя мое. Вместе мы уже многого достигли, а с твоею помощью добьемся еще большего.

— Расскажи о подземных камерах, — попросил Йама. Он встал, ощущая, как тысячи острых иголочек впиваются в ослабевшие ноги. Покачиваясь, добрался он до огромной раковины окна, пытаясь собраться с мыслями и справиться с волне-

нием. Если Тени требовалась его помощь, значит, она не так сильна, как утверждает. А может быть, он сам сильнее, чем думает. Эх, знать бы наверняка!

За его спиной Агнитус спросил доктор Дисмаса:

— Сколько у него сил, Дисмас?

Аптекарь вставлял новую сигарету в свой резной мундштук и, пока не зажег ее, не ответил.

— Должно быть, дитя моей возлюбленной рассказало ему про подземные камеры. Кто знает, о чем они говорят там, внутри его мозга, которым владеют пока сообща? Но это не так уж важно, Агнитус, скоро Йама исчезнет. Именно это и следует сообщить твоему хозяину.

В синем небе появилась черная точка. Она двигалась высоко над лоскутным одеялом рощ в городе лесов, далеко за архипелагом летающих садов.

— И не забудь сообщить ему, — вмешался Йама, — что я тоже был в подземных камерах. Это случилось, когда я в первый раз удрал от тебя, Дисмас. Я попал в Умолкнувший Квартал и нашел путь в подземные камеры, когда спасся от посланных тобой идиотов. Тогда я многое узнал.

Точка оказалась птицей; может быть, это жаворонок, спустившийся сюда со склонов Краевых Гор? Йама смотрел на него с поднимающейся из сердца теплотой.

Доктор Дисмас проговорил примирительным тоном:

— Подземные камеры — не такой уж секрет.

— Ты не ответил на мой вопрос, Дисмас, — настаивал Агнитус.

— В архивах об этом почти ничего нет, единственная сура в Пуранах. Раса Йамаманамы построила наш мир в соответствии с замыслом Хранителей. Кому же и знать о нем все детали, как не им? Но сам мальчишка абсолютно невежествен — его воспитывал в захолустье ссыльный чиновник. И жизненного опыта у него почти нет. Мы продвигаемся ощупью, экспериментируем. Разумеется, если твой хозяин боится, я могу забрать мальчишку и найти ему другое применение. Найдется немало людей, кто обрадуется возможности им воспользоваться.

— Полагаю, что нет.

— Что Энобарбус не испугался? Или что я не могу отсюда уйти? Поосторожнее, Агнитус! — В голосе доктора звучала непривычная резкость. — У меня могущественные союзники.

Нет, не птица. Для птицы она слишком велика. Точка все приближалась. Йама не мог отвести от нее глаз. Он говорил себе, что это иллюзия, но чувствовал, как волосы зашевелились у него на голове от ужаса.

Тем временем Агнитус говорил Дисмасу:

— Твои союзники пытаются покорить мир и при этом дерутся между собой. Потому они и потерпели поражение в

Эпоху Мятежа, потому и не могут победить без нашей помощи. И потому ты здесь, Дисмас. Не забывай об этом.

— Я готов слушать нравоучения от Энобарбуса, но не от его слуги.

Смех Агнитуса загрохотал низкими раскатами грома.

— Ты дурак, Дисмас, — презрительно бросил он. — Ты полагаешь, что каждый кому-то принадлежит, потому что сам чья-то вещь.

Непонятная птица за толстым стеклом окна молотила воздух огромными кожистыми крыльями. У твари было три головы на длинных гибких шеях, и все они смотрели на Йаму. Они выглядели чудовищными карикатурами на людей, которых он любил и потерял: его приемный отец, эдил Эолиса, приемный брат Тельмон, убитый на войне с еретиками, Тамора, наемница, сожженная доктором Дисмасом на ступенях лестницы возле оракула, высеченного в стене на краю мира. Йама выдержал их взгляды, хотя это далось ему невероятными усилиями. Их голоса шелестели у него мозгу.

Ничто не умирает, Йамаманама. Я могу их вернуть. Помоги мне, и я дам им новую жизнь.

— Я буду служить только на собственных условиях.

За его спиной доктор Дисмас объяснял Агнитусу:

— Это последние трепыхания. Агония, и она скоро кончится. Он полностью растворится.

Глупый старик. Он нам ни к чему, Йамаманама, как и старая, изломанная, выжившая из ума развалина, которая его преобразила. Вместе мы обновим этот мир!

— Вместе, — повторил Йама.

Да, да, вместе. Вместе мы изменим все вокруг.

Человеческие головы на чудовищном теле открыли рты и выплюнули струи пламени, которые растеклись по оконному стеклу. Йама не шелохнулся. Это просто дурацкая демонстрация, порождение тщеславия призрака. А тщеславие — это слабость.

Пламя поникло. Чудовище исчезло. В мозгу Йамы прошелестел нетерпеливый голос:

Скоро.

7. БРОНЕНОСЦЫ

— Облетишь вокруг, — приказал префект Корин капитану летающей платформы.

— Нет, — твердо ответил капитан. Он висел на ветке дерева, держась рукой и ногой, и, не мигая, смотрел на префекта Корина большими, черными и абсолютно круглыми глаза-

ми. Ростом он был меньше Пандараса, а из одежды носил только пояс с инструментами. Прекрасный серебристый мех на его теле имел более темный, почти черный оттенок на кончиках ушей и пальцев. Два десятка членов его команды в молчании висели или стояли среди ветвей других деревьев на опушке небольшой рощи.

— У меня уже есть приказ, — продолжал капитан, — и ты его знаешь. И знаешь, что не можешь его изменить. Все это мы уже обсуждали.

— Тебе известно, кто я. — Префект Корин говорил так тихо, что за шумом флайера Пандарас его едва слышал.

Капитан ухмыльнулся, показав острые, как иголки, зубы.

— Мы знаем, что ты не можешь управлять платформой. Дальше ущелья никто не летает. Пока еретики удерживают высоту и подходы к реке, это невозможно.

Префект Корин положил руку на плечо Пандараса и приказал:

— Покажи им!

Пандарас нехотя вынул керамический диск и поднял его повыше. Всю его плоскость тотчас заполонили крошечные искры и черточки, мечущиеся друг за другом подобно муравьям. Капитан взглянул не него и содрогнулся.

— Это устройство указывает, что человек, которого я ищу, не здесь, — пояснил префект Корин. Отблески диска играли в его блестящих черных глазах. — Он находится ниже по реке, у еретиков.

— Еретики, они отняли у нас город, префект. Платформа, только она у нас осталась. Да-да, господин. Вернуть город, да-да, мы бы хотели. Но это далеко, господин, да-да, далеко внизу. Выше, чем мы летаем, мы не можем выше. Мы попробуем, а они — стрелять, стрелять. Всех сметут, как жуков с дерева. Река — еще хуже, да-да, господин. Много платформ на реке. Все стреляют. Нет, префект, для себя не будем и для тебя не полетим. Куда могли, довезли, и хватит разговоров. На стоянку, да-да, пора на стоянку.

Капитан раскачался, прыгнул и скрылся в плотной листве кроны. Его команда, все как один, развернулась и тоже исчезла в массе заколыхавшейся зелени.

Колонны солдат стали собираться у сходен огромного черного клина платформы. Она начала приводиться к ветру, и двигатели на корме ревели все громче. По левому борту зеленели густыми лесами отроги гор, их пики сияли в лучах предвечернего солнца над укрытыми тенью долинами. Справа светилась оловянным блеском река; ширина ее в этом месте не превышала десяти лиг; горы сжимали мощное течение в узкую теснину. Передовые отряды еретиков пытались захватить город, господствующий над этим сужением.

Пандарас и префект провели целые сутки и почти весь следующий день на летающей платформе, неуклонно приближающейся к линии фронта. Как все крупные летающие объек-

ты, она искривляла гравитационное поле таким образом, чтобы лететь против ветра, а двигатели ей были нужны для маневра. В прежние времена на платформе был сад, но теперь сохранился лишь небольшой клочок леса, где жила и работала команда. Все остальное место занимал сложный комплекс из канатов и стоек, среди которого крепился груз и располагались жилые помещения для пассажиров.

Пандарас и префект вместе с солдатами спали под открытым небом и питались у костра, но Пандарас не чувствовал аппетита, а ночью почти не спал: боялся, что, если он заснет, платформа опрокинется и за мгновение до смерти он очнется, кувыркаясь в воздухе. Префект Корин, казалось, тоже не спал. Скрестив ноги и положив руки на колени ладонями вверх, он сидел и смотрел не отрываясь, как поднимается по небу Око Хранителей перед тем, как двинуться вспять и скрыться в низовьях за конечной точкой мира. Весь следующий день префект, похожий на коршуна, выслеживающего добычу, стоял на носу платформы и всматривался куда-то вдаль. Время от времени Пандарас пытался завести разговор, но встречал даже не отпор, а полное безразличие.

Никто из солдат и офицеров ни разу к ним не подошел, и Пандарас понятия не имел, куда они направляются. Знал только, что в низовья, что на войну, а значит, ближе к Йаме. И это его утешало.

Рокот двигателей стал глубже. Направляясь к берегу, платформа шла поперек ветра. Префект Корин выдернул свой посох из мшистой почвы и нырнул в темноту, где были деревья. Крошечная машина ужалила Пандараса в шею, и он послушно отправился вслед за префектом Корином. Когда они выбрались из-под защиты рощицы, на них с остервенением накинулся ветер, и префект Корин придержал свою черную шляпу двумя пальцами. На самом конце платформы стоял гигантский баобаб, увешанный канатами, на которых крепились маленькие платформы. Обслуживающая их команда состояла из представителей одной семьи. Они носились вокруг, переговариваясь высокими поющими голосами на быстром местном наречии.

Подножия гор в этом месте подходили к самой реке. Город тянулся по узкой равнинной ленте у самого их края. Весь он лежал в развалинах. Не осталось ни одного целого здания, хотя рисунок уличной паутины все еще просматривался. Руины нескольких огромных башен стояли на самом берегу, напоминая оплывшие свечи. Воздух гудел от сверкающего облака крошечных машин, которые носились туда-сюда над разрушенным городом, крутились вокруг друг друга, но все же не сталкивались. Пандарас увидел множество пожарищ, лесистые холмы были усеяны кратерами разных размеров. Тысячи деревьев на длинном отроге валя-

лись с вывороченными корнями, словно поваленные титаническим ветром.

Летающая платформа маневрировала над лагерем обороняющейся армии. Внизу открывался взгляду целый город с кварталами палаток и шатров, которые тянулись вдоль дорог, забитых повозками и колоннами солдат. Сотни людей работали на гигантских машинах, установленных в глубоких карьерах в окружении кранов и облепленных лесами башен.

Когда платформа уже подходила к разрушенному городу, направляясь к цепочке пилонов с плоскими макушками, на склонах холмов возникли яркие вспышки, словно приветствуя пополнение. Клубы белого дыма, с виду совсем неопасные и невинные, как маргаритки, расцвели в меркнущем небе. Откуда-то из-под платформы началась быстрая стрельба, потоки огненных искр устремились к источникам этого представления. Стрелки, висящие в прозрачных пузырях под платформой, отвечали на бомбардировку еретиков.

Как только платформа причалила, по сотням канатов начали спускаться солдаты. Снаряжение спускали в сетках и на стропах. Вдруг из сумерек вынырнул диск и повис вплотную к носу платформы. Префект Корин взял Пандараса за руку, и они ступили на диск, который сразу же спустился на землю. Пандарасу пришло в голову, что именно так, наверное, префект спасся, когда гигантские полипы утопили его корабль. Диск изгибал поле гравитации, а потому ощущения падения не было. Скорее казалось, что мир покачивается вокруг неподвижной точки диска, а потом внезапно бросается к ним в объятия. Они очутились на земле раньше, чем Пандараса успело укачать.

Префект Корин немедленно двинулся в путь. У Пандараса не было иного выхода, как только последовать за ним: боль, причиняемая маленькой машиной у него на шее, увеличивалась пропорционально расстоянию машины от ее хозяина. Корин шел быстро, и, чтобы успеть за ним, Пандарасу приходилось почти бежать.

— Ну здесь и бойня! — пробормотал он, задыхаясь и отступая в сторону, пока мимо них протискивались две колонны солдат в черных доспехах. Сейчас они двигались вместе с потоком по широкой грязной улице. Стрекочущие дуговые лампы создавали в подступающей тьме островки яркого, режущего глаз сияния. Стоял неумолчный шум: ржание тягловых животных, крики людей, рев моторов, постоянный грохот далекой канонады, принесенные ветром обрывки музыки.

— Куда ты меня привел, господин? — решился спросить Пандарас. — Это входит в твой план? Мы станем наемниками?

— Мы здесь не задержимся. — Префект Корин вышел на дорогу в свет фар приближающейся паровой повозки и взмахнул посохом.

Повозка остановилась, испустив громадное облако черного дыма. Префект Корин взлетел на сиденье рядом с водителем и что-то ему прошептал. Пандарас едва успел залезть в кузов, как повозка снова тронулась, и его стало бросать среди кое-как наваленных рулонов камуфляжной ткани, лишь только повозка свернула с дороги и покатилась по ухабам прямо к линии фронта.

Город был построен из сухопутного коралла. Тут и там, где еще сохранялись живые участки, он поднимался пиками и морщинистыми холмами, наползая на развалины башен и покрывая их сетью тонких рыжеватых нитей. Но в целом город был мертв. Горы обломков громоздились по сторонам кое-как расчищенных улиц. Кругом протянулись окопы, освещаемые пятнами фосфорной краски или цепочками красных и зеленых фонариков. Солдаты собирались кучками вокруг костров и походных печей, дозорные, прячась за заграждениями из мешков с песком, следили за вражескими позициями, расположенными всего в двух лигах.

Повозка остановилась. Пандарас спрыгнул и потрусил за префектом в подступающую тьму. Они обогнули три смыкающихся, полных грязной водой кратера и поднялись на небольшую возвышенность. Тыльную сторону склона занимала линия бункеров. Из занавешенной двери появился высокий человек в длинном кожаном плаще и поздоровался с префектом. Это был командующий силами обороны, худой, задерганный человек одной расы с Корином. Звали его Менас. Вокруг него роилось целое облако машин, самая крупная прикрыла свет фонаря, когда он взглянул на большие, величиной с луковицу, часы, усеянные целым десятком циферблатов.

— Ты в самое время, брат, — сказал Менас, спрятал часы и обнял префекта Корина. — Дуэль как раз сейчас начнется. Слышишь? Слышишь раскаты грома?

Пандарас думал, что слышит звуки артиллерийского огня, но, посмотрев, куда указывает Менас, увидел ползущие по небу тяжелые тучи. Между небом и рекой то и дело вспыхивали молнии.

— Они управляют погодой, — объяснил Манас. — Хотят создать подходящие декорации для ночной дуэли. До сих пор силы были равны, так как с благословения Хранителей наши кудесники сумели построить броненосец, не уступающий их флагману. Пошли со мной! Скорее! У нас мало времени.

Пятеро штабных офицеров пошли с ними; вокруг каждого летало собственное облачко машин. Менас просто искрился энергией, он был не в состоянии спокойно идти или беседовать на одну тему более минуты. Он то и дело отбегал в сторону то к одной группе солдат, то к другой, расспрашивая, как у них настроение, с какого участка прибыли, готовы ли к бою. Сразу было видно, что солдаты любят своего командира. Его встречали с явным удовольствием, предлагали отхлебнуть пива или вина.

— Ну, ребята, на этот раз мы им покажем! — кричал Менас. — Мы столкнем их в реку! — Он развернулся и побежал вверх по склону туда, где ждал префект Корин. — У них просто кулаки чешутся! — задыхаясь, прокричал он. — У нас прекрасные бойцы! Самые лучшие!

— Я не заметил здесь боя, — холодно отозвался префект Корин.

— Скоро начнется, — отвечал Менас, снова вынимая из кармана плаща свой сложный хронометр и поднимая его к свету машины, кружившейся над головой. — Мы удовлетворяем их потребность в драматическом действе, но на самом деле все происходит в точно намеченные сроки. — Он убрал хронометр и продолжал уже более спокойно: — Придет день, когда они начнут наступление и мы не сможем их удержать.

Префект Корин бросил на Менаса быстрый взгляд и заметил:

— Видимо, ты слишком долго был в такой близости от еретиков, брат.

— Здесь не Из, — сурово возразил Менас. — Это война, настоящая война. Я не лгу своим солдатам, я говорю им все как есть. Здесь нет места сказкам, которыми успокаивают штатских. Силы еретиков нарастали много лет, а в последние пару недель эти сволочи просто обнаглели. До меня доходит информация, что на болотах дела совсем плохи, что наши машины падают. Я полагаю, еретики могли бы захватить этот город, как только им захочется, а вместо этого они предпочитают затеять с нами игру. Мы можем удерживать теперешнюю позицию, только пока мы им подыгрываем. Вынуждены подыгрывать. Иначе — кошмар и ужас...

Голос Менаса упал до шепота. Пандарас содрогнулся, осознав, что вся бешеная энергия этого человека не в состоянии полностью скрыть обуревающий его страх. Глаза Менаса покраснели, руки дрожали, он спрятал их в карманы своего длинного черного плаща, придвинулся к префекту и зашептал:

— Они воскрешают мертвых.

На лице Корина отразилось презрение.

— Нам нужно за линию фронта, — сказал он. — Капитан летающей платформы отказался; надеюсь, ты нам поможешь.

Менас вздрогнул.

— Мы все время засылаем разведчиков. Иногда они возвращаются. Обычно перевербованными. Они проходят все тесты, какие мы только можем придумать, а потом, через несколько дней, проникают в бункер, полный народу, и взрывают его вместе с собой.

Пандарас припомнил взрыв в кафе, когда туда вошла молодая женщина.

Префект Корин спокойно возразил:

— Мне не впервые это делать.

— Однако сейчас условия изменились, — не соглашался Менас. — Они обращают против нас наши собственные

машины. Маги не могут объяснить, в чем тут дело. Правда, их последние разработки защищены от колдовства еретиков, по крайней мере на данный момент.

Префект Корин кивнул:

— Как раз из-за того, что все изменилось, мне надо перейти линию фронта.

— Полагаю, скоро отправится группа разведчиков. Один из моих офицеров тебя проинформирует. — Менас посмотрел на Пандараса. — Этот мальчик пойдет с тобой? Кто он? Твой слуга?

— Он поведет меня к цели.

— У меня есть свои цели, — заявил Пандарас и отшатнулся, когда префект Корин хотел достать его своим посохом. — Я ищу истину. Как мой господин.

Машина на его шее безжалостно впилась ему в кожу, Пандарас вскрикнул и упал на землю. Двое офицеров засмеялись. Пандарас поднялся, бормоча проклятия их предкам вплоть до слизи, из которой Хранители по ошибке их возвысили. Машина снова его ужалила, заставляя бежать за префектом и Менасом, быстро уходящими к светлому пятну в отдалении.

Пандарас с удивлением понял, что это оракул — стоящий на ребре большой диск у перекрестка двух широких дорог. Но чему тут особенно удивляться? Ведь оракулы только отчасти принадлежат этому миру, и энергии, которые могут испарить любую другую материю, для них не опасны. Может быть, некогда здесь стоял храм, а теперь он лежит в развалинах, и сохранилось только его сердце — этот оракул?

Перед оракулом собрались солдаты. Свет, струившийся из его диска, сиял на их лицах и играл на черных камедных кирасах. Пандарас со страхом приближался к оракулу, помня о женщине в белом, которая возникла в оракуле Храма Черного Колодца. Но, пройдя вслед за префектом Корином сквозь ряды воинов, Пандарас понял, что оракул был подделкой, увеличенной копией дешевого посеребренного диска, какой его мать держала у них в комнате на полочке высоко под потолком. По праздникам она зажигала позади него свечку, чтобы свет переливался в нем, как эхо, в память об аватарах, которые являлись в оракулах города до того, как их уничтожили еретики. Здесь имел место такой же трюк, только источник света был, разумеется, намного ярче простой свечки, и конструкция диска заставляла свет расходиться концентрическими кругами из одной сияющей белой точки и словно бы исчезать в темнеющем воздухе.

Пандарас отвернулся: в голове возник туман и появилось чувство, что он может упасть в эту светящуюся точку и никогда из нее не выбраться. Его господин, без сомнения, объяснил бы, что именно так чувствовали себя Хранители в начале своего

бесконечного падения в Око. Он наверняка провел бы умную аналогию между условиями, необходимыми для молитвы, и степенью благорасположения Хранителей. Но у Пандараса эта игра света вызвала лишь дурноту.

— Маленькое изобретение наших магов, — хвастливо пояснил Менас префекту Корину. — Их называют «ипсеорама». У вас в Изе таких еще нет, но скоро появятся. Они приводят нервную систему человека в особое состояние, сходное с экстазом от присутствия аватар. Оно успокаивает и опустошает разум, готовя его к имманентности Хранителей.

Префект Корин отвечал сухо и резко:

— У меня нет времени на дурацкие фокусы. В лучшем случае это глупость, а в худшем — ересь, ересь в чистом виде.

— Но ведь это просто форма упорядочивания молитв, — настаивал Менас. Свет из ипсеорамы играл на его горящем энтузиазмом лице и превращал каждую из машин в маленькую звездочку. — Упорядочивание необходимо. Вспомни, как солдаты маршируют по мосту. Если они идут в ногу, то могут попасть в резонанс, и мост разлетится на куски. Так же и с молитвами. Если синхронизировать и сфокусировать помыслы десяти тысяч молящихся, то они могут засиять в разумах Хранителей. Разве сумеют они отказать в подобной просьбе?

— Никого нельзя принуждать к молитве. Такая молитва бесполезна. — Префект Корин взмахнул посохом. На мгновение Пандарасу показалось, что сейчас он метнет его в фальшивый оракул и разобьет вдребезги. Однако он, видимо, справился с собой, опустил посох и продолжал:

— Это опасный эксперимент, Менас. Мы ничего от него не выиграем.

Менас, казалось, не слышал слов префекта и продолжал свою мысль:

— Управлять молитвой так же необходимо, как управлять огневой мощью артиллерии. Взывая о помощи к Хранителям, мы сумели продержаться здесь более ста дней. — Он вскинул голову и снова вынул свой хронометр. — Слушай! Ну слушай же!

От вражеских позиций донеслись медные голоса труб. Шум нарастал и усиливался, резал слух чудовищным диссонансом. Пандарас зажал уши ладонями.

Менас прокричал префекту Корину:

— Иногда они фокусируют звук. Тогда человек может лопнуть, как перезревший фрукт. — Как только шум смолк, Менас подал знак одному из штабных офицеров. — Сегодня они начали на сто двадцать восемь секунд раньше. Отметь. Возможно, это имеет значение.

Священник возле оракула затянул благодарственное песнопение, солдаты вокруг склонили головы, глубже ухо-

дя в молитвы. Пандарас заметил, что он тоже подпевает, отзываясь в нужных местах. *И мгновение нашей смерти есть миг возрождения и вступления в жизнь вечную.* Пандараса охватил всепоглощающий страх и гнев. Он вдруг поверил, что близок его последний час, а он растранжирил все, что ему было доверено, предал своего господина, не сумел ему помочь. Как могло прийти ему в голову, будто он сможет отыскать Йаму в этой вселенской каше?

Между рядами коленопреклоненных солдат двинулись жрецы. Они кропили воинов розовой водой из медных кадил, крутя их над головами, как аборигены крутят болласы перед тем, как запустить их в цель.

Менас прокричал, что времени мало, и снова пошел вперед. Вся группа взобралась по откосу кучи развалин, пряча лица от усиливающегося ветра. Первые тяжелые капли дождя просвистели в воздухе, словно пули. Менас широкими прыжками поскакал к вершине.

— Вон! Смотрите! Дуэль броненосцев!

В двух лигах от них что-то двигалось по темной лесной чащобе за вражескими позициями. Мечущиеся лучи прожекторов временами выхватывали из темноты будто сметенные гигантской волной громадные просеки поваленных деревьев. Сначала Пандарас подумал, что там несется стадо мегатерисов, но тут из тьмы выдвинулась огромная машина. Встав на дыбы, она поднялась над самыми высокими деревьями, потом резко качнулась и вдруг выросла еще вдвое. Лучи десятков прожекторов скрестились на чудовищной машине, и Пандарас разглядел, что ее длинный извивающийся корпус держится на шести консольных лапах и уравновешивается шипастым хвостом, совсем как у скорпиона. Вокруг гиганта кружилось облако мелких машин — возбужденных сверкающих огоньков, мечущихся, как горящие птицы. Краем глаза Пандарас заметил, что рядом с ним что-то блеснуло. Поглощенный зрелищем ползущего броненосца, он отмахнулся от этого блеска, ни на мгновение не задумавшись о его природе.

Скрывая очертания механического монстра, по развалинам с внезапной силой ударили плотные струи дождя. В мгновение ока Пандарас промок до костей и кинулся под защиту обломка колонны. Замерзший, несчастный и напуганный, он сжался в комок, пытаясь согреться, и вдруг ощутил, как у него по груди разливается неожиданное тепло. Монета сияла так ярко, что свет ее проникал сквозь изношенное полотно рубашки. Он зажал ее в пальцах, чтобы скрыть от чужих глаз ее свет, и с внезапной дикой надеждой зашептал:

— Спаси меня, господин! Если ты правда меня когда-то любил, то сейчас приди и спаси!

Префект Корин и Менас, не прячась, всматривались в бурю. Одной рукой префект вцепился в поля своей шляпы,

а другой держал посох. Ветер рвал подол его мантии. Снова ужасно завыли трубы. Начался фейерверк. Настоящий фейерверк. Необъятные белые цветы взрывались под низкими, бешено несущимися тучами. Разгорались огни; алые и зеленые сверкающие нити мерцали над городской пустыней, отражались в блестящей шкуре броненосца.

Что-то вновь вспыхнуло перед глазами Пандараса: крошечная машина, не больше жука, с тельцем из множества кубиков и тоненькими слюдяными крылышками, мелькающими в пятнышке золотистого света. На мгновение она замерла и вдруг нырнула вперед. Пандарас вскрикнул от острой боли в шее — и потрясенно заметил, что сторож, оставленный префектом Корином, пропал.

Крошечная машина взлетела и описала круг над головой Пандараса.

— Господин! — прошептал мальчик. Он был напуган и поражен. На всем его теле каждый волосок встал дыбом. Монета огнем горела в зажатом кулаке. — Господин! Это ведь ты, правда? Почему ты раньше не приходил? Почему ты меня бросил?

На миг золотое сияние машины разгорелось сильнее, потом она взмахнула крылышками и пропала.

Когда залпы фейерверка раздались с позиций обороняющихся, Менас обернулся и прокричал одному из штабных офицеров у себя за спиной:

— В третьем дивизионе молчат!

Офицер поймал в воздухе машину и крикнул в ответ:

— Я дам сигнал...

Менас сцепил руки. Дождь прибил гриву его волос. Пандарасу показалось, что Менас готов поубивать всех вокруг. И не потому, что был зол, а потому что боялся и впал в отчаяние. В такое отчаяние, какое знакомо лишь по-настоящему испуганному человеку. Он так уверовал в свои ритуалы, что теперь превратился в их раба. Превозмогая завывания ветра и шум дождя, он закричал:

— К черту! Надо вместе или никак! Отправляйся туда сам, найди виновного и казни его и двух его помощников на выбор! Клянусь черной кровью Хранителей, я наведу здесь порядок! Чего ты ждешь? Время, вот все, что у нас осталось!

Офицер отсалютовал и исчез в дождливой тьме. Менас вытер с лица капли дождя, глубоко вздохнул и обратился к префекту Корину:

— Нам необходим порядок. Порядок и правила.

— Ты сам стал их марионеткой, — отозвался префект Корин.

— Это танец, — понизил голос Менас, — настоящий танец на лезвии бритвы.

Префект Корин промолчал. Менас снова взглянул на свой хронометр, отвернулся и стал наблюдать продвижение гигантской машины еретиков.

— Где наши фанфары, Голас?

Один из штабных офицеров выхватил из воздуха машину и прижал ее к уху, потом вытряхнул пластиковый листок. По пластику побежали строчки значков, мерцая зеленым светом, как речной огонь, который иногда горит вокруг плавучих доков города Иза. Высоким дрожащим голосом офицер отвечал:

— Они сейчас вступят. Начинаю отсчет: пять, четыре, три, два, один...

Вдали раздались тонкие неслаженные голоса труб, и сквозь струи дождя начало двигаться нечто, похожее на небольшой холм. Броненосец еретиков удвоил скорость, как гончая, почуявшая добычу. Его хвост мотался из стороны в сторону, шаги громом отдавались в округе. Пандарас почувствовал, как задрожали под ним камни.

Второй броненосец был приземист, имел броню в виде панциря черепахи и тяжело топал сотней толстенных ног. Какие-то мухи кружились над ним в воздухе — нет, это люди на летающих дисках! Они скользнули в сторону и растаяли в темноте, когда дистанция между броненосцами сократилась.

Они столкнулись, как две горы. Змеескорпион еретиков отступил в сторону перед броском гигантской черепахи и хлестнул ее своим бронированным хвостом. Чудовищный удар развернул черепаху поперек. Она удержалась на ногах, а по бокам ее корпуса развернулись металлические лопасти. Казалось, все происходит в невероятно замедленном темпе.

— Лопасти окантованы алмазами, — объяснил Менас префекту Корину. — Они вибрируют и отсекут ноги врага снизу. Сейчас увидишь.

— Я видел достаточно, — сухо ответил префект Корин и вытянул руку.

В тот же миг яркая нить света рассекла воздух над разрушенным городом. Она дотянулась до броневика еретиков, и на его месте тотчас вспыхнул огненный шар, растущий с фантастической скоростью. Машина развалилась надвое. Верхняя часть, извиваясь, слетела вперед и вдребезги раскололась о широкую спину черепахи. Земля содрогнулась. Раздался такой звук, будто захлопнулись ставни целого мира. Жар прокатился по развалинам, в мгновение ока сдув остатки дождя. Потом наступила тьма. Порыв холодного ветра вернул дождевые струи, и они заколотили с удвоенной силой. Прожекторы погасли, в небе взорвался последний залп фейерверка, а потом сник и он. И вот вдоль фронтов противоборствующих армий началась канонада. Начавшись с отдельных выстрелов, она быстро нарастала и крепла.

Менас зарычал от гнева. Обращаясь то к одному офицеру, то к другому, он кричал, что они должны убить предателя. Он имел в виду префекта Корина, который держал на ладони нечто похожее на маленький камешек. Это был энергопистолет,

настоящий, древний, в сотни раз более мощный, чем лазерные пистолеты, сконструированные в Эпоху Мятежа.

Префект убрал пистолет и негромко произнес:

— Я с этим покончил. — И резко рубанул ладонью.

В то же мгновение машины вокруг Менаса и его офицеров посыпались на землю.

— А теперь уходите, — скомандовал префект Корин, — здесь вам делать нечего.

Без единого слова офицеры побрели прочь. Менас потрусил за ними. Полы его кожаного плаща хлопали по бокам, как крылья. Потом он вдруг повернулся и, нечленораздельно бормоча, стал швырять в Корина комьями грязи.

Не обращая на него внимания, префект наклонился к Пандарасу и резко бросил:

— Пошли!

И зашагал вниз с холма прямо к горящим машинам.

Пандарас взглянул на Менаса, который стоял на коленях, подставив лицо хлещущим струям. Прошептав: «Прости, господин!» — он побежал за префектом Корином. Ему не хотелось самостоятельно искать выход с боевых позиций.

Префект Корин уверенно шагал по середине бывшего проспекта. Пандарас вприпрыжку бежал у него за спиной, как будто тень префекта могла послужить ему защитой. От позиций еретиков летели белые нити, и там, где они падали, начинался пожар. За пылающими источниками света двигались какие-то тени, их суставчатые длинные ноги и маленькие тела напоминали гигантских насекомых. Наконец удачный выстрел поразил одного из них ядром, его тело взорвалось вспышкой жирного желтого света, затем раздался еще один взрыв, на мгновение озаривший все поле боя и превративший каждую каплю дождя в сверкающий бриллиант.

Над развалинами во всех направлениях носились мины. Одна из них просвистела совсем рядом, выбросив в воздух фонтан песка и сухого коралла. Пандарас плашмя шлепнулся на землю, а префект лишь пригнулся, придерживая за поля свою шляпу, потом тут же выпрямился и продолжал путь.

— Куда мы идем? — спросил Пандарас.

— За их позиции.

— Ты заранее это спланировал?

— Неразбериха нам поможет.

— Но Менас потеряет город.

— У нас более важная цель, парень. — Префект Корин с минуту вглядывался в лицо Пандараса, потом добавил: — Да, вижу, ты понимаешь. — Он резко свернул влево и вскарабкался на высокую кучу обломков, где коралловая масса, уже погибая, выбросила череду гладких белых шпилей ростом в два раза выше

Пандараса. Их строй напоминал навеки застывшую шеренгу солдат или же шахматную партию, брошенную на половине.

Кругом вспыхивали и гасли огни — от ярких точек, когда стреляли из ружей и карабинов, до ослепительного блеска при залпах энергооружия и полыхающих цветов канонады мортир и минометов. Солдаты продвигались по развалинам к позициям еретиков. Фаланги мирмидонов шествовали в полнейшем порядке, не останавливаясь ни на мгновение, когда разрывы ядер пробивали бреши в их рядах. Управляющие ими офицеры плыли впереди на летающих дисках. Во втором эшелоне двигались бронированные повозки, растянувшись шеренгой в лигу длиной. Вдруг среди грохота взрывов возникли звуки трубы, низкий рокот барабана, вопли людей и животных. В сердце Пандараса нарастал страх. Он видел, с каким абсолютным самообладанием смотрит на все это префект, будто испытывая удовлетворение от вызванной им резни и хаоса. Но тут Пандарас увидел нечто, вселившее в его душу призрак надежды. Высоко в небе, между мчащимися с дикой скоростью дождевыми облаками, висела маленькая золотая искра.

— Приди ко мне, господин! Спаси меня! — прошептал Пандарас.

Но искра не двигалась. Может, она боялась, что префект Корин сумеет ее поймать, если она слишком приблизится.

Корин указал посохом на слабое место в позиции еретиков, но тут заметил, что Пандарас на него не смотрит. Он подошел к юноше, присел рядом и произнес с непривычной, почти доброй интонацией:

— Мы пойдем прямо сквозь бой. С нами ничего не случится, ведь нам в этой битве ничего не надо. Ты понял?

— Я понял, что ты сумасшедший.

— Нет. Разумеется, вокруг нас настоящее сумасшествие. И Менас тоже сумасшедший. Чтобы здесь воевать, надо сойти с ума, иначе нельзя. Но я совершенно в своем уме, успокойся. Если хочешь уцелеть, следуй за мной.

— Если мы подождем здесь, еретики сами к нам придут.

— Мы ищем не еретиков. — Внезапно префект Корин выбросил вперед руку и ухватил Пандараса за шею. — Он был здесь. Не отрицай! Я знаю, что он здесь был, ведь это он убрал стража.

Пандарас слегка качнул головой. Ему хотелось взглянуть вверх, позвать на помощь ту искру, но сделать это — значит предать господина! Пальцы префекта сильнее впились ему в шею, но Пандарас решительно посмотрел в черные глаза врага.

— Ты скажешь! Ты все скажешь! — прорычал префект Корин. — Во имя Хранителей! Или я выпущу из тебя твой ничтожный дух! — Он поднял вторую руку, но тут же ее опустил и освободил шею Пандараса. — Я знаю, что он здесь был. Ты не мог сам освободиться от стража. Крепко подумай, парень, хочешь ли ты все это пережить. Если ты скажешь мне, как Йамаманама уб-

рал стража, то, может быть, у тебя и получится. Мы оба хотим одного и того же. Мы оба хотим его спасти.

Пандарас потер свою поцарапанную шею и сказал:

— Думаю, у нас разные планы относительно судьбы моего господина.

Префект Корин вытащил из своей туники длинный шнур и привязал один конец к кисти Пандараса, а другой — к своей.

— Мы связаны, — проговорил он. — К худшему или к лучшему, но мы связаны рука к руке и судьба к судьбе, и ничто нас не разлучит. — Он встал и сильно дернул за веревку, так что Пандарасу тоже пришлось встать. — Внутри шнура пластиковые нити, — объяснил префект. — О них затупится самое острое лезвие. К тому же у них есть некоторая доля интеллекта. Только попробуй повозиться с узлом, и они затянутся туже. И так каждый раз, пока не отрежут тебе руку.

Висящий между ними отрезок был не длиннее руки Пандараса. Этого должно хватить. Когда префект Корин повернул налево, Пандарас свернул направо и бросился за гладкий пик сухопутного коралла, так что шнур натянулся на его поверхности. Пандарас поднял голову и закричал в дождливую тьму:

— Сейчас, Йама! Если ты меня любишь, сейчас!

Коралловый нарост содрогнулся, Пандарас упал на спину, но тотчас вскочил. Шнур, разрезанный пополам, свободно болтался на его руке. В коралловой почве возник маленький кратер, в глубине его умирал слабый золотистый огонек. Префект Корин согнулся, прижимая правую руку к левому глазу. Кровь сбегала по его щеке и капала с подбородка.

Пандарас бросился бежать. Он слышал крики префекта за спиной, но даже не оглянулся. Он наугад поворачивал между коралловыми пиками то вправо, то влево, но всегда выбирал самые узкие проходы. Коралл разросся по развалинам, достигая самого подножия склона. Его масса образовала причудливые лабиринты, арки, туннели и пещеры. Пандарас пролетел сквозь сужающийся проход из грубого песчаника, прошлепал по луже вонючей, затхлой воды, съехал по желобу из скользкого, как мыло, камня и, задыхаясь, приземлился у самого края дороги.

Вокруг стоял невообразимый гул — казалось, гиганты топают огромными ступнями по этой измученной земле. Вспышки взрывов освещали провисшие утробы туч. Вдалеке трусила большая машина, сплошь утыканная шипами. Из ее маленькой головки били хлысты световых лучей, и там, куда они падали, к небу взлетали фонтаны огня и столбы дыма. Пандарас вскочил на ноги и бросился бежать. Он не сомневался, что префект бросит все свои силы на его поиски.

Впереди слышалась размеренная, неспешная барабанная дробь, треск, завывания, свист ружейных пуль и арба-

летных стрел. И вдруг навстречу Пандарасу побежали солдаты. Он поднял руки над головой, чувствуя себя огромным и широким, как дом. Но солдаты просто в панике отступали и пронеслись мимо Пандараса, не обратив на него внимания. Один, с желтым и узким, как клинок, лицом обернулся и прокричал:

— Мертвые, мертвые! — и побежал дальше.

Пандарас остановился. Он был как раз на перекрестке. Со всех четырех сторон грохотало. С черного неба сыпал холодный дождь, рассекаемый по временам белыми, красными и зелеными лезвиями лучей. Медленная, приглушенная дробь барабана слышалась все ближе. Пандарас не мог понять, откуда она доносится, и выбрал направление наугад. Префект Корин забрал у него кинжал, и Пандарас остро чувствовал его отсутствие, словно потерял руку. Книга Пуран тоже осталась у префекта. У Пандараса остался только амулет, который дал Йаме вождь рыбарей, керамическая монета и собственная его жизнь.

Вдруг впереди что-то вспыхнуло и осветило длинную улицу. Пандарас остановился как вкопанный, чувствуя, что кровь стынет в жилах.

Вдалеке, в узком коридоре улицы, двигалась колонна голых людей, шагая в такт медленному и мерному барабанному бою. Большая часть марширующих была чудовищно изувечена. Серебряные пики торчали из их черепов. У одного совсем не было головы, и серебряное острие воткнулось прямо в грудину.

Это был парад мертвецов, вернувшихся, чтобы сражаться вместе со своими живыми товарищами.

Внезапно по левому флангу колонны возникло огненное лезвие и взорвало коралловый холм, превратив его в груду мелких обломков. Передние ряды голых мертвецов попадали на землю, а их ничего не понявшие собратья прошлись по ним, как каток. Пандарас бросился влево. Он вскарабкался на гребень холма и нырнул в яму, обложенную мешками с песком, откуда на него в ужасе уставились два солдата. Один поднял раструб своего мушкета и стал наводить его на Пандараса, но тут на них обрушилась волна земли и огня, и мир исчез.

8. СНЫ

Хуже всего было, как всегда, в момент пробуждения. Возвращаясь в реальность из кошмарных снов, которые и снами-то не были и ему не принадлежали, он снова оказывался в плену, вынужденный ждать укола доктора Дисмаса с антидотом парализовавшего его тело лекарства.

В этот раз он проснулся не от ночного кошмара, а от снов, сотканных из воспоминаний о первом его приключении. На секунду Йаме почудилось, что он находится в безопасности в башне на самом краю Города Мертвых, далеко у подножия Краевых Гор. Его доставили туда, чтобы кураторы Города Мертвых, Озрик и Беатрис, залечили его раны. Тогда он был очень болен, но сейчас его положение еще хуже. Он проснулся, ожидая увидеть охотничью сцену, вытканную на гобелене, украшающем потолок его маленькой комнатки, или, быть может, доброе стареющее лицо Беатрис, но обнаружил, что не может открыть глаза. С острым отчаянием он осознал, где находится, но потом вспомнил, что ему удалось сделать, и почувствовал облегчение.

Его Тень беседовала с Энобарбусом. Йама уже привык к тому, как бесцеремонно она пользуется его телом, и не стал вслушиваться в длинный список зверств и жестокостей, которые она описывала в омерзительных подробностях. Все это не важно. Поля сражений вдоль Великой Реки были лишь ночными кошмарами. Борьба за право доминировать в его теле сейчас была важнее. С этого мгновения он должен быть постоянно начеку, постоянно сопротивляться разрастанию Тени. Впервые он подумал, что может спастись.

Пока Йама был занят поисками Пандараса, ему пришлось многое уступить Тени. К счастью, ему удалось обнаружить Пандараса во второй раз. Он оказался на дальнем участке театра военных действий, в плену у злейшего врага Йамы, префекта Корина, который сумел выжить, когда гигантские полипы уничтожили его корабль. Йама не только еще раз выручил Пандараса, хотя для этого и пришлось пожертвовать машиной, но он к тому же смог убедиться, что юноша понимает, кто его спас — ведь Пандарас звал его по имени. Тем же ударом, который освободил Пандараса, Йама пытался убить или хотя бы серьезно ранить префекта, но теперь ему пришло в голову, что это было не особенно мудро. Йама понимал, что Корин наверняка его ищет, а сержант Роден учил их с братом, что иногда силу одного врага можно использовать против другого.

Тень закончила свои хвастливые воспоминания, и Энобарбус позвал доктора Дисмаса, сказав, что им надо обсудить несколько важных вопросов.

— Всегда к твоим услугам, — почтительно отозвался доктор Дисмас. — К тому же мне ведь не позволяется покидать этот дом.

— Мальчик спит?

— Притворяется, что спит, но на самом деле, видимо, нет. Ввести антидот?

— Нет, оставь его. Поговорим снаружи.

Когда Энобарбус и Дисмас вышли из комнаты, Тень появилась перед внутренним взором Йамы: слабая, трепещущая звездочка, медленно увеличиваясь, превратилась в птицу —

сверкающего белого голубя, летящего сквозь бесконечную черную бездну. Потом новое превращение — теперь она была человеческой фигурой со светлыми легкими волосами, которые затрепетали, когда она подняла лицо и взглянула на Йаму.

Йама обнаружил, что уже может открыть глаза, но она не пропала — стояла, склонившись к его изголовью. Возлюбленная. Дирив. Летящие волосы убраны с выбритого лба и собраны под пластиковую заколку. Изящно вылепленное узкое лицо, черные глаза, мягкие губы маленького рта, изогнутого в зарождающейся улыбке. Когда она заговорила, слова ее огнем прожгли его разум.

Они говорят о нас.

— Почему ты никогда не показываешь свое истинное лицо?

Грациозным движением Дирив подняла руки над головой, холмики ее грудей колыхнулись от этого жеста.

Тебе это отвратительно? Я думала, ты будешь рад. Я могу снять это убранство.

— Делай как хочешь. Ведь все это ненастоящее, а потому не имеет значения.

Призрак помедлил, держа руку на плечевой застежке своей рубашки. На мгновение лицо Дирив будто подернулось какой-то неприятной пленкой.

Это не менее настоящее. Ты ведь не спал с ней, хотя тебе очень хотелось. Странный отказ, если учесть, что ты потерял девственность со шлюхой, а потом спал со своей напарницей-наемницей.

— Это в прошлом, а я смотрю в будущее, когда снова встречу Дирив. Я обещал ей, что вернусь, когда узнаю правду о моей расе, а я выяснил больше, чем сам бы хотел.

Ты что, забыл о нашей связи? Не думай, что ты лучше, чем я, сильнее или умней, Йамаманама.

— Разумеется, нет. Тебе нет нужды напоминать мне. Но пусть ты и лучше меня по всем статьям, я все равно тебе нужен.

Пока нужен.

— Ты еще так молода и еще только учишься. Я многому могу тебя научить.

Скоро я буду знать все, что знаешь ты.

— Возможно. Но ведь сами факты ничего не решают, если не умеешь ими воспользоваться.

Я управляю тысячами машин одновременно, а ты можешь контролировать только одну, и то плохо.

— Интересно, ты знала, чем я занимался?

Я могла бы это предотвратить. Могла бы сделать тебя слепым и глухим. Будь благодарен за мое милосердие.

— Я не хотел ничего дурного. Мне просто скучно, когда ты уходишь воевать.

Тем не менее ты ни разу не воспользовался машиной, чтобы узнать, где нас держат.

— Это потому, что я боялся, что мой маленький трюк откроется доктору Дисмасу.

К счастью, у меня нет таких страхов. Я многое выяснила об этом месте и узнала, что мы в опасности. Энобарбус нам не доверяет. Не доверяет он и доктору Дисмасу.

— Я знаю, что Энобарбус тебя боится. О чем он говорит с Дисмасом?

Сам послушай.

Призрак Дирив и вся ярко освещенная комната поблекли, сменившись видом на поросшую травой лужайку. Казалось, наблюдение велось откуда-то с вершин деревьев, окаймляющих место беседы доктора Дисмаса и Энобарбуса. Стражи в черных доспехах выстроились с одной стороны, а препарированные слуги доктора Дисмаса сгрудились с другой. Солнце стояло прямо в зените. Был полдень. Где-то заливалась трелями птица, снова и снова повторяя один и тот же каскад звуков.

— Увидишь, он превратится в нечто величественное, — говорил доктор Дисмас, — нечто чудесное, надо лишь дать ему шанс. Его теперешние дела — это ничто, несколько глупых трюков, и только.

— Он и сейчас уже страшное оружие, — возражал Энобарбус, обнажая сильные белые зубы. Воин стоял, гордо выпрямив спину и подняв голову. Грива рыжеватых волос волнами спускалась на широкие плечи. — Противник лишился машин, и теперь от наших машин у него нет защиты. К тому же мы можем маневрировать, не боясь обнаружения. Патовое положение наконец кончилось. Мы благодарны тебе, доктор Дисмас. Ты должен это знать. У тебя остается этот прекрасный дворец, слуги и все здешние богатства. Тебе останутся твои лаборатории и эксперименты. Конечно, я не одобряю то, чем ты занимаешься. Думаю, что это слишком жестоко, может быть, даже ненормально. Но ты свободен в своих занятиях.

— Он пока еще только личинка. Дай ему вырасти! Дай сбросить его нынешний облик и полностью развить свой потенциал! Он сметет все препятствия. Он будет ужасен, могуч... Ты и представить себе не можешь... Иногда мне кажется, что даже я не могу этого представить. Дай ему металлы, редкие элементы...

— Нет, думаю, не нужно. Но чего тебе хочется, кроме этого? Если это в моей власти, то я помогу. В конце концов, именно ты обеспечил нам победу. Может быть, больше подопытных для экспериментов? — расспрашивал Энобарбус. — Быть может, твои опыты идут не так успешно, как тебе бы хотелось?

Доктор Дисмас раскурил сигарету.

— Ты окружил меня шпионами, — заметил он. — Эти люди притворяются, что они мне помогают, а на самом деле они просто стражники в этой тюрьме. Удивительно, что мне

вообще удалось выполнить свою задачу. Те несколько созданий, которых я сконструировал, разумеется, уроды, но ведь они только начало. Мне нужно время, а его не хватает, пока я веду для тебя войну. Позволь мальчику завершить трансформацию. Он еще поразит нас всех.

— Я не хочу, чтобы меня поражали. Я хочу доверять тем, кто за меня сражается. Понимаешь, Дисмас, я должен! Я должен все держать под контролем.

— Ты мог бы разом покончить с этой бесконечной войной. Я предлагаю тебе победу, полную и несомненную.

— Но ведь не на моих условиях?

— Моя госпожа и ее помощники воюют за те же цели, что и ты, дорогой мой Энобарбус. Они твои союзники, но командовать ими ты не можешь. То же самое касается и меня. Я не обязан подчиняться приказам твоих офицеров и не желаю, чтобы они вмешивались в мою работу. Я от них ничего не скрываю, но они действуют так, как будто от них что-то прячут.

— Тебе, Дисмас, следует прекратить притворяться человеком. Следует признать свою истинную природу. Никто не станет доверять тебе, пока ты представляешься тем, чем не являешься.

Доктор Дисмас отвечал со злобой:

— Мы оба — создания сил более великих, чем мы сами. Ты боишься моей госпожи, потому что она намного могущественнее, чем фантом мертвой женщины, которому ты поклоняешься. Посмотри, что я сумел сделать по ее просьбе. Посмотри, как хорошо идут дела на войне. Если бы не мой мальчик...

— Он, конечно, помог, я не отрицаю. Но мы и без него одерживали победы. К тому же война не имеет такого уж значения. Не мы ее начали. Мы вступили в нее с неохотой, только чтобы спастись. Истина, которую Анжела принесла, более важна миру, чем война.

— Из-за этой так называемой истины у вас постепенно не осталось бы солдат. Сначала вновь преображенные воюют, но потом их поглощает ваша идея об индивидуальности, и они теряют интерес ко всему, кроме себя.

— Многие продолжают сражаться, — мягко возразил Энобарбус. Голос его напоминал мурлыканье большого кота.

— Ну разумеется, когда каждый может выбирать все что угодно, находятся такие, кто предпочитает воевать. Но не так много, как вам бы хотелось, правда? А по мере того как вы будете продвигаться в верховья, то встретите все меньше непреображенных рас, которых можно мобилизовать.

— Главное — вовсе не война, — упрямо повторил Энобарбус. — Главное — истина, которую мы должны донести до каждого жителя Слияния. Мы начали распространять ее задолго

до начала войны. Каждый признает ее, как только будут низвергнуты бессмысленные верования прошлого.

— Ты говорил об истинах, — напомнил доктор Дисмас. — Она, Анжела, заслоняет от тебя истину.

— Она явилась мне семнадцать лет назад, — сказал Энобарбус. — С тех пор я за ней следую. Может, тебе надо еще книг, Дисмас? В твоем распоряжении целые библиотеки. Но ты должен больше стремиться к сотрудничеству.

— Моя госпожа была когда-то одной из владык этого мира. Многие из ее соплеменниц уничтожены, другие рассеяны, но они все равно помнят больше, чем написано во всех книгах всех библиотек вместе взятых. Книги — ничто. Анжела зря уничтожила оставшихся аватар. То была ее первая ошибка, однако тут уж ничего не поделаешь — слишком давно это было. Вторая ошибка — это сдерживать мальчика в развитии. Пусть он растет. Я, конечно, признаю, он однажды пытался ее уничтожить, но тогда он еще не был моим. Теперь же, чем бы он ни стал, я сумею им управлять, потому что он мой сын.

Энобарбус отвечал, медленно и мрачно чеканя слова:

— Аватары хотели ее уничтожить. У нее не было выбора, она защищалась. Кроме того, она просто завершила то, что начато было очень давно. Большую часть аватар уничтожили в Эпоху Мятежа те, кого ты называешь своими друзьями.

Вдруг доктор Дисмас резко разогнул обычно сутулую спину, выпрямившись, как жук-щелкунчик; на узком личике с заостренными чертами вспыхнули желтые глаза. С благородной широтой он воскликнул:

— Но зачем нам спорить, ведь мы оба искренне стремимся к одной цели!

— У меня нет желания ссориться, Дисмас. Ты правильно говоришь: мы по одну сторону фронта. Но ты не можешь поступать, как тебе хочется. Мальчик и то, что ты выращиваешь у него внутри, очень сильны, а следовательно, опасны. Они и сейчас уже многого достигли, и я считаю, нет смысла делать их еще более могущественными. Их надо сдерживать.

— Простой раствор некоторых редкоземельных элементов. Я давно уже дал вам формулу.

— Они и так уже слишком сильны, доктор. Делай что хочешь со своими подопытными, но не смей ничего делать с мальчиком и с тем, что у него внутри.

— Мы бок о бок сражаемся с общим противником, — со злостью настаивал доктор Дисмас. — Когда этот противник будет разбит, ты будешь продолжать указывать мне, что я должен делать?

Он развернулся и пошел прочь сквозь строй деревьев, слуги его последовали за ним. Энобарбус махнул своему врачу и сказал:

— Надо решать эту проблему, Агнитус.

Седоволосый лекарь отвечал:

— В его метаболизме нет ничего необычного, мой господин. Это всего лишь вопрос...

Энобарбус покачал великолепной шевелюрой:

— Не здесь. Не забывай, что мальчишка управляет машинами.

— Ты подслушивал, — прозвучал у Йамы в ушах голос доктора Дисмаса. Солнечная поляна исчезла. Сверху вниз на него смотрел доктор Дисмас. Лоб аптекаря усеяли капельки пота, собираясь островками между бляшек — знаков его болезни. — Я видел машину, — продолжал он. — Ты заставил ее летать очень высоко, чтобы она растаяла в солнечном свете, но все равно я ее заметил. — В его голосе зазвучала нежность. — Как хитро! Как мило! Просыпайся, Йамаманама. Просыпайся, мой хитрый, милый мальчишка! Сегодня ты послужил еще одной славной победе в этой смешной войне. Просыпайся!

Трое слуг подняли Йаму с кровати, отнесли его на кресло под балдахином, устроив парализованное тело среди подушек.

— Не беспокойся об Энобарбусе, — продолжал доктор Дисмас. — Он — ничто. Просто лишний шум. Скоро он нам совсем не понадобится. У меня другие планы... — Он отвернулся от Йамы и произнес, повысив голос: — Но я не стану говорить об этом в окружении шпионов.

— Ты говоришь со мной, доктор, или с тем, кто у меня внутри?

— Скоро мне не придется делать различие. Людям нравится думать, что их тела существуют отдельно от их разума. Это основное кредо еретиков, иначе они не могли бы рассчитывать на жизнь вечную. Ты совершаешь ту же ошибку, Йамаманама, но скоро я тебе докажу, насколько ты ошибаешься.

— Когда сожгли город Эолис, некоторые его жители винили меня. Они привязали меня к погребальному костру и хотели сжечь, но меня спасли термиты — они затянули моих несостоявшихся палачей под землю. Тогда я думал, что каким-то образом призвал их на помощь, но теперь я понимаю: это была Тень, которую ты поселил у меня внутри. Она спасала себя. Когда я упал на землю, она пыталась съесть как можно больше термитов. Ведь эти термиты были отчасти машинами, а ей требовался металл из их тел, чтобы расти.

— Я всегда высоко ценил твой ум, Йамаманама, но не думаю, что он поможет тебе спастись. Твоя единственная надежда — это я. Я добуду тебе эти редкоземельные элементы. И тогда ты поймешь, что между телом и разумом различия нет. А теперь тебе надо сделать зарядку и поесть, потому что через час придется опять заснуть. Война все набирает скорость, и что бы ни говорил Энобарбус, центральная фигура в ней — ты.

За спиной доктора Дисмаса стояла Дирив. Она невероятно широко разинула рот, показывая бесконечные ряды острых белых зубов и ярко-красный язык, покрытый слюной и трепещущий у нее во рту, как змея.

Я выращу такие зубы, что они сожрут тебя целиком, мой малыш. Мы станем единой плотью и единой кровью. И для нас не будет невозможного.

9. ЛАЗАРЕТ

Пандарас очнулся в темноте, ощущая, что все его тело сдавила непонятная сила. Левая рука страшно болела. Он рванулся вверх, испугавшись, что все еще похоронен в развалинах, но тут обнаружил, что на него давит всего лишь одеяло, сползшее до пояса, а темнота вовсе не абсолютная: то тут, то там ее разрывал свет маленьких лампочек, которые медленно и печально раскачивались, словно маятники множества часов. Весь мир качался, как колыбель. Кругом дышали и вздыхали люди. Доносились чьи-то всхлипы — редкие икающие звуки, наводящие на мысли о водопроводном кране.

Пандарас потянулся правой рукой к левой и... не нашел ее. Он похлопал по грубому одеялу на своей кровати, как будто надеялся найти ее рядом, как верного пса, прикорнувшего рядом с хозяином. Он все еще до конца не проснулся и не понимал, что происходит.

На полу возле его кровати что-то пошевелилось. Пандарас напрягся, испугавшись, что там прячется префект Корин. Но это оказался более крупный мужчина, бледнолицый и рыхлый, одетый в одни только мешковатые брюки.

— Маленький господин, — проговорил он тихим, но хриплым голосом. — Успокойся, маленький господин. Лежи тихо. Ты ранен и очень болен. Тебе надо отдохнуть.

Это был Тибор. Пандарас даже не удивился. Он только спросил:

— Что они со мной сделали?

Тибор заставил его снова лечь и рассказал все, что знал. Двое солдат в окопе были только оглушены миной. Они откопались сами, вытащили Пандараса и отнесли его в лазарет, но ко времени, когда его осмотрел хирург, шнур на запястье так затянулся, что почти полностью скрылся в мышцах. В руке слишком долго было нарушено кровообращение, так что хирургу осталось лишь закончить дело, начатое шнуром.

— Свобода того стоит, — прошептал Пандарас. — Недаром многие говорят, что у нашей расы нет рук, только

клешни, как у животных. Поэтому мы научились делать большую часть работы языком.

Необходимо воспринимать это как можно легче, иначе он свалится в огромную черную яму отчаяния и никогда не выберется оттуда. Он опять попытался сесть и сказал:

— Свобода стоит такой жертвы, Тибор, но нам нельзя здесь оставаться. Он найдет меня, и свободы больше не будет. Надо уходить...

— Успокойся, маленький господин, — погладил его по плечу иеродул. — Ты очень болен и все вокруг тоже. Тебе сделали операцию, и теперь надо спать. Чем дольше ты проспишь, тем больше у тебя будет шансов выжить.

Пандарас призвал на помощь все свои силы.

— Принеси мою одежду, — приказал он. — Если я останусь здесь, получится, что я пожертвовал рукой напрасно, а этого я не вынесу.

Оказалось, что его одежда связана в узелок на полу возле кровати. Тибор помог ему одеться. Дважды Пандарас пытался придержать пуговицы левой рукой, которой не было.

— Мне придется выучиться массе новых штучек, — сквозь сжатые зубы пошутил он и вдруг воскликнул в панической тревоге: — Амулет! Амулет и монета! Где они? Их выбросили? Надо их найти!

Тибор просунул два пальца в карман истрепанной рубахи Пандараса и вытянул монету на кожаном ремешке и браслет из волосков нутрии и речного жемчуга.

— Это все, что у меня есть, Тибор, — воскликнул Пандарас. Он схватил керамический диск, и тот вспыхнул так ярко, что Пандарас зажмурил глаза. — Он близко! — закричал Пандарас. Поцеловав светящуюся монету, повесил ее на шею и с гримасой отвращения натянул волосяной браслет на обрубок руки.

— Ну вот. Больше у меня ничего нет. Префект Корин забрал книгу, а за постой мне пришлось расплатиться рукой. Можно отправляться.

— Куда ты пойдешь, маленький господин?

— Мы найдем моего хозяина. Монета доведет нас. Тебе не удастся так легко уйти от меня во второй раз, Тибор. Чтобы найти тебя, мне пришлось потерять руку. Будет только справедливо, если отныне ты будешь прикрывать меня слева.

Тибор кротко ответил:

— Мой долг, маленький господин, ухаживать за больными и ранеными.

— Я как раз ранен.

— Конечно, ранен. Но ты один из многих. Много больных и много раненых. Я многим нужен, маленький господин.

— Но, надеюсь, я — главная твоя привязанность. — Пандарас почувствовал головокружение. Пол под ногами закачался и поплыл. Он присел на край кровати, но дурнота не проходила.

— Меня зовут, маленький господин, — сказал Тибор и, переваливаясь, направился в темноту. Его голая спина и лысая голова сверкнули в конусе света раскачивающейся лампы, и он исчез. Пандарас прилег на кровать, всего на минутку, а разбудил его Тибор, снова присевший возле его кровати. Казалось, в темноту вылили ведро белил, не истребив ее до конца, но все же сделав не такой непроницаемой.

Тибор курил сигарету. Пандарас помахал пальцами правой руки в воздухе, чтобы Тибор дал ему затянуться.

— Ты же не куришь, маленький господин. И пусть ты болен, такое лекарство не пойдет тебе на пользу.

— Если я настолько болен, как ты говоришь, то едва ли пара затяжек принесет мне так уж много вреда. А если нет, как считаю я сам, то это меня успокоит. Мой отчим, первый, тот самый, о котором я не люблю говорить, был отчаянный курильщик, так что одна затяжка не повредит.

Пандарас чувствовал страшную усталость, но, если бы мир наконец перестал раскачиваться, он бы встал и ушел отсюда через минуту. Тибор как хочет — может идти с ним, может оставаться. Префект Корин наверняка его ищет. Надо идти. Надо найти господина...

Тибор вставил мокрый окурок в пальцы Пандараса и помог донести его до губ. Дым был сладким и крепким. Пандарас поперхнулся первой же затяжкой и закашлялся, но вторую втянул до половины легких и с наслаждением выдохнул.

— Видишь? — кивнул он Тибору. — Очень успокаивает.

Тибор забрал у него сигарету и сказал:

— Значит, у наших рас химические процессы идут очень похоже, ведь из-за этого люди моего народа и курят. Так нам легче смириться со своей участью. — Он затянулся. Разгоревшийся уголек сигареты отразился двумя красными искрами в его больших черных глазах. — Если бы не это, я убил бы себя еще ребенком, да, думаю, и остальные наши тоже. И моя раса вымерла бы давным-давно, не имея шанса искупить свой грех. Хранители справедливы, но милостивы. Когда они создавали этот мир, то посеяли в нем траву, из которой делается этот табак. Он-то и помогает моей расе сносить унижения и всеобщее порабощение.

— Я думал, это просто привычка, — сонно пробормотал Пандарас. Когда Тибор начал его раздевать, он не сопротивлялся.

— Это привычка всей жизни, маленький господин, как дыхание. Сигареты нужны нам, как вам воздух.

— Надо бежать. Перейти линию фронта.

— Мы уже это сделали, маленький господин. А теперь спи. Если ты можешь спать, это знак, что ты начинаешь поправляться. Те, кто слишком больны, чтобы спать, обычно умирают.

— Мне хочется... — Но Пандарас слишком устал, чтобы закончить мысль, и уснул, не договорив.

С каждым днем Пандарас набирался сил и наконец настолько поправился, что сумел понять, насколько тяжело был болен. Тяжелее, чем большинство раненых в палате. Когда он оказался в состоянии сесть и осмотреться, то увидел, что в палате почти никого нет. Только через три койки от него в том же ряду лежал почти полностью забинтованный человек. Похожая на огромного комара машина помещалась на бочкообразной груди раненого и перекачивала кровь через сложные контуры стеклянных трубок. Дышал человек громко и прерывисто.

Керамический диск светился не ярче, чем прежде, но точки и черточки в его глубине двигались очень активно, складывались в причудливые рисунки, на мгновение замирали, потом снова вступали в игру. Часами наблюдал Пандарас за этим танцем, пытаясь разгадать его скрытый смысл.

Ночью у пациента, которого лечила машина, наступил кризис. Его унесли в окружении целой стаи хирургов и санитаров. Пандарас потом несколько часов не спал, но раненого так и не принесли назад.

На следующее утро Тибор вынес Пандараса на палубу, и наконец он понял, что пытался внушить ему иеродул. Плавучий госпиталь двигался в низовья, его захватили еретики.

В районе низменности Утерянных Вод Великая Река делилась на множество неглубоких извилистых рукавов с медлительным вялым течением. Госпиталь следовал по одному из них, не более лиги шириной, с мутной от песка рыжеватой водой. Оба берега густо заросли деревьями, уходящими корнями в неспешно катящиеся воды. Их ярко-зеленая листва сияла в солнечном свете. Солнце палило. Стояла влажная жара. Пандарас обливался потом при любом движении и был рад спокойно посидеть с Тибором под красным навесом, прислушиваясь к какой-нибудь дискуссии, ведущейся в рамках процесса Нового Образования или Просвещения, как называли это еретики.

Лазарет представлял собой баржу, широкую и плоскую, как поле. Нос ее венчал летающий мостик. По бортам, как зерна в стручке, размещались через равные интервалы огневые гнезда. На корме теснился десяток ниш с реактивными моторами. За баржей, словно птицы за рыбачьей лодкой, летели пять машин. Круглые, как бочки, они были утыканы подвижными отростками. Рассекая воздух, машины издавали протяжный свистящий

звук. Время от времени одна из них отрывалась от группы и делала широкий круг над лесным покровом, присоединяясь затем к остальным. Ночью их окутывало тусклое красное свечение, подобное ореолу далекого созвездия.

Были и еще машины. Крошечные серебристые капельки, прыгавшие с места на место, как арбузные семечки. Черные угловатые создания, напоминающие богомолов, которые шествовали по выскобленным добела доскам палубы на длинных тонких ногах. А еще конструкция из кубиков и шаров в подвесной сетке возле огромного штурвала, управлявшая вместе с двумя матросами всеми рулями баржи. Ее пластиковый футляр когда-то был белым, теперь же покрылся пятнами и искрошился. Как выяснил Пандарас, машина была очень древней, она полностью управляла баржей и ей прислуживало множество мелких машин. Казалось, что машины здесь не служат хозяевам, как в Изе, а равны еретикам и даже их превосходят.

Охранявшие пленников и обслуживающие баржу солдаты принадлежали к недавно преображенному племени с нижних предгорий Краевых Гор. То были высокие мускулистые люди, покрытые густым белым мехом. Вся одежда их состояла из сложной кожаной сбруи со множеством пряжек, сумок и кошельков. Маленькие черные глазки настороженно смотрели из-под тяжелых надбровных дуг. Длинные, узкие лица были темны и морщинисты, как старая кожа, и сплошь покрыты татуировкой — серебристыми точками и спиралями. Себя они называли чарны или чаи. Принадлежа к одной расе и единой культуре, они отчетливо делились на две группы, и табу на смешанные браки соблюдалось неукоснительно. Первая триба пасла лам и коз в березовых лесах, вторая охотилась в горах среди скал и снегов выше зеленого пояса. Пандарас, который попрежнему не отказывал себе в удовольствии поговорить со всяким при любой возможности, обнаружил, что этот народ обладает богатым запасом трагических историй о несчастных любовниках из разных триб и о кровной мести, которая тянется десятки поколений. К их изумлению, он выдал несколько собственных версий на этот вечный сюжет.

Стражники, покрытые белым мехом, не жаловали утомительную влажную жару. Если они не патрулировали палубу, то лежали, растянувшись перед электрическим вентилятором с вывалившимися, как у собак, языками. Эта раса славилась вспыльчивостью, а жара еще усиливала их раздражительность. Офицеров, служивших в госпитале, убили сразу, но иногда стражники выстраивали пленников, выбирали наугад жертву и казнили. Как-то ночью один из охранников сошел с ума и попытался захватить мостик. После краткой, но жестокой схватки сумасшедшего застре-

лили. От случайных пуль погибли более тридцати пленников. Трупы без всяких церемоний выбросили за борт на радость кайманам и акулам.

Пандарас спросил Тибора, почему того не убили, когда еретики захватили лазарет.

— Ты ведь нечто вроде жреца, правда? Я думаю, ты для них опаснее любого офицера.

Размышляя над ответом, Тибор почесывал длинные вертикальные шрамы у себя на груди. Наконец он сказал:

— Видишь ли, маленький господин, я просто-напросто раб, никакой не вождь. А кроме того, еретики верят, что обратить в свою веру такого, как я, это большая победа.

— Когда они захватили госпиталь, там наверняка были и другие иеродулы, но сейчас я не вижу ни одного.

— Они успели сбежать, маленький господин, а я не мог оставить тебя.

— Ты прекрасно знаешь, что я не твой господин, Тибор.

Иеродул не отвечал. Тогда Пандарас попробовал еще один аргумент:

— Я очень тебе благодарен, Тибор, но мы должны быть на равных. Ты — мой друг.

— Ты не можешь быть другом такому, как я, маленький господин. Что я такое? Я ничтожней червя, и все потому, что в Эпоху Мятежа мои далекие предки встали на сторону Черных машин. На сторону зла.

— Но ты — человек, Тибор. Такой же, как все. Не взваливай на мои плечи ответственность за твою жизнь.

В ответ Тибор снова промолчал. С невыносимой медлительностью он вынул из-за пояса маленький пластиковый кисет и стал сворачивать самокрутку.

Только самые слабые и тяжелораненые пленники лежали в жаре, вони и темноте трюма, остальные перебрались под полотняные или шелковые навесы, натянутые по всей палубе, как разбросанные по полю цветы. Временами баржа меняла курс, и тогда пленники ловили рыбу и креветок, которые очень украшали варево из липкого риса или кукурузы. Однако большая часть дня отводилась урокам по Новому Образованию и Просвещению.

Классы дискуссий начинали занятия с рассветом, а заканчивали частенько уже после захода солнца. Пленникам сообщили, что обучение — дело добровольное, однако они прекрасно знали, что при очередной казни охранники выберут именно отказчиков. Все это напоминало Пандарасу дешевую школу, куда он недолго ходил в детстве. Его образование завершилось вместе с исчезновением отца, так как отчим считал учебу излишней роско-

шью и не желал выбрасывать на нее деньги. Но все равно потеря была невелика. Пандарас всегда ненавидел сковывающую атмосферу школы, а нудные декламации Пуран, которым отводилась большая часть времени, почти убили для него прелесть этих ужасных и чарующих рассказов. Он совсем не расстраивался от того, что остался неграмотным: легенды и песни его народа всегда хранились в памяти исполнителей, а вовсе не на бумаге. «Высечены не в камне, в воздухе» — так гласила традиция их расы, ибо то, что забывалось, иной участи и не стоило, а все ценное жило в устах и инструментах тысяч певцов столетиями после неоплаканной смерти безвестного автора.

В классах было от четырех до сорока учеников, и в каждом работал педагог. Эти все без исключения принадлежали к одной расе: круглые лица, серая кожа. Они жили в городе в сотнях лиг ниже по реке и, по собственному их выражению, достигли просвещения в самом начале войны. Учителя — и они с гордостью это признавали — были по большей части совсем еще детьми со слабо выраженными половыми различиями. Невысокие, они ростом уступали даже Пандарасу. Их одежда состояла из черной свободной туники и брюк, а матово блестевшие черные волосы собирались в изысканно переплетенные косички с лентами из белого шелка. От пленников они требовали железной дисциплины. Если кто-то уходил с занятий, выказывая отвращение или гнев, педагог немедленно кидался в погоню и с воплями лупил провинившегося по щиколоткам бамбуковой палкой. Тех, кто сопротивлялся или не желал возвращаться, забирали охранники, и вскоре за борт летел новый труп.

Сначала Пандарас никак не мог понять, чему его хотят научить. Он сидел рядом с Тибором, стояла удушающая жара, его культя нестерпимо ныла под квазиживой повязкой, которая поглощала все выделения раны и которую Тибор менял дважды в день. Голова его трещала от вечной вони рыбьего жира для реактивных моторов баржи, от ослепительных солнечных бликов на речных волнах, а более всего от птичьих тирад педагогов, когда они топили в бесконечной демагогии, улещивали, уговаривали, убеждали своих учеников.

По утрам каждое занятие начиналось с коллективного выкрикивания главного лозунга еретиков: «Лови мгновение!» Он эхом катился по реке, иногда продолжался минуту, иногда целый час, становился бессмысленным, как дыхание, но заканчивался всегда в один и тот же миг сразу во всех группах, разбросанных по обширной палубе баржи.

Потом начинались долгие часы споров, когда педагоги выкладывали перед слушателями какую-нибудь очевидную истину и пытались ею, как ножом, вскрыть дверь в сияющий

мир. Насколько Пандарас понял их рассуждения, все было разрешено, кроме того, что запрещено, однако разобраться, что есть что, не было никакой возможности, потому что никаких правил не существовало. У других пленников были те же проблемы, а все возражения и недоумения встречали один и тот же аргумент.

— Ты просто не видишь, — напевно отвечал педагог своим сладким высоким голосом, — потому что не можешь видеть. Ты не можешь видеть, потому что тебе не позволено видеть. Тебя не научили видеть. Вы все слепые, я впервые открою ваши глаза.

Самая сердцевина философии еретиков, как черная дыра в центре Ока Хранителей, заключалась в одном простом отрицании. Оно было настолько примитивным и так явно противоречило очевидной истине мира, что многие пленники удивленно хохотали, когда педагоги повторяли его снова и снова. Сводилось оно к тому, что Пураны не являются мыслями Хранителей, изложенными, дабы осветить историю Вселенной и определить правила поведения благонамеренного человека. Вместо этого их следует считать подделкой, собранием самонадеянной лжи, сочиненной победителями великой и древней войны, которая еще не окончена. В конце времени и пространства не будет никакого воскрешения в вечную жизнь, потому что Хранители покинули Вселенную и не могут вернуться. Они действительно сотворили Слияние, но теперь оставили его на произвол судьбы. Участь каждого человека не пребывает под сенью бесконечного милосердия и мощи Хранителей, но находится в его собственных руках. Из-за того, что Хранители не могут вернуться из Ока и, следовательно, во Вселенной более не существуют, каждый человек должен сам отвечать за свою судьбу. Не существует надежды, кроме воображаемой, и нет предназначения, кроме того, которое человек сам себе выберет.

В своем неверии педагоги превосходили пылом и страстью любого из святых, изображенных на стенах храмов, или менестрелей, посвятивших жизнь возвеличиванию славы Хранителей. Никаких аргументов они не слушали. Это основное отрицание было краеугольным камнем, на котором строилось все остальное. Оно не подлежало обсуждению. Пандарас с самого начала понял, во что еретики не верят, но он очень долго не мог уяснить, во что же они все-таки верят, а когда наконец понял, то это оказалось так просто, что он был поражен, почему сразу этого не увидел. Как и женщина на картинках в книге Пуран, принадлежащей его господину, еретики хотели жить вечно.

Лови мгновение! Этот девиз взывал к самому примитивному в разуме человека, к тому остатку животной сущности, которая гнездилась в самых глубинах подсознания, свернувшись там калачиком наподобие змея, ненасытного и не ведающего о совести. Твори что угодно, только выживи. Посвяти этому всю свою

жизнь. Вселенная — это бесчувственное и враждебное место; обитаемых миров так мало, что не стоит принимать их во внимание; куда бы ты ни отправился, тебя скорее всего тут же убьют. Отсюда следует, что жизнь является ни с чем не сравнимой драгоценностью, а жизнь каждого человека — еще большей драгоценностью, нежной, прекрасной мелодией, которую невозможно повторить. Еретики стремились восстановить древние технологии бесконечного продления жизни, чтобы каждый человек мог осуществить свое предназначение в том объеме, в каком сам пожелает.

Для Пандараса эта песнь звучала весьма соблазнительно, ведь люди его расы по сравнению с другими расами Слияния жили очень мало, не более двадцати пяти лет. «Высечены в воздухе», разумеется, ну а если бы действительно в камне? Какие восхитительные песни и легенды он сумел бы сложить, если бы в его распоряжении было бесконечное время! Какую радость он испытал бы, наблюдая, как они распространяются и изменяются, увеличивая его славу.

С тех пор как эта мысль впервые его посетила, Пандарас стал более внимательно прислушиваться к аргументам педагогов во время дискуссий. Просто чтобы развлечься, говорил он себе. Провести время.

Еретики не признавали богов, но они верили, что каждый человек сам может стать богом или даже больше, чем богом; надо только стараться. Если во Вселенной, подобной нашей, Бог есть Первопричина, то он не есть ни Бог, ни Первопричина, ибо, будучи всеведущим, допускает неимоверные страдания. Основная часть Вселенной необитаема. Все люди умерли. И умерли в большинстве своем плохой смертью.

— Если Хранителям есть дело до своих творений, — говорили педагоги Пандарасу и его товарищам по несчастью, — то возможны следующие варианты: они желают уничтожить зло, но не могут; или могут, но не желают; или не желают и не могут вместе; или желают и могут. Если они хотят, но не могут, то они просто слабы, что не соответствует нашим представлениям об их природе. Если они могут, но не хотят, то, значит, они полны злобы к своим собственным созданиям, что тоже не совпадает с заявленными свойствами их естества. Если не желают и не могут, то они одновременно слабы и завистливы и, следовательно, не являются тем, чем их считают верующие. А если же они и желают уничтожить зло и в состоянии это сделать, что, вообще говоря, есть единственно верное условие, соответствующее декларациям тех, кто полагает Хранителей всемогущими, то тогда непонятно, из какого источника проистекает зло в этом мире? Откуда взялся весь этот поток несчастий и бед, с которыми всем вам пришлось столкнуться? Почему мы одерживаем победы, а вы терпите пора-

жения? Наличие зла в мире можно объяснить одним-единственным принципом, и принцип этот — природа самой Вселенной, частью которой является наш мир. И все же зло не абсолютно. Прекрасно известно, что почву на дикой пустоши можно разработать, окультурить и заставить давать урожай. И так с любой пустошью, пусть даже на краю Вселенной и в конце всех времен, потому что нет предела многообразию человеческого разума и человеческой мощи. То есть если имеется природа и человеческий разум, то нет никакой необходимости в Хранителях или любых других богах.

Несколько пленников в дискуссионной группе Пандараса пытались оспаривать эти аргументы с поразительной страстью. Они утверждали, что, хотя Хранители дали людям свободу воли, это вовсе не значит, будто люди имеют бесконечную власть. А даже если они и получили бы бесконечную власть, это все равно не означает, что они останутся непреображенными, как полагают сами еретики. Разумеется, любой индивидуум, который в состоянии жить вечно, окажется преображен самим фактом превращения в бессмертное существо и, таким образом, станет не подвержен страхам и эмоциям обычного человека. Педагоги выслушали эти аргументы, улыбнулись и заявили, что они, то есть слушатели, просто не открыли еще глаза, что они по-прежнему пребывают в оковах пропаганды своих жрецов и чиновников, которые договорились совместными усилиями привязать каждого человека к его месту и наказывать любого, кто восстает против установленного порядка, поскольку это угрожает их власти.

Для Пандараса в этом не было ничего нового: именно так рассуждали многие в Изе за спинами магистраторов и священников, тем не менее новые идеи его привлекали. Он понимал, что у Йамы нашлись бы ответы на все вопросы, но, подумав о нем, Пандарас также вспомнил, что и сам Йама интересовался, какими мотивами руководствовались Хранители, создавая Слияние и населяя его десятью тысячами рас перед тем, как навсегда покинуть Вселенную. Сказители говорят, что Хранители простерли свою милость на расы слуг, которых они сотворили из животных, и поместили их в мир, открытый Оку, куда скрылись Хранители, чтобы люди по собственному разумению и возможностям устраивали свою судьбу. Но почему тогда мир так скован традициями и обычаями? Мы являемся силой города, думал Пандарас, тем не менее высшие расы смотрят на нас, как на червей. А что тогда говорить о туземных расах, таких как рыбари, зеркальное племя, нечистая раса мусорщиков и вампиров, обитающих в клоаках Иза? Хранители создали эти расы, но не вдохнули в них свое дыхание, а потому они никогда не смогут достичь преображения, на здешнем жаргоне — просвещения, посредством которого раса, закованная в неизменный обычай, превращается в нацию, состоящую из

индивидуальностей. С острым чувством стыда Пандарас вспомнил свой первый день с Йамой, когда они сбежали из таверны «Скрещенных Топоров», и он, Пандарас, с таким презрением отзывался о непреображенных беженцах, ютящихся по топким берегам Великой Реки. Неужели Хранители желали, чтобы одна раса угнетала другую? Разумеется, Хранители поднялись так высоко, что все расы выглядят для них одинаково — и самые ничтожные, и самые просвещенные. Однако в одном еретики, безусловно, правы: все люди этого мира должны иметь равные шансы подняться так высоко, как они сами сумеют. Раз Хранители создали этот мир таким несовершенным и несправедливым, значит, причина в их неумелости или злобе, а следовательно, они не могут быть так могущественны, как утверждают священники и власть имущие.

В тот момент Пандарас забыл, что его господин, более могущественный, чем большинство людей, вовсе не отрицал, что Хранители еще сильнее. Они настолько всемогущи, что люди, вероятно, вообще не в состоянии разгадать смысл их действий. Вместо этой здравой мысли в его разгоряченной крови бился лозунг еретиков. Лови мгновение! Живи вечно! Не важно, что ты был преображен, ведь ты все равно помнишь себя прежнего, как человек всегда хранит добрые воспоминания о своем детстве.

Один из учеников в дискуссионном классе Пандараса очень стремился показать неверие в Хранителей. Не потому, что его убедили аргументы, а из страха: он очень хотел спасти свою жизнь. С самого первого урока он соглашался со всем, что говорили педагоги, и еще насмехался над товарищами по несчастью за упрямую приверженность старомодным и глупым верованиям.

То был костлявый парень с грубой коричневой кожей и лицемерной крокодильей улыбкой. Он носил грязные штаны и кольчугу, а дух от него шел такой, как будто в бочке застоялась вода. Он был тяжело ранен при взрыве порохового погреба, теперь рука его пряталась в белом пластиковом футляре, голову обматывала повязка, лицо и правую сторону груди покрывали шрамы от ожогов, правый глаз затянула мутная белизна и он походил на вареное яйцо. Остальные пленники его сторонились; он постоянно заискивал перед стражниками, которые либо не обращали на него внимания, либо прогоняли быстрыми, точными ударами плети. Имя этого парня было Нарашима, но все называли его Шакал. Даже педагог устал от его непрерывного бормотания, когда он бездумно соглашался с любой мыслью, и однажды принялся за него всерьез.

— Ты не поклоняешься Хранителям? — пропел он своим высоким, мелодичным голосом.

— Именно так, ваша честь, — с готовностью отвечал Шакал. — Мы — люди простые, не очень-то мы их жалуем. Потому-то начальство нас и давит, что мы не хотим стоять на

коленях перед ложными идолами в ихних храмах. Мы очень обрадовались, когда ваши ребята заткнули рты последним аватарам, мы думали: теперь конец власти попов. А теперь я и сам вижу, что это правда, и сердце мое поет от счастья.

Пандарас решил, что Шакал, как обычно, что-то скрывает, выдавая малую толику правды, чтобы она послужила большой лжи. Стреловидные татуировки на пальцах этого человеке ясно показывали, что он был членом одной из банд, орудующих в портовых районах Иза. Они грабили суда, поставляли контрабандные сигареты и наркотики, занимались рэкетом и похищениями людей. Скорее всего Шакал пошел в армию, чтобы спастись от правосудия. Свою расу он тоже, видимо, предавал, так как было абсолютно ясно, что он вообще ни во что не верит, кроме самого себя. Когда рядом не было ни педагогов, ни охранников, пленники шептались между собой, что Шакал — идеальный кандидат в новообращенные. Чтобы спасти свою дырявую шкуру, он может предать хоть всю Вселенную.

— А чему ты поклоняешься, — сладким голосом спросил педагог, — если не Хранителям?

Среди сидящих кружком учеников класса дискуссий пробежал заинтересованный шумок, словно легкий бриз всколыхнул листья деревьев. Шакал его не заметил.

— Ну как же, ваша честь... капитан... я уже давно не поклонялся вообще ничему. Единственное, чем я дорожил, — это моя семья и друзья, это каждый может подтвердить, а кроме них, не видел ничего достойного, чтобы ему молиться. Но теперь счастливые обстоятельства привели меня сюда, раньше я и мечтать об этом не мог. Моя раса принадлежит к самым древним в Слиянии, мы преобразились в числе первых. Мы всегда жили в Изе, а те, кто у власти, ненавидят нас из-за нашего благородного происхождения. Но теперь я чувствую, как будто снова преобразился, как будто преображение, из-за которого нам завидуют, — это ничто по сравнению с тем, что я ощущаю сейчас. Представьте, я даже счастлив, что потерял глаз и не владею правой рукой, ведь это небольшая цена за те богатства, которые вы день за днем открываете перед нами.

— Значит, ты ничему не поклоняешься?

— Ваша честь, я уже говорил, что моя раса никогда не молилась Хранителям. Но это совсем не значит, что мы не способны чему-нибудь поклоняться.

— В основном деньгам, — прошептал кто-то из учеников, но так, что услышали все. Раздался смех.

Своим единственным глазом Шакал быстро огляделся. Глаз был желтый, с вертикальным разрезом зрачка.

— Вот, ваша честь, все мне завидуют, — заискивающе произнес Шакал. — Это потому, что я понимаю, чего от

нас здесь хотят, а другие только притворяются. Они недостойны ваших истин. Возьмите меня, ваша честь, а этих отправьте на дно, на корм рыбам.

— И что же ты понимаешь? — продолжал расспросы педагог. — Каждый день ты говоришь, что переполнен благодарностью за то, что тебе говорят, мы этому рады. Но хотелось бы узнать, что ты понимаешь в тех трудных вопросах, которые я задаю вам всем на занятиях. Хотелось бы знать, как высоко ты поднялся.

Пленники в кругу подталкивали друг друга, понимая, что глупый Шакал прямиком лезет в какую-то ловушку. А тот снова окинул взглядом товарищей по несчастью и прошипел сквозь зубы:

— Повыше, чем этот сброд. И они это понимают, ваша честь. Задайте-ка этот вопрос им, клянусь, никто из них не ответит.

— У нас не соревнование, — пропел педагог. — Мы не хотим настраивать одних людей против других. В этом одна из причин наших успехов. А другая в нашей уверенности. Назови мне хотя бы одну вещь, в которой ты уверен.

— Ну как же, ваша честь. Я знаю, что Хранители — просто навоз по сравнению с вашими людьми. Я знаю, что не поклонялся ничему, потому что ничто не стоило моего поклонения. Но я знаю, что сейчас нашел нечто, чему я буду поклоняться всем сердцем и всей душой. Позволь мне служить вам, и я буду вечно вас воспевать, так что все узнают о вашей безграничной славе. Теперь я поклоняюсь вам, люблю вас больше самой жизни, буду служить вам изо всех сил и со временем надеюсь заслужить хоть частицу вашей славы. Для меня есть только вы! Только вы, и все!

И пленники с отвращением увидели, как Шакал бросился на доски палубы и попытался поцеловать ноги учителя. Но миниатюрное существо ловко отскочило, посмотрело в лицо просителю и произнесло:

— Мне нечего тебе больше сказать. Можешь идти. Оставь нас и не бойся. Если ты действительно понимаешь, чему я вас учу, то должен знать: ты можешь делать что хочешь.

Шакал поднял голову. Его повязка размоталась, и один конец повис вдоль щеки, почти закрывая молочно-белый сварившийся глаз, который слепо смотрел из мешанины черных струпьев и красных сырых участков новой кожи.

— Для меня нет на свете ничего желаннее, чем сидеть у твоих ног, учитель, и жадно впитывать твою мудрость, — забормотал он.

— Мне нечему тебя больше учить, — повторил педагог. — Я не стану этого еще раз повторять, ибо полагаюсь на твою способность понимать мои слова. Если ты меня не понимаешь, тогда ты будешь немедленно и жестоко наказан.

Он не сделал никакого знака, но на палубе вдруг появились два охранника и по раскаленным доскам не спеша

направились к классу дискуссий. Шакал посмотрел на них, потом на педагога:

— Ваша честь... капитан... Если я чем-то рассердил своего учителя, я безмерно раскаиваюсь.

— Ты меня не рассердил. Ты наполнил мое сердце радостью. А теперь иди, ты свободен.

Пандарас с содроганием подумал, что педагог поймал Шакала в ловушку его собственной лжи и наказал, дав ему именно то, о чем Шакал просил.

Шакала перестали кормить из общего котла, потому что эта пища предназначалась для пленников, а он был теперь свободным человеком. Охранники, у которых он пытался выпросить пайку, вдоволь над ним поиздевались, надев ему на голову венок из водяных лилий и величая королем свободных людей, а потом прогнали ударами прикладов. К педагогам Шакал приблизиться не решился, да, кроме того, он и не смог бы переварить волокнистую кашицу, которой они питались. Следующие два дня он бесцельно шатался по палубе в сопровождении нескольких маленьких серебристых машин, а на третью ночь своей свободы он исчез.

Однажды вечером, когда пленники поедали свои скудные порции маисовой каши, к Пандарасу подошел человек его расы, ветеран по имени Туллус, присел рядом и завел разговор. Оказалось, что когда-то они жили в Изе буквально по соседству — через две улицы — и в разное время работали в одной и той же плавильне, ремонтируя доспехи. Они немного поболтали об общих знакомых, об известных обоим событиях, и наконец Туллус подошел к цели своего визита.

— Шакала убил охранник, брат. Они играют с нами, но в конце концов убьют всех.

— Думаю, ты не знал Нарашиму. Он мог совокупиться с собакой, если бы считал, что это даст ему хоть одно пенни или на день продлит жизнь.

— В армию идут по разным причинам, — серьезно проговорил Туллус. — Но там все становятся солдатами. Каким бы ни был Шакал, главное, что он был солдатом, одним из нас, а еретики издевались над ним, а потом убили.

— Не очень-то товарищи ему помогали, — проворчал Пандарас.

— Все боялись. Думали, что если помогут Шакалу, то разделят его судьбу. Еретики стараются разделить нас, а потом убьют одного за другим.

Они помолчали, пока мимо шел стражник, царапая когтями по доскам палубы и позвякивая сбруей. За ним ковыляла маленькая угловатая машина. Пандарас подумал, что если еретикам удалось уничтожить дух армии как единого организма, то

они победили. Они добились своего. Перед лицом смерти не существует человеческого сообщества, только сборище индивидуумов.

Туллус проследил, как охранник скрылся в темноте среди отдельных групп пленников, потом прошептал:

— Лазарет движется так медленно, потому что еретики хотят продлить нашу пытку как можно дольше, но все равно мы идем в низовья. Рано или поздно мы дойдем до конца низменности Утерянных Вод, а потом сплошь идут города еретиков, их там миллионы, нас бросят им на забаву.

Пандарасу приходилось слышать самые фантастические истории о пытках и непотребствах, которым обрекали еретики своих пленников: полевые трибуналы, вивисекция и другие бесчеловечные эксперименты, насильственное скрещивание различных рас, но сейчас он ответил Туллусу так:

— В армии много придумывают о враге, брат. Это чтобы солдаты отчаяннее сражались и меньше сдавались в плен.

Туллус кивнул:

— Конечно, это правда, но только до некоторой степени. А весь смысл в том, что всякая легенда или песня должна иметь под собой какое-то основание. Ты сам это понимаешь, брат. Все мы это понимаем.

— Слухи о еретиках основаны на ненависти и страхе, — продолжал свою мысль Пандарас. — Эти чувства могут породить многое, но ничего хорошего.

Туллус смотрел на Пандараса в упор. Был он сед, лет на вид пятнадцати-шестнадцати, со светлым пятном вокруг рта.

— Ты ведь не солдат, — сказал он. — Что ты здесь делаешь?

Пандарас поднял левую руку и вытянул вперед культю. Повязка на ней пропиталась черной кровью и слегка пульсировала в такт ударам его сердца.

— Я потерял не меньше, чем любой на этом судне, — сказал он, пряча руку.

— Но не жизнь, пока еще не жизнь, — рассудительно заметил Туллус.

— Я потерял нечто не менее дорогое, чем жизнь, — покачал головой Пандарас. — Моего господина похитили еретики. Он — великий воин, а я — его оруженосец. Я собираюсь найти его и освободить.

— Тебя ранили, когда его забирали в плен?

— Нет, это случилось позже. Его унес флайер, и с тех пор я его ищу.

— Где это произошло? Он был наемником? К какой части он принадлежал? Или он — разведчик?

— Он как раз направлялся на войну.

— Значит, его взяли в плен раньше, чем он убил хоть одного еретика? Пандарас, он скорее неудачник, чем герой. Удача нужна героям не меньше, чем сила. Ты не думаешь, что хранишь верность не тому человеку?

— Он еще спасет мир, увидишь, — упрямо проговорил Пандарас. — Больше я пока ничего не могу сказать, но знаю, что так и будет.

— С нами у тебя есть шанс. А если останешься здесь, погибнешь. Они тебя убьют, Пандарас. Не верь никаким обещаниям. — Туллус оглянулся и зашептал: — У нас тут кое-кто собирается бежать.

— Нас окружают болота и джунгли.

— Для побега это самое лучшее место. Когда я только вступил в армию, я воевал как раз в этих местах. Я сумею найти дорогу. Только бы добраться до болот, там мы в безопасности. Но сначала надо убежать.

— Желаю вам удачи, но я, наверное, останусь здесь. Я — городской парень. Я и парки-то не люблю, а уж дикие места — и подавно. К тому же ты, видно, забыл: у меня только одна рука.

— Мы будем помогать друг другу. Если ты любишь свободу, ты нам поможешь. Если любишь Хранителей, поможешь.

— Я не солдат, Туллус. Ты сам это сказал. Я просто слуга, который разыскивает своего господина. Чем же я могу вам помочь?

— У тебя есть иеродул. А иеродул помочь может. Он умеет говорить с машинами, а они здесь и есть настоящие стражи. Ты прикажешь ему, чтобы он скомандовал машинам отсюда убраться, а мы убьем этих волосатых тварей и маленьких серокожих ублюдков.

— Он не мой, — попытался объяснить Пандарас. — Попробуй сам ему приказать.

Туллус поднялся. Из-под черных губ показались зубы. Пандарас напрягся. Он чувствовал гнев старого солдата и поднялся на ноги, чтобы не смотреть на него снизу вверх. Они стояли совсем близко, с неприязнью глядя друг на друга. Наконец Туллус сказал:

— Иеродул мне отказал. Потому я к тебе и обращаюсь, парень.

— Может, ты его не так просил. Скажи ему, что он мне ничего не должен. Скажи, что он освободился, когда погиб корабль, на котором он служил.

Туллус продолжал в упор смотреть на Пандараса, Пандарас отвечал ему твердым взглядом. Кровь с силой стучала у него в голове. Он старался не дать себя запугать, чувствуя, что этим почему-то предаст своего господина. Но тут Туллус улыбнулся и повернул голову:

— Посмотри! Они хвалятся своей мощью, а сами даже не могут скрыть от нас правду.

Краевые Горы уже поглотили последние солнечные лучи, и над окаймляющими реку деревьями на высоту ладони поднялось Око Хранителей с тускло-красными спиралями аккреционного диска и черной точкой в самом его центре. Обитель Хранителей!

— Хранители всегда смотрят на нас, — твердо сказал Туллус. — Помолись со мной, брат. Помолимся за наше спасение.

Рядом не было ни стражников, ни машин. Пандарас делал необходимые почтительные жесты и подавал нужные реплики, но в сердце его была пустота. Хранители оставили Вселенную. Свет опережает их, они могут наблюдать за своими созданиями, но вмешиваться уже не могут. Они вдохнули в этот мир жизнь, а потом бросили его на произвол судьбы, как ребенок бросает иногда заводную игрушку, и она бредет сама по себе по улице. Молитва была пустым жестом, и Пандарас чувствовал пропасть в тысячу лиг между собой и истово молящимся рядом человеком.

«Трагедия не в том, — думал Пандарас, — что мы влюбляемся в то, что не желает нас любить, а в том, что мы любить перестаем».

Его трясло. Он спрятал здоровую руку между колен, но не мог унять дрожь. Туллус спросил:

— Что с тобой, брат? Не бойся. Повторяй со мной последние благословения.

— Скажи их сам, Туллус.

— Ах ты, молодой идиот! Ты им веришь?

— Мы — сила города, Туллус. Но почему же тогда нас презирают?

— Ты еще хуже Шакала, — с отвращением сказал Туллус. — Он только притворялся, что верит их брехне, а с тобой по-другому, ты не притворяешься. — Лицо его исказилось, он сплюнул Пандарасу под ноги. — Нас здесь много. Только попробуй донести на меня, и мои друзья тебя убьют.

В эту ночь Пандарас спал плохо, хотя Тибор обещал посторожить его сон. Когда он на рассвете проснулся, то с ужасом увидел, что больше половины пленников исчезло. Тибор сидел, скрестив ноги, в каком-то трансе, который заменял ему сон. Пандарас потряс его за плечо, иеродул очнулся и сразу сказал, что он ничего не видел.

— Может, они добрались до берега? — прошептал Пандарас.

— Не верится мне в это, маленький господин, — тихо отозвался Тибор.

В его глазах с опущенными уголками набухали слезы.

— Ты видел, видел! Расскажи! — потребовал Пандарас.

— Все спали. Даже я, который никогда не спит, ненадолго покинул этот мир. Наверное, это сделали машины. Потом ты меня разбудил, а людей уже нет.

Чуть погодя Пандарас сказал:

— Ты ведь мог им помочь, Тибор.

— Мое место рядом с тобой, маленький господин. Ты еще не оправился от своей раны.

— А если бы я приказал, ты бы помог им? Ты можешь заставить машины еретиков уйти из госпиталя?

Тибор не спешил отвечать, наконец, подумав, сказал:

— Ты можешь мне приказывать, но я вряд ли могу распоряжаться машинами наших тюремщиков. Когда я начал служить в храме, мне вшили индукционную петлю, но она предназначалась для общения с оракулами. Конечно, оракулы тоже машины, но видов машин очень много.

— И ты никогда не пробовал?

— Мне это не приходило в голову, маленький господин.

— Они ведь могут все равно тебя убить, — задумчиво произнес Пандарас. — Вся твоя жизнь была посвящена Хранителям. Ты — естественный враг еретиков.

— Вовсе нет. Я тебе уже говорил: на меня смотрят как на ценное приобретение. В первые дни после захвата госпиталя, когда ты еще не вышел из комы, педагоги подолгу со мной беседовали. Они надеялись обратить меня в свою веру, ведь с капитаном у них получилось. — Тибор указал на летающий мостик на носу, где лежала в сетке большая суставчатая машина. — Они все еще надеются, что я пойду за ней. Но я уже служу тебе, маленький господин. Больше мне служить некому. Если бы «Соболь» не был уничтожен, капитан Лорквиталь непременно объявилась бы с грузом в Офире. Но ее никто не видел, хотя я многих спрашивал, пока ждал погрузки на корабль, который доставил меня в низовья, в плавучий госпиталь.

— Они умерли быстро, Тибор. Если, конечно, тебе от этого легче.

— Все, кроме Фалеруса, — ответил Тибор.

Оставшиеся пленники полностью покорились. В тот день не было занятий в дискуссионных классах. Перед самым заходом солнца баржа вошла в широкий канал, а еще через час оказалась в доках Бауса, города деревьев.

10. «ВСЕ НЫНЕ ЖИВУЩИЕ МОГУТ ИЗБЕЖАТЬ СМЕРТИ»

Как только баржа оказалась у причала, стражники стали ходить среди пленников, сообщая им, что те могут покинуть госпиталь, что они теперь свободны.

— Это город свободных людей, — мрачно усмехались они. — Сами распоряжайтесь своими жизнями. Никто не отвечает за них, кроме вас.

— Ах если бы Туллус подождал! — с горечью проговорил Пандарас. — И он, и его товарищи получили бы все, что хотели.

Многие пленники с недоверием отнеслись к словам стражников, опасаясь ловушки. Один даже сошел с ума и отказывался уходить, когда стражники силком пихали его на корму, где были установлены сходни. Он уселся в центре палубы, обхватив грудь руками, раскачиваясь из стороны в сторону и непрерывно повизгивая. Подошедший охранник убил его выстрелом в голову, а труп невозмутимо перевалил через борт. После этого инцидента у пленников не осталось выбора, кроме как собрать свои скудные пожитки и спуститься в город.

Когда-то Баус выглядел как пестрое лоскутное одеяло, сшитое из маленьких рощиц и отлогих холмов, но потом, уже во времена еретиков, проложили новые дороги без учета традиционного ландшафта, и многие рощи оказались вырублены. В тех, что остались, свалили самые крупные деревья, плетеные висячие дома аборигенов потеряли свою опору и исчезли, и их заменила беспорядочная толчея палаток и шатров. Сточные воды бежали прямо в открытых каналах, зачастую перегороженных трупами людей и животных. В воздухе висела дымка от тысяч костров. Летающие платформы, караваны тягловых животных, толпы людей запрудили рыжие от глины дороги, освещенные яркими дуговыми лампами, свисающими с оголенных стволов деревьев. Паровые повозки скрипели, грохотали и извергали клубы вонючего дыма, за ними тащились по три-четыре перегруженных трейлера. Вдоль дорог тянулась бесконечная цепь лавок, таверн, игорных притонов, борделей с ярко раскрашенными фальшивыми фасадами; зазывалы и приказчики взывали к толпам с платформ, балконов, из открытых окон. Очень много аптек, клиник, хирургических кабинетов. Предложения самые таинственные; на одном написано: ПОГРУЖЕНИЕ ВСЕГО ТЕЛА, на другом — ВНУТРЕННЕЕ ОСУШЕНИЕ. Над потоками людей роились машины, мечась по своим таинственным делам. А высоко в небе горели огромные лозунги, каждая буква ростом с человека: ЛОВИ МГНОВЕНИЕ! ВСЕ НЫНЕ ЖИВУЩИЕ МОГУТ ИЗБЕЖАТЬ СМЕРТИ! Еще выше, на фоне оранжевого свечения неба, тянулись цепочки резко очерченных теней — архипелаги летающих садов, где когда-то жили святые мудрецы Бауса.

Пандарас устал, левая рука страшно болела. Тибор снял с культи квазиживую повязку, оставив только легкий бинт. Пандарас молча шел за иеродулом, не задавая никаких вопросов, и вскоре обнаружил, что они оказались среди остатков городского священного леса. Посаженные кольцом гигантские секвойи, о которых говорили, что они одного возраста с миром, были срублены. Десятки людей при свете костров отпиливали ветви с их стволов, но оракул был по-прежнему на месте. Огромный черный диск в десять раз

выше Пандараса стоял в центре большой круглой платформы, изготовленной из сотни различных видов древесины. Платформу исчертили обуглившиеся рвы от ударов лучевого оружия, усеяли тысячи вмятин и дыр от срикошетивших пуль и шрапнели; в древних полированных досках были высечены проклятия и кабалистические знаки, но сам черный диск оракула, который лишь частично принадлежал этому миру, оставался в неприкосновенности.

Пандарас присел на край платформы, на доски, до блеска отполированные шагами миллионов паломников и просителей.

— Зачем мы сюда пришли? — устало спросил он.

— Нам сказали, что ничего не запрещено, маленький господин, — спокойно ответил Тибор. — Значит, по-прежнему можно пойти и посоветоваться с оракулом.

— Что толку, если нет жреца, — махнул рукой Пандарас, а потом до него дошло, и он спросил: — Так он станет с тобой разговаривать?

— Аватару из этого оракула уничтожили десять тысяч лет назад, в ходе войн Эпохи Мятежа, но оракул все еще действует.

Пандарас сидел в тени у периметра платформы, а Тибор тем временем пробовал пообщаться с оракулом. Пандарас собирался его посторожить, но было уже далеко за полночь, а он очень устал. Он заснул, а потом резко очнулся и увидел, что иеродул сидит перед ним на корточках, а по груди разливается знакомое тепло.

— Ответа нет, — мрачно сообщил Тибор. — Что-то разрушило входные коды.

Пандарас залез себе под рубашку и достал керамический диск. Крошечные искры и черточки заполняли его от края до края, но рисунок их оставался неподвижен.

— Это не имеет значения, — сказал Пандарас. — Я знаю, что мой господин здесь.

11. ЛАГЕРЬ

Остаток ночи Пандарас и Тибор провели у остатков священной рощи, но сон их был беспокойным, часто прерывался визгом и лязганьем механических пил, которыми дровосеки разделывали стволы гигантских секвой. Почти весь следующий день они бродили по бурлящим улицам города в поисках хоть какого-нибудь знака от Йамы, но ничего не нашли. Ни на еду, ни на жилье денег у них не было, а в этом городе ничего нельзя было получить бесплатно.

Пандарас попробовал заработать несколько монет, исполняя на углу песни, но прохожие либо равнодушно проходи-

ли мимо, либо осыпали его бранью. Одна женщина даже не поленилась остановить лошадь и объяснить Пандарасу, что каждый сам должен нести ответственность за свою жизнь и что, побираясь, он ведет себя как животное.

— У меня есть иеродул, госпожа. Может быть, для него найдется работа?

— Здесь нет рабов, — надменно отвечала женщина. — Тебе надо пойти в какой-нибудь лагерь на краю города. Там много таких, как ты. И убирайся поживее, а то кто-нибудь затеет самосуд, чтобы избавить город от подобного позора. — И не успел Пандарас спросить у нее еще что-нибудь, как она стегнула своего жеребца и смешалась с толпой.

До лагеря в джунглях на краю Бауса Тибор и Пандарас добрались почти в полночь. Не успели они подойти, как их окликнул охранник и, проведя по путанице извилистых дорожек, доставил к аккуратненькому поселку из палаток и домиков, с трех сторон окружающих утоптанную площадь. Руководила лагерем огромная женщина, потерявшая обе ноги, но шустро передвигающаяся на паре костылей. Ее энергия и неунывающий нрав поражали воображение. Звали ее Калфа, вернее, это было детское сокращение ее имени, так как раса, к которой она принадлежала, выбирала себе имена, растущие по мере обретения жизненного опыта. Она выслушала историю Пандараса и Тибора, пока они жадно вычерпывали из миски несоленую овощную похлебку. Потом Калфа сказала, что здесь плохое место.

— В городе полно новообращенных рас, они опасны, потому что горят священным огнем. Толпы на улицах находят несогласных, вешают их, сжигают или забрасывают камнями. Мы стараемся ни во что не ввязываться, но все равно возникает масса осложнений. Ты умеешь охотиться?

— Я городской парень, — с грустью ответил Пандарас и показал культю. — К тому же я еще не оправился от ранения.

Калфа его слегка пугала. Она принадлежала к одной из гигантских рас и была в два раза выше Тибора. Сейчас она раскинулась в грубо сколоченном кресле. Любым пальцем своей трехпалой руки она могла обхватить череп Пандараса и раздавить его, как виноградину. Серая кожа ее обнаженного торса была иссечена декоративными рубцами и смазана чем-то, по запаху похожим на прогорклое масло. Стриженые белые волосы дыбом стояли на крестообразной макушке, а на лице с большим плоским носом доминировали огромные челюсти, похожие на два черпака механической драги, день и ночь работавшей вдоль берега в Изе, чтобы, отступая, река не затягивала илом древние каналы.

— Мы все здесь так или иначе ранены и изувечены, — возразила Калфа. — Ты хотя бы ходить можешь.

— Мой друг повар, я могу ему помогать.

— Поваров у нас полно, продуктов не хватает.

— Прошу прощения, и не подумай, пожалуйста, что я не ценю твоего гостеприимства, но здешние повара опаснее еретиков. Я съел эту жалкую пародию на пищу, потому что не ел весь день, но, честно говоря, вареный речной ил и то был бы ароматнее.

Калфа пропустила мимо ушей эту колкость.

— Твой друг будет помогать лежачим больным и раненым. Ты отправишься с партией охотников. Наверняка ты умеешь быстро бегать. Ваши обычно умеют. Мы в основном роем ловушки и загоняем в них зверье. Вот и будешь этим заниматься. А если не получится, станешь искать фрукты. Уверена, что даже с одной рукой ты сможешь залезть на гранатовое дерево. — Калфа уставилась на Пандараса тяжелым взглядом и вдруг спросила: — Ты им веришь?

Выражение ее глаз не позволило Пандарасу солгать.

— На какое-то время я усомнился в верховной мощи Хранителей, Калфа. Моя раса — это сила города, а нас почему-то почти все презирают.

— Это грех людей, а не тех, кто их сотворил.

— Тогда нас, должно быть, плохо сотворили, — вздохнул Пандарас. — Но я явился сюда не для того, чтобы стать еретиком, пусть даже мне и хотелось бы жить вечно.

Калфа кивнула.

— Ты говорил, что ищешь друга. Если он прожил здесь долго, то скорее всего уже умер или стал одним из них.

— Он мой господин. Я знаю, что он жив. И знаю, что он где-то в городе. Тут много таких лагерей?

— Там нет господ, — твердо заявила Калфа. — Еретики в первую очередь убивают всех попавших в плен офицеров. Мы все здесь рядовые. Кроме нашего, есть только два лагеря. Большая часть освобожденных пленников убегает. Шайки еретиков убивают их в джунглях и болотах выше по реке. Те, кто остается тут, в конце концов присоединяются к еретикам или кончают самоубийством. Кое-кто, конечно, пытается бороться. Надолго их не хватает. В городе много тысяч еретиков и еще больше — в окружающих диких землях. Это один из их плацдармов.

— И все же они нас отпустили.

— На корабле, который меня привез, они убили почти всех, — сообщила Калфа. — Начали с офицеров, а потом уже хватали всех подряд. Почти все мои товарищи, практически целый дивизион, теперь мертвы. На меня еретики просто плюнули, думали, что я умираю, но я им еще покажу, какую страшную ошибку они совершили. Они жестоки и самонадеянны, потому и отпускают пленников, которые выжили после путешествия, но они еще поплатятся за свою самонадеянность, ведь они позволяют

нам создавать армию прямо у них под носом. Пока мы еще не готовы, но скоро сумеем наделать здесь много бед. Говорят, например, у них есть маг, который умеет управлять любыми машинами. Я слежу за ним, хотя вокруг него всегда тучи солдат.

— Как он выглядит, этот маг?

— Его никто и никогда не видел. Он не выходит в город. Он живет в летающем саду, вон там.

Пандарас посмотрел, куда указывала Калфа. Тень на фоне Ока Хранителей, чуть оторвавшаяся от других садов летающего архипелага.

— Сегодня ты вместе с другом будешь стоять в карауле, — распорядилась Калфа и хлопнула в свои огромные ладоши. Подошел какой-то человек, она скомандовала: — Выдай им трещотку и пару копий, потом отведи к папоротниковым деревьям, на рассвете проверишь. Если будут спать, убей их. — Она бросила испытующий взгляд на Пандараса. — Ты понимаешь, почему мы так поступаем?

— Я просто вижу, что вы не доверяете вновь прибывшим.

— Идет война, и мы продолжаем военные действия, — отрубила Калфа. — Вокруг лагеря много ловушек и волчьих ям. Мы постоянно меняем их расположение. Если попробуете сбежать, то просто погибнете, так что у нас не будет с вами хлопот. Если предпочтете остаться, то сегодняшнее задание станет хорошим зачином. Смотрите в оба! Они обычно являются по наши души ночами.

Пандарасу и Тибору вручили копья с каменными наконечниками и пустые высохшие тыквы на кожаных ремешках с твердыми семечками внутри, которые могли производить невероятный шум. Их отвели на скалистый мысок, нависающий над плотным поясом папоротниковых деревьев и обращенный к городу. Око Хранителей стояло высоко над речной гладью, а летающий сад, на который указала Калфа, резким силуэтом вырисовывался на фоне тусклого свечения его спирали. Сопровождающий показал им, где находятся соседние посты, и напомнил, что вернется на рассвете.

Когда их проводник удалился, Пандарас со всей силы зашвырнул копье в заросли папоротника, туда же полетела и трещотка.

— Свое тоже бросай, — скомандовал он Тибору. — Это место не для нас.

— Здесь дают пищу и кров, маленький господин, в городе мы этого так и не нашли.

— Тут совсем не так безопасно, как ты думаешь. Калфа считает, что она до сих пор на войне, но ведь она может только проиграть. Спорить могу, что все эти армии, которые, как она думает, направлены против нее, на самом деле — шайки бандитов. Если они поймают нас с оружием в руках, то непременно убьют, а если мы попадемся безоружными, нас могут пощадить.

— Калфа сказала, что тут полно ловушек.

— Этот парень не придет за нами до рассвета, а тогда будет уже светлее, и мы сможем найти дорогу. Я неплохо вижу там, где для других рас только тьма кромешная. Сейчас мне все видно почти как днем. — Разумеется, это было преувеличение, однако в тусклом красноватом свете Ока Пандарас явственно различал выражение любопытства на плоском лице Тибора. — Я замечу ловушку намного раньше, чем мы к ней подойдем, или я ее учую. Кроме того, я думаю, они не станут тратить времена на наши поиски. Калфа сама намекнула, что многие, кто сюда приходит, потом убегают, и сомневаюсь, чтобы она стала их искать. Война продолжается, пленников хватает, так что ей надо только подождать, пока они сами к ней явятся.

Поразмыслив секунду, Тибор кивнул, переломил древко копья через колено и забросил обе половинки за выступ скалы.

— Как мы до него доберемся? — спросил Тибор.

— А я думал, что ты не понял, — усмехнувшись, отозвался Пандарас.

— Конечно, я тугодум, маленький господин, — рассудительно проговорил Тибор с видом непоколебимого достоинства, — но я вовсе не глуп. Маг, про которого говорила Калфа, — это наверняка твой хозяин. Но мы ведь не умеем летать по воздуху, а она сказала, что его охраняет множество солдат.

— Может, он сам нас найдет. Я уверен, что тот, кому Элифас его выдал, держит моего господина в плену. Калфа говорит, что он помогает еретикам, а я знаю, что он не стал бы этого делать. Видно, его вынудили силой. Но хоть он и в плену, он же может позвать на помощь машины. Он спас меня с помощью машины, освободив от префекта Корина.

— Ты уже не раз рассказывал мне о своих приключениях, маленький господин. Я ничего не забываю.

— Я просто хочу сказать, что это случилось далеко отсюда, на поле битвы. А теперь мы находимся в прямой видимости от него.

— Пусть мы его и нашли, но ведь он-то тебя еще не нашел. И как мы можем его освободить, маленький господин, если он сам, такой могущественный, не может этого сделать? И почему ты так уверен, что именно он — этот маг? Мне кажется, в этом мире ни в чем нельзя быть уверенным, кроме любви Хранителей.

Пандарас сел, разминая обрубок левой руки, и, помолчав, произнес:

— Как я понимаю, ты все еще веришь в них?

— А кто же в них не верит? Даже еретики не могут отрицать, что Хранители создали наш мир и всех людей.

— Я имею в виду, что ты веришь, будто Хранители по-прежнему влияют на жизнь в нашем мире.

Тибор задумался, а потом стал объяснять свою мысль:

— В наше время большинство людей, которые молятся Хранителям, на самом деле молятся своему высшему «я»; молитва теперь — не более чем форма медитации. Но я помню времена, когда еще можно было общаться с аватарой в оракуле храма, где я был иеродулом. Эх, мой маленький господин, ты этого не знаешь! Даже представить себе не можешь! Молитва тогда была не одиноким взыванием в пустоту, а счастливым общением, радостным разговором с тонким и умным собеседником. Но теперь все это утеряно, утеряно навсегда.

Тибор замолчал. Наступила тишина, потом Пандарас обернулся и с изумлением увидел, что иеродул плачет. Юноша совсем забыл, что кто-то может так серьезно относиться к поклонению Хранителям. Последние аватары умолкли задолго до его рождения. Для Пандараса они были не более, чем миф.

Он притворился, что не видит слез Тибора, широко зевнул и улегся, пристроив голову на согнутую руку, а культю левой кисти засунул между колен. Подсознательно он все еще стеснялся своего увечья и при любой возможности пытался его скрыть.

— Давай с часок отдохнем, — устало проговорил он. — Я всеми мышцами ощущаю каждую сегодняшнюю лигу.

Немного погодя Тибор тихо заговорил, словно беседуя сам с собой:

— Хранители создали мир, и они создали десять тысяч рас. Они создали десять тысяч рас людей по своему образу и подобию в большей или меньшей степени. И в милости своей и любви к собственным творениям они оставили их искать самостоятельные пути к просвещению. Ибо Хранители знали, что их дети способны достичь спасения, стать цивилизованными и завершить акт творения, превратившись в подобия своих создателей. С тех пор многим наиболее просвещенным расам это удалось. В нас самих заключена возможность превратиться в нечто значительно большее, чем мы есть, а еретики это отрицают. Им не нужно ничего иного, они желают оставаться такими, как есть. И так во веки веков.

В полудреме Пандарас вспоминал о плавильне, где он когда-то работал на одного из своих дядьев, думал о чане, в котором переплавляли металлы. В его обязанности входило снимать окалину с поверхности расплавленного металла деревянной лопаткой на длинной ручке. Лопатку вырезали из цельного куска тикового дерева, и она уже очень сильно обуглилась. Каждый раз ее приходилось окунать в бочку с водой, иначе она начинала гореть. Сейчас ему представлялось, что в мире все происходит как раз наоборот: лучшие люди, совершенствуясь, выплавляются из земного существования, остается только ржавчина и окалина.

Вскоре он проснулся и услышал, как Тибор молится Оку Хранителей, которое уже стало заваливаться к горизонту на той стороне реки.

— Разбуди меня за час до рассвета, — сонно пробормотал он. — Я поищу для нас дорогу. — Но спал он, должно быть, недолго, потому что, когда Тибор стал его трясти, Око еще высоко стояло в черном небе.

— С той стороны города идет бой, — тихо произнес Тибор.

Пандарас сел. Окрестности осветила голубая вспышка невероятной интенсивности. Впечатление было такое, будто где-то далеко, за много-много лиг, в ночном мраке джунглей, окружающих город, кто-то внезапно распахнул окно в белый день. Плохо соображая со сна, Пандарас стал считать секунды: четыре, пять, шесть... В небе грохотало, словно гремел гром, скала тряслась, как живая, и тут Пандарас наконец до конца проснулся и тотчас сообразил, что это за оружие. Он вскочил на ноги и воскликнул:

— Он снова меня нашел!

— Твой господин? Значит, он убежал из летающего сада?

Стая красных и зеленых искр прочертила небо над городом, направляясь туда, где сверкнула ослепительная голубая вспышка, но обрушилась на землю, не достигнув цели.

— Машины пытаются его уничтожить, — прокомментировал Пандарас, — но он владеет какой-то магией, которая их сбивает. Я уже видел такое. Его не убили. Может, его и вообще нельзя убить. Он последовал за мной в низовья, а теперь ищет по другим лагерям. Скоро он будет здесь. Будет! Будет! О боже! Он идет за мной!

Новая голубая вспышка осветила джунгли, окружающие чашу города, на этот раз значительно ближе, всего в нескольких лигах.

— Кто, кто это, маленький господин? Твой хозяин?

Грохот усиливался, сейчас он пришел меньше чем через две секунды после голубой вспышки. Скала снова задрожала, и Пандарас тяжело осел, трепеща от страха. Теперь он знал, как добраться до летающего сада, но всем своим сердцем желал, чтобы ему не пришлось этого делать. Подняв глаза на Тибора, он объяснил:

— Йама где-то рядом, но это не он. Нет, это префект Корин. И если я хочу снова увидеть своего господина, я должен позволить себя найти.

12. ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ ДОКТОРА ДИСМАСА

Он здесь, — сказала Тень и с этими словами возникла над кроватью в образе Дирив. Пальцами рук и ног она цеплялась за потолок и смотрела на Йаму сквозь водопад легких белых волос. Под тончайшей рубашкой она была совсем обнаженной. Кожа ее мерцала мягким зеленоватым сиянием, иногда встречающимся на гниющей древесине.

— Изменись! — устало попросил Йама. Блеск керамического диска сверкнул в его сознании, как солнечный зайчик в далеком окне. Он знал, что Пандарас где-то близко, но не мог больше искать с помощью машин. Тень отняла у него и это.

Призрак одной рукой сжал свои маленькие груди.

Значит, тебе это не нравится?

За огромным выпуклым глазом окна сверкнула голубая вспышка, на мгновение осветив пятерых слуг, обступивших кровать. Какой-то миг Йама думал, что за ним вернулась черная машина.

Сюда приближается что-то злое.

В дальнем конце с треском распахнулись двойные двери, плавающие огни загорелись ярче. С диким криком в комнату ворвался Дисмас:

— Дитя мое! Дорогое мое дитя! Энобарбус пытается нас убить!

Сядь! — приказала Тень.

Йама, не думая, повиновался и был поражен, что может двигаться.

— Ты прав, — сказал он. — Пора уходить.

Дисмас удивленно застыл посреди комнаты, а потом быстро выхватил энергопистолет. Поверх обычного черного костюма на нем была серебристая мантия, а на голове серебристая шляпа. Йама вспомнил: когда-то давно доктор поведал ему, что носит шляпу с металлическим экранированием, чтобы машины не могли его выследить.

Тень, все еще в образе Дирив, вдруг появилась за спиной доктора. Улыбнувшись, она сказала:

Простым физиологическим приемом я позволила тебе преодолеть действие препарата нашего доброго доктора. Кстати, на нас нападает не Энобарбус, но пусть доктор думает что хочет. А кроме того, Энобарбус действительно направляется сюда. Он *думает, что это доктор Дисмас напал на него. Уже погибло множество людей, а сколько еще погибнет! Это так интересно! Хочешь, я тебе покажу?*

Йама будто не слышал вопроса. Обратившись к Дисмасу, он произнес:

— Нехитрый физиологический трюк, доктор. — И перебросил ноги через край кровати. Один из слуг, лесной пигмей, положил у его ног сверток с одеждой. Одеваясь, Йама добавил:

— Пора и мне сделать ход.

— Мне надо, чтобы ты разрушил машины Энобарбуса. Надеюсь, я говорю с тем, с кем надо?

Нам нечего беспокоиться о машинах.

Призрак Дирив исчез. У Йамы задвоилось в глазах, возникло головокружение, и он снова почувствовал себя пленником в собственном теле. Оно, это тело, натянуло просторную белую рубашку, вставило ноги в сандалии, которые сами собой

застегнулись вокруг щиколоток, и вышло из комнаты. Он услышал, как его голос, только на октаву ниже обычного, произносит:

— Тебе не нужен этот маленький глупый пистолетик, доктор. По крайней мере когда я рядом.

Доктор Дисмас кивнул и опустил пистолет.

— Конечно, ты прав, — отозвался он. — Я вооружил слуг. Сейчас они убивают людей Энобарбуса — тех, кого я сам не успел убить. Тебе надо перебраться в безопасное место. Нам и правда пора уходить.

Он щелкнул своими окостеневшими пальцами, и один из слуг бросил на кровать серебристый сверток.

— Это защитит тебя от пуль и от близких разрядов энергетического оружия, — пояснил он.

Йама попробовал заговорить, но Тень полностью захватила контроль над его телом.

Мне такие штучки не требуются, — ответила она. Тень взмахнула правой рукой Йамы, и слуги рухнули на пол.

Доктор Дисмас снова поднял пистолет. Нацелив его в голову Йамы, он со злобой прорычал:

— Ну-ка верни их, идиот! Сейчас не время для трюков. Они нам еще нужны.

Что делать!— сокрушенно ответила Тень. — *Они мертвы. Остальных мутантов я тоже убью. Пусть только покончат с людьми Энобарбуса. Ну-ну, я теперь понимаю, зачем ты надел этот шлем. В нем скрыто больше, чем кажется. Но ты в любом случае будешь делать, что я скажу. Нам давно пора уйти, доктор. Настало время вернуться к нашему родителю, закончить рост и разбить эту хрупкую оболочку! Время занять центральное место на мировой сцене!*

Дисмас отступил на два шага, все еще целясь в голову Йаме.

— Если понадобится, я тебя застрелю. Надевай мантию, но не надейся, что она защитит тебя от прямого попадания.

Сияющая вспышка за огромным окном на секунду озарила комнату, а померкнув, уступила место пейзажу раскинувшегося внизу города. Летающий сад закачался на своей оси, но сила локальной гравитации продолжала его удерживать.

Тень метнулась к машине, несущейся сквозь ночь в лиге от сада, все чувства Йамы последовали за ней. Машина внезапно остановилась, завертелась на месте и отметила, что летающий сад стоит под прямым углом над чашей города. В зарослях, покрывающих большую часть площади сада, шел бой. Машина зарегистрировала точечные отклонения гравитационных полей, вызванные применением энергетического оружия. В воздухе мелькали ослепительные вспышки. К базальтовому основанию острова мчался флайер, но, должно быть, наткнулся на какое-то препятствие, потому что внезапно замер, а потом исчез во вспышке белого пламени.

Летающий сад медленно выправил свое положение. А высоко в небе над дальней окраиной города другой летающий остров оторвался от архипелага и, ясно вырисовываясь на фоне оранжевого неба, двинулся к первому.

Бой в лагере был коротким. Отовсюду неслись крики, раздавалось беглое стаккато выстрелов, взрывом взметнуло над деревьями огненный шар жирного желтого пламени. Потом ярко-белая вспышка осветила половину неба, наступила потрясенная тишина, и с новой силой разнеслись крики, разрывая ночной воздух, как визг пил в лесу.

Пандарас нервно ходил туда-сюда. Вопли и крики били его прямо по нервам, и хотя он решил не бежать, оставаться на месте было очень нелегко.

— Маленький господин, ведь он нас наверняка убьет, — со страхом сказал Тибор.

— Нет. Я ему нужен.

И вдруг из темноты вынырнул префект Корин, бросившись на добычу, словно сова на полевую мышь. Он спрыгнул с летающего диска и побежал прямо к Пандарасу, сбив с ног Тибора, когда иеродул попытался встать у него на пути. Префект схватил Пандараса, приподнял его над землей и уставился ему прямо в лицо. Его левый глаз закрывала повязка из белого липкого пластыря. За плечом у него висело ружье.

— Ты доставил мне столько хлопот, мальчишка, — сказал префект. — Тебе надо было оставаться со мной. Тогда ты не потерял бы руку. Где он?

Префект Корин так стиснул грудную клетку Пандараса, что тот едва мог дышать. Задыхаясь, он пробормотал:

— Обещай, что не убьешь моего друга.

— От иеродула тоже есть польза. Так где?

— Неужели ты тащился за мной в низовья все это время? Я польщен.

— Мне следовало утопить баржу вместе с командой и пассажирами. Где он?

— Ты наверняка слышал о великом маге этого города, господин?

— Я еще не успел навести справки, был слишком занят, искал тебя. Я только знаю, что он где-то рядом. Вижу, что твоя монета светит даже через рубашку.

— Из-за нее ты меня и нашел?

— Глупости! В этом городе множество подобных источников.

— Значит, ты начал обыскивать лагеря, да? Я все думал, почему ты не явился за нами к оракулу или когда нас выбросили из госпиталя? Подозреваю, что ты убил всех несчастных солдат в лагерях, несмотря на то что они на вашей стороне.

— Некоторые убежали, но многие бросились в бой, и большую часть мне пришлось убить. Безногая женщина перед смертью сообщила мне, где ты находишься. Многим пришлось умереть из-за того, что ты убежал, и все без толку, потому что я тебя снова заполучил. Так где же он, парень?

— На этот раз тебе придется принять мои условия.

— Говори!

Префект Корин надавил сильнее. Боль пронзила грудь Пандараса, как нож, и он прошептал, задыхаясь:

— Мы можем прямо сейчас отправиться туда на твоем летающем диске.

— Значит, это в каком-то из садов. Я так и думал, не знал только, в каком именно. Они все хорошо охраняются. — Корин уронил Пандараса на землю и направился к Тибору, все еще лежащему навзничь. Мелькнула короткая вспышка света, и префект приказал иеродулу подниматься. Тибор встал, медлительно и нелепо; его круглое невыразительное лицо оставалось абсолютно бесстрастным. Корин что-то зашептал ему прямо в ухо.

— Ты командуешь большими силами, — сказал Пандарас, массируя ребра. Ни одно не было сломано, но вся грудь оказалась исцарапана. — Ты становишься похож на моего господина.

— Нет, не похож. Никогда не буду таким, как он. Скоро здесь будет еще один диск, а потом ты отведешь меня к Йамаманаме.

— Я хочу своему господину только добра. Уверен, он сейчас в плену, иначе бы он давно за мной пришел. Ты можешь помочь его освободить, а потом он сам с тобой разберется.

— У тебя чудовищное эго, парень.

Летающий диск опустился рядом с первым, покачиваясь на высоте ладони над скалой. Префект Корин взошел на него.

— Ты поедешь с иеродулом. Скажи диску, куда двигаться, я последую за вами. Не вздумай сбежать, иначе иеродул сломает тебе шею.

— Если ты меня убьешь, то никогда его не найдешь.

— Ты не умрешь, тебя просто парализует, а монета будет по-прежнему работать.

— Ты должен обещать, что не убьешь моего господина.

— Разумеется, нет. Двигайся.

Сначала было даже весело. Диск изгибал гравитационное поле, и казалось, что весь мир покачивается и заворачивается вокруг Пандараса, пока он мчится рядом с Тибором сквозь черноту ночи к летающему острову и своему господину, а префект Корин летит следом. На мгновение Пандарас забыл, что Тибор больше ему не подчиняется, что сам он подвергается страшной опасности, что он, Пандарас, предает своего господина, отдавая его в руки злейшего врага.

Когда они подлетели поближе, диск префекта набрал скорость, обогнал их и по широкой дуге двинулся к килевому основанию летающего острова. Искры света от оранжевого городского зарева улетали вверх широким потоком, а когда Пандарас попытался следовать за диском Корина, резко свернувшим под прямым углом, искры стали изгибаться длинной сверкающей спиралью. Диск с Пандарасом и Тибором повернул следом. Пандарас приказал ему вернуться, но тот по-прежнему летел своим новым курсом.

Впереди тянулась цепочка летающих садов, их соединяли выгнутые висячие мосты и тросы. Над архипелагом висел обломок скалы, на его плоской поверхности мерцало темное круглое озеро в окружении групп сосен. Через края озера в нескольких местах переливались потоки воды и падали на парящие внизу сады. Когда диск подлетел совсем близко, юноша с удивлением увидел, что вода в этих потоках на самом деле поднимается.

Летающий диск сел на длинный выступ скалы, местами покрытой пятнами бледного лишайника. Тибор схватил Пандараса за руку и стащил его с диска. Через минуту рядом с ними приземлился префект.

— Нам потребуется прикрытие. Йамаманаму слишком хорошо охраняют. Я полагаю, благоразумнее будет тебя беречь. — Из темноты со всех сторон летели машины. Сотня крошечных искорок накрыла префекта словно плащом. — Духи здешних мест, — продолжал префект Корин. — Я подчинил их себе.

Летающая скала содрогнулась. Свет мелких машин вокруг Корина усилился, превращаясь в сияющее одеяние. Вдруг голые камни накрыло мелкой холодной волной, потом еще одной, на сей раз поглубже — до пояса. Пандарасу пришлось уцепиться за Тибора, иначе его бы унесло через край. Скала постепенно ускоряла движение, направляясь к летающему саду, где в заточении жил Йама. Вокруг острова вспыхивали красные и желтые огненные цветы.

— Сейчас это кончится, — проворчал Корин и вытянул вперед руку. У его пальцев завертелась какая-то штука, завывая, как дух смерти, и вбирая в себя свет и жар выстрелов.

Тень шагала рядом с доктором Дисмасом по обуглившейся траве. Оба были одеты в серебристые мантии со струящимися полами, волочащимися по земле. По обе стороны от них трусили на четырех конечностях человекоподобные животные. То, что находилось поближе, повернуло голову к идущим и оскалило зубы в улыбке. Это была обнаженная женщина. На ее удлиненных челюстях теснились ряды белых, влажных от слюны зубов, глаза светились желтым бешеным блеском. Впереди словно свечи пылали высокие деревья. Над головой, в ночном свечении неба, росла чуть заметная тень.

Йама был абсолютно беспомощен, заперт в темнице собственного тела. Казалось, им владеет кошмарный сон, в котором наружу выбрались фантастические чудовища.

Вот показалась Дирив и пошла рядом с женщиной-животным. Ее стройное тело светилось под тонкой рубашкой.

Есть проблема, — сказала Тень. — *Если хочешь жить, ты должен нам помочь.*

— Ты не можешь навредить мне, не навредив себе.

— Ты вернулся, мой мальчик, — удивленно воскликнул доктор Дисмас. — Мы наконец уходим и направляемся вверх по реке, но кто-то нас преследует, и не думаю, чтобы это был Энобарбус.

Тень над головой была теперь с ладонь. Еще один летающий остров. Йама решил, что он знает, кто их преследует.

— Наверняка у тебя много врагов, доктор, — сказал он.

— Я принимаю меры и убиваю их до того, как они успеют причинить мне вред, мой мальчик. Тебе полезно это помнить. Я не знаю, кто нас преследует, но это очень могущественный человек.

Некто, умеющий лишать машины их силы.

— Понимаю, почему это тебя пугает, — задумчиво произнес Йама. Именно поэтому он еще нужен Тени, и она позволила ему снова вселиться в собственное тело.

— Возрастает фактор случайности, Йамаманама, — пояснил доктор Дисмас. — А я не люблю, когда положение усложняется.

Йама и аптекарь проходили между двух горящих деревьев. С обеих сторон пахнуло жаром. Смолистый дым заполнял воздух. Выше располагалось небольшое озеро, куда, очевидно, попал разряд какого-то энергетического оружия. Вода испарилась, и обнажилось дно — сухая, растрескавшаяся грязевая корка. Человекообразные животные бросились вправо и влево — обходить, но доктор пошел напрямик, Йама за ним. Рядом колыхался призрак. Сейчас он был едва заметен, словно угасающая искра в конце полета. На фоне светлеющего неба у вершины склона, все увеличиваясь в размерах, показался еще один летающий сад — плоская скала с острым зубчатым килем.

— Куда мы направляемся, доктор?

— Ну разумеется, к моей госпоже. Я считал, что мы все уже обговорили. Меня предали те, кому я пытался помочь, Йамаманама, и теперь я отомщу.

Мы много выиграем.

— А я буду уничтожен.

Мы можем работать вместе, Йамаманама. Не обращай внимания на то, что я говорю доктору.

— Это вопрос преображения, — продолжал свою мысль доктор. — Если создается что-то новое, разрушается ли старое? Нет, оно преобразуется в иную форму. Уж мне ли не знать,

Дитя Реки. Я был преображен в Стеклянной Пустыне. Я не человек и не машина, я — нечто большее, но в то же время я помню, чем был и к чему стремился, как человек вспоминает с нежностью о своих детских фантазиях.

— Зачем ты принимаешь наркотики? От какой боли пытаешься излечиться?

— Видишь ли, слияние не было полным, наркотик его завершает. С тобой будет иначе, Йамаманама. Верь мне.

Вместе мы добьемся больше, чем каждый из нас может себе представить, Йамаманама. И больше, чем может вообразить доктор.

— Лично я очень далек от мысли тебе верить.

— Не пройдет и дня, как все переменится. Но сначала надо решить одну маленькую проблему.

Они выбрались по склону к дальней стороне сухого озера. Обуглившиеся растения исчезли, начался более пологий подъем по скальному грунту; сквозь тонкие подметки Йама ощущал его жар. Здесь был самый край острова. Доктор Дисмас обернулся к Йаме. На лбу у него сияла белая звезда — прикрепленная там машина. Скала с плоским верхом была так близко, что Йама мог видеть, как волны бьются в ее берега и рассыпаются в мельчайшие брызги. Скала, чуть накренившись, явственно приближалась. На ее передней оконечности что-то сверкало, не уступая яркостью любому звездному скоплению в галактике. Город остался далеко внизу — озеро тусклого оранжевого света в окружении темного моря джунглей.

— Что-то воздействует на гравитационное поле, — озадаченно проговорил доктор Дисмас. — Мы падаем слишком медленно.

Йама вспомнил один из уроков Закиля. Библиотекарь тогда использовал семечко смоковницы и свинцовый шар из арсенала.

— Все предметы падают с одинаковой скоростью, — возразил Йама.

— Мы падаем вдоль протяженности мира, потому что машина в киле острова манипулирует гравитационным полем, чтобы выполнить нужную нам задачу. Но машина ошибается. Чем ближе эта скала, тем медленнее мы падаем. Что-то воздействует на энергетическую решетку. Ты должен это прекратить.

— Скорее всего преследующая нас скала будет падать тоже более медленно, — ответил Йама.

— Конечно, конечно, — нетерпеливо отозвался доктор Дисмас. — Она замедляется. Но она с самого начала двигалась быстрее нас. У нас только несколько минут, Йамаманама. Ты должен действовать быстро.

Призрак исчез, когда Йама шел за Дисмасом по склону, а сейчас снова появился. Его потустороннее мерцание

было таким слабым, что фигура просвечивала насквозь. Глаза его словно ямы чернели на маске лица, волосы светились бледным сиянием.

Ты хорошо знаешь этого человека, — прошептала Тень, ее слова слабо прошелестели в мозгу Йамы. — *Останови его, иначе мы потеряем все свое преимущество.*

Призрак вспыхнул и исчез, но Йаме казалось, что глаза Тени по-прежнему впиваются в него, будто ямы, вплавленные в материю ночи. Свечение машины на лбу у доктора тоже померкло. Аптекарь сорвал ее и раскрошил негнущимися пальцами.

— Я потерял контроль над садом. Если мне не удастся его вернуть, мы за сорок минут пролетим над всем миром. Впрочем, кое-что еще можно сделать. Ты не машина, Йамаманама. По крайней мере не совсем машина. Мои дети тоже не машины. Охранники Энобарбуса уничтожили мои гибридные создания, но в моем распоряжении остается довольно много чисто биологических объектов. Химеры, скрещенные полукровки и тому подобное. Мои дети ночи. Нам не нужны машины.

— А сам ты?

— Ну, мне-то придется полагаться только на свою чисто человеческую составляющую. — Дисмас постарался произнести это небрежно, но в слабом свете Йама заметил капельки пота у него на лице, там, где не было бляшек — знаков его болезни. Доктор встал на колени, бросил на землю пригоршню пластиковых соломинок и пристально стал их разглядывать. — Я не умру, — пробормотал он. — Такое обещание было мне дано, и я уж прослежу, чтобы его выполнили.

Он поднялся и вытянул руки к скале, которая теперь занимала четверть неба. Вспышка его энергетического пистолета была столь яркой, что могло показаться, будто рассвет коснулся верхушек Краевых Гор.

Йама побежал.

Машина, которую запустил в воздух префект Корин, вращалась так быстро, что ее визг выходил за пределы слышимости даже Пандараса. На нее было больно смотреть, а снег под ней начал таять. Корин, Пандарас и Тибор отошли от мацины к дальнему концу озера. Префект размотал кусок тонкой веревки и зацепил ее за ствол сосны у края скалы.

Вращающаяся машина осушала локальную решетку гравитационного поля, от которого питались все местные машины, и превращала его энергию в тепло и звук. Мантия из машин осыпалась с префекта, померк свет в керамическом диске. На Тибора это тоже подействовало: он сидел, обхватив голову руками, и раскачивался из стороны в сторону.

А скала тем временем медленно падала сквозь слои воздуха, словно тонущий в воде камень. Опускаясь, она переваливалась из стороны в сторону. Пандарас вцепился в сосновый ствол, прижавшись щекой к ароматной, пахнущей смолой коре. Над ним колыхались ветви.

— Не трусь, парень. Держись с достоинством.

— Ты всех нас убьешь!

— Ерунда! Я все рассчитал, мы пройдем в ста метрах над целью. Наш киль может зацепить верхушки деревьев, не больше. Может, ты не понял, зачем я привязал к сосне веревку? Скоро увидишь. — Единственный здоровый глаз префекта Корина впился в лицо Пандараса. — Ты трус, как и вся ваша раса, малодушная и тупая. Когда война кончится, мир унаследуют только несколько избранных рас. Остальные станут слугами или исчезнут.

И тут стрелы энергетического пистолета доктора Дисмаса ударили в переднюю часть скалы, и взлетели раскаленные добела осколки. Почти все они упали в озеро, подняв столбы пара и кипящей воды, но один откатился к сосновой роще, и деревья тотчас вспыхнули.

Корин отвернулся взглянуть на горящие деревья, и в этот момент Пандарас дико закричал и лягнул его изо всей силы. Он вцепился в префекта своей единственной рукой и обеими ногами, вонзил зубы в бедро противника, рванул и кинулся прочь с полным ртом ткани и окровавленного мяса. Он летел по воздуху, падал, катился, обдирал кожу об острые камни, снова вставал и наконец оказался на самом краю скалы. Префект мчался к нему сквозь огненные тени. Тибор встал. Его обычно невыразительное лицо исказилось жуткой гримасой, большие руки сжимались и разжимались, словно ловили невидимую добычу.

Когда Йама добежал до горящих деревьев, на него бросился первый из человекообразных зверей. Йама стянул с себя серебристую мантию и набросил на голову твари. Лишь мгновение потребовалось ей, чтобы сбросить ткань, но Йама успел схватить горящую ветку и ткнуть ею в оскаленную морду. Зверь не испугался огня, кинулся прямо на Йаму и сбил его с ног, но оказалось, что эта тварь не сильнее маленького ребенка. В отличие от других слуг люди-животные были не сконструированы хирургически, а выращены нормальным путем, и у Дисмаса не было времени довести их до полной зрелости. Йама вцепился руками в горло противника и встал, потащив его за собой. Всем телом он ощущал горящий внутри зверя жар, страшные зубы клацали в сантиметре от его лица. Йама все давил и давил, пока глаза не выкатились у чудовища из орбит, и тогда Йама резким ударом ладони перебил ему хребет.

Рядом кружили еще две твари, но, когда Йама поднял горящую ветвь, они поджали хвосты и убежали.

Летающая скала была уже совсем близко, заслоняя половину черного неба.

Йама побежал. Порт, куда причаливали флайеры, находился рядом с резиденцией, где его держали в плену. Возможно, какой-нибудь флайер из тех, что доставили людей Энобарбуса, все еще там. Йама пробежал половину пути, когда над его головой пронеслась скала. Ее киль задел утес, куда привел его доктор Дисмас, сокрушил верхушки деревьев, осыпая поляну ливнем камней и гравия. Поперек тропы рухнуло пылающее дерево. Йама споткнулся и упал в самую гущу охваченных пламенем веток. На мгновение ему показалось, что все кончено, сейчас он потеряет сознание, что кто-то пытается вытрясти из него душу, но потом страх прошел, он взял себя в руки, вскочил и побежал дальше, понимая, что у него совсем мало времени.

Большой амфитеатр полукругом спускался к платформам порта. Обычно его освещали десятки висячих ламп, но сейчас горели только несколько штук, открывая картину ужасной битвы. Изысканные сады камней, миниатюрные кедры, заросли бамбука — все было разорено, разбито и сожжено. Еще догорали многочисленные пожары, проплешины раскаленного камня излучали невыносимый жар, от них уходили вверх клубы удушливого белого дыма. Йама увидел множество трупов: люди и человекоподобные создания лежали поодиночке и парами, словно сцепившись в последнем объятии. Многие так обгорели, что были похожи на обугленные бревна со скрюченными руками и ногами и торчащими сквозь почерневшую плоть костями. Йама вооружился секирой и собирался вынуть из рук мертвого солдата пистолет, когда кто-то на него налетел. Он сделал бешеный выпад, потом вдруг увидел, кто это, и в последний момент отвел удар, так что заостренное лезвие ткнулось с размаху в землю.

В следующий миг Йама и Пандарас, сцепившись, кружили друг друга в объятиях. Мальчик, захлебываясь, стал рассказывать свою историю с того момента, как он сбежал от префекта Корина, когда два летающих острова проходили мимо друг друга, но Йама заставил его замолчать и объяснил, что Пандарас должен для него сделать.

— Господин, я не могу...

— Мне следовало сразу заставить тебя это проделать, как только я обнаружил, что они растут у меня под кожей, Пандарас. Я должен был догадаться, что сотворил со мной доктор Дисмас.

— Господин, префект Корин не утонул. Он пришел, чтобы убить тебя. Он воспользовался мной в своих поисках. Он умеет выключать машины. Тебе понадобится вся твоя сила, чтобы с ним справиться.

— Он не станет убивать меня сразу. А я от этого стану не слабее, а только сильней. Надо спешить, Пандарас. Та штука, которая заставила остановиться машины, находилась на летающем острове, с которого ты упал?

— Если только префект не привез ее с собою. Я уверен, он последовал за мной и сюда. Но ее он взять не мог, она стала очень горячей и ярко светилась.

— Потому что она стягивала энергию с очень большой территории. Здешние машины начнут действовать, как только она выйдет из зоны досягаемости. Ты должен сделать это прямо сейчас и очень быстро! На тонкую хирургию времени нет! — И тут Йама впервые заметил, что юноша потерял левую руку. Он прошептал: — Я виноват, Пандарас, прости. Если ты останешься со мной, будет еще больнее.

Пандарас подобрался. Он выглядел истощенным, оборванным и измученным, но он твердо встретил взгляд Йамы и сказал:

— Я твой оруженосец, господин. Правда, на какое-то время я тебя потерял, но ведь нашел же! И теперь я не позволю тебе так легко от меня отделаться. Что мне надо делать?

У лежащих вокруг мертвых ножа не нашлось, поэтому Йаме пришлось отломить кончик меча. Пандарас завернул обломанный конец в кусок ткани. Йама сел, прислонившись спиной к крупному валуну, руками обхватил бедра, а между зубов вставил щепку. Боль оказалась не такой страшной, как он опасался, и крови поначалу было совсем мало. Пластины находились прямо под кожей, и Пандарасу пришлось срезать совсем немного ткани, чтобы до них добраться.

— Какие странные штуки, господин, — рассматривая пластины, заметил Пандарас. — Как будто сплавленные вместе пластиковые и металлические гранулы. У них есть что-то похожее на корни. Их тоже вырезать?

Йама кивнул.

Внезапно боль стала острее. Он закрыл глаза и сжал зубы. Что-то скребет внутри, металл о кость. Красные и черные вспышки в глазах. С подбородка капает горячая кровь. Пандарас наклонил ему голову, в шее возникла режущая боль.

— Все. Дело сделано, господин! — с гордостью воскликнул Пандарас. В окровавленной руке он держал с десяток пластин неправильной формы. Из уголков у них торчали тоненькие проволочки корешков.

— Выброси их! — прошептал Йама. — Если я стану странно себя вести, тресни меня по голове и свяжи. Не позволяй мне приближаться к грязи. В ней есть металл. Ты понял?

— Не совсем, господин. Но от этой дряни я сразу избавлюсь.

Пандарас порвал плащ мертвого солдата, обвязал Йаме левую сторону лица и укрепил повязку, обмотав подбородок и макушку. Лицо Йамы онемело, но по краю этой пустоты появилось ощущение непереносимого жжения. Рана на шее была более простая, но она сильно кровоточила.

— Мы приближаемся к реке, — отметил Пандарас. — Посмотри! Монета снова начинает светиться!

Он поднял ее повыше. Она поблескивала слабым зернистым светом.

— Найди себе оружие, — распорядился Йама. Он поднялся на ноги, сделал шаг, потом второй, но на третьем споткнулся.

Пандарас тут же к нему подлетел. Он заставил Йаму сесть, размотал повязку и присвистнул:

— Да! Думаю, я перерезал вену. Прости, господин! Какой из меня хирург? Я немного этому научился от одного своего дяди, который работал лекарем у борцов, но, видно, недостаточно. Надо бы зашить рану, но у меня нет инструментов. Могу наложить компресс...

— Прижги ее...

— Останется шрам. Конечно, парни, которые работали на ринге, не возражали против таких штук, даже старались их заполучить, чтобы выглядеть пострашнее. Но тебе ведь это не нужно, господин? Компресс...

Йама поднял обломок меча и проковылял к большой, в человеческий рост, машине, которая, разбившись, горела сильным ровным пламенем. Он сунул кончик меча в самую середину огня.

— У нас нет времени для нежностей, — бросил он Пандарасу. — Я должен быть в форме и сражаться.

— В этом состоянии ты и со щенком не справишься, — отозвался Пандарас. Он обернул руку тряпкой и вытащил обломок меча из белого пламени горящей машины. — Кричи, если хочешь. Говорят, это помогает перенести боль. И держись за мою руку, вот здесь.

Йама не закричал, крик мог привлечь врагов, но он почти сломал левую руку Пандараса, когда тот вдавил кончик раскаленного металла в рану на щеке. Запах горящей плоти был просто ужасен.

— Готово! — с облегчением выдохнул Пандарас. По лицу его катились слезы, но, пока он обрабатывал рану, рука действовала твердо и умело. Он вновь наложил повязку вокруг головы, потом другую, вокруг шеи и под мышкой, чтобы закрепить бинт на меньшей ране на шее.

Монета загорелась ярче. Пандарас поднял ее и спросил:

— Может, мне ее выкинуть? Он знает, как ее искать. По ней он меня и нашел, потому и в живых меня оставил.

Чтобы найти тебя. В любом случае надо бежать, господин. Если монета снова светится, значит, ты наверняка можешь приказать какой-нибудь машине забрать нас отсюда.

— Я хочу, чтобы префект Корин меня нашел, — заявил Йама. — Он разрушил мой дом, из-за него погиб мой приемный отец. Я должен с ним рассчитаться.

— Он убьет тебя.

— Не думаю, что он явился сюда с такой целью. Если я не сумею его победить, мне никогда не найти покоя, ведь он не отступится.

— Скорее всего так и есть. Но я сомневаюсь, сможешь ли ты его убить. Те чудовища, которых ты вызвал со дна, не смогли. Я думаю, он прыгнул на свой летающий диск и смылся.

— Я сам не знаю, Пандарас, хочу ли его убить. Потому и намерен с ним встретиться.

Йама подхватил свою секиру, а Пандарас нашел палицу из железного дерева. Пистолетами они тоже разжились. Пока они выбирались из амфитеатра, где располагался порт, некоторые из мертвецов начали дергаться и шевелиться. Машины в телах слуг доктора Дисмаса тоже начинали оживать, но они были слишком изуродованы экспериментами доктора, и ими невозможно было управлять. Йама увидел безногое тело, пытающееся куда-то ползти. Следом за ним волочились внутренности. Ударом секиры Йама его прикончил.

В полутьме, освещенной лишь светом горящих деревьев, Йама и Пандарас брели к дальнему концу острова. Йама громко звал префекта Корина. Но первой его нашла Тень. Внезапно появившись, она заскользила на пределе его поля зрения. Как и раньше, она приняла образ Дирив, но на этот раз отвратительно искаженный: сейчас она больше напоминала одну из человекообразных тварей доктора Дисмаса и двигалась на четвереньках. Голос ее звучал слабым шипением, словно последнее эхо творения.

Дитя Реки! Тебе не уничтожить меня! Я живу в каждом нейроне твоего мозга.

— Я и не хочу тебя уничтожать. Я хочу, чтобы ты помогла мне понять, кто я такой.

Пандарас спросил:

— В чем дело, господин? Он здесь?

— Нет. Пока нет. Эта штука у меня в голове.

Ты идиот, что отказываешься от таких возможностей, от того, чем мы можем стать вместе. Червь, слабак! Ну уж я тебе устрою пытку!

Тварь закинула голову, шея ее удлинилась, и она завыла, как демон. В мозгу Йамы словно пробежала волна огня, но он легко с ней справился.

Пандарас воскликнул:

— Но я же ее вырезал!

— Не всю. Только те части, которые собирают энергию из мировой энергетической сети. Теперь она не сильнее меня, если только не сможет восстановить удаленные части.

Идиот! Я заберу железо из твоей крови! Я так обовьюсь вокруг каждого нерва, что ты никогда от меня не избавишься.

Но Тень бормотала так слабо, что искры ее слов заглушались ощущением оживающей активности машин, заполняющих окружающий мир. Сейчас эта повседневная суета чувствовалась сильнее обычного; жужжащая смесь далеких и близких голосов сливалась в единый гул. Йама обратился к одной из машин, обслуживающих сад, и она быстрым взволнованным стаккато объяснила, что энергетическая сеть платформы (это означает — летающий сад) истощена и платформа падает по не поддающейся коррекции траектории.

Пандарас с недоверием смотрел на светящуюся крошечную машину, которая молотила крылышками прямо перед лицом Йамы.

— Они работают на префекта Корина, — объяснил он свою подозрительность.

— Но не здесь. Она хочет, чтобы мы эвакуировали всех, кого можно. Вероятно, через несколько минут мы упадем на землю.

— Но ведь ты спасешь нас, господин?

— Нет.

— Но ты должен!

— Я не могу. — Машина пыталась объяснять что-то о перезарядке и изменении полярности, но Йама приказал ей замолчать и пояснил Пандарасу: — Чтобы аккумулировать достаточно энергии и вернуть сад к жизни, уже нет времени.

Машина добавила что-то колкое и с резким треском крыльев скрылась в ночи.

— Скорее всего первым разобьется другой остров, — сообщил Пандарасу Йама.

— Какая разница... а это что еще?

Через мгновение Йама тоже услышал дикие вопли животных, визг и вой, затем стаккато винтовочных выстрелов.

Йама побежал, при каждом шаге чувствуя, как открывается прижженная рана на щеке. Он бежал сквозь горящие деревья, по иссушенному дну испарившегося озера и дальше — вверх по склону. В голове его звучала мешанина голосов. Лицо превратилось в жесткую маску, в которую впивались горячие иглы, ноги были словно резиновыми. Но перепрыгивая с камня на камень почти в полной темноте, он разбудил в себе детские навыки, когда карабкался по крутым сухим склонам Города Мертвых, и сумел не споткнуться.

Доктор Дисмас стоял на дальнем конце утеса. Его серебристый плащ и шлем матово сияли в отблесках осве-

щенной пожарами ночи. Полдюжины человекоподобных животных окружили его живой стеной. Их круглые глаза отсвечивали зеленым и красным, отражая огоньки десятков крошечных машин, которые роились вокруг человека с посохом, стоявшего в ста шагах от доктора.

— Йамаманама! — воскликнул префект Корин, не отводя взгляда от доктора Дисмаса. — Вот ты и пришел ко мне. Я всегда знал, что так и будет.

На плече у него висело ружье, а энергопистолет доктора Дисмаса торчал из-за пояса. Бледнолицый иеродул в одних рваных брюках сидел на корточках возле префекта и, увидев Пандараса, в улыбке обнажил зубы.

Заговорив, Йама почувствовал, что вся кожа на лице нестерпимо саднит.

— Вовсе нет, — сказал он. — Это ты пришел ко мне.

— Ты все тот же глупый и тщеславный мальчишка, — ворчливо отозвался Корин. — Пока мы будем возвращаться в Из, у тебя будет время поразмыслить обо всех вызванных тобою бедах, о смертях, в которых ты должен считать себя виновным, и о тех, что еще будут, когда ты начнешь исправлять сотворенное тобою зло.

Доктор Дисмас закричал:

— Убей его, Йамаманама! Быстро, нас ждет далекий путь.

— Успокойся, старик, — тихо и спокойно сказал префект, — а то я лишу тебя глаз и языка, тебе ведь тоже за многое придется ответить. Уничтожение твоего маленького царства — это только первый шаг в расследовании.

— Лаборатории — ерунда! — выкрикнул доктор Дисмас и постучал себя по голове. — Все самое важное — здесь.

Префект Корин обратился к Йаме:

— Флайер сейчас будет. Разве что ты сумеешь спасти этот сад. Так или этак, но к утру мы будем в самом центре Департамента. Начнем все сначала. Честно говоря, тебе самому это нужно. Ты плохо выглядишь, Йамаманама. Весь в крови, измотан... Я сам прослежу, чтобы ты получил необходимое лечение, его тебе явно здесь не хватало.

Йама отчеканил со всей твердостью, на какую был способен:

— Я не буду служить!

Префект Корин впервые взглянул на него.

— Мы все служим, Дитя Реки, — спокойно проговорил он. — Мы все — слуги Хранителей.

Йама вспомнил, что говорил ему сержант Роден у шатра, где умирал эдил, на дальнем берегу реки, после сожжения Эолиса. В этот миг Йама понял, что представляет собой префект Корин. Понял, что им руководит не дисциплина, а сознание, что он не такой, как остальные. Что его внешняя скромность —

только маска, под которой скрывается неуемная жажда власти и всех сокровищ мира. Йаме казалось, будто тяжесть его ненависти к префекту почти невыносима, но сейчас он испытывал не только ненависть, но и жалость, а жалость умаляет масштаб человека.

Он понял, что в состоянии встретить взгляд Корина и легко его выдержать.

— Хранители не ищут себе слуг, — холодно сказал Йама. — Они ничего от нас не требуют, просто хотят, чтобы мы стали теми, кем можем быть.

— Ты слишком долго прожил среди еретиков, Дитя Реки, — наставительно проговорил префект. Теперь в его голосе зазвучала металлическая нотка. — Это тоже придется исправлять.

— Я не еретик, — вмешался доктор Дисмас. — За одни эти слова ты должен убить его, Йамаманама.

Корин даже не посмотрел на аптекаря, не отвел от Йамы ласковых, внимательных глаз.

С подбородка юноши сбегала тонкая струйка крови.

— Мир — не бухгалтерская книга, где злое и доброе разнесены по разным колонкам, Корин. Не существует деления на зло и добро. Все едино, игра света и тени. Никто не может уйти от них, если только не уйти совсем.

Никогда еще он не чувствовал такой уверенности, как сейчас, стоя на самой вершине скалы, медленно падающей с неба на землю. Он понимал и чувствовал все вокруг: ветер, несущий горький запах гари, линию сада и падающей перед ним скалы, мириады машин в городах вдоль иссыхающего берега Великой Реки, флайер, несущийся сквозь ночь к летающему острову и все еще находящийся от него в сотне лиг.

Он предпринял некоторые меры.

В тот же миг Корин стукнул о землю наконечником посоха. Скала вокруг него раскололась, от места, где он стоял, побежали трещины, весь сад содрогнулся, как вздрагивает животное под ударом хлыста. Пандарас упал, иеродул запрокинул голову и завыл.

Доктор Дисмас захихикал. Человекоподобные твари сгрудились вокруг его ног.

— Ты заставил его выйти из себя, Йамаманама.

Префект ткнул в его сторону посохом и процедил:

— Успокойся, дьявол. Твоя роль в этой драме закончена, остались только боль и покаяние. — Над его головой, сияя алмазным блеском, кружилась машина.

— Ты не лучше еретиков, — заявил доктор Дисмас и с омерзением отвернулся.

Иеродул продолжал выть, мышцы под его дряблой кожей напряглись и натянулись.

— Держи монету, — обратился к Пандарасу Йама, — и ничего не бойся. — Он увидел узел в нервных связях иеро-

дула, распутал его и тихонько сказал: — Успокойся, Тибор. Он больше не будет тебя использовать. Иди ко мне.

Иеродул мигнул и умолк. Внезапно облако машин над головой префекта рассеялось, машины полетели во всех направлениях, скалу теперь освещал только свет пожаров и тусклое красное мерцание Ока Хранителей. Префект с силой ухватился за посох и стал колотить иеродула по спине:

— Не слушай, дурак, не слушай! Подчиняйся своему господину! Подчиняйся! Подчиняйся!

Доктор Дисмас хохотал. Полулюди, сбившиеся у его ног, взволнованно взвизгивали и рычали.

— Ты не будешь его использовать, — сказал Йама. — Все в порядке, Тибор. Иди ко мне.

Тибор нырнул, уклоняясь от ударов префекта Корина, потом выпрямился.

— Я рад снова тебя видеть, господин, — спокойно сказал он. — Я-то думал, что ты упал за край мира.

— Пока нет, — улыбнулся Йама. Слова выскочили из него под действием мягкого взгляда Тибора; казалось, они родились в самой глубине мозга, в мешанине наполнявших его голосов. Он вспомнил сон, который видел в гробнице Умолкшего Квартала Города Мертвых, а потом вспомнил Лурию, истинную пророчицу Департамента Предсказаний. И ему явилась истина, сияющая и великолепная. Она походила на яркого павлина, но теперь он мог ее вынести. Взлетая на крыльях счастья, он чувствовал, что может вынести все что угодно. И он сказал: — Монета, которую Пандарас так долго и так верно хранил, открывает доступ в пространство оракулов, совсем как индукционная петля у иеродула вроде Тибора. И тогда они могут говорить. Моего отца зачаровывало прошлое, в его раскопах нашли множество таких монет. Я думаю, что в Эпоху Просвещения люди пользовались ими так же просто, как мы пользуемся деньгами, только они не покупали на них предметы обихода. Вместо этого они платили за доступ к оракулам. В те времена любой мог посоветоваться с аватарой без медитации жрецов и иеродулов. — Йама повернулся к Пандарасу и схватил юношу за руку. — Ты помнишь, Пандарас, как мы шли к Храму Черного Колодца? Помнишь медальоны, которые висели на стенах домов, чтобы отпугивать призраки мертвых машин? Я еще тогда подумал, что гравировка на них выглядит знакомой, а сейчас вижу, что она похожа на световые орнаменты в этом диске. Люди помнят, даже если не понимают, что именно они помнят. Они и есть сила народа, Пандарас! Сила мира!

— Господин, мне больно! — выкрикнул Пандарас. В глазах его плескался страх.

Йама очнулся и заметил, как сильно сжал руку товарища, извинился и отпустил ее. Но радость его не утихала.

Она росла, и рос гул голосов у него в голове. Он растворялся в нем, забывая свой страх, гнев, боль от хирургических манипуляций Пандараса.

— Я прощаю тебе твой бред, — сухо сказал префект Корин. — Твой собственный отец уже много веков мертв, а эдил Эолиса был глупцом, который смотрел только в прошлое.

В ответ Йама сказал:

— Я думаю, ты носишь какую-то изобретенную магами штуку, которая действует, как эта монета. Но она не может работать так же хорошо, как та, которую она имитирует.

— Эдил положил начало твоему совращению, Йамаманама, а я положу ему конец. Довольно разговоров! Может, ты собираешься убедить меня своими доводами, но я хорошо от них защищен. Или ты пришел ко мне для поединка, надеясь решить судьбу мира в духе старинных легенд? Но это только легенды. Я мог бы убить тебя прямо сейчас, и всему конец.

Йама рассмеялся. Он отшвырнул в сторону секиру. Вытащил из-за пояса пистолет и тоже его выбросил. И показал свои пустые руки:

— Оружие было для слуг доктора, но я вижу, их осталось совсем мало.

Дисмас повернулся и с апломбом сказал:

— Для моих целей достаточно!

Он не шелохнулся, не подал никакого знака, но человекообразные звери, как будто взлетев, кинулись на префекта. Просияла вспышка пламени. Йама отвернулся от нестерпимого жара и света, но все же успел заметить, как доктор Дисмас летит с обрыва скалы, охваченный пламенем, играющим на его серебристой мантии. Когда он снова повернулся, камни, на которых стоял доктор, светились тусклым красным жаром, а префект Корин направлял на него дуло энергетического пистолета.

— Если ты надеялся, что он меня убьет, — твердо произнес префект Корин, — то ты ошибся. Если потребуется, я использую это оружие против тебя и на полную мощь.

— Я пришел сюда, — отвечал Йама, — чтобы понять, что ты за человек.

— Я — слуга и служу более значительному, чем ты, мальчик. Каким бы великим ты себя ни считал.

— Когда-то я боялся тебя из-за той власти, которую ты воплощаешь, но потом ты сжег Эолис и убил моего отца, и я понял, что ты пользуешься властью в собственных целях. Ты не моя Немезида, Корин.

Префект Корин оперся на свой посох, пытаясь взглядом смирить и Йаму, и Пандараса, и Тибора.

— Говори, говори, мальчишка, у тебя есть еще несколько минут.

— Возможно, меньше, чем ты думаешь.

— Ты здесь ничем не распоряжаешься, этот сад — мой, — уверенно проговорил префект и что-то запустил в воздух перед собой. Это был странный предмет, не сфера и не куб, а непонятным образом то и другое одновременно, и он выглядел значительно больше, чем пространство, которое занимал. Префект пояснил: — Если я заставлю его вращаться, он вытянет всю энергию из здешних машин. Тебе ничто не поможет.

— Тогда флайер не прилетит, а мы несемся навстречу земле.

— Я могу остановить машины за миг до того, как прилетит флайер, а тем временем все твои фокусы лишатся силы.

— Ты все предусмотрел, — спокойно заметил Йама, — но это не значит, что ты прав.

Сердце Йамы забилось сильнее. Он старался выказать полное спокойствие, но руки его дрожали. Пусть префект думает, что это страх. Момент приближался. Надо только покончить с этим.

Он глубоко вздохнул и произнес:

— Когда-то Департамент Туземных Проблем работал в согласии с другими департаментами на службе у общества, стараясь сохранить мир таким, каким он был всегда. С этой точки зрения чиновники похожи на еретиков: и те, и другие ненавидят перемены. Одни стремятся сильнее связать общество за счет индивидуальной судьбы, другие хотят разрушить общество, чтобы несколько счастливых индивидуумов могли жить вечно. И те, и другие отрицают перемены. Но жизнь — это перемены. Это нам завещали Хранители, когда они сотворили мир и его обитателей, когда создали десять тысяч рас. Сами Хранители тоже изменились, и изменились так сильно, что больше не могли оставаться в нашей Вселенной. Все в жизни — это перемены.

Префект Корин надменно бросил:

— Ты ничему не научился или забыл все, чему тебя учили. Если бы не было общественной службы, все десять тысяч рас непрерывно бы воевали и давным-давно разрушили бы наш мир. Общественная служба сохраняет общество, в котором у каждого есть свое место, и на этом месте он счастлив. Великая Река, дающая жизнь нашему миру, — вот первый пример. Она вечно меняется и вечно остается прежней. Так же и общество, в котором живут и умирают отдельные люди. Даже расы меняются, возносятся к пустоте просветления и уходят из этого мира, а он остается неизменным. Приходят новые люди и новые расы, и нет им конца.

— Великая Река мелеет, — возразил Йама. Он ощущал голос, звучащий громче других в мешанине голосов своего мозга. Этот голос отсчитывал секунды. Оставалось совсем мало времени. Он продолжал: — Даже туземные расы знают, что река мелеет. Твой департамент решил, что он говорит от имени Храни-

телей, и в своем ослеплении сбился с пути. Никто в этом мире не может говорить за Хранителей, ибо они более не от мира сего. Мы можем только повторять слова, которые они нам оставили, но ничего нового из них не произойдет.

— Ничего, кроме слов Хранителей, нам и не нужно. Все добрые люди им следуют. Как сильно ты погрузился в заблуждения, Йамаманама! Но я тебя спасу.

— Департамент Туземных Проблем превратился в то, с чем он борется. Я не виню его, это было неизбежно. Разумеется, необходим был один мощный департамент, чтобы сражаться с еретиками, но его усиление разрушило консенсус, поддерживаемый между гражданскими службами. Ибо в случае, если война будет выиграна, Департамент захватит всю гражданскую власть, как он уже захватил территории департаментов, граничащих с ним во Дворце Человеческой Памяти. И тогда возникнет тирания более страшная, чем тирания еретиков.

— Мы победим, и все останется как было.

— Тогда зачем ты здесь?

— Я — голос и руки Департамента.

— Нет. Ты — человек, который жаждет власти в своем департаменте. И я — путь к этой власти. Таких, как ты, много. Когда война кончится, ваше племя начнет воевать друг с другом. Может, не сразу. Может, через десять тысяч лет, но это непременно случится, и тогда департамент сам себя уничтожит. Решив, что все твои действия служат лишь на благо мира, ты оправдываешь любые свои поступки, добрые и злые, и сам уже не в состоянии различить добро и зло. Однако хватит. Ты меня не слушаешь.

— У нас для этого будет сколько угодно времени, Йамаманама. В часы моего отдыха во Дворце Человеческой Памяти. Но тогда буду говорить я, а ты будешь слушать. Сейчас ты производишь лишь животные звуки. Звуки бессмысленные.

— Больше нет времени. Флайер не прилетит. Я приказал ему удалиться.

— Он уже почти здесь, — возразил префект.

— Тебе это сообщила машина. Не полагайся на машины, Корин.

— Хватит твоих трюков, — отрубил префект, и машина в воздухе перед ним завертелась, превращаясь в мягкий красный туман, который сразу стал разгораться и достиг яркости солнца.

Голос в голове Йамы умолк. Он сам начал считать.

Двенадцать.

Пандарас прокричал со страхом и непониманием:

— Господин! Неужели ты убьешь нас?!

— Ты не готов умереть, чтобы спасти мир, Пандарас?

Семь.

— Что это за вопрос, господин? Если я откажусь от этой жертвы, мир погибнет, и я так и так погибну с ним. Или же мир будет жить, а я все равно погибну. В любом случае. Не нравятся мне эти разговоры о смерти.

Два. Один.

— Тогда следуй за мной, — приказал Йама.

Сейчас.

Невозможно, но солнце взошло в низовьях. Нет, это не могло быть солнце: когда волны света растеклись по горизонтали, оно внезапно удвоило свою яркость, а потом удвоило еще раз. Оно светило так ярко, что Йама увидел кости в руке, которой заслонил глаза.

Летающая скала шлепнулась в реку, и первая машина, которую запустил префект Корин, чтобы вытянуть энергию из локальной сети, наконец взорвалась и мгновенно высвободила всю накопленную энергию.

Какой-то миг Йама одновременно существовал во всех точках машинного сознания всего мира. А потом докатилась ударная волна, принеся с собой ураган и гром. Йаму сбило с ног ревущим валом воды и воздуха, перемешанного с массой обломков, как будто различие между стихиями полностью стерлось. Тибор сражался с префектом, пытаясь отвести его руку. Йама вскочил на ноги, подхватил Пандараса, крикнул Тибору следовать за ними и побежал прямо к обрыву.

Бешеный ураган подхватил их, и на мгновение они повисли среди тяжелых струй проливного дождя. Двойная тень на краю утеса была, очевидно, префектом и Тибором. Вдруг буря стихла. Йама и Пандарас как раз пролетали край острова, когда лезвие молнии рассекло небо на две половины.

Они падали не с такой уж большой высоты — летающий сад был совсем близко к поверхности, но все равно удар оказался невыносим. Йама погружался все ниже и ниже в ревущие темные воды. Пандараса рядом не было, его отнесло в сторону. Несколько секунд Йама не двигался, пытаясь сориентироваться, а потом рванулся наверх, вылетел на поверхность, жадно хватая воздух пополам с водой.

Несмотря на шторм, было видно, как днем, но зеленовато-желтый свет шел не с той стороны неба, где обычно всходило солнце. Над головой, как гигантский корабль, скользил летающий остров, плотная тень в нимбе едкого ядовитого света. Колонна черного дыма и рыжего огня устремлялась от него в небо. Достигнув верхних слоев атмосферы, она расцвела наконец ярким букетом. Вокруг непрерывно вспыхивали сверкающие стежки молний.

Йама боролся с течением и сделал полный круг, пока волны швыряли его то вверх, то вниз. Раны на лице и шее горели от боли. Поднявшись на гребне в четвертый раз, он заметил что-то между двух волн и поплыл туда, упорно выдерживая направление. Это был Пандарас. Йама поймал юношу за шиворот, а тот сразу стал карабкаться на него в слепой панике. Мысленно попросив у Пандараса прощения, Йама нанес ему точный, быстрый удар и подхватил под грудь, чтобы удержать над водой.

Пока Йаму и Пандараса швыряло вверх-вниз длинными вереницами волн, к ним по воде стал приближаться какой-то предмет, сначала маленький и четко очерченный, но по мере приближения становившийся все более расплывчатым.

Дирив!

— Прочь из моего разума! — закричал Йама сквозь ветер и дождь.

Она была гигантским облаком, прозрачным и легким, как дым. Далеко позади ураган трепал ее огромные крылья. Она склонилась к нему, и ее лицо, исказившись, превратилось в мерзкую путаницу змей и скорпионов, а потом ее подхватил ветер и унес, разрывая в клочья призрачную плоть.

Пандарас шевельнулся, пришел в себя и сразу начал вырываться.

— Ну-ка тихо! — прикрикнул на него Йама. — Иначе придется тебя еще раз двинуть.

— Я плохо плаваю, — закричал Пандарас, — тем более с одной рукой.

— Нам и некуда плыть, скоро придет вторая волна. Я спасу тебя, Пандарас! Не бойся!

Они кричали друг другу в ухо, борясь с воем ветра, шумом дождя и ревом волн.

Пандарас поднял лицо вверх:

— Господин! Дождь становится теплее!

Так и есть. Йама прокричал:

— Вторая волна!

— От второго острова, господин?

— Нет, от первого. От машины префекта Корина. Сначала свет, потом звук. Звук несет большую часть энергии, поэтому летающий остров перевернулся. Но это происходит в два этапа, ведь в воде энергия распространяется медленнее, чем в воздухе.

Их подняло на гребень следующей волны. На мгновение ветер разорвал завесу дождя. Взглядам открылась уходящая вдаль Великая Река с горбатой чередой волн, подгоняемых сильным теплым ветром. Летающий сад исчез — видимо, он тоже ударился о воду. Ложный рассвет поблек, но столб огненного дыма продолжал стоять над горизонтом в той точке, где как будто схо-

дятся ближний и дальний края мира. Облако наверху столба расползалось, цвет его изменился на призрачно красный, но оно ничуть не потускнело.

Йама задумался, сколько же энергии накопила машина префекта до того, как этот запас начал рассеиваться в момент удара? Корин сам не сознавал мощи устройства, которым пользовался и которое, как он считал, полностью контролирует.

Появилась первая машина и зацепилась за ворот рубахи Йамы, потом вторая, потом еще с десяток. Самая большая напоминала проволочную бабочку величиной с руку, остальные были значительно меньше. Вместе они подтянули Йаму и Пандараса над водой на высоту ладони, потом налетели еще машины и вознесли их в пронизанную дождем стихию ветра.

Перекрывая шум бури, раздался грохот, напоминающий грандиозную канонаду. Казалось, что далеко-далеко, на самой оконечности мира, река изогнулась и тянется к небу.

13. ЛЕСНОЕ ПЛЕМЯ

Наводнение выкорчевало все деревья на много лиг от берега Великой Реки и натащило обширные отмели песка, гальки и ила. Потом вода начала спадать, но речки и ручьи оставались по-прежнему полноводными и пробивали новые русла, изменяя ландшафт. Дожди не прекращались, а беспокойные ветры носили туда-сюда плотные массы тумана.

Машины отнесли Йаму и Пандараса далеко в глубь материка и оставили на горном плато, возвышающемся над разоренными лесами. Они, как смогли, обустроили маленький лагерь в рощице тощих деревьев на краю утеса над плотной пеленой тумана. Йама истощил все свои силы, тело его было покрыто ссадинами, раны на лице страшно болели.

— Ты должен позвать на помощь другие машины, — озабоченно посоветовал Пандарас, — иначе ты здесь умрешь.

— Нет, — устало ответил Йама. — Больше никаких машин.

Летающий диск мог доставить их в любое место, но он стал бы прекрасной мишенью для каждого, кому вздумается стрельнуть наугад. К тому же Йама не был уверен, что префект Корин погиб при крушении летающего острова. Если он, Йама, вызовет хоть одну машину, префект может его выследить. Именно из-за этого Йама закрыл монету, которая привела к нему Пандараса, хотя она же могла бы помочь Тибору их обнаружить, если, конечно, тот пережил приливную волну. Но поскольку именно спо-

собность Йамы подчинять своей воле машины привела к гибели десятков тысяч людей в страшном наводнении, он боялся, как бы не разрушить весь мир по неосторожности.

Оставшуюся часть ночи его мучила Тень, демонстрируя картины чудовищных разрушений. Она показала ему людей, бродящих в развалинах больших городов под дождем и ураганным ветром, выброшенные на берег корабли, горы трупов утонувших людей и животных. Она представила ему зрелище гигантского кратера на ближнем берегу реки, где взорвалась машина префекта Корина, — огромное круглое озеро в окружении валов расплавленного скального грунта, затянутое саваном дыма огромных пожаров. И когда он совсем ослабел и, лежа обнаженным в плетеном шалаше, обливался лихорадочным потом, она наконец предстала перед ним. Сейчас она была настоящим призраком, прозрачным и бестелесным. Форма ее таяла и изменялась, как туманный фантом: то она напоминала Дирив, то эдила, то Тельмона или других ныне мертвых. Как много мертвых!

Это все твоя работа, Дитя Реки. Собираешься спасти мир, разрушая его? Я навсегда останусь с тобой. Я могу тебе помочь, только позволь.

— Нет! Больше никогда.

— Тихо, тихо, господин! — успокаивал его Пандарас. — Попробуй отдохнуть. Попробуй заснуть.

— Я сплю. Она в моем сне.

Я всегда буду с тобой.

Пандарас ухаживал за Йамой всю ночь, а утром попробовал заставить своего господина съесть фрукты, которые собрал на опушке леса. Но Йама съел только пригоршню фиг и выпил несколько глотков дождевой воды. Он все еще оставался под властью своих лихорадочных снов.

— Бедные люди, бедные люди, Пандарас! — в полузабытьи стонал он.

— Тихо, тихо, господин. Успокойся. Отдохни. Я принесу тебе еще фруктов. Ты должен есть и поправляться.

Лес пугал Пандараса. Он покрывал всю верхнюю часть плато — густой, сырой, полный непонятных теней и звуков. В лесу все определялось вертикалями. Здесь доминировали гигантские деревья, вцепившиеся в бедную почву опорными корнями; они вытягивали воду и драгоценные минералы из каменистого латерита и застилали свет широкими кронами. Среди них были странные тополя с перистыми листьями и висячими цепочками жестких орешков, тутовник, эбеновые деревья, кедры, заросли камедных деревьев. Лианы и плющи забрасывали длинные побеги, цеплялись за ветви и, карабкаясь к свету, давали новые ростки, петлями хватающиеся за соседей. Паразитирующие орхидеи липли к

коре, похожие на мазки краски. Деревья помельче росли в танцующих бликах света, которому удалось прорваться сквозь кроны гигантов: саговые пальмы с чешуйчатыми стволами; карликовые пальмы с зубчатыми листьями; акации, охраняемые злобными красными муравьями длиной с палец Пандараса; бальзамины, разбрызгивающие липкую пахучую живицу; заросли колючей рафии, которая цеплялась за одежду и впивалась в кожу. А еще ниже, в густой тени подлеска, росли папоротники, бамбук, темные бледные грибы, видом напоминающие мозги или вазы.

Пробираясь между замшелыми корнями уходящих ввысь деревьев, Пандарас ни разу не видел животных крупнее бабочки, но был убежден, что в любой момент может столкнуться с гигантским броненосцем, драконом или каким-либо иным чудовищем, которое его вмиг проглотит.

Хотя кругом царило зеленое изобилие — яростная битва растений, рвущихся к свету, — фруктовых деревьев и кустов было немного. А потому на второй день, осторожно шагая по узкой тропинке среди высокой травы с длинными стеблями и матово блестящими листьями, Пандарас решился забраться дальше, чем прежде. Близился закат, и почти горизонтальные лучи солнца с трудом пробирались сквозь густые кроны гигантских деревьев. Издали долетал звук, похожий на непрерывный колокольный звон, кругом стоял электрический гул насекомых.

К этому моменту Пандараса так искусали комары, что он не обратил внимания на внезапный укол в грудь. Он рефлекторно почесал это место и с изумлением увидел, что к его ногам упала крошечная стрела — бамбуковый росток с голубым оперением.

Высокая трава раздвинулась. На тропе показался человек — еще меньшего роста, чем он сам, — и тут земля вдруг взлетела вверх и стукнула Пандараса по голове.

Сначала Йама думал, что люди, которые подняли его из шалаша и положили на носилки из банановых листьев, тоже снятся ему во сне, наведенном Тенью. Они долго несли его по темнеющему лесу. Смеркалось. Казалось, их не менее ста — мужчин, женщин, детей. Они бежали очень быстро и за несколько часов пересекли плато от края до края. Остановились они на поляне под сенью древнего капкового дерева, где устроили временный лагерь.

Они обработали раны Йамы мхом и грибами, а потом протерли его тело отваром из корней ивы, чтобы снять лихорадку. Это были аборигены, они называли себя *бандар йои инойи*, что означало «лесные люди». Были они невысокого роста, коренастые, с непропорционально большими головами, с жесткими черными волосами, забранными назад и украшенными лентами и перьями или поднятыми в виде шпиля, скрепленного белой глиной. На

некоторых были медные браслеты, украшенные изящным орнаментом из ультрамаринов и бериллов. Их темная кожа свисала складками, проткнутыми разнообразными шипами. Еще лесные люди украшали себя рисунками в виде спиралей и зигзагов, выполняя их глиной и красками из раздавленных цветов и ягод. Они населили лес чудовищными богами. Каждое полезное растение или животное имело свою историю, рассказывающую, как его секрет был украден или получен обманом у этих недобрых духов. Подобно рыбарям, туземцы смазывали наконечники стрел ядом из желез некоторых лягушек. Различные кланы сообщались друг с другом, колотя, словно в барабан, по гулким опорным корням самых крупных деревьев в лесу. А в период цветения определенных деревьев три или четыре клана встречались и устраивали свадебные состязания. Больше всего на свете эти люди боялись молний, так как каждый год молнии убивали несколько человек, вырывали с корнем любимые ими деревья, а иногда служили началом всесокрушающих пожаров. Чтобы не притягивать к себе грозы, они соблюдали множество табу — например, запрещалось убивать обезьян и даже смеяться над их выходками.

Несмотря на то что они свободно жили в лесу, бандар йои инойи были рабами одной чистокровной расы, Могучего племени. Как рассказал Йаме вождь лесных людей, Могучее племя недавно прошло через Войну за Преображение. Все старые обычаи были побеждены новыми идеями, пришедшими с неба, все-все было сожжено, чтобы старое никогда не могло возвратиться. Храм осквернили, а тамошнего жреца и иеродула убили. Убили и многих из Могучих людей, а те, что остались, уже не живут вместе в длинных общинных домах, а рассеялись по своим землям.

— Они преобразились, — сказал Йама.

Вождь торжественно кивнул. Это был сильный человек, устрашающего вида даже по меркам бандар йои инойи. Иглы дикобраза торчали из его щек и складок кожи на груди. Кончик его длинного носа упирался в распухшую верхнюю губу. Звали его Йои Сендар.

— Мы знаем про еретиков, — говорил он. — Не удивляйся, юноша. Мы кочуем по всем лесам, чтобы найти пищу себе и Могучим людям. Мы встречаем много путешественников. Мы знаем, что еретики взяли свое учение от забытого скопления личинок Хранителей, которые не так давно сошли с неба. Это учение старое и плохое, но для наших любимых Могучих людей оно слаще меда.

— Но вас оно почему-то не соблазнило.

— Мы ведь аборигены, юноша. Хранители так устроили, что мы никогда не сможем преобразиться. Мы только можем всегда оставаться такими, как есть. — Йои Сендар покачал своим висячим носом. — Однако настали странные времена. Кажется, что меняется все. Возможно, даже бандар йои инойи.

Мы любим Могучих людей, но они стали странными и жестокими. Теперь они уже не наши добрые господа, как было в старые времена. Когда мы вернемся, ты сам увидишь. Всей душой мы желаем, чтобы этого не было, но боюсь, что перемены написаны людям на роду.

— Будь осторожен со своими желаниями, Йои Сендар.

И ты собираешься стать спасителем этих людей? Эх, Йамамана-нама, как я накажу тебя за это, буду наказывать вновь и вновь...

Йама не стал слушать тусклый шепот Тени. Теперь он чувствовал себя лучше. Прошло три дня, как его нашли лесные люди. Его раны лечили, лихорадка стала спадать, пища была хорошей. Он уже мог выдержать видения, которыми Тень кормила его ночью. Они были его тайной мукой, его наказанием за то, что он посмел вести себя как Хранитель. Больше этого не будет. Никогда, никогда. Он хотел бы отказаться от всего, найти Дирив, жениться на ней, если она захочет выйти за него замуж, но он знал, что все не так просто. Знал, что идет по страшной дороге, которая почти наверняка кончится его смертью.

Пандарас тоже поправился. Он сделал из бамбука флейту и, сидя на солнышке у края поляны, играл перед аудиторией из толстых, страшных, восхищенных ребятишек, которых амулет на его руке интересовал не меньше, чем музыка.

Огромное капковое дерево в центре поляны было увешано спальными коконами, сплетенными из травы и папоротника и принадлежащими каждый своему хозяину. Их бросят, когда племя снимется с места, — ведь лесные люди не имеют постоянного обиталища. Мужчины и женщины следили за длинной канавой с горячими углями, над которой коптили больших гусениц, собранных в глубине леса. Гусеницы эти были деликатесом как для них, так и для Могучего племени. Над углями на специальных рамках висели тысячи гусениц, а вниз время от времени подкладывали листья ароматических растений. Сладкий голубой дымок смешивался с солнечными лучами, которые пробивались сквозь покрытые листьями ветви капкового дерева.

Как-то Йама спросил вождя:

— Почему вы работаете на людей Могучего племени? Мне кажется, вы такие же свободные люди, как и любая другая раса в мире.

— Это долгая история, — ответил Йои Сендар. — А у тебя может не оказаться достойной истории в ответ.

Йама улыбнулся. Он уже знал, что это был традиционный вызов. Бандар йои инойи все вопросы социального статуса, завоевания благосклонности будущих жен и мужей решали в соответствии со способностью человека рассказывать легенды и сказки. Пандарас утверждал, что за год он мог бы стать

вождем всех кланов лесных людей, хотя некоторые из их легенд действительно не стыдно рассказать где угодно. А молодежь уже рассаживалась в почтительном отдалении, чтобы насладиться рассказом, а заодно поучиться мастерству и усовершенствовать собственные навыки на примере Йои Сендара.

Йои Сендар огляделся и начал:

— Это одна из самых незначительных историй, которые я знаю, но, надеюсь, она тебя позабавит.

Йама, как мог, улыбнулся. Его раны затягивались, кожа на лице задубела и онемела. Впечатление было такое, будто он носит плохо подогнанную маску. Йама провел довольно много времени, рассматривая себя в одно из драгоценных для лесных людей зеркал. Правая сторона выглядела неплохо, но вот левая! Пандарасу пришлось ее прижечь, и теперь она казалась лоскутным одеялом из зарубцевавшейся кожи, которая оттягивала уголок левого глаза и задирала кончик губы.

Теперь он и внешне стал тем, чем был, по собственному мнению, внутренне, — чудовищем, отверженным. Дирив никогда не перестанет любить мальчика, каким он некогда был, но как может она любить то, чем он стал? Наверное, и к лучшему, что он несется навстречу смерти...

Умереть? Я не позволю нам умереть, Дитя Реки. Мы будем жить вечно.

— Я с удовольствием послушаю твой рассказ, — ответил Йама Йои Сендару. — А потом ты, возможно, выслушаешь одну из моих историй, хотя вряд ли она будет так же хорошо сложена, как твоя.

— Тогда слушай, — начал Йои Сендар и взялся двумя пальцами за ухо. Аудитория зашевелилась, сосредоточиваясь на мрачном уродливом человечке. — Слушайте, люди моего народа! Это рассказ о стародавних временах, когда Хранители уже привели нас в этот мир, но мы еще не встретили своих дорогих хозяев — людей Могучего племени.

В те далекие времена мы всегда были голодны. Один клан наших людей ушел в лес поискать чего-нибудь съестного. Они шли и шли и наконец устали и присели отдохнуть на что-то, показавшееся им стволом поваленного дерева. Но тут один из них воткнул кончик своего ножа в чешуйчатую кору, и хлынула кровь, ибо сидели они не на стволе, а на Короле Всех Змей. Король спал, а ножевая рана разбудила его, и он очень разозлился. Но наши предки были могучими охотниками, и хотя он пытался раздавить их, сжимая в кольцах своего тела, они сумели вывернуться и снести ему голову.

Когда они убедились, что он мертв — ведь у некоторых змей бывают головы с обеих сторон, — они стали разделывать тушу, так как были очень голодны. Но когда кровь Короля

Всех Змей впиталась в землю, начался страшный дождь, а за ним наводнение, которое затопило весь лес. Волнами смыло всех охотников и всех животных на много лиг вокруг. Мы сами только что видели сильное наводнение, но — братья и сестры! — то был куда более страшный потоп.

Выжила только одна женщина. Она взобралась на самую высокую гору и втиснулась в расселину за горным плющом. Ветер все не прекращался, он мотал плющ туда-сюда, и от этого трения возникали искры. Женщина разожгла с их помощью костер из отживших чешуек коры плюща. Тепло согрело плющ, и он зацвел, а женщина этими цветами питалась. Так у нее появилась пища и тепло, а позже плющ стал ее мужем.

Со временем у них родился ребенок, но он был несчастным калекой, у которого была только одна нога и одна рука. Звали его Йои Сои. Он всегда был голоден и повсюду скакал в поисках пищи. Однажды он нашел несколько зерен риса, которые одна крыса спасла от потопа. Мальчик положил рис на листок просушить, но когда крыса это увидела, она очень разозлилась и в гневе произнесла проклятие, что отныне дети этого мальчика всегда будут воровать пищу у людей.

Но Йои Сои не успел съесть рис. Зернышки еще не высохли, как налетел ветер, подхватил их и понес над лесом. Йои Сои, подгоняемый голодом, запрыгал за ними. Он дошел до старого дерева, на котором сидели стаи птиц и склевывали каждую зеленую почку, появляющуюся на свет, и дерево попросило мальчика позвать ветер, чтобы он выкорчевал его и прекратил эту пытку. Йои Сои обещал, что если он встретит ветер, то попросит его об этой милости; и дерево подняло ветвь и указало мальчику направление к дому ветра.

Йои Сои запрыгал еще быстрее. Он добрался до стоячего озера, и ряска на озере сложилась в две толстые зеленые губы, и озеро попросило его позвать сильный ветер, чтобы он сдул бревна, которые закрывают слив. Йои Сои пообещал, что он постарается изо всех сил, и озеро отдало ему последние капли чистой воды. Йои Сои выпил ее, и силы его сразу окрепли.

Теперь Йои Сои чувствовал себя очень могучим, но его желудок был по-прежнему пуст. Он остановился в банановой роще, но все плоды висели очень высоко, а у него была только одна рука и одна нога, и он не мог лазить по деревьям. Банановые стебли зашелестели своими длинными зелеными листьями и попросили Йои Сои пойти к ветру и передать их мольбу восстановить ветви, которые они утеряли во время потопа, чтобы они опять могли обнимать воздух. Когда Йои Сои пообещал, к его ногам упали связки красных бананов. Он хорошо поел и поскакал к вершине голой скалы, где жил ветер.

Ветер страшно разозлился, что какой-то калека посмел выследить его до самого логова ради нескольких зерен риса. Он сказал Йои Сои, что развеял рис по миру. Рис будет кормить множество племен, но никогда не достанется детям самого Йои Сои. Потом ветер взревел, надул щеки и хотел сдуть Йои Сои с вершины горы.

Но Йои Сои пришел не просто так, он приготовился. Он принес с собой растопку из шершавого одеяния своего отца-плюща и кусочек кремня, чтобы раздуть искры. Йои Сои развел огонь и прижег им хвост ветра; ветер закружился и завыл от боли.

— Сбей пламя! — завопил он. — Сбей пламя, и я сделаю тебя целым человеком!

Йои Сои затопал огонь своей единственной ногой, и в тот же миг ветер ворвался ему в глотку и стал дуть и дуть. Йои Сои рос и рос, вскоре из кожи показались его отсутствующая нога и рука, а сам он стал вдвое выше и в десять раз сильнее, чем прежде. О, мои братья и сестры! Какое чудо! Ибо ветер сделал его первым из Могучего племени.

Наполненный духом ветра, Йои Сои шумно топал через лес и громко пел песню. Он был так силен, что выдернул с корнем старое дерево, которое замучили птицы, и, убрав затор, дал выход стоячему озеру. Йои Сои дотопал до скал, где жила его мать и где рос его отец-плющ, и забрал мать в далекие места, где он видел похожих на нее людей.

Йои Сои был так силен и так полон ветра, что все время пел и болтал и этим распугал всех зверей в лесу, и негде ему стало охотиться. Вместо этого он начал командовать мелкими людьми из племени его матери, и так с тех пор и повелось. Наши мужчины охотятся, чтобы добыть мясо, а женщины собирают фрукты, ягоды и цветы — может быть, они втайне надеются найти плющ, который был отцом Могучего племени, но лучше спросить об этом у них самих. Я забыл о бедных банановых стеблях, но надо ведь помнить, что у Йои Сои не было магических сил, и он ничего не мог для них сделать.

На следующий день этот клан лесных людей снялся с места и отправился к дому своих хозяев. Они прошли по цепи покрытых лесами холмов, которые вздымались выше уровня наводнения и ступенями поднимались к Краевым Горам. Они несли тюки копченых гусениц, растянувшись в длинную цепочку и сгибаясь под тяжестью своей ноши. Их путь пролегал в жаркой зеленой тени, под парящимися в далекой вышине зелеными кронами огромных деревьев. Йама и Пандарас шагали в самом начале процессии, сразу за Йои Сендаром. Пандарасу не очень нравилось, что они находятся в такой зависимости от гостеприимства лесных людей, и он тихонько сказал:

— Не стоит нам идти к этому их Могучему племени. Ясно ведь, что еретики их преобразили. Мы окажемся в руках наших врагов, и все будет напрасно.

Он имел в виду уничтожение лесов и прижигание лица Йамы.

— Я надеюсь найти храм, Пандарас, — объяснил Йама, — или по крайней мере то, что от него осталось после Войны за Преображение. Там поблизости непременно должен быть вход в подземные пути. По ним мы пойдем быстрее, и наши враги нас не найдут.

Он не сказал юноше, что они отправятся за серединную точку мира, в Стеклянную Пустыню, на поиски матери сидящей в нем твари. Когда наступит время, он предоставит Пандарасу возможность выбрать, следовать ли за ним или вернуться в Из.

— Но ведь могут быть и другие храмы, господин.

— Только не здесь, — бросил, не оборачиваясь, Йои Сендар. — Наши хозяева, Могучее племя, — единственный цивилизованный народ на много дней пути.

Путешествие к дому Могучего племени заняло пять дней. В пути было много остановок — ведь лесным людям приходилось добывать себе пищу, они не желали даже коснуться своего груза из копченого мяса гусениц. Каждый день они пускались в дорогу с рассветом и останавливались, когда солнце доходило до своей высшей точки. Пока стояла влажная послеполуденная жара, они спали, просыпаясь вечером, чтобы сплести коконы и поохотиться.

Во время этих долгих, жарких, сонных сиест Йама и Пандарас беседовали целыми часами, рассказывая друг другу все, что произошло с ними, пока они были врозь. Говорил в основном Пандарас. Йама старался скрывать свое отчаяние и свою боль. Ночью, когда все спали, к нему являлась Тень, полная гнева и слабости. Ее угрозы и похвальба заполняли его сны.

Бандар йои инойи не горевали о гибели равнинных лесов.

— На равнинах много всяких ужасных людей, — сказал Йаме Йои Сендар. — Хранители отдали нам предгорья, и ничего другого нам не нужно. К тому же равнинные леса быстро вырастут снова. Они наберутся силы из ила, оставшегося после наводнения. За время жизни одного человека они снова станут такими, как были. А тем временем у нас будет прекрасная охота, потому что все животные сбегутся в наши леса.

Бандар йои инойи знали много интересного о странных и удивительных созданиях, которые населяли равнинные и горные леса. О некоторых Йама читал в бестиариях — энциклопедиях животного мира — в библиотеке замка своего приемного отца, эдила города Эолиса, о других он слышал впервые. Например, он знал о кровавых орхидеях, потому что они росли в предгорьях Краевых Гор, но те были пигмеи по сравнению с гигантскими цветами здешних лесов, достигающих размеров целого дома и

стоявших в окружении костей животных, которых облака феромонов заманили в страшные прицветники. Были еще орхидеи-рыболовы, которые росли на высоких ветвях и свешивали вниз липкие корни, а те обматывались вокруг всякого, кто на них налетал, сами же орхидеи вытягивали соки из трупов. Были орхидеи, испускающие гипнотические ароматы и внедряющие корни в плоть своих спящих жертв.

Среди исполинских лесных растений строили свои замки огненные муравьи. Некоторые виды деревьев защищали целые орды крошечных грызунов. Они нападали на всякого, кто приближался к их дереву, более того, они обгрызали листья на соседних деревьях, чтобы те не заслоняли солнечный свет их хозяину. В свою очередь дерево кормило защитников сладкой ватой, растущей на его ветвях. Встречались животные-ленивцы, которые падали на свою добычу и обволакивали ее мясистыми складками, скрывающими костяные крючочки с парализующим ядом. Их ювенильной формой была некая голая обезьяна, маленькая и медлительная. После спаривания самец умирал, а самка цеплялась хвостом за подходящую ветку и плела вокруг себя кокон, а выходила из него уже взрослым ленивцем, безглазым, безруким, безногим и безмозглым.

У бандар йои инойи были легенды и о людях, о странных расах, обитающих в равнинных лесах. Существовали племена, где мужчины после рождения вырастали лишь на самую малость и проводили свою жизнь в специальном кармане на животе у своей подруги. У одного народа семьей правила единственная плодоносящая женщина, она становилась невероятно жирной и порабощала своих стерильных сестер, а мужчины у них были изгоями, которые зверски дрались друг с другом, если встречались во время лесных странствий; когда детородные дочери в этих семьях взрослели и покидали дом, мужчины сражались за их благосклонность, и тогда случались очень кровопролитные схватки. Были люди, которые бегали по ночам по лесу и пили кровь своих загипнотизированных жертв. Встречались племена бледнолицых мужчин и женщин, обладающих способностью видоизменяться и становиться похожими на другие типы людей, — эти, возможно, были родственниками зеркального племени, которое Йама встретил во Дворце Человеческой Памяти.

Йама не мог разобраться, какие из этих народов действительно существовали, а какие были выдумкой. Лесные люди не очень-то старались отделить одно от другого. То, что можно вообразить, говаривал Йои Сендар, то и реально. Хранители, сотворившие этот мир, намного более могущественны, чем любая из рас, которых они возвысили из животного состояния, а следовательно, они сотворили больше чудес, чем можно себе вообразить.

Бандар йои инойи были в лесу счастливы. Лес был их домом, таким же знакомым, как для Йамы замок эдила или

Город Мертвых. Споро шагая под зеленым покровом, они выводили долгие замысловатые мелодии. Возвращаясь с охоты, готовя обед из пойманной добычи или клубней и фруктов, они смеялись и обменивались сложными длинными шутками. Однажды, ближе к вечеру, партия охотников нашла гнездо древоеда, и один из охотников вернулся рассказать остальным. Весь клан вместе с Пандарасом и Йамой отправился к логову. Оно находилось в гигантском капковом дереве, таком толстом, что обхватить его смогли бы разве что двадцать человек. Гладкая серая кора во многих местах растрескалась. Йои Сендар показал на животное, которое шевелилось внутри ствола.

— Мы его быстро выкурим. Это хорошая еда. Древоед устраивает логово, выскребая нутро дерева, пока оно не умрет. Он опасен, если охотиться на него, пока он в гнезде. Но мы смелые люди.

Часть лесного клана танцевала с одной стороны дерева, дразня древоеда, и он выбрасывал свой длинный, похожий на кнут язык то в одну щель, то в другую. Остальные развели с другой стороны костер из сырых веток и отвели дым внутрь ствола. Древоед скоро забеспокоился, завыл и застонал. Лесные люди запрыгали ближе, увертываясь от длинного языка, заколотили толстыми палками по основанию дерева, в общем, устроили страшный шум.

Наконец измученный древоед выпрыгнул из щели где-то высоко в стволе, сразу под нижними ветками. Двигался он очень быстро. Йама заметил его, когда древоед был уже на земле и поднялся во весь рост на самой задней паре толстых коротеньких ножек, очень высокий и очень тонкий. Спину его покрывали костяные пластинки, а живот прятался под густым матовым мехом. Воздух наполнился сладковатым и даже отчасти приятным запахом.

Лесные люди тотчас окружили добычу, одна женщина бросилась вперед и стукнула древоеда по ногам, остальные радостно завопили. Пандарас тоже не остался в стороне, пару раз он крикнул не слабее других. Древоед падал постепенно, издавая раздраженные, будто мяукающие звуки. Его фасеточные глаза поблескивали зеленым светом на фоне тусклого меха головы. Длинный алый язык метался по истоптанной земле. Йои Сендар подскочил и проткнул его палкой.

После этого лесные люди навалились всем скопом, разделали тушу и с триумфом потащили мясо в лагерь. Пандарас заразился всеобщим воодушевлением, его рваная рубаха испачкалась кровью, глаза возбужденно горели.

Йама не стал пировать фруктами и мясом древоеда вместе со всеми. Ему казалось, что он похож на то капковое дерево, а Тень, как древоед, выгрызает его нутро. Тем не менее он знал, что Тень еще понадобится ему в предстоящем деле. Он не может ее совсем изжить, пока не поймет, как уничтожить свою ненужную мощь.

Ему хотелось быть таким, как лесные люди, которые в своем нехитром счастье танцевали и пели на заросшей мхом поляне. Смеркалось. Красный свет большого костра играл на телах танцующих. Вокруг тихо стояли деревья, с их нижних ветвей свисали коконы. Как сладка жизнь этих людей! Как проста. Как невинна. Каждый день несколько часов охоты или поисков фруктов и клубней, а потом отдых, песни, танцы, рассказы. Их жизнь, жизнь их отцов и дедов всегда была неизменной и будет оставаться такой до скончания веков.

Йама забыл, что бандар йои инойи находились в рабстве у Могучего племени, но через два дня они добрались до долины, где жило Могучее племя, и он увидел, как плохи дела у рабов.

14. РАБЫ

— Пусть они и Могучее племя, — говорил Пандарас, — но им, видно, нравятся тесные домики. Даже я считаю, что эти хижины маловаты.

Он стоял рядом с Йамой на опушке леса и смотрел на расстилающуюся в обе стороны долину — широкую, плоскую травянистую равнину с маленькими деревеньками, между которыми вдоль канав с зеленой водой бежали узкие красные дорожки. Каждая деревня представляла собой кучку обмазанных глиной домишек с узенькими полосками обработанной земли и заборами из колючего кустарника.

— Не нравится мне все это, — проворчал Пандарас. — Ты только посмотри, какие густые и высокие изгороди! У этих людей, должно быть, множество врагов. Самое время вызвать какую-нибудь машину и убраться отсюда подальше.

— Это слишком опасно, — ответил Йама. — Префект Корин мог не погибнуть при падении сада, а он не должен знать, где я.

На самом деле здесь было на удивление мало машин, меньше, чем Йама когда-либо видел. Весь мир просто кишел ими, повсюду они носились по своим непонятным делам; ни одно дерево не могло упасть в самом глухом лесу, чтобы рядом не оказался свидетель.

— Не представляю, как он мог уцелеть, — ворчливо продолжал Пандарас. — Конечно, мне хочется думать, что это возможно, тогда и бедный Тибор мог бы спастись. Прости, господин, что я вмешиваюсь, но ты не можешь вечно прятаться. Не можешь понапрасну тратить свой дар.

— Не говори о том, чего не понимаешь, — резко ответил Йама.

— Я способен узнать дурное, когда его вижу, — не унимался Пандарас. — Посмотри на наших друзей. У них такой вид, словно они идут на казнь.

Было раннее утро. Солнце еще только поднялось над пиками Краевых Гор. Лесные люди встали перед рассветом. Они были необычно подавлены, особенно последние две лиги до края леса над равниной, где жили их хозяева, Могучее племя. Всю дорогу они убирали цветы, ленточки и перья, которыми украшали свои коренастые туловища. Пучками сырой травы они оттирали орнаменты из красок и глины, вычесывали ил, который скреплял их волосы в живописные шпили. В лесу они ходили обнаженными, но сейчас достали из узелков набедренные повязки и облачились в них. Свои браслеты они сняли, тщательно завернули в клеенку и спрятали под большим плоским камнем на самом краю скалы.

Потом, дрожа от утренней серой промозглости, лесное племя построилось. Вождь, Йои Сендар, прошел вдоль шеренги, внимательно осматривая каждого человека, желая убедиться, что не осталось никаких следов украшений. Когда он подошел к Йаме и Пандарасу, то произнес официальным тоном:

— Внизу находится место обитания семьи Могучих людей, которая нами владеет. Мы следуем к ним с дарами из леса. Вы можете с нами не ходить, друзья. В лесу мы наслаждались вашим обществом, вашими легендами, сказками, похвальбой, но сейчас для нас начинается другая жизнь.

— Я должен найти храм, — ответил Йама.

Йои Сендар покачал своей массивной страшной головой из стороны в сторону, что означало согласие. Его мешковатая кожа кровоточила в тех местах, откуда он вытащил декоративные иглы.

— Возможно, вам как-нибудь удастся задобрить Могучих людей, и они позволят его осмотреть, — сказал вождь.

Пандарас спросил:

— Почему вы их так боитесь? Если они правят вами, опираясь на страх, то они недостойны быть вашими господами.

Йои Сендар ответил, избегая взгляда Пандараса:

— Они всегда были нашими хозяевами. Так всегда было с тех самых пор, когда Хранители поместили нас в эти места. Наши господа изменились, но они по-прежнему в нас нуждаются, и вы сами это увидите, если пойдете с нами.

— В нашем мире много разнообразных народов, — сказал Йама, когда Йои Сендар заковылял к голове колонны. — Почему ты не можешь согласиться с этим простым фактом, Пандарас?

— На мой взгляд, люди повсюду одинаковые. Они боятся свободы. Они становятся рабами более сильных людей потому, что рабом быть легче, чем свободным. Поклоняться прошлому легче, чем планировать будущее.

— У тебя очень неординарные мысли, Пандарас.

— Это ты меня научил, господин, но сам, видно, забыл.

— Я? Что ж, я тогда был моложе и глупее. Кто знает, может, моя раса стареет даже быстрее, чем твоя, Пандарас. Я чувствую себя таким же старым, как человек Древней Расы.

— Я сохранил одно из их каменных лезвий, — рассказал Пандарас. — Прошу, не останавливай меня, если придется его применить, чтобы помочь нам спастись. Эта штука у тебя в голове хотела сделать из тебя своего раба, и мне кажется, ты еще не вполне избавился от ее власти.

Йои Сендар воздел обе руки и издал хриплый вой. Его люди подняли тяжелые тюки с мясом гусениц и потянулись за ним в долину, двигаясь цепочкой по узкой тропе, змеившейся между высоких трав к ближайшей деревне Могучего племени. Йама заметил, что глинобитные хижины внутри колючих изгородей отделены друг от друга сложным хитросплетением стен и двориков. Каждая имела отдельный выход, туннелем прорубленный сквозь изгородь. Когда бандар йои инойи появились на склоне, из этих туннелей стали выбираться фигуры — сутулые, костлявые, с серой нездоровой кожей.

Пандарас прошептал Йаме:

— Если они изменились, то явно не к лучшему. Очень убогий народ, на мой взгляд.

— Не суди поспешно, — остановил его Йама.

Могучие люди выстроились в неровную линию под хлопковым деревом. Вокруг носилась ватага ребятишек, они невыносимо орали и швыряли во взрослых камнями и комьями грязи, те уклонялись от ударов и в свою очередь бросали камни в детей. И мужчины, и женщины, и дети были только в набедренных повязках, таких же, как надели лесные люди. Все обитатели деревни были лысыми, высохшие груди женщин висели до живота.

Когда лесной клан подошел поближе, люди Могучего племени бросились вперед, дико размахивая кнутами, косами и ружьями. Они сердито кричали на лесных людей и друг на друга. Наконец всех лесных людей разобрали на кучки по пять-шесть человек, а к Йаме и Пандарасу подошел какой-то мужчина и стал с нескрываемой жадностью их разглядывать, а потом закричал, что эти незнакомцы принадлежат ему.

— Я капитан! — орал он. — Помните об этом, все, все помните!

У капитана был резкий, визгливый голос, маленькие, обведенные красным глазки и поджатые губы, напоминающие клюв. Когда к ним подошел маленький ребенок, капитан закричал:

— Убирайся! А то выстрелю! — и замахнулся стукнуть мальца прикладом.

Мальчишка оскалился, зашипел, но отступил, правда, медленно и не сводя глаз с Йамы и Пандараса.

— Не беспокойся, — обратился капитан к Йаме, — ты будешь моим гостем, а за твоим рабом присмотрят мои рабы. Пока вы под моей защитой, никто вас и пальцем не тронет. Я у них капитан, самый богатый и самый сильный из всего нашего племени. Сколько раз они хотели меня убить за мое богатство и власть, но я слишком хитер и силен.

Йама представился и представил Пандараса. Пандарас вставил:

— Я не раб, я оруженосец моего господина.

Капитан сплюнул Пандарасу под ноги и обратился к Йаме:

— Раб у тебя наглый, но сам ты выглядишь бойцом, это хорошо.

— Значит, у вас идет война? — спросил Йама.

— Наша молодежь отправилась на войну за освобождение, — стал объяснять капитан. — А тем временем мы здесь присматриваем за добром, что вполне естественно. Мы все здесь очень богаты, вот другие семьи и сговариваются отнять наше богатство, но мы их одолеем. Мы станем самыми сильными и самыми богатыми в Долине.

Йама вежливо проговорил:

— Я много о вас слышал от бандар йои инойи, но очень интересно посмотреть на вас своими глазами.

— Где эти ошметки вас нашли? Йои Сендар! Йои Сендар, ты, жалкий огрызок, иди сюда!

Капитан щелкнул бичом и взмахнул им над своей группой лесных людей. Йои Сендар вышел вперед, склонив голову, и проговорил тихим, покорным голосом:

— Все, что мы собрали, господин, мы отдаем с открытым сердцем и открытыми руками.

Оставляя кровавые рубцы, капитан стал лупить его по спине рукояткой хлыста. Йои Сендар отошел, по-прежнему глядя в землю.

— Дерьмо, — задыхаясь, проворчал капитан. От него шел тяжелый гнилостный запах. — Они не могут преобразиться. Для них все останется как было. Они и представить себе не могут, как мы преобразились. Они — тяжелое бремя, но мы сильны, мы выдержим.

Йама осмотрелся. Большинство тощих серолицых Могучих людей гнали свои группы лесных жителей к обмазанным глиной плетеным туннелям сквозь высокую колючую изгородь. Даже ватага мальчишек заполучила группу из четырех-пяти самых старых лесных людей и теперь дралась за единственную доставшуюся им упаковку мяса гусениц.

Некоторые Могучие люди кричали на капитана, что он не имеет права оставлять незнакомцев только для себя.

— А вот и оставлю! — отругивался капитан. — Или думаете, у меня не хватит сил?

Казалось, капитан пребывает в постоянном раздражении. Он внезапно обернулся и выстрелил из ружья в воздух. Старуха, которая подбиралась к нему сзади, остановилась и подняла вверх свои пустые руки.

— Знаю я твои штучки, мамаша! — завопил капитан. В уголках его рта скопились хлопья пены. — Только попробуй забрать мое, клянусь, сразу убью! — И, обернувшись к Йаме и Пандарасу, объяснил: — Она не сумела удержать своих рабов и теперь ворует пищу у честных людей. Со мной вы будете в безопасности. Я дам вам моей собственной еды, а вы мне поможете.

— Мы здесь чужаки, господин, — сказал Йама. — Мы пришли осмотреть храм.

— Храм? Что эти отродья вам наговорили? Они же отъявленные лжецы. Все время лгут, сами уже не понимают, где правда, а где выдумка. Лучше идите со мной. Я сумею вас защитить. — Капитан прошелся кнутом по своей группе лесных людей. — Тоже мне добыча! Дрянь несчастная, да и ее-то мало! Ленились в лесу, вместо того чтобы усердно трудиться! Ну, теперь-то вы поработаете! Уж я постараюсь! Шевелитесь, а то взгрею до крови!

Хижина капитана была окружена высокой глиняной стеной, усыпанной сверху битым стеклом и колючками. Двор по щиколотку утопал в жидкой красной глине, постоянно увлажняемой водой из трубы. На привязи в углу топталось несколько мелких коз. Они отмахивались хвостами от мух и невозмутимо жевали дынные корки.

Капитан с мрачным нетерпением наблюдал, как выгружали упаковки мяса гусениц. Когда последнюю низку мяса повесили на решетку у стены хижины, он прогнал лесных людей и велел Йаме отослать своего раба.

— Разузнай все, что сможешь, — шепнул Пандарасу Йама.

— Уж постараюсь, — так же шепотом отозвался Пандарас. — Хуже местечка я не видал.

Хижина была тесной и бедной, никакой мебели, только маленькая трехногая табуретка. В толстую стену встроена лежанка. Печь на солнечной батарее давала тусклый красный свет, на горячей плите булькал котелок с кукурузной кашей. Утоптанный земляной пол был покрыт сеном, в котором шуршали черные тараканы. В тростниковой крыше устроили гнездо сумчатые крысы. Кругом была грязь, воняло козами и немытым телом самого капитана, однако в нишах по стенам стояли величественные портреты предков семьи, дотошно выписанные старинными масляными красками и заключенные в изысканные металлические рамы. Тут же находилась чаша, с большим искусством вырезанная из темного тяжелого дерева. Капитан шлепнул туда крошечную порцию кукурузной каши.

Когда Йама что-то сказал о необычных достоинствах этих вещей, капитан пренебрежительно отмахнулся:

— Они остались от старых времен. Несколько безделушек из той ерунды, которой мы владели раньше. Теперь мы гораздо богаче.

Кукурузная каша оказалась несоленым и безвкусным варевом, а порция составляла не более трех ложек, но капитан ожидал полномасштабного выражения благодарности за свою щедрость. Было такое впечатление, что он многого ждал от Йамы, и пока капитан хвастал и пускал пыль в глаза, он, сам того не желая, представил Йаме картину нынешней жизни людей Могучего племени — после того, как еретики подвергли их преображению. У каждого взрослого была хижина и узенькая полоска обрабатываемой земли, которую тщательно охраняли от других. Мужья жили отдельно от жен — в Департаменте Туземных Проблем Дворца Человеческой Памяти дело обстояло точно так же. Как только дети начинали ходить, их бросали на произвол судьбы, и они присоединялись к полудикой шайке за деревенским забором. Тех, кто доживал до половой зрелости, из шайки выгоняли, им приходилось искать или строить собственную хижину, или же жить в прерии, как сумеют.

Здесь каждая женщина и каждый мужчина представляли собой отдельный народ. Бодрствуя, они большую часть времени отдавали укреплению границ своих скудных владений. Они отказались от своих старых имен, имен до преображения, а если у них и были новые имена, они их никому не сообщали. Они не знали ни любви, ни жалости, ни сострадания. Все эти чувства рассматривались как признак слабости. Существовали лишь похоть, зависть и ненависть. Старые и больные должны были сами о себе заботиться. Обычно их убивали шайки детей или подростки, которым нужны были хижины стариков.

Тень, слушая, ликовала.

Такими мы сделаем всех людей! — шептала она в голове у Йамы. — *Все станут рабами вещей, станут желать их больше всего.*

Хуже всего было то, что люди Могучего племени считали такую жизнь наивысшей формой цивилизации. К старинным обычаям, когда семья пасла скот, гордилась красотой своей утвари, изделий из металла и произведений искусства, относились с презрением и неприязнью. Скот весь погиб, часть его перетравили завистливые соседи, другую часть зарезали сами хозяева, потому что пасти и охранять стадо стало трудно, пастбища заросли и одичали. У Могучего племени было табу на походы в лес, поэтому они полностью зависели от порабощенных ими лесных людей в отношении таких продуктов, как мясо, фрукты и коренья. Их собственные земельные наделы выглядели запущенными и плохо обработанными, урожай был бедным, растения — больными. На ох-

рану этих полосок земли тратилось больше усилий, чем на их обработку.

Единственное, что объединяло семью капитана, — это ненависть соседних деревень. Каждый трудом своих рабов вносил лепту в защиту деревни от других семейств. У капитана были планы расширить территорию семьи, и он надеялся, что Йама ему поможет. Он провел Йаму по границам владений своей семьи, одним глазом все время поглядывая на деревню, показал ему сеть каналов и прудов, построенных давным-давно всеми жителями долины, чтобы оросить земли водой из озер, лежащих высоко в предгорьях Краевых Гор.

— Если мы сможем контролировать эту систему, значит, сможем контролировать все, — говорил капитан.

— И что вы будете с ней делать?

— Ну как же! Владеть ею, конечно! — Капитан хитро посмотрел на Йаму. — Это самое главное. Все идет от собственности.

Йама подумал, что Могучие люди — такие же рабы, как и бандар йои инойи, даже хуже: ведь лесные люди оказались в рабстве по принуждению, а Могучие люди превратились в рабов по своей собственной воле. Ценя собственность превыше всего, они сами стали собственностью вещей, которых домогались. Йама вспомнил, как лесные люди спрятали браслеты на краю леса, и догадался, куда делись картины, посуда и металлические изделия, созданные до того, как еретики раздули здесь Войну за Преображение.

Тем временем капитан произносил длинную обвинительную речь против соседних деревень. Этой вендетте было только десять лет, но ее история была уже до краев наполнена убийствами, засадами и изменой. Но отмщение не замедлит, божился капитан. Он довел себя до настоящего припадка, сбросил с плеча ружье и стал целиться в небо, но потом взял себя в руки и вернул ружье на место.

— Такой боец, как ты, — говорил он, — может сыграть тут решающую роль.

— Я ведь один.

Йама подумал, что, куда бы он ни отправился, везде люди хотят, чтобы он убивал других людей. Он сыт этим по горло.

— Зато полно рабов, — возразил капитан. — Пусть их хоть всех перебьют, мы потом захватим рабов наших врагов. Самих врагов мы тоже сделаем рабами. — Он даже причмокнул от этой мысли. — Разумеется, ты получишь награду. Их склады со всяким старьем станут моими, и я позволю тебе кое-что взять.

— Но, как я понял, все эти древние вещи не имеют никакой ценности?

— Для таких людей, как я, конечно, нет. Но для менее цивилизованного человека вроде тебя они представляют

огромную цену. Для такого, как ты, даже кучи дерьма, которое собирают наши враги, и то имеет ценность. — Йама понимал, что капитан не собирался его оскорбить. Капитан полагал себя центром мира, а потому все остальные, естественно, казались ему существами низшего порядка. Он продолжал: — Редкие металлы, драгоценные камни... Сколько унесет твой слуга. Совсем неплохо для небольшой работенки.

Плюнь на его богатства, — шептала Тень. — *Бери его ружье, засунь ему в глотку, и пусть он молит о пощаде! Убей его! Всех убей!*

Она продолжала неистовствовать, но слова ее отзывались в Йаме только слабыми искрами. Он легко выкинул их из головы.

Они возвращались по огороженной забором деревне. Йама обдумывал, как бы отказать капитану, не разозлив его, но тут увидел нечто, заставившее его передумать.

В тени группы хлопковых деревьев ссорилась кучка детей. Сначала Йама решил, что они поймали какое-то животное и теперь рвут его на части, но потом он понял, что дети убили одного из лесных людей и зубами отдирают мясо с костей. Одна девочка сидела в сторонке и с жадностью пожирала пригоршню окровавленных внутренностей. Трое маленьких детей гоняли по пыльной траве отрезанную голову. Глаз не было, а череп разбили, чтобы добраться до мозга. Рядом сидели два связанных человека из лесного племени, раскачиваясь туда-сюда от ужаса и горя.

Капитан взглянул на это зрелище и бросил:

— Никто из рабов, которых заполучили дети, долго не живет. Мы специально следим, чтобы им доставались самые слабые. Ну и старые, конечно. Какой смысл держать раба слишком старого, чтобы работать?

До этого момента Йама не задумывался, почему среди кланов лесных людей совсем нет стариков. Он справился с отвращением и гневом и сказал:

— Я должен поговорить со своим слугой.

— Только не тяни, — потребовал капитан. — Я хочу вернуться домой. Не дело это — оставлять все на рабов. Человек сам должен следить за своим имуществом, иначе он — не человек и этого имущества не заслуживает.

Итак, они с Пандарасом пленники, думал Йама. Раньше он это только подозревал, дураком он был, это ясно.

— Хорошо, что мне не пришлось общаться с этим старым козлом, — сказал Пандарас, когда Йама его нашел. — Чего он от нас хочет?

— Ты видел, что случилось с рабом детей?

— Слышал крики. Йои Сендар не позволил мне подойти ближе. — Пандарас бросил взгляд на вождя лесных людей, который неподвижно сидел с несколькими членами своей

семьи в тени большого хлопкового дерева. — С людьми Могучего племени все ясно, господин. У них каждый — отдельное королевство. Они никому не доверяют, даже собственным детям. Это дикое место, господин. Я тебе говорил, не надо было нам сюда приходить.

— Мы должны найти храм, Пандарас.

— Я про него спрашивал, но лесные люди сразу проглотили языки. Что с ними такое, господин? Почему они не защищаются?

— Они туземцы, аборигены. Они знают только то, что всегда знали, и не могут представить, что может быть иначе. Когда-то они жили в гармонии с Могучим племенем, меняли охотничью добычу на продукты, выращенные в долине, но потом Могучее племя преобразилось.

— Они злодеи, господин! Люди не едят людей!

Йама вспомнил амнанов, которые охотились на рыбарей, пока его приемный отец это не запретил.

— Видишь ли, — стал объяснять он, — некоторые расы смотрят на аборигенов как на животных. Так и здесь. Но я никогда не видел таких отвратительных людей, как Могучее племя. Они не злодеи, а жертвы какого-то сумасшествия.

— Я называю это злодейством, — настаивал Пандарас. — Полагаю, мы здесь пленники. Йои Сендар считает, что тебя принимают как почетного гостя, он рад, что привел нас сюда.

— Лесные люди часто приводят сюда гостей. Когда-то люди Могучего племени были замечательными художниками и ремесленниками, и в те времена сюда, наверное, ходило много торговцев. Теперь Могучее племя потеряло интерес к торговле, но лесные люди не могут этого понять.

Йама рассказал Пандарасу о планах капитана начать войну против соседей.

— Он думает, что я наемник.

— Ты и есть наемник, господин. Каждый это видит, кроме тебя.

— Здесь считают, что ты — мой раб. Думаю, есть смысл поддерживать эту игру. У капитана где-то неподалеку спрятаны богатства, у всех остальных Могучих людей, наверное, тоже.

Пандарас кивнул:

— Йои Сендар говорит, что все старинные вещи хранятся в одном месте. Он хвастал богатствами этой деревни, как будто они — его собственные. Я ему тогда не поверил, потому что он не сказал мне, где они.

— Йои Сендар верен своему господину. Ты забыл про браслеты, которые носили лесные люди. Откуда, ты считаешь, они их взяли?

Пандарас стукнул себя по лбу и засмеялся:

— Ну и дурак же я, господин! Быть так близко к сокровищам и их не увидеть!

— Я собираюсь потребовать у капитана доказательств, что он может оплатить мои услуги за войну против соседей.

— Значит, у тебя есть план. Хорошо. Ты поправляешься после своих приключений, господин.

— Дело не в деньгах. Вещи не имеют значения. Посмотри вокруг, если не веришь. Я делаю это не из-за денег, а потому что должен, Пандарас, — сказал Йама.

Он объяснил свой план, затем притворился, что сбивает Пандараса с ног и лупит его что есть мочи, стараясь, чтобы представление выглядело как можно убедительней. Когда он вернулся к капитану, тот проворчал, что Йама слишком уж долго отсутствовал.

— Я не забыл, что мое время принадлежит тебе, — поклонился Йама. — Я немного потратил его сейчас, чтобы потом ты получил большую выгоду.

— Если бы это был мой раб, я бы его убил.

— Он — все, что у меня есть.

— Когда мы победим своих врагов, ты сможешь иметь рабов сколько захочешь.

— Ты много обещаешь, капитан, но мне бы хотелось увидеть доказательство. Так сказать, залог.

— Когда враги будут разбиты, ты получишь сполна. Разумеется, большая часть достанется мне, но ты получишь свою долю.

— Я должен увидеть хоть что-то своими глазами, — настаивал Йама. — Что в этом дурного? Ты сам говорил, что не считаешь это большой ценностью.

Капитан с подозрением уставился на Йаму.

— Увидишь в свое время.

— Никто не доверяет другому просто так. Ты сам мне это объяснял. Я должен увидеть, что получу, прежде чем соглашусь тебе помогать.

У капитана от гнева перекосило лицо.

— Надо было тебя убить!

— Тогда бы я точно не стал тебе помогать, — спокойно отозвался Йама.

Капитан отвернулся, топая ногами и тяжело дыша, пока снова не овладел собой. Потом ворчливо сказал:

— Это касается всей деревни.

Могучие люди спорили весь день и часть ночи. Лесные люди зажгли фонари и развесили их на нижних ветвях хлопкового дерева. Могучие люди страшно ругались друг на друга, ничего нельзя было решить, но тут один из мужчин бросился на капитана с ножом, и тот выстрелил из ружья ему в живот. Снова крики, на сей раз орал в основном капитан. Рабы унесли

раненого. Потом капитан подошел к месту, где ожидали Йама и Пандарас.

— Мы отведем тебя туда прямо сейчас, — буркнул он, — но с завязанными глазами.

Собралась вся деревня, потому что никто никому не доверял. Эти люди были пленниками собственной жадности и подозрительности. Капитан, шагая рядом, с удовольствием объяснял это Йаме. Он утверждал, что это признак их особой исключительности.

— Любого, кто пойдет в хранилище в одиночку, убивают, а его имущество делят на всех.

— А как вы узнаете, что кто-то туда ходил?

— Мы все следим друг за другом. Никто не может уйти из деревни, чтобы другие не заметили, а если кто-нибудь не отзовется, когда его позовут, он теряет все свое имущество. К тому же мы стережем сокровища. Ты никогда не нашел бы это место, но даже если бы нашел, мы бы сразу узнали.

Йаме и Пандарасу не только завязали глаза, но и связали руки. На всякий случай, объяснил капитан, но Йама догадался, что Могучие люди боятся, как бы друзья Йамы не поджидали их в засаде. Засаленная тряпка, которой ему завязали глаза, немного пропускала свет, и Йама смутно видел мерцание факелов в руках у лесных людей, которых Могучие люди взяли с собой. Однако он даже не пытался запомнить все изгибы и повороты тропинки, которая шла все время вверх. Он молча терпел вонь от Могучих людей и прикосновение их остреньких паучьих пальцев. Пандарас начал многословно жаловаться, но раздался звук удара, и юноша замолчал.

Когда повязку наконец сняли, Йама увидел, что он стоит на краю высокого утеса. Было уже темно, и дно пропасти терялось во мгле, но капитан сообщил Йаме, что падать здесь высоко.

— Мы сбрасываем тех, кто пытается нас обмануть, — пояснил он. — Они разбиваются о скалы внизу, и шакалы поедают их мозг. Если ты выкинешь какой-нибудь номер, с тобой тоже это случится.

Йама спросил:

— Ты мне не доверяешь?

— Конечно, нет. — Капитан поджал губы. Вопрос его позабавил. — А если бы ты сказал, что доверяешь мне, я бы тебе не поверил.

Йама иронически поклонился и сказал:

— Значит, мы полностью понимаем друг друга.

Их окружили Могучие люди. Лесные жители держали несколько факелов: веток со сгустками смолы на концах, которые потрескивали и горели красным чадящим пламенем. Двое держали Пандараса, тот с повязкой на лице сидел на плоском камне, засунув руки между колен. Вокруг царило запустение: валуны, плющи, мелкие искривленные деревца. В отдалении вырисовы-

вался край леса, светлея на фоне черного неба. Была полночь. Око Хранителей стояло почти в зените и выглядело как смазанный отпечаток пальца, распространяющий зловещее красное мерцание.

Капитан сбросил с края утеса конец веревки. Другой замотали о каменный столб, гладкий, как причальная тумба.

— Спускайся, — приказал капитан Йаме. — Недалеко от подножия есть пещера, она спрятана за плющом. Загляни внутрь, увидишь массу старого барахла, но очень ценного. Разумеется, у наших врагов сокровищницы куда меньше, но даже десятая часть одной из них составит для такого, как ты, огромное богатство. Долго там не оставайся, не то мы перережем веревку.

Йама протянул свои связанные руки:

— Вам придется меня развязать.

Среди Могучих людей вновь начался спор. Некоторые требовали, чтобы капитан спустился вместе с Йамой, другие не соглашались — ведь Йама был собственностью капитана, но добровольно никто не вызывался сопровождать Йаму: зачем рисковать, если от этого выгадают все? Наконец капитан настоял на своем. Руки Йаме развяжут, но у него будет только пять минут, чтобы рассмотреть сокровища. Если он сразу не вернется, веревку обрежут.

Несмотря на то что Йаме пришлось тащить с собой дымный факел, спускаться было легко — на веревке через равные интервалы оказались узлы.

Они убьют нас, — бормотала Тень, но Йама легко справился со слабыми искрами ее слов. Из зева пещеры тянуло холодом, сквозняк шевелил листья, плющ казался занавесом, прикрывающим вход. Йама раздвинул плети и, цепляясь одной рукой за качающуюся веревку, всунул внутрь сначала факел, а потом голову.

Вот и сокровища Могучих людей: горы битой посуды; покрытая плесенью осыпавшаяся живопись; источенные жучком стулья с изящной резьбой и пятнами фосфоресцирующей гнили там, где дерево сожрал грибок; изящное металлическое литье, изъеденное ярью-медянкой.

Сверху прилетел голос капитана.

— Ну что, убедился? — кричал он. — Видишь, мы очень богатые люди. Теперь возвращайся, а то перережем веревку.

Йама поднял голову. Могучие люди выстроились на самом краю скалы, их силуэты четко вырисовывались в факельном свете.

— Теперь, когда я видел ваши сокровища, — закричал он в ответ, — я абсолютно точно понимаю, как вам помочь. — И с этими словами он бросил факел на кучу старинных стульев, над которыми поработали белые муравьи, превратив их наполовину в опилки.

Сначала Могучие люди не поняли, что произошло. У Йамы было достаточно времени, чтобы зацепиться за выс-

туп рядом с входом, и только потом начал просачиваться дым. Плющ затрещал и сморщился от огня. Тогда сверху раздался вой, затем беспорядочные выстрелы, потом что-то пролетело мимо него, стукнув по плечу. Обрезали веревку.

Взобраться наверх по боковому склону оказалось совсем нетрудно. Плющ был крепкий и хорошо держал вес Йамы, для рук и ног нашлось множество опор. Могучие люди были слишком заняты, спасая свои сокровища, и пока его не искали. Они во множестве спускались по веревкам, но никто не додумался прихватить что-нибудь для укрощения огня. Вися на своих веревках, они в бешенстве орали друг на друга. Один из мужчин не удержался, когда пламя выплеснулось из пещеры, и полетел в темноту.

Йама перелез через край скалы, прошел сквозь цепочку лесных людей и снял повязку с глаз Пандараса. Мальчишка показал острые белые зубы. Сквозь гладкие волосы на макушке сочилась кровь, свежая и яркая, и, сбежав по лицу, капала с подбородка.

— Я убью того, кто это сделал, — вскричал Пандарас, — того, кто меня стукнул, клянусь!

— Мы будем делать только то, что надо, — охладил его пыл Йама. Из кармана в рубашке Пандараса он вынул острый камень и перепилил веревку, которая связывала юноше руки, потом обернулся к лесным людям и сказал: — Теперь я ваш господин! Поняли? Я забрал сокровища Могучих людей и отдал их воздуху.

Вперед вышел Йои Сендар и покорно проговорил:

— Ты должен меня убить, я предал своего господина.

— Я не собираюсь убивать тебя, — отвечал Йама, — но ты будешь преображен. Иди в деревню вместе с Пандарасом и приведи остальных людей твоего племени. Иди и сделай как я сказал, иначе я убью всех Могучих людей. Остальные пойдут со мной.

— Как я найду тебя, господин? — спросил Пандарас.

— Ты будешь с вождем лесных людей, а он знает, где меня искать. Идите быстрее, как можно быстрее!

Когда Пандарас с Йои Сендаром исчезли в темноте, Йама подошел к краю обрыва и закричал капитану:

— Как только я увидел ваши сокровища, я сразу понял, что надо делать.

Капитан взвыл, поднял ружье и выстрелил в Йаму, но руки его тряслись от гнева, и пуля пролетела мимо. Веревка мотала его, как язык колокола, и когда он снова отлетел к скале, то выронил свой факел. Кувыркаясь, тот полетел вниз, постепенно уменьшаясь и превращаясь в светящуюся точку, потом внезапно вспыхнул на самом дне и потух окончательно.

Прежде чем капитан снова успел прицелиться, Йама крикнул:

— Если кто-нибудь попробует меня убить или захочет вылезти, я обрежу твою веревку.

— Я убью тебя! Мои рабы тебя убьют!

Еще двое-трое Могучих людей сделали пару выстрелов, но угол был слишком неудобен, и пули либо звякали о скалу под ногами у Йамы, либо улетали в небо. Капитан закричал, чтобы они прекратили. И тут в тишине раздался громкий и ясный женский голос:

— Это ты все устроил! Ты мне не муж! Ты не отец моим детям! Ты — ничто, Туан Ах!

Это было тайное имя капитана. Он зарычал от гнева, завертелся на своей веревке и хотел выстрелить в жену, но она оказалась шустрее и успела дважды спустить курок пистолета. Капитан выпустил из рук веревку и улетел в темную глубину.

Наступила тишина. Наконец жена капитана спросила:

— Ты здесь, наемник?

— Мне от вас ничего не нужно, кроме ваших рабов, — отозвался Йама.

Некоторые из Могучих людей стали выкрикивать угрозы, но жена капитана кричала громче всех:

— Если можете, убейте его, но он обрежет ваши веревки, пока вы и до половины не доберетесь.

Могучие люди могли одолеть Йаму, если бы кинулись вверх по веревкам одновременно, но он прекрасно понимал, что никогда они не смогут действовать совместно.

— Вас я тоже освобождаю, — торжественно проговорил Йама. — Я освобождаю вас от прошлого. Вы поняли? Когда я уйду, можете вернуться в деревню и жить своей жизнью.

— Туан Ах был дурак, что тебе доверился, — сказала жена капитана. — У меня от него восемь детей, но я рада, что он мертв. Ты начал войну, наемник. Нам будут нужны рабы, и если мы тебя не догоним, то возьмем их у своих врагов. Молись, чтобы мы тебя не нашли, я не такая добросердечная, как Туан Ах.

— Я уйду туда, где вы меня не найдете, — бросил напоследок Йама и повел остаток лесного племени в лес.

15. ТРИ СНА И ОДНО ЧУДО

Пандарас и Йои Сендар привели остаток клана в лес и вскоре после рассвета отыскали Йаму. Уже наступала жара. В зарослях бамбука, окаймлявшего лесную опушку, висели белые нити тумана. Пандарас рассказал Йаме, что он поджег остававшиеся в домах ценности Могучих людей. Возникшая паника позволила им всем убежать.

— Но мне пришлось кое-кого убить, господин. Человека, которого ранил капитан. Иначе его рабы ни за что не пошли бы со мной.

— Я думаю, Могучие люди этого не заметят, их больше всего волнуют их сокровища и их рабы, — сказал Йама. — Им нет дела до других, они беспокоятся только об имуществе. Но в любом случае они не пойдут за нами в лес, лес для них — табу.

— Все равно мне жаль, что пришлось его убить, — грустно сказал Пандарас, — даже если бы он сам хотел меня убить.

— Боюсь, это не последняя смерть, — покачал головой Йама.

Он подошел к Йои Сендару и поздоровался с ним. Вождь лесных людей почтительно поклонился и сказал официальным тоном:

— Все, что у нас есть, мы отдаем с чистой душой и распахнутыми руками.

Йама повысил голос, чтобы его могли слышать все лесные люди:

— Мне от тебя ничего не нужно, кроме твоей дружбы, Йои Сендар.

Маленький уродливый человечек не поднимал глаз, он упрямо твердил:

— Мы с радостью отдадим тебе все, что у нас есть, но не можем дать то, чего нет.

— Возможно, мне удастся изменить твой разум, — задумчиво произнес Йама. — Ночь была долгой. Давай найдем место для отдыха, а вечером снова поговорим.

Хотя бандар йои инойи вернулись домой, в лес, вид у них был растерянный и подавленный. Они не пытались украсить себя и продолжали носить набедренные повязки. Улегшись по трое-четверо между корней высоких деревьев, они тихонько переговаривались между собой.

— Я постерегу тебя, а ты спи, господин, — предложил Пандарас.

— Они ничего нам не сделают, — сказал Йама, хотя и сам не знал, что будет теперь, когда он освободил лесных людей.

— Я подцепил болезнь недоверия, — настаивал Пандарас. — Спи, господин, а я послежу, чтобы с тобой ничего не случилось.

Это был не совсем сон, скорее какое-то обморочное падение внутрь себя. Йама уже совершал подобное чудо с ребенком, которого доверили ему зеркальные люди, но сам он не до конца понимал, как его сотворил. Раньше он считал, что им руководил фантом Анжелы, но сейчас понимал, что ее привлекло желание разобраться в корнях его могущества.

Сегодня ему придется искать дорогу абсолютно самостоятельно.

Он погрузился в беспамятство глубже, чем при любом сне, — так ребенком он нырял к самому дну реки. Прочь от залитого солнцем зеркала, где течение колышет длинные зеленые плюмажи водорослей. Вниз, вниз, в манящую темноту глубин! Мышцы глотки и легких разрываются от боли, надо вздохнуть, вздохнуть! Терпеть больше нет сил, и он поворачивает назад, к свету. Сейчас, падая, Йама постигал всю тончайшую структуру мира, видел машины более мелкие, чем одноклеточные водоросли, которые составляли самую основу речной жизни. Эти крошечные растения так малы, что заметить их можно, лишь когда они, собираясь бесчисленными миллиардами, окрашивают воду в красный или зеленоватый цвет. Но машины были еще меньше. Их десятитысячную колонию можно разместить на одной пылинке из тех, что плавали в луче солнечного света в комнате эдила, когда Йама забрался туда в утро штурма башни, принадлежавшей доктору Дисмасу.

В то время он думал, что его приключения только начинаются, но сейчас понимал, что они начались задолго до его рождения.

Йама обратил внимание на одну миниатюрную машину, и она развернулась перед ним, как книжный стеллаж в библиотеке замка эдила. Пока он бродил среди бесконечных рядов, ему все время казалось, что сейчас из-за угла покажется Закиль, но скоро Йама понял, что здесь нет мыслей, только информация. Столько информации на таком малом пространстве! Когда-то Закиль учил его, что вся закодированная информация о форме тела может поместиться в капле материи размером меньше крошечной точки в напечатанной самым мелким шрифтом книге. Конечно, здесь было меньше информации, но все равно ее количество подавляло. Йама вынул книгу наугад. Ее страницы оказались покрыты ровными строчками нулей и единиц — одно длинное число, одна бесконечная инструкция. А здесь были тысячи книг.

Йама вспомнил, как фантом Анжелы показал ему некоторые места в мозгу младенца зеркального племени. Тогда он не понимал, а сейчас понял, что это с его помощью она узнала, где они находятся. Если эти участки слегка изменить, они становятся узлами, где могут существовать маленькие машины, которые начинают усиливать сложность нервных процессов, превращая их в настоящее сознание. Это преображение — волшебный дар Хранителей, и дар этот доверен Йаме!

Йама сосредоточился, в деталях вспоминая этот момент. Что сказала Анжела, чуть заметно подталкивая его и испытывая? Что он чувствовал, что видел, как действовал, сам не сознавая, что действует? Не думая, он взял книгу, с фантастической быстротой пробежал пальцами по единицам и нулям, меняя их расположение. Поставил книгу на место, взял другую, пробежался по ней, потом снова и снова, пока не закончил.

* * *

Он сидел в зеленой палатке и секунду не мог понять, спит он или бодрствует. Это Пандарас сплел вокруг него нечто вроде полога. Йама отвел в сторону ветки. Вечерело. Горячий воздух был неподвижен. Сквозь уносящиеся ввысь стволы деревьев пробивались лучи заходящего солнца. Вокруг суетились лесные люди, они развели несколько костров и жарили на них мясо.

— Я узнал, где находится храм, — сообщил Пандарас. — Сначала Йои Сендар не хотел говорить, но я пригрозил, что, если он не скажет, ты убьешь всех Могучих людей. Кроме того, я заставил их заняться едой. Но сейчас все не так, как раньше. Нет ни песен, ни веселья. Они боятся — наверное, потому, что не понимают, что с ними случилось.

— Это пройдет.

— Вот, господин, выпей это. — Пандарас подал Йаме чашу из тыквы, полную пенистого ароматного сока. — Здесь растет виноград с полым стеблем, когда его надрезаешь, он дает сок. Очень вкусный.

Йама взял тыкву, но пить не стал. Вместо этого он сказал:

— Дай-ка мне свой камешек. — И, взяв его, быстро рассек себе ладонь. Камень был такой острый, что боли почти не чувствовалось, но из ранки тотчас побежала кровь. Йама подержал кисть над тыквой, и капли сбегали туда с кончиков пальцев. Много крови не требовалось, но Йама подождал целую минуту и лишь тогда позволил Пандарасу перевязать ранку.

Потом он созвал лесных людей и заставил каждого сделать по одному глотку из чаши. Как раз всем хватило. Йои Сендар проглотил последние капли и вернул чашу, не сказав ни слова.

— Спите, а потом делайте что хотите, — приказал им Йама. — Я не могу прожить ваши жизни за вас. Вы должны научиться жить сами. А когда научитесь, то помните: вы можете освободить других, как я освободил вас. Дайте им выпить капельку вашей крови, смешанной с вином или водой, и они станут свободными.

Конечно, сейчас они его не понимали, но скоро обязательно поймут. Йама попытался объяснить это Пандарасу, но юноша так устал и так хотел спать, что заснул в середине объяснения.

Когда Йама проснулся, уже светало. Лесных людей не было. Пандарас сказал, что не видел, как они ушли, хотя утверждал, что не сомкнул глаз всю ночь. Должно быть, они растаяли и стали лесом, как туман превращается в воздух, когда тает. Указав на кучу тряпья, он заметил:

— Видишь, бросили свои набедренные повязки. Может, они опять станут такими, как были до начала всей этой истории?

— Нет, — ответил Йама. — Теперь они станут другими.

— Как младенец зеркальных людей? Я помню, как ты заставил светлячков плясать вокруг его головы. — Пандарас зевнул. — На завтрак есть немного фруктов. Все мясо они съели ночью, а ты наверняка не станешь жевать жилы и шкуру.

— Ты начинаешь слишком привыкать к чудесам, — улыбнулся Йама.

Полузажившие раны на его щеке царапались друг о друга. Впервые за все время он почувствовал, что его мистическая сила скоро кончится. Позволил себе роскошь надежды.

— Ты не только не удивляешься чуду, — побранил он Пандараса, — но даже не пытаешься понять, в чем его смысл.

— Ну, если ты преобразил их всех, то это действительно чудо, господин. Ведь на одного младенца у тебя ушла вся ночь.

— У меня в крови есть машины. У тебя тоже. У всех есть. Это самый великий из даров Хранителей. А чудо в том, чтобы убедить их сделать мою работу.

Пандарас коснулся своего горла. Он заштопал свежие дыры на рубашке, обернул культю левой кисти куском яркого алого шелка, пригладил волосы и надел на шею венок из орхидей. Монета висела у него на груди, как брошка, а на левую руку он надел амулет. Он выглядел как повеса, собирающийся начать долгую и сложную осаду сердца прекрасной дамы.

— Нас всех наполняет дыхание Хранителей, господин, — сказал Пандарас. — Это общеизвестно. Всех, кроме аборигенов, если, конечно, кто-нибудь вроде тебя не совершит для них чуда.

— Нет, — возразил Йама. — Дыхание Хранителей касается всего в мире, ибо все исходит от них. Я только помог лесным людям осознать то, что в них уже было заложено. Я изменил машины в своей крови так, чтобы они могли воздействовать на все туземные народы мира. Потому я и заставил лесных людей выпить своей крови. Теперь их кровь станет активной и будет преображать всех, кто ее выпьет. Я освободил их, чтобы они становились тем, чем желают. Если захотят, они смогут освободить все кланы лесных людей, которые приходят в лес искать пищу для Могучего племени.

Сквозь нижние этажи высоких крон стали пробиваться первые лучи солнца. Пандарас вытянул руку поперек луча.

— Не уверен, что я до конца все понял, господин, но полагаю, наша работа здесь закончена. Йои Сендар сказал, что храм находится в сутках пути в эту сторону. Думаю, нам потребуется вдвое больше, ведь мы не привыкли к лесу.

Они шли сквозь зеленое лесное молчание большую часть дня. Разговаривали мало, каждый погрузился в собственные мысли. Впервые с той минуты у окна комнаты над конюшней в трактире «Скрещенные мечи», где он встретил Пандараса,

Йама ощутил всеобъемлющий покой. Он — это он, не больше и не меньше. Он отдается своей судьбе и следует за ней, как листок, рожденный на Реке, который судьба может ураганом пронести по всей длине обитаемого мира. День стоял прекрасный, и прогулка только увеличивала его прелесть.

Ближе к вечеру они остановились на краю обрыва перед широкой долиной. Обнесенные колючей изгородью деревни Могучего племени были разбросаны среди путаницы канав, каналов, дорог и тропинок, паутиной покрывавших луга. С дальней стороны долины поднимались холмы, за ними опять холмы, но более высокие. Солнце садилось за Краевые Горы. Мягко стелился свет, как будто хотел обнять весь мир. В этой части леса росли зонтичные деревья. Их суживающиеся кверху стволы заканчивались широко раскинувшимися кронами. Когда с неба просачивался свет, ветки складывались в средней части и сворачивались вокруг стволов с тихим шуршанием и треском. Странное зрелище напоминало толпу величественных вдов, расправляющих складки своих нижних юбок.

Йама и Пандарас улеглись на слой листьев папоротника, из которого Пандарас соорудил плетеное ложе. Он рассказал, что выучился этому трюку, когда гостил у одного из своих дядьев, который был корзинщиком.

— Я считаю, оруженосец должен знать всего понемногу, — похвалился он, — так что очень удачно, что у меня была такая большая семья.

Он отыскал заросли водяного плюща, обвившего ствол зонтичного дерева, и они смогли утолить жажду, но никакой еды Пандарас найти не смог.

— Но завтра мы точно доберемся до храма. Я уверен. Если, конечно, этот уродец не солгал.

— Он не мог солгать, по крайней мере в тот момент.

Пандарас потер лицо ладонями, зевнул и сонно спросил:

— Ты правда их преобразил?

— Их преобразили машины. Надеюсь, со временем они преобразят все туземные расы.

Зеркальных людей и земледельцев из Дворца Человеческой памяти. Рыбарей с Великой Реки и племена, обитающие в глуши на ее берегах. Лесных людей и все невероятные расы туземцев, о которых рассказывали лесные люди, всадников с альпийских равнин, людей-скалолазов, горцев и многих других. Йама старался припомнить всех, но заснул, продолжая перечислять во сне.

Утром Йама и Пандарас проснулись и обнаружили фрукты и молодые побеги плюща в плетеной сумке на толстой палке, воткнутой в дупло зонтичного дерева. Они долго осматривались, но так и не нашли других следов пребывания лесных людей.

— Помните, что я вам сказал! — прокричал Йама в гущу деревьев. — Дайте другим испить каплю вашей крови, и они тоже станут свободными.

Зеленая лесная тишина поглотила его слова.

Весь день Йама и Пандарас шли вдоль лесной опушки по краю хребта над долиной. И на закате, совсем как предсказывал Пандарас, они подошли к храму.

16. СВЯЩЕННЫЙ РАБ

Фасад храма был высечен в высоком отвесном склоне утеса из красного песчаника. Его украшала искусная резьба и орнаменты в белых, золотых и ультрамариновых тонах. К храму вела извилистая дорога с самого дна долины, а заканчивалась она однопролетным мостом через узкую глубокую расселину на краю широкой площади, раскинувшейся перед храмом. В самом центре площади стоял простой алтарь, окруженный стройными, белыми, гладкими колоннами. Скорее всего алтарь служил дневным оракулом, к которому люди приходили попросить о незначительных милостях или помянуть своих мертвых. С одной стороны площади тянулась цепочка маленьких домов с плоскими крышами, где жили священник и храмовая прислуга, а с другой вдоль падавшего в пропасть ручья расстилался луг, на котором становились лагерем паломники и кающиеся грешники.

Но сейчас луг зарос молодыми акациями и дикими банановыми растениями. В садах рядом с домами остались лишь высохшие стволы, а между отполированными плитами песчаника, которым была вымощена площадь, пробивалась сорная трава. На одном из окон хлопала ставня, все хлопала и хлопала, как идиот, повторяющий единственное известное ему слово. Грифы-индейки устроили свои неопрятные гнезда на плоских верхушках колонн вокруг дневного оракула. Их помет стекал по колоннам, а изразцовые плитки у подножий были усыпаны костями их жертв. Однако кто-то все же подмел длинный пролет лестницы к входу в храм, а на высоких шестах на краю площади развевались яркие, невыгоревшие молитвенные флаги и знамена.

— Во время Войны за Преобразование Могучие люди убили священника и иеродула, — зашептал Пандарас. — Архивиста и комиссара они тоже убили. Комиссара и манипул солдат они сожгли прямо в замке, а других убили здесь. Йои Сендар рассказывал, что те, кто убил архивиста, потом ели его мозг, потому что хотели получить власть над мертвыми.

Йама и Пандарас присели среди высохшего кустарника на каменистом склоне перед площадью. Пандарас вынул свой острый камешек и точил этот импровизированный ножик о кусок кремня, зажав его между зубами.

— Я думаю, обойдемся без него, — с надеждой проговорил Йама.

— Может, там префект Корин. Или доктор. У тебя могущественные враги, господин. Их нелегко убить, и если они уцелели при падении сада, они тебя ищут.

— Доктор Дисмас не стал бы поджидать нас в храме — это не в его стиле. А Корин не будет возиться с флагами и подметать ступени. Если это кто-то, кого мы знаем, то это может быть только один человек. А если нет, то надеюсь, что человек, назначивший себя блюстителем этого места, не причинит нам вреда. Кроме всего, это единственный путь попасть в серединную точку мира, не тратя сотни дней на дорогу.

Йама встал, в облаке пыли сбежал со склона и понесся прямо через площадь. Под ногами с легким треском ломались сухие травы. Встревоженная парочка грифов поднялась в воздух. Пандарас спустился более осторожно, держа у плеча свой заточенный, как лезвие, камень, а покалеченную левую руку пряча в складках рубашки. Он хотел догнать Йаму, который обходил по кругу колонны (кто-то подмел алтарь и пытался отскрести нацарапанные там знаки) и направлялся к храмовой лестнице.

Запыхавшись, Пандарас сказал:

— Можно было бы подождать до ужина, господин.

— Я думаю, нам нельзя больше полагаться на лесных людей, — ответил Йама. — У них теперь другие заботы. И пожалуйста, Пандарас, убери лезвие. Давай покажем, что мы пришли как друзья.

Но Пандарас его не слышал. Он издал внезапный вопль и бросился вверх по ступеням. У входа в храм появилась высокая бледная фигура.

Тибор.

— Я знал, что вы не погибли в наводнении, — сказал Йаме иеродул.

Йама улыбнулся и ласково ответил:

— Скоро я освобожу тебя от твоих обязательств, Тибор. Эту ночь проведем здесь, но идти нам очень далеко, так что отправимся, как только отдохнем.

— Я уже нашел кое-что полезное, — сообщил Тибор.

Они сидели, скрестив ноги, на террасе перед входом в храм. Рубашка иеродула была распахнута и открывала взгляду длинные вертикальные шрамы на груди. Брюки из жесткой серебристой материи он слегка надрезал в талии и внизу, так как

они были ему маловаты. Он принес поднос с едой и кувшины вина и дистиллированной воды. Йама и Пандарас ели с большим аппетитом, хотя пища слишком долго хранилась в морозильнике — размякшие овощи сморщились и в середине оставались холодными, в них даже сохранились кристаллики льда. Плоские хлебцы стали совсем сухими, а соусы потеряли почти весь аромат.

— Жители долины убили иеродулов и священника, — рассказывал Пандарас. — Они отвернулись от Хранителей. Для такого, как ты, здесь небезопасно. Ты думаешь только о служении, а здесь неподходящее место.

— Я знаю, что здесь случилось, — ответил Тибор. Он жевал прутик, гоняя его по губам длинным красным языком. В наводнении он потерял свои курительные принадлежности. — Но ведь это произошло много лет назад. Я не боюсь. Теперь все будет иначе.

— Наверное, теперь сюда могут прийти лесные люди, — задумчиво проговорил Пандарас. — Но я все же считаю, что тебе лучше пойти с нами.

Йама спросил Тибора, как он спасся от префекта, и иеродул рассказал, что, когда приливная волна ударила в летающий сад и сбросила его вниз, он еще боролся с Корином, потом их обоих смыло в реку.

— Нас разбросало, — продолжал Тибор. — А потом я был слишком занят, пытаясь не утонуть, и не знаю, что с ним случилось дальше. Меня затянуло в гигантскую воронку, да так глубоко, что, наверное, я достал до самого дна. Когда легкие у меня уже почти разрывались, я вдруг пробкой вылетел на поверхность и оказался прямо возле вырванного с корнем дерева. Я залез на его крепкий ствол, и потоп носил меня с ним вместе куда хотел. Там уже искали спасения множество мелких животных, а в зеленых ветвях сушились вымокшие птицы, так что голодным я не был. Два дня меня носило в компании все увеличивающегося флота таких же деревьев, а потом вода отступила, и по их ветвям и стволам я добрался до сухого места и пошел к лесистым холмам, где не было наводнения. Эта часть леса населена в основном туземцами, и я знал, что единственный на пятьдесят лиг храм находится за холмами. Так что я пошел через лес и после многих испытаний, которыми я не стану вас утомлять, добрался сюда.

— Ты искал, чему бы можно служить? — спросил Пандарас.

— Я ведь иеродул.

А Йама в свою очередь спросил:

— У тебя для нас были готовы еда и питье. Как ты узнал, что мы приближаемся?

Тибор расплавил свои большие шестипалые ладони.

— Ну как же! Она мне сказала. Если бы вы не пришли сюда, я пошел бы за вами.

В первый раз с тех пор, как они ушли от Могучих людей, Йама почувствовал, как шевельнулась Тень.

— Я так и думал, — мрачно проговорил он. — Покажи-ка мне оракул.

Тибор кивнул:

— Она ждет тебя, Йамаманама. И не бойся. Она простила, что ты пытался ее убить.

Длинная тропа процессий все еще сохраняла слабое люминесцентное сияние. Она провела их по широким коридорам, сквозь череду покоев с изумительной росписью на стенах и потолке и в конце концов привела в самое сердце храма, в наос — просторную сухую пещеру, где легко поместилась бы тысяча паломников. Когда Пандарас и Йама вслед за Тибором вошли внутрь, сверху спустился вихрь крошечных искр и короной окружил их головы.

— Светлячки! — засмеялся Пандарас.

— Как глубоко в плато уходит храмовый комплекс? — спросил Тибора Йама.

— Дальше, чем мне позволяется заходить, — ответил иеродул. — Она ответит на все твои вопросы.

Красные гранитные плиты создавали на полу спиральный орнамент, и пока Йама с Пандарасом шли за Тибором, под ногами у них играли мерцающие отражения светлячков. Впереди, в темноте, возникло холодное свечение. На черном диске оракула плясали световые блики. Оракул стоял на высоком помосте, и к нему вела крутая лестница. Между песчаниковых плит постамента кто-то воткнул прочные шесты. К шестам ржавой проволокой были привязаны трупы в разодранных мантиях. Лишенный влаги воздух иссушил их до выдубленной кожи, плотно обтянувшей кости.

— Я стер лозунги, — тихо сказал Тибор, — но ей нравится смотреть на останки своих врагов.

— Вот этот, я думаю, архивист, — указал на одно из тел Пандарас. — Видишь? Они сняли с черепа верхнюю часть, как с яйца.

Монета у него на груди начала светиться. Пандарас поднял ее, чтобы Йама тоже увидел. Мерцание диска искрами заиграло в его глазах.

Внезапно его омыло зеленым светом.

Оракул вдруг превратился в окно; прямо на Йаму двигался фантом Анжелы, впиваясь в него повелительным и уверенным взглядом. Как и прежде, на ней было белое, облегавшее стройную фигуру одеяние. За ее спиной под голубым небом раскинулся зеленый сад. Она долго смотрела на Йаму молча. Он выдержал ее взгляд и подавил позыв заговорить, хотя от этого усилия сердце его застучало и вся одежда пропиталась выступившим потом.

Наконец она проговорила:

— Ты плохо выглядишь, дорогой. Жизнь круто с тобой обошлась. Но ничего, я снова здесь и помогу тебе. Ты молчишь? Разве тебе нечего мне сказать?

— Я никому не служу, — сказал Йама. Он пытался смотреть ей за спину, надеясь вызвать пса преисподней, но что-то не позволило ему заглянуть глубоко.

Она рассмеялась. Йаме показалось, что зазвенели ножи.

— Разумеется, служишь, дорогой. Для этого ты и создан.

— Насколько я понял, за мной следят мятежные машины. Они не смеют появиться в мире, который потеряли, разве что ненадолго. Они обречены вечно наблюдать за тем, чего не могут иметь.

— Ты очень упрям, но ты ведь сам понимаешь, что нуждаешься в моей помощи. Ты ведь осознаешь, что есть еще многое, чего ты не знаешь. Например, ты считал, что убил меня, и не понимаешь, почему это не вышло. Кстати, прекрати вызывать эту надоедливую тварь, на этот раз она не явится.

Тут тихим, но решительным голосом вмешался Пандарас:

— Ты — призрак, о котором говорил мне мой хозяин. Призрак призрака — ведь я знаю, что мой господин тебя убил.

— Ты говоришь правильнее, чем сам думаешь, малыш. Это же ты заглядывал в книгу, правда? Тогда я позволю тебе жить. А теперь вырази благодарность за мое милосердие.

— Если в тебе действительно есть хоть капля милосердия, — сказал Йама, — то отпусти иеродула. Ты плохо с ним обошлась.

— Разве он не слуга аватар? А других аватар не осталось, только я. Уж я-то знаю, я убила их всех.

— Никакая ты не аватара, — устало бросил Йама. — Просто никому не нужный фантом мертвой женщины. Ты затерялась во времени. Такие, как ты, исчезли пять миллионов лет назад. Черная машина использует тебя, как ты используешь иеродула.

— Мы союзники. Ты можешь к нам присоединиться.

Йама повернулся боком, чтобы она увидела его ужасный шрам.

— Одна из черных машин уже пыталась меня использовать. Она хотела со мной сделать то же самое, что и с доктором Дисмасом, но она больше не имеет надо мной власти. И ты тоже. Ты просто память, точнее, кусок памяти.

— С моей помощью, дорогой, ты можешь стать намного более могущественным, чем любая черная машина.

— Мы можем стать только тем, чем нам предназначено.

Фантом улыбнулся.

— Именно эта философия заставила твоих Хранителей уйти из Вселенной. Она неверна. Только животные вечно остаются тем, что они есть, но человеческие существа должны изжить свою животную составляющую. Хранители были просто дураками. Они сотворили из животных десять тысяч рас, но запрети-

ли своим созданиям подниматься выше, чем их создатели. Мы докажем — ты и я, — как они ошибались.

— У тебя нет власти надо мной, — повторил Йама и с громадным усилием оторвал взгляд от исходившего из сада зеленого света.

Женщина-призрак сказала:

— Я знаю, почему мелеет Великая Река. Я могу помочь тебе спасти мир, если уж ты к этому стремишься.

— Ты сама хочешь получить весь мир.

— Я и получу его. Немного позже.

— Тогда зачем я буду его спасать?

Голос фантома стал глубже. Теперь в нем звучала музыка, и Йама ощутил, как его мышцы пытаются на нее отозваться; в нем оставалось еще слишком много от машины. Он боролся с этим соблазном, уцепившись за хрупкое тело архивиста, и даже обнял его, чтобы устоять на ногах.

Пандарас вскрикнул, но Йама не слышал его слов. Его мозг наполнился голосом женщины-призрака.

— Ваш мир — это подделка, артефакт, искусственное обитаемое сооружение длиной в двадцать тысяч километров и шириной в тысячу. Он помещен в гнездо силовых полей, имитирующих гравитацию планеты размером с Землю, которая удерживает атмосферу. Он не очень качественно сделан. Машины должны постоянно поддерживать его существование; без них воздух вскорости стал бы непригоден для дыхания, обитаемые места превратились бы в пустыни, а Великую Реку затянул песок. В этом состоят функции некоторых мелких машин. Но в киле мира имеются грандиозные машины.

Йама припомнил гигантские машины, на которые ему удалось бросить взгляд под землей, когда Беатрис возвращала его в замок эдила. Она предостерегла его, что их нельзя будить раньше времени. Тогда он ее не понял.

Призрак продолжал свою песню, соблазнительную, убеждающую, сладкую.

— Вокруг главной звезды Слияния вращается много выходов из подпространства. Я полагаю, они возникают в различных точках галактического диска. Но такой выход есть и в серединной точке вашего странного мира. Какая-то сила его изменила. Люди твоей расы построили этот мир, Йамаманама. Ты — ключ к нему. И ты будешь служить. У меня могучие союзники. Скажи мне теперь же, что ты по крайней мере выслушаешь одного из них, и я пощажу мальчишку. Но если ты прекратишь этот разговор, то я заставлю своего раба раскроить ему череп и вымазать твое лицо его мозгами. Простого «да» будет достаточно.

Пандарас попробовал убежать, но Тибор поймал его, поднял над землей и одной огромной ладонью прикрыл всю его голову. На лице иеродула читалось чудовищное напряжение. Он

начал дрожать. Мышцы в его руках и ногах дергались, как будто сражаясь друг с другом. Пандарас взвыл от страха, словно в агонии.

— Говори! — настаивала женщина-призрак. — Или я заберу его жизнь.

Йама стал приближаться к Тибору и Пандарасу, но это было как во сне, когда кажется, что сила гравитации больше или воздух становится плотным, как вода. Он тяжело дышал.

— Говори!

Фантом и иеродул выкрикнули это вместе.

Пандарас резанул своим каменным лезвием по руке Тибора, но иеродул перехватил удар и забросил камень в темноту за пределы помоста.

— Говори, или он умрет!

— Нет!

Иеродул поднял Пандараса над головой, будто собираясь швырнуть его вниз о камни. Юноша сорвал керамический диск, болтающийся у него на шее, и ткнул его краем в глаз иеродула.

В тот же миг фантом и иеродул одновременно взвыли. Белый свет скрыл сад и озарил громадное помещение. Иеродул выронил Пандараса. В глазу его торчала монета, кровь струилась по лицу. Он споткнулся о два лежащих тела, и те тут же рассыпались в пыль и осколки коричневой кости. Иеродул перевалился через край помоста и упал вниз.

Йама и Пандарас бросились вниз по крутой лестнице. Тибор лежал на полу со сломанной шеей. Пандарас вынул монету из глаза иеродула, закрыл ему веки и поцеловал в лоб.

— Он бы меня убил, — сказал Пандарас. Он плакал.

— Как же ты догадался? Она соединялась с Тибором через оракул, а ты его закрыл. Нам нельзя здесь оставаться, Пандарас. Она скоро придумает, как вернуться.

В облаке светлячков они побежали к выходу, а впереди мчались тени от света, который продолжал пылать в оракуле. К моменту, когда фантом сумел снова открыть окно, они уже спускались к подземным дорогам.

17. СТЕКЛЯННАЯ ПУСТЫНЯ

Это был пыльный город, построенный вдоль узкого ущелья в скалах на самой границе Стеклянной Пустыни. Ущелье перекрывали полосы раскрашенного полотна, которое хлопало и ухало от постоянного холодного сухого ветра. Вдоль ущелья тянулись глиняные фасады зданий, высеченных в его скалистых

стенах. Десятки различных рас приходили сюда менять зелья, редкие металлы, драгоценные камни, меха на ружья, ножи и другое оружие, которое ремесленники изготовляли в потайных двориках между домами. В одном конце ущелья находился рынок местных изделий, а в другом — коралловый лабиринт, куда приводили на продажу яков, мулов и дзо. За рынком начинались поля и сады, орошаемые из артезианских колодцев. Они составляли разительный контраст с унылым пейзажем пустыни, где росли только кактусы, баобабы и перекати-поле.

Город назывался Кань, или Туль, или Голгат. Он имел еще и массу других тайный названий, известных только племенам, которые ими пользовались. Общее мнение сходилось на том, что это самое пропащее место в мире. Болтали, что торчащий рядом двухголовый горный пик, который отбрасывал длинные тени на город ранним утром и поздним вечером, заслонял город от взглядов Хранителей и что любой совершаемый здесь грех оставался безнаказанным. Приход еретиков мало что изменил. Город по-прежнему был приютом контрабандистов, грабителей, угонщиков скота, беженцев и других отбросов общества. За тот час, что они пробыли в городе, Йаме уже пришлось убить двух негодяев, пытавшихся его ограбить.

Оба налетчика были высокими грузными людьми с грубой рыжей шерстью по всему телу. Одеты они были в полосатые бурнусы и белые полотняные штаны с кожаными поясами, сползшими под огромные животы. И оба были совершенно пьяны. Когда один из них бросился на Йаму с кинжалом, Йама сломал ему руку, выхватил оружие и приказал обоим проваливать. Раненый негодяй взвыл, но, опустив голову, как бык, лез вперед. Йама легко сбил его с ног, покачивая в руках кинжал, скользнул в сторону и полоснул разбойника по спине, разрубив ее до позвоночника. Нападавший тут же упал и умер, не долетев до земли.

Второй мерзавец покачнулся и выкрикнул:

— Ах ты, фраер, ты убил его! — и вытащил из-за пояса пистолет.

Йама спокойно, с чувством удивительной отстраненности, как будто все это уже когда-то случалось — может быть, в одной из прочитанных им книг, — взвесил в руке кинжал, чтобы почувствовать баланс, затем резким движением метнул его из-под руки и попал бандиту в глаз.

Зеваки, собравшиеся поглазеть на драку, стали быстро расходиться — представление кончилось. Убийство — обычное дело в городе по ту сторону закона. Пандарас подобрал пистолет, шуганул пару ребятишек, которые подбирались к трупам, залез в кошельки на поясах у убитых и нашел несколько мелких монет, упаковку пуль и зарядный блок энергопистолета. Потом он

вытащил кинжал из глаза второго бандита, вытер обоюдоострое лезвие о бурнус убитого и заткнул его за пояс своих штанов.

Когда Пандарас протянул пистолет Йаме, тот от него отказался.

— Я знаю, Пандарас, нам нужны будут еще деньги, но убивать ради них я не буду.

Холодное спокойствие, охватившее его в момент опасности, улетучилось, и он начал дрожать. Они двинулись прочь, а за их спинами к трупам подкрались дети, чтобы забрать пояса и кошельки. Над головой хлопало полотно, красное, как одеяние жреца, превращая солнечный свет в кровавый поток.

Пандарас пробормотал:

— В таком месте нам понадобится все оружие, какое только можно достать, чтобы просто сохранить то, что у нас есть. А что касается денег, то я должен кое в чем признаться. Я сжег не все ценности, которые Могучие люди прятали в своих убогих домах. Оставил два самых маленьких портрета. Не думаю, что здесь мы найдем настоящих ценителей искусства, но эти картины — эмали на золотых пластинах. Наверняка мы сможем купить на них то, что нам нужно. Ну что, ты доволен, что не смог отослать меня домой?

Йама хотел отправить Пандараса в Из по подземной дороге, объяснив ему, что путешествие в Стеклянную Пустыню почти наверняка окончится смертью, но мальчишка отказался.

— Я твой оруженосец, господин, в удаче и в беде, — с чувством произнес он. — К тому же я не думаю, что дела пойдут еще хуже. За два дня я убил двоих человек, один из которых был моим другом. Я потерял руку и не раз предавал тебя, пока мы были в разлуке. Но сейчас я тебе не изменю.

И они отправились дальше вдвоем. Йама заставил машины провести их по бесконечным пещерам и коридорам. Его больше не волновало, смогут ли враги проследить его путь по следам его команд.

Штука, похожая на гигантского серебряного паука — машина, убирающая пещеры от пыли, — привела их наконец к действующему участку транспортной системы, которая в былые времена связывала весь мир. Всю ночь они мчались в грохочущей капсуле, падающей сквозь подземные пути килевого пространства. Оба не спали, хотя и притворялись, что спят.

Вся транспортная система за серединной точкой мира была разрушена в войнах Эпохи Мятежа. Капсула доставила Йаму и Пандараса куда смогла, и они очутились в лабиринте под разрушенным замком. На поверхность они вышли у подножия скалы напротив склонов Большого Хребта. Рядом стояли юрты кочевых оленеводов. Когда Йама и Пандарас зашли в их лагерь с коронами из светлячков, которые Йама забыл убрать, ко-

чевники упали на колени. Пришельцы позавтракали кислым козьим молоком, смешанным с оленьей кровью, и густой кашей из ячменя и сухих абрикосов, а потом отправились в путь. Они поднимались целый день, оставив позади бедные пастбища оленеводов. К городу пришлось карабкаться по длинным иссушенным ветрами кулуарам.

На деньги, полученные Пандарасом за золото, которое он украл у племени Могучих людей, купили верблюда, необходимые вещи и припасы в единственной городской лавке. Новую одежду, меховые куртки для перехода через горы, легкие рубашки для пустыни, палатку из обладающего памятью пластика, которая складывается в сверток размером с шарф, сухие продукты, бутыли для воды и перегонный куб для сбора росы, сбрую и седло для верблюда. Кое-какие деньги еще остались, но Йама вежливо отклонил предложение торговца осмотреть арсенал. Там, куда он идет, оружие ему не понадобится, а у Пандараса есть кинжал и пистолет, взятые у убитых грабителей.

— У меня есть и карты, — предложил торговец. — Надежные карты, сертифицированные.

— Нам не нужны карты, — отказался Йама.

— Тут один парень мне уже так ответил. Думаю, скоро он достанется грифам, и вы тоже, если не согласитесь и не выслушаете совет.

Торговец был очень высок и страшно тощ, с гладкой коричневой кожей, блестящей, как начищенный ботинок. Пальцем с длинным ногтем он коснулся уголка своего опалового глаза и продолжил:

— Может, у вас есть собственная карта и вы ей доверяете. Хм... Сюда многие являются с картами, найденными в древних хранилищах или архивах, но здесь им нельзя доверять. Все развалины на доступном от края Стеклянной Пустыни расстоянии минированы, а все колодцы отравлены. У меня современные карты. Вам даже не придется за них платить, во всяком случае, не сразу. Но все, что вы найдете, продадите мне.

Пандарас спросил:

— И ты готов поверить нам на слово?

Торговец посмотрел на Пандараса сверху вниз. Он был в три раза выше юноши. У дверей заворочалась тучная телохранительница, держащая в мясистой лапе ружье.

— Тут проходит единственная дорога в Стеклянную Пустыню, — объяснил торговец, — и из нее — тоже. Если останетесь живы, то вернетесь. Вам в любом случае придется продавать свои находки, а у меня лучшие цены в городе. Расспросите людей, если не верите, и все мои конкуренты скажут, что я слишком щедр на деньги.

Йама спросил:

— А кто был тот, другой путешественник? У него на лице была белая полоса?

— Не так скоро, — отозвался торговец. — Здесь все имеет свою цену.

Йама велел Пандарасу отдать торговцу остаток денег.

— Опиши его.

Тот поплевал на монеты и потер их мягкими плоскими подушечками на концах костлявых пальцев.

— Ростом он с тебя. Лицо закрыто вуалью. Глаза желтые. Одет в шляпу и серебряный плащ. Я знаю, как его зовут, но за это тебе придется доплатить.

— Это я и сам знаю, — бросил Йама.

Торговец быстро взглянул на Йаму:

— Не важно. Он не взял ни продуктов, ни воды, только седло для своего мула. И запах от него шел тяжелый, как от прокаженного. Вот так. Как его звали, уже не важно. Сейчас он уже труп.

Из города за ними примчались верхом трое негодяев той же расы, что и убитые. Они были либо родственниками тех, с кем расправился Йама, либо состояли в сговоре с торговцем, а может, просто хотели отобрать у новичков покупки. Когда они налетели на Йаму, он просто вызвал машину и убил всех сразу. Они с Пандарасом привязали тела к одной из лошадей грабителей и хлестнули ее, чтобы скакала в город. Пусть это будет предостережением. Вторая лошадь понесла, когда машина разбила череп ее всаднику. Но третью, потрепанную серую кобылу, Пандарас легко поймал. И вот Йама с Пандарасом, один на кобыле, другой на верблюде, проехали высокие ворота Потерянных Душ, где нескончаемый ветер с воем носился по блестящему льду, и двинулись вниз по длинному каменистому склону горы к сверкающей пустоте.

Дорога вилась по абсолютно мертвому ландшафту. Здесь не росло ничего, кроме камнеломки, которой для жизни хватало ежеутренней росы. Черные и желтые оплавившиеся корки были единственными цветными пятнами в этом кипящем белизной щелочном ландшафте. То и дело попадались пирамиды — места погребения несостоявшихся исследователей и искателей приключений. Все разоренные. Вечером второго дня Йама и Пандарас проехали мимо трех черепов, установленных друг на друга на плоском камне.

Пандарас указал на аккуратную дырочку в одном черепе, как раз над глазницей.

— Может, он поссорился со своими компаньонами из-за найденных сокровищ... а может, сам покончил счеты с жизнью после того, как убил своих товарищей. Призраки машин, которые сражались здесь во время войны, сводят людей с ума.

— Ты еще можешь вернуться, — напомнил Йама. — Мне придется столкнуться с явлениями, которые страшнее любых привидений, и едва ли я сумею тебя от них защитить. Ты можешь погибнуть. И я тоже могу погибнуть.

Пандарас дотронулся до монеты, которую по-прежнему носил на шее.

— Ну, как же! Ты сам говорил, что она лучше защищает от духов машин, чем амулеты и обереги людей из Нового квартала.

— Возьми лошадь, Пандарас, возвращайся через проход и жди меня.

— Ты тоже вернешься, господин? Тогда ладно.

В этот вечер они устроили лагерь возле старого колодца. Вода была черной, подернутой серой пылью. Кобыла сбросила поводья и напилась раньше, чем Йама успел вызвать машину, чтобы проверить воду. Лошадь тотчас упала, завыв от боли; на губах выступила пена. Верблюд фыркнул, будто выражая презрение, сам он к воде не приближался. Кобыла билась в конвульсиях, из глаз и ноздрей у нее хлынула кровь. Йама погладил ее по морде, а потом быстрым движением перерезал ей горло.

Пандарас зачерпнул пригоршню воды из колодца, взял ее в рот, быстро выплюнул, а остаток выплеснул на землю.

— Точно, отравленная, — сказал он и снова сплюнул. — Могу поспорить, это сделали люди торговца. Они отравляют большую часть источников, а он одалживает людям карты, где указаны неотравленные.

— Здесь вся земля отравлена, — грустно заметил Йама.

Они передвинули лагерь еще на лигу дальше по склону и остановились на плоском и широком горном карнизе. Пандарас изжарил куски мяса несчастной кобылы, вырезанные из задней части. Кроме того, он наполнил ее кровью две пустые бутыли, сказав, что для него кровь не хуже воды.

За ужином ел в основном Пандарас, у Йамы не было аппетита. Как только они стали спускаться к пустыне, он ощутил отдаленное присутствие союзницы доктора Дисмаса. Она тянула к себе остаток Тени в его мозгу, играя на ней, как солнечный луч на далеком кусочке зеркала; колокольным звоном отдавалась в ушах. А еще он чувствовал, как за невидимый повод его тянет черная машина, которую он, сам того не ведая, вызвал, когда находился в безнадежном положении в доме беглого звездолетчика. Ощущая баланс этих двух сил, Йама сидел и смотрел на бесконечные пространства Стеклянной Пустыни. Солнце давно зашло, и он не заметил, когда Пандарас прикрыл его меховой курткой, спасая от пронизывающего ночного холода.

С того дня Йама и Пандарас ехали на верблюде по очереди. На спуск с гористого склона ушло еще три дня.

Внизу расстилалась Стеклянная Пустыня: красные, желтые, коричневые пятна и кратеры, с одной стороны гигантский извилистый каньон, по которому когда-то протекала река, такая же широкая и глубокая, как Великая Река. На этой горькой земле то тут, то там вспыхивали искры, а в центре пылало целое море света — там в былые времена стоял город. Когда-то Стеклянная Пустыня была такой же зеленой, как и населенная часть Слияния, и такой же многолюдной. Но мятежные машины после восстания сделали ее своим логовом, и в последних, самых беспощадных войнах Эпохи Мятежа все здесь было разрушено.

В тот день Йама шел рядом с оседланным верблюдом среди бесплодных песков и оплывших булыжников, которые вплавила друг в друга сила какого-то древнего взрыва. За камнями Йама то и дело замечал мелькающие фигуры, исчезавшие, когда он оборачивался взглянуть на них, но которые он тем не менее узнавал. Сначала Дирив с ее легкими, летящими по ветру волосами. Потом остальные. Его любовь и все его мертвые... Это остатки Тени зашевелились в мозгу. Зов далекой прародительницы через пустынные пространства разбудил ее и придал новые силы.

В тот вечер на биваке Пандарас заметил, как напряжен его господин. Йама сидел на корточках и, не мигая, смотрел сквозь свистящий холодный ветер, прилетающий из темной пустыни. Его черные волосы побурели от пыли и облепили бледное, покрытое шрамами лицо. Он и не заметил, когда Пандарас стал его брить, воспользовавшись тонким осколком стекла и пригоршней драгоценной воды. Ножниц у них не было, но Пандарас хорошенько наточил кинжал и кое-как подрезал Йаме волосы. Не так-то легко было все это проделать одной рукой, но Йама и не заметил неловкости Пандараса. Казалось, он все больше и больше углубляется в свои мысли.

Йама не стал ничего есть и очень плохо спал. Пандарас наблюдал за ним, жуя свернувшуюся кровь, которая начинала уже портиться. Насколько он понимал, они не вернутся. В лучшем случае им удастся уничтожить врага, а потом рассчитывать только на легкую смерть от жажды и теплового удара. В худшем враг их сам уничтожит.

Жаль, что так получится. Ему бы хотелось сложить песню о подвигах Йамы и изобразить их как самое большое чудо света. Пандарас вспомнил машины, которые он видел в подвале мира, когда паукообразная штука отвела их к подземной дороге. Полы в огромных вестибюлях были прозрачными, а под ними виднелись такие грандиозные залы, что туда легко могла вместиться гора. Как будто они с Йамой стали птицами и висели в центре мира, скрытого в другом мире. Глубоко внизу над зеленой равниной летали крошечные красные и черные искры, их освещала

блестящая пыль, наподобие муки, испускавшая белое, как день, сияние. Эти искорки наверняка были машинами, размером не меньше караки, и еще большие машины усеивали зеленую равнину. Черные шпили сложной решетчатой конструкции возносились на половину расстояния до светящейся пыли, их обвивали полоски, похожие на золотые нити. Такие нити должны быть шириной с главный проспект в Изе. Громоздились горами черные кубы размером с целый город, и на зелени равнины светились геометрические рисунки белого и серебристого цветов.

В одном месте Йама лег на пол лицом вниз, распростершись, как паломник. Паук остановился, заломил одну лапку, потом другую и застыл, будто в отчаянии, пока наконец Йама не встал и не отправился дальше.

Тогда Йама сказал Пандарасу, что в мире есть тайны, о которых он может только догадываться. Добираясь к Стеклянной Пустыне, они снова вернулись к этой теме. Йаме хотелось снять с себя груз всего, что с ним произошло. Он еще раз рассказал Пандарасу, как его младенцем нашли на груди мертвой женщины в белой лодке, пущенной по Великой Реке. Он говорил о своем детстве, о том, как был счастлив, что он — приемный сын эдила Эолиса и приемный брат мужественного погибшего Тельмона. Он вспомнил, как его хотел похитить доктор Дисмас, как он спасся и нашел приют в башне Озрика и Беатрис, последних кураторов Города Мертвых. Вспомнил о своем путешествии в Из, где сбежал от префекта Корина и встретил Пандараса. А потом шаг за шагом они рассказали друг другу всю историю: приключения во Дворце Человеческой Памяти, путешествие вниз по реке на «Соболе», сожжение Эолиса префектом Корином, смерть эдила, измена Элифаса. И дальше: приключения по отдельности, новая встреча и теперь вот последнее испытание. Они все-таки добрались до Стеклянной Пустыни, не в поисках выдуманного Элифасом города, а в стремлении к отмщению.

На третий день после спуска с гор Пандарас заметил птиц. Черные крестообразные тени кружили высоко в небе настолько ярком, что оно скорее было белым, чем синим.

— Это не птицы, — мрачно объяснил Йама. — Они следили за нами, как только мы вышли из прохода, а сейчас просто решились подобраться поближе — ведь это их земля.

Он долго и надрывно кашлял в кулак. Легкие разъедала щелочная пыль, висевшая в раскаленном воздухе. Она проникала сквозь повязки, закрывавшие нос и рот, забивалась во все отверстия тела, въедалась в кожу, образуя язвы. Она попадала и под очки, вызывая воспаление глаз. На верблюде по-прежнему ехали по очереди, и сейчас в седле был Пандарас, но тут он слез и сказал:

— Отдохни немного, господин, езжай верхом.

Йама стянул со рта повязку и сплюнул. В слюне была кровь. Когда к нему вернулось дыхание, он сказал:

— Она становится сильнее, Пандарас. Уже не беспокоится, что ее могут найти, потому что машины, которые могли бы ее уничтожить, заняты войной с еретиками. К тому же она создала себе много слуг.

— Ты можешь заставить их убраться, господин. Пожалуйста, сядь на верблюда, тебе станет лучше, если немного проедешь.

Но Йама продолжал идти и вести верблюда.

— Есть много видов машин, — продолжал он. — Я думал об этом, когда мы шли через тот зал под храмом, помнишь?

— Я этого никогда не забуду. Как ты думаешь, там живут люди, так глубоко под землей?

— Нет, Пандарас. Там внизу машины, которыми я пока не могу управлять. Я не умею даже разговаривать с ними. Они стоят настолько же высоко над обычными машинами, которыми командуют магистраторы, насколько мы над животными, из которых нас сотворили Хранители. С машинами как с людьми: существуют просветленные расы, которые ушли за пределы нашего мира, и есть машины, стоящие за пределами мира. Как мы не можем общаться с просветленными, так и я не могу говорить с этими машинами. Или пока не могу. И как существуют преображенные расы, в которых дыхание Хранителей ускорилось, так есть и машины, тоже имеющие самосознание. Например, рабочие машины глубин, которые убирают песок со дна Великой Реки. Ими я могу командовать, как генерал, командует солдатами, хотя в глазах Хранителей и генерал и солдаты равны. А есть еще непреображенные расы и обычные машины, которые поддерживают в мире порядок, — такими машинами как раз командуют магистраторы. А еще существуют туземные расы и машины, у которых нет самосознания, и оно им никогда не потребуется.

— Но ты все же преобразил зеркальную расу и лесных людей, — удивленно заметил Пандарас.

Но Йама его не слышал. Он бормотал:

— Машины и люди... Мы как зеркала друг для друга. Черные злые машины превосходят преображенные, но уступают просвещенным. Но интересно, они превосходят меня или уступают мне? Я вызвал одну себе на помощь, я и теперь ее чувствую. Но управлял ли я ею? Или она просто увидела шанс запустить в меня свой крючок? С отпрыском той силы, что ждет нас впереди, с Тенью, которую доктор Дисмас во мне вырастил, я справиться не смог. Но, может быть, это оттого, что Тень слишком на меня похожа? Она начала втягивать в себя мои силы. Я не знаю, на что я способен, Пандарас. Наверное, Тень знает меня лучше, чем я сам.

Целый день они пробирались через окаменевшие остатки бывшего леса. Пандарас повел рукой и сказал:

— Это мертвое место. Неудивительно, тут могут жить одни машины.

Какое-то время они шли молча. Наконец Йама сказал:

— Эта половина мира лишилась своей реки. Помнишь ущелье, которое мы перешли позавчера? Когда-то там был приток здешней Великой Реки. Он сбегал в нее со снеговых полей Краевых Гор, так же как Брис втекает в Великую Реку около Эолиса. Но Великая Река, куда впадал этот приток, высохла и не обновилась. Земля умерла. Возможно, наша Великая Река тоже умирает.

Наконец Пандарас уговорил своего господина влезть в седло перед обмякшим горбом верблюда. Устроившись, Йама сказал:

— Если мой отец был прав, значит, обмеление Великой Реки — моя вина. Оно началось, когда я появился в этом мире. Может быть, мне удастся искупить свою вину, если я узнаю как. В этом моя единственная надежда.

Пандарас понял не больше половины из того, что сказал его господин, он только видел, с какой болью это говорилось.

— Ты более велик, господин, чем сам считаешь, — сказал он. — Сейчас ты устал и не все правильно понимаешь. Отдохни, и тебе станет лучше. Езжай верхом до ночевки, я не против пройтись пешком.

К вечеру они добрались до конца окаменевшего леса и встали лагерем. Пока Йама спал, беспокойно вскрикивая и ворочаясь, Пандарас, как обычно, сторожил его сон. Раз или два ему показалось, что за стенкой палатки кто-то крадется. Вот! Опять! Звук металла о камень! Верблюд фыркнул и переступил с ноги на ногу. Нет, это не игра воображения! Пандарас схватил пистолет, хотя какой от него толк против чудовищ?

На следующее утро Йама сообщил:

— Мне приснилось, что за нами следят.

— Я об этом знаю, господин.

Пандарас прищурился, вглядываясь в нестерпимо яркое небо. Птицы-шпионы все еще летали в вышине. Даже не глядя на них, Пандарас чувствовал их присутствие, отзывавшееся слабым покалыванием в макушке. А вокруг, то легкой поземкой, то узкими стремительными потоками, струился рыжий песок. Сухое шипение песочной взвеси наполняло воздух.

— За нами идут от Прохода Потерянных Душ, — объяснил Йама. — Там целая армия, Пандарас. Я видел ее во сне. Но думаю, это был не совсем сон. Здесь я вижу не сны, а видения.

Пандарас оглянулся на вершины Большого Хребта. В далекой вышине сияли ледяные пики, как будто плывущие над сверкающей пустыней.

— Наверное, это был все-таки сон, господин. Даже орел ничего не увидит с такого расстояния, — с надеждой проговорил Пандарас. — Успокойся.

Йама отчаянно замотал головой.

— Я смотрел глазами одного из наблюдателей. Создания, которые следят за нами, следят и за армией.

Этой ночью Йама внезапно проснулся, сотрясаясь от лихорадочной дрожи. Он повернулся к Пандарасу, но его покрасневшие глаза видели лишь бесконечность.

— У них есть машины, — пробормотал он. — Этот дурак притащил с собой не только солдат, но и машины. Он надеется, что они экранированы. — Пандарас намочил край рубахи несколькими каплями драгоценной воды и обтер Йаме лоб.

— Тише, господин, тише, — успокаивающе зашептал он. — Тебе просто снится...

— Нет. Теперь уж никаких снов. Только истина. Все остальное сжигает пустыня. Мы становимся тем, что мы есть.

Наконец Пандарас уговорил Йаму лечь. Он уже решил, что его хозяин спит, но Йама вдруг сказал:

— Солдаты едут верхом. Они в форме. На них черные маски с длинными мордами и круглыми отверстиями для глаз. В отверстиях стекла с золотыми экранами. На лошадях тоже маски. Но я узнал человека в авангарде. Это Энобарбус. Она послала его за мной. Наконец все сходится в одну точку. Дело идет к концу.

Пандарас нервно спросил:

— А префект? Его не видно?

— Он... нет, пока нет. Но я оставил знак. Он нас найдет.

— Значит, он погиб, — вслух подумал Пандарас, хотя сам себе не верил.

Пищи осталось совсем мало, воды еще меньше. По утрам роса давала всего несколько капель, но открытые водоемы не встречались — ни чистые, ни отравленные. На следующий день верблюд упал на колени и отказывался вставать. Пандарас, плача от злости и отчаяния, лупил его по холке, но животное закрыло глаза с длинными ресницами и никак не реагировало. В воздухе носился песок, солнце смотрело на землю раскаленным красным глазом.

— Я добуду нам пищу, пищу и воду, — сказал Йама. — Пищу и воду. Они уже спустились со склонов и теперь быстро приближаются. У них хорошие лошади.

Его била сильная лихорадка, на лице расползался горячечный румянец. Он не отрываясь смотрел на далекую горную цепь, и Пандарас с большим трудом заставил его отвести глаза.

Они были еще совсем рядом, когда услышали, как взвизгнул верблюд. Сквозь насыщенный песком ветер Пандарас, спотыкаясь, бросился к животному. Но, увидев, что происхо-

дит, в ужасе остановился. Мерзкие создания рвали несчастное животное в клочья.

Твари напоминали помесь змеи и ягуара. Тела их покрывала металлическая чешуя или же кроваво-красная эластичная шкура. И все были разные. У одной торчал длинный скорпионий хвост с распухшим жалом на конце, который дугой изгибался над спиной. У другой был целый набор челюстей, таких массивных, что они волочились по земле. У третьей круглый рот-присоска ощетинился кольцом страшных неровных зубов.

Чудовищные дикие кошки рвали верблюда с молчаливым остервенением. Тот был уже мертв, голова его почти отлетела от тела, показались окровавленные обломки ребер, на песке расползалось красное пятно. Кровь блестела на шкурах, на металлических чешуйках, на окантованных металлом роговых пластинах, на зазубренных металлических челюстях. Две твари зарылись мордами в брюхо верблюда и трясли его туда-сюда, как будто желая полностью в нем укрыться. Стая не обращала на Пандараса никакого внимания, пока он не поднял пистолет. Тогда одно из чудовищ повернуло к нему горящие красным глаза и вдруг встало на дыбы, опираясь на толстый хвост и суча в воздухе десятком разномастных лап, каждая из которых оканчивалась острыми, как бритва, когтями. С длинной морды капала густая зеленая слюна.

На плечо Пандараса опустилась рука, и выстрел ушел мимо. Насыщенный песком ветер проглотил его без следа.

— Оставь их! Они не причинят нам вреда! — прокричал Йама прямо Пандарасу в ухо.

Дикая кошка, которая собиралась кинуться на Пандараса, упала на брюхо, поползла к Йаме и расстелилась перед ним, как ковер, однако продолжала косить красным горящим глазом на Пандараса, пока он не скрылся в воющем песчаном мареве. Ее товарки не прерывали своего мерзкого пиршества, верблюд был ободран почти до костей.

В полдень Йама и Пандарас выпили последние капли воды, выбросили пустую бутылку и пошли дальше. Йама объяснил Пандарасу, что если сосать мелкие камешки, то жажда мучает меньше, но горячий ветер, вертящийся песчаными смерчами, высасывал из тел последние капли влаги. Пандарас заставил себя не спать, вздрагивая от каждой перемены тональности в беспрерывном шипении и завывании песчаных струй за стенами палатки, но Йама спал как убитый. Проснулся он перед рассветом и настоял, чтобы идти дальше.

— Они почти нас догнали, — сказал он, — но теперь недалеко. Ведь уже нельзя повернуть назад, Пандарас.

— Я об этом даже не думаю, господин, — прошептал Пандарас. Губы его потрескались и кровоточили. При каж-

дом выдохе он чувствовал во рту вкус крови — песчаная пыль проникла в легкие.

Песок колкой взвесью наполнял воздух. Пандарас и Йама бросили палатку и двинулись навстречу песчаному мареву.

В сумраке мелькали размытые тени: башни из раскрошившихся костей, сцепленных сухожильями и полуприкрытых лохмотьями кожи, которые хлопали и бились на ветру, как старые тряпки. Зубчатые ряды кристаллических ребер забором торчали из хребтины черной скалы. Странные создания были нанизаны на эти колья. Некоторые напоминали людей, другие были вообще ни на что не похожи — чудовищные химеры машин и насекомых, хотя ни одно насекомое не могло бы вырасти до таких размеров. От большинства остались только высохшие оболочки, но некоторые были еще живы и слабо дергались, когда Йама и Пандарас проходили мимо.

Пандарас старался не обращать внимания на все эти ужасы. Он больше не чувствовал страха, только усталость и растущую жажду. Каждый шаг казался ему обещанием, что скоро шагов не будет; его движения стали теперь непрерывной цепью обещаний приближающегося конца. Мир съежился до крохотного пятачка перед глазами. Пандарасу казалось, что сила притяжения постоянно меняется: иногда поверхность качалась, как палуба корабля, и он с трудом удерживал равновесие. Но он все шел и шел вперед вслед за своим господином.

В полдень Йама остановился, обернулся и упал на колени. Пандарас едва дотащил его под прикрытие скального уступа. Стоял невыносимый жар. Кровавое пятно солнечного диска расплылось на половину неба. Песок скручивался в вихри вокруг торчащих кварцевых пиков, мечущиеся тени разбивались о вылизанные ветром каменные проплешины. Тонкая рубаха Пандараса промокла от пота. Во рту и в глотке горел пожар. Кожа нестерпимо зудела.

Йама пошевелился. Из уголков глаз у него закапала кровь. Пандарас стер ее подолом своей рубахи.

— Я принесу воды, — прохрипел Йама и, казалось, впал в забытье.

Через мгновение высоко в небе загрохотал гром, в рыжей крутящейся массе песка мелькнула вспышка, за ней мчались черные тени. Неизвестный предмет нырял то в одну сторону, то в другую, делал резкие повороты, пронесся совсем низко над головой, что-то сбросил и полетел прочь сквозь сомкнувшиеся вокруг него черные тени. Зеленая огненная пелена, еще один раскат грома и снова лишь бесконечный песчаный свист.

Пандарас выполз из-под защиты скалистого уступа и вернулся со сброшенным машиной предметом.

Это была прозрачная сфера из скрученного пластика, до половины наполненная холодной чистой водой.

* * *

Когда Йама и Пандарас смогли продолжать путь, в стороне Большого Хребта началась сухая гроза. Завеса мчащегося песка наполовину скрывала ломкие линии молний. Над головой путников со страшным воем носились друг за другом чудовищные химеры. Откуда-то издалека доносился непрекращающийся однообразный рев.

— Столько хлопот из-за глотка воды, — заметил Пандарас.

— Битва уже началась, — отозвался Йама, — потому я и сумел тайком получить немного воды... Мы должны поднажать, Пандарас. Энобарбус привел больше машин, чем я ожидал. Я не знаю, сможет ли возлюбленная Дисмаса их сдержать.

— Если нужно, я доберусь туда и назад в мгновение ока и тебя отнесу тоже. — Пандарас проговорил это очень уверенно, но на самом деле он думал, что этот день будет для него последним.

Битва гремела весь остаток их пути. Белые полотнища света застилали добрую половину неба, в них вонзались красные и зеленые копья, прожигая яркие дорожки в летящей песчаной мгле. Землю постоянно трясло, от низкого гула у Пандараса дрожали ноги.

Уклон местности усилился, земля застыла фантастическими завитушками набегающих друг на друга стеклянных волн. Их острые как бритва края насквозь прорезали подметки, и за путниками по стеклянной почве тянулись кровавые следы. Среди полузасыпанных скал метались химерические создания размером с ладонь, плоские, со множеством ног и очень быстрые, больше всего напоминающие черных стеклянных пауков. Подальше бродили более крупные твари, едва виднеясь за пеленой летящего с ветром песка. Из стекла и песчаных наносов торчали жесткими отростками изъеденные пучки непонятного материала — то ли металл, то ли пластик, — и все они клонились в одну сторону, куда дул ветер.

— Мы уже близко, — сказал Йама. Из его глаз по-прежнему сочилась кровь. Ему то и дело приходилось приподнимать очки и смахивать капли. Волдыри у него на лбу непрерывно мокли, испуская прозрачную влагу. Лицо и волосы облепил песок.

— Вы уже пришли, — произнес голос.

Он доносился отовсюду: из скал, от песка, из пропыленного воздуха.

Пандарас резко крутанулся вокруг себя и схватился за пистолет. Что-то черное и быстрое взметнулось из складки стекла, ужалило его в руку и снова отскочило. Он взвыл и выронил пистолет в белую песчаную дюну. Пистолет тут же утонул, как будто его потянули снизу. Когда Пандарас снова поднял глаза, рядом с Йамой стоял кто-то в серебристой мантии.

Аптекарь. Доктор Дисмас. Или то, что от него осталось. Казалось, он стал выше. Его одежда под мантией преврати-

лась в лохмотья. Его плоть почернела и явственно разлагалась, куски мышц отваливались от костей, обнажая провода и вытянутые, изогнутые серебристые трубки. Он приблизился, стараясь ухватить Йаму, но тот отшвырнул его руку. Два пальца щелкнули, отвалились и тут же утонули в песке.

Доктор Дисмас, казалось, этого не заметил. Глаза его заполнял мерцающий красный свет. Ветер сдувал со лба остатки волос. Его челюсти пришли в движение, и он прохрипел сухим квакающим голосом:

— Ты многих привел с собой.

— Они преследуют меня, — объяснил Йама. — Я думал, они — твои друзья. Ведь их вождь служит фантому Анжелы. Разве она не твой союзник?

— Мы оба стремимся к одной цели, но по разным причинам, потому что нам обоим нужен ты. И никто из нас не хочет делиться тобой с другим. Я надеялась, что тебе удалось от нее уйти, но это не имеет значения. Просто мелкое неудобство. Не думай, будто оно отвлечет меня от того, что мы должны сделать.

— Я знаю, что ты сделала с Дисмасом, — сказал Йама. — Он потом хотел проделать это со мной.

— Не могу сказать, что я им недовольна. Это было не наказание, а средство, чтобы он ко мне вернулся. По-своему он верно служил, а теперь он полностью принадлежит мне. Я могу его восстановить, а могу поглотить. Ну, это мы еще решим, когда я закончу с тобой. Времени будет достаточно — все время во Вселенной.

Пандарас не сразу догадался, что кто-то пользуется мертвым телом доктора Дисмаса, словно марионеткой в театре теней.

Йама продолжал:

— Доктор заразил меня одним из твоих детенышей, но у того были собственные идеи.

— Ну разумеется. Мое дитя не может не разделять моих амбиций. Потому-то мне и приходится постоянно убивать или пожирать своих детей, иначе они сожрут меня. Доктору Дисмасу не стоило заражать тебя на столь раннем этапе. Это было серьезной ошибкой, мои дети могли тебя уничтожить. Но ты выстоял против захватчика, а то, что от него осталось, теперь нам поможет.

— Так я и думал.

— Что ж, можно начинать.

— Можно начинать, — повторил следом Йама. — Я многое желаю узнать. Пандарас, ты должен пойти со мной. Здесь слишком опасно оставаться в одиночку. Не бойся.

Но Пандараса просто трясло от страха, он едва стоял на ногах. Продолжая дрожать, он приблизился к Йаме и пошел с ним вдоль ущелья следом за тварью, что когда-то была доктором Дисмасом.

Дорога шла под уклон, уходя в глубокую щель. Щель сужалась при каждом повороте, словно дыра, оставленная гигантской отверткой. Из глянцевитых стен тянулись серебристые отростки, внутрь они тоже прорастали. Когда Пандарас проходил мимо, они шевелились, извиваясь сотнями нитей, словно голодные черви, почуяв его тепло. За стеклом расплывались человеческие лица и морды животных, искаженные и колышущиеся, словно глядящие сквозь раскаленный печной жар. Пойманные души, подумал Пандарас. Останки людей и животных, которых поглотила тварь, сидящая на дне этой ямы.

А наверху продолжала грохотать битва. Гигантские молнии снова и снова раскалывали небо. Ущелье дрожало от взрывов, сотрясающих пустыню.

Пока они спускались, сзади возникли химерические создания. Насыщенный песком ветер ободрал их до костей, и теперь они выглядели чудовищными полутрупами-полумашинами. Мертвые животные, обернутые металлическими лентами, отполированные человеческие скелеты, приводимые в движение такими же кабелями и трубками, что и останки доктора Дисмаса. Один из скелетов ехал верхом на дикой кошке, из тех, что разорвали несчастного верблюда. Над головой у него горела корона призрачного огня, в руках он держал пылающий меч, словно облитый бренди и подожженный. Какой-то герой-неудачник, пришедший убить чудовище, но ставший его жертвой и теперь превращенный в призрачного раба.

— Не бойся, — снова повторил Пандарасу Йама. — Здесь нечего бояться. Я буду их хозяином.

— Мы будет хозяевами, — поправило его существо, использующее труп Дисмаса. — Ты и я — мы изменим весь мир.

Йама осматривался с жадным любопытством. Казалось, он очнулся от полусна, в котором пребывал во время путешествия.

— Где ты находишься? — спросил он. — Я думал, ты выросла с тех пор, как тебя нашел доктор Дисмас.

— Впервые я нашла его далеко отсюда. Пока я была жива, он никогда не добирался до моей сердцевины.

— Значит, ты упала сюда. Как машина в храме Черного Колодца, — засмеялся Йама, но короста его лица заглушила смех. — Война для тебя так и не кончилась? И ты называешь поражение, которое выбросило прочь из мира твое племя, временной неудачей?

— Я смотрю в вечность, сам убедишься. Никто из моих друзей по-настоящему не умер. Я всегда что-нибудь от них сохраняю. А тебя, мой дорогой, мой самый любимый мальчик, я помещу поближе к своему центральному процессору.

— Ты намного больше, чем те, кого я встречал раньше. Одну я вызвал в Изе, другая сидела в ловушке в храме Черного Колодца.

— Первая была просто дурой, как и все те, кто позволил выдворить себя в ссылку. А другая — трусиха, не смевшая шевельнуться в своей норе. Трусы и идиоты. Я их презираю.

Пандарас почти физически ощутил кипящий гнев, который вытолкнул эти слова сквозь мертвые губы доктора Дисмаса, хотя тон оставался таким же бесстрастным и лишенным всякого выражения.

— Теперь я понимаю, почему вы потерпели поражение в войнах Эпохи Мятежа, — задумчиво проговорил Йама. — Вы сражались друг с другом с таким же ожесточением, как и с сохранившими верность Хранителям.

— С тех пор мы разделились. Те, кто покинул Слияние, ослабели, иначе давно бы начали новую войну. Они трусы.

— Они остаются на орбитах вокруг нашего мира, потому что их мучает зависть к тому, чего они не могут иметь.

— Именно так. Но они стали слабее, а я — сильнее. Я получу то, о чем они только мечтают, и их самих тоже.

— Если бы твоя любовь была такой же сильной, как твоя гордость и жадность! Как хорошо ты смогла бы служить Хранителям! А так ты напоминаешь мне еретиков. Каждый из них готов разрушить Вселенную, только бы спасти свою жизнь.

— Я выжгла эту часть своего существа, — сказала машина в образе мертвого доктора Дисмаса. — Любовь — это слабость. Я усовершенствовала себя, усовершенствую и тебя.

— Тогда ты просто гигант среди мятежников! — насмешливо произнес Йама. Он шел следом за марионеткой по самому краю ущелья, с любопытством заглядывая в яму. — До каких же размеров ты выросла?

— Я не стала наращивать процессор слишком сильно — архитектура стала бы излишне сложной. Но я перераспределила свое тело, теперь у меня много вспомогательных частей и дистанционно управляемых слуг.

— И твоих возлюбленных...

— О да! Я вижу ты уже пытаешься найти ко мне путь. Не найдешь! Ты разрушил большую часть дитяти, которое вмонтировал в тебя Дисмас, но тебе пришлось искалечить себя, иначе ты никак не мог это сделать. Ты не сможешь со мной справиться, я намного сильнее и мудрее тебя. Но твои попытки все равно умилительны. Ничего другого я и не ожидала. Ты надеялся использовать еретиков как отвлекающий маневр, для того их сюда и заманил. Смелый план, поздравляю! Но я применяю против них очень незначительную часть своей мощи, и скоро они будут разбиты.

— Значит, я прав, что пришел сюда, — сказал Йама. — С тех пор, как я уничтожил Тень, я многому научился и еще многому научусь.

Пандарас припомнил старые сказки про то, как черные машины, похороненные в храмах или в пустынных местах, охотятся на людей, заманивая их в ловушку тем, что исполняют желания. Теперь перед ним была не сказка, а быль, которая питала эти причудливые легенды. Все сказки оказались правдой, потому что все они основывались на истинных событиях, пусть и весьма преображенных фантазией. Иначе откуда бы они взялись в головах людей, живущих в этом мире и не знающих другого?

— У меня столько вопросов! — продолжал Йама. — Вначале, конечно, был только один. Я хотел знать, где найти людей моей расы. Я отправился их искать, и едва приступил к делу, как понял, что задаю неправильный вопрос. Чтобы узнать о своем народе, надо было узнать, как задавать вопросы. Надо познать себя. Это сказал мне один мудрец и стукнул веером, чтобы я лучше запомнил.

Теас, посланник Гонда. Йама хитростью заставил его открыться сильнее, чем он хотел, и Теас бежал посрамленный. Во всяком случае, так показалось Пандарасу в тот момент. Но теперь он понял, что Теас их покинул, потому что выполнил свою задачу.

— Я могу рассказать тебе все, что надо, — проговорило существо мертвыми губами доктора. — Я могу сообщить, зачем Хранители сотворили Слияние, зачем совдали десять тысяч рас. Могу рассказать об истинной природе мира и истинной природе Хранителей. Могу рассказать, куда они ушли и почему не следует им служить.

— Мне не нужны эти знания, — покачал головой Йама. — Ты успокаиваешь себя ложными ответами на эти вопросы, потому что ты ослушалась Хранителей, которые создали тебя так же, как и меня. Тебе необходимо верить, что ты действовала не из гордости, а чтобы спасти мир, который предали и оставили твои хозяева. Ну что, пришли?

Йама остановился, потому что серебристые побеги стали расти на стеклянных стенах так густо, что двигаться дальше не было никакой возможности. Спускаясь, они прошли по шести поворотам спирали и оказались глубоко под землей, у самого дна ямы. Она сузилась настолько, что Пандарас мог перепрыгнуть ее одним прыжком. Густой красный пар поднимался со дна.

— Процесс уже начался, — произнесла машина. Теперь ее голос звучал значительно громче. Тот же голос исходил из дребезжащих челюстей скелетов, грохотал в пастях чудовищных гигантских котов, бился из ртов, плавающих в стеклянных стенах. Воздух был наполнен электричеством. Каждый волосок на теле Пандараса встал дыбом, стремясь отдалиться от своих собратьев.

Серебристые отростки с неожиданной быстротой охватили Йаму, и он упал на колени под их тяжестью. Пандарас бросился к нему на помощь, но Йама махнул рукой: не вмешивайся! Вокруг его поднятой руки обвился отросток.

— Все нормально, — хрипло проговорил Йама. Изо рта его капала кровь, густая и алая. — Будет то, чему суждено быть.

Пандарас застыл, засунул руку внутрь рубашки и ухватился за рукоять кинжала. Он вспомнил вдруг извивающиеся щупальца полипов из глубин Великой Реки. Йама отослал гигантских полипов, когда они утопили корабль префекта Корина; быть может, ему под силу прогнать и эти отростки?

Побег вокруг руки Йамы вытянулся, разделился и разделился снова. Возникла вспышка интенсивного красного цвета. Йама закричал. Пандарас мигнул и почти не успел уловить, что произошло. У Йамы отломился кончик пальца, тут же унесенный неведомой силой.

— Образец ткани, — пояснил голос обитательницы шахты. — Пальчик — за пальцы, которые ты оторвал у доктора Дисмаса. Но я сконструирую для тебя новое тело, мой мальчик, более совершенное. Ты и не вспомнишь о старом.

Разветвленный конец побега изгибался над головой Йамы.

Йама бросил на него спокойный взгляд и сказал:

— В нем нет нужды. Нейроны, выращенные моей Тенью, все еще там.

— Не бойся. — Голос заполнил собой все ущелье и покатился бесконечным эхом, отражаясь от стеклянных стен.

И тут отросток нанес удар.

Голова Йамы исчезла под мириадами тонких нитей, которые, наслаиваясь друг на друга, облепили его лицо серебристой маской. Пандарас уловил вонь от опорожнившегося кишечника и мочевого пузыря.

Марионетка доктора Дисмаса закинула голову и захохотала. Лица, заключенные в стеклянной ловушке, тоже закатились от смеха. Скелеты загрохотали челюстями, дикие кошки завыли.

Все они с воем произносили одни и те же слова:

— Убирайся из моего разума!

И тут что-то свалилось с неба и упало на самое дно ямы.

Оно пролетело так быстро, что Пандарас только мельком успел на него взглянуть, а потом предмет скрылся в красных испарениях на самом дне. Стеклянные стены зазвенели, ущелье содрогнулось. Пандарас упал на колени. Перед закрытыми глазами горел отпечаток изображения: черный шар размером с его голову, весь утыканный остриями и отростками.

Лже-Дисмас бросился к Йаме, быстрый, как змея. Пандарас ухитрился схватить его за щиколотку, и тот грохнулся

на землю; одна рука отломилась у кисти. Тварь развернулась и кинулась на Пандараса, тот отчаянным взмахом ударил ее кинжалом и попал в шею. Голова кадавра почти отлетела и висела теперь на хрящеватой полоске кожи и серебряном проводе, раскачиваясь туда-сюда, пока единственная оставшаяся рука шарила в поисках Пандараса. Пандарас нанес новый удар, целясь в сердце ожившего трупа. Узкое лезвие легко рассекло кость и сморщенные ткани тела, а потом заскребло о металл сухожилия. Пандараса окатило гнилой кровью. Отвратительная вонь наполнила воздух. Пандарас стоял на самом краю ущелья. Когда марионетка метнулась к нему для последнего удара, он увернулся, она сделала шаг в пустоту и без единого звука, кувыркаясь, полетела в тяжелый красный туман.

Лица, закованные в стекло, взвыли, стали деформироваться и таять.

Кинжал не мог разрезать серебристые побеги, но они стали вялыми, и Пандарас смог стащить их с тела своего господина. Те, что присосались к лицу Йамы, оставили десятки булавочных уколов; из каждого выступила капелька яркой красной крови. Маска слетела с лица Йамы. Он вздрогнул, судорожно вздохнул, потом еще раз. Глаза его налились кровью. Пандарас оторвал полоску от подола своей рубахи и с нежностью обтер лицо господина.

Вокруг клубился красный пар. Пандарас наконец понял, что это были крошечные машины, и каждая из них была частью черной машины на дне ущелья, как миллионы термитов в гнезде составляют единый организм. Он попробовал заставить господина встать, но глаза Йамы, казалось, впились во что-то за тысячи лиг от Пандараса и от стеклянных стен винтообразной ямы. Лица в щербатых плитах стекла стали как будто ссыхаться; уменьшаясь, они почти превратились в черные точки, на которые было больно смотреть.

— Кафис был прав, — слабым голосом проговорил Йама. — Река возвращается к своему истоку. Змея заглатывает собственный хвост.

Он подавился. Его затрясло, потом вырвало кровью и водянистой слизью. Он сплюнул и с улыбкой взглянул на Пандараса.

— Я отобрал у него это. Отобрал полностью.

— Нам надо уходить, господин. Если есть хоть какая-то возможность пройти через поле битвы, я это сделаю. И тебя вынесу.

— Это я вызвал ее, — будто сам с собой говорил Йама. — Она и не ожидала, что я призову кого-нибудь из их племени. Сейчас они дерутся. Врастают друг в друга. Думаю, они уничтожат друг друга. Это — противоположность любви. Секс без реализации. Вечный голод.

Он все продолжал бормотать, но Пандарас заставил его встать. Поддерживая друг друга, они потащились вверх по

спиральному подъему. Скелеты рухнули на землю, преследовавшие их шпионы — тоже. Дикие кошки исчезли. Пандарас слишком устал, чтобы вслушиваться в бормотание господина: какая-то сумасшедшая ерунда о хвосте змеи и конце мира, о дырах, которые притягивают пространство и время.

Пандарас понимал, что им никогда не добраться до гор Большого Хребта, но он должен был идти. В какой-то момент юноша заметил, что они вылезли из винтообразной ямы. Ветер усилился и по-прежнему нес с собой тонны песка. Солнце садилось. Его свет вытянулся в песчаном полумраке в длинную полосу, как будто пытаясь измерить ширину мира. Из шахты, откуда они только что выбрались, в небо поднимался столб пурпурного света. Пандарас усадил Йаму под навесом гладкой волны из расплавленного потрескавшегося стекла и почти упал рядом.

— Если ты умеешь творить еще какие-нибудь чудеса, господин, сейчас самое время, — устало произнес он.

Мимо них неслась бесконечная стена песка. Солнце садилось, и свет из шахты становился ярче. Каждый предмет отбрасывал двойную тень.

Остатки армии Энобарбуса тащились вдоль отдаленного хребта, едва различимые за плотной завесой песка. Вот они! Опять не видно... Вон снова... Сквозь мутную кашу воздуха пробирается дикая кошка. Уши прижаты, глаза почти закрыты. Она не понимает, где находится, помнит только страх и запах смерти — побудительный импульс посильнее похоти или голода, которые вдруг пропали. В ее теле еще торчат непонятные штуки, она не может ни выцарапать их, ни выкусить, но теперь они мертвые, вроде безобидных репьев. Кошка остановилась и долго смотрела на прислонившихся друг к другу людей, разрываясь между страхом и голодом. Затем она оглянулась и скрылась в песчаной метели, мягко скользя по глянцевитым взгоркам.

Показались два всадника. Ветер завыл сильнее.

18. СУД

Как только Пандарас немного поправился и смог выйти из дома, еретики выдали ему взамен изодранной одежды нечто вроде мундира: серую шелковую тунику, штаны с серебристыми лампасами, высокие черные сапоги из гибкого пластика, пояс из мягкой черной кожи с перевязью через плечо, черную шелковую перчатку на правую руку и черный же шелковый мешок на культю левой кисти. Оружия ему, разумеется, не дали, но зато

позволили носить с собой эбонитовую палку, обитую с обоих концов чеканным серебром.

Когда Пандарас понял, что его не убьют, его страх обернулся гневом. Он дважды спасал своего господина, хотя в конце концов обстоятельства заставили передать его в руки еретиков, а теперь над ним смеются. Он сломал пополам шикарную палку, содрал серебристые галуны с туники и брюк и выбросил в окно перчатку, серебряный мешочек и пояс.

Йаму и Пандараса держали в обычном доме, стоящем среди палаток, шатров и юрт, связанных между собой кружевными мостиками и огороженных гигантскими пластиковыми плоскостями ярких цветов. По ночам плоскости мерцали внутренним светом, как флюоресцентные медузы, появляющиеся в реке летом. Дом и палатки стояли посреди развалин Сенша, последнего города на Великой Реке. Именно здесь скрывалась Анжела, когда сбежала от других людей Древней Расы. Именно здесь она начала распространять свою ересь. Дом, в котором держали Пандараса и Йаму, раньше принадлежал Анжеле. Остальная часть города — узкие улочки, рынки, дворцы и доки — была уничтожена в ходе Войны за Преображение. Ее потом отстроили ниже по реке. Кроме дома Анжелы, сохранились только развалины храма, уродливо торчащие среди множества треугольных серебристых палаток.

Как только еретики убедились, что Йама не умрет от полученных ран, они забрали его в храм. Йаму несли на носилках в сопровождении манипула солдат. Пандарасу не позволили сопровождать его, и он узнавал новости от смотрителя тюрьмы, который в свою очередь расспрашивал хирурга, лечившего Йаму.

Йаму привязали к стулу напротив храмового оракула. Там его должен был допросить фантом Анжелы в присутствии тех, кто потом будет его судить. В оракуле вспыхнул свет, но фантом так и не появился, и после нескольких часов ожидания и возникшей неловкости Йаму снова доставили в тюрьму.

— Они хотят моей смерти, — устало сказал Йама, когда Пандарасу наконец позволили с ним встретиться. — Я слишком много теперь знаю.

— Ты уничтожил фантом, господин?

Йама улыбнулся:

— Больно ты умный, Пандарас. Как бы это не довело тебя до беды.

— Думаю, уже довело, господин. Так что я заработал право узнать, что ты сделал. Так ты убил ее?

— Ты не погибнешь здесь, Пандарас. Так что еще не время для признаний на смертном одре. Я расскажу тебе, что сделал, потому что ты мой друг. Нет, я не убил ее. Для этого она слишком глубоко себя закодировала. Однако я сумел настроить все

оракулы мира против нее. Полагаю, она никогда не сможет вернуться.

Йама был все еще очень слаб. Он задремал, а когда проснулся, то даже не заметил, что спал, и стал продолжать:

— Она ведь всегда была пленницей. Надеялась покорить Слияние, но оно само ее покорило. Мы все здесь пленники истории; она вынуждает нас следовать по пути таких древних событий, что они выгравированы в каждой клетке нашего тела. Настало время порвать этот круг.

— Давно пора, — пробормотал Пандарас, думая, что у его хозяина возник план побега из тюрьмы. Но Йама снова заснул и не слышал слов друга.

Выздоровление заняло у Йамы много дней, и все это время еретики его усердно лечили, а Пандарас каждый день ждал, что господин придет в себя и вызовет машины, чтобы они помогли им бежать. И когда наконец Йама настолько поправился, что смог предстать перед советом, который должен был вынести ему приговор, Пандарас был уверен, что тут-то Йама и продемонстрирует свои чудеса. Но этого не произошло. Йама вообще обращал мало внимания на процедуру, лишь добродушно улыбался и признавал себя виновным во всем, что ему вменяли. Единственным утешением служило то, что еретиков это бесило не меньше, чем расстраивало Пандараса.

Суд проходил в огромном круглом зале. Его стены поглощали солнечный свет и трансформировали его в рассеянное свечение, напомнившее Пандарасу об оракуле за краем мира. Суд длился меньше одного дня, председательствовал на нем самый старший из еретиков, но он, как и Йама, с виду очень мало интересовался процессом. Это был господин Нарьян, бывший архивист, которого преобразила лично Анжела. Старый, жирный, безволосый человек, он, обнаженный, висел в цилиндрическом стеклянном сосуде, наполненном чистой пузырящейся водой. Его морщинистая серая кожа была утыкана машинами: на шее, на отечной бочкообразной груди, над левым глазом. Много лет назад, когда он миссионерствовал в одном туземном племени, на него совершили покушение, и он был тяжело ранен. Теперь его жизнь поддерживали имплантированные в тело машины. Он был уже стар, когда встретил Анжелу, а сейчас был самым старым человеком в своей расе. Люди болтали, что вживленные в него машины никогда не дадут ему умереть.

С обеих сторон цилиндрического сосуда за судейским столом разместились десять человек. Из высоких, украшенных балдахинами, отделанных серебром и черным бархатом кресел они высокомерно глядели на Йаму и Пандараса, которые в наручниках сидели на простой скамье с двумя рядами стражников за спиной.

Не имея традиций, еретики принялись изобретать новые,

при этом ничем не ограничивали выражение и выпячивание собственного «я» и не стесняли его соображениями хорошего вкуса. Большинство мужчин были одеты в фантастическую военную форму, увешанную лентами, медалями и золотыми позументами. На одной из женщин был парик, вдвое увеличивающий ее рост. В локонах этой прически поблескивали крошечные машины. Другая облачилась в металлические доспехи, отполированные так, что казалось, ее голова покоится на калейдоскопе изломанных отражений наполненной светом комнаты. Большая часть присяжных принадлежала к гражданам Сенша — первой расы, которую преобразила своей ересью Анжела. Они слушали длинный перечень преступлений Йамы с различной степенью внимания, морщась всякий раз, когда он радостно признавал свою вину. В воздухе кружились машины, записывая происходящее и транслируя его жителям города и в войска, вытянувшиеся вдоль Великой Реки.

В конце, когда Йама признал, что несет ответственность за падение уровня Великой Реки, господин Нарьян вдруг пошевелился. Он вынырнул на поверхность и выпустил фонтан воды. Десяток машин сразу опустились пониже, чтобы уловить хриплые звуки его голоса.

— Мальчик должен умереть, — провозгласил господин Нарьян. — Он является анахронизмом. Задачей его расы было построить мир, а он может использовать данные ему силы для разрушения мира.

Несколько членов совета произнесли длинные речи, хотя все сводилось к тому, что они согласны с мнением господина Нарьяна. Защищал Йаму только Энобарбус, он один из всей компании не имел украшений. Обнаженный до пояса, с офицерским шарфом на талии и гривой бронзовых волос вокруг иссеченного шрамами лица, он стремительно ходил перед судейским столом.

— Он сыграл самую решительную роль в войне против тех, кто продолжает служить Хранителям, — говорил он. — Он подчинил их машины и за несколько дней помог завоевать для нашего дела огромные новые территории. Уверяю вас, если его правильно использовать, он еще до конца года позволит нам одержать окончательную победу.

Старый архивист снова вынырнул на поверхность, вода окатила стеклянные стенки его сосуда.

— Мальчик сражался за нас по принуждению, — проквакал он. — Энобарбус был связан с аптекарем по имени Дисмас. И вышеуказанный Дисмас, который работал на одну из мятежных черных машин, внедрил в мальчика особую машину; она подавила его волю и воспользовалась его мощью. Из-за этого мы его почти потеряли, а операция по его возвращению принесла большие потери в живой силе.

Энобарбус сложил руки на груди.

— Тем не менее мятежные машины продолжают оставаться нашими союзниками. На данный момент это необходимо, в противном случае нам придется столкнуться не только с войсками, верными Хранителям, но и с этими машинами. Я не думаю, что мы можем успешно действовать на двух фронтах. Кроме того, хозяин доктора Дисмаса не принадлежал к нашим союзникам, он — предатель. Насколько я знаю, он уже мертв. Мальчик у нас. Возвращение его действительно унесло много жизней. Не допустите, чтобы эти жертвы оказались бессмысленны. Давайте используем его, чтобы быстро закончить войну. Тогда, если захотите, можете его убить, но, убивая его сейчас, вы обрекаете на смерть миллионы, которые иначе могли бы жить.

Господин Нарьян по грудь вынырнул из насыщенной пузырьками воды.

— Вполне вероятно, — сказал он, — что этот мальчик мог бы спасти миллионы жизней, если использовать его против наших врагов, но известно также, что из-за него уже погибли многие тысячи. Сначала когда доктор Дисмас пытался забрать его у тебя, а потом — когда мы его возвращали. Ни Дисмас, ни ты, Энобарбус, не можете полностью контролировать мальчика, но каждый желает быть его хозяином. Он слишком силен. Боюсь, что, если мы захотим с его помощью выиграть войну, мы перессоримся за право им распоряжаться.

Женщина в белом парике сказала:

— Он вывел из строя оракул и насмехался над ним. Насколько я понимаю, восстановить его не удастся. Господин Нарьян прав. Он слишком опасен.

— Она вернется, — с чувством произнес Энобарбус. — Ее нельзя уничтожить.

Потом были еще споры, наконец господин Нарьян сказал:

— Ясно, что его власть идет от Хранителей. Как можем мы считать себя выше их, если думаем, что наша победа зависит от этого мальчика? Нет, он должен умереть. Давайте голосовать.

Один за другим все члены совета бросили по камешку в простую пластиковую корзинку. Потом служитель вытряхнул их. Считать не пришлось. Только один был белый, остальные черные.

Приговор исполнили не сразу. Предполагалось сделать это публично. Многие еретики выразили желание приехать в Сенш, чтобы увидеть все своими глазами. Кроме того, было много споров о способе казни. По традиции, которая пережила Войну за Преображение, граждане Сенша бросали своих преступников в падение Великой Реки. А так как суд происходил в Сенше, многие настаивали, чтобы Йаму казнили именно так. Другие тре-

бовали более определенной смерти, указывая, что он может вызвать машины и те вытащат его из воды. У еретиков не было центральной власти, и после окончания процесса споры тянулись еще долго. Узабио, смотритель тюрьмы, утверждал, что Йама может умереть от старости, прежде чем они кончатся.

— Тогда все твои планы разбогатеть рухнут, — говорил Пандарас. Узабио ему не нравился, но он был полезен. Узабио вился вокруг Пандараса, потому что хотел поближе подобраться к Йаме, и Пандарасу иногда удавалось добиться от него некоторых милостей.

— Я мог бы продавать билеты, — предлагал он. — Люди станут приходить, чтобы на него посмотреть. Стражников можно подмазать, они будут помалкивать.

Узабио принадлежал к основной расе Сенша. Его черную, как галька, кожу обсыпали грязно-белые пятна. Он склонился к Пандарасу, нависая над ним, как ящерица над жуком. Широко усмехнувшись, он показал ряды острых треугольных зубов. От него нестерпимо воняло рыбой.

— Как если бы у тебя было животное, которого никто никогда не видел, — сказал он. — Единственное в своем роде во всем мире. Мы могли бы обрядить его в мантию и заставить неразборчиво бормотать. А можно приносить ему домашние машины, чтобы он их чинил. Поразмысли над этим, Пандарас. Когда твоего хозяина казнят, у тебя больше не будет работы. Ты — калека. Придется тебе просить милостыню, а у нас не терпят нищих, они паразитируют на тех, кто стремится к лучшей доле. Выживают только сильные, а ты слабый. Но с моей помощью ты можешь стать хотя бы богатым.

— Может, мы еще спасемся. Может, мой хозяин разрушит ваш мерзкий городок.

— Он проиграл, Пандарас! Подумай о себе! — Узабио действительно хотел помочь. Человек он был жадный и эгоистичный, но иногда в его сердце просыпалась жалость.

Йама будто не замечал кипевших вокруг него споров. Когда Пандарас рассказал ему о последнем проекте Узабио, он просто пожал плечами. Он, как обычно, сидел во дворе, в тени древнего палисандрового дерева. По всему периметру окружавшего дом балкона стояли с равными интервалами солдаты и смотрели сквозь ветви на Йаму и Пандараса.

— Когда-нибудь они все же примут решение, — устало проговорил Йама. — Господин Нарьян об этом непременно позаботится. Он не желает, чтобы мятежные машины или какой-нибудь изменник из стана еретиков сделал попытку меня захватить. И он прав. Многие желают мною воспользоваться.

Пандарас понизил голос, хотя знал, что машины улавливают и записывают каждое слово.

— Ты ведь можешь уйти в любое время, — зашептал он. — Даже прямо сейчас. Так действуй! Справься с их машинами, и давай уйдем!

— Куда мне идти, Пандарас? Я прошел всю Великую Реку, и теперь мир кажется мне таким маленьким.

— На свете есть много мест, где никогда не бывает людей, господин. И множество мест в Изе, где ты можешь спрятаться среди обычных людей.

Но глаза Йамы смотрели в пустоту. Наконец он произнес:

— Беатрис и Озрик понимали в прятках. Они спрятали целый департамент в Городе Мертвых. Но я пока не мертвый, и я боюсь, что мои враги всегда меня отыщут.

— Прости меня, господин, но если ты останешься здесь, то скоро наверняка станешь мертвым.

— Все хотят меня либо использовать, либо убить. Когда я был маленьким, Пандарас, я мечтал оказаться ребенком каких-то необычных родителей. Пиратов, героев, невероятно богатых аристократов... Дурацкая была мечта, и не потому что неисполнимая, ведь в конце концов я все-таки оказался отпрыском необыкновенных людей, а потому что быть необыкновенным опасно. Потому господин Нарьян и хочет меня убить. — Йама засмеялся. — Когда я отправлялся в Из, я думал, что стану самым великим солдатом Хранителей.

— Ты и стал, — твердо ответил Пандарас. — А я — твой оруженосец, господин.

Хотя оба они были пленниками, Пандарас продолжал прислуживать Йаме. Каждое утро и вечер он перехватывал солдат, которые приносили пищу, и забирал поднос. Фрукты и сладкое белое вино, сырая рыба в соусе чили с редисом, луковый хлеб и булочки с маком, плоские лепешки с оливками и желтым бобовым творогом и листьями салата, миски с кислым йогуртом, чаши с чаем, кувшины прохладного шербета. Йама ел очень мало, а пил только воду. Каждый вечер Пандарас помогал ему раздеться, а утром подавал чистую одежду и втаскивал в комнату корыто для мытья.

— Я не солдат, — говорил Йама, — и в этом вся проблема.

— Но они-то считают тебя солдатом, господин. За это они тебя непременно убьют, если ты останешься здесь.

— Они считают меня целой армией, Пандарас. Или магом, или какой-то машиной. Вещью, которой надо воспользоваться. Неизвестно чьей вещью. Они видят лишь то, что я могу сделать, а не кто я. Где же найти мне покой в этом мире? — Он покачал головой и улыбнулся: — Не тревожься, Пандарас. Тебя они не убьют. Ты мой слуга, ни больше, ни меньше. Ты не виновен в моих преступлениях. Если бы ты захотел, то мог бы уйти прямо сейчас.

— Я уже насмотрелся на города еретиков, — отозвался Пандарас. — Не очень-то они мне понравились, и сомневаюсь, что этот будет лучше.

— Здесь есть развалины храма, — возразил Йама, — есть сады, рыбачьи лодки, а на дальнем берегу, у большого водопада в конце реки, — оракул.

Йама снова замолчал. Солнечные лучи, пробившиеся сквозь листву палисандрового дерева, играли на его белой рубахе и темных волосах. Надо бы их подстричь, подумал Пандарас и с тоской осознал, что это, видимо, будет последний раз.

Йама заметил его несчастный взгляд и сказал:

— За краем мира есть летающие острова. Они висят в пределах досягаемости брызг водопада низвергающейся реки. Они покрыты странными мхами, папоротниками и бромелиадами, которые пышно разрастаются в непрерывном дожде. Тельмон как-то нашел в библиотеке про них книгу. Их называют островами Изобилия. Там живут рыбы с ногами, ящерицы величиной больше человека парят с острова на остров на кожистых перепонках между лапами. — Он больно сжал руку Пандараса и зашептал: — Люди туземных рас, которые населяют заснеженную тундру в верховьях реки, иногда находят во льду этих замерзших животных. — Йама заморгал. — Аборигены знают многие секреты природы, потому что туземные расы не меняются с самого сотворения мира. Они не узнают ничего нового, но и ничего не забывают.

В такие моменты Пандарас начинал бояться Йаму. Что-то произошло с ним, пока он был связан с машиной из шахты в Стеклянной Пустыне. Она расстроила его сознание. Все, что он знал, осталось при нем, но все оно оказалось в беспорядке, как если бы налетчики ворвались в библиотеку, смели с полок ровные ряды книг и оставили их на полу в безобразной куче. Пандарас просил хирурга, который каждый день осматривал Йаму, дать ему какого-нибудь лекарства, чтобы разум Йамы немного успокоился, но еретиков интересовало только состояние его тела. Они не желали, чтобы Йама умер раньше, чем его казнят, а станет ли он сумасшедшим, им было безразлично.

Когда на следующее утро Пандарас поставил поднос с едой на плавающую в воздухе доску, которая служила им столом, Йама уже проснулся и смотрел в окно. За дверью стояли двое солдат. Знойный ветер шевелил листья палисандра. С рассвета прошел только час, а было уже жарко. Йама сидел в расстегнутой до пояса рубахе, по груди его катились капельки пота.

Пандарас осушил лицо своего господина, особенно осторожно вытирая участки плотной розовой кожи на шрамах. Надо будет сжечь эту тряпку. Лучше на глазах у Узабио, который

просил собирать пот Йамы, его волосы и обрезки ногтей, чтобы продать их на сувениры.

— Несколько капель его крови можно развести в галлонах бычьей крови, — объяснял тюремщик, — и продавать снова по капле. Пот разведем в воде. Я все устрою, Пандарас. Мы оба разбогатеем.

Пандарас со злобой спросил:

— А может, продавать мочу и кал тоже?

Тюремщик задумался, но потом отказался:

— Нет. И дело не в гигиене. Это вопрос мифологии. Снижается образ. Герои не должны иметь обычных человеческих свойств.

Так и надо сделать, подумал Пандарас. Сжечь тряпку прямо перед носом у этого змея.

— Ко мне приходил Энобарбус, — сообщил Йама. — Похоже, они нашли компромисс.

Пандарас высунулся в окно и велел солдатам убраться подальше и не разводить вонь у них под носом. Они рассмеялись, и тот, что моложе, спросил:

— Собираетесь обсуждать побег? Не беспокойтесь, мы не будем слушать, так даже веселее.

— Мы пойдем выпить чаю, — добавил его товарищ. — Нас не будет пару минут.

Уходя, молодой обернулся и крикнул:

— Если полезете через крышу, берегитесь, вся черепица сгнила.

И, покатываясь со смеху, стражники стали спускаться с лестницы.

— Никто не воспринимает меня всерьез, — пожаловался Пандарас. — А ведь мне приходилось убивать людей, а уж с этими двоими я справлюсь без проблем.

— Тогда тебя убьют их товарищи. Я этого не хочу. В любом случае нас слушают машины, а еще больше машин — стерегут. Солдатам скучно, они знают, что стоят здесь только для виду.

— Убери машины, разрушь их!

— Я с этим покончил, Пандарас. Энобарбус сообщил мне, что он продолжает ходатайствовать о сохранении мне жизни. Он хочет, чтобы мы сражались бок о бок. Разумеется, я отказался ему помогать.

— Она забрала твою силу, правда? Как же я, дурак, этого раньше не понял! Ну, я бывал в местах и похуже! Я вытащу нас отсюда!

— После казни они тебя отпустят, ты находишься здесь только как мой слуга, в виде одолжения мне.

Пандарас отшвырнул поднос. Он со звоном полетел на пол. Гранаты и манго треснули, сок забрызгал синие плитки пола.

— Я умру с тобой, господин.

— Я не готов умирать, Пандарас. Но готов двигаться дальше. Ты должен оставить меня. Но ты можешь кое-что для меня сделать. Это тяжело, но я уверен, ты справишься. Я хочу,

чтобы ты помнил меня. Хочу, чтобы ты отправился в туземные племена и рассказывал им обо мне.

— Я все сделаю. И прежде чем они тебя казнят, я убью столько этих гадов, сколько смогу. Я разнесу этот городишко...

Пандарас плакал, хватая воздух ртом; слезы градом катились по его лицу, капали с подбородка. На серой шелковой тунике расплылось мокрое пятно.

— Нет! Успокойся! Послушай. — Голос Йамы стал тише, Пандарасу пришлось присесть рядом с ним, чтобы уловить слабый шепот. Йама погладил мальчика по гладким блестящим волосам, и Пандарас перестал наконец плакать. — Слушай, — повторил Йама. — Я хочу, чтобы ты жил. Ты сам теперь можешь творить чудеса, только не знаешь этого. Ты поцеловал кровь, выступившую на моих глазах, и машины в моей крови изменили машины в твоей. Я рассказывал тебе о мельчайших машинах в нашей крови — это дыхание Хранителей. В моей крови они преобразовались, а теперь и в твоей — тоже. Просто капля твоей крови, Пандарас. С вином или водой. Одна капля в таком количестве жидкости, чтобы по глотку хватило на сто человек.

— Узабио хочет продавать твою кровь, господин. Может, стоит ему разрешить.

— Нет гарантии, что ее выпьют, — серьезно возразил Йама. — Ты помнишь младенца зеркальных людей?

— Помню, что его окружили светлячки.

— Потому что он преобразился. У него возникло самосознание. Кафис спас мне жизнь, но ему в голову не могла прийти ни единая мысль, кроме тех, что люди его уже передумали десять тысяч раз. Тогда я не знал, что могу его преобразить, и хочу теперь это исправить. Ты должен сделать это за меня. Всего одна капля крови, Пандарас! Преобрази туземные расы, дай им самосознание!

— Я сделаю это, только если ты спасешь себя, господин. А иначе я умру вместе с тобой.

— Все, что сотворили Хранители, имеет свою цель. Часто мы не можем ее понять или думаем, что понимаем, но сами видим лишь то, что хотим видеть, а не то, что там действительно есть. К туземцам относятся с пренебрежением, потому что им не дано развиваться. Мой отец запретил охоту на людей, а до этого амнаны убивали рыбарей, как животных. Но туземцы — больше, чем животные, хотя, может быть, и меньше, чем люди. Ты изменишь их участь, Пандарас!

— Пойдем со мной, господин! Не пугай меня такими разговорами. Я просто посыльный из трактира, по ошибке попавший в это великое и ужасное приключение. Я — твой оруженосец. Я подаю тебе еду, чиню рубашки, содержу в порядке оружие, не делай из меня больше, чем я есть.

— Ты сам меня нашел, Пандарас. В этом огромном мире ты нашел меня и спас. И ты пошел за мной в самое гнусное место в мире и вытащил меня из ямы. Сделать тебя чем-то большим? Мы все — нечто большее, чем мы есть, надо только это понять.

У Йамы снова стал тот отсутствующий вид, которого так боялся Пандарас. Его господин пробирался сквозь путаницу мыслей — собственных воспоминаний, воспоминаний черной машины из шахты в Стеклянной Пустыне. Наконец он сказал:

— Есть места, где пространство и время не существуют. Они образуют мост между настоящим и тем временем, когда их сотворили. Сквозь эти зоны можно пересечь расстояния, которые требуют многих световых лет. Звездоплаватели о них знают...

— Господин, не мучай себя, пытаясь понять ложь этой твари!

Йама схватил Пандараса за руку чуть выше культи.

— Уверен, префект Корин меня все еще ищет, но есть места, куда я могу уйти, а он не сможет за мной последовать. Может, я уйду туда не в первый раз... Река глотает собственный хвост, Пандарас. Скоро я увижу, как это происходит.

19. КАЗНЬ

Стоял прекрасный жаркий день. Мириады крошечных суденышек роились вокруг черной баржи, которая в сопровождении двух галиотов и флайера везла Йаму и весь состав суда к месту казни. В воздухе носилось ощущение праздника. На свежем ветру потрескивали яркие паруса скифов, пирог, яликов, пинасс, яхт и катеров, в которых теснились любители зрелищ. На одном из плотов разместилась сотня полуголых потных барабанщиков, неустанно выбивающих длинные ритмичные дроби. С сампанов торговцы продавали еду, вино, сувениры, шутихи и петарды. Люди поднимали вверх детей, чтобы они посмотрели на злого мага. Дети постарше бросали в воду ракеты. Моторные лодки мешали парусным, вспыхивали споры, в которых цветистые ругательства заменяли аргументы. Волна от сияющего хромом скоростного катера перевернула целый плот с пьяной публикой. Люди вплавь вернулись на плот, влезли на него и продолжили попойку.

Флотилия прошла мимо странной группы шестиугольных колонн, вокруг которых расплывались заросли красных водорослей, сносимых сильным речным течением. Дальний берег виднелся едва заметной серой полосой. А впереди череда черных дождевых туч обозначала место падения реки через край мира.

Йама был абсолютно спокоен. Большую часть путешествия он провел, беседуя с господином Нарьяном, который барахтался в своем стеклянном цилиндре с водой на палубе баржи. Они говорили об Анжеле, о том, как она появилась в Сенше, как сделалась его правительницей, как преобразила жителей Сенша, что послужило началом той ереси, которая ввергла Слияние в пламя войны.

— Она беседовала с оракулами на краю мира, — негромким квакающим голосом рассказывал господин Нарьян. — Но я так никогда и не узнал, что она действительно там делала.

Йама засмеялся. Казалось, в этот последний час его оставили все заботы. Он не бросил ни единого взгляда на приспособление для казни, стоявшее на носу баржи, но глаза Пандараса притягивались туда как магнитом, и каждый раз по его телу пробегала холодная дрожь. *Сейчас, в мгновение нашей смерти, мы возрождаемся в жизнь вечную.* Пандарас заметил Узабио в моторной лодке за галиотом по левому борту и почувствовал, как в душе поднимается волна гнева. Покои Йамы разорили, как только он их покинул. Мебель разодрали буквально на спички, простыни изорвали на тоненькие полоски. Тюремщик, без сомнения, при этом присутствовал, чтобы убедиться, что торговцы, приобретающие сувениры для праздничной толпы, его не обманули.

Тем временем Йама объяснял господину Нарьяну:

— Анжела вызвала последних выживших аватар и узнала у них, как пользоваться пространством внутри оракулов. Она создала свой фантом, который впоследствии уничтожил последних аватар. И я думаю, она заключила союз с мятежными машинами тоже.

— Она всегда была со мной, — рассказывал господин Нарьян. — Я встречал ее фантом во многих оракулах, но она казалась ослабленной и озлобленной и почти не помнила события в Сенше. Я сам ей напоминал.

— Значит, это ты рассказал ей эту историю, и она смогла поместить ее в мою книгу.

Эти слова позабавили господина Нарьяна, который разразился лающим смехом, катаясь туда-сюда в своем цилиндре. Вода выплеснулась на палубу. Тотчас возникла головка пульверизатора, увлажняя обнажившуюся серую кожу. В машине, прицепленной к пустой правой глазнице, загорелся ровный красный свет. Господин Нарьян усмехнулся:

— Какая странная ирония! Об Анжеле существует столько легенд, а я помню только правду. Ну конечно, еще есть несчастный Дрин, но его соблазнила команда корабля Анжелы, и он отправился с ними, когда они покинули наш мир. Разумеется, когда-нибудь я снова его встречу. Вселенная бесконечна, но количество миров ограничено. Я найду его и спасу от той ошибки.

— Вы все хотите жить вечно, — заметил Йама. — Но ведь жить вечно нельзя, потому что не вечна Вселенная. Меня всегда интересовало, что произойдет, когда закончится время и вы встретитесь с Хранителями? Попытаетесь их уничтожить?

Женщина в зеркальных доспехах ответила:

— До тех пор мы успеем разрушить Око Хранителей. Существуют способы уничтожения черных дыр. Как только такая дыра достаточно уменьшится, происходит свертывание, и уже ничто не может из нее выйти, пока она не испарится. По крайней мере выйти в эту Вселенную. Мы всегда будем ловить момент, и последний будет тоже принадлежать нам. Но к тому времени мы, разумеется, овладеем уже всей Вселенной. Мы не дрогнем, как дрогнули Хранители, — вещала она с видом самой чистой и пламенной убежденности. — Мы никогда не остановимся в своих стремлениях.

Йама улыбнулся и сказал:

— Вселенных ведь много. Вернее, много версий одной Вселенной. Все, что может случиться, случится. Возможно, даже ваша победа.

— Нам нет нужды думать о далеком будущем, — вмешался господин Нарьян. — Именно эта мечта парализовала наш мир. Хранители обещали вечную жизнь в последней точке времени и пространства, а потому их глупые последователи считают, что в этой жизни не стоит ничего делать. Эта лживая надежда исказила наш мир, загипнотизировала его, как змея гипнотизирует мышь. Но будущее не возникает из обещаний, каждый обязан построить его сам.

— Ну, на этом мы можем согласиться, — примирительно сказал Йама. — Когда восстали черные машины, общественная служба объявила, что она будет подавлять всякие перемены, потому что перемены влекут за собой ересь. Но ведь Хранители преобразили нас и поместили сюда в надежде, что мы будем продолжать свое преображение.

Преобразятся даже аборигены, с холодной дрожью подумал Пандарас. Бремя, которое господин возложил на него, казалось невыносимо тяжелым. Он лишь вполуха слушал весь этот праздный разговор, больше обращая внимание на стоящих рядом солдат. Он принял решение попытаться вытащить у них пистолет или хотя бы нож, если Йама сам не станет спасаться. Он отдаст жизнь, только бы спасти своего господина.

— Нам не нужны боги, — продолжала вещать женщина в зеркальных доспехах, — потому что мы сами превзойдем богов. Мы продолжим этот разговор при конце времен, Йамаманама, когда мы воскресим тебя из мертвых.

Йама вежливо ей поклонился и произнес:

— Благодарю тебя за любезность.

С носа, где он провел большую часть путешествия, пришел Энобарбус, как всегда, голый до пояса. Из-за красного кушака его белых штанов торчал пистолет. Ветер раздувал его бронзовую гриву. На искалеченном лице горели шрамы. Он торжественно произнес:

— Мы почти прибыли. Тебе следует приготовиться, Йамаманама. У нас нет священника, но, если хочешь, можешь помолиться один.

— Я уже помолился, — спокойно ответил Йама.

Баржа вместе со своим эскортом проходила мимо грязной отмели по правому борту. Казалось, тут скопился мусор со всего мира: погибшие деревья, выбеленные долгим пребыванием в воде; бесчисленные гробы, в основном пустые; ошметки набухшей от воды одежды и куски пластика; трупы людей и животных; тысячи и тысячи костей; а иногда и выцветший корпус полусгнившего корабля. Обычно на таких отмелях рыскали среди отбросов речные грабители, имевшие лодки с очень мощными моторами, чтобы бороться с сильным течением. Однако сегодня их всех согнали вверх по реке. Одни только белые чайки гомонили над костями и искусно набальзамированными трупами. Когда процессия приблизилась, они белым вихрем поднялись в воздух.

Звук водопада становился все сильнее. Мощные течения приподнимали шкуру реки, и она вздымалась мускулами, увенчанными белой пеной. Флот из мелких суденышек поотстал, повернув назад и отчаянно сражаясь с течением. Остались лишь несколько действительно крупных судов, решивших пренебречь раздающимися с галиота предупреждениями.

Прямо по курсу тянулась цепочка черных, тяжелых туч над серебристыми полотнищами дождя. Река убегала прямо под них, поднимаясь на краю мира блестящим стеклянным горбом. Водяной бордюр длиной в пятьдесят лиг.

Подскочив на волне, одна из пирог пошла ко дну, люди попрыгали в воду, и их тотчас унесло течением. Никто и не пытался их спасать: каждый сам отвечает за свою жизнь. Большинство мелких лодок давно повернуло назад, но баркас Узабио с мощным мотором держался недалеко от баржи, еще один катер виднелся в полулиге за кормой.

Двигатели баржи и двух галиотов непрестанно ревели, удерживая суда на одном месте. Флайер спустился ниже, его тень легла на все три судна. На галиотах вдоль поручней стали строиться вооруженные солдаты. Компромисс сводился к следующему: Йаму привяжут к деревянной раме и бросят в воду, но снайперы застрелят его раньше, чем течение унесет за край мира. Снайперам не обязательно быть очень меткими. Их вооружение составляли карабины, от которых могла закипеть река.

Теперь ход событий ускорился. Пандарасу казалось, что всех их подхватило ускорившееся течение реки и диктует свой ритм.

С Йамы сняли одежду. В сопровождении пентады солдат в черных доспехах и черных масках его отвели на нос корабля. Над головой у него суетились машины, стараясь как можно подробнее зафиксировать и передать детали этой сцены. Словами и жестами солдаты направляли движения пленника. Пандарас бросился следом, но один из офицеров крепко ухватил его за здоровую руку. Пандарас вырывался изо всех сил, но освободиться так и не сумел.

Наступила тишина. Потом внимание присутствующих переместилось. Господин Нарьян начал произносить речь. Йаму привели назад, чтобы он мог ее услышать. Мотор баржи завывал на одной низкой ноте, так что у Пандараса лязгали зубы. Сердце его бешено колотилось. Над бурлящей водой неслись лающие приказы офицеров, командовавших стрелками на галиоте. Отставший катер двигался теперь прямо к барже. Пандарас больше не видел Йаму: мешали члены суда, к тому же офицер продолжал крепко держать его за руку. Когда они расступились, Пандарас увидел, что Йаму снова отвели на нос, и теперь пятеро солдат в черных масках привязывают его к раме для экзекуции.

Пандарас осыпал проклятиями офицера и всех его предков, крича, что он должен позаботиться о господине в его последние минуты.

— Он уже не нуждается в помощи, — ответил офицер. — Возьми себя в руки. Это большой исторический момент.

Квадратную раму для казни сделали точно по росту Йамы, укрепили перекрестьями и наложили на круг, собранный из дерева бальзы. Ремни удерживали его в вертикальном положении. Из углов тянулись цепи, прикрепленные к одному кольцу на крючке, свисавшем в свою очередь со стрелы подъемного крана, которым управляли пятеро голых по пояс солдат. Баржу мотало течением, цепи гремели и позвякивали. Энобарбус проверил петли, удерживающие кисти и щиколотки Йамы на раме; солдаты сняли ремни. Цепи натянулись, рама поднялась в воздух, кран потащил ее за борт, опуская верхнюю часть, пока конструкция не легла параллельно несущейся под ней воде. Солдаты повисли на канатах, не давая раме раскачиваться.

С обоих галиотов покатилась барабанная дробь. Сердце Пандараса понеслось вскачь. Неужели это конец? Он снова попробовал освободиться, но офицер вывернул ему за спину руку и давил до тех пор, пока Пандарас не закричал от боли.

— Через минуту я тебя отпущу, — сказал офицер. — Потерпи.

Что-то шло не так. Стрелки нарушили строй и завертели головами. Катер все приближался, направляясь прямо к галиоту, стоявшему слева. Что-то маленькое и яркое взлетело с

катера и поднялось высоко в воздух, а судно все летело на полном ходу сквозь стену брызг. Флайер поднялся выше и разворачивался в сторону катера.

Первой мыслью Пандараса было, что Йама все-таки вызвал на помощь машину. Но то, что взлетело с катера, было не машиной, а человеком на летающем диске. Диск мчался так быстро, что воздух буквально сдирал с пассажира его рваную мантию. В тот момент, когда Пандарас наконец узнал префекта Корина, во флайер ударил энергетический луч, и тот лопнул с оглушительным взрывом в ореоле синего пламени. В воду полетели обломки, оставляя за собой длинные дуги черного дыма и копоти. В тот же миг раздался страшный треск, по палубе левого галиота прокатилась стена огня. Катер врезался ему в борт и взорвался. Пандарас почувствовал, как его обдало жаром, офицер выругался, но Пандараса не отпустил. Огонь бушевал на галиоте от носа до кормы, вода хлестала в разбитый борт, и корабль уже начал погружаться. В огне метались солдаты, их крики разрывали барабанные перепонки. Некоторые попрыгали в реку, их тут же унесло течением. Огонь добрался до боеприпасов, они тоже стали взрываться, в пламени пожара замелькали новые вспышки. Горящий галиот закрутился на месте, моторы встали, корабль тащило к водопаду.

Префект Корин поднялся над пламенем. Стрелки на галиоте по правому борту баржи прицелились, опустили карабины, посмотрели на них в недоумении, снова прицелились. Ничего. Либо так пожелал Йама, либо префект Корин вытягивал энергию из местной гравитационной сети. Некоторые солдаты на барже, вооруженные винтовками ударного действия, принялись палить вверх. Слишком поздно. Префект Корин вытянул руку, и в корму правого галиота ударил луч синего огня. Взметнулось облако пара, корпуса мощных двигателей взорвались. От потоков расплавленного металла вспыхнула палуба, солдаты в панике побежали на нос. В этот миг державший Пандараса офицер вскрикнул и схватился за свою маску, которая раскололась от удара машины в виде тонкой черной стрелы. Пандарас выдернул руку и бросился вперед, лавируя между доспехами солдат и пышно разряженными судьями.

Энобарбус прицелился в префекта Корина из пистолета. Когда выстрела не получилось, он отбросил пистолет и выхватил у солдата винтовку. Префект Корин нырнул вниз, направляясь к раме с приговоренным, которая все еще висела над бурлящей водой. Энобарбус снова прицелился, но не в префекта Корина, а в цепь, удерживающую раму. Первая пуля попала в крючок, полетели искры, Энобарбус взял ниже и успел сделать еще два выстрела, но тут Пандарас стукнул его по голове и вцепился ему в спину.

Ему удалось обхватить Энобарбуса за голову, но потом его схватили и отшвырнули в сторону. Баржа и небо закру-

ились перед его глазами. Он налетел на двух солдат, сбил их с ног наткнулся спиной на что-то, глухо зазвеневшее от удара. Это казался резервуар господина Нарьяна. Энобарбус швырнул его очти через всю палубу. Пандарас вскочил и снова кинулся на нос. Іа бушприте, на крюке подъемного крана, позвякивая, болтались епи. Рамы не было.

Пандарас взлетел до половины крана и увидел, как диск пре-ekта Корина летит над волнами, преследуя какой-то предмет, носимый мощным течением. Двое полуголых солдат карабкались Пандарасу. Он оттолкнулся и, не раздумывая, нырнул в реку. 'разу оказалось, что держать над водой голову неимоверно трудно. 'ека казалась живым, извивающимся в муках существом. Пандара-а потащило течением вниз, в сверкающую массу блестящих маленьких пузырьков, потом снова вытолкнуло на поверхность. Его акрыло волной, но он успел вдохнуть и заметить, как к нему есется какая-то тень. Он опять стал опускаться, но в этот момент то-то захлестнуло его тело.

Веревка. Пандарас схватился за нее единственной рукой и к ому же обвил ногами конец. Барашки с волн били его по лицу. Іеред лицом ходил туда-сюда борт небольшой лодки. Кто-то перенулся через край, ухватил за Пандараса за шиворот и втащил в одку.

Пандарас растянулся на животе в луже воды. Река высосала всю илу из его тела. Мотор взревел, и катер по широкой дуге стал оворачивать обратно. Пандарас попытался встать на ноги, но упал а пластиковые сумки с деревянными щепками и узкими полоска-ıи белой ткани. Он тут же догадался, кто его спас.

С чудовищно широкой улыбкой Узабио обернулся от руля ка-ера. Он установил автопилот и пошел к Пандарасу, протягивая му руку, чтобы помочь встать. И тут же отскочил назад, схватив-ıись за щепку, которую Пандарас воткнул ему в глаз.

Пандарас поймал его ноги, дернул на себя, навалился всем елом на тушу Узабио, перевалил через край лодки, и в следующий ıиг тот исчез за бортом.

Катер уносился прочь от водопада. У Пандараса ушло несколько очень нервных минут, чтобы разобраться, как выключить маенькую машину, которая управляла движением судна, и повернуть азад.

Оба галиота горели и дрейфовали к краю мира. Черную баржу носило в сторону города, над ней жужжало целое облако машин. Іандарас что есть духу гнал катер по волнам. Ни диска, ни рамы не ыло видно. И никаких признаков префекта Корина или Йамы.

Пандарас не верил, что Йама погиб. Он клялся найти его. Он ешил, что проведет в поисках весь остаток своих дней, но ошибся.

20. ОСТРОВА ИЗОБИЛИЯ

Когда еретики перенесли его из Стеклянной Пустыни, Йама вскоре почувствовал, что префект Корин бродит вблизи развалин города Сенша. Префекту удалось подчинить себе несколько машин, и в дни после суда он перемещался с места на место вокруг города с его громадным гарнизоном, очевидно, выискивая слабые места. Йама был уверен, что префект непременно попытается спасти его от еретиков, но в успех не верил. В самом лучшем случае он может сыграть роль отвлекающего маневра. Теперь он понял, что в очередной раз недооценил способности префекта.

У Йамы был собственный план спасения. Он хотел перелететь через край мира и упасть в узкую щель, куда уходила река и где прошлое и настоящее смешивались в один клубок. Эта узкая щель была оставлена, когда собирали структуру мира, и Йама считал, что может упасть в самое его начало и найти наконец людей своей расы. Он получил эти сведения от владычицы доктора Дисмаса. Она поглотила множество более мелких машин, массы людей и стащила в одну кучу их знания, как древесная крыса тянет в свою нору осколки стекла, кусочки пластика, металла, обрывки бумаги. Этот грандиозный запас информации хлынул в Йаму, когда машина пыталась превратить его в свою часть, поглотить сознание. Стремительный поток сведений едва не смыл его собственную личность. Тогда у него было совсем мало времени, чтобы сориентироваться, но все же он успел узнать тайну Великой Реки и понять, что конец мира лежит в его начале. А этого было достаточно.

Ему легко было обмануть крошечный интеллект карабинов в руках стрелков и убедить их, что они уже произвели выстрел, хотя на самом деле этого не было. Значительно труднее оказалось подчинить себе одну из машин, сопровождающих баржу. В эти машины были встроены сотни взаимозависимых ячеек-личностей, и каждую такую связь требовалось аккуратно распутать. Но Йама знал, что ему понадобится машина, чтобы разрезать путы, когда его бросят в воду. И пока еретики готовили его к казни, он все время занимался только этим.

И вот когда он, обнаженный, уже висел на колесе, что-то сбило флайер над его головой, моторная лодка врезалась в левый галиот, и тот взорвался. Пока Энобарбус бежал к бушприту, Йама уже догадался, что происходит, и использовал единственную послушную ему машину, чтобы убить офицера, который держал Пандараса. Но Пандарас не стал спасаться, а бросился на помощь своему господину и напал на Энобарбуса, когда тот собирался отстрелить цепи, на которых висела рама.

А потом Йама упал. Колесо с рамой шлепнулось в воду, и его сразу закрутило и оттащило прочь от черной баржи. Мощный водяной вал подбросил всю конструкцию в воздух, потом швырнул в волну, которая накинулась на Йаму со страшной силой, царапая кожу и растягивая руки и ноги в разных направлениях. Йаме удалось глотнуть воздуха, но тут в колесо ударила следующая волна, Йама опять погрузился, еще раз всплыл, задыхаясь и мигая, и понял, что может утонуть, не успев упасть за край мира.

Тут на него упала какая-то тень: летающий диск, который остался качаться в воздухе, когда префект соскользнул на раму и навис над Йамой, стараясь удержаться на ногах на дрожащей от волн опоре. Посох его был привязан на спине, поверх развевающейся мантии. Он нанес Йаме четыре удара — два в правый висок, два в левый. Когда он поднимал правую руку, что-то блеснуло. Нож. Йама, едва сохраняя сознание, мог только наблюдать.

Нож рассек веревку на левой руке Йамы. Лицо префекта Корина было в ладони от лица Йамы.

— Мы здесь, чтобы помочь тебе, мальчик, — сказал префект. Ему пришлось перекрикивать шум плещущих волн и неумолчный рев близкого водопада. — Теперь мы тебя не потеряем. Скажи, что ты будешь с нами, и мы освободим тебя.

Йама хотел что-то ответить, но мысли его расползались. Он лежал распятый, обнаженный, беспомощный перед своим врагом и чувствовал, как оживают все его прежние страхи. Префект Корин! Бесстрастный, непрощающий, неутомимый... От него нет спасения. Он никогда не остановится, никогда не сдастся, никогда не умрет.

Лицо префекта придвинулось совсем близко. Кожа его была холодной и влажной, дыхание — обжигающим. Вместо левого глаза — грубый складчатый шрам.

— Ты наш, Дитя Реки, — с угрозой зашептал он. — Выживем мы или погибнем — мы выживем или погибнем вместе.

Йама пытался сфокусировать взгляд на лице префекта Корина, но предметы расползались и прыгали. Он не боялся упасть за край мира, потому что знал, куда попадет. Но сейчас его наполнял животный ужас. Этого человека он боялся больше всего на свете.

Префект Корин улыбнулся и снова зашептал:

— Ты ведь не хочешь умереть? С этого и надо начинать.

Он поцеловал Йаму в губы и сел на его ноги, собираясь разрезать веревки на щиколотках. Внезапно ветер сдул в сторону его мантию. Префект хлопнул себя по плечу и посмотрел на окровавленную ладонь. Йама вспомнил ружье Энобарбуса. В тот же миг что-то бичом рассекло воздух, и на лицо Йамы брызнул фонтан крови. Префект Корин зарычал, покачнулся и полетел в пенящиеся потоки. Летающий диск потерял вдруг устойчи-

вость, перевернулся и последовал за своим хозяином. Йама следил, как он уменьшается за плотной завесой дождя. И тут сильный водоворот подхватил раму и закружил ее в волнах.

Струи дождя смешивались с фонтанами брызг от беснующихся волн. Их холодные иглы непрерывно впивались в кожу, не позволяя Йаме впасть в забытье. Воздух наполовину состоял из воды. Устрашающий рев заполнил каждую клетку тела Йамы. Рама трещала и гнулась. Невероятно, но она сейчас поднималась, скользя по гладкому водяному склону. На мгновение Йама замер на самой вершине волны на краю мира, за черными дождевыми тучами увидел баржу, два тонущих галиота, быстроходный катер, уходящий прочь по широкой дуге.

А потом мир улетел назад, а он полетел из него прочь.

Был полдень. Господин Нарьян объявил, что это благоприятное время для казни. Солнечные лучи отвесно низвергались на землю, превращая дальний берег в сияющий золотом нож, отрезающий половину неба. Мимо летела стена воды и, падая, сама в себя заворачивалась. Серебряная струя на голубом фоне воздушного покрывала — она уменьшалась по направлению к узкой щели, исчезала в ней и уносилась неведомо куда. Йама ощущал переплетение гравитационных полей как нити, дергающие за руки и за ноги. Он постарался сосредоточиться, найти машины, генерирующие эти поля, и вдруг почувствовал, как далеко внизу, подобно жабе на дне колодца, шевельнулся холодный древний разум.

Тогда в нем вспыхнуло пьянящее чувство надежды. Все, все правда!

Над стеной падающей воды висела белая, как свежевыстиранное белье, пелена облаков. На разных уровнях среди облаков дугами выгибались архипелаги фиолетовых и пронзительно синих искр. За каждым тянулась длинная полоса тени.

Острова Изобилия.

Манипулируя гравитационными полями, Йама выбрался на простор. Рама летела к самому дальнему острову ближней дуги.

Он парил, спускаясь, смеялся и вспоминал свои детские сны о полетах и сон, который он видел в гробнице Умолкнувшего Квартала Города Мертвых.

Прошлое и будущее слились в одном невероятно счастливом мгновении.

Йама летел сквозь облачную пелену. Вокруг струился туман, обдавая тело влажным, холодным паром. А вот он снова на солнце и падает со скоростью дождевых капель. Остров скрылся из виду, и Йама попытался развернуть свою раму, но вдруг она с треском налетела на какую-то мешанину из

маленьких красных трубок, которые стали лопаться, испуская сильный кислотный запах.

Йама еще распутывал узлы на щиколотках — в воде веревка набухла и не поддавалась, — когда его нашли люди дождя.

Острова Изобилия постоянно орошались дождем и туманом. Влагой сочилось все — мягкие переплетения масс стафилеи, прозрачные, наполненные водородом пузыри, узловатый дерн черноцветья, пенные холмы водорослей, изящные кущи папоротника. Вода капала с обильной листвы цвета индиго, проступала из лесной подстилки и сплетенных в сплошную подушку корней, собиралась в каналы и уходила по ним в цистерны и бассейны и лилась, лилась бесконечными потоками через края островов. Иногда дождь был такой плотный, что казалось, сам воздух обратился в воду. Рыбы лазили по мягким побегам растений с помощью цепких присосок, расположенных по бокам сплющенных тел. Они открывали красные пластинчатые жабры навстречу ливню и охотились за жуками, личинками мух и червями.

На островах всегда царил полумрак. Мир размеренно покачивался туда-сюда на длинной оси, и солнце появлялось над дальним берегом в полдень, а под ним — в полночь, и даже тогда постоянное влажное облако вокруг бесконечного водопада частично поглощало свет, лишь временами расступаясь и пропуская случайный столб солнечных лучей в окружении сотни абсолютно круглых радуг. Трение между воздушными слоями порождало грозы, которые представляли страшную опасность для обитателей островов: молния могла поджечь водородные пузыри, от которых зависела плавучесть острова, могла спровоцировать взрыв. Но даже в смерти здесь таилась жизнь. Этими редкими взрывами широко рассеивались частицы общественных организмов, которые, сплетаясь, образуют летающий остров. Некоторые из них вырастут в новые острова взамен тех, что выпадают из воздушных течений вокруг водяной стены — Великой Реки, повернувшей на девяносто градусов и падающей к своему концу и началу.

Люди дождя, населявшие Острова Изобилия, не принадлежали, как раньше мечтал Йама, к расе Дирив. Они были туземцами, едва доходившими Йаме до пояса, с гладкой серой кожей, овальными лицами, на которых выделялись огромные черные глаза. У них были тонкие ноги и руки с тремя длинными гибкими пальцами. Имея холодную кровь, эти люди двигались резкими короткими рывками с длинными сонными паузами, когда они застывали, подобно статуям, лишь медлительно мигая мембранами на больших темных глазах.

Еще освобождая Йаму, люди дождя сразу начали разбирать раму: твердое дерево на Островах Изобилия ценилось

дороже золота. По тропе среди пышной, влажной растительности его отвели в деревню на платформах в носовой части острова. Главная платформа перекрывала поток, шумевший между округлыми, мшистыми берегами и падающий потом в пустоту. Платформы поменьше служили для сна, их соорудили вокруг громадных древовидных папоротников, раскинувших над головой широкие веера черных узловатых стрел. Крона этих папоротников являлась единственной защитой от непрерывного дождя. Вода капала отовсюду, струилась по скользкой смоле платформ, убегала в заросли, сочилась из влажной почвы.

Чтобы прикрыть наготу, люди дождя дали Йаме простыню из шкуры и накормили его соленой кашицей из сырой рыбы и мелко порубленными побегами элодеи, коричневые стебли которой паразитировали на стволах стафилеи. Йама объяснил им, откуда он взялся и куда хочет попасть. Они терпеливо его выслушали. Эти люди ходили голыми, но Йама не мог определить, где мужчины, а где женщины, — между ног у всех была только гладкая серая кожа. Несколько пар дружелюбно прижимались друг к другу. Одна из этих пар, Туматаугена и Таматане, старейшая в семейном клане этого острова, объяснила Йаме, что за все время лишь несколько человек из верхнего мира попадали на Острова Изобилия, и ни один не вернулся обратно. Но он первый, кто понял, что река сама себя заглатывает, а потому они понимают важность его просьбы.

Туматаугена сказал:

— Каждый год воды падает все меньше.

Таматане добавила:

— Пасть змеи дрогнула два поколения назад. Она по-прежнему заглатывает воду, но мы боимся, что где-то утечка, она ее сплевывает неизвестно где.

Туматаугена продолжал:

— То же самое случилось с рекой второй половины мира.

Таматане подхватила:

— Если не явится герой, эта часть мира тоже станет пустыней, какой она однажды была.

Рассказывая по очереди, Туматаугена и Таматане поведали, что река обитаемой части мира когда-то была длинным озером, которое никуда не текло и вскоре совсем застоялось. Громадная змея выпила эту воду, но у змеи было две головы и ни одного заднего прохода, потому вода осталась в его брюхе. Змея раздулась в гладкий, полный воды, сине-зеленый горный хребет, который протянулся вдоль одной стороны мира, напротив Краевых Гор. Одна голова лежала среди Оконечных Гор в конечной точке мира, а другая висела над серединной точкой. Мир стал сухим, как песок. Животные гибли от жажды; растения вяли и высыхали. Некоторые живущие там расы хотели заставить змею из-

рыгнуть воду. Они пытались ее рассмешить, но у змей нет чувства юмора, и из этой затеи ничего не получилось. Но внутри этой змеи жили некие паразитические черви; когда змея раздулась, они стали расти. По воле Хранителей они стали предками людей дождя. Они выломали несколько ребер у гигантской змеи и сделали из них ножи. Действуя сообща, они сумели разрезать брюхо змеи изнутри, выпустив воду в окружающий мир. Великий потоп отнес одну из змеиных голов за край мира в серединной точке. Она повисла в воздухе и глотала летящую ей вслед воду. Вторая голова змеи осталась в Оконечных Горах, так что вода, которую глотает первая голова, извергается из второй. Так возникла Великая Река, ее изгибы повторяют предсмертные судороги той громадной змеи.

Когда рассказ закончился (слабый дождь стучал вокруг, словно аплодисменты), Йама сказал:

— Давным-давно я слышал одну загадку, а вот теперь нашел на нее ответ. На нее и на загадку своей жизни. Я ваш должник.

Таматане сказала:

— Мы стали такими, как сейчас, за то, что спасли мир от засухи, но все же мы меньше, чем любой народ на поверхности.

Туматаугена продолжил:

— Если мы поможем тебе спасти реку, то, может быть, опять получим награду.

— Может быть, — ответил Йама.

Люди дождя задали Йаме множество вопросов о его приключениях в верхнем мире, но наступил момент, когда он больше не мог бороться со сном. Он заснул под навесом из сплетенных бамбуковых листьев. Заснул он быстро, хотя продрог и вымок, но спал недолго. Уже через несколько часов его разбудили Таматане и Туматаугена.

— В воздухе бродит что-то дурное, может быть, ты знаешь, что это.

Летающий остров находился в самой гуще облачного пояса. Была почти полночь. Свет просачивался снизу, рассеиваясь в белом паре. Пока Йама выбирался из-под тяжелой сырой шкуры, в тумане возникла нестерпимо яркая, сияющая точка синего света; падая, она меркла, превращаясь в мерцающую красную звездочку, которая быстро исчезла. Йама едва успел ее заметить. В следующий момент содрогнулся весь остров, и в воздухе прогремел гром.

Йама задрожал. Он подумал, что знает, откуда взялся синий свет и гром.

Когда он спускался с платформы, из тумана возникла какая-то тень — темное пятно, которое быстро росло и обретало форму: красный треугольник, а под ним нечто вроде рамы. Покачиваясь, оно пролетело по воздуху и зацепилось за главную платформу. Висевший на стропах пилот по инерции пробежал

по платформе, сокрушив бамбуковую раму и натянутую на ней шкуру.

Со всех сторон полетел высокий свист. Люди дождя собрались вокруг пилота, который стоял посреди платформы и с изумлением взирал на Йаму.

Пилот по имени Тумахирматеа прибыл с группы островов, висевших значительно выше этого. Он рассказал, что в воздухе происходит что-то ужасное: появилось чудовище, которое плюет огнем и может одним дыханием уничтожить целый остров.

— Я знаю его, — мрачно вставил Йама. — Это не чудовище, это человек. Я считал, что он мертв, но ничто в мире, видимо, не способно его убить. Он ищет меня. Мне надо быстрей уходить.

Люди дождя посовещались между собой, затем к Йаме подошли Туматаугена и Таматане и предложили свою помощь.

Таматане сказала:

— Ты желаешь совершить падение сквозь пасть змеи.

— Я мог бы сию минуту спрыгнуть с края этой платформы, — отвечал Йама, — вот только не уверен насчет цели.

Однако при одной мысли об этом он ощутил спазмы в желудке. Он вовсе не был уверен, что сможет с такой точностью настроить машины, генерирующие гравитационное поле, чтобы попасть в устье пространственного разреза. Если он промахнется, то выпадет за атмосферную оболочку, и его постигнет такая же ужасная смерть, как Анжелу.

Дальше продолжал Туматаугена:

— У нас есть несколько видов летательных устройств. Самые простые — это мешки с пузырями, которые мы собираем по краям острова. Правда, они скорее поднимут тебя вверх, чем позволят спуститься. Так что лучше мы дадим тебе змея.

Воздушного змея тут же принесли и развернули. Йама поблагодарил людей дождя и попросил нож и чашу с водой. Туматаугена подал ему выточенное из рыбьего хребта шило с плетеной рукоятью из черной травы. Таматане поднесла тыквенную чашу, до краев полную сладкой воды.

Йама наколол подушечку большого пальца, выпустил в воду три капли крови и произнес:

— Если вы хотите стать больше, чем вы есть, если желаете сравняться с людьми того мира, который летит над вами, то выпейте каждый по глотку. Когда преображение завершится, вы сами сможете так же преображать других. Если вы решите не делать этого, то подождите один день, пока вода утеряет свою силу, и выплесните ее за край острова.

Спасся ли Пандарас? Станет ли он совершать это чудо для всех туземных народов этого длинного мира? Быть

может, это не имеет значения. Ведь зеркальные люди и лесные люди уже преобразились. Они смогут преобразить остальных.

Люди дождя совещались. Наконец Таматане и Туматаугена объявили, что они тотчас все выполнят. Они пустили чашу по кругу. Последним пил пришелец, Тумахирматеа, который швырнул ее в пустоту.

— У вас будет лихорадка, — объяснял Йама, — потом вы заснете, а когда проснетесь, все изменится. Вам придется искать собственный путь. Больше я для вас ничего не могу сделать.

Освоить воздушного змея оказалось нетрудно. Там были стропы, которые для него удлинили, а в точке баланса — рама, за нее можно держаться и поворачивать вправо или влево. Лента на острие змея указывает направление ветра. Толкая ногами рули, можно изменить поток воздуха на ромбической несущей поверхности, снизить скорость и благополучно приземлиться. Но приземляться не придется — надо будет только парить вниз, словно жаворонок.

Прощание было кратким. Люди дождя помогли Йаме надеть стропы и подойти к краю платформы. Он поглубже вдохнул и прыгнул вниз. Мимо пронеслась нижняя часть острова — переплетение прочных корней и прозрачных пузырей с водородом. Змея тряхнуло на воздушном течении, плечи Йамы дернулись. Он подрыгал ногами, вставил ступни в стремена рулей, наклонился влево... и снова начал дышать.

Тумахирматеа сопровождал Йаму в полете. Его красный змей в точности повторял все маневры желтого.

Они стремительно неслись вниз сквозь огромное облако, пронзили туманный поток, потом дождь и оказались наконец в чистой, просторной голубизне. С одной стороны за этажами туч и пеленой дождей поднималась темная стена края мира, с другой — синева воздуха углублялась по мере приближения к черной пустоте, в которой летел мир. А в середине, еще на сотню лиг ниже, серебряная колонна реки изгибалась к своей конечной точке. Здесь было светлее: на поверхности мира стояла ночь, и солнце освещало киль. Вокруг серебряной водяной дуги полыхали молнии; живые, подвижные искры горели рядом с собственным отражением. Цепочки летающих островов висели на разных уровнях, арками уходя в синеющие глубины пространства.

Йама летел вниз по широкой кривой, крича от счастья полета. На эти несколько минут он был абсолютно свободен.

Тумахирматеа покинул его, когда они достигли нижнего уровня облаков, кольцом окаймляющих водопад. Красный воздушный змей покачал на прощание крыльями и полетел прочь, уже начав подниматься на восходящем потоке. Йама продолжал спуск в одиночестве.

Теперь колонна воды, искривленная в сложных гравитационных полях, была значительно ближе. Воздух светил-

ся от электричества, рожденного силой трения воды. Каждый волосок на теле Йамы встал дыбом, воздух дрожал от грома разрядов. Он направил змея подальше от водяной колонны и отлетел на несколько лиг в сторону, потом двинулся по окружности. Сейчас мир представлялся ему стеной, уходящей вверх и вниз насколько хватал глаз.

Еще один полный оборот вокруг падающей реки — и он достигнет ее конечной точки. Глядя вниз, он видел черную бархатную глотку, обхватившую корень водяного столба. Он чувствовал силу, управлявшую этим входом. Просыпаясь, она устремлялась к нему сквозь бормотание машин гравитационного поля.

Отведи меня к началу мира, приказал ей он. *Отведи меня к моему народу.*

Он ожидал трудностей. Он думал, что придется использовать всю свою силу воли и всю хитрость, чтобы одолеть ее. Но она тотчас подчинилась. Голос ее звучал как его собственный, только профильтрованный сквозь остатки Тени.

Ну конечно, — сказала она. — *Ты вернулся. Не удивляйся. Я живу там, где Река встречается сама с собой. Конечно, я знаю тебя. Надеюсь, что снова тебя увижу.*

У Йамы не было времени сформулировать вопросы. Его подхватили воздушные потоки, летящие от водопада. Тугие струи воздуха сопротивлялись, он продирался сквозь них, как сквозь чащу. Несущая поверхность змея тряслась и дрожала. Рама извивалась в его руках, словно обладала собственной волей.

Тебе не нужен летательный аппарат. Я помогу тебе.

Йама выдернул ноги из стремени, расстегнул стропы. И отдался полету.

Над его головой хлопали плоскости воздушного змея, встречные течения подхватили его, свернули, смяли, и желтая точка вскоре исчезла вдали. Йама перевернулся в воздухе: ноги вниз, руки по бокам. Именно так он часто нырял со скалистого берега у выхода из бухты в маленьком городке Эолисе.

Но вот его подхватило что-то иное, не воздух. Он медленно поплыл к колонне воды. Она была гладкой и плотной, словно стекло. Казалось, она улетает вверх в бесконечность. Под ногами возникло кольцо пустоты. Только миг оно было плоским, как бумажный кружок, а в следующее мгновение стало бесконечно глубоким, не имеющим дна. Столб воды, сужаясь, скользил вниз. Вода ведь не сжимается, но весь грандиозный речной поток вливался в трубу, которую двое могли бы обхватить руками, легко встретив пальцы товарища.

Искажение пространства и времени. Поток здесь распределяется не только в пространстве, но и во времени. Это легче, чем раздвинуть проем пространственной щели.

Йама не понимал слов, которые возникали в его голове.

Теперь он падал быстрее, со свистом рассекая воздух. Плащ из невыделанной шкуры взлетел за спиной вверх. Вокруг виднелись ажурные геометрические конструкции яркого синего цвета, уходившие вдаль повсюду, куда падал взгляд.

Потом неведомая сила подхватила его, повернула. Скорость возросла, на мгновение возникло невыносимое давление, потом — яркий свет.

21. КОРАБЛЬ ДУРАКОВ

Его уносил бешеный водный поток. Йама рванулся к свету и воздуху, но вода уже отступала, со всех сторон волны катились прочь.

Он встал. Вода доставала до щиколоток. Плащ из шкуры насквозь промок и тяжелыми складками прилипал к телу. Свет вокруг был тусклого кроваво-красного оттенка. Холодный воздух отдавал металлом. Йама стоял в таком громадном помещении, что не видел ни стен, ни потолка. Внизу, под тонким слоем воды, чувствовался пол из гладкого, темного, слегка пружинящего материала.

Чуть поодаль стоял оракул. Такого громадного Йама прежде никогда не видел. Гигантский черный диск высотой превосходил любую из башен замка эдила. Йама обратился к нему. Оракул не проснулся, однако у Йамы возникло беспокойное впечатление, будто необъятная черная поверхность на мгновение дрогнула.

Где он? И когда?.. Может, он находится в киле мира? Вдруг это момент сотворения? Он прижал пальцы ног к полу. Пол напомнил ему о месте, куда водила его Тамора, давным-давно, в другой жизни, в Изе.

Он выбрал наугад направление и пошел. Шел долго. Вода скоро пропала. Попробовал прокричать свое имя, но гигантские просторы темноты и красного света не отзывались даже эхом. Йама шел и шел, а потом вдруг ощутил, что где-то сзади, но далеко, есть машины. Он остановился и повернул назад.

Вдалеке, у подножия огромного диска оракула, шевелились крохотные фигурки. Йама поднял руки и закричал с внезапной надеждой. Тут возник узкий луч яркого белого света, пробежался вокруг и остановился на нем. Фигурки вдруг побежали с невероятной, нечеловеческой скоростью. Йама хотел расспросить их, но в мозгах у них оказалась пустота. Вспомнив о слугах машины, хозяйки доктора Дисмаса, Йама развернулся и побежал, и его тень неслась перед ним. Он бежал и бежал, пока не услышал с левой стороны слабый свист.

Йама встал и оглянулся, полуослепленный белым, невыносимо ярким светом. Он увидел, что фигурки уже пробежали половину расстояния. Свист раздался опять. Йама повернулся на звук. Луч света не отпускал его. Навстречу ему поднялась собственная тень, упавшая на что-то, возникшее в красноватом мраке. Какое-то сооружение, пузырь или волдырь размером с дом.

Перед Йамой вдруг появилась фигура, отбросившая скрывавшее ее покрывало. Йама попробовал отскочить, но она оказалась быстрее, резко двинула его плечом в живот, обхватила за бедра, и Йама упал на пол.

Он с изумлением посмотрел вверх, на лицо, так похожее на его собственное. Так могла бы выглядеть его сестра! Бледная кожа, узкие челюсти, высокие скулы, синие живые глаза... Черные волосы коротко острижены. Искусные татуировки, начинаясь у челюстей, бежали к ушам и встречались сзади на шее. Свободное серебристое одеяние плотно прилегало у щиколоток, на кистях рук и у шеи. Ее грубая голая ступня покоилась на груди у Йамы, а в лицо ему она направляла узкий жезл. У Йамы возникло чувство, что это оружие. Что-то странное было в этой чужой, но почему-то знакомой женщине. Пустота...

— Кто ты? — спросил она, тяжело дыша. — Выживший из трюма или безбилетник?

Йама повернул голову, чтобы спрятать шрамы. Он вдруг с неудовольствием вспомнил, что под шкурой он абсолютно голый.

— Я нахожусь в киле? — спросил он.

— Ты имеешь в виду гребень? Не валяй дурака! Мы потеряли эти территории двадцать поколений назад. Кто ты?

— Я здесь чужой.

— Прогуливающийся дикарь? Кто бы ты ни был, я думаю, ты убил нас обоих.

Она позволила ему встать. Фигуры теперь сильно приблизились. Их силуэты, человекоподобные, но какие-то кособокие, четко вырисовывались на фоне яркого луча белого света. И они стремительно приближались.

Йама указал на пузырь и спросил:

— Что там внутри?

— Выход. Но даже если бы у нас было горячее лезвие, мы не смогли бы разрезать его покрытие.

Женщина сворачивала покрывало, под которым раньше пряталась. Оно сложилось в удивительно маленький квадратик, и она спрятала его в прорезь у пояса своего серебристого одеяния.

Йама вспомнил космический катер. Охранник что-то сделал с таким же материалом...

На гладком черном изгибе стенки появилась складка со входом. Женщина удивленно посмотрела на Йаму, но пос-

ледовала за ним внутрь. Отверстие за ними закрылось. Мгновение они были в полной темноте, но потом женщина попросила света, и в ответ в воздухе возникло слабое свечение.

Они стояли на узкой дорожке, огибающей гладкую шахту, которая наклонно уходила вниз, в темноту. Женщина встала на колени, заглянула в шахту, потом подняла взгляд на Йаму.

— Это ты здорово провернул, но регуляторы очень быстро получат разрешение сюда войти.

— Кто они?

— У тебя нет никаких меток. Из какой ты семьи?

— Как раз это я и надеюсь узнать.

— Ты ведь проник сюда с водой? Но нам нельзя здесь оставаться.

— Мне придется снять плащ, тогда мы сможем посмотреть, куда ведет эта штука.

— Думаю, далеко. Это одна из магистралей.

Йама присел на край шахты, снял шкуру и расстелил ее на полу шерстью вниз. Он чувствовал, как взгляд женщины скользит по его обнаженному телу.

— Садись сзади и обхвати меня за пояс, — распорядился он. — Плащ нас защитит.

Секунду поколебавшись, она сделала, как он сказал. Острый запах и жар ее тела возбудили его, Йама почувствовал, как краска заливает лицо и грудь.

Женщина представилась:

— Меня зовут Вери. Если нам удастся выбраться, я познакомлю тебя со своей семьей, и мы попробуем договориться. Брин захочет задать тебе много вопросов.

— Вперед! — скомандовал Йама, оттолкнулся, и они пустились по длинному крутому спуску.

Вери визжала почти все время, но скорее от удовольствия, чем от страха. Поверхность шахты почти не создавала трения, тем не менее шкура довольно быстро нагрелась и жгла Йаме обнаженные ягодицы. Когда наклон наконец пропал и они остановились, Йама встал на четвереньки и, смущаясь, снова надел на себя меховой плащ.

Потом они долго шли. Диаметр шахты вдвое превышал их рост, в сечении она была абсолютно круглой, а поверхность обита тем же материалом, что и пол в громадном помещении, из которого они убежали.

Йама рассказал Вери кое-что из своих приключений.

— Всю свою жизнь я пытаюсь найти своих родственников! — воскликнул он. — Я так счастлив, что встретил тебя. Сколько вас здесь? Где мы находимся?

— Если ты подождешь, то скоро все узнаешь. Вопросы будешь задавать Брину.

— Я могу объяснить, как сюда попал и почему не знаю, где нахожусь. Реку увело...

— Хватит разговоров. Здесь небезопасно.

Наконец Йама нашел место, где ему удалось заставить черную обивку открыть выход. Они выбрались из шахты и оказались в жарком, влажном воздухе, залитом зеленым светом. Позади находилась высокая скала, увитая плющом и толстыми лианами, а на вершине ее виднелись деревья. Сухое русло ручья змеилось между кустами и стволами деревьев, которые, склонившись, образовывали настоящий туннель.

Вери осмотрелась, понюхала воздух и сказала:

— Мне кажется, я знаю эту пустошь. Другие тоже где-то рядом. Ты все здорово сделал.

Она подошла совсем близко, лицом к лицу. Одно головокружительное мгновение Йама думал, что она его сейчас обнимет, но Вери только дотронулась жезлом до кожи за его ухом. В этой точке сразу возник леденящий холод, быстро распространившийся по черепу и лицу. Мышцы его расслабились. Когда он падал, Вери отступила в сторону, чтобы он ее не задел.

Йаму разбудил птичий щебет где-то высоко над головой. Вдоль сухого русла ручья кусты росли очень густо, двое мужчин прорубили в них проход и вышли на поляну. Вери подбежала к более крупному из них и сказала:

— Внутрь проник вовсе не жук. Я не знаю, кто он такой. Рассказывает просто сумасшедшую историю, она настолько невероятна, что может быть правдой, но только он не медизер.

— Всех медизеров убили давным-давно, — вмешался меньший мужчина, — после того, как они уничтожили другие племена.

— Тихо! — сказала Вери. — Он проснулся.

Йама сел. Он улыбнулся обоим мужчинам и выставил руки, показывая, что не вооружен. Он был так счастлив отыскать людей своей расы, что и мысли не допускал о недобрых намерениях.

На мужчинах тоже были серебристые одежды, состоящие из одного предмета, совсем как у Вери. И оба имели на шее похожие татуировки. И казалось, что им, как и Вери, чего-то не хватает. Возникало впечатление, что это не живые люди, а ожившие статуи или фантомы, отлитые не в свет, как обычно, а в плоть.

Мужчина, которого обнимала Вери, был на голову выше Йамы, хорошо сложен и красив. Он закатал рукава своего серебристого одеяния, обнажив сильные, мускулистые руки. Хорошо развитые бицепсы были перехвачены медными лентами. Второй мужчина был значительно старше, за спиной у него висел кожаный мешок. Короткие волосы и аккуратная бородка были совсем белыми, кожа — тонкая, как бумага, и покрыта коричневыми

пятнами. Глубокие морщины прорезали лоб, теснились под глазами и в уголках рта. «Если я состарюсь, то буду тоже так выглядеть», — решил Йама и задумался, сколько же для этого потребуется времени и сколько на самом деле он проживет.

Левый глаз старика прикрывала серебряная накладка. Он приподнял ее и обратился к Вери:

— Сюда проникло что-то еще. Регуляторы обыскивают эти палубы. Они знают, как вы убежали, и рано или поздно отправятся следом. Надо уходить.

Старик направил на Йаму жезл, его мышцы тотчас сковал страшный спазм. Тело выгнулось дугой. Он попытался протестовать, но лишь заскрипел зубами.

Старик вернул на место серебряную накладку и сделал над телом Йамы несколько пассов своим жезлом.

— Чего в нем только нет, но я ничего из этого не узнаю. В крови тоже, но это не обычный состав. Никогда такого не видел. Может быть, он действительно откуда-то пришел.

Теперь Йама понял, чего не хватало этим людям. Никого из них не коснулось дыхание Хранителей! Возможно, они просто призраки.

— Корабль очень велик, — сказал тот, что повыше, Кас.

Вери покачала головой.

— Из того, что он говорил, можно заключить, что он извне.

Старик отошел. Мышцы Йамы расслабились, потом начали подрагивать. Он медленно встал и сказал:

— Я и правда могу все объяснить.

— Не здесь, — бросил старик. — Пошли, друзья, найдем укрытие и переждем регуляторов.

Самый старший, которого звали Брин, был среди троих главным. Сейчас они вышли, как он выразился, на большую охоту.

— Новый груз — новые проблемы, — объяснил он Йаме. — Иногда они выбираются на волю. Чтобы миновать охрану, надо иметь немало хитрости, так что время от времени возникают неприятности. Мы на них охотимся.

Крупный мужчина, Кас, заметил:

— Может, он все-таки жук, просто похож на человека?

— Перестань дурачиться, Кас, — резко оборвала его Вери. — Здесь дело серьезное.

Отойдя от ручья, они долгое время молча шли по тропе, которая вилась по лесу. Постепенно шкура, служившая Йаме плащом, высохла и затвердела. Он знал, что она пахнет протухающим мясом. Наконец тропа прошла между двумя огромными деревьями, а за ними открылся бесконечный белый коридор. Они прошли еще не меньше лиги, когда Брин заявил, что теперь

они в безопасности и можно подумать об отдыхе. Он открыл дверь, которой Йама раньше не заметил, и все четверо вошли в ярко освещенную комнату с высоким потолком. В воздухе плавали керамические дощечки, отовсюду дули потоки горячего сухого воздуха. Вдоль пола тянулись желоба подачи материала, но их содержимое превратилось в пыль: в комнате давно никто не бывал.

При входе их приветствовал голос, который заявил, что может адаптировать все в соответствии с требованиями их расы. Брин приказал ему заткнуться.

— Мы не оставляем следов, — объяснил он Йаме. — Помни об этом, и проживешь не меньше меня.

Йама сел рядом со стариком на одну из парящих дощечек и спросил его, сколько ему лет.

— Пятьдесят три, — гордо ответил старик. — Ты удивляешься? Конечно! Ведь я старше любого здесь. Думаю, в твоей семье никто столько не прожил, но, как видишь, это возможно.

Йама-то считал, что ему как минимум двести лет, так что это откровение его разочаровало. Вероятно, его раса очень короткоживущая, если только они здесь не старятся быстрее из-за трудностей.

Кас и Вери следили за дверью, держа жезлы на коленях.

— Ненавижу жару, — проворчал Кас. — Надо было найти одно из наших мест.

— Регуляторы станут искать там прежде всего, — отозвался Брин. — Заткнись, Кас, следи за дверью! Я хочу послушать историю нашего нового товарища.

Вери заявила, что она ее уже слышала и не поняла ни слова. Брин пожал плечами:

— Вери — это мускулы. Она и ее муж. Для убийства она годится, но не очень умна.

— А ты у нас умнее всех, — сказал Кас, поднявшись и принимаясь бродить по комнате. Кас явно принадлежал к людям, расположенным скорее к действиям, чем к разговорам.

— Все знают, что я умный, — спокойно возразил Брин. — Я выбрал вас, потому что достаточно умен и могу определить ваши сильные стороны. Смотри ничего здесь не сломай, Кас, а то регуляторы сразу сюда явятся.

— Ну и хорошо, — капризно процедил Кас. — Подеремся. — Однако он отложил изящную конструкцию из тонких черных прутиков, которую стал было вертеть в руках.

— Неужели ты правда явился из Слияния? — обратилась к Йаме Вери, улыбаясь так, что у него опять сжалось сердце. Он уже простил ее за тот обморок — разумная предосторожность, в конце концов. — Я слышала, там настоящий рай, — продолжала она. — Как живые уголки, только бесконечные, и ни регуляторов, ни жуков. Ты должен нас всех туда отвести.

Ее решительная прямота напомнила Йаме бедную погибшую Тамору. Может, она бросит из-за него своего Каса? А может, тут есть еще женщины вроде нее... В невероятной радости от встречи с людьми своей расы Йама забыл прежнюю возлюбленную, Дирив, забыл жаркие клятвы, которые они дали друг другу до того, как он ступил на длинную дорогу, приведшую его в конце концов в это странное место.

— Корабль не был в Слиянии уже несколько поколений, — сказал Кас. — Как же он может быть оттуда?

Йама попробовал объяснит:

— Самым коротким путем между двумя точками является прямая, точнее, если речь идет о расстояниях между звездами, — геодезическая, так как масса Вселенной сама себя искривляет. Однако в вакууме пространства имеются дыры, размером меньше частиц, из которых состоят атомы. Они представляют собой наименьший возможный в природе размер, постоянно возникают и исчезают, как пузырьки в кипящей воде, — нечто вроде непрерывного нерегистрируемого кипения энергии, которая возникает и в тот же миг уничтожается. Отверстия эти имеют два входа, и пространство туннеля между этими выходами так сжато, что расстояние между ними внутри туннеля короче, чем снаружи. Хранители нашли метод зафиксировать некоторые из таких выходов, стабилизировать их и расширить.

Брин кивнул:

— Наш корабль тоже использует пространственные щели, чтобы попасть из одного мира в другой без перелета. Кроме того, они служат для пополнения запасов воды и воздуха. Ты появился как раз в одной из цистерн. Тебе повезло, что ею больше не пользуются, иначе бы ты просто утонул. Правда, сейчас они вообще мало используются. От команды мало что осталось.

Кас в это время практиковался в ударах, не останавливаясь ни не секунду, как машина. Пот блестел на его голых мускулистых руках, собирался в выемках шеи.

— Все это ерунда, — пропыхтел он. — Нам нет нужды знать, что там снаружи, важно только, что на корабле.

— Нет, пусть расскажет, — настаивала Вери. — Никогда не знаешь, что пригодится.

— Хранители создали сложную систему пространственных щелей между всеми звездами нашей Вселенной, но эти щели связывают точки не только в пространстве, но и во времени. Этого добились, зафиксировав один из входов на корабле, способном передвигаться с субсветовой скоростью. В пространстве света не существует времени, вернее, там есть один бесконечный момент, включающий начало и конец Вселенной. Когда корабль с пространственной щелью приближается к недостижимой скорости света, время

вокруг него растягивается, и пока на корабле проходит несколько лет, в остальной Вселенной — значительно больше. Когда корабль возвращается в начальную точку, два выхода щели соединяют зоны пространства, разделенные «заемным временем», образовавшимся за время путешествия. Человек, вошедший через вход щели, которая путешествовала с кораблем, выйдет через отверстие, оставшееся на месте, и попадет таким образом во время, когда начиналось путешествие корабля. Но вернуться этой дорогой нельзя, потому что путешествие изменяет прошлое.

Йама рисовал в пыли диаграммы, подсказанные ему остатками Тени, которая была способна отфильтровать обширные запасы информации, полученной им от хозяйки доктора Дисмаса. Рассказывая свою историю, Йама сам наконец понял, что он проделал.

Хранители клонировали некоторые пространственные щели так, чтобы их выходы вели к нескольким целям в зависимости от незначительных колебаний потенциальной энергии входящего объекта. С помощью Стража Ворот Йама попал в один из входов таких клонированных щелей, но он не знает теперь, где и когда он вышел. Он видел лишь, что его желание исполнилось — он попал к людям своей расы.

Сам Йама прекрасно разбирался в вопросах клонирования, ведь именно так выращиваются животные на мясо и для работы, но ему пришлось объяснить несколько раз, прежде чем Вери тоже поняла. Идея вызвала у нее отвращение, и Брина это очень позабавило.

— Жизнь существует во множестве проявлений, — прокомментировал он. — Эти каюты все такие разные, потому что когда-то в них жили очень разные пассажиры.

— Все они были жуки, — проворчал Кас. Теперь он сидел на корточках у двери и начищал костяной кинжал. — А жуков мы убиваем.

— Некоторые жуки — экземпляры животных, из которых Хранители сотворили людей, — сообщил Брин. — Хотя я, конечно, признаю, что разница здесь больше, чем между взрослым человеком и ребенком.

— Жуки — это жуки, — упрямо настаивал Кас. — Убей их, или убьют тебя. Просто некоторых убить труднее, вот и вся разница.

— И некоторых можно есть, а некоторых — нет, — добавила Вери.

Йама опять повторил:

— Из-за того, что я упал в одну из клонированных пространственных щелей, я не знаю, где нахожусь.

— Разумеется, на корабле, — сказала Вери. — Где-то в середине, на внешней палубе.

— Он имеет в виду, что не знает, прошлое это для него или будущее, — уточнил Брин.

Брин знал о Слиянии больше, чем двое остальных, но он ничего не знал об Изе, об Эпохе Мятежа и даже о сирдарах, которые правили Слиянием, когда оно только-только было сотворено. Его народ провел на корабле очень долгое время. Йама заподозрил, что их предки сбежали сюда или же не захотели уйти отсюда сразу после завершения строительства Слияния. Они были мятежниками, совсем как черные машины или предки Тибора.

— Я думаю, что мы где-то в моем прошлом, — задумчиво произнес Йама. — Звездоплаватели, которых я встречал, знали о моей расе, но считали, что она давным-давно вымерла.

Вдруг Вери воскликнула с внезапным гневом:

— Мы убьем регуляторов! Они всего лишь машины и глупы, как муравьи!

— Эти муравьи участвуют в обслуживании корабля, — заметил Брин. — Ум для выживания не обязателен.

— Значит, вы не можете управлять этими регуляторами? — удивился Йама. Он думал, что все люди его расы умеют управлять машинами, но на корабле дело, видимо, обстояло иначе. Вери не могла заставить раскрыться материал обшивки. И даже он сам не сумел проникнуть в разум созданий, которые охотились за ним в цистерне. Подумав, он сказал: — Мне кажется, машины здесь отличаются от тех, что работают в Слиянии.

— Некоторые утверждают, что когда-то мы умели управлять регуляторами, — сказал Брин. Казалось, старика что-то забавляло. — Может быть, на других кораблях и сейчас это умеют. Тебе не повезло, что ты попал именно к нам.

Неожиданно вмешался Кас:

— Есть только один корабль, Брин. Он петляет во времени и иногда сам себя встречает.

Брин возразил:

— Только один корабль в нашей Вселенной, это да. Но ведь могут быть и другие Вселенные? Вселенная выбирает только одну дорогу, но ведь если человек идет по своим собственным следам, он не может вернуться к месту, с которого пустился в путь. Потому что дорога разветвляется в месте, куда он возвращался, и он должен идти назад по новой дороге. Потому-то человек не может убить своего деда в прошлом и вернуться в мир, где его самого уже нет.

— А может, его дед просто был мужем его бабки, — медленно проговорил Кас, — а вовсе не отцом ее детей.

Брин с досадой подергал себя за бороду:

— Ну, тогда свою бабку! Очень ты буквально все понимаешь, Кас! Я просто придумал пример, чтобы доказать свою мысль. Вселенных столько же, сколько путешественников. Во многих, вероятно, наше время сливается со временем нашего нового товарища, но не с тем временем, откуда он пришел.

Йама кивнул.

— Значит, мне не следовало приходить сюда и вас искать.

— Проблема в том, — сказал Брин, — что ты можешь вернуться к своему будущему, но не тем же путем, который уже прошел. Таким образом, это будет не то место, из которого ты прибыл.

Кас ворчливо сказал:

— Мы здесь слишком долго торчим, у меня от разговоров голова идет кругом. Почему это поступки одного человека создают новую Вселенную?

— Путешествовать назад по времени — дело нелегкое, — начал объяснять Брин. — Но ты прав. Здесь нельзя оставаться слишком долго. Регуляторы могут отметить изменения в концентрации окиси углерода.

— У меня хорошая вентиляция, — заявила комната.

— Когда мне понадобится твой совет, — отозвался Брин, — я тебя спрошу. Твои синтезаторы еще работают?

— Разумеется. Но для твоей расы они не годятся. Мне придется изменить настройку.

— Мне нужна не пища, а одежда. Тебе, Йама, надо прилично одеться. Честно говоря, эта твоя шкура начинает вонять. Выполняй, комната, потом мы отправимся дальше.

— Оставайтесь сколько хотите, — опять вмешалась комната. — Мне скучно без людей.

— Мы не можем остаться, если только ты не изменишь настройку, — ответил ей Брин. — А если изменишь, регуляторы сразу узнают. Просто сделай одежду, и все.

Йама натянул на себя серебристый комбинезон, повернувшись к остальным спиной, хотя был уверен, что Вери все равно смотрит. Он понимал, что она принадлежит другому, тем не менее испытывал к ней неудержимое влечение. Кровь его вспыхнула пожаром, когда она показывала ему, как управиться с застежками на щиколотках и кистях рук. Ее беглое прикосновение, ее тепло, запах... Она наверняка поняла, что он чувствует.

Она болтала с ним, пока они шли по бесконечному на вид коридору. Кас шел впереди, подавая знаки на каждом перекрестке, а потом снова с энтузиазмом бросаясь вперед.

— Не сердись на Брина, — говорила Вери. — Он слишком ученый. Он хочет вернуть прежние дни. Надеется, что мы можем сделать регуляторов своими рабами. Он начнет строить планы, как тебя использовать.

Йама улыбнулся.

— Это похоже на старинную легенду. Брин — маг, а вы — воины, помогающие ему в поисках.

— Мы охотимся на жуков, — возразила Вери, — а ты кто?

— Я сам не знаю, — пожал плечами Йама. — Может, создание магов. Но я не чувствую себя магической вещью. Я —человек. К тому же я начинаю понимать, что магия зависит от точки зрения. Если знать, как что-то делается, то пропадает тайна, которая создает впечатление магии.

— Может, ты сможешь нас научить, как заставить обшивку открываться. Это дело полезное. У Брина голова забита мечтами, но мечты годятся только для детей. Мы убиваем жуков и регуляторов, или они нас убивают. Вот так обстоят дела. И ничего нельзя изменить.

— Регуляторы — это разновидность жуков?

— Они такие же пассажиры, как и мы. — Вери рассмеялась, когда Йама удивился. У нее были очень белые зубы. Один из резцов оказался сломан. — Раньше было много различных видов пассажиров. Теперь остались только регуляторы и мы. И конечно, команда, но их никто никогда не видел.

— Я одного видел. Даже двоих. Но это было в другом месте.

Вери улыбнулась.

— Когда закончим путешествие, ты мне все расскажешь про Слияние.

— Я могу тебя туда забрать. — Его сердце медленно таяло.

— Может, и так. А пока будь начеку. Регуляторы убили всех остальных пассажиров, но мы им не по зубам. Мы охотимся на жуков и регуляторов, а они охотятся на жуков и на нас. Вот и все. Корабль лучше действует, если пассажирам нужно доказывать свою пригодность.

— Выживание сильнейших, — задумчиво проговорил Йама. Это показалось ему таким же отвратительным, как и кредо еретиков. Как будто во Вселенной нет другого руководящего принципа, кроме смерти.

— Брин тоже так говорит. А я говорю, ты либо живой, либо мертвый, а мертвые не считаются.

— Сколько ваших людей осталось в живых? Где они живут? Я хочу узнать о них все, Вери.

Вери подняла левую руку и три раза раскрыла ладонь.

— И мы, — добавила она. — Но мы не дома, а все быстро меняется. Кас что-то нашел! — воскликнула она и побежала по широкому белому коридору догонять мужа.

Брин приотстал и пошел рядом с Йамой.

— Мы не можем тебе все рассказать, парень, — извиняющимся тоном проговорил он.

— Я понимаю. Возможно, вы расскажете, как ваши люди здесь очутились? Это ведь было очень давно, такая старая история не может повредить.

— Мы служили Хранителям, — стал рассказывать Брин. — Мы были их первыми слугами, я думаю, первой командой

этого корабля. Потом Хранители сотворили все остальные расы и ушли, а мы потеряли свою власть.

— Я думал, что люди нашей расы ушли вместе с Хранителями, — сказал Йама, улыбаясь, потому что так приятно и непривычно было говорить «нашей» вместо «моей».

— Возможно, почти все и ушли. Но корабль отстал, а мы — потомки тех, кто был его командой.

— Может быть, они отказались покинуть свой дом?

— Мы — верные слуги Хранителей, — возразил Брин. — Другого и не думай.

— Я не хотел тебя обидеть.

— Я и не обижаюсь, парень. Но если мы живем в твоем прошлом, а ты не знаешь никого из нашей расы, откуда же ты взялся?

— Как раз это я и надеюсь узнать. Все еще надеюсь, — ответил Йама. — Может, я дитя космолетчиков из нашей расы, которые сошли с корабля очень давно. Я знаю по крайней мере одного звездоплавателя, который сумел это сделать.

— Видимо, позаимствовал тело. Иногда такое случается и на борту. Кораблю это не нравится, он позволяет нам охотиться на таких, как на жуков. Что ты нашел, Кас?

Великан остановился на перекрестке двух коридоров. Черное покрытие пола было здесь сильно повреждено, изрезано в завивающиеся полоски. Полоски наползали друг на друга, размягчались по краям, пытаясь залатать рану.

— След жука, — пояснил Кас, показав на прозрачную липкую жидкость, которая залепила белые стены. — Думаю, здесь была драка, и один съел другого. И кстати, недавно.

Вери ухмыльнулась.

— Он ранен, — заметила она. — Вон след. Мы легко его убьем.

След бесцветной крови вел в еще один живой уголок, заросший густым лесом. Как и раньше, переход был внезапным. Только что Йама шагал рядом с Брином, который, несмотря на возраст, не отставал от спешащих Вери и Каса. Потом оба воина скрылись за углом, а когда Йама и Брин последовали за ними, то окунулись в темноту и сырость, где постоянно слышался звук падающих капель и где громадные стволы деревьев уходили ввысь, в рваную пелену тумана, висевшую под высокими темными кронами.

Йама оглянулся и увидел полосу света, проглядывающую между двумя приткнутыми друг к другу валунами. В этом мрачном месте это было единственное светлое пятно. В глубокой, по щиколотку, жиже раскинули широкие шляпки какие-то бледные грибы. Откуда-то сверху, из-за пелены тумана, свешивались лианы и вьюны, они медленно шарили по земле, всасывая мох и отправляя его наверх с медленной перистальтикой. Йама разглядел, что гигантские деревья на самом деле были конгломератами этих плющей, скрутившихся вокруг друг друга, как множество жест-

ких канатов. Растения-паразиты обвивали корни лиан толстыми мясистыми листьями. В норах гнездились какие-то существа, раскинувшие по илистой поверхности длинные мохнатые щупальца. Вдруг из одной дыры взметнулось что-то красное и тонкое, как хлыст, и плотно обвилось вокруг щиколотки Йамы.

Брин засмеялся.

— Здесь у нас болото, парень. В конце концов все проходит через это место.

Вери и Кас нашли следы того, кого искали, и исчезли в полумраке между гигантскими псевдодеревьями. Издалека донесся пронзительный визг. Брин вынул что-то из мешка и бросил Йаме.

Это оказался нож. Когда Йама поймал его за рукоять, кривое лезвие полыхнуло синим огнем. Брин в упор посмотрел на Йаму и произнес:

— Это по крайней мере я знаю. И он знает меня.

Интересно, не с этого ли корабля тот нож, который Йама нашел или, вернее, который нашел Йаму в Умолкнувшем Квартале? Может быть, это даже тот самый нож, которому предназначено стать собственностью мертвого воина, в чьей гробнице Йама дрался с Лудом и Лобом?

Визг усилился. Брин и Йама побежали по жиже в направлении шума. Что-то метнулось из-за высокого зонтика бледного гриба и вдруг встало на дыбы. Существо было в три человеческих роста, оно перепрыгнуло через гриб и понеслось к Йаме и Брину с противоестественной скоростью.

Йама успел мельком разглядеть черный панцирь, усы и тонкие лапы с острыми лезвиями по бокам, узкую голову, на которой выделялись широкие челюсти, распахнутые как-то набок и открывающие многочисленные слои вращающихся зубчатых лезвий. Существо выглядело не как насекомое, а скорее как шкура громадного волка, кое-как натянутая на остов насекомого. Оно снова издало пронзительный вопль на высокой ноте. Из желез вдоль длинного мохнатого брюха повалил кислотный пар.

Небрежным движением передней лапы жук повалил Йаму и бросился на Брина, разбрызгивая черную жижу. Вдруг позади Брина возникла Вери, ловким движением метнула веревку, и та обмоталась вокруг передних лап чудовища. Йама вскочил, пробежал под брюхом жука и как раз к моменту, когда жук собрался броситься на Вери, всадил полыхающее синим огнем лезвие в мембрану сочленения задней лапы насекомого. Нож запел и так легко прожег себе путь сквозь хитин и плоть, что чуть не выскользнул у Йамы из рук. Хлынула прозрачная липкая кровь. Жук почти развалился, лапы его практически оторвались. Кас встал у судорожно дергающихся передних конечностей и воткнул острие жезла между глаз. Чудовище вздрогнуло и сдохло.

Пока другие отделяли голову жука, Йама заметил, что вокруг талии у жука застегнуто нечто вроде узкого пояса, увешанного мешочками и кусками заостренного камня и кости. Инструменты.

Брин заметил его взгляд и сказал:

— Он убил бы нас, если бы смог.

— Он был разумен, — сказал Йама и вспомнил о Кафисе, рыбаре, которого он спас из ловушки, поставленной амнанами. Люди охотятся на людей. Сильные на слабых. Умные на глупых.

Брин подергал себя за бороду.

— Он был достаточно умен, чтобы попасть на корабль. Но недостаточно, чтобы выжить.

Йама вернул нож старику, рукоятью вперед.

— С меня хватит убийств.

Кас потянул сильнее, и панцирная голова отлетела. Из шеи потекла прозрачная жидкость. Ноги дернулись в последнем судорожном движении. В тот же миг по илистой жиже заскользили плоские, как тарелка, существа размером с ладонь. Сквозь прозрачные панцири виднелись волокнистые внутренние органы. Толкаясь, они накинулись на разлитую кровь. Красные хлысты уже обвились вокруг конечностей жука и медленно погружались в его панцирь.

Йама ожидал, что трое охотников с триумфом потащат свою отвратительную добычу домой, но вместо этого они оставили голову у входа в болото и продолжили путь.

— Регуляторы найдут ее и отметят, — объяснил Брин. — Наша задача выполнена.

Они направились дальше. Вскоре свет в корабле, подчиняясь дневному ритму, стал меркнуть. Группа остановилась на ночлег в маленькой комнате, которую Брин нашел в одном из коридоров. На этот раз комната больше подходила для людей их расы. По команде Брина из стены возникли кувшины с дистиллированной водой и белые, безвкусные пищевые кубики. На полу взбухли возвышенности, превратившиеся в четыре лежанки.

— Если тебе надо справить потребности, то сделай это вон в том углу, — сказал Брин и приказал свету погаснуть.

Йама очнулся от легкого сна, услышав хихиканье Вери. Звуки тела, трущегося о тело, два дыхания, два ритма, стремящиеся стать одним. Он долго лежал без сна, одинокий, потерянный и напуганный. А рядом двое охотников занимались любовью.

Почти весь следующий день они шли по длинному белому коридору. Вери шла впереди вместе с Касом, а Брин задавал множество вопросов о Слиянии, на которые Йама понятия не имел, как ответить.

Они упорно двигались вперед, воду пили из трубок в горловине своих комбинезонов — там восстанавливался их

собственный пот, превращаясь в дистиллированную воду. Наконец из коридора они зашли в еще один «живой уголок» — джунгли. Целый час они гуськом шли по узким тропинкам, которые, должно быть, предназначались для животных, а потом Вери сказала, что хочет кое-что показать Йаме.

— Тебе понравится, — улыбнулась она. — Правда понравится.

Йама засмущался, он все еще чувствовал себя неловко от того, что подслушал, как она ночью занималась любовью.

— Иди, иди, — подтолкнул его Брин. — Увидишь, где находишься.

Йама и Вери взобрались по древнему дереву, поднимавшемуся над плотным сплетением ветвей других растений. Его удивительно маленькая крона из темно-зеленых перистых листьев вырисовывалась на фоне небесного свечения высоко наверху. Подъем был очень долгим. Несмотря на зловонную жару, внутри серебристого комбинезона Йаме было прохладно. Но все равно он задыхался, а пульс бешено стучал у него в голове. Наконец Йама уселся в развилке массивной ветви, на которой Вери балансировала с пугающей легкостью.

И тут Йама увидел, что джунгли тянутся на несколько лиг, их мятое зеленое покрывало то тут, то там расцвечивалось ярко-оранжевыми, желтыми, красными пятнами — это цвели деревья. Высоко над верхушками висела цепочка маленьких ярких точек белого света — миниатюрные солнца, которые обеспечивали рост джунглей. Но Вери хотела показать ему совсем не это.

Джунгли раскинулись на внешней поверхности корабля, и на первый взгляд их как будто ничто не прикрывало. Вероятно, гравитационные поля удерживали атмосферу, как они удерживали воздушный кокон вокруг Слияния. Или здесь был купол из такого прозрачного материала, что его нельзя было увидеть. Вокруг овального пятна джунглей ясно был виден остальной корабль.

Йама, помня космический катер, который стоял в доке Иза, думал, что корабль будет представлять собой нечто вроде сферы, крупнее, конечно, по размеру, но приблизительно такой же конструкции. Как шлюпка, к примеру, напоминает большую пинассу. Но сейчас он увидел, что корабль состоит из множества кубов, сфер и других более сложных геометрических форм, нанизанных на длинный провод, как бусы. Вся конструкция растянулась на много лиг, но определить, на сколько именно, было невозможно. Путешествуя почти двое суток, они пересекли только часть одного из сегментов. В таком огромном пространстве можно спрятать любое количество чудес.

Но Йама знал, что не может остаться. Он думал об этом всю прошлую ночь. Он отыскал наконец людей своей расы, но они оказались ему более чужими, чем Пандарас, Тамора

или Дирив. В них не было дыхания Хранителей, а потому они не могли стать ничем, кроме того, чем уже являлись. Обстоятельства их поработили. Здесь не его дом. Его дом — Слияние. Его дом там, где Дирив. Она и Йама заключили союз, и он понимал теперь, что союз этот значит для него больше, чем сама жизнь. Он отыщет цистерну и оракул и заставит Стража Ворот доставить его домой. А потом он закончит войну. Он знал, как это сделать, с того момента, когда увидел картину, которую Беатрис и Озрик показали ему в самом начале его приключений. Но тогда он сам не понимал, что знает, и догадался лишь, когда поглотил знания, накопленные машиной — хозяйкой доктора Дисмаса.

Стоя перед ним на широкой ветке высоко над джунглями, Вери хлопала в ладоши над головой и смеялась. Йама впервые обратил внимание, что она старше его, может быть, вдвое старше. Беспощадный сияющий свет миниатюрных солнц подчеркнул морщинки вокруг глаз, обвисшие кое-где мышцы, чуть расплывшуюся линию подбородка.

Но от этого она не стала менее желанной.

— Посмотри на правый борт! — крикнула она и показала на дальний край корабля.

Далеко за пределами джунглей что-то стояло. Красная башня? Нет. Купол, верхушка конструкции, размером превышающая любой из живых уголков. Она удлинялась и росла в высоту, как будто ползла к ним.

Громадное создание, необъятное, как гора.

Йама взглянул на Вери, испугавшись, уж не сошел ли он с ума. Но она засмеялась и сказала:

— Это мир, вокруг которого вращается наш корабль.

Тогда Йама увидел, что этот растущий пузырь был частью диска. И он не приближался, а поднимался. Круглый, как солнце, он в точности походил на те миры, что описаны в первых сурах Пуран. Нет, не круг — сфера, шар, приплюснутый красный шар, встающий над горизонтом корабля. Пораженный этим зрелищем, Йама тоже захохотал. Изрытая оспинками красная поверхность диска сверху и снизу была украшена белыми шапками, а в середине ее прорезал большой каньон с ответвлениями к трем ямам. Ах нет, это не ямы, это громадные полые горы. На самом краю диска этого мира поднималась четвертая гора, такая высокая, что она возвышалась над узкой полосой дифракции света, отмечавшей границу атмосферы планеты.

Вери сказала, что пора спускаться.

Они шли и шли сквозь кусты и подлесок деревьев по узким тропинкам, которые непрерывно ветвились, превращаясь в лабиринт, но Кас, видимо, хорошо знал дорогу — он шел впереди и поддерживал очень бодрый темп.

Теперь наступила очередь Йамы задавать вопросы. Брин рассказал, что выдолбленная масса была доставлена на корабль с поверхности планеты посредством машины, называемой «лифт», — это был трос, который висел на высоте многих лиг над поверхностью. Йама не сразу понял, почему этот трос не лопнул. Планета вращается, так что ее поверхность тоже вращается с некоторой скоростью, а трос шел из высоко расположенной точки, которая двигалась с той же скоростью, так что она всегда находилась над одним и тем же местом на поверхности. Вагонетки двигались вверх по тросу, и материал вылетал из них, как камешек из катапульты, корабль ловил его и отправлял в хранилище.

Шедший впереди Кас остановился у развилки, где тропа делилась на три, обернулся и махнул рукой.

Вери побежала следом за мужем, а через мгновение зеленую тишину джунглей разорвал дикий свист. Брин рванулся вперед, Йама — за ним. Они скатились по крутому, заросшему папоротником берегу, прошлепали по илистому ручью, вскарабкались на противоположный берег, вломились в сплошную стену высокой травы и оказались под ослепительным светом миниатюрных солнц.

Здесь когда-то давно рухнуло огромное дерево. Йама и Брин вышли из чащи на высокий край широкой бочажины, заросшей темной густой травой. Яма возникла, когда дерево, падая, вырвало корнями кусок земли. Теперь среди высоких трав лежали мертвые тела. Ростом с человека. Человеческой формы. Одетые в серебристое.

Сердце Йамы оборвалось. Но потом он увидел, что тела были обнаженными; серебристый цвет — это цвет их кожи.

— Регуляторы, — пояснил Брин, сел рядом с одним из тел и склонил голову.

Кас и Вери стояли на дальнем краю поляны. Когда Брин сел, они взглянули друг на друга и рванулись в разные стороны.

— Подожди, — сказал Брин, когда Йама бросился следом. — Тут могут быть ловушки.

— Здесь дом ваших людей.

— Здесь был лагерь. Может, они успели уйти раньше, чем... — Брин опять склонил голову и хлопнул в ладоши над своей седой макушкой.

Йама переходил от тела к телу. Все абсолютно неприметные, все очень худые. На правых руках по три пальца, но левые руки у всех разные: у одного — кисть, словно клещи, сделанные из черного металла; у другого она вытянута в кривую костлявую саблю с зазубренным режущим краем; у третьего — лезвия на шарнире, похожие на чудовищные ножницы. Серебро их кожи имело серовато-тый оттенок. Огромные глаза были цвета сырой крови и разделялись на шестиугольные ячейки. Хотя люди и были

мертвы, Йаме казалось, будто кто-то смотрит на него из-за этих странных глаз. Как было со слугами, которых поработил беглый звездоплаватель, поместив в их головы машины; когда те люди погибли, машины продолжали жить. То же самое и здесь.

Вери появилась на дальней стороне опушки, прокричала, что все ушли, и снова убежала. Брин медленно встал, распрямил спину, глубоко вздохнул и сказал:

— Посмотрим, что там случилось.

Ширина чаши посреди поляны составляла сто шагов, длина — вдвое больше. Гниющий остов упавшего дерева лежал с одной стороны, раскинув ветви в окрестные кусты и молодые деревца. В ярком свете мелькали бабочки, словно вырезанные из золотой фольги. Кас поймал одну из них, пока спускался со склона навстречу Йаме и Брину, и растер ее в своем массивном кулаке.

Лагерь представлял собой всего лишь несколько плетеных травяных полос, прислоненных к стволу упавшего дерева. Несколько подстилок, пустые бурдюки из шкур, аккуратно связанные пучки сухих листьев, высокая деревянная рама, на которой растянута шкура с до половины соскобленной шерстью. Закопченный куб на устроенном прямо в земле кострище, все еще излучающем тепло; котелок с чем-то, напоминающим кашу, уже выкипел и теперь начинал подгорать. Йама подобрал плоский лист травы размером с ладонь. Внутри его задрожали и потоком полились знаки, но Йама не знал этого языка.

Вери сказала:

— Нас поджидали три регулятора. Кас убил двоих. Я убила третьего.

— А остальные? — спросил Брин.

— Нету, — ответила Вери. Она сердито вытерла слезы, стоявшие у нее в глазах. — Никого нет.

Кас направил жезл на Йаму, но Брин заслонил его собой и сказал:

— Нет, это не может быть он.

— Если ты убьешь его, нас останется только трое, — добавила Вери.

Йама понял. Эта семья была последней из их расы на всем корабле. Потому они так и удивились, когда увидели Йаму. А теперь они остались последними из своей семьи.

Брин сдвинул накладку на левый глаз. Он медленно повернулся, сделав полный круг, и спросил:

— Где трупы, Кас?

— Я их не нашел. Пойду поищу еще. — Кас пробежал через поляну и исчез в кустах на дальнем краю.

Вери спросила:

— Ты думаешь, они могут быть еще живы?

Брин поднял с глаза накладку.

— Обычно регуляторы убивают сразу. Но крови нет. И трупов тоже нет.

— Может быть, регуляторы унесли трупы? — сказала Вери.

— Но они оставили своих мертвых товарищей, — заметил Йама.

Вери и Брин разом на него посмотрели. И в этот самый момент на поляну вышел регулятор, раздвинув высокую траву и помогая плечами непарным рукам. Это была женщина. Левая рука у нее распухла и была раздвоена, как клешня у рака.

— Стой! — закричал Йама и оттолкнул руку Вери, когда она прицелилась в регулятора. Что-то со свистом улетело в ясное небо. Вери резко обернулась к нему, жезл прочертил дугу, которая окончилась бы у него в груди, не отступи он в сторону. Йама схватил ее за руку и заломил ее назад так, что она выронила жезл, и продолжал выламывать ей руку, пока она не опустилась на колени.

— Кас убьет тебя, — прошипела она, сверкнув на него глазами.

— Успокойся, — сказал ей Брин, и она сразу перестала сопротивляться. Брин направлял свой жезл на регулятора, но смотрел на Йаму.

— Она тебе подчиняется, — сказал он Йаме.

— Да, но другие не подчиняются.

Регулятор-женщина все еще стояла, подняв руки. Ее плоские груди висели, как два пустых мешка. Она уставилась своими огромными красными глазами на Йаму и сказала:

— У меня известие от префекта Корина.

22. ВНИЗУ

Кас вернулся бегом и тотчас бы убил регулятора, не стань Брин у него на пути. Они заспорили яростным шепотом, потом Кас повернулся спиной, а Брин прошел через всю поляну и обратился к Йаме:

— Мы оба пойдем с тобой.

Йама ответил:

— Я думаю, вам всем было бы лучше остаться здесь.

— У них наши люди, — вмешалась Вери. — Разумеется, мы пойдем с тобой.

Брин все ходил кругами вокруг женщины-регулятора, которая стояла там, где приказал ей Йама. Наконец он обернулся и повторил:

— Она тебе подчиняется.

— У регуляторов в головах машины, которые ими управляют. С ее машиной я могу говорить, хотя с машинами остальных у меня не получалось.

— Не она, а оно, — сказала Вери.

Йама и Брин взглянули на нее с удивлением.

Вери агрессивно выкрикнула:

— Они вещи, а не люди, не говорите о ней как о человеке. Она вещь! Вещь!

Кас положил ей на плечо руку, Вери повернулась и спрятала лицо на его широкой груди. Кас пробурчал:

— Мы пойдем с тобой, Йама. Мы убьем этого твоего префекта Корина, заберем наших людей и вернемся домой. Что ты будешь делать потом, нас не касается.

— Боюсь, это не так просто, — задумчиво сказал Йама. — Может быть, вам все же лучше остаться.

Они — дикари. Они пытаются оправдать свое присутствие на борту и задобрить регуляторов трофеями от охоты на жуков, но сами они такие же пассажиры-безбилетники, как и те существа, которых они убивают в болотах. Если бы у него было время, он смешал бы немного своей крови с водой и дал им выпить. Без дыхания Хранителей они не лучше, чем любой из туземных народов Слияния: выше животных, но ниже людей. Но времени нет.

— Мы пойдем с тобой, — повторил Кас. — Мы — охотники. Мы охотимся на жуков. Мы охотимся на своих врагов.

— Да, мы пойдем с тобой, — подтвердил Брин. Поглаживая свою аккуратную бородку, он все разглядывал женщину-регулятора, ее большие, красные фасетчатые глаза. — Но раньше ты должен приказать ей, чтобы она повиновалась и нам тоже. Я не хочу, чтобы ею воспользовались против нас.

— Я считаю, эту штуку надо все же убить, — настаивал Кас.

— Нет, — улыбнулся Брин. Он полагал, что снова оказался в положении командира. — Когда все закончится, мы будем распоряжаться всеми регуляторами. Команда станет искать помощи не у них, а у нас. Это моя цена, Йама, за то зло, которое ты принес. Нам пора уже отправляться на поиски. Скоро полдень. Мне перестало нравиться это место, а до доков идти очень долго.

Женщина-регулятор пошевелилась.

— Есть более короткий путь, — сказала она и повторила свое сообщение: — Мой хозяин приказывает тебе спуститься на поверхность планеты. Я отведу тебя туда, где он ждет с вашими людьми. Если ты пойдешь с ним, их отпустят.

Кас принялся поливать регулятора монотонной бранью. Йама мрачно проговорил:

— Клянусь, я отомщу за боль, которую вам причинили моим именем.

* * *

Когда маленькая стеклянная комната полетела сквозь весь корабль, Йама боялся не меньше своих новых товарищей и так же, как они, тщательно скрывал свой страх. Вери и Кас прижались друг к другу, держась руками за поручень, обегавший холодные прозрачные стены на высоте талии. Брин тоже держался, направив жезл на женщину-регулятора, которая висела посреди кабины, на пядь не доставая до пола ногами без пальцев.

Один Йама рассматривал окрестности. Длинный трек, по которому неслась стеклянная кабина, пролегал через крупные геометрические сегменты корабля. Корабль уменьшался, видный и сверху, и снизу; впрочем, эти слова не имели смысла там, где нет гравитации. Гроздья огней бросали резкие тени на поверхности огромных кубов, пирамид, тетраэдров, нанизанных на один трос и утыканных зелеными, коричневыми или пронзительно синими пузырями — «живые уголки» липли к поверхностям сегментов корабля, как блохи к бездомной собаке.

Корабль поворачивался вокруг продольной оси, а над ним медленно поднимался выпуклый диск красной планеты. Йама заметил конечный пункт подъемника далеко за пределами корабля, каплевидный шарик, разрезанный надвое собственной тенью. Сам лифт выглядел прерывистой линией, обозначенной огоньками, разбросанными по всей его длине, и теряющейся по направлению к планете.

Йама без конца задавал вопросы, Брин мог ответить лишь на некоторые. Корабль вращается вокруг своей оси так, чтобы все его грани освещались солнцем этой планетной системы, что выравнивало температуру. Лифт построен из нитей, причем каждая является одной гигантской вытянутой молекулой нейтрониума, стабилизированного мощными гравитационными полями. Шахты поставляют фосфаты и железо. Через тридцать дней корабль покинет эту систему и сквозь пространственную щель отправится к следующей цели.

Женщина-регулятор шевельнулась и сообщила:

— Они следят за командой.

Брин постучал по накладке, которая сейчас была на лбу над левым глазом.

— Мне дано ясновидение, — гордо сказал он. — Это одно из самых драгоценных сокровищ нашей расы.

— Ты прерываешь поток данных, — бесстрастно произнесла регулятор.

— И это наше право, — продолжал Брин, — полученное по заслугам.

— У вас нет прав, — перебила его регулятор. — Вы — паразиты.

— А ты успокойся, — вмешался Кас. — Говори только когда к тебе обращаются.

Йама понимал, что ни Брин, ни женщина-регулятор не могут ответить на его самые важные вопросы. Как сумел префект Корин последовать за ним в этот мир? Почему он опустился на поверхность планеты? Почему он умеет управлять регуляторами?

Он непрерывно размышлял над этими вопросами, пока стеклянная кабина летела к краю космического корабля. Огромный красный диск медленно вращался над головой, переходя к дальней стороне корабля, и тут Йама на мгновение забыл обо всех своих вопросах и неприятностях.

На небе возникли звезды!

Их были тысячи, десятки тысяч, поле, усеянное яркими, колючими звездами, которые сияли холодным светом, куда бы он ни посмотрел. Широкая млечная река пересекала это блистающее поле и, казалось, оборачивала собою глубокое, черное небо. Солнце этого мира, должно быть, находится в одном из рукавов галактики. Эта млечная река — плоскость рукава, свет миллиардов его звезд сливается в единое плотное свечение. То тут, то там просматривались определенные конструкции: звездные мосты, маленькие шары, цепь ярких красных звезд, которая растянулась на половину неба, — но в целом созвездия, составленные Хранителями, просматривались менее четко, чем с орбиты Слияния, в нескольких тысячах лет за границами галактики. Тем не менее Хранители коснулись каждой звезды, которую он видел. Памятник им, их оракул, окружал Йаму.

Потом взошло солнце. Оно было меньше и краснее, чем солнце Слияния, но его свет все равно затмил все звезды, кроме самых крупных.

Йама ожидал, что стеклянная кабина вернется в корабль и доставит их на что-то вроде скифа или катера, а уже на нем они отправятся к конечной точке подъема. Но вместо этого она просто слетела со своего трека в абсолютную пустоту. Кас удивленно вскрикнул, Вери прижалась к нему всем телом. Корабль оказался в стороне. В пустоте под ногами медленно вырастал терминал лифта.

Это оказался угловатый обломок скалы с бугристой, испещренной кратерами поверхностью. Одна сторона скалы освещалась солнцем, другая, куда уходил трос лифта, теряясь среди комплекса куполов и беспорядочно разбросанных кубов, — красноватыми отблесками диска планеты.

— Это одна из лун этого мира, — объяснил Брин. Он снова опустил на левый глаз серебряную накладку. — Ее орбитальную скорость увеличили, чтобы увести с низкой орбиты и синхронизировать ее с вращением планеты. — Помолчав, он добавил: — Этот мир тоже сдвинули, переместили через поло-

вину диаметра галактики. Существует легенда, что эту планету поместили сюда из родной звездной системы Хранителей. Но другие говорят, что это просто копия одной из планет той системы.

Маленькая луна росла, медленно обходя солнце по эклиптике. Стеклянная кабина повернулась на девяносто градусов — Кас снова взревел — и выбросила огромные изогнутые захваты, сделанные из материала тонкого, как паутина. Они вцепились в трос. Под ногами раздувался бугристый лунный пейзаж, освещенный красноватыми отблесками. Кабина завертелась вокруг своей оси, и один из элементов троса, в диаметре не толще обычного ствола дерева, оказался вдруг плотно зажат в захваты кабины. Луна стала стремительно уменьшаться, Йама почувствовал, как вырос его вес. Теперь они падали на планету, которая висела наверху подобно расплющенному оранжевому щиту.

Путешествие заняло меньше часа. Рядом смазанной полосой летел трос — серебряная нить с мелькающими по временам светлыми пятнами — такими же, но значительно большими кабинами, которые проносились в противоположном направлении. Крошечная луна под ногами растворилась в солнечном свете. Теперь можно было рассмотреть только несколько лиг серебристого троса — едва заметной нити, исчезающей по направлению к планете. В середине путешествия вес стал медленно исчезать, потом началось свободное падение. Кабина перевернулась, планета оказалась внизу, и вес возвратился.

Черная пустота обрела розоватый оттенок, зазвучал слабый свист — кабина входила в атмосферу. Мир впереди расплющивался, расплывался и превратился наконец в пейзаж. Вес снова стал меньше, сила тяготения на этой планете была просто игрушечной — примерно одна треть от гравитации на корабле, которая в точности равнялась силе притяжения в Слиянии. Кабина падала по направлению к изрытой красной равнине, пересеченной прямыми темными линиями. Приближался закат.

Брин сообщил, что линии — это каналы. Когда-то по ним поступала вода с южного полюса в сельскохозяйственные районы экватора. Брин сосредоточенно рассматривал пустынную равнину внизу. Кас и Вери достали свои жезлы. Гряда полуразрушенных холмов дугой окружала гигантскую впадину с мелким круглым водоемом — морем. Йама увидел, как с берега поднялась огромная стая розовых птиц. Миллионы и миллионы птиц, как облака розового дыма, летели на фоне черной воды.

Кабина лифта подлетела к группе каких-то сооружений, удаленных от берега в гущу темного леса. Над деревьями возвышались ступенчатые пирамиды, сверкая, как кровь, в последних лучах заходящего солнца. Рядом с ними с загадочной улыбкой смотрело в небо высеченное в скале человеческое лицо, похо-

жее на маску, сброшенную гигантом. Лицо Анжелы. Йама сразу его узнал. Этот мир когда-то принадлежал ей, был частью ее империи.

Трос лифта разделился на сотни волокон и стал похож на ризофору с ее опорными корнями. Стеклянная кабина заскользила по одному из них в сторону темного купола. Приближаясь к терминалу, она мелко задрожала и начала тормозить, а потом мгновенно залилась синим светом.

Вери вскрикнула, а Йаму что-то ударило по голове.

Купол проглотил их.

Йама лежал в темноте. На нем распростерлась женщина-регулятор, невесомая, как ребенок. Ее кожа была сухой и горячей.

— Подожди, — сказала она, когда он пошевелился. — Здесь опасно.

— Дай мне встать, — потребовал Йама. Пол оказался влажным и липким. Йама опустил на него руку. Кровь. Он спросил: — Кто пострадал?

— Кто-то застрелил Брина, — тихим, но твердым голосом ответила Вери. — Кас тоже ранен.

— Не сильно, — вмешался Кас. Но по его напряженному голосу Йама понял, что это неправда.

Вокруг маленькой стеклянной кабины ощущалось присутствие множества машин. Некоторые из них были лампами. Йама попросил их зажечься. Они оказались красными и тусклыми и были разбросаны в каком-то необъятном помещении. Трос, заключенный в высокую муфту размером с целый дом, исчезал в отверстии громадной куполообразной крыши. Металлический мостик, непрочный на вид, как бумага, широкой дугой соединял кабину и теряющийся в темноте пол.

Брин приткнулся рядом с Йамой. В груди его зияла дыра величиной с кулак. Серебристая ткань комбинезона обуглилась. На лице Брина застыло удивленное выражение. Кас лишился большей части левой кисти. Он так крепко обвязал кусок тряпки вокруг раны, что она почти скрылась в мышце руки. Вери сидела с ним рядом, обвивая руками его широкие плечи.

Стеклянные стены кабины в двух местах были прожжены аккуратными дырками. В них со свистом врывался воздух, выравнивая давление и неся с собой острый запах органической вони. Затем часть стекла отодвинулась, открыв круглый выход, вонь усилилась.

— Выходите! — Голос звучал откуда-то снизу. — По одному. Идите медленно. По мосту.

Вери с воплем бросилась через проход. Она бежала очень быстро, Кас выкрикнул ее имя и понесся вдогонку. Блеснула вспышка синего света, такая яркая, что Йаме пришлось закрыть глаза. Когда он их открыл, обоих воинов уже не было.

— Выходи, мальчик, — произнес тот же голос. — Можешь взять с собою служанку. Мы не причиним тебе зла. И ей тоже.

Женщина-машина выхватила жезл из мертвых рук Брина и вставила его в чудовищную клешню своей левой руки. Она вдруг оказалась отдалена от Йамы. То, что он принимал за ее машинную сущность, было только оболочкой, поверхностной личностью, и теперь она испарилась. Ее истинная суть была теперь так же скрыта, как и у других регуляторов.

Женщина-регулятор взяла Йаму за плечо, провела его сквозь портал выхода и дальше по изогнутой дуге металлического мостика на темный пол. Часть огромного пространства была завалена громадными кучами черного вонючего вещества. Запах был таким сильным и острым, что у Йамы из глаз хлынули слезы.

Из тени у основания высокой, изогнутой стены муфты троса появился префект Корин. Он облокотился на посох — долговязая легкая фигура в простой домотканой тунике, сильно заляпанной кровью.

— Мы рады, что ты пришел, — сказал он. — Не бойся. С тобой ничего не случится.

— Где они? — спросил Йама.

— Все вот это — гуано, из отложений на берегу моря. Здесь целые горы и острова, состоящие из помета птиц за миллионы и миллионы лет. Корабль везет в Слияние это вещество, потому что оно богато фосфатами. Экологические системы Слияния не замкнуты. Это очень маленький мир и плохо сконструированный. Я не виню за это твой народ, Йама. Вина лежит на Хранителях. Как можно считать их совершенством, к которому всякий должен стремиться, если их создание так плохо сделано?

— Слияние не совершенно, потому что принадлежит временному миру. Где они?

— Пойдем с нами, — повторил префект Корин.

Он повернулся и пошел прочь. Йама помедлил и последовал за ним. Женщина-регулятор шла в двух шагах позади, а по бокам шагали в ногу еще десяток ее соплеменников.

— Их нет здесь, — громко сказал Йама. — Ты солгал! Ты убил этих людей еще на корабле.

Префект Корин не оглянулся.

— Разумеется, — бросил он. — Это было частью договора, который я заключил со старым звездоплавателем. Они были последними из твоей расы, и звездоплаватели хотели, чтобы их совсем не было.

— Регуляторами управляют звездоплаватели.

— Конечно. А этих отдали нам. Пожалуйста, прекрати пытаться забрать у нас контроль над ними. Когда мы вернемся, у тебя будет много слуг. Мы будем править Слиянием, а ты нам помогать.

— Он отправился за мной, — осипшим голосом произнес Йама, внезапно догадавшись, что произошло с префектом Корином и почему он не явился за ним раньше. — Он последовал за мной в Стеклянную Пустыню и нашел тебя. Или ты нашла его?

— Мы были почти разрушены, — сказал префект Корин. — Мы забрали его силой и сделали своим.

— Ты убила его.

— К несчастью, процесс был слишком поспешным, чтобы объект мог выжить.

— В любом случае тело, которое ты натянула, сильно повреждено. Энобарбус его прострелил.

— Пуля из ружья прострелила сердце, но мы нарастили дополнительную мускулатуру и пока контролируем тело. Когда оно перестанет служить, мы выберем другое. Мы хотели, чтобы женщина осталась жива, она бы нам хорошо послужила. Но мы столь же легко можем воспользоваться регуляторами. Ну а потом мы воспользуемся тобой. Ты заставил нас трижды тебе послужить, и больше мы тебе не служим. Теперь ты нам служишь.

— Трижды? — с удивлением спросил Йама. Он догадался, что машина, оккупировавшая тело префекта Корина, была остатком от слияния хозяйки доктора Дисмаса и черной машины, которую он вызвал, чтобы ее уничтожить. Но ведь он только дважды призывал черную машину и никогда не обращался за помощью к хозяйке доктора Дисмаса. Как бы там ни было, машина не ответила.

Высокая арка выводила на широкую площадь, повисшую над вершинами приземистых колючих деревьев, простиравшихся во все стороны. С запада дул холодный сухой ветер. Солнце садилось. Маленький ярко-красный диск кутался в розовые оболочки, растянувшиеся на полнеба. В лесу было полно живых тварей, некоторых Йама мог мысленно нащупать.

Префект указывал прямо вверх. Йама взглянул туда, где исчезал бесконечный трос лифта, и увидел горящую в зените звезду, которая медленно, но ощутимо перемещалась на восток.

— Космический корабль уходит, — сказал префект Корин. — В этом мире нет пространственных щелей, нет входов в подпространство. Единственный путь возвращения в моих руках, Йамаманама, и ты не можешь воспользоваться им, пока не покоришься моей воле.

— Тебя сотворили Хранители, чтобы ты служила расам людей, — твердо проговорил Йама.

— Мир умирает, — заявил префект Корин. — Это был первый мир, искусственно обустроенный человеческими существами десять миллионов лет назад. Они согрели его, дали ему атмосферу, растопили воду, упрятанную в камнях, повсюду рассеяли жизнь. Позже они передвинули его через половину галактики к новому солнцу. Но этот мир слишком мал, чтобы удержать

свою атмосферу и воду. Он высыхает и остывает. Вернулись пылевые бури. Через миллион лет большая часть жизни исчезнет. Как здесь, так и везде, на миллионах и миллионах планет. Хранители покинули Вселенную не потому, что достигли совершенства, а из-за своих ошибок. Они не смогли их больше выносить. У нас получится лучше. Мы преобразуем Слияние, вновь покорим галактику и штурмом возьмем Вселенную. На первых порах ты будешь нам помогать.

— Тебе пришлось вынудить Стража Ворот пропустить тебя вслед за мной. Зачем я тебе?

— Мы заставили его, это правда, и снова заставим, если нам потребуется воспользоваться другой пространственной щелью. Но ты можешь убедить машины измениться навсегда. Мы многому можем у тебя научиться.

Что-то двигалось со стороны заходящего солнца, маленькая гладкая тень. Разум этой машины был закрыт для Йамы той же тенью, что и у регуляторов. Над лесом, над ступенчатыми пирамидами, кружась, пронеслась стая темных силуэтов. Существо, внедрившееся в тело префекта Корина, глянуло на Йаму, и он на мгновение испугался, что его последняя надежда раскрыта и рухнула. Но префект повернулся к Йаме и сказал:

— Мы заберем тебя назад в Слияние. Мы привезли тебя сюда, потому что звездолетчики не пожелали твоего присутствия у себя на корабле. Но здесь есть другой корабль, он ждал пять миллионов лет. Он сейчас на орбите.

— Корин хотел, чтобы я служил Департаменту Туземных Проблем, — сказал Йама. — Он хотел, чтобы все расы Слияния примирились с единой судьбой: застой и медленная деградация. Ты точно так же, как еретики, хочешь внедрить перемены, заставив все расы поверить, что собственное «я» — это все. Но есть лучший путь. Путь, позволяющий каждой расе найти свою, единственную дорогу. Хранители создали нас не для того, чтобы мы им поклонялись, а чтобы стали равными им.

— Ты поможешь нам стать выше них. Когда мы захватим Слияние, мы уничтожим Хранителей. Это будет недурное начало.

— Я не буду служить тебе, — спокойно сказал Йама.

— Ты будешь служить тем, кто выше тебя, маленький строитель. В этом твоя функция.

— Люди моей расы служили Хранителям, но они ушли. Никто не должен никому служить, разве только по собственной воле. Я многое узнал от возлюбленной доктора Дисмаса, и часть того, что она пыталась во мне вырастить, еще осталась. Она помогла мне найти здесь друзей.

Первая волна летающих людей стремительно спланировала со стороны заходящего солнца. Их было больше

сотни. Когда они приземлились и неловкой походкой пошли через площадь, их перепончатые крылья, натянутые между кистью и щиколоткой, сложились и повисли, как черные мантии. В руках крылатые люди сжимали копья из закаленного в огне дерева, рогатины и болласы.

Одним пистолетным выстрелом префект сжег несколько десятков и крикнул регуляторам, чтобы они уничтожили остальных. Но на площадь уже пикировала вторая волна. Она сбросила сети, опутавшие серебристых регуляторов, и тотчас затянула их потуже.

Лжепрефект отшвырнул посох и показал Йаме энергопистолет, лежавший на его ладони, как речной камешек.

— Если понадобится, мы тебя убьем.

— Я знаю это оружие, — спокойно отреагировал Йама. — Префект давным-давно объяснил мне, как оно действует. Делает три выстрела, а потом должно целый день лежать на солнце, и только тогда сможет снова стрелять. Ты выстрелила один раз, когда убила Брина, второй — Каса и Вери, а сейчас третий и последний.

Лжепрефект швырнул пистолет в Йаму и бросился прямо на него. Пара болласов обвилась вокруг его ноги, и пока он летел на землю, на него опустилась сеть.

Как только Йама снял с летающих людей свое принуждение, они тотчас повалились перед ним на землю лицом вниз. Но он заставил их встать и объяснил, что он не бог, за которого они его приняли.

Они были детьми мятежной машины, сбежавшей в конце Эпохи Мятежа. Она упала в этот мир через пространственную щель, создала множество своих копий и пыталась вживить их в различные виды животных, но только предки летающих людей оказались подходящими «хозяевами». В летающих людях реализовалось неповторимое сочетание качеств. Их интеллект содержался в крошечных машинах, циркулирующих в крови, но машинный интеллект смягчился их животной любовью к жизни и полету; у этих людей полностью отсутствовало холодное высокомерие, которое толкнуло черные машины на мятеж. Та, самая первая машина, сильно поврежденная к моменту, когда она прибыла в этот мир, погибла тысячи лет назад, но летающие люди верили, что рано или поздно она вернется, вселившись в новой инкарнации в человека их племени. И спасет мир.

Внешностью летающие люди напоминали лис: узкое длинное личико, маленькие красные глазки, горящие в сумерках. Ростом они были в два раза выше Йамы, их обнаженные худые тела покрывал грубый черный мех. После долгого совещания, когда до Йамы доносились только чирикающие звуки, самый старый из племени, с сединой на длинной лисьей мордочке, подошел

к Йаме. Жестами он спросил, хочет ли Йама, чтобы его врагов убили?

Йама мог напрямую говорить с крошечными машинами в крови летающего племени и совсем не обращаться к людям. Ему казалось, что за спиной каждого стоит разумная, живая тень.

— Я благодарю вас за помощь, — сказал он. — Но не убивайте своих пленников. Сегодня уже было и так слишком много убийств. Позвольте мне поговорить с их вожаком.

Летающие люди притащили лжепрефекта. Он по-прежнему был связан парой болласов и сетью. Самый старый из летающих людей объяснил Йаме, что это мертвый человек, а внутри у него сидит в ловушке брат. Им показалось очень странным, что таким образом в мертвеце поддерживается жизнь.

— Он из другого мира, — сказал Йама. Ему долго пришлось объяснять, что это значит. Когда старик все-таки понял, он захотел узнать, не бог ли префект Корин.

— Нет, но он очень могущественный. Он может во многом вам помочь. Я думаю, вы обязаны своему происхождению одной из его родственниц.

— Я считал, что они погибли, — сказал префект. — Звездоплаватель сказал мне, что они все мертвы.

Старик сильно задрожал — это у него соответствовало приступу смеха — и объяснил, что звездоплаватель, поленившись спускаться на поверхность, послал слуг. Кровь летающих людей могла общаться с братьями в головах слуг и заставить их поверить во что угодно.

Йама сказал машине внутри префекта, что здесь она может быть очень полезна. Она может начать бороться с медленной деградацией этого мира. Может помочь летающим людям реализовать весь свой потенциал. Но она никогда не вернется в Слияние.

— Этот народ был создан злой волей и с недобрыми целями. Но и зло, само того не сознавая, может сотворить добро. Служа им, ты можешь загладить нанесенный вред. Ты можешь многому их научить и сама поучиться у них смирению. В противном случае тебе придется остаться пленницей в разлагающемся похищенном теле.

Префект попытался плюнуть в Йаму, но во рту у него не оказалось слюны. Волокна сети отпечатались на мертвой коже. Под вырванным левым глазом проглядывал металлический блеск.

Самый старый из летающих людей сказал, что здесь есть место — зона молчания, где можно держать этого брата, и его слова никогда больше не коснутся разумов других братьев.

— Доктор Дисмас знал о таких местах, — сообщил Йама префекту. — Например, в Таверне Призрачных Фонарей была такая клетка. Ну что, заключить тебя в вечном молчании, или ты будешь служить? Поразмысли над этим, а я пока освобожу тех, кого ты поработила.

Прежде всего Йама освободил регуляторов. Он очень долго снимал непроницаемые оболочки, которые скрывали их истинный интеллект. Сначала возникало много задержек, потому что машина внутри префекта пыталась противодействовать его усилиям, но потом Йама сумел отыскать в ней блок, который осуществлял связь с другими машинами, отключил его и после этого смог без помех завершить работу. Ночь была на исходе, когда он закончил возиться с регуляторами и мог приступить к кораблю.

Корабль все еще описывал широкие витки вокруг троса лифта, потому что не получил другой команды. Внешним видом он напоминал прозрачную каплю, а размером был не больше «Соболя», люггера, на котором Йама прошел половину Великой Реки. В самой глубине личности корабля, под слоями оболочек, созданных лжепрефектом, скрывался наивный и чистый, почти детский разум, и он хотел знать, куда делась его хозяйка. Йама сообщил кораблю, что Анжела мертва уже пять миллионов лет.

— Тогда я буду служить тебе, — сказал корабль и стремительно спикировал вниз, выпустив три посадочные опоры, на которые и приземлился у края площади.

Летающие люди снова доставили лжепрефекта Йаме, и Йама опять спросил его, будет ли машина ему служить.

— Ты слишком высоко возносишься, — отвечала машина. — Не тебе меня судить.

— Я оказался здесь, — возразил Йама, — и я делаю то, что должен.

Лжепрефект произнес с угрозой:

— Я захвачу этот мир и выращу расу, которая разожжет пожар на всю галактику.

— Они не позволят тебе себя поработить, — ответил Йама. Он не был уверен, что это самое лучшее решение, но все же он был обязан этой машине жизнью и не мог заставить себя ее убить.

Самый старый из летающих людей пообещал, что они будут всегда заботиться об этом несчастном брате и никогда не позволят ему покинуть планету. Они будут выказывать ему сострадание.

Йама кивнул. Машина, захватившая префекта Корина, может извлечь пользу из скромной простоты этого племени. Он указал на регуляторов и пояснил:

— Они будут вашими гостями, пока корабль не вернется.

Старик согласился. Йама обнял его и попросил прощения, что пришлось воспользоваться его людьми, но старик возразил, что Йама принес им надежду, о которой его народ молился многие поколения.

— Боюсь, я принес вам страшную опасность.

Старик спокойно объяснил, что, как и бог, сотворивший их расу, префект Корин очень могуч и очень гневен, гнев застилает ему глаза, и он теряет ясность восприятия.

Йама улыбнулся и подумал, что летающие люди взрастили в себе больше мудрости и сострадания, чем создавшая их машина, и что на них можно спокойно оставить лжепрефекта.

Летающие люди все прибывали, они заполнили весь лес вокруг площади и ступенчатых пирамид. Их костры усеяли лес, как звезды — темное небо над головой. Всю ночь напролет Йама проговорил с вожаками летающих стай, он был страшно измотан и возбужден. И вот, когда небо на востоке стало светлеть (как странно, что солнце восходит с одной стороны, а заходит с другой), Йама закончил наконец церемонный круг прощаний.

Все это время лжепрефект тихо лежал, бодрствуя, словно кайман. Но внезапно он вскочил и отбросил сеть, которую ему удалось разрезать металлическим стержнем, извлеченным из собственного тела. Он ударил в глаз одного из летающих людей, выхватил у него копье и бросился на Йаму. Йама ощутил страшный удар в спину, успел полуобернуться и схватиться за конец копья, торчащий у него под ребрами. Он не мог вдохнуть, рот наполнился кровью. Префект обхватил его, глубже вдвигая металлический прут. Потом префекта от него оторвали, и Йама упал, пытаясь вдохнуть и давясь кровью. Он увидел, как десяток летающих людей подняли лжепрефекта в небо и понесли на фоне розовеющего заката, а потом взгляд его потух.

23. СТРАЖ ВОРОТ

Корабль брел с ним по темной, темной дороге и пел ему о его муках. Сначала он не понимал или не помнил, кто он и что означают грустные сладкие песни корабля, но потом медленно-медленно начал осознавать, что он умер, а теперь, после долгого темного сна, исцелился. Он проснулся. Пора было вставать.

Боль была такая, будто он вновь рождался. Его выбросило из сонной, теплой темноты в резкий свет и холод. Обнаженного, липкого, давящегося жидкостью, которая все это время поддерживала в нем жизнь. Она текла из его ноздрей и булькала в легких. Он плевался, кашлял и давился.

Вокруг была ночь, а он лежал на животе на бесконечном стеклянном полу, усеянном группами загадочных статуй и машин, поблескивающих фосфоресцирующим светом. Под ним изгибались три рукава галактики. Постепенно Йама догадался, что окружившая его тусклым светом раковина очерчивает истинные размеры корабля. Сам корабль был прозрачен, как креветки, живущие на дне Великой Реки, а бесконечная стеклянная равнина — это иллюзия.

Йама расхохотался. Иллюзия — все вокруг.

Женщина вошла в дверь, которой только что не было. Она была обнажена и имела серебристую кожу. Одна рука у нее распухла и представляла чудовищную клешню.

— Понадобился почти год, — сказала она. — А в конце мы боялись, что ты снова можешь умереть.

Женщина была регулятором, который сопровождал его к поверхности красной планеты. Она высказала опасение, что его может рассердить способ, которым он был спасен. Но Йама до сих пор не понимал, что с ним сделали, кроме того, что он умер, потом спал, потом исцелился.

Вялый от своего бесконечного сна, Йама много часов пролежал в комнате, которую ему приготовил корабль. Пропуская сквозь пальцы длинные пряди волос и бороды, которые отросли за время болезни, он не сводил глаз с огромного колеса галактики под кораблем или же плотной красной спирали Ока Хранителей вверху. Он снова и снова ощупывал шрамы, рассекавшие живот, грудь и спину, — тайная антология боли, напечатанная на его теле.

Время от времени женщина-регулятор приносила ему пищу, но он еще не был готов к еде, хотя желудок его был пуст. Наконец он попросил ее объяснить, как они с кораблем его спасли.

— Это был единственный возможный способ, господин, — рассказала она. — И даже так мы боялись, что ты не выдержишь замораживания и хирургических процедур. Медицинское оборудование здесь очень примитивное. А потому...

— У нее забавные представления о том, что возможно, а что — нет, — вмешался корабль.

— Мы довели дело до конца... Мы не могли его убить...

— Я бы мог, — заявил корабль. — Если бы ты приказал мне, господин, я бы его убил.

Кораблю нравилось забавляться, представляясь призрачной маленькой девочкой той же расы, что и Йама. Легкие световые мазки изображения ее худенького тельца появлялись на фоне черного неба, а глазами служили две небольшие звезды.

Йама нетерпеливо воскликнул:

— Лучше покажите мне, что вы со мною сделали!

— Хорошо, — отозвалась женщина-регулятор и вышла через дверь, которая появлялась, только когда ею пользовались.

Йама спросил корабль, где они находятся. Корабль продемонстрировал спиральный рукав, из которого они начали путь, потом — восходящую дугу их курса. Они двигались по курсу, проложенному машиной, вселившейся в тело префекта Корина.

Путешествие через пространственную щель унесло Йаму глубоко в прошлое. Двигаясь сквозь обычное пространство с субсветовой скоростью, корабль за сто шестьдесят тысяч лет

преодолел расстояние между звездой красного мира глубоко в центре галактики и звездой Слияния далеко за ее пределами. Но скорость корабля сжала время на его борту, и прошло меньше года до момента, когда Йама вернулся туда, откуда начал свое путешествие.

Он сразу захотел узнать, где находится Слияние. Корабль ответил уклончиво, утверждая, что он строго следует курсу.

— Возможно, в каких-то незначительных деталях инструкции оказались неточны, — заявил он. — Я определил звезду, она требуемой массы и спектрального класса, но около нее нет признаков обитаемого мира.

Мятежных машин тоже не было. Одни лишь входы в пространственные щели на одиноких орбитах вокруг одинокой звезды.

Йама как раз размышлял об этом, когда вернулась женщина-регулятор, пройдя сквозь вновь возникшую дверь. Она держала что-то на руках, воркуя с этим предметом своим гортанным голосом. Голова предмета покоилась на ее чудовищной клешне, ручки хватали воздух, как щупальца морской звезды.

Младенец!

Он умер, и перед тем как положить его тело в заморозку, женщина-регулятор взяла образец его ткани с внутренней стороны щеки. Они ускорили размножение некоторых клеток этого образца и вырастили из него зародыши — сначала их было пять, но выжили только два. Ткани одного пошли на выращивание органов для пересадки, то есть из них вырастили не ребенка, а органы, которые были пересажены Йаме, и с тех пор он пребывал в бесконечном сне, исцеляясь. Но ни корабль, ни женщина-регулятор не смогли заставить себя убить второй плод. И они не поместили его в заморозку, потому что не были уверены, что он выживет. Таким образом, пока Йама спал и исцелялся, плод полностью развился.

Он появился на свет как раз перед тем, как Йама вернулся к жизни.

— У него тот же геном, что и у тебя, господин, — пояснила женщина-регулятор. — Из-за этого мы не решились убить его.

Ребенок зачмокал в ее руках. Йама взял его и удивился, какой он тяжелый и горячий и как сильно пахнет корицей и аммиаком. Младенец попытался сфокусировать взгляд на Йаме, потом попробовал улыбнуться. Йама закружил дитя, радостно глядя, как младенец гукает от счастья.

— Сейчас мы в будущем, а надо вернуться немного назад, — чуть позже сказал Йама. — Я думаю, что машина, захватившая префекта Корина, намеревалась вернуться, когда война с еретиками уже кончится, и отнять у победителя Слияние. А война, очевидно, закончилась, ведь Слияния на месте нет. Теперь я знаю, как это все должно закончиться. Мне нужно вернуться.

* * *

Страж Ворот проснулся, когда корабль приблизился к одной из множества пространственных щелей, летающих по орбитам вокруг одинокой звезды. Вдали, на воображаемой стеклянной равнине, возник свет. Появилась яркая звезда и приняла форму человека одной с Йамой расы. Сначала он был гигантом размерами больше корабля. Он приближался твердой походкой, словно сражаясь с противоборствующим ветром, но становился с каждым шагом все меньше и меньше. Так что, когда он вошел в комнату (не через исчезающую дверь, а из угла, которого Йама раньше вообще не видел), то оказался в точности такого же роста, как Йама.

В фантоме этого старика не было ничего выдающегося. Бледное морщинистое лицо, обрамленное длинными белыми волосами, шелковистая кудрявая борода. Одет он был в белую мантию, опоясанную кожаным поясом, с которого свисали связки самых разнообразных ключей. Тем не менее Йаме было тяжело смотреть ему в глаза, и когда старик заговорил, его слова прямиком попадали в мозг Йамы.

Мы снова встретились, Дитя Реки.

Йама спросил:

— Где я? То есть сколько прошло времени с тех пор, как я покинул Слияние?

Чуть больше сорока лет.

— А где наш мир? Разрушен? Или...

Он двинулся дальше.

— Как ты узнал, что я появлюсь здесь?

Я стою у всех дверей.

— Значит, ты должен понимать, что мне надо вернуться, — проговорил Йама, задумчиво поглаживая свою бороду. Женщина-регулятор предлагала постричь его, но он отказался. — Мне нужно вернуться в недавнее прошлое, в начало моей истории.

Старик пробежался пальцами по висящим на поясе ключам. Глаза его казались тусклыми красными звездами на лице, окаймленном потоком белых, струящихся волос.

Весь мой опыт говорит: то, что ты просишь, осуществить очень трудно. Когда-то существовало два типа пространственных щелей. Первый тип мог переносить в глубокое прошлое и в очень далекие отсюда места. Второй тип связывал точки пространства, разделенные лишь несколькими секундами. Так было, пока мир не исчез.

— Значит, ты мне не поможешь?

Ты можешь выбрать один из длинных путей. Предки Хранителей перестроили галактику после войны с трансценденталами. Но когда Хранители покинули галактику, орбиты звезд остались без контроля. Хранители доставили сюда входы многих пространственных щелей, но звезды, к которым вели эти щели, сместились,

причем некоторые сместились ближе к звезде Слияния. Временной провал между входами пространственных щелей остается прежним, однако расстояние между ними в обычном пространстве стало меньше, чем оно было в прежние времена.

Йама задумался над этими словами.

— Значит, корабль может пройти через такую щель и вернуться назад сквозь обычное пространство за меньшее время, чем нужно, чтобы разделить два входа в пространственную щель.

Как я уже сказал, есть несколько видов щелей. В качестве последней услуги я могу проводить тебя сквозь одну из них.

— Но все равно на возвращение потребуется больше года корабельного времени. Нет, это слишком долго.

Действительно. Но есть еще один, иной путь. Несколько дней назад появилась пространственная щель с временным разрывом всего в сорок лет. Я уже сообщил кораблю. Мы больше не встретимся, ибо тот, кому я так долго служил, ушел в иные миры. Я оставался здесь, только чтобы встретить тебя в этот последний раз. Теперь эта задача выполнена, и я наконец свободен.

— Куда ты отправишься?

Старик указал на Око Хранителей.

Разумеется, я последую за своими хозяевами.

— Тогда ты, может быть, ответишь на вопрос, смущавший мистиков и философов с тех пор, как Хранители поселили в Слиянии десять тысяч рас. Куда они ушли?

Я не знаю. Знаю только, что тот мир будет лучше этого.

— В самый конец времен, когда все воскреснут в лучшем из всех возможных миров?

Он не в этой Вселенной. Женщина, называвшая себя Анжелой, была не права. Во Вселенной обитает множество разумных рас, но они скрыты от нас, потому что они находятся на таких расстояниях, которые свет еще не успел преодолеть с момента сотворения Вселенной. В настоящее время они недостижимы, но ситуация изменится, когда, ближе к своему концу, Вселенная начнет сжиматься. Хранители предвидели большую войну в конце времени и пространства и выбрали другой путь. И вот в сердце Ока Хранителей они построили огромную черную дыру и ушли из Вселенной. Они оставили Слияние в надежде, что его народы станут более великими, чем они сами. Как они должны были горевать, когда Слияние начало деградировать! Но они ушли и уже не могли вмешаться. Первая война остановила в Слиянии всякий прогресс, вторая могла его полностью разрушить. Но ты — аватара, и ты спас его.

— Думаю, что пока нет.

В этом пространстве-времени это уже произошло. Но должно существовать много временных линий, где ты потер-

пел неудачу, а еретики одержали победу, которая привела к гибели Слияния, когда они начали споры из-за трофеев. Мне будет жаль, если злая судьба приведет тебя в один из таких вариантов. Но во всех временных линиях я обретаю свободу!

— Ты так и не сказал мне, куда ты уходишь.

Живые организмы развиваются и эволюционируют, Вселенные — тоже. Те из них, где возможно образование черных дыр, могут породить новые Вселенные, ибо энергия, исчезающая сквозь черную дыру, появляется в другом месте. Туда и ушли Хранители. Вместо того чтобы воевать за последний момент бесконечной энергии, они предпочли уйти и создать новую Вселенную, такую, которая больше соответствует их представлениям, чем эта. А теперь и я отправляюсь ее открывать. Прощай, Дитя Реки!

— Подожди! — вскрикнул Йама.

Он так много хотел еще спросить, но образ старика уже стал меркнуть, оставив только две тусклые точки красного света, медленно исчезавшие за пределами корабля.

Прозрачные покои наполнились мелодичным смехом корабля.

— Теперь дай действовать мне, господин! Я понял, что делать.

Вход в новую пространственную щель находился всего в нескольких минутах полета. Он висел в коконе огромного облака застывших частиц воды. Солнечный свет раскололся и заиграл миллиардами сверкающих ледяных точек, когда корабль вошел внутрь...

24. БЕЛАЯ ЛОДКА

...и вынырнул среди мощного водяного фонтана, на лету превращающегося в снег, так что Йама сразу даже не понял, что переход совершен. Но потом корабль вышел из снегового заряда, и Йама увидел длинную полосу ледяного покрова, сияющую белизной под плотными белыми облаками и непрерывным снегопадом, который скрадывал и смягчал все линии. Снег заполнил глубокую чашу базальтовой долины шириной в сотню лиг, сыпал на двигавшуюся с величавой неспешностью реку, играющую глыбами льда размером с городишки на ее берегах.

Корабль поднялся над облаками. Под ним раскинулся ледяной пейзаж гор с островками тяжелых туч, гор, обрамляющих широкую долину и уходящих вдаль с обеих сторон. Острые пики обнаженных черных скал поднимались над облаками, над снегом и льдом. Кругом расстилалась белизна, тронутая голубой тенью. Сверкающий алмаз солнца сиял в чистой глубине неба над далекой цепью еще более высоких пиков. Должно быть, это Краевые

Горы. Сразу под кораблем прямо из пустоты низвергался вниз водопад шириною в лиги и лиги. Окруженный десятком радуг, он мягко и медленно уходил в тучи, возникшие из его влаги.

Здесь был конец Великой Реки. И ее начало.

Через вновь возникшую дверь вошла женщина-регулятор, укачивая младенца в своих непарных руках.

— Кто-то приближается, — сообщил корабль.

Белая полоса прочертила едкую синеву неба наверху. Когда Йама был ребенком, он часто видел такие рисунки в небе Эолиса, следил за машинами, которые их оставляли, и думал о непостижимых целях их маршрутов. Сейчас у него едва хватило времени, чтобы сосредоточиться до того, как перед самым носом корабля резко остановилась мятежная черная машина, обогнав громовой звук своего входа в атмосферу. Она была не больше человеческой головы и покрыта шипастыми отростками разной длины, которые шевелились и тыкались по сторонам, как будто обладая своей, независимой жизнью. Йама ее узнал. Узнал и источаемую ею угрозу, которая проникала в его мозг, цепляясь за сохранившиеся там остатки машины.

— Она видит сквозь меня, — нервно сказал корабль.

Йама его успокоил и приказал машине убраться. И не показываться, пока не позовут. А пока пусть передаст своим товарищам, чтобы не вмешивались.

Нас много здесь болтается, — ворчливо ответила машина. — *Я не могу им приказывать.*

— Придет время, я разберусь и с ними.

Я помогу тебе. С моей помощью ты овладеешь миром. Оставь это убогое корыто. Доверься мне.

— Успокойся! Мир уже и так мой. Делай, что я сказал, и не больше.

Тогда я вообще ничего не буду делать, — заявила машина, — *мне же и лучше. Но сначала скажи, почему на тебе мой знак?*

— Ты еще дважды мне поможешь, а потом будешь свободна, обещаю.

Мятежная машина улетела в небо, а другие устремились в район созданного ею возмущения. Но они, сохранившие верность Хранителям мирные работники, ничего не нашли. Мятежная машина вернулась на свою орбиту, а корабль помчался в низовья к ближайшему оракулу.

Страж Ворот сказал, что существует два типа пространственных щелей. Йама определил, где упрятаны входы в щели, соединяющие только пространство.

Ледник завершился небольшим, обрамленным горами морем, по которому непрерывно ходили волны, возникающие от постоянного обрушения льдов с окрестных скал высотой в

две лиги. В волнах прыгали и метались айсберги и их обломки. Талая вода переливалась через морской берег и растекалась тысячью рек и миллионами ручьев, наполняя озера, высокогорные болота и впадины, питая топи, которые сливались в конце концов в исток Великой Реки.

Оракул стоял на длинном низменном острове посреди одного из таких озер. Его черный диск торчал на уступе голой скалы, высоко над карликовыми березами, только начинающими распускаться. Тонкие черные ветки в золотистых бутонах почек раскачивались в чистом холодном воздухе. Землю покрывал шишковатый можжевельник, окружая громадные валуны, по которым змеилась рыжая, черная, серая камнеломка. Ее красные ягоды сверкали каплями крови на фоне густой хвойной зелени. Было лето, но с ледника дул холодный ветер, а в тенистых местах острова лежал нерастаявший снег. Прозрачная ледяная волна чуть шевелила гальку на урезе воды. Солнце садилось за горные хребты, касалось светлой отметиной каждого пика, длинными тенями раскрашивало гигантские ели, сбегавшие чередой к берегу озера, золотило его медлительную рябь. Вереница гусей с гоготанием тянулась на фоне розовых облаков, с обеих сторон окаймлявших закатное солнце.

Мир живой природы! Такой прекрасный в своем многообразии! Удивляющий каждой мелочью!

Корабль изменил форму, выпустил крылья, чтобы осторожно манипулировать гравитационными полями мира. Он опустился на берегу острова, и Йама спустился с крыла, ступив на маленький галечный пляж у основания оракула. Йама был еще очень слаб и облокотился на посох префекта Корина, который сохранила женщина-регулятор. Ледяная вода лизнула его голые ноги, ветер запутался в длинных локонах волос и бороды. Прозрачный холодный воздух пьянил, как доброе вино. Следом за Йамой шла женщина-регулятор, неся на руках младенца, укутанного в серебристую ткань так, что торчал только кончик розового носа.

Женщина-регулятор распорола изорванный и залитый кровью комбинезон, который дал Йаме Брин, и скроила из него нечто вроде плаща, надеваемого поверх черной туники и штанов, имевшихся на корабле. И еще остался маленький кусочек, чтобы спеленать младенца. Самой ей, по ее утверждению, одежда не требовалась, и действительно — ледяной ветер не оказывал на нее никакого влияния. Она отказалась остаться на корабле, заявив, что Йама не знает, как ухаживать за младенцем.

— Мужчины твоей расы не могут выкармливать детей, — сказала она. — А у меня есть молоко, и он очень хорошо сосет. Не отнимай этого у ребенка.

Йама очень тщательно расспросил корабль, убедившись, что он усвоил все его инструкции. Всем своим суще-

ством Йама чувствовал, что любой неверный шаг сейчас может загубить мир, превратив его в нечто иное, отличное от его предназначения.

— Войди в клонированный вход пространственной щели, — говорил он кораблю, — сделай петлю длиной в сорок лет на световой скорости. Ты обязательно должен прибыть в ту же точку пространства, из которой стартовал, за несколько лет до того, как мы прибыли в первый раз. Великая Река потечет через пространственную щель в будущее, а мы сможем проплыть по ней в прошлое. Ты уверен, что сможешь все выполнить?

— Разумеется, — самоуверенно заявил корабль. — Ведь именно такие, как я, впервые доставили к этой звезде пространственные щели.

— Смотри же, сорок лет, ни больше ни меньше. Это очень важно.

— Так и произойдет, *я знаю*, иначе тебя здесь не будет.

— Могут существовать множество временных линий, где этого могло не случиться из-за того, что ты по легкомыслию меня неправильно понял.

— Не сомневайся, — заявил корабль. — К тому же я могу доставить тебя в Из. Я знаю, что швартовочные башни по-прежнему на месте, и могу перенести тебя за минуту.

— Не хочу, чтобы тебя видели. Пусть будет так, как я сказал. Ты помнишь, где мы должны встретиться?

— В низовьях, через десять дней — то, что ты называешь декадой, считая от сегодняшнего дня. На дальней окраине Города Мертвых. Как будто там нас никто не увидит.

— В Изе есть вещи, которые я не хочу будить. По крайней мере пока не хочу.

— Река не пересохнет здесь сразу, как только я направлю ее в будущее. Не сразу. Над нами очень много льда.

— Я знаю. Но ледники станут двигаться все медленнее, потому что сверху на них не будет давить новый снег и лед. Я уже знаю, как долго это продлится и когда должно начаться. Ну, отправляйся.

Корабль поднялся, наклоняясь и разворачиваясь на ходу. Он пролетел над озером, подняв в воздух стаи пернатых, потом резко взмыл вверх. Через мгновение по широкому небо раскатилось эхо протяжного гула, и Йама увидел белый реактивный след там, где корабль начал набирать ускорение на пути к пространственной щели в Краевых Горах. В этом месте река опять возвращалась в мир.

В душе Йамы возникло чувство усталости и глубокого понимания. Ничто не прочно! Это не был тот мир, с которого он начал. Вселенная не кончится, как учили его всю жизнь, единым бесконечным моментом, когда все мертвые восстанут для вечной жизни под сенью безграничной милости Хранителей. Пе-

ремены — основа жизни, вечный нескончаемый поток. Даже Хранители ищут перемен, меняя одну Вселенную за другой.

— Может быть, не стоит ничего делать? — спросил он себя. — Пусть все закончится здесь, иначе я обрекаю себя на участь машины, надрывающейся над одной нескончаемой задачей. Я освободил Великую Реку от ее бесконечного цикла, но как мне освободить себя от замкнутого круга своей истории?

Женщина-регулятор оказалась очень практичной. Она сказала:

— Господин, ты ведь уже начал, послав с заданием наш корабль. Кто может сказать, как все закончится?

— Конечно, ты права, — улыбнулся Йама. — Ты напоминаешь мне о дорогом утерянном друге. Может, я его еще увижу... И Дирив... Да, все уже началось. Как говорится, делай что должен, и будь что будет.

Он взобрался к оракулу, диск которого заиграл световыми полотнищами. Регулятор встала с ним рядом.

Вдруг под ним раскинулся Из. С одной стороны солнце закатывалось за Краевые Горы, с другой — катила мощные воды Великая Река. Черные точки тысяч лодок и кораблей усеяли ее позолоченные волны, создавая изящный рисунок, словно выведенный рукой искусного каллиграфа. Сейчас река была полноводней, чем помнил Йама. Она заливала окраины города, наползая на берег, где в недалеком будущем образуются широкие топкие отмели и мешанина поселков на высоких сваях. А между горами и рекой раскинулся незабываемый город. Из! Сквозь бурую дымку грязного воздуха просвечивала бесконечная сеть его улиц и проспектов. К небу взлетал ровный гул, и в нем словно огни в темноте выделялись звон монастырского гонга и резкий вой кораблей.

Ветер всколыхнул серебристый плащ Йамы. Теплый ветер, несущий запахи дыма и портовых отбросов.

Оракул стоял на высокой скале на крыше Дворца Человеческой Памяти. Отвесная стена переходила в пологий склон, покрытый пестрым лоскутным одеялом полей и усеянный храмами и монастырями. На пол-лиги ниже летел крупный ворон, широко раскинув черные крылья, словно ощупывая жесткими перьями воздух. Где-то голосил колокол. Вдалеке виднелись стройные серебристые швартовочные башни, устремляясь вверх за пределы атмосферы. Эти башни были древним портом Иза; во времена Золотого века, когда Слиянием правили сирдары, космические корабли отправлялись отсюда в другие миры. Заброшенные уже сто лет, они все же выполнили свою последнюю задачу: когда Йама был еще ребенком и жил в маленьком городке Эолисе, он мечтал постоять в их тени, именно они привлекли его в Из, к началу всех его приключений. Им суждено послужить еще раз.

Узкая лестница с частыми мелкими ступенями вилась по крутому откосу скалы к дворику на вершине, огороженному с трех сторон высокой каменной стеной. Открытая сторона выходила на крутую мелкую осыпь. Цепляясь корнями за камни, там росло искривленное ветром деревце; полузасохшее, оно все же имело пучки хилых листочков на самых концах искореженных веток.

Там внизу находилась келья, где Йама провел... проведет... дни заключения после того, как его чуть не убили в коридорах Департамента Туземных Проблем, и откуда он сбежал, укрывшись в энергетическую мантию пса преисподней. Там внизу, в земляном полу кельи, находился керамический диск, который сначала он, а потом Пандарас пронесли через половину мира. Скоро ему понадобится работающий диск. Что, если он возьмет эту монету? Его будущее «я» не найдет ее, не сможет призвать на помощь пса преисподней, не сумеет сбежать... Интересно, в скольких временных линиях именно так и случилось? А в скольких еще ему не удалось сюда добраться?

— Нам нельзя медлить, — сказала женщина-регулятор. — Проснись! Ты опять в мире!

Она стала быстро спускаться вниз, решительная, деловая, уверенная. Младенца она крепко прижимала к своей плоской груди. Йама покорно шел следом, обуреваемый мыслями о разветвляющихся дорогах судьбы. А что произошло бы, если бы в мире не было его самого?

Вдалеке все еще бил колокол, теперь ему ответил другой. Тревожный набат раздавался совсем близко. Через мгновение женщина-регулятор обернулась к Йаме. Она сунула младенца ему в руки и кинулась вниз по ступеням, подняв распухшую клешню вверх для равновесия.

Охрана состояла всего из одной пентады: четверка необученных новичков и однорукий ветеран, который весь день пьянствовал. Этот пост считался скучным и самым бесперспективным. Старый оракул, называемый Звездным, не использовался уже десять тысяч лет. Его единственным посетителем был старый священник, приходивший раз в год пробормотать торопливую молитву и возложить подношение из веток плюща и нежных белых побегов звездчатки. Чтобы хоть как-то развлечься, стражники играли в карты, пили, стреляли по воронам из узких незастекленных окон караулки. Они не ждали беды и сидели расстегнувшись, закинув оружие за спину. Женщина-регулятор легко убила первых двоих, вспоров одному живот своей страшной клешней, а второго встряхнула так, что у него отлетела голова. Остальные двое убежали, но ветеран не отступил. Первым выстрелом он прострелил женщине грудь и, пока она падала, снес вторым затылок.

В следующий миг вверху, на лестнице, в ореоле тысячи светлячков появилась огненная фигура. Когда призрак нагнулся над мертвой среброкожей женщиной, ветеран бросился наутек. Призрак вызвал два летающих диска, на один положил убитую, на второй ступил сам. Когда ветеран привел подкрепление, призрака уже не было.

Йама проник в покои зеркальных людей по тайным каналам Дворца Человеческой Памяти. Светлячков он убрал. Зеркальное племя собралось вокруг него, люди были взволнованы и охвачены любопытством. Они щупали его плащ, рассматривали ребенка, который смеялся на их раскрашенные лица, спрашивали, кто он такой, откуда узнал про это место. Йама сказал, что он друг, что принес известие для их короля.

— У входа осталась мертвая женщина, — сказал он. — Принесите ее сюда.

Три клоуна поспешили к дверям. Йама присел, ожидая, пока они вернутся. От воды и орехов он отказался. Ребенок забеспокоился, потом помочился в подгузник, который женщина привязала ему между ног.

Через час в зал сквозь большую овальную раму вошел Луп. Может быть, кожа не так сильно висела на его усеянных старческими пятнами руках, может, стало чуть меньше морщин на лице, но в целом он был все таким же, каким знал его Йама. С обеих сторон его поддерживали две прекрасные девушки, шлейф длинного черного одеяния несла третья. Как и прежде, его губы сверкали яркой красной помадой, а впадины слепых глаз накрашены синим. Седые волосы, убранные в высокую прическу, сверкали золотыми нитями и фальшивым жемчугом.

Он выглядел одновременно нелепо и величественно: бурлескный образ монарха рухнувшей империи, сохранившего властность манер.

— Кто это? — спросил он. — Кто смеет нас беспокоить?

Возникла неразбериха. Каждый из зеркальных людей пытался объяснить, но все тотчас замолчали, когда Луп поднял руку. Ребенок, испугавшись шума, начал плакать. Йама хотел его успокоить, но в этот момент Луп обернулся к нему и сказал:

— Так вот же он! Пусть говорит!

Луп внимательно слушал, как Йама объяснял, что пришел с пророчеством о человеке, который преобразит и возвысит зеркальных людей и сделает их теми, кого они имитируют, — настоящими людьми.

— Подойди ко мне, — приказал Луп, и Йаме пришлось выдержать паучье прикосновение его длинных ногтей к лицу, волосам, бороде.

Факир со шпагами, воткнутыми в сочащиеся кровью щеки, пробормотал, что этот человек пришел тайными путями. Луп мрачно кивнул и снова обратился к Йаме:

— Ты знаком с нашими тайными дорогами и знаешь о нашей мечте, которую мы храним в сердце с тех пор, как покинули реку и пробрались во Дворец. Кто ты?

— Друг. Тот, кто открыто говорит о том, о чем вы поете в своих тайных песнях, чего больше всего жаждете.

Луп снова кивнул:

— Мы поем много песен, но некоторые мы поем только среди своих. Тем не менее ты знаешь о них.

Акробат рядом с ними сделал сальто на проволоке и сказал:

— Он принес с собою младенца и мертвую женщину. Мы никогда таких не видели. Он несет беду, Луп.

Шепот пробежал по толпе зеркальных людей и тут же затих, когда Луп поднял руку и спросил Йаму:

— Ты принес известие, но как мы узнаем, что оно правдиво?

— Через семнадцать лет к вам придет человек моей расы. Ждите его. Он будет нуждаться в помощи, и когда вы ему поможете, он преобразит младенца вашей расы, который будет не старше, чем этот. Что касается меня, то мне нужна лодка. Я должен попасть в низовья.

Луп ответил:

— Все знают, что у нас много добра. Дары от покровителей. Остатки имущества просвещенных рас. У нас столько всего, что мы и сами не знаем, что имеем.

— Среди ваших сокровищ есть белая лодка, ненамного больше обычного гроба, в котором мертвых пускают в последнее путешествие по Великой Реке. Я объявляю ее своей.

Луп засмеялся:

— Понятно! Мы песнями зарабатываем себе на жизнь, ты тоже поешь свою песню. Добро пожаловать! Ешь и пей. Если у нас действительно найдется белая лодка, ты ее получишь в благодарность за надежду, которую нам подарил. Мы храним все, что нам дарят, но ничто из этого нам не нужно, мы всегда можем получить еще.

Два дня ушло на то, чтобы отыскать лодку среди гигантских куч забытых даров. Известие о находке летело впереди толпы, собравшейся у входа в покои Лупа. Радостные крики встретили Йаму, когда он появился вместе с Лупом, и лодку в сопровождении карнавальной процессии торжественно доставили тайными ходами к древнему причалу в подземной гавани, скрытой под монолитом горы Дворца Человеческой Памяти.

Мертвое, не разлагающееся тело женщины-регулятора уже поместили в белую лодку, которая высоко сидела в черной воде протоки, сверкая в освещенной факелами тьме. Лодка казалась маленькой и хрупкой, но когда Йама вступил в нее, она даже не колыхнулась. Он взял младенца из рук одного из прислужников Лупа и прижал его к груди. Над головой беспокойным сияющим облаком висели светлячки. Ребенок стал каприз-

ничать, испуганный барабанами и литаврами процессии, светом факелов и пестрой живописной толпой вдоль причала.

— Помни, что я тебе сказал, — обратился к Лупу Йама. — Юноше нужна будет помощь, когда он к вам придет, но постарайся сообщить ему как можно меньше. Если он спросит про меня, не говори ему ничего. Скажи, что я пришел тайно, ночью, и что со мной говорил только ты, а ты слепой.

— Наши люди сочиняют легенды, чтобы заработать себе на хлеб. Не волнуйся, мы окутаем тебя такой тайной, что лучше и быть не может.

Зеркальные люди смолкли, пока Луп произносил официальную формулу прощания. Потом они разразились радостными криками и песнями, а лодка, задрав высокий острый нос, медленно заскользила в темноту, к каналу, который впадал в Великую Реку.

Йама оставил белую лодку через три дня. Он причалил в лиге от маленького городка Эолиса, среди заброшенных гробниц Города Мертвых. Была полночь. В огромном черном небе над Великой Рекой слабо светилась лишь тусклая россыпь звезд и темно-красная спираль Ока Хранителей размером не больше ладони. Горстка огней маленького городка Эолиса и свет фонарей стоящих на якоре у входа в гавань карак горели куда ярче, чем все небесные светила.

Йама следил, как белая лодка в сопровождении маленькой галактики светлячков удалялась по широкой черной глади реки, направляясь вниз по течению навстречу судьбе. Потом он повернулся и пустился по выбеленной солнцем тропе, которая вилась между гробницами. Ему предстоял долгий путь до встречи с кораблем: через весь Город Мертвых, к башне у подножия Краевых Гор, где живут последние кураторы Города Мертвых. Там есть спуск к подземным дорогам мира.

Он не боялся мертвецов, которые взывали к нему из гробниц. Именно здесь он провел свое детство. Но сейчас с ним были его собственные привидения, и он чуть помедлил и отвернулся, прежде чем спуститься в подземелье.

25. ДИРИВ

Корабль нашел его через пять дней, грязного, полумертвого от голода, со спутанными волосами и бородой, в разорванном серебристом плаще. Йама жил в гробнице, которую мародеры ограбили тысячу лет назад, сняли бронзовые двери, унесли

мебель. Он проводил время, беседуя с фантомом офицера из налоговой службы, чье тело было здесь похоронено.

Корабль забрал его внутрь, но Йама не позволил вымыть себя или залечить поверхностные ссадины. Его запал выдохся. Он был страшно измучен, но охвачен мрачной и безнадежной решимостью.

— Я ни во что не могу верить, — говорил он кораблю, — ни в мир, ни в себя.

— Мир таков, каков он есть, — жизнерадостно отвечал корабль.

— Но тот ли это мир, который я знаю? А если не тот, зачем мне идти тем же путем? Я знал, что должен делать, но потом свернул в сторону.

— Может быть, тебе предназначено было свернуть в сторону?

Йама едва слышал слова корабля. Он все еще продолжал свой горький монолог, которому был невольным свидетелем удивленный фантом офицера.

— Я никогда не узнаю, что мог бы сделать, — говорил Йама. — Чем мог бы стать, чем мог бы стать мир. У меня не хватило мужества и стойкости, и я свернул в сторону. Я потерпел поражение. Не важно, не важно. Я знаю, что должен делать. Единственное, что осталось. Если я не могу спасти мир, я должен спасти тех, кого люблю.

— Когда ты отдохнешь, господин, может быть, ты позволишь отвезти тебя к ним?

— Нет, ты должен доставить меня вперед во время. В будущее. Я спасу что смогу. Мне все равно, если еретики захватят весь мир, лишь бы спасти тех, кого я люблю. Эдил не должен из-за меня умирать, и мне не придется жертвовать своей жизнью с Дирив. Она не имеет к этому никакого отношения. Доставь меня в будущее, я решился.

Пока корабль делал новую петлю на скорости, близкой к световой, на его борту прошло пятнадцать дней. Когда корабль прибыл в Эолис на семнадцать лет позже, Йама сразу ушел, опасаясь потерять свою решимость.

Была весна, теплая весенняя ночь. Лягушки прыгали друг на друга с лягушачьим задором. Трехпалое колесо галактики наполовину погрузилось за горизонт дальнего берега, осыпая лоскутные одеяла залитых полей сине-белой солью своего света.

Йама шагал по заросшим развалинам древних гробниц за стенами маленького города Эолиса, опираясь на посох при каждом шаге. Весна. Но та ли это весна? Та ли это история, или она свернула в сторону на какой-нибудь развилке? Кто живет в замке, чьи башни и стены вырисовываются на фоне света галактики?

Каждое путешествие сквозь пространственные щели заставляет ветвиться временную линию Вселенной. Это не

тот мир, из которого он ушел, а эхо от эха. Может быть, даже почти точное эхо, но это не имеет значения. Не имеет значения, потому что оригинал все-таки существует. Он может сделать здесь что угодно, и это не будет иметь значения: ведь то, что случилось, уже случилось в той временной линии, откуда он происходит. Проиграв, он освободил себя из замкнутого круга. Теперь он может переписать историю заново.

Он пришел сюда, потому что шел домой.

Мысли роились в его голове, как светлячки. Ничто больше не остается неизменным. Может произойти все что угодно. Действительно все. Эта идея наполнила его внезапным спокойствием. Ему больше не нужно крутиться в замкнутом колесе истории, которое ходит и ходит по кругу, поднимая воду из Бриса для орошения полей пеонина. Он вспомнил единственное верное высказывание доктора Дисмаса. Люди так сильно привязаны к своей судьбе, что не видят окружающего их мира. Как и сам Йама. До сего момента.

Он не сумел привести в движение гигантские машины в киле мира. Он даже не пытался, но свернул в сторону, увидев башню кураторов. Своим поражением он спас мир, спас от себя самого. Он может передать эту ношу мальчику, рассказать ему все. Пусть он отправится в этот мир, в будущее, полностью вооруженным. Пусть восстановит реку. Пусть заключит Анжелу в пространство оракулов раньше, чем она успеет вмешаться. Пусть вызовет и покорит мятежные машины и уничтожит еретиков.

Он может справиться с громадной инерцией истории. Он может рассказать мальчику, откуда он взялся, и положить конец дурацким поискам родителей. Ибо у него не было родителей, только он сам. Он был короткой петлей во времени, без начала и без конца. Как татуировка змеи на плече Кафиса, змеи, которая глотает собственный хвост. Как Великая Река, которая падает через край мира и проходит через пространственную щель к своему началу. Дитя Реки — насколько правильно нарекли его жены старого констебля Тау! Они сразу поняли правду. Ему понадобилось значительно больше времени. Понадобилась вся жизнь!

Он поспешил дальше. Прошел мимо башни доктора Дисмаса, которая стояла сразу за городской стеной. Окна ее были темны, но это ничего не значило.

— Будет то, чему суждено быть, — пробормотал он.

Он прошел по дамбе между залитыми водой полями пеонина, пересек Брис, взобрался на длинный пыльный склон по тропе, вьющейся среди разбросанных повсюду надгробий. Раскопки находились там, где он помнил: на вершине холма из мертвого сухопутного коралла у самого края Города Мертвых. Ох-

ранники и рабочие спали. Единственного сторожевого пса он легко уговорил. Йама плакал, обнимая его хромированные плечи, вдыхал знакомый собачий дух, смешанный с запахом нагретого пластика, вспоминал, как часто он обманом проходил мимо братьев и сестер этого пса, вспоминал свое потерянное детство.

Он велел псу возвращаться к дозорным обязанностям, а сам спустился в раскоп по легкой бамбуковой лесенке. Он шарил руками в обнаженных слоях коралла, пока под его пальцами не ожило то, что он искал: керамический диск, в котором вдруг заиграли световые точки и черточки. За несколько минут он высвободил диск из почвы, потом отмотал кусок веревки от бамбуковой лестницы — она там скрепляла ступени, — надел монетку на петлю и повесил себе на шею.

Мальчишке она понадобится. Йама покажет ему, как ею пользоваться.

— Если я не могу спасти мир, — снова пробормотал он, — я могу по крайней мере спасти себя.

Пойти прямо в замок эдила? Охранники прогонят его или убьют. Он украл кусок прессованных фиников, бутыль сладкого желтого вина и вернулся в одно из пустых надгробий. Спал он плохо, а среди ночи проснулся от звука голосов. Он прокрался к выходу и, раздвинув побеги роз, выглянул наружу.

У берега, чуть выше Эолиса, мелькало огненное пятно. Двое мужчин разговаривали о саботаже и еретиках.

— Я бы их всех перебил, — говорил один. — Перебить, а потом пусть Хранители с ними разбираются.

— Лучше уж остаться здесь, чем гоняться за ними среди гробниц.

— От мертвых никакого вреда. Неужели ты еще не понял? Бояться надо живых. Еретики могут надумать проскользнуть здесь в замок, а вся охрана рыщет среди гробниц. Это пострашнее любого фантома.

Йама узнал их по голосам. Мальчишки, не намного старше его самого. В замок эдила они попали совсем недавно. Он мог бы сообщить им, что горящий корабль — это первая, неудавшаяся попытка доктора Дисмаса провести отвлекающий маневр... но нет, они не поверят. Прогонят его, а то и что похуже. Он прижал руку ко рту, сотрясаясь от сдерживаемого смеха. Самый могущественный человек в мире боялся двух необученных новобранцев.

Стражники прошли, их сапоги скрипели по гравию. Далекий пожар утих. Йама снова заснул, а когда проснулся, солнечный свет уже пробирался сквозь зеленую завесу розовых кустов, затянувших вход. Паровая машина, от которой работал бур, шумела вовсю. Йама услышал жалобную песнь заключенных, расширявших траншеи раскопа:

Роет кирка,
Стук молотка.
Жизнь нелегка,
Стук молотка.
Камни кричат,
Стук молотка.
И не молчат,
Стук молотка,
Духи в земле...

Надо же, подумал Йама, они все понимают! Правду говорят, что темные с виду люди знают о мире такое, чему нельзя научить в семинариях и академиях, но ведь эта наивная мудрость доступна каждому, чьи глаза открыты. Ученые в своем высокомерии давно перестали видеть мир таким, как он есть, и видят его лишь сквозь призму собственных заскорузлых понятий.

Первую часть дня Йама прятался в гробнице, с ужасом осознавая, что эдил, его отец, должен быть где-то совсем рядом, инспектируя раскопки. Страстное желание взлететь вверх по склону и обнять его накатывало и отступало, как лихорадка. Когда было совсем невмоготу, Йама садился, обхватив колени руками, раскачиваясь из стороны в сторону и кусая до крови губы, чтобы сдержать истеричный смех.

— Будет то, чему суждено быть. Будет то, чему...

Наконец, не в силах больше сдерживаться, Йама успокоил сторожевого пса и полетел вниз по склону, боясь, как бы голос эдила не приказал ему остановиться. Тогда он наверняка лишился бы рассудка.

Остаток дня он провел в маленькой бухточке ниже города, высматривая мальчика. Он помнил, что пошел сюда взглянуть на пакетбот, который доставил из Иза доктора Дисмаса. Пакетбот стоял на якоре в нескольких лигах ниже бухты за широкими отмелями смоковниц. Энобарбус и доктор Дисмас сейчас на борту. Он мог бы вызвать машину и убить обоих, но, если позвать машины, его обнаружит машина — хозяйка доктора Дисмаса. Йама долго бродил, разыскивая мальчишку, но так его и не встретил, а потом вспомнил, что он должен пойти смотреть на пакетбот завтра, после приключений в развалинах.

И снова наступила ночь. Йама бродил по камышам и креозотовым кустам у дороги к мельнице на самом краю бухты. Солнце село за Краевые Горы; над рекой вставало холодное великолепие галактики. Возможно, уже слишком поздно... Он взвыл в гневе на весь мир, на ополчившуюся на него судьбу, на безжалостный и бесстрастный ход событий. Будет то, чему суждено быть...

Спеша изо всех сил, он обогнул город. Пот заливал тело под грязной туникой и штанами, порванный сереб-

ристый плащ хлопал за спиной. Йама шагал, тяжело опираясь на посох. Керамический диск жег ему грудь.

— Будет то, чему суждено быть. Суждено быть тому, что...

Он чувствовал себя марионеткой, которую невидимые нити тянут из стороны в сторону. Или листом дерева, несчастным засохшим листиком, летящим над рекою по воле ветра. С этого момента и до самой его смерти все будет сводиться к осуществлению того, что уже произошло.

— Будет то, чему суждено быть. Будет то, чему суждено быть...

Он шел теперь по тропе на самом верху насыпи. За полями на высоком утесе в форме черепа возвышался замок эдила, выходящий фасадами на Великую Реку. Его башни впились в голубоватый изгиб галактики. Он мог бы пойти туда и договориться с эдилом. Он мог бы вернуться назад по времени и спасти Тельмона. В конце концов, пусть ему не удастся спасти мир, но он спасет тех, кого любит. Но сначала надо найти мальчика. В этом ключ.

Он взметнул руки, поднял лицо к черному пустому небу и с вызовом закричал:

— Я не буду служить!

Теперь надо спешить. Он уже опаздывает, но ведь не совсем опоздал. Не опоздал спасти себя от себя! Если это тот же самый мир, то мальчик должен быть сейчас с Анандой и Дирив. Но он не отправлялся назад по времени, чтобы рассказать Беатрис и Озрику свою историю, а потому они не направят родителей Дирив в Эолис и ее здесь не будет.

Он забыл про Луда и Лоба.

Близнецы напали на него возле старого оракула, там, где насыпь спускается к старой дороге. Они выскочили из укрытия в зарослях чайота, с дикими криками проломившись сквозь алые крупные листья. Они были в точности такими, как он их помнил: большие, рыхлые, в простых белых килтах.

Луд ухмыльнулся, показал клыки:

— Хо! А ты кто, чужак?

— Может, он из людей Дисмаса?

— Этот говнюк? Да он просто придурок!

— Дайте пройти, — попросил Йама. Он держал посох наготове, готовый раскроить им головы, если они решатся подойти ближе.

Луд скрестил жирные руки на голой груди.

— Сначала заплати, иначе никуда не пойдешь. Это наш город.

Лоб, топчась на месте, бросил:

— Оставь его. Если он просто сумасшедший, никаких денег у него нет. Надо спешить.

— Это быстро.

— Дисмас снимет с нас шкуру, если мы опять обделаемся.

— Я его не боюсь. — Луб показал Йаме на шею. — Что это у тебя, а? Это будет выкуп, отдавай, и тогда мы тебя отпустим.

— Это не про вашу честь, — начиная сердиться, но еще забавляясь их самоуверенностью, ответил Йама. — Дайте пройти.

— Нам нужен выкуп, — настаивал Луд. Он ухмыльнулся и стал приближаться, но сразу отскочил, когда Йама ткнул металлическим наконечником ему в лицо. Лоб нагнулся, подобрал камень и с угрозой сказал:

— Хо! Вот, значит, как!

Йаме удалось отбить первые камни. Он сердито вскрикнул, подпрыгнул и стал крутить над головой посох с небрежной легкостью. Они не могут его убить. История на его стороне. Потом ему в лоб попал камень. Возникла мгновенная острая боль, глаза застлала белая вспышка, яркая, как при рождении Вселенной, и он понял, что может здесь умереть. Если история изменилась, может случиться все что угодно.

Тыльной стороной ладони он вытер кровь и снова взмахнул посохом, заставляя близнецов отступить, но это была лишь временная победа. Камень попал ему в локоть, и он чуть не выронил посох. Лоб и Луд тотчас кинулись на него с обеих сторон и сбили с ног. Он вскочил, ударил Лоба по голове, но Луд вцепился в него сзади. Йама упал под тяжестью его веса, а Лоб схватил посох и попытался сломать.

И тут на дорогу вышел мальчик, поигрывая легким трезубцем. У него за спиной стоял служка из храма Эолиса, его желтая мантия слегка светилась в полумраке. Оба выглядели очень молодыми и очень испуганными.

— В чем дело, Лоб? — спросил мальчик, а потом Йама мало что слышал, потому что Луд ткнул его лицом в грязь и прижал, когда он пытался сопротивляться. Звучали злые голоса, потом вопль, видимо, Лоба, потому что груз исчез со спины, когда Луд соскочил. Йама перевернулся. Лоб стоял на коленях и хватал ртом воздух, Луд надвигался на мальчика, держа у лица изогнутый нож. У мальчишки в руках был посох, и он напряженно следил за Лудом, а потому Лоб захватил его врасплох, вцепившись сзади в ноги. Он заколотил его по спине, но Лоб не сдавался и тащил его вниз.

Йама попытался встать. Поблизости совсем не было машин, чтобы позвать на помощь. Нет! Этого не будет! Он не позволит убить мальчика!

И тут вспыхнуло дерево. Йама испугался, что его сердце разорвется от счастья.

Дирив была жива. Она здесь!

Когда Луда и Лоба прогнали, Йама мог смотреть только на Дирив, он следил, как она вслед за своей тенью вышла из облака яркого света от горящего дерева. Она что-то сказала

мальчику, руки ее грациозно поднимались и опускались, словно белые крылья. Как она была прекрасна!

Дерево горело с бешеной яростью, его ствол казался тенью внутри ревущей колонны голубого пламени. Целые океаны искр улетали в черное небо словно звезды, разбросанные для забавы Хранителями.

Служка в желтой мантии, Ананда, помог Йаме сесть. Йама пробежал руками по своим ранам — они все оказались неглубокими — и сумел встать. Мальчик протянул ему посох, Йама взял его и поклонился. Волнующий, торжественный момент.

Разумеется, мальчик его не узнал. Он даже не увидел, что Йама был одной с ним расы. Но Йама вдруг испугался его настойчивого, умного взгляда и не решился, не посмел заговорить. Он снова ощутил, что может нарушить хрупкое равновесие; малейшее движение в любую сторону, и может случиться беда. Для него все изменилось в тот момент, когда вспыхнуло дерево. Сумасшедшая мысль изменить ход истории пропала. Ему ничего не оставалось, кроме правды.

Опасаясь, что голос может его выдать, Йама воспользовался языком жестов, которым его немного обучил старый охранник Коронетис, когда он сидел под арестом в келье Дворца Человеческой Памяти. Ананда уловил суть, хотя, конечно, запутался в значениях некоторых жестов.

Я чуть не сошел с ума, пока искал тебя, — показывал он.

Ананда перевел:

— Он хочет, чтобы ты знал, он тебя искал. — Потом Ананда предположил, что перед ними какой-то жрец.

Йама покачал головой, справился со смехом и показал:

Как я счастлив, что все осталось так, как я помню.

Ананда неуверенно проговорил:

— Он говорит, он рад, что все это помнит. Наверное, он хочет сказать, что никогда этого не забудет.

Йама стянул с шеи веревку с монетой и завертел ее в левой руке, жестикулируя правой.

Воспользуйся этим, если тебе предстоит сюда вернуться.

Ананда сначала запутался, потом все-таки перевел.

Вдалеке в темноте раздались свистки милиции. Йама впихнул монету в руку мальчика, бросил долгий, жадный взгляд на Дирив, повернулся и побежал вверх по насыпи к лабиринту гробниц Города Мертвых.

Йама не успел далеко убежать, когда его перехватил корабль. Он прятался в глубине Великой Реки, подальше от берега, и сейчас вынырнул из темноты, завис прямо над поверхностью залитых водою полей и наклонил одно крыло так, чтобы оно

касалось поверхности дамбы. Йама взошел на борт, и корабль тотчас взмыл вверх, за пределы мира.

— Я ее видел, — сообщил кораблю Йама. — И должен снова увидеть. Должен. Будет то, чему суждено быть, независимо от нашей воли.

Фантом корабля, маленькая девочка, захлопала в ладоши, когда Йама объяснил, чего он хочет. За ее спиной уходила в беззвездное небо стеклянная равнина с толпой призрачных статуй. Девочка сказала:

— Ты все еще нездоров, господин.

— Конечно, я нездоров, я никогда не буду здоров. Я слишком много видел. Слишком много сделал. Думаю, долгое время я был сумасшедшим, но не знал этого. — Йама снова почувствовал, как на него накатывает безумие, мысли ветвились, ветвились, остановить их было невозможно.

— Петля будет очень короткой, господин, я не могу гарантировать ее точность.

Йама начал смеяться, все сильнее и сильнее, и никак не мог остановиться; наконец он зажал себе рот. Этот истеричный смех пугал его. Смех рождался где-то в самой глубине, закипал, сотрясал все его тело. Кажется, он никогда не остановится. Потом Йама все же подавил истерику и сказал:

— Выполняй.

— Я сделаю все возможное, господин, — уязвленным тоном ответил корабль. Его построили с расчетом, что он будет гордиться сделанным.

— Доставь меня туда, кораблик, я знаю, у тебя получится. Будет то, чему суждено быть.

Ночь, лето, Око Хранителей смазанным отпечатком тускло светится в черном небе. Башня доктора Дисмаса торчит обожженными развалинами. Обуглившиеся обломки разбросаны вокруг выломанной двери. Приближается полночь, но в стенах города Эолиса горят все огни.

Из-за летней жары граждане Эолиса, амнаны, днем спят в своих прохладных бассейнах и ваннах, а на закате начинают работу. На улицах светят газоразрядные лампы, огни горят в каждом окне. Двери таверн, лавок, мастерских распахнуты настежь.

Толпы народа гуляли по дороге вдоль старой береговой линии, где раскинули полотняные палатки торговцы с сухих холмов ниже Эолиса и кричали продавцы жареных водорослей и орехов. На зигзагообразной лестнице стоял шарлатан-лекарь и на все лады расхваливал достоинства патентованного эликсира. В ворота как раз проходила партия верблюдов, когда на набереж-

ной, опираясь на посох, появился Йама в своем серебристом изорванном плаще.

Никто не обратил на него внимания. Скорее всего он был похож на странствующего монаха. Хотя Эолис был маленьким и бедным городом, его часто посещали паломники, потому что он считался одним из самых священных городов в Слиянии. Йама проложил путь через толпу крупных, плохо сложенных, оплывших людей, и никто не сказал ему ни слова и даже не взглянул в его сторону.

Стальная дверь склада, которым владел отец Дирив, была распахнута, но ее охранял человек с карабином. Он мрачно глянул на Йаму, когда тот шел к входу для членов семьи.

Слова, открывающие дверной замок, не изменились, но даже если бы изменились, Йама в мгновение ока заставил бы его открыться. Позвав Дирив по имени, он прошел через арку в маленький дворик, где в мозаичной чаше бил небольшой фонтан. Она не должна была там находиться. Он знал, что не должна, но она оказалась здесь! Вот она сбегает с винтовой лестницы, легкие светлые волосы нежным облаком взлетают над бледным лицом.

Она застыла на повороте лестницы чуть выше его головы. На ней была плотная шелковая кофточка цвета слоновой кости и длинная юбка из многослойного газа. Она спросила:

— Кто впустил тебя, господин? Не думаю, что сегодня вечером мой отец будет заниматься делами.

— Ты не узнаешь меня?

Большие темные глаза обшарили его заросшее лицо. Подумав, она сказала:

— Ты — отшельник, которому Йама спас жизнь. Зачем ты вернулся? Как ты вошел? Ты знаешь что-нибудь о Йаме? Он...

— Он здесь, Дирив.

— Здесь? Где? Он ранен? У тебя такое мрачное лицо, господин. Ох, не говори мне, что он погиб!

Йама рассмеялся.

— Любовь моя, я в два раза более живой, чем любой человек в мире.

Лицо Дирив вдруг изменилось. Она взлетела над перилами и упала в его объятия. Ее дикий взгляд, жар ее тела, руки — все в ней жаждало узнавания. Со стуком, забытый, упал посох. А они все не могли разжать объятий.

— Ты, — прошептала Дирив, оседая в его руках. — Я знала, что это ты, просто не разрешала себе поверить.

— Теперь ты можешь поверить, Дирив. У нас очень мало времени.

Она отстранилась от него, не выпуская его рук:

— Но ты ранен!

Йама сначала не понял, что она имеет в виду. Он позволил кораблю залечить все мелкие ссадины и царапины, полученные в драке с Лудом и Лобом. Потом он дотронулся до шрамов с левой стороны лица и сказал:

— Это старые раны.

— Я не про них, — ответила Дирив и вдруг закричала: — Йама, Йама!

Сначала она пыталась сама удержать его, но потом осторожно уложила на землю и отправилась за отцом.

Лишь к рассвету Йама настолько оправился, что смог рассказать часть своей истории. Его вымыли и надушили, бороду и волосы расчесали и подстригли. Теперь он был одет в чистую рубашку и штаны. Его накормили соленым говяжьим бульоном и сладкими жареными креветками. Он сидел с Дирив, ее отцом и матерью, Кареноном и Калев, в саду на крыше склада. Он рассказывал им, как сбежал от префекта Корина в Изе, как сел на корабль и отправился на войну в низовья, как его заразил доктор Дисмас и заставил воевать на стороне еретиков, как он полетел за край мира и вернулся вспять по времени через пространственную щель.

О многом он умолчал. Дружба с Пандарасом и смелой сумасбродкой Таморой, все их приключения в Изе и во Дворце Человеческой Памяти, чудо, которое ему позволили сотворить, уничтожение машины — хозяйки доктора Дисмаса в Стеклянной Пустыне, встреча с последними людьми его расы на космическом корабле — все это осталось за пределами повествования. Сейчас для этого не было времени.

— У нас нет времени, — сказал он. — Скоро Эолис подвергнется нападению. Я не знаю, когда именно, но к завтрашнему вечеру — точно.

Отец Дирив возразил:

— Полагаю, мы еще очень далеко от еретиков. Если бы нам угрожала их армия или флот, нас бы наверняка предупредили.

— На вас нападут не еретики, а военный корабль из Иза. Крейсер, которым командует человек, желающий мне зла.

— Надо это предотвратить! Прежде всего мы предупредим эдила. — Каренон встал. Высокий, стройный, в черном камзоле и брюках, он, казалось, сейчас взмахнет руками и улетит в небо. — Я немедленно отведу тебя в замок, Йамаманама.

— Нет, — ответил Йама, — ты этого не сделаешь.

Калев спросила:

— Сколько людей погибнет, Йамаманама, когда придет этот крейсер?

— Город будет разрушен. Многие спасутся на той стороне реки. Я не знаю, сколько людей туда не поедут.

Каренон с негодованием спросил:

— И ты допустишь, чтобы люди ничего не узнали?

Йама склонил голову. Все его мертвые! Тысячи, которых он убил под гипнозом доктора Дисмаса. Сам доктор Дисмас и префект Корин. Экипаж «Соболя». Солдаты, которые поймали его в Городе Мертвых, и их маг. Женщина-регулятор и последние люди его расы в далеком прошлом. Тамора. А через несколько дней его приемный отец умрет от стыда и горя, потому что не сумеет предотвратить сожжение Эолиса.

Дирив взяла его руку в свою и спросила:

— Неужели вы не видите, что, если бы он мог, он бы спас всех?

— Я так долго думал об этом, что почти сошел с ума, — с мукой в голосе сказал Йама. — Если бы я мог, то спас бы всех — и друзей и врагов. Но ведь неизвестно, сколько людей тогда умрет. И все те, кого я хочу спасти, могут все равно погибнуть...

Возникшее молчание нарушили далекие звуки колоколов: рыбачьи лодки входили в канал, ведущий к Новому причалу, где они пришвартуются и будут разгружать добычу. Близился рассвет. В городе закрывались окна и двери, люди готовились к длинному, жаркому праздному дню.

Наконец Каренон сказал:

— Я предупрежу хотя бы своих рабочих. Если я знаю, они тоже заслужили, чтобы им сообщили.

— Нет, — твердо ответил Йама. — У них здесь семьи. Они захотят взять их с собой, новость будет распространяться, покуда не узнает весь город. Эта цепочка не имеет конца. Сделай одно, и события будут ветвиться и ветвиться, пока ты не окажешься совсем не там, откуда начал. Нет. Будет то, чему суждено быть.

Каренон бросил на Йаму проницательный, обеспокоенный взгляд.

— Где ты это слышал?

— Он знает про Беатрис и Озрика, — пояснила Дирив.

— Я могу забрать вас отсюда, — обратился к Каренону Йама. — Вы можете отправиться со мной в прошлое. Потому что я ухожу именно туда.

— Думаю, и нам туда, — сказала Дирив.

Его любовь к ней вернулась со всею прежней неудержимой силой, и какой-то миг ему казалось, что он снова потеряет сознание.

Калев произнесла с мрачным удивлением:

— Значит, ты...

— Мы не знали, — поспешил перебить ее муж. — Думаю, это и к лучшему, что не знали, но это бы нам очень помогло. Я-то надеялся, что ты и Дирив составите пару, Йамаманама. И тогда, возможно, все обернется не так тяжело, как было предсказано. — Он засмеялся и добавил: — Ну не дурак ли?

— Отправляясь сюда, ты заранее знал, что здесь будет очень тяжело, — напомнила Калев. — Но ты все равно приехал.

Йама никогда не обращал особенного внимания на родителей Дирив. Они всегда держались с ним официально и сдержанно, тем не менее поощряли его свидания с Дирив. Он раньше думал, что это связано с его положением. Он был сыном высокопоставленного чиновника из Департамента Туземных Проблем, пусть даже и приемным. Над отцом Дирив насмехались, считая его амбициозным и высокомерным; в городе полагали, что он толкает дочь к супружеству, которое принесет ему новые выгоды и власть. Теперь Йама видел, что Каренон и Калев были обычными людьми, взвалившими на себя необычное бремя, они даже были готовы пожертвовать дочерью, чтобы помочь спасти мир.

Йама опять повторил:

— Я могу вас спасти. Я знаю, что вы покинете город до нападения. Я могу забрать вас в самое безопасное место на свете — в прошлое.

Каренон пробежал пальцами по листьям герани, цветущей по краю сада. В воздухе возник резкий сладкий запах. Его тонкие белые волосы шевельнулись от налетевшего с реки ветерка. Становилось теплее. Край неба посветлел.

Наконец Каренон сказал:

— Нет, мы останемся. То есть мы покинем город, но останемся в этом времени. У нас достаточно денег, кое-что мы захватим с собой. Может, до конца света успеем сколотить еще одно состояние. Сколько до него осталось?

Йама опустил голову. Он чувствовал стыд и страх, стоя попрежнему лицом к лицу со своим поражением.

— Я не знаю, — выдавил он.

Каренон возразил:

— Но ведь конец света наверняка уже развивается. Уровень Великой Реки постоянно падает, хотя эдил рассчитал, что она не пересохнет еще много лет. Если конец придет раньше, мы можем дожить и увидеть новые миры, которые нам были обещаны.

— Разве вы не понимаете? Все нужно сделать так, чтобы он мог снова здесь появиться! — воскликнула Дирив, а Йама спокойно добавил:

— И я ведь этого еще не выполнил.

— Но река мелеет, — вновь вмешалась Дирив, — а Беатрис говорит...

— Первая часть, — продолжал Йама, — поворот конца реки в будущее, оказалась легкой. Но я не смог осуществить вторую. Я думал, что вместо этого я сумею изменить ход вещей и найти новый путь...

Дирив улыбнулась:

— И уничтожить еретиков? Ты всегда мечтал с ними сражаться, Йама, особенно когда погиб Тельмон. Но если ты уничтожишь еретиков, то лишь поможешь делу Комитета Общественной Безопасности, а ведь ты не можешь допустить этого, правда?

Йама кивнул:

— Они убили моего отца.

Каренон вставил:

— Просто позор, когда ссылают столько верных Департаменту людей.

— Я имею в виду, что это будет в будущем. Город сожжет человек из Комитета Общественной Безопасности. А мой отец этого не переживет.

— Они будут хуже еретиков, — сказала Дирив.

— Такое уже случалось, — заметил Йама. — Тирания может победить всех своих врагов, но она неизбежно разрушает себя изнутри. Колесо поворачивается, и все начинается сначала.

— И ты именно этого хочешь? — спросила Дирив. — Чтобы мир вечно оставался неизменным?

— Нет. Да это и невозможно. Мне было позволено совершить чудо, Дирив. Расы аборигенов станут такими же, как мы. У них появится самосознание, и в конце концов они достигнут просвещения. Это уже немало. Если бы я смог сделать только это, я был бы доволен.

— Но ведь это не все.

— Нет, не все. Я собирался поговорить с мальчиком, своим более молодым «я». Рассказать ему все, и пусть он сам решает, что делать. Но потом я понял, что это означает просто переложить ношу на чужие плечи. А потому я свернул в сторону и пришел сюда.

— Я не могу решать за тебя, — сказала Дирив.

— Я и не прошу. Кроме того, я уже решил.

Каренон задумчиво произнес:

— Насколько я понимаю, если бы я все же надумал остановить тебя или попытался сообщить обо всем моим несчастным рабочим, у тебя нашлись бы возможности это предотвратить.

У него за спиной, за темными холмами огромного некрополя, первые лучи солнца коснулись пиков Краевых Гор.

Йама ответил:

— Я не стану вас принуждать, но надеюсь, вы поможете мне по доброй воле.

26. И ДО КОНЦА СВЕТА

Как-то в начале зимы леопард унес козу. Это была пегая козочка, которая за свою недолгую жизнь принесла шестерых прекрасных здоровых козлят, и только один из них оказался самцом. Зима обещала быть трудной. Дожди шли больше декады, потому-то Беатрис так долго не переводила коз с поросшего колючими кустами летнего пастбища на зимние делянки. И скорее всего эти же дожди выгнали леопарда с его обычных охотничьих угодий в хвойных лесах среди гор. У ручья на краю пастбища Беатрис обнаружила отпечатки его лап, но никаких следов козы, ни одной капельки крови. Она сообщила новость Озрику и добавила, что тут уж ничего не поделаешь, потом спросила:

— Почему ты плачешь, друг мой? Ведь это всего-навсего коза.

— Это знак.

Беатрис сняла мокрый плащ и повесила его на крючок у кухонной двери. Кончики ее белых пушистых волос промокли. Она намотала их на свои сильные, умелые руки и выжала воду прямо на каменный пол.

— Это знак, который показывает, что другим козам этой зимой достанется больше корма, а у нас весной будет меньше молока.

— Скоро это начнется. Он придет к нам...

Беатрис бросила на него острый взгляд.

— Мальчик.

— Да. Будущей весной.

— Значит, мы точно не увидим Дирив до тех пор. Она не захочет ехать из Эолиса к самому началу подземной дороги в такую погоду. А я тоже не рискну посылать голубей в ненастье. Но не беспокойся, у нас достаточно времени, чтобы объяснить ей, как надо действовать. Друг мой, что еще?

Озрик выглядел огорченным, взволнованным и ослабевшим. Казалось, в последние дни его разум постоянно цепляется за какую-нибудь незначительную мысль. Он вдруг замечал, что находится на вершине башни, в одном из маленьких садиков с каменными стенами, и не помнил, пришел ли он собрать овощи или полить грядки.

— Что я скажу ему, жена?

— Когда настанет время, ты вспомнишь. Иначе не может случиться. Будет то, чему суждено быть.

Озрик следил, как жена возится на кухне. Она развела огонь, за которым он забыл проследить, пока она под холодным дождем ходила навещать оставшихся коз. Ветер задувал в узкие окна. Хлопнула отошедшая ставня. Левая сторона лица заныла, как всегда бывало в холодную, сырую погоду. Но им здесь

хорошо, на зиму приготовлено множество консервированных овощей, мешки сухих бобов, дикого риса, выменянного у местных горцев на сыр из козьего молока. Они будут спать в нишах по обе стороны очага. А весной...

Озрик снова начал плакать, всхлипывая от горя. Он слишком слаб, слишком стар и растерян. Он уже старше, чем Брин, а Брин считал себя очень старым. Он спит теперь больше половины суток и не может работать дольше часа, а потом ему приходится отдыхать не менее двух часов. Он не может в точности припомнить, что должно случиться, но знает, что это очень важно, и он обязан вспомнить каждую мелочь. Он должен сказать мальчику достаточно, но все же не слишком много.

Беатрис заметила, что муж расстроился, и приготовила ему чай из ромашки. Она улыбнулась:

— Ну, сказал лис, в первый раз увидев виноград, что будем с ним делать?

— Я думаю, мне надо попытаться все вспомнить. Я перескажу еще раз эту историю. Я буду говорить, а ты, жена, записывай.

— Как я понимаю, это более важно, чем полсотни дел, которые мне надо переделать до того, как зима начнется по-настоящему.

— Это важнее всего на свете.

Размышляя об этом, Беатрис грела у огня руки. Наконец она сказала:

— Мы будем заниматься этим понемногу. Час или два в день. Мы уже старые, муж мой. Нам не следует переутомляться.

Озрик погладил ее длинные белые волосы. Она потянулась к его руке, как кошка. Он сказал:

— Мне надо обязательно дожить до весны.

— Надеюсь, что дольше. Ну, с чего мы начнем?

Озрик глубоко задумался, потом сказал:

— Я думаю, лучше всего начать с момента, когда доктор Дисмас вернулся в Эолис из Иза. Тогда все началось по-настоящему. Но вообще-то можно выбрать любое место. Это же замкнутый круг, как река.

— Как река раньше, теперь не так. В последние... ах, я все время путаюсь с концами и началами этой истории.

— В том-то и дело, не имеет значения, где она начинается и где кончается.

— Разумеется, имеет. Начала так же важны, как и концы. И наоборот. Нам действительно нужно все это записать, а то мы начнем в конце или где-нибудь в середине и никогда не разберемся что к чему.

— А может, начать надо как раз в середине. Большинство людей начали бы с младенца и мертвой женщины в

белой лодке на Великой Реке. Но я считаю, начинать надо с козы и с того, как мальчик сюда попал.

— Вижу, мне прямо сейчас надо браться за перо и бумагу, — заметила Беатрис. — Пока я ищу их, подумай, что ты хочешь написать.

Почти вся зима ушла на то, чтобы записать эту историю. Наконец они добрались до места, когда Йама вернулся домой в последний раз. И когда началась их собственная история, общая история мужа и жены.

— Ты помнишь, — ласково спросила Беатрис, — помнишь, как был возмущен отец Квин, когда мы ворвались к нему на рассвете, разбудили его и Ананду и потребовали, чтобы нас тут же обвенчали.

Озрик улыбнулся.

— Ананда знал. Он сразу догадался, кто я такой.

Каренон заявил отцу Квину, что, если потребуется, он готов применить оружие, но свадьба должна состояться. Однако отец Квин заверил его, что в таких крайностях нет нужды. И все это время молодой служка, Ананда, не сводил с Йамы глаз, а потом больше не смог сдерживать свое любопытство и, не переводя дыхания, разразился целым потоком вопросов.

— Почему ты вернулся? Ты был в Изе? Что там случилось? Ты что, убежал от префекта Корина? Это он искалечил тебе лицо?

И так далее, и так далее, пока Йама не расхохотался.

— Я вернулся, потому что случилось нечто чудесное и ужасное одновременно, — объяснил он. — Скоро ты все поймешь, Ананда. Хотел бы я тебе все рассказать, но нет времени.

— Но ведь ты и правда уходил в Из.

— Да, да, уходил. И после множества приключений вернулся, но только тайно и на чуть-чуть. Эдил не должен знать. Никто не должен знать, кроме тех, кто находится в этой комнате.

Ананда улыбнулся:

— Как я рад снова тебя повидать!

Отец Квин прочистил горло, и Ананда проглотил следующий вопрос.

— Принеси-ка лучше масло, — приказал священник своему служке.

Все прошло очень быстро — в конце концов, это был всего лишь смешанный брак, так что церемония представляла собой скорее благословение, чем службу. Потом отец Квин открыл глиняный кувшин с вином, и пока они сидели за кухонным столом в доме священника, Ананде удалось выудить у Йамы еще кое-какие подробности его приключений. Он считал, что Йама прибыл прямо из Иза, и Йама его не разубеждал — времени не было.

— Я больше тебя не увижу, — проговорил наконец Ананда после слегка затянувшейся неловкой паузы.

— Думаю, это не так. Ты ведь останешься в храме.

Йама имел в виду, что, когда явится префект Корин, Ананду и отца Квина поместят под домашний арест. Храм принадлежит Департаменту, и он останется, когда Эолис будет сметен с лица земли. Но ничего этого Йама не мог рассказать Ананде.

— Конечно, — безмятежно ответил Ананда, — и стану священником после Квина. — Он искоса посмотрел на жреца, который беседовал с Дирив и ее родителями. Ананда наклонился поближе к Йаме и зашептал: — Похоже, этот высохший кол меня переживет. Я до ста лет буду подметать наос и надраивать оракул, а вы с Дирив отправитесь тем временем искать приключений. Уж ты-то наверняка.

— Мы будем жить вместе, — возразил Йама. — У нас будет маленький садик, козы, голуби. Но, думаю, не сразу. Я рад, что мы снова встретились, Ананда. Мне не понравилось, как мы расставались.

— Просто я раньше никогда не присутствовал на казни, — вспомнил Ананда. — Меня потом вырвало. Отец Квин просто взбесился от злости. Из-за того, что мне стало плохо, и потому что он узнал, что я нарушил пост.

— Фисташки, — рассмеялся Йама, вспомнив тот день.

Ананда ухмыльнулся:

— С тех пор я их не ем. Однако выпей еще вина.

— Наверное, уже время сказать благодарственную молитву, — возразил Йама. Он отвел Дирив в сторону и велел ей прощаться с родителями.

Потом как муж и жена они подошли к оракулу, где Йама ребенком так часто помогал эдилу выполнять длинные и бессмысленные ритуалы, входившие в его обязанности официального лица. К тому самому оракулу, где фантом Анжелы впервые отыскал Йаму, чем страшно напугал эдила, и тот безнадежно сломал механизм оракула.

Но он все еще действовал как пространственная щель. Йама и Дирив вошли внутрь и оказались далеко-далеко, в круглой камере, висящей над огромным залом глубоко в килевых породах мира. В длину зал был в сотни лиг. На полу его громоздились машины величиной в целые города. По стенам похожей на пузырь камеры вспыхнул свет. Открылись освещенные окна. Некоторые выходили в такие же залы во всех частях мира.

Из пустоты возник голос, приветствующий Йаму. Он спросил, что Йаме будет угодно сделать.

Так был сделан первый шаг к концу света.

Потом Йама вызвал корабль, и он провез их по временной петле, в которой сорок лет сжались в несколько дней, и они смогли увидеть конец света, а затем через пространствен-

ную щель нырнуть в далекое прошлое. Они появились в пространстве вблизи одной из звезд, о которых говорил Страж Ворот, когда Йама впервые вернулся в Слияние. Когда Хранители покинули галактику, эта звезда переместилась ближе к Слиянию.

Одна из планет этой звездной системы была преобразована. Теперь она очень напоминала тот мир, послуживший колыбелью расе, которая за миллионы лет изменила орбиты всех звезд в галактике и в конце концов превратилась в Хранителей. Корабль сообщил, что таких планет много. Вполне вероятно, что одна из них может быть истинной, первичной, древней Землей, на поиски которой отправился из Слияния экипаж Анжелы после ее смерти. Но Йама и Дирив удовлетворились обследованием этой планеты. Потом они вернулись в Слияние за пятьдесят лет до того дня, когда Йама пустил по водам Великой Реки самого себя в младенческом возрасте.

Они нашли башню в дальнем краю Города Мертвых у подножия Краевых Гор. Она была заброшена и непригодна для жизни, ее восстановление потребовало много времени. Потом они отыскали дедушку и бабушку Дирив в небольшом городке на несколько сотен лиг ниже Эолиса. Они взяли себе новые имена из древней поэмы, которую очень любила Дирив. Ее бабушка и дедушка отказались взвалить на себя бремя служения Департаменту Кураторов Города Мертвых. Еще их родители прервали семейную традицию, потому что в этом служении больше не было нужды, и они не желали верить, что сейчас она вновь возникла. Однако у них был сын, честолюбивый и беспокойный молодой человек, и он помнил историю, которую Беатрис и Озрик рассказали его родителям. Более чем через двадцать лет после их смерти он отправил послание новым кураторам Города Мертвых, сообщая, что он согласен переехать в Эолис, если они помогут ему наладить там торговлю.

— А через несколько лет он женился, а еще через несколько лет родилась я, — рассказывала Беатрис. — Если ты не хочешь добавить еще эпизод с козой, то, я полагаю, мы закончили, ведь с тех пор с нами ничего не случалось.

— Может быть, мне стоит подробнее рассказать про конец нашего мира? — спросил Озрик.

— Он уже скоро наступит, и о нем сложат достаточно легенд. По крайней мере по одной на каждый мир, куда прилетят корабли. — Беатрис отложила листок бумаги, подошла к окну, приоткрыла ставню и выглянула наружу. — Дождь все идет, но, похоже, он скоро кончится. Какая длинная, холодная и сырая зима! К счастью, мы нашли, чем ее заполнить, правда, муженек?

— Наша история не очень хороша для слушателя. Слишком много повторений, слишком много места посвящено приключениям, которые могли быть с кем угодно. Много отступлений, которые ничего не проясняют.

— В жизни всегда так. Слишком быстро, и концы с концами не сходятся.

— Я часто думаю про людей Древней Расы. Найдут они когда-нибудь Старую Землю? И что случилось с несчастным Дрином, комиссаром Сенша, который отправился с ними?

— Земля не одна, их много, — ответила Беатрис. — Не сомневаюсь, они найдут планету по своему вкусу. Но ведь там уже могут жить люди. Не забывай, люди Древней Расы прошли долгий путь, и они все еще в дороге. Они не остановятся по крайней мере еще сто пятьдесят тысяч лет. Все остальные будут путешествовать через пространственные щели. Потомки Древней Расы рассеются по всей галактике задолго до их прибытия.

— Да, — согласился Озрик. — Хранители оставили галактику, а потом и Вселенную, но ее унаследуют десять тысяч рас. Для всех найдется место, даже для еретиков. Могут быть еще войны, более ужасные, чем та, которую я пытался прекратить, но я не думаю, что еретики продержатся долго. Их философия уже терпела поражения, так будет и на сей раз.

— А туземные расы? Не забудь и о них. Ты всегда говорил, будто с ними связана надежда, что все со временем будет по-другому.

— Они другие. Они не отмечены Хранителями. Иногда я думаю, что Хранители именно этого и хотели. Мы — слуги Хранителей, но, возможно, туземные расы — их истинные наследники. Может быть, они еще одержат триумф над теми, от кого ушли Хранители. Но кто знает? Вдруг в них воплощается некий таинственный план, и они станут для Хранителей возмездием?

— Нам не дано понять, чего хотели Хранители, — ответила Беатрис.

— Но размышлять об этом мы можем. Меня также интересует, что происходит с просветленными расами. С теми, кто проникся такой святостью, что ушел из этого мира. Может, они нашли путь за горизонт Ока Хранителей и последовали за Хранителями в новую Вселенную... Мы не исследовали все возможности оракула.

— Скорее всего они стали настолько святыми, что просто вымерли, как народ Гонда. Но какой смысл думать о том, чего мы не можем знать? Мы не можем узнать о судьбе Хранителей, потому что они полностью оставили нашу Вселенную и теперь от них не доходит даже свет. Ты напрасно тратишь свою жизнь, размышляя над вопросами, у которых нет ответов, потому что у них могут быть любые ответы.

— А еще призрачный корабль! — упрямо продолжал Озрик. — Я-то думал, что мальчика спасу я, когда он будет прятаться от Энобарбуса и доктора Дисмаса. Что это я создам иллюзию призрачного корабля, который не позволит им преследо-

вать мальчишку, когда тот прыгнет за борт. Но я об этом забыл. Я отправился прямиком к тебе. Вдруг мальчику не удастся сбежать от Энобарбуса и доктора Дисмаса, жена, и он не сможет прийти к нам? Тогда возникнет другая временная линия.

Беатрис надевала желтый дождевик.

— В каждой истории должна быть тайна, муж мой, — сказала она. — Никому не нравятся истории, в которых все до конца ясно. Например, как ты можешь объяснить, почему люди поступают так, а не иначе? Ладно, пойду проведаю коз. Ты тут последишь за очагом?

— Конечно, — сказал Озрик, и она ушла.

Но он продолжал думать о призрачном корабле. О том, как тот превратился в туманный сгусток и скрыл его от пинассы Энобарбуса, с которой сбежал Йама. Разумеется, призрачный корабль был иллюзией, наведенной какой-то машиной. Он сам видел, как из тумана вылетела машина. Но кто управлял машиной? Вероятно, это было его первое чудо, а он просто не понял. А возможно, машина, которой он думал, что управляет, работала совсем на другую силу. Силу, имевшую собственный план, и он, Йама, был только его деталью. Однако не стоит такое выдумывать. Если возможно что-то, то все возможно... нет, не так. Будет то, чему суждено быть. Он сделал это своим девизом, когда решил найти Дирив и завершить свою роль в этой истории, толкнув мир к предназначенному ему концу.

Озрик стал вспоминать, как это произойдет. Они отправились туда, когда он разбудил гигантские машины в киле мира. Их корабль завис над вытянутым полотном мира, и они смотрели, как разваливается Слияние. В самом начале своих приключений Йама видел картину с портретом человека его расы во времена строительства Слияния. (Кстати, надо будет найти эту картину, подумал Озрик.) За спиной сородича на фоне звездного неба Йама увидел сотни сияющих осколков, но тогда он не понял, что это элементы конструкции мира — гигантские корабли, которые Строители соединили в первом акте творения.

Он обратил этот процесс вспять. Он спас мир и его народы, разрушив этот самый мир. Великая Река иссохла, грандиозные машины в киле мира проснулись от бесконечного сна и медленно восстанавливали свои функции. На это потребовалось сорок лет. Потом проснулись оракулы и предупредили людей о грядущих событиях, объяснив им, где нужно искать спасения. И меньше чем через год мир разделился на свои первоначальные составляющие. Эти секции понеслись в разных направлениях к расширившимся пространственным щелям. В пустой черноте пространства расцвело целое поле голубых колец, а в свете одинокой звезды сверкало облако сияющих обломков.

Сколько людей погибло в последние дни Слияния? Когда река совсем пересохла, разразился чудовищный голод. Землетрясения сметали целые города. Наверняка погибли все еретики, ведь в захваченных городах они заставили умолкнуть все оракулы и потому не получили предупреждения о конце мира. Но погибло и много других людей, будут и еще жертвы, когда гигантские корабли достигнут целей и начнется новое заселение галактики.

Но многие выживут, будут процветать и множиться.

Он чуть-чуть вздремнул, потом очнулся и вспомнил, что после прихода мальчика им надо будет позаботиться о Пандарасе. Мальчик найдет Пандараса в Изе (или Пандарас найдет мальчика?), возьмет его с собой, и собственная история Пандараса начнется, когда история мальчика подойдет к концу. Пандарасу было поручено преобразить все туземные расы, но он все же будет продолжать искать своего господина, вернется наконец в Из, город, который он больше всего любит и лучше всего знает. Они найдут его по керамическому диску и расскажут, чем завершилась история его господина. Надо не забыть рассказать Беатрис, подумал Озрик и снова задремал.

Дверь распахнулась. Стряхивая с волос капли дождя, вошла Беатрис. Озрик пошевелился.

— Посмотри, что я нашла, — сказала она.

Фиалки. Беатрис нашла вазу и поставила цветы. Их сладкий аромат постепенно заполнил кухню, обещая скорое окончание зимы и приход весны.

Скоро все закончится, и они смогут уйти. Они найдут Пандараса, вызовут свой корабль и отчалят в последний раз. Куда они отправятся? В далекое прошлое или далекое будущее? Все времена лежат перед ними словно открытая книга. Ее можно открыть на любой странице.

Ему надо это тщательно обдумать. Весна еще только начинается, но скоро Дирив найдет мальчика в древней гробнице Умолкнувшего Квартала Города Мертвых и приведет его сюда. История начнется сначала, и ее начало будет ее концом.

СОДЕРЖАНИЕ

Дитя реки 5

Корабль Древних 257

Звездный Оракул 551

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к.1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «XL», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Макоули Пол

Дитя реки
Корабль Древних
Звездный Оракул

Фантастические романы

Редакторы Е.А. Барзова, Г.Г. Мурадян («Дитя реки»)
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Компьютерная верстка: С.Б. Клещёв
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ФГУП
«Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Захватывающая трилогия звезды британской фантастики Пола Макоули — «Дитя реки», «Корабль Древних», «Звездный Оракул».

Трилогия Слияния...

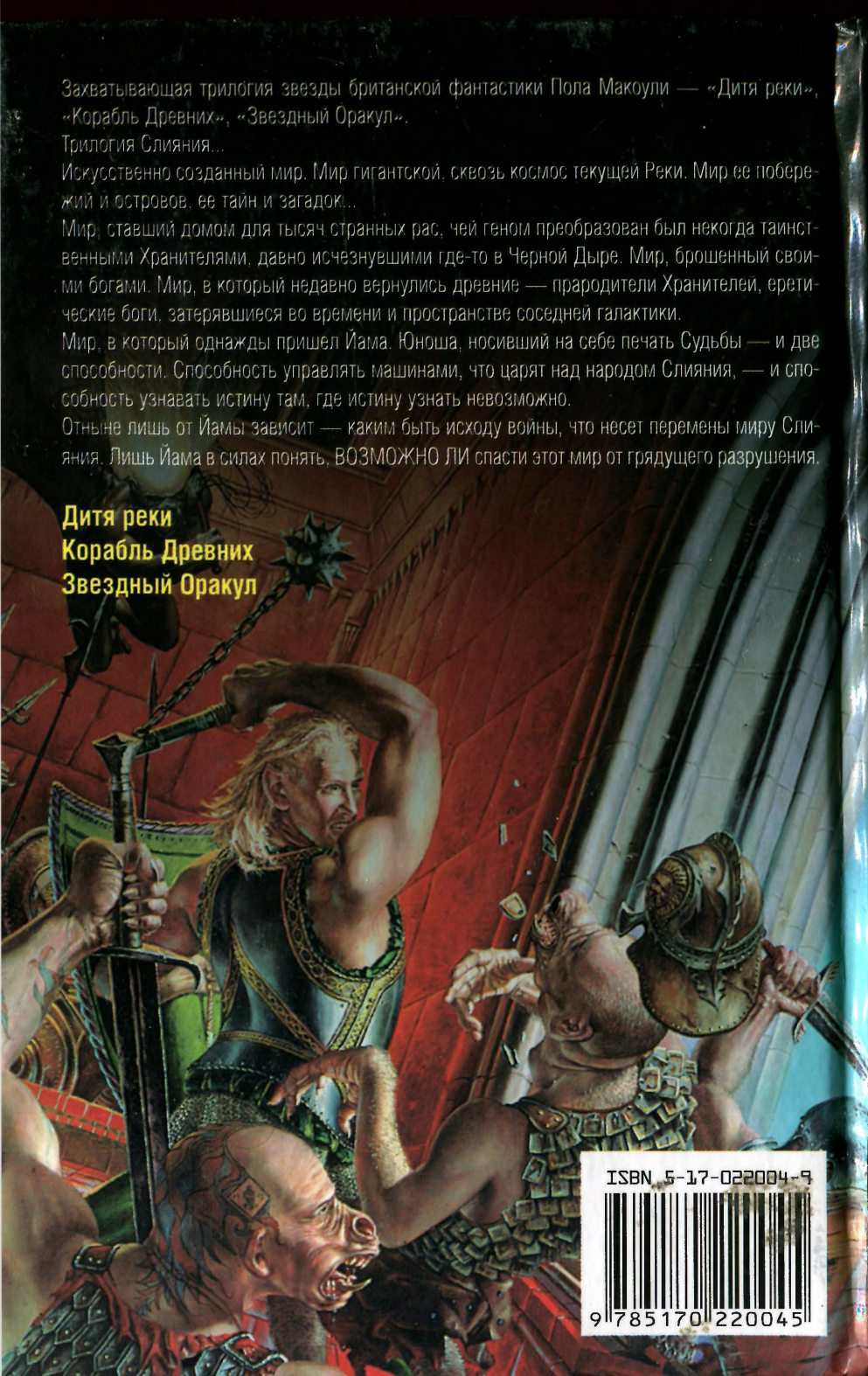
Искусственно созданный мир. Мир гигантской, сквозь космос текущей Реки. Мир ее побережий и островов, ее тайн и загадок...

Мир, ставший домом для тысяч странных рас, чей геном преобразован был некогда таинственными Хранителями, давно исчезнувшими где-то в Черной Дыре. Мир, брошенный своими богами. Мир, в который недавно вернулись древние — прародители Хранителей, еретические боги, затерявшиеся во времени и пространстве соседней галактики.

Мир, в который однажды пришел Йама. Юноша, носивший на себе печать Судьбы — и две способности. Способность управлять машинами, что царят над народом Слияния, — и способность узнавать истину там, где истину узнать невозможно.

Отныне лишь от Йамы зависит — каким быть исходу войны, что несет перемены миру Слияния. Лишь Йама в силах понять, ВОЗМОЖНО ЛИ спасти этот мир от грядущего разрушения.

Дитя реки
Корабль Древних
Звездный Оракул



ISBN 5-17-022004-9

9 785170 220045